

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slav 379.55

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

0
P Slav 379.5

8

**ИСТОРИЧЕСКАЯ
И ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ**

**УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.**

1880.

№ 1. Январь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Ф. СУШИНСКАГО.
Екатерининскій каналъ, 160.

1880

7034
85-8

СОДЕРЖАНІЕ № 1.

- 1 Царская невеста.
- 2 Казнь атамана Стрѣлецкаго
и письма царичи Евдокии Федоровны Донуховой.
- 3 Мармонтъ.
- 4 Сто-пятьдесятъ лѣтъ изъ исторіи Англіи.
- 5 Мигуэль Сервантесъ де-Сааведра.
- 6 Аттика во время Солона.
- 7 Библиографическій указатель.
- 8 Объявленія.

**ИСТОРИЧЕСКАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ.

1880.

№ 1. Январь.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Ф. СУЩИНСКАГО.

Екатерининский каналъ 168.

1880

Δ
Rslav 379-55 (1880, no. 1-3)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1 Царская невѣста, ч. I. Ист. пов. Шелитиной . . .	1—60
2 Петровскія былинны: Казнь атамана Стрѣлецкаго . . . и пѣсни царицы Евдокии Федоровны Лопухиной В. Ам- харлуца	1—3 1—3
3 Мармонъ. Разсказъ К. де-Вариньи	1—42
4 Сто-пятьдесять лѣтъ изъ исторіи Англии—Чарльса Дик- кенса, пер. Ю. Д.	1—17
5 Мигуэль Сервантесъ де-Сааведра п. проф. Селина . . .	1—21
6 Атика во время Солона—Думиера	1—42
7 Библиографическій указатель	1—12
8 Объявленія	

Въ Редакціи имѣется небольшое количество экзем-
пляровъ «Исторической Библіотеки» изданія 1878 года.
Цѣна годовому изданію 6 руб. 50 к. съ пересылкою 8
рублей. Для подписчиковъ же 1879 года—7 руб. съ
пересылкой, и 6 руб. безъ пересылки.

Дозволено цензурой. С.-Петербургъ, 18 Декабря 1879 г.

ЦАРСКАЯ НЕВѢСТА.

Историческая повѣсть

(1613—1624 г.).

Часть I-я.

ГЛАВА I-я.

Ипатьевскій монастырь.

Въ костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ заблаговѣстили къ обѣднѣ. Старицы, инокини и бѣлицы, выходя изъ келій, направлялись къ храму. Скоро вся площадка между келіями и церковью запестрѣла черными расками, рѣзко отдѣляясь на бѣломъ фонѣ кругомъ лежавшихъ сугробовъ снѣга, расчищеннаго съ площадки и наваленнаго къ монастырской оградѣ.

Изъ-за угла небольшой келійки вышла инокиня, среднихъ лѣтъ, высокая и статная, съ умнымъ и еще очень красивымъ лицомъ; возлѣ нея шель юноша, лѣтъ 16, одѣтый въ черный бархатный охабень и въ мѣховой шапкѣ, изъ-подъ которой выбивались кудрявые, темно-русые волосы, обрамливая прекрасное лицо, съ большими карими глазами. Наружность этого юноши состав-

ляла крайнюю противоположность съ печальною аскетическою обстановкой окружавшихъ его личностей и предметовъ. Глаза его свѣтились весельемъ, а свѣжія, алыя губы, какъ-бы нечаянно, складывались въ добродушную улыбку; его стройный, тонкій станъ не могъ приравнять свою походку къ медленной поступи монахинь; онъ все забѣгалъ впередъ и, оглядываясь, поджидалъ шедшую за нимъ инокиню. Видно было, что ему хотѣлось скользнуть по обледенѣлымъ тропамъ, полюбоваться на розовую зарю, — предвѣстницу солнечнаго восхода, прислушаться къ щебетанью воробьевъ, заглушавшихъ отдаленную пѣсню жаворонка, который гдѣ-то за оградой, на просторѣ, встрѣчалъ зарю и раннюю весну, не стѣсняемый ни чужой волей, ни строгими уставами людскихъ приговоровъ.

День обѣщаль быть теплымъ; солнце вставало на безоблачномъ небѣ; хотя въ воздухѣ еще слышалось присутствіе снѣга, но чувствовалось и дыханіе мартовскаго южнаго вѣтра, который такъ съѣдаетъ ледяную вору на застывшихъ въ ночь проталинахъ, такъ румянитъ поблѣвшія зимою щеки и такъ сладко навѣваетъ чудныя грезы юности, представляя воображенію, съвозъ радужную пелену, неясныя, заманчивыя картины любви.

— Полно тебѣ, Миша, дружокъ!.. Что это ты все впередъ шагаешь, да вертишься, да ухмыляешься!.. Не въ пору рѣзвость, да смѣшки, когда благовѣсть къ молитвѣ призываетъ!.. Журила его инокиня, хотъ и ласково, но съ какой-то затаенной грустью въ тонѣ голоса, «ты знаешь, родной мой, что мать-игуменя не жалуетъ веселья; не разъ сѣтовала она, что ты съ своей другиней, Марьей, да съ моею, Орьбой-сиротинкой, беспокоите ее своими дѣтскими играми, когда еще въ прошлымъ лѣтомъ, по вечерамъ, за оградой рѣзвились!.. Охъ! горько мнѣ ея укору выслушивать!.. Правда, ноне ослабли на меня гоненія, не то, что было при Царѣ-Борисѣ, а все же я здѣсь раба смиренная и беззащитная!.. Не токмо

мать-игуменья, а и простая послушница может меня обидѣть»...

Юнопа, привыкшій къ жалобамъ своей матери, разсѣянно слушалъ тѣ-же рѣчи, которыя повторялись ежедневно. Онъ зорко слѣдилъ глазами за выходящими изъ келій женщинами, словно кого-то поджидая. Вдругъ, не дослушавъ послѣднихъ словъ инокини, онъ отошелъ отъ нея, на встрѣчу къ двумъ женскимъ личностямъ—одной старой, другой очень молодой—одѣтымъ не по монашескому уставу. Инокиня остановилась и пробормотала: «Опять вотъ Марья съ бабкой своей прѣехали»!..

Между тѣмъ, молодой человекъ, снявъ шапку, почти тельно поклонился старой боярынь, которая ласково сказала ему: «здравствуй, ясный соколъ, Михайло Θεодорычъ! Какъ васъ Господь Богъ милуетъ съ матушкой Марьей Ивановной?..»

— По милости Господней, живы и здоровы. Какъ-то тебя, боярыня Θεодора Семеновна, Господь милуетъ?.. по обычной формѣ, отвѣчалъ онъ.

— Спасибо, родной! Господь не безъ милости, грѣхамъ нашимъ терпитъ!... Марьюшка!.. Подсоби-ка мнѣ пройти ледомъ-то, скользко, не посользнуться-бы мнѣ на старости, обратилась боярыня къ прелестной дѣвушкѣ, лѣтъ 14, шедшей съ ней. Марья взяла боярыню подъ руку, а Михайлъ Θεодоровичъ съ другой стороны поддерживалъ ее локоть.

— Ну, спасибо, спасибо, дѣтки! говорила боярыня, бережно переступая по застывшей лужѣ, передъ церковной папертью. Тутъ она встрѣтилась съ Марфой Ивановной, которая ей низко поклонилась и спросила о здоровьѣ. Θεодора Семеновна также поклонилась инокинь и облобызала ее, а боярышня Марья поцѣловала руку инокини. Всѣ эти формальности строго соблюдались у нашихъ предковъ и неисполненіе ихъ считалось ужаснѣйшимъ оскорбленіемъ. Пока старая боярыня разговаривала съ матерью Михайла, онъ подошелъ къ Марьѣ и тихо сказалъ:

— Свѣтъ Марья Ивановна! хорошо-ли ты спала — ночевала въ нашей монастырской оградѣ? Давно не видалъ я тебя и соскучился про твои ясныя очи... Марья заалѣла, какъ маковъ цвѣтъ и съ радостной улыбкой отвѣчала: «Стосковалась и я, бояринъ, по монастырской келійкѣ: насилу дождалась къ вамъ ѣхать. Не мило мнѣ житье въ вотчинѣ у бабушки Θεодоры Семеновны; кабы воля моя была, пошла-бъ я въ послушницы»...

— Не для иночества, боярышня, ты такая красавица уродилась... тебѣ-бы царицей быть... говорилъ Михаилъ.

— Оборони Господи!... возразила Марья. «Тяжелъ царскій вѣнецъ... много ноне царей да царицъ лютой смертію почили... времена на Москвѣ не тѣ, что-бъ этой почести желать»...

Михаилъ Θεодоровичъ вздохнулъ и его веселые глаза слегка затуманились.

— Правда, радость моя, Марья Ивановна: престоль да вѣнецъ въ ину пору тяжелое бремя.. Ну, да оставимъ эти печальныя рѣчи... Скажи-ка лучше—на долго-ль къ намъ пожаловала?

— Не знаю вѣрно... а полагаю, что погостимъ: бабушка говѣтъ хочетъ, а коли помѣшки никакой не случится, такъ проживемъ и до Святой.

На этомъ разговоръ боярышня съ молодымъ человекомъ оборвался. Боярышня съ инокиней вошли въ храмъ, гдѣ Θεодора Семеновна со внучкой стали возлѣ игуменя, а Марфа Ивановна съ сыномъ въ темномъ углу сзади.

Обѣдня шла медленно: старикъ-протопопъ служилъ съ роздыхомъ; старицы-инокини читали съ записками и клиросныя пѣли протяжно, особеннымъ, заунывнымъ напѣвомъ, хватавшимъ за душу и наполнявшимъ ее безотраднымъ чувствомъ.

Нѣсколько разъ красавица Марья оглядывалась и быстрый взглядъ ея голубыхъ глазъ ловилъ пристальный, устремленный на нее, взоръ карихъ глазъ Михаила.

Игуменя, старуха съ неприятнымъ, суровымъ лицомъ, замѣтила, что Марья молится не усердно и во время Апо-

стола спросила шепотомъ свою келейную бѣлицу, Аграфену, на кого-де боярышня все оглядывается. Послѣ отвѣта келейницы, игуменья сердито сдвинула свои густыя, сѣдыя брови и неприязненно глянула въ уголокъ, гдѣ инокиня Марфа стояла смиренно и молилась усердно.

Когда обѣдня отошла и инокини, по двѣ въ рядъ, стали подходить и земно кланяться игуменѣ, Аграфена тихо сказала Марфѣ Ивановнѣ:

— Матушка велѣла тебѣ придти къ ней послѣ трапезы. Эти слова были сказаны сухимъ, не ласковымъ тономъ; Аграфена была злая, ехидная дѣвка, отъ которой весь монастырскій штатъ терпѣлъ много обидъ и неприятностей.

Марфа Ивановна слегка покраснѣла, но безъ возраженія поклонилась и отошла. Ея безпокойство и смущеніе не укрылось отъ сына.

— Что ты, матушка? Не занемогла-ли? спросилъ онъ.

— Мать-игуменья зоветъ... не было-бы какихъ рѣчей обидныхъ... не Аграфена-ли наябедничала? отвѣчала она.

Выходя изъ церкви, Михаилъ Θεодоровичъ успѣлъ перемолвиться съ Марьей: уже послѣ трапезы, ты-бы вышла погулять за ограду съ Орькой, я пришлю ее къ вамъ въ келію... Марья кивнула въ знакъ согласія и пошла за бабушкой въ игуменскую келію, гдѣ боярыня Θεодора Семеновна Желябужская всегда была желанной гостьей, за свое усердіе къ обителямъ и за щедрые вклады; она часто гащивала въ монастырѣ и обыкновенно привозила съ собой любимицу-внучку, Марью Ивановну Хлопову, первую красавицу не только въ Костромѣ, но и въ стольномъ градѣ Москвѣ.

Въ монастырѣ она ежедневно встрѣчалась съ благоправнымъ и благолѣпнымъ юношей Михаиломъ.

Заменутая жизнь дѣвичьихъ теремовъ не позволяла боярышнѣ Хлоповой пользоваться общественными удовольствіями, или бесѣдовать съ молодыми людьми.

Всѣ мужчины, которыхъ она видала въ домѣ своей бабушки Желябужской, были или близкіе родственники или

старые друзья, да духовные отцы. Что-же касается до дворовыхъ мужичинъ и вѣрнопостныхъ холопій, то они хоть и существа словесныя, образомъ схожія съ боярами, но, по понятіямъ тогдашняго боярства, не многимъ возвышались передъ домашнимъ скотомъ; тогда вѣдь случались такіе факты, какъ мѣна жеребца или речета на нѣсколько десятковъ мужиковъ, женовъ и дѣвоу.

Вслѣдствіе исключительнаго положенія, бросившаго Михаила, помимо его воли, въ женскую среду велейнаго затворничества, воротыя отношенія къ нему не могли не произвести сильнаго впечатлѣнія на воспримчивую душу молодой дѣвушки.

Даже несчастія и злыя преслѣдованія, претерпѣваемыя Михаиломъ отъ враговъ его семьи, располагали къ нему симпатіи окружавшихъ его женщинъ; всѣ онѣ, исключая брюзгливыхъ старицъ, любили юношу, а многія молоденькія бѣлицы даже слишкомъ заглядывались на молодцевую красоту его. Особенно-же игуменьина келейница, Аграфена, занесивала въ его расположеніи; но въ ней было столько отталкивающаго ехидства, про нее ходили въ оградѣ такіе недобрые слухи, что Михаилъ не могъ оказывать ей дружественныхъ чувствъ; жестоко оскорбленная его холодностью, Аграфена возненавидѣла инокиню Марфу, ея велейную сиротинку-Орѣу, а главное боярышню Марью, къ которой она ревновала красавца Михаила. Все, что могла злое и дурного, Аграфена съ готовностью приподносила бѣдной Марьѣ Ивановнѣ. Ея ежедневныя наущичанья, гадіе сплетни и пересуды вооружили игуменью противъ затворницы, надъ которой тяготѣла жестокая рука сильнаго недруга, даже послѣ своей смерти, какъ-будто наложившаго печать отверженія на своихъ неповинныхъ жертвъ. Какъ только окончилась трапеза, Марфа Ивановна, съ тоскливымъ настроеніемъ, новиновалась приказанію велейницы Аграфены и пошла въ игуменьину келью. Михаилъ тотчасъ позвалъ сиротинку-Орѣу и просилъ ее идти за Марьей Ивановной.

— Выпроситесь погулять за ограду, а я выйду въ заднюю калитку, сказалъ юнона.

Орья навинула черный платокъ, да тѣлогрѣю и побѣжала къ свѣтлой, просторной келин, гдѣ останавливались боярыни, прѣзжавшія гостить въ монастырь. Марья стояла на крылечкѣ, нетерпѣливо поджидая сиротинку.

— Голубка моя!... Свѣтигъ Марьюшка! привѣтствовала Орья, цѣлуя Марью.

— Добрая ты, моя Оринушка... радешенька я съ тобой повидаться... пойдѣмъ-ка къ бабушкѣ, она опочивать собирается, а мы отпросимся погулять, и, увлекая сиротинку, боярышня ввела ее въ горницу, гдѣ на мягкой постелѣ лежала старая боярыня Теодора Желябужская. Она начала ужъ дремать, когда внучка тихонько подошла и, цѣлуя руку бабушки, ласково спросила: родимая! не желательнo-ль тебѣ трапезнаго кваску испить?

— Вотъ спасибо, дорогая моя! послѣ соленыхъ груздей такъ и горитъ подъ сердцемъ... и боярыня, взявъ кружку съ квасомъ, отпила до половины.

— Поставь тутъ возлѣ меня кружку-то; да сидите съ Орькой смирененько, не мѣшайте мнѣ соснуть, сказала Желябужская, повертываясь къ стѣнѣ.

— Ты-бы благословила меня съ Оринушкой на салазкахъ покататься... тамъ, за оградой, для бѣлицъ горка ледяная... занскывающимъ голосомъ просила Марья.

— Не подшибли-бы тебя тамъ, возразила бабка.

— Не опасайся, боярыня, я съ боярышней буду и во всякомъ береженьи покатаю съ горки: я особливо умѣю салазками править... успокоивала ее сиротинка.

— Ну... ну... съ Богомъ!... Охъ, Господи!... постная трапеза всегда ко сну клонить... Идите же, щебетуньи. Дайте мнѣ отдохнуть до вечерень... и старушка закрыла глаза. Дѣвушки постояли около ея постели, пока ея ровное дыханіе не доказало имъ, что онѣ на нѣсколько минутъ оставлены на свою волю. Слобно вырвавшіяся изъ кѣтки птички, онѣ выбѣжали за ограду, гдѣ ихъ охватило радостное чувство простора: кругомъ бѣлыя

поля, вдали городскія строенія, церковныя главы и широкая гладь замерзшей рѣки Волги... все это, облитое розовымъ блескомъ мартовскаго солнца, составляло чудную картину. Душа такъ и рвалась въ слѣдъ весеннихъ птицъ, весело порхавшихъ по вѣткамъ деревь, которыя были еще безъ листьевъ, но ужъ на верхушкахъ своихъ давали пріютъ гнѣздамъ грачей, хлопотливо строившихъ свои лѣтнія жилища.

— Глянъ-во, Марьюшка! какіе грачи-то черные, словно мы келейницы... только не о томъ они хлопочуть, о чемъ мы туждаемся... Господь далъ имъ крылья, да волю и летать они, куда хотятъ, гнѣзды вьютъ, птенцовъ своихъ питаютъ... и радостно имъ жить на бѣломъ свѣтѣ... А мы, бѣдныя, горькія, въ неволѣ, въ скудости, въ обидѣ вѣкъ коротаемъ. Что наша за жизнь?... Какая намъ утѣха?... плакалась Орья-сиротинка и Марья, забывъ про ожидавшее ее свиданье, готова была тоже заплакать.

Орина была старше Марьи и Михаила; ей минуло 17 лѣтъ; полная, высокая, смуглая, она своей наружностью представляла крайнюю противоположность съ почти дѣтскимъ, нѣжнымъ типомъ боярышни, воспитанной въ собаляхъ, выхоленной на лебяжьемъ пуху, вскормленной всякими сластями да пряностями, составлявшими тогда любимую приправу къ изысканнымъ блюдамъ. Сиротинка дышала силой и здоровьемъ; ея темная, густая коса выбивалась изъ-подъ ряски, куда была спрятана за спинной; черные глаза такъ и искрились, а полныя губы, съ легкимъ пушкомъ надъ верхней губой, болѣе напоминали юношеское, мужское лицо, чѣмъ обликъ постницы-монашенки. Орья была казачка; до 13 лѣтъ она рыскала по лугамъ донскихъ береговъ, привыкла безъ сѣдла, верхомъ на кобылицахъ, скакать на водопой къ Дону, съ гнѣвомъ да посвистомъ подгонять безчисленные стада овецъ; но вотъ пришли литовскіе поля, побили ея родичей, коней угнали, овецъ пожрали, а Орья, съ десяткомъ удалыхъ хлопцевъ, убѣжала въ русскій

станъ, гдѣ попала къ воеводѣ Желябужскому, сыну Ѳеодору Семеновны, и съ нимъ прибыла въ Москву; но въ Москвѣ жить тогда было страшно и Ѳеодора Семеновна, бросивъ на произволъ судьбы свое подворье, увезла внучку Марью и ея любимицу Орьву-казачку въ дальнюю свою вотчину востромскую; здѣсь онѣ жили нѣсколько лѣтъ и часто ѣзжали въ Ипатьевскій монастырь, гдѣ иноиня Марфа полюбила сиротинку, охотно согласившуюся остаться въ монастырской келии. Желябужская отдала сиротинку въ полное распоряженіе Марфы Ивановны, а Орина привязалась всей душой къ своей покровительницѣ и ея сыну, не забывая и прежнихъ друзей.

Однако, аскетическое постное житіе не могло удовлетворить ея живую подвижную натуру: скоро ей стало скучно и тѣсно, она стала думать какъ-бы вырваться изъ монастыря; особенно сильно тревожили ее искушенія и вольныя мысли, съ той поры какъ въ ней сталъ на-вѣдываться ея сродничекъ - путивлецъ, казакъ Григорій Гладкій.

— Что-же Оринушка! ты вѣдь не пострижена, коли келейное житіе тебѣ не по нраву, иди въ міръ, къ намъ... Бабушка тебѣ жениха высмотритъ и наградитъ, такъ-же какъ и прочихъ сѣбныхъ дѣвицъ да всякихъ сиротинокъ, что у нея въ хоромахъ битвомъ набиты, предложила боярышня.

Орька опустила глаза, и яркая краска выступила на ея щекахъ. Нѣтъ, золотая моя! не пойду я за подъячихъ, ни за гостей торговыхъ, а коли иди, такъ за своего земляка, вольнаго казака...

Боярышня покачала головой: охъ, ужъ эти казаки!... не больно-то они ладно дѣла дѣлаютъ: вонъ грабятъ, разбой чинятъ, смуты всякія... Царя неправеднаго на Москву привели, да его-же сами головой выдали...

— Не всё... не всё, боярышня! горячо вступилась Орька. Есть и такіе, что съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Москву отъ воровъ отбивали... Да вотъ, хоть-бы мой сродничекъ, Гришка Гладкій впередъ всѣхъ

на пана Гонсѣвскаго винулся, какъ поляковъ изъ Москвы по шеямъ гнали...

— Никакъ вы тутъ про войну рѣчи ведете? незамѣтно подойдя, спросилъ Михайль Θεодоровичъ.

— А то что-же!... Не одному тебѣ, бояринъ, съ Салтыковыми-то про московскія дѣла разсуждать... и мы кое-что смекаемъ... засмѣялась Орѣка.

— А что, Салтыковы часто у васъ бывають? слегка смутившись, спросила Марья.

— Нѣтъ, давно не были; не спокойно по дорогамъ поне, такъ и сродниковъ навѣщать трудно; опять-же родитель ихъ, а мой дядя по матушкѣ, князь Михайло Салтыковъ съ поляками сдружился и въ Литвѣ живетъ, а тетка моя, а ихъ мать, инокиня Евнкия, за него въ монастырѣ грѣхи замаливаетъ, разсказывалъ Михайль Θεодоровичъ.

— Чудно это, какъ такой бояринъ разумный съ разбойникомъ Гонсѣвскимъ побратался... а вотъ не въ него сынки-то, Борисъ Михайловичъ да Михайло Михайловичъ Салтыковы, замѣтила сиротинка.

— Ну еще про тѣхъ что сказать... Еще юны, а не даромъ пословица молвить: не укатится яблочко далече отъ яблоньки... сказала боярышня, почему-то не любившая молодыхъ князей Салтыковыхъ, которые, бывая въ монастырѣ у тетки инокини Марфы, очень дерзко заглядывали въ лицо Марьѣ. Михайль Θεодоровичъ ничего не возразилъ на слова Хлоповой; ему тоже не нравилось, что его двоюродные братья преслѣдовали Марью любезностями.

— Что-же мы тутъ стоимъ... пойдемъ на гору... свазалъ онъ, и они всѣ трое отправились на бугоръ, который молоденькія бѣлицы, да сиротинки, ютившіяся въ монастырѣ, усердно поливали водой, чтобы устроить себѣ любимую тогдашней молодежью потѣху.

Явились бѣлицы съ самочками-самокаточками и пошла веселая забава; Михайль, стоя на ногахъ, правилъ самочками, а за нимъ, уцѣпившись за его кушакъ, стояла

Орѣва, обнявъ другой рукой боярышню Хлопову. Вѣтеръ рѣзко дулъ въ разрумяненныя лица, срывая съ Марьи фату, быстрота спуска захватывала дыханье, и страшно было, и весело...

Пока молодежь пользовалась нѣсколькими минутами свободы, въ игуменьиной келіи инокиня Марфа выслушивала строгій выговоръ.

Игуменья сидѣла на стулѣ съ высокой спинкой, за которой стояли нѣсколько старицъ, съ окаменѣлымъ, безчувственнымъ выраженіемъ морщинистыхъ лицъ. Аграфена шнырала по келіи, будто прибирая ее, а сама зорко и язвительно слѣдила глазами за движеніями инокини Марфы, смиренно стоявшей передъ игуменьей; на колѣняхъ у нея лежала развернутая рукописная книга: «Домострой»; заглядывая въ нее, игуменья почерпала тексты для своего нравоученія.

— Такъ-то ли мать свое дѣтище должна поучати?... Не на тебѣ ли тяжкій грѣхъ за сына и на этомъ, и на томъ свѣтѣ? Входяй въ храмъ Господень и смущай дѣвъ смиренныхъ, уподобляется змію-прельстителю: помыслы бѣсовскіе внушаетъ, всякое безчиніе и бесраміе чинить, во святой сей обители!... Тебѣ за сына отвѣтъ дати въ день Страшнаго Суда! Вотъ какъ отцы премудрые поучаютъ: казни сына своего отъ юности его и поквитъ ты на старость твою. И не ослабляя бія младенца: аще бо жезломъ биеши его, не умреть, но здравѣе будетъ; ты бо бія его по тѣлу, а душу его избавляешь отъ смерти. А даждь ему власти во юности, не сокруши ему ребра, то будетъ тебѣ досажденіе и болѣзнь души и тщета домови, погибель имѣнію, уворизна отъ сусѣдъ, посмѣхъ передъ враги, передъ властители платежъ, и погибель, и досада зла...

Инокиня Марфа молчала да низко кланялась; никакихъ оправданій не допускалось передъ игуменскими поученіями. Долго-бы еще игуменья продолжала черпать изъ «Домостроя», если-бъ Аграфена не шепнула ей что-то, что еще болѣе раздражило ее. Позови ее охальницу,

крикнула старица, а ехидная велейница поспѣшно побѣжала исполнять приказаніе. Марфа Ивановна ушла, вся въ слезахъ.

Въ самый разгаръ веселья, передъ шаловливыми бѣлицами явилась Аграфена и прямо подошла къ Михаилу, собиравшемуся скатать Марью да Орину.

— Матушка-игуменья тебя зоветъ, обратилась она къ Оринѣ. Въ минуту горька опустѣла, бѣлицы, какъ испуганныя овцы, разбѣжались. Марья съ досадою поглядѣла на велейницу, а Орѣва-сиротинка поблѣднѣла, руки ея затряслись, глаза вопросительно перебѣгали отъ Михаила къ Марьѣ. Чего еще тамъ понадобилось? спросила она Аграфену.

— Тамъ сама узнаешь... Иди скорѣй! и велейница ушла.

— Ну бѣда! ехидна-то эта наябедничала! Достанется мнѣ теперь, вздохнула казачка, но послушаться было немислимо и, повѣся голову, она пошла въ келію. Орѣва поклонилась игуменьѣ земно и по ея приказанію, стоя на колѣняхъ, выслушала ея укоры, вычитанные изъ любимой старицами книги.

— Дѣвамъ не пристойно плесканье и плясанье и главамъ ихъ поживаніе, устамъ ихъ непріязнь влечь, всескверныя пѣсни, хребтомъ выхляніе и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе; ту-же есть отрокамъ великое прельщеніе и паденіе... Тако-ли есть христіанскимъ дѣвамъ лѣпота и законъ?..

Сиротинка многое не поняла изъ этихъ премудростей, но горько плакала, особенно, когда игуменья объявила, что изгоняетъ ее изъ обители...

Напрасно бѣдная кланялась и просила прощенія.

— Три дня тебѣ на покаяніе, да на земные поклоны, по сотнѣ въ день... а тамъ съ Богомъ: иди въ міръ, воли велейную святость да чистоту соблюсти не умѣла, рѣшительно сказала игуменья и махнула рукой; старицы вышли изъ своей неподвижности и вытолкали сиротинку.

Прибѣжавъ въ келію къ инокинь Марфѣ, она и тамъ застала горе: Марфа Ивановна плакала, Михаилъ, блѣдный и разстроенный, пытался утѣшить свою мать и просилъ у нея прощеніе за то, что изъ-за него ей такъ горько. Марфа Ивановна не гнѣвалась на сына; напротивъ, она объ томъ-то и плакала, что ему житье было печальное: Дитячко мое родимое! не для себя я сокрушаюсь, ко всему я приобыкла и всѣ радости земныя отринула!... Мнѣ тебя-то жалко, твою юность, твое здоровье!... Пропадешь ты здѣсь!... и тебя, какъ родителя твоего Филарета Никитича, силою постригутъ... причтала инокиня.

Орѣва тихонько плакала и упрекала себя: все это я затѣяла, про горку, да про санки-самоватки надоумила!.. Теперь вотъ и имъ скорбь, да и я, горемычная, куда пойду?.. По дорогамъ грабежъ да безчинство! До Путивля далеко... да и на Дону теперь литовцы балуютъ... Боярinya Теодора Семеновна меня не возьметъ, она во всемъ игуменью слушается, а въ Костромѣ мнѣ тоже жить нельзя: всякъ корить станеть, скажутъ изъ монастыря—да и за худыя дѣла выгнали... никто и на дворъ не пустить!

ГЛАВА II.

Московскіе послы.

Это было 13 марта 1613 года. Во время вечеренъ въ Кострому вѣхали нежданные гости: духовные владыки и міряне—бояре именитые. Узнавъ объ этомъ, костромской воевода, не дослушавъ вечеренъ, пошелъ на встрѣчу гостямъ и пригласилъ ихъ въ свои хоромы. Болѣе десятка подводъ, съ гостями, да ватага пѣшихъ и конныхъ стрѣльцовъ не могли не возбудить общаго любопытства въ горожаняхъ; скоро толпа народа собралась противъ воеводскихъ хоромъ и всѣ, дивясь, со страхомъ спрашивали, что-де это за люди и зачѣмъ въ Ко-

струму пожаловали. Челядинцы воеводскіе, не отвѣчая на распросы, отводили стрѣльцовъ на постой къ обывателямъ, а дьяковъ да подъячихъ, да служевъ, да поповъ бѣлыхъ размѣщали по боярскимъ и протопопскимъ домамъ. У воеводы остались самые именитые: архіепископъ Θεодоритъ, три архимандрита, веларь Авраамій Палицынъ, да три протопопа; бояринъ Θεодоръ Ивановичъ Шереметьевъ, князь Владиміръ Ивановичъ Ростовскій, окольнічій Θεодоръ Головинъ, нѣсколько стольниковъ и другихъ чиновъ люди.

Послѣ, насоро приготовленной, трапезы гости велѣли запереть двери и тайно задали такой вопросъ воеводѣ:

— У васъ-ли въ городѣ живетъ инокиня Марфа Ивановна съ сыномъ, бояриномъ Михайломъ Θεодоровичемъ Романовымъ?

Воевода испугался: вспомнилъ онъ бывшія гоненія на инокиню Марфу и ея сына, при царѣ Борисѣ, да при Василии Шуйскомъ и не хотѣлъ отвѣчать.

— Не опасайся, говори прямо!... успокаивалъ его Шереметьевъ. Я сродникъ имъ близкій и всякаго добра желатель.

Воевода колебался: да прежде, отцы духовные, и вы, бояре честные, повѣдайте мнѣ, на что нужна вамъ старица Марфа съ сыномъ? спросилъ онъ.

Архіепископъ тихо посоветовался съ боярами и отвѣчалъ: вѣдомо тебѣ, что родитель Михаила Θεодоровича, владыка Филаретъ Нивитичъ, попалъ въ полонъ въ литовцамъ; ноне порѣшили мы его изъ полона выручить, и желаемъ о томъ повѣстить инокинѣ съ сыномъ...

Воевода, не сомнѣваясь въ истинѣ рѣчей почтеннаго старца, охотно разсказалъ, что инокиня съ сыномъ живутъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

Бояре стали опять совѣтоваться, кого туда послать и рѣшили послать окольнічьяго Головина.

Вечерня была на отходѣ; старицы и инокини стояли на молитвѣ въ храмѣ. Марфа Ивановна, почти скрытая

въ темномъ углу, тайкомъ утирала катившіяся по ея лицу слезы, а сынъ ея грустно и горько размышлялъ о прошломъ и настоящемъ, не смѣя заглянуть въ будущее, ничего ему не предвѣщавшее утѣшительнаго.

Вотъ припомнилъ онъ свое дѣтство въ родительскомъ домѣ: красавецъ бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ, его отецъ, въ богатомъ одѣяніи, съ саблей при бедрѣ, варяжется во дворецъ къ царю Ѳеодору Іоанновичу. Рѣзвый четырехлѣтній ребенокъ бѣжитъ проститься съ отцомъ, цѣпляется за его чреватый, бархатный охабенъ; бояринъ поднимаетъ мальчика на руки, цѣлуетъ - милуетъ его, прости, сынокъ! Да не мѣшвай же, Марфа Ивановна, снаряжайся къ царицѣ... говорить, уходя на крыльцо, бояринъ.

Прекрасная молодая боярыня хлопотливо снаряжается въ штофный сарафанъ, въ золотую фату, въ алую бархатную тѣлогрѣю.

Мальчикъ начинаетъ плавать, просится съ мамой къ царицѣ. Сначала мать отпѣкивается, но потомъ уступаетъ капризу любимаго ребенка. Его одѣваютъ, умываютъ, чешутъ и, наконецъ, онъ выходитъ съ боярыней на крыльцо. Подаютъ пестро-раскрашенную каптану*), запряженную въ восемь лошадей, по двѣ цугомъ. Какіе красивые, сытые кони сѣрой масти! Какіе нарядные холопы, цѣлой толпой провожающіе каптану по московскимъ улицамъ до царскаго крыльца. Входятъ въ царицынъ теремъ: кругомъ злато да серебро, ковры персидскіе, сукна красныя, стѣны расписаны золотыми птицами, явонъ въ богатыхъ овладахъ; цѣлый рядъ покоевъ и множество разряженныхъ боярынь, дворскихъ боярышень, мамокъ, дѣвокъ, дуръ, карлицъ... Иныя шитьемъ занимаются, другія пѣсни поютъ, а шутихи пляшутъ да еривляются. Наконецъ, входятъ въ обширную палату, гдѣ на большомъ креслѣ, подъ шатромъ, сидитъ сама царица Ирина Ѳеодровна...

*) Барету.

Свѣтлое видѣніе исчезаетъ. Михаилъ припоминаетъ тяжелое время: отецъ его вѣрунется, мать плачетъ... Жестокій царь Борисъ Феодоровичъ Годуновъ приказываетъ разлучить супруговъ и постричь ихъ въ иночество. Бояринъ Феодоръ Никитичъ покоряется необходимости, для спасенія своей жизни; и вотъ онъ, подъ именемъ Филарета, надѣваетъ черную рясу!... Мать Михаила сначала противится приказанію царя, но ей объявляютъ, что если она не согласится на постриженіе, то у нея отнимутъ сына... Нѣтъ!.. пусть лучше сошлютъ меня въ ссылку, либо ввергнуть въ темницу, только-бы сынъ при мнѣ остался, плачется боярыня. Послѣ постриженія ее ссылаютъ въ монастырь, гдѣ, въ тишинѣ печальной келіи, до нея доходятъ слухи о смерти ея гонителя Годунова, о смутахъ въ Москвѣ, о короткомъ царствѣ Василія Шуйскаго, о скорбныхъ дняхъ безначалія, междуусобицъ и самозванныхъ царей; потомъ идетъ молва о какомъ-то королевичѣ Владиславѣ, будто-бы избранномъ въ московскіе цари и наконецъ узнаетъ она, что Филаретъ Никитичъ съ другими послами попался въ заточеніе къ литовскому королю Жигимунту (Сигизмунду).

На этомъ обрываются мысли Михаила; какое-то движеніе и шепотъ въ храмѣ выводятъ юношу изъ задумчивости. Онъ обращаетъ взоры туда, куда глядятъ другіе и видитъ вчужку бояръ, совсѣмъ незнакомыхъ, впереди которыхъ стоитъ высокій, плотный бояринъ и словно кого-то ищетъ. Подойдя къ игуменѣ, онъ ей земно поклонился и о чемъ-то тихо спросилъ. Старица, повидимому, смутилась и стала шептаться съ келейницей Аграфеной да съ другими своими приближенными. Вдругъ Аграфена отдѣлилась отъ прочихъ и прямо направилась въ темному углу, гдѣ стояла Марфа Ивановна.

— Тебя спрашиваютъ бояре изъ Москвы, объявила Аграфена. Марфа Ивановна затрепетала; въ глазахъ у нея помутилось; испугалась за сына Михаила.

— Что имъ надобно?.. Кого я прогнѣвала? едва могла вымолвить инокиня Марфа.

— Иди!... иди-же.. бояре тебѣ не худа желаютъ... говорила келейница, таща за руку бѣдную инокиню. Вся блѣдная и дрожащая подошла она въ игуменскому мѣсту. Низко поклонилась Марфа Ивановна овольничьему Головину, а онъ, вмѣстѣ съ сопровождавшими его стольниками, повалился ей въ ноги... Удивились всѣ: что за честь простой инокини?... Не игуменей-ли ее куда назначили? шептались старицы.

— Благочестивая инокиня, Марфа Ивановна! Благоволи принять пословъ изъ Москвы, началъ Головинъ.

— Бояринъ Михаилъ Феодровичъ все-ли здравствуетъ? Михаилъ, при своемъ имени, выступилъ впередъ и твердо сказалъ: спасибо, бояринъ: живъ я и здоровъ... Чего тебѣ и послама московскимъ надобно?..

Опять окольниковъ поклонился въ ноги юному боярину и молвилъ: государь Михаилъ Феодровичъ! Радуются очи мои, зря твою лѣпоту и мужество!.. Не погнушайся, прими пословъ съ добрыми вѣстями изъ Москвы.

— Гдѣ-же послы и о чемъ будутъ рѣчь вести? спросила Марфа Ивановна, придя въ себя отъ страха и вида, что ей честь воздаютъ, а не обиду.

— Про то, что послы будутъ молвить, я объяснить не могу... Соблаговоли, милостивая инокиня, ихъ самихъ выслушать, уклончиво сказалъ Головинъ.

— Нѣтъ!... я ныне не стану съ боярами рѣчи вести! Ужъ поздно и послѣ вечерень, по уставу, въ нашу обитель мѣрскіе люди не вхожи... Завтра, по-утру, добро пожаловать. Что боярамъ угодно, то я, раба Божія, смиренная и поворная, учиню и сынъ мой, коли нужна его служба, али другое что на пользу земли русской, готовъ исполнить... съ достоинствомъ отвѣчала Марфа.

На томъ и порѣшили. Головинъ ушелъ, ничего не повѣдавъ и оставивъ всю монастырскую общину въ жгучемъ любопытствѣ.

Игуменья, видя чествованіе московскихъ посланцевъ, внезапно измѣнила свое суровое обхожденіе съ загнанной и нелюбимой инокиней и ласково увѣщевала ее не

печалиться, не опасаться: Господь поворныхъ милуетъ, а гордымъ противится... припомнила игуменья тексты писанія. Быть можетъ, и за твое смиреніе възыщетъ тебя милость Господняя...

Всѣ другія старицы, инокини и бѣлицы съ почтеніемъ проводили ту самую многострадальную инокиню, изгнанницу, едва не заключенную, которой такъ помыкали еще нѣсколько часовъ тому.

— Что это за посольство? Чего имъ надобно? Уже не воевать-ли тебя звать? тихо спросила Марья, порывавшись съ Михаиломъ въ тѣснотѣ на паперти.

— Что-жъ... Боли нужда во мнѣ, а пойду на враговъ: житье въ келіи мнѣ не по нраву, душа простору просить... также тихо отвѣчалъ онъ.

— Горько мнѣ съ тобой разстаться, батюшка Михаилъ Теодоровичъ, печально продолжала боярышня.

— Не на вѣкъ разлука! Авось Господь дастъ и свидимся. Еще ничего не извѣстно доподлинно: можетъ отъ моего родителя поклонъ... Уже не воротился-ли онъ изъ чужой земли? недоумѣвалъ Михаилъ.

Всѣ разошлись по келіямъ; все затихло и стемнѣло въ оградѣ; только тускло мерцалъ свѣтъ отъ лампы въ крошечной келіи Марфы. Она стояла на волѣнкахъ передъ иконами и усердно молилась.

Михаилъ сидѣлъ у открытаго окошка и любовался на яркія звѣзды, зажигавшіяся тамъ, гдѣ постепенно гасла вечерняя заря.

Вотъ одна звѣзда скользнула, оставивъ за собой ясную полосу, и исчезла. Юноша набожно перекрестился: Ангелъ Божій слетѣлъ... Кому-то радость несеть... не мнѣ-ли?.. подумалось ему.

— Михаилъ Теодоровичъ, кормилецъ!... пешнулъ голось Орбыи, подравшейся къ окну снаружи. Сдается мнѣ, что будетъ тебѣ завтра радость и честь великая... Забѣгалъ во мнѣ мой землячѣкъ, казакъ Гришка Гладкій, молвилъ, что всѣ въ Бостромѣ говорить...

— Что-же говорить-то?... съ любопытствомъ спросилъ Михаилъ.

Сиротинна что-то тихо, тихо сказала.

Михаилъ вдрогнулъ и отшатнулся.

— Спаси Господи и помилуй!... сказалъ онъ; горячій румянецъ вспыхнулъ на его лицѣ. Что-то будетъ завтра?.. засыпая, думалъ Михаилъ Θεодоровичъ.

ГЛАВА III.

Избраніе царя.

Гудятъ колокола. Костромичи волнуются и спѣшаютъ на площадь, спрашивая другъ друга.

— Что за звонъ?.. Какой ноне праздникъ?..

Подойдя въ собору, видятъ, что духовенство выноситъ иконы, хоругви и кресты.

— Крестный ходъ!... Вѣрно въ Москвѣ побѣду надъ супостатами учинили... разсуждаютъ горожане.

Между востромскимъ духовенствомъ замѣтно много чужихъ: архіепископъ, архіерей, протопопы. А между воеводами, да боярами, идутъ, во слѣдъ попамъ, тоже чужіе московскіе бояре и люди разнаго чину. Народъ пошелъ за крестнымъ ходомъ густыми массами, нетерпѣливо ожидая «слова», чтобы доподлинно узнать причину праздника.

Между тѣмъ, въ Ипатьевскомъ монастырѣ ждутъ по словъ. Услыхавъ великій звонъ на городскихъ колокольняхъ, ударили и на монастырской колокольнѣ. Бѣлицы, забравшіяся на вышву, оттуда поспѣшно сбѣжали и доложили игуменьѣ.

— Идутъ-де владыки духовные съ иновами, мірскіе люди и несмѣтныя толпы народа...

Сполошились старицы; страхъ обнялъ ихъ.

— Не враги-ли? Не самозванецъ-ли? воили онѣ.

Въ ту пору смуть и страшныхъ перемѣнъ въ бѣд-

номъ московскомъ государствѣ, терзаемомъ неурядицами политическихъ переворотовъ, всѣ были въ постоянной тревогѣ и ежеминутно ждали бѣды и разоренія. Игуменья хотѣла было отдать приказаніе запереть ворота, когда келейница Аграфена подвела къ ней красиваго, молодого казака, Гришву Гладкаго.

— Вотъ, матушка, изъ города пришлый, спроси-ка его, про что тамъ народъ толкуеть.

— Что?... Про что толкують? и старицы окружили Гладкаго, который низко имъ поклонился и съ загадочной улыбкой отвѣчалъ: новаго царя въ Москвѣ на царство выбрали: оттого-де по всѣмъ городамъ радость и веселье...

— Царя!.. Еще новаго царя!.. Кого-же? Не Владислава-ли Жигимонтовича Литовскаго? Не въ папскую-ли вѣру насъ приводить будутъ? смущались старицы.

Отвязавшись отъ старицъ, казакъ Гладкій торопливо пошелъ къ келии Марфы Ивановны; выбѣжала Орьяка и радостно винулась къ своему сродничку.

— Свѣтъ, родной мой Гришенька! общалъ быть ранымъ ранешенько, а свелъ на поздно!.. Ну что, правда ли то, что вечеръ сказывалъ?

— Правда, Оринушка! Правда!.. Скоро ты изъ этой печальной обители уѣдешь въ Москву, въ царскіе терема.. Зачванись тогда и намъ грѣшнымъ къ тебѣ ходу не будетъ!.. вздохнулъ казакъ.

— Врешь ты все, разсердилась дѣвушка. Что я за бусурманка, что-бы друга милаго позабыть, зачваниться! Никогда!.. ни въ жизнь я тебя не разлюблю; а вотъ ты-то не свихнись съ добра да на худо!.. не важись ты съ ворами, не слушайся Баловня!..

— Нѣтъ! я съ Баловнемъ совѣмъ покончилъ; звалъ онъ меня на худое дѣло, да не соблазнилъ, вспомнилъ я твои рѣчи... Смотри, не выдавай меня; не вели Марфѣ Ивановнѣ ходить лѣсомъ, что возлѣ ея вотчины, а шла-бъ на Москву другою дорогой, прямо на Ярославль... предостерегалъ Гладкій.

— Ты что-нибудь знаешь? Вѣрно воры что измышляютъ?.. Не бойсь, Баловень хозяйничаетъ въ Домниинѣ съ лихими товарищами? выспрашивала Орья.

— Ничего не могу сказать... Убьютъ, воли узнаютъ, что я ихъ выдалъ... Помни-же: не закахивали-бъ въ Домнино!.. загадочно сказалъ Григорій.

Не успѣла Орья отвѣтить, какъ дверь изъ келіи отворилась и вышелъ Михаилъ Θεодоровичъ.

Увидавъ казака Гладкаго, онъ слегка улыбнулся и ласково спросилъ: это сродничекъ къ сиротинкѣ зашелъ?

— Пришелъ я тебѣ поклониться, батюшка Михаилъ Θεодоровичъ!.. Поздравить съ великой честью да радостью, сказалъ Гладкій, кланаясь ему въ ноги. Здравствуй на многія лѣта, государь... да не забудь, что я первый тебя поздравилъ...

— Не забуду, Гриша! Не забуду!.. Что-бъ со мной ни стало и чего-бы ты у меня не спросилъ, общаюсь, что, по слову твоему, исполню... протягивая руку, молвилъ юноша. Григорій Гладкій почтительно поцѣловалъ его руку и ушелъ изъ ограды.

Черезъ нѣсколько минутъ, Михаилъ Θεодоровичъ съ матерью шелъ къ собору и встрѣтился съ Желябужской, которая сообщила имъ извѣстіе: Иконы-де къ намъ несутъ и духовенство съ горожанами идутъ, говорятъ, что будутъ объявлять объ избраніи новаго царя..

Марфа Ивановна ничего не отвѣчала; она была въ большомъ смущеніи и недоумѣвала, что все это значило: не онъ-ли, родной мой? Не Филаретъ-ли Никитичъ изъ полона воротился?.. вотъ все, что она могла придумать.

Выйдя изъ монастырскихъ воротъ, вмѣстѣ съ иночниками, Михаилъ пытливо вглядывался въ приближавшихся; онъ искалъ взорами любезное лицо своего родителя, но не находилъ его между духовенствомъ.

— Матушка! вонъ сродникъ нашъ, Θεодоръ Ивановичъ Шереметьевъ! сказалъ онъ матери.

— А еще кого не видишь-ли, дитятко?.. Я-то плохо вижу, глаза всѣ давно выплавала... спросила она.

— Еще Головинъ, что вечеръ приходилъ, да Троицкій веларь Авраамъ Палицынъ, что сюда въ обитель и прежде ѣзжалъ... отвѣчалъ Михаилъ.

— Теперь и я разглядѣла: это впереди всѣхъ Теодорить, владыка Рязанскій, а между бояръ знаемый намъ князь Ростовскій, что бывалъ не единожды у твоего родителя, когда онъ еще въ міру жилъ, говорила его мать.

Наконецъ, подошло духовенство съ послами и, увидавъ старицу Марфу, поклонились ей. Теодорить съ умилениемъ и восторгомъ глядѣлъ на благолѣпнаго юношу Михаила и свазалъ ему:

— Благочестивый государь Михаилъ Теодоровичъ!.. Посланъ я отъ московскихъ думныхъ бояръ, отъ всякаго чину людей, отъ всего народа православнаго слезно просить тебя и челомъ бить.. Господь Богъ вразумилъ всѣхъ и въ сердца вложилъ избрать тебя на царство!.. Умилился, государь, надъ остаткомъ російскаго христоклибываго воинства! Собери во едино паству многорасхищеннаго словѣснаго стада Христова подъ крѣпкую свою десницу!.. Не презри всенароднаго слезнаго рыданія, по изволенію Божію прими избраніе тебя на володимірскомъ и московскомъ государствѣ царемъ и великимъ княземъ всея Руси быть...

Настала торжественная тишина: всѣ ждали отвѣта. Нѣсколько минутъ инокиня Марфа и Михаилъ стояли пораженные неожиданностью. Потомъ, неудержимымъ движеніемъ, Марфа Ивановна обняла своего сына и, прижавъ его къ своей груди, воскликнула: Нѣтъ!.. я не согласна!.. я не благославляю тебя на царство... и оба зарыдали. Обратясь къ архіепископу, Михаилъ громко свазалъ.

— Вы слышали! Матушка не согласна... Я не могу быть государемъ, безъ благословенія родителя моего Филарета Никитича, а онъ въ полонѣ и спросить его не можно...

Духовенство окружило избраннаго царя, а бояре

слезно умоляли иновию Марфу благословить сына, но она упорно возражала: «У сына моего и въ мысляхъ того не бывало, чтобы на царствѣ быть! Онъ еще не въ совершенныхъ лѣтахъ!».

Долго просили послы хотъ въ соборъ войти, да грамоты отъ нихъ принять. Бояре, чиновные люди и горожане упали на колѣни и плача присоединили свои просьбы къ увѣщаніямъ архіепископа.

Наконецъ, Марфа Ивановна согласилась войти въ храмъ и принять грамоты. Прочтя ихъ, она сказала: «Вотъ! избрали сына моего и зовутъ на царство... а давно-ли Годунову, Борисову сыну, измѣнили, самозванцу служили, царя Василя Шуйскаго полякамъ выдали, Владиславу— Латинцу присягали?.. То-же и моему сыну учинить мыслятъ, погибель да измѣну, клятвопреступленіе, позоръ, убійство и поруганіе!».

Всѣ были до глубины души потрясены этими словами смиренной иновины,—внезапно преобразовавшейся въ мужественную и мудрую царицу.

Она словно выросла; откинувъ фату, глядѣла прямо и грозно, рѣчи ея лились неудержимо, какъ-будто-бы она всегда управляла народомъ.

— Это Господь гласитъ устами смиренной рабы своей... молвила игуменья, со вчерашняго вечера почувствовавшая такую любовь и преданность къ Марфѣ Ивановнѣ. Бояре начали оправдываться, что царь Борисъ Годуновъ извелъ царевича Димитрія, что Θεодора Годунова предалъ одинъ Басмановъ, самозванецъ-де за свою неправду злую смерть получилъ, а Василя-де Шуйскаго не многіе люди выбрали, Владислава-де Латинца никто не желалъ, а самъ онъ силкомъ навязывался... Послы духовные и свѣтскіе слезно молили Марфу Ивановну и Михаила Θεодоровича съ ранняго утра до полудня. Долго отказывался избранникъ, но когда Θεодоритъ объявилъ ему, что Богъ възыщетъ на немъ конечное разореніе московскаго государства, которое отъ его согласія можетъ

спасти отъ погибели, тогда Марфа Ивановна сказала сыну:

— Видно, надобно положиться на праведныя и неисповѣдимыя судьбы Божьего промысла!..

Михаилъ объявилъ, что сдается на моленіе народа русскаго; Марфа Ивановна, взявъ икону, благословила сына, архіепископъ вручилъ ему царскій посохъ, царскую мантию и другіе дары.

Отслуживъ обѣдню и молебствіе, Феодоритъ вывелъ новаго царя къ народу, толпившемуся въ оградѣ и за оградой монастыря и провозгласилъ избраніе на царство Михаила Феодоровича Романова.

Бояре и народъ пали на землю и плакали отъ радости, что Богъ даровалъ имъ царя настоящаго, не иноземнаго, не самозваннаго.

Вслѣдствіе просьбы пословъ о скоромъ прибытіи въ Москву, Марфа Ивановна обѣщала выѣхать съ сыномъ черезъ четыре дня.

Духовенство и бояре удалились успокоенные. Костромичи радостно праздновали этотъ день—14 марта 1613 г.

Опять все тихо въ монастырскихъ стѣнахъ. Утомленная инокиня Марфа удалилась въ свою келію, отъезавъ игуменьѣ, предлагавшей ей свои хоромы. «Нѣтъ, я привыкла къ своему углу за печкой; тутъ я проведу остальные дни до отъѣзда»... отвѣчала инокиня и увела своего сына, съ которымъ долго бесѣдовала, такъ-что ему не удалось въ этотъ день видѣться съ Марьей Ивановной. На слѣдующіе дни явились сродники Шереметьевы, а потомъ и Салтыковы, племянники Марфы Ивановны; Михаилъ Феодоровичъ не могъ найти ни одной минуты, чтобы перемолвиться съ боярышней.

Все, что перечувствовала Марья въ эти дни, произвело на нее неизгладимое впечатлѣніе.

Еще наканунѣ любовь ея была любовью ребенка къ брату, чувствомъ искреннимъ, но не пылкимъ. Внезапный, никогда не мыслимый ею переворотъ въ положеніи юноши, изъ изгнанника, едва не узника, превратив-

шагося въ царя, возбудилъ въ ней сначала удивленіе, а потомъ благоговѣйное уваженіе въ избраннику-Божіему, не искавшему престола, но получившему его по указанію свыше. Какъ Саулъ, по приказанію Бога, отысканный Самуиломъ въ пустынѣ, такъ и Михаилъ, взятый изъ пустыни на царство, казался ей не простымъ чело-вѣкомъ, а отмѣченнымъ судьбою среди тысячъ другихъ людей. Она мысленно измѣрила непреодолимыя преграды, какъ-будто изъ нѣдръ земли вставшія между нимъ и ею, и ужасъ наполнилъ сердце бѣдной дѣвушки, простой дворянки, не имѣвшей никакого понятія о придворной жизни. Все это смутно нахлынуло на ея мысли, которыя выразить словами она-бы не могла, но ясно сознавала только одно: Михаилъ для нея не существовалъ болѣе... Для нея онъ умеръ; а этотъ царь, гордый и мудрый, не удостоить ея теперь ни словомъ, ни взглядомъ, съ высоты своего величія!.. Прощай-же, другъ и братъ!... Прощайте, дѣтскія мечты о счастьи!..

Марья горько плакала и умоляла бабушку уѣхать поскорѣе изъ монастыря, но Желябужская боялась пуститься въ путь, потому что ходили слухи о шайкѣ неблагонамѣренныхъ людей, которые не желали избранія Михаила и бродили въ окрестностяхъ Костромы.

— Вотъ поѣдетъ Марфа Ивановна, съ ней пойдутъ стрѣльцы и бояре, намъ съ ней не опасно будетъ ѣхать, да и вотчина наша не далеко отъ села Домнина, куда она вѣрно завернетъ по пути... говорила Θεодора Семеновна.

Но планъ этотъ не состоялся. Казачка - Орька совѣтовала Михаилу Θεодоровичу на Домнино не ходить, такъ-какъ враги его, вѣроятно, бросятся въ его вотчину, полагая найти его тамъ.

Михаилъ сознавалъ всю справедливость такихъ предположеній и Марфа Ивановна уступила его убѣжденіямъ ѣхать другимъ путемъ.

Однако она непремѣнно желала сдѣлать въ Домнинѣ нѣкоторыя хозяйственныя распоряженія и рѣшила

послать туда Орьку-сиротинку, да своего племянника Михаила Михайловича Салтыкова, съ достаточнымъ числомъ стрѣльцовъ и холоповъ для ихъ охраны. Узнавъ, что сама Марфа Ивановна не поѣдетъ на Домнино, Желябужская вздумала ѣхать вмѣстѣ съ Салтыковымъ. Марья очень не желала такого путешествія, но бабка строго прикрикнула на нее, что «учить-де старшихъ себя, не дѣвичьяго разума дѣло»... Послѣ этого Марья не смѣла возражать и стала поспѣшно собираться въ путь.

ГЛАВА IV.

Царева избранница.

Наканунѣ отъѣзда изъ Ипатьевского монастыря, Михаилъ сказалъ Орькѣ-сиротинкѣ:

— Сослужи мнѣ службу, да крѣпко общай никому не повѣдать того, что я тебѣ прикажу.

— Хоть пытай меня огнемъ и желѣзомъ, не выдамъ, государь, твоего тайнаго велѣнія, — общала казачка.

— Пойди въ Марьѣ... чтобъ никто того не зналъ... вели ей ужь, какъ стемнѣетъ, пришла-бы въ соборъ... Я просилъ старицу-церковницу дверей не запирать; я сказалъ ей, что хочу напоследкахъ помолиться... Никто не осмѣлится нарушить уединеніе царя, молящагося о благопблучномъ пути на царство... сказалъ Михаилъ Теодоровичъ.

— Исполню, государь, твое велѣніе, — отвѣчала Орька и поспѣшила передать боярышнѣ желаніе царя.

Въ послѣднюю ночь, проводимую въ монастырѣ, Марфѣ Ивановнѣ предстояло много хлопотъ.

Сродники ея, Шереметьевъ да Салтыковъ, съ другими боярами и духовными лицами почти до самаго утра сидѣли у Марфы Ивановны въ просторной трапезной избѣ

и вели бесѣду о предполагаемыхъ дѣлахъ, при началѣ новаго царствованія.

Самымъ главнымъ и затруднительнымъ казалось путешествіе въ такое время года, когда путь долженъ былъ вскорѣ испортиться и усложнить препятствіе, при недостаткѣ денежномъ и неимѣніи надежной рати для охраны государя отъ шаякъ воровъ и грабителей, повсюду рыскавшихъ въ ту пору смуть и безначалія.

Михаилъ Θεодоровичъ почти не принималъ участія въ этихъ распоряженіяхъ, предоставляя полную волю своей матери, которой онъ привыкъ во всемъ повиноваться. Инокія Марфа была женщина очень умная, энергичная и, для той эпохи, весьма начитанная. Она была свѣдуща не только въ церковныхъ и монастырскихъ уставахъ, но хорошо знала и исторію московскаго государства, а родство съ супругой Іоанна Грознаго Анастасіей давало ей понятіе о дворцовой жизни, которую она должна была вновь создать для будущаго царя, по своей молодости и замкнутой жизни, вполнѣ несвѣдущаго въ той средѣ, гдѣ онъ предназначался играть роль первенствующаго лица.

Долго Михаилъ Θεодоровичъ молча елушалъ бесѣду матери, съ архіепископомъ Θεодоритомъ и боярами; наконецъ онъ всталъ и, подходя къ инокинь, сказалъ:

— Благослови, матушка: я желаю помолиться въ соборѣ... а послѣ дозволю мнѣ подвѣрнуться сномъ для завтрашнаго пути...

— Иди съ Богомъ, дитя мое дорогое!—отпустила его Марфа Ивановна. «На утро надобно встать пораньше, а твое дѣло молодое, должно побережеть здоровье». Принявъ благословеніе архіепископа и простясь съ боярами, Михаилъ пошелъ изъ трапезной избы.

— Я тебя провожу, государь-братецъ,—предложилъ Михаилъ Салтыковъ.

— Нѣтъ, братецъ, оставайся при матушкѣ... я пойду одинъ... мнѣ такъ желательно,—съ особенной живостью отклонилъ Михаилъ услуги своего сродника. Салтыковъ

повиновался, но проводилъ пытливымъ взглядомъ царя, который направился въ храмъ. Салтыковъ постоялъ на крыльцѣ трапезной избы, и въ розовыхъ сумеркахъ ясной мартовской ночи увидалъ какую-то фигуру, которая, какъ тѣнь, скользнула вдоль стѣны храма и исчезла на паперти.

— Одинъ!.. нѣтъ, ты тамъ не одинъ... думалъ молодой бояринъ. «Этотъ тонкій станъ и легкая походка не похожи на старицъ... не бѣличка-ли какая, надобно развѣдать... и сильное любопытство овладѣло молодымъ бояриномъ, который сознавалъ пользу для себя знать тайны своего сродника-царя, заранѣе въ радужныхъ мечтахъ создавая для себя и своего брата высшій мѣста въ новомъ строѣ московскаго государства. Однако онъ не посмѣлъ слѣдовать тотчасъ за Михаиломъ, а воротился въ трапезную, но скоро тоже отпросился на покой. Марфа Ивановна отпустила его «ради юности», такъ-какъ онъ не многими годами былъ старше ея сына и пользовался особеннымъ расположеніемъ тетки. Салтыковъ вышелъ на крыльцо, оглядѣлся кругомъ и тихо, осторожно прокрадеа въ темному входу въ соборъ.

Низкіе своды зимняго придѣла старинной церкви были погружены въ глубокой мракъ; только передъ мѣстными иконами тускло теплились двѣ лампы и едва на нѣсколько шаговъ освѣщали окрестность иконостаса. Михаилъ Θεодоровичъ, съ тайной робостью и благоговѣніемъ, вступилъ въ этотъ свѣтлый кругъ; онъ остановился, окинулъ взоромъ темные углы храма и убѣдился, что онъ одинъ!..

Одинъ передъ Богомъ, въ послѣднюю ночь передъ путемъ на царство! Михаилъ забылъ про Марью!.. онъ откинулъ отъ себя всѣ суетные помыслы, земныя заботы и, превлонивъ колѣни, сталъ молиться.

Прошло нѣсколько минутъ... все было тихо и темно вокругъ... но вотъ легкій вздохъ воснулъ слуха молодого царя... Онъ вздрогнулъ... молитвенное настроеніе отъ него отлетѣло и все мірское, прекрасное, горячее,

надежда, радость и любовь внезапно охватили его организмъ. Онъ всталъ и снова вглядѣлся въ темноту, теперь онъ разсмотрѣлъ какую-то неясную фигуру.

— Марья!.. ты-ли это? тихо оклинуль онъ.

— Я, государь... такъ-же тихо отвѣчала боярышня. Михаилъ пошелъ къ ней, взялъ за руку и подвелъ къ свѣтлому кругу передъ иконостасомъ.

Онъ пристально, любовно глядѣлъ на милое лицо, словно стараясь запечатлѣть ея черты въ своей памяти.

— Марья!.. вѣдь ты меня любишь? спросилъ онъ.

Боярышня упала на колѣни и склонилась къ ногамъ царя; она нервно плакала и цѣловала руки, которыми Михаилъ старался ее поднять.

— Уймись... не плачь! унималъ ее царь. Не для худа я тебя призывалъ... встань и выслушай меня...

Марья встала, все еще плача; онъ опять повторилъ свой вопросъ: «Вѣдь ты меня любишь, Марья?»..

— Люблю... видитъ Богъ... Ты для меня дороже жизни, для тебя я рада душу свою положить, съ искреннимъ, страстнымъ порывомъ, отвѣчала Марья.

— И я тебя люблю, Марья!.. Завтра мы должны разлучиться, можетъ быть, надолго... Я вѣдь теперь не воленъ самъ въ себѣ: я отдался Москвѣ... любезному народу российскому!.. Пока все не устроится по божьему изволенію, мнѣ нельзя будетъ видѣться съ тобою, но мысли мои всегда будутъ за тобой слѣдовать. Я все буду знать, что ты дѣлаешь, гдѣ-бы ты ни жила; помни, что объ тебѣ заботится, бережетъ твое здоровье и нетерпѣливо ждетъ добраго времени, чтобъ опять съ тобою свидѣться не царь... а мужъ и господинъ твой передъ Богомъ и людьми... говорилъ Михаилъ торжественно и твердо.

Марья была внѣ себя: невѣроятное, недостижимое счастье, къ которому она и въ тайномъ помыслѣ не смѣла приблизиться, стало вдругъ возможнымъ.

— Государь мой! батюшка Михаилъ Феодоровичъ! могу-ли я, недостойная раба твоя, поднять смиренныя

очи свои на твое царское величіе?.. Честь такая не для меня!.. Сядешь ты на престоль и забудешь обо мнѣ!.. Самыя знатныя красавицы около тебя въ Москвѣ соберутся, а я худородная... и мѣста-то мнѣ въ царскомъ дворѣ нѣтъ, печально говорила Марья, смутно предчувствуя тѣ препятствія и затрудненія, которыя оттолкнутъ ее отъ царя.

— Никогда и нивого не смѣняю я на свою Марью!.. какъ я избранный отъ народа русскаго, и царь всѣми желанный—такъ и ты избранница царя, моя желанная царица, дорогая, любезная невѣста! Обѣщаюсь передъ Богомъ, не возьму жены, кромѣ тебя... повторилъ Михаилъ и Марья вполнѣ повѣрила царскому слову.

Она хотѣла поцѣловать его руку, но государь привлекъ дѣвушку къ своей груди и губы ихъ соединились въ первый поцѣлуй... Поцѣлуй этотъ былъ такъ цѣломудренъ, что и ангелы, присутствовавшіе тайно въ храмѣ, не отвернулись отъ двухъ чистыхъ, душою существъ, не боявшихся передъ алтаремъ Бога скрѣпить обѣтъ вѣрности и любви.

— Теперь прощай, моя нареченная! Нивому не говори про нашу клятву! Коли тебя станутъ неволить идти замужъ... не ходи!.. хотя-бъ тебѣ и люто было отъ отца-матери: вѣрнись и мужайся!.. Придетъ часъ, и я вышущу тебя и посажу на престоль царскій, рядомъ съ собою... сказалъ Михаилъ, прощаясь съ боярышней и ушелъ, оставивъ ее въ церкви. Марья склонилась на то мѣсто, гдѣ стояли его ноги, цѣловала холодныя плиты и плакала.

Она ушла успокоенная и счастливая, не смѣя никому повѣдать о своей радости.

Легкіе шаги дѣвушки затихли въ безмолвіи храма. Изъ-за церковнаго столба, поддерживавшаго своды, отдѣлился человекъ, бывшій тайнымъ свидѣтелемъ бесѣды царя съ своей избранницей.

— Не бывать этому! пробормоталъ онъ. «Я люблю Марью и сосватаю ее!.. а для царя такая невѣста не

довольно знатна: мы найдемъ ему царицу достойную та-
кой чести... а особливо такую, чтобы ея сродники были
намъ обязаны своимъ возвеличаньемъ!.. и Салтыковъ,
нигѣмъ не замѣченный, вышелъ изъ церкви.

На другой день, послѣ торжественнаго богослуженія,
костромичи проводили далеко за городъ своего любез-
наго царя, его мать и всѣхъ пословъ московскихъ, съ
многими боярами костромскими и другихъ городовъ, ко-
торые пошли провожать царя до Ярославля.

Послѣ отъѣзда Михаила Θεодоровича, Салтыковъ про-
стился съ игуменьей и, взявъ Орьеу-сиротинку, да боя-
рыню Θεодору Желябужскую со внучкой, вышелъ изъ
Костромы на село Домнино, родовую вотчину Романо-
выхъ. Казакъ Григорій Гладкій шелъ, съ ними-же, въ
числѣ провожатыхъ, для береженія царева сродника отъ
воровъ и разбойниковъ.

Къ вечеру другого дня, пробравшись благополучно
черезъ густые лѣса, окружавшіе село Домнино, Салты-
ковъ сказалъ Желябужской:

— Припоздали мы, боярыня, ночью тебѣ идти въ
твоей вотчинѣ не годится. Заночуй въ хоромашъ Дом-
нинскихъ, а утромъ, коли все будетъ спойно, я самъ
тебя провожу до твоего села.

Дѣйствительно, ночью ѣхать было немислимо и Же-
лябужская съ благодарностью приняла предложеніе мо-
лодого боярина.

ГЛАВА V.

Село Домнино.

Родовая вотчина бояръ Романовыхъ, село Домнино
было тогда въ большомъ запущеніи. Филаретъ Нивитичъ
жылъ въ плѣну у Сигизмунда; Марфа Ивановна, постри-
женная по приказу Бориса Годунова, переходила изъ
монастыря въ монастырь и не могла слѣдить за своими

вотчинами, изъ которыхъ большая часть была у нея отобрана. Боярскія хоромы и всѣ строенія въ Домнигѣ пришли въ ветхость и стояли пустыми. Хоромы не отапливали, кромѣ небольшой пристройки, родъ терема, гдѣ пріютились нѣсколько дворовыхъ женокъ да дѣвокъ, почти все старухъ, исключая двухъ молодыхъ, между которыми одна была «дурка» по имени «Манка».

Пріѣздъ Салтыкова съ боярыней Желябужской, и съ провожатыми ихъ, всполошилъ не только жилищъ боярскаго дома, но и все село. Дѣло было подѣ вечерь и Домнинскіе обыватели собирались на покой, когда пронеслась вѣсть, что толпа вооруженныхъ людей и нѣсколько санныхъ подводъ проѣхали къ боярской усадьбѣ. Мужики выскочили—было изъ воротъ, но тотчасъ-же попрятались. Одинъ, посмѣлѣе другихъ, опрометью бросился къ попу.

Попъ, отецъ Ерѣма сидѣлъ за ужиномъ и хлебалъ кашу съ квасомъ; услыжавъ возгласъ мужика, онъ уронилъ ложку и оплескалъ квасомъ свою новую ряску. Мать-нопадья взвизгнула и разбудила уже дремавшихъ ребятишекъ, которые отъ испугу заревѣли.—Кто тамъ?.. Господи, помилуй!.. Нивакъ это ты, Богданъ?.. Что у васъ приключилось?.. дрожащимъ голосомъ спросилъ отецъ Ерѣма.

Богданъ объяснилъ, что какіе-то люди направились вдоль села къ боярскому дому.

— Это опять они! сказалъ батя и перекрестился.

— Ужъ не изымали-ли они боярыню-то съ бояриномъ?

— Какъ теперь быть? вѣдь въ хоромахъ все бабѣ!.. дворовые холопы всѣ разбѣжались изъ опаски, какъ въ ту пору воры приходили, рассуждалъ Богданъ. — Моя хозяйка тоже тамъ въ хоромахъ, осталась ночевать, бабка Соломонида занедужилась, такъ и просила мою бабу, она вѣдь намъ крестная, потерять ей ноги свинымъ саломъ, свиней-то у насъ много и все жирныя..

Но попъ не слушалъ Богдана, а торопливо одѣвался.

— Ты куда? испуганно спросила жена.

— Туда! тамъ можетъ душегубство!.. Надо народъ собрать, да узнать, что это за люди... твердо сказалъ попъ.

— Охъ, батюшка—свѣтъ мой!.. Убьютъ и тебя, какъ Ивана убили... заголосила попадья.

— А что про тестя твоего Ивана Сусанина слуху еще нѣту? спросилъ батька у Богдана.

— Нѣту!.. словно въ воду канулъ, видѣли его, какъ онъ этихъ лиходѣевъ повелъ къ Рыбному болоту и съ той поры пропалъ... Ужъ вѣрно убили, печально отвѣчалъ зять Сусанина, Богданъ Собининъ.

— Теперь до весны и тѣла-то не найдешь... Уповой, Господи, его душу!.. молвилъ отецъ Ерѣма.

Въ эту минуту раздался стукъ въ ворота.

Всѣ словно окаменѣли отъ ужаса. Стукъ повторился. Попадья, схвативъ сонныхъ дѣтей, бросилась въ подкѣлку, а батька съ Богданомъ рѣшились выглянуть въ окно. Осторожно отворивъ внутреннй ставень, батька высунулъ голову. Мѣсяцъ ярко освѣщалъ стоявшую напротивъ окна церковь и всю площадку передъ ней.

— Это—баба... и одна... сказалъ отецъ Ерѣма. Ничего болѣе не видно... пойдн, Богдана, голубчикъ, спроси, чего ей надо?

Богданъ однако не пошелъ, а крикнулъ изъ окошка:

— Кто тамъ?.. Чего тебѣ?..

— Да никакъ это Богдашка мой? раздался женскій голосъ. Богданъ такъ и подпрыгнулъ отъ радости.

— Вѣдь это она!.. баба-то моя!.. а мы думали тебя лиходѣи убили!.. и онъ кинулся отворять ворота.

— Какіе лиходѣи?.. Это боярынинъ сродникъ Михайло Михайлычъ Салтыковъ, да сиротинка-Орѣва, да боярыни съ ними какія-то, и холопья, и стрѣльцы... рассказывала баба.—Меня за батюшкой нашимъ послали за старостой, а я вотъ по пути забѣжала къ тебѣ, отецъ Ерѣма, ничего-то въ хоромашъ нѣту, боярынямъ ни укутить, ни на чемъ ихъ спать положить...

— Я тотчасъ... я пойду повидаюсь съ Михайломъ-то Михайлычемъ; да про боярина нашего разузнаю: здоровъ-

ли, живъ-ли?.. времена-то нонѣ страшныя... нѣто за завтрашнее утро положиться не можетъ... говорилъ отецъ Ерѣма и кликнулъ свою попадью, которая не скоро могла понять, что это не поляки, не казаки воровскіе, а сродники боярыни Марфы Ивановны.

Скоро священникъ и Богданъ Собининъ вошли на боярскій дворъ, гдѣ стояли сани, кони и толелись холопья да стрѣльцы.

— Гдѣ староста Иванъ?.. Чего онъ не идетъ? Надо бы людишекъ да ратниковъ по избамъ разставить, тутъ мѣстовъ нѣтъ, хоромы не топлены... раздался голосъ Салтыкова, стоявшаго на крыльцѣ.

— Здравствуй, бояринъ Михайло Михайлычъ! Какъ Господь Богъ тебя милуетъ? привѣтствовалъ священникъ, подходя къ крыльцу.

— А, это ты, отецъ Ерѣма!. спасибо... Богъ милуетъ... разсѣянно отвѣчалъ Салтыковъ и опять крикнулъ:—Что-жъ не идетъ староста Иванъ Сусанинъ?..

— Ивана нѣту!.. онъ пропалъ... а вотъ зять его Богданъ Собининъ теперь вмѣсто старосты, объяснилъ отецъ Ерѣма.

— А, это ты, Богдашка! пойдѣмъ-ка въ теремъ, и Салтыковъ пошелъ впередъ, а за нимъ священникъ съ Богданомъ. Первая горница была пуста, ее оставили въ распоряженіе Салтыкова и другихъ мужчинъ; а боярыня Желябужская со внучкой, Орька и дворовыя Домнинскія женщины забились въ другую горенку, гдѣ онѣ хлопотали надъ изготовленіемъ постелей и собирали незатѣйливую трапезу.

Священникъ помолился на иконы, благословилъ боярыня Салтыкова и началъ повѣствовать о томъ, какъ пропалъ Иванъ Сусанинъ.

— Вѣдомо тебѣ будетъ, бояринъ Михайлъ Михайлычъ, что недѣли съ три тому, подъ вечеръ, пришли въ село лиходѣи, не могу сказать доподлинно, поляки-ли, казаки-ли воровскіе, и прямо къ старостѣ Ивану, стали они допытываться, гдѣ бояринъ Михайлъ Феодоровичъ и

гдѣ мать его инокиня Марфа Ивановна... Догадались тогда всѣ, что это враги лютые, звѣрообразные человѣки, помышляющіе погубить боярина и боярыню... Иванъ-же, помолясь Богу и наказавъ зятю да дочери молебень отслужить, а коли не воротится, такъ за упокой его поминать, повелъ онъ тѣхъ лиходѣевъ въ Рыбному болоту... и съ той поры ни его, не видали, ни воровъ; полагать надобно, что убили его либо погибли съ нимъ всѣ въ болотѣ: тамъ и лѣтомъ о Петровкахъ проходу не бываетъ, а теперъ совсѣмъ въ сугробахъ потонешь...

Пока священникъ рассказывалъ, любопытныя женскія головы выглядывали изъ полутворенной двери.

Орья подумала: правду говорить Гришка, чтобъ на Домнино не ходить... Это вѣрно мой братецъ Костья Баловень съ ворами... можетъ они и нынѣ около села бродятъ, ждутся...

Салтыковъ подробно спросилъ Богдана и сказалъ:

— Да!.. великую службу тестъ твой сослужилъ всему московскому государству... потомъ, помолчавъ, обратился къ священнику:—Завтра утромъ я хотѣлъ ѣхать далѣе, но теперъ подожду... надо еще развѣдать, не сидятъ-ли гдѣ въ лѣсу тѣ воры... Завтра ты, батя, отслужи-ка обѣдню да благодарственное молебствіе; а ты, Богдаска, собери весь сельскій народъ въ церковь, тамъ я вамъ объявлю радость превеликую..

Послѣ этихъ загадочныхъ словъ, Салтыковъ отпустилъ священника и Богдана. Оставшись одинъ, онъ глубоко задумался. Господь видимо, хранитъ Михаила; эти злоумышленники, провѣдавъ, что его избрала Московская боярская Дума и предполагая, что онъ живетъ въ своей вотчинѣ, искали его... быть можетъ, хотѣли увести въ Литву къ Жигимонту-королю, или-же, просто, убить... Много еще опасностей можетъ повстрѣчаться ему на пути къ Москвѣ, да и тамъ между боярами много найдется измѣнниковъ; Михаилу нужны вѣрные друзья, какъ вотъ мы съ братомъ Борисомъ. Тетушка Марфа Ивановна насъ жалуетъ, а матушка наша, ино-

жия Евникія, ея завѣтная другиня; надобно черезъ нее получить первое мѣсто подлѣ царя и отстранить отъ него всѣхъ, кто могъ-бы поколебать довѣріе къ намъ царя; дядя Марья Хлоповой, Гаврило Хлоповъ, уменъ и гордъ, онъ былъ-бы для насъ помѣхой; да и Желябужскіе, Александръ да Иванъ, сыновья Θεодоры Семеновны, люди не глупые... Нѣтъ! такая царицына родня заберетъ царя въ руки... Да и не время ему теперь о женитьбѣ помышлять; а мнѣ хорошо-бы на Марьѣ жениться, онъ ее жалуетъ, и я тѣмъ еще ближе къ нему сталь-бы...

Съ такими-то замыслами заснулъ Михаилъ Салтыковъ. На утро, послѣ обѣдни, Салтыковъ объявилъ крестьянамъ села Домнина, что ихъ боярина, Михаила Θεодоровича Романова, Господь возвеличилъ превыше всѣхъ людей и надоумилъ московскихъ бояръ избрать его на царство. Радость была большая всему селу и крестьяне на молебствіи усердно молились за здравіе и благоденствіе юнаго царя; а послѣ молебна Салтыковъ велѣлъ отслужить панихиду по погибшемъ за царя Иванѣ Сусанинѣ, причемъ обѣщаль его дочери и зятю награду и льготы всему селу.

Разспросивъ мужиковъ про дороги, Салтыковъ отрядилъ нѣсколько казаковъ для развѣдки, по окружнымъ селамъ и поселкамъ, не найдутъ-ли слѣдовъ воровскихъ, либо самихъ воровъ гдѣ-либо въ округѣ.

— Ты, Гришка Гладкій, иди съ ними; здѣшняя сторона тебѣ знакома, а коли узнаешь что, воротись къ намъ, мы тогда сберемъ* народъ и воровъ изымаемъ, наказываль Салтыковъ.

Григорій Гладкій обѣщаль poradѣтъ на службѣ царской, умолчавъ, что еще недавно самъ принадлежалъ къ числу воровскихъ казаковъ, промышлявшихъ, во время смуть и междуцарствія, всякими неправдами, сваливая всѣ грабежи и насилія на поляковъ.

Григорій повелъ свой отрядъ прямо къ Рыбному болоту и, поручивъ товарищамъ осторожно розыскивать слѣды, одинъ пошелъ по тропѣ, которая вывела его на

полянѣ, съ которой онъ увидалъ берегъ рѣки Волги и небольшой поселокъ. Около 10 избъ, полузанесенныхъ снѣгомъ, какъ черныя кротовины, едва выглядывали изъ сугробовъ.

Григорій подошелъ въ крайней избѣ и стукнулъ въ окно, заткнутое рогожей. Кто-то изнутри вытащилъ рогожу и спросилъ: кого Богъ несетъ? Казакъ лаконически отвѣчалъ: «Гладкій». Черезъ минуту отворилась крошечная калитка, въ которую надо было лѣзть, согнувъ спину. Молодая женщина встрѣтила Григорія. — Баловень тутъ? спросилъ онъ. Женщина молча кивнула головой и пошла впередъ. Идя слѣдомъ за ней, Григорій очутился въ черной, пропитанной дымомъ, избѣ, гдѣ было такъ темно, что казакъ съ трудомъ могъ разглядѣть лежавшаго на печкѣ мужчину. — Гришка! здорово! раздался хриплый голосъ.

— Здорово, Костыка! отвѣчалъ Григорій. — Что ты хрипишь? ай не поадроровилось?.. и усмѣшка скользнула по губамъ Григорія.

— Лѣшій дери этого старика! песь окаанный, завелъ насъ въ болото и тамъ мы, какъ собаки, передохли... злобно ворчалъ Баловень.

— Ой-ли!.. Неужто всѣ?.. удивился Григорій.

— Почти что всѣ... и панъ нашъ тамъ остался... не болѣе десятка выдрались и разбѣжались... Я весь обмёрзъ... едва дотащился сюда, спасибо, Анея пріютила.

— Значить, вамъ не удалось? спросилъ Гладкій и опять усмѣхнулся.

— Удалось только энтого старика домнинскаго пришибить: панъ такъ разсвирѣпѣлъ, что разсѣкъ ему башку саблей... а все-таки ничего не дознался...

— Чего ему хотѣлось? Убить что-ли боярина?

— Нѣтъ, онъ хотѣлъ его изымать, да къ своему королю Жигимонту плѣннымъ доставить: ему за то награда большая была посулена.

— А вы-то изъ чего хлопотали? говорилъ я вамъ, не ваяйтесь вы съ полянами.

— Эхъ хлопецъ! чего хлопотали? вѣдь у бояръ-то, небойсь, казна была, дары, что новому царю везли... ну, вотъ панъ и говоритъ: послужите, удалые казаки, мнѣ — Филаретова сына, а вамъ всю казну боярскую.

— Не добро вы затѣяли: Жигимонтъ вамъ не король, паны его всегда были вамъ лютые притѣснители; онъ-же, царь-то московскій, намъ единовѣрный, отъ него скорѣе милости ждать подобаетъ.

— Полно тебѣ брехать! намъ все едино, кому служить: гдѣ добыча—тамъ мы и радѣемъ.

— Теперь что-жъ ты будешь дѣлать?

— Да вотъ поправлюсь, и если работы не будетъ, уйду опять въ Путивль, аль еще дальше, на Донъ, на беру новыхъ товарищей... Еще услышите вы про лихаго атамана Баловня... При этихъ словахъ Баловень слѣзъ съ печки и подошелъ къ Григорію. Свѣтъ изъ окошка упалъ прямо на ихъ лица и теперь можно было разсмотрѣть Баловня: это былъ высокій, дюжій парень, лѣтъ около 30-ти, съ широкимъ лицомъ, рыжеватой бородкой и большой включенной головой; особенно были замѣчательны его глаза, круглые какъ у совы, какого-то неопредѣленнаго, мутнаго цвѣта, почему товарищи часто называли его «бѣлоглазымъ». Выраженіе его лица отпечатывало его внутреннія качества: алчность, грубый произволъ и самоуправство.

Григорій Гладкій представлялъ крайнюю съ нимъ противоположность: онъ былъ средняго роста, тонкій; смуглое и продолговатое лицо его было опушено небольшою черной бородкой, темные волосы гладко спускались вдоль щекъ, поэтому его и прозвали Гладкій, а иногда звали: «гладенька головка». Его каріе глаза смотрѣли умно, а губы складывались въ хитрую и отчасти насмѣшливую улыбку; онъ словно говорилъ ею: «ладно! я самъ себѣ на умѣ! чужія мысли и дѣла знаю, а свои никому не выдаю!» Это были два типа казаковъ того времени: казака веровскаго, олицетвореннаго Баловнемъ и казака дѣльнаго, добропорядочнаго, представляемаго Гладкимъ.

— Услышу я про тебя—это вѣрно! Когда тебя вѣшать будутъ! сказалъ Григорій.

— Экъ, чѣмъ пугать вздумалъ! я самъ столько другихъ перевѣшалъ, что себѣ-то давнымъ-давно петлю припасъ... вотъ она готова!.. и Баловень вытащилъ изъ кармана веревку.

— Ну, ты не храбрись! Я тебѣ напоследки говорю: брось прошлое, пойдемъ со мной въ боярину, къ Салтыкову, онъ тебя на службу возьметъ къ новому царю: ему вѣдь ратные люди нужны! уговаривалъ Григорій.

— Нѣтъ, братъ, я холопомъ не буду... Брось ты своего Салтыкова, пойдемъ въ Путивль, наберемъ шайку, загуляемъ на славу!.. предлагалъ, въ свою очередь, Баловень.

— Не пойду... я Орьку не покину! мотнулъ головой Григорій.

— Орька!.. чертъ-ли въ ней? Она мнѣ хоть и сестра, а дрянъ дѣвка вышла!.. Изъ такой удалой казачки чернохвосткой стала!.. Что бабы да дѣвки!.. вонъ и у меня Анка... а я вотъ уйду и, не жалѣючи, брошу ее... пропадай она!.. Много ихъ на Дону-то!..

— Нечего съ тобой ласы-то точить: ты отпѣтый, съ досадой молвилъ Гладкій.—Вотъ тебѣ сестра прислала рублевиковъ съ пятокъ, зелия (пороху), рубаху нову да порты, а я охабень свой тебѣ дарю... Прощай, коли въ бѣду попадешь, повѣсти мнѣ, я тебя выручу!..

Григорій пошелъ къ двери.

— Спасибо за дары, да за посулъ! Не пришлось-бы мнѣ тебя выручать... Скажи Орькѣ: чернохвостка-де ты, холопка боярская!..

Григорій захлопнулъ за собой дверь и, махнувъ рукой, молвилъ про себя:—пропащій!..

ГЛАВА VI.

Дурна-Манка.

Въ небольшой коморкѣ, гдѣ пріютилась Желябужская, было около десятка женщинъ; самая старая, Соломонида, кормилица боярыни Марфы Ивановны, считала себя седьмой десятокъ годовъ въ исходѣ. Она давно хворала ногами, увѣряя, что ее испортилъ лиходѣй, чаровствомъ да наговоромъ. Сухая, какъ щепка, съ морщинистымъ лицомъ, лежала она на печкѣ и охала: «бокъ обожгла, лежа на печкѣ». На вопросы Мары объяснялась Соломонида дочь Овдотька, баба лѣтъ сорока, бывшая постельная дѣвка боярыни Марфы и повѣнчанная впоследствии съ гусатникомъ, то-есть пастухомъ домашней птицы. Когда гусатникъ померъ, Овдотька опять пришла къ матери и ухаживала за ней, таская ее въ охапкѣ, такъ-какъ ноги Соломонида болтались безъ движенія.

Въ углу, свернувшись комкомъ, лежало какое-то живое существо:—кто это? утромъ спросила Марья.

— Это моя сестра, дурна-Манка! отвѣчала вдова гусатника.

— Отъ роду она была дура, аль испорчена? спросила боярыня Желябужская. По мнѣнію того времени, всѣ лихія болѣсти у людей, особенно у женщинъ, происходили неизмѣнно отъ порчи, волшбы, наговору или отъ худого глазу: этому вѣрили не только вѣстьяне, но и бояре раздѣляли ихъ суевѣріе.

— Испорчена! отозвалась съ печки Соломонида.

— Повѣдай-ка, какъ это ей приключилось?

— Еще при царѣ Борисѣ, какъ было на нашу боярыню гоненіе и всѣхъ ея дѣвокъ-сиротинокъ силкомъ отъ нея брали, да замужъ отдавали, иныхъ въ темницы, а ино и въ монастыри посажали. Манка-то была изъ себя пригожая и шустрая, ее высваталъ Борисовъ дуракъ—Фомка... У него ихъ много дураковъ-то было... Роза у

этого Ёмки была словно у лѣшаго, глаза косые, ноги косопыны, голова, какъ овинъ, лохматая. Вѣстимо, невѣста жениха до вѣнца не видала, а какъ положили ихъ послѣ вѣнца спать, да увидала Манка своего господина... взвизгнула благимъ матомъ, съ постели грохнулась, да объ полъ голову расшибла... Тутъ ее стали унимать, а она реветъ бѣлугой, волосы деретъ, руки ломаетъ... бились, бились, отчитывали, всякимъ снадобьемъ повили, святой водой спрыскивали... ничего не помогло...

— Съ той поры не очнулась? распрашивала боярыня. «Ино очнуается да не на долго», отвѣчала Овдотька. Манка зашевелилась, приподняла голову, потомъ сѣла на полу и съ тупымъ взглядомъ оглядывала боярыню. Марья невольно вздрогнула: ей стало страшно, она подумала: «Ну, какъ и меня лиходѣй такъ испортить»...

— Говорять, камень-безуй отъ порчи хорошо толочь да пить, замѣтила Желябужская.

— Дорогъ камень тотъ, взять намъ его негдѣ, свазала вдова гусятника.

Марья съ участіемъ разглядывала Манку, которая, вставъ на ноги, разбирала пальцами свою огромную косу, въ безпорядкѣ спускавшуюся прядями по плечамъ.

— Вотъ не боится сраму, простоволосая и лѣто, и зиму ходить, а ино изъ соломы вѣнчикъ советъ да и надѣнетъ на голову; пляшетъ, пѣсни поетъ и хохочетъ, да вѣдъ какъ хохочетъ-то, безъ удержу! инда ужасть на всѣхъ наведетъ. Вездѣ она бродитъ, робятъ стращаетъ, ужъ мы ее и запирали, и на цѣпь сажали. Теперь смириѣ стала, чаще очнувается, а какъ очнется, почнетъ плавать, да такъ-то люто причитать; наплачешься, на нее гляючи, говорила Овдотька. Орья пошла къ Манкѣ и ласково спросила:

— Здорово, Манка! узнаешь ли ты меня?

— Казачка - сиротинка! вскрикнула Манка и, подперши руки въ боки, пошла въ плясъ; ноги у нея ходуномъ заходили, пѣсни несладныя изъ устъ полились,

звонко, словно колоколець; плясала она долго, потомъ начала хохотать, упала на полъ, каталась и вдругъ вскочила на ноги, посмотрѣла кругомъ, да ударилась въ слезы. «Очнулась», шепнула Овдотька.

Орьба взяла Манку за руку, посадила на лавку, умыла ей лицо, расчесала чудесные волосы и молодая женщина словно преобразовалась.

Блѣдное лицо Манки было очень красиво, глаза голубые, носъ правильный, зубы великолѣпные, руки, не привычныя къ работѣ, бѣлизной своей не уступали боярскимъ, а особенно хороша была ея коса золотистая, концами лежавшая на полу, когда она сидѣла.

— Господи! какая краса, а дурка! наивно сказала Марья.

— Орьба, возьми меня съ собой къ боярину Марфѣ... вдругъ сказала Манка.

— Не смѣю... Не разгнѣвалась-бы боярыня, колебалась Орьба, но Марья тоже стала просить за Манку:

— Возьми ее, Оринушка! Тамъ въ Москвѣ знахарей много и камень-безуи достать можно; тамъ и святая мощи цѣлебныя, святую воду съ нихъ пить ей давать, можетъ и полегчаетъ...

— И то дѣло, Оринушка, вступилась Желябужская, надобно спросить боярина Михайлу Михайлыча... и старая барыня пошла къ двери; Салтыковъ ходилъ изъ угла въ уголъ, нетерпѣливо ожидая возвращенія казака Гладкаго; Салтыкову хотѣлось догнать паря въ Ярославѣ, а также необходимо было проводить Желябужскую со внучкой до ихъ вотчины.

Увидавъ боярыню, онъ вѣжливо спросилъ о здоровьѣ, пригласивъ ее побесѣдовать. Старушка не отказалась; ей хотѣлось черезъ Салтыкова попасть въ дворскія боярыни, то-есть имѣть доступъ во дворецъ.

Она начала разговоръ про Манку, но Салтыковъ отвѣчалъ: «Это дѣло не мое, а бабье. Пускай Орьба ее возьметъ, тетушка вѣрно не будетъ гнѣваться: во дворѣ у другихъ царицъ всегда дурки бывали; Манка поетъ

звонко и пляшетъ; сошьемъ ей красную тѣлогрѣю, колпакъ зеленъ, либо жолтъ, съ жестью гремушкой, пускай себѣ дворскихъ боярынь потѣшаетъ»...

Итакъ, было рѣшено взять Манку и опредѣлить ее въ должность дворской шутихи.

Къ вечеру воротился Григорій Гладкій и доложилъ боярину, что ни воровъ, ни поляковъ въ округѣ нѣтъ, и что путь къ Ярославлю свободенъ.

На третій день, рано утромъ, Салтыковъ и Желябузская со свитой выѣхали изъ села Домнина.

Утро было великолѣпное; багровая заря охватила полнеба; снѣга кругомъ словно пылали, теплый весенній вѣтеръ шелестилъ между вѣтвями елей и сосенъ, осыпая путешественниковъ серебристымъ инеемъ. Кое-гдѣ перекликались птицы: овсянки, зяблики, снигири; хохлатая пиглица пронзительно взвизгивала и, перелетая съ кочки на кочку, какъ-будто поддразнивала людей, нарушившихъ покой и тишь лѣсовъ.

Впереди ѣхалъ, въ саняхъ, бояринъ Салтыковъ, одѣтый въ охабенъ на лисьемъ мѣху и въ собольей шапкѣ, сдвинутой на правое ухо; Михаилу Михайловичу было весело, все ему впереди сулило счастье, славу и могущество. Еще за нѣсколько дней до того онъ считался меньшимъ въ мѣстничествѣ; онъ даже не былъ родовитымъ бояриномъ, а, просто, дворянскимъ сыномъ; а теперь всѣ почести и первыя мѣста зависѣли отъ него, будущаго совѣтника и наперстника царя. Внутренній мѣръ озарялъ и наружность его, придавая ему ту гордую самонадѣянность, которая такъ шла къ его румяному лицу, еще безбородому, съ большими сѣрыми глазами и полными, чувственными губами. Во вторыхъ саняхъ ѣхала боярыня Желябузская, а въ третьихъ Марья Ивановна съ Орвкой - сиротинкой и дуркой-Манкою.

Салтыковъ безпрестанно оглядывался на тѣ сани, гдѣ сидѣла Марья, но она была такъ закутана фатой, что лица ея нельзя было видѣть.

— Хоть-бы ворISHки, либо косматый вышелъ изъ

лѣсу, авось она съ испугу фату-то свинула-бы, думалъ молодой бояринъ.

Дорога стала такъ узка въ лѣсу, что не иначе можно было ѣхать какъ шагомъ; снѣгъ становился рыхлѣе и лошади поминутно вязли. Салтыковъ вылѣзъ изъ своихъ саней и подошелъ къ Желябужской.

— Тоска ѣхать шагомъ, свазалъ онъ. Дозволь, боярыня, присѣсть возлѣ тебя да побесѣдовать.

— Садись, бояринъ. Я старуха, мнѣ не зазорно бесѣдовать съ такими молодчиками, какъ ты, и боярыня посторожилась, чтобы дать ему мѣсто возлѣ себя.

Салтыковъ присѣлъ бокомъ, спустилъ ноги черезъ сани. «Что я хотѣлъ тебѣ молвить... да не смѣю, не обидѣлась-бы ты»... началъ онъ.

— Молви смѣлѣе, Михайло Михайлычъ, ободряла его Желябужская. Чего-же тебѣ желательно?

— Размышлялъ я такъ: братъ мой, Борисъ, не женатъ, я—тоже; матушка наша, Евнѣя, инокиней; а none, какъ мы въ царю люди ближніе, подобаетъ намъ устроить хоромы и подворье въ Москвѣ знатныя... Безъ боярыни-жъ, что за хозяйство? Госпожа всѣмъ домою править, холопьевъ въ страхѣ держать, мужу и господину своему помощница, поелику дома сидѣть, дѣло не мужское, а женское... вотъ и полагаю я, что надобно мнѣ либо брату жену взять добрую; братъ еще того въ мысли не имѣетъ, чтобы жениться, а я-бы радъ былъ, да и невѣсту себѣ выбралъ по сердцу... сватовъ хотѣлъ бы заслать.

Салтыковъ остановился, какъ-бы выжидая отвѣта.

— И впрямь, бояринъ, тебѣ подобаетъ жениться, а коли невѣста по сердцу, такъ тебѣ вѣдь не откажетъ, ты первый послѣ царя будешь... Хочешь, я свахой буду, предложила Желябужская.

— Оно хоть и не по обычаю, боярыня Феодора Семеновна, самому сватовство зачинать, а не во гнѣвъ будь твоей милости, мнѣ твоя внучка, боярышня Марья Ива-

новна, по сердцу... Ты-бы обрадовала меня, обѣщала-бы передъ ея родителями за меня слово молвила-бъ...

Желябужская, стараясь скрыть свою радость, отвѣчала:

— Не дочь вѣдь мнѣ Марья, я въ ней воли не имѣю, а родителямъ ея готова за тебя, боярина, слово молвить.

— Ну и спасибо на добромъ словѣ!.. Попомни-же, боярыня Θεодора Семеновна, черезъ меня и твои сыновья, да и Хлоповы въ великой чести у царя станутъ, говорилъ Салтыковъ, но Желябужская и сама тотчасъ сообразила всю выгоду такого родства; она обѣщала исполнить просьбу Салтыкова и вскорѣ дать отвѣтъ.

Передъ вечеромъ добрались до вотчины Желябужской и она предложила Салтыкову ночлегъ. На утро онъ снова повторилъ свое сватовство, но, не видавъ Марьи и не получивъ положительнаго отвѣта, уѣхалъ въ Ярославль, гдѣ былъ тогда государь, который прожилъ тамъ до 16 апрѣля, переписываясь съ московскими боярами и откладывая свой вѣздъ въ Москву, то за дурной дорогой, то за неимѣніемъ средствъ на кормъ своей свиты и на наемъ подводъ.

ГЛАВА VII.

Дѣла московскія.

Чтобы читатель могъ имѣть понятіе о бѣдственномъ положеніи тогдашней Москвы, надо припомнить всѣ тѣ перевороты, которые совершались въ ней въ короткій періодъ, то-есть со смерти Бориса Годунова (1605 г.) до избранія Михаила Θεодоровича (1613 г.). Послѣ смерти Годунова, царемъ былъ провозглашенъ его сынъ, 16-лѣтній Θεодоръ, но онъ царствовалъ только нѣсколько мѣсяцевъ. Къ Москвѣ подступилъ самозванецъ, выдававшій себя за сына Іоанна Грознаго, Дмитрія, убитаго въ

г. Угличѣ; по мнѣнію современниковъ, убійство было руководимо самимъ Годуновымъ. Облагодѣтельствоваанный Годуновымъ, бояринъ Басмановъ измѣнилъ сыну своего повровителя, Феодору Борисовичу, и впустилъ самозванца въ Москву. Феодоръ былъ убитъ, а Лже-Дмитрій взошелъ въ Москвѣ, но царствовалъ всего 11 мѣсяцевъ; Василій Шуйскій составилъ противъ него заговоръ, а когда Лже-Дмитрія убили, самъ сталъ на московское царство.

Племянникъ его, Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, одержавъ нѣсколько блестящихъ побѣдъ, собралъ войско въ Новгородѣ и прогналъ поляковъ отъ Троицкой Лавры, которую они осаждали; однако, вскорѣ Михаилъ Шуйскій умеръ, какъ увѣрили тогда, отъ отравы, поднесенной бѣлыми ручками его невѣсти; братъ его принялъ начальство надъ московскимъ войскомъ, но потерпѣлъ поражение подъ Клушинымъ. Въ 1610 году Василя Шуйскаго заставили отречься отъ престола. Поляки, подъ начальствомъ пана Жолевскаго, подошли къ Москвѣ и предложили москвичамъ выбрать царемъ Владислава, сына польскаго короля Сигизмунда. Москвичи выдали полякамъ Василя Шуйскаго и послали Филарета Никитича Романова, князя Голицына и другихъ послами къ Сигизмунду, который объявилъ, что, вмѣсто сына, самъ желаетъ быть московскимъ царемъ. Пословъ задержали и обходились съ ними какъ съ плѣнниками, продолжая грабить и разорять окраины тогдашняго московскаго государства. Явился новый претендентъ на царство, второй Лже-Дмитрій, расположившійся въ 10 верстахъ отъ Москвы, въ живописной мѣстности, близъ рѣки Москвы, на высокой горѣ въ селѣ Тушинѣ.

Шайки воровскихъ казаковъ и поляковъ, самаго низкаго сброда, безчинствовали и опустошали окрестности. Русскій народъ очнулся, наконецъ, отъ своего одѣпгнѣнія и собралъ послѣднія силы для борьбы, по увѣщанію патріарха Гермогена, который вончилъ жизнь въ заточеніи, какъ говорятъ, отъ голода.

Бнязь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, выбранный вождемъ русскаго войска, съ помощью нижегородца Сухорукова, мясника Кузьмы Минина, подступилъ къ Москвѣ и осадилъ Кремль, гдѣ заперлись поляки и мѣрли съ голоду. Наконецъ, они сдались. Гетмана Ходкевича разбили подъ Москвою и очистили ее отъ непрошенныхъ гостей-поляковъ. Такимъ образомъ, въ продолженіи 7 лѣтъ, въ Москвѣ перебивало 7 царей, считая въ томъ числѣ двухъ самозванцевъ и двухъ польскихъ претендентовъ: отца—Сигизмунда и сына—Владислава...

Въ началѣ 1613 года Пожарскій собралъ Земскую Думу и предложилъ московскимъ вельможамъ выбрать на царство сына митрополита Филарета Никитича Романова, который былъ роднымъ племянникомъ первой жены Іоанна Грознаго—Анастасіи, а слѣдовательно двоюроднымъ братомъ царя Θεодора Іоанновича, рожденнаго отъ Анастасіи.

Земская Дума приняла это предложеніе и отправила посольство искать Михаила Θεодоровича; но такъ-какъ мѣстопробываніе его было неизвѣстно, то послы искали его въ разныхъ городахъ и только 13 марта попали на слѣдъ его въ г. Костромѣ.

Мы видѣли, какъ принялъ Михаилъ избраніе его на царство, или, лучше сказать, какъ приняла извѣстіе объ этомъ избраніи мать его инокиня Марфа, которая, въ то время и долго послѣ восшествія Михаила на престолъ, имѣла на него такое большое вліяніе, что можно сказать,—не царь, а его мать правила московскимъ государствомъ.

Это представляетъ одно изъ доказательствъ, что въ 16 и 17 вѣкахъ женщины на Руси были не только полными воротилами домашняго быта, но и въ государственныхъ дѣлахъ имѣли большую волю. Вообще, въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ теремъ и монастырь, куда удалялись царицы и знатныя боярыни - вдовы, играли на Руси важную роль; часто боролись онѣ съ волей самихъ государей, перемѣщали, миловали и карали силь-

ныхъ вельможъ, конечно, не явно, а тѣми подпольными путями, гдѣ служили къ достиженію цѣли и хитрость, и нашептываніе у царскаго изголовья, и чары красоты, и еще одна сила, о которой теперь имѣютъ мало понятія, сила волшебства, наговора, порчи!.. Подъ видомъ приворотнаго или отворотнаго снадобья, бѣлыя ручки теремныхъ обитательницъ не рѣдко подсыпали въ заздравные кубки, либо въ медовыя яства—простой мышьякъ, доставляемый имъ ворожеями да знахарками.

Попавъ подъ власть терема и монастырскихъ келій, молодой, неопытный и мягко-характерный Михаилъ Θεодоровичъ, въ первые года своего царенья, былъ окруженъ интригами тѣхъ, кого жаловала его мать. Сознывая всю гнусность этихъ интригъ, онъ не имѣлъ силы воли, чтобы сбросить съ себя тяжелое иго, которое отравляло его душевный покой, шло въ разрѣзъ съ его желаніями и отнимало у него всѣ земныя радости: любовь, преданность и дружбу, ревниво удаляя отъ него всѣхъ, кто могъ открыть ему глаза на зло, творимое подъ эгидой родственныхъ связей съ его матерью.

Въ первые-же года его величія вполнѣ подтвердились его опасенія, что тяжелъ ему будетъ царскій вѣнецъ!... Много пришлось ему выстрадать, прежде чѣмъ время и обстоятельства могли изгладить слѣды первыхъ печалей неудачной любви и борьбы съ волей матери.

Въ Ярославлѣ, Салтыковъ засталъ инокиню Марфу въ сильномъ раздраженіи.

— Вотъ, други мои!... жаловалась она своимъ племянникамъ и ближнимъ людямъ. Сидимъ здѣсь и во всемъ нужду терпимъ: жалованье стрѣльцкимъ и казацкимъ стражникамъ платить намъ не чѣмъ; корму и припасовъ у насъ нѣтъ; дворовые наши холопы наги и босы, коней и саней не добудешь; бояре и дворяне, что къ намъ на встрѣчу со своихъ вотчинъ вышли, слезно плачутъ и челомъ бьютъ: лютое разореніе - де они отъ воровскихъ казаковъ потерпѣли, да и нынѣ вездѣ по дорогамъ и по селамъ грабятъ, душегубство чинятъ, а мы

ничѣмъ помочь людямъ нашимъ не можемъ и ѣхать намъ опасно...

— Государыня Марфа Ивановна! не печалься и не сѣтуй; отпиши въ московской Думѣ Боярской, да грамоту пошли особную князю Дмитрію Михайлычу Пожарскому, чтобы собралъ казну, что отъ воровъ въ царскихъ палатахъ ослалось... совѣтовалъ князь Иванъ Теодоровичъ Троекуровъ.

— Да, родная моя! Князь истинно-полезный тебѣ совѣтъ даетъ: его и пошли съ грамотами, да узналъ-бы доподлинно про дѣла московскія... одобрилъ Теодоръ Ивановичъ Шереметьевъ.

Князь Троекуровъ смутился: онъ хотъ и совѣтовалъ, но ѣхать въ Москву опасался; а Шереметьевъ, зная навѣрное, что помощи отъ Москвы ждать напрасно, желалъ отстранить отъ себя отвѣтственность, за неуспѣшныя хлопоты.

Салтыковъ также поддакнулъ Шереметьеву, не желая подвергаться путевымъ неудобствамъ, еслибъ ему пришлось ѣхать. Онъ предложилъ составить текстъ грамоты, для написанія которыхъ общалъ искуснаго подъячачаго, проживавшаго въ монастырѣ, близъ Ярославля, на р. Волгѣ.

Князь Троекуровъ принужденъ былъ согласиться и сталъ собираться въ путь.

Надо было выбрать нѣсколько надежныхъ казаковъ на случай встрѣчи съ разбойниками. Наканунѣ отъѣзда князь Иванъ Теодоровичъ сидѣлъ въ домѣ ярославскаго торговаго гостя Евпла Алексѣева Лопатина, у котораго онъ жилъ, съ тѣхъ поръ какъ выѣхалъ изъ своей вотчины, на встрѣчу къ царю. Лопатинъ, мужикъ среднихъ лѣтъ, плотный и коренастый, почтительно стоялъ у двери.

— Да, Евплъ Алексѣичъ! Не радъ я этой почести, отъ царя грамоты вести въ московскую Думу Боярскую! Всего-бы пристойнѣе ѣхать Салтыковымъ,—господа они молодые, здоровые, да и цареви сродники... а я старъ и здоровьемъ плохъ; а еще и то не ладно, что князь

Дмитрій Тимофенчъ Трубецкой, который въ Думѣ первенствуетъ, давно со мной въ перекорахъ изъ-за мѣстовъ, говорилъ князь, по обычаю тогдашнихъ бояръ, князей и дворянъ, строго и упрямо охранявшій свои права на мѣста по старшинству родовъ.

— Коли не противно будетъ твоему княжескому сятельству отъ меня, ничтожнаго раба, совѣтъ выслушать, заговорилъ съ сильнымъ удареніемъ на букву о ярославскій краснойбай—гость Лопатинъ.—Для царской службы ты-бы съ княземъ Трубецкимъ о мѣстахъ пока рѣчей не заводилъ, а больше всего на князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго уповалъ-бы. Когда онъ былъ у насъ въ Ярославѣ и собиралъ ополченіе для освобожденія Москвы, я не единожды его видывалъ и хлѣбъ-соль ему поднашивалъ; великъ онъ умомъ и крѣпокъ въ желаніи добра московскому государству, рѣчишь гораздо и до всякаго хоца и малаго человѣка весьма милостивъ...

— Одно упованіе на Пожарскаго!—согласился Троекуровъ.—Ну, а этого торговца нижегородскаго — Бузьму то Минина, ты тоже, не бойсь, видывалъ?

— Чести этой удостоенъ былъ, княже! Тотъ тоже въ добродѣтели поди не уступитъ иманитому боярину, даромъ что мясникъ, родомъ изъ торговыхъ людей и къ тому же старъ и Богомъ обиженъ—сухорубъ и немощень...

— Онъ, слышаль я, много князю помогалъ, на ополченіе пожертвовалъ... Богатъ, видно дѣло, замѣтилъ князь.

— Все, что имѣлъ, все отдалъ на благое дѣло, да и не онъ одинъ, а всякъ тогда жертвовалъ, а иные, и животы своихъ не жалѣючи, шли на защиту земли московской отъ лютыхъ напастей воровскихъ; а Мининъ вѣдь одинокъ и бездѣтень, кому-жъ ему беречь... Въ Нижнемъ у него подворье хорошее, такъ и его, по смерти своей, въ царевъ приказъ завѣщаль.

— Пока князь бесѣдовалъ съ Лопатинимъ, вошелъ

казакъ Григорій Гладкій и доложилъ, что онъ набралъ охотниковъ, проводить князя до Москвы.

— Спасибо, Гриша! Я на тебя полагаю и себя и царскія грамоты: коли въ сохранности до Москвы све-зешь и обратно, государыня Марфа Ивановна службы твоей безъ награды не оставитъ, сказалъ князь.

— Я и такъ отъ боярина Михайла Михалыча всёмъ доволенъ, пошли Господи ему добраго здравія—отвѣчалъ Григорій, который успѣлъ заслужить общее довѣріе инокини Марфы и бояръ, за свою понятливость, ловкость и усердіе.

— Бъ твоему сіятельству подъячій съ грамотами пришелъ, повѣстилъ Лопатинъ.

Вошелъ подъячій Абрамъ Мироновъ Однорядовъ, или, какъ его просто звали, Абрашеа; онъ былъ одѣтъ въ раску и шлыкъ, но не считался въ штатѣ послушниковъ, а просто проживалъ въ монастырѣ, вмѣстѣ съ разнымъ убогимъ людомъ каликъ переходжикъ и странныхъ богомольцевъ-сиротинокъ, которые, постоянно толпились у храмовъ и монастырей. Откуда былъ родомъ этотъ подъячій, и дѣйствительно ли его звали Абрашеой Однорядовымъ, старцы и братіи того не вѣдали, а держали его, ради грамоты, хоть онъ зѣло хмѣленъ бывалъ, а во хмѣлю лють и продерзостень,—какъ говаривали про него монахи, но грамотные были тогда рѣдки и ими до-рожили.

Зная пристрастіе Абрашеи къ вину, его трое сутокъ держали въ подлѣткахъ у инокини Марфы Ивановны, подъ крѣпкимъ береженіемъ, то-есть подъ замкомъ.

Однорядовъ протрезвился и сталъ немного похожъ на человѣка, хоть и теперь еще носъ его былъ сине-багровый, щеки впалыя, зеленоватаго цвѣта, глаза мигали, а толстыя губы отвисли и показывали два, три зуба, оставшіеся у него во рту, послѣ частыхъ потасовокъ, которыя онъ испыталъ на своемъ вѣку.

Князь съ удивленіемъ разсматривалъ эту отвратительную личность.—Гдѣ это Салтыковъ отыскалъ такое

чучело?—думалъ онъ. — Гораздъ-ли ты писать-то? громко спросилъ онъ у Однородова, который гордо выпрямился и отвѣчалъ:

— Мы и королевичу Владиславу грамоты въ Москвѣ писывали и въ Тушинѣ у государя Дмитрія бывали да строчили ему прелестныя письма, что по городамъ да селамъ его царица Маринка-воруха съ своимъ любовникомъ—Заруцкимъ-собакой подметывали.

— На висѣлицу-бы тебя, вора, а не грамоты писать!—вспылилъ князь Иванъ Θεодоровичъ.

Подъячій скорчилъ рожу такую жалостную, что разсмѣшилъ князя.—Нѣтъ, княже, коли милость твоя будетъ, попросилъ бы царя меня, грѣшнаго раба, въ Потѣшную Палату потѣшникомъ, либо бахаремъ, поставитъ, а же сказки связывать вельми гораздъ!...—сказалъ онъ.

— До Потѣшныхъ ли нонѣ Палатъ!... Слыхалъ я, что и царю-то съ матерью негдѣ будетъ въ Москвѣ жить... проворчалъ князь.

Получивъ грамоты, князь поѣхалъ изъ Ярославля.

Прощаясь съ Орькой, Григорій Гладкій сказалъ ей:

Видѣлъ я довѣреннаго человѣка Хлоповыхъ, Микитку Васильева и сказывалъ онъ, что велѣла ему боярышня Марья Ивановна тебя о здоровьѣ спросить, да про цареву здоровье ты-бы ей повѣстила; еще просила, коли ты царя увидишь, то сказала-бы ему: раба твоя Марья, внука Желябужскихъ, повлонъ тебѣ шлетъ...

— Ты никому про это не сказывай... испуганно перебила его Орька, а Микитѣ Васильеву скажи, чтобъ вечеръ зашелъ въ гости въ Евплу Алексѣичу: а тамъ буду...

Орька хотъ и не слыхала отъ Марьи о томъ, что Михайлъ Θεодоровичъ ее любитъ, но съ женскимъ инстинктомъ догадывалась объ ихъ взаимности. Ей хотѣлось бы услужить доброй боярышнѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ страшно было попасть въ интригу, которая могла дурно кончиться, если Марфа Ивановна о ней узнаетъ.

Вечеромъ, накинувъ шубейку и фату, Орька побѣжа-

ла къ Лопатину, у котораго были дочери и сиротинка къ нимъ хаживала, по посыламъ Марфы Ивановны, такъ какъ отецъ ихъ торговалъ разными припасами. Забравшись въ дѣвичій теремокъ, Орья распросила про Мивитку Васильева и узнала, что онъ стоялъ на сосѣднемъ подворьѣ. — Да ты что о немъ спрашиваешь?... освѣдомилась одна изъ Лопатинскихъ дочерей.

— Онъ вѣдь Хлоповыхъ бояръ дворовый человекъ, а я у Хлоповыхъ матери, у боярыни Желябужской жила и боярышню Марью Ивановну знаю, она меня жаловала, такъ я хочу ей дары послать, отвѣчала Орья. Лопатинскія дѣвки съ любопытствомъ ошупали зашитый въ холщевомъ мѣшечкѣ узелокъ.

— Что тутъ? спросила Домка Лопатина.

— Ленты, ширинка, утиральникъ... отвѣчала Орья, съ безпокойствомъ слѣдившая, чтобы дѣвки не вздумали распоротъ мѣшечекъ.

— Мивитка-то Васильевъ у бабушки въ гостяхъ, сказала Дунька Лопатина.

— Мнѣ-бы его повидать... обрадовалась казачка.

— Какъ-же можно! Статочное-ли дѣло, чтобъ дѣвкѣ съ мужчиной разговаривать! протестовали Домка и Дунька.

— Да вѣдь я и прежде съ нимъ говаривала: онъ старикъ, въ дѣды мнѣ годится... засмѣялась Орья.

— Охъ вы, дворскія дѣвки!... Вамъ все можно: и съ мужчинами разговаривать, и съ откровенной главой выходить и по улицамъ бѣгать... А вотъ мы, и въ храмъ-то Господень ниволи къ обѣднѣ не ходимъ, а только въ утрени, да и то рѣдко, въ особые дни, когда пощъ назначить, тогда ужъ мужчинъ никого не пускаютъ, однѣ дѣвки съ мамѣми, да со сродницами утрению слушаютъ, рассказывали Лопатины.

— Намъ не можно по вашему жить, въ терему сидѣть: государыня посылаетъ, того принеси, аль того боярина къ ней пошли, а въ ину пору и на торгъ идти велить купить, чего нужно. Боярынь при ней мало, поѣхали мы изъ Костромы въ спѣхъ и путь былъ тру-

день, много пѣши шли, всякой нужды нѣтерпѣлись... Тутъ не до того было, чтобъ отъ людей хорониться, въ свою очередь, рассказывала сиротинка.

Нажонецъ, уладили такъ, чтобы Микитку Васильева вызвать на широкій дворъ, куда выйдетъ и казачка. Въ горницу-же ихъ вмѣстѣ не хотѣли пустить строгія до обычаевъ Лопатины.

Микитка Васильевъ былъ сѣдой, худощавый старикъ, съ умнымъ и привѣтливымъ лицомъ. Для него, послѣ Бога, дороже всего было боярское приказаніе, которое онъ исполнялъ свято и беспрекословно. Послѣ обычныхъ привѣтствій, Микитка Васильевъ передалъ Орѣвъ порученіе боярышни Марьи.

Казачка зорко глядѣла на старика, желая убѣдиться, знаетъ-ли онъ болѣе того, что говорить.

— Еще чего не привазывала-ли боярышня? спросила она. Микитка Васильевъ, въ свою очередь, испытующимъ взоромъ глядѣлъ на сиротинку; но ея лицо дышало такой честной правдивостью, что нельзя было предполагать въ ней обмана.

Оглядѣвшись кругомъ, не подслушиваетъ-ли кто, старикъ сказалъ едва не шепотомъ:—Бѣду я въ Москву: какъ тамъ поляки хозяйствовали, такъ подворье бояръ Желябужскихъ, сказываютъ, разорили. Боярыня Феодора Семеновна послала меня его исправить, поелику въ Москвѣ жить она хочетъ и внуку боярышню Хлопову съ собой беретъ... велѣла тебѣ, Марья Ивановна, къ себѣ въ ту пору прихаживать, да велѣла молвить. Замужъ-де ее сватаютъ!...

Орѣва ахнула!—За кого? крикнула она.

— Дѣвка, ты разумная, а вовсе зря кричишь, да ахаешь, эдакъ и въ бѣду съ тобой попадешь... гнѣвно остановилъ ее Микитка Васильевъ.

— Прости, Христа ради, дѣдушка, голубчикъ!... Ни-коли не буду, извинялась Орѣва-сиротинка.

— Замужъ еѣ сватаетъ бояринъ Михайло Михайловичъ Салтыковъ,—совсѣмъ на ухо шепнулъ старикъ.

Нѣсколько минутъ оба молчали.

— Что-же, боярышня согласна?... наконецъ, спросила Орья.

— Боярышню еще не спрашивали; да и спрашивать не будутъ; а Феодора Семеновна чести такой рада и послала меня боярину Ивану Васильевичу съ боярыней Хлоповымъ о томъ повѣстить. Боярышня-же мнѣ сказывала и клятвенно наврѣиво пытала, чтобъ я ни бабѣ ея, ни отцу съ матерью, ни дядямъ, ни кому другому, только тебѣ одной сказала-бы, что она-де лучше въ гробъ ляжетъ, а за Салтыкова, да и ни за кого, кромѣ!...— старикъ поперхнулся и помолчавъ докончилъ фразу:—ни за кого не пойдеть...

— Знаеть!... Онъ все вѣдаетъ!...—подумала казачка и уже болѣе откровенно сказала ему—скажи боярышнѣ; вѣрпись-де!... а коли и волокомъ въ церковь вѣнчать поволокутъ—не ходи!... Пуще всѣхъ боярыню Феодору Семеновну слезно просила-бы силкомъ ее не выдавать... а про то, что въ Ипатьевѣ монастырѣ было и попу на духу не молвила-бъ... да скажи: все-де благополучно кончится!... Уповала-бъ на Господа и молилась-бы Пречистой Его Матери!... Вотъ узелокъ, изъ рукъ въ руки боярышнѣ передай, тайно ото всѣхъ... Тутъ ей дары отъ... отъ меня...

На томъ, простясь съ старикомъ, Орья покончила свою бесѣду, такъ-какъ за ней прибѣжалъ посланецъ отъ государыни Марфы Ивановны.

Въ узелкѣ, завернутыя въ Орьянъ полотняный утиральникъ, были:—ширинка лазорева шелкова серебромъ шита, да вольцо злато съ алымъ яхонтомъ...—Это были дары Михаила Феодоровича, имѣвшіе символическое значеніе: — Когда царь выбиралъ невѣсту, онъ вручалъ ей ширинку*) и кольцо.

*) Платокъ.

ГЛАВА VIII.

Въездъ въ Москву (2-го мая 1613 г.).

Когда князь Троекуровъ подъѣхалъ къ Москвѣ, сердце его облилось кровью: кругомъ стольнаго града, вмѣсто плодоносныхъ полей и садовъ, вмѣсто поселковъ и потѣшныхъ дворцовъ, какъ бывало при царѣ Θεодорѣ Иоанновичѣ, да при царѣ Борисѣ, теперь была пустыня!... До тла выжженные поселки, разоренные дворцы, безлюдье, всѣ слѣды ужасныхъ, пережитыхъ москвичами бѣдствій, представляли печальныя картины. Но это еще было ничто въ сравненіи съ самой Москвою, гдѣ ни одинъ домъ не остался безъ кровавой драмы: въ иныхъ рѣзали и убивали русскихъ, а въ другихъ, въ послѣдствіи, били и кололи поляковъ, да тѣхъ собранныхъ со всей Южной Руси, съ Литвы и Польши поддонковъ рода человѣческаго, изъ которыхъ состояло воровское войско двухъ Лже-Дмитріевъ.

Троекуровъ прибылъ въ самое Благовѣщенье и прямо явился къ князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому, который тогда правилъ Москвою, нетерпѣливо ожидая прибытія царя, чтобы сложить съ себя тяжелое бремя: охрану государства, послѣ всѣхъ смуть еще не твердо стоявшаго въ преданности новоизбранному царю. Было, конечно, много недоброжелателей, злоумышлявшихъ воспользоваться междоцарствіемъ для своихъ коварныхъ выгодъ; но лучшіе тогдашніе люди: Д. М. Пожарскій, Д. Т. Трубецкой, Шереметьевы, Мстиславскіе, Голицыны, Воротынскіе, Кураицы и многіе другіе, вмѣстѣ съ роднымъ дядей царя, Иваномъ Никитичемъ Романовымъ, твердо стояли въ своемъ намѣреніи, посадить на престолъ Михаила Θεодоровича, прямого представителя рода царей законныхъ и прирожденныхъ. Князь Пожарскій обрадовался пріѣзду Троекурова, помѣстилъ его въ своихъ хоромахъ, обლობзалъ его и чествовалъ, какъ посла государева. На другой день собрали Боярскую Думу и прочли грамоты Михаила Θεодоровича и матери его Марфы Ивановны.

«Рады мы въ скорости видѣть государя и государыню, въ ихъ стольномъ градѣ Москвѣ, сказалъ князь Дмитрій Тимофеевичъ Трубецкой. А то, что въ грамотахъ писано, чтобы изготавить для государя золотую Палату царицы Ирины Θεодоровны, да для государыни его матери хоромы жены царя Василя Шуйскаго, того исполнить намъ не можно; тѣ хоромы разорены зѣло, кровлей нѣту, мостки, лѣстницы, полы поломаны, двери, окошки выбиты; надо все строить съизнова, а лѣсу нѣту....

— Лѣсу купить можно, плотниковъ и всякихъ мастеровъ созвать на спѣхъ, замѣтилъ Троекуровъ.

Пожарскій покачалъ головой. «Видно, что вы тамъ ничего не вѣдаете, что здѣсь было: денегъ въ Москвѣ нѣтъ, казна государственная пуста, сокровища, вѣками скопленные, расхищены, люди московскіе разбѣжались, а многіе побиты и мастеровъ теперь не найдешь!.... Коли не вѣришь, то поидемъ въ Кремль и во-очію убѣдись, до чего Господь прогнѣвался на Москву, допустившую въ свои нѣдра самозванцевъ, воровъ, убійцъ и измѣнниковъ»...

— Скажи невѣстѣй моей, Марфѣ Ивановнѣ, что мы съ великимъ трудомъ, на свои послѣдніе рублишки, что отъ измѣнниковъ сохранили въ землѣ зарытыми, припасли ей хоромы въ Вознесенскомъ монастырѣ, а племяннику моему, Михаилу Θεодоровичу доложи, что для его государева здоровья отдѣланы заново хоромы царя Ивана, да Грановитая Палата, сказалъ Иванъ Никитичъ Романовъ.

— Не согласится государыня врознь съ сыномъ жить, замѣтилъ Троекуровъ.

— Тутъ недалече Вознесенскій-то монастырь, въ Кремль-же, да и на время это, а когда все устроится, тогда воля ея будетъ, гдѣ жить; по моему разумѣнію, инокинь пристойнѣе было-бы въ монастырѣ пребывать, довольно рѣзко возразилъ Иванъ Никитичъ. Еще скажи ей, невѣстѣй моей, что ея любезная сродница, Евнїїя Салтыкова, иновиней-же въ Вознесенскомъ монастырѣ.....

— Отпишите все это въ грамотѣ, а я, что здѣсь увижу, все передамъ неложно, согласился Троекуровъ и

просилъ дать ему списокъ, много-ли корму и всякихъ запасовъ есть на-лицо и сколько можно собрать для приѣзда царя и его свиты.

Возвратясь въ Ярославль, гдѣ его нетерпѣливо ждали, Троекуровъ разсказалъ, въ какомъ бѣдственномъ положеніи находится Москва. Михайль Θεодоровичъ со слезами просилъ свою мать не требовать излишнихъ расходовъ и довольствоваться тѣмъ, что бояре приготовили; но Марфа Ивановна и слышать не хотѣла выѣхать въ Москву безъ надлежащаго царственнаго блеска. По обыкновенію, Михайль Θεодоровичъ долженъ былъ уступить, не смотря на сильное желаніе поскорѣе быть въ Москвѣ. Салтыковы поддерживали въ своей теткѣ требовательность: Чѣмъ-же государь будетъ своихъ друзей жаловать? говорилъ Борисъ Салтыковъ.

— Развѣ не можно сбойщиковъ по городамъ послать и запасовъ и денегъ набрать? подхватилъ Михайло.

Тутъ вступился архимандритъ Θεодоритъ:

— Не дѣльно боярину Михайло Михайловичъ ты молвишь!.... Народъ російскій оскудѣлъ, послѣ такихъ бѣдствій съ горожанъ нечего взять, а бояре почти всѣ разорились. Потерпи, государыня! первымъ долгомъ надо заботиться о томъ, чтобы владѣву нашего Филарета Никитича выручить, а доколѣ царь не сядетъ на престолъ, о томъ хлопотать не можно...

Послѣ долгихъ увѣщаній, Марфа Ивановна согласилась выѣхать изъ Ярославля, но, по прибытіи въ Троицкую Лавру, снова заупрямилась; присланнымъ къ ней на встрѣчу боярамъ она сказала съ великимъ гнѣвомъ:

«Вы насъ слезно просили и крестное добровольно цѣлованіе учинили, что всѣ люди московскаго государства исправились, а намъ доподлинно извѣстно, что по городамъ, по селамъ и дорогамъ воровскія шайки грабятъ людей неповинныхъ, великими пытаются муками! Скажите Боярской Думѣ; доколѣ кровь неповинная будетъ литься, а воры безчинничать, дотолѣ мы въ Москву не поѣдемъ».

Михайль Θεодоровичъ умолялъ свою мать ѣхать; архимандритъ Троицкій Діонисій и келарь Авраамій Па-

лицынь также убѣждали ее и, наконецъ, она выѣхала изъ Лавры, достигла, 30 апрѣля, до села Братовщины, стоящаго на полъ-пути къ Москвѣ и тутъ ее встрѣтили новые послы: князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій, бояринъ Морозовъ, князь Мезецвій и разные выборные отъ всѣхъ городовъ.

Марфа Ивановна смиловалась и государь, съ ея соизволенія, обѣщалъ прибыть въ Москву 2-го мая.

Великое было торжество въ Москвѣ 2-го мая 1613 г. Это было не похоже на обычную встрѣчу царей, нѣтъ!... Это была общая семейная радость; Михаила Θεодоровича встрѣчали какъ любезнаго сроднича, какъ единственную надежду на спасеніе Руси. Народъ восторгался, видя красоту, добросердечіе и милость своего избранника.

Послѣ мѣлебствія въ Успенскомъ Соборѣ бояре, дворянство, воинство и люди всѣхъ сословій кланялись государю, инокинѣ Марфѣ Ивановнѣ и подходили къ рукѣ. Иванъ Никитичъ Романовъ, стоя возлѣ племянника, называлъ по имени знакомыхъ ему бояре.

«Вотъ Иванъ да Гаврило Хлоповы, а вотъ сродники ихъ, Иванъ да Александръ Желябужскіе», сказалъ онъ между прочимъ. Михаилъ Θεодоровичъ принялъ ихъ особенно милостиво, а инокиня Марфа Ивановна сказала Желябужскимъ: «Скажите матери вашей Θεодорѣ Семеновнѣ, чтобы къ мнѣ въ хоромы жаловала». Когда государь ѣхалъ отъ Лавры московскими улицами, то шествіе его тянулось мимо подворья Желябужскихъ. Θεодора Семеновна стояла у окошка вмѣстѣ съ другими боярынями, пріѣхавшими къ ней, чтобы посмотрѣть на поѣздъ царя; а въ терему, сквозь кисейную занавѣску, смотрѣла боярышня Марья. Радостныя слезы катились по ея лицу... вотъ и онъ!... въ царскомъ облаченіи онъ еще прекраснѣе!... Онъ обернулся, занавѣска слегка распахнулась... Узналъ-ли онъ ее?.. Нѣтъ!.. Онъ и не воображаетъ, что близко то сердце, которое любить его такъ страстно!... Онъ равнодушно отвернулся.... Поѣздъ прошелъ, народная толпа хлынула въ слѣдъ стрѣльцкихъ ратей, провожавшихъ царя.

Давно замолкли трубные звуки, голоса народа и конскій топотъ, а Марья все стоитъ у окна, лицо ея постепенно блѣднѣетъ.... какое-то злое предчувствіе охватываетъ ее холодомъ....

— Нѣтъ!.... Видно не для меня счастье на землѣ!... плачетъ она и молится передъ иконою въ уединеніи дѣвичьяго терема...

А тамъ въ Кремлѣ, въ царскихъ палатахъ, идетъ великій пиръ и въ то время, когда Марья отчаивается въ исполненіи обѣта, даннаго ей Михаиломъ, при имени Хлоповыхъ и Желябужскихъ, въ царево сердце горячимъ потокомъ нахлынуло воспоминаніе о тайномъ свиданіи въ Ипатьевскомъ монастырѣ съ Марьей Хлоповой и онъ мысленно повторяетъ зарокъ—сдѣлать ее царицею.

11 Іюля Михаилъ сѣлъ на московскій престолъ. Когда собрались въ Грановитой Палатѣ, чтобы идти въ Успенскій Соборъ для вѣнчанія, то между бояръ произошло разногласіе за мѣста: Князь Д. Т. Трубецкой не хотѣлъ стоять ниже Ивана Никитича Романова, а дворянинъ Гаврило Пушкинъ нашелъ для своего рода обиднымъ, что ему назначили мѣсто ниже вождя освободителя князя Д. М. Пожарскаго. Государь согласилъ ихъ, говоря: «Для такого великаго дня, пусть бояре будутъ безъ мѣстъ»!...

На другой день праздновали именины новаго царя, который при этомъ пожаловалъ дворянство Кузьмѣ Минину. Первой заботой Михаила Феодоровича стало освобожденіе его отца Филарета Никитича изъ плѣна; всякія другія заботы отодвинулись на задній планъ; думать о женитьбѣ, прежде долга родителю, было зазорно, да и казна дворцовая была такъ скудна, доходы съ разореннаго государства такъ ничтожны, что была необходима вся энергія тогдашняго правленія, чтобы водворить въ дѣлахъ порядокъ, а главное завести надежное войско.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Казнь атамана стрѣлецкаго.

Сводная былина петровская.

Голова-ль ты моя, головушка,
Голова моя послуживал!
Послужила моя головушка
Ровно тридцать лѣтъ и три года,
Со добра коня не слѣзаючи,
Изъ стремянъ нощь не вынимаючи.
Да не выслужила головушка
Ни корысти себѣ, ни радости;
Только выслужила головушка
Что два столбика высокіе,
Перекладинку кленѣвую,
Еще петельву шелкѣвую.

Изъ Кремля-Кремля, крѣпка гѣрода,
Отъ дворца-дворца государева,
Что до самой до Красной Площади
Пролежала широкая дороженька.
Какъ по-той-ли, по широкой дороженькѣ
Добра мѣлодца казнить ведутъ,
Добра мѣлодца, атамана стрѣлецкаго,
За измѣну царю-отечеству.

Идетъ молодець—не оступится,
 Не оступится, не посупится,
 На людей всѣхъ быстро озирается—
 Что и тутъ-то въ измѣнѣ не каится.
 Его бѣлыя руки связаны...
 Его скорыя ноги скованы
 Впереди идетъ грозѣнъ палачъ,
 Во рукахъ несетъ остеръ топоръ;
 Позади идутъ отецъ съ матерью,
 Отецъ съ матерью, съ молодой женой;
 Они плачутъ, что рѣка льется,
 Возрыдають, что ручьи текутъ,
 Возрыдая, выговаривають:

«Ты, дитя-ли, дитя наше милое!
 Поворися ты самому царю,
 Принеси головушку повинную:
 Авось, Богъ тебя помилуетъ,
 Государь-царь тебя пожалуетъ».

Каменѣеть сердце молодецкое;
 Отца-матери онъ не слушаетъ,
 Надъ женой молодой не сжалится,
 О дѣтяхъ своихъ не болѣзнуетъ—
 Что и тутъ царю не покоряется.

Привели его на Площадь Красную;
 Какъ взвели на тотъ высокій срубъ,
 На то мѣсто его показанное—
 Помолился онъ Спасу чудному, *)
 На всѣ стороны низко кланялся:

«Вы простите, люди православные!

*) Образу на Спасской башнѣ, что на Красной Площади.

Помолитесь за мои грѣхи,
За мои грѣхи, за тяжкіе ».

Не успѣли православные вбззрети,
Какъ отсѣкли буйну голову
Что по самы могучи плечи.

Пѣсня царицы Евдокии Федоровны Лопухиной.

Сводная былина петровская.

Возлѣ рѣченьки хожу млада—
Меня рѣченька стопить хочеть;
Возлѣ бѣгничка стою млада—
Меня бѣгничекъ спалить хочеть;
Возлѣ милаго сижу млада—
Меня милый мой журить-бранить,
Все бранить, въ монастырь вѣдти велить:

«Постригися, жена немилая,
Ты посхимися, постылая!
На постриженіе дамъ сто рублей,
На посхименіе дамъ тысячу;
Я поставлю тебѣ келейку,
Что новѣхоньку, малѣхоньку,
При пути-ли при дороженькѣ,
Въ зеленѣомъ саду подѣ яблоней;
Прорублю тебѣ три окошечка:
Какъ ужъ первое-то къ церкви Божіей,
А другое-то во зеленѣный садъ,
А и третье-то во чистѣ поле:
Въ церкви Божіей ты намолишься,
Въ зеленѣомъ саду нагуляешья,
Во чистѣ поле да насмотришься».

Какъ пойдутъ тутъ старцы перехожіе *),
Моей келейѣ подивуются:

— «А и что это, братцы, за келейка?
И малѣхонька, и новѣхонька.
А и кто-же въ ней спасается,
Или вдовушка, или дѣвушка?»—

Какъ тутъ выйду къ нимъ, млада старочка**),
Молодѣхонька, хорошохонька,
Поклонюся имъ низѣхонько,
Поклонившись, слово вымолвлю:

«Тутъ спасается не дѣвушка,
Не дѣвушка и не вдовушка,
А спасается тутъ жена мужная». —
И возгворятъ старцы перехожіе:

— «А за что-же ты пострижена,
Молодѣхонька пострижена—посхимлена,
За какой грѣхъ Богу молишься,
За великій, знать, спасаешься?»—

— «Ахъ вы, старцы перехожіе,
Неразумные, недогадливы!
Вы спросите, разузнайте-ка,
За что мужняя жена спасается?»

Пойдутъ спрашивать старцы перехожіе.
Какъ и взмолятся тутъ немилый мужъ:

— «Разстригися, жена моя милая!
За разстриженье дамъ тебѣ тысячу,

*) Калѣки перехожіе, пѣвцы, былинъ.

**) Старца, монашенка.

За расхищенье—все имѣньяице;
Я построю тебѣ новъ-высокъ терѣмъ,
Что со красными со оконцами,
Со хрустальными со стекольцами.
Будешь жить въ немъ, прохлаждатися,
Въ цвѣтно платьѣ наряжатися»..

Какъ возгворю тутъ, млада старочка:

— «Да ужъ Богъ съ тобой, немилый мужъ!
Мнѣ не надо твоей тысячи,
Ни всего твоего имѣньяица,
Мнѣ не надобенъ новъ-высокъ терѣмъ:
Я останусь въ своей велейкѣ,
Стану вѣкъ свой жить-спасатися,
За тебя Богу молитися».

МАРМОНЪ.

Разказъ.

Елеонора Мак-Леанъ, лѣтъ двадцати пяти, съ тонкими, пріятными и благородными чертами лица, жена одного моего пріятеля изъ старшихъ чиновниковъ при таможенѣ въ Сан-Франциско. Мои отношенія съ ея мужемъ, по мѣрѣ знакомства, дѣлались прочными и дружескими, что весьма рѣдко бываетъ въ необщительной средѣ новаго свѣта. Впродолженіи двухлѣтнаго моего знакомства я полюбилъ семейную жизнь этой счастливой четы, исторія которой была проста и коротка. Познакомились они въ Новомъ-Орлеанѣ. Мак-Леанъ, молодой человѣкъ, занимавшійся въ одномъ изъ коммерческихъ домовъ, встрѣчалъ миссъ Елеонору Лавтонъ у общихъ ихъ друзей. Онъ плѣнился не одной красотой, но еще болѣе ея серьезными и солидными качествами. Подъ веселымъ и живымъ характеромъ молодой дѣвушки скрывался тонкій умъ, установившіяся правила и преобладающее надъ всѣмъ этимъ религиозное направленіе, переходящее въ экзальтацію. Ее приводило въ негодованіе неравенство положеній въ обществѣ и матеріальные интересы, сдѣлавшіяся кумиромъ. Ее влекло къ бѣднымъ и несчастнымъ, и она мечтала о невозможныхъ реформахъ. Но этотъ небольшой недостатокъ нисколько не охладилъ Мак-Леана къ миссъ Лавтонъ. Онъ ей объ-

яснилъ въ любви и, убѣдившись во взаимности, обратился къ ея родителямъ. Таковъ обычай въ Америкѣ. Тамъ говорятъ съ отцомъ и матерью, предварительно убѣдившись уже въ чувствѣ молодой дѣвушки, на томъ основаніи, что выходить замужъ ей, а не матери; и такъ-какъ дѣло касается ея, то она и должна прежде всѣхъ обсудить его. Отецъ и мать Лавтоны, какъ истые американцы, отвѣчали молодому человѣку, что если миссъ Елеоноръ онъ нравится, то они противъ этого ничего не имѣютъ, такъ-какъ онъ, Мак-Леанъ, человѣкъ совершеннолѣтній, съ привитой оспой, членъ церкви и чиновникъ на хорошей дорогѣ. Его не спросили ни о его состояніи, ни о его видахъ на будущее; это до нихъ не касалось, тѣмъ болѣе, что они сами ничего не давали за миссъ Елеонорой, исключая своего родительскаго благословенія. Молодая дѣвушка откровенно объявила имъ о выборѣ своего сердца, не имѣя никакого побужденія это скрывать. Мѣсяцъ спустя, миссъ Елеонора Лавтонъ сдѣлалась Елеонорой Мак-Леанъ.

Протекли три года, не отмѣченные для нихъ ничѣмъ особеннымъ, кромѣ появленія на свѣтъ божій двухъ дѣтей. Состояніе молодыхъ людей не увеличивалось, и Мак-Леанъ, предполагая и въ будущемъ такое-же размноженіе, рѣшился, посовѣтовавшись съ женой, оставить Новый-Орлеанъ и искать положенія болѣе выгоднаго въ иномъ мѣстѣ. Тогда много говорили о Калифорніи, о ея золотыхъ рудникахъ и громадныхъ земледѣльческихъ богатствахъ. Мак-Леанъ выхлопоталъ, чрезъ посредничество своихъ друзей, мѣсто въ тамошней администраціи. Онъ былъ молодъ, дѣятеленъ, женатъ, что служить рекомендаціей въ Соединенныхъ Штатахъ, и принадлежалъ къ демократической партіи, тогда очень сильной. Его основательная просьба была принята, и въ началѣ 1850 г. онъ прибылъ въ Сан-Франциско, занялъ свой постъ и устроился съ семействомъ въ скромномъ домѣ въ Порт-Боахъ.

Въ то время въ Калифорніи, разъ начавшееся дви-

жизнѣ шло быстро, точно такъ-же шель быстро умный, честный и самолюбивый Мак-Леанъ. Жена его оказалась расчетливой, жалованіе увеличено, мѣстности для работы вполне выгодныя, такъ что онъ могъ, откладывая отъ получаемого дохода, и покупать за безцѣновъ земли, и перепродавать ихъ дорого.

Въ 1852 г., въ ту эпоху, какъ я узналъ его, онъ считался, если не богачомъ, то, во всякомъ случаѣ, очень состоятельнымъ человѣкомъ, съ прекрасной будущностію. Семья Мак-Леана умножалась и четверо дѣтей дополнили супружеское счастье. Наконецъ, чтобъ окончить описаніе ихъ Калифорнскаго семейнаго быта, надо сказать, что Мак-Леанъ обожалъ свою жену и, противъ обычая своихъ соотечественниковъ, мало пилъ и не игралъ въ карты.

Разъ вечеромъ, согласно данному обѣщанію, я отправился къ нимъ. Въ гостиной, рядомъ съ молодой хозяйкой, сидѣлъ какой-то прямой, вытянутый молодой человѣкъ, около двадцати лѣтъ. Его гладкіе, ровные волосы, мѣшковатое платье, согнутыя колѣни, острые и угловатые локти производили-бы непріятное впечатлѣніе, если-бы не выкупали этихъ недостатковъ добъ, правильно очерченныя сжатыя губы и глубокій, серьезный взглядъ.

— Позвольте васъ представить... моего героя романа, сказала хозяйка шутя, шепотомъ и потомъ вслухъ... господина Джона Бригама Юнга.

Молодой человѣкъ привскочилъ, какъ на пружинѣ, два, три раза потрясъ мнѣ руку и, не произнося ни слова, опять сѣлъ.

Перекинувшись съ хозяйкой и ея мужемъ нѣсколькими словами, я обратился къ гостю съ вопросомъ, когда онъ пріѣхалъ и куда отправляется? Въ Соединенныхъ Штатахъ обыкновенно не стѣсняются разспросами и никто за это не обижается.

— Я пріѣхалъ третьяго дня съ Сандвичевыхъ острововъ—съ береговъ Ростлеса, отвѣчалъ Юнгъ. Не имѣя денегъ заплатить за паспортъ, я работалъ какъ матросъ,

а потомъ, приплывши безъ доллара въ карманѣ, долженъ былъ ночевать на берегу, но Богъ не оставляетъ своихъ избранныхъ. Госпожа Мак-Леанъ меня приютила на нѣсколько дней до моего отъѣзда.

— Куда отправляетесь вы?

— Прямо на востокъ. Я возвращаюсь въ Новый-Иерусалимъ, въ городъ Соленого-Озера. Я желалъ-бы, если только возможно, наняться возницей въ одинъ изъ каравановъ, направляющихся въ Колорадо.

— Но вы еще на половинѣ пути, замѣтилъ я ему, и не можете-же предполагать совершить такое значительное путешествіе безъ всякихъ средствъ?

— Богъ поможетъ, невозмутимо отвѣчалъ онъ. Затѣмъ, онъ объявилъ мнѣ, что онъ семнадцатый сынъ Бригама Юнга, главы мармоновъ. Отецъ приказалъ ему отправиться въ Сан-Франциско, а оттуда въ Океанію— проповѣдывать новую религію. Онъ выполнялъ свою миссію, не имѣя при себѣ другихъ средствъ, кромѣ упованія пророка на Провидѣніе и онъ довольствовался этимъ.

Все обличало въ немъ рѣдкое упорство, твердую вѣру и пылія убѣжденія. Очевидно, у него была натура сектатора. Когда я его спрашивалъ о мѣстностяхъ, гдѣ онъ былъ, то не могъ добиться другихъ свѣдѣній, кромѣ относящихся къ религіозной его миссіи. За исключеніемъ этого, онъ ничего не видалъ; страна, климатъ, почва, произведенія и нравы жителей оставались ему неизвѣстны. Онъ говорилъ, что былъ тамъ-то, проповѣдывалъ тамъ-то и слово его должно привести плоды. Наконецъ, продолжая разговаривать, началъ приходить въ восторженное состояніе, рѣчь становилась обильнѣе и мало-по-малу перешла въ проповѣдь, которую онъ закончилъ предсказаніемъ о великой будущности мармоновъ.

Я былъ изумленъ и, по временамъ, взглядывалъ на хозяйку Мак-Леанъ; ея лицо выражало сдерживаемое волненіе, мужъ-же ея слушалъ, видимо, съ едва скрываемымъ нетерпѣніемъ. Кончивъ проповѣдь, Джонъ-Юнгъ поры-

висто всталъ, зажегъ свѣчу и вышелъ, не сказавъ ни слова.

— Если они всѣ таковы, сказалъ мнѣ Мак-Леанъ, то они много надѣлаютъ хлопотъ въ Вашингтонѣ. Знаешь ли, мой другъ, обратился онъ къ женѣ, я буду очень радъ, когда мы избавимся отъ этого безповойнаго жильца. Не хорошо христіанскому семейству давать у себя пріютъ такимъ людямъ. Хозяйка проговорила что-то въ родѣ извиненія, въ видимомъ смущеніи. Я протселся.

— Погода прекрасная, я пойду васъ проводить, обратился ко мнѣ Мак-Леанъ. Мы вмѣстѣ вышли и Джонъ Юнгъ, конечно, былъ предметомъ нашей бесѣды. Изъ нѣсколькихъ словъ Мак-Леана я замѣтилъ въ немъ странную озабоченность, о которой я и рѣшился спросить, по праву дружбы.

— Да, я очень недоволенъ, отвѣчалъ онъ. Съ нѣкоторыхъ поръ я нахожу въ Елеоворѣ перемѣну. Привязанность ея къ намъ все та-же и она выполняетъ обязанности съ обыкновеннымъ своимъ умѣньемъ, прибавилъ онъ съ отѣнкомъ гордости. Мой домъ и дѣти превосходно держаны, но она болѣе чѣмъ когда-нибудь занимается религіозными вопросами; она съ особеннымъ вниманіемъ слушаетъ поученія этого безумца и, два мѣсяца тому назадъ, хотѣла быть постоянной посѣтительницей собраній Парлей - Пратта, этого апостола мармоновъ, какъ онъ себя называетъ.

Однажды я провожалъ ее туда и, признаюсь, никогда не слыхалъ столько нелѣпостей, высказанныхъ въ самое короткое время. Тамъ было съ сотню безумцевъ, разня ротъ отъ восторга, и когда я, по возвращеніи, выразилъ относительно этого свое мнѣніе, а замѣтилъ, что Елеонора его не раздѣляетъ и что она съ состраданіемъ смотритъ на недостатокъ во мнѣ благоговѣнія къ высокимъ, по ея мнѣнію, убѣжденіямъ.

Вы увидите, продолжалъ онъ съ негодованіемъ, тогда для меня забавнымъ, что намъ необходимо будетъ,

на этихъ-же дняхъ, устроить наблюдательный комитетъ, съ цѣлью избавиться отъ этихъ лжеучителей.

— А пока вы имъ даете у себя пріютъ. Логично это?

— Вы правы, это совершенно бессмысленно. Сыщите мнѣ скорѣе караванъ, съ которымъ-бы можно было проводить этого господина. Я ему положу десять долларовъ въ карманъ, и, можетъ быть, прибавилъ онъ, говоря будто про себя, онъ тогда скорѣе попадетъ въ руки Сіу? Все было-бы однимъ негодяемъ меньше!

На этомъ добродушномъ желаніи мы разстались. Два дня спустя я извѣстилъ Мак-Леана объ исполненіи его желанія, и потомъ въ первый разъ, какъ я къ нему пришелъ, онъ съ женой, и дѣти были одни...

— Джонъ-Юнгъ даже не поблагодарилъ меня, сказалъ онъ мнѣ; надѣюсь, Провидѣніе будетъ о немъ заботиться, а я ужъ съ нимъ развязался.

Этотъ случай я почти совсѣмъ было забылъ, какъ вдругъ, нѣсколько времени спустя, я прочелъ въ журналахъ объявленіе о публичной проповѣди знаменитаго оратора мармоновъ Парлея-Пратта въ одномъ изъ общественныхъ собраній, у Самуила Бранана, богатѣйшаго негодянта въ Сан-Францискѣ, бывшаго когда-то извозчикомъ, а теперь арматора и банкира, и захватившаго въ свои руки всю торговлю Калифорніи съ Китаемъ и Японіей. Кромѣ того, нѣкоторые утверждали, будто онъ былъ финансовымъ агентомъ Бригама-Юнга. Достоверно было то, что онъ открыто объявлялъ себя мармономъ и, для успѣха новой религіи, ссудилъ свой домъ, кредитъ и вліяніе. Для этого собранія онъ предложилъ свой обширный кирпичный сарай, только-что оконченный и ничѣмъ еще не занятый, и въ которомъ могло помѣститься болѣе тысячи человекъ.

Я отправился туда въ назначенный день. Тамъ собралась толпа людей подъ вліяніемъ только любопытства, какъ можно было судить по ихъ безцеремонному положенію, по шуточкамъ и разнымъ пересудамъ. Кое-гдѣ

только видѣлись группы людей, сосредоточенныхъ въ себѣ, — то были вѣрные послѣдователи новаго ученія. Несмотря на то, что большинство изъ нихъ было мужчинъ, но и женщинъ я нашелъ болѣе, чѣмъ ожидалъ. Въ одномъ изъ малоосвѣщенныхъ угловъ залы, но близко отъ эстрады, я увидѣлъ г-жу Мак-Леанъ. Она меня не замѣчала, равно какъ и все окружающее; очевидно, ея умъ былъ занятъ, она ждала.

Наконецъ, ораторъ появился и воцарилось глубокое молчаніе. Американцы инстинктивно уважаютъ индивидуальную свободу и даръ слова, какъ-бы они ни проявлялись, — въ рѣчахъ, проповѣдяхъ, чтеніяхъ, конференціяхъ-ли, они тотчасъ идутъ слушать. Самые странные тезисы, самыя необыкновенныя мнѣнія могутъ быть развѣиваемы, не возбуждая ни ропота, ни противорѣчій.

Для нихъ слово — предметъ поклоненія, какъ для буддистовъ лоскутокъ бумаги, написанный или напечатанный. Мысль человѣка тамъ уважаютъ, предъ заявленіемъ ея преклоняются, нисколько ни въ чему не обязываясь.

Пэрлей-Притту было около шестидесяти лѣтъ. Большой ростомъ, со впалыми глазами, худощавый, почти съ сѣдыми бровями, съ немного наклоненнымъ станомъ направо, онъ появился безъ всякаго смущенія и безъ угловатости. Его костлявое тѣло облекалось въ длинный, просторный черный сюртукъ, некрасиво спускавшійся на его худыя колѣни. Онъ поразительно походилъ на страстующихъ проповѣдниковъ Западныхъ Штатовъ, привыкшихъ проповѣдывать на митингахъ, устраиваемыхъ гдѣ-нибудь въ лѣсахъ, сидя на стволѣ дерева, передъ аудиторіей, жаждущей смѣлыхъ метафоръ, напыщенныхъ изображеній и громкихъ проклятіи. Однимъ словомъ, я долженъ сознаться, что сначала онъ произвелъ на меня дурное впечатлѣніе, но оно не долго продолжалось. Съ первыхъ словъ въ немъ виднѣнъ былъ человѣкъ съ твердымъ убѣжденіемъ, восторженный, страстный, но умѣющій владѣть собой. Эта сдержанная пылкость бушевала въ немъ; она, какъ молнія по временамъ, просвѣчивала

въ его взглядѣ; она проявлялась въ линіяхъ около рта, въ едва замѣтныхъ, но полныхъ смѣлости, жестахъ. Преобладающая нотка его голоса обнаруживала власть. Онъ походилъ на пророка. Очевидно, этотъ человѣкъ ни въ убѣжденіяхъ, ни въ себѣ не сомнѣвался. Съ самаго начала онъ завладѣлъ вниманіемъ слушателей; онъ дѣйствовалъ на ихъ нервы, потрясалъ, затрогивалъ всѣ чувства; говорилъ, что время приближается, дни уже сочтены, горе опоздавшимъ! Надо все оставить, все повинуть, страсти отъ ногъ своихъ прахъ этого проклятаго города, искать Бога, слушать Его голосъ, углубиться въ обширныхъ пустыняхъ Утахи, присоединиться къ избранному народу, искать въ немъ истины, ибо одинъ онъ хранитель ея. Его сильная и рѣзкая рѣчь глубоко западала въ душу и сердца слушателей. Онъ нисколько не намѣревался доказывать или вызывать пренія; онъ говорилъ утвердительно, какъ человѣкъ, не боявшійся противорѣчій; высказывалъ свою теологію, психологію и собственную мораль.

Его неустрашимость не колебалась ни передъ какою проблемой, ни передъ какимъ рѣшеніемъ. Онъ приступилъ, съ веподражаемой непринужденностію, къ вопросу о полигаміи. Прежде всего, сославшись на ветхозавѣтную эпоху патріарховъ, которымъ они имѣютъ притязаніе подражать, онъ въ суровомъ колоритѣ изобразилъ эти мечтанія совратившагося съ пути ума, доказывалъ, что добровольный униженіемъ женщины и раболѣпствомъ одного пола передъ другимъ достигается полная побѣда самоотверженія, а постыднымъ самопожертвованіемъ — умерщвленіе плоти и гордости.

Аудиторія точно такъ же была достойна наблюденія, какъ и проповѣдникъ. Большая часть этихъ людей состояла изъ рудокоповъ, людей суровой жизни, опасныхъ въ такой странѣ, гдѣ законъ еще только былъ номиналенъ, гдѣ разумъ сильнѣйшаго бралъ всегда верхъ; но въ этой странной общественной средѣ, по наружности, не уживавшейся съ цивилизаціей и принужденностію,

проглядывало чувство, встречающееся вездѣ въ Соединенныхъ Штатахъ, религиозное основаніе и врожденное уваженіе ко всему сверхестественному. Парлей-Праттъ руководствовался этимъ.

По окончаніи рѣчи, толпа безмолвно разошлась. Г-жа Мак-Леанъ ушла одна изъ послѣднихъ. Я подошелъ къ ней, при выходѣ, и предложилъ проводить ее. Она согласилась. Дорогой я съ ней заговорилъ о только-что слышанномъ нами, но она казалась очень озабоченной и отвѣчала только односложными словами. Я тоже былъ разсѣянъ. Этотъ дьяволь-проповѣдникъ задѣлъ столько вопросовъ, такъ разстроилъ мысли, задался такими непредвидѣнными тезисами, что мнѣ казалось—видѣть человѣка, выбѣжавшаго изъ сумасшедшаго дома. Отрывки фразъ толпились у меня въ головѣ, страшно путали мою логику; я не могъ постичь, какъ могла до такой странной изуродованности достигнуть человѣческая голова.

Мы застали Мак-Леана въ гостиной. Увидѣвъ меня, онъ положилъ какую-то брошюру на столъ.

— Вы съ митинга? спросилъ онъ меня.

— А это что у васъ?

— Прочтите, да громко, можетъ быть, я пойму.

Брошюра озаглавлена была: книга Абрагама, переведенная съ подлинника Іосифомъ Смитъ. Я открылъ ее и сталъ читать. «Я сдѣлался законнымъ наслѣдникомъ и первосвященникомъ; я обладаю правомъ, принадлежащимъ отцамъ,—оно мнѣ было завѣщено ими; оно переходитъ мнѣ съ самыхъ первыхъ временъ; да, съ сотворенія міра, или прежде образованія земли—до нашихъ временъ, вмѣстѣ съ правомъ перворожденнаго перваго человѣка, который есть Адамъ или первый отецъ.

— Скажите, много такого вздора?

— Да, цѣлыхъ пятьдесятъ страницъ, такой-же силы и содержанія, можетъ быть, мѣстами немого менѣе понятныя.

— А, такъ вы ихъ прочли?

— Прочель... нѣтъ, только пробѣжалъ. Если вы желаете прочесть, я вамъ дамъ брошюру.

— Боже меня сохрани! Я съ ума сойду. Но какъ вамъ вздумалось купить ее?

— Я ее не купилъ, а нашель у себя, возвратясь домой. Она прислана Джономъ Юнгомъ, который, чтобъ ему сгинуть, напоминаетъ мнѣ о себѣ этимъ святымъ посланіемъ. Знаете-ли, какъ Жозефъ Смитъ читалъ это?

— Какъ обыкновенно, я полагаю.

— Нисколько. Онъ имѣетъ претензію увѣрять, что нашель въ Иллинейскомъ водохранилищѣ шесть бронзовыхъ досокъ съ древними письменами, которыхъ никто не могъ разобрать. Возлѣ нихъ лежали *urim thum tim*.

— Что вы сказали?

— Я говорю *urim thum tim*, т.-е. пара прорицательныхъ очковъ. Онъ ими воспользовался, и неразборчивыя письмена сдѣлались ясны для него. Онъ тутъ-же продиктовалъ переводъ, и вотъ вамъ его образчикъ.

Елеонора насъ слушала молча.

— Можетъ быть, милый другъ, ты лучше насъ понимаешь? спросилъ ее мужъ.

— Нѣтъ... но, можетъ быть... разсмотрѣвши хорошенько...

— И не будемъ разсматривать, оставимъ это. Скажи мнѣ что-нибудь о митингѣ, какого вы мнѣнія о Парлей Праттѣ? спросилъ онъ меня. Я сильно затруднился пустить Елеонору на его проповѣдь.

— Ты такъ добръ, Малькольмъ, сказала она, взявъ его руку и смотря на него съ кроткой улыбкой.

Онъ держалъ ея руку и, обратясь ко мнѣ, ждалъ моего отвѣта.

— Парлей-Праттъ фанатикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ораторъ, началъ говорить я, но съ логикой онъ въ смертельномъ разладѣ. Правда, онъ можетъ увлечь, но можетъ-ли убѣдить? Это другое дѣло. Въ особенности, у него совершенно новый взглядъ на полигамію. По его мнѣнію, это счастливое учрежденіе есть торжество духа

надъ матеріей. А я такъ до-сихъ-поръ находилъ всегда въ этомъ униженіе женщины, но, вѣроятно, ничего не понимаю, и, наоборотъ, многоженство ея апогеосъ.

— Это его тезисъ? И вы не шутите?

— Нисколько. Послушать его, такъ мармоны самыя чистѣйшія изъ людей; полигамія для нихъ—долгъ и трудная обязанность. По этому поводу онъ дошелъ до лиризма; онъ намъ изобразилъ мармонскую женщину, замкнутую въ своемъ домѣ, до ея уха не доходятъ шумъ и соблазны свѣта; она живетъ только для мужа, дѣтей и сестеръ по духу, какъ онъ выражаетъ взаимныя отношенія мармонскихъ женъ. Въ ней возбуждено благоразумное соревнованіе; она не засыпаетъ въ обманчивой безпечности, которую порождаетъ единая неразрывная связь; она желаетъ всегда нравиться, нравственно дѣлаться лучшей, и достигаетъ, наконецъ, того, что любить тѣхъ—кто дѣлаетъ счастливымъ любимаго ею человѣка, и ихъ дѣтей, которыя его дѣти; она любитъ ихъ чувствомъ неземнымъ—чувствомъ, которое есть начало небеснаго блаженства. Кажется, вѣдь, такъ? спросилъ я Елеонору.

— Да... почти такъ, какъ онъ говорилъ.

— Вы понимаете, я не гонюсь за букввой, но за духомъ.

— Bravo, bravo! радостно заключилъ Мак-Леанъ, захохотавъ.

— А, это васъ радуетъ?

— Разумѣется. Развѣ вы не видите, чѣмъ больше мармоны будутъ говорить глупостей и бредней, тѣмъ меньше они будутъ опасны?

— Это вашъ взглядъ, и, можетъ быть, вы правы, сказалъ я, вставая,

Было ужъ поздно, я простился съ своими друзьями и возвратился домой.

II.

Я провелъ три недѣли, не выдавшись съ Мак-Леанами: серьезное дѣло вызвало меня въ Сан-Діего. Я написалъ имъ объ моемъ отъѣздѣ и, приблизительно, назначилъ время моего возвращенія. Я надѣялся, что дѣла не долго задержать меня; но, въ описываемую эпоху, сообщенія были затруднительны, дороги такъ ненадежны, что diligencians часто опровергивались; бандиты по долинамъ и медвѣди въ лѣсахъ бродили на свободѣ. Я опоздалъ на нѣсколько дней и, возвратясь въ Санъ-Франциско, получилъ письмо отъ Мак-Леана—онъ меня настойчиво приглашалъ обѣдать въ тотъ-же день. «Не отказывайтесь, смотрите, Парлей-Праттъ будетъ у насъ».

— Парлей-Праттъ! Вотъ странная мысль и странный гость! подумалъ я.

Мое любопытство было возбуждено. Я написалъ нѣсколько словъ Мак-Леану, что я возвратился и что онъ можетъ на меня рассчитывать. Прежде означеннаго часа, я зашелъ въ его контору. Онъ меня ждалъ и мы вмѣстѣ отправились.

— Скажите мнѣ, Мак-Леанъ, развѣ вы намѣрены собирать мармоновъ. Послѣ Джона Юнга, Парлей-Праттъ! Благоразумно-ли, въ самомъ дѣлѣ, принимать всѣхъ этихъ людей и, наконецъ, развѣ не бонтесь вы?

— Я васъ понимаю, прервалъ онъ меня. Нѣтъ, я думаю, что поступаю благоразумно. Всего лучше видѣть близко нѣкоторыя вещи и нѣкоторыхъ людей... Что можетъ быть опасно издали, наоборотъ, вблизи безопасно. Елеонора—натура страстная, съ живымъ воображеніемъ; она себѣ набиваетъ голову утопіями общественныхъ соотношеній и религіозными экзальтаціями. Я хочу ей показать, какъ можно ближе, всю глупость мармонскихъ теорій. Мы вдвоемъ подстрекнемъ апостола, и разъ начавши бредить, онъ уже не остановится.

— А развѣ ваша жена говорила съ вами объ немъ?

— Часто. Его рѣчь произвела на нее впечатлѣніе, въ которомъ я вижу не одно *любопытство*. Въ сегодняшній вечеръ, я надѣюсь, излеченіе будетъ полное, если вы захотите помочь мнѣ.

— Я готовъ отъ всего сердца.

— Вы знаете, какъ на женщину можетъ вліять повелительный и вмѣстѣ съ тѣмъ полный убѣжденія тонъ. Она слушала Парлей-Пратта, свободно говорившаго, безъ перерывовъ и противорѣчій. Онъ могъ вскользь коснуться затруднительныхъ вопросовъ, вернуться отъ возраженій и своимъ фанатизмомъ не давать имъ ходу. Пускай она его увидитъ близко, вникнетъ въ живость его доктринъ и тогда свѣтъ коснется ея ума.

— Пожалуй, такъ... можетъ быть, вы и правы. Вы лучшій изъ мужей и лучшій судья въ этомъ вопросѣ.

— Вы знаете, сказалъ онъ мнѣ съ волненіемъ, какъ я люблю Елеонору; мы такъ счастливы. Эти проклятыя теоріи вѣдрились ей въ голову, мнѣ должно вылечить ее отъ нихъ; вы, конечно, поймете, прибавилъ онъ съ улыбкой, что я не по влеченію приглашаю подобнаго гостя. Можно-ли его имѣть въ подобному безумцу?

— Нѣтъ, конечно, нѣтъ, но однако...

— Что-же?

— У него ужъ восемь женъ, вы этого, развѣ, не знаете?

— Да... я забылъ. Несчастныя! Ну чѣмъ-же вы это объясните?

— Я? Да я ничего не объясняю, мой другъ. Когда дѣло идетъ о женщинахъ, я ничего не объясняю, а доказываю.

Г-жа Мак-Леанъ насъ ждала. Она меня приняла дружески, какъ и всегда, спрашивала о моемъ путешествіи, интересныя стороны котораго я ей рассказывалъ. Ея мужъ ушелъ поцѣловать дѣтей и переодѣться. Мы остались одни.

— Вы знаете, сказала она мнѣ, мы ждемъ Парлей Пратта?

— Да развѣ онъ былъ у васъ послѣ митинга?

— Одинъ разъ: онъ приходилъ просить о подпискѣ въ пользу бѣдныхъ мармонскихъ эмигрантовъ, терпящихъ во всемъ нужду. Малькольмъ ему далъ сто долларовъ и пригласилъ сегодня къ себѣ.

— Милькольмъ слышомъ великодушень.

— Великодушень и добръ, неправда-ли?

— А какое впечатлѣніе на васъ произвелъ апостолъ?

— Призваюсь, неудовлетворительное. Я не могла не сказать моему мужу послѣ его отъѣзда, что онъ мнѣ не понравился и что послѣ митинга я была о немъ лучшаго мнѣнія.

Въ эту минуту я понялъ, до какой степени Парлей Праттъ былъ правъ, рассчитывая на свое вліяніе. Пришелъ хозяинъ, а черезъ нѣсколько минутъ и Парлей Праттъ.

— Онъ неловко поклонился и протянулъ мнѣ длинную, шероховатую руку, подозрительной, какъ мнѣ казалось, чистоты. Съ перваго взгляда онъ показался мнѣ чуть не уродомъ,—но, всмотрѣвшись, я замѣтилъ у него большой, широкій и прекрасный лобъ, живые глаза, смотрѣвшіе изъ-подъ густыхъ бровей и насквозь пронизывающій взглядъ. Онъ пристально станавливалъ его на Елеонорѣ, съ выраженіемъ, показавшимся мнѣ не совсѣмъ святымъ. Впечатлѣніе, произведенное имъ на молодую женщину, не ускользнуло отъ него. Онъ смѣтилъ о своемъ промахѣ и тотчасъ придумалъ его исправить. Мы сѣли за столъ, и вскорѣ завязался разговоръ. Сначала Парлей-Праттъ соблюдалъ осторожность, но, мало-по-малу, подстрекаемый Мак-Леаномъ и мной, воодушевился и принялся развивать свои теоріи. Онъ говорилъ объ откровеніяхъ Божіихъ, которыхъ удостоились Жозефъ Смитъ и Бригамъ-Юнгъ. Я думалъ о *urim thum tim* и невольно улыбнулся. Затѣмъ онъ вознулъ вопроса о полигаміи. Мы только того и ждали.

— Я не вижу, сказала я, чтобъ откровенія вашихъ пророковъ и ваши доктрины подвинули-бъ впередъ хоть на шагъ христіанское ученіе.

— Это потому, что вы ихъ понимаете съ слишкомъ узкой точки зрѣнія. Въ настоящее время сила и число преобладаютъ; намъ надо быть сильными и многочисленными, отвоевать власть язычниковъ и возсоздать новый Иерусалимъ, гдѣ всѣ народы должны встрѣтиться. Какая слава, прибавилъ онъ съ сверкающими глазами, для слабой женщины способствовать этой задачѣ и дать борцовъ въ великое воинство Господа-побѣдителя.

— А развѣ полигамія нужна для этого?

— Да, только мармонизмъ можетъ возвысить женщину.

— Я совсѣмъ ужъ ничего не понимаю.

— Взгляните, сказалъ онъ съ энтузіазмомъ, показавшимся мнѣ истиннымъ, на этихъ жертвъ общественнаго благоустройства, на старыхъ цѣломудренныхъ дѣвъ, умирающихъ безслѣдно, на потерянныхъ женщинъ, которыхъ лѣнь и деизмъ сдѣлали добычей разврата и которыхъ истинный мармонъ спасъ-бы, сдѣлавъ ихъ супругами и матерями, наконецъ, на бѣдныхъ женъ недостойныхъ мужей—старыхъ или равнодушныхъ; онѣ обречены на бесплодіе, хотя сердца ихъ жаждутъ материнскихъ чувствъ, онѣ вдовы *de facto*, но прикованы цѣпами въ трупъ жестокимъ закономъ единобрачія, поддерживаемымъ сынами вѣка, мы-же допускаемъ пользоваться всѣми чувственными наслажденіями, вмѣстѣ съ тѣмъ освобождая отъ наказанія и тяжелыхъ послѣдствій грѣха.

Я наблюдалъ за Елеонорой; она волновалась болѣе насъ и не могла не выразить своего удивленія.

— Развѣ вы никогда не думали объ этомъ? продолжалъ онъ. А не думали оттого, что вы молоды и счастливы; иллюзіи золотятъ вашу жизнь—вы и не смотрите на то, что дѣлается вокругъ васъ. Я говорю вамъ истину.

— Нѣтъ, возразилъ Мак-Леанъ, вы намъ выставили только послѣдствія порока, которыя вы узаконяете. Развѣ не видите вы того, какъ народы, гдѣ существуетъ полигамія, падаютъ все ниже и ниже, женщина дѣлается у

нихъ прихотью, дѣти растутъ въ небрежности и апатіи, или, что еще хуже, въ ненависти.

— Это отъ отсутствія должной вѣры, прервалъ его проповѣдникъ. Не думайте, чтобъ я стоялъ за удовлетвореніе матеріальныхъ побужденій; наша религія предписываетъ противоположное: самоотверженіе — главный принципъ, на которомъ она зиждется.

Затѣмъ онъ сдѣлалъ ловкое отступленіе. Полигамія, продолжалъ онъ, не абсолютный законъ, онъ допускается желающимъ. Наконецъ, онъ незамѣтно завелъ разговоръ о городѣ Соленого-Озера; рассказалъ намъ о перипетіяхъ путешествія, предпринятаго Бригадомъ-Юнгомъ, во главѣ преслѣдуемыхъ мармоновъ, объ ихъ водвореніи въ Утахъ, объ удивительныхъ дѣйствіяхъ, совершенныхъ горстью людей, о томъ, какъ созданъ самый городъ въ пустынѣ; пустыня эта обработана, шхолы и храмы воздвигнуты по всему пространству. Онъ намъ изобразилъ трудъ, преданность мармонскихъ миссіонеровъ своему дѣлу, отправлявшихся по одному мановенію пророка — проповѣдывать съ одного конца свѣта до другого. Краснорѣчіе его было увлекательно, проникнуто убѣжденіемъ, и я видѣлъ, какъ г-жа Мав-Леанъ слушала его съ возрастающимъ любопытствомъ.

Напрасно я старался навести разговоръ на теоріи, рѣзко опровергающія его ученіе. Я имѣлъ дѣло съ противникомъ опытнымъ и сильнымъ въ построеньяхъ хитрыхъ софизмовъ. Онъ замѣтилъ, что передъ нимъ душа искренняя и честная, жертва религіозной экзальтаціи, инстинктивно увлекающаяся преданностію и самоотверженіемъ, и которую не удовлетворяли строгія формулы методизма. Чтобы яснѣе выставить безкорыстіе мармоновъ и ихъ презрѣніе къ богатству, онъ ловко сопоставилъ матеріальное состояніе Соединенныхъ Штатовъ, съ общимъ тамъ поклоненіемъ деньгамъ и съ равнодушіемъ къ физическимъ и моральнымъ бѣдствіямъ ближняго. Онъ изобразилъ ихъ безсердечную холодность къ бѣднымъ, невѣжественнымъ и несчастнымъ міра сего, и посреди этой

толпы небольшое число мужчинъ и женщинъ, болѣе развитыхъ и просвѣщенныхъ, посвятившихъ себя на то, чтобъ проповѣдывать, обращать, обучать и поднять этихъ несчастныхъ, однимъ словомъ—отдать свою жизнь борьбѣ, невидимой для свѣта, но, тѣмъ не менѣе, благотворной. Онъ обращался, хотя въ намъ, но говорилъ не для насъ; онъ слѣдилъ, по выраженію лица, за душевнымъ волненіемъ Елеоноры; развивая нѣкоторые пункты и обходя другіе, онъ дотронулся и той струны патриотизма, которая такъ чувствительна въ американской женщинѣ. Онъ говорилъ объ этомъ новомъ, возрастающемъ государствѣ, вызывающемъ всѣ симпатіи и преданность. Обходъ его рѣчи былъ такъ ловокъ, что, казалось, негдѣ подпустить и иголки. Онъ очень хорошо зналъ, что убѣдить насъ не можетъ, а потому и не пробовалъ этого. Совершенно въ намъ равнодушный, онъ ловко и упорно преслѣдовалъ свою цѣль.

Женщины малю заботятся о логикѣ; она для нихъ такъ-же стѣснительна, какъ для птички клѣтка; за то онъ ею не очень и руководствовался. Онъ воздержался пускаться въ заоблачные абстракты и отъ приведенія намъ текстовъ изъ книги Абрагама; но онъ говорилъ съ энтузіазмомъ и съ убѣжденіемъ, увлекательно и краснорѣчиво для женщины. Такимъ образомъ кончился вечеръ, и я остался при полной увѣренности въ его совершенномъ безуміи, но безуміи, опасномъ для такой женщины, какъ Елеонора.

Онъ умѣлъ во время прекратить разговоръ и во время ухъать. Это было верхъ смѣтливости.

— Ну, что вы объ немъ думаете, спросилъ Мак-Леанъ, провожая меня домой.

— Я думаю, что лучше было-бы этого апостола не принимать въ себѣ, и ваша мысль была не изъ счастливыхъ. Я все сдѣлалъ, что могъ, согласно моему обѣщанію; но видите ли, мой другъ, когда мужчины ведутъ подобный разговоръ въ присутствіи женщины, то она, въ такомъ случаѣ, не всегда отдаетъ предпочтеніе логикѣ,

которой представителями мы: но насъ съ вами онъ поборолъ, и я былъ-бы Очень доволенъ, еслибъ вашъ апостолъ былъ на Соленомъ - Озерѣ, за нѣсколько тысячъльѣ отсюда.

Я надѣялся, что мое искреннее желаніе исполнится; но недѣли проходили, а Парлей-Праттъ все еще не уѣзжалъ. Журналы объявили, что цѣлый транспортъ мармоновъ долженъ пуститься въ путь, подъ его предводительствомъ, но, по различнымъ причинамъ, оставался въ Сан-Францискѣ, продолжая болѣе и болѣе назначать митинги и конференціи. Я постоянно видѣлся съ своими друзьями, но, какъ-будто по безмолвному уговору, мы не говорили ни объ немъ, ни о его доктринахъ. Мак-Леанъ избѣгалъ этого предмета, а я подражалъ ему. Онъ казался мнѣ, болѣе чѣмъ когда-нибудь, занятымъ своей семьей и своими дѣлами, и постоянно нѣжнымъ и преданнымъ съ женою. Елеонора измѣнилась, она была по временамъ грустна, молчалива и взволнована, но я не считалъ себя вправѣ ее спрашивать о причинѣ. Однажды мнѣ повезлось, будто я видѣлъ ее на морскомъ берегу Норт-Беаха, одну безъ дѣтей, которыхъ она рѣдко оставляла; она возвращалась домой съ опущеннымъ вуалемъ, нервной и озабоченной походкой. Въ другой разъ, желая переговорить о серьезномъ дѣлѣ съ ея мужемъ, я отправился къ нему въ тотъ часъ, когда онъ съ своими имѣлъ обыкновеніе пить *lunch*. Я опередилъ и пересѣкъ дорогу Парлей-Пратту, который тоже шелъ по уединенной улицѣ—гдѣ они жили. При входѣ моемъ она сказала мнѣ, что занятія въ конторѣ удержали ея мужа, и что онъ въ этотъ день не приходилъ домой, но не упомянула ни слова объ апостолѣ, точно также и я ничего не сказалъ о своей встрѣчѣ. Черезъ нѣсколько дней, утромъ, Мак - Леанъ пришелъ ко мнѣ, и его посѣщеніе удивило меня. Я въ этотъ день долженъ былъ бы обѣдать у него, а онъ, занятый впродолженіи недѣли, обыкновенно посвящалъ весь день отдыха своей семьѣ. Я его нашелъ блѣднымъ и озабоченнымъ.

— Вы сегодня свободны? спросилъ онъ меня.

— Совершенно въ вашимъ услугамъ. Впрочемъ, у меня въ виду одинъ визитъ по ту сторону бухты и прогулка въ Лос-Лабахъ.

— Пожертуйте для меня вашимъ визитомъ, и пройдемтесь вмѣстѣ; мнѣ необходимо поговорить съ вами.

Полчаса спустя, мы шли черезъ холмы, отдѣляющіе Сан-Франциско отъ моря, вдоль берега, ведущаго въ Гольденъ-Гатъ.

— Милый другъ, сказалъ онъ мнѣ, я готовъ рѣшиться на ужасную жертву, но эта жертва мнѣ кажется необходимой: я думаю отправить жену съ дѣтьми въ Соединенные Штаты, къ ея старушкѣ-матери, которая овдовѣла и желаетъ видѣться съ нею. Я долго устранилъ эту поѣздку, но теперь обстоятельства заставляютъ на нее рѣшиться.

Я молчалъ въ удивленіи, не имѣя досихъ-поръ повода предполагать ничего подобнаго — я не находилъ словъ. Часто при мнѣ они оба осуждали такія разлуки, въ то время часто случавшіяся въ Сан-Францискѣ, — гдѣ дороговизна жизни и всякаго рода затрудненія принуждали многихъ женатыхъ людей оставлять свои семейства въ Соединенныхъ Штатахъ до тѣхъ поръ, пока они въ состояніи были ихъ призвать къ себѣ. Мак-Леанъ былъ богатъ, дѣла его шли прекрасно, и съ женой они нѣжно любили другъ друга. Мысль мнѣ показалась безумной и я ему это высказалъ.

— Узнавъ все, вы не будете осуждать меня. Тогда онъ мнѣ рассказалъ, что экзальтація жены его не только не уменьшилась, но, напротивъ, все увеличивалась. Она опять видѣлась съ Парлей-Праттомъ, и тотъ продолжаетъ преслѣдовать свои дьявольскія цѣли. Возвышенная натура Елеоноры, ея энтузіазмъ, страстное стремленіе къ преданности и самопожертвованію, высокое положеніе въ Сан-Францискскомъ обществѣ дѣлали изъ нея не рядовую прозелитку. Обращеніе ея надѣлало-бы шуму; оно было бы драгоценнымъ, блестящимъ успѣхомъ апостола и его доктринъ. Долго прямая и благородная душа Елеоноры

возставала противъ притворства и обмана, которыхъ требовалъ отъ нея Парлей-Праттъ; но, наконецъ, не выдержала и наступилъ день — когда она высказалась. Она сознавала въ себѣ вѣру въ дѣло мармоновъ и хотѣла посвятить себя ему.

— Да, наконецъ, я не понимаю, перебилъ я его, неужели вы полагаете, что жена, любивши васъ, оставитъ и пойдетъ за этимъ шестидесятилѣтнимъ гаеромъ, у котораго ужъ восемь женъ?

— Вы не понимаете и никогда не поймете американку, сказала онъ мнѣ съ горечью.

— Трудно и понять, сказала я самъ себѣ. Извините, что перебилъ, мой другъ. Продолжайте, можете быть, я, наконецъ, пойму.

Онъ продолжалъ. Елеонора во всемъ призналась, все рассказала. Она надѣялась тоже убѣдить его въ истинѣ, и обративъ, въ свою очередь, заставить рѣшиться эмигрировать въ Соленое-Озеро. Она любила его одного и надѣялась убѣдить его присоединиться къ себѣ, и взять съ собой дѣтей. Апостолъ, снисходя къ человѣческой слабости, сказалъ ей, что такъ-какъ мужъ отвергаетъ доктрины полигаміи, то она останется его единственной женой.

Мак-Леанъ, выслушавъ ее до конца, съ нѣжностью и любовью пытался привести ея мысли къ болѣе здравому смыслу, но безуспѣшно. Она отказалась ему обѣщать — не видаться съ Парлей-Праттомъ, не желая прибѣгать къ притворству и обману. Убѣжденный тогда въ неминуемой опасности, онъ завелъ разговоръ о поѣздѣ въ Соединенные Штаты. Она отвѣчала, что если онъ приказываетъ, то она повинуется, хотя разлука съ нимъ принесетъ ей глубокое горе.

Онъ замолчалъ. Судорожное подергиваніе лица и дрожаніе въ голосѣ высказывали острую душевную пытку. Мнѣ хотѣлось ему сдѣлать много возраженій, но къ чему? Какъ-бы жестоко ни было его рѣшеніе, я не находилъ лучшаго предложить ему. Я чувствовалъ себя со-

вершено на незнакомой почвѣ. Фанатизмъ не разбирается, объ непостижимомъ не разсуждаютъ; съ той минуты, когда мнѣ было доказано, что Елеонора не любила и не могла любить Парлей-Пратта, что она любила мужа, въ чемъ я всегда былъ убѣжденъ, я и самъ увидаль въ разлукѣ лучшее средство; тогда можно было ждать отъ времени и отъ переменны среды излеченія отъ припадка сумасшествія.

Я это ему и высказаль, предложивъ себя вполнѣ къ его услугамъ. Онъ ужъ приняль свои мѣры и приготовилъ необходимы суммы для путешествія и для водворенія жены съ семьей въ Новомъ-Орлеанѣ.

Овладевъ собою и передавъ мнѣ свои практическія соображенія, онъ какъ-будто устыдился даже минутно измѣнить себѣ.

Восемь дней спустя, одинъ пароходъ «Калифорнія» усилиль пары, торопясь до ночи придти на Фаралленскіе острова и выйти въ открытое море. Волны океана, поднимаемыя вѣтромъ, усиливающимся съ часу на часъ, ударили въ бока корабля. Елеонора, съ своими дѣтьми, стояла на трапѣ и пристально смотрѣла сухимъ и горячимъ взглядомъ на слюдистыя скалы Лобосса. Она смотрѣла безсознательно, ничего не видя изъ окружающаго; въ ея рукахъ конвульсивно сжималась взмятая бумажка, поданная ей неизвѣстнымъ человѣкомъ въ моментъ отплытія. Въ этой запискѣ заключались только эти слова: «Пора, Господь васъ призываетъ. Не оглядывайтесь назадъ. Я васъ буду ждать въ Сен-Луи (въ Миссури) до 15-го іюня». Подпись: Парлей Праттъ.

Въ тотъ-же вечеръ Мак-Леанъ, сидя, по обмену, въ своемъ креслѣ, напрасно пробоваль читать, — слова туманно сливались и мелькали въ его глазахъ. Настала минута, когда и такой сильный стойкъ, какъ онъ, надломился. Невольно взглядъ его упаль на одну изъ любимыхъ игрушекъ дочери Елизы: это напоминаніе обожаемаго ребенка растопило ледъ, и Мак-Леанъ, опустивъ голову, горько зарыдалъ.

На слѣдующій день, я напрасно старался уговорить его оставить свой домъ и перейти жить около меня. Онъ не могъ оторваться отъ мѣста, напоминавшаго ему прошлое счастье, его дорогую Елеонору съ дѣтьми; въ пустыхъ, печальныхъ комнатахъ въ его воображеніи живо возникали ряды такъ быстро мелькнувшихъ отрадныхъ вечеровъ. Но Мак-Леанъ не былъ человѣкомъ, способнымъ совершенно поддаться жестокому удару и выдать наружу свою глубокую скорбь. Онъ принялся за дѣятельную жизнь и обычныя занятія съ удвоенной лихорадочной энергіей и упорной волей. Я только одинъ, знавшій, что онъ испытываетъ, не могъ надивиться такому истинному героизму. Невольнымъ образомъ я сдѣлалъ привычку проводить съ нимъ свои вечера. Мы долго бесѣдовали о его женѣ и дѣтяхъ; онъ убаюкивалъ себя надеждой, что придетъ день, когда глаза Елеоноры откроются и она пойметъ ничтожество живыхъ обѣщаній и бессмысленныхъ теорій; она вѣрно будетъ писать ему, откроетъ сердце своему мужу, отцу своихъ дѣтей; она возвратится на свое опустѣлое мѣсто въ домашнемъ очагѣ. Онъ опять услышитъ ея милый, дорогой голосъ и лепетъ дѣтей. По временамъ онъ мечталъ о своихъ будущихъ планахъ. Дѣла его шли все лучше и лучше. Елеонорѣ давно хотѣлось имѣть небольшой садъ. Вспомнивъ объ этомъ, онъ купилъ участокъ земли, смежный съ его землею, для разсадки деревьевъ и цвѣтовъ, а передъ ея прїѣздомъ, онъ ей сдѣлаетъ сюрпризъ—подновить мебель, обклеить комнаты новыми обоями, окружить ее всевозможной роскошью и комфортомъ. Да, ему надо работать безъ усталы и перерыва, и онъ весь поглощался работой. Чтобы быть свободнѣе, онъ подалъ въ отставку отъ своей официальной должности и принялъ участіе въ одномъ изъ банковъ. Его вѣрный взглядъ, извѣданная честность, огромныя связи открывали передъ нимъ блестящую перспективу, а я, зная его стойкость и упорную цѣль, не удивлялся, когда слышалъ о немъ,

какъ о человѣкѣ съ замѣчательнымъ будущимъ въ Сан-Франциско.

Черезъ два мѣсяца послѣ отъѣзда Елеоноры, мы получили объ ней извѣстiе. Я нашелъ Мак-Леана въ тотъ вечеръ за перечитыванiемъ полученныхъ писемъ. Онъ передалъ мнѣ одно изъ нихъ—письмо отъ тещи, въ которомъ та извѣщала, что жена и дѣти его благополучно прибыли, что она нашла Елеонору очень перемѣнившуюся, поблѣднѣвшей и похудѣвшей, но что здоровье ея, пострадавшее отъ горя разставанiя и путешествiя, стало поправляться. Предувѣдомленная имъ о нравственномъ состоянiи дочери, мать, какъ видно, избѣгала всего, что могло-бы взволновать Елеонору. Она совѣтовалась съ методическимъ священникомъ, бывшимъ законоучителемъ Елеоноры, который скоро хотѣлъ у нея быть и употребить всѣ старанiя допытаться, какъ глубоко проникнуло зло и снова обратить въ прежнимъ вѣрованiямъ. Рассчитывая на него и на свое собственное влiянiе на дочь, и, наконецъ, на среду, въ которой Елеонора находилась теперь, мать говорила, что не сомнѣвалась въ скоромъ ея нравственномъ излеченiи. Затѣмъ подробно описывала различныя мелочи объ Елеонорѣ и дѣтяхъ, мелочи, по видимому, ничтожныя, но дорогiя во время разлуки. Это письмо произвело и на меня хорошее впечатлѣнiе.

— Она и сама писала, сказалъ мнѣ Мак-Леанъ. Бѣдное дитя, она такъ-же, какъ я, жестоко страдаетъ; но, прибавилъ онъ съ грустью, надо время... и даже болѣе времени,—чѣмъ я думалъ, для исправленiя зла, надѣланнаго этимъ презрѣннымъ человѣкомъ.

Я понялъ изъ его полукровенности, что въ письмѣ жены, вмѣстѣ съ привязанностью, выражалась и та озлобленность, которая преобладала въ ней въ послѣднее время. Извѣстiя получались аккуратно. Я не видѣлъ ни одного письма Елеоноры; но могъ понять изъ словъ мужа, что она еще усиленнѣе проситъ его раздѣлить ея новыя вѣрованiя. Очевидно, ни мать, ни пасторъ не могли поколебать ее и они въ своихъ письмахъ выра-

ражали изумленіе относительно ея упорства. Такое упорство я объяснялъ себѣ предположеніемъ переписки ея съ Парлей-Праттомъ, и не ошибся. Могло-ли продолжаться подобное положеніе и не разразиться кризисомъ? Мак-Леанъ тоже предчувствовалъ кризисъ, но не ожидалъ быстрого. Онъ только и мечталъ, какъ-бы скорѣе оставить Калифорнію и отправиться къ своимъ, говорилъ, что мѣсто его — быть съ женой, что они уѣдутъ, если надо, даже совсѣмъ изъ Америки и устроятся въ Европѣ, или, наконецъ, гдѣ она захочетъ, но что такъ жить ему невозможно.

Однажды утромъ онъ прислалъ ко мнѣ просить немедленно придти къ нему по экстренному дѣлу. Я нашелъ его очень взволнованнымъ. Молча онъ подалъ мнѣ листовъ бумаги, на которомъ мать жены писала ему: «Елеонора вчера уѣхала одна, оставляя на ваше имя прилагаемое письмо. Я не знаю, куда она отправилась. Не теряйте бодрости, да храните васъ Богъ!» Въ письмѣ же Елеоноры заключались только слѣдующія строки: «Часъ насталъ: я уѣзжаю, такъ слѣдуетъ. Прости меня, ты, котораго я такъ много любила! Господь зоветъ меня. Зачѣмъ подвергаешь ты меня выбору между тобой и Имъ?» Елеонора.

Я ожидалъ отъ Мак-Леана взрыва бѣшенства, но ничего подобнаго не было. Я ему молча подалъ руку, которую онъ конвульсивно чуть не изломалъ.

— Приходите сегодня вечеромъ, сказалъ онъ.

Что онъ дѣлалъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, до моего прихода, я не знаю, но когда я пришелъ вечеромъ, то на лицѣ его были слѣды глубокой борьбы, не уничтожившей, однако, его энергіи. Я видѣлъ въ немъ человѣка, принявшаго рѣшеніе, отъ котораго ничто не могло-бы отклонить. Съ нимъ нечего было болѣе говорить, а необходимо оставить дѣйствовать.

— Пароходъ выходитъ завтра, сказалъ онъ. Я ѣду на немъ. Надѣюсь, что могу разсчитывать на васъ и располагать вами?

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Мой нотаріусъ готовится къ вамъ переходятъ всѣ мои права и вы будете реализировать мою часть въ банеѣ въ должное время. Теперь же я взялъ оттуда всѣ фонды, которыми могу располагать... мнѣ надо имѣть деньги и много денегъ. Вы продадите мой домъ и всю движимость, все, безъ исключенія, и какъ можно скорѣе. Эта продажа неизбежна. Такъ-какъ я подъ залогъ этой движимости получу десять тысячъ долларовъ, то вы продажей уплатите занятую сумму съ процентами. Вамъ лучше, чѣмъ кому-нибудь, извѣстны мои дѣла; я вамъ номинально передамъ право собственности на недавно купленные земли и подробную записъ всѣхъ моихъ владовъ. Ликвидируйте и храните фонды до моего увѣдомленія.

Я принялъ его полномочіе, нисколько не колеблясь, и не дѣлая ему вопросовъ.

— Вы истинный другъ, сказалъ онъ, благодарю васъ.

Въ подобномъ случаѣ, лучше друзья тѣ, которые молча исполняютъ, подумалъ я. Я не зналъ его плановъ, но видѣлъ, что у него твердо засѣвшее рѣшеніе, и что онъ это рѣшеніе выполнить, хотя-бы для этого пришлось ѣхать на край свѣта.

Два дня спустя, тотъ-же пароходъ, на которомъ, восемь мѣсяцевъ назадъ, отправлялась Елеонора съ дѣтьми, увозилъ теперь и Мак-Леана.

III.

Перенесемъ въ Сан-Луи, на Миссури. Въ эпоху этого истиннаго происшествія желѣзныхъ дорогъ въ Пассификъ не существовало даже и въ проектѣ. Сан-Луи было общимъ мѣстомъ свиданія и отъѣзда эмигрантовъ съ запада къ берегамъ Пассифика. Городъ этотъ, передовой стражъ цивилизаціи, располагался посреди обширныхъ луговъ, простиравшихся безъ перерыва на сотни лье до

подшвы скалистыхъ горъ. 14 іюня 1856 г., въ окрестностяхъ Сан-Луи замѣтно было необыкновенное оживленіе. Издалека, изъ-за двухъ тысячъ лье отъ сѣверо-запада, прибывшій огромный караванъ мармоновъ, подъ предводительствомъ Парлей-Пратта готовился, по приказанію послѣдняго, вновь отправиться на слѣдующій день. Поляна кишела множествомъ мужчинъ, женщинъ, дѣтей, скота и всякаго рода повозовъ. Самая странная пестрота видѣлась въ одеждахъ, типахъ и нарѣчіи этой толпы, гдѣ ирландецъ толкался съ нѣмцемъ, норвежецъ съ жителями Галліи и нѣсколькими рѣдкими представителями латинскихъ расъ. Послѣднихъ было меньшинство; между савсонскими-же и скандинавскими расами мармоны болѣе всего пріобрѣтаютъ себѣ послѣдователей. Холодные страны, съ туманными и грустными климатами, гдѣ земля, какъ мачиха, вознаграждаетъ трудъ, дѣлаютъ воображеніе воспримчивѣе и податливѣе на коварныя обѣщанія, и болѣе располагаютъ искать вдали то, чѣмъ скупо надѣлила у себя природа. Американскій элементъ отличался съ перваго взгляда своими объемистыми тяжелыми телѣгами запада, удивительно удобными, въ которыхъ помѣщались цѣлыя семьи съ своею подвижностію и годовымъ запасомъ; эти цѣлые подвижные дома, съ пробитыми насевозъ бойницами, при случаѣ нужды, замѣняютъ крѣпость. Въ каждую изъ нихъ было впряжено по двадцати быковъ изъ Миссури, шагающихъ медленнымъ, но твердымъ шагомъ; они отдыхали, пережевывая свою жвачку, въ высокой, ароматичной травѣ. Здѣсь находилась и семья ирландцевъ—въ лохмотьяхъ, начиная отъ дѣда до грудного ребенка, пріютившихся подъ тѣнію бѣдной кибитки, запряженной въ одну лошадь или осла. Нѣсколько старыхъ сундузовъ, чугуновъ, мѣшки съ картофелемъ, боченки съ солониной составляли все ихъ имущество. Мужчины дѣлаютъ путешествіе пѣшкомъ, имъ предстоитъ четыре мѣсяца ходьбы, а женщины и дѣти поочередно отдыхаютъ въ кибиткѣ.

Среди этой шумной и озабоченной толпы, нервнѣй-

тельно проталкивалась женщина, изнуренная усталостию и волненіемъ, спрашивавшая едва слышно: гдѣ Парлей-Праттъ? Ей отвѣчаютъ безъ наглости и указываютъ на грубо-сдѣланную палатку, поставленную посреди лагера. Это была Елеонора. Одинъ явни, тронутый ея блѣдностію и смущеніемъ, предлагаетъ свои услуги проводить. Приподнявъ портьеру, изъ тяжелой парусины, она явилась передъ мармономъ.

Онъ сидѣлъ на грубой, едва обтесанной скамьѣ, у таковаго-же грубаго стола. Передъ апостоломъ разложенъ планъ дороги каравана: красныя точки обозначали затруднительные переходы. Столъ заваленъ бумагами и распечатанными и нетронутыми письмами. Складка на его большомъ, обнаженномъ лбу ясно говорила о постоянно напряженной мысли. Его аскетическая и выразительная голова опиралась о худую, нервозную руку; углубившись въ соображеніе плановъ карты, онъ не замѣтилъ прихода Елеоноры, стоявшей передъ нимъ съ стѣсненнымъ дыханіемъ.

— Я здѣсь, сказала она съ усиленіемъ и почти шепотомъ.

— Елеонора Мав-Леанъ?

— Да.

— Одна, а ваши дѣти?

— Мои дѣти?..... и голосъ ея порвался, они еще малы, слишкомъ слабы, подвергать ихъ опасности и утомленію пути. Я ихъ оставила на рукахъ превосходной женщины.

— Изъ язычниковъ?..... спросилъ съ ироніей апостоль.

— Да, но она моя мать и поведетъ ихъ какъ должно, отвѣчала Елеонора, сдѣлавъ надъ собой сверх-естественное усиліе, унять душившія ея слезы. А я..... я здѣсь.... я готова служить нашему дѣлу.

Парлей-Праттъ пытливо смотрѣлъ на Елеонору, его глаза какъ-будто хотѣли проникнуть въ самую глубь самоотверженія этого добровольно растерзаннаго сердца.

— Вы когда-нибудь занимались проповѣдываніемъ? спросилъ онъ, наконецъ, Елеонору.

— Да, когда-то находили меня способной убѣждать и увлекать, отвѣчала она, и въ голосѣ ея слышалось самоотреченіе монахини, говорившей о своемъ прошломъ.

— Этотъ даръ будетъ для насъ драгоценнымъ. Въ толпѣ, окружающей насъ, прибавилъ онъ, съ презрѣніемъ на строгомъ лицѣ, многіе не умѣютъ читать и отличать добро отъ зла! Невѣжество опасно. Я опасаясь только стѣсненій, продолжалъ онъ, съ гордостію выпрямляя согнувшійся высокій станъ, мученій я не боюсь. Кровь праведныхъ-небесная роса, она оплодотворяетъ землю и возбуждаетъ къ подвигамъ новообращенныхъ; но чего я особенно боюсь и отъ чего особенно удаляюсь, чего избѣгаю, какъ отъ самой ужасной опасности, это — невѣжества, духовной проказы, умственной тьмы, которая можетъ привести гибель намъ и торжество язычникамъ.

Парлей-Праттъ поднялся съ скамьи; его черты выражали ужасъ, вызванный его воображеніемъ; казалось, онъ оттапливалъ врага своими длинными руками и Елеонора смотрѣла на него, какъ древніе римляне смотрѣли на Сивиллу въ пылу пророческихъ предсказаній.

Но такое нервное возбужденіе продолжалось не долго. Апостолъ былъ слишкомъ американецъ для того, чтобы отдаваться долго экстазу, онъ тотчасъ возвратился къ дѣйствительности. И теперь, во второй разъ, въ продолженіи ихъ разговора, онъ остановилъ свой пытливый взглядъ на Елеонорѣ. Отъ усталости и скорби бѣдная женщина готова была лишиться чувствъ.

— Вы страдаете, Елеонора, садитесь, съ живостью сказалъ онъ, замѣтивъ ея блѣдность и при этомъ предложилъ ей скамью, единственную мебель его палаты; ваше тѣло требуетъ отдохновенія и, можетъ быть, пищи.

Она могла отвѣтить только утвердительнымъ наклоненіемъ головы.

— Подождите минуту, я позову кого-нибудь.... Безъ сомнѣнія, я найду женщину, которая можетъ заняться

вами до тѣхъ поръ, когда намъ можно располагать.... Вскорѣ онъ возвратился, въ сопровожденіи Ирландки, съ чашкой чая; питье оживило Елеонору. Пока она пришла въ себя и дѣлала надъ собою усиліе, отвѣчать на вульгарное любопытство Ирландки, Парлей-Праттъ задумчиво смотрѣлъ на эту группу. Онъ казался очень озабоченнымъ. Общество Ирландки, очевидно, производило отталявающее впечатлѣніе на благородную и изнѣженную натуру Елеоноры. Съ другой стороны онъ не рѣшался ее помѣстить и въ Санъ-Луи, предполагая, что уже началось преслѣдованіе и боясь лишиться молодой женщины.

Когда, наконецъ, пища возвратила сколько-нибудь силы Елеонорѣ, онъ отослалъ Ирландку и, съ энергіей, привыкшаго властвовать, обратился къ ней: Елеонора, намъ необходимо съ нынѣшняго вечера соединиться!

Она задрожала, яркая краска разлилась по ея блѣдному лицу.

— Поймите меня, прибавилъ онъ строгимъ голосомъ. Страсти тутъ нѣтъ мѣста; мы должны, во избѣжаніе скандала, духовно соединиться; духомъ мы должны составлять одно и трудиться для Господа, не смущаясь навожденіемъ дьявола. Съ нынѣшняго дня вы начинаете новую жизнь, вы беретесь за плугъ для обработыванія поля и горе тому, кто оборачивается на прошедшее! Любящій отца, или мать, или дѣтей, или мужа болѣе Меня не достоинъ Меня, сказалъ Господь-Богъ....

Елеонора оцѣпенѣла, руки ея, обхватившія колѣни, конвульсивно сжались. Въ ней совершалась борьба: она, бѣдная неопитая, то обращалась къ прошедшему и терзала себѣ сердце, то, съ усиліемъ оторвавшись отъ прежнихъ связей, стремилась къ неизвѣстной будущности, облеченной воображеніемъ во что-то свѣтлое и сверхестественное.

Парлей-Праттъ зорко слѣдилъ за выраженіемъ ея лица, такъ ясно говорившимъ о сильномъ душевномъ волненіи. Чтобъ упрочить свое вліяніе на умъ молодой

женщины, ему оставалось только произнести послѣднее рѣшительное слово.

— Время не терпитъ, сказалъ онъ, торжественнымъ голосомъ. Самъ Богъ у двери и ждетъ вашего призыва. Васъ ожидаетъ миссія въ Утахѣ. Сегодня утромъ я получилъ письмо отъ Бригама Юнга; онъ жалуется на недостатокъ преподавателей въ высшей школѣ. Классъ, изъ сотни молодыхъ женщинъ, по большей части неумѣющихъ читать, ожидаетъ наставницы. Тутъ нужна особая способность сообразоваться съ положеніемъ этихъ женщинъ, почти всѣхъ уже замужнихъ, преподавать имъ особенный правтическій курсъ, изъ котораго онѣ могли бы сдѣлать скорѣйшее примѣненіе, дать имъ духовное направленіе, возвысить души ихъ до высоты необходимой матерямъ святыхъ, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ потушить грубыя проявленія плоти и эгоистическихъ привязанностей. Вы однѣ можете выполнить эту трудную и святую задачу. По прибытіи въ Утаху, какъ жена Парлей-Пратта, вы будете приняты съ открытыми объятіями. Я сейчасъ позову брата Орсона соединить насъ сегодня же вечеромъ, и тогда вы можете оставаться въ моей палатѣ, не смущая слабыхъ въ вѣрѣ.

Елеонора, увлеченная и покорная непреодолимому вліянію этого страннаго человѣка, наконецъ, побѣдила свою волю и наклонила голову въ знакъ согласія; но какъ только онъ ушелъ, бывше образы снова ожили въ ея памяти и она упала на колѣни, ломая руки; отчаянный крикъ вырвался изъ глубины груди: Малькольмъ! мои дѣти.... мои дѣти! Въ такомъ положеніи, истерзанную отъ скорби, нашли ее Парлей-Праттъ съ Орсономъ. Въ интересахъ обоихъ было придать этой сценѣ характеръ торжественной сосредоточенности, и краткая брачная церемонія была совершена тутъ-же.

По окончаніи ея Парлей-Праттъ, подойдя къ блѣдной и трепещущей новобрачной, взялъ ее за обѣ руки. Елеонора, ослѣпленная магнетизмомъ его взгляда, взглянула прямо ему въ глаза, какъ-будто желая почерпнуть

силы, необходимы для поддержанія себя. Улыбка торжества показалаь на губахъ апостола при этомъ новомъ доказательствѣ своей власти; но тотчасъ-же лицо его приняло свое обычно-строгое выраженіе. Съ торжественностію служителя алтаря, онъ наклонилъ голову къ стоящей еще на колѣняхъ Елеонорѣ, и запечатлѣлъ на губахъ ея подѣлуй: «Будь благословенъ входъ твой, медленно проговорилъ онъ, ты истинно плоть отъ плоти моей и кость отъ кости моей. Да благословитъ насъ Богъ и да поможетъ намъ стяжать царствіе Его! Отдохни, а завтра я приду разбудить тебя въ отъѣздъ. Братъ Орсонъ предлагаетъ мнѣ гостепріимство въ своей палаткѣ».

На слѣдующій день караванъ тронулся и выстроился передъ глазами Парлей-Пратта, окруженнаго различными предводителями партій, избранныхъ имъ и взявшихъ на себя выполнять его приказанія и поддерживать строгую дисциплину въ средѣ этой толпы. Искусный организаторъ и вѣрный проводникъ, апостолъ зналъ по опыту затрудненія и опасности подобнаго переѣзда.

По ту сторону Сан-Жозефа, построеннаго за сотни тысячъ лье отъ Сан-Луи, караванъ достигъ индійской территоріи. Предупрежденные своими шпіонами, индейцы, какъ стая вороновъ, подстерегали караванъ, осмѣливавшійся проходить пустыней. На быстрыхъ скакунахъ они нападали, скальпировали и грабили оставшихъ отъ своихъ, и по временамъ дѣлали смѣлыя нападенія на правый, или лѣвый флангъ поѣзда, когда завязнувшая повозка, или сломавшаяся ось замедляла его ходъ. Въ особенности ночью, они искусно пользовались малѣйшей оплошностію, чтобы произвести безпорядокъ, угнать скотъ съ пастбища и чрезъ то принудить эмигрантовъ покинуть свои фуръ, которыя они тогда на свободѣ грабили.

Надо было приспособить походъ по силамъ слабѣйшихъ, соблюдать равномерность въ разстояніяхъ, съ умѣніемъ распредѣлять болѣе храбрыхъ и лучше вооруженныхъ людей, посылать развѣдчиковъ передовыми, за-

ботиться объ аррьергардѣ, форсировать или умѣрять привалы, соображаясь съ достоинствомъ пастбища, съ изобиліемъ или недостаткомъ воды. Вѣрнаго плана дороги не было, случалось идти впередъ по компасу, или руководствуясь примѣтами, которыя могъ услѣдить только одинъ опытный глазъ. Съ береговъ Атлантики до береговъ Пассифики, Парлей-Праттъ пользовался репутаціей самаго опытнаго человѣка и самымъ энергичнымъ вожакомъ; за то великій первосвященникъ Бригамъ Юнгъ и поручалъ ему управлять обширными караванами въ нѣсколько сотенъ тысячъ человѣкъ и въ нѣсколько тысячъ головъ скота, ежегодно прибывавшихъ населять берега Соленого-Озера, умножать число жителей и богатства Новаго - Иерусалима.

Елеонора не могла не удивляться и не поддаваться обаянію, производимому этимъ страннымъ человѣкомъ на всѣхъ его окружающихъ, обаянію, возроставшему съ каждымъ днемъ, но мѣръ того, какъ непрерывно новыя затрудненія все болѣе и болѣе выказывали разумность и дальновидность его распоряженій, непоколебимую твердость его характера, хладнокровіе воли выше всякаго сравненія. Со дня номинальнаго супружества съ молодой женщиной, Парлей-Праттъ, предугадывая душевную ея борьбу и отвращеніе, которое внушало ей всякое проявленіе нѣжности, держалъ себя съ нею самымъ осторожнымъ и тонкимъ образомъ. Онъ рѣшился не измѣнять мистическому характеру ихъ союза. Въ глазахъ всѣхъ Елеонора считалась его женою, но этого не было въ дѣйствительности. Чтобъ занять ея воображеніе и удовлетворить инстинктамъ самоотверженія, онъ ей поручилъ надзоръ за женщинами и дѣтьми. При всякой остановкѣ Елеонора переходила отъ одной группы къ другой, поддерживая и ободряя слабѣйшихъ и болѣе бѣдныхъ; она сдѣлалась любимицей дѣтей, тотчасъ почувствовавшихъ въ ней натуру любящую и нѣжную; она расточала имъ ласки материнскаго сердца, разлученнаго съ собственными дѣтьми. Во время вечерняго привала, она ихъ со-

бирала вокругъ себя, давая этимъ время женщинамъ приготовить скромный ужинъ всей семьѣ. Парлей-Праттъ по временамъ проходилъ съ строгимъ и гордымъ видомъ, отдавая отрывистымъ голосомъ скоро исполняющія приказанія. Подходя къ группѣ, окружавшей Елеонору, лобъ его прояснялся, взглядъ дѣлался нѣжнѣе; онъ обращался къ ней то съ ободряющимъ словомъ или похвалою, то по временамъ съ совѣтомъ или предложеніемъ.

Наступилъ конецъ августа. Караванъ мармоновъ, проѣзжая длинной вереницей вагоновъ по полянамъ, добрался до береговъ Небраски, между Форт-Лараміемъ и Черными Горами, скалами самаго причудливаго очертанія, которыми обрамляются берега рѣки. Оттуда впереди простиралась, между Небраской и скалистыми горами, неровная почва, перерѣзываемая холмами и узкими долинами, представлявшая серьезныя препятствія такому многочисленному каравану. Скудныя пастбища, рѣдкіе водные источники, недостатокъ дровъ для изготовленія пищи, все вмѣстѣ заставило Парлей-Пратта рѣшиться на двухнедѣльную остановку на берегахъ рѣки. Это время отдохновенія было необходимо для женщинъ, дѣтей и больныхъ; оно не менѣе было нужно и для изнуреннаго скота, который могъ-бы поправиться на этихъ богатыхъ лугахъ—гдѣ онъ находилъ въ изобиліи пищу и воду. Повозки требовали поправки; надобно было чинить колеса, изорванныя сбруи и приготовляться къ трудностямъ остальнаго путешествія.

Мѣстность была превосходно выбрана. Рѣка, въ быстромъ теченіи, представляя съ трехъ сторонъ форму лошадиной подковы, защищала отъ нападенія индейцевъ, и потому не требовалось большой осмотрительности. Лагерь оказывался доступнымъ только съ одного пункта, и нѣсколькимъ караульнымъ, разставленнымъ на высотахъ Черныхъ Горъ, легко было бы вовремя ударить тревогу. Съ этой стороны цѣлая линія вибитокъ, оберегаемая карауломъ, заграждала дорогу и отнимала всякую возможность къ внезапному нападенію. Ничто

не ускользало отъ бдительнаго взгляда Парлей-Пратта, ни испорченная ось, ни поврежденное колесо, ни дурно навьюченный вагонъ. Съ утра до вечера онъ наблюдалъ самъ за этими мелочами, отъ которыхъ часто зависить благосостояніе каравана. Каждый работалъ подъ его надзоромъ и по его приказаніямъ, сообразно своимъ силамъ и способностямъ; мужчины занимались грубой работою, женщины исправленіемъ стараго платья, стиркою и заботою о дѣтяхъ. Елеонора помогала ему со всею смѣтливостію жейскаго ума и дѣятельностію заботливой природы. Она исполняла свокообязанность съ лихорадочнымъ порывомъ, какъ-будто она могла отогнать отъ себя тяжелыя воспоминанія. Какой странный контрастъ представляла ея настоящая жизнь съ прошедшей! Взаимнѣ мужа и дѣтей, домашней жизни такой счастливой и веселой, ей досталось теперь на долю утомленіе и опасности кочевой жизни, да неизвѣстное будущее, въ которому она стремилась, не смѣя взглянуть въ него! Однако, ея религиозный пылъ не только не охладѣвалъ, но принималъ еще большіе размѣры. Все поддерживало ея экзальтацію. Среда, гдѣ она находилась, тишина поней, тѣмныя лѣса, пламенные молитвы, провозносимыя утромъ и вечеромъ, проповѣди короткія и восторженные, которыми Парлей-Праттъ всегда оканчивалъ день, пѣніе псалмовъ, возносящееся вечеромъ, посреди обширныхъ пустынь, гдѣ человѣкъ, невольно, чувствуетъ себя ближе къ Богу, все это сильно вліяло на воображеніе и заставляло на нѣсколько минутъ забывать дорогія, но рѣзущія болью воспоминанія, осаждавшія ея въ продолжительныя ночи. Зачѣмъ не познала она Бога прежде, зачѣмъ узнала и полкбила она этого человѣка, который былъ и есть еще ея мужъ? неумолимая судьба влекла ее отъ него, онъ не хотѣлъ идти за ней! Напрасно она твердила себѣ, что чѣмъ тяжелѣе жертва, тѣмъ она пріятвѣе Богу, тѣмъ болѣе героизма; ея сердце невольно возмущалось противъ сфизмовъ своего извращеннаго воображенія. Мысль, что она женой Парлей-Пратта, не

покидала ее, и не смотря на мистическій характеръ этой связи, на усиленные ея молитвы, на полное самоотреченіе для блага истины, она не могла безъ отвращенія выносить ее.

Когда печаль усиливалась до физической боли, она старалась увѣрить себя, что Богъ облегчитъ ей трудную задачу, вознаградитъ тяжелую жертву и откроетъ душевныя очи ея мужа. Малькольмъ прійдетъ къ ней съ дѣтьми, Бригамъ Юнгъ уничтожитъ этотъ второй неосвященный союзъ; развѣ она не была вольна въ своихъ дѣйствіяхъ, въ своей любви? Послѣ столькихъ жестокихъ испытаній—они опять соединятся. Вдали отъ того свѣта — гдѣ преобладаютъ матеріальные интересы, въ этомъ Новомъ-Іерусалимѣ, убѣжищѣ святыхъ—последняго времени, гдѣ, по словамъ Парлей-Пратта, совершается такъ много чудеснаго—тамъ она найдетъ все свое счастье, окруженная любимыми, дорогими ей людьми, черезъ нее получившими спасеніе и истинную вѣру.

Возвратимся теперь къ Мак-Леану. Прибывши въ Нью-Йоркъ, послѣ двадцативосьми-дневнаго переѣзда, онъ только-что успѣлъ выйти на берегъ, какъ тутъ-же отправился въ Новый-Орлеанъ. Тамъ онъ пробылъ двѣ недѣли, ничего не говоря тещѣ о своихъ намѣреніяхъ, а она, съ своей стороны, объясняла его пріѣздъ желаніемъ обнять своихъ дѣтей-сиротъ, и затѣмъ распорядиться относительно ихъ. Онъ посвятилъ это время на подробнѣйшее разсмотрѣніе плана ихъ жизни и воспитанія у бабушки. Устроивъ все, онъ простился съ ними, нѣжно расцѣловалъ, и приказалъ письма къ нему адресовать на мое имя въ Сан-Франциско, подъ предлогомъ будто-бы необходимой дѣловой его поѣздки на западъ. Затѣмъ, онъ оставилъ Новый-Орлеанъ.

Во все время пребыванія у тещи онъ не говорилъ объ Елеонорѣ и никого изъ домашнихъ и окружающихъ господъ Лавтонъ не спрашивалъ о ней; мать, уважая его молчаніе, и предполагая, что онъ не желаетъ даже слышать имени своей жены, не рѣшалась заговорить о ней.

Позднѣ узнали, что онъ, только-что прїѣхавъ въ Новый-Орлеанъ, адресовался къ одному изъ агентовъ, сообщивъ ему самыя подробныя свѣдѣнія и инструкціи: требовалось отыскать слѣды его жены и, попавъ на нихъ, не упускать изъ виду. Вернулась-ли она въ Нью-Йоркъ, чтобъ ѣхать оттуда въ Сан-Франциско, и затѣмъ отправиться въ Сан-Бернардино—мармонскій портъ на Пасификѣ, или слѣдуя своей прямой цѣли, присоединилась къ каравану въ Сан-Луи? Мак-Леанъ сълонялся къ послѣднему предположенію, а агентъ его, напротивъ, къ первому. Послѣ многихъ тщетныхъ поисковъ, онъ, наконецъ, добился истины. Елеонора дѣйствительно поѣхала въ Сан-Луи. Капитанъ парохода, очередь котораго была дѣлать рейсы между Новымъ-Орлеаномъ, Натшесомъ и Мемфисомъ, призналъ, по подробному описанію агента, пассажирку, вошедшую на его пароходъ въ показанное число; тогда ея благородная наружность поразила его. Въ Мемфисѣ отыскивали отель, гдѣ она оставалась, откуда послѣ двухдневнаго отдыха, необходимаго вслѣдствіе усталости, она опять отправилась на пароходѣ въ Сан-Луи.

Тайно извѣщаемый о результатѣ поисковъ, Мак-Леанъ, сдѣлавъ послѣднія свои приготовленія, отправился по этому направленію. Прибывъ въ Сан-Луи, онъ узналъ тамъ, что Елеонора прибыла къ мармонамъ на караванѣ ихъ отъѣзда. Заблуждаться относительно истины было невозможно. Ея порядочность, туалетъ, манера себя держать, тонкія черты лица, наконецъ, ея грусть произвели впечатлѣніе на всѣхъ, кто ее видѣлъ; а контрастъ между этой молодой женщиной и другими эмигрантками дѣлалъ болѣе отчетливыми воспоминанія о ней. Караванъ на шесть недѣль опередилъ Мак-Леана, но медленное его передвиженіе, принятый планъ путешествія, для избѣжанія быстро-текущихъ нѣкоторыхъ рѣкъ и разныхъ непредвидѣнныхъ приключеній на сушѣ, давали Мак-Леану несомнѣнную возможность догнать его гораздо прежде прибытія въ Утаху.

Мак-Леанъ былъ не такимъ человѣкомъ, чтобы компрометировать успѣхъ своихъ дѣйствій излишнимъ нетерпѣніемъ. Какъ истый американецъ, онъ зналъ цѣну времени, но успокоенный на счетъ своихъ поисковъ, онъ принялъ всѣ мѣры съ сосредоточенной энергіей. Съ слѣдующаго дня своего прѣзда въ Сан-Луи, онъ съ своимъ агентомъ отправился къ судѣ и получилъ отъ него, по тщательномъ разсмотрѣніи бумагъ, везенныхъ имъ съ собою, требованіе взять изъ рукъ Парлей-Пратта личность Елеоноры Лавтонъ—его супруги.

Но посреди западныхъ пустынь эта бумага не имѣла бы значенія безъ людей рѣшительныхъ, вооруженныхъ длинными карабинами. Еслибъ законъ и не былъ на сторонѣ Мак-Леана, то, вѣроятно, онъ обошелся-бы безъ него, но имѣя и это преимущество, онъ, конечно, счумѣетъ изъ него извлечь пользу.

Снабдивъ себя этимъ законнымъ ордеромъ, онъ обратился къ шерифу за уполномочіемъ обратиться къ общественному содѣйствію. Тамъ, гдѣ примѣненіе закона можетъ встрѣтить затрудненія, а это и былъ именно такого рода случай, шерифъ дозволяетъ собираться по доброй волѣ, нѣкоторому числу людей, берущихъ на себя силою привести въ исполненіе законное требованіе. Въ нѣсколько дней агентъ Мак-Леана набралъ ему, по кабакамъ Сан-Луи, съ полсотни траперовъ, охотниковъ и завзятыхъ луговыхъ бродягъ, которые за предлагаемую имъ сумму не задумались бы увести и самого Бригама Юнга изъ его столицы. Мак-Леанъ сдѣлалъ выборъ изъ этихъ смѣльчаковъ, купилъ необходимую провизію, запаса смѣнными дошадами и тщательно осмотрѣлъ сѣдла. Что-же касается до оружія, то было-бы бесполезно, осматривать ихъ, подобнаго рода люди слишкомъ хорошо знаютъ имъ цѣну; у нихъ карабины всегда превосходные, порохъ самаго мучшаго качества и вылитыя съ особенною заботливостью пули.

Такимъ образомъ Маг-Леанъ набралъ двадцать пять человекъ, удивленныхъ, что они будутъ участвовать въ экспедиціи на законныхъ основаніяхъ. Хотя послѣднее обстоятельство было для нихъ дѣломъ непривычнымъ, но они мирились съ нимъ, будучи хорошо оплачиваемы; да, наконецъ, одинъ разъ—куда неидеть, притомъ-же они могли рассчитывать на снисходительность, въ случаѣ, если придется рассчитывать съ правосудіемъ. Серьезная рѣшимость Маг-Леана понравилась имъ и внушала уваженіе. Онъ ихъ предупредилъ, что разобьетъ голову первому, кто его ослушается, и они видѣли, что онъ въ состояніи это исполнить.

Окончивши приготовленія, небольшой отрядъ двинулся и быстро перешелъ пространство до Сан-Жозефа. Тамъ они сдѣлали небольшую стоянку, въ продолженіи которой Маг-Леанъ старался, какъ можно тщательнѣе, разузнать о направленіи пути, принятомъ мармонами. Каково-бы оно ни было, но Парлей-Пратту нельзя было иначе перебраться чрезъ Небраски, какъ перейдя предварительно въ бродъ форты Ларамы, и вотъ къ этому то пункту Маг-Леанъ и направилъ свой путь, мало заботясь объ индейцахъ, нападавшихъ, по большей части, на караваны, и которыхъ онъ надѣялся сбить съ толку быстротой своей ѣзды, или озадачить энергичнымъ сопротивленіемъ. Его расчеты были вѣрны, и онъ съ своимъ отрядомъ все болѣе и болѣе углублялся на западъ, ежедневно приближаясь къ своей цѣли.

Въ Кунсилъ-Блуффъ (Council-Blouffs), перейдя черезъ Миссури, они усмотрѣли слѣды мармонскаго каравана. Чтобъ облегчить кибитки, Парлей-Праттъ приказалъ оставлять на дорогѣ пустые ящики и испорченные вещи. Разсмотрѣвъ обстоятельно мѣсто, траперы объявили, что караванъ проходилъ тутъ не болѣе шести недѣль, черезъ тридцать два дня по отъѣздѣ своемъ изъ Сан-Луи. Въ то же время Маг-Леанъ замѣтилъ на гори-

зонть очертаніе Черныхъ Горь; тамъ, или недалеко оттуда, онъ надѣялся догнать мармоновъ.

По его приказанію, остановились на отдыхъ. Двое развѣдчиковъ поѣхали и возвратились на закатѣ солнца, съ донесеніемъ, что Парлей-Праттъ устроилъ лагерь на берегу Небраски.

Слѣдующему дню предстояло быть рѣшительнымъ. Мак-Леанъ собралъ своихъ людей и далъ имъ точныя инструкціи: имѣть ружья всѣ въ порядкѣ, вновь зарядить карабины и, въ особенности, во всемъ ему повиноваться.

Съ разсвѣтомъ пустились въ путь.

Къ полудню караульные увѣдомили Парлей-Пратта, что отрядъ хорошо вооруженныхъ людей направлялся къ лагерю. Небольшая численность отряда не могла подать мысли о нападеніи; при томъ-же они приближались быстро и какъ люди, не имѣвшіе намѣренія скрываться.

Изъ благоразумія, однакожь, глава мармоновъ приказалъ вооружиться; затѣмъ, съ небольшимъ конвоемъ, онъ вышелъ изъ лагеря, разузнать о намѣреніяхъ ново-прибывшихъ.

Подѣхавъ на разстояніе ружейнаго выстрѣла, Мак-Леанъ приказалъ остановиться своимъ людямъ и поѣхалъ одинъ. Парлей - Праттъ сдѣлалъ то-же, и вскорѣ они очутились одинъ противъ другого. Только тутъ Парлей-Праттъ узанлъ Мак-Леана. По лицу его пробѣжалъ яркая краска, но онъ тотчасъ оправился и равнодушно спросилъ: что вамъ нужно?

— Во имя закона, я требую передачи въ мои руки Елеоноры Лавтонъ—моей супруги.

— А если я вамъ отвѣчу, что ея здѣсь нѣтъ?

— Я васъ тогда назову лжецомъ!

Парлей-Праттъ вздрогнулъ.—И вы будете правы, отвѣчалъ онъ, послѣ минутнаго молчанія, въ прод олженіи котораго они измѣрили другъ друга взглядомъ. Елеонора здѣсь, но по своей волѣ; она болѣе не Елеонора Лавтонъ, она моя жена.

— Ложь!

— Я никогда не лгу; она вамъ сама это скажетъ, тогда повѣрите вы?

Мак-Леанъ молчалъ. Парлей-Праттъ сдѣлалъ знакъ одному изъ своихъ людей подойти; онъ ему шепотомъ сказалъ нѣсколько словъ, и тотъ отправился въ лагерь. Нѣсколько минутъ спустя, онъ вернулся въ сопровожденіи Елеоноры.

Одну минуту она была внѣ себя отъ восторга.— Малькольмъ, закричала она, Малькольмъ... наконецъ! И она бросилась къ нему съ открытыми объятіями.

Но онъ еѣ остановилъ энергическимъ жестомъ; дрожа смотрѣла она на него пристальнымъ, растеряннымъ взглядомъ.

— Правда-ли то, что говорить этотъ человѣкъ? Онъ утверждаетъ, будто вы его жена?

Елеонора не отвѣчала, ея сердце сильно золотилось въ груди; у нея потемнѣло въ глазахъ.

— Говорите. Я этого требую. Правду-ли сказалъ этотъ человѣкъ?

Она выпрямилась и, собравъ всю свою силу воли, произнесла: да... но...

Мак-Леанъ не смотрѣлъ больше на нее. Онъ обратился къ Парлей-Пратту и, медленно опустивъ свой карабинъ, прижалъ курокъ; тотъ понялъ, что наступилъ его конецъ, но въ глазахъ его успѣла еще промелькнуть молнія торжества; выстрѣлъ раздался, Парлей-Праттъ повернулся на мѣстѣ и повалился во весь ростъ лицомъ о землю. Пуля пролетѣла сквозь его сердце. Этотъ выстрѣлъ вызвалъ батальный огонь; пули мармоновъ засвистали, но ни одна не попала въ Мак-Леана; лошадь его была ранена, колѣни ея стали подгибаться, сопровождавшіе его люди увидѣвъ, что онъ въ опасности, отвѣчали такимъ же огнемъ, но двое изъ нихъ упали мертвыми. Мак-Леанъ сошелъ съ лошади; по его знаку, товарищи подняли

Елеонору, упавшую въ обморокъ, и посадили ее на одну изъ лошадей. Мак-Леанъ безстрастно смотрѣлъ на все происходившее, затѣмъ, вскочивъ на одну изъ смѣнныхъ лошадей, поскакалъ обратно въ луга, въ сопровожденіи своихъ людей.

Мармоны не могли ихъ преслѣдовать. Орсонъ, по смерти Парлей - Пратта, во главѣ каравана, приказалъ поднять тѣло пророка и рѣшилъ повести его въ Утаху, для погребенія его тамъ въ храмѣ. По его распоряженію, поторопились приготовленіями въ отъѣзду, и чрезъ день лагерь двинулся.

Нѣсколько часовъ послѣ этой трагедіи, Елеонора пришла въ себя, но ея нѣжный организмъ, находившійся такъ долго въ возбужденномъ состояніи, не могъ вынести послѣдняго потрясенія: Елеонора сошла съ ума.

Мак-Леанъ послѣ медленной ѣзды привезъ ее въ Сан-Луи, а оттуда въ Новый-Орлеанъ. Передавъ ее матери, онъ отдалъ себя въ руки правосудія, объявивъ объ убійствѣ Парлей-Пратта.

Сообразно съ законами, онъ былъ преданъ суду и самъ защищалъ себя, при стеченіи огромной толпы присутствующихъ на судебныхъ преніяхъ. Мак-Леанъ былъ обвиненъ въ убійствѣ, но, принимая во вниманіе обстоятельства, вызвавшія его на это, былъ присужденъ къ пяти долларамъ пени и освобожденъ, при рукоплесканіи публики.

На слѣдующій день онъ отправился въ Сан-Франциско, гдѣ и передалъ мнѣ весь разсказъ.

Немного времени спустя, я оставилъ Калифорнію, съ цѣлю устроиться на Сандвичевыхъ островахъ, а Мак-Леанъ уѣхалъ въ Европу. Что случилось съ нимъ потомъ—я долго не зналъ. Но, однажды, получилъ отъ него письмо изъ Новаго-Орлеана: «Елеонора скончалась, писалъ онъ, жизнь разбита, и мнѣ надо идти за ней. Не уступающимъ желанію—лишить себя жизни, Богъ посылаетъ возможность отдать ее на защиту отечественной

цѣли. Сѣверные штаты принуждаютъ насъ къ войнѣ. Какъ уроженецъ юга, я иду отстаивать свои границы. Прощайте, другъ мой, вы болѣе обо мнѣ не услышите».

Онъ ошибся, въ 1863 г. 2-го мая я узналъ, что Мак-Леанъ былъ убитъ, защищая съ горстью отчаянныхъ удалцовъ высоты Фридрихсбурга.

К. де Вариньи.

Сто-пятьдесятъ лѣтъ изъ исторіи Англіи.

(Разсказъ Чарльса Дикенса).

Въ достопамятный день 22-го августа 1485 года шла по дорогѣ изъ города Лестера бѣдно-одѣтая женщина, повидимому—крестьянка. Въ рукахъ она несла небольшой узелъ, съ разной ветошью, а на спинѣ трехлѣтняго ребенка, привязаннаго ремнемъ къ ея плечамъ. Время отъ времени ее обгоняли на пути отряды вооруженныхъ людей; конные быстро проносились мимо, а пѣшіе шли ускореннымъ шагомъ, перебрасываясь между собой отрывистыми словами. Озабоченность и тревога видѣлись на всѣхъ лицахъ,

«Что-нибудь да не ладно», подумала женщина и робко спросила:

— Куда васъ Богъ несетъ?

— Иди своей дорогой, а въ чужія дѣла не мѣшайся, грубо отвѣтилъ одинъ изъ солдатъ.

Но шедшій съ нимъ рядомъ высокій сержантъ оказался сообщительнѣе—онъ пріостановился и сказалъ:

— Дратся мы идемъ, голубушка,—вотъ куда. Претендентъ Ричмондъ ведетъ свои войска на Лондонъ, а мы, подѣ командой самого Ричарда, хотимъ отрѣзать, имъ путь.

Ричардъ!.. Ричмондъ!.. Кто такіе?.. Бѣдная женщина не имѣла ни малѣйшаго понятія ни о Ричардѣ, но и

Ричмондѣ. Въ тѣ далекія времена газеты не существовали, и политическія свѣдѣнія не распространялись между темными жителями глухихъ деревень. Женщина спокойно шла дальше своимъ путемъ, пока передъ ея глазами не открылась широкая равнина, а на ней, выстроенныя другъ противъ друга, два огромныя войска. Это была Босуортская равнина; но какъ пройти черезъ нее, когда между непріятельскими войсками началась уже схватка? Измученная долгой ходьбой, бѣдная женщина была не въ состояніи идти овольными путями; она остановилась и сѣла отдохнуть на краю оврага, подъ раскидистымъ вустомъ боярышника. Потомъ, повторивъ нѣсколько разъ ребенку, чтобы онъ не отходилъ отъ нея ни на шагъ, она развязала его, поставила на ноги и тутъ они оба — ребенокъ и мать, полные наивнаго удивленія, широко раскрывъ глаза, смотрѣли на одно изъ величайшихъ историческихъ событій, но смыслъ его оставался темнымъ для ихъ пониманія: они видѣли бѣшеное движеніе этой массы людей, блескъ оружія, кровавыя схватки, слышали крики и стоны и громкое побѣдное ура... Вдругъ на дороге, по направленію въ нимъ, поваялся всадникъ, оставившій поле сраженія, — лошадь подъ нимъ покрыта пѣной и кровью, но, слыша близкую погоню, онъ несется во весь опоръ мимо того вуста, подъ которымъ притаились ребенокъ и женщина, бросаетъ что-то въ его высокія вѣтви и, пришпоривъ лошадь, исчезаетъ въ облакъ пыли.

— Томми, посмотри-ка, что это онъ бросилъ въ вусты? спросила мать.

— Шапку, мама, пролепеталъ ребенокъ, да какую хорошую, точно у святаго Томаса на иконѣ.

— Томми, не достанешь-ли ты ее?

— Достану, мама, ты только подними меня повыше... Вотъ она!

Но едва ребенокъ успѣлъ схватить своими рученками повисшую на вѣткѣ мнимую шапку св. Томаса, какъ

цѣлый отрядъ всадниковъ, скакавшій по дорогѣ, остановился передъ кустомъ.

Одинъ изъ нихъ быстро соскочилъ съ лошади и, бросившись въ ребенку, выхватилъ у него изъ руки драгоцѣнную добычу.

— Матерь Божья! это корона Англій! воскликнулъ онъ. И ставъ на одно колѣно передъ другимъ всадникомъ, съ болѣзненно-блѣднымъ лицомъ, который тоже сошелъ съ коня.

— Мнѣ достается высокая честь вручить ее вашему величеству, проговорилъ онъ голосомъ, дрожащимъ отъ волненія.

Другой всадникъ улыбнулся и отвѣчалъ:

— Ты знаешь, Стэнлей, достоинъ-ли я ея.

И, говоря это, онъ снялъ свою каску и наклонилъ голову.

Лордъ Стэнлей, съ благоговѣніемъ, надѣлъ корону на это блѣдное чело, склоненное заранѣе подъ тяжестью земного величія, и вслѣдъ за тѣмъ вся долина огласилась восторженными криками.

„Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ нашъ Генрихъ!“ Такъ былъ коронованъ побѣдитель Ричарда III—король Генрихъ VII.

При этомъ зрѣлищѣ, бѣдная женщина, начиная понимать, какое сокровище было у нея въ рукахъ, воскликнула:

— Король! не забудь-же насъ! Вѣдь мой маленькій Томми самъ досталъ эту блестящую шапку, прежде чѣмъ ее надѣли тебѣ на голову.

— Правда это, мой мальчикъ? спросилъ Генрихъ, слишкомъ счастливый въ эту минуту, чтобъ оскорбиться наивнымъ восклицаніемъ крестьянки.

— Да, я досталъ, а мама меня держала, отвѣчалъ ребенокъ, смѣло смотря своими свѣтлыми глазами въ лицо короля.

— Въ такомъ случаѣ, милорды, сказала Генрихъ, проявляя уже ту смѣсь экономіи и щедрости, которой

впослѣдствіи отличалось его царствованіе,—я долженъ обратиться къ вашему содѣйствію, чтобъ вознаграждать этого ребенка.

При такомъ воззваніи, вся толпа бывшихъ товарищей Генриха мгновенно превратилась въ услужливыхъ царедворцевъ и каждый наперерывъ спѣшилъ сдѣлаться кредиторомъ новаго короля, въ чаяніи громаднхъ процентовъ въ будущемъ. Изъ всѣхъ рукъ посыпались кошельки съ золотомъ и драгоценныя вещи въ протанутый къ нимъ дырявый фартузь крестьянки.

Король и его свита уже удалялись, но она остановила ихъ новымъ восклицаніемъ:

— Погодите минутку—это еще не все! Въ нашей сторонѣ ходятъ слухи, что король можетъ вылечить отъ «собачьей старости», стоитъ только ему дотронуться до больного... Прикоснись-же, ваше величество, къ моему маленькому Томми, а то онъ умретъ отъ этой болѣзни, если твоя царственная рука не спасетъ его.

Какъ было не откликнуться на зовъ, полный такой чистосердечной вѣры въ его могущество? король снова сошелъ съ коня и сказалъ полу-шутя, полу-серьезно:

— Ты хочешь, мой мальчикъ, чтобъ я тебя вылечилъ?

— О, святой Томасъ! какъ-же мнѣ не хотѣть? пролепеталъ ребенокъ.

Король ласково потрепалъ его по щекѣ и тѣмъ кончилась операція.

Мальчику, какъ мы уже сказали, было не болѣе трехъ лѣтъ, но его блѣдное личико, все испещренное морщинами и шрамами—слѣдами болѣзни, которая въ тѣ времена называлась «королевской»,—имѣло какой-то старческій видъ, и хотя онъ не совсѣмъ еще внятно говорилъ, но воззванія къ святому Томасу часто слышались въ его дѣтскомъ лепетѣ, какъ-будто его едва пробуждающаяся мысль была уже обращена къ иному міру, куда онъ скоро долженъ перейти.. Тщедушный, маленькій, слабый, онъ съ большимъ трудомъ вскараб-

кался на плечи матери, которая снова привязала его къ себѣ ремнемъ и бодро пошла по дорогѣ къ деревнѣ Шропшейръ, не чувствуя больше ни усталости, ни тяжести своей ноши,—такъ легко и радостно было у нея на сердцѣ. По временамъ, какъ-бы не вѣря въ дѣйствительность всего случившагося, она ощупывала свои карманы, туго набитые золотомъ, и сознание неожиданнаго богатства захватывало ей духъ. Переполнявшія ея чувства требовали какого-нибудь наружнаго проявленія— и вотъ, завидѣвъ издали высокую колокольню своего села, она, въ порывѣ набожной благодарности, внезапно бросилась на колѣни и приложилась лбомъ къ землѣ. Толчекъ былъ сильный, и мальчикъ его не ожидалъ... Не сдержанный слабо завязаннымъ ремнемъ, онъ перевалился черезъ голову матери и, ударившись о каменистую почву, лежалъ недвижимо, какъ мертвый.

— Томми,—сказала мать, не очень чувствительная отъ природы и гораздо болѣе занятая сокровищемъ, наполнявшимъ ея карманы, чѣмъ неожиданнымъ salto mortale своего птенца,—Томми! что это тебѣ вздумалось играть со мной въ чехарду? Ты этакъ свернешь себѣ голову и богатствомъ нашимъ не попользуешься. Ну, что-жъ ты молчишь? Ужъ не умеръ-ли ты?

— Нѣтъ, мама, отвѣчала Томми;—живъ, живъ бурилка, живъ, живъ—не умеръ!

— Ну, и слава Богу, сказала мать, поднимая его;—но ты не долго протянешь, если будешь такъ биться на каждомъ шагу. Несчастливится тебѣ, дитяtko! Прошлымъ годомъ осель лягнулъ тебя такъ, что ты у меня чуть не охромѣлъ на всю жизнь... потомъ ужъ ты самъ переломилъ себѣ два ребра; былъ у тебя и кашель съ кровью—отъ него, говорятъ, ты такъ и останешься съ большими легкими,—и собачья старость... дай-то Господи, чтобъ она прошла отъ королевской руки! нѣтъ у тебя ни аппетита, ни сна хорошаго. Побереги-же себя хоть немножко, вѣдь тебѣ и такъ ужъ не долго остается жить.

— Святой Томасъ, ангель хранитель! пролепеталь маленькій инвалидъ; мама, я еще живъ, только ты возьми меня опять къ себѣ на спину и неси сворѣй домой,— лучше ужъ я умру въ своей постельѣ.

Но Томми не умеръ ни отъ послѣдняго ушиба, ни отъ собачьей старости, ни отъ злокачественнаго кашля и ни отъ какого другого недуга. Онъ вотъ уже на цѣлыхъ двадцать лѣтъ пережилъ ту знаменитую Босуортскую битву, въ которой погибло столько здоровыхъ и сильныхъ людей. Въ этотъ періодъ онъ уже достигъ возможнаго для него физическаго развитія и чувствовалъ себя относительно хорошо, хотя на видъ остался все такимъ-же тщедушнымъ и хилымъ. Мать умерла, но такъ-какъ передъ смертью она сообщила ему, что между стѣнной балкой и соломенной крышей ихъ лачуги лежитъ почти нетронутый и скрытый отъ всѣхъ глазъ драгоцѣнный кладъ, добытый имъ самимъ выкупъ за англійскую корону,—то, сознавая себя обезпеченнымъ на всю жизнь, онъ захотѣлъ остаться независимымъ и празднымъ; праздность-же, какъ извѣстно, ведетъ ко многимъ глупостямъ и онъ сдѣлалъ величайшую изъ всѣхъ—влюбился.

Однимъ лѣтнимъ вечеромъ, бродя безцѣльно около ручья, протекавшаго за деревней, онъ встрѣтилъ дѣвушку—молодую, красивую, свѣжую, какъ только-что распустившійся цвѣтокъ,—и нашель, что она оправдываетъ вполнѣ свое прозвище «бѣлокурой красотки». Граціозно поднявъ руки, она поддерживала на головѣ большой бубини, наполненный водой и, равномерно выступая, откинувъ немного назадъ свою бѣлокурую головку, лукаво и весело глянула сверху внизъ на остановившагося передъ ней Томми,—а онъ думаль, смотря на нее съ восхищеніемъ: «Вотъ кого можно полюбить».

Сказано—сдѣлано, и, не считая нужнымъ терять понапрасну время, онъ высказался безотлагательно:

— Здравствуйте, Сусанна Проди. О, святой Томасъ, какая-же вы красавица! Скажите мнѣ, согласны-ли вы

быть моей женой, а если согласны, такъ поцѣлуйте меня въ счетъ будущаго.

— Убирайся прочь, несчастный заморышъ, вотъ еще что выдумалъ! Ты посмотри на себя—вѣдь краше въ гробъ кладутъ. Ну, на что тебѣ нуженъ мой поцѣлуй?

— Онъ воскресилъ-бы меня, возразилъ Томми.

— А надолго?

— Нѣтъ, нѣтъ, не надолго—не бойтесь! У меня грудь слишкомъ слаба.... Пойдите только за меня и къ концу года я сдѣлаю васъ богатой вдовушкой.

— Это соблазнительно, мистеръ Томми, смѣясь отвѣчала Сусанна,—общаю вамъ серьезно подумать. А пока посторонитесь-ка съ дороги, а то я вамъ весь кувшинъ вылью на голову.

— Такъ прощайте, красавица,—но помните, я все-таки буду васъ любить всю жизнь, до самой смерти.

И пропустивъ впередъ Сусанну Продди, Томми долго стоялъ въ раздумьѣ, печально глядя ей вслѣдъ.

Она права, думалъ онъ, стоитъ-ли въ самомъ дѣлѣ хлопотать изъ-за какаго-нибудь одного года счастья? Да и умирать тогда было-бы еще тошнѣе... Нѣтъ, такая прелестная дѣвушка не годится въ сидѣлки, а докторъ мнѣ прямо сказалъ, что у меня и сердце не въ порядкѣ, и печень поражена, и спинной мозгъ нездоровъ, что мнѣ не пережить больше ни одной тяжелой болѣзни... Всю прошлую зиму меня промучилъ кашель, всю весну я пролежалъ въ лихорадкѣ—въ другой разъ не хватить силъ этого вынести... Мнѣ угрожаютъ разомъ и аневризмомъ и чахотка и еще, Богъ знаетъ, сколько смертельныхъ болѣзней.. Я буду любить Сусанну—одну ее до конца моей жизни, но не женюсь на ней, еслибъ даже чудо продлилось, и я остался бы живъ, вопреки всѣмъ вѣроятностямъ.

Прошло еще двадцать лѣтъ, а чудо все продолжалось. Томми жилъ, представляя собой ходячій перечень всевозможныхъ человѣческихъ немощей.

Онъ остался вѣренъ своей единственной любви, хотя

Сусанна Продди давно покинула родную деревню, выйдя замужъ за Доджера, Вевфильдскаго мельника, и давно забыла Томми «несчастнаго заморыша», какъ она назвала его въ тотъ лѣтній вечеръ, когда онъ въ первый разъ рѣшился высказать ей свою любовь. Съ тѣхъ поръ воспоминаніе о ней было единственнымъ свѣтлымъ лучомъ въ его одинокой страдальческой жизни, и образъ ея въ его воображеніи оставался все такимъ-же юнымъ и прекраснымъ, какимъ былъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Онъ никогда не пропускалъ ни одного случая осведомиться о ней и, когда при немъ упоминалось ея имя, онъ весь обращался въ зрѣніе и слухъ, какъ-будто надѣялся снова увидѣть ее передъ собою и услышать ея голосъ.

Одинъ разъ, вначалѣ этого двадцатилѣтняго періода, онъ внезапно скрылся и никто не видалъ его въ продолженіи трехъ недѣль; начались предположенія и догадки, и, наконецъ, порѣшили, что онъ отправился въ Вевфильдъ. Потомъ мать Сусанны Продди достоверно узнала, что какой-то незнакомецъ остановилъ на улицѣ ея маленькую внучку, взявъ на руки, поцѣловалъ и надѣлъ ей на шею золотую цѣпочку съ медальономъ, украшеннымъ короной изъ брилліантовъ, а въ рученки далъ дорогое кольцо. Мистриссъ Продди, возгордившись такимъ необычнымъ событіемъ, обошла поочередно всѣхъ своихъ сосѣдокъ и всѣмъ объявила, что какой-то важный вельможа, чуть-ли не самъ король, подарилъ ея внучкѣ тьму разныхъ драгоценностей, что несомнѣнно должно предвѣщать неслыханное счастье ребенку. Но возвратившись изъ своего путешествія, Томми на-долго слегъ въ постель отъ припадка ревматизма, осложненнаго острымъ воспаленіемъ въ груди.

— Ну, думалъ онъ въ тѣ рѣдкія минуты, когда хоть немного утихала, — на этотъ разъ мнѣ ужъ не встать — навѣрное, но какъ я радъ, что мать оставила мнѣ такія хорошія вещи и что ихъ цѣнять такъ дорого..... Не удалось мнѣ нарядить въ нихъ Сусанну,

такъ пусть-же хоть дочь ея нарядится, когда пойдетъ подь вѣнецъ..... вѣдь я могъ-бы быть ея отцомъ. Ахъ, Сусанна, Сусанна Продди! не любить тебя твой мельникъ, какъ я-бы любилъ, какъ люблю еще и теперь, какъ сталь-бы любить, еслибъ прожилъ еще двадцать лѣтъ..... безумная мысль! мнѣ не дожить и до конца этого мѣсяца..... а жаль, что не увижу я, будетъ-ли похожа на тебя твоя дочь? я спрятался-бы гдѣ-нибудь въ толпѣ и посмотрѣлъ-бы, какъ она будетъ стоять подь вѣнцомъ въ этихъ брилліантахъ... Ахъ, какъ у меня сердце забилось, когда нянька сказала мнѣ, что ее зовутъ Сусанной, какъ тебя!

Такъ думалъ больной Томми, спустя два года послѣ свадьбы Сусанны съ Доджеромъ; но прошло еще семнадцать лѣтъ, а онъ не умеръ, живучая любовь его не остыла и даже то, что онъ считалъ несбыточной мечтой,—осуществилось. Несмотря на свои многочисленные недуги, онъ былъ въ состояніи отправиться въ Уорункъ, гдѣ въ церкви. Св. Маріи совершалось бракосочетаніе Стэфена Хонейдью съ дочерью Сусанны Продди, прелестной Сусанной Доджеръ. Спрятавшись за колонной въ одномъ изъ боковыхъ придѣловъ, Томми присутствовалъ при торжественной церемоніи. Сусанна Продди, т.-е. мистриссъ Доджеръ, которой было уже за сорокъ, утратила значительную долю своей прежней красоты, и еслибъ ей вздумалось теперь пойти къ источнику съ кувшиномъ на головѣ,—какъ въ тотъ вечеръ, когда мы увидали ее въ первый разъ—то развѣ одинъ только Томми могъ-бы еще найти въ ней сходство съ библейской Ревекой. Такъ и было дѣйствительно—онъ смотрѣлъ на нее все тѣми-же влюбленными глазами и для него она не измѣнилась, несмотря на свои сорокъ лѣтъ и немного сгорбленный станъ.

При выходѣ свадебной процессіи изъ церкви, Томми сталъ на самой дорогѣ, такъ что мать новобрачной, проходя мимо, воснула своимъ пышнымъ рукавомъ его руки. Отъ одного этого прикосновенія онъ мгновенно

ожилъ и возродился: кашель замеръ въ его груди, кровь, быстрой переливаясь по жиламъ, ускорила бѣненіе сердца и пульса, глаза загорѣлись необычнымъ блескомъ и уже не могли оторваться отъ воплотившейся передъ нимъ его долготѣней мечты,—какъ вдругъ высокій, широкоплечій толстякъ, которому онъ загородилъ дорогу, грубо толкнулъ его, пробираясь къ выходу, и скрылъ за собой его свѣтлое видѣніе. Опомнившись черезъ нѣсколько минутъ, онъ стоялъ одинъ на церковной паперти, а въ отворенныя двери доносились до него далекій стукъ колесъ и говоръ расходившейся толпы. Тутъ только вспомнилъ онъ, что толкнувшій его толстякъ былъ никто иной, какъ самъ ненавистный ему Вевфильдскій мельникъ, надутый и расфранченный, съ выраженіемъ тупого самодовольства на оплывшемъ лицѣ.

Да простить мнѣ святой Томасъ! подумалъ Томми,—но я всегда ненавидѣлъ этого болвана, который воображаетъ, что можетъ всякому пустить пыль въ глаза своимъ пошлымъ, торжествующимъ видомъ... но какое безуміе ненавидѣть, когда смерть уже за плечами. Это проклятое воспаленіе меня совсѣмъ доконало... мнѣ почти не чѣмъ дышать, а тутъ еще грозитъ катаракта на глазу. Остается воспользоваться послѣднимъ предостереженіемъ—отложить всѣ житейскія помышленія и улечься спокойно въ постель, пока не переложатъ въ гробъ. А хотѣлось-бы, о, какъ-бы хотѣлось узнать, что ожидаетъ эту хорошенькую невѣсту подъ ея новымъ именемъ Сусанны Хонейдью...

Прошло еще двадцать лѣтъ, а безчисленные недуги Томми, нейтрализуясь взаимно, поддерживали равновѣсіе въ распатанномъ организмѣ и не привели его къ ожидаемому концу. Онъ давно уже былъ не молодой, но все еще жилъ и, можетъ быть, благодаря этому странному уравновѣшиванію, былъ относительно здоровъ или, вѣрнѣе, боленъ постоянно, но безъ особенно дурныхъ послѣдствій, какъ въ первые годы своего хилаго дѣтства. Послѣ свадьбы Сусанны II онъ болѣе не

возвращался въ Уорункъ, но, покидая его навсегда, нашелъ случай тайно передать новобрачной другое кольцо съ драгоценнымъ камнемъ и съ девизомъ: «*Nonni soit qui mal у pense*». То была также одна изъ драгоценностей, доставшихся его матери послѣ Босуартской битвы—перстень, можетъ быть, самого Ричарда Шили, судя по девизу, покрайней-мѣрѣ какого-нибудь кавалера ордена «Подвязки».

Время шло своимъ чередомъ, но Томми уже не могъ слѣдить по прежнему за всѣми фазами жизни Сусанны Хонейдю, потому что насталъ смутный періодъ государственныхъ волненій и переворотовъ, а подробныя извѣстія о нихъ не достигали до глухой Шропмейрской деревушки, куда и смерть все еще не приходила за старымъ инвалидомъ, давнымъ-давно обреченнымъ ей въ жертву непреложнымъ судомъ медицины, а онъ все ждалъ ея со дня на день и въ такомъ ожиданіи прожилъ, съ грѣхомъ пополамъ, еще двадцать лѣтъ.

Мистеръ Стѣфенъ Хонейдю, супругъ Сусанны II, былъ сначала шерифомъ и армянъ приверженцемъ ультра-католицизма; потомъ политическій вѣтеръ повернулъ его въ другую сторону,—онъ получилъ должность констебля и преданъ душой и тѣломъ королю Генриху VIII, который въ то время, окончательно разсорившись съ Римомъ, предпринялъ реформацію, т.-е. полное разореніе всѣхъ монастырей въ государствѣ, раздавая ихъ земли и сокровища своимъ приближеннымъ, или, просто, причисляя ихъ къ собственнымъ владѣніямъ. Тогда-то представился случай мистеру Хонейдю показать все свое усердіе на службѣ королю. Съ неутомимостью гончей собаки онъ участвовалъ во всѣхъ травляхъ противъ монастырей, выгонялъ монаховъ и монахинь изъ ихъ насиженныхъ норъ, вѣшалъ мятежныхъ аббатовъ и безъ зазрѣнія совѣсти грабилъ ихъ сокровища въ пользу казны, не забывая при этомъ и своей собственной пользы.

За такое усердіе онъ, конечно, могъ-бы поплатиться

свободой, или даже жизнью, послѣ восшествія на престолъ королевы Маріи, ревностной католички, но, спохватившись во время, онъ преисполнился такимъ сокрушеннымъ раскаяніемъ, такой готовностью искупить всѣ свои прежнія грѣховныя заблужденія, что не было никакой возможности заподозрить искренность его обращенія къ правой вѣрѣ.

Для большей убѣдительности онъ самъ нѣсколько разъ зажигалъ костры, разложенные въ Смитсфильдѣ для сожженія еретиковъ, — и онъ-же собственноручно раздробилъ черепъ несчастному Летимэру и пронзилъ языкъ Крэнмеру раскаленной желѣзной пикой. «Я вѣрный слуга престола, говорилъ онъ съ гордостью, и слѣдо повинуюсь всякому повелѣнію, исходящему отъ верховной власти. Будь на то высочайшая воля — и я самъ безропотно проволю себѣ языкъ или брошусь въ огонь».

Такия рѣчи доходили по назначенію и съ помощью дѣйствій непремѣнно составили-бы ему блестящую карьеру при дочери, еслибъ она не была уже составлена при отцѣ; оставалось только съумѣть удержаться на достигнутой высотѣ и онъ держался крѣпко, что, впрочемъ, нисколько не помѣшало ему отречься во второй или даже въ третій разъ отъ «правой вѣры», когда это оказалось выгоднымъ при воцареніи Елизаветы. Къ такимъ людямъ не примѣняется пословица, что труденъ только первый шагъ — для него были равно легки всѣ шаги, ведущіе къ цѣли и пригодны всякія средства для ея достиженія.

Повѣяло инымъ духомъ — явились государственные измѣнники и заговорщики, но они только удвоили его капиталы, нажитые на счетъ католиковъ и протестантовъ, такъ-какъ мистеръ Хонейдью принялъ дѣятельное участіе во всѣхъ конфискаціяхъ и не малая часть перепала на его долю. Совершивъ столько досто-славныхъ подвиговъ, онъ отошелъ, наконецъ, въ вѣчность и былъ погребенъ подъ сводами Уэстминстерскаго аб-

батства, какъ и подобало такому полезному государственному дѣятелю, такому важному сановнику.

Томми, какъ уже было сказано, ничего не вѣдалъ ни о какихъ переворотахъ, хотя и въ его глухую деревушку не разъ заглядывали королевскіе комиссары, которымъ сначала поручено было повсемѣстно очистить храмы отъ язвы папизма, а потомъ, нѣскольکو лѣтъ спустя, водворить его снова и въ храмахъ, и въ народѣ. Одни разрушали, другіе восстанавливали, а Томми смотрѣлъ удивленно, но довольно равнодушно; его интересовало одно только имя, примѣшанное къ этому ряду непонятныхъ для него дѣйствій.

Святой Томась! да что-же это такое? обратился онъ къ первымъ комиссарамъ, — зачѣмъ вы разбили раву св. Бригиты и выбросили мощи св. Эдуарда-Исповѣдника? Какой безбожникъ прислалъ васъ сюда?

— Не безбожникъ, отвѣчали ему, а самъ великій сэръ Стѣфенъ Хонейдью, ревностный протестантъ, правая рука его величества короля Генриха VIII.

— Ну, это не тотъ, не мой, подумалъ Томми.

Но когда въ 1557 году онъ снова воскликнулъ, въ недоумѣніи обращаясь къ другимъ комиссарамъ:

— Святой Томась! Да вотъ она опять святая Бригита! Только позолота на ней немножко полиняла, а наша прежняя была изъ чистаго серебра. Кто-же прислалъ намъ ее?

И когда ему отвѣчали:

— Мы посланы сэромъ Стѣфеномъ Хонейдью, ревностнымъ католикомъ, любимцемъ ея величества королевы Маріи.

Тогда Томми сталъ, наконецъ, догадываться.

— Святой Томась! воскликнулъ онъ, — да ужъ не зять-ли Сусанны Продди этотъ сэръ Стѣфенъ?... Никого не могъ дать ему опредѣленнаго отвѣта, но онъ навелъ справки и убѣдился, что дѣйствительно дочь Доджера, Вейфильдскаго мельника, попала въ большую милость въ

королевѣ, занимаетъ почетное мѣсто при дворѣ и называется леди Хонейдью.

— Нѣтъ-ли у нея сына? спросилъ старикъ.

— Есть, отвѣчали ему,—десятилѣтній мальчикъ, хорошенькій, умный не по лѣтамъ, живой портретъ своей матери.

— Ахъ, съ сокрушеніемъ подумалъ Томми,—еслибъ не моя несчастная судьба, я былъ-бы теперь его дѣдушкой! Хоть-бы только взглянуть на него передъ смертью... но гдѣ ужъ мнѣ!... что я сталъ теперь?... дряхлая развалина... ни зубовъ во рту, ни волосъ на головѣ, согнулся въ три погибели, совсѣмъ потерялъ аппетитъ... въ ушахъ, словно, пчелы жужжать, ноги пухнуть, руки трясутся, да и мовгъ, должно быть, сталъ размягчаться. Нѣтъ, пора, давно пора на покой! Теперь мнѣ одинъ только выходъ изъ дому—прямо въ могилу.

Но Томми ошибся и на этотъ разъ:

Когда на деревенскомъ кладбищѣ легло пять или шесть поколѣній его современниковъ, когда королеву Елизавету смѣнилъ ея законный наслѣдникъ, шотландскій еданта, которому приличнѣе было-бы воссѣдать на академическомъ вреслѣ, когда и онъ, въ свою очередь, сошелъ со сцены, уступивъ мѣсто сыну, когда Англія шестнадцатаго столѣтія отодвинула Босуортское сраженіе въ область давно минушаго, наравнѣ съ Марæонской битвой—въ Шропшейрскую деревушку явился блестящій джентльменъ и просилъ указать ему жилище Томаса Парръ.

— Привѣтъвамъ, маститый патриархъ, началъ джентльменъ, си явъ сѣсю испанскую шляпу, причемъ ея длинное перо коснулось пола,—слухи о вашей долголѣтней жизни дошли до двора его величества, и король Карлъ желаетъ лично познакомиться съ вами. Мнѣ поручено проводить васъ въ Лондонъ, если вы будете согласны.

— Еще-бы не согласиться! конечно, согласенъ, отвѣчалъ старикъ. По милости святаго Томаса, мнѣ на своемъ вѣку случилось таки видѣть королей, да еще двухъ за-

разъ — короля Ричарда и короля Генриха. Но поѣдемте скорѣй, милордъ, а то я, пожалуй, умру на дорогѣ.

— Когда такъ, отправимся немедленно, почтенный старецъ, сказалъ джентльменъ. Васъ приметъ лордъ Бемерлей и самъ представитъ его величеству.

Лордъ Бемерлей принялъ очень благосклонно Шропшейрскаго патріарха, а супруга его — молодая, красивая леди, съ кокетливымъ ребячествомъ, которое такъ шло къ ея граціозной фигурѣ, осыпала любезностями растерявшагося старика.

— Вы непременно должны за мной ухаживать и объясниться мнѣ въ любви, лепетала она съ очаровательной улыбкой; пусть мой супругъ приревнуетъ меня... Но васъ надо поощрить, не правда-ли?... Вы, говорятъ, никогда не были женаты?...

— Никогда, миледи...

— Такъ держу пари, что у васъ есть возлюбленная, но все равно — я хочу, чтобъ вы ей измѣнили, хочу во что-бы то ни стало отбить васъ у нея.

— Можетъ быть, любя васъ, миледи, я измѣню ей только вполонину.

— Въ самомъ дѣлѣ? Стало-быть, я вамъ ее напоминаю? Ахъ, это очень возможно, вѣдь мы съ вами земляки. Мои предки были родомъ изъ графства Шропшейръ... давно, давно... кажется, гораздо раньше крестовыхъ походовъ, однимъ словомъ, вы еще тогда не родились... Посмотрите, вотъ наши фамиліи драгоцѣнности: перстень и цѣпь — они у насъ переходили изъ рода въ родъ... Видали-ли вы что-нибудь оригинальнѣе и древнѣе?

Томми взглянулъ на перстень, взглянулъ на цѣпь и остолбенѣлъ отъ изумленія.

— Клянусь святымъ Томасомъ! воскликнулъ онъ, — это мои старые знакомые! Сказите мнѣ, прекрасная леди, какъ была ваша фамилія до замужества?

— Отецъ мой графъ Бошфильдъ, отвѣчала она, улыбаясь, — внучъ сэра Стэфена-Хони д'Іе, одного изъ про-

славленныхъ сподвижниковъ Генриха VIII и дочери его королевы Маріи... у меня хранится его родословное дерево... онъ былъ женатъ на Сусаннѣ Продди, одной изъ отраслей знаменитаго нормандскаго рода, прибывшаго въ Англію съ Вильгельмомъ-Завоевателемъ... эта фамилія происходитъ отъ ихъ родового девиза: «Pro-Deo et rege». Посмотрите, онъ вырѣзанъ на гербѣ этого перстня.

— Таеъ, таеъ, миледи, продолжалъ Томми, — а мать этой Сусанны была за мужемъ за Доджеромъ, Вевфильдскимъ мельникомъ.

Графиня расхохоталась.

— Ахъ, какъ вы уморительно произносите историческія имена, мистеръ Томасъ! моя прабабка была за мужемъ за Реджинальдомъ д'Озеръ, старшимъ въ родѣ благородныхъ д'Озеръ изъ Контансей, которые славились своей необычайной силой, за что и получили прозваніе «мельниковъ»... А вы этихъ славныхъ рыцарей временъ крестовыхъ походовъ передѣляли въ какихъ-то плебейскихъ Доджеровъ!.. Посмотрите, вотъ другой перстень, съ девизомъ, отъ котораго происходитъ наша фамилія Хони д'Іе, а не Хонейдью, какъ вы говорите.

Она вынула изъ золотого кубка другое кольцо и подала его своему гостю.

— Да клянусь-же святымъ Томасомъ, воскликнулъ онъ, — и эта вещица побывала въ моихъ рукахъ; я самъ послалъ ее вашей прабабушкѣ, въ день ея свадьбы, въ Уорунгѣ, съ вашимъ прадѣдомъ констэблемъ, и опять повторяю вамъ, миледи, его звали Стэфеномъ Хонейдью, а ее Сусанной Продди-Доджеръ. Ихъ при мнѣ и вѣнчали, а не будь у меня здоровье таеъ плохо, я самъ-бы могъ жениться на вашей пра-прабабушкѣ.

— Однако, послушайте, почтенный Маеусанлъ, сказала леди Бемерлей, бросая презрительно суровый взглядъ на старика, — вы, должно быть, совсѣмъ выжили изъ ума и начинаете завираться... впрочемъ, въ ваши года это естественно. Ступайте-ка лучше въ людскую, спросите себѣ

кружку пива и утопите въ ней свои нелѣпныя воспоминанія о разныхъ Хонейдью и Доджерахъ.

Томми болѣе не возражалъ; онъ покорно отправился въ дворецкому и угощался въ его обществѣ до тѣхъ поръ, пока лордъ Бемерлей не прислалъ за нимъ, чтобъ вести его во дворецъ. Представленіе состоялось. Король принялъ его очень милостиво и съ большимъ интересомъ выслушалъ всю исторію Босуортскаго сраженія; потомъ, желая оказать особое вниманіе старѣйшему изъ своихъ подданныхъ, его величество велѣлъ отвезти ему комнату во дворцѣ и угощать съ королевскаго стола; угощеніе продолжалось семь дней, втеченіи которыхъ Томми потребилъ столько отборныхъ питій и яствъ, что на восьмой день умеръ, наконецъ, отъ разстройства желудка. Онъ былъ похороненъ на счетъ потомковъ знаменитыхъ Хони д'Іѳъ и на его надгробномъ камнѣ сохранилась надпись:

Памяти Томаса Парръ, умершаго ста-пятидесяти-трехъ лѣтъ отъ роду, въ лѣто MDCXXXV отъ Р. X.

Но, до погребенія, королю захотѣлось узнать, какимъ тайнымъ механизмомъ поддерживалось это долгое существованіе почти вдвое дольше крайняго срока чело-вѣческой жизни, опредѣленнаго псалмопѣвцемъ *)—и онъ повелѣлъ, чтобъ тѣло Томаса Парръ было вскрыто и изслѣдована ученѣйшимъ анатомомъ въ государствѣ. Честь этого изслѣдованія досталась великому Гарвею, которому наука обязана открытіемъ кровообращенія.

Ю. Д.

*) Псаломъ LXXXIX, озаглавленный: Молитва Моисея, чело-вѣка Вожіа.

Мигуэль Сервантесъ де-Сааведра.

Спустя 400 лѣтъ послѣ поэмы Сида, прославившаго всю Испанію, явился вымышленный герой, гораздо болѣе сдѣлавшійся извѣстнымъ, созданный великимъ гениемъ въ минуты глубокомысленнаго, незлобнаго и самаго добродушнаго смѣха—Донъ-Кихоть де-ла-Манча.

Мигуэль Сервантесъ де-Сааведра, о мѣстѣ рожденія котораго спорили 8 городовъ, увидѣлъ свѣтъ въ Алькалѣ де-Энаресъ (1547). Онъ учился въ Мадридѣ, его готовили въ богословы или въ медики; въ духовное званіе онъ ни за что не хотѣлъ поступить, а медицину предпочиталъ литературу. Когда приняли дурно его стихи и романсъ „Филень“—очень плохой, тогда онъ, съ горя, съ досады и отъ нужды, отправился въ Римъ, поступивши въ слуги къ кардиналу Аквавивѣ, который былъ присланъ къ Филиппу, послѣ трагической смерти Донъ-Карлоса и Изабеллы. Скоро пробудилась въ немъ кастильянская гордость и онъ пошелъ въ солдаты, участвовалъ въ славномъ сраженіи при Лепантскомъ заливѣ. Флоренція, Савойя, Феррара, Урбино, Парма, Мантуя, Генуэзская и Венеціанскія республики образовали тогда одинъ союзъ и поручили начальство Донъ-Хуану австрійскому, сыну-воспитаннику Карла V. Турецкій флотъ изъ 224 кораблей, подъ начальствомъ Али-Паши, былъ разбитъ, 20,000 было убито, 10,000 взято въ плѣнъ, 15,000 плѣнныхъ и скованныхъ христіанъ

были освобождены. Папа Пій V въ восторгѣ воскликнулъ: «бысть челоувѣкъ посланъ отъ Бога, имя ему Іоаннъ».

Въ этой знаменитой битвѣ Сервантесъ потерялъ лѣвую руку и этой цѣной купилъ себѣ славу мужества, которое ставилъ выше ума. Три года онъ оставался въ Неаполѣ и въ 1575 г. отправился на галерѣ въ отечество; но ею завладѣлъ корсарь арнаутъ (албанецъ), Дали-Мами и Сервантесъ, вмѣсто Испаніи, былъ приведенъ въ Алжиръ, какъ плѣнникъ, и брошенъ въ оковы. Тамъ онъ нашелъ христіанскихъ невольниковъ, число которыхъ скоро дошло до 14; одинъ изъ нихъ, Хуанъ, изъ Наварры, вырылъ въ саду подземелье, въ 3-хъ миляхъ отъ Алжира; всѣ они скрылись туда и Сервантесъ сталъ главою этой подземной республики.

Деньгами, собранными милостыней, они выкупили одного изъ невольниковъ, Віана, и этотъ, въ благодарность, общалъ подилить къ нимъ ночью на галерѣ и увести ихъ въ отечество. Віана сдержалъ слово, приблизился ночью къ условленному мѣсту; но рыбаки, увидя христіанскій фрегатъ, подняли тревогу и онъ ушелъ въ открытое море.

Вѣрный слову, Віана снова присталъ къ берегу, но мавры уже сторожили фрегатъ, взяли его въ плѣнъ и съ людьми. Между тѣмъ, подъ землею, его ожидаютъ въ отчаяніи товарищи; одинъ Сервантесъ удерживаетъ ихъ и утѣшаетъ; имъ, наконецъ, нечего ѣсть, послали одного за припасами, ждутъ цѣлыя сутки, а онъ ихъ предалъ: пришелъ съ солдатами. Бѣглецовъ привели къ дею, который объявляетъ прощеніе, но съ тѣмъ, чтобы выдали главныхъ виновниковъ. «Я виноватъ, и притомъ одинъ, сказалъ на это Сервантесъ, освободи ихъ, меня одного умертви». Дей, пораженный такимъ благородствомъ, возвращаетъ Сервантеса Дали-Мами, но садовника Хуана повѣсилъ собственноручно. Послѣ дея купилъ Сервантеса за 500 ефимковъ, строго держалъ его въ оковахъ; ибо нашъ поэтъ нѣсколько разъ снова покушался бѣжать и только сила воли и величіе духа спасали его отъ позорной смерти.

Одинъ разъ Сервантесъ былъ избавленъ отъ 2,000 ударовъ въ то самое время, когда три испанца умерли подъ палками; въ другой разъ дей велѣлъ связать ему и руки, на-

дѣтъ на шею петлю, но простилъ его снова за великодушное молчаніе: Сервантесъ не хотѣлъ спасти свою жизнь предательствомъ своихъ. Онъ заслужилъ отъ нихъ славу, честь и вѣнецъ. Мать и сестра Сервантеса продали почти все, что имѣли, чтобы выкупить его; первая собрала 250 червонцевъ, другая 50; но дея запросилъ 1000 ефимковъ, иначе угрожалъ послать плѣнника въ Константинополь, уже дѣйствительно бывшаго на галерѣ. Къ счастью, отцы ордена Св. Троицы, желая спасти этого замѣчательнаго человѣка, успѣли уговорить дею и заплатили ему 500 ефимковъ золотомъ, прибавивши въ 300 червонцамъ то, чего не доставало; тогда 33-лѣтній Сервантесъ, послѣ долгаго томленія въ плѣну (5¹/₂ лѣтъ), воротился въ родную Испанію выкупленнымъ невольникомъ, изувѣченнымъ солдатомъ и жалкимъ бѣднякомъ. Но онъ не унывалъ духомъ и говорилъ: «нѣтъ въ мірѣ блага, которое могло-бы сравниться съ возвращеніемъ потерянной свободы».

Скоро Сервантесъ полюбилъ благородную, очень бѣдную Кастильянку (Деня Катарина де-Паласіосъ Саласаръ и Восмедіано) и женился на ней. Страшная бѣдность супруговъ видна изъ росписи приданаго, въ которой описано имущество невѣсты: «мотовило, желѣзная печь, три вертела, лопата, терка, шесть мѣръ муки, пять фунтовъ воску, двѣ маленькія скамейки, столъ о четырехъ ножкахъ, матрацъ, набитый шерстью, мѣдный подсвѣчникъ, два одѣяла, два изображенія Христа-младенца, съ платицею и рубашечками; пѣтухъ, куры и цыплята, всего 44».

Чтобы жить какъ-нибудь, онъ началъ писать комедіи для театра; написалъ ихъ до 30, и бросилъ, почти согнанный съ театра, какъ самъ говоритъ объ этомъ: «театромъ овладѣлъ послѣ этотъ великій Лопесъ-де-Вега,—это чудо природы; онъ покорилъ монархію комедій, подвергъ своему суду всѣхъ актеровъ и наполнилъ міръ своими комедіями».

Куда же дѣваться отъ бѣдности? Въ это время снаряжали непобѣдимую армаду и Сервантесъ сдѣлался поставщикомъ съѣстныхъ припасовъ въ Севильѣ; пробывъ въ этой должности 12 лѣтъ, по клеветамъ былъ заключенъ въ тюрьму, подобно Камюэнсу; онъ вышелъ изъ нея совершенно оправ-

даннимъ. Этимиъ несчастія не кончились: жители деревни Аргамасьяля де Альба, озлобленные вслѣдствіе чего-то, посадили его въ темницу, сохранившуюся до-сихъ-поръ подъ названіемъ Cosa de Megrano.

Въ память жестокаго обращенія съ нимъ, Сервантесъ началъ своего Донъ-Кихота словами: «въ одной Ламанчской деревнѣ, объ имени которой не хочу вспоминать». Въ этой деревенской тюрьмѣ явился на свѣтъ Донъ-Кихотъ де-Ламанча, напечатанный въ 1605 году. Авторъ назвалъ себя мавромъ (Сидъ-Хамедъ-Бенъ-Энхели). Книгу привали равнодушно: безтолковые ея не поняли, умные не читали: Сервантесъ, въ видѣ критики, написалъ брошюру: «Огненный змѣй» (Viscarie), объяснивъ въ ней цѣль книги; тогда прочли ее и умные люди, а за ними и всѣ съ ненасытнымъ любопытствомъ. Въ одинъ годъ Испанія 4 раза перепечатала Донъ-Кихота, и въ то же время онъ распространился по Франціи, Италиі, Португаліи и Фландріи, въ числѣ 30,000 экземпляровъ. Дѣти, ювоши, взрослые, старики читали его съ жадностью, отнимали другъ у друга, даже похищали. Рѣзкія сатиры и стрѣлы ироніи въ Донъ-Кихотѣ привели въ движеніе всю мыслящую часть Испаніи; авились враги Сервантеса и выступили противъ него съ публичными критиками и тайными насмѣшками. Одинъ плохой писатель, назвавшій себя Авальянедой, написалъ продолженіе Донъ-Кихота и осыпалъ въ немъ недостойной бранью истиннаго автора, который молчалъ 10 лѣтъ и наконецъ издалъ II томъ своего романа (1615 г.).

Въ предисловіи Сервантесъ отвѣчаетъ своему врагу съ рѣдкимъ благородствомъ тона: «ты ожидаешь, читатель, брани на сочинителя второго Донъ-Кихота? Миѣ есть за что сердиться, но я не доставлю тебѣ этого удовольствія. Человѣкъ, бранящій меня старымъ и безрукимъ, не стоитъ отвѣта. Правда, я старъ, но это болѣзнь тѣхъ, которые долго живутъ, а не причина быть худымъ писателемъ. Руку потерялъ я въ славной битвѣ и считаю, что мало заплатилъ за честь сражаться при Лепантѣ. Мои воспоминанія для меня драгоценнѣе потерянной руки и что за отношеніе раны моей и съдыхъ моихъ волосъ къ моей книгѣ? Авторъ говоритъ, что я

завистливъ и беретса вразумить меня, что такое зависть. Знаю, что это ему лучше извѣстно, и охотно уступаю ему первенство.

Ты видишь, читатель, что я скромень и кротокъ и прилично-ли мнѣ мстить врагу, который, нападаая на меня, даже не посмѣлъ себя обнаружить, скрывъ свое имя, какъ несчастный тать. Если ты увидишь его, скажи ему, что я не сержусь на него, ибо знаю, какъ трудно идти противъ искушений злого духа, который самымъ сильнымъ соблазномъ увѣряетъ бѣдняка, что и онъ можетъ написать книгу, прославиться и обогатиться: кто жъ этого не любитъ?

Къ несчастію и стыду, жалкое и пошлое сочиненіе Авальядены было переведено во Франціи, гдѣ очень долго смѣшивали съ нимъ великое твореніе Сервантеса. За годъ до смерти Сервантеса, дворане французскаго посольства съ великимъ уваженіемъ отзывались объ авторѣ Донъ-Кихота и, узнавши, что онъ живъ, пожелаали его видѣть. Услышавъ, что онъ въ бѣдности, они сказали: «Какъ? И Испанія не содержитъ такого человѣка на общественный счетъ, не обогатить его»? Другой сказалъ: «если нужда заставила его писать, то желаю, чтобы онъ никогда не сдѣлался богатымъ».

1616 года, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, 68-лѣтній старикъ, безрукій и больной, возвращался въ Мадридъ съ двумя друзьями, вторые заботились объ его здоровьѣ. «Подождите, господа! закричалъ имъ одинъ студентъ, вѣхавшій на ослѣ, вы скоро ѣдете! «Лошадь Мигуэля Сервантеса очень рысиста», отвѣчали ему. При этомъ имени, студентъ слѣзъ съ осла, подбѣжалъ къ старику, схватилъ его за руку и сказалъ: «да, да!.. Вотъ однорукій сялачь, знаменитый, все веселый писатель и настоящая радость музъ». Это глубоко тронуло поэта; студентъ объявилъ ему, что у него водяная, отъ которой Сервантесъ дѣйствительно умеръ, въ 1616 году, 23 апрѣля. Въ тотъ-же годъ и въ эти же апрѣльскіе дни скончался Шекспиръ.

ДОНЪ-КИХОТЪ.

Содержаніе, идея и значеніе.

Монтескье, упоминая о Донъ-Кихотѣ въ „Персидскихъ письмахъ“, выразилъ остроумную мысль, но несправедливую и обидную для гениальныхъ соотечественниковъ Сервантеса: „у Испанцевъ есть одна только хорошая книга, которая показала, какъ смѣшны всѣ остальные“.

Бутервекъ, извѣстный нѣмецкій критикъ, старался раскрыть главную идею глубокомысленнаго романа; ему кажется что Сервантесъ хотѣлъ изобразить характеръ возвышенный, героя—энтузиаста, убѣжденнаго въ своемъ призваніи—возстановить древнее рыцарство; по его словамъ, ничего не можетъ быть страннѣе мысли, что Донъ-Кихотъ есть только сатира, осмѣивающая неглупую манію чѣгать старыя рыцарскія романы.

Сисмонди пошелъ еще дальше: „основная мысль (говорить онъ) книги—вѣчная противоположность міра поэзіи. Люди съ возвышенной душою хотятъ быть защитниками слабыхъ, угнетенныхъ, ратоборцами справедливости и невинности. Какъ Донъ-Кихотъ, они встрѣчаютъ вездѣ образы добродѣтелей, обожаемыхъ ими; думаютъ, что безкорыстіе, благородство, самоотверженіе еще странствуютъ на землѣ; не зная своихъ силъ, эти люди идутъ за неблагодарныхъ, приносятъ себя въ жертву заповамъ и правиламъ воображаемаго порядка вещей“. Если это такъ, то Донъ-Кихотъ самое печальное явленіе, самое безотрадное созданіе человѣческой мысли; такъ думаетъ Сисмонди, прибавляя, что эта книга безнравственная, ледяная и гибельная для общества: ибо величіе духа, мечты герояма осмѣяны въ ней, какъ ничтожная суетность. Сисмонди считаетъ Донъ-Кихота болѣе мужественнымъ, нежели баснословные герои, его образцы; безкорыстнымъ и самоотверженнымъ, истиннымъ чудомъ вѣрности и постоянства въ любви; между тѣмъ всѣ его возвышенныя стремленія гибельны для ближняго и его самого обращаютъ въ предметъ жалости и смѣха. Ясно, что, по мнѣнію Сисмонди, Донъ-Ки-

хоть есть самая безжалостная сатира на ничтожество высокихъ стремленій нашего духа, демоническая иронія, исторгающая челоуѣка изъ міра грезъ и очарованій.

Чтобы уразумѣть глубоко-нравственную мысль, вопреки славнымъ критикамъ, гениальнаго созданія Сервантеса, который для испанцевъ то-же, что Аріостъ для Италіи и Шекспиръ для Англии, надобно обратить вниманіе, во 1-хъ, на современную автору эпоху и на положеніе его; во 2-хъ, на то, какъ онъ самъ говоритъ о своемъ романѣ; въ 3-хъ, что самое важное, не должно забывать, что послѣдній томъ вышелъ въ свѣтъ спустя десять лѣтъ послѣ перваго, такъ, что, избравъ по книгѣ (а не по фантазіи Бутервека и Сисмонди) біографіи героя, мы найдемъ не одного, а двухъ Донъ-Кихотовъ. Начнемъ съ 1-го, т.-е. съ эпохи автора. Знамя рыцарства, если не обратилось въ лохмотье, то, покрайней-мѣрѣ, сильно полиняло; герои-мученики мирно почивали въ могилахъ, жили только въ воспоминаніи и начали воскресать въ романахъ, къ несчастію, въ самомъ уродливомъ видѣ, въ ложномъ, неестественномъ свѣтѣ: явились чудовища, великаны, карлики, волшебники и всяческій вздоръ. Эти усердные друзья рыцарства были истинными его врагами, потому что рисовали портреты, непохожіе ни на одного настоящаго героя; искажали здравый смыслъ въ людяхъ, вредили чистотѣ нравовъ и вкуса. Религіозный долгъ защищать обиженную красоту обратился въ повиновеніе женской прихоти; прибавьте къ этому ложное понятіе о чести, кровавое мщеніе за ничтожную обиду и множество другихъ безпорядковъ, и вамъ будетъ понятно, почему Карль V повелѣлъ вице-королямъ новаго свѣта не дозволать ни испанцу, ни иудейцу печатать, продавать и читать рыцарскіе романы и почему Вальядалидскіе кортесы подали просьбу королевѣ Іоаннѣ, гдѣ писали: «умоляемъ ваше величество повелѣть, подъ опасеніемъ наказанія, чтобы ни одна изъ такихъ книгъ не печаталась, а существующія были-бы отобраны и сожжены. Всѣмъ извѣстенъ вредъ, наносимый юношамъ и дѣвицамъ книгами, исполненными лжи и вздора, какъ Амадисъ и ему подобныя». Ни ораторы, ни моралисты, ни строгіе законы не превратили заразительной страсти къ чудесно-

му, одинъ человекъ стираетъ съ лица земли это мордовое повѣтріе, оружіемъ неотразимымъ, какъ смерть, безжаостной насмѣшкой, безпощадной проніей, родившейся во всеоружіи, подобно Минервѣ, въ тюрмѣ деревни Ла-Манча, и Донъ-Кихоть его будетъ послѣднимъ рыцарскимъ романомъ. Да, первоначальная мысль Сервантеса была именно эта: онъ высказалъ ее самъ: «я хотѣлъ посмѣяться надъ глупыми рыцарскими романами и сдѣлалъ это: мой Донъ-Кихоть нанесъ имъ смертельную рану». Эта идея еще полнѣе раскроется изъ содержанія в биографіи Донъ-Кихота.

Дитя фантазіи Сервантеса—сухое, тощее, желтое, капризное—рогилось въ тюрмѣ, въ жилищѣ тревоги и печальнаго шума. Въ одной Ламанчской деревнѣ живетъ бѣдный дворянинъ; при немъ домоправительница (40 лѣтъ), племянница (19 лѣтъ) и слуга; господину Кихана 50 лѣтъ отъ реду. Столъ его былъ умѣренный: по субботамъ, какъ добрый католикъ, онъ кушалъ умершихъ животныхъ; это блюдо называлось «печали и сокрушенія». Онъ вставалъ рано, страстно любилъ охоту, еще съ большою страстью читалъ рыцарскія книги; продалъ много земли, накупилъ этихъ книгъ и наполнилъ ими свой домъ. Проведя всю жизнь въ праздности, посреди міра чудесъ и героизма, до 50 лѣтъ не выдавши въ глаза дѣйствительности, зная себя и людей по этимъ фантастическимъ героямъ, онъ невольно сдѣлалъ изъ нихъ для себя призму и создалъ себя, людей и міръ по ихъ подобію. И вотъ въ правдой и разгораченной головѣ его родилась самая странная мысль, какой еще никогда не встрѣчалось въ мірѣ: для умноженія своей славы и для блага отечества, онъ хочетъ сдѣлаться странствующимъ рыцаремъ; объѣхать весь свѣтъ съ оружіемъ и конемъ, искоренять обиды, подвергаться опасностямъ, дѣлать все, что совершили рыцари его библиотеки, приобрести себѣ вѣчное имя и славу и, наконецъ, за подвиги руки своей, быть по крайней мѣрѣ на престолѣ Тривизондской имперіи.

Итакъ, вопреки Бутервеку, Сервантесъ изображаетъ Донъ-Кихота не возвышеннымъ героемъ, а человекомъ, у котораго есть только безотчетный энтузіазмъ къ благу, слѣтмй притомъ

съ суетностью и самообольщеніемъ. Онъ выѣхалъ на подвиги и говоритъ самъ съ собою: въ будущіе вѣка мудрый историкъ мойхъ дѣяній, безъ сомнѣнія, начнетъ такъ: «егда багрянолицій Аполлонъ распространилъ по лицу земли нити прекрасныхъ своихъ волосъ, какъ знаменитый рыцарь Донъ-Кихоть де-Ла-Манча, покинувъ перину, подругу праздности, сѣлъ на славнаго Росинанта, пустился въ поле и сказалъ: «счастливъ вѣкъ, который узнаетъ мои чудесные подвиги, достойные бронзы, мрамора и картины». Увлеченіе привраками героязма поразило его переимчивое воображеніе и всѣ его мысли поглощены теперь единою мечтою—возстановить странствующее рыцарство. Надо замѣтить, что у него нѣтъ собственной дѣятельности ума, онъ жертва самообольщенія и добросовѣстно обманываетъ самого себя: ибо величіе духа, всѣ мысли и стремленія, вошедшія въ его голову изъ книги, слились нераздѣльно съ его существомъ и даютъ его, подобно кошмару. Всѣ сумасбродныя приключенія для него чистая истина; онъ мечтаетъ о битвахъ, поединкахъ, о мученіяхъ любви, о мірѣ чудесъ, никого еще не видя. Онъ чиститъ оружіе и, неуклонно подражая рыцарямъ, особенно Амадису, вмѣсто Биханы называетъ себя Донъ-Кихотомъ Ламанчскимъ; тощую свою клячу Росинантомъ; беретъ здороваго мужика и именуетъ его своимъ оруженосцемъ, не безъ смущенія оттого, что всѣ оруженосцы слѣдовали за рыцарями на конѣ, а Санчо-Панса, къ несчастію, не имѣя лошади, сопровождаетъ его на ослѣ. Это еще не все: рыцарь безъ любви то-же, что дерево безъ листьевъ и плодовъ, то-же, что тѣло безъ души: «если я повергну противника на землю, къ кому я его поню, передъ кѣмъ онъ станетъ на колѣни и возвѣститъ о моей славѣ»? И вспомнилъ онъ, что въ одномъ окологдѣ есть милое существо — Альдонца-Лоренцо, толстая деревенская дѣвушка, тучная дочь природы и непомиѣрно здоровая: на играхъ она швыряетъ шести не хуже самага сильнаго парня, подымается иногда на колокольню, чтобы кликать оттуда мужиковъ, работающихъ на разстояніи подмилі; въ добавокъ, она мастерица солить говядину. Изъ нея-то нашъ рыцарь создалъ себѣ въ мірѣ и далъ ей имя—

Дульсинея Тобозская, имя сладковзвучное, необыкновенное, какъ и всѣ названія, данныя имъ себѣ и своимъ вещамъ. Наконецъ, нашъ герой, одинъ на конѣ, вездѣ руководствуется идеей мнимаго благородства и никогда не дѣйствуетъ разумно; онъ до того потемнѣлъ, что видитъ то, чего нѣтъ, и не видитъ того, что есть. «Видишь-ли тамъ, другъ Санчо, 30 огромныхъ великановъ? Велика заслуга передъ небомъ истреблять это злое племя!—Да это, г. рыцарь, вѣтряныя мельницы, а то, что вы изволите называть руками, ихъ крылья!—Вижу, Санчо, что ты новичокъ въ приключеніяхъ, это — великаны» И рыцарь, поручивъ себя Дульсинеѣ, бросился на первую мельницу, вонзилъ копые въ ея крыло, такъ сильно повернутое вѣтромъ, что онъ стремглавъ полетѣлъ съ коня на землю. «Господи, твоя воля! вскричалъ оруженосецъ, не говорилъ-ли я вашей милости, что надо прежде осмотрѣться? У кого есть глаза, то какъ не видать, что это мельницы?—Молчи, Санчо! Это волшебникъ Фрестонъ отнял у меня славу побѣды и превратилъ великановъ въ мельницы». Два монаха спокойно ѣдутъ на мулахъ; позади нихъ карета, въ которой была молодая женщина; а ему кажется, что это два волшебника, похитившіе принцессу. Надо ее освободить и невинные люди едва спасаются отъ увѣчья и смерти. Идали поднялось облако пыли; вѣрно, это воинственные рыцари; съ быстротою молніи онъ бросается въ густоту войска и въ пылу мужества многихъ уже убилъ, не слушая криковъ Санчо, который клялся папой, что рыцарь напалъ на стадо барановъ и овецъ. Пастухи начали бросать въ него камнями, помияли ему два ребра, вышибли три или четыре зуба. Лишенный чувствъ, онъ упалъ съ Росинанта и послѣ увѣрялъ Санчо, что злой волшебникъ, личный его врагъ, превратилъ эскадронъ враговъ въ баранье стадо. За этотъ подвигъ Донъ-Кихотъ называлъ себя *рыцаремъ печальнаго образа*.

Цирюльникъ ѣхалъ въ ближнюю деревню, и, спасая отъ дождя новую шляпу, накрылъ голову мѣднымъ тавомъ. Донъ-Кихотъ увѣренъ, что это шлемъ Мамбрина, бросается ва бѣдлага цирюльника и тотъ едва ускокалъ, оставивъ несчастный шлемъ. Въ другой разъ встрѣтилъ онъ 12 колодниковъ,

въ цѣняхъ; они шли на галеры. Санчо - Панса, указывая на нихъ говоритъ Донъ-Кихоту: «вотъ цѣль галерныхъ невольниковъ короля!—Какъ невольниковъ? возражаетъ Донъ-Кихоть; я ихъ хочу освободить!» И, подбѣзжая къ одному изъ нихъ, спросилъ его: «За что ты идешь въ такомъ печальномъ видѣ?—За то, что влюбился.—Какъ? За любовь на галеры?—Да! Я влюбился въ корзину съ бѣльемъ, похитилъ ее, и такъ крѣпко обнималъ, что меня сослали на галеры.—А ты за что, мой другъ?—За то, что пѣлъ канарейкой съ горя!—Какъ? Да вѣдь пѣніе заслуживаетъ награды, а не галеры?—Господинъ рыцарь, замѣтили Донъ-Кихоту, пѣть съ горя канарейкой у этого народа значить признаться на пытѣ! Онъ признался, что кралъ рогатый скотъ и прочіе мошенники его презираютъ за то, что онъ не имѣлъ духу твердить *мѣта*; потому что въ этомъ словѣ столько-же буквъ, сколько и въ словѣ *такъ*! Донъ-Кихоть наставляетъ: «Эти люди идутъ не по своей волѣ, и я намѣренъ дать имъ свободу!» Стража разогнана, преступники освобождены; собравши ихъ въ кругъ, герой сказалъ имъ: «въ благодарность за свободу, надѣньте цѣпа, явитесь въ Тобоэо, къ принцессѣ Дульсинеѣ, и скажите ей, что рыцарь печальнаго образа посылаетъ ей привѣтствіе. «Разбойники отблагодарили его тѣмъ-же оружіемъ, какое употребили пастухи: сшибли его съ коня на землю, стащили съ него плащъ, а Санчо оставили почти безъ платья; затѣмъ скрылись въ горахъ, бросивши на мѣстѣ рыцаря и оруженосца, Росинанта и осла.

Итакъ, только что Донъ-Кихоть, съ своимъ славолюбивымъ, мечтательнымъ воображеніемъ, разстроеннымъ, отъ чтенія нелѣпныхъ исторій, вошелъ въ міръ здраваго смысла, какъ сталъ героемъ смѣшнымъ, потому что идетъ противъ невинныхъ и дѣлаетъ зло мирнымъ людямъ; сталъ безумно великодушнымъ, потому что отдаетъ ножъ разбойнику, у котораго его отняли. Онъ хочетъ сдѣлаться великимъ, не зная своей слабости; хочетъ блага, не зная ни мѣры, ни средствъ. Онъ съ благородными идеями, но поступки его безумны; всѣ его мысли и стремленія—не плодъ размышленія, а слѣдствіе безразсуднаго подражанія вздору. Въ дѣйствіяхъ своихъ онъ справляется съ тѣмъ, что дѣлали Амадисъ Гальскій и Голиафъ. Онъ храбръ, но не

по природѣ своей, а потому, что воображеніемъ увѣрилъ себя въ необходимость. У него будетъ королевство, потому что оно было у Амадиса, онъ подаритъ островъ Санчо-Пансѣ, ибо такъ дѣлали рыцари романовъ. Одна добродѣтель неотъемлемо принадлежитъ Донъ-Кихоту: *чистое сердце и несмысленная отърнность въ любви*. Отнимите у него это единственное отлчіе и вы не найдете въ немъ никакого характера, онъ—эхо, отголосокъ всѣхъ характеровъ, извѣстныхъ ему по памяти. За *суетное стремленіе къ славы* онъ будетъ (и уже есть) наказанъ: друзья Донъ-Кихота: священникъ, цирюльникъ Николай, бакалавръ Караско и другіе надѣли на себя маски, связали Донъ-Кихота, посадили его въ кѣтку, положили на телегу, запрягли въ нее бызовъ и повезли его домой. Когда онъ проснулся, ему сказали, что онъ очарованъ привидѣніями.

Этимъ оканчивается I томъ.

Его стараются успокоить, излечить. Однажды входитъ къ нему Санчо-Панса.—„Что говорятъ въ деревнѣ о моей храбрости? спрашиваетъ рыцарь бывшаго оруженосца своего; какъ подданные ничего не скрываютъ отъ государя, такъ и ты, Санчо, говори все прямо и откровенно». Господинъ рыцарь! Не разсердитесь, знайте, что, во-1-хъ, всѣ единогласно навываютъ васъ безумнымъ, и думаютъ даже, что и я такой же дуракъ! Смѣются, что вы, не имѣя никакого права, назвали себя дономъ; говорятъ притомъ, что онъ храбръ, но всегда бить! «Я не удивляюсь этому, мой другъ Санчо,—Цезарь, Александръ и даже Голиафъ имѣли завистниковъ! Это еще ничего не значить, если тутъ все.—То-то что не все! Ахъ, г. рыцарь, это только цѣтки... Бакалавръ Саламанскаго университета Караско рассказалъ мнѣ ужасныя вещи... онъ боится, что читалъ вашу исторію въ печати, съ вашимъ именемъ *Донъ-Кихотъ де-ла-Манча*, и я, Санчо-Панса тамъ помѣщенъ и госпожу Дульсинею туда же впрятали! Тамъ все написано, что мы говорили съ вами вдвоемъ, съ глазу на глазъ. Является Караско. Хитро надѣваясь надъ рыцаремъ, онъ цѣлуетъ его руку и воздастъ хвалу *Сидъ-Хамедъ-Бенъ-Энселм* за то, что онъ описалъ дивную жизнь такого героя! «Такъ это въ самомъ дѣлѣ правда? спросилъ Донъ-Кихотъ.—Помилуйте!

скоро переведутъ на всѣ европейскіе языки!—Г. бакалавръ! Какой изъ моихъ подвиговъ признаютъ болѣе славнымъ? Мнѣнія различны, г. рыцарь: одни удивляются вѣтрянымъ мельницамъ, которыя вы приняли за великановъ; другіе превозносятъ вашу встрѣчу съ двумя арміями, обращенными въ стадо барановъ; есть и такіе, которымъ болѣе всего нравится освобожденіе сосланныхъ въ цѣпяхъ на галеры».

Черезъ 10 лѣтъ Сервантесъ вынулъ своего героя изъ тѣсной рамы и возвысилъ его на степень Характера космополитическаго, человѣка, родного всѣмъ климатамъ, всѣмъ націямъ и всѣмъ временамъ. За *славолюбіе и суетность* Донъ-Кихотъ страшно наказанъ; но Правосудный Богъ озарилъ его свѣтомъ разума при концѣ жизни, за неповинность и чистоту сердца. Мнѣ кажется, что Сервантесъ, устроивъ такъ дивно его судьбу, выразилъ глубочайшее пониманіе таинственной природы нашего духа и тѣхъ высшихъ законовъ, которые невидимо дѣйствуютъ въ нравственномъ мірѣ.

Во II томѣ Донъ-Кихотъ совершенно измѣняется; горячка странствующаго рыцарства еще не прошла; говоря объ немъ, онъ разсуждаетъ ясно, холодно, глубоко, саркастически. На охотѣ встрѣтили они герцога и герцогиню, которые далеко не сострадательно пошутили надъ ними; они приняли ихъ съ притворнымъ почтеніемъ и даже за Донъ-Кихота сами рѣшились наградить его оруженосца, дать Санчо-Пансѣ мѣсто губернатора на островѣ Бараторіи. Отправляя туда своего спутника, Донъ-Кихотъ высказываетъ высокія философскія мысли, въ которыхъ есть нѣжность сердца, благородство характера, поэтическое воображеніе. Итакъ, два Донъ-Кихота: одинъ—бѣдный Ламанчскій дворянинъ, чуть не потерявшій разума отъ безпрестаннаго чтенія вздора, и другой Донъ-Кихотъ, истинный образецъ доблестей, съ превосходными познаніями, которыя можно пріобрѣсти при дворѣ, на полѣ битвъ, и въ университетѣ; но, къ несчастію, съ какимъ то поврежденіемъ въ головѣ, съ мономаніей, родившеюся отъ уединенія, праздности и отъ стремленія быть извѣстнымъ всему міру. Побѣжденный на поединкѣ бакалавромъ Караско, Донъ-Кихотъ далъ слово цѣ-

лнй годъ пробить дома и не искать приключеній. Оставимъ его не надолго.

Другое неподражаемое дитя фантазій Сервантеса Санчо-Панса (по-испански пишется Panza; это слово есть вмѣстѣ и славянское: звукъ *an* по-славянски *А*, т.-е. носовое у; з здѣсь равно нашему русскому з; цѣлое же слово panza по-славянски будетъ панза и значеніе его въ обоихъ языкахъ совершенно одинаковое; по-нѣмцеди этотъ звукъ слышится отчасти въ словахъ—Bauch, Wan(t). Санчо-Панса—странная, чудная смѣсь противоположностей: какъ живой портретъ тѣла, онъ непомѣрно толстъ и малаго роста, точно нарочно противоположность худощавому и высокому рыцарю, подобному духу во плоти. У него здравый и простой смыслъ, который обнаружился во всемъ блескѣ, когда Санчо былъ губернаторомъ на островѣ Бараторіи: ему дали три запутанныя тяжбы и онъ рѣшилъ ихъ такъ премудро, какъ царь Соломонъ. Въ этомъ чрезмѣрно-толстомъ олухѣ какъ-то непостижимо слились во едино: инстинктъ самохраненія, неодолимое животолубіе, любовь къ покойной жизни, чувственность, усердная угодливость чреву, обжорство, трусость, эгоизмъ, умѣряемый какою-то добротой, даже чувствительностью. Онъ чрезвычайно простъ и необыкновенно тонокъ; откровененъ до болтливости, но хитеръ и скрытенъ, когда примѣшивается горыстолубіе: да будетъ вамъ извѣстно, г. рыцарь, я говорилъ женѣ, что хочу ѣхать съ вами.—Что-же Тереза?—О, г. рыцарь! она говоритъ много кой-чего.... надо, говорить, знать, куда кладешь палець; что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ; что обѣщать и исполнять—маленькая разница, что синица въ рукахъ лучше журавля въ небѣ... Правда, Тереза болтлива, но нельзя же мнѣ ея не слушать...—Санчо, говори только ясиѣе...—Да это, г. рыцарь, не я говорю, а жена моя, Тереза; она твердить, что мы всѣ смертны; что сегодня на ногахъ, а завтра въ могилѣ; что пока еще до награды, которыя будутъ либо нѣтъ, Богъ знаетъ, не угодно-ли вашей милости положить мнѣ, такъ-называемое, жалованье.... по столько-то въ мѣсяць? Еще хитрѣе онъ поступаетъ, когда ему нужно побережъ свою кожу: рыцарь послалъ его къ принцессѣ Дульсинѣ, въ То-

бозо, и признавалъ ему замѣчать всѣ движенія ея сердца и лица. Санчо пустился рысью, но когда рыцарь скрылся уже изъ виду, то онъ испугался, доведеть-ли это посольство до добра. Въ страхѣ, онъ слѣзъ съ осла, сѣлъ подъ деревомъ, чтобы собраться съ мыслями, и началъ говорить самъ съ собою: „Ну, Санчо, прежде всего спросимъ, куда это ѣдетъ твоя милость? Можетъ быть, искать пропавшаго осла? Нивакъ нѣтъ, осель здѣсь! Куда-же вы изволите ѣхать? Искать принцессу Дульсинею, солнце красоты! Очень хорошо! но гдѣ же она? Въ великомъ городѣ Тобозо! А, это другое дѣло! А кто васъ послалъ? Славный рыцарь Донъ-Кихотъ, каратель тирановъ, кормилецъ голодныхъ, поитель жаждущихъ и защитникъ слабыхъ! Прекрасно! А знаете-ли вы эту прекрасную принцессу? Вовсе нѣтъ; я ея никогда не видывалъ, да и рыцарь мой знаетъ ее не больше меня! А вы не опасаетесь, г. Санчо-Панса, что обитатели Тобозо, узнавши, что вы пришли съ любопытными предложеніями къ ихъ принцессѣ, возымѣютъ маленькое намѣреніе встаться за дубины? Правду сказать, они бы сдѣлали свое дѣло, и хотя я посланникъ, но очень легко можетъ случиться, что они забудутъ ко мнѣ должное уваженіе! Такъ я совѣтую вамъ поостеречься; жители Ла-Манча шутить не любятъ. Лучше, г. Санчо, выканьте изъ головы это посольство! Мнѣ кажется, что вы правы; такъ я сдѣлаю вотъ что: господинъ мой помѣшанъ; я тоже глупъ, что за нимъ поѣхалъ, однакожь стадо барановъ не принимаю за армію, ни мельницъ за великановъ; первую женщину, которую встрѣчу, представлю рыцарю; не повѣрять, буду божиться. А теперь я намѣренъ нѣсколько часиковъ соснуть, а господинъ мой будетъ думать, что я ѣду и исполняю его порученіе. Изъ чувства самохраненія, онъ умствуешь, какъ истинный философъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ самый правдивый судья. Донъ-Кихотъ увѣренъ, что Дульсинея очарована, обращена въ крестьянку; нашли волшебника и объявили, что Санчо долженъ получить 3500 ударовъ плетью для того, чтобы Дульсинея приняла свой естественный благородный видъ.

Великій Донъ-Кихотъ! Мерлинъ передъ тобой!
 Весь гартаръ вѣзмущенъ судьбою Дульсиныи,
 Всѣ силы вышія, волшебницы и феи
 По ней терзаются тоской.
 Совѣтъ ихъ наконецъ изрекъ опредѣленье;
 Внимай и принеси богамъ благодаренье!
 Пусть Санчо изъ ремня плеть длинную возьметъ
 И..... своей обширной, не жалея
 По ней 3500 ударовъ оточтетъ.
 Тогда великая принцесса Дульсиныи
 Свой прежній приметъ видъ и съ прежней красотой
 Предстанетъ передъ тобой!

Тогда Санчо употребляетъ всю изворотливость ума на доказательство того, что превращеніе Дульсиныи не имѣетъ никакого отношенія къ его тѣлу. Далѣе, онъ простодушенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ коваренъ; во всемъ сомнѣвается и всему вѣритъ: въ ужасѣ онъ объявляетъ Донъ-Кихоту, что они оба осмѣяны въ книгѣ; но когда хитрый бакалавръ Караско началъ расточать поклоненія рыцарю и похвалы мавру за то, что онъ описалъ такіе удивительные подвиги, Санчо, изъ трусливой боязни, бросается въ самую крайнюю самоувѣренность.

Донъ-Кихотъ: Такъ II томъ обѣщанъ?

Караско: Непремѣнно, г. рыцарь! Хотя вторые томы рѣдко равняются съ первыми. Автору трудно будетъ собрать матеріалы.

Бьюсь объ закладъ, прерываетъ Санчо, что этотъ дуракъ, мавръ, думаетъ, что мы будемъ сидѣть сложа руки. Какъ-бы не такъ! знаетъ онъ насъ, то-ли еще будетъ! Санчо видитъ очень хорошо сумасбродство рыцаря, а между тѣмъ самъ весь подъ его обаяніемъ. Донъ-Кихотъ обѣщалъ ему островъ и называетъ его не по-испански (isla), а по латыни (insula) и Санчо въ восторгѣ, съ особенною важностью повторяетъ непонятное для него insula; чѣмъ меньше понимаетъ онъ таинственный закъ и риторическій стиль своего господина, тѣмъ болѣе обольщается ими, говоря самъ языкомъ плебея. Не признавая за собою слабостей Донъ-Кихота, онъ готовъ считать его достоинства своими собственными и тогда увлекается подражаніемъ рыцаря: обиженные поселяне старались отомстить

одной деревнѣ; Донъ-Кихоть желаетъ прекратить ссору, которая можетъ сдѣлаться кровавою; всѣ они замолчали, когда онъ обратился къ нимъ съ рѣчью: „Храброе друзья мои! Вы хотите отомстить за нанесенную обиду? Я знаю законы чести; городъ, сословіе не можетъ оскорбиться частной обидой. Что за обида, если злой человѣкъ или глупый повѣса, наглій дуракъ забавляется на счетъ достойнаго общества плоскими шутками, которые распространяютъ невѣжды? Нѣтъ! Это запрещаетъ Богъ и разумъ! Война есть бичъ, несчастіе, близкое къ злодѣянію; вы хотите мстить? Одно это слово показываетъ, что вы виновны. Вы христіане; будемъ не ненавидѣть, а любить другъ друга, это лучше побѣды; у насъ и безъ войны такъ много бѣдствій неотвратимыхъ!“

„Господи, твоя воля! сказалъ Санчо, да мой рыцарь умнѣ всякаго епископа! И я начинаю чувствовать даръ говорить... вѣдь крестьяне-то замолчали, почти убѣдились; дай-ка я прибавлю:

Господа, славные витязи! Вамъ говорилъ великій Донъ-Кихоть, рыцарь печальнаго образа; онъ такой человѣкъ, которому все извѣстно; онъ лучше насъ знаетъ и по-испански, и по-латыни; слушайте его, а вамъ порука! Кой чертъ, милостивые государи, неужели вы должны драться за то, что глупецъ заревѣлъ по-ослиному? Когда я былъ мальчишкой, то самъ славился искусствомъ ревѣть, и никто не смѣлъ смѣяться, а, напротивъ, всѣ завидовали. Вотъ, извольте послушать, господа, ибо это искусство, какъ и плаваніе, никогда не забывается!“ Тутъ ораторъ зажалъ себѣ рукою носъ и заревѣлъ такъ громко, что поселяне приняли это за злую насмѣшку и жестоко съ нимъ поступили. Иногда Санчо самымъ грубымъ образомъ скажетъ умную и острую вещь. Вы думаете, что онъ говоритъ глупости, а онъ вамъ даетъ прекрасное наставленіе. У него доброе сердце; онъ любитъ добродѣтель, но по природѣ своей, не зная самъ, что она такое. Все его знаніе въ пословицахъ, которыми онъ такъ и сыплетъ (для испанцевъ это неистощимый источникъ наслажденія), вся его добродѣтель въ послушаніи. И они любятъ другъ друга, слушаютъ, когда разлучаются; когда они идутъ вмѣстѣ и разго-

вариваютъ дорогою, читателю кажется, что онъ третій среди нихъ и ему самому жаль отъ нихъ оторваться, потому что въ нихъ такъ нераздѣльно слиты двѣ половины нашего существа—духъ и тѣло: одинъ воображаетъ, что видитъ великую тѣнь, показываетъ ее издали, ведетъ къ ней и почти всегда приводить къ злу; другой борется съ этой волей, но слушаетъ ее и влечитъ за нею свое тяжелое тѣло; одинъ устремляется мыслью къ возвышенному, небесному, но удерживается другимъ, который крѣпко ухватился за землю, дающую ему несказанное наслажденіе и притомъ въ разнообразныхъ видахъ: въ пироги съ зайцемъ, въ душистомъ винѣ и въ обаятельномъ снѣ, такъ сладостномъ для полнаго тѣла Санчо. Одинъ разъ Сервантесъ, именно во II томѣ, какъ молніей, освѣтилъ задушевный уголокъ подъ этою грубою тѣлесною корою: Санчо ѣхалъ позади Донъ-Кихота и одного дворянина, который съ невыразимымъ простодушіемъ рассказывалъ рыцарю исторію своей жизни (а она была непрерывная цѣпь добрыхъ дѣлъ). Вдругъ Санчо спрыгиваетъ съ осла, подбѣгаетъ къ господину и, обливаясь слезами, начинаетъ цѣловать его ноги. — Что ты дѣлаешь, мой другъ? спрашиваетъ его изумленный гидалго. „Свою должность исполняю; а, сударь, христіанинъ, а вы святой человѣкъ, первый, котораго я вижу въ зеленой епанчѣ, на большой дорогѣ!“—Ты лучше меня, мой другъ, сказалъ глубоко-тронутый гидалго.—Желалъ-бы, чтобы это была правда, отвѣчалъ Санчо, утирая рукавомъ слезы“.

Донъ-Кихоть, давши рыцарское слово не воевать цѣлый годъ, пріѣхалъ на родину, въ свою деревню: священникъ, бакалавръ бросились обнимать его, и рыцарь прижималъ къ сердцу; мальчики и дѣвочки радостно кричали на все селеніе: „вотъ господинъ Донъ-Кихоть! Добрый Санчо-Панса пріѣхалъ!“ Управительница и племянница такъ сильно обрадовались, что глубоко растрогали нашего героя. Но скоро Донъ-Кихоть впалъ въ меланхолію; онъ не зналъ сна и почти позабылъ о пищѣ; искалъ уединенія и скрывалъ отъ людей невольныя слезы. Вотъ тотъ моментъ, въ которомъ начинается совершенный переворотъ въ жизни нашего героя: геніальный

Сервантесъ ведетъ его къ разуму и сознанию. Донъ-Кихоть вналь въ тяжкій недуръ; однажды онъ просилъ всѣхъ оставить его въ покоѣ, погрузился въ глубокой сонъ, который продолжался семь часовъ. Его уже почитали умершимъ, но Донъ-Кихоть открылъ глаза, позвалъ къ себѣ управительницу и племянницу и, озаренный внезапнымъ свѣтомъ сознанія, началъ говорить имъ: „радуйтесь, мои милые! При концѣ жизни, Богу угодно было даровать мнѣ величайшую милость: Онъ возвратилъ мнѣ благо, самое драгоценное для человека — разумъ. Позовите ко мнѣ отца-священника, бакалавра Николая и добраго Санчо, передъ которыми я виноватъ; ибо заставилъ его безумствовать вмѣстѣ со мною“! Скоро всѣ окружили его смертный одръ, а умирающій началъ говорить снова: „поздравьте меня, друзья мои! Я уже не Донъ-Кихоть де Ла-Манча, а просто Алонзо Кихана, котораго когда-то называли добрымъ; не подражатель Амадиса и Голиафа, въ существованіе которыхъ вѣрило мое безумное воображеніе, а вашъ сосѣдъ, вашъ вѣрный братъ, оплакивающій свои несчастныя заблужденія!.. Я радуюсь, что въ послѣднія минуты жизни нахожу въ себѣ сознаніе для искреннаго, чистаго раскаянія; отецъ-священникъ, исповѣдуйте меня!..

Всѣ слушали его въ глубокомъ молчаніи; смотрѣли другъ на друга съ удивленіемъ и горестью. Санчо сначала не вѣрилъ опасности, но, увидѣвъ ее, сталъ на колѣни передъ ложемъ рыцаря и горько заплакалъ. Исповѣдь продолжалась недолго, ибо сердце Донъ-Кихота было чисто. Въ завѣщаніи рыцарь не забылъ своего спутника: „другу моему Санчо оставляю 200 ефимковъ и прошу у него прощенія въ безуміи моемъ.— „Нѣтъ, господинъ Донъ-Кихоть, я не дамъ вамъ писать завѣщаніе; вы не должны умирать! Живите, прогоните эту горестъ: я все сдѣлаю для васъ, буду пастухомъ, оруженосцемъ, только живите!..— „Бѣдный Санчо! Ты такъ долго видѣлъ меня безумнымъ, что и вѣрить не можешь моему исцѣленію! Забудемъ все; я твой другъ; теперь и я скажу тебѣ пословицу: „Гнѣздо осталось, птичка улетѣла“. И очищенный страданіями Донъ-Кихоть, съ дивнымъ словояствомъ духа, пріобщился св. Таинъ и къ вечеру мирно опочалъ навѣки.

Неправду сказать Сисмовди! *Донъ-Кихоть*—книга въ высокой степени нравственная! Чѣмъ глубже ее рассматриваешь, тѣмъ яснѣе раскрывается смыслъ ея, тѣмъ ярче просвѣчиваетъ идея, одушевляющая это чудное созданіе человѣческаго генія: здѣсь страшно поражена личная, самолюбивая мечтательность, горько наказано эгоистическое славолѣбіе; но, съ другой стороны, тутъ-же и апотеоза неповинности души и чистоты сердца; онѣ были тѣ невидимыя силы, которыя хранили героя среди опасностей и спасли его отъ гибели; глубокомысленный писатель невольно и не разъ остановится на вопросѣ: „какимъ образомъ не погибъ этотъ человѣкъ, совершая подвиги, столь-же опасные, какъ и безумны?“ Отвѣтъ удовлетворительный на это можетъ быть одинъ: за нимъ всюду слѣдовалъ ангель-хранитель и невидимо спасалъ его отъ конечной гибели: неповинность души и чистота сердца! Онѣ виною и просвѣтленія рыцаря, смирившагося передъ дѣйствительностью и успокоеннаго гармоніей высшаго порядка вещей.

Сатира безъ желчи и гнѣва, незлобный смѣхъ при видѣ человѣка, движимаго себялюбивою жаждою къ славѣ и къ чудесному, дурно понимающаго себя и жизнь, не умѣющаго примѣнить стремленій своихъ къ дѣлу; сатира, невидимо вонзающая свое цѣлительное жало въ больное мѣсто общества, добрый смѣхъ, не оскорбляющій ни нравовъ, ни законовъ, ни религіи; смѣхъ свѣтлый, незамѣтно перешедшій въ тихую грусть по лучшемъ мірѣ, въ тоску души по небесномъ отечествѣ—поразительно рѣдкое явленіе не только въ испанской, но и во всемірной литературѣ.

И муза Сервантеса имѣла полное право гордо поднять свое дѣвственное, общественное чело; „кончилъ Сидъ-Хамедъ-Бенъ-Энхели, обратился къ своему перу и сказалъ: прощай, милое мое перо! Худо-ли, хорошо-ли я тебя очинилъ, но я писалъ тобой, и, дай Богъ, чтобы никакой глупый бумагомастеръ не вздумалъ очинить тебя по своему, или не иступилъ тебя, не зная, какъ съ тобою обращаться. Скажи ему, что на свѣтѣ одинъ *Донъ-Кихоть*, что одному тебѣ назначено и возможно было описать его подвиги; скажи ему, что этого героя

нѣтъ уже на свѣтѣ, что грѣшно и стыдно беспокоить мерт-
выхъ. Если-же бесовѣстные и послушаютъ тебя; если, не
смотря на твои увѣщанія, они непремѣнно захотятъ вынуть
этого бѣднаго человѣка изъ гроба и заставятъ его опять ски-
таться по всему свѣту: иступись, изломайся въ ихъ грубыхъ
рукахъ, или заставь ихъ писать негѣности и бредни! А мое
дѣло кончено: я хотѣлъ посмѣяться надъ глупыми рыцарски-
ми романами, и мой Донъ-Кихотъ далъ имъ смертельную рану:
прощай, перо мое, Богъ съ тобою!

Здѣсь Сидъ-Хамедъ-Бенъ-Энхели взялъ перо свое и по-
вѣсилъ его такъ высоко, что никто не дерзнетъ и не будетъ
въ силахъ достать его.

А. Селингъ.

АТТИКА ВО ВРЕМЯ СОЛОНА И ЕГО РЕФОРМЫ.

Переводъ изъ сочиненія: Max Duncker, Geschichte des Alterthums, Bd. III—1860, Bd. IV, 1857, Berlin.

ГЛАВА I.

Какъ образовалось въ Атикѣ сословіе благородныхъ. Ограниченіе власти Аонскихъ царей. Раздѣленіе эвпатридовъ по филамъ, братріямъ и родамъ. Отношеніе народа къ сословію эвпатридовъ. Уничтоженіе царской власти. Угнетеніе народа эвпатридами.

Эллинскія племена, занявшія греческій полуостровъ, съ самаго начала вели пастушескую жизнь: на лѣто они переходили съ своими стадами въ горныя области, на зиму спускались въ долины. Впослѣдствіи (около 1.300 г. до Р. Х.) нѣкоторыя племена перешли къ земледѣльческой, осѣдой жизни и основали на равнинахъ восточной половины полуострова осѣдлыя, земледѣльческія общины. За пастушескими племенами остались только горныя лѣса и пажити. Такимъ образомъ, греки раздѣлились тогда на жителей горъ и жителей равнинъ. Воинственныя горцы-пастухи смотрѣли съ завистью на богатства земледѣльцевъ и часто дѣлали на нихъ хищническія нападенія—грабили ихъ поля, отнимали скоть, хлѣбъ и другое имущество. Нерѣдко начинались раздоры и между разными земледѣльческими общинами. Вслѣдствіе этого, земле-

дѣльцы должны были часто оставлять свои мирныя занятія и приниматься за оружіе то для того, чтобы отразить нападеніе горцевъ или сосѣднихъ земледѣльцевъ, то для того, чтобы отомстить за набѣгъ набѣгомъ. Жизнь эллиновъ мало-по-малу приняла воинственный характеръ. Во главѣ земледѣльческихъ общинъ становятся лучшіе воины, способные защищать общину, управлять ею въ военное время. Вокругъ этихъ лучшихъ воиновъ собираются всѣ тѣ, кому пріятнѣе было оружіе, чѣмъ плугъ, кому достатокъ позволялъ посвящать себя преимущественно защитѣ общины, участвовать въ хищническихъ набѣгахъ своего предводителя.

Такъ было и въ Аттікѣ; здѣсь, на западномъ берегу, на равнинѣ, орошаемой небольшими рѣчками—Илссомъ и Кефиссомъ, весьма рано возникла земледѣльческая община. При земледѣльческой жизни нельзя уже было, въ случаѣ нападенія враговъ, уходить отъ нихъ куда-нибудь, со всѣмъ имуществомъ, а надобно было имѣть надежныя мѣста для охраненія стадъ, полевныхъ сборовъ и другого имущества. Жители равнины по Кефиссу и Илссу нашли удобное для этой цѣли мѣсто на отдѣльной, скалистой возвышенности; доступъ на эту скалу, и то довольно трудный, возможенъ былъ только съ западной стороны, которая послѣ защищена была девятью воротами — укрѣпленіемъ, сооруженнымъ пелазгітами. Это укрѣпленное мѣсто называлось Кекропія, а впоследствии, когда вокругъ него выросъ городъ Аены, оно стало называться Акрополемъ. Къ сѣверу отъ Кекропія, у самаго морскаго берега, у тихой бухты Элевзинской, возникла другая земледѣльческая община. Скоро между *Кекропідами* и *Элевзинцами* начались войны (сага объ Эвмолпѣ и Эректѣ). На восточномъ берегу Аттіки, на Мараѳонской равнинѣ, существовала въ тѣ времена самостоятельная община четырехъ городовъ «*Четырехградіе*»; жители *южной страны*, отъ горы Парнаса до мыса Суніона, безъ сомнѣнія, составляли также самостоятельную общину. Раздоры и войны между этими общинами кончались тѣмъ, что земледѣльцы по Илссу, предводимые воинственными князьями Кекропія, погоряли своихъ сосѣдей; въ то-же время власть этихъ князей, вслѣдствіе частныхъ войнъ, поте-

рыла свой патриархальный характер; съ этихъ поръ они, какъ военные предводители, стали повелѣвать всѣми племенами отъ горы Кнеерона до м. Суніона.

Въ сагѣ о Тезеѣ (представитель воинственной жизни на р. Илліссѣ) соединеніе Атики подѣ одную властію аэническаго царя представляется современнымъ раздѣленію народа на благородныхъ—эвпатридовъ—и земледѣльцевъ. Дѣйствительно, не всякій земледѣлецъ былъ настолько достаточно, чтобы завести себѣ надежное вооруженіе и содержать себя во время походовъ; не всякій имѣлъ возможность держать *метогъ* (батраковъ, работниковъ) и на нихъ возлагать полевныя работы, чтобы самому на досугѣ упражняться въ употребленіи оружія. Сверхъ того, не всякій имѣлъ охоту и способность къ военнымъ занятіямъ. Потому, какъ скоро война стала главною задачею земледѣльческой общины, изъ массы земледѣльцевъ выдѣлились фамиліи, имѣвшія особенную склонность къ военнымъ занятіямъ, имѣвшія и довольно поземельной собственности, чтобы безпрепятственно предаваться этой склонности. Члены этихъ фамилій во время войны раздѣляли съ царемъ-предводителемъ его опасности, во время мира они вмѣстѣ съ царемъ пользовались властію и добромъ, которыя вмѣстѣ съ нимъ приобретали или защищали, были товарищами царя въ судѣ и на совѣтѣ, и вмѣстѣ съ нимъ имѣли столъ въ царскомъ домѣ, у царскаго очага. Военная добыча увеличивала ихъ имущество; къ ихъ дѣтямъ переходила въ наслѣдство слава ихъ подвиговъ и стремленіе подражать имъ. Такимъ образомъ, мало-по-малу, надъ массою менѣе богатыхъ, менѣе воинственныхъ земледѣльцевъ возвышалось сословіе, пользовавшееся большимъ почетомъ и значеніемъ; земледѣльцы, съ своей стороны, должны были чувствовать уваженіе къ его геройскимъ подвигамъ, къ военной жизни и признавать перевѣсъ имущества. Съ этимъ воинственнымъ, благороднымъ сословіемъ, окружавшимъ царя, могли, въ нѣкоторой мѣрѣ, равняться только тѣ фамиліи, въ которыхъ отъ отца къ сыну переходила священная наука—совершать богослуженіе при извѣстныхъ жертвенникахъ, совершать обряды при извѣстныхъ жертвахъ,—фамиліи, которыя сохраняли по преданію священныя

гимны и пѣли ихъ при жертвоприношеніяхъ. Впрочемъ, и эти роды, наравнѣ съ другими, участвовали въ защитѣ отечества оружіемъ и не составляли особаго отдѣла въ аттической знати.

Хотя въ періодъ переселенія *) племень, въ періодъ завоеванія Фессаліи, Беотіи, Пелопоннеза, жители Аттики успѣшно отразили вторженія пришельцевъ - завоевателей, однако и въ ней съ этого времени стала устанавливаться порядокъ вещей, подобный тому, какой возникъ въ завоеванныхъ областяхъ полуострова. И здѣсь сословіе благородныхъ, хотя и не вдругъ, а медленно и постепенно, — достигло исключительнаго господства: вслѣдствіе необходимости защищать отечество въ эти времена отъ нашествія беотійцевъ и дорянъ, изъ Коринфеа и Мегары оно, конечно, усилилось и умножилось, и потому шагъ за шагомъ оно ограничивало права царской власти и, наконецъ, уничтожило ее; далѣе перешло къ тому, чтобы и земледѣльцевъ обратить въ подневольныхъ, крѣпкихъ землѣ, работниковъ, т.-е. поставить земледѣльческое население Аттики въ такое-же зависимое положеніе, въ какомъ оно находилось въ Фессаліи, Аргосѣ, Спартѣ и т. д.

Осуществленіе этихъ притязаній облегчалось, во-первыхъ, тѣмъ, что благородное сословіе каждой греческой области всегда дѣйствовало единодушно, общими силами; члены этого сословія обыкновенно проводили жизнь не на своихъ земляхъ, какъ средневѣковые рыцари, а въ главномъ городѣ области, отъ котораго, впрочемъ, недалеко было и до земель каждаго аристократа. Скоро врожденная грекамъ общительность создавала общіе интересы; и благородно рожденные скоро узнавали, что ихъ выгоды одинаковы... Во-вторыхъ, фактическая сила была въ рукахъ этого союзнаго, единодушнаго сословія. Что могъ сдѣлать въ странѣ царь, если благородные были противъ него? Гдѣ встрѣтилъ-бы онъ повинненіе, если-бы въ немъ отказали ему благородные? Могъ-ли онъ выступить въ походъ, если-бы благородные не захотѣли взяться за оружіе?

*) Называемаго переселеніемъ Гераклидовъ. Перев.

Дѣйствительно, въ 754 г. царь афинскій Алмеонъ былъ низложенъ; сословіе эвпатридовъ провозгласило царемъ младшаго брата Алмеонова, Харопса; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно ограничило царскую власть, постановивъ, что Харопсъ и его преемники должны носить санъ царя только *въ теченіе десяти лѣтъ* и давать отчетъ въ своемъ управленіи эвпатридамъ. Глава государства сталъ избираться изъ рода Кодридовъ на десять лѣтъ. Такимъ образомъ, верховная власть изъ рукъ царей перешла въ руки эвпатридовъ, мѣсто наслѣдственныхъ царей заступили цари избирательные, отвѣтственные и ограниченные въ своихъ правахъ.

Безъ сомнѣнія, около этого-же времени государственное устройство Атики измѣнилось и въ другихъ отношеніяхъ. До-сихъ-поръ царь призывалъ для участія въ судѣ или въ совѣтѣ того или другого главу благородной фамиліи, по своему усмотрѣнію. Если благородные хотѣли теперь удержать въ своихъ рукахъ новопріобрѣтенныя права, управленіе страной, то они должны были для этой цѣли дать своему сословію извѣстную организацію; если хотѣли удержать за собою верховную власть, то могли достигнуть этого только съ помощію всѣхъ силъ всего сословія. Для того, чтобы сдѣлать невозможнымъ образованіе въ средѣ эвпатридовъ партіи недовольныхъ, естественныхъ союзниковъ униженнаго царскаго рода, чтобы царскій родъ не могъ найти между эвпатридами содѣйствія для возвращенія себѣ наслѣдственнаго права и верховной власти, сословіе эвпатридовъ должно было заинтересовать всѣ благородныя фамиліи въ сохраненіи новаго порядка вещей, дать всѣмъ знатымъ фамиліямъ одинаковое участіе въ управленіи страной. Для достиженія этой цѣли требовалось только рѣше провести уже существовавшее раздѣленіе высшаго сословія на четыре племена (*φύλαι*) и сравнять эти корпораціи однѣ съ другими такимъ образомъ, чтобы чрезъ это установилось равномерное и правильное участіе всего сословія въ совѣтѣ знатныхъ, который теперь сталъ обладать, какъ и естественно, высшею властью въ государствѣ—судебною и правительственною.

Аттическое государство образовалось изъ четырехъ само-

стоятельныхъ общинъ. Цари Кекропѣ въ равнинѣ аѳинской присоединили элевзинскую общину, мараѳонское четырехградіе и внутреннюю горную страну. Во всѣхъ этихъ общинахъ были свои знатные роды; въ каждой изъ четырехъ областей, и послѣ соединенія, знатные роды составляли нѣчто цѣлое, связуемое общими жертвоприношеніями и празднествами, которыя они совершали еще съ тѣхъ временъ, когда во главѣ ихъ стояли независимые князья, когда ихъ округа были самостоятельными государствами. Такимъ образомъ, въ четырехъ областяхъ, соединенныхъ въ одно аттическое государство, существовали четыре отдѣльныхъ корпораціи знатныхъ фамилій. Такъ-какъ эти корпораціи не могли считать себя каждая происшедшею отъ одного какого-либо родоначальника, и однако хотѣли и должны были сохранить отдѣльное существованіе въ новомъ соединенномъ государствѣ, то получили (еще прежде начала выселеній на Кикладскіе острова и на Лидійскій берегъ) свои имена частію отъ образа жизни, какой былъ господствующимъ въ ихъ области, — частію отъ положенія, въ какое они стали къ соединенному государству. Первое мѣсто, естественно, принадлежало эвпатридамъ той области, которая покорила остальные, т.-е. эвпатридамъ аѳинскимъ; они должны были составлять первое племя и носили имя *мелеонтовъ*, т.-е. блестящихъ. Второе племя, или *фила*, носило названіе *иоплитовъ*, т.-е. воиновъ. Это были эвпатриды четырехъ мараѳонскихъ городовъ, еще въ глубокой древности, посвятившіе себя военному дѣлу и воинскимъ упражненіямъ, какъ надобно заключать по культу этой страны. Между тѣмъ какъ въ Элевзисѣ поклонялись Деметрѣ, а въ Аѳинахъ Эректю и Палладѣ, какъ богинѣ полей, въ Мараѳонѣ господствовало служеніе Гераклу, а въ сосѣдней Декелии—служеніе быстроконнымъ Діоскурамъ. На одной возвышенности, близъ Мараѳона, въ роцѣ, посвященной Гераклу, стоялъ древній алтарь этого героя. Здѣсь, въ области мараѳонской, нашли защиту, приѣмъ и постоянное мѣстопробываніе бѣжавшіе и преслѣдуемые сыны Геракла—сага, явившаяся вслѣдствіе совершаемаго здѣсь поклоненія Гераклу, а Декелийцы нѣбогда выказали сильную вражду къ Тезею.

Итакъ, имя гоплитовъ означало военныя доблести эвпатридовъ мареонскихъ. Третья фила носила названіе *армадеевъ*, т.-е. работниковъ. Подъ именемъ работниковъ, очевидно, надобно разумѣть земледѣльцевъ; эта корпорація обнимала древніе роды земледѣльческаго Элевзиса, которые происходили отъ основателей земледѣлія—Триптолема и Келея. Четвертую филу *эпикореевъ*, т.-е. возопасовъ, составляли знатные роды, жившіе въ горной странѣ, простирающейся отъ горы Парнаса до мыса Суніона. Въ древнее время здѣсь были только пастбища, дававшія возможность содержать скотъ; земледѣлія не было; потому богатство здѣшнихъ знатныхъ родовъ заключалось только въ стадахъ козъ. Число родовъ въ этихъ четырехъ корпораціяхъ было, безъ сомнѣнія, неодинаково. Всего больше ихъ было, вѣроятно, въ первой и второй филѣ,—гелеонтовъ и гоплитовъ. Всего малочисленнѣе были зажиточныя фамиліи въ горной странѣ; безъ достаточнаго имущества была невозможна воинственная жизнь. Потому, сообразно съ числомъ зажиточныхъ родовъ, или съ значеніемъ ихъ округовъ, могъ установиться іерархическій порядокъ между тремя низшими филами такимъ образомъ: гоплиты, аргаден и эпикорен. Эти четыре филы образовались, безъ сомнѣнія, вскорѣ послѣ соединенія страны; но со времени этого образованія, до 754 г., въ нихъ произошли различныя перемѣны. Въ средѣ той или другой филы являлись пришлые знатные роды, приобретающіе землю въ той или другой области, или казавшіеся родственными известной филѣ по сходству фамильнаго культа; другія фамиліи переходили изъ одной области въ другую, не переставая, впрочемъ, считаться членами той филы, къ которой принадлежали онѣ до этого перехода; наконецъ возвышались новыя фамиліи, которыя, несмотря на свое значеніе и имущество, стояли внѣ древнихъ четырехъ союзовъ. Чтобы воспользоваться существовавшими доселѣ четырьмя филами, для уравненія участія эвпатридовъ въ управленіи государствомъ, надобно было напередъ уравнивать, по-крайней-мѣрѣ, приблизительно, число благородныхъ фамилій во всѣхъ этихъ корпораціяхъ. Сословію эвпатридовъ предстояло теперь совершить то-же самое, что въ Спартѣ пятьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ

слѣлалъ Ликурзь, раздѣливъ правительственную власть между царями и знатью; и онъ нашелъ необходимымъ дать новую организацію существовавшимъ до тѣхъ поръ племенамъ, уравнять число принадлежавшихъ къ каждому изъ нихъ фамилій. Вслѣдствіе этого, къ каждой изъ четырехъ филъ, которыя съ этихъ поръ должны были быть совершенно равноправными, отнесено, приблизительно, одинаковое число фамилій. Потому каждая фила раздѣлена была на три большіе отдѣла, на три фратріи (братства), за основаніе которыхъ приняты семейства, считавшія наибольшее число членовъ, близкихъ и дальнихъ родичей. Такимъ образомъ, всѣхъ фратрій было двѣнадцать—число особенно священное для іонянъ; оно соответствовало двѣнадцати мѣсяцамъ года, въ теченіе которыхъ совершалось опредѣленный кругъ свѣтло Аполлона; а жители Аттики почитали Аполлона покровителемъ родовъ. Каждая фратрія раздѣлялась на тридцать родовъ, которые или состояли изъ родственныхъ семействъ, или образованы были изъ неродственныхъ, для того, чтобы получить число тридцать.

Потому въ каждой филѣ было по девяносто родовъ, во всѣхъ филахъ — триста шестьдесятъ. Глава древнѣйшей въ родѣ фамиліи былъ начальникомъ рода (*archon tu genus*). Тридцать родоначальниковъ извѣстной фратріи избирали главу фратріи, фратріарха; онъ избирался или на всю жизнь, или на 10-ть лѣтъ; впоследствии—только на одинъ годъ. Девяносто родоначальниковъ всѣхъ трехъ фратрій извѣстной филы совокупно избирали царя филы (*philobasileus*), который долженъ былъ оставаться въ этой должности, безъ сомнѣнія, столько-же времени, какъ и самъ царь страны, т.-е. десять лѣтъ.

Такъ организовалось сословіе эвпатридовъ, т.-е. благородныхъ. Народъ аттической (*демосъ*) состоялъ изъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ—земледѣльцевъ (*геоморосъ*)—и работниковъ—тетовъ (*демиуросъ*), которые за плату и пропитаніе работали на земляхъ или эвпатридовъ, или земледѣльцевъ и пасли ихъ стада. Аттическіе земледѣльцы и теты не были завоеванной покоренной массой. Они принимали участіе въ жертвахъ, приносимыхъ въ Кекроіи царемъ и эвпатридами за всю Аттику. принимали участіе въ особенныхъ жертвахъ и священнослуженіяхъ,

совершаемыхъ эвпатридами каждой филы въ четырехъ округахъ страны. Аттический народъ все еще призывался въ собраніе, чтобы выслушать волю царя. Онъ становился вокругъ опытныхъ эвпатридовъ, старцевъ, которымъ царь поручалъ производство суда въ Аэинахъ и въ округахъ страны. Но при этомъ народъ привыкъ подчиняться эвпатридамъ въ округахъ; они приносили жертвы; они творили здѣсь судъ; ибо самъ царь разбиралъ только жалобы на эвпатридовъ; рѣшалъ дѣла объ убійствахъ, о наслѣдствахъ, бракахъ и дѣла, касающіяся семейныхъ отношеній.

Поэтому, при новомъ организovanіи четырехъ филъ, представлялось естественнымъ распредѣлить и народъ по филамъ и родамъ. Онъ раздѣленъ былъ теперь на небольшія общины, которыя присоединены къ родамъ высшаго сословія и подчинены имъ; къ каждому роду эвпатридовъ было приписано извѣстное число подзащитныхъ, кліентовъ. Работавши, имѣвшіе постоянное жительство на земляхъ эвпатрида, стали тянуть къ господскому дому, земледѣльцы отданы были въ завѣдываніе тѣхъ благородныхъ фамилій, съ помѣстьями которыхъ смежны были ихъ дворы. На три или четыре благородныя семейства, въ каждомъ изъ 360 родовъ, приходилось, вѣроятно, десять семей земледѣльцевъ или работниковъ. Эти семьи участвовали въ жертвахъ рода (каждый родъ поклонялся какому-либо герою или богу, какъ своему патрону и для того имѣлъ особенное священное мѣсто), присутствовали при жертвоприношеніяхъ, совершаемыхъ благородными фамиліями; онѣ были жертвоучастники, оргоны эвпатридовъ, но были чужды имъ по происхожденію и крови (не генветы). Такимъ образомъ, каждый родъ состоялъ изъ двухъ частей, изъ семействъ господъ и семействъ простолюдиновъ. Эвпатриды были патронами отданныхъ въ ихъ завѣдываніе семей земледѣльцевъ. Глава рода рѣшалъ въ соучастіи всѣхъ эвпатридовъ, принадлежащихъ къ роду, споры земледѣльцевъ объ имуществѣ, имѣлъ надъ ними полицейскую власть. Взамѣнъ того, семьи земледѣльцевъ находились подъ покровительствомъ главы рода и всей корпораціи, которую составлялъ родъ. Послѣ ближайшихъ родствен-

никовъ обиженнаго защищать своихъ членовъ долженъ былъ родъ, а потомъ—и фратрія, къ которой родъ принадлежалъ. Геннеты, а потомъ фраторы должны были преслѣдовать убійцу какого-либо члена рода и въ извѣстныхъ случаяхъ брать съ него пеню; главы рода и фратріархи совершали надъ убійцею очищеніе. Далѣе, роды и фратріи, т.-е. фратріархи и главы родовъ вмѣстѣ съ остальными благородными членами рода и фратрій, были блюстителями всѣхъ семейственныхъ правъ. Всѣ двѣнадцать фратрій поклонялись Зевсу, покровителю домашняго очага, Зевсу, Геркію и Аполлону Патроос. Въ мѣсяцѣ Піанепсіонѣ (2-я половина октября и 1-я ноябля) всѣ фратріи вмѣстѣ совершали трехдневный праздникъ апатурій, т.-е. праздникъ родовъ, съ жертвоприношеніями, возліяніями и общимъ пиршествомъ, въ честь покровителя родовъ Аполлона (его святилище стояло на западной сторонѣ Аѳинской площади). Во время этого праздника начальники родовъ и фратріархи принимали въ родъ и фратрію родившихся во фратріи дѣтей, удостовѣрившись предварительно въ законности брака ихъ родителей. Впослѣдствіи дѣти, послѣ вѣтвеннаго удостовѣренія отца въ законности ихъ происхожденія, вносились въ списокъ рода и записывались въ списокъ фратрій. Усыновленіе совершалось предъ фратріархомъ. Когда юноша достигалъ восемнадцатилѣтняго возраста, то фратріархъ, предъ собраніемъ всей фратріи, послѣ изслѣдованія о его происхожденіи, объявлялъ его совершеннолѣтнимъ. Если онъ послѣ того бралъ себѣ жену, то, желая заключить законный бракъ, долженъ былъ представить ее фратріарху и фратріи. Отъ законности брака зависѣли наследственныя права дѣтей. Новобрачный приносилъ тогда жертву и учреждалъ жертвенное пиршество для фраторовъ. Такимъ образомъ, роды въ Аттікѣ состояли изъ управляющихъ и управляемыхъ, изъ двухъ отдѣльныхъ частей—знати и простолюдиновъ; но эти части связывались въ одно цѣлое общимъ культомъ и общими жертвами, долгомъ взаимной помощи, въ случаѣ обидъ, общимъ въ извѣстной мѣрѣ наследственнымъ правомъ. Родъ былъ низшей общиной въ государствѣ. Глава этой общины, звавшійся, былъ ея жрецомъ и судьей.

Какъ именно это преобразование прежняго устройства филъ, эта новая организація государства, это сравненіе четырехъ племенъ, включеніе въ ихъ составъ всѣхъ благородныхъ фамилій, причисленіе къ филамъ земледѣльческихъ общинъ, какъ все это было приурочено къ возвышенію политическаго вліянія въ государствѣ благороднаго сословія,—объ этомъ мы имѣемъ весьма недостаточныя свѣдѣнія. Мы видимъ только, что четыре царя филъ были товарищами главнаго царя, знаемъ, что вмѣстѣ съ нимъ они рѣшали дѣла объ убійствахъ, разбиравшіяся въ столицѣ Атики. Судъ и совѣтъ, т. е. управленіе страной, были нераздѣльны. Если цари филъ были товарищами главнаго царя въ судѣ, то, конечно, были его товарищами и въ совѣтѣ, и мы не ошибемся, если допустимъ, что, наравнѣ съ четырьмя царями филъ, и девяносто родовъ каждой филы имѣли здѣсь вѣдѣстное число своихъ представителей. Вѣроятно, что, по-крайней-мѣрѣ въ важнѣйшихъ случаяхъ, всѣ триста шестьдесятъ родоначальниковъ Атики составляли тотъ совѣтъ, воля и приговоръ котораго стали отсѣлѣ закономъ для выборнаго царя и которому онъ долженъ былъ давать отчетъ по истеченіи десяти лѣтъ правленія. Избиравшіеся въ должность царя Кодриды были не болѣе, какъ президенты государства, президенты аристократическаго совѣта и суда. Управлять страной стали эвпатриды, а цари сдѣлались ихъ уполномоченными.

Въ 712 году до Р. Х. право избранія въ цари распротранено было на *всѣ благородныя фамиліи*: такимъ образомъ совершалось полное паденіе древняго царскаго рода Кодридовъ и исчезли въ Афинахъ послѣдніе остатки царской власти. Но недолго честолюбивые эвпатриды довольствовались вновь прибрѣтеннымъ правомъ. Потому-ли, что чести носить высшій санъ въ государствѣ искали многіе изъ эвпатридовъ, или что десятилѣтній срокъ президентства казался имъ слишкомъ продолжительнымъ, такъ-какъ давалъ возможность носившему санъ царя упрочить свое положеніе и при благоприятныхъ обстоятельствахъ удержать его за собой долѣе срока; потому ли, что права царя казались имъ слишкомъ великими, или потому, что, при развитіи богатства въ Атикѣ, развилось

въ благородномъ сословіи желаніе раздѣлить занятія и права, доселѣ соединенныя съ саномъ избирательнаго царя, — эвпатриды, въ 682 году, снова преобразовали государственное устройство. Права избирательнаго царя были теперь раздѣлены *между девятью сановниками*, которыхъ стало избирать теперь благородное сословіе *ежегодно*. Первое мѣсто между ними занялъ президентъ совѣта, но онъ назывался уже не царемъ, а только *архонтомъ*. Въ сущности, его права ограничивались председательствомъ въ совѣтѣ, первенствомъ въ составѣ правительственныхъ лицъ; но онъ былъ президентомъ республики.

Его судебная власть простиралась только на тяжбы, касавшіяся семейнаго и наслѣдственнаго права; онъ былъ, какъ прежде царь, покровителемъ вдовъ и сиротъ въ Атикѣ. Дѣла этого рода судилъ онъ тамъ-же, гдѣ и наслѣдственныя и выборныя цари, именно въ «залѣ царя», на южной сторонѣ площади въ Афинахъ. Религіозныя и жреческія обязанности, лежавшія доселѣ на наслѣдственныхъ и избирательныхъ царяхъ, перешли къ сановнику, который, хотя былъ вторымъ послѣ архонта, однако пользовался титуломъ царя, его древней отличительной одеждой и знаками царскаго достоинства — вѣнкомъ и царской обувью (*basilides*). Отношеніе страны къ богамъ должно было оставаться неизмѣннымъ. Царь долженъ былъ совершать обычныя жертвоприношенія, особенно въ праздники Деметры и въ весенній праздникъ Діониса; онъ председательствовалъ на всѣхъ общественныхъ играхъ, слѣдовавшихъ за жертвоприношеніями, при всѣхъ процессахъ, касавшихся религіозныхъ предметовъ, «безбожія», т. е. оупущенія священнодѣйствій и т. д., при судѣ объ убійствахъ, такъ-какъ судъ объ этихъ дѣлахъ произволился при извѣстныхъ религіозныхъ церемоніяхъ, соединенъ былъ съ извѣстными жертвоприношеніями и очищеніями. И жена этого новаго, избираемаго ежегодно, номинальнаго царя заступила мѣсто царицы древняго времени. Въ третій день весенняго праздника, антестерій, она, въ сопровожденіи сорока замужнихъ женщинъ, изъ среды благороднаго сословія, приходила въ Ленеонъ — святилище Діониса, находившееся на низменности подъ акрополемъ — и обручалась этому богу, дабы онъ и въ наступаю-

щемъ дѣтъ даровалъ благословеніе плодородія аттической землѣ. Предводительство на войнѣ, принадлежавшее наслѣдственнымъ и избирательнымъ царямъ, перешло теперь къ третьему сановнику, который получилъ титулъ военачальника (полемарха). Съ его должностію соединено было служеніе богамъ войны; онъ долженъ былъ приносить жертвы Аресу и Артемидѣ Агротерѣ. Предсѣдательство въ судѣ, рѣшеніе всѣхъ жалобъ противъ эпатридовъ, всѣхъ имущественныхъ споровъ, въ томъ случаѣ, если тяжущіеся не довольствовались приговоромъ главы рода, право наказаній перешло къ коллегіи изъ шести сановниковъ, получившихъ титулъ тесмотетовъ, т. е. постановителей священнаго права. Она, вмѣсто архонта, предсѣдательствовала въ аристократическомъ совѣтѣ, какъ скоро дѣло шло не объ управленіи страной, а о привѣненіи карательной власти, о сохраненіи мира въ республикѣ, объ окончательномъ рѣшеніи гражданскихъ исковъ. Они имѣли общій столъ въ особенномъ зданіи, тесмотезіонѣ.

Съ вложенными перемѣнами въ высшемъ управленіи государствомъ соединено было преобразование и аристократическаго совѣта, въ которомъ предсѣдательствовалъ архонтъ, если дѣло шло объ управленіи страной, и — тесмотеты, если совѣтъ разсматривалъ какое-либо судебное дѣло. Быстрое возвышеніе сосѣднихъ городовъ—Халкиды и Эретрии съ одной стороны, Мегары и Коринѳа съ другой, ихъ обширныя морскія сношенія, ихъ сравнительно значительныя военныя флоты—все это не могло не оказать вліянія на Атику, по крайней-мѣрѣ должно было заставить Аѳинянъ позаботиться о безопасности своего отечества. Имѣть военный флотъ необходимо было и Аѳинянамъ. Для этой цѣли, а также для равномернаго распредѣленія военной и другихъ повинностей въ пользу республики, вся страна раздѣлена была на сорокъ восемь мѣстныхъ округовъ, *наукрарій*, приблизительно, равныхъ одинъ другому по пространству и числу жителей, причемъ благородныя фамиліи причислялись къ этимъ округамъ не по родовымъ отношеніямъ, а по мѣсту ихъ жительства или, лучше, по положенію ихъ имѣній. Роды, фратріи и филы продолжали существовать рядомъ съ этимъ учрежденіемъ. Каж-

дый изъ новыхъ округовъ обязанъ былъ поставлять и ремонтировать трирему, а въ случаѣ войны — снабжать ее людьми. Разные сборы для покрытія потребныхъ на этотъ предметъ издержекъ долженъ былъ производить сборщикъ, колакретъ, избираемый каждымъ округомъ. Эвпатриды, считавшіеся въ наукаріи, были на суднѣ воинами, прибрежные рыбаки — матросами, земледѣльцы и пастухи — гребцами. Для войны на сушѣ каждый округъ выставлялъ изъ своихъ благородныхъ фамилій двухъ конныхъ воиновъ съ оруженосцами и соразмѣрное число тяжело-вооруженныхъ пѣшихъ воиновъ. Эти новые округа, которые несли государственныя повинности, должны были имѣть своихъ представителей и въ совѣтъ государства, и въ судѣ. Благородные обыватели каждой наукаріи избирали изъ своей среды представителя, *притана*. Отселемъ эти сорокъ восемь представителей аттическихъ эвпатридовъ составляли совѣтъ, который, подъ предсѣдательствомъ архонта, управлялъ судьбами страны, а подъ предсѣдательствомъ тесмотетевъ творилъ судъ и расправу. Члены этого совѣта имѣли столъ вмѣстѣ съ архонтомъ въ пританей, у бывшаго царскаго очага, у алтаря богини Гестіи. Здѣсь происходили собранія для разсужденій о дѣлахъ управленія страной, подъ предсѣдательствомъ архонта. Предъ пританею, подъ предсѣдательствомъ базилевса, производился судъ надъ неодушевленными предметами, причинившими смертоубійство, и надъ бѣжавшими убійцами. Обыкновенныя судебныя засѣданія притановъ происходили въ тесмотезіонѣ; судъ надъ убійцами, подъ предсѣдательствомъ архонта-царя, производили они на древнихъ урочищахъ — на ареопагѣ, предъ Делфиніономъ, предъ Палладіономъ на Илоссѣ. Наряду съ сорока восемью пританами удержали свое мѣсто въ совѣтѣ и судѣ притановъ четыре царя филъ, и можно полагать, что, въ важныхъ случаяхъ, архонтъ обязанъ былъ созывать въ собраніе всѣхъ 360 начальниковъ родовъ, чтобы выслушать ихъ мнѣніе.

Мало-по-малу, сословіе эвпатридовъ уничтожило царскую власть и раздѣлило царскія права между членами своего сословія. Вся правительственная и судебная власть находилась въ ихъ рукахъ; только эвпатриды знали право священное и

мірское; только они могли приносить богамъ благоприятныя жертвы за родъ, фратрію, филу, за республику. Судебный приговоръ тяжущіеся должны были оплачивать почетными подарками, на жертвы народъ долженъ былъ дѣлать извѣстныя приношенія. Теперь эвпатриды назначали налоги съ народа для построенія военныхъ судовъ, для содержанія военнаго флота и привлекли народъ къ морской службѣ. А между тѣмъ они заняли столь высокое положеніе въ государствѣ только потому, что, вмѣсто земледѣльцевъ, взяли на себя военную службу и добровольно защищали страну. Горная страна въ Атикѣ была малоплодородна, да и въ другихъ округахъ земля не давала изобильныхъ урожаевъ. Такъ-какъ, сверхъ того, поземельная собственность и земледѣліе, вмѣстѣ съ незначительнымъ рыболовствомъ составляли единственныя источники существованія въ Атикѣ, то земледѣльцы, при возрастающихъ государственныхъ тягостяхъ и при умноженіи народонаселенія въ этой маленькой области, должны были скоро обѣднѣть. Суровые и произвольные судебные приговоры, высокія пени, насилія относительно зависимыхъ отъ эвпатридовъ поселянъ во второй половинѣ VII столѣтія были нерѣдкою въ Атикѣ, и Тиртей изъ Афинъ *) нашель-бы здѣсь довольно побужденій—и въ своемъ отечествѣ, и атическому благородному сословію пѣть свои пѣсни о добромъ законѣ. Многія имѣнія земледѣльцевъ, мало-по-малу, перешли въ руки эвпатридовъ, многіе свободные собственники сдѣлались оброчными крестьянами эвпатридовъ и должны были отдавать своимъ жестокимъ господамъ пять *шестыхъ жатвы*, т.-е. гораздо больше, чѣмъ спартанскіе илоты. Казалось, что всѣ свободные жители Аттики, не будучи завоеваны сословіемъ эвпатридовъ, должны были сдѣлаться оброчными, прикрѣпленными къ

*) Тиртей изъ Афинъ—поэтъ, котораго, по совѣту Дельфійскаго оракула, призывали къ себѣ спартанцы, для оживленія упавшаго мужества народа и для прекращенія внутреннихъ распрій, во 2-й пол. VII стол. до Р. Х., во время второй Мессенской войны, когда она приняла неблагоприятный для Спарты оборотъ. Тиртей, своими пѣснями, исполнѣ оправдалъ возлагавшіяся на него надежды. Перев.

землѣ колонами эвпатридовъ, которые, какъ въ послѣдствіи обнаружилось, неспособны были даже защитить границы страны отъ слабаго непріятели и поддержать честь отечественнаго оружія.

ГЛАВА II.

Положеніе аттическаго народа по уничтоженіи царской власти. Кодификація Дракона. Судъ эфетовъ. Законы Дракона, суровость ихъ. Беззаконіе Мегакла. Волненіе народа. Потеря Саламина. Долги на рода. Соловъ, его взглядъ на жизнь. Начало его политическаго дѣятельности. Возвращеніе Саламина. Судъ надъ убійцами Килонидовъ. Очищеніе Атики Эпименидомъ Критскимъ. Участіе Аенитъ въ священной войнѣ.

Сословіе эвпатридовъ, около половины восьмого столѣтія до Р. Х., уничтожило въ Атикѣ наследственную монархію; съ этого времени аенскіе цари стали избираться членами этого сословія, и притомъ на извѣстный срокъ. Спустя 40 лѣтъ эвпатриды отерли доступъ къ этой новой, отвѣтственной власти всѣмъ членамъ своего сословія. Наконецъ въ концѣ седьмого столѣтія (682) они раздѣлили права этого президента «республики» между девятью сановниками, архонтами, которыхъ они-же избирали ежегодно. Кромѣ этихъ сановниковъ, управленіе страной принадлежало совѣту сорока восьми притановъ, избравшихся изъ знатныхъ фамилій по округамъ. Верховная власть принадлежала великому совѣту, т.-е. представителямъ всѣхъ знатныхъ родовъ, собранію всѣхъ совершенвольтныхъ эвпатридовъ. Что касается до народа (демоса), то постановленія правительства, собранія эвпатридовъ, подобно прежнимъ царскимъ приказаніямъ, просто сообщались ему для исполненія—въ то время, когда толпа прос-толюдиновъ присутствовала при судѣ архонтовъ на площади, или когда сзывается была съ этою именно цѣлю.

Паденіе царской власти, вслѣдствіе реформы 682 года, и установленіе полного господства родовой аристократіи имѣли вредное вліяніе на положеніе земледѣльческаго населенія

АТТИКА. Оно *невозвратно лишилось теперь защиты*, которую прежде оказывали имъ въ ббльшей мѣрѣ наследственныя, — и въ меньшей выборныя цари. Независимый властитель, почти независимый сановникъ, стоявшій во главѣ государства, какъ президентъ правительства, суда, имѣлъ возможность дѣйствовать *съ видами общаго блага*; онъ могъ безпристрастно защищать право слабого отъ незаконныхъ притязаній сильнаго; онъ могъ даже оказывать, въ иныхъ случаяхъ, особенное покровительство земледѣльческому населенію, чтобы въ немъ найти точку опоры въ борьбѣ съ аристократіей. Напротивъ, сановники, смѣнявшіеся каждый годъ, находились въ такой зависимости отъ своихъ избирателей, отъ аристократическихъ родовъ, что единственною путеводною нитью своихъ дѣйствій должны были считать заботу объ интересахъ того сословія, которому они должны были давать отчетъ по истеченіи срока своей службы, и отъ воли котораго зависѣло ихъ вторичное избраніе.

При этомъ устройствѣ правленія, преобразованнаго исключительно въ интересѣ эвпатридовъ, земледѣльцы подпали усиленному угнетенію. Они подчинены были полицейскому надзору начальниковъ родовъ и суду ихъ въ маловажныхъ дѣлахъ; а во всѣхъ болѣе значительныхъ процессахъ — суду шести тесмотетовъ или совѣта сорока восьми притановъ. Издревле они участвовали въ издержкахъ на жертвоприношенія родовъ и фратрій; теперь они должны были дѣлать взносы для жертвъ, приносимыхъ отъ лица наукрарій, платить подати для содержанія военнаго флота и, сверхъ того, обязаны были нести службу во флотѣ. Приэтомъ, естественный перевѣсъ крупнаго земельного собственника надъ мелкимъ здѣсь, въ такой странѣ, гдѣ почва давала скудное вознагражденіе земледѣльцу — былъ гораздо тягостнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь; полицейская, административная и судебная власть, принадлежавшая эвпатридамъ, двойною и тройною тяжестію давили семью земледѣльцевъ, жившія въ сосѣдствѣ съ землями знатныхъ родовъ и отданныя въ ихъ завѣдываніе. Послѣ того какъ сословіе эвпатридовъ уничтожило царское достоинство и присвоило себѣ верховную власть, оно задумало поставить

земледѣльцевъ въ положеніе поселенныхъ работниковъ (тетовъ), зависимыхъ колоновъ, сдѣлать ихъ крѣпостными людьми. Такое стремленіе вытекало изъ современнаго порядка вещей; оно составляетъ необходимое слѣдствіе исторической жизни каждаго государства, въ которомъ всѣ интересы принесены въ жертву выгодамъ одного сословія.

Замысли эвпатридовъ, во вредъ простому народу, безъ сомнѣнія, осуществились-бы, еслибы не встрѣтили противодѣйствія въ благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ, какими сопровождалась для греческихъ городовъ колонизація и возвысившаяся за тѣмъ торговля. Промышленность усилилась и въ Афинахъ, число ремесленниковъ (деміурговъ) умножилось, торговля города возвысилась, число моряковъ между береговымъ населеніемъ увеличилось; явились начатки сословія горожанъ. Эти горожане находились въ такой-же политической зависимости отъ родовой знати, какъ и земледѣльческое населеніе Аттики, но они не раздѣляли съ послѣднимъ зависимости экономической. Они были въ состояніи, вслѣдствіе сожительства въ городѣ, придать болѣе вѣса своимъ нуждамъ и требованіямъ, чѣмъ разединенныя, разсѣянныя по странѣ семья земледѣльцевъ.

Судебная власть родовой знати одинаково угнетала горожанъ и земледѣльцевъ. Пени и штрафы были высоки и притомъ неодинаковы для благородныхъ и простолюдиновъ; уставы о долгахъ слишкомъ суровы; защиты противъ насилій и злоупотребленій властью со стороны эвпатридовъ нельзя было искать въ законѣ. Сановники изъ эвпатридовъ производили судъ по обычному праву, извѣстному только аристократіи; но обычное право, даже при добросовѣстности судей, весьма легко даетъ мѣсто произволу; всего-же пагубнѣе оно тамъ, гдѣ должно служить интересамъ привилегированнаго сословія, собразно съ которыми совнательно или безсовнательно измѣняется и прилагается. При всемъ томъ, горожане и земледѣльцы не имѣли возможности протестовать противъ приговоровъ аристократическихъ судей; ни одного рѣшенія нельзя было огласить незаконнымъ, потому что самый законъ не былъ общезвѣстенъ. Между тѣмъ, не такъ давно, около половины этого (VII) сто-

лѣтія Залевкѣ для Локранъ, Харондѣ для Катанезнѣ написали законы, которыми впредь должны были руководиться судьи. Этого-же потребовали теперь въ Аѣнахъ горожане и земледѣльцы. Имъ будетъ извѣстенъ покрайней-мѣрѣ законъ, по которому ихъ судятъ; одинаковые случаи тогда будутъ рѣшаемы покрайней-мѣрѣ по одному общему правилу, произволъ прекратится, если законы будутъ объявлены во всеобщее свѣдѣніе и для всякаго доступны. Это требованіе было такъ настойчиво поддерживаемо народомъ, что сословіе эпатридовъ рѣшилось исполнить его. Въ 620 году, чрезъ 24 года послѣ того какъ Тиртей изъ Афинъ вызванъ былъ въ Спарту, чтобы пѣть о добромъ законѣ на р. Евротѣ, преизъ аристоаратами, сословіе эпатридовъ въ Атикѣ избрало изъ среды своей Дракона первымъ архонтомъ и дало ему полномочіе предать писымени существующіе обычаи, т. е. положенія права, *thesmoi*, и судебные обряды ¹⁾.

Кодификація аттического обычнаго права дала Дракону поводъ измѣнить существовавшее доселѣ судоустройство. Прежде всего онъ предалъ писымени положенія права крови, т. е. обычные законы о смертоубійствахъ, и формы судопроизводства по дѣламъ этого рода въ томъ видѣ, какъ они образовались съ начала 8-го столѣтія, обыкновенія, съ которыми соображались въ своихъ приговорахъ послѣдніе наследственные цари, потомъ выборные цари вмѣстѣ съ царями филъ и представителями родовъ, наконецъ, архонты-бавилеры съ пританами наукраіей. Эта кодификація, хотя должна была только собрать существовавшія обыкновенія, естественно, дала имъ болѣе опредѣленную и точную форму, такъ что изложенное Дракономъ право крови, вмѣстѣ съ обрядами, очищеніями, примирительными жертвами, долго сохраняло въ Аѣнахъ обязательную силу ²⁾.

При этой кодификаціи обычнаго права, религіозный, по пре-

¹⁾ Pausan IX, 36, 4. Драконово законодство относится у Euseb ed Aeschyl. изъ 1396 г., т. е. къ 620 до Р. X.; ср. Clinton fasti hellenici ann. 121.

²⁾ Antiph de choręta 2 Demosthen, contra. Esberg p. 1161.

имуществу, характеръ судопроизводства по смертоубійствамъ обрисовался такъ опредѣленно, что Драконъ рѣшилъ рѣзче прежняго отдѣлять религиозное право отъ свѣтскаго. Смертоубійство, кровопролитіе—по мнѣнію грековъ—оскверняло страну, въ которой совершалось оно, предавало народъ во власть подземнаго міра и смерти, и лишало его защиты свѣтлыхъ и чистыхъ боговъ, почему судъ долженъ былъ не только произносить приговоръ надъ убійцей, но и совершать очищеніе страны. Забота о достоинствѣ и святости столь-важной процедуры побудили Дракона рѣшеніе дѣлъ этого рода вручить особому судебному собранію. Дѣла по смертоубійствамъ онъ изъясъ изъ вѣдѣнія притановъ наукараіей, которые имѣли столько другихъ занятій и предоставилъ этотъ кругъ юридической дѣятельности новому, спеціальному суду крови. Это была коллегія эфетовъ, составлявшаяся такимъ-же образомъ, какъ и существовавшій уже совѣтъ притановъ. Имя эфетовъ, повидимому, означаетъ указатели, (т. е. правды). Жившіе въ каждой наукараіи эпагриды стали выбирать теперь, кромѣ притана, еще эфета, только не на одинъ годъ, но на всю жизнь. По закону Дракона, въ эфеты могъ быть избранъ только тотъ, кто пользовался наилучшей репутаціей и имѣлъ болѣе 50 лѣтъ (3). Съ этого времени 48 эфетовъ стали засѣдать вмѣстѣ съ архонтомъ-царемъ на ареонагѣ, предъ Делфиніономъ или Палладіономъ, смотря по тому, совершенно-ли было намѣренное или ненамѣренное, или извинительное убійство (а это опредѣлялось предварительнымъ изслѣдованіемъ архонта — царя; предъ пританеємъ — въ томъ случаѣ, если кровоститель не успѣвалъ захватить убійцу, или если смертоубійство произошло случайно и требовалось только очистить страну и удалить съ аттической почвы орудія убійства, что по прежнему предоставлялось царямъ филъ. (4) Вѣдѣніе дѣлъ по безбожію и оупщенію священнодѣйствій, какъ и прежде, оста-

3) Suidas Egeen. Число 51 у Poll... 8, 125 принадлежитъ времени послѣ Клизеена, см. объ этомъ Bd III, 1. 526 №.

4) См. 1-ю главу статьи.

влено было за архонтомъ-царемъ, а за первымъ архонтомъ—рѣшеніе всѣхъ споровъ по семейному и наслѣдственному праву. Окончательное рѣшеніе всѣхъ гражданскихъ исковъ, всѣхъ жалобъ на правонарушенія, рѣшеніе дѣлъ по долговымъ обязательствамъ и по всѣмъ преступленіямъ противъ государства остались, какъ и прежде, въ рукахъ тесмотетовъ и совѣта притановъ. Организациа этихъ судовъ осталась безъ перемѣнъ.

Для горожанъ и земледѣльцевъ особенное значеніе имѣли не законы о смертоубійствахъ, не уголовное право, но защита отъ насилій и обидъ со стороны аристократіи, имущественное и долговое право. Ихъ надежды въ этомъ отношеніи были жестоко обмануты. Родовая знать, поручая написаніе законовъ челоуѣку изъ своего сословія, конечно, была увѣрена, что она ничего не потеряетъ; но этого мало, по всей вѣроятности, она согласилась дать народу письменные законы съ коварнымъ умысломъ. Правда, выраженіе, что Драконъ написалъ свои законы кровью, принадлежитъ Демаду, оратору позднѣйшаго времени; но и Аристотель ⁽⁵⁾ находитъ, что Драконовы законы замѣчательны только своей жестокостію. Въ частности мы знаемъ объ этихъ законахъ только слѣдующее: въ нѣкоторыхъ случаяхъ они опредѣляютъ атимію, т.-е. лишеніе гражданскихъ правъ ⁽⁶⁾; весьма часто встрѣчаются въ нихъ пени въ 20 воловъ или на сумму денегъ, равную ихъ стоимости ⁽⁷⁾; долговое право отдавало несостоятельнаго должника въ руки заимодавца не просто, какъ кабальнаго работника, но какъ раба, котораго заимодавецъ могъ продать и за предѣлы Аттики ⁽⁸⁾. За обкрадываніе полей положены были жестокія наказанія, за вороство овощей и фруктовъ опредѣлялась смертная казнь; то-же наказаніе и за другія менѣе значительныя правонарушенія. ⁽⁹⁾ Къ Драконову законода-

⁵⁾ Aristot. pol. 11, 9, 9.

⁶⁾ Plut. Solon c. 19.

⁷⁾ Poll. 9, 61.

⁸⁾ Solon. fragm. 36. ed Bergk.

⁹⁾ Plut. Sol. c. 17.

тельству относятся слѣдующія слова оратора Ливурга: «древніе законодатели, угрожая смертною казнью тому, кто украдетъ сто талантовъ, не назначали какого-нибудь болѣе легкаго наказанія, укравшему десять драхмъ; они опредѣляли также предавать смерти и за самыя маловажныя нарушенія законовъ» (10).

Древнія обыкновенія, какъ вездѣ, такъ и въ Атикѣ, были, безспорно, суровы, долговое право угнетало должника, а тесноты на практикѣ еще усиливали суровость обычнаго права, въ интересахъ своего сословія; но едвали можно сомнѣваться и въ томъ, что Драконтъ воспользовался возложенной на него кодификаціей для выгодъ аристократіи. Пусть будетъ исполнено требованіе народа, но пусть-же понесетъ онъ наказаніе за свою притязательность. Мало того, что всякіе обычные законы, вслѣдствіе кодификаціи, становятся суровѣе; возникши изъ оригинальныхъ правовъ и потерявшикъ смыслъ преданій, вслѣдствіе особенныхъ поводовъ и отдѣльныхъ случайностей, издавна принятые юридическіе обычаи, наряду съ тяжелыми наказаніями опредѣляютъ в болѣе легкія, а ниня правонарушенія нерѣдко оставляютъ безъ преслѣдованія. Но какъ скоро отрывки обычнаго права приводятся въ систему, какъ скоро они становятся нормою, одинаковою для всѣхъ случаевъ, какъ скоро они подводятся подъ одну точку зрѣнія, — а это неизбежно при кодификаціи, — жестокость всегда становится общимъ правиломъ и исключаетъ снисходительность. Драконтъ не остановился на этомъ усиленіи строгости, которое вытекало уже изъ самой сущности дѣла. Словомъ эвпатридовъ представлялся тогда самый благопріятный случай, рассчитаннымъ, намѣреннымъ возвышеніемъ пеней и наказаній, истребить въ народѣ всякую мысль о сопротивленіи существующему правительству и привести его въ большую, чѣмъ прежде, зависимость отъ аристократіи, — случай столь благопріятный, что непростительно было-бы не воспользоваться имъ. Кодификація полагала конецъ судебному

(10) Lycurg. contra Leocratt c. 65.

произволу, изъ котораго родовая знать умѣла до-сихъ-порѣ извлекать свои выгоды; постоянный законъ связывалъ ей руки. Естественно было искать вознагражденія за эту потерю, и въ новыхъ законахъ приготовить обезпеченіе противъ всѣхъ случайностей. Слѣдовало приобрѣсти въ новомъ законѣ надежную опору противъ всякаго возстанія. Высокіе размѣры пеней за всякое правонарушеніе поставляли въ зависимость отъ приговора аристократическихъ судей имущество, существованіе cadaго; долговое право давало аристократіи средства систематически разорять земледѣльцевъ, терроризмомъ наказаній за всякое преступленіе отдавая на произволъ аристократическихъ судей честь и жизнь народа. Что Драконъ начерталъ свои законы, подъ вліяніемъ такихъ именно побужденій, это доказываетъ необыкновенная ихъ строгость относительно обирадыванія полей и относительно должниковъ. Древнее обычное право обыкновенно снисходительно смотритъ на воровство для утоленія голода, только надменные и своекорыстные землевладѣльцы Аттики хотѣли жестокими наказаніями оградить свои поля и фруктовые сады отъ народнаго голода. Что должникъ, неимѣющій возможности уплатить свой долгъ, обивался зарабатывать его, и отдавался въ кабалу кредитору на срокъ или навсегда, — такіе законы встрѣчаются и у другихъ народовъ, но продавать должниковъ за предѣлы отечества дозволяетъ только одно аттическое право и безъ сомнѣнія — только со временъ Драконова законодательства! Усиленіе строгости заключалось въ томъ, что рабы за долгъ были поставлены на одну доску съ другими рабами.

Аттическій народъ былъ изумленъ, когда узналъ, сколь суровы его законы, какъ высоки денежныя пени, какъ велики и тяжелы наказанія за маловажные проступки ⁽¹¹⁾, какаа безотрадная судьба грозитъ всѣмъ несостоятельнымъ должникамъ. Чѣмъ напряженнѣе ждалъ онъ отъ кодификаціи благодѣяній и облегченій, тѣмъ сильнѣе было разочарованіе, тѣмъ глубже раздраженіе, когда надежды оказались напрасными. Разсчитывая на такое настроеніе умовъ аттическаго народа,

⁽¹¹⁾ Plat. Sol. с. 17.

Килонъ, человекъ, принадлежавшій къ древнему и значительному роду аттической знати, задумалъ вырвать изъ рукъ аристократіи правительственную власть и, ставши во главѣ недовольныхъ, сдѣлаться повелителемъ Аттики. Личное господство онъ предпочиталъ господству своего сословія. Въ лѣта юности, именно въ 640 году, онъ одержалъ побѣду въ двойномъ бѣгѣ на Олимпійскихъ играхъ. Потому онъ послѣдовалъ примѣру одной изъ первыхъ въ Атикѣ аристократическихъ семействъ, которая вступила въ родство съ Коринескими тиранами, Кипселидами. Мильтиадъ, потомокъ Аякса Саламинскаго, занимавшій должность перваго архонта въ 664 и 659 г.г., женился на дочери Кипсела Коринескаго. Килонъ взялъ въ супружество дочь тирана, владѣвшаго страной, смежною съ Атикой, Теагена Мегорскаго. Съ помощію своихъ единомышленниковъ въ Атикѣ и войскъ своего тестя, Килонъ хотѣлъ установить тиранію и въ Атикѣ. Дельфійскій оракулъ предвѣщалъ, повидимому, счастливый успѣхъ этому предпріятію. Но аттическіе земледѣльцы нападеніе на акрополь и занятіе его, совершившіяся въ іюль 612 г., приняли за вторженіе враговъ отечества и стекались отовсюду на помощь эпатридамъ; бунтовщики были прогнаны, крѣпость и государственная святыня были освобождены. Самъ Килонъ, вмѣстѣ съ братомъ, спасся бѣгствомъ. Его сторонниковъ, Мегарянъ, вельзя было предать голодной смерти въ цитадели у алтара Лейны, покровительницы города, нельзя было осквернить это святыще трупами; потому Мегакль, бывшій въ тотъ годъ первымъ архонтомъ, его товарищи и совѣтъ прітановъ торжественно обѣщали Килонидамъ, запертымъ въ акрополь, свободный выходъ ⁽¹²⁾. Но лишь только послѣдніе оставили священную почву акрополя, вооруженные люди, ждавшіе ихъ и для того сторожившіе цитадель, нанали на нихъ и всѣхъ

¹²⁾ Фукидидъ 1, 126 передаетъ это обѣщаніе въ такихъ словахъ: „что съ ними не случится никакой бѣды.“; Геродотъ 5, 71—: что ихъ не казнятъ смертію; Плутархъ Sol. с. 12 говоритъ: „Мегакль убѣдилъ ихъ явиться на судъ,“ что, безъ сомнѣнія, не идетъ къ Мегарянамъ.

умертвили на мѣстѣ; не нашли пощады и тѣ изъ нихъ, которые успѣли добѣжать до алтарей Эвменидъ, на холмѣ Ареса. Килона и брата его, за покушеніе установить тиранию, совѣтъ притайновъ объявилъ изгнанныками. (13)

Возстаніе было подавлено, но только съ помощію жестокаго оскорбленія религіозныхъ вѣрованій, религіознаго чувства. Теперь нарушено было, самымъ коварнымъ образомъ, торжественное обѣщаніе; обагрены кровію умолявшихъ о защитѣ алтари «почтенныхъ богинь» Эвменидъ; пролита кровь въ священномъ судилищѣ, гдѣ очищались тяжкія преступленія. Страна осквернена; она должна ожидать тѣмъ болѣе тяжелой кары отъ боговъ, что преступленіе совершено первыми сановниками государства, первымъ архонтомъ, алкмеонидомъ—членомъ одной изъ древнѣйшихъ и благороднѣйшихъ семей страны. Не страшась ни боговъ, ни людей, Мегаклъ предалъ смерти приверженцевъ Килона, Аеннянъ, которые отважились возстать противъ аристократическаго правительства, между тѣмъ какъ земледѣльцы оказали Мегаклу только содѣйствіе, совершенно согласное съ закономъ. О преслѣдованіи или наказаніи перваго архонта не было и рѣчи; даже тогда, когда онъ сложилъ свою должность, не думали потребовать его къ отвѣту; такимъ образомъ аристократія сдѣлалась участницею его беззаконія, которое одобряла своимъ молчаніемъ.

По усмиреніи возстанія, настроеніе умовъ въ Аеннахъ было гораздо напряженнѣе, чѣмъ прежде. Подобныхъ дѣлъ не смогли одобрить даже эвпатриды, не совсѣмъ еще ослабленные страстями. Чтобы успокоить это волненіе, удалить ожесточенныхъ противниковъ и людей наиболѣе мнительныхъ, которые страшились небесной кары, грозившей Аттікѣ, и дать народу выходъ изъ тяжкаго для него положенія, а чрезъ это самое — избавиться отъ наиболѣе предприимчивыхъ людей изъ среды его, аристократическое правительство рѣшилось выслать колонію. Въ 610 г. къ берегамъ Азіи отправилось зна-

¹³⁾ Plat. Solon. c. 19.

чительное число Афинянъ съ Фринономъ, побѣдителемъ на олимпійскихъ играхъ. Онъ успѣлъ отнять у Митиленцевъ Сигейонъ, обратить въ бѣгство воинственную аристократію острова Лесбоса и завладѣть довольно обширною страной около Сигейона. Впрочемъ, эти успѣхи были непрочны. Хотя Алкей*) предался бѣгству, но Питтакъ въ единоборствѣ съ Фринономъ остался побѣдителемъ и убилъ своего противника, (606 г.). Аттичскіе колонисты должны были довольствоваться ближайшими окрестностями Сигейона; ихъ положеніе было тѣмъ болѣе незавидно, что Митиленцы укрѣпились въ Ахилейонѣ. (14) Еще хуже, конечно, сдѣлалось въ этотъ промежутокъ времени отношеніе въ отечествѣ. Тестъ Килона Теагенъ началъ войну съ Аѳинами, чтобы отомстить имъ за неудачное предпріятіе своего зятя и за избиеніе Мегарянъ у подошвы акрополя. Его флотъ завладѣлъ островомъ Саламиномъ. Хотя теперь наукраіи въ Атикѣ снарядили свои триремы, но послѣднія едвали равнялись мегарскимъ въ числѣ, не говоря уже о годности ихъ для войны. Аттичскія триремы погибли, Саламинъ остался въ рукахъ Мегарянъ и поля острова были раздѣлены между колонистами изъ Мегары. Мысль о гнѣвѣ боговъ, который навлекло на Аѳины и на оружіе Аѳинское беззаконіе Мегакла, вражда противъ правительства парализовала силы страны, а сословіе эвпатридовъ, само по себѣ, или было слабо, или не имѣло довольно самопожертвованія и энергіи для того, чтобы поддержать честь оружія и возвратить потерянный островъ. Послѣ долгой войны, соединенной съ тяжкими потерями, сословіе эвпатридовъ рѣшилось покинуть всякую мысль о вторичномъ завоеваніи Саламина и постановило, согласно съ духомъ драконовыхъ законовъ, казнить смертью всякаго, кто предложитъ новое нападеніе на Саламинъ. (15)

*) Алкей—знаменитый поэтъ и сторонникъ аристократической партіи въ отечественномъ городѣ Митиленѣ на островѣ Лесбосѣ; Питтакъ былъ тоже Митиленецъ, но держался демократической партіи и прогнѣвствовалъ Алкею.
Перев.

(14) См. Bd. IV, S. 77.

(15) Plut. Solon. c. 8.

Это было постыдное рѣшеніе, самымъ документальнымъ образомъ признававшее превосходство такого незначительнаго сосѣда, какъ Мегара, и этотъ поворотъ былъ соединенъ еще съ самыми тяжелыми матеріальными потерями. Саламинъ составлялъ немаловажную часть аттической территоріи; сверхъ того, находясь напротивъ аѳинской гавани Фалерона, онъ давалъ неприятелю полную возможность во всякое время запереть ее, уничтожить торговлю и мореплаваніе аѳинянь, держать въ блокадѣ, беспокоить весь западный берегъ Аттики и прекратить на немъ рыбную ловлю. Постановленіе эвпатридовъ осуждало большую часть аттическаго народа на голодную смерть; и если Теагенъ ниталъ надежду, посредствомъ войны, ослабить аѳинянь до такой степени, чтобы они признали его зятя своимъ владыкой, то постановленіе аѳинской аристократіи превосходно содѣйствовало его видамъ. Нѣтъ нужды прибѣгать къ предположенію, что эвпатриды приняли эту мѣру съ прямымъ намѣреніемъ разорить городское населеніе, но во всякомъ случаѣ разореніе слѣдовало за нею необходимо. Горожане и потерпѣвшіе отъ войны земледѣльцы одиноваго принуждены были дѣлать займы у владѣльческаго класса, т.-е. эвпатридовъ. При такомъ положеніи государства, при такомъ народномъ бѣдствіи, высшее сословіе не отступало ни на шагъ отъ жестокихъ долговыхъ законовъ Дракона. Еще до мегарской войны многіе земледѣльцы подпали крѣпостной завистности отъ эвпатридовъ и платили своимъ господамъ гораздо большій оброкъ, чѣмъ спартанскіе илоты, именно пять шестыхъ полевныхъ сборовъ, такъ что одна шестая часть ихъ оставалась для ихъ свуднаго пропитанія¹⁶⁾. Теперь появились на поляхъ простолудинновъ, еще не потерявшихъ своей свободы, закладные знаки займодавцевъ, каменные столбы, на которыхъ означалось имя кредиторовъ и сумма займа—такова была простая форма гипотечнаго порядка того времени. Весь народъ былъ въ долгу у богатыхъ¹⁷⁾. И такъ-какъ проценты были необычайно высоки (обыкновенный размѣръ процентовъ превышалъ въ Аѳи-

¹⁶⁾ См. 1-ю гл. статьи.

¹⁷⁾ Plut. Solon. c. 13.

нахъ 6 еще въ 4 столѣтїи, 8 со ста), такъ-какъ невыплаченные проценты присоединялись къ капиталу и быстро увеличивали его, то долги скоро дѣлались неоплатными. Тогда прежде всего отдавалось займодавцу имущество должника, дворъ земледѣльца переходилъ въ руки эвпатридовъ. Благо тому, кто получалъ отъ эвпатрида дозволеніе жить на этомъ дворѣ, въ качествѣ оброчника, подъ условіемъ платить $\frac{3}{4}$ полевого сбора; благо ему, когда онъ получалъ обратно небольшой участокъ поля и оставался здѣсь осѣдлымъ работникомъ, отбывая службу на господскій дворъ. Городскіе жители, ремесленники, матросы, рабочіе не имѣли жатвъ, не имѣли полей, чтобы отдавать ихъ аристократическимъ кредиторамъ. Они не иначе могли заключать займы, какъ подъ залогъ «своего тѣла». Если подобный должникъ не могъ уплатить своего долга, то ему оставалось только продать въ рабство своихъ несовершенно-лѣтнихъ дѣтей—это позволялъ законъ Дракона ¹⁸⁾, чтобы на вырученные отсюда деньги самому откупиться отъ неволи. Если-же этихъ денегъ было мало, если должникъ не имѣлъ дѣтей, то онъ самъ становился рабомъ займодавца. Многіе подверглись такому несчастію по невозможности удовлетворить кредиторовъ, но другихъ, что было еще тяжелѣе, постигала та-же участь, вслѣдствіе пристрастнаго приговора судей. Эвпатриды не боялись обращаться съ этими рабами, своими соотечественниками, потерявшими свободу, вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ, такъ-же, какъ съ обыкновенными рабами. Пользуясь закономъ Дракона, они продавали этихъ рабовъ за предѣлы страны, «гдѣ они забывали аттической языкъ», если это приносило господамъ большія выгоды, чѣмъ ихъ работа въ домѣ и на полѣ. Народъ пришелъ въ отчаяніе; всѣмъ угрожали рабскія оковы; болѣе малодушные бѣжали изъ отечества, болѣе пылкіе и смѣлые рѣшились не терпѣть долге такого положенія и не жалѣть своей жизни, для того, чтобы спасти себя отъ крайнихъ золъ. Они задумали вручить надъ собой власть какому-нибудь спо-

¹⁸⁾ Plat. Solon. c. 13.

собному человѣку, съ оружіемъ въ рукахъ освободить рабовъ за долги, низвергнуть аристократическое правительство и произвестъ передѣлъ всей поземельной собственности ¹⁹⁾. Правительство, столь несправедливое къ народу, раздражило и боговъ беззаконіемъ и навлекло ихъ гнѣвъ на цѣлую страну, оставивъ безъ наказанія злодѣйство Мегакла. Такимъ образомъ для Атики были, казалось, необходимы—или совершенное разореніе земледѣльцевъ и ремесленниковъ, переходъ аттического народа въ состояніе жалкихъ оброчниковъ и рабовъ, или—кровавая революція, тажкія бѣдствія которой могли кончиться общою гибелью. Но вотъ изъ среды аттической родовой знати явился мужъ, которому удалось, съ помощію прозорливости, съ помощію мужества и вмѣстѣ предусмотрительности, справедливости и умѣренности, самопожертвованія и безворыстія, отвратить отъ Атики зловѣщія судьбы, исцѣлить ея зияющія раны и направить ея развитіе по такому вѣрному пути, что, держась его, она могла стать во главѣ государствъ Эллады. Это былъ Солонъ; онъ родился въ 639 г. до Р. X. ²⁰⁾ и принадлежалъ къ первой фамиліи аттической аристократіи, къ прежнему царскому роду Кодридовъ. Только одна фамилія могла соперничать съ ними по знатности, именно потомки Тезея, Тиметады. Но Кодръ происходилъ отъ Нестора и Нелея, и не одинъ Тезей, но также и Нелей, по греческимъ преданіямъ, былъ сынъ Посейдона. Отецъ Солонъ, Эзекестидъ, не раздѣлялъ съ своимъ сословіемъ вражды къ народу; онъ не щадилъ своего состоянія и щедро помогалъ бѣдствующимъ и немѣющимъ ²¹⁾. Его сынъ слѣдовалъ примѣру отца для той же цѣли ²²⁾, онъ роздалъ въ долгъ огромную сумму денегъ—5 талантовъ (болѣе 10.000 рублей), или, какъ говорятъ, нѣкогорне, 15 талантовъ; но, въ виду общаго бѣдствія, это была капля въ морѣ. Здоровое чув-

¹⁹⁾ Plut. Solon. c. 13. Solon. fragm. 4. 36.

²⁰⁾ Онъ умеръ въ 559 г. и имѣлъ тогда восемьдесятъ лѣтъ, См. Вд. 1, 8. 527, №.

²¹⁾ Plut. Solon. c. 1. 2.

²²⁾ Plut. 1. c. c. 15.

ство права и справедливости было въ Солонѣ сильнѣе условныхъ предразсудковъ, его сердце было поражено угнетеніемъ народа. Его возмущали незнавшія границы вритязанія эвпатридовъ, жестокость и произволъ аристократическаго правительства, разореніе страны ради выгодъ привилегированнаго класса, которое, если не положить ему конца, могло до разоренія самое государство. Родовая знать присвоила себѣ преимущества добродѣтели, храбрости, религіозности и близости къ богамъ, но поведеніе аристократіи во время войны и мира, ея своекорыстіе, нарушеніе божественныхъ законовъ, и малодушіе обличили всю неосновательность этой гордости. Но если даже права родовой знати вполне основательны и приобрѣтены закононо, то, съ другой стороны, не имѣлъ-ли и народъ права на защиту отъ корыстолюбія и насилія, отъ угнетенія, отъ унижительнаго рабства. Сословіе эвпатридовъ было заражено корыстолюбіемъ и властолюбіемъ, — народъ отличался умѣренностію и врожденной справедливостію; сословіе эвпатридовъ гордилось, и не всегда основательно, первенствомъ добродѣтели и даровитости и своими преданіями; народъ отличался добрыми нравами, здравымъ человѣческимъ смысломъ и проникательностію, происекавшею изъ опытности. Между тѣмъ какъ Мегаклъ, между тѣмъ какъ Алкмеонидъ, — фамилія, родственная Кодридамъ, во время возстанія Килона прибѣгли къ крайнему терроризму, въ интересахъ аристократіи, членъ прежней царской фамиліи, потомокъ Меланта и Периклимена взялъ на себя защиту народнаго дѣла.

Во время юности Солонъ у грековъ еще не было обычая писать прозой, не было читателей; были только страстные и впечатлительные слушатели поэтическихъ произведеній. Обычной поэтической формой пользовался и Солонъ, излагая плоды своихъ размысленій въ стихахъ элегическаго размѣра, принятаго для серьезныхъ предметовъ. Въ извѣстномъ числѣ такихъ стиховъ Солонъ выразилъ свой взглядъ на человѣческую жизнь. «Послѣ того какъ въ первыя семь лѣтъ», говорить онъ, «у отрока выростутъ другіе зубы, во второе семилѣтіе показываются признаки юношескаго возраста. Въ третью

семь лѣтъ появляется борода на округленныхъ щекахъ, въ четвертыя — человѣкъ входитъ въ полную силу. Въ пятыя семь лѣтъ мужчина долженъ думать о женитбѣ и о рожденіи дѣтей. Въ шестое семилѣтіе человѣкъ достигаетъ степеннаго ума, онъ уже не хочетъ дозволить себѣ глупостей; въ седьмое и восьмое семилѣтія (съ 42 до 56 г.) достигаютъ полнаго развитія умъ и слово человѣка. Въ девятомъ періодѣ онъ еще сохраняетъ нѣкоторыя силы, но его умъ и слово уже недостаточны для великихъ дѣлъ. Если же Богъ дастъ прожить десятиа семь лѣтъ, то, послѣ этого, жребій смерти падеть на человѣка уже не рано.²²⁾ Впрочемъ, относительно послѣдняго предмета Солонъ въ послѣдствіи, когда самъ дожилъ до преклонныхъ лѣтъ, переиѣнилъ свой взглядъ; тогда уже онъ не признавалъ несчастіемъ, если смерть, безъ болѣзни и тревогъ, постигала человѣка уже на 80 году. О невѣрности надеждъ и стремленій людскихъ, о распредѣленіи благъ, о теченіи дѣлъ въ мірѣ и неминуемомъ возмездіи за зло Солонъ рассуждалъ слѣдующимъ образомъ: «всѣ мы, и добрые и, худые, думаемъ о себѣ слишкомъ много, пока не придетъ страданіе; тогда каждый изъ насъ жалуется на судьбу свою, между тѣмъ какъ дотогѣ утѣшался пустыми надеждами. Одинъ ищетъ того, другой—другого. Тотъ, кто не имѣетъ ничего, кого угнетаетъ бѣдность, надѣется приобрѣсти сокровища; иной блуждаетъ по изобильному рыбой морю, чтобы домой привести на кораблѣ добычу, и, не щадя своей жизни, отдаетъ себя на волю противнымъ вѣтрамъ; другой работаетъ изъ платы и каждый годъ взрываетъ покрытую деревьями землю для тѣхъ, у которыхъ лежатъ на сердцѣ изогнутый плугъ. Тотъ разумѣетъ дѣло Аонны и искуснаго Гефеста и списываетъ себѣ проищаніе своими руками; этого почтили своими дарами олимпійскія музы, онъ знаетъ мѣру возжелѣнной мудрости; третьяго дальнометкій царь Аполлонъ сдѣлалъ провидцемъ; онъ видитъ, какъ приближается бѣдствіе, посылаемое на людей,—но что опредѣлила Мера, того не отвратить ни птица, ни жертва.

²²⁾ Solon. fragm. 27. ed. Bergk.

Другіе знаютъ дѣло цѣлителя Пеана, но и ихъ успѣхъ не вѣренъ. Часто пустая боль превращается въ тяжкую болѣзнь, которой не вылечитъ никто, хотя-бы и далье утѣляющія лекарства, а тотъ, кто пораженъ жестокою болѣзнію, выдерживаетъ скоро, лишь только врачъ положитъ на него руку. Судьба приноситъ смертнымъ добро и зло и человѣкъ не можетъ уйти отъ участи, назначенной богами. Всякому, при каждомъ дѣлѣ, грозитъ опасность; никто не знаетъ, чѣмъ кончится его начинаніе. Одѣвъ, не разсудивши, берется исполнить доброе дѣло и впадаетъ въ великую и тяжкую вину, а другой поступаетъ худо, но Богъ шлетъ ему счастье и осво бождаетъ его отъ послѣдствій его безразсудства. ²⁴⁾ Имѣя въ виду аттическія отношенія, Солонъ говоритъ: «люди не знаютъ предѣла стяжанію. Тѣ изъ насъ, которые имѣютъ больше всѣхъ для жизни, желаютъ получить еще столько же: кто въ состояніи ихъ насытитъ? Боги допускаютъ смертнымъ дѣлать приобрѣтенія. Но вина обнаружится; когда Зевсъ пошлетъ свое мщеніе, то сегодня оно поразитъ того, — завтра иного». ²⁵⁾ «И я желаю увѣличить свое имущество, но не хочу приобрѣтать его незаконно, наказаніе всегда слѣдуетъ за такимъ приобрѣтеніемъ. Богатство, которое посылаютъ сами боги, остается у человѣка неприкосновеннымъ отъ самаго крайняго корня до вершины, а то, за которымъ гоняются люди не по правдѣ и незаконно, такое богатство насильственно слѣдуетъ за неправымъ дѣломъ; къ нему скоро примѣшивается злосчастіе, которое, какъ огонь, начинается въ малыхъ размѣрахъ, но оканчивается гибелью. Не долгій срокъ назначенъ смертнымъ для незаконныхъ дѣлъ. Зевсъ всему полагаетъ ковецъ. Внезапно, подобно тому, какъ весенній вѣтеръ разгоняетъ облака и взрываетъ глубины бесплоднаго волнующагося моря, и съ земли, рождающей пшеницу, вздымаются прекрасныя деревья къ высокому небу, жилищу боговъ, и разсѣваетъ на немъ тучи, такъ что великолѣпное солнце

²⁴⁾ Fragm. 13, v. 33—70.

²⁵⁾ Fragm. 13, v. 71—76.

снова илеть свои лучи на тучную землю и нигдѣ не увидишь ни одного облака,—такъ приходитъ мнѣніе Зевса: Не какъ смертный мужъ, Зевесъ распаляется гнѣвомъ не за всякое дѣло, но отъ него не {увернется на долго и до конца тотъ, кто имѣетъ злое сердце. Одного поражаетъ наказаніе тотчасъ другого позже; если-же кто и ускользнетъ самъ отъ этого наказанія, успѣетъ спастись отъ кары, назначенной богами, все-таки не будетъ пощаженъ; за него пострадаютъ невинныя дѣти, или позднѣйшіе потомки.

Жадности къ деньгамъ и имуществу, несправедливому обогащенію, за которое, рано или поздно, послѣдуетъ возмездіе, Солонъ противопоставляетъ довольство, — награду, соединенную съ умѣреннымъ состояніемъ. «Люди», говоритъ Солонъ въ другомъ мѣстѣ, у которыхъ есть много серебра и золота, лошадей и муловъ, не богаче тѣхъ, которымъ ихъ имущество дозволяетъ имѣть только необходимое для желудка, для тѣла и для ногъ, которые, когда придетъ къ тому время, могутъ находить утѣшеніе въ женѣ и дѣтяхъ. Этого довольно для смертнаго, а что сверхъ сего, того никто не возьметъ съ собой въ гадесь». ²⁶⁾ Себѣ желаетъ онъ такой судьбы: «Піерійскія музы, прекрасныя дочери Олимпійскаго Зевса и Мнемозины, послушайте мою молитву. Даруйте мнѣ благословеніе отъ безсмертныхъ боговъ и всегда добрую славу между людьми. Пусть меня любятъ друзья мои и пусть ненавидятъ враги; дайте мнѣ видѣть радость друзей моихъ и страхъ враговъ моихъ». ²⁷⁾ Счастливаго человѣка ²⁸⁾, восклицаетъ онъ, который имѣетъ милыхъ дѣтей и твердокопытныхъ коней, собакъ для охоты и къ кому приходитъ другъ съ чужой стороны ²⁹⁾, пусть также не обойдется безъ плача и смерти моя, я хочу своей смертью причинить моимъ друзьямъ печаль и слезы». ³⁰⁾ Всѣ эти отрывки выражаютъ широкій,

²⁶⁾ Fragm. 24. v. 1—8.

²⁷⁾ Fragm. B. v. 1—6.

²⁸⁾ Plat. Solon. c. 31.

²⁹⁾ Fragm. 23.

³⁰⁾ Fragm. 31

здравый взгляд на вещи; въ нихъ видны также то довольство жизнью, та свѣжесть и сила, которыя не оставляли Солонѣ до глубокой старости.

Солонѣ было уже 40 лѣтъ, когда послѣдствія потери Саламина развивались съ ужасающею быстротой, когда бѣдность народа достигла до страшныхъ размѣровъ и множество завладѣнныхъ знаковъ на поляхъ, выселеніе жителей въ колоніи, съ каждымъ днемъ возраставшее число рабовъ за долги грозили близкою гибелью народа или отчаяннымъ взрывомъ страстей. Образъ его мыслей, его политическія убѣжденія были таковы, что онъ не могъ не чувствовать крайняго негодованія на поступки своихъ собратій по словію: на требованіе письменнаго законодательства они отвѣчали усиленіемъ строгости обычнаго права; возсталъ Килонъ и они прибѣгли къ самому преступному терроризму, не для усмиренія, не для законнаго преслѣдованія возмутителей, но для постыдной мести; родную землю они оставили въ рукахъ враговъ; государственными бѣдствіями они воспользовались для того, чтобы завершить разореніе земледѣльцевъ и ремесленниковъ, съ обѣднѣвшаго народа они брали страшные проценты. Солонъ рѣшился помочь народу средствами болѣе дѣйствительными, чѣмъ милостыня; самое происхожденіе обязывало Кодрова потомка гораздо болѣе, чѣмъ всякаго другого афинянина, взять на себя эту задачу. Но онъ не хотѣлъ воспользоваться ненавистью народа къ эвпатридамъ для того, чтобы возвратитъ Кодридамъ царское достоинство. Онъ не имѣлъ честолюбія, или покрайней-мѣрѣ руководился побужденіями другого рода. Онъ желалъ только помочь народу и отечеству; а чтобы отвратитъ несчастіе, было одно средство — устранить его причину. Потеря Саламина нанесла народу послѣдній ударъ; еслибы удалось возвратитъ потерянный островъ, тогда выигрывалось-бы покрайней-мѣрѣ временная отсрочка. Слѣдовало попытаться пробудитъ въ эвпатридахъ и въ народѣ чувство чести, чтобы всѣ поняли, какииъ стыдомъ покрылось теперь аттическое имя. Но предложитъ возвращеніе Саламина, значило обречь себя на смертную казнь. Солонъ вздумалъ прибѣгнуть къ ориги-

нальной уловѣ. Онъ не могъ не знать, какое глубокое впечатлѣніе произвели на спартацевъ, за 40 лѣтъ предъ тѣмъ, элегія Тиртея, какими послѣдствіями они сопровождалась; онъ могъ разсчитывать, что стихи аттическаго поэта, говорящіе объ отечествѣ, его военной чести, произведутъ на его земляковъ не меньшее вліяніе. Покрайней-мѣрѣ, они подѣйствуютъ на юношество ²¹⁾. Для того, чтобы имѣть возможность прочесть свое стихотвореніе публично, онъ притворился помѣшаннымъ и позаботился о томъ, чтобы слухъ о его помѣшательствѣ распространился по всему городу. Однажды потомокъ Кодра (это было въ 598 году) ²²⁾ вышелъ на площадь, въ шляпѣ герольда, всталъ на камень, съ котораго герольды провозглашали свои извѣстія, и когда вокругъ него собралась большая толпа народа, прочиталъ элегію, составленную имъ для этой цѣли: «я самъ, какъ герольдъ, прихожу съ прекраснаго Саламина; вмѣсто обыкновенной рѣчи я украшаю свое слово пѣснью». Онъ изобразилъ какъ позерно оставлять островъ въ рукахъ мегарянъ. Если не почувствовать этого стыда аеиняне, «то я перемѣню отечество в скарѣ буду гражданиномъ Сикіова или Фолегандра (маленькіе острова около мыса Суніона), чѣмъ аеиняниномъ, потому что скоро пойдетъ между людьми поговорка: «это человекъ изъ Аттики; одинъ изъ тѣхъ, которые отказались отъ Саламина». Наконецъ онъ заключилъ: «идемъ на Саламинъ, будемъ биться за желанный островъ и сбросимъ съ себя тяжкій позоръ» ²³⁾.

²¹⁾ Plut. Solon, c. 8.

²²⁾ Годъ этого событія опредѣляется тѣмъ, что въ 597 году совершенъ былъ судъ надъ убійцами приверженцевъ Клыона въ 596 г. Эпименидъ съ о. Крита очищаетъ Аены, въ 595 г. Солонъ былъ представителемъ Аены въ совѣтъ амфитіоновъ, а въ 594 г. становится первымъ архонтомъ.

²³⁾ Solon, fragm 1. 2. 3.

²⁴⁾ Доказательствомъ того, что участники похода на Саламинъ были изъ народа, служатъ слова Плутарха: «тѣмъ охотникамъ въ случаѣ успѣха, будетъ предоставлено, въ видѣ награды, первенство въ Саламинской общинѣ»; потому что для эвпатридовъ не

Одушевленные слова Солоня произвели впечатлѣніе; 500 человекъ изъ среды народа ³⁴⁾ добровольно взывались, подъ его предводительствомъ, сдѣлать нападѣніе на островъ. Правительство не препятствовало предпріятію. Война съ Мегарой не превращалась формальнымъ образомъ; Теагенъ не положилъ оружія ради того, что аттической знати вздумалось отказаться отъ Саламина. Состоялось даже постановленіе, что, въ случаѣ успѣха, участники предпріятія получаютъ поземельные надѣлы на Саламинѣ или сдѣлаются полноправными гражданами саламинской общины, такъ-какъ Теагенъ изгналъ прежнихъ земледѣльцевъ. Нельзя положительно сказать, чего хотѣло достигнуть этимъ постановленіемъ аттическое правительство; думало-ли оно обезпечить успѣхъ предпріятія, или-же—какъ скоро возбуждено было Солоню движѣніе, хотѣло воспользоваться этимъ случаемъ, для того, чтобы отдѣлаться отъ Солоня и его самыхъ ревностныхъ приверженцевъ и потому обѣщаніемъ награды старалось поддержать въ нихъ безумную отвагу. Нападѣніе, предпринимаемое при такихъ незначительныхъ средствахъ, конечно, не обѣщало успѣха. Попытка покорить Саламинъ, если-бы только приведена была въ исполненіе, могла имѣть одинъ конецъ—гибель смѣльчаковъ. И такъ-какъ военныя силы Атики оставались тогда въ бездѣйствіи, то, безъ сомнѣнія, послѣдняя мысль руководила эпатридами. По повелѣнію делфійскаго оракула, Солонъ принесъ жертву древнимъ царямъ острова Перифему и Кихрею и послѣ этого большая часть его воиновъ пустилась въ море на рыбачьихъ лодкахъ, самъ онъ съ остальными отправился на суднѣ въ 30 весель, наибольшемъ изъ всѣхъ, какія находились въ его распоряженіи. Онъ высадился на сѣверномъ берегу Саламина, обращенномъ къ Мегарѣ. Вслѣдъ за вѣстію о неприятельской высадкѣ, мегаряне, жившіе въ городѣ Саламинѣ, выслали сто-

могло быть привлекательно это первенство. Если-же обѣщаніе относилось просто къ участкамъ земли на Саламинѣ, что и вѣроятно, въ такомъ случаѣ эпатриды должны были еще менѣе интересоваться имъ.

рожевое судно. Солону удалось взять его своимъ 30-весельнымъ кораблемъ. На взятое судно посадилъ онъ лучшихъ своихъ людей и приказалъ имъ плыть прямо къ городу на южномъ берегу острова, между тѣмъ какъ самъ отправился къ нему сухимъ путемъ. Въ то самое время, когда Солонъ бился съ мегарянами, это судно вошло въ гавань Саламинскую и отрядъ афинянъ, бывший на немъ, захватилъ городъ, нигдѣмъ не защищаемый. Узнавши объ этомъ событіи, мегаряне пали духомъ и проиграли сраженіе, впрочемъ, получили дозволеніе удалиться съ острова безпрепятственно. Въ благодарность за эту побѣду Солонъ впослѣдствіи поставилъ святилище Эниалию на мысѣ Свирѣ, на южномъ берегу Саламина ²⁵⁾.

Съ такими незначительными средствами Солонъ достигъ важнаго результата и могъ считать надежды, что теперь самая настоятельная нужда народа удовлетворена. Однако нельзя было ожидать мирнаго разрѣшенія внутреннихъ затрудненій дотолѣ, пока масса народа видѣла преступниковъ, ненавистныхъ богамъ, среди первыхъ фамилій эвпатридовъ, среди высшихъ сановниковъ, а въ дѣломъ сословіи эвпатридовъ—соучастниковъ въ этихъ злодѣяніяхъ, навлекшихъ на страну гнѣвъ боговъ. Всѣ видѣли осязательное обнаруженіе

²⁵⁾ Достоверность этого повѣствованія доказываютъ упоминаемые Плутархомъ обряды, которыми сопровождалось торжество, совершаемое афинянами въ память возвращенія острова. "Λακρον Ζηριαιον", о которомъ говоритъ Плутархъ, лежитъ на южномъ берегу Саламина и получилъ свое названіе отъ находившагося тамъ храма Аеныны Скрасть; Герод. 8. 94, первый разсказъ (с. 8), обозначаемый у Плутарха какъ *στρωτον χειρομεν*, вопреки всякой вѣролности, даетъ участіе въ дѣлѣ Пизистрату, который только что родился о коло этого времени; отсюда слѣдуетъ заключить, что то событіе совершилось въ позднѣйшій періодъ мегарской войны, во времена гораздо позднѣе реформаторской дѣятельности Солона. Юстинъ 2, 8 разсказываетъ объ этомъ вѣрно: Онъ прямо различаетъ дѣло Солона—завоеваніе Саламина, отъ позднѣйшаго событія—взятія Пизеи Пизистратомъ, вслѣдъ за неудачной высадкой мегарянъ на мысъ Колиастъ. По разсказу мегарянгъ (Pausan I, 40, 3), островъ преданъ въ руки афинянъ мегарскими изгнанниками.

этого гнѣва въ безсмертныхъ, въ заразной болѣзни, въ необычайныхъ и страшныхъ явленіяхъ природы, ³⁶⁾ одно изгнаніе злодѣевъ съ аттической почвы, оскверненной ихъ присутствіемъ, могло примирить страну съ раздраженнымъ божествомъ. При томъ удаленіе преступниковъ было единственнымъ средствомъ предупредить возстаніе народа противъ аристократіи и возвратитъ правительству необходимое вліяніе. Поэтому Солонъ, опираясь на общее уваженіе, которое приобрѣлъ возвращеніемъ Саламина, задумалъ принять рѣшительныя мѣры противъ убійцъ Килонидовъ. Эвпатриды противодействовали предложеніямъ Солона и такъ какъ они не сдѣлали или и не хотѣли дѣлать никакихъ распоряженій, чтобы упрочить завоеваніе Саламина противъ попытокъ мегарянъ, то онъ былъ потерянъ снова. Естественно, народъ пришелъ въ крайнее возбужденіе: Гадатели возвѣщали, что жертвенные знаки говорятъ о необходимости очищенія страны (до такой степени всѣми овладѣло предчувствіе бѣды); негодованіе и ярость народа достигли крайнихъ предѣловъ; произошли возмущенія, но аристократія отвѣчала было на нихъ съ сопротивленіемъ. Наконецъ Солону удалось своими рѣчами и просьбами въ собраніи эвпатридовъ подвѣствовать на участниковъ въ дѣлѣ Мегакла, чтобы они добровольно согласились явиться на судъ. Впрочемъ Солонъ достигъ этой уступки тѣмъ, что предложилъ созвать для этого случая чрезвычайное судебное собраніе. Оно должно было состоять изъ 300 особливо избранныхъ судей, вѣроятно по 25 изъ каждой фратріи. Отъ многочисленнаго собранія ожидали повидимому болѣе снисхожденія къ подсудимымъ, чѣмъ отъ архонта—базилева и сорока восьми притановъ. Эвпатриды имѣли полную возможность выбрать для этого исключительнаго случая людей, взглядъ которыхъ вполне соответствовалъ-бы ихъ намѣреніямъ и виновные могли питать полную увѣренность, что приговоръ не будетъ слишкомъ строгъ. Въ самомъ дѣлѣ ихъ надежды исполнились. Обвинителемъ выступилъ Мпронъ

³⁶⁾ Diagen Laert. 11, 110, Plut. Solon c. 12.

въ Флиі, обвиненные, въ свою защиту, утверждали, что килониды, оставляя акрополь, привязали къ статуѣ Аѳины длинную нить (обыкновеніе, нерѣдко встрѣчаемое у грековъ; къ нему прибѣгали для того, чтобы обезпечить за собой покровительство божества и въѣ святилища) и держали ее въ рукахъ, спускаясь съ горы. Но нитка недалеко отъ алтарей Эвменидъ будто бы порвалась; этотъ случай они, тогдашніе архонты, приняли за знаменіе, что богиня не приняла просьбы килонидовъ о защитѣ и оставила ихъ на произволъ судьбы; почему они и сочли дозволительнымъ сдѣлать на нихъ нападеніе ²⁷⁾. Если даже допустить справедливость этихъ словъ, все-таки торжественное обѣщаніе, данное архонтами и пританами отъ имени всей общины, было нарушено, все-таки алтари эвменидъ на ареопагѣ были осквернены. Судьи произнесли самый снисходительный приговоръ; архонты того года осуждены на изгнаніе; кости тѣхъ изъ нихъ, которые умерли въ этотъ промежутокъ времени, опредѣлено выкопать и удалить изъ страны. Другой безпристрастный судъ, проникнутый благоговѣйнымъ страхомъ грековъ въ своимъ богамъ, постановилъ бы казнить смертью виновныхъ, на вѣчныя времена изгнать ихъ семейства, конфисковать ихъ имущество и пожертвовать ега въ пользу оскорбленныхъ богинь-покровительницъ города. Эвпатриды ограничились тѣмъ, что было необходимо; имъ не пришло и на мысль удалить изъ среды своей самыя первыя фамиліи.

Оставалось совершить очищеніе страны и города, чтобы оно было полное, чтобы послѣ него не оставалось на аттической почвѣ никакихъ слѣдовъ беззаконія; для этого было недостаточно обыкновенныхъ умилостивительныхъ и очистительныхъ обрядовъ, но слѣдовало прибѣгнуть къ какому-либо совершителю очищеній, особенно опытному и пріятному богамъ. Эпименидъ изъ Кносса на Критѣ, служитель и жрецъ критскаго Зевса ²⁸⁾ и самъ, какъ гласила молва, велъ праведную

²⁷⁾ Plat. Solon, c. 12. Grote history of Greece 3 p. III.

²⁸⁾ Иначе онъ не могъ-бы получить названіе новаго курета; Plat. Solon, c. 12 Diogen. Laert 1, 115 сравн. 1, 114. Что Эпименидъ

жизнь и зналъ священное искусство совершать очищенія и умилоствлять боговъ. И спартацы незадолго передъ тѣмъ, во время заразительной болѣзни, призывали къ себѣ пѣвца съ острова Крита, Фалета изъ Гортина и его пеаны отвратили небесный гнѣвъ ³⁹⁾.

Эпименидъ не употреблялъ въ пищу ничего, кромѣ растений, онъ питался только проскурнякомъ и асфоделомъ ⁴⁰⁾; и подобно тому, какъ во времена отдаленной древности, въ гротѣ кносскомъ Зевсъ вовѣщаль волю свою Миносу, чрезъ каждыя восемь лѣтъ, такъ будто-бы и Эпименидъ, черезъ извѣстные промежутки времени, въ той же пещерѣ, получалъ во снѣ откровенія отъ бога, которому служилъ ⁴¹⁾. Аѳиняне рѣшились призвать въ свой городъ этого мужа, благословеннаго и просвѣщеннаго богами, и въ 596 г. отправили за нимъ корабль съ Никіемъ, сыномъ Никерата ⁴²⁾. Эпименидъ принялъ приглашеніе. Онъ совершилъ умилоствительные обряды—жертвы и очищенія. По его приказанію, съ высоты Аресова холма согнали стадо черныхъ и бѣлыхъ овецъ; каждая изъ нихъ принесена была въ жертву тамъ, гдѣ пала, и тому богу, которому была обречена, т.-е. черныя о рцы—богамъ подземнаго міра, бѣлыя—богамъ свѣта и неба

былъ не изъ Феста, какъ утверждаетъ Теополисъ, а изъ Кносса, или что онъ принадлежалъ къ числу гражданъ этого послѣдняго города, доказываетъ свидѣтельство современника Эпименидова, Полиместа Колоонскаго, у Павзанія 1, 14, 3.

³⁹⁾ Павзаній 1, 14, 3. Plut. de mus. с. 8. Такъ-какъ Плутархъ поставляетъ Фалета между Терпандромъ, который былъ еще въ живыхъ въ 640 г., и—Сакадомъ, который получилъ награду за игру на флейтѣ на пивійскихъ играхъ въ 586 г., то время жизни Фалета должно относиться ко второй половинѣ седьмого столѣтія; онъ былъ призванъ въ Спарту, вѣроятно, послѣ 2-ой Мессенской войны, около 620 г.

⁴⁰⁾ Hermippi Callim. fragm. 18 ed. Müller. Plut. septem sap. conv. с. 14. de facie in orbe lunae с. 25.

⁴¹⁾ Max. Tug. 38, 3.

⁴²⁾ По свидѣтельству Свиды, Эпименидъ родился въ 30-ю олимпиаду, т.-е. въ 660 г., и совершилъ очищеніе Аѳинъ, будучи старцемъ—*ἠγραιότερος*. Между тѣмъ, спустя около 20 лѣтъ Эпименидъ является въ Спартѣ при учрежденіи Эфората. О годѣ очищенія *Clint fast. hellen. anno 596.*

На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ принесены были въ жертву эти животныя, воздвигнуты алтари ⁴³⁾. Эпименидъ измѣнилъ также въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, священныя обряды аѳинянъ, смягчилъ, наприм., плачь о мертвыхъ присоединеніемъ жертвъ; положилъ границы чрезмѣрной горести и отчаянію, которымъ предавались доселѣ аттичскія женщины при похоронныхъ ⁴⁴⁾ обрядахъ. Дѣйствуя со времени прибытія въ Аѳины заодно съ Солономъ и слѣдуя его совѣтамъ ⁴⁵⁾, Эпименидъ нашелъ самыя надежныя средства успокоить взволнованную страну. Ему удалось освободить умы отъ страха, возбуждаемаго мыслію о гнѣвѣ боговъ. Правительство хотѣло, въ награду за труды, предложить ему талантъ серебра (болѣе 2.000 руб.), но онъ отъказался отъ денегъ и только взялъ съ собой одну вѣтвь съ священнаго масличнаго дерева Аѳины въ Эрехтионѣ и на аттичскомъ кораблѣ отправился на свою родину ⁴⁶⁾. Аѳиняне не забыли великаго благодѣанія, которое онъ оказалъ имъ, они чтили его память и впоследствии воздвигли ему статую. Она изображала почтеннаго мужа въ сидячемъ положеніи и находилась на площади предъ храмомъ Деметры, который стоялъ на юго-востокѣ акрополиса, при источникѣ Эннеакрунѣ ⁴⁷⁾.

Изгнаніе виновныхъ, благополучно совершенное очищеніе аттичской страны возвысили значеніе Солонъ въ Аѳинахъ. Самыя эпатриды, по необходимости, должны были признать заслуги человѣка, которому Аѳины обязаны были отвращеніемъ божьяго гнѣва. Кто же, кромѣ его, имѣлъ болѣе права быть

⁴³⁾ Diogen. Laert. 1, 110. Разсказъ о жертвоприношеніи Кратина и Ктезибія также не достовѣренъ (Grot., hist. of Greece 3, p. 114 п.), какъ разсказъ объ устройствѣ алтарей Нубрисъ и Анаедіа. Этими именами назывались камни обвинителя и защитника, находившіеся на ареопагѣ.

⁴⁴⁾ Plut. Solon, c. 12.

⁴⁵⁾ Plut. Solon, c. 13. Sept. sap. conviv. c. 14. Такія отношенія къ Солону подтверждаются дѣятельностію Эпименида въ Спартѣ, гдѣ онъ содѣйствовалъ исполненію намѣреній Хилона.

⁴⁶⁾ Diogen. Laert. I, III. Plut. praec. gerend. reip. c. 27.

⁴⁷⁾ Pausan. 1, 14, 4.

представителемъ города, примиреннаго съ небесами въ совѣтѣ амфиктіоновъ при дельфійскихъ жертвоприношеніяхъ? Весной 595 г. Солонъ отправился въ Дельфы, въ качествѣ аѳинскаго гіеромнемона или плагора. Онъ не упустилъ случая утвердить недавнее примиреніе Атики съ богами. По окончаніи жертвоприношеній, онъ обратился къ амфиктіонамъ, собравшимся на священной землѣ дельфійскаго бога, съ предложеніемъ—«не оставлять долге безъ наказанія крессянъ, виновныхъ противъ оракула, но оказать помощь дельфійцамъ и защитить ихъ въ угожденіе богу». Предложеніе было принято. Дельфійцы питали глубокую ненависть къ крессѣ и чрезвычайно досадовали на то, что въ рукахъ Крессянъ находилось сообщеніе Дельфъ съ моремъ. Этимъ предложеніемъ Солонъ приобрѣлъ и себѣ, и Атикѣ горячее расположеніе со стороны Дельфійскихъ жрецовъ и храмослужителей и всей общины Дельфійцевъ, — расположеніе, которое могло имѣть для Аѳинъ только добрыя послѣдствія. Теперь представлялась возможность окончательно и совершенно загладить общими усиліями всѣ прежнія вины предъ богами и, защищая выгоды дельфійскаго храма, оказать новыя заслуги предъ его богомъ. Правительство и Эвпатриды аѳинскіе не отказались исполнить опредѣленіе амфиктіоновъ. Въ союзѣ съ Клизееномъ, тираномъ Сикіонскимъ и Фессалійскими аристократами предположено было выступить въ походъ противъ крессянъ. Но во главѣ аттическаго войска поставленъ былъ Алкмеонъ, сынъ того самаго Мегакла, который былъ виновникомъ избиенія килонидовъ ⁴⁶⁾.

(Продолженіе будетъ).

⁴⁶⁾ Плутархъ (Solon. c. 11) описываетъ участіе Солонъ въ войнѣ противъ крессянъ прежде суда надъ убійцами килонидовъ и прежде посѣщенія Аѳинъ Эпименидомъ. Но годъ войны противъ Крессянъ есть несомнѣнно 595-й; весьма вѣроятно и то, что очищеніе Аѳинъ произошло въ 596. Но очищенію должно было предшествовать удаленіе виновныхъ. Притомъ Аѳиняне, прежде примиренія съ божествомъ, не могли выступать въ собраніи амфиктіоновъ съ предложеніемъ наказать какое-либо другое государство, оскорбившее боговъ.

Библиографическій указатель.

Историческія сочиненія иностранной
литературы въ минувшемъ году.

Rome et Démétrius d'après documents nouveaux avec pièces justificatives et fac-simile par le P. Pierling, S. J. Paris 1878.

Авторъ, на основаніи новыхъ источниковъ, старается оправдать іезуитовъ и папскій престолъ отъ обвиненія въ участіи въ поставкѣ Лже-Дмитрія и затѣмъ доказать, что послѣдній былъ истинный царевичъ, спасенный въ Угличѣ подмѣномъ отъ руки убійцы. Эти новые источники заключаются: 1) въ показаніяхъ Яна Велевицкаго (род. въ 1566 г., умеръ въ 1639 году), бывшаго наставника іезуитскихъ коллегій, іезуитскаго провинціала въ Галиціи и прокуратора въ Римѣ, 2) въ донесеніяхъ папскаго нунція, въ Польшѣ, Рангони и 3) въ письмахъ іезуитовъ, сопровождавшихъ Лже-Дмитрія въ Москву. Одно названіе этихъ источниковъ уже положительно указываетъ на односторонность и пристрастность ихъ содержанія. Подобные источники могутъ служить только пособіемъ при провѣркѣ и при сличеніи другихъ источниковъ, но никакъ не могутъ ложиться въ основаніе добросовѣстнаго ученаго труда. Задача, взятая г. Пирлингомъ, распадается на двѣ части— на оправдательную іезуитовъ и на доказательную подлинности Дмитрія. Но какъ первая, такъ и вторая сторона, при выи-

мательномъ разсмотрѣніи, далеко не достигаютъ своей цѣли и даже въ самихъ доказательствахъ вскрѣщаются несообразности и противорѣчія. Такъ, напримѣръ, авторъ относитъ начало отношеній іезуитовъ и папскаго престола съ Лже-Дмитріемъ къ марту 1604 года, *когда, будто-бы Сигизмундъ III и вся Польша признала самозванца за истиннаго Московскаго царевича*; но извѣстно, что даже на польскомъ сеймѣ 1605 года было отвергнуто государственное содѣйствіе претенденту и запрещена ему всякая помощь со стороны частныхъ лицъ, а канцлеръ и гетманъ Янъ Замоискій предпріятіе самозванца окрестилъ названіемъ комедіи Плавта или Теренція. Затѣмъ, авторъ высказываетъ, что іезуиты дѣйствовали въ этомъ случаѣ подъ вліяніемъ мнѣнія польскаго короля и общаго самого самозванца въ пользу католицизма и пригомъ-же дѣйствовали, не выходя изъ предѣловъ своихъ законныхъ обязанностей, съ единственнымъ желаніемъ заведенія въ Московіи коллегій для воспитанія юношества; но между тѣмъ самыя вѣскіе польскіе историки называютъ Сигизмунда воспитанникомъ іезуитовъ, послушнымъ ихъ орудіемъ, безответно дѣйствовавшимъ по ихъ указаніямъ. Слѣдовательно, никакимъ образомъ іезуиты не могли дѣйствовать подъ вліяніемъ слѣпого увлеченія короля. Развѣ подъ вліяніемъ такого-же увлеченія поступали іезуиты въ своихъ отношеніяхъ ко второму Лже-Дмитрію, въ самозванствѣ котораго нпего никогда не сомнѣвался?

Что-же касается до второй половины своей задачи, то авторъ, высказавъ невозможность самозванства, невозможность заблужденія какъ цѣлой Европы, такъ и всей Россіи, рассказываетъ о возможности подмѣны царевича до убіенія, о обѣствѣ его въ Украйну къ своему крестному отцу, князю Ивану Мстиславскому; но извѣстно, что никакого Мстиславскаго въ то время въ Украйнѣ не было, и самая подмѣна совершиться не могла. Убіеніе исполнилось днемъ, когда было невозможно обмануться ни убійцамъ, ни, потомъ, роднымъ и близкимъ царевича, и самое мертвое тѣло ребенка лежало для прощанія передъ глазами всѣхъ жителей Углича. Успѣхъ предпріятія самозванца зависѣлъ не отъ увѣренности въ спасеніи смѣ-

Іоанна Грознаго, а отъ внутренняго положенія государства, народныхъ бѣдствій: голода и пожаровъ, отъ непримиримой вражды русскихъ родовыхъ людей къ семейству Бориса Годунова и, наконецъ, отъ помощи самозванцу отъ казаковъ, польскихъ пановъ и іезуитовъ. Европа-же въ этомъ дѣлѣ остается ровно не причемъ. Повѣрила она спасенію Дмитрія царевича на слово, какъ повѣрила потомъ свидѣтельствамъ о самозванствѣ послѣ убіенія самозванца.

Вопросъ о томъ, кто былъ Лже-Дмитрій, до-сихъ-поръ остается не рѣшеннымъ и, вѣроятно, останется такимъ долго-долго, до открытія такихъ документовъ, которые могли-бы сказать окончательное и рѣшительное слово. Но къ числу такихъ документовъ никоимъ образомъ нельзя причислить документы, указываемые г. Пирлингомъ, не успѣвшимъ на основаніи ихъ ни очистить іезуитовъ, ни возстановить подлинность авантюриста-царя. Да и весь вопросъ о личности Лже-Дмитрія, по нашему мнѣнію, не имѣетъ въ себѣ особенной важности. Развѣ для насъ не все равно: былъ-ли то спасенный царевичъ или какой-нибудь авантюристъ, для насъ важно знаніе причинъ успѣха, кроющихся въ самомъ государственномъ строѣ Руса того времени. И если мы познакомили читателей въсколько подробно со взглядомъ автора, то единственно по вниманію къ голосу иностранца, взявшагося за трудъ по нашей исторіи, безъ подробнаго знакомства съ трудами русскихъ историковъ по этому предмету.

Geschichte des alten Persiens. Ferdinand Justi. Berlin 1879.

Профессоръ Онкенъ задался предпріятіемъ доставить образованному міру такую Всеобщую Исторію, которая вполне соотвѣтствовала-бы положенію современной исторической науки. Но такъ-какъ для исполненія такого труда далеко было-бы недостаточно силъ одного лица, какъ-бы ни были велики его дарованія и ученость, то и образовалось общество, члены котораго раздѣлили между собою обработку исторій отдѣльных государствъ или отдѣльных періодовъ одного и того-же государства. Такимъ образомъ достались на долю профессора Дюмикена — исторія Египта, профессора Шрадера — исторія Ассиріи и Вавилоніи, профессора Штаде — исторія Израиля.

профессора Юсти—исторія древней Персіи, профессора Дана—древняя исторія романскихъ и германскихъ народовъ, профессора Гапше — исторія Ислама, профессора Гейгера — исторія возрожденія и гуманизма въ Италіи и Германіи, профессора Штерна—исторія англійской революціи, профессора Куглера—исторія крестовныхъ походовъ и тридцатилѣтней войны, профессора Онкена—исторія Фридриха Великаго и эпохи революціи и имперіи (1789—1815 г.) и Дерптскаго профессора Брикера—исторія Петра Великаго.

По предположенію проф. Онкена, вся его Всеобщая Исторія должна будетъ состоять, приблизительно, томовъ нѣъ сорока и выйти въ свѣтъ выпусками въ шесть или семь лѣтъ. Въ минувшемъ году вышла частичка этого громаднаго труда—исторія древней Персіи Юсти. Профессоръ Юсти извѣстенъ по своимъ ученымъ трудамъ (*Handbuch der Zendsprache*), какъ замѣчательный филологъ востока, но въ качествѣ историка онъ, кажется, является въ первый разъ и это неволью бросается въ глаза при чтеніи его новаго сочиненія, въ которомъ особенно выдаются тѣ мѣста, гдѣ непосредственная подкладка—филологическія изслѣдованія.

Исторія древней Персіи начинается сказаніями о владѣтельствѣ Медійцевъ и древнѣйшимъ періодомъ Ахеменидовъ и оканчивается исторією Парфянскаго и Сассонійскаго царства. Принявъ за основаніе сочиненіе ученаго Ленорманна (*Lettres Assyriologiques*), авторъ пошелъ далѣе французскаго археолога и всѣ предположенія и догадки послѣдняго возвелъ въ неоспоримую истину безъ всякой провѣрки и подкрѣпленія доказательствами. Какъ смѣло относится авторъ къ своему предмету, можно видѣть изъ отважности его рѣшеній темныхъ, этнографическихъ вопросовъ. Такъ, по его мнѣнію, Аорсы — позднѣйшіе Авары, Меланхлены—Мордва и ихъ, точно также какъ и Тиссагетовъ, Юрковъ и Антропофаговъ, онъ причисляетъ къ финскому происхожденію.

Желая оцвѣтить свое произведеніе и придать ему болшую живость, авторъ разнообразилъ сухое изложеніе фактовъ различными вводными частями. Онъ описываетъ, напримѣръ, различными развалины, хотя-бы эти развалины и не относились

къ той эпохѣ, говорить о погребальныхъ башняхъ, рассказы-
ваетъ о погребальныхъ обычаяхъ и объ устройствѣ гробовъ,
хотя-бы всѣ эти, сами по себѣ интересныя, свѣдѣнія и не отно-
сились нисколько къ его предмету. Затѣмъ, не довольствуясь
подобными украшеніями, почтенный профессоръ нерѣдко
вдается въ лиризмъ и разнообразитъ исторію своими собствен-
ными замѣчаніями, впечатлѣніями и сентенціями. «Измѣнивъ,
потворствующій тирану и рассчитывающій на него», говорить,
напримѣръ, г. Юсти, «подъ конецъ всегда пріобрѣтаетъ нена-
висть того, такъ-какъ чувствовать себя ему обязаннымъ стѣ-
снительно, то и стараются, при удобномъ случаѣ, отъ него
избавиться навсегда». Конечно, это справедливо, но исторія,
право, не нуждается въ подобныхъ максимахъ.

Впрочемъ, за всѣми этими недостатками, трудъ профессора
Юсти замѣтенъ даже въ иностранной исторической литературѣ,
и мы рекомендуемъ его вашимъ русскимъ читателямъ, желаю-
щимъ короче познакомиться съ исторіей древняго востока.

Книги историческаго содержанія, вышедшія въ Россіи въ ми- нувшемъ году.

Исторія славянскихъ литературъ А. Пыпина и В. Спасовича. Спб.
1879 г. т. I.

Вся западная европейская періодическая пресса послѣд-
нихъ мѣсяцевъ минувшаго года была наполнена, подѣ влия-
ніемъ вожаковъ политическихъ партій, болѣе или менѣе вну-
шительными статьями о панславистическомъ направленіи
Россіи. Изъ панславизма, пріуроченнаго къ вигилизму, дѣ-
лали пугало, грозившее чуть-ли, не погубить въ конецъ огнемъ
и мечомъ всю европейскую цивилизацію. Русское общество,
понимая, подѣ какимъ влияніемъ гремѣла гроза, продолжало
спокойно относиться къ выдвинувшемуся славянскому вопросу;
не задаваясь никакими воинственными стремленіями, оно про-
должало сочувственно обращаться къ своимъ роднымъ по
крови, освобождающимся изъ-подъ тяжелаго гнета, и пода-

вать имъ помощь, гдѣ она требовалась по чувству гуманности. Понятно, что при такомъ положеніи для русскаго общества особенно интересны всѣ свѣдѣнія, касающіяся исторіи сербовъ, болгаръ и друг. славянъ, въ особенности, когда эти свѣдѣнія передаются даровитыми авторами. Къ числу такихъ свѣдѣній, безспорно, принадлежатъ и вышедшая въ минувшемъ году исторія славянскихъ литературъ Пыпина и Спасовича. Первый томъ этого труда составляютъ три главы: литература болгаръ занимаетъ первую главу, литература юго-славянскихъ племенъ, въ особенности сербовъ — вторую главу, литературы малорусская и русинская — послѣднюю главу. Во второй томъ входят литературы русская и польская. Настоящій выпускъ есть уже второе изданіе, но дополненное авторами въ такомъ размѣрѣ, что одинъ первый томъ, по объему, равняется всему первому изданію. Въ этомъ трудѣ любознательный читатель найдетъ, кромѣ данныхъ, относящихся до статистики, исторія, этнографія и вообще культуры славянскихъ племенъ, рельефное изображеніе тѣхъ формъ, въ которыхъ выливалась духовная жизнь славянъ и отношенія ихъ къ европейской культурѣ. Въ послѣдующихъ выпускахъ «Исторической Библиотеки» мы надѣемся ближе познакомиться съ этимъ капитальнымъ произведеніемъ и выводами авторовъ.

О мѣстничествѣ. Изслѣдованіе Алексѣя Маркевича. Ч. I. Русская исторіографія въ отношеніи къ мѣстничеству. Кіевъ. 1879 г.

Вопросъ о мѣстничествѣ до-сихъ-поръ у насъ остается открытымъ, хотя, по важности его бытовой стороны, на него обращали вниманіе почти всѣ наши историки, начиная съ Татищева и Болтина. Мы знаемъ только, что, родясь изъ родовой стихіи и переживъ послѣдующія общественныя формы, мѣстничество, какъ преемственность правъ на извѣстную степень общественнаго положенія, организовалось въ московскомъ государствѣ, при Иванѣ III, въ опредѣленную норму разрядныхъ книгъ, мы видимъ грустные факты мѣстничества, не-

удачные походы, споры и раздоры, (*) вслѣдствіе которыхъ нашихъ предковъ-бояръ кидали въ тюрьмы, били батогами и выдавали головою, но во всей ясности и полнотѣ—какъ именно и при какихъ условіяхъ развивалось это явленіе—для насъ еще несовершенно ясно. Изъ специальныхъ трудовъ по этому предмету извѣстны только: Исслѣдованіе о мѣстничествѣ, изд. Д. В. 1845 г. и О мѣстничествѣ Соловьева въ Московскомъ литературномъ и ученомъ Сборникѣ, изд. 1847 г., но оба эти труда явились еще до изданія многихъ памятниковъ, содержащихъ непосредственныя и обстоятельныя указанія на сущность этого вопроса.

Пополнить этотъ пробѣлъ взялъ на себя г. Маркевичъ и, къ сожалѣнію, взялся весьма неудачно. Вышедшая въ минувшемъ году первая часть его изслѣдованія, содержащая въ себѣ будто-бы исторіографію мѣстничества, при всей громадности труда (около тысячи страницъ), благодаря приему и системѣ или, лучше сказать, совершенной бессистемности автора, — остается для насъ вполне бесполезной.

(*) Какъ любопытный и характеристическій примѣръ подобныхъ споровъ, мы приведемъ случай, бывший при приемѣ въ 1649 г. голландскаго посла и крымскихъ посланниковъ. При царской аудіенціи велѣно было Михаилу Плещееву быть въ рындахъ вмѣстѣ съ князьями Одоевскими и княземъ Василиемъ Хилковымъ. Но, не смотря на царскій указъ, Михаилъ Плещеевъ билъ челомъ государю *въ отечестѣ* на князя Василя Хилкова, что съ нимъ ему быть *невмѣстно*, а потому и въ рындахъ не былъ. Вслѣдствіе этого, государь указалъ Михаила Плещеева за Хилковыхъ *безчестіе* бить батогами въ подклѣтѣ думному разрядному дьяку Заборовскому и велѣлъ государь Плещееву сказать, что такіе *страдники* на Хилковыхъ не бывали челомъ, а бывали и лучше ихъ, Плещеевыхъ, съ ними, Хилковыми. Да его же Михаила Плещеева указалъ государь посадить въ казенку на три дня и на третій день указалъ государь Михаила Плещеева бить батогами въ разрядѣ, *вмѣсто кнута* за Хилковыхъ безчестіе думному-жъ разрядному дьяку Заборовскому, и въ книгѣ разрядную велѣлъ государь записать, что Михаилъ Плещеевъ за князь Васильево безчестіе Хилкова *бить кнутомъ и въ тюрьму посланъ* (П. С. З. 1830 г. т. I. № 3). Особенно-же щекотливостью по дѣламъ родовой чести у насъ отличалась фамилія Ромодановскихъ, какъ это видно изъ того-же I тома Полнаго Собр. Зак. №№ 28, 41 и др.

Обыкновенно каждый ученый авторъ, выбравшій себѣ тему для изслѣдованія, занимается прежде всего, такъ-называемой, черновой работой, собираетъ матеріалы, изучаетъ ихъ, сравниваетъ, комментируетъ и потомъ, выведя положенія, излагаетъ ихъ въ систематической связи, подкрѣпляя свои выводы указаніями или ссылками на такіе-то и такіе-то источники. Но г. Маркевичъ не придерживается общепринятаго приѣма, а приступаетъ къ дѣлу совершенно своеобразно. Прежде всего онъ, подъ видомъ историографіи, знакомитъ не съ учеными трудами по этому вопросу, а съ самими источниками, актами и документами. Конечно, и это былъ-бы трудъ весьма полезный и почтенный, если-бы въ немъ содержались акты неизданные, малозвѣстные, а въ особенности, если-бы имъ дана была должная оцѣнка. Но г. Маркевичъ подноситъ читателю только груду актовъ, даже уже и прежде изданныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые не имѣютъ никакого отношенія къ мѣстничеству и не дѣлаютъ имъ никакой оцѣнки, не даютъ никакого освѣщенія, ограничиваясь словами: «маловажно, несодержательно» и т. п. Въ-добавокъ, всѣ эти акты приведены безъ системы и перемѣшаны до такой степени, что изъ нихъ невозможно вывести никакой опредѣленной идеи. Если подобнымъ-же образомъ будетъ изготовлено и самое изслѣдованіе, то мы заранѣе можемъ предсказать его полную безслѣдность въ нашей отечественной исторіи.

Лекціи по исторіи русскаго законодательства И. Д. Бѣляева, орд проф. импер. москов. унив. Москва, 1879 г.

Имя проф. И. Д. Бѣляева извѣстно въ русской исторической литературѣ, какъ знатока въ разработкѣ массы изданныхъ и неизданныхъ матеріаловъ, хотя нельзя сказать, чтобы покойный профессоръ всегда относился къ этимъ матеріаламъ критически безпристрастно. Проводя свои убѣжденія, онъ иногда самопроизвольно подлаживалъ подъ нихъ источники, умалчивая или отвергая самыя вѣскія свидѣтельства въ пользу противоположнаго возрѣнія. Поступалъ-ли онъ въ этомъ слу-

чаѣ ослѣпленно,—какъ вѣроятно и было,—рѣшать мы не беремъ, но, тѣмъ не менѣе, покойный былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся выразителей славянофильскаго направленія.

Исторія русскаго законодательства, по его лекціямъ, какъ и вообще принято, раздѣляется на четыре періода: 1) до Христіанскій, 2) до Судебника Ивана III (этотъ періодъ раздѣляется на два отдѣла монгольскимъ игомъ), 3) до Уложенія царя Алексѣя Михайловича и 4) до изданія свода Законовъ. Послѣдній изъ этихъ періодовъ разработанъ замѣтно слабѣе.

Новаго въ этихъ лекціяхъ, изданныхъ по собственноручнымъ тетрадамъ покойнаго профессора и запискамъ студентовъ, не встрѣчается ничего, такъ-какъ почти все это было уже высказано разновременно въ сочиненіяхъ покойнаго, помѣщенныхъ во многихъ періодическихъ органахъ: Читеніяхъ Москов. Общества ист. и древн. Россійск., Временникъ, Москвитянинъ, Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. и мног. друг., но, во всякомъ случаѣ, нельзя не остаться благодарнымъ за изданіе полнаго курса, въ которомъ всецѣло выразился взглядъ автора, заслужившаго благодарную память о себѣ такими трудами, каковы, на примѣръ, его изслѣдованія о древнемъ бытѣ славянъ и русскихъ и о поземельномъ владѣніи въ московскомъ государствѣ.

Пособіе къ изученію Русской Исторіи, А. Н. Лебедева. С.-Петербургъ, 1879 года.

Вѣроятно, этимъ трудомъ, авторъ имѣлъ цѣлю показать, какъ наша Исторія вообще, а учебники, въ частности, не точны и неполны. Пособіе, составленное г. Лебедевымъ, кромѣ предисловія, состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: 1) О древнихъ городахъ, 2) о древней торговлѣ до 1598 г. и 3) о деньгахъ, употреблявшихся съ 862 по 1663 годъ. Предваряя учащихся и учащихся въ предисловіи о причинѣ, побудившей его къ составленію пособія, авторъ подкрѣпляетъ все сказанное 49 указаніями, напечатанными въ концѣ пособія. Въ 1 отдѣлѣ г. Лебедевъ подробно приводитъ доказательства нашихъ повд-

нѣйшихъ ученыхъ, что призваніе въ Россію Варяго-Русскихъ князей *сомнительное преданіе*; во 2 знакомить съ древнею торговлею, до 1598 г., а въ 3—съ денежными знаками, ихъ видомъ, величиною, изображеніями и цѣнностію, что въ общемъ дѣйствительно представляетъ трудъ серьезный и интересный, а по цѣнѣ доступный для каждаго, по 35 коп. экземпляръ, съ пересылкою 40 коп. Желаемъ успѣха!

Русская историческая журналистика.

Въ дополненіе къ отчету, своевременно доставляемому «Историческою Библіотекою» о нашихъ историческихъ періодическихъ изданіяхъ, намъ остается прибавить два интересныя извѣстія: о перерожденіи съ октября минувшаго года «Древней и Новой Россіи» изъ сборника въ журналъ, совершившемся съ удаленіемъ отъ редактированія ея С. Н. Шубинскаго (мѣсто котораго заваялъ издатель г. Граціанскій) и извѣстіе о новомъ историческомъ журналѣ «Историческій Вѣстникъ».

Изъ заявленія новой редакціи «Древней и Новой Россіи» мы узнаемъ, что она задалась цѣлью «уяснить тѣ задачи въ жизни государственной, церковной, общественной и народной, которыя подлежатъ нашему отечеству». Цѣль, какъ видите, широкая и многообъщяющая. Отнынѣ стоитъ только читать «Древнюю и Новую Россію» и мы узнаемъ не только свое прошедшее и настоящее, но и задачи будущаго. А такъ-какъ каждому человѣку сродно желаніе знать, что ему предстоитъ, то мы всѣ, вѣроятно, будемъ съ жадностію глотать всѣ имѣющія выходить книжки «Древней и Новой Россіи», подъ новой ея редакціей. Но дѣло не въ обѣщаніи, а въ исполненіи, замѣтитъ, можетъ-быть, склонный къ сомнѣніямъ читатель и невольно спросить: почему-же именно съ удаленіемъ прежняго редактора сдѣлался приливъ въ редакцію интеллигентныхъ силъ? Какія новыя силы у редакціи—намъ неизвѣстно, такъ-же какъ неизвѣстны и труды по части отечественной исторіи новаго редактора г. Граціанскаго.

Въ видѣ неопровержимаго свидѣтельства перерожденія изъ сборника въ журналъ, новая редакція измѣнила прежній форматъ книгъ, ввела бібліографическій отдѣлъ и привала въ своихъ рецензіяхъ новый, какой-то странный для ученаго журнала, задорливый тонъ. Для примѣра раскроемъ рецензію новой редакціи о сентябрьскихъ книжкахъ «Русской Старины» и «Исторической Библіотеки». Онѣ очень невелики. Первое, на что обратилось вниманіе новой редакціи въ «Русской Старинѣ»—это на объявленіе, разборомъ котораго почти и ограничилась вся рецензія. Она говоритъ: «Пикантнаго (въ объявленіи) очень много. Но въ пикантности нѣтъ спасенія, даже и для кармана издательскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что читающая наша публика умнѣетъ, вмѣстѣ съ все большимъ и большимъ распространеніемъ въ ней серьезнаго образованія и что эту часть публики пикантностью не заманишь». Не странно-ли, что редакція ученаго историческаго журнала, при своемъ первомъ приѣмѣ, прежде всего заглянула въ чужой издательскій карманъ? Неужели это тоже одна изъ задачъ, подлежащихъ нашему отечеству?

Но еще страннѣе приѣмъ новой редакціи «Древней и Новой Россіи» относительно нашей «Исторической Библіотеки». Вся рецензія ея ограничивается утвержденіемъ, что «Историческая Библіотека» не журналъ, даже не сборникъ, а совокупленіе отдѣльныхъ типографскихъ предпріятій редактора, доказательствомъ чего, и притомъ единственнымъ, приводится отдѣльная пагинація статей, помѣщаемыхъ въ «Исторической Библіотекѣ». Слѣдовательно, не характеръ, общность направленія и цѣли составляютъ принадлежность журнала, а пагинація. Передъ такой логикой и знаніями нельзя не преклоняться. Мы думали, что такія статьи, какъ Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія, Реформаторы до Виллефа и Гуса, Флоренція въ XIV вѣкѣ, Арсеній, архіепископъ Элагсонскій, статьи изъ Карлейля и Кастера обратятъ вниманіе ученаго рецензента «Древней и Новой Россіи», что намъ укажутъ какія-нибудь ошибки, неѣрность взгляда и т. п., но жестоко ошиблись. Онъ сбросилъ ихъ молчаніемъ потому... потому, что у нихъ отдѣльная пагинація. Такъ-какъ г. рецензента, видимо

интригуеетъ вопросъ о пагинаціи, въ которомъ онъ видитъ какую-то *тайну*, то мы слѣдшимъ ему разъяснить, что способъ означенія отдѣльнымъ счетомъ страницъ въ «Исторической Библіотекѣ» принятъ редакціею для удобства выписывающихъ этотъ журналъ, желающихъ, можетъ-быть, какую-либо изъ статей переписать отдѣльно, что редація до-сихъ-поръ не придавала,—въ чемъ и винится,—этому предмету особеннаго значенія и что, наконецъ, такая отдѣльная пагинація удобна въ виду отдѣльныхъ выпусковъ какой-либо статьи,—какъ это и сдѣлала «Историческая Библіотека», выпустивъ отдѣльно четыре статьи изъ всего двухъ-лѣтняго своего изданія.

При такомъ отношеніи къ дѣлу новаго журнала, отношеніи, исключаящемъ возможность добросовѣстныхъ, разумныхъ и единственно полезныхъ дебатовъ, мы отказываемся на будущее время отъ подобныхъ полемикъ и отвѣчать на нихъ не будемъ. Если мы и позволили себѣ высказать эти строки, то единственно съ цѣлью изложить одинъ разъ навсегда нашъ взглядъ на этотъ предметъ. Теперь переходимъ къ другому звѣстію.

Съ января 1880 года будетъ выходить новый спеціальный журналъ—«Историческій Вѣстникъ», подъ редакціею Шубинскаго и за поручительствомъ г. Суворина. Судя по объявленію о доставленныхъ уже въ редакцію статьяхъ, журналъ обѣщается быть интереснымъ,—въ чемъ мы заранѣе увѣрены,—и, съ своей стороны, постараемся познакомить съ нимъ нашихъ читателей. Намъ только поразило введеніе новаго элемента въ журнальную дѣятельность — поручительства за аккуратность выходовъ книгъ. Неужели почтенный редакторъ, отказавшись отъ редактированія «Древней и Новой Россіи», предполагаетъ въ обществѣ къ себѣ недовѣріе до такой степени, что поспѣшилъ запастись поручительствомъ? Не состоялось-ли, нотаріальнымъ порядкомъ, акта, опредѣляющаго отвѣтственность при различныхъ условіяхъ? Слѣдшимъ увѣрить въ отсутствіи подобнаго недовѣрія и наоборотъ въ полной симпатіи къ новому предпріятію.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА:
ИСТОРИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ

на учрежденіе училищъ, школъ, учебныхъ заведеній и ученыхъ обществъ, послужившихъ къ образованію Русскаго народа съ 1025 по 1855 годъ.

Н. А. Лебедева.

Изданіе 2-е. Цѣна 1 р. 50 коп., въсовыхъ 2 ф.

Книга эта, кромѣ разсмотрѣнія въ ученomъ комитетѣ по военно-учебнымъ заведеніямъ, была разсмотрѣна въ совѣтахъ горнаго института и с.-петербургской духовной академіи, и ими принята. Приобрѣтена и всѣми другими высшими заведеніями, какъ-то: академіями, университетами, Императорскимъ лицеемъ, училищемъ правовѣдѣнія, многими семинаріями, земскими учрежденіями и полками.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:
ПОСОБІЕ КЪ ИЗУЧЕНІЮ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

I. О древнихъ городахъ. II О древней торговлѣ и III О деньгахъ, обращавшихся въ Россіи съ 862 по 1763 годъ.

Цѣна 35 к. безъ пересылки.

» 40 к. съ пересылкою.

„ПЕРВЫЙ РУССКІЙ СОЛДАТЪ“

(Разсказъ унтеръ-офицера).

Цѣна экземпляру 5 коп.

Для Земскихъ Управъ и полковъ Арміи, выписывающихъ 100 и болѣе экземпляровъ, *пересылку принимаю на свой счетъ.*

Гг. иногородные, желающіе выписать *одинъ* экземпляръ, прилагаютъ *марками* 20 коп., на пересылку экземпляра *заказнымъ.*

МАКАРІЙ,

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШІЙ

МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ

(Биографическій очеркъ).

Гг. иногородные благоволятъ прилагать почтовыми марками 25 коп.

Выписывающіе всѣ книги или одну чрезъ издателя Н. А. Лебедева, жительствующаго у Покрова, по Садовой ул., № 121, за пересылку *не платятъ.*

Книгопродавцамъ обычная уступка.

для удобства своихъ подписчиковъ, Контора Германа Гоппе принимаетъ подписку и на всѣ русскіе и ино-
странные журналы и газеты.

О подпискѣ на 1880 годъ на
„ВСЕМІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ“

большой иллюстрированный журналъ
съ разными бесплатными приложеніями.

Съ 1-го января 1880 г. журналъ „Всемирная Иллюстрація“ начнетъ XII годъ (т. е. томы XXIII и XXIV) своего существованія и будетъ выходить такъ-же аккуратно, какъ и въ прошлые года, *еженедельно* (т. е. 52 номера въ годъ), въ увеличенномъ форматѣ *большого двойного мѣста самой лучшей бумаги*, и каждый номеръ будетъ заключать въ себѣ *16—24 страницъ*, въ которыхъ половина будетъ наполнена *роскошными рисунками* изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

„Всемирная Иллюстрація“, благодаря своей аккуратности и строгому выполненію программы, приобрѣла втеченіи одиннадцатилѣтняго своего существованія заслуженную репутацію и, служа вѣрнымъ отраженіемъ жизни, какъ русской, такъ и иностранной, соперничаетъ съ лучшими иллюстрированными и литературными журналами въ свѣтѣ.

Не ограничиваясь достигнутыми результатами, редація „Всемирной Иллюстраціи“ стремится въ улучшенію своего изданія, соображаясь съ желаніями подписчиковъ, не останавливается передъ расходами и всегда даетъ больше, чѣмъ обѣщала.

Убѣжденная, что втеченіи своей дѣятельности она достаточно заявила себя, редація считаетъ излишнимъ всѣ пышныя рекламы и ограничивается только обѣщаніемъ, что употребить всѣ усилія, чтобъ оправдать возрастающее къ ней ежегодно довѣріе публики.

**Цѣна годовому изданію «Всемирной Иллюстраціи»
на 1880 годъ:**

Безъ дост. въ		Съ дост. въ
С.-Петербург. . 13 р. — в.		С.-Петербург. . 14 р. 50 в.
Безъ дост. въ		Съ перес. въ
Москвѣ . . . 14 > 50 >		друг. города 16 > — >

„ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“

представляетъ политическія событія, войну, изящныя искусства, исторію, изящную словесность, географію, путешествія, естественную исторію, технологію, промышленность, морское и военное искусства, и пр., и пр., однимъ словомъ: цивилизацію, нравы и обычаи народовъ въ картинахъ.

Каждый томъ «ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ» представляетъ собою

РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ

до 500 печатн. страницъ, съ 300—400 рисунками, и есть необходимое дополненіе каждой хорошей библіотеки, а также одно изъ лучшихъ настольныхъ украшеній каждой гостиной.

ПОКРЫШКИ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА «ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ»

изъ англійскаго коленкора, съ золотыми тисненіями по рисунку художника К. Брожа. Цѣна покрывки для переплета на каждый томъ: безъ пересылки 1 р. 75 к., съ пересылкою 2 р. 50 к.

Цѣна первыхъ 20 том. «Всемирной Иллюстраціи»

1869 г. (томы I и II) 10 руб. безъ перес., въ англ. коленкор. перепл. 14 руб.; 1870 г. (т. III и IV), 1871 г. (т. V и IV), 1872 г. (т. VII и VIII) и 1873 г. (т. IX и X)—по 8 р. безъ пересылки, каждый годъ. Въ англ. тисненн. золотомъ переплетахъ, каждый годъ стоятъ по 12 руб. безъ пересылки. 1874 г. (т. XI и XII), 1875 г. (т. XIII и XIV), 1876 г. (т. XV и XVI), 1877 г. (т. XVII и XVIII) (безъ приложеній) и 1878 г. (т. XIX и XX) (безъ приложеній)—по 9 р. безъ перес., каждый годъ.

Въ переплетахъ безъ перес. по 13 р.

На пересылку каждою года слѣдуетъ прилагать 3 руб. сер.

Главная контора редакціи „Всемирной Иллюстраціи“ въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая, д. № 16.

Редакторъ-Издатель „Всемирной Иллюстраціи“

ГЕРМАНЪ ГОППЕ.

Для удобства своихъ подписчиковъ, Контора Германа Гоппе принимаетъ подписку и на всѣ русскіе и иностраннѣе журналы и газеты.

О подпискѣ на 1880 годъ

на

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

литературы, наукъ и искусствъ

„ОГОНЬКА“

съ бесплатными художественными приложениями

52 номера въ годъ.

ПРОГРАММА «ОГОНЬКА»:

1. Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, драматическія произведенія, юмористическіе очерки, оригинальные и переводные (съ рисунками къ нимъ).
2. Историч. очерки, бытовые картины изъ жизни древнихъ народовъ (съ рисунками къ нимъ).
3. Записки, мемуары, жизнеописанія великихъ людей и общественныхъ дѣятелей (съ портрет.).
4. Систематическій обзоръ (съ рисунками, по надобности замѣчательныхъ явленій въ области всѣхъ наукъ: Естествознанія, Археологіи, Географіи, Медицины, Механики и т. д., и искусствъ: Скульптуры, Живописи, Архитектуры, Музыки и т. д. Библиографія и замѣчательные процессы (безъ обсуждения судебныхъ рѣшеній).
5. Смѣсь, анекдоты, афоризмы и т. п.
6. Почтовый ящикъ; отвѣты редакціи.
7. Тиражи выигрышей 1-го и 2-го внутр. займовъ.
8. Частныя объявленія.

Громадный успѣхъ «ОГОНЬКА» (22 тысячи подписчиковъ), въ первый же годъ изданія, дѣлаетъ лишними всякія пышныя обѣщанія. Успѣху этому «ОГОНЬКА» обязанъ: 1) Объемомъ своимъ онъ равенъ большимъ литературнымъ журналамъ, но дешевле ихъ вчетверо. 2) Въ немъ принимаютъ участіе лучшія литературныя и художественныя силы.

Въ прошломъ году въ «ОГОНЬКА» принимали участіе, между прочимъ, слѣдующія лица: В. Г. Авсѣенко, К. Алексѣевъ, К. П. Галлеръ, Д-ръ Е. Д. Гончаровъ, Г. М. Данилевскій, В. В. Крестовскій, В. Корниевскій (псевд.),

Для удобства своихъ подписчиковъ, Контора Германа Гоппе принимаетъ подлику и на всѣ русскіе и иностранные журналы и газеты.

К. Орловскій, А. Н. Майковъ, Я. П. Полонскій, П. Полевой, Гр. Е. А. Салиасъ, К. К. Случевскій, Д. И. Садовниковъ, А. Фетъ, и др.

При томъ же составѣ редакціи, при стремленіи къ улучшенію журнала съ каждымъ номеромъ въ 1880 г. съ первыхъ номеровъ редакция начнетъ печатать: «Масоны», романъ въ 5 част. А. Ф. Писемскаго, и «Лихо», историческая повѣсть Д. В. Аверниева.

Годовая цѣна «ОГОНЬКА»: безъ доставки 4 руб.; съ доставкою въ С.-Петербургъ и съ пересылкою во всѣ города Россіи 5 руб.

Подписка принимается въ конторѣ издателя журнала «ОГОНЕКЪ», въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая ул., д. Коровина, № 16.

Редакторъ журнала «Огонекъ»
Н. П. Аловертъ.

Издатель журнала «Огонекъ»
Германъ Дмитр. Гоппе.

Въ книжномъ магазинѣ С. П. ГЛАЗЕНАПА (Поварской пер., № 15, въ С.-Петербургѣ) поступили въ продажу слѣдующіе отрывочные календари на 1880 годъ.

КАЛЕНДАРЬ - ТЕРМОМЕТРЪ

ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к., безъ термометра 75 к., съ пер. 1 р. 20 к.

СЕМЕЙНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

съ росписаніемъ 366 обѣдовъ, на каждый день. Ц. 75 к., съ пер. 1 р. 20 к., съ термометромъ 1 р., съ пер. 1 р. 50.

ВОЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ

съ необходимыми свѣдѣніями для г. военныхъ; ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к., съ термометромъ 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к. и новая поваренная книга для молодыхъ хозяевъ скоромный и постный

„ДОМАШНИЙ СТОЛЬ“

составл. А. Толнверовой и А. Сальниковой. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Въ книгѣ «ДОМАШНИЙ СТОЛЬ», кромѣ объясненія, какъ готовить 366 обѣдовъ, помѣщенныхъ въ «Семейномъ Календарѣ», находятся рецепты приготовленія куличей, пасокъ, кваса, соленія и копченія рыбы и мяса, а также средства предохраненія провизіи отъ порчи.

Покупающіе «Семейный Календарь» приобрѣтаютъ «Домашній столъ» за 75 к., въ перепл. за 1 р. 25 к.

Всѣ требованія ивгородныхъ исполняются немедленно.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1880 ГОДЪ

НА

Годъ третій. **ИЗУМРУДЪ** 66. Годъ третій.

СБОРНИКЪ

РОМАНОВЪ, ПУТЕШЕСТВІЙ И НЕБОЛЬШИХЪ РАЗСКАЗОВЪ

ВЪ ПЕРЕВОДЪ

СЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКОВЪ НА РУССКІЙ.

ПРОГРАММА:

Сборникъ будетъ выходить, какъ и въ 1879 году, книгами большого формата, между 10 и 20 января, марта, мая, іюля, сентября и ноября мѣсяцевъ.

Каждая книга будетъ, по возможности, вмѣщать въ себѣ одинъ совершенно законченный романъ и нѣсколько рассказовъ.

Каждое произведеніе, помѣщаемое въ Сборникѣ, будетъ имѣть особую нумерацію страницъ, каждый романъ особый заглавный листъ, а для рассказовъ будетъ одна общая обертка.

Подписная цѣна за годовое изданіе «Изумруда», состоящее изъ шести книгъ большого формата, безъ доставки — 5 руб., съ доставкой — 5 руб. 50 коп.; а съ пересылкою 6 рублей.

На полгода подписка не принимается.

Кромѣ вышеупомянутыхъ шести книгъ, всѣ подписчики на 1880 годъ получать бесплатно, въ концѣ его, большой историческій или уголовный романъ, который отдѣльно будетъ продаваться не менѣе 2 или 3 рублей за экземпляръ.

Не желая прибѣгать къ рекламѣ, редакція, однако, считаетъ необходимымъ познакомить, хотя отчасти, читающую публику съ характеромъ и направленіемъ «Изумруда», и помѣщаетъ здѣсь, въ виду этого, списокъ статей, помѣщенныхъ въ немъ, а именно: въ сборникѣ за 1878 г. помѣщены между прочимъ:

Вратоубійца—Эли Бергъ.—Ленла—изъ турецкихъ нравовъ.—Король Англо-Саксовъ.—(изъ временъ завоеванія Англій Норманами) Э. Бульвера.—Обелискъ Нерона—изъ временъ папы Сикста V.—Пиръ Смерти—изъ временъ первой французской революціи.—Ночь въ Фонтенебло—изъ царствованія Людовика XVI.—Трагическая развязка—автора романа графъ де-Фуа.—Непороченная жизнь—Эли Бергъ.—Тайна индѣйскихъ офицеровъ—Миссъ Бредонъ. Поединокъ въ Гернейскомъ лѣсу—изъ слѣдственнаго дѣла Ліонеля Варлейга—Уильки Боллинза. Фрегатъ Аркона—Бера.—Опасная комната.—Почему я не сдѣлался адвокатомъ.—Ночь Вячемъ чумной заразы (описание чумы, опустошившей югъ Франціи). М. Лафонъ.—Игрушка Фортунъ.—Раскаяніе мстителя — изъ временъ короля Карла VI.—Казнь Королевы Анны.

и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Въ вышедшихъ книгахъ за 1879 помѣщены *Авантюристъ* — Тисье.—*Госпожа Амальта Додэ*.—*Бягнция Бастель-Франко*.—*Ночь подъ Рождество Кабалеро*.—*Заблужденіе*.—*Зюма*: *Сознаніе преступника*.—*Амедей Моцартъ*.—*Погоня за призракомъ*.—*Внучка Людовика XIV*—автора *Луизы д'Авара*.—*Мѣсяць въ Балнеорни*.—*путешествіе*—*Проклятый домъ*.—*Жертвы честолюбія*.—*Драма въ улицѣ Страдъ*—Ю. Лакру

и такъ дайте, и такъ дайте.

Иногородные подписчики, желающіе выписать который-нибудь изъ этихъ годовъ, остающихся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, могутъ еще получить ихъ изъ конторы редакціи по 6 руб. за экземпляръ.

Для новыхъ иногородныхъ подписчиковъ на 1880 годъ редакція считаетъ возможнымъ сдѣлать сбавку, а именно: за 1878 годъ они могутъ получить за 4 руб., а сборникъ за 1879 за 4 р. 50 коп., то есть вмѣсто слѣдующихъ за эти года 12 рублей они благоволятъ высылать только 8 руб. 50 коп.

(Пятьдесятъ копѣекъ можно, вмѣсто мелочи, высылать 5-копѣечными марками).

Примѣчаніе 1) Во избѣжаніе недоразумѣній, редакція считаетъ нужнымъ прибавить, что она уступаетъ сборникъ 1878 и 1879 годовъ вмѣстѣ или порознь, но только тѣмъ иногороднымъ подписчикамъ, которые пришлютъ за нихъ деньги одновременно съ подписною суммою, слѣдуемой за сборникъ 1880 года. Гг. Московскіе подписчики пользуются также уступкою, но только въ такомъ случаѣ, если они внесутъ деньги за всѣ три года сразу.

2) Всѣмъ подписчикамъ „Измурда“, кромѣ того, предоставляется отнынѣ право получать со сбавкою цѣны всѣ книги, которыя будутъ изданы редакціею независимо отъ сборника. Такъ, напримѣръ, въ настоящее время она предполагаетъ, въ недалекомъ будущемъ, приступить къ печатанію большого историческаго романа, подъ названіемъ: „Рыцарь Кроваваго Креста“, который будетъ въ отдѣльной продажѣ стоить съ пересылкою 3 руб. 50 коп., но для господъ подписчиковъ, которые пришлютъ за него деньги до выхода его въ свѣтъ предполагается уступать его по 2 р. 25 к.

Гг. подписчиковъ просятъ покорнѣйше присылать свои адреса, написанные разборчивою рукою и съ точнымъ поименованіемъ губерніи и уѣзда, гдѣ находится ихъ жителство:

Примѣчаніе 3) Желающіе получить отъ конторы Сборника какія-либо свѣдѣнія благоволятъ присылать на отвѣтъ 7-копѣечную марку.

Подписка принимается въ Москвѣ въ редакціи и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногородные благоволятъ обращаться исключительно только къ издателю сборника, адреса требованія слѣдующимъ образомъ; въ г. Москву, въ контору редакціи сборника „Измурда“ г. Редактору Издателю Михаилу Николаевичу Воронову.

(Болѣе подробный адресъ редакціи Московскому почтамту извѣстенъ).

Редакторъ-Издатель **Михаиль Вороновъ.**

Годъ III.

III Годъ

О подпискѣ на 1880 годъ на большой

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ“

ЕДИНСТВЕННЫЙ ДЕНЕЖНЫЙ БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ВЪ РОССІИ.

Журналъ выходитъ въ форматѣ большихъ иллюстрацій со множествомъ художественно исполненныхъ гравюръ. Въ каждомъ номерѣ помѣщаются: романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, біографіи, всемірное обозрѣніе, политика, современная хроника, новости изъ наукъ и жизни, популярно-научныя статьи, карикатуры, шахматы, заводы, и пр. Къ каждому номеру прилагается отдѣльно:

24 № въ годъ—НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ—въ годъ 24 №

Эти модныя приложенія, ни въ чемъ ни уступающія специально-моднымъ журналамъ, заключаютъ въ себѣ рисунки модъ, подробныя описанія къ нимъ и обстоятельную модную хроникку.

Всѣ подписчики, когда бы не подписались, получаютъ въ теченіи года:

двѣнадцать художественныхъ премій

равныхъ ежемѣсячно и состоящихъ изъ прекрасно-выполненныхъ копій съ лучшихъ художественныхъ произведеній; эти преміи, отпечатанныя на хорошей толстой бумагѣ съ тономъ, составятъ къ концу году богатый альбомъ.

Кромѣ того, всѣмъ годовымъ подписчикамъ журнала разсылается главная большая премія.

„РОССІЙСКІЙ ИМПЕРАТОРСКІЙ ДОМЪ“

Эта роскошная картина представляетъ группу прекрасно-выполненныхъ портретовъ всѣхъ особъ нынѣ царствующей фамиліи. Величина картины въ длину 1 арш. 1½, вершка, и въ ширину 12 вершковъ. Картина отпечатана на толстой слоеной бумагѣ, съ фономъ, и стоитъ въ отдѣльной продажѣ 5 р., съ пер. 6 руб. (Желашіе получить главную премію въ сохраннымъ видѣ досылаютъ къ подписной двѣ одинъ рубль).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ СЪ ПРАВОМЪ БЕЗПЛАТНАГО ПОЛУЧЕНІЯ:

24 номеровъ новѣйшихъ парижскихъ модъ,
12 ежемѣсячныхъ художественныхъ премій,
Главной преміи: „Россійскій Императорскій Домъ“,

На годъ: безъ доставки **4** (четыре) руб. съ доставкою въ Спб. и для иногородныхъ **5** (пять) руб. За границу во всѣ страны свѣта **7** (семь) р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С. Петербургѣ, въ Главной Конторѣ Редакціи „Иллюстрированнаго Мира“, по Фонтанкѣ, д. № 103 (близъ Измайловскаго моста), а также у всѣхъ известныхъ въ Россіи и за границей книгопродавцевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„НОВОСТИ“

на 1880 годъ.

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПОДЪ НОВОЮ РЕДАКЦІЕЮ)

Подписная цѣна:

на 1 г. 11 м. 10 м. 9 м. 8 м. 7 м. 6 м. 5 м. 4 м. 3 м. 2 м. 1 м.

Съ достав.

въ С.-Петербур. 8 7 50 7 — 6 50 6 — 5 50 5 4 50 3 80 3 2 1

Съ пересыл. 9 8 25 7 50 7 — 6 50 5 75 5 4 50 4 — 3 2 1

Подписывающіеся сразу на всѣ послѣдніе мѣсяцы 1879 г. и на весь 1880 г. платятъ за время: съ 1-го сентября 1879 г. по 1-е января 1881 г., т. е. за 16 мѣсяцевъ 12 руб., съ 1-го октября 1881 г. по 1-е января 1881 г., т. е. за 15 мѣсяцевъ— 11 руб. 50 коп., съ 1-го ноября — всего 10 р. 50 к., и съ 1-го декабря 9 р. 50 к.

Подписывающіеся на весь 1879 г. получаютъ всѣ номера съ 1-го января.

Писма и деньги адресуются: въ С.-Петербургъ, въ редакцію газеты «НОВОСТИ» (Гороховая, 32).

Газета «НОВОСТИ» выходитъ, безъ предварительной цензуры, ежелдневно, не исключая понедѣльниковъ, полными номерами, а въ дни, слѣдующіе за табельными праздниками, въ видѣ прибавленийъ или телеграфныхъ бюллетеней.

Редакція строго соблюдаетъ принятое ею съ самаго начала изданія правило—не оставлять ни одного болѣе или менѣе выдающагося явленія или событія безъ своевременной всестоюнной оцѣнки и освѣщенія (отдѣлъ «Дневникъ»), не сообщать читателямъ ни одного извѣстія позже другихъ газетъ и не помѣщать въ газетѣ никакихъ статей, не представляющихъ общественно политическаго интереса для большинства ея читателей. Изъ многочисленныхъ же извѣстій административнаго характера газета отдаетъ предпочтеніе такимъ,

въ которыхъ заключаются рѣшенія какихъ-нибудь крупныхъ общественныхъ вопросовъ или отвѣты на различныя ходатайства мѣстныхъ обществъ, вынужденныхъ часто, для подученія подобныхъ свѣдѣнй, прибѣгать къ командировкѣ въ Петербургъ специальныхъ уполномоченныхъ или, по меньшей мѣрѣ, къ продолжительной канцелярской процедурѣ переписки. Наконецъ, прочитавшй внимательно даже одинъ или два нумера газеты можетъ убѣдиться въ томъ, что газета совершенно чужда рутинѣ, господствующей въ старыхъ изданiяхъ; что общй характеръ газеты носить на себѣ печать оригинальности, заключающейся именѣо въ томъ, что ни одинъ, болѣе или менѣе выдающйся изъ ряда обыкновенныхъ, фактъ не оставляется безъ освѣщенiя; что, при огромномъ числѣ самыхъ разнообразныхъ извѣстй, получаемыхъ редакцiей ежедневно отъ своихъ постоянныхъ репортеровъ и корреспондентовъ (рубрика: «Административныя Новости», «Русская Лѣтопись», «Внутренняя почта» и т. д.), она имѣетъ возможность заимствованiя изъ другихъ изданiй подчинять самому строгому критическому выбору и приурочивать къ текущимъ, наиболѣе популярнымъ вопросамъ. Такъ, напримѣръ, подъ рубрикою «Русская Печать», Редакцiя не только знакомитъ своихъ читателей со взглядами и сужденiями текущей периодической печати, но старается вкратцѣ освѣщать эти взгляды и сужденiя съ научной и общественной точекъ зрѣнiя. Также точно и подъ рубрикою „Свѣтъ и Тѣнь“ наиболѣе выдающiяся явленiя обще-государственной и мѣстной жизни приводятся не какъ простые факты, а какъ живой практический материалъ, почерпнутый изъ всесторонняго житейскаго опыта, регулирующаго нравственный и материальный уровень общественныхъ и гражданскихъ отношенй. Наконецъ, справочный отдѣлъ газеты приуроченъ ко всевозможнымъ общественнымъ потребностямъ различныхъ классовъ («Справочный отдѣлъ»).

Содержанiе газеты „НОВОСТИ“

1) Политическiя телеграммы (доставляемныя «Международнымъ Агентствомъ» и собственными корреспондентами).—2) Дневникъ. До 1-го сентября напечатано: по внѣшнимъ вопросамъ: около 600 статей; по внутреннимъ—около 80 статей.—3) Административныя Новости. (Отъ нашихъ специальныхъ репортеровъ). По 1-е сентября помѣщено болѣе 700 извѣстй.—4)

Русская Лѣтопись. (Отъ нашихъ специальныхъ репортеровъ). По 1-е сентября помѣщено болѣе 2,000 статей. Подъ этою же рубрикою, печатились: Всѣ важнѣйшія правительственныя распоряженія, сообщенія и телеграммы.—Отчеты о всѣхъ засѣданіяхъ с.-петербургской городской думы.—Отчеты о всѣхъ засѣданіяхъ ученыхъ и другихъ обществъ: географическаго, мореходства, промышленности и торговли, вольно-экономическаго, техническаго, педагогическаго, естествоиспытателей, минералогическаго, этнонологическаго, юридическаго, общества русскихъ врачей, общества практическихъ врачей, общества взаимнаго кредита, благотворительныхъ обществъ, дѣснаго общества, общества сельскихъ хозяевъ, садоводства, коммисіи при педагогическомъ музеѣ. Кромѣ того, одновременно помѣщались всѣ, болѣе или менѣе важныя, распоряженія г. петербургскаго градоначальника и мелкія происшествія.—5) **Театръ и Музыка.** Подъ этой рубрикою помѣщено болѣе 1,000 извѣстій и отчетовъ, доставленныхъ нашими репортерами и рецензентами. Подъ этой же рубрикою печатаются собственныя и заимствованныя извѣстія о провинціальныхъ русскихъ и иностранныхъ театрахъ.—6) **Всемирный Калейдоскопъ,** печатающійся по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, заключаетъ въ себѣ самыя разнообразныя свѣдѣнія о выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ явленіяхъ, событіяхъ и фактахъ, совершающихся во всѣхъ частяхъ свѣта.—7) **Правительственныя распоряженія,** представляющія общій интересъ или касающіяся отдѣльныхъ національностей, классовъ и городскихъ или сельскихъ населеній печатаются цѣликомъ.—8) **Внутренняя Почта** (отъ нашихъ постоянныхъ и случайныхъ корреспондентовъ)—9) **Русская Печать** (ежедневное обзорнѣе газетъ и журналовъ).—10) **Литературный Отдѣлъ.** (Беллетристическія и публицистическія статьи); «Вчера и Сегодня». (Воскресныя бесѣды *Коломенскаго Кандида*. Еженедѣльно) — «Литературная хроника». (Обзорнѣе толстыхъ журналовъ. *Вл. Чуйко*. Два раза въ мѣсяцъ). — «Въ складахъ историческаго матеріала». (Изъ рассказовъ архивной крысы. Обзорнѣе историческихъ журналовъ и книгъ, *Коломенскаго Кандида*. Ежемѣсячно). — «Обзорнѣе педагогическихъ журналовъ» *Скромное Я.* Ежемѣсячно. — «Обзорнѣе духовныхъ журналовъ». *Скромное Я.* Ежемѣсячно. — «Обзорнѣе художественныхъ выставокъ». По поводу передвижной выставки 1879 г. *В. Чуйко*. — Третья годичная (1879 г.) выставка «Общества выставокъ художественныхъ произведеній». *Коломенскаго Кандида*.—11) **Библиографія:** отзывы о новыхъ книгахъ—12). Публицистическія и историческія статьи. Экскурсія въ область житейской философіи. *Скром-*

ное Я.—Письмо къ ученому публицисту Н. К. Михайловскому, В. Чуйко.—Женскій трудъ (параллели. Внимаію великосвѣтскихъ дамъ).—Знаменія времени въ области судебной практики. *Серебренникова*.—По поводу священническихъ рясъ.—Воспомнанія о чумѣ, полковника Д. Н. Ганкевича.—Русская ученая экспедиція въ Египетъ для изученія чумы въ 1839—1844 гг. А. Скальковскаго.—Ученое легкомысліе. В. Никитина.—Швы сѣверныхъ розъ (путешествіе американской мухи), П. Рачковскаго.—По поводу кутанскаго дѣла, П. Рачковскаго.—Болѣзни Астраханскаго населенія. Л. Бесина.—Экскурсія въ царство мертвыхъ.—Торговля рабами въ Турціи, ст. Паскаля Давида и т. д.—13) **Беллетристика**. «Русское Тайнобрачіе», postscriptum къ „Мелочамъ архіерейской жизни“, печатавшимся въ „Новостяхъ“ въ 1878 г. Н. Ляскова.—„Бабушка и ввучка“, оригин. повѣсть Л. О. Леванды.—„Призраки“, оригин. рассказъ *Нила Адмирари* (Л. Панютина).—„Страница изъ исторіи одного ребенка“, оригин. этюдъ Сахаровой.—„Женщина, разрѣзанная на куски“, сцены изъ соврем. «подземнаго Милава».—«Безъимянный замокъ», съ венгерскаго, романъ *Локаи*.—«Зачумленный городъ», рассказъ.—«На Левантской эскадрѣ», рассказъ *Дитрова*.—«Уголовныя драмы», романъ П. Законна и Э. Море.—«Месть или тайны сераля», романъ *Лейлы Ханумъ*.—«Изъ омута въ омутъ», романъ *Макс-Анессис Флемингъ* (изъ американской жизни).—«Около золотого тельца», оригин. романъ.—«Утесъ Почетнаго Легіона *Барт. Ауэрбаха*.—«Гиганты—полины».—«Дитя покойницы», ром. *Умбаха*.—Рассказы *Бретарта* и т. д. Воскресные нумера печатаются въ форматъ, удобномъ для переплета. Изъ печатающихся въ воскресныхъ нумерахъ беллетристическихъ произведеній, по истеченіи года, составится объемистый томъ въ 26 листовъ газетнаго формата.—14) **Справочный Отдѣлъ**. Коммерческія телеграммы (доставляемая редакціи «Международнымъ Агентствомъ») — Хлѣбные и товарные рынки (столичныя и провинціальныя). — Биржевыя курсы. — Тиражи процентныхъ бумагъ. — Минеральныя воды за границею (справочныя свѣдѣнія). — Желѣзныя дороги. — Указатель лечебницъ. — Указатель дѣлъ, назначаемихъ въ коммерческомъ судѣ. — Репертуаръ. — Прѣбывшіе и выѣвшіе и проч. и проч. — **Свѣтъ и Тѣни**. — 16) **Судебный Отдѣлъ**. (Отъ нашихъ стенографовъ и изъ официальныхъ газетъ). — 17) **Объявленія и рекламы**.

Для удобства своихъ подписчиковъ, Контора Германа Гоппе принимаетъ подписку и на всѣ русскіе и иностр. журналы и газеты.

О ПОДПИСКѢ НА 1880 ГОДЪ НА

„МОДНЫЙ СВѢТЪ“

Самый полный и дешевый модный и семейный иллюстрированный журналъ въ Россіи.

Съ 1-го января 1880 г. „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ начнѣтъ XII годъ своего существованія и будетъ издаваться съ прежнею со стороны издателя заботливостью о наружныхъ и внутреннихъ его достоинствахъ.

Журналъ „Модный Свѣтъ“ въ 1880 году будетъ выходить также
ВЪ ТРЕХЪ ИЗДАНІЯХЪ

въ количествѣ 48 номеровъ въ годъ, т. е. четыре номера въ мѣсяцъ (два модныхъ и два литературныхъ) и будетъ заключать въ себѣ втеченіи года:

Болѣе 2,000 политип. рисунковъ моды и руководій въ текстѣ.

Рисунки канвовыхъ и тамбурныхъ работъ. Рисунки и выкройки бѣлья, мужскаго, дамскаго и дѣтскаго.

Раскрашенные рисунки канвовыхъ, тамбурныхъ и друг. работъ. Рисунки въ русскомъ вкусѣ.

Болѣе 300 выкроекъ на 12 большихъ листахъ.

24 вырѣзныхъ выкройки въ натуральную величину.

24 (или 12 для I изданія) модныхъ раскрашенныхъ парижскихъ картинки для II изданія, исполненныхъ лучшими иностранными художниками.

36 (24 раскрашенныхъ и 12 акварельныхъ) модныхъ парижскихъ картинъ для III изданія.

Новѣйшія музыкальныя пьесы (моты) любимыхъ композиторовъ. Коллекцію рисунковъ: изъ семейной жизни, моды стараго времени, характерныхъ костюмовъ для маскарадовъ, портреты, типы и проч.

Новѣйшія и лучшія повѣсти, романы, фельетоны, стихотворенія, анекдоты, хозяйственный отъѣлъ и разныя мелкія статьи.

Разныя отдѣльныя бесплатныя приложенія и „Подарочный ящикъ“ съ самыми разнообразными и полезными совѣтами.

Журналъ „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ имѣетъ гораздо болѣе подписчиковъ, чѣмъ всѣ модныя журналы, издающіеся въ Россіи, въ совокупности.

Цѣна годовому изданію „МОДНАГО СВѢТА“ на 1880 г.

I. изданію, съ 12 раскрашен. париж. картинками и со всѣми приложеніями: въ С.-Петербургѣ безъ доставки—4 р.; съ доставк. въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города Россійской имперіи 6 руб.

II изданію, съ 24 раскрашен. париж. картинками и со всѣми приложеніями въ С.-Петербургѣ безъ доставки—3 р.; съ доставк. въ С.-Петербургѣ—6 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города Россійской имперіи 7 р.

III изданію, съ 24 раскрашен. париж. картинками, 12 раскрашен. акварельными картинками и со всѣми приложеніями: въ С.-Петербургѣ безъ доставки—7 р.; съ доставк. въ С.-Петербургѣ—8 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 9 руб.

Въ Москвѣ цѣна безъ доставки: I-му изданію 5 руб.; II изданію 6 р. 50 коп.; III изданію 8 р. 50 к.; съ пересылкою: I-му изданію 6 р., II-му изданію—7 р., III-му изданію 9 р.

Издатель „Моднаго Свѣта“, Германъ Гоппе

Главная контора Редакціи „Моднаго Свѣта“ находится въ Спб., по Большой Садовой улицѣ, домъ Куровника, № 16.

ОБЪ ИЗДАНИИ
ГАЗЕТЫ
„СОВРЕМЕННОСТЬ“

съ особымъ еженедѣльнымъ приложеніемъ

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНІЕ

въ 1880 году.

Газета «Современность» издается безъ предварительной цензуры. Въ ней будутъ помѣщаться: I. Передовыя статьи по вопросамъ политическимъ, учебно-воспитательнымъ, церковно-общественнымъ, юридическимъ, литературнымъ и др. Обзорѣнія: внутреннее, имѣющее предметомъ обсужденіе болѣе крупныхъ фактовъ изъ современной общественной жизни, — иностранное и политическое. II. Правительственныя распоряженія, касающіяся всѣхъ вообще вѣдомствъ. III. Хроника, въ которую войдутъ разные слухи и свѣдѣнія о событіяхъ, преимущественно столбчатой жизни. IV. Журнальные и газетные толки, или выдержки изъ статей, заслуживающихъ почему-либо особеннаго общественнаго мнѣнія V. Внутреннія извѣстія, гдѣ первое мѣсто будетъ предоставлено разнаго рода корреспонденціямъ, чуждымъ всякихъ личностей и провинціальнымъ драгъ, а также интересныя, въ какомъ бы то ни было отношеніи, извѣстія, заимствованныя изъ другихъ газетъ. VI. Судебный отдѣлъ, въ которомъ будутъ печататься обстоятельные отчеты о болѣе или менѣ замѣчательныхъ и поглощающихъ общественное вниманіе судебныхъ процессахъ. VII. Иностранныя извѣстія, касающіяся политической и внутренней жизни разныхъ чужеземныхъ народовъ. VIII. Разныя мелкія извѣстія изъ внутренней и иностранной жизни. IX. Фельетонъ, въ которомъ, между прочимъ, будетъ помѣщаться обзоръ текущей журналистики, какъ свѣтской, такъ и духовной, а равно и статьи ученаго и беллетристическаго характера. X. Биржевыя свѣдѣнія.

Въ будущемъ 1880 году «Современность» будетъ выходить пять разъ въ недѣлю, за исключеніемъ дней, слѣдующихъ за праздниками.

«Семейное Чтеніе» будетъ заключать въ себѣ: статьи о современныхъ событіяхъ, романы, повѣсти, рассказы и т. д., будетъ выходить разъ въ недѣлю въ объемѣ двухъ печатныхъ листовъ въ четвертую долю, въ три столбца.

Рѣшившись съ текущаго октября издавать при газетѣ «Современность» еженедѣльное прибавленіе, подъ названіемъ „Семейное Чтеніе“, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о цѣли и значеніи этого прибавленія.

«Семейное Чтеніе» не имѣетъ въ виду преслѣдовать педагогическую цѣль, а тѣмъ менѣе доставлять русскимъ небо-

гатымъ семействамъ матеріалъ для одного легкаго чтенія и развлеченія; назначеніе его несравненно серьезнѣе. Наше «Семейное Чтеніе» будетъ служить необходимымъ дополненіемъ газеты «Современность» и предназначается для того класса общества, — который не имѣетъ возможности подписываться на большую ежедневную газету и толстый журналъ, стоющіе вмѣстѣ болѣе 30 рублей серебромъ.

Теперь вѣсколько словъ о характерѣ «Семейнаго Чтенія».

У насъ еще не выработались серьезные взгляды на значеніе государства и общества, а также на обязанности наши отвѣстительно того и другою. Русская журналистика не должна оставлять безъ вниманія этотъ важный пробѣлъ въ нашемъ общественномъ пониманіи. Необходимо, по нашему мнѣнію, чтобы въ каждомъ грамотномъ семействѣ имѣлось такое изданіе, изъ котораго всѣ его члены могли-бы приобрѣтать вѣрныя понятія о своихъ многоразличныхъ обязанностяхъ и отношеніяхъ въ общественной жизни, могли бы набираться честныхъ убѣжденій и пропитаться правильными взглядами на государственные и общественные интересы; — которое со-общало бы вѣрное освѣщеніе какъ текущимъ событіямъ, такъ и болѣе крупнымъ вопросамъ, въ данный моментъ занимающимъ и волнующимъ русское общество, — добросовѣстно и честно разъясняло бы дѣло и указывало, чего именно слѣдуетъ крѣпко держаться и чего избѣгать.

Русская семья, въ лицѣ старшихъ и младшихъ своихъ членовъ, должна звать, какъ для нея должна быть дорога судьба отечества и какой высокой интересъ должно представлять все то, что можетъ содѣйствовать нравственному и материальному благосостоянію Россіи.

Необходимо, чтобы каждый заѣзжіи къ намъ иностранецъ и нашъ русскій пропагандистъ, попавшій въ нашу общественную среду, ясно видѣлъ, что русскаго человѣка нельзя отуманить ложными чужеземными ученіями, что онъ научился понимать и цѣнить свою вѣру, свой языкъ, свои завѣты и предавія и свою исторію, — и что наша родная почва неудобна для безразсудной дѣятельности разрушителей, созданнаго вѣками, общественнаго порядка.

Таковыя наши стремленія. Мы понимаемъ всю трудность предстоящей намъ задачи содѣйствовать русской семьѣ къ достиженію высокаго призванія ея въ обществѣ и государствѣ: покрайней мѣрѣ, мы не пожалѣемъ никакихъ усилій къ возможному достиженію.

Подписная годичная цѣна съ пересылкою и доставкою на домъ 6—руб. Подписка принимается въ редакціи газеты въ С.-Петербургѣ, уг. Ямской и Свѣчаго пер., въ д. № 9 кв. № 18.

Редакторъ О. Е. Лозинскій.

Издатель А. А. Старчевскій.

ВЪ 1880 ГОДУ.

„СЕМЬЯ и ШКОЛА“

Годъ десятый.

иллюстрированный журналъ домашняго и общественнаго воспитанія

будеть издаваться по той-же программѣ, въ тѣ-же сроки и въ такомъ-же объемѣ, какъ и въ 1879 году.

Полное годовое изданіе двадцати двухъ книгъ и } сорока
номеровъ „Педагогической хроники“. Подписная цѣна на пол-
ный журналъ съ пересылкою 12 р.

Полное изданіе состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, на которые допускается
также отдѣльная подписка.

I. Семейное чтеніе (*отдѣль для дѣтскаго чтенія*) выхо-
дитъ ежемѣсячно, т. е. 12 книгъ въ годъ. Подписная цѣна
съ перес. 10 р.

II. Воспитаніе и обученіе (*отдѣль для родителей и воспи-
тателей*) выходитъ въ количествѣ 10 книгъ (т. е. ежемѣ-
сячно, кромѣ іюня и іюля), съ добавленіемъ „Педагогической
хроники“, выходящей въ количествѣ 40 номеровъ въ годъ.
Подписная цѣна съ перес. 5 р.

Семейное чтеніе даетъ статьи религіозно-нравственнаго
содержанія, рассказы, стихотворенія, путешествія, жизнеописа-
нія и пр., а также игры, работы, руководя, мастерства и

проч. матеріалъ для физическаго умственнаго развитія. Всюду, по мѣрѣ надобности, прилагаются рисунки и картины.

Воспитаніе и обученіе съ «Педагогическою хроникою» содержитъ въ себѣ: общія статьи педагогическаго содержанія, статьи по воспитанію и обученію домашнему и общественному (высшему, среднему и начальному), нравственному, умственному и физическому; критику и библіографію; біографическіе очерки педагоговъ и статьи по исторіи педагогіи; отдѣлъ математическій (самостоятельныя изслѣдованія въ области элементарной математики; разработка тѣхъ или другихъ частей курса учебныхъ заведеній на научно-педагогическихъ основаніяхъ, и т. п.). «Педагогическая хроника» даетъ отчеты по текущимъ вопросамъ учебно-воспитательнаго дѣла какъ въ Россіи, такъ и за границею и полную библіографію вновь выходящихъ по воспитанію и обученію книгъ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: С.-Пб. Васильевск. остр., 15-я линія, д. № 8, кв. № 20; или адресуется просто: Въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „Семья и Школа“ (адресъ почтамту извѣстенъ),—съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, отчества и фамиліи и того почтоваго учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

Редакторъ-Издатель Н. Краевичъ.

о подписнѣ на 1880 годъ

НА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ВЪ ДВУХЪ ОТДѢЛАХЪ

„СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА“

Журналъ этотъ удостоенъ Высочайшаго покровительства Государыни Императрицы Маріи Александровны; рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для гимназій, уѣздныхъ училищъ и начальныхъ школъ; состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи

учебнымъ Комитетомъ для чтенія воспитанницамъ женскихъ учебныхъ заведеній Императрицы Маріи, Духовно-Учебныхъ Управленій рекомендованъ начальствомъ духовныхъ семинарій и училищъ, и Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ заведеній рекомендованъ для библиотекъ Военныхъ Гимназій и Прогимназій, какъ издавіе, представляющее обильный матеріалъ для выбора статей, пригодныхъ для чтенія воспитанниковъ.

Съ нынѣшняго 1880 года наступаетъ второе десятилѣтіе редактированія нами журнала «Семейные вечера».

Въ теченіи этого времени, на сколько позволяла намъ сила, мы старались честно и добросовѣстно исполнять возложенную на насъ обязанность, и, кажется, честию достигли этого, судя по одобрительнымъ отзывамъ многочисленныхъ читателей нашихъ.

Не огравиваясь достигнутыми результатами, редакция журнала «Семейные вечера» стремится къ улучшенію своего изданія, сообразаясь съ желаніями подписчиковъ и строго слѣдуя программѣ каждого отдѣла.

Мы старались Отдѣлъ для Семейнаго чтенія сдѣлать, по возможности, на столько разнообразнымъ, чтобы онъ, по своему содержанию и изяществу, могъ служить чтеніемъ для всего семейства, что намъ удобнѣ всего было сдѣлать сравнительно съ другими изданіями въ этомъ же родѣ, потому что форматъ книжекъ и объемъ ихъ болѣе всего подходятъ для этой цѣли.

Въ отдѣлѣ для дѣтей мы помѣшали такія статьи и рассказы, что не только могли заинтересовать читателя, но и принести ему пользу, какъ нравственную, такъ научную.

Съ будущаго же 1880 года, мы нашли для себя возможнымъ давать, въ видѣ приложенія къ отдѣлу для Семейнаго Чтенія — *Образцы различныхъ рукоблій.*

Къ отдѣлу для дѣтей будутъ прилагаться *образцы занятій и шръ.*

Кромѣ того, *всѣмъ подписчикамъ на оба столпа «Семейныхъ Вечеровъ»* будетъ бесплатно разослана, въ видѣ *плати, хромолитографированная картина.*

ПРОГРАММА СЕМЕЙНЫХЪ ВЕЧЕРОВЪ

Отдѣлъ для семейнаго чтенія.

- 1) Романы, стихотворенія, повѣсти, рассказы, оригинальные и переводные (съ картинами).
- 2) Біографіи замѣчательныхъ людей (съ картинами).
- 3) Мемуары, историческіе очерки и путешествія (съ карт.).

Отдѣлъ для дѣтей.

- 1) Повѣсти, стихотворенія, рассказы, какъ оригинальные, такъ и переводные (съ карт.).
- 2) Дѣтство замѣчательныхъ людей (съ картинами)
- 3) Путешествія въ разказахъ, статьи по части исторіи, свя-

4) Популярныя чтенія извѣстных писателей, статьи по части естествознанія, техническихъ искусствъ, музыки и т. д., съ рѣзками.

5) Разборы замѣчательныхъ сочиненій, какъ по русской литературѣ, такъ и по иностранной, копии съ лучшихъ картинъ, современныхъ событій, новыя открытія, библіографія, смѣсь, анекдоты и т. п.

щенной, отечественной и всеобщей, принаровленные для дѣтей отъ 8 до 14 лѣтъ (съ картин.).

4) Статьи по части естествознанія, техническихъ искусствъ, скульптуры, живописи, музыки, литературы и т. п. принаровленные для дѣтей (съ картинами).

5) Театральныя пьесы, задачи, ребусы, шарады, логарифмы, изреченія замѣчательныхъ людей.

Въ отдѣлѣ для **Самыхъ маленькихъ дѣтей** будутъ помѣщаться, какъ и прежде, рассказы для дѣтей отъ 5 до 8 лѣтъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	безъ дос.	съ дос.
Полный журналъ (въ 24 кн.)	10 р.	11 р.
Отдѣлъ для дѣтей 12 кн.)	5 >	5 > 50 к.
» » сем. чтен. 12 кн.)	5 >	5 > 50 к.

Для *всѣхъ учебныхъ заведеній*, подписывающихся прямо въ редакцію на полный журналъ, уступается 1 р.

Для *земскихъ школъ*, подписывающихся не менѣе, какъ на 25 полныхъ экземпляровъ, уступается 2 р.

Кроме того, плата можетъ быть разсрочена: для лицъ, служащихъ въ казенныхъ заведеніяхъ, за ручательствомъ гг. казначеевъ: для воспитательныхъ и учебныхъ заведеній — за ручательствомъ ихъ начальствъ; для частныхъ лицъ, — не иначе, какъ по соглашенію съ редакціей.

Разсрочка допускается по третью впередъ.

За всѣ года, начиная съ 1874 т., имѣются полныя экземпляры въ изящныхъ переплетахъ, съ хромофотографированной картиной.

Ц Ъ Н А :

Семейное чтеніе 5 р. — к.

Пересылка за 4 фунта, смотря по разстоянію.

Отдѣлъ для дѣтей 4 > 75 >

Пересылка за 4 фунта.

Отдѣлъ для самыхъ маленькихъ дѣтей 1 > 50 >

Пересылка за 1 фунтъ.

Для всѣхъ, выписывающихъ 6 прежнихъ годовъ разомъ, уст. безъ пересылки:

Въ переплетѣ, вмѣсто 67 р. 50 коп. за 54 р.

Безъ переплета, вмѣсто 54 > > 40 >

За пересылку платятъ отдѣльно, смотря по разстоянію, за 8 фунтовъ каждый полный годъ.

Подписка принимается: Въ редакцію журнала „Семейные Вечера“, Семеновскаго моста, на углу Караванной и Фонтанки. въ д. 1—2 кв.

Редакторъ-Издательница Софія Сергѣевна Кашширева

О ПОДПИСКѢ НА (II-ой) 1880 ГОДЪ НА
Главный Вѣстникъ Русской Печати:

РОССІЙСКАЯ БИБЛЮГРАФІЯ

УКАЗАТЕЛЬ НОВЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ

Литературныхъ, Ученыхъ и Художественныхъ,

Издаваемыхъ по официальнымъ свѣдѣніямъ, съ содѣйствіемъ
извѣстныхъ библиографовъ, важнѣйшихъ Книгопродавцевъ,

гг. Библиотечарей ученыхъ учреждений и пр.

Книгопродавцемъ Емилемъ Гартъе, въ С.-Петербургѣ.

„Россійская Библиографія“ будетъ выходить въ 1880 году, два
раза въ мѣсяць, по прежней программѣ, которая, какъ по-
казалъ опытъ 1879 г., вполне соответствуетъ цѣли журнала.
Нумера „Россійской Библиографіи“ будутъ содержать въ себѣ:

Указатель новыхъ изданій (разъ въ мѣсяць).

а) Списки книгъ, вышедшихъ въ Россіи на всѣхъ языкахъ,
музыкальныхъ сочиненій, географическихъ картъ, эстамповъ,
фотографій, учебныхъ пособій, съ показаніемъ формата, объ-
ема, мѣста изданія, имена издателя и цѣны.

б) Списки важнѣйшихъ иностранныхъ книгъ, на француз-
скомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ.

в) Списки книгъ, вышедшихъ изъ разсмотрѣнія Ученыхъ
Комитетовъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

г) Списки театральныхъ пьесъ, вышедшихъ изъ размот-
рѣнія драматической цензуры.

Указатель періодической печати (разъ въ мѣсяць).

а) Систематическіе списки статей всѣхъ русскихъ жур-
наловъ и газетъ, съ прибавленіемъ алфавитнаго указателя
именъ.

б) Алфавитные списки періодическихъ изданій, съ показа-
ніемъ цѣны, адресовъ редакціи и пр.

Хроника (два раза въ мѣсяць).

Статьи, посвященныя вопросамъ русскаго книжнаго дѣла.—
Новости по книжному дѣлу.—Правительственныя распоряже-
нія и сообщенія по дѣламъ печати.—Конкурсы на сочине-
нія.—Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ.—Биографіи и

Некрологи.—Корреспонденція.—Библиографическій листокъ, съ указаніемъ содержанія важнѣйшихъ новыхъ сочиненій.

Коммерческій отдѣлъ (два раза въ мѣсяцъ).

Объявленія Гг. издателей, авторовъ и др. о новыхъ изданіяхъ или о книгахъ, готовящихся къ выходу въ свѣтъ.—Объявленія разныхъ промышленностей, имѣющихъ связь съ печатнымъ дѣломъ.—Экономическія объявленія: Случайныя продажи и требованія рѣдкихъ или подержанныхъ книгъ и т. п.—Предложеніе и требованіе личныя услугъ.

Годовой каталогъ (бесплатное приложение).

Въ концѣ года Гг. подписчикамъ будетъ высланъ особый „алфавитный и предметный ключъ“, дающій возможность легко и скоро найти всѣ свѣдѣнія о требуемыхъ книгахъ и даже выбрать за весь годъ все, что было писано о какомъ нибудь предметѣ, въ отдѣльныхъ книгахъ, въ журналахъ и газетахъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА (П-ой) 1880 ГОДЪ.

На годъ съ достав. 4 р., съ перес. 5 р. — (съ годов. катал.)

На 6 м. „ „ 2 „ „ „ 2 „ 50 к. (безъ год. кат.)

На 3 м. „ „ 1 „ „ „ 1 „ 25 „ (безъ год. кат.)

Цѣна отдѣльныхъ нумеровъ 25 к.; съ пересылкой 30 к.

КОНТОРА ЖУРНАЛА ПОМѢЩАЕТСЯ ПРИ

книжномъ складѣ «Россійской Библиографіи» (Эмиль Гартъе)

27, Невскій пр., 27, (у Казанскаго моста) въ С.-Петербургѣ.

Книжный складъ Россійской Библиографіи (Эмиль Гартъе)
27, Невскій пр. 27 (у Казанскаго моста), въ С.-Петерб.

1) Принимаетъ подписку на всѣ журналы и газеты русскіе и иностранныя, по цѣнамъ «Ежегодника периодическихъ изданій Россіи», т. е. по цѣнамъ редакцій.

2) Высылаетъ по требованію всякія книги, музыкальныя ноты, геогр. карты, учебныя пособія и пр., какъ русскія, такъ и заграничныя изданія.

3) Принимаетъ на складъ провинціальныя изданія и пр. **Постоянные покупатели получаютъ бесплатно „Ежемесячные каталоги“ новыхъ русскихъ и иностранныхъ книгъ Книжнаго Склада „Россійской Библиографіи“.**

(Для другихъ лицъ подписная цѣна за годъ 1 р. с.).

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1880 ГОДУ
ГАЗЕТЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ И ГИГИЕНЫ.

„ВРАЧЕБНЫЯ ВѢДОМОСТИ“

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

„Врачебныя Вѣдомости“ будутъ выходить въ 1880 году безъ предварительной цензуры.

Сообщеніе новостей изъ области медицины и гигиены, извѣстіе о событіяхъ въ медицинскомъ мірѣ, о ходѣ санитарнаго, земско-врачебнаго дѣла, разсмотрѣніе и обсужденіе профессиональныхъ и общественныхъ вопросовъ—вотъ, въ главныхъ чертахъ, задачи „Врачебныхъ Вѣдомостей“. Прошло уже четыре года, какъ начали выходить „Врачебныя Вѣдомости“, восполняя дѣйствительный пробѣлъ специальной прессы—отсутствіе такого періодическаго органа, который-бы имѣлъ своими задачами бытовые, корпоративные и общественные вопросы, и неуклонныя стремленія газеты дать мѣсто самостоятельнымъ, независимымъ мнѣніямъ, заботы о точности выходовъ газеты и объ удовлетвореніи существенныхъ потребностей врачей, разъединенныхъ на огромномъ пространствѣ, не остались безслѣдны. Наши попытки образовать, наконецъ, органъ русскихъ врачей встрѣчены сочувственно и внимательно товарищами по наукѣ и профессіи. Это выразилось значительно увеличивающимся количествомъ самостоятельныхъ, научныхъ и бытовыхъ сообщений, большимъ участіемъ врачебныхъ силъ въ разсмотрѣніи многихъ вопросовъ жизни и быта, многими указаніями, направленными къ газетѣ, чѣмъ она пользовалась съ благодарностью въ видахъ дѣла, интереса и пользы читателей. „Врачебныя Вѣдомости“ не щадили усилія, чтобы дать читателямъ, въ возможно сжатой формѣ, безъ лишнихъ размазываній, какъ выводы современныхъ научныхъ изслѣдованій, такъ и заключенія, вытекающія изъ явленій жизни, руководясь, главнымъ образомъ, *практичностью* первыхъ и полезностью послѣднихъ. На сколько газета успѣла выполнить свои задачи, конечно, судить могутъ сами читатели; но тѣмъ не менѣе она вправѣ указать, что всегда и во всемъ преслѣдовала принципы свободы профессіи, улучшенія ея положенія въ смыслѣ улучшенія положенія ея членовъ, ратовала за свободу личности и труда, находя для того основы въ наукѣ и точныхъ ея указаніяхъ. Желанія ея и въ этомъ направленіи расширить свои отдѣлы получили, наконецъ, удовлетвореніе. „Врачебныя Вѣдомости“ ввели справочный отдѣлъ о свободныхъ врачебныхъ вакансіяхъ въ земст-

вахъ и пр., сдѣлавшіеся вполнѣ въ источникъ для помѣщенія объявленій въ другихъ медицинскихъ изданіяхъ. Земскія и др. учрежденія отнеслись къ этому сочувственно и „Врачебныя Вѣдомости“ имѣли возможность сообщать *своевременно* о многихъ мѣстахъ для врачей. Въ виду удобства читателей газета на будущій годъ приняла мѣры къ большому расширенію и этого отдѣла.—Въ 1880 г. „Врачебныя Вѣдомости“ будутъ выходить по той же программѣ.

подписная цѣна.

	На годъ.	На полгода.	На 3 мѣсяца.
Съ пересылкой и доставкой	8 „	5 „	3 „
Безъ пересылки	6 р.	4 р.	2 р.

Подписка принимается: въ *Петербургѣ* — въ конторѣ редакціи, „Врачебныхъ Вѣдомостей“ Владимірская, 7 и въ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногородные адресуютъ подписку и инныя требованія исключительно въ контору редакціи „Врачебныхъ Вѣдомостей“.

При конторѣ Редакціи открыты книжный складъ медицинскихъ изданій, который исполняетъ немедленно всѣ требованія Гг. заказчиковъ, и бюро для подписки на журналы и газеты, какъ русскіе, такъ и иностранныя.

ВЪ ВНИЖНОЙ ТОРГОВЛѢ И БИБЛИОТЕКѢ ДЛЯ ЧТЕНІЯ

И. О. ТИХОНОВА.

(Спб. зданіе литовскаго рынка, № 29).

Продаются слѣдующія изданія:

«Театральная Библіотечка» (журналъ). Отдѣльными нумерами по 2 р. (вышли №№ 1, 2. М. 1879 г.). Здѣсь же и контора «Театральной Библіотеки». Тутъ же принимается подписка на 1880 годъ на всѣ русскіе журналы и газеты.

Тимофѣевъ. Н. П. Изъ уголовной хроники: На совѣсти. Психологическій очеркъ. Лѣсовой. Очеркъ народнаго суевѣрія М. 1879 года, цѣна 1 р. Изъ воспоминанія судебнаго слѣдователя. Очерки и рассказы. Одинъ томъ. М. 1878 года. Цѣна 2 руб. Осужденная. (Изъ уголовной хроники). М. 1878 года. Цѣна 75 коп.

Тайственная невѣста изъ гнѣзда червонныхъ ваяетовъ. Романическая повѣсть въ трехъ частяхъ. 1 томъ Спб. 1878 г. ц. 1 р. 25.

Современные романисты. Уида. Пара деревянныхъ башмачковъ. (романъ). Бретъ Гартъ. Джени. Разсказъ изъ быта въ Калифорніи.—Эмиля Зола. Новые разсказы: Жакъ Гурдонъ. Вузнецъ. Проповѣдь о воздержаніи постѣ.—Марлитъ. Синія борода. (Разсказъ).—Уилъ Боллинъ. Приведеніе Джанъ Джаго. (Романъ въ одномъ томѣ). Цѣна 1 р. 50 к. (Рекомендуется для дѣвѣцъ).

Выпускающіе гг. иногородные за перес. пригл. 10 к. на 1 р

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ⁶⁶

Въ 1880 году (годъ двѣнадцатый) будетъ издаваться подъ редакцію В. П. Острогорскаго, ежемѣсячными книжками не менѣе семи печатныхъ листовъ, съ политипажками въ текстѣ, отдѣльными картинками и музыкальными приложеніями. Годовое изданіе составитъ четыре тома, болѣе 20 листовъ каждый.

Журналъ «Дѣтское Чтеніе» одобренъ: **Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія**, для библиотекъ начальныхъ и уѣздныхъ училищъ и женскихъ гимназій, Главн. Управленія Военно-Учебн. заведеній, для возрастныхъ библиотекъ младшихъ классовъ военныхъ гимназій и прогимназій, **IV отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи** для классныхъ библиотекъ женскихъ учебн. заведеній и Учебнымъ Комитетомъ при С. Суводѣ для училищъ и фундаментальныхъ библиотекъ духовныхъ семинарій.

Въ журналъ помѣщаются: Небольшія повѣсти и рассказы, очерки изъ народной жизни и быта промышленниковъ, бюграфіи, статьи по естественной исторіи, явленія природы, путешествія, техническія производства и промыслы, знанія, игры, задачи, и проч. Выборъ статей приваривленъ для чтенія дѣтей отъ 10 до 14 лѣтъ.

Приложеніе: Педагогическій Листокъ (для родителей и воспитателей). Большая часть статей посвящается начальному образованію и домашнему воспитанію. Разбору педагогическихъ и дѣтскихъ книгъ удѣляется значительное мѣсто.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1880 ГОДЪ ПРЕЖНЯЯ:

Безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 5 р. 75 к.

За Педагогическій Листокъ прилагается особо 1 руб.

Марками Редакція проситъ не присылать.

Новые подписчики голучаютъ журналъ съ № 1-го.

Подписка принимается: въ *С.-Петербургѣ*, въ Конторѣ Редакціи—на углу Знаменской и Баскова пер.; д. № 37—16

«Дѣтское Чтеніе» за прежніе года (1871, 1872, 1873, 1874 и 1875) продается: въ бумажной оберткѣ—3 р. за годъ, составляющій два тома; пересылка за 6 фунтовъ. За 1876 г.—5 руб. въ переплетѣ 6 р., пересылка за 8 фун. по разстоянію, за 1877, 1878, и 1879 г.—по 6 р.; въ тисненомъ золотомъ переплетѣ 7 р. 50 к. и пересылка за 8 ф. по разстоянію.

Контора Редакціи отвѣчаетъ за своевременную доставку журнала только предъ тѣми подписчиками, которые подписались въ Конторѣ Редакціи.

Дѣтское Чтеніе за 1869, 1870 года все распродано.

Редакторъ **В. Острогорскій.** Издатель **В. Бородинъ.**

1—2.

ГОДЪ ТРЕТІЙ

1880 ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1880

„СВѢТЪ и ТѢНИ“

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
журналъ, съ карриатурами.

„МІРСКОЙ ТОЛКЪ“

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКІЙ
и литературный журналъ.

Годовая цѣна на оба изданія

съ доставкою и пересылкою—12 р.; полугодовая—7 р.

Въ будущемъ, 1880 году журналы „СВѢТЪ и ТѢНИ“ и „МІРСКОЙ ТОЛКЪ“ будутъ выходить, также какъ и въ настоящемъ, еженедѣльно, въ форматѣ большихъ заграничныхъ иллюстрацій, по той-же программѣ, но въ увеличенномъ объемѣ и съ многими улучшеніями, какъ въ рисункахъ, такъ и въ текстѣ,—первый исключительно преслѣдуя вопросы чисто-художественные, второй—политическіе, общественные, научные и литературные. Такимъ образомъ, оба эти изданія, составляя какъ бы одцо цѣлое и обнимая, въ совокупности, всѣ отрасли общественной жизни, политики, литературы, наукъ и искусства, въ состояніи замѣнить собой, для лицъ, не имѣющихъ средствъ подписываться на нѣсколько отдѣльныхъ изданій, одновременно и еженедѣльную политическую газету, и журналъ специально художественный, съ тремя дорогими преміями и массою отдѣльныхъ приложений, и журналъ карриатурный и юмористическій, и, наконецъ, толстый еженѣдный журналъ переводныхъ повѣстей и романовъ.

Согласно съ этой программой въ годовое изданіе журнала «СВѢТЪ и ТѢНИ» войдетъ: 1) Сто страницъ бол. формата карриатуръ, иллюминированныхъ красками.—2) Отъ четырехъ до пяти сотъ карриатуръ мелкихъ.—3) Пятьдесятъ, отпечатанныхъ въ нѣсколько тоновъ, отдѣльныхъ картинъ.—4) Большой, снабженный вязанной обложкой, альбомъ, заключающій въ себѣ шесть оригинальныхъ, исполненныхъ, по заказу редакціи, эскизовъ академика Н. А. Трутовскаго.—5) Такой-же альбомъ, составленный изъ оригинальныхъ работъ др. извѣстнѣйшихъ русскихъ художниковъ; и 6) бесплатная годовая премія—большая, исполненная заграницей, олеографія.

Въ журналѣ „Свѣтъ и Тѣни“ примутъ участіе извѣстные русскіе художники: Г.г. С. И. Грибковъ, В. Н. Маков-

скій, Н. В. Невревъ, В. Г. Перовъ, В. Д. Поляновъ, Е. И. Рачковъ, Е. И. Рѣпинъ, К. А. Трутовскій, О. И. Ясновскій и др.; декораторъ Импер. Театровъ К. О. Вальцъ, и художники-карикатуристы — Н. А. Богдановъ, И. М. Васильевъ, С. В. Любовниковъ, М. М. Самойловъ, Федоровъ и многіе другіе.

Примѣчаніе 1-е. Цѣна каждаго альбома въ отдѣльной продажѣ будетъ назначена не менѣе 3 р.; а годовой премія, также какъ и въ настоящемъ году—5 р.

Примѣчаніе 2-е. Всѣ гг. вновь подписавшіеся при требованіи премій 1878 и 79 гг.—олеографій „На медвѣжьей охотѣ“—и „Штормъ на морѣ“ благоволятъ прилагать къ подписной суммѣ два р., вмѣсто трехъ—за первую, и четыре, вмѣсто пяти—за вторую.

Журналъ „МІРСКОЙ ТОЛКЪ“ (изданіе безцензурное), по примѣру нынѣшняго года, имѣетъ предложить читателямъ: 1) передовыя статьи; 2) правительственныя распоряженія; 3) вѣсти изъ-за границы; 4) жизнь нашихъ провинцій; 5) слухи и сообщенія; 6) фельетоны—общественной жизни, московскій, театральннй и музыкальный; 7) обзорнне нашей печати; 8) романы, повѣсти и пьесы; 9) стихотворенія; 10) смѣсь, и 11) юмористическій листокъ.

Кромѣ того, журналъ „МІРСКОЙ ТОЛКЪ“ съ января 1880 г. будетъ выдавать всѣмъ подписчикамъ БЕЗПЛАТНО, какъ приложение, 12 КНИГЪ (по книгѣ въ мѣсяцъ; отъ 250 до 300 страницъ въ каждой) *избранныхъ романовъ, повѣстей и разсказовъ.* За это изданіе гг. подписчики высылаютъ только 1 рубль на укупорку и почтовые расходы. Въ отдѣльной продажѣ цѣна каждой книги 1 рубль.

Въ текстѣ самаго журнала „Мірской Толкъ“ будутъ напечатаны, между прочимъ: новая комедія В. Балудцаго, „Родственники“, увѣнчанная премією Краковской академіи; историческая трагедія „Джезъ Шоръ“ Н. Байрона; нѣсколько отрывковъ изъ пьесы „Король забавляется“ (Le roi s'amuse) Виктора Гюго, въ стихотворномъ переводѣ Н. Л. Пушкирева; историческій романъ Гр. С.—ова—„Старой въри хранители“ и т. д. Помѣщены будутъ, конечно, по мѣрѣ выхода ихъ, и новыя произведенія знаменитыхъ романистовъ Запада: Золя, Гонкура, Шильгагена, Ауербаха, Ришпена, Генри Удъ и другихъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ОБА ИЗДАНІЯ:

На годъ съ доставкою и пересылкой . . . 12 р.

“ полгода 7 р.

Примѣчаніе. Разрочка платежей подписной суммы допускается: или за поручительствомъ гг. казначеевъ, или по третямъ, съ обязательнымъ взносомъ первой—при подпискѣ, второй—не позднѣе 15 марта и послѣдней—15 іюля. Полугодовые подписчики правомъ на полученіе годовой преміи не пользуются.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ Главной Конторѣ журналовъ „Мірской Толкѣ“ и „Свѣтъ и Тѣни“ (Петровка, д. Товарищества Петровскихъ линій, № 15), куда благоволятъ адресовать свои требованія и гг. иногородные.

Съ 10 ОКТЯБРЯ НАСТОЯЩАГО года, для большаго удобства гг. подписчиковъ, при Главной Конторѣ журналовъ „Мірской Толкѣ“ и „Свѣтъ и Тѣни“, открытъ КНИЖНЫЙ и КАРТИННЫЙ МАГАЗИНЪ, съ приѣмомъ объявленій и подписки и на всѣ другія русскія периодическія изданія, а при редакціи имѣется собственная ТИПОГРАФІЯ и ХРОМОЛИТОГРАФІЯ. Всѣ заказы и требованія гг. иногородныхъ, какъ книжнымъ магазиномъ, такъ и типографіей, исполняются немедленно и аккуратно. Гг. подписчики на „Мірской Толкѣ“ и „Свѣтъ и Тѣни“, при выискѣ изъ магазина книгъ и картинъ, или заказовъ типографскихъ и литографскихъ работъ, за пересылку ничего не платятъ, а при помѣщеніи въ текстъ названныхъ журналовъ какихъ либо публикацій пользуются уступкой 20%.

Редакторъ-Издатель Н. А. Пушмаревъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1880 годъ.

НА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„СОБРАНІЕ КАРТИНЪ“.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Фотолитографированныя картины, научныя, историческія, жанровыя, пейзажныя и карикатурныя, съ пояснительнымъ къ нимъ текстомъ.

2) Объявленія.

— Въ годъ 52 №№, т. е. 208 картинъ.

На первой страницѣ обертки—пояснительный текстъ къ картинамъ, на остальныхъ—объявленія.

Цѣна за годъ безъ доставки въ С.-Петербургъ—3 р.

Цѣна за годъ съ доставкою и пересылкою—4 р.

Цѣна отдѣльнаго № 15 коп.

Плата за объявленія 25 коп. за строку пята

Редакторъ-Издатель Р. Голике.

Адресъ Редакціи: С.-Петербургъ. Невскій, д. № 106.

1—3

Съ 1 Сентября 1879 года издается въ Москвѣ

НОВЫЙ ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ:

ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА

По утвержденной программѣ въ составъ его входятъ: 1) Правительственныя распоряженія, касающіяся театровъ; 2) Драматическія сочиненія, разрѣшенныя цензурою къ представленію на сценѣ: драмы, трагедіи, комедіи, водевилы, сценныя либретто оперъ, оперетокъ и балетовъ, ежемѣсячно не менѣе трехъ полныхъ пьесъ; 3) Статьи научнаго содержания о театрѣ и драматическомъ искусствѣ; 4) Темы для сценическихъ сочиненій; 5) Театральная критика; 6) Біографія лицъ, извѣстныхъ въ театральной мѣрѣ; 7) Омѣсь; мелкія извѣстія въ предѣлахъ программы изданія; 8) Стороннія сообщенія и отвѣты редакціи; 9) Театральная хроника, извѣстія объ иногородныхъ представленіяхъ; 10) Объявленія отъ артистовъ, желающихъ имѣть мѣста при театрахъ: актеровъ, пѣвцовъ, капелмейстеровъ, музыкантовъ, декораторовъ, гримеровъ и пр.; 11) Объявленія приглашеній поманутымъ лицъ антрепренерами театровъ и 12) Объявленія частныя.

На основаніи этого, въ первой книгѣ, за Сентябрь 1879 года, помѣщены: статьи отъ редакціи „НАША ПРОГРАММА“. Сисеонъ Іоанновичъ Гордый Великій князь Московскій. Драма въ 5 дѣйствійхъ и 9 картинахъ, изъ временъ 1345—1353 г.—Г. Н. Новосельскаго. Изъ Семейной Хроники. Комдія въ 3 дѣйствійхъ. — И. В. Самарина. Школьникъ путемъ—на большую дорогу. Драматическая комедія въ 5 дѣйствійхъ.—Князя Н. П. Урусова. (Съ огнемъ не играй. Комедія въ одномъ дѣйствіи. — В. И. Жукова. Геркулесъ. Шутка-водевилъ въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ нѣмецкаго. Григорій Наумовичъ Новосельскій. (Біографическій очеркъ)—Н. Шаповалова Эмиль Золя какъ сценическій критикъ и драматургъ. Искусство чтенія. Эрнста Легуве, члена Французской Академіи. Переводъ съ французскаго съ предисловіемъ отъ редакціи.—Гл. I—IX. Заграничная школа. (Изъ воспоминаній русской).—Гл. I—XI. Записки Актера. Гл. I—III.—Н. Стружкина. къ открытію сезона. (Замѣтка о Маломъ театрѣ). Нашъ французскій театр. (Письмо изъ Петербурга).—М. Западныя сцены. („Французская комедія“ въ Лондонѣ). Сисеонъ пьесъ, дозволенныхъ драматическою цензурою къ представленію безусловно и съ исключеніями, съ 1-го Іюля 1878 года по 1 Января 1879 года. Сисеонъ пьесамъ Г. членовъ Общества драматическихъ писателей, играннымъ на провинціальныхъ театрахъ, за Январь 1878 года. Частныя объявленія.

Такимъ образомъ, журналъ „Театральная Библиотека“ будетъ доставлять публикѣ возможность всесторонне знакомиться съ драматическою литературою и научною стороною театральной дѣла; причѣмъ редакція озабочится помѣщеніемъ въ журналѣ, сверхъ оригинальныхъ пьесъ русскихъ авторовъ,—хорошихъ переводовъ, какъ древнихъ классическихъ, такъ и современныхъ иностранныхъ драматическихъ произведеній, а равно и научныхъ оригинальныхъ переводныхъ сочиненій, относящихся до драмы и сцены.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1880 ГОДЪ

Основанъ въ 1831 году.

ВАЗА

Существуетъ 48 лѣтъ.

ЖИНСКІЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ РУКОВОДНО-МОДНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЪ РОССИИ МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ СЪ ДРЕВНИМИ.

Выходить 1 и 15 числа каждаго мѣсяца большими тетрадами.

24 номера журнала 12 руководно-модныхъ и 12 литерат рныхъ (романы, повѣсти, стихотворенія, путешествія, разныя извѣстія и т. п.) 1000 полиптинажей въ текстѣ. 24 модныя гравюры: 12 листовъ литорафирован. узоровъ и выкроекъ: 24 вырѣзныя выкройки въ натуральную величину. 6 листовъ раскрашенныхъ узоровъ. Карманный календарь на 1880 годъ.

Возрастающій съ каждымъ годомъ успѣхъ журнала даетъ редакціи возможность увеличить цѣнность и изащество премій—Преміи, предназначенныя для 1880 года, выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ. Желающіе могутъ видѣть ихъ въ редакціи.

Каждый подписчикъ 1880 года получитъ **ШЕСТЬ ПРЕМІЙ**, а именно:

1) Бархатныя золотомъ вышитыя туфли (вышивка исполнена по заказу редакціи настоящими серебрянными черезъ огонь вызолоченными нитями).

2) Двѣ олеографич. картины (pendant) заграничной работы.

3) Борзника для туалетнаго стола. Тисненая вырѣзка изъ золоченой канви. Часть работы.

4) Большая подушка для дивана. Роскошный бузетъ. Матеріалъ полный для бузета и для фона. Узоръ для исполненія, раскрашенный и въ натуральную величину.

5) Вышивка для бивара на французской канвѣ. Матеріалъ полный и раскрашенный. Полевые цвѣты.

6) Закладка для книги съ тисненою вышивкой и вышивкой (Souvenir).

Премія выдаются и раскладываются всѣмъ разомъ; Горюшкинъ—въ Январѣ; Иногороднымъ, подписавшимся въ Ноябрь—въ Январѣ. Подписавшимся въ Декабрь—въ Февралѣ. Позднѣйшимъ подписчикамъ въ теченіи Феврала и Марта.

Разсрочка допускается чрезъ казначеешъ и по соглашенію съ редакціей.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И :

На годъ безъ премій . . . 7 р. — к. (безъ перес. 6 р. — к.).

На полгода безъ премій . . . 4 р. — к. (безъ перес. 3 р. 40 к.).

На 3 мѣсяца безъ премій . . . 1 р. 80 к. (безъ перес. 1 р. 41 к.).

Съ Преміями 5 р. дороже.

На укузовку премій Редакція проситъ выслать 43 к. (марками).

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала «ВАЗА»,
Лешуговъ пер. д. № 18.

Въ Редаціи „ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ“ (С.-Петербургъ, Больш. Садовая, д. 121, кв. 12),

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Очерки древне-римской жизни. Т. *Симонса*
1879 г. Ц. 1 руб. 20 в.

Нотте зин, романъ *Эберса*. С.-П.-Б., 1878 г. Цѣна
1 руб. 20 коп.

Россія и Турція отъ возникновенія политиче-
скихъ между ними отношеній до Лондонскаго трактата
(включительно). Истор. очеркъ *Д. Бухарова*. С.-П.-Б.
1878 г. Ц. 1 руб. 20 коп.

Московское княжество въ I половинѣ XIV в.
Историческій этюдъ *П. Полежаева*, С.-П.-Б. 1878 г.
Ц. 1 руб.

Рыцарь или Дама Истор. повѣсть *Самарова*
1878 г. Ц. 1 руб.

Экономическій бытъ крест. населенія передъ
крѣпости. правомъ и колонизація юго-восточныхъ степей
П. Соколовскаго 1878 г. Ц. 1 руб. 70 коп.

Изданія эти продаются и во всѣхъ извѣстныхъ ма-
газинахъ въ С.-Петербургѣ.

Выписывающіе прямо изъ Редаціи за пересылку не
прилагаютъ.

№ - 274375

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

въ 1880 г.

БУДЕТЬ ВЫХОДИТЬ ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ И ВЪ ТѢЖЕ СРОКИ.

Цѣна годовому изданію 6 руб. 50 коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ Редакціи журнала (Больш. Садовая домъ 121 кв. 12) и въ книжномъ магазинѣ Я. Исакова, Невскій просп. Гостинный дворъ № 24.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться: въ Петербургъ въ редакцію журнала „Историческая Библиотека“ (Больш. Садовая домъ 121, кв. 12).

1. Редакція отвѣчаетъ за доставку журнала подписавшимся только въ мѣстахъ, означенныхъ въ объявленіи.

2. Редакція проситъ гг. подписчиковъ точно обозначать свое имя, отчество и фамилію, а также и то почтовое учрежденіе, куда долженъ быть журналъ адресованъ; иначе редакція не отвѣчаетъ за правильную доставку.

3. Подписчики, желающіе перемѣнить адресъ, благоволятъ своевременно увѣдомить о новомъ мѣстѣ жительства, съ обозначеніемъ прежняго, при чемъ за всякую перемѣну уплачивается 50 коп.

4. Желающіе доставить свои произведенія въ Редакцію должны обозначать свой адресъ и подробныя условія, безъ обозначенія послѣднихъ, редакція не будетъ считать себя обязанною входить съ авторомъ въ какіе-либо расчеты.

Редакторъ-издатель П. В. Полежаевъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

1880.

№ 2. Февраль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. СУЩИНСКАГО.

Екатерининскій каналъ, 168.

1880

СОДЕРЖАНІЕ № 2.

- 1 Царская невѣста.
- 2 Преданія и воспоминанія.
- 3 Очеркъ исторіи города Ревеля.
- 4 Аттика во время Солона.
- 5 Библиографическій указатель.
- 6 Объявленія.

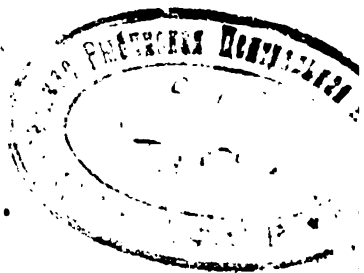
1945 г.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИЖНОТОВАРНИЦА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

1880.

№ 2. Февраль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. СУЩИНСКАГО.
Восторженнiй каналъ 168.

1880

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1 Царская невѣста, ч. 2. Ист. пов. Политковской . . .	61—148
2 Преданія и воспоминанія В. В. Селиванова	1—28
3 Очеркъ исторіи города Ревеля Ш. Л—ва	1—20
4 Атика во время Солоня—Дункера	43—101
5 Библиографическій указатель	1—13
6 Объявленія	

Въ Редакціи имѣется небольшое количество экземпляровъ «Исторической Библіотеки» изданія 1878 года. Цѣна годовому изданію **6 руб. 50 к.** съ пересылкою **8 рублей.** Для подписчиковъ же 1879 года—**7 руб.** съ пересылкой, и **6 руб.** безъ пересылки.

Доведено цѣнуромъ. С.-Петербургъ, 28 Января 1880 г.

ЦАРСКАЯ НЕВѢСТА.

Историческая повѣсть

(1613—1624 г.).

Часть 2.

ГЛАВА 1.

Потѣшная Палата.

Прошли 3 года. Москва отдыхала и обстроивалась. Выростали дворцы, хоромы и терема; обновлялись храмы; зазеленѣли поля вокругъ Москвы; жители собирались въ свои выжженные поселки и вмѣсто разоренныхъ избъ ставили новыя.

Въ 1616 году Пасха была 31 марта; погода была прекрасная и на мирносицкой недѣлѣ ужъ зацвѣли яблони да вишенья; молодой царь, съ своими двоюродными братцами Салтыковыми, гулялъ да тѣшилсѣ, ѣздилъ на псовую да соколиную охоту, устраивалъ рыбную ловлю на рѣкахъ Москвѣ да Яузѣ, не забывая при томъ и домашнія потѣхи шутовъ, дураковъ, бахарей, домрачей скрипотчиковъ, гусельниковъ, собирая въ Потѣшныя Па-

латы диковинныхъ птицъ, звѣрей и все, что могло слу-
жить для веселья и забавы.

Между тѣмъ, подъ шумъ пѣсень, игры на домрахъ да органахъ, подъ несладный гулъ шутовскихъ потѣхъ, Салтыковы распорядились царской казной, набивали свои сундуки народными поборами и забирали въ руки всё дѣла правленія, употребляя во зло неопытность молодого царя и слѣпую къ нимъ довѣрчивость великой старицы Марфы Ивановны.

Дядя царя, Иванъ Накитичъ Романовъ и другіе честные, умные бояре съ горестью видѣли, что такимъ путемъ московское государство идетъ не къ лучшему и опасались новыхъ смуть; но сильные временщики Салтыковы не допускали до царя и его матери дѣльныхъ совѣтниковъ; всё знали, что идти въ разрѣзъ съ ихъ намѣреніями значило попасть въ опалу.

Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали возвращенія изъ плѣна государева отца, Филарета Никитича, но переговоры съ Польшею шли неудачно и медленно, отчасти отъ бездарности русскихъ пословъ, которые, вмѣсто мира, затѣвали на сѣздахъ брань да раздоры съ польскими эмиссарами, а частью дѣло Филарета Никитича тормазилось и самими Салтыковыми, такъ-какъ они опасались, что, съ его прибытіемъ въ Москву, вліяніе ихъ на царя пошатнется, и вся власть перейдетъ въ болѣе опытныхъ руки умнаго и хитраго Филарета Никитича. Борисъ Салтыковъ въ прошломъ 1615 году женился, и жена его вошла въ роль хозяйки пышныхъ хоромъ Салтыковскихъ; всё говорили, что пора-де женить и Михаила Михаловича, но онъ медлилъ, потому что Марья Хлопова не поддавалась ни увѣщаніямъ отца съ матерью, ни угрозамъ бабки, что неповорную дѣвку надобно въ монастырь подъ начало отдать.

Михайла Салтыковъ былъ упрямъ и, чѣмъ болѣе являлось препятствій на его бракъ, тѣмъ сильнѣе въ немъ разгоралось желаніе покорить несговорчивость Марьи; по-

рой онъ чувствовалъ вспышки гнѣва, которыя болѣе подходили на ненависть, чѣмъ на любовь.

«Либо она будетъ моею женою и рабыней, либо я погублю ее, раздавлю, какъ ядовитую змѣю, отнявшую у меня покой и веселье!... И на пирахъ, и въ ночномъ уединеніи меня преслѣдуетъ ея коварный обликъ; и въ ясномъ сіяніи дня, и во тмѣ полунощной она является мнѣ въ томъ обольстительномъ видѣ, какъ плакала она въ Ипатьевскомъ храмѣ и цѣловала Михаила Θεодоровича..... Эдакая продерзость!... Можно-ли ждать, чтобъ она стала надежной царицей, воли она еще въ монастырѣ не стыдилась смущать юнаго царя!...» размышлялъ Михаилъ Салтыковъ и злоба накупала въ его сердцѣ.

Въ одинъ воскресный день, въ концѣ апрѣля, только еще заалѣла заря надъ кремлевскими башнями, еще полъ-Москвы дремало на мягкихъ перинахъ, а другая половина, то-есть простой и торговый людъ, страхнувъ съ себя дрему, лѣниво выползала на улицы, гдѣ почва еще не обсохла и представляла родъ проселочнаго пути, съ невылазной грязью, съ полуаршинными колеями, глубокими ямами и кучами сваленныхъ съ боярскихъ дворовъ нечистотъ.

Сорокъ - сороковъ московскихъ колоколенъ изрѣдка ударяли къ утрени и наполняли воздухъ протяжнымъ звономъ, который, сливаясь въ одинъ мелодичный гулъ, далеко по окрестностямъ разносилъ привѣтъ воскреснаго дня.

Выбирая мѣсто посуше, гдѣ-бы шагнуть съ доски на доску, перекинутыя возлѣ домовыхъ стѣнъ, для удобства пѣшиходовъ, медленно подвигался человѣкъ, обращавшій на себя вниманіе встрѣчавшихъ его людей.

Это былъ человѣкъ, лѣтъ подъ сорокъ, съ блѣднымъ лицомъ, высокій, худой и очевидно неспособный къ тяжелому труду; не это, однако-же, удивляло встрѣчавшихъ его. Мало-ли тщедушныхъ людей по Москвѣ бродили, да никто на нихъ не оглядывался; удивлялись одеждѣ этого человѣка, которая рѣзко отличалась отъ обыкновенной мужской одежды того времени.

На немъ былъ надѣтъ кафтанъ крашенинный, лазоревой, а сверху однорядка червленнаго (краснаго) сукна, съ нашитыми на ней изображеніями птицъ и звѣрей; сапоги его были тоже красные, а на головѣ надѣто валенная шапка колпакомъ съ мѣдными гремушками. Подойдя въ церкви, человѣкъ остановился, шагнулъ на паперть и, снявъ колпакъ, сталъ набожно молиться; въ это время шелъ въ церковь-же попъ, по прозвищу Соловей, неровная походка котораго доказывала, что онъ, не дождавшись утрени, разрѣшилъ себѣ употребленіе вина и елея. Увидавъ странный нарядъ молящагося, попъ разгнѣвался.

— Кто ты, ярыжный?.. и смѣешь-ли во храму приблизиться?.. воскликнулъ попъ Соловей.

— Я бахарь Богданъ Путата, изъ государева потѣшнаго поддѣлта, а ярыжнымъ ругать меня тебѣ не пристойно... отвѣчалъ прохожій, и его блѣдныя щеки покрылись болѣзненнымъ румянцемъ.

— Дуракъ! Скороухъ!... бѣсовское отродье!... Всѣхъ-бы васъ изъ Москвы повыгнать!.. Вы изъ царскихъ хоромъ сатанинскій вертепъ сотворили: игрища грѣховныя, пѣсни богомерзкія, гусельныя бряцанія затѣяли!.. Вы и государя-то смутили!... чѣмъ-бы на храмы казну жертвовать, онъ на потѣхи да на скороуховъ ее тратитъ!.. А все то лукавство Салтыковыхъ!... кричалъ расходившійся попъ и даже плюнулъ на несчастнаго бахаря.

Въ эту минуту изъ-за угла проулка вышелъ подъячій Абрашка Однорядовъ, котораго мы видѣли еще въ Ярославлѣ; но теперь онъ былъ уже не въ монашеской ряскѣ, а въ обыкновенной одеждѣ привазнаго люда: черномъ суконномъ кафтанѣ и въ такой-же однорядѣ; подъ рукой у него торчала толстая связка синева-тосѣрой бумаги и пузъ гусиныхъ перьевъ, изъ коихъ одно красовалось за его правымъ ухомъ; на поясѣ подъячаго болталась чернильная банка, заткнутая тряпичей. Абрашка сѣвшиль на Красную Площадь, гдѣ былъ торгъ; онъ надѣялся найти тамъ кліентовъ, для писанія челобитныхъ, чѣмъ онъ весьма выгодно промышлялъ, съ тѣхъ поръ,

какъ черезъ Салтыковыхъ попалъ въ Москву. Услыхавъ брань, Абрашка подошелъ поближе, чуя, что предстоитъ потребность въ его профессіи: дѣйствительно бахарь Путята обратился къ нему, объясняя, что вотъ-де попь обругалъ его ярыжнымъ, а попь Соловей, съ своей стороны, тащилъ Абрашку за рукавъ и просилъ его написать челобитную о томъ, что бахарь, въ дурацкой одеждѣ, освернилъ паперть храма божьяго. Абрашка былъ въ восторгѣ: ему предстояла крупная пожива, перессоривъ кліентовъ, написать челобитныя обѣимъ сторонамъ и съ того и другого получить по нѣскольку алтынѣ.

Отстранивъ попа, Абрашка сказалъ! „Тебѣ, батька, пора утреню служить, а къ тебѣ зайду ужотко и челобитную настрочу... А ты, потѣшникъ, иди со мной на торгъ, а я и тебя улагодворю“.

Противники, раздѣлявшись еще нѣсколькими ругательствами, разошлись. Попъ Соловей пошелъ служить утреню, а бахарь съ подъячимъ направились къ торгу, гдѣ ужъ набралось много народу и наѣхали окрестные мужики съ разными сельскими продуктами.

На одной телегѣ стояли клѣтки и бахарь Путята кривнулъ мужику, стоявшему оволо этого воза:

— Эй, дядя Ксенофонтъ! что у тебя въ плетюхахъ?

— Здорово, кумъ Богданъ! откликнулся мужикъ. Вотъ птицъ всякихъ изымалъ: есть и кречета бѣлые и соколы; а въ этой плетюхѣ вежки; въ коробѣ лисица, а въ мѣшеѣ два малыхъ медвѣженка...

— Пойдемъ-же!... На что тебѣ кречета да медвѣжата? тянулъ приказный потѣшника.

— Нѣтъ, погоди... я за тѣмъ и на торгъ шѣлъ, что мнѣ Потѣшникъ Нѣмчинъ Иванъ Семеновъ велѣлъ поискать для Государевой Потѣхи птицъ да звѣрья, упирался Путята. Пойдемъ со мной къ царскимъ хоромамъ, обратился онъ къ Ксенофону.

— Страшно! николи не бывалъ я тамъ, колебался мужикъ.

— Я тебя задами проведу: здѣсь ты за-даромъ про-

стоишь, кто такую живность купить? А тамъ Нѣмчинъ нашъ тебѣ и рубля не пожалѣетъ за твои коробы съ птицами да звѣрьемъ, уговаривалъ бахарь.

— А челобитная-то? напомнилъ Абрашка.

Бахарь замялся: Ужъ и ума не приложу! стоитъ-ли дѣло затѣвать?...

— Коли не стоитъ! Попъ Соловей богатъ, онъ-же тебя, государева бахаря, ярыжнымъ облаялъ... я такую челобитную настрочу, что съ попа рубля три сдеремъ аль поболѣ... убѣждалъ подъячій.

— Ну, ладно! строчи, пожалуй! согласился его кліентъ.

— Нагнись-ко малую толику: я на спинѣ твоей писать стану! говорилъ Абрашка.

— Нѣтъ, здѣсь такъ писать не пригоже: вонъ ужъ на меня мужики рты поразинули, возразилъ бахарь. Идемъ въ потѣшный подклѣтъ...

Абрашка обрадовался: ему давно хотѣлось попасть въ царскія хоромы, хотя-бы съ задняго двора.

Онъ успѣвши назначить своимъ многочисленнымъ кліентамъ болѣе поздній часъ для совѣщаній тутъ-же на торгу и, сопровождаемый Ксенофонтомъ, ушелъ съ бахаремъ. Потѣшная Палата находилась въ Кремлѣ, подъ царицыными, вновь отстроенными хоромами, гдѣ еще шла внутренняя отдѣлка на-спѣхъ, такъ-какъ ходили слухи, что государыня Марфа Ивановна имѣетъ намѣреніе женить государя, нижній этажъ тогда носилъ названіе «подклѣта», потому и Потѣшную Палату обыкновенно звали Подклѣтомъ.

Только-что въѣхала телѣга на задній дворъ, какъ встрѣтился высокаго роста человѣкъ, лѣтъ 40, одѣтый въ короткій кафтанъ, стянутый ременнымъ поясомъ, за которымъ торчалъ длинный винжалъ въ кожаныхъ ножнахъ съ серебромъ.

— Куда-те лѣшій несеть? крикнулъ онъ.

Ксенофонтъ оторопѣлъ и задергалъ возжами, чтобы обернуть лошадь съ возомъ назадъ; но Путята крикнулъ: Олферъ! это птицы да звѣрья...

— Кто этотъ молодецъ? спросилъ Абрашка.

— Конный псарь съ государева Ловчаго Пути, а зовутъ его: Олферъ Варакинъ, отвѣчалъ бахарь.

Олферъ остановилъ мужика и сталъ осматривать медвѣжатъ, которые были величиной съ кошку, еще совсѣмъ несмышленые, безвредные.

— Ихъ можно всему обучить: на псарномъ дворѣ, что у Воздвиженья, на старомъ Ваганьковѣ, много ручныхъ медвѣдей, сказалъ Олферъ.

— У насъ въ Переславѣ въ гаю пропасть медвѣдей, замѣтилъ Ксенофонтъ.

— А мы съ бояриномъ Ловчаго Пути Опочининимъ по медвѣди-то собираемся, сказалъ псарь. Только ихъ теперь изымать труднѣй, чѣмъ по зимѣ.

— Тенѣтникомъ и нонѣ можно изымать: особливо медвѣдицу съ дѣтенышами, увѣрялъ мужикъ.

Тогда медвѣди составляли любимую потѣху и царей, и бояръ; поэтому и повсюду искали ихъ, ловили всякими средствами. Нѣкоторыхъ приручали, а старыхъ и злыхъ держали для травли.

Бояринъ Ловчаго Пути Опочининъ, узнавъ, что мужикъ хвалился медвѣдами подъ Переяславлемъ, тотчасъ вышелъ къ нему на Потѣшный Дворъ, куда выбѣжалъ и Нѣмчинъ Иванъ Семеновъ; скоро плетюхи да коробки опустѣли, а птицы и звѣрья поступили въ Государеву Потѣху.

Абрашка съ бахаремъ Путятою вошли въ низкія сѣни, гдѣ еще издали услышали крики, пѣсни и гудѣнье разныхъ „стрементовъ.“ Отворивъ дверь въ Потѣшный Подкѣтъ, имъ представилось зрѣлище, немислимое въ наше время, но нисколько не удивлявшее въ эпоху, когда вкусы и нравы еще были мало облагорожены на Руси.

Человѣкъ около 50 бахарей, домрачей, гусельниковъ, скрипотчиковъ, органщиковъ упражнялись—кто въ пѣніи былинь, сказокъ и пѣсенъ, а кто въ игрѣ на своихъ инструментахъ, не обращая вниманія на диссонансы, вы-

ходившіе изъ этого нескладнаго сочетанія разныхъ звуковъ.

Тутъ-же были два арапа, нѣсколько карликовъ и скормороховъ, ходившихъ колесомъ кувыркавшихся и лягавшихся на всякіе лады; между ними сновали шуты да дураки, досаждавшіе всѣмъ своими грубыми выходками. Въ сторонѣ сидѣло до десятка слѣпцовъ, напѣвавшихъ свои стихи про „Лазаря“.

Абрашка Однорядовъ сначала ужаснулся: ему представилось, что онъ попалъ въ преисподнюю, а арапы, никогда имъ невиданные, показались ему чертями, но бахарь Путята, растолбавъ накиннувшихся на нихъ шутовъ, подвелъ Абрашку къ своимъ товарищамъ-бахарямъ, Климу Арефину и Петру Сопогову, которые составляли, такъ-сказать, болѣе умственный элементъ въ этой потѣшной ватагѣ.

— Чтобы быть бахаремъ, то-есть „сказочникомъ“, надо было имѣть нѣкоторыя познанія и быть отчасти грамотнымъ; впрочемъ, были и такіе обладатели необыкновенной памяти, которые, разъ услыжавъ былинку или слово, затверживали его навсегда; къ такимъ именно феноменамъ принадлежалъ и Богданъ Путята, кромѣ того, умѣвшій играть на домрѣ, перенявъ это искусство отъ исконныхъ домрачеевъ Потѣшнаго Подкльѣта: Андрея Θεодорова, да Василя Степанова; но Богданъ Путята былъ любимымъ сказочникомъ Михайла Θεодоровича, часто убаюкивая молодого царя, на сонъ грядущій, своими былинами, которыя онъ баялъ на распѣвъ.

Объяснивъ своимъ товарищамъ, что вотъ-де попъ Соловей облаялъ его ярыжнымъ и вотъ-де подъячій Абрашка Однорядовъ пришелъ ему челобитную писать, Путята очистилъ на столѣ, заваленномъ калачами да пирогами, небольшое мѣсто, гдѣ Абрашка тотчасъ приткнулся и, разостлавъ свою сѣро-синюю бумагу, поставилъ стѣляницу съ чернилами, отогнулъ ее, вытащилъ изъ-за уха перо, расчеркнулся и, загнувъ на сторону рожу да высуня немного языкъ, прищурилъ правый глазъ.

Все мгновенно стихло въ Потѣшной Палатѣ; всѣ другія искусства стушевались передъ ремесломъ челобитнаго строчила. Дураки, своморохи, гусельники окружили подъячаго; карлики поднимались на лавки, арапы Муратка да Давыдка Салтановъ продирались впередъ, даже слѣпцы Явушъ, Лувашъ, Наумъ и Гаврила лѣзли къ столу, хоть и не могли полюбоваться на пріятную позу борзописца, даже языкомъ помогавшаго всей своей фигурѣ въ выдѣлываніи крупныхъ, неуклюжихъ буквъ тогдашней грамоты. Перо скрипѣло на всю Палату; зрители и слушатели, затанувъ дыханіе, слѣдили за писаньемъ, и Абрашка, польщенный общимъ вниманіемъ, пришелъ въ совершенный экстазъ. Онъ работалъ перомъ съ такимъ усиленіемъ, что потъ выступилъ на его лбу, скатываясь по носу и капалъ на бумагу.

Вдругъ дуравъ Мосяга, налегшій на спину писаки, чтобы лучше разглядѣть его писанье, поскользнулся, толкнулъ Абрашку, который клянулъ носомъ въ чернильницу и пролилъ драгоценную влагу на еще болѣе драгоценный листъ толстой сѣрой бумаги...

Въ первое мгновеніе никто не могъ опомниться отъ неожиданности; но когда разгнѣванный писака, вскочивъ со скамьи, началъ ругать Мосягу, то всѣ поватились со смѣху: рожа строчила была такъ вымазана чернилами, что онъ сталъ похожъ на трубочиста, Дураки Симонка, Исачка да Ивашка накинулись на Абрашку Однорядова и давай его кружить по Палатѣ, а другіе Потѣшники продолжали хохотать; въ это время вбѣжалъ Потѣшный сторожъ и громко крикнулъ: „Бояринъ Салтыковъ идетъ!..“ Потѣшники почтительно встали и устремили глаза на дверь; дураки, бросивъ Абрашку, разбѣжались, а несчастный строчила, не слыхавшій возгласа сторожа, остался одинъ посреди Палаты.

Вошелъ Салтыковъ и, увидавъ Однорядова, засмѣялся.

— Откуда этотъ новый арапокъ? спросилъ онъ.

— Бояринъ Михайла Михайловичъ, многомилостивый... униженно кланяясь, отвѣчалъ Абрашка, изволилъ за-

памятовать недостойнаго холопа Абрашку Миронова Однорядова, изъ Ярославля...

— Зачѣмъ-же рожу-то вымазалъ? Кто тебя узнаеть!.. Въ дураки что-ль хочешь поступить? шутливо говорилъ Михайла Михайловичъ.

— Пришелъ я къ бахарю, къ Путятѣ, бояринъ, а вотъ дураки на мнѣ однорядку изодрали, чернилами рожу вымазали: дозвожь, батюшка Михайла Михайловичъ, государю челобитную подать!.. жаловался подъячій.

— Строчи живѣе челобитную и пойдѣмъ въ государю, да чуръ рожу не умываючи, приказалъ Салтыковъ; Абрашка принялся строчить ябеду, а бояринъ, обратясь къ потѣшникамъ, сказалъ: Скоро понадобится ваша потѣха; готовьте свои стременты и новыя пѣсни да басни учите.. А ты цимбальщикъ, Томилка Бѣсовъ, починилъ ли свои цимбалы-то?.. Да органы Нѣмчинъ Арманка привезъ ли?..

Томилка и Арманка доложили, что все изготовили и Салтыковъ продолжалъ: Вамъ всѣмъ въ Портной и въ Мастерской Палатѣ новую одежду велѣно шить: въ царицыныхъ хоромахъ будутъ потѣхи и вы, коли потѣшите зѣло, то и награду получите... Объявивъ свои распоряженія, Салтыковъ ушелъ, взявъ съ собой приказнаго съ челобитной на дураковъ; бахарь Путята сказалъ своимъ товарищамъ:

— Слышали, братцы?... Бояринъ молвилъ: въ царицыныхъ хоромахъ будутъ потѣхи; видно и впрямь государь хочетъ невѣсту выбирать...

ГЛАВА II.

Половодье.

Только что отошла обѣдня въ Вознесенскомъ монастырѣ. Впереди инокинь подошла къ кресту великая старица Марфа Ивановна и направилась къ выходу изъ

перкви, гдѣ ее ожидали дворскія боярыни и нѣсколько бояръ, прїѣхавшихъ по важнымъ дѣламъ. Тутъ были князья Трубецкой, Пожарскій, Мезецкій и, прїѣхавшіе съ польской границы, русскіе послы: князь Воротынскій, да бояре Алексѣй Сицкій и Александръ Желябужскій.

Марфа Ивановна, которую вели подъ руки игуменьи да инокиня Евникія Салтыкова, приказала идти боярамъ въ свои хоромы, а сама остановилась въ сѣняхъ, для раздачи милостыни нищимъ, со всѣхъ концовъ Москвы и изъ далекихъ окраинъ московскаго государства стекавшимся сюда для побора.

Чтобы угодить государынѣ, Марфѣ Ивановнѣ, очень жаловавшей всякихъ попрошаекъ, бояре и боярыни тоже щедро одѣляли нищихъ. И какихъ тутъ не было уродливыхъ, слѣпыхъ, калѣкъ, сирыхъ, убогихъ, которые выставляли на показъ свои раны, да увѣчья! Марфа Ивановна останавливалась передъ всякимъ особенно уродливымъ, своеручно давала милостыню и спрашивала о нуждахъ, а тѣхъ, кого видѣла въ первый разъ, спрашивала, откуда и какъ зовутъ, причемъ приказывала врестовому дьяку записывать этихъ новыхъ протеже, для постоянныхъ о нихъ заботъ. Большая часть нищихъ жила тутъ-же въ подклѣткахъ у старицы Марфы Ивановны или въ Кремлѣ молодого государя; по примѣру ихъ, и прочіе вельможи помѣщали на своихъ подворьяхъ калѣкъ да убогихъ; на Красной Площади для нихъ строилась богадѣльня, а какъ число ихъ значительно возросло послѣ смутнаго времени, то и въ загородныхъ царскихъ хоромыхъ имъ отводили особыя помѣщенія. Между женщинами, пользовавшимися постоянными подачками Марфы Ивановны, была безногая сиротинка Анка; увидавъ ее, инокиня Евникія сказала: Иди въ хоромы: Орина-ка-зачка тебѣ новый лѣтничъ изготовила.

Анка поползла по направленію къ государынинимъ хоромамъ; отворивъ дверь въ сѣнцы, она кликнула.

— Овдотька! подь-ка, подсоби мнѣ, не влѣзтъ мнѣ

на лѣсенку-то!... На верху небольшой лѣстницы показалась толстая женская фигура, въ черномъ сарафанѣ и большомъ бѣломъ платкѣ на головѣ; это была знакомая намъ вдова гусятника, изъ села Домнина, разжирѣвшая до неузнаваемости.

— Охъ ты, Анка, сирота-горемычная! говорила на распѣвъ толстая Овдотька, вводя увѣчную на лѣстницу. Изъ двери въ стѣпанную на нихъ пахнулъ теплый и пропитанный вѣуснымъ запахомъ воздухъ. Болѣе десяти женщинъ, такъ-же, какъ и Овдотька, одѣтыхъ въ черную одежду, съ бѣлыми платками на головахъ, возились около печки съ блинами да перепечами. Овдотька усадила Анку за столъ и подала ей прямо со сковороды горячій блинъ; такъ всякій праздникъ кормили всю нищую братію.

Вскорѣ вошла казачка-Орька и увела Анку въ свою особую горенку. Орька мало измѣнилась, развѣ только еще похорошѣла да пополнила; ея красота особенно рѣзко выдѣлялась изъ чернаго широкаго лѣтника, ниспадавшаго до земли мягкими складками; какъ дѣвица, она имѣла право ходить простоволосая и ея длинныя косы спускались ниже колѣвъ; руки ея были такъ бѣлы, что доказывали, какъ мало приходилось ей работать при исполненіи обязанности «постельницы».

Когда Орька плотно притворила за собою дверь, Анка, тяжело вздохнувъ, сказала: Лебедь ты моя бѣлая, сестрица красна-дѣвица!.. Смотрю я на тебя да не налюбуюся: все-то ты расцвѣтаешь, словно маковъ цвѣтъ, на вольной волкушѣ, въ житѣ пригожемъ, сыта ты, одѣта, ласковымъ словомъ приголублена; не то, что я, горемычная калѣка, людьми обиженная, Богомъ забытая!... Анка плакала и охала.

— Полно сестрица, Аннушка! утѣшала ее казачка. Слезьми прошлаго не воротись: молиться надо за упокой грѣшной души Костькиной!.. А ты, по милости государыни, нужды великой не терпишь; бабы не дѣвчонка твоя, жила-бъ ты съ дурами, да варницами въ поддѣлѣгахъ.

Потомъ она отдала Аннѣ синій крашенинный лѣт-
никъ, который сама для увѣчной спила, а когда Анна
поуспокоилась, тихо спросила у нея: Не слыхала-ль чего?

— Слышала, голубка, слышала!.. да въ разумѣ-то я
помutilась и все забываю, отвѣчала Анна.

Орья встрепенулась: Что-жъ ты слышала?

— Да вотъ даве бояре промежъ себя молвили: при-
слали-де съ Дону гонца съ добрыми вѣстями, казаки-де
государю вкрестъ цѣловали, а гонецъ-де тотъ Гришкой—
Гладкимъ прозывается...

Орья поблѣднѣла и прижала руки къ груди.

— Господи!.. Сердце мое, сердце, словно голубъ во
жнѣ трепещетъ... Вѣдь болѣе года его не видала!... про-
шептала она и, не отвѣчая на дальнѣйшія росказы Анки,
она выбѣжала изъ горенки и спустилась въ ту подедѣтку,
гдѣ жили шутики, карлихи и юродивыя бабы, надъ ко-
торыми была приставлена надсмотрщицей Овдотька, но
она предпочитала толочься въ стряпущей. Манка-дурка,
въ соломенномъ вѣнѣ, пѣла пѣсни, карлиха Офимья
бранилась съ юродивой—Танькою, а старая кормилица
Соломонида, лежа на печкѣ, ворчала и жаловалась на
свою судьбу: За грѣхи меня Господь привелъ съ этими
озорницами маяться, весь день либо пьянствуютъ, либо
лаются... а Овдотька моя сидья сидитъ въ стряпущей,
разтѣлась и про мать позабыла... Буду челомъ бить го-
сударынѣ, чтобъ отпустила меня въ Домнино...

Орья подошла къ Манкѣ и взяла ее за руку:

— Манка!... сослужи мнѣ службицу: иди въ хоромы,
тебѣ можно, на дурѣ никто не выщеть; вызови ко мнѣ
боярина Бориса Михайлыча Салтыкова, онъ даве въ хо-
ромы къ государынѣ пошелъ.

Манка, не возражая, встала и пошла къ двери.

— Ты въ толь-то взяла-ли...? крикнула вслѣдъ ей
Орья, но дурка только головой мотнула и ушла. Орья
стала нервно ходить по горницѣ; она такъ-бы и убѣ-
жала, но безъ дозволенія ее не выпустили-бы изъ мо-

настырской ограды; вскорѣ въ сѣнцахъ раздалися шаги и Орья поспѣшила на встрѣчу къ Салтыкову. Батюшка — бояринъ Борисъ Михайловичъ, не смѣю я государыню просить, а нужда мнѣ великая къ сродникамъ отлучиться!... просила Орья.

Салтыковъ съ улыбкою глядѣлъ на прекрасную казачку, которая очень ему нравилась, но такъ-какъ она была любимой сиротинкой Марфы Ивановны, да и самъ онъ недавно женился, то и не пускалъ въ ходъ свои боярскія замашки, не считая, впрочемъ, за грѣхъ побаловаться съ хорошенькими холопками, коли боярины той эпохи были недоступны.

— Охъ ты, красна-дѣвка! чтобъ тебѣ уродиться боярышней!.. Очи твои соболиныя, да брови соболиныя сокрушили меня, добра-молодца... шутливо молвилъ онъ.

— Грѣхъ тебѣ, бояринъ, мнѣ сиротѣ посмѣшное слово молвить... обидѣлась Орья.

— Ну, не сердчай!.. пойду и выпрошу тебѣ гулянья до самаго вечера... сказалъ Салтыковъ и черезъ короткое время вынесъ Орькѣ разрѣшеніе идти къ роднымъ, съ кѣмъ-нибудь изъ дворовыхъ женокъ.

— Я пойду съ Анкой безногой, она у сродницы моей у Путятевой жены приживаетъ, а вечеръ либо самъ Богдашка Путята, либо его баба меня проводятъ... сказала Орья и поспѣшила въ горенку, гдѣ ее ждала Анка. Дѣвушка переодѣлась въ цвѣтное платье, покрыла голову и лицо фатою и вышла изъ монастыря, съ трудомъ сдерживая свои нетерпѣливыя шаги, чтобы приравнять ихъ къ медленному ковылянью увѣчной. Подойдя къ рѣкѣ Москвѣ, онѣ увидали, что, послѣ вчерашняго сильнаго дождя, вода шибко прибыла и залила низменный берегъ стрѣлецкихъ слободокъ на противоположной отъ Кремля сторонѣ; по рѣкѣ сновали лодки, перевозившія стрѣльцовъ, казаковъ и небогатыхъ горожанъ, которые ютились въ кривыхъ и болотистыхъ переулкахъ, сваяди стрѣлецкихъ слободъ. Только-что Орья хотѣла нанять лодку, чтобы переѣхать на тотъ берегъ, какъ увидала Путяту: Вонъ

въ красной однорядкѣ-то, вѣдь это Богдашка?... сказала она.

Анка прикрыла ладонью глаза отъ солнца.

— Онъ и впрямь!.. а кто это съ нимъ казакъ такой молодцеватый?... спросила безногая.

Бахарь тоже увидалъ ихъ и направился въ ихъ стору; за нимъ шелъ тотъ, кого издали они не узнали.

— Гриша! вскрикнула Орья и, забывъ, что кругомъ чужой народъ толчется, бросилась на встрѣчу къ казаку Гладкому.

— Оринушка моя!... обрадовался Григорій, крѣпко прижимая къ груди свою сродницу.

— Ну, ну! вы не мѣшайте, ужотко намилуетесь!... Этъ вода все прибываетъ, а избека моя низко стоитъ... не потопило-бы ее... торопиль ихъ Путята.

Григорій схватилъ весла и оттолкнулъ лодочку отъ берега. Вѣтеръ былъ попутный, плыть было легко по теченью, которое подхватило лодку и она не поплыла, а полетѣла; но вскорѣ надо было повернуть къ берегу и тутъ предстояло затрудненіе, волны отбивали лодку, а, между тѣмъ, съ берега доносились ясные крики о помощи.

Тогда еще не было каменной набережной, и рѣка, въ половодье, весной да осенью, выходя изъ своего русла, производила опустошенія по обоимъ берегамъ, особенно тамъ, гдѣ теперь замоскворѣчье.

— Господи! воскликнулъ бахарь. Избенку-то мою подмыло!... гляди-вось, ужъ и дворикшко разнесло...

Всѣ сидѣвшіе въ лодкѣ устремили глаза въ ту стору, гдѣ стояла Путятина изба; было видно, какъ жена его Онтонида выгоняла съ разломаннаго двора свою корову и домашнюю птицу.

Вдругъ Анка рванулась съ лодки.

— Робаты!.. робаты плывутъ!.. Этъ моя Улька съ твоимъ Васькой на доскѣ уцѣпившись! крикнула она.

Вдоль по теченью, съ ужасной быстротой, плыла доска, оторванная отъ сѣней, гдѣ спрятались было дѣти, испу-

ганныя наводненіемъ. Верхомъ на доскѣ сидѣлъ мальчижь, лѣтъ 10, а уцѣпившись рученками жалась къ нему дѣвочка, лѣтъ 5-ти и пронзительно кричали: Мама! тета, дядя!...

Безногая Анка, въ своемъ отчаяніи, едва не выскочила изъ лодки, но ее удержала Орья.

Бахарь Путята совсѣмъ потерялъ голову; онъ отъ ужаса сидѣлъ неподвижно, но Григорій, не теряя присутствія духа, схвативъ оба весла, началъ ими работать. Глядя впередъ, никто изъ нихъ не замѣтилъ, что на нихъ быстро плыла большая лодка, разукрашенная красной, синей краской и золотомъ.

— Эй! сторонись! крикнулъ звонкій голосъ.

Орья оглянулась, — государь!... сказала она.

Михайлъ Θεодоровичъ собрался на охоту съ кречетами и сѣлъ уже въ лодку, чтобы плыть къ Воробьевымъ горамъ, когда ему доложили, что вода затопляетъ стрѣлецкія слободки; тотчасъ-же, вмѣсто Воробьевыхъ горъ, онъ повернулъ назадъ такъ спѣшно, что и кречетовъ не успѣли съ лодки снять. Съ государемъ были Михайла Салтыковъ, двое молодыхъ бояръ — его сверстниковъ и бояринъ Ловчаго Пути Богданъ Опочининъ, съ нѣсколькими гребцами. Другихъ охотниковъ, въ особыхъ лодкахъ, также воротили и государь послалъ ихъ собирать народъ, да багры съ веревками, для спасенія потопленныхъ.

Увидавъ государя, бахарь Путята завопилъ:

— Батюшка Михайла Θεодоровичъ, пособи!... Вонъ синишко мой тонетъ!...

Богданъ Опочининъ стоялъ на носу лодки и крикнулъ: — Стой! Давайте бабъ сюда, а я съ вами сяду, съ большой лодкой не легко управляться, а въ вашемъ челнокѣ мы живо догонимъ робятъ!...

Григорій Гладкій ухватился за брошенную ему веревку и придвинулъ свою лодочку такъ близко, что Орья лавою вскарабкалась на золотое суденышко; не такъ легко было втащить безногую Анку, тѣмъ болѣе, что она

была и, не помня себя, рвалась въ воду. Григорій схватилъ ее въ охапку и, поднявъ, связалъ:

— Бояринъ! возьми-во эту помѣху!... Она, того и глади, и насъ-то утопить.

Опочининъ сильной рукой схватилъ Анку и, бросивъ ее на дно царскаго суденышка, спрыгнулъ въ лодку.— Это ты, Гладкій!... Давно-ли ты въ Москву прибылъ?...— спросилъ онъ, принимаясь грести.

— Только новѣ въ утреню,— отвѣчалъ Григорій.

— Это не ты-ли привезъ вѣсти съ Дону?

— Я!... Казаки многіе за умъ взяли; какъ привезъ я имъ новое знамя отъ государя, они на кругъ вышли и ему крестъ цѣловали... началъ было Гладкій, но подробно рассказывать было не досужно: доска съ ребятами натолкнулась на бревно, плившее по теченію и бѣдныя дѣти потеряли равновѣсіе, сначала соскользнула дѣвочка, а мальчуганъ хотѣлъ ее поймать, да и самъ свалился въ воду. Въ одно мгновеніе, Опочининъ и Гладкій, сорвавъ съ себя верхнюю одежду да сапоги, бросились въ воду; казакъ былъ отличный пловецъ, привыкшій переплывать широкую рѣку Донъ, съ ея притоками, а Опочининъ, хоть и не столь искусный, но все-же могъ довольно долго держаться на водѣ.

Михаилъ Θεодоровичъ ободралъ ихъ и кричалъ:

— Правѣй!... еще... еще взмахни... вонъ дѣвчонка всплыла!... Молодецъ... Поймалъ...

Гладкій съ своей ношей направился къ лѣвому берегу, гдѣ стояли боярскія хоромы, съ большимъ садомъ, спускавшимся къ самой рѣкѣ. Григорій скоро достигъ берега и, увидавъ какихъ-то женщинъ, которыхъ онъ не успѣлъ рассмотреть, передалъ имъ дѣвочку, а самъ снова бросился въ воду, видя, что Опочининъ, тащившій мальчика, сталъ ослабѣвать и погружаться, а между тѣмъ государь и Салтыковъ кричали Гладкому:

— Скорѣй! хватай боярина! вонъ налѣво-то... вонъ онъ совсѣмъ нырнулъ... Бѣдный Опочининъ! утопъ!...

нѣтъ!... Слава те Господи!... Ловко плаваетъ этотъ казакъ, вытащилъ, да никакъ и дѣтину тащить.

Гладкій плылъ одною рукою, поддерживая другою Опочинина, а мальчишка успѣлъ схватить зубами за рубашенку. Къ счастью, вода тутъ была не глубока и вскорѣ онъ могъ встать на ноги, вытащить и Опочинина, и мальчишка на траву.

Боярышню, гулявшія по саду, со своими сѣнными дѣвками да мамками, увидавъ, что кто-то тонетъ, а другіе ихъ вытаскиваютъ, поспѣшили къ водѣ и приняли изъ рукъ Григорія дѣвочку, едва не захлебнувшуюся; онѣ стали ее оттирать и дуть въ лицо.

Вскорѣ имъ еще подали мальчишка, у котораго изо рта и ушей лилась вода, а онъ ибаль да чихалъ.

Дѣвушки возились съ ребятишками такъ усердно, что и не замѣтили, какъ въ нимъ подошелъ молодой человекъ съ золоченаго суденышка.

— Вонъ тамъ еще утопшій, о немъ-бы надо позаботиться,—сказалъ пріятный мужской голосъ.

Одна изъ боярышень быстро обернулась и вскринула. Это была Марья Хлопова, а передъ ней стоялъ государь Михаилъ Θεодоровичъ, котораго она не видала болѣе 2 лѣтъ.

Опочининъ столько хлебнулъ воды, что потерялъ сознаніе; вода текла съ его волосъ, лицо его было блѣдно, а руки его похолодѣли. Стоя на волѣняхъ, Салтывовъ поддерживалъ ему голову: — Послать-бы за дохтуромъ Бильсомъ: кажись, онъ тутъ не далече живетъ,—сказалъ Михаилъ Михайловичъ.

— Я пошлю сѣнную дѣву за нимъ, онъ живетъ за два подворья отъ насъ,—отвѣчалъ женскій голосъ.

Салтывовъ взглянулъ на говорившую и удивился.

— Экая красавица!... мелькнуло у него въ умѣ.

Боярышня, стоявшая передъ нимъ, была идеаломъ женской красоты того времени: высокая, полная, бѣлая, румяная, съ темными, быстрыми глазами и дугообразными бровями. Одѣта она была въ алый лѣтникъ, изъ

дорогой камки, съ золотыми застежками, а на головѣ у нея надѣта была родъ круглой шляпы изъ бѣлаго атласа, съ длинной лентой и золотыми выстами, спускавшимися на плечи. Опочининъ открылъ глаза и бессмысленно ихъ устремилъ на прекрасную дѣвушку, которая слегка вздрогнула: — Богданъ Опочининъ!... пробормотала она. Молодой человекъ совсѣмъ очнулся: — Боярышня Прасковья Ивановна, сказалъ онъ.

Прасковья отвернулась и торопливо пошла къ своей подругѣ Марьѣ, которая, оправившись отъ неожиданной встрѣчи, успѣла перекинуться нѣсколькими фразами съ молодымъ государемъ.

— Скоро будетъ смотръ невѣстамъ: я прикажу твоей бабушкѣ Желябужской привести тебя въ палаты и объявлю, что выбираю тебя... Эти слова долетѣли до уха Прасковьи, когда она подходила.

— Не за чѣмъ мнѣ было изъ Костромы пріѣзжать: царица-то ужъ, видно, заранѣе выбрана, — улыбнулась боярышня и стала приказывать одной изъ сѣнныхъ дѣвокъ сбѣгать за дохтуромъ.

— Я добѣгу!... предложилъ Григорій Гладвій и направился къ частоволу, которымъ былъ огороженъ садъ.

Вмѣстѣ съ боярышнями гуляла дѣвочка, лѣтъ 9, которая неотступно потребовала, чтобы Ульку и Ваську взяли въ хоромы: Прасковья Ивановна согласилась и, по ея приглашенію, Орька взяла на руки Ульку, а Богданъ Путята своего Ваську и понесли ихъ за маленькой боярышней, весело бѣжавшей впередъ. Прасковья и Марья накрылись фатами, чтобы ихъ не могли видѣть въ лицо, которое онѣ, въ-торопяхъ да отъ испугу, не успѣли завѣсить прежде; поэтому, Салтыковъ, подошедшій уже послѣ, не узналъ Хлоповой.

Опочинина осторожно перенесли въ хоромы и приведенный Григоріемъ дохтуръ Валентинъ Бильсъ объявилъ, что болѣсть-де его не къ смерти, но чтобы его отнюдь не тревожили, обѣщая прислать съ аптекарскаго

двора водку, которой велѣлъ натирать больного и давать на нутрь со святой водой.

— Вѣдь это мы у князя Володимира Тимофеича Долгорукаго, сказалъ Салтыковъ лежавшему на мягкомъ войлокѣ Опочинину. У князя дочерей взрослыхъ нѣтъ, а есть махонькая Марыца-княжна! Кто-же это Парасковья Ивановна?

— Она ему племянница, изъ Галича Костромскаго, я ее видалъ тамъ, какъ за медвѣдами въ тамошніе гай ѣздилъ, отвѣчалъ Опочининъ.

— Да!... красавица знатная эта Прасковья Ивановна. Теперь ихъ много въ Москву понаѣхало къ смотрамъ, понеже государь хочетъ невѣсту выбирать—замѣтилъ Салтыковъ. Оставивъ возлѣ Опочинина Григорія Гладкаго, Салтыковъ возвратился въ садъ, гдѣ его ждалъ Михаилъ Феодоровичъ и, узнавъ, что въ положеніи его боярина Ловчаго Пути нѣтъ опасности, сѣлъ опять въ свое золоченое суденышко и отплылъ къ Воробьевымъ горамъ. Государь былъ въ тотъ день особенно веселъ, Салтыковъ давно не видалъ его такимъ и не догадывался о тайной причинѣ его радостнаго настроенія. Однако, охота была не совсѣмъ удачна, потому что не было главнаго ея руководителя Опочинина.

ГЛАВА III.

Разказы о событіяхъ отъ 1614 до 1616 года.

Въ хоромахъ великой старицы Марфы Ивановны шла весьма серьезная бесѣда, и государыня крѣпко гнѣвалась на возвратившихся съ польской границы пословъ.

— Безъ малаго три года тянули вы переговоры и ни на чемъ не порѣшили, говорила Марфа Ивановна. Въ томъ, я полагаю, вина твоя, князь Воротынскій, на что было ссоры затѣвать съ Жигимонтовыми панами!... Молвилъ тебѣ владыка нашъ Филаретъ Ни-

вѣтичь, чтобы дѣло вести гладко, безъ задору, — да и мы съ государемъ тоже тебѣ отписывали...

— Матушка-государыня! воля есть твоя гнѣваться, вины моей, да и бояръ Сицкаго да Желябужскаго вины тутъ нѣтъ!... Какъ-же можно было намъ вести дѣло гладко, коли эти пань: Левка Сапѣга, да Алексашка Гонсѣвскій всякія поворныя рѣчи про государево здоровье лаяли?... Не могли-же мы уступить, какъ они, Смоленскіе города, да и самый Смоленскъ требовали, да и всячески укоряли: что Москва-де Владиславу Королевичу крестъ цѣловала, а что Гришка-де Отрепьевъ не воръ былъ самозванный, а доподлинный сынъ царя Ивана Васильевича и что зачѣмъ-де въ Москвѣ царя Дмитрія убили, Заруцкаго казнили и Маринку задушили — оправдывался князь Воротынскій.

— Это вѣрно, государыня-тетушка! Ни князь, ни другіе послы не повинны, — заступился Борисъ Салтыковъ.

— Сапѣга нашъ ненавистникъ, король Жигимонтъ, можетъ быть, и согласился-бы владѣу нашего выдать намъ обратно, да этотъ песь Левка ему не совѣтуетъ.

Еще доволь тебѣ, государыня, доложить: оттого и долго переговоры шли, что думный дьякъ Третьяковъ отвѣтныя грамоты задерживалъ, сказалъ Александръ Желябужскій.

Думный дьякъ Петръ Третьяковъ, старикъ съ лисьимъ выраженіемъ лица, откинулся на этотъ упрекъ: — Я не самъ грамоты писывалъ, а ждалъ отъ государя указа!

— Государь-то всей душой радъ-бы своего родителя выручить.. да не всё тому добротовали!... — вспыхливо сказалъ Желябужскій. Князь Трубецкой да Пожарскій одобрительно переглянулись, а Салтыковъ вспыхнулъ. — Прытокъ ты на языкъ, дворянинъ Александръ Желябужскій!.. Старше тебя мѣстами тутъ сидятъ, да подумавъ слово молвать, — гнѣвно сказалъ онъ.

Марфа Ивановна, опасаясь явной ссоры, поспѣшила

спросить Воротынскаго:—Здоровъ-ли владыка нашъ Филаретъ Никитичъ.

— Благодаря Господа и святыми молитвами вашими здоровъ владыка и ни въ чемъ особой тѣсноты не видитъ, терпѣливо и мужественно плѣнь свой переносить, а тайно мнѣ наказывалъ, чтобы съ Жигимонтомъ войны не зачинать, поелику дѣло оттого еще долѣе протянется и его не выпускать, отвѣчалъ Воротынскій.

— Нѣтъ этого не можно!... Надобно на Жигимонта войска двинуть! Тогда онъ сговорчивѣе будетъ выдать намъ владыку Филарета Никитича, боярина Шеина, князя Голицына и другихъ измѣной задержанных... спорилъ Борисъ Салтыковъ.

— У насъ войска мало, а дѣль и безъ Литвы да Польши довольно: вонъ казаки бунтуютъ, Шведы громятся... замѣтилъ Трубецкой.

— Съ Дону вѣсти добрыя пришли: какъ вора Зарудцаго, да Маринки-ворухи у нихъ не стало, такъ и казаки притихли!... сказалъ князь Мезецкій.

— А давно-ли съ атаманомъ Баловнемъ къ Москвѣ подступали и всякія продерзости чинили... Да и впредь того отъ нихъ ожидать должно, вздохнула Марфа Ивановна. Какъ Баловня казнили, такъ думали всякимъ смутамъ конецъ, а нонѣ на Дону атаманъ Сагайдачный казаковъ поднимаетъ, а тѣхъ, кто царю крестъ цѣловали, бьетъ, казнить и войной къ Москвѣ идти собирается!

— Поэтому-то и надобно готовиться здѣсь враговъ встрѣтить, а не затѣвать войны съ Литвою, довольно мы за лисовчиками-то гонялись... надо попытать еще съ панями миромъ сойтись... согласился и князь Пожарскій, но Салтыковъ настаивалъ на возобновленіи военныхъ дѣйствій, и рѣшено было собирать рати, да посылать ихъ подъ Смоленскъ съ воеводами княземъ Тинбаевымъ и бояриномъ Лихаревымъ. Марфа Ивановна отпустила бояръ, оставивъ при себѣ только племянника Бориса Салтыкова да его мать инокиню Евнкію.

— Послалъ-ли ты грамоты къ воеводамъ по горо-

дамъ, чтобы дѣвокъ-боярышень, вняженъ и дворянскихъ дочерей въ Москву присылали для смотра: пора государя женить; по обычаю прежнихъ царей, онъ себѣ невѣсту выбереть... сказала Марфа Ивановна.

— По указу твоему, государыня-тетушка, исполнено и ужъ многія дѣвки-боярышни въ Москву прибыли, доложилъ Борисъ Салтыковъ.

— Тутъ-же и брату твоему Михайлѣ мы невѣсту выберемъ: время и ему жениться, замѣтила Евнкія.

Борисъ Михайловичъ не возражалъ, но онъ зналъ, что братъ его по чужому приказу не женится, а выбрать жену по душѣ.

Когда бояре вышли изъ Вознесенскаго монастыря, то встрѣтили ѣхавшаго изъ царскихъ хоромъ дядю государя, боярина Ивана Никитича. Онъ подозвалъ князя Воротынскаго и спросилъ:—на чемъ порѣшили?

— Порѣшили опять войной противъ Польши идти!

— И вѣрно это Борисъ да Михайла совѣтуютъ?

— Да!.. Желябужскій въ немилость попалъ, казнь про ихъ недоброхотство молвилъ...

— Всѣмъ извѣстно, что Салтыковымъ не желательно возвращеніе брата Филарета Никитича. Думный дьякъ Третьяковъ, по ихъ наущенію, и грамоты задерживалъ; а пора-бы, пора братцу воротиться, да въ свои руки дѣла московскія взять!.. Вотъ новѣ царя женить хотятъ и ужъ вѣрно по своему выбору ему невѣсту навяжутъ, грустно говорилъ Иванъ Никитичъ.

— Государь и самъ въ возрастѣ, можетъ дѣлами править, замѣтилъ Воротынскій.

— Юнъ еще онъ и добросердеченъ зѣло! Сынъ покорный и мать свою ни въ чемъ ослушаться не смѣетъ, а Марфу Ивановну племянники ея Салтыковы воварными сѣтами опутали, да не спроста, а волшебой!.. Знахари да ворожеи къ нимъ хаживали и «корень обратимъ» къ нимъ нашивали, въ яства ея подсыпали, да и на слѣдъ наговаривали, рассказывалъ Иванъ Никитичъ, съ полнымъ убѣжденіемъ въ дѣйствительности этихъ средствъ, а Во-

ротынский, конечно, не сомнѣвался, что тутъ дѣло не просто, и что Марфу Ивановну Салтыковы къ себѣ приворожили.

Въ теремѣ красавицы Прасковьи Ивановны все еще продолжали нянчиться съ вытщенными изъ рѣки ребятишками, которые уже совсѣмъ оправились и, сидя на полу, на мягкомъ коврѣ, ѣли сахарныя яства, а маленькая дочка князя Долгорукова, княжна Марьица, показывала имъ своихъ вуколъ, спитыхъ изъ лоскутковъ золотой камки да чревчатого бархата. Тутъ-же были Орьяка-ка-зачка и безногая Анка.

Боярышня Прасковья Ивановна распрашивала Анку, отчего-де у нея, у такой молодой, ноги не дѣйствуютъ?

— Охъ, боярышни! горя что я пережила, причитала Анка. Вѣдь я послѣ двухъ мужей вдова, даромъ, что мнѣ всего-то двадцать второй годъ. Первый-то мой мужъ былъ мужикъ добрый, а жила я съ нимъ безъ малаго годъ. Пришли поляки и убили моего хозяина. Осталась я сиротой бездѣтной, свекоръ съ свекровью изъ избы меня выгнали, и стала я жить бобылкою въ старой хибаркѣ на самой околицѣ. Какъ пришелъ ко мнѣ казакъ Костья Баловень и увелъ меня въ свою сторону на рѣку Донъ. Какъ собралъ онъ тамъ казаковъ—лихихъ товарищей и ихъ атаманомъ сталъ, какъ Заруцкаго на Москвѣ показнили, а Марипеа-воруха въ темницѣ померла, сталъ Баловень себя царемъ Димитріемъ звать и повелъ казаковъ къ Москвѣ, и я съ дѣвочкой, съ этой грудной Улькой, за ними пошла. Тутъ стали казаки подъ Симоновымъ монастыремъ и сперва хотѣли государю вкрестъ цѣловать, а какъ пріѣхали къ намъ бояре въ станъ казаковъ переписывать, Баловень мой заупрямился, переписывать казаковъ не далъ и въ Москву пошелъ да сталъ грозить: уведу-де казаковъ къ пану Лисовскому воевать московскія земли. Осерчалъ государь; бояринъ Измайловъ да князь Лыковъ пошли на насъ съ войскомъ... Казаки побѣжали по Серпуховской дорогѣ, и я съ Улькой своей побѣжала. Нагнали насъ на рѣкѣ Лужѣ,

подъ Малымъ-Ярославцемъ, и былъ бой жестокой: казаковъ ино побили, а ино въ полонъ побрали, меня-же не взяли, да я сама, узнавши, что Баловня въ темницу посадили, пришла въ Москву, чтобъ съ нимъ повидаться... Меня взяли, въ застѣнокъ посадили, къ пытѣвъ водили, огнемъ жгли, на дыбу поднимали... да вотъ ноги-то мнѣ и вывихнули... думали, я померла и изъ застѣнка выбросили... съ той поры живу я калѣкою, а помирать не помираю... Да спасибо Ульку мою Оринушва жалуетъ и жена Путятаева Онтонида...

Боярышни слушали съ большимъ участіемъ, а Марья Ивановна не могла удержать восклицанія:—какая страсть эти пытки... кабы я была царицей, выпросила-бъ я у царя, чтобъ ихъ не было...

— Чтожъ съ Баловнемъ стало? спросила Прасковья Ивановна. Анка не отвѣчала; она смертельно поблѣднѣла, и губы ея подергивались. Орья рассказала, что, узнавъ про назначенную казнь Баловня, она просила государыню о его помилованіи, но она ей отказала. Тогда сродничекъ мой, казакъ Гришка Гладкій, послалъ меня къ государю и велѣлъ напомнить ему, кто-де тебя, государь, первый въ Ипатьевѣ монастырѣ поздравилъ, тотъ-де просить: прости Баловня!.. Государь далъ мнѣ грамоту и велѣлъ нести ее на Красную-Площадь... Вѣгу я и вижу: на Лобномъ мѣстѣ стоитъ висѣлица и Баловня ужъ привели, а онъ, въ похвальбу, изъ кармана веревку вытащивъ, подалъ ее наплечному мастеру... Народу такая сила несмѣтная, что продраться никакъ не могу... Машу грамотой, кричу... Никто не видитъ и не слышитъ!.. Не помню я, какъ до Лобнаго мѣста добралась и стрѣльцкому полковнику грамоту подала... Прочелъ онъ да и молвилъ: поздно!.. Взглянула я вверхъ... а Баловень-то ужъ на висѣлицѣ болтается...

Ужасъ изобразился на лицѣ Марьи Хлоповой; даже у Прасковьи Ивановны румянецъ со щекъ сбѣжалъ.

Въ это время пришла Онтонида Путятина за своимъ сннишкомъ.—Вода поубавилась, избенку нашу не снесло,

жоровушка цѣла и курушки... рассказывала она. Дворншкѣ разметало... ну да что гореваты!.. Слава Господу, что дѣтинокъ-то живы, свѣтъ мой Васенька, спасибо вамъ, боярышни... Пойдемъ, Аннушка, да и тебѣ Оринушка время къ государынѣ, скоро будешь постели стлать... Простаясь съ боярышнями и съ княжной Марьицей, которая щедро надѣлила ребятишекъ, Анка, Орья и Онтонида ушли изъ хоромъ князя Владиміра Тимофеевича Долгорукова.

Въ этотъ день Григорію Гладкому не удалось повидаться еще со своей возлюбленной. Онъ сидѣлъ возлѣ постели боярина Опочинина и, чтобы развлечь его, рассказывалъ, какъ онъ ходилъ съ княземъ Димитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ воевать съ поляками.

— Какъ въ прошломъ лѣтѣ *), гонялись мы за паномъ Лисовскимъ: такой войны отъ начала міра не бывало. Долго стояли мы подъ Смоленскомъ безъ дѣла: воевода нашъ бояринъ Бутурлинъ былъ раненъ подъ Бѣлою, князя Проскурова да князя Черкаскаго въ Москву вызвали, а на смѣну имъ прибыли князь Хованскій да бояринъ Вельяминовъ. Думали мы, вотъ война начнется, однако наши воеводы все медлятъ!.. Слуха меня одолѣла, я, какъ прошелъ слухъ, что князь Димитрій Михайловичъ съ бояриномъ Исленевымъ и съ войскомъ идутъ съ Бѣлаго черезъ Болховъ, созвалъ я своихъ товарищей казаковъ и говорю:—идемъ, братцы, къ князю Пожарскому, съ нимъ скорѣе дѣло намъ будетъ. Вышли охотники, человекъ съ сотню, и пошли мы на встрѣчу князю, недалече отъ Орла настигли мы его на рѣкѣ Овѣ. Разъ послалъ меня князь на развѣдки; вѣхалъ я въ лѣсъ, вижу, бѣгутъ мужики да бабы съ ребятами; спрашиваю: куда-де вы бѣжите, а они отвѣчаютъ: Лисовскій панъ въ городѣ Карачевѣ стоялъ, а какъ провѣдалъ, что идетъ на него московскій воевода Пожарскій, городъ

*) 1615 годъ.

выжечь да бросился къ городу Орлу; всѣ-де на пути села и поселки жечь да грабить, а мы-де вотъ бѣжимъ отъ его воровской рати въ гаю да болотахъ схоронимся. Тотчасъ я воротился и донесъ князю; онъ собралъ войско, отслужилъ молебень и двинулся на встрѣчу лисовчикамъ, пославъ впередъ боярина Пушкина съ казаками. Идемъ мы поутру между Орломъ и Кромами, солнышко только-что встало, все-то кругомъ зелено да привольно, хлѣбъ поспѣлъ, жать пора, и зерно ужъ сыплется, но никто его не собираетъ, жители бѣгутъ, да въ болота неприступныя хоронятся. Выѣхалъ я на опушву небольшой рощицы, а на полянѣ ужъ всадники литовскіе разѣзжаются. Впереди всѣхъ, на рыжемъ аргамакѣ, самъ панъ Лисовскій въ красномъ камзолѣ со шнурами, а на головѣ шапочка съ перомъ. Загорѣлось мое ретивое, свистнулъ я своимъ товарищамъ и полетѣли мы на встрѣчу къ лисовчикамъ!.. завязался горячій бой... бились мы съ утра до полудня, подоспѣлъ къ намъ и бояринъ Исленевъ съ княземъ; однако, лисовчиковъ было гораздо болѣе насъ и все-то отчаянные, удалые наѣздники, рубить да колоть умѣли... Много тутъ у боярина Исленева стрѣльцовъ побили, не устояли они и побѣжали... Даже заплакалъ князь Пожарскій.—Ужели, говорить, я отъ поляковъ побѣгу?.. стали его другіе бояре уговаривать: отступимъ-де къ Болхову и подождемъ помочи отъ Троекурова изъ-подъ Смоленска, а князь говорить:—всѣмъ намъ помереть на этомъ мѣстѣ!.. Пожарскіе отъ враговъ николи не бѣгали!.. Коли уйдете, я и одинъ останусь!.. Собрались около него самые храбрые, около 600 человекъ, а другіе всѣ ушли.—Становите обозныя телѣги кругомъ, копайте ровъ и давайте отъ враговъ отбиваться, сказалъ князь. Обгородились мы телѣгами да обозомъ, окопались ровомъ и сѣли въ осаду!.. Дѣло было подъ вечеръ; лисовчики нобоялись въ темнотѣ на насъ нападать и стали на ночлегъ въ двухъ верстахъ отъ насъ. Какъ стемнѣло, князь позвалъ меня и такъ молвилъ:—Гладій!.. на тебя уповаю, сослужи службу: проберись гаемъ къ Исленеву,

вороти его... Коли-де не воротись, грѣхъ тебѣ будетъ отъ Бога и срамъ отъ людей!.. Жалко было глядѣть на князя: сидитъ онъ на землѣ возлѣ телѣгъ, платье на немъ изорвано, лицо блѣдно, руки въ крови, мечъ отъ лютой сѣчи переломился.—Этимъ мечомъ, говорить, я поляковъ изъ Москвы гналъ, а нонѣ нечѣмъ будетъ отъ нихъ отбиваться. Распоясался я, отдалъ князю саблю булатну, что съ пана какого-то мертваго снялъ въ бою. Взялъ я троихъ товарищей и тайно вышелъ изъ обоза, догналъ Исленева и сталъ его уговаривать: ужель-де вы своего московскаго вождя-освободителя повинете? Съ нимъ вмѣстѣ и помереть-то пригоже!.. Ратные люди, услыша мои рѣчи, закричали:—идемъ къ Пожарскому и уповаемъ, что съ нимъ не пропадемъ! и воротились къ обозу, а за ними и другіе стали собираться. Къ утру войско наше пополнилось, а какъ выѣхали лисовчики да увидали нашу силу, то снялись со стану и пошли къ Кромамъ; мы погнались за ними, они отъ насъ къ Болхову, потомъ къ Бѣлеву, къ Лихвину, къ Перемышлю... И скакали они такъ шибко, что мы никакъ нагнать ихъ не могли, потому такихъ наѣздниковъ, какъ панъ Лисовскій, во всемъ свѣтѣ не видано. Князь Пожарскій отъ усталости занемогъ. Отвезли мы его въ Калугу... и погоня наша кончилась: другіе воеводы за лисовчиками не пошли, а Лисовскій все шель съ быстротой непомѣрной, все сожигая и разоряя на пути; былъ подъ Ржевомъ, Кашинымъ, Угличемъ, пробрался лѣсами между Ярославлемъ и Костромой, между Володиміромъ и Муромомъ, между Коломною и Переяславлемъ, между Тулою и Серпуховымъ. Въ Алексинѣ встрѣтился съ нимъ князь Куракинъ, побился съ нимъ, но остановить не могъ и къ зимѣ Лисовскій ужъ былъ въ Литвѣ... Зимой дѣла мнѣ не было и я пошелъ на родину въ Путивль, побывалъ и на Дону, и атаманамъ нашимъ про московскаго царя рассказывалъ. Выходили они на круги, общались Москвѣ помогать, а отъ Литвы отстать. Съ этими вѣстами я нонѣ въ Москву прибылъ...

ГЛАВА IV.

Любовь богатыря.

Со всѣхъ концовъ московскаго государства съѣзжались въ Москву знаменитыя красавицы. Было объявлено, что, по древнему обычаю и по примѣру прежнихъ царей, молодой государь Михаилъ Θεодоровичъ будетъ выбирать себѣ невѣсту.

Когда Прасковья Ивановна пріѣхала къ своему дядѣ, князю Владиміру Тимофеевичу Долгорукову, то княгиня Марфа Васильевна возила ее на показъ къ великой старицѣ Марфѣ Ивановнѣ въ Вознесенскій монастырь. Прасковья, какъ мы сказали, была идеаломъ красоты того времени; она очень понравилась Марфѣ Ивановнѣ, вслѣдствіе чего по Москвѣ распространилась самая преувеличенная молва о красотѣ боярышни и всѣ были увѣрены, что государь на ней женится.

Мы видѣли, какъ государь случайно встрѣтился съ нею въ саду ея дяди, но, не смотря на необыкновенную, поразительную ея красоту, не обратилъ на нее никакого вниманія. Возлѣ нея стояла Марья Хлопова, та избранница его юношеской любви, которой онъ далъ обѣтъ, еще не бывши царемъ. Еслибъ ему и понравилась другая женщина, Михаилъ Θεодоровичъ счелъ-бы своимъ долгомъ исполнить вѣтву; но не одинъ только долгъ чести былъ на сторонѣ Марьи: любовь царя нисколько не охладѣла, а напротивъ, въ эти годы, когда онъ былъ разлученъ съ своей любимицей, не проходило ни одного дня, чтобы онъ не вспоминалъ о хорошенькой и рѣзвой «другинѣ» его юношескихъ забавъ. Съ своей стороны, и Марья сохранила въ душѣ любовь къ Михаилу, во всей ея неприкосновенности; хотъ она не совѣмъ вѣрила въ предназначенную ей почесть, но рѣшилась, если царь не исполнитъ своего обѣщанія, повинуть міръ и похоронить въ монастырской келии воспоминаніе о лучшихъ

минутахъ своей жизни. Впрочемъ, до нея изрѣдка доходили вѣсти о томъ, что царь о ней не забылъ: сиротинка Орѣва хаживала въ домъ Желябужскихъ и передавала Марьѣ поклонъ отъ него; это были ихъ единственныя сношенія въ промежутокъ времени отъ марта 1613 года до апрѣля 1616 года.

Изъ хорошенькой дѣвочки, Марья развилась въ прекрасную дѣвушку; если красота ея и уступала Прасковьѣ въ матеріальномъ смыслѣ, за то въ идеальности она далеко превосходила ее. Въ выраженіи ея глазъ было что-то глубоко таинственное, самый недалководный наблюдатель могъ замѣтить, что на гладкомъ, высокомъ челѣ Марьи лежало облако печали, алыя губы ея рѣдко улыбались, а складка между бровей доказывала, что неотвязчивая дума постоянно преслѣдовала ее вездѣ, и въ тишинѣ терема, и въ шумномъ обществѣ подругъ, которыя, подразнивая ее, прозвали «царевной-неулыбой».

Долгоругіе были сосѣди Желябужскихъ по одной изъ своихъ вотчинъ; поэтому Прасковья съ Марьей видались еще дѣтьми. Теперь онѣ возобновили дружбу и Марья часто ѣзжала къ Прасковьѣ, потому что у Долгорукихъ былъ прекрасный, большой садъ, въ которомъ такъ привольно было боярышнямъ гулять и рѣзвиться безъ опаски, чтобы кто-нибудь увидалъ ихъ. Крѣпкій частоволь отдѣлялъ садъ отъ рѣки, но въ эту весну его снесло водой и совсѣмъ неожиданно въ завѣтный кругъ попали молодые бояре съ молодымъ царемъ. Впрочемъ, князь Владиміръ Тимофеевичъ и его княгиня Марфа Васильевна не слишкомъ сѣтовали на это случайное нарушеніе обычая: имъ очень хотѣлось породниться съ царемъ черезъ Прасковью и они были увѣрены, что устоять противъ очарованія ея красоты невозможно.

Опочинивъ лежалъ и жаловался на сильную головную боль, звонъ въ ушахъ и такую слабость, что не могъ встать на ноги. Лечившій его «дохтуръ Валентинъ Бильсъ» былъ родомъ англичанинъ, пріѣхавшій изъ Англій съ консуломъ Джономъ Меривомъ, который хло-

поталъ въ Москвѣ о проложеніи черезъ Россію пути въ Индію и Персію. Бильсъ поселился въ Москвѣ, а такъ-какъ медицина тогда была у насъ почти неизвѣстна, то государь и бояре согласились принять Бильса на службу, съ условіемъ, чтобы онъ выучилъ своему мастерству нѣсколько человѣкъ русскихъ. Бильсъ завелъ аптеку и началъ учить молодыхъ парней изъ государевыхъ и боярскихъ холопьевъ; но его мастерству нашлось много оппониторовъ: въ медицину плохо вѣрили и опасались снадобы да коренья иноземнаго; знахари, шарлатаны и ворожеи крѣпко возстали на нарушителя ихъ исконныхъ правъ лечить наговоромъ да волшбою; само духовенство нашло дѣломъ богопротивнымъ леченіе иноземца Бильса; оно находило свои выгоды отъ вѣрованья бояръ и народа въ силу исцѣленія молебнами да вкладами въ храмы и монастыри, да дарами духовенству бѣлому и черному. Однако многіе болѣе развитые бояре покровительствовали доктору Бильсу и старались ввести употребленіе медикаментовъ. Между другими, и князь Долгорукій принималъ Бильса, поручалъ ему лечить свою дворню, почему и въ Опочинину его водили каждый день.

Бильсъ терялся въ трудной задачѣ вылечить этого молодого, крѣпкаго организмомъ, боярина, который, отъ легкой простуды, вдругъ заболѣлъ такъ серьезно. Докторъ приносилъ больному пропасть стѣляницъ съ лекарствами, но Опочининъ ихъ не принималъ, а лежалъ да охалъ, не позволяя даже натирать себя аптекарской водкою и увѣряя, что у него-де всѣ мозги трещать, какъ только онъ пошевелится. Князь и докторъ пришли къ заключенію, что онъ ушибъ голову, какъ плылъ между разнаго хлама, который несло водою. Князь не велѣлъ его тревожить, а княгиня прислала ему просфоры да святую воду, приставивъ для ухода за больнымъ трехъ старухъ, изъ которыхъ одна бывшая мамка Прасковья Ивановны, умѣвшая обращаться съ хворыми, которые приходили въ ней за совѣтами и наговорной водою.

Осмотрѣвъ боярина Опочинина, старая калмычка Мамука усмѣхнулась, но никому не повѣдала, почему ей показалась забавною хворь молодого человѣка. Мамука принялась за нимъ ухаживать такъ усердно, что почти не допускала къ нему другихъ старухъ и самого князя выпроваживала, увѣряя, что бояринъ-де спитъ, а сномъ-то и вся хворь его пройдетъ.

И такъ нѣсколько дней Опочининъ все спалъ, или привидывался спящимъ; наконецъ, ему стало невыносимо скучно. Разъ старая Мамука сказала ему: спи, усни, мой богатырь: нонѣ тебѣ сонъ-отъ пригожій привидится!.. Послѣ этихъ загадочныхъ словъ, она вышла и плотно притворила за собою дверь.

Оставшись одинъ, Опочининъ приподнялся, сѣлъ на постелѣ, оглядѣлся кругомъ и, увидавъ отворенное въ садъ окно, быстро всталъ.

— Хоть-бы вольнымъ вѣтромъ дохнуть!.. Стосковался я зѣло!.. Правда, что видаю я ее, какъ она по саду гуляетъ, но еще ни разу не подошла она близко и слова мнѣ не молвила... Забыла видно... и молодой человѣкъ печально склонилъ голову на руки, которыми облокотился на подоконницу.

Опочининъ былъ пригожъ лицомъ: смуглый, черно-волосый, съ большими темными глазами; ростомъ онъ былъ высокъ, въ плечахъ широкъ, а мускулистые руки его доказывали непомятую силу богатыря, постояннаго побѣдителя въ борьбѣ съ медвѣдями. При дворѣ не было такого лихого наѣздника, который могъ-бы потягаться съ Богданомъ Опочининымъ; неутомимый на охотѣ, страстный любитель коней и собакъ, онъ имѣлъ мало времени для занятій съ бабьемъ; онъ даже довольно презрительно относился къ прекрасному полу, и всѣ его товарищи были убѣждены, что нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ такой красавицы, которая могла-бы полонить сердце Опочинина, а, между тѣмъ, они грубо ошибались: этотъ сильный, вѣршій богатырь ужъ нѣсколько лѣтъ таилъ въ душѣ прелестный обликъ и какъ святыней дорожилъ волеч-

комъ, висѣвшимъ у него на груди на золотой цѣпочкѣ, вмѣстѣ съ натѣльнымъ крестомъ. Теперь его алая шелковая рубаша съ вышитюю золотомъ каймою была растегнута на груди и крестъ съ колечкомъ были видны.

Вечеръ стоялъ благодатный; лужайки въ саду за зелеными, яблони покрылись бѣлыми почвами, комары да мошки тольлись подъ косыми лучами заходящаго солнца. Опочининъ устремилъ глаза на дорожку, гдѣ обыкновенно гуляла его зазноба. Вдругъ что-то зашелестило близко отъ него, онъ оглянулся и едва не вскрикнулъ отъ радости: раздвинувъ кусты смородины да малинника, на него глядѣла красавица и ласково улыбалась. Нѣсколько минутъ прошло, но ни онъ, ни она не двигались и не говорили: онъ боялся не спугнуть-бы прелестное видѣнiе, а она боялась не подошелъ-бы кто-нибудь. Прасковья Ивановна!.. Парашенька моя!.. наконецъ, едва внятно молвилъ онъ.

— Богдаша! голубчикъ!.. полегчало-ли тебѣ? спросила она.

— Я совсѣмъ здоровъ тѣломъ... да душа-то у меня болѣетъ... Подожди, моя радость... обрадуй добра-молодца, говорилъ Опочининъ. Никто не увидитъ: окно отъ земли низко, а кусты кругомъ густые...

Прасковья подошла къ окну. Опочининъ схватилъ ее за руку и потянулъ къ себѣ; она слегка упиралась, но онъ былъ сильнѣе; приподнявъ дѣвушку, онъ посадилъ ее на подоконницу, а самъ сѣлъ на скамью, стоявшую въ горницѣ у окна.

— Дорогая ты моя! Душа души моей... Какъ это случилось, что вижу тебя въ Москвѣ?.. спросилъ Опочининъ, нѣжно цѣлуя руки боярышни.

— Дядя и тетка велѣли къ себѣ быть: царь невѣсту выбирать хочетъ и всѣ боярышни въ Москву съзываются, отвѣчала она.

Опочининъ нахмурился:

— Тебѣ, видно, царицей быть пожелалось!.. Измѣнила

своему слову... а я вотъ колечко твое на крестѣ ношу, и онъ показалъ кольцо.

Прасковья покраснѣла: не вольна я въ себѣ, дядя приказываетъ, должна я слушаться... а царицей мнѣ быть не приходится... Царь-то ужъ выбралъ!.. отвѣчала она.

— Кого-же?.. Не слыхалъ что-то а!.. удивился Опочининъ: Прасковья рассказала ему то, что слышала. Марья Хлопова скрытная, про царя ничего мнѣ не повѣдала, а только сказывала, что Салтыковъ Михайла ее сваталъ. При имени Салтыкова что-то особенное прозвучало въ тонѣ красавицы. Опочининъ вздрогнулъ: Онъ тебя въ лицо видѣлъ!.. Тогда, какъ я очнулся, ты безъ покрывала была?.. ревниво сказалъ онъ.

Прасковья смутилась.

— Я забыла про покрывало... за тебя испугалась... Да онъ и не взглянулъ въ лицо мнѣ...

— Онъ про тебя спрашивалъ, красавицей называетъ, неосторожно замѣтилъ Опочининъ. Боярышня не отвѣчала, но похвала Салтыкова ей была очень пріятна. Опочинина она любила не слишкомъ страстно, онъ случайно встрѣтился съ нею въ галицкомъ гаю, гдѣ она съ своими сѣнными дѣвками да мамъями гуляла по грибы; а бояринъ Ловчаго Пути искалъ тамъ слѣды медвѣдей и, узнавъ, что князь Владиміръ Тимофеевичъ страстный любитель охоты, обратился къ нему за свѣдѣніями, гдѣ добыть звѣрья и какъ его изловить, для государевой потѣхи. Князь принялъ царскаго ловчаго съ почетомъ и онъ прогостилъ въ княжескихъ хоромахъ недѣли три. Въ это время, при содѣйствіи калмычки Мамуви, онъ тайно видался съ Прасковьей и полюбилъ ее до безумія. Однако, свататься онъ не смѣлъ: князь былъ выше его мѣстомъ и родовитѣе, но Прасковья общала ему со временемъ добиться согласія на ея бракъ чрезъ посредство тетки, княгини Марфы Васильевны; послѣ того они разстались на нѣсколько лѣтъ. Судьба столынула ихъ вновь; любовь молодого человѣка вспыхнула еще съ большей силою, а боярышня, которой опъ нравился въ глухой сторонѣ, теперь, когда узнала московское житье, не прочь

была промѣнять первую любовь на знатность и блескъ дворцовой обстановки; но она еще не вполне сознавалась сама себѣ въ этихъ тщеславныхъ замыслахъ; въ тому же она узнала, что царь любить Марью, а Опочининъ близкій къ нему человекъ, она будетъ его женою, то черезъ свою подругу Хлопову можно попасть въ большой почетъ.

Послѣ разговора съ Прасковьей, Опочининъ успокоился; онъ повѣрилъ, что она его любитъ и радужныя надежды наполнили его сердце. Уговорившись съ боярышней видаться въ саду, при помощи Мамуки, Опочининъ на другой-же день объявилъ князю, что ему-де отъ святой воды полегчало и, поблагодаривъ его за гостепріимство, ушелъ въ Кремль, гдѣ его ждали съ нетерпѣніемъ, такъ-какъ никто безъ него не умѣлъ потѣшить государя охотою.

ГЛАВА V

На сонъ грядущій.

Солнце закатилось, заря погасла, и Кремль погрузился во тму и дрему.

Не спится молодому государю, въ золотыхъ хоромахъ, на пуховыхъ перинахъ, подъ камеевымъ одѣяломъ. Закинувъ руки на голову, лежитъ Михаилъ Феодоровичъ на атласной подушкѣ, расшитой золотымъ узоромъ; глядитъ онъ на иконы, жемчугомъ низанныя. Тихо все кругомъ, только слышны мѣрные шаги стрѣлцкой стражи, которая и день, и ночь бережетъ царскіе покои. Лампады освѣщаютъ опочивальню, и свѣтильники ихъ тихо колеблются отъ сырой струи весенняго вѣтра, доносившейся съ рѣки Москвы въ полу-отворенное окно.

О чемъ думаетъ онъ?..

Скоро, скоро настанетъ давно желанный день: соберутся во дворецъ со всей земли московскаго государства дѣвви-красавицы, а между ими и его Марья!.. Объявить

онъ ее своей избранницей и вручить ей ширинку да кольцо.

Тутъ невольно смущаетъ его вопросъ: благословить-ли мать его выборъ?.. Заговаривала она ему про красоту племянницы князя Долгорукова и что хорошо-де съ нимъ породниться... но не приказывала непременно выбрать ее въ царицы. Какъ Богъ положить тебѣ на разумъ да на сердце, такъ и выбирай!.. сказала Марфа Ивановна, не желавшая насиловать волю сына въ такомъ дѣлѣ, чтобы послѣ онъ на нее не плакался, что вотъ-де нелюбую мнѣ царицу высватали...

Утомленный бессонницей, царь ударилъ въ ладоши, дверь пріотворилась и спавшій въ сосѣдней горницѣ Михаилъ Салтыковъ, просунувъ голову, спросилъ:

— Чего тебѣ, государь-братецъ? Испить не изволишь-ли?

— Нѣтъ, братецъ Миша, не спится мнѣ: позови-ка бахаря Путяту, пускай басню баетъ, авось скорѣе засну... приказалъ государь.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ бахарь Путята, держа подъ рукою родъ гитары, называемой «домра».

Михаилъ Феодоровичъ оченьлюбилъбылиныобогатыхъ, которыя «баяли» на распѣвъ подъ унылыя звуки домры.

— Какую тебѣ басню баять, государь: про Добрыню Никитича, про Алешу Поповича, или про Илью Муромца? спросилъ бахарь, настраивая свой «стремень».

— Про Илью Муромца, выбралъ царь.

Бахарь затянулъ былину: какъ жилъ-поживалъ мужикъ съ бабою; уродился у нихъ сынъ Илья и сидѣлъ онъ сиднемъ восемнадцать годовъ съ половиною. Разъ пошли мужикъ съ бабою въ лѣсъ по дрова, а Илья сидѣнь дома остался. Подошелъ къ окошку старецъ, Божій человекъ, попросилъ водицы испить, а Илья ему молвилъ: сижу-де я сиднемъ восемнадцать годовъ съ половиною. Далъ ему старецъ полъ ковша воды ключевой, испилъ Илья, всталъ на ноги и зачалъ силу свою пробовать; какъ ухватилъ онъ матерый дубъ и выдернулъ

его какъ ржаннй класъ. Удивился онъ своей силѣ и молвилъ: кабы-де воротъ подѣ вселенную подотѣнуть, повернулъ-бы я всю вселенную. Ужаснулся старецъ, Божій человекъ, ужаснулись отецъ съ матерью, ужаснулся весь честный народъ... Пошелъ по свѣту слухъ про богатыря Илью Муромца. Вотъ позвалъ его царь, а у того царя дочь была красавица; полюбился ей Илья Муромецъ, а царь ему молвилъ: сослужи-де мнѣ службу, возьми любого моего жеребца, поѣжай къ моему брату: у него дочь испорчена и летаетъ къ ней змій-горыничъ о двѣнадцать главахъ. Отсѣки змю главы и тогда отдамъ за тебя свою дочь-царевну. Пошелъ Илья-богатырь въ царскія конюшни, всѣхъ жеребцовъ перепробовалъ: какъ наложить на котораго руку, такъ жеребецъ и спотычется. Ударилъ рукой одного жеребца, тотъ съ радости заржалъ и не спотынулся. Возрадовался Илья и молвилъ: се конь слуга мой вѣрный!..

Государь остановилъ бахара: Скучно!.. Спой лучше пѣсни.

Путята подумалъ и запѣлъ про «Василису-Микулишну Богатырицу-Полѣницу»:

— Какъ беретъ въ рученьку во лѣвую
Стрѣлочку каменую булатную,
Вытягиваетъ тугой лукъ да за ухо:
Силъа шелкова тетивка у туга лука,
Вавыла да пошла каменная стрѣла,
Всѣ тутъ сильныи, могучіе богатыри
Разбѣжались словно угорѣле!..
Хлещетъ стрѣлка по сыру дубу
Иломала дубъ въ черенъя-ножевые!..

Пока бахаръ пѣлъ, Михаилъ Феодоровичъ задремалъ; но сонъ его былъ тревоженъ и вотъ что ему снилось:

— Видитъ онъ, что гуляетъ по какому-то волшебному прекрасному саду: рядомъ съ нимъ идетъ его молодая царица, Марія, одѣтая въ царскій вѣнецъ и въ малиновую шубу на горностаяхъ. Подошли они къ широкой рѣкѣ и пошли по мосту. Мостъ былъ длинный и узкій, только двоимъ пройти; вотъ они ужъ на сред-

нѣ... вдругъ мостъ повачивается, подламывается и его Марья падаетъ въ воду... изъ воды выплываетъ змій о 12 головахъ и проглатываетъ царицу...

Михаилъ Θεодоровичъ просыпается; холодный потъ покрываетъ его чело:

— Сонъ не хорошъ мнѣ приснился, говоритъ царь. Кто-бъ мнѣ его разгадалъ?

— А вотъ, коли прикажешь, приведу я слѣпного Лукашку: онъ гораздъ сны гадать,—предложилъ Салтыковъ.

Явился слѣпой старикъ Лукашъ и государь разсказалъ ему свой сонъ, не упоминая о Марьѣ. Лукашъ подумалъ и такъ объяснилъ вѣщій сонъ: «Рѣка — это война; царица—Литва, а змій о 12 головахъ—это твои ратные люди». Салтыковъ похвалилъ Лукаша и даже государь, улыбаясь, сказалъ: Изъ худого сна, да хорошій вышелъ.

Вмѣстѣ съ Лукашемъ пришелъ и дуракъ Мосяга; чтобы развеселить государя, онъ началъ кувиркаться черезъ голову, пѣтъ пѣтухомъ, по собачьи лаять и по кошачьи мяукать. Сначала Михаилъ Θεодоровичъ посмѣялся, но скоро ему надоѣло кривлянье дурака и его выгнали. Потомъ привели карлика Ивашку и заставили его плясать; послѣ карлика Нѣмчинъ Ивапъ Семеновъ принесъ коробъ съ кувольной комедіею и наконецъ открыли, стоявшій въ углу опочивальни, привезенный цимбальщикомъ Томилкой Бѣсовыхъ новый органъ, на которомъ сверху были придѣланы двѣ золотыя птицы: соловей да кукушка. Бѣсовъ завелъ органъ и птицы запѣли по своему: это очень нравилось государю, и онъ обѣщаль за такое мастерство спить Томилкѣ нѣмецкое платье: юрлумъ суконный вишневыи плащъ—кабать съ мишурнымъ кружевомъ, сапоги красные и шляпу съ перомъ. Когда вдоволь наслушались игры на органѣ, опять принялись за былинны:

— Спой-ка про Володимира—Красное-Солнышко,—приказалъ государь бахарю Путятѣ и онъ запѣлъ:

— Не ясенъ соколъ съ гнѣзда солетывалъ,
 Не бѣлый кречетъ съ тепла сопархивалъ,
 Встаеъ самъ батюшка Владиміръ князь,
 Володиміръ князь Красно-Солнышко,
 Съ своего большого стола княжескаго,
 Со стольнаго града Кіевскаго,
 Частую бородку поглаживалъ,
 Бѣлыми руками поваживалъ,
 Ясными кудрями потряхивалъ,
 Слова государь выговаривалъ:
 — Охъ ты гоѣ еси княгиня Апраксія
 Ходитъ словно бѣлая лебедушка...

Бахарь остановился: царь крѣпко и спокойно спалъ. Тихо, на цыпочкахъ, вышелъ Путята, дверь за нимъ затворилась и снова все заснуло въ царскихъ хоромѣхъ и во всемъ Кремлѣ. Только безустали шагаютъ стрѣльцы, оберегая сонъ московскаго государя.

За нѣсколько дней до назначеннаго смотра невѣстъ, въ Москвѣ поднялись сборы и приготовленія нарядовъ. Многія боярыни собирались въ одинъ какой-нибудь знатный княжій домъ, чтобы оттуда везти своихъ дочерей да сродницъ цѣлымъ поѣздомъ во дворець. Такъ и къ княгинѣ Марфѣ Васильевнѣ Долгорукой наканунѣ смотра пріѣхала Феодора Желябужская со внукою и боярыня вдова Марья Андреевна Милюкова; послѣдняя была дальнею сродницею Евникии Самтыковой, но родство ихъ было въ такомъ колѣнѣ, что не представляло помѣхи для брака ихъ дѣтей. У Евникии давно было на умѣ женить сына на Феодосьѣ Милюковой, но старшій, Борисъ Михайловичъ не взялъ Феодосью, потому что она показалась ему зѣло не пригожей; поэтому рѣшено было сватать ее Михаилу Михайловичу. Въ прежнемъ боярскомъ быту часто случалось, что отцы съ матерями еще въ дѣтствѣ помолвливали дѣтей, а впоследствии они не смѣли ослушаться родительской воли. Однако Феодосья не очень-то охотно покорялась материнымъ приказаніямъ; напротивъ, она часто проявляла свой крутой нравъ, а какъ отца у нея не было, то и не кому было

поучать ее строгими мѣрами по «Уставу Домостроя», то-есть плетью да тасканьемъ за косы, что составляло необходимую приправу къ родительскимъ наставленіямъ. Ѳедосью горько обидѣлъ отказъ Бориса Салтыкова, а знала она, что у Михайла было еще болѣе самостоятельности, поэтому и не хотѣла подвергаться новому оскорбленію.

Въ ея честолюбивую душеньку закрался другой замыселъ, съ тѣхъ поръ, какъ государыня задумала женить царя и опредѣлила въ «Верхъ», то-есть въ палаты, назначенныя для государевой невѣсты, главной сѣнной боярыней Марью Милкову ея мать.

Конечно, она не могла соперничать съ Прасковьей Ивановной и другими красавицами, но, вѣдь были средства исправить природные недостатки. Тогда вообще употреблялись самыя грубыя косметическія средства и какъ-бы ни была красива женщина, она не могла обходиться безъ бѣлизъ, румянъ и сурьмы. Этотъ обычай, освященный вѣками, считался обязательнымъ для женскаго лица такъ-же, какъ и одежда для тѣла, а потому всѣ женщины, особенно съвозъ тонкія покрывала, казались однообразно прекрасными.

Ростомъ-же и дородствомъ Ѳедосья могла поспорить съ любой кормилицей; груди у нея были, что твои кавави, станъ крутой, ноги большія, руки пухлыя да бѣлыя и не разъ Марфа Ивановна говорила ея матери: «Ѳедоська твоя народитъ тебѣ внуковъ»!.. а чадородіе составляло главное достоинство женщины XVII столѣтія.

Оцѣнивъ по достоинству всѣ свои прелести, Ѳедосья рѣшила, что она была вполне пригодна для роли будущей московской царицы; но для того, чтобы заручиться еще большими вѣроятностями на успѣхъ, она вздумала прибѣгнуть къ чародѣйству. Распросивъ у сѣнныхъ дѣвокъ про знахарокъ и ворожей, она узнала, что мамка Прасковьи Ивановны, калмычка Мамука, зѣло искустна въ колдовствѣ:

— Это видно она сдѣлала Парашу тавой красави-

цей! подумала Федосья и, улучив удобное мѣсто въ сѣняхъ, спросила старуху калмычку, можетъ-ли она дать ей «корень обратимъ?»

Хитрая Мамука отвѣчала: «Изволь, боярышня, достану я тебѣ тотъ корень, но онъ дорого стоитъ... коли не поскупишься, такъ на кого я наговорю, крѣпко полюбить тебя...

Федосья выпросила у матери нѣсколько рублей, не срывъ отъ нея, что хочетъ достать «корень обратимъ», а Милюкова и сама, когда была въ дѣвкахъ, да и послѣ замужства, не разъ употребляла приворотныя снадобы я, чтобы любить ее мужъ.

Когда стемнѣло, Мамука вызвала боярышню въ садъ и съ таинственнымъ видомъ вручила ей какой-то корень съ раздвоеннымъ концомъ. «Положи его на зеркало, глядись севозь его и нашептывай, кого хочешь полонить. Цѣлый день и цѣлую ночь надо смотрѣться, а послѣ истолочь корень, зашить въ доскутъ и носить за пазухой», учила калмычка.

Запершись въ своемъ теремѣ, Федосья исполнила въ точности наставленія Мамуки и теперь, когда она пріѣхала съ матерью къ княгинѣ Долгорукой, она была вполне убѣждена въ успѣхѣ волшбы.

Московскіе мастера да мастерицы были завалены заказами: со всѣхъ сторонъ являлись къ нимъ холопыя и на перебой танили золотныхъ мастерицъ-бружевицъ, швецовъ, серебрянниковъ въ хоромы своихъ господъ, гдѣ, кромѣ того, и собственныя сѣнныя дѣвки, швейки, да золотницы работали, не разгибая спинь. Таеъ-какъ костюмы русскихъ женщинъ XVII столѣтія не были похожи на наши бальныя платья изъ крепа и газа, которыя едва-ли могутъ соблазнить воровъ, то и шитье бархатныхъ да парчевыхъ лѣтниковъ да опашней, покрывалъ да повязовъ, унизанныхъ крупнымъ жемчугомъ и камнями самоцвѣтными, расшитыхъ золотымъ да серебряннымъ бружевомъ, исполнялись подъ строгимъ на-

блюденіемъ самихъ боярынь, либо испытанныхъ въ вѣрности прислужницъ.

Домъ княгини Долгорукой переполнился золотницами-кружевницами, мастерами и холопьями, приносившими большіе коробки да ларцы за крѣпкими замками, съ рядами боярышень.

ГЛАВА VI.

Смотръ невѣсть.

Еще наканунѣ смотра, въ теремѣ Прасковьи Ивановны поднялась ужасная суматоха: сѣнныя дѣвки, няньки, мамки, дурки и шутихи бѣгали, толкались и суетились.

— Шутя-ли трехъ боярышень снарядить на показъ царю!.. Такая задача вѣдь не по всякъ день бываетъ. Дѣвки въ царскія хоромы съ царя Бориса не ѣзжали, съ той поры, какъ царевну Оксинью за датскаго королевича обручали... говорила боярыня Желябужская.

— Да!.. хорошее было времячко!.. Тогда и я еще въ дѣвкахъ была и тотъ поѣздъ видѣла: ѣхала царевна въ золотой крытой каптанѣ, а съ боковъ ѣхали верхомъ на коняхъ датскій королевичъ и царевичъ Теодоръ Борисовичъ; впереди каптаны ѣхали 24 боярышни на бѣлыхъ коняхъ, по двѣ въ рядъ. То были первыя московскія красавицы, надѣты были на нихъ юбки червленныя, камзолы золотные, а на головахъ шляпы бѣлыя круглыя, съ камнями самоцвѣтными да съ перьями, да со шнурами длинными: волосы у боярышень были распущены по плечамъ и завиты кудрями; а поверхъ всего накинута была легкія фаты изъ серебряной индейской выбойки (кисей), сквозъ кои лица красавиць были видны... рассказывала княгиня Долгорукая.

— И всѣ эти боярышни были подъ одинъ образецъ выкрашены!.. насмѣшливо сказала Прасковья.

— Ты, чтожь, издѣвки на старинный, исконный об-
 чай молвишь!.. строго остановила ее княгиня.

— Вѣдь и тебя вотъ накрасимъ завтра!..

— Нѣтъ! ужь не дамъ я себѣ лицо портить, про-
 тестовала Прасковья. Тетка ея, въ ужасѣ, руками всплес-
 нула. «Чтожь это?.. Придется мнѣ къ государынѣ Мар-
 фѣ Ивановнѣ ѣхать съ жалобой на тебя!.. Вѣдь безъ
 бѣлиль да румянъ лучше и не важись въ люди!».. Кня-
 гиня чуть не плакала, но Прасковья стояла на своемъ:
 она была такъ горда своей красотой, что не хотѣла за-
 имствовать фальшивыя прикрасы, утверждая, что бѣлила
 не прибавятъ бѣлизны ея ослѣпительному цвѣту кожи,
 а что руманецъ ея щеки ярче всякой краски.

Княгиня, въ сильномъ гнѣвѣ, пошла жаловаться кня-
 зю, но и его приказанія не подѣйствовали, тѣмъ болѣе,
 что и Марья Хлопова, поддерживая мнѣніе подруги, за-
 явила отвращеніе отъ бѣлиль, которыя еще никогда не
 прикасались къ ея лицу.

— Какъ это я явлюсь къ государю подкрашенная?
 думала Марья. Онъ полюбилъ меня безъ краски, а
 тутъ поди и не узнаетъ своей Марьи...

Наконецъ, княгиня Марфа Васильевна велѣла изго-
 товить свою каптану и во время вечерень отправилась
 въ Вознесенскій монастырь.

Большая старица Марфа Ивановна, по обыкновенію,
 очень ласково приняла княгиню; она засмѣялась, услышавъ
 то важное дѣло, по которому княгиня пріѣхала. Въ то
 время въ ея хоромахъ была инокиня Евнкія, игуменья
 и другія старицы; всѣ онѣ единогласно рѣшили, что про-
 тивъ старины вставать не можно, а безъ бѣлиль да ру-
 мянъ николи къ царскому двору ни боярыни, ни боя-
 рышни не ѣзжали.

— Скажи этимъ буянкамъ, что я не велю ихъ и
 въ хоромы пускать, коли не нарумяненные пріѣдутъ...
 да, кромѣ того, на поклонъ къ инокинямъ ихъ поставлю,
 чтобы не смѣли противу старшихъ неразумныя рѣчи
 заводить... объявила Марфа Ивановна.

Послѣ такого строгаго приговора, упрямья боярышни должны были смириться и подвергнуться обычной подкраскѣ. Одна только Ѳедосья Милюкова, безъ всякихъ возраженій, принялась за бѣлила и сурьму, предложивъ подругамъ черной краски, которую пускали въ глаза.

— Тебѣ-то зѣло надобно въ очи подпустить черни, замѣтила она Марьѣ, имѣвшей голубые глаза.

— Тебѣ больше моего надобно выкрасить твои сѣрыя очи... а я ослѣпнуть не желаю... съ досадою отвѣчала Марья Милюкова, злобно поглядѣла на нее, но не возразила: Буду царицей, такъ припомню ей эти слова... подумала Ѳедосья. Настало утро.

Наконецъ, одѣванье стало приходиться къ концу; Прасковья одѣлась въ сарафанъ изъ ярко-зеленаго бархата, съ золотыми разводами. Бѣлые атласные рукава ея рубашки, длиною около 5 аршинъ, несчетными складками набранные на руки, были у кисти прихвачены золотыми зарукавьями. Сверху былъ надѣтъ алый опашень, то-есть распашная, широкая, верхняя одежда, съ прорѣзными рукавами, ниспадавшими сзади почти до земли, оставляя на виду рукава рубашки, роскошно вышитые золотомъ. Волосы Прасковьи, завитые въ кудри, рассыпались по плечамъ, кругомъ головы надѣта повязочка или «челка», низанная самоцвѣтными камнями, а сверхъ всего легкая, изъ индейской серебрянной ткани, фата.

Марья Хлопова надѣла лазоревой камбовый сарафанъ съ серебряннымъ кружевомъ и чревчатый бархатный опашень. Бѣлокурые волосы ея были заплетены въ широкія косы, искусно перевитыя золотымъ шнуромъ, съ наконечниками по концамъ, въ видѣ трехугольной «дезки» съ жемчужной кистью; повязочка вся золотая съ прозрачной сѣтвой на затылкѣ и покрывало изъ турецкой кисеи съ серебрянными метельками и таковой-же ваймою довершали нарядъ.

Ѳедосья Милюкова была въ желтомъ сарафанѣ, лазоревой опашницѣ, а на головѣ, сверхъ повязки, накинула огненнаго цвѣта фату, съ золотымъ узоромъ. Кромѣ

того, у боярышень были въ ухахъ дорогія серьги, на шеѣ ожерелья изъ самоцвѣтныхъ камней, а отъ поясковъ висѣли кругомъ лица жемчужныя «рясы», то-есть нитки жемчугу, перемѣшаннаго съ золотыми бляхами.

Вся эта масса украшеній дѣлала изъ дѣвушки той эпохи какую-то нескладную фигуру, словно наряды были на показъ навѣшаны на деревянный бочванъ, безъ всякихъ формъ, о которыхъ и догадываться было невозможно, такъ-какъ лифъ былъ вовсе изгнанъ и показывать станъ или талію считалось неприличнымъ. Одно лицо, украшенное подъ общій ладъ, да и то сквозь покрывало— вотъ все то, по чему можно было судить о наружныхъ прелестяхъ боярышень.

Когда три подруги совсѣмъ одѣлись, то ихъ опрыскали коричневой да розовой гуляфной водкой и разными ароматами, вынутыми изъ погребца княгини, гдѣ они сохранялись въ дорогихъ сулейкахъ съ серебрянными шурупами, то-есть пробками.

Подѣхавъ въ крытыхъ каптанахъ шестериками въ царскимъ хоромамъ, боярышни увидали, что возлѣ воротъ уже стоялъ рядъ экипажей раньше ихъ пріѣхавшихъ боярынь. Въ почтительномъ отъ воротъ разстояніи толпился любопытный народъ, глазѣвшій на раззолоченныя каптаны и на сытыхъ боярскихъ коней. Новоприбывшихъ боярынь съ боярышнями вводили во дворецъ, отмѣчая въ спискѣ ихъ имена, потомъ ставили, по мѣсту и чину, въ золотой царицыной палатѣ. Такимъ образомъ три подруги, Прасковья, Марья и Федосья, были разлучены этикетомъ; княгиня Долгорукая съ племянницею стала впереди, Милюкова съ дочерью посрединѣ, а Желябужская со внукою въ концѣ Палаты. Послѣ того какъ всѣ заранѣ назначенныя на этотъ день боярышни собрались, двери были затворены, въ знакъ того, что пріѣздъ конченъ.

Настали томительныя минуты ожиданія: сердца боярышень учащенно бились; боярыни неприязненно оглядывали дочерей и родственницъ другихъ боярынь. Мно-

гя думали: Кого-то выбереть государь? можетъ быть, изъ послѣдняго мѣста, да попадетъ впередъ... Дѣйстви-тельно, выборъ царя былъ совершенно свободенъ отъ разряда знатности; онъ могъ выбрать, не взирая на худородность. Главное достоинство, конечно, состояло въ красотѣ; поэтому боярышни-красавицы всегда особенно пользовались благожелонностью въ ихъ семьяхъ; черезъ нихъ можно было попасть въ великую честь и стать первыми лицами въ государствѣ.

Бнягиня Марфа Васильевна Долгорувая гордо смотрѣла на прочихъ боярынь; она чувствовала себя сильнѣе ихъ тѣмъ, что ея племянница превосходила красотой всѣхъ собранныхъ въ палатѣ дѣвиць.

Но вотъ пронесся по залѣ какой-то неясный шепоть; всѣ заволновались, а потомъ наступило торжественное безмолвіе. Вошелъ бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ и громко объявилъ: «государь градетъ».

Двери изъ внутреннихъ покоевъ распахнулись и вошли маленькіе рынды, то-есть боярскія дѣти, по два въ рядъ; за ними шли дворскія боярыни и наконецъ сама великая старца Марфа Ивановна съ сыномъ-царемъ; сзади ихъ вошли въ палату Феодоръ Ивановичъ Шереметьевъ, нѣсколько старыхъ бояръ и сродниковъ царя, между ними и Салтыковы—Борисъ да Михайла, которые были хотъ и моложе всѣхъ годами, но по дружбѣ и родству стояли ближе всѣхъ къ юному государю, не разстававшемуся съ ними, особенно съ своимъ любимцемъ Михаиломъ.

Царь и мать его сѣли на возвышенномъ мѣстѣ въ золотыя кресла; по правую сторону отъ царя стояли старшіе бояре, а по лѣвую руку отъ Марфы Ивановны дворскія боярыни.

Салтыковы помѣстились сзади, такъ что лица ихъ были выше спинки царскаго сидѣнія и имъ лучше всѣхъ были видны всѣ боярышни, накрытыя фатами. Глаза Салтыкова кого-то искали въ этой нарядной толпѣ и остановились на княгинѣ Долгорувой. По данному Марфой

Ивановной знаку, боярыни стали подходить одна по одной, ведя за руку дѣвцу — дочь или сродницу; ставъ передъ золотыми сидѣньями, онѣ земно преклонялись передъ Марфю Ивановной и передъ государемъ, потомъ кланялись боярамъ, да боярынямъ по обѣ стороны, такъ, какъ это и теперь люди стараго вѣку дѣлаютъ въ церкви. Послѣ ого боярыня снимала фату съ боярышни и она стояла передъ царемъ, скромно опустивъ очи. Марфа Ивановна удостоивала представлявшуюся нѣсколькими вопросами, по большей части, какъ-де тебя зовутъ? чтобы услышать голосъ боярышни и поймать стыдливый взглядъ ея очей. Государь разсѣянно глядѣлъ на стоявшую передъ нимъ женскую фигуру и на вопросъ матери: «Люба ли тебѣ такая-то...»? дѣлалъ отрицательный знакъ, послѣ чего боярыня отводила въ сторону свою дочь и снова навидывала на нее фату. Когда подошла княгиня Марфа Васильевна Долгорукая съ племянницей, открывъ ея лицо, то всѣ взоры съ жадностью устремились на это чудо красоты. Прасковья стняла, гордо поднявъ голову, на губахъ ея мелькала легкая улыбка, а темные глаза, быстро скользнувъ по государю, поднялись на Михайлу Салтыкова, который покраснѣлъ и смутился.

— Словно ожгла она меня своими очами, говорилъ онъ послѣ. Государь глянулъ на красавицу и въ умѣ его мелькнула мысль: Это та, что я видѣлъ съ Марьею... Марфа Ивановна долше всѣхъ спрашивала Прасковью, она ею любовалась и съ особеннымъ какъ-бы прошеніемъ въ тонѣ голоса задала сыну форменный вопросъ: Михайлъ Θεодоровичъ махнулъ рукою, что значило: Нѣтъ! и Прасковья отошла, еще разъ кинувъ на Михайлу Салтыкова свой жгучій взглядъ.

Дошла очередь и до Милюковой. Оедосья ощупала, тутъ-ли за пазухой «корень обратимъ» и плавной походкой, словно лебедь, поплыла къ царскому сидѣнью.

— Эка здорвенная... подумали боярыни и позавидовали ея грудямъ, которыя замѣтно выступали подъ опашнемъ. Михайла и Борисъ Салтыковы переглянулись,

едва сдерживая усмѣшку: Эка коровица неотесанна-сь отвращеніемъ думалъ Михайла Михайловичъ. Госу-дарь не обратилъ никакого вниманія на Фодосью, что ужасно ее удивило и разозлило: Что-жъ эта старая вѣдьма обманула меня—вмѣсто корня-обратима дала видно отво-ротное снадобье... съ досадою размышляла Милюкова, отходя прочь.

Оставалось ужъ не много боярышень. Всѣ удивля-лись взыскательности государя, на лицѣ котораго начинало показываться нетерпѣніе и смущеніе: Тутъ-ли она? спрашивалъ онъ самъ себя и искалъ глазами въ неболь-шой кучкѣ остальныхъ боярышень; но вотъ его глаза остановились на сморщенномъ лицѣ старухи Желябуж-ской и добродушная улыбка скользнула по его губамъ; это была первая улыбка, оварившая лицо молодого царя во все время скучной для него церемоніи смотра. Желя-бужская отдѣлилась отъ другихъ боярынь и пошла къ золотому сидѣнью, ведя за руку внуку, которая замѣтно дрожала и пла, не помня сама себя. Никто и не смо-трѣлъ на эту старуху, стоявшую почти у самихъ дверей, всѣ были увѣрены, что въ тотъ день выбора не будетъ... Вдругъ... о диво!.. Только что фата поднялась съ лица боярышни, государь быстро всталъ и, схвативъ съ золо-того блюда, изъ рукъ Ивана Никитича, богато унизан-ную драгоценными камнями «ширинку», подаль ея Марьѣ... она протянула руку и государь, надывъ ей на палець кольцо, громко и твердо молвилъ: Вотъ моя избранница... Невозможно описать общее изумленіе.. Марфа Ивановна встала... она была поражена.. Марья... та дѣвочка, которая игрывала съ ея сыномъ въ мон-.. стырѣ, она, о которой всѣ забыли, теперь выдвинулась впередъ всѣхъ... впередъ ея самой, матери царя, даже не посовѣтовавшагося съ ней въ своемъ выборѣ, очевидно заранѣе обдуманномъ!.. Мысли эти бурнымъ потокомъ взволновали Марфу Ивановну, но она съумѣла овладѣть собою и первая поздравила свою будущую сноху. Михайла Михайловичъ Салтыковъ смертельно поблѣднѣлъ и при-

нужденъ былъ схватиться за спину царскаго сидѣнія, чтобы не упасть... Онъ кинулъ на Марью взглядъ, полный ненависти, и такъ случилось, что она, поднявъ глаза, увидѣла этотъ злобѣщій взглядъ, какъ ядовитая змѣя, ужалившій прямо въ сердце будущую царицу... но минутное впечатлѣнiе ужаса тотчасъ разсѣялось. Марью съ торжествомъ посадили на третье мѣсто, возлѣ царя, всѣ бывшіе въ палатѣ ей земно кланялись и поздравляли; потомъ ее повели въ «Верхъ», въ приготовленные для царицы хоромы.

ГЛАВА VII.

Царевна Анастасія.

Государя обручили съ Марьей Хлоповой, нарекли ей новое имя «Анастасія», въ честь бабки царя Анастасіи Романовны. Какъ водится, бояре да боярыни царевнѣ Анастасіи вкрестъ цѣловали, а по церквамъ былъ разносланъ указъ: поминать на экинѣяхъ нареченную невѣсту государя—царевну Анастасію Ивановну.—Михаилъ Θεодоровичъ вполнѣ предался своей любви: онъ ежедневно проводилъ нѣсколько часовъ въ бесѣдѣ съ невѣстою и всякій день еще болѣе привязывался къ этой прекрасной и душевно ему преданной дѣвушкѣ; бабка ея боярыня Θεодора Желябужская помѣстилась въ «Верху», и была при ней неотлучно. Отецъ ея и мачиха, прежде весьма мало заботившіеся о Марьѣ, были призваны къ государю, гдѣ къ нимъ сначала вышли Салтыковы и объявили о великой почести для всего ихъ рода. Потомъ Хлоповыхъ ввели къ государю въ собственные покои; онъ принялъ ихъ очень милостиво, сказавъ, что избралъ себѣ въ супруги дочь ихъ Марью Ивановну и они-бъ ему служили и были къ нему близки.

Послѣ этого мачиха Анастасіи часто навѣщала свою любезную дочку въ Верху, куда получили доступъ и

дяди невѣсты: Гаврило Хлоповъ, да Желябужскіе—Александръ и Иванъ, съ ихъ женами.

Для будущей царицы назначили новый штатъ дворскихъ боярынь, а пока она оставалась въ невѣстахъ, къ ней собрали боярышень, между которыми, разумѣется, главныя роли должны были занимать ея прежнія подруги, Прасковья и Феодосья. По желанію-же Анастасіи, въ Верхъ были взяты казачка Орья и дурка Манка. Марфа Ивановна, повидимому, покорилась желанію царя, хотя въ глубинѣ ея души таилась недружба къ Анастасіи; но, видя страстную къ ней любовь сына, она, какъ добрая мать, не хотѣла препятствовать его счастью; къ тому-же въ новой царевнѣ было столько обаятельной прелести, она была такъ кротка и благо нравна, что Марфа Ивановна постепенно стала относиться къ ней болѣе милостиво. Салтыковы молчали; скрывая свое неодобреніе къ выбору царя, они униженно льстили Анастасіи, угождали ей, но втайнѣ готовили средства, довольно сильныя, чтобы поколебать расположеніе Михаила Феодоровича къ невѣстѣ и расторгнуть предположенный имъ бракъ. Борисъ Салтыковъ вполнѣ содѣйствовалъ своему брату въ исполненіи заговора противъ счастья царя.

Прасковья Ивановна, ежедневно встрѣчая вравчаго Михайлу Михайловича, не упускала случая пошептывать: кокетство, свойственное женщинамъ съ древнѣйшихъ временъ, было не безъизвѣстно и нашимъ русскимъ пра-прабабушкамъ. Не нужно было много усилій, чтобы довести молодого боярина до объясненія въ любви. Во время одной изъ прогулокъ Анастасіи въ загородномъ дворцовомъ саду села Покровскаго, Прасковья какъ-то отшатнулась отъ подругъ и очутилась одна въ рощѣ, куда вскорѣ пришелъ и Салтыковъ. О чемъ они бесѣдовали, про то знали только соловьи да скворцы, гнѣздившіеся въ зеленыхъ верхушкахъ деревъ, но, уходя отъ него, она сказала: коли дядя съ теткой благословятъ, я противу ихъ воли не встану.

Спустя нѣсколько дней послѣ того разнесся слухъ,

что государевъ кравчій Михайла Салтыковъ обручился съ племянницей князя Долгорукова, Прасковью.

Между тѣмъ бояринъ Ловчаго Пути Опочининъ, видя, что государь такъ былъ поглощенъ утѣхами «въ Верху», что совсѣмъ бросилъ охоту и предполагая, что раньше осени онъ не примется за потѣхи Ловчаго Пути, отпросился на время, чтобы порыскать по отдаленнымъ гаямъ, для чего взялъ съ собою конныхъ псарей Олфера Вараксина и Кондратія Кормчина.

Такимъ образомъ, вѣсть объ измѣнѣ боярышни не дошла до влюбленнаго богатыря.

16 Мая 1616 года государь, съ матерью и невѣстою, предпринялъ богомольное путешествіе въ Троице-Сергіевскую Лавру, для молебствія о благополучномъ сочетаніи бракомъ. По исполненіи этого благочестиваго обычая, занялись изготовленіемъ для будущей царицы приданого, развлекая высоконазначенныхъ разными веселыми забавами да потѣхами.

Между родственниками Анастасіи особенно отличался умомъ и познаніями родной братъ ея отца, Гаврила Хлоповъ; онъ очень понравился молодому государю, и Салтыковы съ досадою замѣчали, что Гаврила могъ со временемъ стать имъ поперегъ дороги, тѣмъ болѣе, что онъ держалъ себя довольно гордо и ни въ чемъ не уступалъ временщикамъ, забравшимъ всю власть въ свои руки. Кромѣ должности царскаго кравчаго, Михайла Салтыковъ былъ назначенъ оружейничьимъ приставомъ къ Оружейной Палатѣ и надъ всѣми заводами, изготовлявшими оружіе. Нѣсколько разъ Гаврила Хлоповъ, бывавшій въ Польшѣ, Голландіи и Швеціи, говорилъ государю, что отъ того-де русскія войска терпятъ неудачи, что не могутъ сравняться съ войсками другихъ государствъ, что ратнаго строя у насъ вовсе нѣтъ и что необходимо-де завести болѣе порядка въ полкахъ, заняться практическимъ обученіемъ ратныхъ людей, устроить заводы по образцу иноземныхъ.

Михаилъ Θεодоровичъ и другіе разсудительные бояре:

Пожарскій, Трубецкой, Шереметьевъ, а равно и дядя царя, Иванъ Никитичъ, соглашались съ мнѣніемъ Хлопова и держали совѣтъ, гдѣ были заявлены мнѣнія, чтобы поручить Гаврилѣ Хлопову преобразование войска и вооруженія. Всѣмъ казалось вполне пристойнымъ, чтобы близкій сродникъ будущей царицы занялъ важное мѣсто, гдѣ, по своему уму, онъ могъ принести большую пользу государству,—но такое распоряженіе становилось въ разрѣзъ съ честолюбіемъ Салтыковыхъ, и они старались доказать, что иноземные порядки у насъ непримѣнны.

Михаилъ Θεодоровичъ колебался: съ одной стороны, вкоренившаяся въ немъ съ дѣтства привычка слушать во всемъ совѣты Салтыковыхъ, а съ другой—сознаніе, что Гаврила Хлоповъ и опытные бояре предлагали полезныя нововведенія, озабочивало его и, чтобы убѣдиться въ справедливости тѣхъ или другихъ совѣтовъ, онъ рѣшился самолично осмотрѣть заводы, Оружейную Палату и другіе склады военныхъ снарядовъ, для чего и назначилъ сопутствовать себѣ Гаврилу Хлопова.

Въ тотъ день, когда это было рѣшено, братья Салтыковы, запершись въ келіи своей матери Евникин, держали семейный совѣтъ.

— Мало того, что Гаврила Хлоповъ смущаетъ царя всякими вздорными затѣями, онъ еще и меня вздумалъ провѣрять да учить; вечеръ такъ молвилъ царю: казны-де выходитъ много, а толку-де никакого нѣтъ!...— въ сильномъ волненіи говорилъ Михайла.

— Еще это цвѣтики — а ягодки впереди! подхватилъ Борисъ. Теперь еще онъ не сродникъ царевъ, а послѣ брака съ Марьей не миновать намъ опалы!... Ужь Марья-то зачинаетъ носъ драть. На мою супругу и вниманія не обратила, какъ я ее въ хоромы привезъ, да и съ твоей невѣстой Прасковьей стала не столь ласкова, какъ была прежде...

— И чего-же вы бездѣйствуете? Чего не защищаете себя противъ этихъ худородныхъ, восклинула Евникин.

— Надо расторгнуть бракъ царя съ Хлоповой, иначе мы всё пропали... рѣшительно сказалъ Борисъ.

— Ты-бы, матушка, повѣдала государынѣ, какъ Марья то заранѣе съ государемъ уговаривалась...

— Повѣдала я, да она и сама это знала и такъ мнѣ отвѣчала: вижу я, что они-де всѣхъ насъ обманули, что любить онъ ее такъ крѣпко, что разлучить ихъ не можно...

— Да! заколдовала она его... Не спросту-же онъ и на такую красавицу, какъ моя Прасковья, не поглядѣлъ... замѣтилъ Михайла.

Настало тягостное молчаніе; всякій изъ собесѣдниковъ размышлялъ, что предпринять. Михайла ходилъ по келию, лицо его было сумрачно; наконецъ, онъ остановился передъ матерью и сказалъ:

— Вотъ что! коли она волшебой царя къ себѣ такъ приворотила, такъ и намъ надобно волшебю-же его отъ нея отворотить...

Евнѣкія смутилась:—Грѣхъ вѣдь великій къ волшебѣ прибѣгать, тихо замѣтила она.

— Чтожь, пропадать намъ всѣмъ изъ-за нея?... вспльчиво крикнулъ Михайла Михайловичъ.

Евнѣкія испуганно положила руку на его плечо:

— Тутъ рядомъ келия Мавриды—старичы, она хвораеть и даве я видѣла, къ ней Орьяка прошла!...

— Михайла спохватился и сталъ говорить тише.

Орьяка сидѣла у постели больной Мавриды; она ей принесла отъ Желябужской лезарство, взятое изъ государева аптекарскаго двора: то была инорогова кость да крошечный кусочекъ камня безуя, цѣнившагося тогда на вѣсъ золота. Тонкая перегородка отдѣляла двѣ келии, и весь разговоръ Салтыковыхъ ясно доносился до Орьяки; сначала она слушала разсѣяннo, но имена Хлопова и Марьи заставили ее обратить вниманіе.

Орьяка встала; она была блѣдна, глаза ея широко раскрыты, а руки крѣпко стиснуты.

— Господи!... до чего люди бываютъ злобны! Что

она имъ сдѣлала?... Бѣдная царевна!... только что попала въ царскія хоромы, какъ звѣрообразные человѣки ужъ измыслили ей пагубу... размышляла казачка и, не теряя ни минуты, поспѣшила уйти изъ келин, чтобы никто не подозрѣвалъ, что она слышала коварный заговоръ.

На слѣдующее утро государь пошелъ въ Оружейную Палату, съ Гаврилой Хлоповымъ и Михайлою Салтыковымъ. Разсматривая оружіе, Михаилъ Ѳеодоровичъ хвалилъ одну саблю булатную турецкую, а Салтыковъ, подавая ему другую новую, сдѣланную въ Москвѣ, сказалъ: Глянь-ко, государь-братецъ, это сабля не хуже теврисской-то будетъ...

Михаилъ Ѳеодоровичъ взялъ саблю, похвалилъ ее и передалъ обѣ сабли Хлопову.

Гаврила ихъ внимательно осмотрѣлъ и недовѣрчиво покачалъ головою, прочитавъ надпись польскими буквами: по приказу кравчева и оружничева Михаила Михайловича Салтыкова, дѣлалъ въ Москвѣ мастеръ...

— Надпись-то здѣшняя новая, да клинокъ-отъ старый!... недовѣрчиво сказалъ онъ.

— А ты думаешь у насъ такого не сдѣлать?... вспыхнувъ, спросилъ Салтыковъ.

— Пожалуй, что такому, какъ вонъ та,—теврискскаго выкова, не сдѣлаютъ!... отвѣчалъ Хлоповъ и опять сталъ разсматривать и сравнивать обѣ сабли.

Салтыковъ потерялъ самообладаніе; онъ дерзко выхватилъ сабли изъ рукъ Хлопова.—Толеу ты не смыслишь и говоришь, не знаючи! воскликнулъ онъ.

Поднялся споръ и дѣло дошло едва не до явной ссоры. Хлоповъ не уступалъ Салтыкову—поговорилъ съ нимъ гораздо. Государь поспѣшилъ развести враговъ и сказалъ Салтыкову: оставь, братецъ, такіе раздоры.

Салтыковъ замолчалъ, но вражда его дошла до крайнихъ предѣловъ. Если онъ и колебался наканунѣ, то теперь, безъ зазрѣнія совѣсти, рѣшился погубить Марью Хлопову во что-бы то ни стало, даже еслибы приш-

лось прибѣгнуть не только къ волнобѣ, но и къ отравѣ. Онъ велѣлъ призвать къ себѣ няньку своей невѣсты, калмычку Мамуку и спросилъ, можетъ-ли она дать ему отворотнаго зелія.

— Знаю я, бояринъ, твою лиходѣйку, отвѣчала Мамука. Она у моей красавицы-боярышни царскій вѣнецъ отняла!... Но царицей ей не бывать, я на звѣздахъ и на водѣ загадывала!..

Салтыковъ заинтересовался;—загадала-бъ ты, кто-же будетъ царицей? сказалъ онъ; Мамука возразила:

— Не скоро еще царица выростеть... Она еще не-смышлена... Годовъ съ семь аль болѣ того ей до возраста... Будетъ радость и веселье и тутъ же будетъ скорбь великая и смерть отъ лихаго зелія... А эта Марья крѣпка, ее волшбой-то, пожалуй, не примешь... А все-таки попытаюсь...

ГЛАВА VIII.

Волшба и отрава.

Царевна Анастасія сидѣла вечеромъ у окна своей опочивальни и вдыхала въ себя запахъ пучка ландышей, любуясь на вечернюю зарю, догоравшую на западѣ. Эти чудесные ландыши, первые еще въ ту весну, принесла ей дурка Манка изъ рощи села Покровскаго, гдѣ она проводила цѣлые дни, бродя по дворцовому саду и заливаясь громкими пѣснями.

На Анастасиѣ былъ надѣтъ легкій, бѣлый лѣтнникъ, а на головѣ «вѣнецъ теремчатъ изъ жемчуга», то-есть повязочка, которую царевны носили у себя въ теремѣ. Бѣлый цвѣтъ особенно шелъ къ ея идеальной красотѣ, къ ея фарфоровому личику, съ легкимъ румянцемъ на круглыхъ щечкахъ и къ голубымъ, какъ лѣтнее небо, глазамъ «съ поволокою», то-есть съ выраженіемъ какой-то томительной вѣги. Не удивительно, что кроткій и

мягкосердечный Михаилъ Θεодоровичъ такъ вѣриво полюбилъ дѣвушку, въ которой не было рѣзко выдающейся красоты, но все дышало симпатіей и душевной теплотою.

Анастасія была вполнѣ счастлива; все, что составляетъ высшее блаженство женщины, было въ ея рукахъ: она любила, ее страстно любилъ царь, препятствія, раздѣлявшія ихъ, рушились. Черезъ нѣсколько недѣль она сдѣлается царицею, женой любимаго человѣка... а послѣ того ей представлялась долгая, ясная перспектива всякихъ утѣхъ и радостей.

Кто-то стукнулъ въ дверь. Войди, сказала Анастасія. Дверь отворилась и вошла казачка Орья, ведя за руку Манку, одѣтую въ шутовской нарядъ. Лицо казачки было озабочено. — Государыня - царевна! поклонилась Орья, не посѣтуй на меня, что тебя потревожила, вотъ Манка мнѣ повѣдала, что даве тебѣ цвѣтиковъ принесла.

— Да, принесла... вотъ они... и Анастасія поднесла пучекъ ландышей къ лицу Орьи; та отшатнулась и со страхомъ спросила: ты ихъ нюхала, царевна?

Анастасія, не понимая, что значилъ такой вопросъ, засмѣялась и опять хотѣла вдохнуть въ себя чудесный аромат лѣтняго красавца-ландыша, но Орья быстро выхватила пучекъ изъ рукъ царевны. — Они наговорные... тебя хочеть испортить твой лиходѣй!.. вослѣивнула она, и рассказала испуганной царевнѣ разговоръ, слышанный ею въ келии Евникии. Эти цвѣтики не сама Манка набрала, а ей далъ ихъ Михайла Михайлычъ и велѣлъ тебѣ снести... докончила Орья свой рассказъ.

Анастасія помертвѣла: ей вспомнился злобщій взглядъ Салтыкова, его сватовство... потомъ она припомнила впечатлѣніе, произведенное на нее Манкою, когда въ селѣ Домнинѣ ее сестра и мать рассказывали про порчу. Тогда еще ей стало страшно при мысли: ну, если и меня такъ испортятъ?

Теперь эта страшная мысль готова была превратиться въ дѣйствительность: лиходѣи ея не дремали, а готовили

ей лютую погибель, пока она, беззаботная и веселая, предавалась своему счастью.

Прощай покой!.. ежеминутно ей будетъ чудиться наговоръ, отравы и порча... Анастасія, вонечно, вѣрила въ силу колдовства, потому что слыхала отъ старшихъ, какъ портили молодыхъ, прекрасныхъ женщинъ; какъ испортили супругу царя Іоанна Васильевича Грознаго, Марфу Васильевну, рожденную Собакину, которая умерла, спустя двѣ недѣли послѣ свадьбы, отъ «лихаго зелия»; какъ отравили супругу великаго князя Іоанна Васильевича III, Марью Борисовну Тверскую...

— Въ этихъ цвѣтикахъ что-то насыпано желтое... глянь-ко царевна!—сказала Орья и трихнула цвѣты; изъ нихъ дѣйствительно посыпался желтый порошокъ. Царевна послала казачку за своей бабушкой Желябужской и рассказала ей о насыпанномъ въ ландыши зелии. Феодора Семеновна перецугалась; она созвала своихъ сродниковъ и тайно повѣдала имъ о случившемся; спросили дурку-Маньку и она подтвердила, что «гуляла-де во саду села Покровскаго и встрѣла боярина, вравчаго Салтыкова, и онъ-де ей цвѣтки далъ и наказалъ царевнѣ отнести!.. Стали совѣтоваться, что дѣлать? Объявить-ли государю?.. но онъ, пожалуй, и не повѣритъ, а Салтыковъ отопрется!.. Какая-же свидѣтельница дура? ей мало-ли что на умъ взбредеть...

— Бросьте вы эти цвѣтки и никому не молвите... совѣтовалъ Александръ Желябужскій. Не сердайте вы этихъ лиходѣевъ Салтыковыхъ!.. Повременимъ малость, какъ обвиняется государь съ нашей Марьей, тогда удалимъ злыхъ ея недруговъ, а кромѣ ихъ, никто зла на насъ и на царевну не мыслить.

— Пожалуй, до свадьбы-то не спасешь ее, мою голубушку, плакала бабушка Желябужская. Вѣдь онъ вравчій: всѣ яства черезъ его руки проходятъ...

— Ты-бы, матушка, сама яства пробовала, либо изъ боярынь кого яства пробовать приставила... да вотъ, чего-бы лучше—Милюкову боярыню, либо Феодосью... они,

кажись, зла на насъ не имѣютъ, предложилъ отецъ невѣсты, Иванъ Хлоповъ.

Это ты дѣльно, братецъ, надоумилъ, одобрилъ Гаврила Хлоповъ. Отравить всякаго человѣка зѣло легко, а волшба, да наговорная порча — это все однѣ бредни: въ вѣнхъ земляхъ о порчѣ со смѣхомъ отзываются, да и не можно повѣрить, чтобы кто съ молитвой да съ крестомъ былъ, къ тому-бы наговоръ чародѣйскій присталъ... Старанья его разувѣрить родныхъ ни къ чему не повели, а Желябужская столько привела примѣровъ порчи и волшбы, что еще болѣе напугала Анастасію.

— Ты-бы, дядюшка родимый, не спорилъ съ Салтызовыми, слышишь, какъ они на тебя гнѣваются... Господь съ ними... владѣли-бы оружейнымъ дѣломъ до времени... просила она Гаврилу Хлопова.

— Временитъ не можно... собираются войной противъ Польши да Литвы идти... вонъ Свейскіе нѣмцы зашевелились; надо намъ загодя все припасти, а не вступать же въ бой съ такимъ врагомъ, который сильнѣе насъ не числомъ ратныхъ людей, а хитростью да умѣниемъ... горячо возразилъ Хлоповъ, имѣвшій прямой и настойчивый нравъ; съ нимъ трудно было сговорить, да онъ плохо вѣрилъ въ эту исторію съ наговорными ландышами; уходя изъ покоевъ Анастасіи и пожимая плечами, онъ сказалъ Александру Желябужскому: насыпала дура въ цвѣтви песку, либо иное что, а имъ отравя почудилась!..

Царевну окружили всякими предосторожностями, но у нея былъ одинъ маленькій недостатокъ, очень свойственный молодымъ дѣвушкамъ: она любила всякія сладкія яди, медовые пряники, сахарныя перепечи, за которыми трудно было усмотрѣть ея бабѣ. Какъ пробовать всякій пряникъ или сахарную птицу?.. Одинъ какой-нибудь пряникъ съ ноготокъ попадетъ съ «лихимъ зеліемъ» и бѣда! Бабка и отецъ строго наказали Анастасію: не вкушай ты сладкихъ ядей, отъ нихъ лихія болѣсти бывають...

Нѣсколько времени Анастасія воздерживалась отъ пряниковъ и сахарныхъ ядей, такъ что даже присылаемыя ей съ государева стола сласти не иначе ѣла, какъ давъ ихъ испробовать Ѳедосьѣ, Прасковьѣ и другимъ подругамъ.

Однажды поздней ночью пробирался какой-то человекъ по кривымъ закоулкамъ стрѣльцкихъ слободъ. Ночь была темная и ненастная, вѣтеръ уныло гудѣлъ въ рощѣ за слободами, накрапывалъ дождь и всѣ добрые люди вѣрѣе спали; только собаки бродили по улицамъ, подбирая разную падаль, и порой грызлись изъ-за кости. Видно, нужда была крайняя этому человеку, пустившемуся въ потемкахъ на ходьбу въ такихъ мѣстахъ, гдѣ и днемъ не трудно было заблудиться; либо дѣло было у него тайное и страшное, которое днемъ творить было опасно.

Видно было, что человекъ тотъ шелъ наугадъ, искалъ кого-то и путался; онъ по временамъ останавливался и сердито ворчалъ: чертъ ее знаетъ, эту колдунью проклятую не найдешь... Сказывала мнѣ Козлиха, что на лѣвой сторонѣ седьмой дворъ, да темъ такая, хоть глазъ выколи...

Навонецъ, онъ, повидимому, убѣдился, что нашелъ названный Козлихою дворъ и началъ стучать въ ворота, причемъ бродившія по улицѣ собаки съ яростью накинулись на этого нарушителя общей тишины и покоя. Плохо пришлось-бы ему, еслибъ не облекнули его за воротами: кто ты?.. чего тебѣ надоть... Онъ поспѣшно спросилъ: тутъ-ли живетъ стрѣльцкая жонка, вѣдунья Танька?

— Танька-Орелка... повторилъ голосъ за воротами. Нѣтъ, она не тутъ живетъ, а вонъ на углу крайній дворъ съ огородомъ... Пѣшеходъ отправился далѣе, сопровождаемый цѣлою стаей собакъ, сбѣжавшихся со всей улицы.

Только-что онъ подошелъ во дворъ вѣдуньи, какъ запѣлъ пѣтухъ. Господи помилуй!.. зашепталъ путникъ

и началъ учащенно креститься. Душу-то свою погубишь съ этими боярами Салтыковыми...

Послѣ долгаго стука въ ворота, отворилась калиточка, и вышелъ здоровенный стрѣлецъ съ дубиною.

— Ты что тутъ стучишь... Нечто время теперь народъ будить?... Вотъ огрѣю тебя дубемъ, не станешь въ другорядъ чортова пьяница... густымъ басомъ закричалъ стрѣлецъ, схвативъ путника за воротъ.

— Пстой, не души... я не пьянь... я по дѣлу къ Танькѣ пришелъ... завопилъ путникъ.

— А... ты къ Танькѣ... къ чужой женѣ ночью таскаться... Ну-какъ я те ребры-то пересчитаю...

— погоди ты, лѣшій, что горло-то дерешь, не знавши по какому дѣлу?... вступился женскій голось. Повѣдай-ка, по чьему ты посылу и отъ кого пришелъ? обращаясь въ путнику, спросилъ тотъ-же женскій голось.

— Зовутъ меня Абрашка Оdnорядовъ, а присланъ я отъ государева кравчева, отъ Салтыкова-боярина, сказалъ нашъ знакомецъ подъячій, который ужъ не писалъ челобитныя на площади, а находился въ должности стражника при кvasномъ и винномъ дворѣ на Воздвиженѣ; съ нѣкотораго времени ему сталъ очень благоволить Михайла Салтыковъ и часто посылалъ его по своимъ тайнымъ дѣламъ въ разныя московскія норы, гдѣ таились всякія колдуны, вѣдуньи и ворожеи.

Стрѣлецъ съ женой стали шептаться, потомъ, уже смягченнымъ тономъ, мужъ сказалъ: Ладно... иди... и повелъ Абрашку въ потембахъ. Скоро они очутились въ горенѣ. Танька полѣзла въ печку и вздула огня; зажгла лучину и поднесла ее къ лицу Абрашки.

— Онъ!.. взаправду подъячій Абрашка! сказала вѣдунья.

— А ты по чему знаешь? удивился Оdnородовъ.

— Ты въ бахарю Путятѣ хаживалъ, а дворишка его не далеке отъ нашего, отвѣчала Танька-Орелка.

— Не молви имъ, что я у тебя былъ! испуганно просилъ Абрашка. Дѣло мое тайное...

— Николи не скажу... Ты повѣдай-ка, что тебѣ нужно и много-ль за труды дашь?

Абрашка объяснилъ, что нужно ему отворотнаго зеля, а коли не пособить оно, такъ и худаго чего, чтобы извести одну дѣвку.

Вѣдунья заломила огромную цѣну, Абрашка сталъ торговаться и порѣшили на пяти рубляхъ.

— Вотъ отъ рубашки воротъ, Коглиха сказывала, что ты наговоръ на пепель владешь, вотъ мыло и соль тоже для наговору, говоритъ Абрашка.

Танька-Орелка взяла воротъ, сожгла его на шестей, собрала пепель и долго на него нашептывала; тоже и на мыло да на соль шептала.

— Вотъ на слѣдъ пепель сыпать, соль въ ѣствы власть, а мыломъ рубашку ея мыть, сказала вѣдунья. А коли не пособить волшба, такъ вотъ кусъ: растолчи его да въ сладкую ядъ, аль въ медъ сыченый положи... да чтобы никто другой не укусилъ той яди и меду-бъ не испилъ... наказывала Танька. Абрашка бережно завернулъ всё снадобья въ платъ и, заплативъ деньги, вышелъ изъ воротъ отъ стрѣлцкой женки Таньки-Орелки. За такую послугу буду просить Михайлу Михайлыча, чтобы меня на аптекарскій дворъ въ сторожа поставилъ, гдѣ сахарныя яди да пастилы медовы для государева стола варять, размышлялъ Абрашка, шагая по закоулкамъ стрѣлцкихъ слободокъ.

Салтыковъ началъ дѣйствовать черезъ Милюкову; онъ догадался, что Ѳедосья ненавидѣла Хлопову, да и валмычка Мамука рассказала ему, какъ передъ смотромъ Ѳедосья у нея купила «корень-обратимъ».

Ѳедосья принялась съ особымъ усердіемъ подсыпать соль въ кушанья царевны и пепель на ея слѣдъ. Но и Орька неустанно слѣдила за всѣми шагами Анастаси; она сметала пепель и старалась помѣшать Милюковой, когда она хотѣла украдкой всыпать соль въ ѣства.

Казачка догадалась, что былъ наговоръ, когда одна

изъ сѣнныхъ дѣвоѣвъ показала ей рубашку съ оторваннымъ воротомъ, а протомонъ рассказали, что боярышня Милюкова дала имъ кусъ мыла и велѣла имъ вымыть царевнину рубашку; но что особенно испугало Орьку— это былъ кусочекъ чего-то бѣлаго, похожаго на сахаръ, найденный ею въ узелѣ Федосьинаго платка.

— Да!... они хотятъ извести царевну и волшбой, и отравою, думала казачка. Показать я не смѣю, стануть допрашивать, еще, пожалуй, къ пыткѣ поведуть;

Дѣйствительно, ни одинъ розыскъ тогда не обходился безъ пытокъ: пытали обвиняемаго, пытали обвинителя, пытали свидѣтелей... и часто отъ боли и ужаса люди наговаривали небылицы и на другихъ, и на себя.

Орька рѣшилась зло отворотить зломъ, то-есть прибѣгнуть къ вѣдунѣ, чтобы узнать средства, какъ спасти Анастасію отъ порчи и отравы. Она довѣрила свое намѣреніе преданному Хлоповскимъ интересамъ дворовому ихъ человѣку Микитѣ Васильеву и вмѣстѣ съ нимъ отправилась въ Хамовную слободу, гдѣ жили государевы ткачи. Тамъ жила вѣдунья Марфа Козлиха, какъ говорили, искусная въ «разрывѣ» наговора.

Марфа Козлиха была женщина лѣтъ 40, ничѣмъ особенно не отличавшаяся, кромѣ большой шишки, до половины прикрывавшей ей лѣвый глазъ, почему, вмѣсто Марфы, ее звали Шишка Козлихи, чтобы отличить ее отъ ея дочери Манѣи Козлихи; Шишкинъ мужъ Козель былъ теачъ и ужаснѣйшій пьяница, проживавшій и свой заработокъ, и то, что его жена получала за ворожбу. Орька застала эту достойную чету въ драбѣ: Козель пытался ударить Шишку плегью, но съ пьяну никакъ не могъ попасть, а между тѣмъ, Шишка сыпала ему на голову и на плечи градъ ударовъ ухватомъ. Наконецъ, обезсиленный Козель свалился, а побѣдительница Шишка, наградивъ его еще нѣсколькими колотушками, обратилась къ пришедшимъ съ вопросомъ: что вамъ, честные люди? Микитка Васильевъ объяснилъ въ чемъ дѣло, а Орька показала кусъ мыла, рубашку съ оторваннымъ воротомъ

и похожее на сахаръ зеліе. Козлика особенно обратила вниманіе на послѣднее:

— Это мышнявъ, объявила она.

— Что-жъ противъ его дѣлать? спросила испуганная Орька. Шинка задумалась: Я только умѣю у робять грыжу заговаривать, кровь останавливать, да жабу въ роту унимать, отвѣчала она. А противу мышняка снадобья нѣту... а только одна есть сила: святая вода, съ мощей, да молоко. Вслѣдствіе этого совѣта у Орьки постоянно была припрятана сучейка со святой водой и кувшинъ свѣжаго молока.

ГЛАВА IX

Сосланная на Иртышъ.

Петровъ день въ тотъ годъ пришелся въ субботу и, кромѣ церковной службы, веселья не было; а на слѣдующій день, въ воскресенье, назначено гульбище въ селѣ Покровскомъ, куда еще за нѣсколько дней до того повезли потѣшниковъ, органы съ другими «стрементами» и наконецъ рѣдкость, о которой говорила вся Москва: ученаго слона, приведеннаго съ «Кызылбаша», то-есть изъ Персіи.

Къ полудню тронулся изъ Кремля царскій поѣздъ, состоящій болѣе чѣмъ изъ сотни каптанъ золоченыхъ, да цѣлаго взвода конныхъ ратниковъ и дворскихъ дѣтей боярскихъ. Государь съ Салтыковымъ ѣхалъ впереди, а послѣ его открытой каптаны ѣхала, запряженная 8 бѣлыми аргамаками, золотая каптана его невѣсты, завѣшанная шелковыми пологами.

Анастасія имѣла на головѣ вѣнецъ, а на плечахъ золотой парчи опашень, унизанный драгоценными камнями. Съ ней сидѣли ея подруги и бабка съ матерью, ничтожной и глуховатой боярыней Хлоповой.

Садъ села Покровскаго, расвинутый вругомъ про-

зрачнаго чистаго пруда съ его темными рощами и купама розовыхъ кустовъ въ полномъ цвѣту, былъ любимымъ лѣтнимъ гуляньемъ нѣсколькихъ поколѣній московскихъ великихъ князей и царей.

Теперь были тамъ выстроены возвышенныя мѣста для государя и его бояръ, а съ другой стороны крытыя галереи, съ шелковыми пологами, для царевны Анастасіи и боярынь. Представленіе началось на лугу; сперва дураки и шуты кривлялись, кувыркались и дрались; ихъ площадная брань и непристойныя прибаутки встрѣчались взрывами хохота, хотъ боярыни и краснѣли подъ слоями румянъ. Потомъ вышли бахари и домрачьи, пѣли и басни баяли, а скрипотчики да органщики нѣмецкіе потѣшали на своихъ стременахъ; послѣ нихъ на канатахъ ходилъ нѣмчинъ Иванъ Семеновъ Лодыга; комедію ломалъ полякъ Юшка Проскура. Выходилъ передъ царя и лѣсной шутникъ, богатырь косматый медвѣдь съ своей подругой Дашкой-козой, а финаломъ всей потѣхи были львы да слонъ со своими жожаками Чанъ Ибраимовымъ и Фотулъ Мамутовымъ. Въ финальномъ шествіи вокругъ чистаго пруда изображалась свадьба царя Кзыльбашскаго, ѣхавшаго на слонѣ со своей царидею, сопровождаемомъ львами, медвѣдами, музыкантами и всей ватагой потѣшниковъ, шутовъ и скомороховъ.

Въ промежуткахъ между потѣхами бояре съ царемъ гуляли на одной сторонѣ пруда; а царевна съ боярынями на противоположной сторонѣ, куда вмѣли доступъ только самъ государь, да его вравчій Салтыковъ. Анастасія была очень весела, эти диковинныя потѣхи такъ ее забавляли, что всѣ мрачныя мысли отлетѣли отъ ея молодой головки, тѣмъ болѣе, что бабка ея не могла за ней слѣдить, а дяди были на другой сторонѣ сада. Гуляя по тѣнистой рощѣ съ Михаиломъ Феодоровичемъ, они, какъ дѣти, радовались и строили разные планы будущности. Никогда еще царь не былъ такъ нѣженъ къ своей невѣстѣ; сама обстановка прекраснаго сада и

всей природы, праздновавшей пору любви, настроивала влюбленных на радостный ладъ. Прощаясь съ Анастасіей, Михаилъ Θεодоровичъ вручилъ ей ларецъ съ сахарными яствами, зная, что она ихъ очень любила; и чего тутъ не было!.. и птицы, и звѣри, и цвѣтики изъ сахарнаго тѣста... У Анастасіи глаза разбѣжались; подошла Θεодосья Милюкова и стала хвалить ларецъ, взяла его изъ рукъ царевны и вертѣла и разсматривала сласти... незамѣтно и ловко вынула она самую красивую птицу павлина и подмѣнила ее совсѣмъ одинаковой, такъ что этого никто не замѣтилъ. Анастасіи ужасно захотѣлось испробовать сласти и натурально, что именно она выбрала аппетитно высматривавшаго павлина. Она ужъ поднесла его къ своимъ розовымъ губамъ, какъ вдругъ вспомнила приказаніе бабки и дядей давать пробовать каждый кусокъ боярышнямъ.

— Ну-ка, укуси павлина-то!.. сказала она Θεодосѣ, которая была уже подготовлена въ этому и тотчасъ-же, взявъ птицу, съ улыбкою откусила ей хвостъ!..

— Эка сладкая и розовой пастилой отдаетъ, хвалила Милюкова. Розовая пастила была любимымъ лакомствомъ Анастасіи: она взяла обратно павлина и съ аппетитомъ его скушала.

Вскорѣ послѣ того собрались въ обратный путь, и церемоніальный царскій поѣздъ благополучно доѣхалъ до Кремля.

Утомленная прогулкою, Анастасія легла и спокойно заснула... Вдругъ посреди ночи ее разбудила боль въ желудкѣ... она кливнула спавшую въ той-же горницѣ Орьку; боль ежeminутно усиливалась...

Весь теремъ переполошился; Θεодосья шепнула боярышнямъ: это черная немочь... она прилипчива... и всѣ, въ ужасѣ, разбѣжались. Желябужская потеряла голову и бѣгала какъ полоумная... Орька немедленно принесла запасенную святую воду и молоко, а такъ-какъ царевну мучила жажда, то она охотно пила подносимое Орькой питье, послѣ чего съ нею сдѣлалась сильнѣйшая рвота,

которая спасла ей жизнь... Къ утру боль нѣсколько утихла; Анастасія лежала блѣдная и неподвижная, съ закрытыми глазами, воеругь которыхъ образовались темные круги.

Увѣдомленная Милюковою, старица Марфа Ивановна пріѣхала навѣстить свою нареченную сноху: она ужаснулась происшедшей въ ней переменѣ:

— Да вѣдь краше въ гробъ кладутъ, воскликнула Марфа Ивановна. Какая-же то будетъ царица, коли у нея такая хворь приключается... она для государевой радости не прочна и чадородію отъ такой хвори будетъ помѣха...

Это былъ для Анастасіи смертный приговоръ: чадородіе составляло необходимую способность для всякой женщины, а тѣмъ болѣе для царицы; примѣръ Соломоніи, супруги Василия Ивановича III и Ирины Ѳеодоровны, супруги царя Ѳеодора Ивановича былъ для старицы Марфы Ивановны достаточнымъ предлогомъ, чтобы заявить свое неодобреніе брака съ хворой невѣстой; она тотчасъ-же пошла къ сыну и объявила ему о томъ, что нареченная его для супружества не пригодна... Михаилъ Ѳеодоровичъ однако не тотчасъ уступилъ: онъ послалъ за докторомъ Валентиномъ Бильсомъ и велѣлъ ему лечить царевну, а Салтыкову было поручено доносить государю о ходѣ ея болѣзни. Докторъ Бильсъ, осмотрѣвъ Анастасію, ничего въ ней не нашелъ опаснаго: это отъ сластей тошнота бываетъ, я пропишу аптекарскаго снадобья и скоро болѣзнь минуетъ, успокоилъ онъ Желябужскихъ и Хлоповыхъ, собравшихся у постели больной; но въ лекарства тогда не вѣровали, а такъ-какъ они проходили черезъ руки кравчаго Салтыкова, то Анастасія отказалась ихъ принимать.

Начали лечить по своему: святой водою, молебствіями и достали у князя Волынскаго крестъ со св. мощами, славившійся силою исцѣленія. Черезъ нѣсколько дней Анастасія оправилась; но Салтыковъ дѣйствовалъ такъ коварно, что, извращая смыслъ рѣчей доктора, сказалъ

царю и его матери, будто онъ сказалъ, что эта болѣзнь съ царевной бываетъ, то-есть бываетъ часто!.. Призвали другого лекаря, нѣмчина Балсыря, но таеъ-какъ онъ отказался подтвердить предположенія Марфы Ивановны о помѣхѣ въ чадородію, то и его опять въ больной не приглашали.

Заснувшая-было непріязнь вновь пробудилась въ душѣ Марфы Ивановны, которую еще болѣе вооружали наговоры Салтыковыхъ да Милюковой; эта коварная женщина увѣрила Марфу Ивановну, что у царевны-де и допрежь того блѣвота бывала не единожды... Кромѣ того, неосторожно сказанныя Желябужскими предположенія объ отравѣ еще болѣе вооружили Салтыковыхъ; они предложили государю созвать боярскую думу для обсуждения вопроса: прочна-ли такая невѣста для государева здорovia и радости.

На совѣтѣ бояръ Салтыковы таеъ умѣли обставить дѣло, что, имѣя въ виду бездѣтность супруги царя Ѳеодора Іоанновича, Ирины Годуновой, вслѣдствіе которой прекратился родъ царей исконныхъ по мужескому колѣну, бояре пришли въ тому заключенію, что подверженная хвори царица не годна для московскаго государства, гдѣ перемѣна династіи произвела такия ужасныя смуты и бѣдствія.

Михайль Ѳеодоровичъ былъ въ отчаяніи, но мать и Салтыковы были безжалостны. Напрасно Гаврила Хлоповъ увѣрялъ, что болѣзнь миновалась; напрасно Желябужскіе клялись, что никогда прежде того Марія не хворала; состоялось распоряженіе: сослать ее съ Верху!.. Михайль Ѳеодоровичъ сидѣлъ въ своихъ хоромахъ и никого не впускалъ, даже и Салтыковыхъ; но Орья прорвалась къ нему и, упавъ передъ нимъ на колѣни, передала ему слезное моленіе Марьи Хлоповой—не вѣрять ея врагамъ. Кто-же ея недруги? спросилъ онъ. Орья рассказала ему, какъ Михайла Салтыковъ сваталъ Марью и какъ онъ съ своей матерью сговаривались ее съ царемъ разлучить.

— Надо матушкѣ повѣдать, сказалъ государь, но Орька просила ея не выставлять свидѣтельницей. Боюсь я пытки да мести Салтыковыхъ!.. не погуби, государь, твою рабу, преданную тебѣ съ дѣтства...

Однако Михаилъ Феодоровичъ передалъ матери, что слышала про коварство Салтыковыхъ, не называя ихъ обвинительницы. Марфа Ивановна зѣло разгнѣвалась и объявила, что не дастъ сыну благословенія...

Это было послѣднее и самое вѣрное средство!..

Благочестивый царь и покорный сынъ не могъ идти противъ материной воли, при угровѣ лишить его самаго драгоценнаго въ этой и будущей жизни—родительскаго благословенія... Онъ покорился и предоставилъ судьбу Маріи на произволь матери.

Спустя недѣлю, какъ она переселилась въ бабкѣ, явился Салтыковъ и объявилъ указъ: Феодоръ Желябужской, съ обоими сыновьями и ихъ семьями, а равно и дѣвицѣ Марьѣ Хлоповой ѣхать въ г. Тобольскъ, гдѣ и жить впредь до государева указа.

Приговоръ былъ строго исполненъ. Несчастливая изгнанница должна была покинуть Москву и увлечь съ собою въ далекій, пустынный край сродниковъ, которые, разумѣется, плакались на нее въ своей гибели...

— Не покидай ее, мою голубушку, не давай ее въ обиду, береги ее до самаго мѣста ссылки... Богъ не безъ милости... Какъ вернется владыка Филаретъ Никитичъ, все инаво пойдетъ, а государь ее не забудетъ... говорила Орька своему сроднику, казаку Гладкому, который посланъ былъ, въ числѣ другихъ ратныхъ людей, провожать развѣчанную царевну...

Осень, безлюдная лѣсная сторона на окраинѣ тогдашней Сибири... Бурливо реветъ рѣка Иртышъ, свинцово-сѣрая облака низко плывутъ по небу... Пугливая чайка скользитъ надъ волнами... стадо оленей взбирается по каменистымъ уступамъ берега, щипля сѣрый мохъ по расщелинамъ. Вонъ тамъ крадется безобразный, желтый, косоглазый киргизъ съ колчаномъ и стрѣ-

дами; вотъ онъ прицѣлился, стрѣла взвизгнула... одинъ изъ оленей подпрыгнулъ и свалился въ рѣкъ, а остальные умчались бѣстрѣе вѣтра.

— Такова-то и моя доля печальная: беззаботно гуляла я и радовалась... а лихой человѣкъ сковаль стрѣлу отравленную и мѣтво пустилъ мнѣ прямо въ сердце... размышляла, сидя на берегу, какая-то дѣвушка, одѣтая въ крашенинный сарафанъ и шубку на бѣльемъ мѣху... Лицо ея было прекрасно, но блѣдно, и грустно смотрѣли голубые глаза на бурливыя волны рѣки, слегка заалѣвшія кровью убитаго оленя... Это была Марья Хлопова!..

Бояринъ Михаилъ Салтыковъ благополучно обвинчался съ Прасковьей Ивановной и, вскорѣ послѣ ссылки Марьи, явился въ государю 16 іюля 1616 года съ своею красавицею женою.

Григорію Гладкому не удалось довести Марью до мѣста ссылки; въ Нижнемъ-Новгородѣ полученъ былъ воеводою указъ: нарядить новыхъ провожатыхъ Желябужскимъ съ племянницею, а ратныхъ людей отпустить въ Москву, гдѣ шли спѣшныя сборы къ войнѣ съ Польшею.

Орѣкъ стало невыносимо житье въ Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ, не смотря на иноческій уставъ, творились разные коварныя замыслы и извѣты. Ей хотѣлось убѣжать далеко, далеко въ свою вольную сторону... но Григорій Гладкій не желалъ измѣнить присягѣ, данной царю: «Я ему крестъ цѣловалъ и службу свою не оставлю», говорилъ онъ.

— Такъ сватай меня: я лучше буду жить съ тобою въ стрѣлцкой слободѣ, чѣмъ безъ тебя въ царскихъ хоромахъ!.. воскликнула Орѣка.

Царицы любили отдавать замужъ своихъ сиротинокъ, и Марфа Ивановна, благословивъ Орѣку на бракъ съ добрымъ человѣкомъ, наградила ее приданымъ и казною.

Григорія и Орину обвинчалъ пошъ Соловей и пошелъ на свадебный ихъ пиръ въ домъ бахара Путаты, гдѣ новобрачные устроили свое гнѣздо.

Тутъ онъ встрѣтился съ подъячимъ Абрашкою и очень дружелюбно пилъ изъ одной чары съ бахаремъ.

Черезъ 2 недѣли послѣ свадьбы, Григорій, крѣпко обнявъ свою молодую жену, сказалъ: Прощай, моя золотая!.. рать моя на войну идетъ, и я не могу остаться... Не плачь, не тужи... какъ выручимъ государева родителя, заживемъ мы съ тобой припѣваючи... Какъ природная казачка, Орья проводила мужа безъ причитаній...

Осталась она снова одна одинопенька; Анка безногая померла и Орья взяла, вмѣсто дочки, дѣвочку ея Ульку.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Часть 3.

ГЛАВА I.

Возвращеніе изъ плѣна.

Началась война съ Польшею; но такъ-какъ войско наше было не обученое, сбродное, не знавшее ни дисциплины, ни военной выправки, то и успѣхи наши ограничилились вѣсколькими битвами, въ которыхъ побѣда поочередно переходила отъ русскихъ къ полякамъ и на оборотъ. Наконецъ, въ апрѣлѣ 1617 года, сынъ польскаго короля Сигизмунда III выступилъ изъ Варшавы; въ г. Луцкѣ собралось его войско съ панами Сапѣгой, Гонсѣвскимъ, Лисовскимъ, Ходкевичемъ, Чаплинскимъ и другими, между которыми были и семь знаменитыхъ комиссаровъ, приставленныхъ подозрительнымъ Сигизмундомъ къ своему сыну для наставленій и руководства; поэтому, личное участіе въ войнѣ и дипломатическихъ сношеніяхъ этого искателя московской короны было такъ ограничено, что его опекуны ни въ чемъ ему не давали воли, а поступали по своему разумѣнію.

Изъ Луцка войско разбрелось въ разныя стороны; а Владиславъ, съ своими полками, въ августѣ, пошелъ къ Могилеву на Днѣпрѣ; въ сентябрѣ къ Смоленску; потомъ къ Дорогобужу и наконецъ, въ октябрѣ, занялъ

городъ Вязьму, которую воевода князь Никита Гагаринъ не могъ защищать, за неимѣніемъ средствъ и людей. Владиславъ остался зимовать въ Вязьмѣ, подсылая подметныя грамоты да прелестныя письма въ Москву; но его обѣщанія всякихъ милостей и благодѣаній плохо дѣйствовали на москвичей: грамоты его жгли да дегтемъ мазали, а подметчиковъ казнили, либо въ Сибирь ссылали. Москва крѣпко стояла за своего излюбленнаго царя; видя, что, кромѣ разоренья пограничныхъ городовъ, успѣхъ въ дѣлѣ не подвигается, Сигизмундъ приказалъ комиссарамъ заговорить о мирѣ.

Начались снова переговоры: московскіе уполномоченные требовали возвращенія изъ плѣна Филарета Никитича Романова, а поляки утверждали, что Москва-де королевичу Владиславу крестъ цѣловала, такъ чтобы его-де считать царемъ, а не Михаила Феодоровича.

Переговоры о мирѣ не состоялись, а между тѣмъ войско Владислава, терпя во всемъ недостатокъ, не получало жалованья, такъ что наемные казаки явно бунтовали и угрожали уйти домой. Лѣтомъ 1618 года, выступивъ изъ Вязьмы, поляки пошли къ Можайску, гдѣ сидѣли въ осадѣ князь Лыковъ и Черкасскій; нѣсколько разъ поляки подходили подъ Можайскъ, но были съ урономъ отбиваемы; такъ дѣло продолжалось до августа; но услыжавъ, что Гетманъ Сагайдачный шелъ на помощь къ Владиславу съ 20 тысячами Донскихъ казаковъ, Московская Дума прислала Лыкову и Черкасскому приказъ оставить Можайскъ и стянуть всѣ войска къ Москвѣ. Темной ночью Лыковъ и Черкасскій ушли незамѣтно изъ Можайска, куда бросились поляки и выжгли оставленный городъ. Въ это время Левъ Сапѣга возвратился изъ Варшавы, куда онъ ѣдиль за деньгами; но такъ-какъ денегъ онъ не привезъ, то голодное войско стало расходиться и едва можно было новыми общаніями воротить бѣглецовъ. Кромѣ того, между панамъ и комиссарами шли разлады: одни хотѣли стоять подъ

Калугою, а другіе требовали немедленнаго похода на Москву.

Дѣло Владислава принимало критическій оборотъ, но вотъ пришла радостная для нихъ вѣсть, о приближеніи Сагайдачнаго, который шелъ и на своемъ пути жегъ русскіе города, да грабилъ жителей, оставляя за собой кровавый и опустошенный слѣдъ.

Московское войско стало у Коломны, чтобы не пропускать поляковъ черезъ Оку, но князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій занемогъ, а принявшій отъ него начальство князь Григорій Волконскій не могъ остановить переправы Сагайдачнаго, потому что почти всѣ бывшіе на нашей службѣ, казаки передались на сторону своего Гетмана. Между тѣмъ, Владиславъ быстро двигался къ Москвѣ и 20 сентября расположился въ знаменитомъ селѣ Тушинѣ, а Сагайдачный изъ Коломенскаго уѣзда пошелъ мимо Донскаго монастыря, чтобы соединиться съ поляками. Московскіе бояре съ ратью вышли было на встрѣчу къ казакамъ, но, увидавъ ихъ несмѣтную силу, «ужаснулись зѣло» и въ бой не вступали.

Опять Владиславъ сталъ подсылать къ москвичамъ грамоты, чтобы сдали ему Москву, безъ сопротивленія, обѣщаясь ихъ помиловать, а въ противномъ случаѣ, угрожая сжечь Москву, а жителей ея перебить, но москвичи знали коварство поляковъ и не поддались ихъ обѣщаніямъ.

На первое октября, подъ самый Покровъ, поляки напали на московскія укрѣпленія и началась рѣзня: враги врывались въ загороженные улицы Арбатскую, Никитскую, Тверскую, Срѣтенскую, но вездѣ были отбиваемы. Крѣпкое, живое кольцо охватывало всю окружность Кремля, гдѣ заперся государь съ матерью.

Дрались всю ночь, и къ утру поляки отступили на рѣчку Прѣсну, обвиняя въ неудачѣ приступа пана Ходкевича, не рассчитавшаго вышины стѣнъ, почему лѣстницы, къ нимъ представляемыя, оказались коротки.

Такимъ образомъ, враги, стоя на окраинахъ столицы, вновь предложили переговоры о мирѣ. Сѣзжались съ обѣихъ сторонъ выборные и, не слѣзая съ сѣдла, перебивались условіями, то-есть они все толковали про права Владислава, а наши оспаривали тѣ права, нарочно протягивая дѣло, въ ожиданіи стужи да снѣга, которые должны были крѣпко насолить раздѣтому и голодному врагу.

Владиславъ ушелъ изъ Тушина, и 27 октября переговоры были уже не на Прѣснѣ, а по Троицкой дорогѣ, послѣ чего польскіе послы просили пропуска въ Москву, гдѣ и заключили предварительное перемиріе.

Поляки стояли въ селѣ Сватковѣ, въ 10 верстахъ отъ Троицко-Сергіевской Лавры; поэтому и выбрали мѣстомъ сборнаго пункта деревню Деулину, въ 2 верстахъ отъ Троицы, гдѣ 1 декабря 1618 года былъ заключенъ миръ, извѣстный въ исторіи подъ названіемъ «Деулинскаго».

Чтобы кончить кровопролитіе и опустошеніе войны, а главное, чтобы выручить изъ плѣна Филарета Никитича, Россія согласилась на уступку Смоленска, со всѣми въ нему принадлежавшими городами и землями, а Польша обязалась очистить русскую землю отъ своего и казачьяго войска, выдать въ 25 февраля 1619 года Филарета Никитича, князя В. В. Голицына, боярина Шеина и другихъ плѣнныхъ и сохранить миръ въ продолженіи 14 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ, то-есть до 1 іюня 1633 года.

Однако, размѣнъ плѣнныхъ въ февралѣ не состоялся: поляки затѣяли новыя придирки и требованія. Долго держали плѣнныхъ въ Дорогобужѣ, а несчастный князь Голицынъ не перенесъ плѣна и въ Вильнѣ умеръ еще въ январѣ. Его похоронили по католическому обряду и много прошло времени, пока кости его были перевезены на родину.

Филаретъ Никитичъ съ нетерпѣніемъ ждалъ рѣшенія своей участи: почти девятилѣтній плѣнъ не могъ подломить его крѣпкаго здоровья, но перенесенныя имъ

душевныя страдаія наградили его большой опытностью и хитростью, посредствомъ которой онъ успѣлъ сохранить свое достоинство и добрыя отношенія къ гордымъ и дерзкимъ панамъ. Когда московскіе уполномоченные Шереметьевъ и князь Мезецкій не хотѣли согласиться на новыя уступки, то Филаретъ Никитичъ заплакалъ и сказалъ присланному къ нему гонцу:

«Велѣдь-бы Богъ мнѣ увидѣть сына моего... Не годъ и не два терплю я тяжкій плѣнъ... Наскучила мнѣ здѣшняя жизнь; боюсь, не помереть-бы мнѣ, какъ князь Голицынъ померъ на чужой сторонѣ»...

По этимъ словамъ видно, что и его желѣзная воля надъ собою стала, наконецъ, измѣнять.

Наконецъ, всѣ препятствія были устранены и выбрано мѣсто размѣна въ 17 верстахъ отъ Вязьмы, на рѣчкѣ Полянковкѣ. Приступили къ постройкѣ двухъ мостовъ, чтобъ по одному шли русскіе плѣнные, а по другому, въ то-же время, польскіе и въ томъ числѣ нѣкто Струсъ, находившійся въ русскомъ плѣну.

30 мая мосты были готовы и еще съ вечера князь Мезецкій да бояринъ Шереметьевъ расположились станомъ на одномъ берегу рѣчки, а польскіе эмиссары на другомъ.

Утромъ 1 іюня плѣнные подѣхали, но ни русскіе, ни поляки не хотѣли отпускать ихъ первыми: русскіе боялись измѣны, если впередъ пустятъ Струся съ товарищами, а поляки не хотѣли впередъ пустить Филарета Никитича, боярина М. Б. Шенна, дворянина Луговскаго и другихъ. До самаго вечера протянулось это колебаніе, Филаретъ Никитичъ выходилъ изъ терпѣнія и гонца за гонцомъ посылалъ къ Шереметьеву и Мезецкому, чтобъ отпускалъ Струся и другихъ безъ опаски. Наконецъ, польскіе плѣнные вступили на одинъ мостъ, а на другой въ то-же время вѣхала повозка, въ которой сидѣлъ Филаретъ Никитичъ, а бояринъ Шеннъ и другіе шли пѣшкомъ.

Вотъ мостъ переѣхали и знаменитый плѣнный мѣт-

рополить Филаретъ Никитичъ Романовъ получилъ свободу!.. Съ радостными слезами московскіе уполномоченные встрѣтили его, поклонились ему до земли и цѣловали его руки. Такъ-какъ размѣнъ плѣнныхъ продолжался до самой ночи, то митрополитъ остался ночевать въ русскомъ станѣ или, какъ тогда называли, острожкѣ, на берегу рѣчи Поляновки.

Филарету Никитичу было тогда около 55 лѣтъ. Когда-то онъ былъ красавцемъ, да и теперь еще его черные глаза и умныя губы сохранили прежнюю красоту; но темные волосы до половины посеребрились, а борода почти совсѣмъ побѣлѣла. Росту и полноты онъ былъ среднихъ и вообще имѣлъ осанистый и представительный видъ.

Что переувствовалъ этотъ человѣкъ, испытавшій столько превратностей, гоненій и опасностей, когда, наконецъ, легъ на отдыхъ въ ту ночь, которая должна была стать на рубежѣ его несчастій и грядущихъ почестей!.. Первой его заботой, конечно, было благодареніе Богу; потомъ онъ озаботился, чтобы его правожатимъ польскимъ ратнымъ людямъ и эмиссарамъ было послано все, что имъ было необходимо. На слѣдующее утро, по его приказанію, было отправлено за рѣчку Поляновку, въ польскій станъ, множество всякой провизіи, а равно подарки, соболя, сукна, камки и сколько возможно было и денегъ.

«За то, что береженье мнѣ давали и обидѣ лихихъ не творили»... благодарилъ онъ своихъ враговъ.

Поѣздъ митрополита отъ Вязьмы до Москвы былъ рядомъ торжественныхъ встрѣчъ; въ городахъ его встрѣчали воеводы, бояре и духовныя лица, а въ селеніяхъ выходили въ нему крестьяне, отъ мала до велика, радуясь возвращенію плѣнныхъ и окончанію войны. Подъѣзжая къ Москвѣ, поѣздъ его состоялъ уже изъ множества экипажей и ратныхъ людей, высланныхъ въ нему на встрѣчу.

14 іюня, съ ранняго утра, всполошилась вся Москва; народъ валитъ толпами въ Прѣснѣ, откуда ждали

пріѣзда митрополита. Въ пятомъ часу утра *) двинулось шествіе изъ Кремля: Михаилъ Θεодоровичъ со всѣми сановниками поѣхалъ къ отцу на встрѣчу.

Погода стояла великолѣпная, лѣто во всемъ своемъ блескѣ; рѣчка Прѣсна, изъ которой теперь образовались Прѣсенскіе пруды, весело бѣжала своими голубыми струйками. Государь съ Салтыковыми верхами переѣхали рѣчку въ бродъ и стали на возвышенномъ мѣстѣ, чтобы осмотрѣться.

Вонъ вдали поднимается пыль и что-то сверкаетъ на солнцѣ: во весь опоръ несется гонецъ и оповѣщаетъ, что государь-владыка подъѣзжаетъ къ рѣчкѣ Ходынѣ, гдѣ его встрѣчаютъ московскіе бояре, духовенство и приказные люди.

Вотъ уже доносятся и возгласы десятитысячной народной массы. Московскіе колокола гудятъ и сливаются со звономъ сельскихъ подмосковныхъ колоколенъ. Михаилъ Θεодоровичъ стараетъ отъ нетерпѣнія, онъ поднимается на стремянахъ, прикрываетъ рукой глаза и устремляетъ ихъ въ даль, не замѣчая, что туманившія его взоры слезы катятся по прекрасному, возмужалому лицу. Ближе да ближе и, наконецъ, наступаетъ блаженная, такъ давно ожидаемая, минута... Отецъ съ сыномъ встрѣтились и оба поклонились въ землю, сколько изъ уваженія другъ къ другу, столько-же и изъ благодарности Богу. Нѣсколько минутъ оба лежали ницъ, не имѣя силъ подняться отъ умиленія и радостныхъ слезъ; потомъ Филаретъ Никитичъ всталъ и, поднявъ сына, долго держалъ его въ объятіяхъ. Бояре и весь народъ неприлично плакали: всѣ знали, что рѣдко встрѣтится такая сыновнина любовь, какая была въ сердцѣ Михаила Θεодоровича, знали также, какъ нѣжно любилъ Филаретъ Никитичъ своего единственнаго сына. Благословивъ го-

*) Часы считались тогда отъ восхожденія солнца, а такъ-какъ въ половинѣ іюня оно встаетъ въ 3 ч. 15 м., то наши 8 часовъ утра равнялись 5-ти.

сударя, бояръ и весь народъ, митрополить сѣлъ въ сани, *) а государь и вельможи шли пѣшкомъ.

Передъ Спасскими воротами, изъ Кремля вышло все высшее московское духовенство съ іерусалимскимъ патріархомъ Теофаномъ. Возлѣ Вознесенскаго монастыря ждали его инокини и сама государыня Марфа Ивановна. Въ Успенскомъ Соборѣ митрополить самъ отслужилъ благодарственное молебствіе и вошелъ въ приготовленные для него въ дворцѣ хоромы.

Нѣсколько дней кряду праздновали москвичи, колокола во всѣхъ церквахъ неустанно трезвонили; въ царскомъ дворцѣ происходили пиры, народъ угощали на Красной Площади, а нищимъ и убогимъ была роздана щедрая милостыня.

24 іюня митрополить Филаретъ Нивитичъ былъ посвященъ въ санъ московскаго патріарха.

ГЛАВА II.

Мудрый правитель Москвы.

Въ хоромахъ, предназначенныхъ для государева родителя, собрались всѣ тогдашніе дѣятели и правители московскими государственными дѣлами.

Всѣ инстинктивно близились къ тому, кто, по всѣмъ соображеніямъ, долженъ былъ стать во главѣ правительсва. Какъ ночныя бабочки да мухи вьются около свѣтящагося пункта, такъ и придворные обкружаютъ всякое блестящее свѣтило, которое появляется возлѣ царскаго престола. Часто однако случается и съ ними то, что бываетъ съ мухами: они обжигаютъ свои непостоянныя, измѣнчивыя крылья и падаютъ, чтобы не встать болѣе.

*) Вѣроятно, родъ колымаги, конечно, на колесахъ.

Филаретъ Никитичъ не даромъ прожилъ 9 лѣтъ въ Польшѣ и имѣлъ дѣло съ литовскою да латинскою хитрою изворотливостью! Даже и теперь, когда никто-бы не посмѣлъ ему перечить, онъ скрывалъ свои чувства и, повидимому, равнодушно выслушивалъ льстивыя рѣчи искателей его расположенія.

Князья Трубецкой, Пожарскій и другіе вельможи нѣсколько разъ затрогивали государственные вопросы и спрашивали, какъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ, но новый патріархъ упорно отмалчивался, а когда говорилъ, то ловко выпытывалъ чужое мнѣніе, не выдавая своего, такъ что, выходя изъ патріаршихъ хоромъ, бояре удивленно сознавались: «Ничего-де мы не добились, а только сами себя не пригоже раскрыли...»

Разумѣется, никто не вѣрилъ смиреннымъ воздыханіямъ патріарха о томъ, что «старъ де-я и въ плѣну вельми намаялся; отдыхать де мнѣ подабаеть да Господу Богу молиться, а не дѣлами заправлять... На то въ Москвѣ боярская дума и ею излюбленный государь Михаилъ Θεодоровичъ...»

Пожарскій и Трубецкой, сходя съ дворцеваго крыльца, успѣли перекинуться мыслями, запавшими въ ихъ свѣтлыя головы: «Хитеръ владыка! не нашему умишку въ его душѣ прочесть»... сказалъ Трубецкой.

— Хоть онъ и отговаривается старостью да усталостью, а не вѣрится мнѣ, чтобъ онъ въ дѣла думскія не вступился, замѣтилъ Пожарскій.

— Это онъ бояръ ввѣдываетъ, а особливо желаетъ, чтобъ ему повлонулись, какъ вланились ему, чтобъ патріаршій санъ принялъ... Оно такъ и надобно: не лѣзть же ему самому... Ты слышалъ онъ что молвилъ: Государь-де у васъ излюбленный... а государь-то сынъ ему, ну и подобаеть сыну челомъ ударить передъ родителемъ...

Государь-бы и радѣшенекъ!.. давно онъ ждалъ такого мудраго пособника, да иные-то, прочіе госуда-

ревы приближенные тому не доброхотуютъ, чтобы владыка въ дѣла вступился..

— Да!... Какъ не хитеръ владыка, а всѣмъ было видимо, что не по родственному онъ обლობызалъ Салтыковыхъ, тогда какъ встрѣчали его на Прѣснѣ... тихо замѣтилъ Трубецкой.

— Правда твоя, княже! Пора, давно пора тѣмъ временщикамъ крылья ошибить... еще-бъ малость и туда-бъ они Москву увлекли, откуда не можно-бъ было ни намъ, ни кому поумнѣ насъ и вытащить... еще тише молвилъ Пожарскій.

— Что и говорить! горько было смотрѣть, какъ всѣ труды нашихъ рукъ привели къ чему?.. Къ бабьему да робячьему помыванью... вѣдь царя-то совсѣмъ заповолонили Марфы Ивановны наушницы, да робяты неразумные—Михаила съ Борисомъ Салтыковы... что они за мужи опытные, въ 20-ть съ небольшимъ годовъ; что они полезное сотворили; чѣмъ заслужили, чтобъ надъ тѣми умничать, кто еще тогда дѣла великія совершали, какъ они въ колыбели качались, да материно молоко сосали?..

Бесѣда умныхъ бояръ было прервана: въ крыльцу подвѣтила каптана патриархова брата Ивана Никитича. Князья переглянулись; одну мысль выразили ихъ взоры.

— Вотъ-бы кому поручить наше ходатайство!..

Послѣ первыхъ привѣтствій, Пожарскій сказалъ:

— Батюшка Иванъ Никитичъ! пособи нашему горю, уговори владыку дѣлами заняться: время трудное и мы своимъ малымъ разумомъ безъ него не сообразимъ...

Иванъ Никитичъ пожалъ плечами:

— Ужъ я пыталъ, да ничего у него не выпытаешь!.. Потерпимъ!.. Авось Господь его вразумить... отвѣчалъ онъ и, простясь съ боярами, пошелъ къ брату.

Иванъ Никитичъ въ послѣднее время применулъ къ недовольнымъ; Марфа Ивановна не долюбивала деверя, и его рѣзкія замѣчанія обижали ее. Салтыковы совсѣмъ оттерли дядю отъ государя, окруживъ его своими влєвретами, да людешками съ продажной совѣстью.

Иванъ Никитичъ боялся, что его постигнетъ совершенная опала, а жена его, боярыня Ульяна Феодоровна, такъ просто ночи не спала; все ей мерещилось, что и ее съ мужемъ и со всей семьею изведутъ, какъ хотѣли извести царевну Анастасію. Ульяна Феодоровна принимала всевозможныя предосторожности отъ отравы и наговора; купивъ за дорогую цѣну кусочекъ камня-безуя, она велѣла сковать изъ него перстень.

— Для Бога, батюшка Иванъ Никитичъ, носи ты этотъ перстень, а какъ замѣтишь что... не медля лизни жуковину: *) тогда ни порча, ни отравы въ тебѣ не пристанутъ... просила она, и Иванъ Никитичъ постоянно надѣвалъ перстень съ безуемъ, когда ѣздилъ къ государеву столу, гдѣ былъ крайчимъ Михайла Салтыковъ, котораго онъ считалъ своимъ врагомъ.

Когда онъ вошелъ въ покой патріарха, то нашелъ его сидящимъ въ великой задумчивости передъ столомъ, заваленнымъ грамотами и челобитными, которыя подавали ему тайно отъ Салтыковыхъ. Онъ не замѣтилъ прихода брата и Иванъ Никитичъ, остановясь въ дверяхъ, съ изумленіемъ слѣдилъ глазами за выраженіемъ лица патріарха, когда онъ пробѣгалъ то ту, то другую грамоту. Теперь на лицѣ Филарета Никитича не было притворной апатичности: глаза его блистали, брови нахмурились, руки нервно перебирали листы толстой бумаги, исписанные крупными буквами, изъ устъ порой вырывались слова и все то были слова недовольства.

Иванъ Никитичъ кашлянулъ; патріархъ вздрогнулъ и, быстро прикрывъ бумаги широкимъ рукавомъ своей ряссы, оглянулся: лицо его опять приняло равнодушно-смиранный видъ.

— Это-ты, братецъ!... вотъ подерался такъ, что я и не замѣтилъ... сказалъ патріархъ, снявъ съ бумагъ руку и свой широкій рукавъ.

*) Перстень вообще, и въ особенности камень, въ него вставленный, назывался «жуковинной», вѣроятно по сходству съ жукомъ.

Иванъ Никитичъ поклонился ему въ ноги, принявъ его благословеніе и, по приглашенію, сѣлъ въ столу, на скамью, покрытую краснымъ сукномъ.

— Вотъ! началъ Филаретъ Никитичъ, указывая на бумаги. Завалили меня челобитными, а что я могу сдѣлать?.. старъ я зѣло и...

Не смотря на почтеніе въ брату, Иванъ Никитичъ не могъ удержать нетерпѣливаго движенія; махнувъ рукой, онъ довольно рѣзко сказалъ:

— Владыка-братецъ! Моисей-Пророкъ старѣ тебя былъ, какъ израилитанъ изъ полона египетскаго извѣлъ... а тебѣ, Отче, не менѣ труда предстоитъ избавить людей московскихъ отъ гибели Фараоновой...

Патріархъ съ улыбкой поглядѣлъ на брата.

— Кого это-ты Фараономъ-то обзываетъ?

— Охъ, владыка! Во Египтѣ-то одинъ былъ Фараонъ, а у насъ, въ Москвѣ, ихъ не вѣсть что перебивало... а нынѣ эти Фараоны Салтыковыми прозываются... отвѣчалъ Иванъ Никитичъ, рѣшившійся-таки добиться отъ патріарха откровенности; Филаретъ Никитичъ ничего не возразилъ и на лицѣ его нельзя было замѣтить никакой перемѣны.

Онъ порылся въ бумагахъ, лежавшихъ на столѣ, и вытащилъ одну изъ челобитныхъ, которую онъ сталъ внимательно читать, какъ можно было заключить уже не въ первый разъ.

Иванъ Никитичъ ждалъ, что будетъ далѣе.

— Чудно... думалъ онъ. Приобыкъ владыка нашъ къ латинцамъ и хитеръс талъ вельми!.. Опрометчиво поступить ни въ какомъ дѣлѣ не хочетъ, ибо мудрость въ немъ великая!.. и все существо боярина прониклось уваженіемъ къ рѣдкому на Руси примѣру сдержанности въ рѣчахъ, такъ-какъ русскіе вообще были тогда, какъ и нынѣ, склонны къ пустому многоглаголанію и не могли удерживать языки отъ обличенія чужихъ и своихъ тайнъ.

— Вотъ челобитная: поясни ты мнѣ, братецъ, что она значить?... и патріархъ подалъ бумагу брату, кото-

рый былъ въ письмѣ и чтеніи не гораздъ, а разбиралъ только церковныя рукописныя книги; поэтому прочтеніе довольно объемистой челобитной было для него трудной задачей. Однако, при первыхъ-же строкахъ, имъ овладѣло сильное любопытство и онъ, не отрываясь, читалъ до конца.

Патріархъ наблюдалъ за выраженіемъ лица тѣща и видѣлъ, какъ онъ то головой покачиваетъ, то глаза къ небу устремить, то вздохнуть.

Наконецъ, чтеніе кончилось; Иванъ Нивитичъ положилъ челобитную на столъ и обтеръ полую охабня показавшійся на его челѣ потъ—слѣдствіе усиленной умственной работы.

— Что ты на это молвишь, братецъ? Правда тутъ али кривда изложена? спросилъ патріархъ.

— Правда, владыка! истинная правда! отвѣчалъ Иванъ Никитичъ. Сей челобитчикъ Гаврило Михайловъ Хлоповъ родной дядя той злосчастной невѣсты царевой, кою Салтыковы испортили и въ затокъ сослали неповинно.

— Чего-же вы-то глядѣли? И какъ это вы безъ моего родительскаго благословенія на такое дѣло сына моего, а вашего государя столь неразумно напутствовали?... строго спросилъ Филаретъ Нивитичъ.

— Про то вопросы самого государя и его родительницу, великую Старицу Марфу Ивановну, а особливо Михайлу да Бариса Салтыковыхъ, мы-же тутъ неповинны, понеже насъ не спрашивали, возразилъ Иванъ Нивитичъ, въ душѣ весьма довольный, что наступила удобная минута повредить временщикамъ.

— Такъ-ли, братецъ? Вѣдь Боярская Дума постановила, что Марья-де Хлопова для царева здоровья невѣста непрочная и къ чадородію не способная?...

Иванъ Нивитичъ слегка смутился. Никому опала да затокъ не лестны, отвѣтилъ онъ. Кто имъ перечилъ, того они сослали... это-бы еще ничто!... а вотъ порчато!... вѣдь это сила великая! Вонъ я, къ примѣру, жу-

ковину безуеву пошу, а отъ чего?... Коварства, да лихаго зеля и порчи ради...

Патріархъ покачалъ своей мудрой головой и презрительно усмѣхнулся: Охъ, простота! замѣтилъ онъ въ полголоса, а потомъ громко сказалъ: Я на Господа уповаю и волшбы да порчи не опасаясь; я это дѣло подниму и разслѣдую: глава церкви долженъ быть невинныхъ защититель. Довольно временники юнымъ царемъ злоумышляли!.. Я вѣдь тоже въ полонѣ-то лишнихъ три года черезъ нихъ пробылъ; много мнѣ про ихъ недобротство да измѣну вѣдомо.

Иванъ Никитичъ несказанно обрадовался; онъ хотѣлъ продолжать рѣчь о коварствѣ и лихоимствѣ Салтыковыхъ, но Филаретъ Никитичъ его остановилъ: Довольно, братецъ! Я еще про это пораспрошаю тебя послѣ... а теперь не досужно: вонъ, глянь-ко, инокини ко мнѣ пожаловали...

Иванъ Никитичъ взглянулъ въ окно и увидалъ колымагу, подъѣхавшую ко двору, обнесенному узорчатой рѣшеткой. Изъ колымаги вылѣзла Старица Марфа Ивановна и неразлучная съ нею Евникія.

Не желая встрѣтиться съ невѣсткой, Иванъ Никитичъ поспѣшилъ проститься съ патріархомъ и другой дверью пошелъ черезъ дворцовыя хоромы на государеву половину.

Онъ засталъ Михаила Феодоровича бесѣдовавшимъ съ своимъ сродникомъ Шереметьевымъ, который также ненавидѣлъ Салтыковыхъ.

Михаилъ Феодоровичъ въ эти три года возмужалъ и даже выросъ; небольшая бородка начала опухать его пріятное, бѣлое лицо; но въ глазахъ постоянно туманилась грусть, и добродушная улыбка довольно рѣдко показывалась на его губахъ. Времена были трудныя и судьба его подвергалась опасности: даже между приближенными ежеминутно должно было остерегаться шатости и измѣны; но главная причина его печали, бесспорно, состояла въ разлукѣ съ любимой дѣвушкой, которая, не

смотря на удаленіе и мнимую болѣзненность, все такъ-же была ему дорога, какъ и въ ту пору, когда была его нареченной невѣстой. Въ глубинѣ души онъ былъ убѣжденъ, что Марья была жертвой дворскихъ происковъ и интригъ; слова казачки Орьки запаали ему въ мысли, но разслѣдовать дѣло онъ не могъ, зная, что этимъ навлекъбы гнѣвъ матери, которой онъ привыкъ слѣпо повиноваться.

Иванъ Никитичъ замѣтилъ, что въ глазахъ государя было болѣе живости, улыбка мелькала на его губахъ и во всей его фигурѣ просвѣчивалась какая-то радость и затаенная надежда. Радовался онъ свиданію съ родителемъ и надѣялся, подъ его защитой, найти справедливое разрѣшеніе мучительнаго для него сомнѣнія: точно-ли Марья неизлечимо больна или болѣзнь ея была вслѣдствіе козней ея недоброжелателей?..

Иванъ Никитичъ и Шереметьевъ воспользовались отсутствіемъ Салтыковыхъ, чтобы передать государю ходатайство бояръ: Просили меня бояре тебѣ, государь, ихъ слово молвить: прикажи имъ челомъ бить владыкѣ патриарху, чтобъ дѣлами заправлялъ, сказалъ Иванъ Никитичъ.

Михаилъ Ѳеодоровичъ охотно согласился и рѣшилъ собрать Думу, чтобы назначить день, когда и онъ самъ, и всѣ вельможи должны были слезно молить Филарета Никитича принять бразды правительства въ свои опытыя руки.

Патриархъ встрѣтилъ свою бывшую супругу довольно холодно, а Евникии сдѣлалъ знакъ рукою, чтобъ она удалась въ другую комнату. Марфа Ивановна присѣла на ту-же скамью, гдѣ передъ тѣмъ сидѣла ея деверь. «Пришла я къ твоему здоровью, владыка, дѣло важное обсудить: время приспѣло сыну нашему, государю Михаилу Ѳеодоровичу вступить въ законный бракъ, понеже онъ въ совершенныхъ годахъ и наслѣдія ради надлежитъ тѣмъ дѣломъ поспѣшить», начала инокиня.

— Я и самъ о томъ-же помышляю, отвѣчалъ патриархъ, но помѣха браву государеву предстоитъ отъ

того, что онъ ужъ обрученъ и невѣста его жива; поелику обрученіе передъ Богомъ считается полъ-вѣнцомъ, то грѣшно и зазорно государю православному отъ живой обрученной царицы другую поять!..

Эти неожиданныя слова, сказанныя строгимъ тономъ, такъ озадачили Марфу Ивановну, что она поблѣднѣла и руки ея, смиренно сложенныя на груди, поднялись, словно она хотѣла оттолкнуть какою-то призракъ. «Ему все вѣдомо, враги мои ужъ забѣжали впередъ... онъ хочетъ дѣло о Хлоповой поднять!...» Такая мысль наполнила ея сердце гнѣвомъ и заснувшая было ненависть къ Хлоповымъ и Желябужскимъ проснулась съ новой силой.

— Та невѣста для государева здоровья и радости была непрочна... дохтуры сказали, что болѣсть ея неизлечима и къ чадородію будетъ помѣхой, а Дума боярская постановила не быть тому браку... отвѣчала Марфа Ивановна со сдержаннымъ волненіемъ.

— Дума боярская не имѣетъ власти развѣнчать Богомъ вѣнчанныхъ; а дохторскія показанія подписомъ ихъ не скрѣплены... да и то странно, почему эта дѣвица допрежде была тѣломъ здрава, а какъ взяли ее въ Верхъ, то приключилась ей лихая болѣсть, каковая, по московскому разумѣнію, порчей почитается, а въ иныхъ земляхъ прозывается отравкою!.. Говоря это, патриархъ пристально вглядывался въ лицо Марфы Ивановны; ему хотѣлось убѣдиться, причастна-ли она къ тому ужасному дѣлу, которое онъ намѣревался разслѣдовать.

Марфа Ивановна со страхомъ и удивленіемъ воскликнула:

— Отрава!.. Кто-жъ могъ такое лихое дѣло затѣять, коли дѣвица та была въ нашемъ береженіи и некому, кромѣ ближнихъ людей, къ ней доступа не было?..

— Отравили Марью Борисовну Тверскую, супругу великаго князя. Іоанна Васильевича Грознаго!.. Отравили же супругу царя люди... то же, небойсь, ближніе замѣтили Филаретъ Никитичъ.

— То можетъ отравѣ была, а у Хлоповой хворь и допрежде приключалась, только ея бабѣ Желябужская съ сьновьями скрыли изъ корысти, увѣрила Марфа Ивановна.

— Коли бы и подлинно та хворь у ней и допрежде бывала, по что-жь бы дѣвицу въ ссылку и затоку сослали? Чѣмъ она тутъ повинна? Здравіе и животъ человѣческій въ рукахъ Господа и вини тутъ никакой нѣту, коли Господь захочетъ человѣка недугомъ испытать, говорилъ патріархъ.

Марфа Ивановна молчала.

— Гдѣ она нонѣ и по чѣму указу сослана? спросилъ онъ.

— Нонѣ она съ бабкой и дядьми въ Тобольскомъ городѣ, а сослана она по указу государеву... отвѣчала Марфа Ивановна.

Филаретъ Никитичъ всталъ.

— Я дѣло это развѣдаю, сказалъ онъ. Коли правда, что нареченная царевна Анастасія къ государевой радости не прочна, то я прищучу ему невѣсту княжну, либо королевичну иноземную; вонъ паны литовскіе меня просили: коли-де королевича Владислава отъ престола московскаго отлучили, то взяли-бы его сестру въ царицы московскія, чтобы упрочить миръ...

— Литва наша исконная супротивница... Латинскую папѣжскую королевичну намъ братъ не подобаетъ... съ досадою возразила Марфа Ивановна.

— На то воля государева: неволить я его не стану, а коли по душѣ ему обрученная невѣста, я ее изъ ссылки ворочу... сказалъ патріархъ, задѣтый за-живое рѣзкимъ тономъ инокини.

— Я своего благословенія не дамъ! ужъ совѣмъ гнѣвно заговорила инокиня, не привыкшая, чтобы сопротивлялись ея волѣ.

Филаретъ Никитичъ смѣрилъ глазами фигуру своей супруги, которая принимала на себя такой противъ него непокорный тонъ.

— Давно-ль жена супротивъ своего мужа и господина вставать смѣетъ? И подобаетъ-ли смиренной рабѣ Божіей, отшельницѣ отъ міра сего, въ дѣла мірскія вступаться? Инокія Марфа! Твое царствіе кончилось: не будутъ болѣе бабы неразумныя Московою помывать!..

ПРЕДАНІЯ И ВОСПОМИНАНІЯ

В. В. Селиванова *).

ГЛАВА I.

Рожденіе мое и смерть матери. — Характеристика покойной матери. — Могилы ея. — Мое дѣтство. — Первые сознательныя впечатлѣнія. — Мама. — Воспоминанія о 12-мъ годѣ. — Общество офицеровъ. — Подполковникъ Ивановъ. — Подполковникъ Муравскій. — Маіоръ Померанскій. — Есиповъ и сем. Чаплинъ. — Трагическое происшествіе. — Вліяніе на меня военныя. — Воспитаніе братьевъ. — Французъ Целморе. — Мое первое знакомство съ природой. — Ученье. — Дѣдушка Павелъ Михайловичъ. — Письмо его къ сыну. — Семья его. — Бабушка Надежда Николаевна. — Николай и Михайлъ Павловичи. — Забавы ихъ. — Раздѣлъ имѣнія. — Начало рода Селивановыхъ. — Кочибѣй. — Потомство его. — Михайлъ Ивановичъ и его дѣти: — Игнатъ и Павелъ. — Дѣти Игнатія Михайловича: Иванъ, Дмитрій и Максимъ. — Ихъ дѣти и внуки. — Павелъ Михайловичъ и его сыновья. Асонъ Васильевичъ. — Авдотья и Прасковья Асоновны. — Иванъ меньшей Павловичъ, первый владѣлецъ Лубавы. — Жена его, Агафья Сидоровна, урожденная Лубавская. — Дѣти ихъ. — Михайлъ Ивановичъ. — Василій Яковлевичъ Еропкиня. — Тяжба. — Потомство Степана Ивановича. — Романъ Михайловичъ. — Дѣти его. — Левъ Юрьевичъ, деньщикъ Петра Великаго. — Преданіе о немъ. — Его помѣщательство. — Указъ Петра втораго. — Агледогъ изъ жизни Льва Юрьевича. — Дѣти Ивана Романовича. — Осипъ Ивановичъ. — Прасковья Осиповна Нестерова. — Письмо Осипа Ивановича. — Николай Михайловичъ Нестеровъ. — Его семейство.

Въ столѣтнемъ календарѣ изданія 1802 года, въ книгѣ, постоянно лежавшей на письменномъ столѣ моего покойнаго отца, на оборотѣ верхней крышки кожанаго, довольно обветшавшаго, переплета есть замѣтка, писанная собственною его рукою, слѣдующаго содержанія: «Въ

* Записки В. В. Селиванова, извѣстнаго по своей литературной дѣятельности, составляютъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ весьма цѣнныхъ матеріаловъ для изученія нашего общезнаемаго быта конца прошлаго и начала настоящаго столѣтія. По наблюдательности и умѣнью придать живость, повидимому, сухому предмету, записки эти

городѣ Зарайскѣ, 1813 года, февраля 28 числа, на память преподобнаго Василя, рожденіе сына моего Василя (т. е. меня). Крестины были марта 5 дня; священнодѣйствовалъ Вознесенской церкви священникъ Іоаннъ Тимофеевичъ; воспріемниками были братъ Николай Павловичъ и тетушка Марья Николаевна Нестерова; тезоименитство того-жъ 28 числа».

Ниже другая замѣтка:

«1813 года, марта 7 дня, въ пятницу, въ 5 часовъ пополудни, скончалась любезная супруга моя Александра Петровна; погребена въ с. Куковѣ. Замужество ея было 12 лѣтъ и 11 мѣсяцевъ, а всего житія 28 лѣтъ».

Не на радость ближнимъ, какъ видитъ читатель, было мое рожденіе. Мать моя, за недѣлю до родовъ, ѣздила куда-то въ гости въ однихъ башмакахъ по шелковому чулку и простудилась. Будучи чрезвычайно терпѣлива, а можетъ быть и изъ страха, чтобъ ее не бранили, таила болѣзнь, хотя слѣдствіе простуды давало себя чувствовать волотьемъ въ боку. Она страдала, но не показывала страданія, пока не пришелъ часъ родить. Роды совершались благополучно, но болѣзнь усиливалась не по днямъ, а по часамъ, и, наконецъ, разлилось молоко. Напрасно Егоръ Ивановичъ, лекаръ-нѣмецъ, давалъ микстуры, ставилъ горчичники, ничто не помогло... Часовъ за 5 до смерти, когда Егоръ Ивановичъ пріѣхалъ ее навѣстить и щупалъ пульсъ, матѣ моя сказала ему: ну что, волбасникъ. Ты говорилъ, что мнѣ къ твоему пріѣзду будетъ хуже, анъ мнѣ лучше: теперь я не чувствую никакой боли... Отъ этихъ словъ больной, у Егора Ива-

совершенно напоминаютъ литературную дѣятельность покойнаго и читаются съ такимъ-же постояннымъ интересомъ, съ какимъ читались сочиненія его, помѣщенныя въ Русской Бесѣдѣ 1856—1857 г.: „Годъ русскаго земледѣльца“ и „День помѣщика“. Василій Васильевичъ скончался въ 1875 г. отъ разрыва сердца, при общей скорби крестьянъ и всѣхъ его знакомыхъ. Доставленіемъ этихъ записокъ мы обязаны сыну покойнаго, Алексѣю Васильевичу Селиванову, которому спѣшимъ принести глубокую благодарность. *Пр. Ред.*

новича лице судорожно скривилось въ улыбку; онъ промчалъ гмъ!... и ухалъ. Скоро началась предсмертная агонія. У постели страдальцы сидѣла Прасковья Ивановна—одна изъ дворовыхъ женщинъ, которой поручено было наблюдать за больною. Отъ утомленія и бессонныхъ ночей, она скоро заснула, и больная осталась предоставленною самой себѣ. Послѣ полуночи, когда пришелъ взглянуть на нее мой отецъ, онъ увидѣлъ раздирающую картину. Сальный огарокъ, стоявшій на столѣ, нагорѣлъ и едва слабымъ мерцаніемъ озарялъ комнату; умирающая лежала въ постели, болѣзненно разметавшись и судорожно переводя дыханіе, губы ея почернѣли и ссохлись; растрепанные волосы набились въ ротъ... Эта картина такъ сильно врѣзалась въ памяти моего отца, что, при воспоминаніи о быломъ, постоянно терзала его совѣсть. Онъ не могъ простить себѣ, зачѣмъ не сидѣлъ онъ самъ въ эту страшную ночь у кровати умиравшей; но не могъ простить и Прасковью Ивановну ея сонливости. До самой ея смерти, послѣдовавшей уже въ 30-хъ годахъ, онъ чувствовалъ къ ней непреодолимое отвращеніе, хотя ни словомъ, ни дѣломъ никогда ни показывалъ ей этого.

Не бывши самовидцемъ, я, естественно, не могу передать читателямъ того отчаянія, которое овладѣло отцомъ моимъ въ первыя минуты кончины матери; но, какъ рассказывали мнѣ бывшіе при этомъ, онъ не плакалъ... Онъ только поблѣднѣлъ, какъ полотно и хохоталъ,—хоталъ такъ, что наводилъ на всѣхъ ужасъ. Ему, отырыли кровь. Въ самомъ дѣлѣ, утрата была неощутима, не говоря о томъ, что лишиться молодой любимой жены, въ полномъ цвѣтѣ ея красоты и молодости—ужасно; но, кромѣ этого, на рукахъ отца оставалось восемь сиротъ, малъ-мала меньше. Ко всему этому онъ могъ еще упрекнуть себя и въ излишней вспыльчивости и даже подчасъ въ излишне суровомъ обращеніи съ нею; тогда какъ напрасно искалъ-бы въ своей памяти чего-нибудь такого, въ чемъ бы могъ обвинить ее. Общій отзывъ всѣхъ знавшихъ покойницу былъ таковъ, что кротче и добрѣе женщины они не встрѣчали. Современниковъ поражало въ ней уже

и то, что, не подчиняясь духу времени и примѣру тогдашнихъ барынь, она не только никогда никого не прибила, но даже никто изъ прислуги не слышалъ отъ нея суроваго, не говоря уже браннаго, слова. Одинъ только разъ, сказывалъ мой отецъ, домашній парикмахеръ Федотъ, мальчикъ лѣтъ 16 и страшный шалунъ, рассердилъ ее именно тѣмъ, что вмѣсто того, чтобы придти въ свое время причесать ей волосы, ушелъ куда-то съ рабочими въ поле и долго пропадалъ. Узнавъ, что онъ, наконецъ, возвратился, она выбѣжала къ нему въ лакейскую и выбравъ дуракомъ, буквально однимъ пальцемъ, какъ рассказывалъ въ послѣдствіи самъ Федотъ, толкнула его въ щеку. Сдѣлавъ это страшное дѣло, она побѣжала обратно въ спальню и, бросившись на постель, зарыла лице свое въ подушки. Въ этомъ состояніи нашелъ ее отецъ и долго не могъ успокоить въ ней опасенія, что она очень больно сдѣлала Федоту. Въ другой разъ она меня и самого очень оскорбила, говорилъ мой отецъ. Будучи по дѣламъ въ Рязани, я купилъ ей тамъ на платьѣ ситцу и привезъ въ подарокъ. Когда я показывалъ ей мою покушку, она, посмотрѣвъ на узоръ, сказала: Эхъ, Вася, что это тебѣ понравилось? не хорошо. — А, не хорошо, возразилъ я холодно... подайте ножницы! и тутъ-же, при ней, изрѣзалъ весь ситецъ въ мелкіе куски.

Мучимый и сознаниемъ о невозвратной потерѣ друга и совѣстью, что не вполне умѣлъ цѣнить ее при жизни, отецъ мой часто впадалъ въ меланхолю и подъ вліяніемъ этого настроенія духа вообразилъ ее святою. Лѣтъ 7 или 8 спустя послѣ ея кончины, рядомъ съ ея могилою копали могилу Николаю Ивановичу Коробину, двоюродному брату отца и, выбрасывая землю, могильщики открыли могильный склепъ матушки. Когда объ этомъ услышалъ мой отецъ, онъ выбралъ время, когда близь церкви никого не было, спустился въ яму, поднялъ крышку завѣтнаго гроба и заглянулъ въ него. Онъ былъ увѣренъ найти тѣло не тлѣннымъ, ꙗно, что онъ нашелъ, онъ не сказалъ никому.

Надъ могилою матушки отецъ мой поставилъ камень, состоящій изъ базы, съ полуволонною, увѣнчанной плающею урною. На одной изъ мраморныхъ досокъ, вдѣланныхъ въ этотъ могильный памятникъ, была изсѣчена эпитафія, сочиненная помѣщикомъ-сосѣдомъ Николаемъ Яковлевичемъ Любавскимъ, который питалъ къ усопшей благоговѣйное уваженіе.

Вотъ она:

- „Чей прахъ сокрытъ лежитъ въ семъ гробѣ мрачномъ тѣсномъ?
- „То я, чей образъ вѣкъ жить будетъ въ сердцѣ нѣжномъ;
- „Слезою здѣсь гробъ росить страдающій супругъ,
- „Въ сей горести его, къ ней духъ его стремится,
- „Бывъ въ жизни сопряженъ съ ней въ небѣ съединится.

А на другой сторонѣ памятника:

- „Прими въ Твой вѣчный кровъ безсмертный духъ ея:
- „Она была достойна милости Твоея....

Въ 1813 году отецъ мой былъ зарайскимъ уѣзднымъ предводителемъ; по этому-то обстоятельству онъ и жилъ тогда въ Зарайскѣ. Квартиру занималъ онъ въ домѣ Масленникова, что на Ильинской улицѣ, близъ церкви Ильи Пророка. Домъ этотъ оставался безъ всякаго измѣненія до 1859 года, т. е. до пожара, истребившаго большую часть города. Домъ этотъ былъ тогда двухъ-этажный, но какъ верхній деревянный этажъ сгорѣлъ, то нижнюю каменную его часть исправили, покрыли и въ этомъ обновленномъ видѣ онъ и донинѣ красуется.

По приведеніи меня въ христіанскую вѣру, т. е. по совершеніи надо мною таинства крещенія, меня съ кормилицею, вѣроятно, во избѣжаніе тѣсноты, отправили къ бабушкѣ Федосѣ Николаевнѣ, въ село Куково *), а дней черезъ пять привезли туда-же и опустили въ могилу, близъ церкви, тѣло моей скончавшейся матери.

Обо мнѣ почти забыли....

Съ обтертою отъ новой коленкоровой рубашки кожею, ни разу послѣ крестинъ не мытою, недѣлю спустя послѣ похоронъ матери, перевезли меня съ кормилицею къ отцу.

*) Село Куково на рѣкѣ Осетрѣ, въ 9-ти верст. отъ г. Зарайска.

Не предупредивши его ни о чемъ, велѣли кормилицѣ вынести меня къ нему и, когда вынесли, я инстинктивно протянулъ къ нему руки. Онъ не выдержалъ, зарыдалъ, схватилъ меня на руки и уже болѣе не разставался со мною. Въ послѣдствіи говорили, что я его баловень, что онъ будто-бы любилъ меня болѣе другихъ дѣтей.

Первая минута сознательнаго состоянія моего бытія, какъ я припоминаю, захватила меня въ моей маленькой дѣтской, въ с. Любавѣ *). Это было, какъ я полагаю, въ 15-мъ году, въ маѣ или въ іюнѣ мѣсяцахъ. Я стою по серединѣ комнаты; на мнѣ надѣта ситцевая рубашечка, набитая розовыми цвѣточками, въ видѣ мелкихъ гвоздичекъ. Вотъ старая мама подпоясала меня тесемкой съ вытканною на ней молитвою; деревяннымъ гребнемъ, какимъ она расчесывала свою кудельку, причесала мнѣ волосы и повела въ садъ.

Мамка моя Настасья, которую я звалъ обыкновенно мамою, была старуха, лѣтъ подъ 70. Взята она была въ должность мамки изъ крестьянскаго дома Бобровыхъ, существующаго и понынѣ въ Любавѣ и переселеннаго батюшкою изъ Пензенской вотчины, почему всѣ дворовые люди матушку мою величали Бобрихой.

Не могу судить о достоинствѣ ухода за мною старухи, однакожъ помню, что въ деревянной, довольно ветхой, моей кроваткѣ водились въ обиліи клопы, которые меня, впрочемъ, не кусали, и что зимою мама покрывала меня, сверхъ одѣяла, своею заячьею шубенкою, что было мнѣ очень пріятно... Когда, бывало, въ долгія зимнія ночи я просыпался и на меня нападали страхъ и тоска, я будилъ маму и требовалъ, чтобы она несла меня къ отцу, она сквозь сонъ, стуча кулакомъ о свои подмостки, говорила: молчи... тссъ! слышишь, староста съ мѣшкомъ пришелъ, въ окошко стучить... вотъ тебя унесетъ! и я со страху умолкалъ и засыпалъ отъ скуки; но, по боль-

*) Сельцо Любаво въ 22 верстахъ отъ г. Зарайска, между Коломною и Рязанью.

шей части, часы такой бессонницы бывали мучительны. Не легко было дѣтскому, напуганному воображенію примириться съ непроницаемымъ ночнымъ мракомъ, при закрытыхъ ставняхъ, наполнившимъ комнату, стукомъ въ окно, при глубокой обружавшей тишинѣ, и старостою съ мѣшвомъ... Я крѣпко сжималъ вѣки глазъ, закутывался въ одѣяло съ головою... меня охватывалъ жаръ, обливалъ потъ, и я не смѣлъ открыться, чтобъ свободно продохнуть... Помню, что мама зимними днями постоянно сживала на лежанкѣ, на донцѣ, со вставленною въ него деревяною вилою, и прядла шерсть. Веретено ее жужжало, а я, валяясь по полу, мечталъ, что пойду на войну и буду генераломъ.

Событія 1812 и послѣдующихъ, славныхъ для русскаго оружія, годовъ не только жили тогда въ памяти и въ изустныхъ разсказахъ, но, вѣжеться, и самый воздухъ былъ еще пропитанъ славою этихъ воспоминаній. Къ намъ тогда ѣздило много офицеровъ квартировавшаго въ Зарайскѣ 1-го егерскаго полка. Самъ командиръ полка, полковникъ, Степанъ Емельяновичъ Ивановъ, знакомъ былъ съ батюшкою по-пріятельски. Впрочемъ, всѣ дворяне-помѣщики уѣзда его очень любили. Онъ былъ храбрый воинъ, тучный, изувѣченный ранами старикъ, отъ природы умный и веселый. Любилъ кушать жирные пироги и булебяки и, когда его звали въ гости, особенно обращали вниманіе на приготовленіе колоссальныхъ булебякъ въ закускѣ. Происхожденіемъ изъ дачныхъ, изъ рядовыхъ, въ эпоху наполеоновскихъ войнъ, Ивановъ дослужился до чина полковника. Про его человѣческое достоинство разсказывали тогда слѣдующій анекдотъ. Мать его, воломенская крестьянка, узнавъ, что сынъ ея въ Зарайскѣ, пришла повидать его, находить квартиру и спрашиваетъ, гдѣ мой Степушка? Вѣстовые и деньщики стали ее гнать; но она не шла и требовала настоятельно, чтобы вызвали Степушку. Пошли, доложили. Степанъ Емельяновичъ вышелъ и, узнавъ въ грязной крестьянской старухѣ мать, не смотря на

свою тучность, упалъ предъ нею на колѣни и поклонился до земли.

Но любимцемъ моимъ, на котораго я смотрѣлъ съ благоговѣнiемъ, былъ подполковникъ Муравскiй. Я называлъ его мурашкой: маленькiй, худенькiй тщедушный чело­вѣкъ. Не помню, другiе говорили-ли о его храбрости; но самъ онъ, при воспоминанiи о множествѣ сраженiй, въ которыхъ участвовалъ, по его словамъ, часто молилъ Бога, чтобы его равнили, чтобы хотя немного отдохнуть. Онъ имѣлъ на шеѣ Анну съ алмазами, *rouge la merite*, и другiе ордева... Ѣздилъ къ намъ много и другихъ офицеровъ этого полка. Я помню маiора Померанскаго. Про него или, вѣрнѣе, про его денщика, изъ чухны, говорили, что, не смотря на безчеловѣчные побои, какiе претерпѣвалъ отъ Померанскаго, тотъ, послѣ какого-то сраженiя, не видя его въ числѣ вышедшихъ изъ дѣла офицеровъ, пошелъ искать его, нашелъ его раненымъ взятымъ въ плѣнъ въ непрiятельскомъ лазаретѣ, остался при немъ и во все время болѣзни и плѣна служилъ ему. Конечно, Померанскiй смотрѣлъ на него, какъ на своего друга и спасителя. Ѣздили къ намъ многiе другiе молодые офицеры, и все-то съ польскими фамилiями: Градовскiй, Тучиновскiй — идеаль уѣздныхъ барынь, а другихъ ужъ окончательно теперь пере­забылъ. При стоянѣ этого полка въ Зарайскѣ произошелъ маленькiй романъ, вслѣдствiе котораго одинъ изъ офицеровъ полка, Есиповъ, заплатилъ жизнью, какъ я при­поминаю тогдашнiе объ этомъ событiи рассказы. Это случилось такимъ образомъ: Есиповъ былъ очень молодой офицеръ, кажется, не болѣе 20 лѣтъ, былъ красивъ собою и порядочно воспитанъ; послѣ того не мудрено, что въ уѣздномъ городѣ тогдашняго времени онъ былъ истиннымъ Ловеласомъ. Въ Зарайскѣ въ то время проживало семейство Чагиныхъ. Отецъ, какъ говорили, былъ полупомѣшанный и съ утра до ночи только игралъ на скрипкѣ. Мать была, что называется, бой-баба, или ага, а дочь очень миленькая дѣвочка. Есиповъ познакомился съ ними. Молодые люди сблизились, чему потворствовалъ

сама мать, въ той увѣренности, что Есиповъ богатъ. Причиною заблужденія главное было то, что Есиповъ всегда былъ очень чисто и красиво одѣтъ, имѣлъ всегда при себѣ деньги и жилъ далеко изысканнѣе своихъ армейскихъ товарищей. Въ сущности, онъ былъ не богаче другихъ; но мать его, у которой онъ былъ единственный ненаглядный сыночекъ, во всемъ сама нуждаясь, отдавала ему послѣднюю копейку.

Заблужденіе г. Чагиной не могло продолжаться долго, а дѣло между молодыми людьми мало-по-малу заходило черезчуръ далеко. Какъ избавиться отъ невыгоднаго жениха? И вотъ г-жа Чагина придумала выслать своихъ крѣпостныхъ дворовыхъ людей въ мосту, ведущему чрезъ глубокій оврагъ, съ тѣмъ, чтобы, когда Есиповъ пойдетъ черезъ мостъ для свиданія съ дочкой, хорошенько поколотить его. Угощенные барынею, для смѣлости, водкой, кучерь, поваръ и лавей, съ дубинками, пошли поджидать Есипова и, когда онъ сходилъ съ моста, бросились на него, и ужъ не поколотили, а просто убили. Такъ Есиповъ и пропалъ. Черезъ недѣлю на р. Осетрѣ, когда расчищали прорубь для стирки бѣлья, увидали, что изъ проруби торчитъ кусокъ сѣраго сукна; начали тащить — оказалась шинель, тащили еще — и вытащили несчастнаго Есипова. Это происшествіе долго было исключительнымъ предметомъ разговоровъ и въ городѣ, и въ деревняхъ, а нѣкто князь Мещерскій, товарищъ Есипова, пѣхотный офицеръ, написалъ на эту тему трагедію, которая читалась тогда во всѣхъ домахъ и переписывалась въ тетрадки уѣздными барышнями. Постоянныя посѣщенія военныхъ, общественное предпочтеніе, отдаваемое имъ, рассказы о славныхъ битвахъ, о Бородинѣ, Лейпцигѣ, пожарѣ Москвы и занятіи Парижа, о всеобщемъ народномъ возстаніи на врага рано заволновали мою дѣтскую кровь, а въ сердцѣ посѣяли первыя сѣмена любви къ родному краю и чувства народной гордости... Во всѣхъ иностранцахъ я, съ младенческаго возраста, видѣлъ только враговъ моего отечества. Въ тѣ времена

военный духъ охватилъ всю общественную жизнь. Юное поколѣніе изъ дворянъ посвящало себя исключительно военной службѣ, и только одни развѣ тѣлесные недостатки могли вынудить столбового дворянина идти въ подьячіе, какъ тогда честили служителей Ѳемиды.

Подчиняясь духу времени, отецъ мой всѣхъ своихъ дѣтей—насъ сыновей было у него семеро—готовилъ къ военному званію. Двое старшихъ—Петръ и Павелъ были отвезены, еще до моей памяти, въ морской кадетскій корпусъ. Алексѣй, Николай и Михайла, въ ожиданіи времени быть также розданными по корпусамъ, учились пока дома у француза Пемпаре, а объ насъ съ братомъ Ильею не было еще и разговора. Для трехъ братьевъ, оставшихся еще дома, были построены изъ армейскаго сукна егерскіе мундиры. Съ содѣйствія капитана, стоявшаго съ ротой въ с. Григорьевскомъ, были пригнаны на нихъ кивера и сумы съ перевязями; а ружья отыскались въ домашнемъ арсеналѣ. Для ученія братьевъ ружейнымъ приѣмамъ и маршировкѣ два раза въ недѣлю приходилъ съ ротнаго двора унтеръ-офицеръ, и братья занимались военнымъ дѣломъ очень серьезно. Когда, бывало, пріѣзжали къ намъ лѣтнею порою гости, то отецъ мой, послѣ вечерняго чаю, отдавалъ братьямъ приказъ выходить на ученье; они немедленно одѣвались въ мундиры и съ ружьями выходили на плацъ, на срединѣ двора, передъ балкономъ, на виду у гостей. Послѣ пальбы, отъ которой слабонервные барыни-помѣщицы затыкали уши, ученье кончалось разсыпнымъ строемъ въ саду, гдѣ юные воины продолжали перестрѣлку, то скрываясь въ кустарникахъ, то переползая съ мѣста на мѣсто въ густой травѣ. Первое образованіе, т. е. читать и писать, всѣ три брата, какъ вполнѣдствіи и мы, т. е. младшіе, братъ, я и сестра, получили отъ тетушки Варвары Павловны, о которой я скажу ниже; но преподавателемъ французскаго языка и кое-чего еще жилъ у насъ въ домѣ французъ, Пемпаре. Онъ былъ частичкою того остатка великой арміи, которую растерялъ Наполеонъ въ Россіи. Быть можетъ, онъ даже и не былъ солдатомъ, а просто

маркитантомъ; во всякомъ случаѣ онъ происходилъ изъ торговаго сословія и былъ уже порядочно старъ. Въ тѣ времена французами-учителями хоть прудъ бывало пруди; и въ рѣдкомъ домѣ не было француза при дѣтяхъ. Нашъ французъ былъ добрый старикъ, лѣтъ 70. Одѣвался онъ въ какую-то длинную двубортную куртку, сѣраго сукна, и въ узкія панталоны, былъ очень скромнень, нюхалъ табакъ и по вечерамъ игралъ въ лото, для чего въ батюшкину комнату, на мезонинѣ нашего деревяннаго дома, собиралось все семейство. Игра производилась на мѣдныя полушки, которыхъ у батюшки былъ цѣлый мѣшокъ, на орѣхи, или на пряники. Во время игры въ лото я сживалъ обыкновенно на колѣняхъ у отца. Разумѣется, скоро мнѣ наскучивало смотрѣть на серьезную игру, я начиналъ дремать, и отецъ клалъ меня на свою постель, подъ ситцевый пологъ; когда-же приходили ко мнѣ туда братъ Илья и сестра Анна Васильевна, старше меня однимъ годомъ, у насъ начиналась возня, чего французъ Пемпаре очень не любилъ. Онъ еще терпѣть не могъ, когда его трогали сзади, и поэтому составила мысль, что онъ не бѣглый-ли съ галеръ, и нѣтъ ли у него на спинѣ клейма? Тѣмъ болѣе казалось это правдоподобнымъ, что онъ не ходилъ никогда въ баню, никогда не купался, однимъ словомъ, скрывалъ свое тѣло. Впрочемъ, повторю еще разъ, онъ былъ добрый старикъ и долго бы у насъ жилъ, если-бы не обидѣла его тетушка Варвара Павловна. Французъ отъ насъ уѣхалъ, а братья, до отъѣзда въ корпусъ, продолжали учиться французскому языку у тетушки.

Когда я, умытый и причесанный, или, лучше сказать, съ пособіемъ воды прилизанный, приведенъ былъ мамою въ садъ, ко мнѣ подошелъ отецъ и нѣжно меня приласкалъ... А я... я стоялъ неподвижно, созерцая синее небо, яркій солнечный свѣтъ, капли росы на листьяхъ деревьевъ и на сочной густой травѣ. Вижу вустъ высочихъ синихъ колокольчиковъ и я смотрю на нихъ, ожидая чего-то... Схватеть съ вѣтви на вѣтку сѣрый воробушекъ, я слушаю

его чириканье. Вьется въ воздухѣ желтая бабочка — я гляжу за ея полетомъ. Съ шумомъ и крикомъ пробѣжали мимо меня, догоняя одинъ другого, рѣзвые братья, и я слышу ихъ смѣхъ... Мнѣ хорошо въ Божіемъ мірѣ, но я смотрю на него, какъ растерянный, и ничего не понимаю. Это было мое первое знакомство съ природою, и съ этого-же утра я началъ знать отца. Годы, проведенные мною въ дѣтской съ мамою, не смотря на ея старческую неопрятность, не смотря на клоповъ и нечистоту, меня окружавшую, были моимъ земнымъ раемъ. Отецъ любилъ меня исключительно нѣжно. Когда, бывало, въ одноколѣѣ, запряженной Соловою, его любимую лошадь, онъ ѣхалъ посмотрѣть по хозяйству въ поле, или на сѣнокосъ, онъ бралъ меня съ собою, что доставляло мнѣ великую радость, а если проходилъ онъ по двору въ садъ и видѣлъ меня сидящимъ въ моей дѣтской на окнѣ, отецъ подходилъ къ окну, протягивалъ ко мнѣ руки, говоря:— «иди!» я не ждалъ повторенія, бросался къ нему на шею и мы шли съ нимъ всюду, куда ему было нужно. Никакой прислуги никогда съ нами не было; никогда не отягощался онъ мною...

Невидимо протекло для меня это блаженное время, и наступилъ періодъ ученія. Періодъ горькій! прости, свобода, прости, земной рай!...

Это было въ день пророка Наума; мнѣ было лѣтъ шесть. Поутру, когда я валялся по полу, безопасно колотя ногами о лежанку, на которой сидѣла мама и прала кудельку, а въ яркихъ лучахъ солнца, врывавшихся въ окно, кишѣли мириады пылинокъ, поглощавшихъ мое вниманіе, вдругъ въ дѣтскую вошла тетушка Варвара Павловна. «Пора тебѣ учиться, сказала она строго, даромъ живешь на свѣтѣ — баловень отцовскій!... Ужъ ты не маленькій... изволь-ка идти!» Слова эти оледенили во мнѣ кровь!. Я видалъ, какъ тетушка учила братьевъ и сестру, какіе имъ доставались тумачи въ шею и трепки за волосы, а потому не мудрено, что на ученіе смотрѣлъ я, какъ на родъ какого-то истязанія, съ отвращеніемъ и ужасомъ.

Тетушка Варвара Павловна была родная сестра моего отца и была моложе его только двумя годами. Батюшка родился въ 1772 году, апрѣля 13, а тетушка въ 1774 году, декабря 2. Ихъ съ малолѣтства сблизила одинаковая участь. У дѣдушки Павла Михайловича было четверо сыновей: Алексѣй, Николай, Михайла и, мой батюшка, Василій Павловичъ и двѣ дочери—Анна и Варвара Павловны. О дѣдушкѣ я мало слыхалъ. Знаю, что онъ служилъ въ Нарвскомъ кавалерійскомъ полку и участвовалъ въ 7-лѣтней войнѣ. Въ 1763 году, въ чинѣ капитана, женился на дѣвицѣ Надеждѣ Николаевнѣ Нестеровой. Знаю, что бракосочетаніе было совершено въ церкви Николая Чудотворца, въ селѣ Авдѣевѣ, и что онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ маіора. На первыхъ дворянскихъ выборахъ, послѣдовавшихъ по учрежденіи губерніи, при императрицѣ Еватеринѣ, былъ избранъ въ засѣдатели земскаго уѣзднаго суда и, не дослуживъ трехлѣтія, въ 1779 году, на 48 году жизни, скончался и похороненъ въ селѣ Жилконцахъ, подъ церковью. Въ послѣдствіи тамъ-же похоронены были бабушка, Надежда Николаевна и дядя Алексѣй Павловичъ. Въ старомъ хламѣ бумагъ сохранялось у меня собственноручное его письмо къ старшему сыну Алексѣю, родившемуся въ 1764 году; письмо это безъ мѣсяца и числа, но, во всякомъ случаѣ, письмо не позднѣе 1768 года. Вотъ оно:

«Алешечка, радость моя, здравствуй. Я слышалъ, что ты обо мнѣ плачешь; не плачь, голубчикъ, я къ вамъ буду, игрушекъ тебѣ привезу. Притомъ прошу веселить мать, также Николашу и Анюту не бить и поцѣлуй за меня мать, и брата, и сестру. Прощай, душечка, буди надъ вами Божія милость. Павелъ Селивановъ».

Посмерти дѣдушки, бабушка Надежда Николаевна осталась 36 лѣтъ вдовою, самостоятельною хозяйкою и матерью шестерыхъ дѣтей. Старшему изъ сыновей, Алексѣю, было 15 лѣтъ. Объ немъ осталось не много преданій. Онъ воспитывался въ Петербургѣ у вліятельнаго и богатаго родственника, Татищева, терся въ хорошемъ кругу, служилъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку, лицомъ

былъ не хорошъ, но хорошо сложенъ и ловокъ въ обращеніи. Возвратившись въ Любаво къ матери, онъ занимался охотой; 24 лѣтъ женился на дѣвицѣ Чеботаевой, Вѣрѣ Егоровнѣ, жилъ съ нею не въ ладу, говорятъ, много нилъ, и въ 1790 году скончался въ Любавѣ, на 29 году жизни.

Потомства онъ не оставилъ. Вѣра Егоровна, по смерти мужа, проживала до своей кончины въ с. Сасекинѣ и извѣстна была хлѣбосольствомъ. Кажется, что и при жизни дѣдушки бабушка Надежда Николаевна была неограниченною распорядительницею въ семействѣ. Меньшихъ дѣтей, т. е. моего отца и тетуску Варвару Павловну, она не любила со дня рожденія, и эти отверженцы жили не подъ одной кровлей съ матерью, не въ домѣ, какъ другія дѣти, а въ банѣ съ нянькою. Нянька эта была добрѣйшее существо; жаль, что имени ея я не запомнилъ, хотя и много слыхалъ объ ней отъ тетуски. Когда, бывало, бабушка зайдетъ въ баню взглянуть на дѣтей, то всегда находила ихъ въ чемъ-нибудь виноватыми, хотя отцу моему было не болѣе 5 лѣтъ, а тетускѣ года три, и тотчасъ-же привазывала нянькѣ ихъ высѣчь. Та повиновалась приказанію барыни, брала розгу, раздѣвала малютокъ, махала розгою, — но била не по нимъ, а по полу, или по чемъ попало, приговаривая шепотомъ: «кричи громче, кричи громче!» Дѣти кричали, мать въ передбанникѣ стояла, слушала и уходила въ домъ, совершенно удовлетворенная.

Наконецъ, чтобы избавиться отъ ненавистныхъ дѣтей, она рѣшилась отправить ихъ въ Петербургъ, для воспитанія: отца, на 7 году, въ Шляхетный кадетскій корпусъ, а тетуску, на 5 году, въ Смольный монастырь. Бабушка не понимала, что, подъ вліяніемъ неестественнаго чувства къ малымъ своимъ дѣтямъ, она дѣлала имъ благодѣаніе, котораго были лишены любимыя дѣти. Шляхетный корпусъ и Смольный монастырь были самыми блистательными учебными заведеніями вѣка Екатерины. Когда малютокъ готовили въ отъѣздъ — это было въ Зарайскѣ, гдѣ

дѣдушка тогда служилъ, какъ я выше сего сказалъ, за-сѣдателемъ въ уѣздномъ судѣ,—то онъ, страдая душою, чтобъ не видать дорожныхъ сборовъ, ушелъ въ судъ; но путь отъѣзжавшимъ дѣтямъ лежалъ мимо суда. Взглянувъ случайно въ окно, онъ увидаль проѣзжавшую кибитку и громкій вопль вырвался изъ его груди.

Послѣ кончины дѣдушки, посдѣловавшей вскорѣ послѣ этого, бабушка до самаго раздѣла имѣнія между дѣтьми оставалась жить въ Любавѣ. При ней находились сыновья: Николай, Михайла и дочь Анна. Съ малолѣтства Николай и Михайла Павловичи числились фурьерами лейб-гвардіи Преображенскаго полка, но жили постоянно въ Любавѣ. Когда при Екатеринѣ сдѣлался разрывъ съ Швеціею, они, подъ покровительствомъ вліятельнаго родственника, Татищева, поѣхали въ полкъ. Поѣхали изъ дома въ іюнѣ, возвратились въ августѣ или въ сентябрѣ, съ чинами капитановъ арміи. Между дворовыми людьми оставалось долго преданіе, что Николай Павловичъ и Михайла Павловичъ поѣхали служить, когда засѣвали гречиху, а возвратились со службы, когда гречиха поспѣла.

Образованія, исключая грамоты, они почти не имѣли, хотя Михайла былъ въ Москвѣ, въ какомъ-то пансіонѣ, у француза, гдѣ, по тогдашнему обыкновенію, и мальчики, и дѣвочки учились вмѣстѣ. Въ пансіонѣ этомъ, вѣроятно, онъ, какъ матушкинъ сыночекъ, былъ очень короткое время.

Жизнь въ Любавѣ молодыхъ людей, при совершенной праздности, направляла ихъ дѣятельность къ удалымъ забавамъ псовой охотѣ да къ молодецкому разгулу. Старикъ-охотникъ, доѣзжачій дяди Алексѣя Павловича, указывалъ еще мнѣ на большой дорогѣ, лежащей отъ Зарайска къ Рязани, верстахъ въ 10 отъ Любава и въ 2 отъ с. Ильцина, мѣсто, гдѣ онъ, дядя, затравилъ медвѣдя. Лѣсовъ тогда еще было вездѣ множество, и собственныхъ лѣсовъ было въ изобиліи. Но это не мѣшало молодымъ людямъ, моимъ дядямъ, кромѣ охоты, искать другихъ, соединенныхъ съ большой отвагой, развлеченій. Взявъ съ вечера сѣдла лошадей и съ толпою дворовыхъ и охотниковъ ѣдутъ въ чужіе лѣса воровать лучину.

Изъ деревни Федоровской, тогда экономическаго вѣдомства, народъ выходилъ съ дубьемъ противъ наѣзтниковъ, и начиналось побоище... Иногда они ночью, когда бабушка отойдетъ ко сну, садутъ на лошадей и свачутъ верстъ за двадцать за пять на свиданіе съ своими любовниками, крестьянскими бабами. Къ восходу солнца, на утренней зарѣ, возвращались домой и ложились въ свои пуховики, какъ ни въ чемъ не бывало. Бабушка вставала рано и, какъ настоящая хозяйка, помолившись Богу, шла осматривать свое хозяйство. Заходила въ конюшню и, когда видѣла валявшихся въ стойлахъ помученныхъ лошадей, спрашивала вучера Степана, отчего это лошади въ мылѣ? «Не знаю, матушка-сударыня, Надежда Николаевна, что ужъ вамъ и докладывать. Вы сами изволите знать, что это не въ первый: домовый не даетъ лошадямъ покоя, заязжаетъ нечистый... Приважите, матушка, за попомъ съѣздить отслужить молебень, да поворопить святою водою...» И бабушка призывала попа, пѣли молебны, но ничто не помогало.

Въ концѣ 90 годовъ, Михайла Павловичъ служилъ въ московскомъ комиссаріатѣ, но долго-ли, коротко-ли, не знаю. Въ 1795 г. послѣдовалъ раздѣлъ имѣнія, по которому Николаю Павловичу досталось с. Авдѣево, гдѣ онъ и поселился; сельцо Бѣляево наслѣдовалъ дядя Михайла Павловичъ. Кинишменская деревня, Кинино, отдана была двумъ дочерямъ, моимъ теткамъ, а сельцо Любаво—батюшкѣ.

Въ жизни семейство все еще оставалось по прежнему: бабушка жила въ Любавѣ, а батюшка служилъ въ Москвѣ. Такъ продолжалось до 1803 года, когда бабушка составила духовное завѣщаніе и тутъ-же, при жизни, привела его въ исполненіе. Всю движимость и недвижимость, оставшуюся ей, какъ вдовѣ, на седьмую часть и свою Лебедянскую деревню, отдала любимому сыну, Михайлѣ, и сама переѣхала жить съ нимъ въ Бѣляево.

Такииъ образомъ лучшіе крестьянскіе дворы—въ числѣ 25 тяголъ—на выборъ изъ всѣхъ деревень, въ томъ числѣ и изъ Кининой, были стануты въ Бѣляево и

тамъ поселены. Для постройки ихъ дубовый старинный лѣсъ, росшій по рабушкинскому оврагу въ Любавѣ, былъ срубленъ и свезенъ въ Бѣлево. Туда-же перевезены были изъ Любавскаго дома всѣ ея дворовые люди—женщины и сѣнные дѣвки.

Дядѣ Николаю Павловичу и отцу моему отъ родительскаго достоянiя осталось по 20 душъ крестьянъ и голыя стѣны домовъ. Когда въ Любаво пріѣхалъ мой отецъ, онъ не нашелъ въ домѣ ни задвижки, ни крючка, ни замка, ни даже гвоздя въ стѣнѣ повѣсить шапку: все было увезено. Теткамъ досталось по 15 ревизскихъ душъ оброчныхъ крестьянъ; но ни сундузовъ съ полотнами, которыхъ въ старинномъ хозяйствѣ было много, и никакой домашней рухлядишки изъ материнскаго обильнаго скарба не оставила бабушка своимъ дочерямъ.

Дочерей во время раздѣла и не было дома. Старшая, Анна Павловна, проживала въ Москвѣ, въ родственномъ домѣ Нестеровыхъ, а младшую, Варвару, по выходѣ ея изъ Смольнаго монастыря, пріютило семейство Спиридовыхъ.

Гнѣздо рода Сельвановыхъ, говоря собственно въ Зарайскомъ уѣздѣ, съ-начала 17 столѣтiя состояло изъ двухъ осѣдлостей—въ селѣ Авдѣевѣ и въ селѣ Кувовѣ.

При этомъ необходимо воснуться нѣсколько нашей родословной.

Во дни великаго князя Феодора Ольговича Рязанскаго пріѣхалъ къ нему служить изъ Большой Орды Телемаховой татаринъ, имя ему Кичибей. Крестился въ православную вѣру и при крещенiи дано ему имя Силованъ, что на греческомъ языкѣ значитъ лѣсной, дивій или молчаливый. И былъ онъ Силованъ у великаго князя Феодора Ольговича бояриномъ. У него было два сына, а отъ старшаго сына Василiя Сильвановича, переименованнаго въ устномъ разговорѣ въ Сельвановича, произошелъ родъ Сельвановыхъ. *)

*) У Кичибей было два сына: Василiй—родоначальникъ Сельвановыхъ, и Иванъ, по прозванью Коробья, отъ котораго пошли Коробьяны. См. справка разряднаго Архива отъ 9 Декабря 1808 г. № 132. Прим. А. С.

У внука Василя Сильвановича, Ивана Яковлевича, были опять два сына—Иванъ и Степанъ.

Потомки Ивана свили себѣ гнѣздо въ с. Авдѣевѣ, а потомки Степана въ с. Куковѣ.

Прослѣдимъ сначала Авдѣевское гнѣздо. Михайла единственный сынъ Ивана, убитъ подъ Тулою въ смутное время самозванцевъ. Отъ него осталось двое сыновей, Игнатъ и Павелъ.

Игнатъ Михайловичъ въ 1662 и 63 годахъ былъ воеводою у Каширскихъ и у Веневскихъ засѣкъ, на мѣсто стольника князя Семена Андреевича Хованскаго, а въ 1664 и 1665 годахъ былъ воеводою въ Зарайскѣ. Братъ его Павелъ Михайловичъ въ 1630 году былъ пожалованъ стольникомъ къ великому государю, святѣйшему патриарху Филарету Никитичу, въ 1654 и 1655 годахъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ былъ воеводою въ Карловѣ, а въ 1656 году убитъ отъ литовскихъ людей.

Игнатъ Михайловичъ имѣлъ трехъ сыновей: Ивана, Дмитрія и Максима. Иванъ въ 1659 году былъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ пожалованъ въ стряпчие, а въ послѣдствіи посланъ воеводою въ Корочу.

Дмитрій былъ въ числѣ стольниковъ, участвовалъ во многихъ походахъ и въ бою подъ Сѣвскомъ былъ раненъ.

Максимъ былъ воеводою на Ельцѣ, на Усердѣ, въ 1676 и 77 годахъ, а въ 1683 и 84 годахъ воеводою же въ Переяславлѣ Рязанскомъ.

Иванъ Игнатовичъ потомства не оставилъ; у Дмитрія былъ одинъ сынъ, но тоже потомства не оставилъ. У Максима Игнатовича былъ сынъ Дмитрій Максимовичъ стольникъ; а у Дмитрія Максимовича сынъ Михайла, который въ 1729 году былъ цейхвахтеромъ. Какъ Дмитрій Максимовичъ, такъ и сынъ его Михайла жили въ Авдѣевѣ.

У Михайла былъ одинъ сынъ, но тоже не оставившій потомства.

У Павла Михайловича было пятеро сыновей, а имен-

но: Иванъ старшій, или большой, былъ стольникомъ царя Θεодора Алексѣевича; Дмитрій былъ стольникомъ и воеводою въ Михайловѣ; Иванъ, меньшей сынъ, былъ стряпчимъ, участвовалъ въ Путивльскомъ, Кіевскомъ и Троицкомъ походахъ и въ войнѣ съ Польшею. Михайла былъ стольникомъ; и, наконецъ, пятый сынъ, Борисъ, былъ стряпчимъ.

Всѣ они, кромѣ Бориса, имѣли потомство. Сынъ Михайлы Павловича, Θεодоръ служилъ въ разныхъ морскихъ чинахъ и при Екатеринѣ былъ генераль-контролеромъ Адмиралтейства. Умеръ въ 1782 г. въ чинѣ вице-адмирала.

Одинъ изъ внуковъ Дмитрія Павловича, Асонъ Васильевичъ проживалъ въ Авдѣевѣ. Онъ былъ рослый, толстый и былъ одаренъ необыкновенной силою. Старики рассказывали, что въ сапогъ его вмѣщалась цѣлая мѣра овса. Бывало, когда онъ ляжетъ навзничъ отдохнуть, послѣ обѣда, говорилъ покойный дядя мой, Михаилъ Павловичъ, то мы съ братьями, будучи, конечно, еще маленькими дѣтьми и придемъ его просить, чтобъ онъ посадилъ насъ къ себѣ на животъ. Онъ согласится, втянетъ въ себя животъ и задержитъ дыханіе. Но лишь только мы умѣстимся на его животѣ, онъ вдругъ освобождаетъ дыханіе, выпускаетъ животъ и мы всѣ трое разлетались, какъ мячики, во всѣ стороны.

Однажды на его дворѣ ставили къ воротамъ новую дубовую вереву. Тогдашніе дубы не то, что нынѣшніе, а для верей ужъ обыкновенно выбирается въ лѣсу, что ни есть самый толстый дубъ. Девять человекъ — мужиковъ, съ раннего утра, возились съ веревкою, спустили уже ее въ яму; но и съ помощію рычаговъ никакъ не могли уставить, какъ слѣдовало. Бились, бились да, наконецъ, и изъ силъ выбились. Проходилъ въ это время Асонъ Васильевичъ по двору!—Богъ помочь, мужички, сказалъ онъ, подходя къ нимъ, чего вы тутъ трудитесь?...—Да что батюшка, Асонъ Васильевичъ, все съ дубомъ не ула-

димъ. Всунуть-то мы всунули его, черта, въ яму, а повернуть-то и неповернемъ.

— Отощали мужички, видимо отощали, замѣтилъ Асонъ Васильевичъ, пора обѣденная.. Подите-ка, мужички, лучше пообѣдайте, отдохните: соберетесь съ силами, такъ и работа пойдетъ веселѣе.— Выслушали мужички умную рѣчь, переглянулись промежъ собою, почесали въ затылкахъ, пробормотали: «пойдемъ что-ли, ребята, обѣдать»! Бросили рычаги, поклонились барину и пошли. Когда мужики ушли, Асонъ Васильевичъ, оставшись одинъ, подошелъ къ столбу, обхватилъ его могучими руками, приподнял, да и поставилъ на мѣсто. Когда я былъ ребенкомъ, такъ лѣтъ около 4, въ Авдѣевѣ доживали свой вѣкъ двѣ его дочери - старушки, Авдотья и Прасковья Асоновны. Домикъ ихъ стоялъ недалеко отъ церкви посреди двора, а къ двору примыкалъ густолиственный садъ, наполненный старыми развѣсистыми яблонями, загложшими въ густой травѣ.

Одна изъ этихъ старушекъ имѣла на головѣ колтунъ, а у другой животъ былъ такъ великъ, что, когда нужно было обѣдать, она, подостлавъ на животъ салфетку, ставила на него преспокойно тарелку со щами.

Много прошло съ тѣхъ поръ лѣтъ, но черты ихъ лицъ еще живо сохранялись въ моей памяти.

Помню, что онѣ были очень некрасивы, что сами онѣ и вся обстановка ихъ были черезчуръ неопрятны. На лежаночкѣ изъ старинныхъ кафель въ ихъ спальнѣ лежалъ полудистлѣвшій, изорванный войлочекъ, на который я и усѣлся. Я былъ у нихъ вмѣстѣ съ тетужкой Барварою Павловною и помнится, что это первое мое знакомство съ старушками было сдѣлано великимъ постомъ, въ ясный мартовскій день—утромъ. Помню, что обѣ хозяйки сидѣли на своихъ, почернѣвшихъ отъ времени, дубовыхъ кроватяхъ, на перинахъ, покрытыхъ ситцевыми на ватѣ одѣялами. Тутъ-же стоялъ простой сосновый столъ.

Колтунъ съ головы одной висѣлъ свалядшимися влочь-

ями. Помню, что я ѣлъ у нихъ поданную на завтракъ кулебяку изъ домашней, довольно черной пшеничной муки, съ начинкою изъ кислой капусты и изъ сухихъ грибовъ. Помню, что одна изъ старухъ, глядя на меня съ состраданіемъ и обратясь къ тетусѣ, сказала: «Этотъ-то сирота, которымъ умерла мать!.. что это была за ангель!».. проговорила она, вздохнувъ глубоко и отеревъ выкатившуюся изъ глазъ слезу.

«Не худо-бы приложить сироту-то къ образамъ!» сказала она еще. Михайла, а, Михайла! Михайла! Пожилой средняго роста, съ добродушнымъ выраженіемъ челоуѣкъ, одѣтый въ долгополый сертукъ домашнего сукна, вошелъ—«Снеси-ка сироту-то въ церковь, приложи къ Николаю Чудотворцу»... И старый служитель, съ подобающимъ благоговѣніемъ, исполнилъ порученіе, возложенное на него барскою волею: на рукахъ донесъ меня въ церковь и обратно и, прикладывая къ образамъ стариннаго иконостаса, бормоталъ шепотомъ молитвы (прикладываясь къ нимъ самъ). Кажется, что скоро послѣ этого перваго моего знакомства съ зажившимися въ чужомъ вѣѣ старушками, обѣ онѣ отошли къ предкамъ, смутно напоминающимъ теперь о своемъ быломъ существованіи только рядами большихъ старинныхъ камней, изсѣченныхъ надписями и уже вросшихъ почти въ землю между крапивою и репейникомъ на заброшенномъ Авдѣевскомъ кладбищѣ.

Иванъ меньшей Павловичъ, мой прапрадѣдъ, по прямой линіи, въ 1658 году женился на Огафѣ Сидоровнѣ Любавской и въ приданое за нею взялъ половину сельца Любавы, гдѣ и водворился.

У Ивана меньшаго Павловича, перваго владѣльца Любавы, было два сына—Иванъ и Михайла Ивановичи. Оба они въ 1722 году уже служили въ Преображенскомъ полку. Иванъ дослужился до чина капитана, былъ испомѣщенъ въ Шацкомъ въ Бѣлозерскомъ, имѣлъ потомство, которое, впрочемъ, въ третьемъ колѣнѣ угасло. Михайла Ивановичъ, мой прадѣдъ, при государѣ Петрѣ

Первомъ былъ уже полковникомъ, а при государѣ Петрѣ II егермейстеромъ двора Его Императорскаго Величества.

Извѣстно, что государь Петръ II страстно любилъ псовую охоту и вслѣдствіе этого любилъ и своего егермейстера. Не задолго до кончины государя былъ, по повелѣнію его, заготованъ указъ, по-которому государь жаловалъ егермейстеру Селиванову всѣ волости, лежащія за Окою, нынѣ въ Зарайскомъ уѣздѣ, какъ то: село Дѣдново, Ловцы, Любицы и Бѣлый Омутъ, съ необъятнымъ количествомъ луговъ, лѣсовъ и водъ, но... вдругъ государь занемогаетъ оспою, умираетъ и заготовленный указъ остается не подписаннымъ. Михайла Ивановичъ былъ женатъ на Аннѣ Ивановнѣ, урожденной Веревкиной. Анна Ивановна была искусною золотошвейкою, и въ домѣ ея, подъ ея руководствомъ, занималось этимъ рукодѣльемъ много сѣнныхъ дѣвушекъ. Юный государь любилъ проводить время въ теремѣ Анны Ивановны и слушать русскія пѣсни ея златошвейекъ.

Въ царствованіе императрицы Анны Иоанновны, въ 1733 году, будучи, 47 лѣтъ отъ-роду, въ чинѣ полковника, Михайла Ивановичъ былъ уволенъ отъ службы.

У меня сохранились списки этой царской охоты, и долго еще, даже до позднѣйшаго времени, наши Селивановскія борзые собаки почитались лучшими во всемъ околодѣѣ.

Другое вліяніе придворной службы прадѣдушки отразилось на этикетѣ домашней прислуги. Еще при дѣдушкѣ Павлѣ Михайловичѣ лакеи ходили въ домѣ неслышною поступью и, будучи зачѣмъ-нибудь призваны въ барыни или барину или докладывавъ, что кушанье подано, лакей или дворецкій не оборачивались спиною. Головы у прислуги были всегда напудрены и они не иначе являлись въ столу какъ въ чулкахъ и башмачкахъ.

Все это, вончено, не было и тогда рѣдкостью не только въ высшемъ кругу столицъ, да даже и въ провинціи у людей значительныхъ; но у скромныхъ деревенскихъ помѣщиковъ того времени это было необыкновенно. Кромѣ Любавы, прадѣдушка мой имѣлъ владѣніе еще въ сельцѣ

Бѣляевѣ, большая часть котораго принадлежала престарѣлому Василю Яковлевичу Еропкину.

Въ 1730 г. прадѣдушка мой купилъ у этого Еропкина его часть деревни Бѣляева, и покушка послужила поводомъ въ продолжительной и разорительной тяжбѣ.

Дѣло тянулось цѣлыя 50 лѣтъ. Прадѣдушка Михайла Ивановичъ и сынъ продавца Василя, Петръ Еропкинъ, начавшіе тяжбу, давно уже сошли въ могилы, а дѣло тянулось... Еропкинымъ наслѣдовали Мотякины, и такъ какъ денежные средства ихъ были поувѣсистѣе средствъ дѣдушки Павла Михайловича, наслѣдовавшаго тяжбу, то вѣсы правосудія, естественно, потянули на ихъ сторону.

Кажется, что эти и другія тяжбы дѣла, отъ которыхъ дѣдушка потерялъ много изъ своего состоянія, сократили дни ея.

Теперь, покончивши до поры до времени, съ Авдѣевскимъ гнѣздомъ, посмотримъ, чѣмъ заявили себя потомки Степана Ивановича, свившаго свое гнѣздо въ Куковѣ.

Три внука его, отъ трехъ его сыновей, положили животъ свой за отечество: Иванъ, сынъ старшаго сына Василя, убитъ подъ Смоленскомъ, Алексѣй, сынъ второго сына Федора, убитъ подъ Москвою отъ литовскихъ людей, очищая отъ нихъ московское государство; а третій внукъ, Михайла, сынъ третьяго меньшаго сына Василя-же, убитъ подъ Тулою.

Сынъ этого убиеннаго Михаила, Романъ Михайловичъ въ 1631 году, при царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ, состоялъ стряпчимъ съ платьемъ и въ бою съ Радзивилломъ, подъ Шкловомъ, былъ раненъ. Въ 1657 и въ двухъ послѣдующихъ годахъ былъ воеводою въ Брянскѣ, а въ 1668 году, за увѣчемъ и старостью, отъ службы уволенъ. У Романа Михайловича было трое сыновей. Иванъ былъ стольникомъ и потомъ воеводою въ Великомъ Устюгѣ; Дмитрій убитъ отъ литовскихъ людей подъ Быховымъ, третій сынъ, Юрій, былъ тоже стольникомъ. *) Юрій Рома-

*) Одна изъ дочерей Романа Михайловича, Матрена Романовна, была за мужемъ за Леонтьевымъ. По указу царя Алексѣя Михайло-

новичъ имѣлъ двухъ сыновей—Льва и Григорія. Левъ Юрьевичъ былъ деньщикомъ Петра Великаго. По преданію, онъ былъ высокаго роста и очень красивъ собою. Петръ Первый, изъ всѣхъ деньщиковъ, довѣрялъ ему исключительно. Кстати расскажу здѣсь бывшій съ нимъ случай, дошедшій до насъ въ изустныхъ разсказахъ. Въ то время, когда онъ былъ деньщикомъ императора, оказался недочетъ въ какой-то значительной суммѣ денегъ, отвѣтственность въ которой лежала на немъ, на Левѣ Юрьевичѣ. Одинъ изъ его товарищей, а кто именно—неизвѣстно, сдѣлалъ на него доносъ, что недостающія деньги похищены имъ самимъ. Вслѣдствіе этого доноса, какъ обвинитель, такъ и обвиняемый были арестованы и подвергнуты допросу. Кто не знаетъ тогдашняго способа допросовъ? Не сознается, такъ пытать... И вотъ обоихъ ихъ отвели въ застѣнокъ. Доносчикъ долженъ былъ быть первый подвергнутъ пыткѣ, по пословицѣ: доносчику первый внуть, и если-бы онъ выдержалъ, тогда приступили бы къ пыткѣ оговореннаго, о чемъ послѣдній и былъ предупрежденъ.

Когда Левъ Юрьевичъ сидѣлъ за перегородкой, отдѣлявшей его отъ страшнаго застѣнка, онъ отъ утомленія, сидя на лавкѣ и прислонившись къ углу, задремалъ... И слышитъ онъ, какъ-будто съвозъ дремоту, что кто-то говоритъ ему: «Нагнись! Подъ лавкою, гдѣ ты сидишь, найдешь образъ Казанской Божьей Матери, возьми его и молись ему, и будешь спасенъ». Очнувшись отъ дремоты, Левъ Юрьевичъ тотчасъ-же бросился шарить подъ лавкою, нашелъ тамъ дѣйствительно образъ Божьей Матери Казанской и началъ ему усердно молиться.

Наступило, наконецъ, время допроса. Вотъ слышитъ онъ чрезъ перегородку, что вотъ пришли въ застѣнокъ, что спрашивать начинаютъ его лиходѣя, и тотъ поколебался.

вича и царицы Натальи Кирилловны въ 1182 году, будучи уже вдовою, взята вверхъ къ царевичу Петру Алексѣевичу и того-же года пожалована къ послѣднему въ боярыни, мамки и вазначен.

Въ Архивѣ моемъ сохранилось нѣсколько челобитныхъ Романа Михайловича и его сына Ивана Романовича. Примѣч. А. С.

Устрашенный страшными приготовлениями къ пытѣ, онъ сознался, что сдѣлалъ доносъ на Льва Юрьевича по злобѣ и указалъ мѣсто, гдѣ мнимо разстраченная сумма находится. Въ послѣдствіи, найденный въ застѣнкѣ образъ Левъ Юрьевичъ обложилъ серебряною вызолоченною ризою и завѣщалъ предъ смертію, чтобъ образъ этотъ вѣчно оставался въ его потомствѣ.

У Льва Юрьевича было пять сыновей и всѣ они умерли бездѣтными, исключая Петра Львовича, отъ котораго остался одинъ сынъ, Павелъ Петровичъ. Послѣ смерти Петра Львовича бывшая ихъ усадьба въ Куковѣ сгорѣла и Павелъ Петровичъ, продавъ тамъ свою часть имѣнія бабушкѣ Федосѣѣ Николаевнѣ Нестеровой, переселился въ Корцево, въ приданную деревню своей матери, урожденной Неклюдовой.

Со смертію Павла Петровича, пресѣклось потомство Льва Юрьевича. Завѣтный образъ хранится теперь у внуки Павла Петровича, рожденной отъ одной изъ его двухъ дочерей, А. К. Леленгъ, и предъ нимъ и теперь, уже болѣе полтора ста лѣтъ, постоянно теплится неугасимая лампада. Въ послѣдствіи Левъ Юрьевичъ былъ комендантомъ въ Царицынѣ и на службѣ помѣшался въ умѣ. Въ домашнемъ моемъ архивѣ хранится указъ Его Императорскаго Величества Государя Петра Второго изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода разанской епархіи Николаевскаго Радовицкаго монастыря архимандриту Гедеону съ братіею. Вотъ онъ: „Сего августа 5 дня Святѣйшему Правительствующему Синоду Синодальный оберъ-прокуроръ господинъ Баскаковъ предлагалъ словесно: сего же де августа 4 дня присланъ къ нему отъ тайнаго дѣйствительнаго совѣтника и кавалера ордена святого апостола Андрея, князя Алексѣя Григорьевича Долгорукова, Вятскаго драгунскаго полку капитанъ Федоръ Тимофеевъ сынъ Хомяковъ съ такимъ объявленіемъ, что по именованному Его Императорскаго Величества указу велѣно являвшагося въ безуміи полковника Льва Юрьева, сына Селиванова, отправить отъ Святѣйшаго Си-

года подь началъ въ Рязанскую епархію, въ Николаевскій Радовицкій монастырь и содержать его въ великомъ присмотрѣ, чтобъ надъ собою и надъ другими чего онъ не учинилъ, и для увѣдомленія онъ, оберъ-прокуроръ, господинъ Баскаковъ, того тайнаго дѣйствительнаго совѣтника князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго докладывавалъ о томъ персонально; при чемъ послѣдующимъ объявлено, что ежели-жъ солдатъ при томъ полковникѣ для присмотра будетъ не опредѣлено, то присматривать за нимъ въ томъ монастырѣ за неискusstvenнымъ (хотя некое число и (имѣется) тамошнихъ служителей некому; на что его сіятельство сказалъ, что того рода присмотру съ тѣмъ полковникомъ солдаты отправлены будутъ. И по Его Императорскаго Величества указу, Святѣйшій Правительствующій Синодъ приказали: по оному оберъ-прокурора господина Баскакова предложенію, въ которомъ именной Его Императорскаго Величества указъ объявленъ, вышепоменованнаго полковника Льва Селиванова въ безуміи явившагося соопредѣленнымъ для присмотру за нимъ изъ свѣтской команды солдаты въ оной Николаевской Радовицкой монастырь, что въ Переяславлѣ Рязанскомъ, для содержанія, въ подначальство принять и содержать его подь добрымъ присмотромъ, дабы онъ не могъ себя и другихъ чѣмъ повредить или умертвить, и въ томъ содержаніи приводить его въ церковь ко всякому Божественному пѣнію повседневно, и какъ онъ въ совершенный разумъ придетъ, тогда прислать объ немъ въ Святѣйшій Синодъ донесеніе и рязанской епархіи Николаевскаго Радовицкаго монастыря архимандриту Гедeonу съ братією, о приѣмѣ онаго полковника Селиванова по содержанію его противъ вышеписаннаго учинить по сему Его Императорскаго Величества указу. Секретарь Михайла Дубинъ. Алексѣй Возсаво“.

Августа 10 дня 1728 года.

Канцеляристъ Петръ Васильевъ, № 609.

Причину ума помѣшательства Льва Юрьевича современники приписывали извѣстію, дошедшему до него о кончинѣ его благодѣтеля, государя Петра Перваго.

Неизвѣстно, долго-ли онъ находился подъ присмотромъ въ Радовицеомъ монастырѣ, но положительно извѣстно, что послѣдніе годы своей жизни онъ проживалъ въ Куковѣ, гдѣ и скончался. Какъ говорятъ, при немъ въ Куковѣ состояли особыя пристава, которые за нимъ наблюдали, но обращались съ нимъ почтительно. Умапомѣшательство его обнаруживалось только нѣкоторыми странностями, напримѣръ: навяжетъ въ узелъ всякихъ драгоценныхъ вещей изъ золота, серебра и проч., которыхъ онъ, служа при дворѣ, имѣлъ не мало, и пойдетъ въ поле разсѣвать по пашнѣ. Разумѣется, вещи эти тщательно собирались, но, во всякомъ случаѣ, послѣ его кончины не осталось ничего. Всѣ онъ куда-то испарились. Еще разсказывали про него анекдотъ, характеризующій его время.

Въ селѣ Никитинѣ, въ двухъ или 3-хъ верстахъ отъ Кукова, назначено было освященіе вновь воздвигнутой деревянной церкви, во имя преображенія Господня. Къ этому торжеству было приглашено духовенство, соборный протопопъ и пѣвчіе изъ Зарайска, приглашены были также и окрестные помѣщики. Въ числѣ приглашенныхъ былъ и Левъ Юрьевичъ.

Всѣ приглашенные давно уже съѣхались, духовенство облачилось, кадиланицы дымятся, не пріѣхалъ еще только Левъ Юрьевичъ и его ждутъ... Ждутъ потому, что къ нему всѣ относились съ величайшимъ уваженіемъ, какъ къ человѣку заслуженному и извѣстному при дворѣ.

Наконецъ, въ толпѣ пробѣжалъ говоръ: ѣдетъ, ѣдетъ, — и колымага, запряженная цугомъ, съ вершниками и гайдучами, подѣхала къ церкви. Раздался возгласъ діакона, пѣвчіе грянули. Входитъ Левъ Юрьевичъ. Передъ его прямою колоссальною фигурою разступается толпа. Онъ идетъ прямо къ влиросу. Вотъ взошелъ на влирось; по движенію его руки, пѣвчіе торопливо сходятъ внизъ, онъ остается на влиросѣ, и, вмѣсто пѣвчихъ и дьячковъ, поетъ и читаетъ, исполняетъ всю службу освященія церкви и литургіи одинъ.

Обратимся опять къ родословной. У стольника Ивана

Романовича, старшаго брата отца Льва Юрьевича, было трое сыновей: Никита, Федоръ и Осипъ. *)

Осипъ Ивановичъ былъ женатъ на Еленѣ Ивановнѣ Гагиной, скончавшейся въ 1734 году, декабря 26 дня. Въ 1747 году онъ постригся въ монахи въ Трегуляевъ монастырь, что въ Тамбовской губерніи, гдѣ въ 1748 г. апрѣля 16 дня скончался и похороненъ. Плодомъ его супружества была единственная дочь, Прасковья Осиповна. Въ 1734 г. она была выдана замужъ за Николая Михайловича Нестерова. Бравосочетаніе совершалось при церкви Успенія Пресвятой Богородицы, въ селѣ Куковѣ. Невѣствъ было 14 лѣтъ.

Прасковья Осиповна родила 5 сыновей и 13 дочерей. Несмотря на такое обиліе дѣтей, потомства въ мужскомъ колѣнѣ не осталось теперь никого. Послѣ старшаго сына, Николая Николаевича Нестерова, остался одинъ сынъ, Семень Николаевичъ, умершій уже въ 38-хъ годахъ холостякомъ. Изъ дочерей замужемъ было только двѣ: Надежда Николаевна и Елизавета Николаевна.

Итакъ, въ половинѣ прошедшаго столѣтія главнымъ владѣльцемъ въ селѣ Куковѣ былъ Николай Михайловичъ Нестеровъ. Кромѣ Кукова и вотчинъ рязанскихъ, онъ обладалъ и другими значительными вотчинами въ Тамбовской, Пензенской и Тульской губерніяхъ. Дочери едва знали грамоту. По рассказамъ, онѣ, въ простотѣ нравовъ, будучи уже взрослыми дѣвками, на широкомъ барскомъ дворѣ играли съ своими дворовыми дѣвушками въ горѣлки, коршуну и жгуты, и верѣдво въ однихъ рубашкахъ и башмакахъ. Изъ всѣхъ ихъ Елизавета Николаевна, которая впоследствии вышла замужъ за капитана Ивана Ивановича Коробьина, почиталась особенной умницею.

Федосья Николаевна славилась умной, распорядительной и гостепріимной хозяйкою, а Александра Николаевна, будучи отъ природы туга на ухо, ничему не училась. *(Продолженіе будетъ).*

*) Никита Ивановичъ былъ стольникомъ царя Петра Алексѣевича при державѣ царей Ивана и Петра Алексѣевичей.—Федоръ Ивановичъ былъ стольникомъ царицы и великой княгини Прасковьи Федоровны. Прем. А. С.

Очеркъ исторіи города Ревеля.

Едва ли есть другой городъ въ Россіи, для исторіи котораго сдѣлано было-бы такъ-же много, какъ сдѣлано для исторіи Ревеля. Палстъ, Йорданъ, Винеманъ, Ганзенъ посвятили обширныя труды его прошлому.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, гр. Ребиндеръ, основываясь преимущественно на трудахъ названныхъ ученыхъ, издалъ не большую книжечку, подъ названіемъ «Geschichte der Stadt Reval», гдѣ далъ чрезвычайно интересный и живой очеркъ Ревельской исторіи. По этой-то книгѣ мы и думаемъ познакомить читателя съ не лишеной общаго интереса исторіей Ревеля, нѣсколько пополнивъ книгу гр. Ребиндера другими источниками, гдѣ считали это нужнымъ.

Мѣсто, на которомъ стоитъ теперь г. Ревель, принадлежало древнѣйшимъ жителямъ страны—Эстамъ, славившимся въ старину своими морскими разбоями.

На этомъ мѣстѣ, по преданію, была могила великана Калева, героя народнаго финскаго эпоса *Kalevala*. Сага, повѣствующая объ основаніи Ревеля, такъ рассказываетъ объ этомъ событіи.

Великанъ Калева лежалъ больной и жена его Лида послала жука за знаменитѣйшими знахарями сѣвера. Жукъ полетѣлъ черезъ моря и горы за тридцать земель и по дорогѣ спрашивалъ у солнца, луны и звѣздъ, выдоровѣтъ-ли Калева; но солнце, луна и звѣзды, ничего ему не отвѣчая, прошли

мимо. Когда посланецъ, наконецъ, нашелъ знахарей, то они ему сказали: «что поблѣднѣло при мѣсяцѣ, что завало при блескѣ звѣздъ и засохло отъ лучей солнечныхъ, то не можетъ больше разцвѣсть». Съ этимъ отвѣтомъ жукъ возвратился домой и нашелъ Калева уже мертвымъ. Семь дней и семь ночей плакала о немъ Лида, на восьмой натаскала въ грудь камней и построила изъ нихъ достойный памятникъ своему супругу. Изъ этихъ-то камней и образовалась гора, на которой стоитъ теперь Ревельскій Вышгородъ (Domberg).

Древнія норманскія саги упоминаютъ о Ревелѣ подъ именемъ Rafali. Отсюда происходитъ, вѣроятно, и теперешнее названіе (по-датски geola, а по-шведски gafvel) значить риффъ. Въ 1211 эстонцы предприняли походъ въ Лифляндію. Въ 1217 г. вѣмцы отплатили имъ за этотъ набѣгъ опустошительнымъ вторженіемъ и пробыли въ ихъ странѣ до 1219 г. А лѣтомъ этого года датскій король Вольдемаръ II появился передъ Ревелемъ съ сильнымъ флотомъ (по преданію въ 1500 кораблей). Вольдемаръ предпринялъ походъ противъ язычниковъ и толпы датскихъ и вѣмецкихъ рыцарей послѣдовали за нимъ. Онъ высадился, разбилъ Эстовъ, разрушилъ ихъ городокъ Линданиссу, построенный надъ могилой Калева, и основалъ на его мѣстѣ новую сильную крѣпость. Эсты, повидимому, покорились и позволили себя окрестить. Но потомъ неожиданно подняли возстаніе, напали на датчанъ и умертвили епископа Теодориха, который уже 30 лѣтъ проповѣдывалъ христіанство между Ливами и былъ сдѣланъ тогда епископомъ эстляндскимъ. Датчане были жестоко стѣснены ими. Но вскорѣ князю Вицлаву Рюгенскому, вассалу датскаго короля, удалось нанести имъ сильное пораженіе, послѣ котораго датчане стали твердою ногою во вновь завоеванной странѣ. Эта побѣда была одержана 15 іюня 1219 г., въ день св. Вита и Модеста. Вновь построенный крѣпкій замокъ датчане назвали Revale, а Эсты звали его Tallin Tamilin, т.-е. городъ датчанъ, Финны—Räöesli, Tallina Keso, Lett Daungils, т.-е. крѣпость датчанъ; Русскіе называли его сперва *Комманью*, что означаетъ, вѣроятно, городъ Калева.

.. По преданію, въ самый разгаръ битвы, 15 іюня, съ неба

упало знамя, красное, съ большимъ крестомъ по срединѣ, такое, какъ теперешній датскій государственный флагъ. Подобнымъ образомъ изображается теперь такъ-называемый малый гербъ города Ревеля (серебряный крестъ, по красному полю, съ золотой каемкой). Большой-же гербъ состоитъ изъ трехъ голубыхъ львовъ съ коронами по золотому полю, т.-е. такой-же какъ датскій національный гербъ.

Вольдемаръ возвратился въ Давію, а въ городѣ, въ качествѣ намѣстника, остался архіепископъ Андрей Лундскій. Эсты неохотно выносили иноземное иго и то и дѣло возставали противъ своихъ завоевателей. Весною 1221 года передъ Ревелемъ, съ сильнымъ флотомъ, появились Эзельцы; къ нимъ тотчасъ-же присоединились туземцы, и осаждаемый съ суши и съ моря городъ былъ спасенъ только прибытіемъ датскихъ кораблей, передъ которыми Эзельцы обратились въ бѣгство. Побѣдители жестоко наказали непокорныхъ Эстовъ; ихъ старѣйшины были перевѣшаны на деревьяхъ, а подать, которую они платили, была удвоена и утроена. Черезъ это ненависть къ иноземному владычеству возросла еще больше. Когда-же на слѣдующій годъ Эзельцамъ удалось на ихъ островѣ разрушить одинъ датскій замокъ, то во всей странѣ снова вспыхнуло возстаніе. Иноземцы были повсюду убиваемы и сильное войско обложило Ревель. Внучившись у Эзельцевъ строить осадныя машины, Эсты надѣялись легко овладѣть крѣпостью. Но это имъ не удалось и скоро отважная вылазка нѣмцевъ и датчанъ обратила ихъ въ бѣгство.

Туземцы обратились теперь за помощью къ князю Ярославу, брату Георгія Суздальскаго. Помощь была имъ обѣщана, и въ томъ-же (1223) году сильное войско изъ Новгородцевъ и Псковитянъ, соединившись съ отрядами Эстовъ, появилось передъ стѣнами Ревеля, намѣстникомъ котораго былъ тогда двѣнадцатилѣтній мальчикъ Кануть, сынъ короля Вольдемара. Четыре недѣли продолжалась осада, но она была также безуспѣшна, и непріятель долженъ былъ отступить съ большимъ урономъ. Насталъ четырехлѣтній миръ; затѣмъ въ 1227 г., когда Орденъ Меченосцевъ былъ въ войнѣ съ Давіей, магистръ ордена Волкенъ вступилъ въ Эстляндію и осадилъ Ревель.

На этотъ разъ осада удалась, потому - что у осажденныхъ обнаружился недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Городъ былъ сданъ Датчанами, и гарнизонъ получилъ свободный пропускъ. Съ этого времени Ревель перешелъ въ руки ордена. Городскія укрѣпленія были возобновлены, и скоро обнаружилось, что это сдѣлано встати, ибо въ слѣдующемъ-же (1228) году вспыхнуло возстаніе Эстовъ противъ ихъ новыхъ владѣтелей; возстаніе это однако скоро было усмирено меченосцами.

Крѣпость занимала тогда весь теперешній Домбергъ и называлась *castrum magnum*, а маленькая крѣпостца, близъ самого обрыва, построенная, вѣроятно, Волкеномъ, получила названіе *Castri minoris*. До того времени вѣкъ стѣнъ крѣпости не было ни одного дома; теперь нѣмцы и датчане начали строиться внизу, въ долину.

Къ этому времени относится установленіе городского права, наподобіе рижскаго, которое, какъ вообще все древнегерманское право, даже за разбой, убійство и всѣ т. п. преступленія, назначало пеню или виру (*Wehrgeld*). Благодаря наступившему тогда мирному времени, городъ быстро разросся. Изъ Любека, откуда преимущественно переселялись въ Лифляндію, массы переселенцевъ приходили въ Ревель. Между тѣмъ, король Вольдемаръ старался возвратить утраченныя имъ владѣнія. Въ силу папской буллы 1232 г., Вирляндъ, Іервень и Балдуинъ были ему уступлены, но о Гарріи и Ревелѣ въ этой буллѣ не говорится ни слова; между тѣмъ, споры и жалобы къ папѣ продолжались, и въ отвѣтъ на нихъ послѣдній издалъ, наконецъ, въ 1236 г., декретъ, въ силу котораго Ревель долженъ былъ перейти во власть папской курии. Орденъ однако медлил исполненіемъ папскаго приговора. Въ этомъ году магистръ ордена Волкенъ потерпѣлъ поражение при Раделѣ и самъ палъ въ битвѣ. Меченосцы, чтобы удержать за собою свои владѣнія, пожелали вступить въ союзъ съ нѣмецкимъ орденомъ и въ слѣдующемъ 1237 г. папа далъ свое согласіе на этотъ союзъ, но съ условіемъ, чтобы Ревель былъ теперь уступленъ уже датчанамъ, что и было сдѣлано 7 іюня 1238 г. на съѣздѣ въ Стевби, на островѣ Зеландія, гдѣ между королемъ Вольдемаромъ и Германомъ Балкъ, намѣстникомъ Прусскимъ и

Лифляндскимъ, былъ заключенъ договоръ, по которому крѣпость и городъ Ревель (послѣдній уже упоминается здѣсь совершенно ясно), Гаррія и Вирляндъ во второй разъ переходили во власть датчанъ. Сыновья короля, Авель и Кануть, отправились для принятія страны въ свое подданство; ихъ сопровождалъ папскій легатъ Вильгельмъ Моденскій, въ качествѣ посредника при передачѣ, которая, вслѣдствіе многочисленности нѣмецкихъ переселенцевъ и заявленія ихъ депутатовъ, была довольно затруднительна.

Въ 1240 г. въ первый разъ упоминается соборная церковь (Domkirche). Въ 1246 г. въ Ревелѣ явились доминиканцы (Praedicatorum или «черные монахи») и основали монастырь въ честь св. Екатерины, въ нынѣшней Russstrasse, называвшейся прежде München Strasse, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится римско-католическая церковь. За доминиканцами пришли картезианцы; имъ принадлежалъ монастырь св. Миханла, построенный въ 1249 г. королемъ Эрихомъ Плогпеннинггомъ, который, по преданію, былъ побужденъ на это богоугодное дѣло какимъ-то таинственнымъ видѣніемъ. Этотъ монастырь освобожденъ отъ налоговъ, былъ снабженъ богатыми привилегіями и въ скоромъ времени приобрѣлъ значительныя поземельныя владѣнія, впрочемъ не совсѣмъ частыми средствами. Онъ находился въ той части города, которая и теперь еще называется «монастыремъ» (das Kloster). Два богоугодныхъ заведенія, а именно: Святодуховскій домъ для призрѣнія нищихъ, больныхъ и странныхъ и госпиталь для прокаженныхъ, находящійся уже съ 1237 года внѣ стѣнъ города, имѣли также свои домовныя церкви. Домъ для прокаженныхъ существуетъ и до сего дня, подъ именемъ Ивановскаго госпиталя (St. Iohannis-Hospital) и находится на Юрьевской улицѣ.

Въ городѣ была уже тогда ратуша, арсеналъ и гильдейскіе дома, но ни одной городской школы, такъ-какъ, по приказанію короля Эриха VI, каждый гражданинъ обязанъ былъ отдавать своихъ дѣтей исключительно въ школу, находившуюся при соборной церкви и упоминаемую въ первый разъ въ 1319 году.

Улицы тогда были узкія, звѣзистыя, не мостились, не

освѣщались и никогда не чистились. Дома стояли очень близко одинъ отъ другого (какъ-то можно заключить изъ частыхъ и опустошительныхъ пожаровъ), строились большею частію изъ дерева, безъ дымовыхъ трубъ, крылись соломой, были низки и тѣсны; городскія укрѣпленія состояли только изъ земляныхъ валовъ и частокола.

Кромѣ права строить укрѣпленія, жители города имѣли и другія важныя привилегіи, какъ-то: свобода отъ податей, право чеканить монету и владѣть окрестъ лежащими землями; но всего важнѣе для нихъ было дарованіе королемъ Эрихомъ Плогпеннингомъ въ 1257 году Любекскаго права. Подлинная грамота, на пергаментѣ, съ подписью Эрика, хранится до-сихъ-поръ въ архивѣ ревелскаго магистрата. По этому праву въ городѣ учрежденъ былъ городской совѣтъ, состоявшій изъ двухъ бургомистровъ и 10 членовъ-совѣтниковъ, которые по истеченіи годового срока, при соблюденіи извѣстныхъ формальностей, выходили въ отставку, а на ихъ мѣсто выбирались новые. По истеченіи года старшій совѣтъ опять занималъ свои прежнія мѣста и такъ далѣе. Совѣтъ завѣдывалъ всѣми дѣлами города, но право суда онъ раздѣлялъ съ намѣстникомъ, который назначался королемъ. Цехъ св. Канута упоминается уже въ 1326 г., а цехъ св. Олая въ 1341-мъ. Это были общества, составившіяся съ цѣлю взаимной помощи и артельного труда. Каждая гильдія имѣла свой цеховой домъ; домъ цеха св. Олая находился между домомъ Черноголовныхъ и домомъ св. Канута. Это зданіе еще цѣло и служитъ теперь мѣстомъ склада.

Церковь св. Николая упоминается въ 1-й разъ въ 1316 г., а св. Олая уже въ 1267-мъ. Послѣдняя была тогда, вѣроятно, очень не велика: это можно видѣть изъ того, что королева Маргарита отдала ее, со всѣми приходскими доходами, въ распоряженіе сестеръ монастыря картезіанцевъ.

Съ 1285 г. Ревель, мало-по-малу, присоединяется къ числу городовъ, изъ которыхъ въ послѣдствіи развился, такъ-называемый, Ганзейскій союзъ. Тогда уже существовалъ союзъ между нѣкоторыми торговыми городами для взаимной помощи и поддержки, существовало уже общество нѣмецкихъ купцовъ, центромъ котораго былъ г.Висъби. Въ 1287 г. Ревель подвергалъ-

ся опасности быть исключеннымъ изъ этого союза за разграбленіе Эстамн одного Любекскаго торговаго корабля, приставшаго въ Вирландіѣ. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ, тянувшихся до 1295 г., дѣло это кончилось ничѣмъ. Торговля Ревеля, въ особенности мѣновая и вывозъ хлѣба, съ каждымъ годомъ увеличивалась; городъ служилъ посредникомъ въ торговыхъ между З. Европой, Новгородомъ и Финляндіей какъ на морѣ, такъ и на сушѣ. Дорога черезъ Ревель съ 1346 г. была неизбѣжна, такъ-какъ въ этомъ году нѣкоторый торговый дворъ въ Новгородѣ, всѣ пути, кромѣ дороги на Ревель, Ригу и Пернау, запретилъ подѣ страхомъ лишенія имущества и даже жизни.

Въ періодъ второго датскаго владычества страну постигъ дѣлный рядъ общественныхъ бѣдствій. Въ 1315, 1316 и 1317 годахъ въ странѣ свирѣпствовалъ страшный голодъ, и повальныя болѣзни.

Всю зиму 1322 г. стояли небывалые холода; такъ, Балтійское море замерло сплошь и по немъ повсюду установился санный путь. Подобныя-же холода были въ 1331 году, отъ которыхъ померзло множество народу. Но всего ужаснѣе были бѣдствія, которыя испытала страна вслѣдствіе новаго возстанія Эстонцевъ. Въ ночь на св. Юргенса съ 22-го на 23-е апрѣля 1343 года во всей странѣ крестьяне поднялись, какъ одинъ человекъ, для кроваваго отищенія своимъ суровымъ притѣснителямъ-владѣльцамъ. Болѣе 1800 человекъ, въ томъ числѣ женщинъ и дѣтей, было умерщвлено въ эту страшную ночь, и только немногіе успѣли спасти себѣ жизнь за стѣнами Ревеля. Но и сюда пришли Эсты и осадили городъ. Узнавъ о грозящей Ревелю опасности, магистръ ордена Бургардъ-фонъ-Дренлевенъ поспѣшилъ на помощь и ему удалось напасть врасплохъ на толпы бунтующихъ крестьянъ и разбить ихъ прежде, чѣмъ посѣли къ нимъ на помощь ихъ одноплеменники Финны. Послѣдніе, видя, что пришли поздно, заключили съ Дренлевеномъ миръ и городъ былъ спасенъ. Но возстаніе еще продолжалось, и орденъ долженъ былъ то туда, то сюда посылать свои отряды. За свое содѣйствіе орденъ потребовалъ вознагражденія и, до его полученія, удержалъ за

собой въ залогъ города и укрѣвленія Эстляндіи. Лѣтомъ 1345 г. король Вольдемаръ IV прибылъ въ Ревель и пробылъ здѣсь до весны 1346 г. Переговоры окончились 29 августа того же года уступкой гротмейстеру ордена Гарріи, Вирлянда и Алентавена за 1900 сербр. польскихъ марокъ (247,000 р. с.). Что эти земли стоили сверхъ означенной суммы, то король жертвовалъ ордену за молитвы о спасеніи своей души, души своей сунруги и своихъ предковъ.

«Съ этимъ событіемъ, говоритъ Юрданъ въ заключеніе своего прекраснаго очерка владычества датчавъ въ Ревелѣ, для города наступаетъ новый важный фазисъ его историческаго развитія. Онъ перешелъ теперь къ государству, которое хотя въ политическомъ отношеніи было такъ-же плохо организовано, какъ и прежде, но въ которомъ въ городахъ Ригѣ, Дерптѣ и другихъ, связанныхъ съ Ревелемъ одинаковыми интересами, Ревель нашелъ себѣ естественныхъ союзниковъ, обещающихъ ему болѣе дѣятельную поддержку, чѣмъ датскіе короли. Соединившись съ этими городами, Ревель пріобрѣлъ большое значеніе, какъ на торговомъ дворѣ въ Новгородѣ, такъ и во всемъ Ганзейскомъ союзѣ и сдѣлался вполне автономнымъ членомъ на обще-лифляндскихъ сѣздахъ.

Въ 1363 г. въ первый разъ упоминается большая гильдія, а въ 1400—Черноголовые. Эти послѣдніе были, какъ то видно изъ изслѣдованій Папста, не союзъ съ военной организаціей и для военныхъ цѣлей, какъ те долго полагали, но, вѣроятно, общество, сплотившееся для противодѣйствія большой купеческой гильдіи. Такъ-какъ оно первоначально состояло только изъ неженатыхъ пріѣзжихъ торговцевъ, агентовъ, и дѣтей мѣстнаго купечества, то названіе *Kindergilde* удержало за собой даже и послѣ вступленія въ него осѣдлыхъ и семейныхъ людей. Позднѣе *die Kinder* опять отдѣлились и образовали свое отдѣльное общество, выбравъ себѣ въ покровители св. Маврикія, а гербомъ голову Маара, отъ которой и получили названіе „Черноголовыхъ“. Въ 1407 г. они получили свой первый статутъ, такъ-называемый „*Schragen*“. Въ члены принимались всѣ, не запятанные своей репутаціи и холостые купцы города. Главные члены этого общества, четыре выборныхъ

старшины, могли жениться; всѣ прочіе, вступивъ въ супружество, тотчасъ-же исключались! Общество Черноголовыхъ можетъ гордиться тѣмъ, что въ числѣ его членовъ были и извѣстные строители монастыря св. Бригиты—Генрихъ Швальбергъ, Генрихъ Хуксеръ и Герлахъ Крузе, употребившіе все свое имущество на эту постройку и по окончаніи ея сами вступившіе въ число монастырской братіи. Первый основной камень монастыря, развалины котораго, находящіяся въ западномъ концѣ Ревельской бухты, до-сихъ-поръ принадлежать къ самымъ любопытнымъ достопримѣчательностямъ окрестностей города — былъ заложенъ 15 Іюня 1407 года, въ правленіе Конрада Фитингофа, и вся постройка дома была окончена лишь въ 29 лѣтъ.

Въ 1431 г. епископъ Генрихъ Иескуль совершилъ освященіе монастырской церкви. Въ монастырѣ было мужское и женское отдѣленіе съ особыми собраніями и судомъ для каждаго, но подъ общимъ управленіемъ аббатисы.

Въ 1424 г. было получено отъ папы разрѣшеніе на устройство въ городѣ приходскаго городского училища. Въ 1433 г. въ Ревелѣ вспыхнулъ страшный пожаръ, истребившій $\frac{2}{3}$ города.

Необычно долгимъ миромъ наслаждался городъ, какъ вдругъ, въ исходѣ XV-го вѣка, надъ нимъ собирается новая бѣда. Великій князь русскій, Иванъ III Васильевичъ, покоривъ въ 1478 г. Новгородъ и Псковъ, всталъ въ угрожающее положеніе относительно Лифляндіи. Въ 1493 г. онъ заключилъ договоръ съ Даніей, по которому обязался уничтожить всю торговлю Ганзы въ Россіи. Случай къ этому скоро представился. Въ томъ же году двое русскихъ въ Ревелѣ были казнены за какое-то преступленіе и разгнѣванный царь потребовалъ выдачи ихъ судей, которыми были члены Ревельскаго городского совѣта. Когда это требованіе было отвергнуто, то царь, въ ноябрѣ 1494 г., приказалъ на торговомъ дворѣ въ Новгородѣ схватить 49 человекъ нѣмецкихъ купцовъ и, отобравъ у нихъ весь товаръ и имущество, въ цѣляхъ отправить въ Москву.

Съ уничтоженіемъ этого союза, говоритъ Фридрихъ Би-неманъ, начинается рядъ событій, имѣвшихъ въ началѣ новой

исторіи своимъ слѣдствіемъ паденіе всего средневѣкового института европейскихъ городовъ.

Хотя торговля Ревеля чрезъ это не пострадала, ибо вся ганзейско-русская торговля сосредоточилась теперь въ лифляндскихъ городахъ, но за то страна должна была вынести тяжелую войну.

Русскіе вторглись въ Эстляндію, самый свѣлый изъ владѣтелей эстляндскихъ встрѣтилъ врага еще на границахъ Лифляндіи. Его небольшое, едва въ 10,000 человекъ, войско смѣло устремилось на многочисленные полки русскихъ, которые потерпѣли полное пораженіе. Но эта побѣда, какъ и многіе другіе, какъ и извѣстный походъ Коптура ревелскаго въ Ивангородъ, были совершенно парализованы постоянно повторявшимися вторженіями русскихъ, опустошившихъ всю страну и уведшихъ съ собою многія тысячи плѣнныхъ.

Къ бѣдствіямъ войны присоединились болѣзни и суровые зимніе холода.

Новая побѣда подъ Псковомъ, 13 сентября 1502 г., подвинула впередъ дѣло о переговорахъ. Было заключено перемиріе на 6 лѣтъ, но возобновившіяся совѣщанія затянули его на цѣлыхъ 55. Несчастный Ревель, такъ много выстрадавшій послѣднее время, могъ опять вздохнуть свободно, и теперь-то Плетенбергъ—этотъ умиротворитель страны—имѣлъ возможность обнаружить свои блестящія способности, какъ правитель и заботливый отецъ, который во все время своего 14-ти-лѣтняго управленія старался примирить враждующихъ и уничтожить это коренное зло страны—постоянно возгоравшуюся ненависть партій.

Картину города Ревеля въ началѣ XVI столѣтія даетъ намъ Фр. Бинеманъ въ своемъ прекрасномъ художественномъ очеркѣ. *)

Окруженный тѣми-же, увѣнчанными башнями, стѣнами, которыя даютъ намъ и теперь точное понятіе о размѣрахъ стараго города, стоялъ Ревель, восходя отъ морского

*) Fr. Bienemann; Aus baltischer Vozzeit, Leipzig 1870.

берега на Домбергъ, гдѣ находился замокъ контура нѣмецкаго ордена съ своими четырьмя башнями и съ „длиннымъ Германомъ“ выше всѣхъ ихъ. Съ восточной и западной стороны крѣпости тянулся ровъ, вдоль котораго стояли дома Гаррійскаго дворянства, цеховой домъ, соборъ и домъ епископа. Внизу тянулись отъ однихъ воротъ къ другимъ, пересѣкаясь и скрещиваясь, извѣстныя намъ улицы. Тѣ-же церкви, въ которыхъ собираемся мы теперь, развѣ нѣсколькими часовнями больше, призывали на молитву. Почти въ тѣхъ-же самыхъ зданіяхъ, гдѣ и теперь, собирались старшины и представители города. Да, большая часть старыхъ домовъ уцѣлѣла до насъ какъ есть, въ своемъ прежнемъ видѣ! Немного городовъ сохранили такъ хорошо печать, положенную на нихъ протекшими столѣтіями: дома высокіе съ фронтонами, крутыми крышами, широкими окнами и колотушками на дверяхъ, надтреснутыми лѣстницами и галереями, съ глухими фасадами и окнами на дворъ, высокими дымовыми трубами, съ колодцами на улицахъ, большими амбарами, ходомъ за стѣнами, воротами съ гербами и банками цвѣтовъ на окнахъ.

Небольшое предмѣстье занимало тогда пространство между моремъ, ровомъ и городскими стѣнами; тамъ и тутъ лѣпились къ послѣднимъ маленькія деревянныя хижинъ, очень часто дѣлавшіяся добычей огня. Множество мельницъ стояло вдоль рѣки, которая, вытекая изъ верхняго озера, текла къ морю по южной сторонѣ города. Почти у самаго города находилось хорошенькое селеніе Fischenhain, дальше зеленѣла роща, въ тѣни которой находилось кладбище (теперешнее Ziegelskappel). Вокругъ видѣлись дачныя домики, среди садовъ, нивъ и пастбищъ.

Въ духѣ тогдашняго городского устройства было представлять городу самому устанавливать нормы своей внутренней жизни. На такихъ началахъ развивался и Ревель. Во главѣ управленія стояли четыре бургомистра, синдикъ, четыре соувѣтника и городской секретарь. Цехи также принимали участіе въ управленіи дѣлами города, занимавшаго съ этихъ поръ важное мѣсто на обще-лифляндскихъ сеймахъ, на которыхъ разсматривались дѣла, касающіяся всего союза.

Торговля процвѣтала, многочисленныя корабли привозили вино, селедки, соль, желѣзо, полотно, холстъ и т. д. увозя пеньку, веревки, ленъ и т. д.

Реформаціонныя идеи, волновавшія въ началѣ XVI вѣка Европу, проникли въ 1524 г. и въ Ревель. Хотя дѣло не обошлось безъ борьбы за почитаніе иконъ, но однако идеи Лютера были приняты здѣсь довольно единодушно.

Во главѣ готовившагося переворота сталъ Іоганъ Ланге, бывшій монахъ. Впослѣдствіи онъ занялъ мѣсто обернастора въ Nikolaikirche, а въ Olaiikirche то-же мѣсто занялъ Захарій Гассе. Доминиканцы были выгнаны изъ города и удалились въ епископскій замокъ Боргольтъ.

Въ 1532 г. въ городѣ была большая смертность. И въ томъ-же году сгорѣлъ до тла мужской монастырь (München Kloster). Что касается до раздоровъ между рыцарями и городомъ (первыя жили на Домбергѣ), то между Домбергомъ и городомъ вообще, они, кажется, никогда не враждовали. Особенный случай представился для нихъ въ 1535 г. Johan Uexkul von Riesenberg, поймавъ своего бѣглеца крестьянина, умертвилъ его, какъ то видно изъ документа, сообщеннаго Папствомъ, самымъ жестокомъ образомъ. Родственники совѣтовали Искулю не прѣзжать въ городъ и когда Искуль, не обративъ вниманія на ихъ совѣты, всетаки прѣхалъ, то тотчасъ, по приказанію городского факта, Бота Шрёдера, былъ схваченъ и преданъ суду. Тщетно онъ предлагалъ за себя выкупъ, тщетно заступались за него рыцари. 7 Мая 1535 года у Кузнечныхъ воротъ (Schmiedepforte) Искуль былъ казненъ. Рыцари слѣшили ему на помощь, но имъ пришлось только черезъ рѣшетку воротъ быть свидѣтелями казни, которой помѣшать они уже не могли. Послѣ этого происшествія распри между горожанами и рыцарями обратились въ непримиримую вражду. Начался обширный процессъ, тянувшійся вплоть до 1543 г. По преданію, городской совѣтъ принужденъ былъ, въ знакъ своего раскаянія, приказать задѣлать старыя Кузнечныя ворота, и они были открыты вновь лишь въ маѣ 1767 г. Въ воспоминаніе объ

этой казни, на мѣстѣ ея былъ поставленъ каменный крестъ, который стоялъ тамъ до начала нынѣшняго столѣтія.

Дни мира приходили для Ревеля къ концу. Иванъ Васильевичъ IV въ 1558 г. снова началъ войну съ Ливоніей. Орденъ, послѣ смерти Плетенберга, былъ совершенно ослабленъ внутренними раздорами. Нарва и Дерптъ скоро сдались, а Везенбергъ, Вейсенштейнъ, Толсбургъ и Оберпаленъ были покинуты назначенными орденомъ намѣстниками уже при появленіи русскихъ. Коптуръ Ревеля, Францъ фонъ-Зигенхофенъ, бѣжалъ на кораблѣ въ Германію, передавъ Домбергъ Христофору Мюнхаузену, стороннику датскаго короля, которому и присягнулъ ревельскій гарнизонъ. Такимъ образомъ, городъ и Домбергъ принадлежали теперь разнымъ государямъ. Однако датскій король Христіанъ III отклонилъ отъ себя этотъ опасный подарокъ. Тогда Мюнхаузенъ, чтобы выпутаться изъ затруднительнаго положенія, придумалъ продать Домбергъ городу за незначительную сумму. Часть горожанъ была согласна на эту сдѣлку, но совѣтъ и гильдіи не хотѣли о ней и слышать. Мюнхаузену послѣ того ничего не оставалось, какъ за опредѣленную сумму вновь возвратитъ крѣпость магистру ордена Кетлеру (находившемуся тогда въ городѣ) и затѣмъ дать тягу. Гарнизонъ опять привнесъ присягу ордену, но магистръ на этотъ разъ ему не повѣрилъ и приказалъ рыцарю Алтенъ-Бокуму выгнать его изъ крѣпости. Тогда наемные вкнхты, озлобленные на Кетлера, осадили Домбергъ и произошло нѣсколько кровопролитныхъ схватокъ. Между тѣмъ, русскіе приблизились къ Ревелю, и 11 сентября 1560 произошло сраженіе, сначала на Песочныхъ горахъ (Sandberge), затѣмъ на мѣстѣ теперешняго Пернавскаго форштадта, когда ревельцы—250 человекъ на коняхъ и 500 пѣшими—сдѣлали вылазку изъ города. Сначала они были отброшены, вслѣдствіе громаднаго численнаго превосходства русскихъ, но когда изъ города пришелъ къ нимъ на помощь другой отрядъ, то русскіе отступили. Участвовавшимъ въ этой вылазкѣ, въ Пернавскомъ предмѣстіи, были поставлены два каменныхъ памятника, которые существуютъ и теперь.

Шведскій фельдмаршалъ Клаусъ-Хорнъ явился въ Ревель,

во главѣ посольства, для переговоровъ о подчиненіи города шведамъ. Орденъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ не могъ больше защищать Ревеля, поэтому, рыцари и горожане единодушно согласились послать магистру ордена посольство съ форменнымъ отказомъ отъ подчиненія ордену, а 4-го и 6-го іюня того-же 1561 года они принесли присягу шведскому королю Эриху XIV-му. Такъ кончилось господство нѣмецкаго ордена въ Ревелѣ. Но комендантъ Домберга, извѣстный уже намъ Каспаръ Алтенъ-Бокумъ, будучи вѣренъ присягѣ, отказался сдать крѣпость шведамъ. Клаусъ Хорнъ съ ландкнехтами, присягнувшими, не колеблясь, королю Эриху (такимъ образомъ въ продолженіи 4-хъ лѣтъ уже 3-му государю) и небольшимъ шведскимъ отрядомъ осадилъ Домберга и только послѣ 6-ти недѣльной упорной обороны, когда у гарнизона вышли припасы, Алтенъ-Бокумъ сдался на капитуляцію и передалъ крѣпость шведамъ.

Между тѣмъ орденъ пришелъ въ совершенный упадокъ, и Лифляндія распалась между поляками, русскими и шведами. Наступила полнѣйшая неурядица, земли переходили отъ одного владѣтеля къ другому. Въ царствованіе сумасшедшаго Эрика XIV Эстляндія, большая часть которой принадлежала тогда шведамъ, такъ-же мало пользовалась спокойствіемъ, какъ и въ царствованіе его преемника Іоанна III, вступившаго на шведскій престолъ въ 1569 году. Русскій царь обѣщаль стрѣнѣ, если она ему подчинится, дать особеннаго князя, но въ зависимости отъ русскаго правительства и указалъ на Магнуса Гольштейна, съ которымъ онъ вступилъ тогда въ переговоры. Городъ отвергъ это предложеніе; но дворяне, составлявшіе значительную часть крѣпостного гарнизона, изъявили согласіе, возмутились и засадили въ тюрьму ревельскаго намѣстника Габріеля Оксенштарну.

Подъ предводительствомъ Клауса Курселя, 7 января 1570 г., они овладѣли, такъ-называемой, малой крѣпостью (*castrum minus*) и заключили вслѣдъ затѣмъ съ плѣннымъ намѣстникомъ договоръ, по которому тотъ получалъ свободный выходъ съ своимъ гарнизономъ, а Курсель удерживалъ въ залогъ крѣпость до Духова дня. Курсель вступилъ въ переговоры съ

герцогомъ Магнусомъ, который обѣщалъ ему свою поддержку.— Но часы измѣнниковъ были сочтены. Начальникъ шведскаго отряда Нильсъ Даббелеръ подговорилъ двухъ преданныхъ себѣ людей—какого-то Ласса Вигезена и Керстена Анклама—можно перейти на сторону Курселя.

Они,—какъ рассказываетъ Иорданъ, женой рассказъ котораго мы здѣсь приводимъ почти слово въ слово — устроили въ замкѣ пирушку и пригласили на нее рыцарей, занимавшихъ помѣщеніе, изъ котораго, въ ихъ счастію, остался незапертымъ ходъ внизъ. Черезъ него входили рыцари, присоединившіеся къ отряду Курселя поздне и забывшіе запереть потомъ за собой дверь. Попировали тогда на славу, не смотря на то, что это было въ Великую Пятницу и, совершенно опьянѣвъ, всѣ пировавшіе предались сну. Тогда Керстенъ фонъ-Анкамъ загородилъ снаружи всѣ двери комнаты. А между тѣмъ шведскіе ландскнехты, со двора епископа, тихонько взобрались по сброшенной имъ веревочной лѣстницѣ наверхъ и, снявъ обувь, въ однихъ чулкахъ прошли по отвѣсу скалы до замка; здѣсь у отверстія въ стѣнѣ ожидалъ ихъ Лассъ Вигезенъ; онъ сбросилъ имъ веревку, втянулъ по ней лѣстницу и по ней болѣе 800 шведовъ взобрались на верхъ. Фальшивое нападеніе, сдѣланное шведами съ площадки на Домбергѣ, отвлекло присутствующихъ рыцарей изъ тѣхъ, которые были потрезвѣе, по другую сторону замка. Такимъ образомъ, шведы могли безпрепятственно овладѣть этой частью замка, гдѣ хранился провіантъ и боевые припасы; они взошли на башню и оттуда данъ былъ сигнальный выстрѣлъ. Тотчасъ-же въ Домбергѣ и въ городѣ все поднялось на ноги. Горожане спѣшили на помощь шведамъ. Клаусъ Курсель и всѣ его единомышленники были схвачены. Курсель съ троици изъ приверженцевъ былъ казненъ, другіе подверглись менѣе строгому наказанію, а многіе и совсѣмъ прощены. Совершенно неожиданно, такъ-какъ Швеція не была тогда въ войнѣ съ Даніей, 9 іюня 1569 г. датскій флотъ появился передъ Ревелемъ, заперъ гавань, ограбилъ находившіяся въ ней частныя суда, сжегъ военныя шведскіе корабли и лишь черезъ 13 дней, нагружившись таррабленной добычей, покинулъ рейдъ.

Герцогъ Магнусъ Гольштейнъ, который продолжалъ именовать себя «королемъ Лифляндскимъ», въ январѣ 1570 г., съ своими рыцарями и 2500 русскихъ, осадили Ревель, но послѣ 8-ми-мѣсячной безуспѣшной осады долженъ былъ отступить (комендантомъ городского гарнизона былъ тогда баронъ Барль Горнъ фовъ-Канкасъ). Вторичное вторженіе русскихъ произошло въ январѣ 1577 г. Небольшой отрядъ, составленный отважнымъ Иро Шенкенбергомъ, наносилъ большой вредъ неприятелю. Потомъ, во время бомбардировки Ревеля, этотъ Шенкенбергъ оказалъ большія услуги городу, какъ начальникъ пожарной команды. Битвы были упорныя, положеніе города становилось часъ отъ часу труднѣе. Но бургомистры Фридрихъ Штандштедъ и Дитрихъ Корбмахеръ и командовавшіе гарнизономъ Хорнъ и Шенкенбергъ были непоколебимы.

Въ эту войну былъ совершенно разрушенъ и монастырь св. Бригиты и обитатели его частію перебиты, частію уведены въ плѣнъ. Въ то время въ монастырѣ были большіе безпорядки и царилъ полнѣйшая разнузданность.—Невозможно, пишетъ хронистъ Руссовъ, чтобы въ самомъ храмѣ Венеры распущенность нравовъ дошла до такихъ предѣловъ... Тамъ, гдѣ должны были возноситься молитвы Богу, было страшное пьянство и развратъ; постоянныя пѣсни и пляска, подъ оглушительный трескъ волынки, любители этого инструмента собирались сюда со всѣхъ окрестныхъ мѣстъ—совершались убійства и всевозможныя преступленія, прикрывавшіяся самымъ грубымъ суевѣріемъ.—Заалтарный образъ монастырской церкви, одинъ, уцѣлѣвшій отъ общаго разрушенія, хранится теперь въ клубѣ Черноголовыхъ.

Съ удаленіемъ русскихъ, Ревель долго не видалъ передъ собою внѣшнихъ враговъ, но скоро новыя бѣдствія постигли его. Страшные пожары въ 1581 и въ 1584 годахъ истребили весь Вышгородъ, изъ котораго уцѣлѣлъ одинъ замокъ да нѣсколько частныхъ домовъ. Въ 1591 и 1592 г. въ городѣ была страшная чума, а въ 1602 г. страну постигъ голодъ, едва ли не непримѣрный въ исторіи человѣчества; неслыханныя жестокости совершались голодающими и рассказы объ этомъ ужасномъ времени живы въ народѣ и до сего дня.

Въ ночь на 29 іюня 1628 г. молнія ударила въ башню церкви св. Олая, и вспыхнувшій пожаръ истребилъ деревъ до тла. Благодаря усердію прихожанъ, явилась возможность возобновить ее уже въ октябрѣ мѣсяцу того-же года, но постройка церковной башни мастеромъ Гизеле-ромъ была окончена лишь въ январѣ 1651 г. Къ этому времени относятся и открытіе гимназій Густавомъ Адольфомъ, устроенной въ зданіи прежняго монастыря св. Михаила. Она находилась въ вѣдѣніи города вплоть до 1805 г., но въ этомъ году была преобразована въ губернскую гимназію. Отъ прежняго зданія монастыря, которое въ 1843 г. было совершенно перестроено, осталась только одна монашеская трапеза (refectorium).

Тяжелы были для Ревеля послѣдніе годы XVII-го столѣтія и первые XVIII: въ 1696 г. страну постигъ опять голодъ, а вскорѣ затѣмъ началась опять война. Вначалѣ, открывшіяся военныя дѣйствія между Петромъ Великимъ и Карломъ XII, благодаря успѣхамъ послѣдняго, мало тревожили Ревель. Послѣ битвы подъ Нарвой въ 1700 г., взятый въ плѣнъ русскій главнокомандующій, герцогъ Карлъ Евгений де-Круа, былъ отправленъ въ Ревель. Здѣсь онъ и умеръ въ 1702 г., а послѣ смерти ему суждено было, въ продолженіи полутора ста лѣтъ, быть въ числѣ самыхъ любопытныхъ достопримѣчательностей города. Въ одной изъ капеллъ церкви св. Николая его трупъ, говорятъ, за неуплаченные долги, былъ выставленъ на показъ и еще очень недавно можно было его тамъ видѣть. Онъ отлично сохранился, только отъ времени сдѣлался желтымъ, какъ мумія. Почва, на которой построена церковь св. Николая, имѣетъ свойство прекрасно высушивать трупъ, такъ-что даже наружный видъ нисколько не измѣняется; лѣтъ 30 назадъ, при перестройкѣ церковныхъ хоръ, нашли множество сохранившихся такимъ образомъ труповъ. 15 лѣтъ тому назадъ Duc de Croix былъ, наконецъ, преданъ погребенію, котораго такъ долго былъ лишень. Онъ похороненъ направо отъ входа въ церковь.

Когда, въ великой сѣверной войнѣ, счастье, наконецъ, перешло на сторону русскихъ, то въ 1710 г. русская армія подъ на-

чалствомъ генерала Феликса Бауера, подступила къ Ревелю. Крѣпостнымъ гарнизономъ въ городѣ командовалъ тогда Фридрихъ Патвуль. Когда генераль Бауеръ подошелъ къ Гарку, то Патвуль, въ какихъ-то стратегическихъ соображеній, приказалъ выжечь все городское предмѣстье, до самихъ Zisternpforte и 22 августа 1710 г. его приказаніе было исполнено. Въ этотъ пожаръ сгорѣла и церковь св. Карла, построенная Карломъ XI для вѣстовъ, лютеранскаго вѣроисповѣданія. Городъ защищался мужественно; кромѣ внѣшнихъ враговъ, ему пришлось еще бороться внутри его стѣнъ съ врагами, еще болѣе жестокими—голодомъ и эпидеміей. Наконецъ, послѣ 6-ти недѣльной осады, окончательно выбившійся изъ силъ гарнизонъ долженъ былъ сдать городъ на капитуляцію; 29 сентября 1710 г. въ Гаркѣ происходили переговоры о капитуляціи, которая и была подписана. Съ этого дня Ревель и вся Эстляндія принадлежать Россіи. 22 сентября 1711 г. предъ представителемъ Россіи, княземъ Александромъ Даниловичемъ Меншиковымъ, генераль-фельдмаршаломъ и генераль-губернаторомъ Эстляндіи, Лифляндіи, Ингерманландіи, жителями Ревеля была принесена торжественная присяга русскому императору.

Въ 1721 г. Петръ Великій, вмѣстѣ съ императрицей, возвращаясь изъ-за границы, посѣтилъ Ревель. Онъ пріѣхалъ въ городъ 13 декабря. Ему была устроена торжественная встрѣча и данъ въ честь августѣйшей четы блестящій балъ на Домбергѣ, въ домѣ барона Шлиппенбаха, кончившійся великолѣпнымъ фейерверкомъ на площади. Петръ пробылъ въ Ревелѣ до 27 декабря.

Съ тѣхъ поръ городъ наслаждался постояннымъ миромъ. Хотя по временамъ и собирались тучи и до него доносился шумъ отдаленной грозы, но тучи проходили мимо и вѣтъ уже болѣе полутора ста лѣтъ, какъ въ стѣнахъ города не пролгло ни одной капли крови.

Благодаря Ништадтскому миру, страна пользовалась спокойствіемъ болѣе полусотни лѣтъ.—Но въ 1788 году, во время русско-турецкой кампаніи, Густавъ III вздумалъ воспользоваться затруднительными обстоятельствами Россіи, чтобы возвратить хоть часть отнятыхъ у Швеціи земель и от-

крылъ военныя дѣйствія противъ русскѣхъ. Морскія сраженія при Гохландѣ (17-го іюня 1788 г.), высадки близъ Фридрихсгама (3 августа), другія незначительныя столкновенія, равно какъ и высадки шведовъ 6 марта 1790 г. въ Балтійскомъ портѣ была только прелюдіями страшной кровавой драмы, разыгравшейся вскорѣ на морѣ, въ виду у Ревеля. 1 Мая 1790 г. передъ городомъ появилась сильная непріятельская эскадра, состоявшая изъ 136 большихъ военныхъ кораблей, но русскій адмиралъ Чичаговъ, съ 10-тью линейными кораблями и нѣсколькими фрегатами, уже поджидалъ тамъ непріятеля. 2-го мая началось сраженіе и послѣ двухчасового кровопролитнаго боя участь шведовъ была рѣшена. Одинъ корабль былъ взятъ, другой сгорѣлъ, третій разбился о прибрежныя камни, а остальные въ беспорядкѣ отступили. Это пораженіе заставило Шведовъ хлопотать о мирѣ, и 3 августа 1790 г. миръ былъ заключенъ въ Ферелѣ.

Въ 1800 г., вслѣдствіе недоразумѣній между Россіей и Англійей, англійская эскадра, подъ начальствомъ Нельсона, появилась въ Финскомъ заливѣ, лавируя близъ береговъ Эстляндіи. Но эти недоразумѣнія были скоро улажены и осенью 1801 г. Нельсонъ гостемъ вѣхалъ въ Ревель; здѣсь, между прочимъ, онъ посѣтилъ клубъ Черноголовыхъ и вписалъ свое имя въ ихъ членскую книгу.

Когда въ 1854 г. вспыхнула Крымская война и соединенный англо-французскій флотъ появился въ Балтійскомъ морѣ, то тридцатитысячнымъ русскимъ корпусомъ, расположеннымъ въ Ревелѣ и его окрестностяхъ, командовалъ генералъ Бергъ (впослѣдствіи графъ и намѣстникъ Царства Польскаго). Бергъ поспѣшно приготовилъ городъ къ ожидавшейся бомбардировкѣ. Но бомбардировка однако не послѣдовала ни въ этомъ году, ни въ слѣдующемъ 1855-омъ, когда мѣсто Берга занялъ генералъ фонъ-Грабе. Союзники ограничились одной блокадой. Больше 100 непріятельскихъ кораблей перебивало въ эти два года у Наргена *); но только однажды двѣ англійскія канонер-

*) Небольшой островокъ на Финскомъ заливѣ, въ 18 верстахъ отъ Ревеля.

ки осмѣлились войти въ кругъ дѣйствія береговыхъ батарей и отступили послѣ первыхъ-же выстрѣловъ.

Когда былъ заключенъ миръ, то, въ силу высочайшаго повелѣнія Ревель пересталъ быть крѣпостью; городскія укрѣпленія уничтожены, рвы засыпаны, а на валу, со стороны моря, разведенъ садъ, служащій теперь въ городѣ однимъ изъ лучшихъ мѣстъ для гулянья.

Тихо и вяло шла жизнь провинціального городка, ибо Петербургъ, сосредоточивъ въ себѣ всю торговую дѣятельность, какъ-бы перерѣзалъ жизненные нервы Ревеля, промышленное населеніе замѣтно бѣднѣло; нужно было найти средство, которое-бы оживило промышленный духъ города. Лучшимъ средствомъ для этого казалось проведеніе желѣзной дороги къ Петербургу: нужно было Ревельскій портъ, остающійся свободнымъ ото льда даже долѣе, чѣмъ Кронштадтъ, соединить съ внутренними хлѣбородными губерніями Россіи.

Весною 1860 г. начались работы по прокладкѣ рельсоваго пути къ Петербургу, а въ октябрѣ 1870 г. балтійская желѣзная дорога была открыта. Съ этого времени для Ревеля началась какъ-бы другая эпоха. Гавань постоянно наполнена иностранными кораблями и торговля процвѣтаетъ, какъ нигде прежде.

М. Л—въ.

Аттика во время Солона и его реформы.

ГЛАВА III.

Солонъ требуетъ конституціонной реформы. Избраніе его въ должность перваго архонта. Уничтоженіе долговыхъ обязательствъ „подъ залогъ тѣла“. Пониженіе монетной единицы. Амнистія. Гарантія для будущаго. Новое полномочіе, данное Солону.

Солонъ доказалъ, что аэциане еще могутъ съ успѣхомъ бороться противъ Мегары, содѣйствовали изгнанію убійцъ килонидовъ и очищенію страны. Эти событія могли въ значительной степени поддержать и успокоить настроеніе умовъ. Но невыносимое иго, угнедавшее народъ, разораніе и порабощеніе его оставались въ прежней силѣ. Никто не понималъ яснаго Солона, что уничтожить источникъ всѣхъ бѣдствій можно было только рѣшительнымъ преобразованіемъ государственнаго управленія,—преобразованіемъ, которое обуздало-бы корыстолюбивыхъ и жестокихъ эвпатридовъ; но, по собственному его сознанію, съ трудомъ рѣшился онъ наложить руку на государственное устройство своей родины. Только весьма немногіе изъ товарищей Солона, по сословію, напр. Клиній, изъ рода Эвризавидовъ, и Гиппоній, изъ рода Пирокериковъ (которымъ принадлежало право носить священный факелъ при совершеніи элевзинскихъ мистерій), Ксеновъ и Дропидъ раздѣляли, можетъ быть, его убѣжденія и взгляды. Сомнѣнія Солона имѣли основаніе: эвпатриды упрямо держались за то,

чѣмъ владѣли, а народъ, переносившій долгое и тяжелое угнетеніе, слишкомъ далеко простиралъ свои требованія. ¹⁾ Но если-бы оставить все въ прежнемъ положеніи, не устравить затрудненій, тогда невзбѣжны были мятежь, междоусобная война и тиранія — бѣдствія болѣе пагубныя, чѣмъ [тѣ, какимъ подвергались въ прежнее и тогдашнее время Коринѳъ и Мегара. Чтобы предупредить возстаніе народа, необходимо было немедленно принять какія-либо рѣшительныя мѣры. Не самъ-ли Солонъ позаботился приготовить мирное разрѣшеніе тогдашнихъ затрудненій, снимая вину убійства съ эвпатридовъ? Не могъ-ли онъ, самый популярный мужъ изъ аристократіи, послѣ возвращенія Саламина, послѣ осужденія убійць килонидовъ и примиренія страны, не могъ-ли онъ умѣрить требованія недовольныхъ и руководить ими, если-бы самъ сталъ во главѣ ихъ? Надобно было указать народу истинный путь. Не къ возстанію противъ правительства, не къ оружію должны прибѣгнуть недовольные и не во власти тирана искать спасенія. Граждане и поселяне должны были возобновить требованіе, съ которымъ они выступали назадъ тому двадцать пять лѣтъ, т.-е. требованіе законодательства. Но тогда, согласно ихъ желанію, предано было жисьмени обычное право, установившееся издавна, теперь-же они должны требовать новыхъ и справедливыхъ законовъ.

Солону удалось уже разъ съ успѣхомъ испытать дѣйствіе элегіи надъ своими соотечественниками. И теперь онъ обратился къ аеинявамъ съ другой элегіей, — такова была форма тогдашнихъ политическихъ брошюръ, — въ которой онъ клеймилъ позоромъ поведеніе родовой знати, изобразилъ во всей наготѣ тяжкія страданія народа и указывалъ на новые законы, какъ на единственное средство спасти государство. «По опредѣленію Зевса и по волѣ блаженныхъ боговъ, нашъ городъ никогда не погибнетъ и дщерь могучаго отца, аеинскую Палладу хранить великодушный защитникъ, высоко простирая надъ нею свою руку. Но жители города, ослѣпленные до безумія корыстолюбіемъ, сами усиливаются погубить свою

¹⁾ Plat. Solon, c. 14.

отчизну. Вожди питають въ себѣ неправедныя мысли; скоро за свое тяжкое нечестіе понесутъ они жестокое наказаніе. Они не умѣютъ обуздывать свою жадность къ деньгамъ и богатству, для нихъ мало наслаждаться въ тиши своимъ достаткомъ. Несправедливостями и насиліями они умножаютъ свое владѣніе. Не уважая собственности храмовъ и согражданъ, они крадутъ и хищничаютъ, одинъ здѣсь, другой тамъ. Въ нихъ нѣтъ благоговѣнія къ священнымъ опредѣленіямъ Дики (справедливости), которая молча взираетъ на то, что совершилось и что еще совершается; но придетъ время, и она явится, чтобы совершить отомщеніе. Немощныя раны уже нанесены городу, быстрыми шагами идетъ онъ навстрѣчу превратному рабству; разразится борьба и возстанетъ отъ сна спящая война, у многихъ мужей отнимающая радостную юность. Въ междоусобныхъ раздорахъ, въ ожесточенныхъ сшибкахъ, которыхъ только и ждутъ притѣснители, скоро исчезнетъ возлюбленный городъ. Такое бѣдствіе готовится въ средѣ народа. Многіе изъ бѣдныхъ проданы, въ постыдныхъ оковахъ отправлены на чужбину и должны переносить рабство, уступая насилію. Такъ общественная бѣда проникаетъ повсюду, въ домъ каждаго, ее не удержать ворота у двора, она перескакиваетъ черезъ высокія стѣны и застигаетъ даже тѣхъ, кто скрывается на брачномъ ложѣ или въ самыхъ тайныхъ углахъ дома. Меня вынуждаетъ духъ возвѣстать это аеинянамъ. Худые законы причиняютъ городу несчетныя страданія, добрые законы приводятъ все въ настоящій прекрасный порядокъ. Злодѣю налагаютъ они оковы на ноги, сглаживаютъ неровности, останавливаютъ корыстолюбіе, отнимаютъ силу у преступленія и иссушаютъ растущія сѣмена долга, исправляютъ кривое право, обуздываютъ надменность и удаляютъ раздоръ; они уничтожаютъ желчь злой распри. При добрыхъ законахъ всему предусмотрительно дана разумная мѣра.»²⁾

Эта полемическая элегія была знакомъ, что Солонъ рѣши-

²⁾ Solon jvagn 4 ed Bevqk.

тельно перешелъ на сторону народа и становился во главѣ его, въ качествѣ вождя. Обстоятельства были таковы, что народъ долженъ былъ охотно и ревностно слѣдовать всякому совѣту, который клонился къ облегченію его бѣдствій, а Солонъ и безъ того пользовался заслуженнымъ довѣріемъ народа. Положеніе эпатридовъ стало тогда весьма затруднительнымъ; уже цѣлыхъ три года они держались политаки уступокъ и, чтобы заставить теперь народъ отказаться отъ требованія новыхъ законовъ, имѣли въ своемъ распоряженіи развѣ только одно средство—открытое насиліе. Но возможно ли было доводить сопротивленіе народнымъ желаніямъ до этой крайности, въ такую пору, когда Атика вела три внѣшнія войны,—противъ Мегары, Криссы и Митилены? Далѣе, рѣшиться на борьбу значило только обезпечить успѣхъ какому-нибудь честолюбцу, который вздумалъ-бы установить въ Аенахъ тиранию. Народъ уже предлагалъ Солону неограниченную власть. (3) Съ другой стороны, Солонъ принадлежалъ къ родовой знати, аристократы знали его и могли убѣдиться, что онъ свободенъ отъ честолюбія и не хочетъ быть узурпаторомъ; они могли быть увѣрены, что Солонъ не вовсе пожертвуетъ интересами ихъ сословія (4); его умѣренность и справедливость были выше всякаго сомнѣнія. Въ вопросѣ о долгахъ Солонъ былъ заинтересованъ наравнѣ со всѣми эпатридами—онъ самъ раздалъ въ долгъ большія суммы. Самое лучшее средство раздѣлаться съ трудностями минутой и избѣжать крайнихъ опасностей заключалось въ томъ, чтобы, по крайней мѣрѣ отчасти, уступить общему требованію,—Солонъ и народа. Самый жгучій вопросъ былъ экономической—объ отношеніяхъ должниковъ къ заимодавцамъ. Это былъ не вопросъ о государственномъ правѣ, а просто, о существованіи народа. Чтобы уничтожить бурю, слѣдовало сдѣлать уступки относительно долговъ. Какъ скоро удастся успокоить народъ въ этомъ отношеніи, тогда можно будетъ спасти политическія права аристократіи. Если Солону предоставитъ власть рѣшить этотъ вопросъ, въ ка-

(3) Diog. Laert. 1, 79. См. ниже.

(4) Plut. Sol. c. 14.

чествъ третейскаго судьи, между эвпатридами и народомъ и опредѣлить эти отношенія закономъ, то это будетъ достаточнымъ доказательствомъ доброй воли эвпатридовъ, успокоить мятежный народъ и отнять у движенія самый сильный стимулъ. Остальное будетъ зависетьъ отъ обстоятельствъ. Всего вѣроятнѣе, Солонъ не совладаетъ съ затрудненіями этой запутанной задачи, не сумѣетъ удовлетворить чрезмѣрнымъ ожиданіямъ народа. Такъ, конечно, рассчитывало сословіе эвпатридовъ. Когда настало время выборовъ въ архонты, въ іюнѣ 594 года, эвпатриды избрали Солона первымъ архонтомъ. Чрезъ это они вручали ему, на цѣлый годъ, высшую исполнительную власть и, сверхъ того, формальнымъ опредѣленіемъ уполномочили его «быть примирителемъ (*διαλλαχτής*) между эвпатридами и народомъ и издать необходимые для того законы. О полномочіи измѣнить государственное устройство, издать совершенно новые законы, какъ требовалъ Солонъ, намѣренно умалчивалось ⁵⁾.

⁵⁾ Что Солону предоставлялось чрезвычайная власть два раза, это совершенно ясно изъ повѣствованія Плутарха. О первомъ разѣ Плутархъ говоритъ такъ: *ἤσειμ δ' αεχων ονδν και διαλλαχνης κα'ι ποιησης*. Отношеніе этого полномочія къ экономическому вопросу онъ опредѣляетъ еще точнѣе, прибавляя, что Солонъ угоденъ былъ богатымъ тѣмъ, что былъ богатъ, а бѣднымъ тѣмъ, что былъ кроткій человѣкъ. Второе предоставленіе Солону чрезвычайной власти Плутархъ поставляетъ послѣ мѣръ сизахтіи. Въ гл. 16 онъ рассказываетъ, что аэниане скоро перестали негодовать на сизахтію и тогда сдѣлали Солона устроителемъ государственнаго управленія: *ετδν χδλθωο ται πολιτας διολκωτην και νοποθετην απεδχειτας*; въ противоположность первому полномочію Плутархъ прибавляетъ: *δν τα βεν τα δ' δακι, παντα δ' ομαλωρ επιβουφασατες, γυορτα και σευλαττορτα ιωρ υπαεκορτωρ και κωδειςιακωρ οτι ροωοι*. Сверхъ того, само собой ясно, что одна сизахтія, со всѣми своими подробностями, т. е. выкупъ рабовъ, проданныхъ на чужбину, пониженіе монетной единицы, восстановленіе въ правахъ гражданства людей, лишенныхъ его за долги, пониженіе долговъ подъ залогъ земли заняли все время (т. е. годъ) Солонова архонства. Совершенно немислимо, чтобы раздѣленіе на классы, необходимая для того оцѣнка имущества, измѣненіе государственнаго устройства и законодательство, обнимавшее всѣ отношенія, совершены Солонемъ въ одинъ годъ. Дальнѣйшія доказательства см. ниже въ гл. о конституціи Солона.

Эта уступка, сколь ни маловажна была, въ виду современнаго состоянія народа, имѣла однако рѣшительное значеніе для судьбы Атики и слѣдовательно для судьбы Эллады. Вслѣдствіе ограниченія задачи одною опредѣленною областію, ея разрѣшеніе, конечно, становилось затруднительнѣе; потому что теперь Солонъ уже не могъ вознаграждать одно сословіе за потери, а другое—за неудовлетворенныя ожиданія уступками въ какихъ-либо другихъ отношеніяхъ. Однако, онъ согласился на ограниченіе своихъ требованій; онъ думалъ не о себѣ, но о порабоженномъ народѣ, о настоящей необходимости удалить эти бѣдствія, хотя-бы устраненіе ихъ и казалось невозможнымъ. Зло заключалось не въ томъ только, что всѣ отношенія были глубоко потрясены, что раздоръ между сословіями достигъ крайняго ожесточенія; но еще притязанія, заявленныя сверху и снизу, выходили за предѣлы благоразумія, превышали всякую мѣру. Эвпатриды соглашались только на возможно-меньшія пожертвованія, а народъ требовалъ уничтоженія долговъ и закладныхъ столбовъ на поляхъ, радикальной перемѣны всѣхъ экономическихъ отношеній, воваго раздѣла земли. „Терзаемый со всѣхъ сторонъ“ говоритъ Солонъ о себѣ, „я шель какъ волкъ среди собакъ. Если-бы тогда я вздумалъ сдѣлать то, чего хотѣли мои противники и чего требовала каждая партія, то многихъ мужей лишился-бы этотъ городъ.“⁶⁾

Солонъ отказался отъ крайнихъ средствъ. Руководясь своимъ здравымъ и проницательнымъ взглядомъ, Солонъ рѣшился достигнуть существенной цѣли соединеніемъ различныхъ, зрѣло обдуманыхъ, мѣръ. И на этомъ пути, конечно, совершенно вельзя было избѣгнуть нарушенія правъ частной собственности. Но, во-первыхъ, дѣло шло о собственности, приобрѣтенной не вполне законными средствами; во-вторыхъ, государство, въ видахъ общаго блага, вслѣдствіе исключительныхъ обстоятельствъ, могло, по мнѣнію Солона, призывать весь народъ или нѣкоторыя его части къ чрезвычайнымъ по-

⁶⁾ Fragm. 37. ed. Bergk.

жертвованіямъ. Чтобы помочь гражданамъ, уже отдавшимъ въ рабство за неплатежъ долга, или тѣмъ, которые заключили займы подъ залогъ своего тѣла и слѣдовательно должны были подвергнуться одинаковой судьбѣ съ первыми, оставалось одно средство—уничтожить эти долговые обязательства. Только этой мѣрой можно было спасти задолжавшихъ ремесленниковъ и тетовъ, только этой мѣрой приготавлилась основа для мирной государственной жизни, необходимая для всякой реформы. Солонъ не колебался провозгласить это уничтоженіе долговъ. Онъ первый простилъ своимъ должникамъ пять талантовъ, розданныхъ имъ въ разные руки, и затѣмъ всѣ долговые обязательства, заключенныя подъ залогъ личности, объявилъ недѣйствительными (?). Всѣ рабы за долги получили, вслѣдствіе этого распоряженія, свободу. Проданныхъ на чужбину Солонъ, въ силу своей исполнительной власти, какъ первый архонтъ, равно и въ силу своего спеціальнаго полномочія, повелѣлъ выкупить.

Какъ видно, Солонъ не боялся и радикальныхъ мѣръ, если онѣ были неизбежны; однако, въ такомъ случаѣ, онъ останавливался тамъ, гдѣ оканчивалась эта неизбежность. Долги подъ залогъ домовъ и земельныхъ участковъ не были уничтожены. Кто владѣлъ недвижимой собственностію, тотъ могъ еще платить; что касается до этого рода должниковъ, то требовалось дать имъ возможность, безъ потери нмущества, расплатиться съ кредиторами. А для этого, по мнѣнію Солонъ, довольно было понизить гипотечные долги. Этой цѣли Солонъ достигъ величественной финансовой мѣрой—измѣненіемъ монетной единицы. Въ Аѣнахъ, какъ и во всѣхъ іоническихъ областяхъ и городахъ, была въ обращеніи эвбейская монета. Солонъ уменьшилъ эвбейскій талантъ болѣе, чѣмъ на четверть; онъ понизилъ вѣсъ его съ 78-ми фунтовъ почти до 56; такъ что талантъ серебра, стоившій прежде около 2.083 талеровъ,*) равнялся теперь только 1500 талеровъ. Эвбейская

*) Plat. Sol. c. 15.

*) Прусскій талеръ равняется почти девяноста тремъ сѣтнимъ серебрянаго рубля; такъ что сто талеровъ равняются 92 руб. 61 коп. на серебряную монету. Прусскій грошъ есть $\frac{1}{30}$ талера. Перев.

драхма стояла почти $10\frac{1}{2}$ грошей, новая аттическая—только $7\frac{1}{2}$ грошей. Семьдесят три эвбейскія драхмы равнялись сотнѣ новыхъ драхмъ; изъ сотни эвбейскихъ теперь стали чеканить сто тридцать восемь аттическихъ драхмъ, съ изображеніемъ головы Паллады и совы ⁸⁾. Уплата долговъ должна была производиться по ихъ нарицательной цѣнѣ новою монетою. Кто долженъ былъ эвбейскій талантъ, уплачивалъ только аттическій. Слѣдовательно, съ должниковъ сложено было двадцать семь процентовъ долговой суммы. Чтобы дать имъ возможность уплатить остальные три четверти займовъ, Солонъ къ этому уменьшенію долговыхъ суммъ присоединилъ новое облегченіе въ пользу должниковъ. Размѣръ процентовъ на капиталъ, взятые подъ залогъ недвижной собственности, ранѣе 594 г., былъ пониженъ ⁹⁾. Этихъ распоряженій было достаточно для того, чтобы доставить гипотечнымъ должникамъ средства удовлетворить, мало-по-малу, завмодавцевъ и выкупить свои поземельные участки. Послѣдствія оправдали и здѣсь предусмотрительность Солонъ ¹⁰⁾.

Рядъ этихъ мѣръ заключался прощеніемъ всѣхъ, еще неуплаченныхъ, пеней и штрафовъ, прощеніемъ всѣхъ государственныхъ недоимокъ ¹¹⁾ и наконецъ всеобщю амнистіей. Законъ гласилъ: «Всѣмъ, у кого, прежде Солонова архонтства,

⁸⁾ Такимъ образомъ, новая аттическая монета имѣла весьма простое отношеніе къ эгинскому таланту: аттическій талантъ составлялъ три пятыхъ эгинскаго.

⁹⁾ Plut. Sol. c. 15 Bockh Staatshaushal. I, 181.

¹⁰⁾ Два, повидимому противорѣчащія другъ другу, извѣстія, одно—что Солонъ уничтожилъ всѣ долговыя обязательства, другое—что онъ только понизилъ монетную единицу и размѣръ процентовъ, примираются тѣмъ, что приняты были различныя мѣры: а) относительно долговъ подъ залогъ личности и б.) относительно долговъ подъ залогъ земельной собственности,—мѣры, изложенныя въ текстѣ. Если-бы Солонъ уничтожилъ всѣ долги, то пониженіе монетной единицы было бы совершенно излишне. Въ словахъ Солонъ, что „онъ удалилъ съ полей закладные камни“, разумѣется посредственное, а не прямое, слѣдствіе пониженія монетной единицы и размѣра процентовъ.

¹¹⁾ Schömann, Verfassungsgeschichte Athens. S. 21.

совершенно или отчасти было отнято право гражданства, оно возвращается вполне, за исключениемъ тѣхъ, которые эфетами на ареопагѣ или въ другомъ мѣстѣ или судьями въ Пританей — за убійство, кровопролитіе или за попытку установить тиранію—изгнаны изъ отечества чрезъ посредство царей». На четырехъ царяхъ филъ, какъ мы видѣли, лежала обязанность удалять изъ страны убійцъ и неодушевленные предметы, причинившіе смерть. Изъ всеобщей амнистіи и реституціи, по которымъ право гражданства возвращалось всѣмъ рабамъ за долги и уничтожались всѣ обвинительные приговоры судовъ, исключались только убійцы, осквернившіе страну и заговорщики, за восемнадцать лѣтъ предъ тѣмъ участвовавшіе въ предпріятіи Килона, чрезъ это изглаждались старыя несправедливости аристократическаго правительства.

Впрочемъ, требовалось не одно то, чтобы уничтожить слѣды прежняго положенія вещей и привести его въ забвеніе; столь-же важно было сдѣлать невозможнымъ возвратъ подобныхъ притѣсненій, повтореніе подобныхъ бѣдствій для народа. Съ этою цѣлю Солонъ постановилъ, чтобы на будущее время никто не могъ заключать займы подъ залогъ своей личности, или, какъ говорили Греки, «подъ залогъ своего тѣла». Съ этихъ поръ всякій договоръ займа, по которому должникъ представлялъ въ залогъ свою личность, не могъ имѣть никакой юридической силы. За продажу гражданина Атики въ рабство Солонъ опредѣлялъ смертную казнь ¹²⁾. Онъ запретилъ также отцамъ продавать несовершеннолѣтнихъ дѣтей, опекунамъ — состоящихъ подъ ихъ опекой; только дозволялось, по прежнему, продавать дочь или сестру, находившуюся во власти брата, въ томъ случаѣ, если она потеряетъ свое дѣвство ¹³⁾. Землевладѣльцы получили отъ Солона особаго рода гарантію для своихъ дворовъ. Чтобы владѣнія эвпатридовъ не распространялись на счетъ крестьянскихъ земель, онъ постановлялъ, что никто не можетъ имѣть поземельной

¹²⁾ Xenoph. Memorab. 1, 2, 62.

¹³⁾ Plut. Sol. c. 23.

собственности болѣе опредѣленнаго количества (14). Запрещеніемъ занимать подъ залогъ тѣла, продавать афинянина въ рабство обезпечивалась личная свобода должника; максимумъ поземельной собственности долженъ былъ ограждать земельные участки поселянъ противъ алчности эвпатридовъ. Эмансипація работниковъ и ремесленниковъ-земледѣльцевъ и ихъ собственности была осуществлена и низшіе классы, казалось, не только спасены были отъ тяготѣвшихъ надъ ними бѣдствій, но обезпечены и на будущее время отъ всѣхъ новыхъ покушеній.

Вотъ въ чемъ заключалась „сизактія“, т. е. сложеніе тягостей, въ которой Солонъ, по его собственнымъ словамъ, «сочеталъ силу и право» (15). Эти мѣры, столь рѣзко измѣнявшія имущественныя отношенія, не могли, разумѣется, пройти безъ потерь и злоупотребленій; но нарушеніе правъ собственности, обогащеніе нѣкоторыхъ лицъ, сопровождавшія сизактію, ничего не значили въ сравненіи съ необычайно благотворными послѣдствіями, достигнутыми чрезъ нее. Разсказы ваютъ, что нѣкоторые эвпатриды коварно воспользовались сизактіей и приобрѣли себѣ и своему потомству огромныя имѣнія. Будто-бы нѣкоторые близкія къ Солону лица, пользовавшіяся его довѣріемъ, напередъ узнали отъ Солона объ его намѣреніяхъ и поспѣшили закупить въ долгъ земель подъ залогъ ихъ, а потомъ, вслѣдствіе пониженія монетной единицы, заплатили только $\frac{3}{4}$ условленной цѣны (16).

Мѣры Солона не удовлетворили ожиданіямъ большинства. Относительно народа, который ждалъ полнаго сложенія долговъ и передѣла полей, онъ сдѣлалъ слишкомъ мало, а относительно эвпатридовъ — слишкомъ много; онъ заставилъ ихъ понести большія матеріальныя потери; онъ не угодилъ ни той, ни другой партіи (17); могла быть довольною только

14) Arist. pol. II. 4, 4.

15) Plut. Solon. c. 15.

16) Очевидно, въ этомъ смыслѣ должно понимать анекдотъ, приведенный Плутархомъ въ 15 гл. біографіи Солона. Подобные анекдоты всегда, а особенно у грековъ, заключаютъ въ себѣ преувеличенія.

17) Plut. Solon. c. 16.

партія умѣренныхъ, самая слабая, не раздѣлявшая притязаній ни народа, ни эвпатридовъ. Народъ рассчитывалъ на его тиранію, вожди народа предлагали ему ее ¹⁸⁾. Но всякая надежда на тиранію исчезла, когда Солонъ, по истеченіи годичнаго срока, сложилъ званіе архонта. Ничего не было бы легче для него, какъ получить аттическую корону. Удовлетвори онъ требованіямъ народа, уничтожь долговныя обязательства, она тотчасъ была-бы на его головѣ. Но и безъ этого онъ могъ получить корону, даже не простирая къ ней руки. Ему стоило только не отказываться отъ нея, когда она ему была предложена. Сизахтія давала многое, но не все. Народъ чувствовалъ потребность твердой и постоянной охраны противъ судебного и правительственнаго вліянія эвпатридовъ. Даже умѣренная партія глубоко сознавала необходимость реформы въ государственномъ устройствѣ. Между тѣмъ, по словамъ Плутарха, она полагала, что съ помощію только словъ и законовъ весьма трудно совершить преобразование и потому была готова вручить верховную власть самому достоуважаемому и проникательному въ государствѣ человеку, въ которомъ видѣла представителя своихъ возрѣній, своего вождя. Всего больше подстрекали Солона его собственные друзья: «если онъ боится имени тирана, то его достоинства сдѣлаютъ его настоящимъ царемъ». Говорятъ, что и дельфійскій оракулъ далъ Солону такой-же совѣтъ: «становись на середину корабля и правь кормиломъ; много аеинянъ готовы помочь тебѣ.» ¹⁹⁾ Изъ опыта греческихъ республикъ было извѣстно, что сословіе благородныхъ нѣкогда не уступало требованіямъ народа, развѣ только тиранія уничтожала его власть и держала его въ покорности, а эвпатриды Аттики, сравнительно съ своими собратіями, по сословію, въ другихъ областяхъ Греціи, дѣйствовали не снисходительнѣе, а скорѣе суровѣе. Вблизи, въ Коринѣ властвовалъ Періандръ, при немъ весьма много возвысилось могущество и торговля Коринѣа сравнительно

¹⁸⁾ Diogen. Laertius I, 49. Plut. Solon, c. 14.

¹⁹⁾ Plut. Solon c. 14, 16.

съ прежнимъ временемъ, въ Сикіонѣ—Клисеонѣ, въ Мегарѣ—Теагенѣ. Низверженіе Тразибула въ Милетѣ сопровождалось крайне пагубными послѣдствіями—кровопролитнѣйшими революціями и контръ-революціями; на Лесбосѣ народъ напрасно усиливался вынудить у родовой знати необходимыя уступки. Взаимная ненависть партій, существовавшихъ въ Аѣнахъ, была ожесточеннѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ государствѣ; такое положеніе внутреннихъ дѣлъ еще болѣе затруднялось тремя внѣшними войнами; изъ которыхъ войну съ Мегарой нужно было вести передъ воротами отечественнаго города.

Въ виду такихъ обстоятельствъ, всякій другой на мѣстѣ Солонна нашель-бы довольно побужденій удержатъ за собой диктаторскую власть и видѣть въ такомъ образѣ дѣйствій не удовлетвореніе своего честолюбія, а непремѣнный долгъ предъ отечествомъ. Но Солонъ хорошо зналъ исторію Аттики и характеръ своихъ соотчичей и потому не могъ думать, что власть, предлагавшаяся теперь ему одною партією, упрочится за его потомствомъ; не могъ думать, что въ Атикѣ установится наслѣдственная монархія; если-бы онъ захватилъ тираническую власть, то бросилъ бы черезъ это свою отчизну на путь узурпацій.

Къ тому времени, когда приведены были въ исполненіе мѣры, составлявшія сизахтію, т. е. пониженіе монетной единицы, амнистія, выкупъ и освобожденіе рабовъ за долги, пониженіе ипотечныхъ долговъ и другія распоряженія, имѣвшія цѣлю устранить бѣдственное состояніе народа и возстановить миръ между сословіемъ эвпатридовъ и народомъ, годичный срокъ архонтства истекъ. Потому Солонъ полагалъ, что его задача исполнена и полномочіе прекратилось. Черезъ это онъ рѣшительно отвергъ тиранію, но, по прежнему, остался при твердомъ убѣжденіи, что безъ добрыхъ законовъ, т. е. безъ широкой реформы государственнаго устройства, безъ обширнаго законодательства, нельзя успокоить народъ, нельзя обезпечить благосостояніе государства. Хотя многіе въ средѣ народа были чрезвычайно недовольны его полумѣрами и его слишкомъ осторожнымъ поведеніемъ, но, кромѣ него, они не имѣли вождей и защитниковъ. Выкупленныхъ рабовъ прива-

зывало къ Солону чувство благодарности; остальныхъ принуждала слѣдовать его водителству вражда къ эвпатридамъ, страхъ предъ ихъ вліаніемъ, хотя они охотнѣе вѣрили бы свою судьбу человѣку болѣе рѣшительному, менѣе сдержанному. Если-бы осталось прежнее правительство, тогда всѣ мѣры сизахтін скоро сдѣлались бы призракомъ, были бы явращены; но безъ Солона нельзя было достигнуть перемѣнъ въ государственномъ устройствѣ.

Народъ ободрился послѣ сизахтін; онъ чувствовалъ себя уже сильнѣе, чѣмъ за годъ передъ тѣмъ ²⁰⁾. Эвпатриди должны были признать въ глубинѣ своего сердца цѣлесообразность и дѣльность мѣръ Солона. Умѣренностью въ сложеніи тягостей Солонъ показалъ, что онъ не пренебрегаетъ интересами и сословія эвпатридовъ; онъ отвергъ тиранію и показалъ себя достойнымъ безусловнаго довѣрія разсудительныхъ людей всѣхъ партій. Его надежда—отреченіемъ отъ тираніи приобрѣсти болѣе довѣрія и болѣе власти у людей—исполнилась. Сословіе эвпатридовъ рѣшилось уступить и въ вопросѣ о государственныхъ учрежденіяхъ и вѣрить Солону дальнѣйшую судьбу своихъ привилегій. Когда, по окончаніи сизархін, совершенно было отъ лица государства торжественное жертвоприношеніе, въ знакъ благодарности богамъ за счастливое возстановленіе мира между эвпатридами и народомъ, избраніе эвпатридовъ формальнымъ постановленіемъ назначило Солона устроителемъ государственныхъ учреждений и заводателемъ со властію — изъ тогдашняго порядка отиѣнить, или сохранить все, что ему заблагоразсудится ²¹⁾. Такимъ образомъ, ему вручалась полная учредительная власть, неограниченная легислатура; недоставало одной исполнительной власти для текущихъ дѣлъ, которая предоставлялась ему на предшествовавшей 594-й годъ и была необходима для сложенія тягостей. Впрочемъ первымъ архонтомъ на наступавшій годъ избранъ былъ близкій другъ его, Дропидъ, пользовавшійся большимъ довѣріемъ Солона ²²⁾.

²⁰⁾ Plat. Solon. c. 19.

²¹⁾ Plat. Solon. c. 16.

²²⁾ Clinton fasti hellen. 2, p. 298. Объ отношеніяхъ Солона и Дро-

ГЛАВА IV.

Партии въ аттической республикѣ.—Намѣренія Солона.—Раздѣленіе народа на имущественные классы.—Государственные расходы.—Система податей.—Тимократія.—Власть архонтовъ, ихъ избраніе.—Совѣтъ четырехъ сотъ и его права.—Пританы.—Народное собраніе.—Правила объ ораторахъ въ этомъ собраніи.—Судебная часть.—Гелия.—Испытанія правительственныхъ лицъ.—Ихъ отвѣтственность.—Положеніе правительства и народа.—Учрежденіе ареопага и его права.—Законъ относительно измѣненій въ конституціи.—Сужденіе о конституціи Солона.

Побудивши аѳинянъ вступить на путь реформъ, Солонъ взялъ на себя задачу чрезвычайно трудную. Требования партией рѣзко противорѣчили одни другимъ. Большая часть родовая знати желала сохранить существовавшее распределеніе собственности, свои благопріобрѣтенныя права. Эта консервативная партія имѣла свое средоточіе въ аристократическихъ родахъ двухъ племенъ гелеонтовъ и аргадеевъ, т. е. въ корпораціяхъ эвпатридовъ аѳинскихъ и элевзинскихъ. Помѣстья гелеонтовъ сплошь лежали въ равнинѣ Кефисса и на западѣ непосредственно примыкали къ имѣніямъ аргадеевъ, земли которыхъ занимали равнину Элевзиса. Этому обстоятельству, множеству помѣстьевъ въ открытыхъ округахъ Аѳинъ и Элевзиса, консервативная партія обязана была именемъ педіэевъ, т. е. людей равнины¹⁾. По числу своихъ членовъ, консервативная партія была самою слабою, но по имуществу, по социальному значенію, по своему политическому и іерархическому положенію — самою сильною. Въ гористой сторонѣ, какъ и въ округѣ Мараэона (въ племенахъ эгико-

лида: *Platon Timaeus* p. 20, 21. См. также эпиграмму Солонѣ къ сыну Дропидѣ, Бритію: „скажи бѣлокурому Бритію, чтобы онъ слушалъ своего отца; тогда онъ будетъ слѣдовать вождю съ непогрѣшимымъ разумомъ.“ *Solon. fragm.* 22 ed. Bergk.

¹⁾ *Plut. Solon.* с. 13. Дѣмы, названные по знатымъ фамиліямъ, лежатъ преимущественно въ окрестностяхъ Аѳинъ и Элевзиса. *Schömann, griech. Alterth.* 1, S. 321. 367.

реевъ и голпитовъ) имѣнія эвпатридовъ были мельче, ихъ земли—болѣе разбросаны и болѣе удалены отъ государственнаго центра. Здѣсь земледѣльцы сохранили свою свободу. Они то именно и испытывали самое тяжкое угнетеніе, имъ-то всего ближе и угрожала до сложенія тягостей такая-же крѣпостная зависимость, какой подпали земледѣльцы по Кефиссу. Земледѣльцы гористой стороны Діакріи составляли зерно партіи движенія. Такъ-какъ на ихъ долю выпадали наибольшія бѣдствія, то теперь они требовали самыхъ радикальныхъ реформъ, самыхъ вѣрныхъ гарантій противъ эвпатридовъ.

Третья партія, занимавшая средину между аристократическою и партіею землевладѣльцевъ, была незначительна.

Въ ремеслахъ, торговлѣ и судоходствѣ Аѣны въ это время далеко отстали отъ Милета, отстали даже отъ Коринѣа; потому въ той же мѣрѣ аѣнскіе горожане были слабѣе, чѣмъ въ названныхъ промышленныхъ и торговыхъ кантонахъ. Здѣсь не было ни аристократіи судохозяевъ, которая могла бы затмить аристократію родовую, какъ въ Милетѣ, ни многочисленной городской толпы ремесленниковъ и матросовъ, какъ въ Коринѣѣ. Городское сословіе Аѣнъ состояло изъ нѣсколькихъ оптовыхъ торговцевъ и судохозяевъ и не очень большого числа городскихъ ремесленниковъ. Торговцевъ можно было удовлетворить уступками со стороны знати; они вмѣстѣ составляли съ разумными и предусмотрительными людьми изъ среды родовой знати зерно умѣренной партіи. Но и матросы, и рыболовы западнаго берега Аттики, менѣе земледѣльцевъ пострадавшіе отъ гнета аристократическаго правленія, такъ какъ они менѣе зависѣли отъ эвпатридовъ въ средствахъ жизни, предъявляли не столь значительныя требованія, какъ діакріи; они примкнули къ средней партіи. Такъ-какъ масса этой партіи состояла изъ береговыхъ жителей, то она обозначалась именемъ паралиевъ, людей берега ²⁾).

И природныя наклонности, и политическія убѣжденія поставили Солонна на сторону, во главѣ средней партіи; но она

²⁾ Plat. Solon. c. 31.

могла оказать ему незначительную поддержку. Между тѣмъ нужно было потребовать важныхъ уступокъ отъ людей, настари пользовавшихся привилегіями, чтобы, съ другой стороны, доставить вліяніе на общественныя дѣла долго угнетаемой, не имѣвшей образованія и политически неопытной толпы. Слѣдовало у однихъ взять и другимъ дать именно такую мѣру правъ, чтобы, при новыхъ учрежденіяхъ, крайнія партіи могли успокоиться, чтобы новый организмъ могъ держаться собственною силою тяготѣнія. У Солонѣ не было передъ глазами конституціи, по образцу которой онъ могъ бы составить свои законы. Онъ долженъ былъ найти дорогу, по которой прежде него никто не проходилъ. Онъ рѣшился, сколько возможно, пощадить эвпатридовъ, но исходнымъ пунктомъ своихъ учрежденій—поставить защиту народа противъ преобладанія и насилій аристократическаго правленія. Онъ хотѣлъ попытаться устранить главную причину вражды діакріевъ противъ педіевъ и уничтожить нѣкоторыя привилегіи родовой знати, не слишкомъ впрочемъ ограничивая ея права. Его намѣреніе заключалось въ томъ, чтобы устроить сдѣлку между консервативною и либеральною партіями, сдѣлку, справедливость которой ручалась бы за ея прочное существованіе.

Мѣры сивактін, сколько ни были благотворны, не могли однако совершенно обезпечить экономическое положеніе народа. Максимумъ поземельной собственности, гарантія свободы лица не могли защитить отъ эвпатридовъ, которые домогались, можетъ быть, разоренія земледѣльцевъ податями и военными повинностями. Родовая знать давно уже не имѣла достаточныхъ силъ для военной обороны государства, которая нѣкогда дала ей привилегированное положеніе. Подати и военные повинности слѣдовало распредѣлить соразмѣрно съ имуществомъ. Болѣе достаточные классы должны были нести на себѣ болѣе тягостей этого рода, но такъ-какъ вооруженіе и продовольствіе воинамъ не выдавалось отъ государства, то слѣдовало совершенно освободить отъ нихъ бѣдныхъ, у которыхъ ничего не было, кромѣ маленькаго поля, обрабатываемаго ими самими, или кромѣ собственныхъ ружь, доставлявшихъ имъ пропитаніе; одинъ походъ могъ ихъ довести до та-

кой нужды и до такихъ долговъ, что развѣ только съ большимъ трудомъ они могли бы поправиться.

Чтобы правильно распредѣлить военныя повинности (въ томъ числѣ и приобрѣтеніе вооруженія) и подати, Солонъ постановилъ привести въ извѣстность и внести въ государственную роспись всю поземельную собственность въ странѣ. Эта регистрація совершена была, конечно, такъ-же, какъ совершалась въ Атикѣ и въ позднѣйшее время; каждый самъ показывалъ цифру доходовъ, получаемыхъ имъ съ своей земли, — самъ дѣлалъ оцѣнку своего имущества, причемъ люди, на которыхъ возложена была эта опись отъ лица государства, могли исправлять эти показанія. Всѣ земледѣльцы, не имѣвшіе въ своемъ хозяйствѣ рабочаго скота, получавшіе съ своихъ полей дохода не болѣе полутораста медимновъ зерна или не болѣе полутораста метретовъ вина или масла или, считая вмѣстѣ зерно и масло съ виномъ, не болѣе полутораста медимновъ и метретовъ (медимнъ составляетъ $15\frac{1}{4}$ прусскихъ метцовъ, метреть—33 кварта *) должны быть свободны отъ военной службы и отъ податей. Къ этому освобожденному классу—онъ былъ четвертый и причисленные къ нему носили имететовъ, т. е. наемныхъ работниковъ — должны были принадлежать также всѣ тѣ, которые не имѣли вовсе поземельной собственности, каково бы ни было ихъ движимое имущество, ихъ капиталы именно — всѣ ремесленники, матросы, судозавеза, купцы, однимъ словомъ, всѣ горожане. Около 400 года—въ такое время, когда цифра населенія Атики, сравнительно съ предшествующими десятилѣтіями, безъ сомнѣнія, значительно понизилась — число аттическихъ гражданъ, не имѣвшихъ земли, составляло безъ малаго 5000, т. е. около четвертой части гражданъ, имѣвшихъ право голоса ³⁾. Пять тысячъ гражданъ представляютъ населеніе отъ 20 до 25.000 душъ. За двѣсти лѣтъ прежде, городское населеніе безъ по-

*) 16 метцовъ составляютъ прусскій шеффель, который равняется $2,09175$ русскаго четверика; 60 кварта составляютъ прусскій эймеръ, а отъ равняется $5,130$ русскаго ведра. *Перев.*

³⁾ Dionys. Halic. de Lysia Judic. c. 32.

земельной собственности, не считая осѣдлыхъ чужеземцевъ, метековъ, было, конечно, еще гораздо меньше. Какъ велико было при Солонѣ число тетовъ въ цѣлой Атикѣ—объ этомъ невозможно составить предположеніе, хотя сколько-нибудь основательное. Всѣ причисленные къ четвертому классу, только въ случаѣ крайности, для защиты страны при вторженіи непріятеля, могли быть призваны, да и то къ службѣ безъ тяжелыхъ доспѣховъ, какъ легко вооруженные. Слѣдующій высшій классъ обнималъ такихъ землевладѣльцевъ, чистый доходъ которыхъ составлялъ болѣе полутораста и менѣе трехъ сотъ медимновъ и метретовъ. Причисленные къ нему владѣльцы носили названіе зевгитовъ; для обработки земли, приносящей триста шеффелей, нужна была покрайней-мѣрѣ пара муловъ (зевгосъ). Этотъ классъ составляло большинство земледѣльцевъ, которые получали отъ своихъ дворовъ безбѣдное пропитаніе, которые имѣли въ своемъ хозяйствѣ рабочій скотъ и рабовъ; онъ вѣроятно обнималъ покрайней-мѣрѣ половину всѣхъ гражданъ Атики. Эти крѣпкіе и привычныя къ работѣ люди должны были на будущее время составлять ядро войска; третій классъ обязанъ былъ служить въ тяжеломъ вооруженіи въ качествѣ голлитовъ. Для этой цѣли земледѣльцы должны были заводить тяжелое вооруженіе и, въ случаѣ призыва на войну, брать съ собой въ поле одного изъ своихъ рабовъ. Безъ оруженосца, который долженъ былъ нести доспѣхи во время марша, голпиту не могъ бы исполнять свою службу. Слѣдующій высшій классъ—второй—составляли землевладѣльцы, получавшіе съ своихъ земель болѣе трехъ сотъ и менѣе пяти сотъ медимновъ дохода. Онъ обнималъ менѣе зажиточныхъ эвпатридовъ и причисленные къ нему носили имя гипсеевъ, т. е. всадниковъ. Они обязаны были нести кавалерійскую службу и для того держать боевого коня и другую лошадь для раба; въ древности всадники не выступали въ походъ на одной лошади, хотя впрочемъ они и не всегда призывались къ кавалерійской службѣ, но, смотря по обстоятельствамъ, могли служить и какъ голпиты. Первый классъ составляли богатые эвпатриды, которые помѣстья приносили дохода болѣе пяти сотъ мѣръ.

Члены этого класса назывались пентакосиомедимны). Эти наиболее достаточные граждане должны были взять на себя наиболее тяжелую повинность; на них одних возложена была забота о флотѣ, они должны были поддерживать и вооружать сорокъ восемь казенныхъ триремъ. Аристократическіе роды, включенные въ каждую изъ сорока восьми науварій, должны были или общими силами или чередуясь между собою въ извѣстномъ порядкѣ и чрезъ извѣстные сроки строить, содержать и всоружать свои триремы. Такимъ же образомъ обязанность и вмѣстѣ честь поставлять хоры для религіозныхъ праздниковъ предоставлялась исключительно членамъ этого класса и исполнялась или добровольно, или по очереди. Число семействъ въ обонхъ высшихъ классахъ могло простираться до полутора тысячи или даже до двухъ тысячъ ⁴⁾.

Этимъ распредѣленіемъ Солонъ достигалъ слѣдующихъ результатовъ: самыя тяжелыя обязанности военной службы, содержаніе и вооруженіе флота, служба на конѣ возлагались на однихъ эвпатридовъ, бѣдные земледѣльцы, ремесленники и наемные работники были совершенно освобождены отъ нихъ, а ядро населенія, болѣе зажиточные поселяне стали въ ряды вонновъ.—У грековъ не было обычая взимать съ гражданъ правильныя подати; какъ гражданскую, такъ и военную службу эвпатриды и призваные къ послѣдней земледѣльцы несли безмездно; Солонъ не считалъ нужнымъ измѣнять этотъ порядокъ вещей. Только позже и по причинамъ совершенно особеннымъ было введено въ Афинахъ нѣкоторое вознагражденіе за исполненіе извѣстныхъ общественныхъ обязанностей. Расходы государства были незначительны. Самая дорогая часть военнаго дѣла, содержаніе флота, Солонъ возложилъ не на

⁴⁾ Это подтверждается, какъ числомъ знатныхъ родовъ, которыхъ было 360 (см. 1-ю главу статьи), такъ и тѣмъ, что въ вѣкѣ Перикла всадниковъ было тысяча. Посему число фамилій, записанныхъ тогда въ первые два класса, должно полагать приблизительно въ 2.000, такъ-какъ первый классъ при триерархіи не могъ быть обязанъ къ кавалерійской службѣ.

всѣхъ членовъ наукрарій, а только на однихъ пентакосіомедимновъ. Издержки на большія жертвы и праздники, совершаемые государствомъ, падали отчасти на хореговъ, а главнымъ образомъ на храмовныя имуществва. Расходы на праздничныя посольства, отправляемыя въ Олімпію и на островъ Делось, оплачивались отчасти государствомъ, отчасти избираемыми на каждый случай послами, которые охотно брали ихъ на себя ради чести быть представителями государства. Только ремонтъ общественныхъ зданій, общій столъ притановъ требовали издержекъ, которыя обыкновенно съ излишкомъ покрывались доходами съ государственныхъ имуществъ, серебряныхъ рудниковъ на южномъ мысѣ Аттики, штрафами и конфискаціями, которые назначались судами, поголовнымъ сборомъ съ осѣдлыхъ чужеземцевъ и портовымъ сборомъ, который взимался со всѣхъ ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ, (онъ составлялъ, по крайней мѣрѣ въ послѣдствіи, два процента стоимости товара). Подати налагались, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, на покрытіе особенныхъ потребностей. Онѣ должны были распределяться такъ, чтобы первый классъ вносилъ большую часть своего дохода, а второй и третій классы — меньшую, четвертый классъ и въ этомъ случаѣ оставался совершенно свободенъ. Каждый медимнъ Солонъ ставилъ, безъ сомнѣнія, примѣнительно къ тогдашнимъ цѣнамъ, въ одну драхму (5); метретъ масла стоилъ дороже, метретъ вина дешевле. Потому доходъ въ 500 медимновъ или метретовъ, въ переводѣ на деньги, составлялъ среднимъ числомъ 500 драхмъ. А такъ-какъ поземельная собственность приносила въ годъ отъ восьми до десяти процентовъ, то Солонъ принималъ, что имущество пентакосіомедимна, по двѣнадцати-лѣтней сложности дохода, составляло по меньшей мѣрѣ 6000 драхмъ, т. е. талантъ, имущество всадника по меньшей мѣрѣ 3.600 драхмъ, зевгита 1800 драхмъ. При взиманіи податей, у пентакосіомедимновъ слѣдовало считать капиталомъ, подлежащимъ оплатѣ, все имущество, т. е. талантъ, у всадниковъ — только пять шестыхъ всего имущества, т. е. 3.000 драхмъ, у зевгитовъ — только пять де-

5) Plut. Solon. c. 23.

вѣтхъ всего имущества, т. е. 1.000 драхмъ. Итакъ, если назначалась подать въ два процента, въ одну десятую часть, то пентакосіомедимнъ долженъ былъ платить 120 драхмъ, всадникъ—60, зевгитъ только 20 драхмъ. Одинъ пентакосіомедимнъ оплачивалъ податю все свое имущество; всадникъ платилъ, вмѣсто 72 драхмъ, только 60, зевгитъ, вмѣсто 36 драхмъ, только 20. Это была подать на имущество съ возрастающими процентами для большихъ имуществъ ⁶⁾.

Раздоръ между аристократіей и демократіей, между родовой знатью и народомъ, не могъ прекратиться вплоть до тѣхъ поръ, пока оставалась въ силѣ привилегія рожденія, пока эвпатридамъ принадлежало исключительное право занимать судейскія и правительственныя должности. Но эвпатриды были первымъ сословіемъ въ государствѣ не только по рожденію, но и по земельному имуществу. Потому можно было на мѣсто привилегіи рожденія поставить привилегію поземельной собственности, привилегію почвы. Если право избираемости въ высшія государственныя должности, въ архонты, вмѣсто благородныхъ по происхожденію, предоставить владѣльцамъ самыхъ большихъ помѣстьевъ, пентакосіомедимнамъ, то за эвпатридами осталось бы принадлежавшее имъ положеніе въ государствѣ; а между тѣмъ чрезъ это была бы сдѣлана нѣкоторая уступка демократіи, хотя на первый разъ и теоретическая, потому что вслѣдствіе такого узаконенія каждому предоставлялась возможность достигнуть права на избраніе, приобретши достаточно обширное имѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ имущества, не было ничего болѣе средняго между привилегіей рожденія и равенствомъ всѣхъ гражданъ государства. Солонъ избралъ тоже средство, къ которому для примиренія противоположныхъ притязаній, для прекращенія борьбы между родовой знатью и народомъ, прибѣгли іонійскія государства въ М. Авіи, нѣкоторыя общины въ Южной Италіи и Сициліи, — родовую аристократію онъ замѣнилъ тимократіей,

6) Pollux 8, 180. Böckh Staatshaushalt 1, 652 сл. Возраженія Грота удовлетворительно опровергнуты Шёманномъ Verfassungsgeschichte Athens S. 28 сл.

т. е. господствомъ имущества и чрезъ это удовлетворилъ демократическимъ притязаніямъ на столько, на сколько уничтожилъ привилегію замкнутой касты. Впрочемъ, положеніе вещей въ Іоніи и въ Афинахъ было совершенно различно. Тамъ въ Милетѣ горожане затмили родовую знать своей торговлей, промышленностію и богатствомъ, здѣсь въ Афинахъ дѣло шло о спасеніи многочисленнаго сословія земледѣльцевъ, незначительнаго класса ремесленниковъ отъ эвпатридовъ, которые хотѣли поработить ихъ. Такъ какъ раздѣленіе на классы, учрежденное Солономъ, основывалось только на поземельной собственности, причѣмъ всякое другое имущество совсѣмъ не принималось въ расчетъ, то его тимократія была самаго консервативнаго свойства. Она преграждала богатому горожанину доступъ къ государственнымъ должностямъ, такъ-какъ относила его въ послѣдній классъ и сохраняла для аттической аристократіи ея прежнее положеніе подъ новымъ именемъ. Переимѣнилось только имя, мѣсто фамилій, имѣвшихъ доселѣ право на архонтство, заступили пентакосіомедимны. Съ другой стороны, Солонъ достигалъ своей тимократіей исключенія недостаточныхъ эвпатридовъ. Первые государственныя должности, наслѣдіе монархіи, оставались правда, какъ и прежде, за древнѣйшими родами страны, наиболѣе славными именами, но они доступны были только тѣмъ фамиліямъ эвпатридовъ, которыя владѣли и большею поземельною собственностію. Значительное имущество должно было доставить новымъ архонтамъ независимость не только относительно народа, но и относительно ихъ товарищей по сословію, и возвысить ихъ надъ мелкими и своекорыстными расчетами большинства эвпатридовъ. Теперь доступъ къ архонтству открытъ былъ исключительно самымъ богатымъ аристократическимъ фамиліямъ, а менѣе достаточныя благородныя фамиліи, гиппек, теряли его, и такимъ образомъ сомкнутая доселѣ масса эвпатридовъ раздвоилась. Это раздѣленіе было, безъ сомнѣнія, желательное для законодателя, который долженъ былъ побудить къ уступкамъ властолюбивое и неподатливое на сдѣлки сословіе. Древніе и богатые аристократическіе роды, крупныя землевладѣльцы, безъ сомнѣнія, имѣли мало возна-

граждений, когда Солонъ постановилъ, что на будущее время только пентаксіомедимны могутъ избираться въ архонты, когда, сверхъ того, для архонтовъ, выслужившихъ свой срокъ, онъ установилъ новый санъ, обѣщавшій имъ величайшее значеніе въ государствѣ.

Права архонтовъ, которыя Солонъ оставилъ въ прежнемъ объемѣ, были весьма обширны. Первый архонтъ былъ президентомъ республики, всѣ распоряженія и законы издавались отъ его имени; въ залѣ царя, на южной сторонѣ площади, онъ судилъ всѣ дѣла, касавшіяся семейнаго и наслѣдственнаго права. Архонтъ, царь, былъ главнымъ судьей во всѣхъ дѣлахъ объ оскорбленіи религіи и объ убійствахъ, причемъ онъ былъ президентомъ коллегіи эфетовъ; архонтъ полемархъ управлялъ всѣми военными дѣлами и начальствовалъ войскомъ; Солонъ, повидимому, даже расширилъ его власть, подчинилъ его суду осѣдлыхъ чужеземцевъ, метэковъ. За шестью тесмотетами осталось предсѣдательство въ судахъ, вѣдѣніе всѣхъ уголовныхъ преступленій, за исключеніемъ смертоубійствъ—и всѣхъ гражданскихъ дѣлъ. Ихъ судейская власть, какъ кажется, была скорѣе расширена, чѣмъ ограничена, такъ-какъ Солонъ уничтожилъ совѣтъ притановъ наукрарій и учрежденію, которымъ замѣнилъ его, не далъ судебной власти. Пританы наукрарій были доселѣ членами суда тесмотетовъ.

Постановленіе Солонна, что на будущее время санъ архонта доступенъ только пентаксіомедимнамъ, имѣющимъ болѣе тридцати лѣтъ отъ роду (на случай почти невозможный, если-бы такія большія земли приобрѣлъ человекъ, не принадлежавшій въ старинной аристократіи, присовокуплялось правило, что они должны происходить отъ предковъ до 3-го колѣна, имѣвшихъ право аттического гражданства), не было-бы уступкой народу и не устранило бы тогдашнихъ золь, провозвола и жестокости аристократовъ, савонниковъ, если бы Солонъ въ то-же время не узаконилъ, что эти архонты избираются не сословіемъ эвпатридовъ, какъ было доселѣ, но цѣлымъ народомъ. Санъ и власть архонтовъ оставались за тѣми же эвпатридами, хотя и подъ другимъ именованіемъ, во съ этихъ поръ эвпатриды, получившіе высшія государственныя должности, должны быть

угодны народу. Это узаконеніе было въ самомъ дѣлѣ радикальной перемѣной прежняго положенія вещей и первымъ камнемъ демократическаго фундамента, на которомъ думалъ основать Солонъ свою новую конституцію. Всѣ аттичскіе граждане, происходившіе отъ аттичскихъ родителей или, покрайней-мѣрѣ, отъ аттическаго отца и имѣвшіе больше двадцати лѣтъ, должны были каждый годъ, собравшись на площади, выбирать угодныхъ имъ девять человекъ изъ тѣхъ пентакосіомедимновъ, которые будутъ искать архонтства. Присутствующіе при имени каждаго кандидата, за котораго они были, поднимали руки; большинство поднятыхъ рукъ рѣшало, кому изъ соискателей получить каждую изъ просимыхъ девяти должностей. Это учрежденіе давало народу вето противъ неприятныхъ ему кандидатовъ на архонтство, и возможность избирать такія лица, которыя своими способностями и расположеніемъ въ пользу народа внушали большинству довѣріе къ себѣ. Конечно, если-бы объявили себя кандидатами только приверженцы исключительно правъ аристократіи, народу не оставалось бы ничего другаго, какъ дать свои голоса за тѣхъ, кто былъ наименѣе враждебенъ, наименѣе страшенъ ему, разумѣется въ томъ только случаѣ, если соискателей будетъ болѣе девяти, если пентакосіомедимны не согласятся другъ съ другомъ предварительно о томъ, что должны выступить кандидатами только извѣстныя девять лицъ.

Эти узаконенія Солонна относительно архонтства, — учрежденія самаго почетнаго и памятнаго отдаленныхъ временъ, — запечатлѣны характеромъ осторожности. Фактически Солонъ оставилъ архонтство въ рукахъ эвпатридовъ, которые въ достиженіи его связаны были довольно ограниченными, «вето» народа. Гораздо рѣшительнѣе были постановленія объ организаціи совѣта. До-сихъ-поръ управляли государствомъ архонты вмѣстѣ съ аристократическимъ совѣтомъ. Великій совѣтъ эвпатридовъ состоялъ изъ представителей трехъ сотъ шестидесяти аттичскихъ родовъ: впрочемъ, онъ собирался только въ чрезвычайныхъ случаяхъ; обыкновенныя дѣла съ 682 года были въ завѣдываніи сорока восьми притановъ, ко-

торые избирались каждый годъ аристократическими членами наукарарій. Солонъ уничтожилъ оба эти совѣта. Въмѣсто нихъ учреждень великій совѣтъ, въ который каждая фила страны телеонты, голпиты, аргадеи и эгикореи въ цѣломъ своемъ составѣ должны были назначать ежегодно по сту членовъ. Въ совѣтъ могли избираться всѣ члены трехъ высшихъ классовъ зевгиты, гиппеи, пентакосіомедимны, если имѣли болѣе тридцати лѣтъ. ⁷⁾ Но хотя теперь уже не одни знатные роды каждой филы выбирали ея представителей, хотя Солонъ далъ участіе въ выборахъ и клиентамъ филъ; хотя члены совѣта, подобно архонтамъ, избирались (народомъ или лучше обще съ знатнью и народомъ, однако не трудно было предвидѣть, что большинство избираемыхъ будетъ состоять изъ пентакосіомедимновъ и гиппеевъ, т. е. изъ эвпатридовъ. Такимъ образомъ, и здѣсь на право выбора фактически имѣло значеніе только veto противъ кандидатовъ, особенно непріятныхъ и ненавистныхъ изъ числа всадниковъ и пентакосіомедимновъ. Конечно, по закону Солонъ, право избираемости имѣлъ и зевгитъ. Но какой земледѣлецъ въ состояніи былъ покинуть свой дворъ требовавшій присмотра, свое хозяйство, которое не могло идти безъ его работы и потомъ безъ вознагражденія жить цѣлый годъ въ главномъ городѣ для того, чтобы заниматься дѣлами, которыя земледѣлецъ мало и понималъ и на теченіе которыхъ онъ не могъ имѣть значительнаго вліянія. Самые богатые изъ земледѣльцевъ были внесены въ классъ гиппеевъ. Выборы въ совѣтъ весьма много зависѣли также отъ того, какія лица явятся кандидатами на мѣста въ этой коллегіи. Сверхъ того, казалось еще сомнительнымъ, можно ли было пользоваться съ нѣкоторою свободою правомъ „вето“, заключавшимся въ правѣ избирательства. Члены совѣта избирались не цѣлой массой народа, какъ архонты, а избирались по филамъ, подъ предсѣдательствомъ аристократовъ — царей филъ и начальниковъ родовъ, подъ вліяніемъ крупныхъ землевладѣльцевъ; изъ нихъ не только первые могли употре-

⁷⁾ Xenoph. Memov. 1, 2, 35.

бить въ дѣло свои начальственныя права, принадлежавшія имъ, какъ главамъ названныхъ корпорацій, но и послѣдніе могли угрожать избирателямъ изъ земледѣльцевъ разными стѣсненіями за самостоятельную подачу голоса. Такимъ образомъ, мѣста въ совѣтъ и раздачу ихъ и по конституціи Солонна удерживали за собой крупнѣйшіе и крупные землевладѣльцы, т. е. эвпатриды.

Не смотря на то, что Солонъ не далъ новому совѣту всей власти прежнихъ собраній совѣта, однако права его были весьма обширны. Еще Драконъ изъялъ изъ вѣдѣнія притановъ наукрарій дѣла по убійствамъ и передалъ ихъ въ вѣдѣніе эфетовъ; Солонъ исключилъ изъ круга судебныхъ обязанностей новаго совѣта рѣшеніе уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ. Въ рукахъ новаго совѣта остался только полицейскій судъ по нѣкоторымъ дѣламъ; онъ могъ налагать пени до извѣстныхъ размѣровъ—въ позднѣйшее время до 500 драхмъ ⁸⁾. Но вся государственная администрація сосредоточилась въ новомъ совѣтѣ, такъ же какъ въ старомъ. Архонты должны были приводить въ исполненіе правительственныя мѣры, а совѣтъ опредѣлять ихъ. Финансовая часть была въ исключительномъ завѣдываніи совѣта. Онъ опредѣлялъ бюджетъ на каждый годъ, принималъ отъ сборщиковъ, колакретовъ, казенныя деньги, именно охранную подать съ метековъ ⁹⁾, взималъ назначенныя пени, продавалъ конфискованное имущество, отдавалъ на откупъ таможенныя сборы и государственныя земли—аттическое государство уже во времена Солонна такимъ образомъ взимало доходы таможенные и съ казенныхъ земель ¹⁰⁾ и принуждалъ откупщиковъ къ взносу условленныхъ суммъ. Въ случаѣ замедленія, онъ имѣлъ право арестовать откупщиковъ вмѣстѣ съ поручителями, которыхъ

⁸⁾ Demosth. contr. Boerg p. 1152.

⁹⁾ Что она уже взималась во времена Солонна, см. Meier dei bonis damn. p. 37 сл.

¹⁰⁾ Что сборы этого рода не чужды были Солоновскому времени, доказываютъ пошлины Коринтянъ и пошлина, которую, какъ утверждаютъ, взимали въ Киррѣ Криссыне.

они всегда обязывались представлять и держать въ тюремномъ заключеніи до воспослѣдованія уплаты. Подъ его надзоромъ находились также казначей храмовъ, храмовыя драгоценности и приношенія. Съ другой стороны совѣтъ назначалъ всѣ расходы. Всѣ правительственныя мѣры предлагались, обсуждались и принимались въ совѣтѣ. Вмѣстѣ съ административною властью совѣту принадлежала и власть законодательная; ни одинъ законъ не могъ безъ его согласія получить надлежащую силу. Совѣтъ былъ корпораціей, долженствовавшей представлять собою государство въ сношеніяхъ съ другими государствами. Онъ заступалъ мѣсто царя, и его совѣщанія должны были происходить собственно „у очага государства“, въ пританей, тамъ-же, гдѣ нѣкогда творилъ судъ и принималъ пищу царь съ своими вельможами, а потомъ — пританы наукрарій. Предсѣдательство въ совѣтѣ осталось за первымъ архонтомъ, за его членами—обыкновенное отличіе притановъ, миртовый вѣнокъ, который они надѣвали, какъ скоро начиналось засѣданіе и, кромѣ того, почетное мѣсто на всѣхъ общественныхъ праздникахъ и играхъ. Въ теченіе годичнаго срока своей службы, они были свободны отъ военной повинности. До Солоновой реформы пританы наукрарій, какъ представители государственной власти, какъ носители государственной силы, какъ высшее правительственное учрежденіе находились постоянно всѣ вмѣстѣ въ пританей. Солонъ открылъ доступъ въ совѣтъ и среднимъ классамъ и увеличилъ число его членовъ. Теперь совѣтъ сталъ слишкомъ многочисленъ, чтобы всегда держать его въ полномъ сборѣ. Одной части его достаточно было для постоянной готовности и бдительности правительства, для постоянного представительства верховной власти, для управленія текущими дѣлами. Потому Солонъ постановилъ, что только четвертая часть совѣта должна всегда находиться и имѣть столъ въ пританей. Въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ служебнаго года присутствовали члены изъ первой филы—гелеонтовъ; ихъ смѣняли 100 членовъ изъ второй филы—гоплитовъ; за ними такимъ-же образомъ смѣнялись члены изъ остальныхъ двухъ филъ. За тѣмъ только сто членовъ совѣта, находившіеся въ пританей, носили титулъ

притановъ, а племя, къ которому они принадлежали — имя предсѣдательствующаго племени ¹¹⁾. Цѣлый совѣтъ собирався, покрайней-мѣрѣ въ позднѣйшее время, на площади въ булевтиріонѣ, въ домѣ совѣта; алтарь богини очага Гестии былъ въ новомъ булевтиріонѣ, такъ же какъ и въ старомъ пританеѣ ¹²⁾. Герольдъ совывалъ членовъ въ засѣданія, которыя открывались обычными молитвами. Въ первое и послѣднее засѣданіе служебнаго года, при вступленіи въ должность и при сложении ея, члены совѣта приносили жертвы ¹³⁾.

Всѣ эти гарантіи, данныя Солономъ народу, не могли еще служить вѣрнымъ ручательствомъ за то, что на будущее время интересъ эпатридовъ уже не останется на первомъ планѣ, что народомъ уже нельзя будетъ управлять произвольно или насильственно, вопреки его желаніямъ. Конечно, право избирать архонтовъ и членовъ совѣта было отнято у родовой знати и предоставлено всему народу въ совокупности, но эти выборы должны были падать на эпатридовъ, въ должность архонтовъ, исключительно, а въ должность членовъ совѣта развѣ съ самыми малыми исключениями; это обуславливалось вновь установленнымъ цензомъ и тѣмъ, что за отправление должности архонта и за присутствіе въ совѣтѣ не полагалось вознагражденія. Подавать голоса можно было только за тѣхъ, кто изъявлялъ готовность принять на себя соединенные съ должностію потери времени, труды и издержки, вслѣдствіе этого обстоятельства, и выборахъ, не говоря уже о вліяніи на нихъ родовой знати, народъ имѣлъ только отрицательное значеніе, онъ имѣлъ нѣкоторую возможность воспрепятствовать избранію особенно нелюбимыхъ кандидатовъ

¹¹⁾ Булевтиріонъ, а въ особенности Толосъ притановъ подлѣ дома совѣта, конечно, сооружены въ позднѣйшее время; напротивъ, я приписываю, безъ всякаго колебанія, Солону учрежденіе притановъ изъ четырехъ филъ. Его требовало тогдашнее положеніе дѣлъ. Объ опредѣленіи очереди между филами посредствомъ жребія не могло быть и рѣчи, пока существовали старыя филы, порядокъ которыхъ установился издавна.

¹²⁾ Xenoph. hellen. 11, 3, 52.

¹³⁾ Schhōmann de comit. Athen. p. 149 Suidas.

Не смотря на это veto, можно было угнетать народъ и на будущее время не только посредствомъ власти архонтовъ, но и посредствомъ административной дѣятельности совѣта. Если совѣтъ, благодаря распредѣленію налоговъ и военныхъ повинностей, установленному Солоновой классификаціей, не могъ уже разорять бѣднѣйшую часть населенія налогами и военной службой; если совѣтъ, назначая чрезвычайные сборы, могъ облагать податями только самого себя, т. е. три представляемые имъ экономическіе класса, то все-таки не трудно было разорить народъ пагубными административными мѣрами другого рода, законами, противными его интересамъ, превратной иностранной политикой, которая была въ рукахъ совѣта. Какую пагубную для народа войну съ Мегарой вело правительство въ самое недавнее время! Солонъ довершилъ демократическое основаніе своей новой конституціи—постановленіемъ, что ни одно опредѣленіе совѣта относительно мира и войны, ни одинъ принятый совѣтомъ законъ не имѣли надлежащей силы безъ согласія народа, т. е. всѣхъ аеинянъ, происшедшихъ отъ отца—аеинянина, имѣвшихъ болѣе 20-ти лѣтъ и пользовавшихся полными правами гражданства ¹⁴⁾. Для этой цѣли каждый годъ четыре раза должно было собираться народное собраніе, по одному въ каждую четверть года, при началѣ пританіи каждаго племени ¹⁵⁾. Но въ случаѣ нужды, совѣтъ могъ назначать особымъ опредѣленіемъ и чрезвычайное собраніе, что, впрочемъ, не обходилось безъ нѣкоторыхъ затрудненій, такъ какъ тогда герольды должны были созывать поселянъ въ городъ на эти собранія. Народъ сходился на площади, какъ прежде эпатриды, имѣвшіе право голоса, такъ теперъ весь народъ принималъ или отвергалъ

¹⁴⁾ Наши свѣдѣнія о правахъ, данныхъ Солономъ народному собранію, конечно, недостаточны: но какъ изъ направленія Солоновыхъ учреждений, такъ изъ всего современнаго положенія вещей ясно, что права народнаго собранія ограничивались важнѣйшими дѣлами, рѣшительными вопросамъ иностранной политики и новыми законами.

¹⁵⁾ Такъ слѣдуетъ заключать изъ реформы Блиссена.

опредѣленіе совѣта. Священные обряды, наблюдавшіеся при собраніяхъ эвпатридовъ, совершались и при собраніяхъ народа. Въ случаѣ небесныхъ знаменій, т. е. въ случаѣ грозы, дожда, свѣга, собраніе отлагалось; если же небо было ясно, тогда собраніе открывалось жертвою; закалали поросенковъ для очищенія мѣста собранія. Жрецъ перистіархъ обносилъ животныхъ вокругъ площади и, заклавши ихъ, окроплялъ ее жертвенною кровію ¹⁶⁾. Затѣмъ слѣдовало новое жертвоприношеніе — сожигались благовонія, герольдъ вставалъ на свой камень и произносилъ обычную молитву за благосостояніе государства, за которую слѣдовало проклятіе на тѣхъ, кто сталъ бы обольщать народъ своими рѣчами ¹⁷⁾.

Въ собраніяхъ аттической родовой знати едва ли соблюдался обычай спартанской аристократіи, что право слова имѣли въ нихъ только правительственные лица—это было бы несогласно съ обычаями іонійскаго племени. Тѣмъ менѣе могло теперь придти Солону на мысль ограничить свободу слова въ собраніи, такъ-какъ прежде всего необходимо было разъяснить неопытному и неученому народу намѣренія совѣта и притомъ не съ одной точки зрѣнія совѣта. Самъ Солонъ имѣлъ случай испытать, какое дѣйствіе могло имѣть на аттической народъ сильное слово. Между, тѣмъ не забывалъ онъ и бѣдствій, какія могутъ причинить раздражительныя и страстныя рѣчи къ легко воспламеняющейся толпѣ. Онъ надѣялся, что можно отвратить эти бѣдствія и не считалъ нужнымъ отказываться отъ великихъ выгодъ изъ-за незначительныхъ неудобствъ, отъ важнаго права изъ-за возможнаго злоупотребленія имъ. Онъ далъ право говорить всѣмъ полноправнымъ гражданамъ. Прежде всего тотъ религіозный актъ, торжественное проклятіе герольда противъ лживыхъ ораторовъ должно было пробудить въ сердцахъ каждого серьезныя опасенія, остальное предоставлялось вліянію особенныхъ предписаній и дѣятельности правительственныхъ лицъ, которыя должны были руко-

¹⁶⁾ Aeschin in Timarch. 48. Schol. Aristoph. Acharn, v 44.

¹⁷⁾ Demosth. contr Aristocr. p. 653, de eovovā, p. 36.

водить собраніемъ. Въ немъ предсѣдательствовалъ первый архонтъ, вмѣстѣ со всѣми совѣтомъ; ближайшими его ассистентами были члены предсѣдательствующей филы, сто притановъ текущей четверти года. Занятія собранія открывались чтеніемъ опредѣленія совѣта. Потомъ слѣдовало вопросъ, принимается-ли оно народомъ. По вызову совѣта, поднимали руки сначала тѣ, которые подавали голосъ за опредѣленіе, а потомъ тѣ, кто противъ него. Если нельзя было рѣшить, на взглядъ, гдѣ большинство, то герольды должны были пересчитывать голоса. Если большинство оказывалось въ пользу опредѣленія совѣта, то дѣло считалось оконченнымъ, и собраніе закрывалось. Въ противномъ случаѣ открывались пренія тѣмъ, что герольдъ спрашивалъ, кто желаетъ говорить въ людѣ, имѣющіе болѣе 50-ти лѣтъ отъ роду. ¹⁸⁾ Люди болѣе молодые могли говорить только послѣ пятидесятилѣтнихъ. Кто не пользовался полными гражданскими правами, кто подвергался когда-либо прежде какому-нибудь наказанію, или не исполнилъ какихъ-либо денежныхъ обязательствъ относительно государства, ¹⁹⁾ тому, по законамъ Солоня, архонтъ долженъ былъ отказать въ словѣ. Прямо и особливо было предписано: „кто билъ или не пропитывалъ своего отца или свою мать или не давалъ ему или ей крова, тому не позволяй говорить. Кто не выслужалъ своего срока въ военной службѣ, или бросилъ свой щитъ, тому не дозволяй говорить. Кто предавался распутству и самого себя дѣлалъ предметомъ распутства другихъ, тому не дозволяй говорить. Кто промоталъ свое имущество, тому не дозволяй говорить“ ²⁰⁾. Если-бы предсѣдатель оставилъ безъ исполненія эти предписанія, тогда всякій членъ совѣта, всякій членъ собранія могъ выступить и потребовать, чтобы оратору отказано было въ словѣ. Между тѣмъ впоследствии онъ долженъ былъ доказать судебнымъ порядкомъ свое обвиненіе. Когда огласитель не въ состояніи былъ этого сдѣлать, тогда онъ под-

¹⁸⁾ Schömann de comit. Athen. p. 114.

¹⁹⁾ Aeschin in Timarch. 48. 49. contra Ctesiph. p. 383.

²⁰⁾ Aeschin in Timarch. 28. Pollux 8, 45.

вергался тяжелой денежной пенѣ и терялъ право произносить когда-либо въ другой разъ подобное обвиненіе противъ кого-бы то ни было. Итакъ, предсѣдателю совѣта, наконецъ, всякому гражданину, вмѣсто этихъ правительственныхъ лицъ, принадлежало право „veto“ противъ всякаго оратора. Если у оратора никто не оспаривалъ права говорить, онъ вставалъ на возвышенное мѣсто. На головѣ у него былъ миртовый вѣнокъ, какъ у членовъ совѣта, пока онъ говорилъ и отправлялъ общественную должность. Только однажды могъ говорить одинъ и тотъ же ораторъ объ одномъ и томъ же предметѣ. Инициативы не имѣли ни собраніе народа, ни отдѣльные ораторы. Нельзя было сдѣлать новаго предложенія, слѣдовало говорить просто, въ пользу или противъ внесеннаго опредѣленія совѣта. Кто произносилъ брань или ругательства на какого-нибудь сановника, оратора или гражданина, кто подстрекалъ къ возмущенію или насилію, кто прерывалъ оратора, того предсѣдатель долженъ былъ удалить съ ораторской каедрмы или изъ собранія и подвергнуть денежной пенѣ до пятидесяти драхмъ, которую совѣтъ, при увеличившихъ вину обстоятельствахъ, имѣлъ право особымъ опредѣленіемъ возвысить до пяти сотъ драхмъ ²¹⁾).

Этими учрежденіями Солонъ давалъ народу „veto“ не только противъ ненавистныхъ и опасныхъ ему сановниковъ и членовъ совѣта, но и противъ вредныхъ для него опредѣленій архонтовъ и совѣта; вмѣстѣ съ тѣмъ, Солонъ хотѣлъ достигнуть этими учрежденіями того, чтобы народу дана была возможность понимать значеніе и направленіе этихъ опредѣленій; согласіе народа и правительства онъ поставилъ нормой государственной жизни. Оставалось предохранить народъ отъ злоупотребленій судебной, административной и исполнительной власти аристократическихъ сановниковъ. Относительно убійствъ Солонъ оставилъ въ силѣ постановленія Дракона.

²¹⁾ Aesch in Timarch 115. Schomann griech. Alterth 1, 335 Wachsmuth hellenische Alterthumskunde 11, 1, 261. Трудно было бы доказать, что ограниченія свободы слова, особенно указанная въ текстѣ, введены уже послѣ Солона.

Не только кодификація права крови, исполненная Дракономъ, сохранила свою силу, но и завѣдываніе судами крови осталось за учрежденными имъ эфетами. Судопроизводство этого рода было освящено религиозной санкціей, оно совершалось въ богослужебныхъ формахъ; неблагоразумно было дѣлать нововведенія въ такомъ процессѣ, да и не представлялось никакой надобности въ перемѣнахъ. Однако Солонъ, по причинамъ особеннаго рода, изъясъ изъ вѣдомства эфетовъ самую важную часть, именно дѣла объ умысленныхъ убійствахъ. Что касается до высшихъ судебныхъ властей, то архонтъ-царь остался судьей всѣхъ споровъ, пристраивавшихъ изъ семейныхъ отношеній, тесмотеты попережнему вѣдали всѣ дѣла уголовныя и гражданскія, судили всѣ преступления противъ государства и рѣшали всѣ частныя жалобы. До-сихъ-поръ дѣла этого рода вѣдались тесмотетами вмѣстѣ съ совѣтомъ притановъ наукрарій. Такъ-какъ Солонъ не хотѣлъ обременять своего новаго совѣта судебными дѣлами, такъ-какъ онъ хотѣлъ рѣзче отдѣлать правительственную власть отъ судебной, то далъ тесмотетамъ право въ помощь себѣ каждый годъ избирать извѣстное число гражданъ, достигшихъ пятидесятилѣтняго возраста, въ судьи (діэтеты). Этими судьямъ могли предоставлять тесмотеты рѣшеніе жалобъ, которыя показались-бы имъ слишкомъ маловажными. Діэтеть обсуждалъ фактическую сторону дѣла и постановлялъ приговоръ, получавшій, впрочемъ, законную силу только въ такомъ случаѣ, если утверждался арконтами, и если заинтересованныя стороны не переносили дѣла на разсмотрѣніе и рѣшеніе арконта.²²⁾ Вѣдѣніе маловажныхъ дѣлъ, бывшее до-сихъ-поръ въ рукахъ эвпатридовъ—начальниковъ родовъ, Солонъ передалъ общиннымъ судьямъ Сельское населеніе, распределенное доселѣ по родамъ и подлежавшее приговору начальниковъ родовъ, Солонъ раздѣлилъ на мѣстныя общины и каждой изъ этихъ общинъ далъ право избирать общиннаго главу, демарха, имѣвшаго полицейскую власть въ общинѣ. Но такъ-какъ можно было предвидѣть, что выборы въ должность этихъ общинныхъ

²²⁾ Schömann, griech Alterthumer 1, S 478.

начальниковъ будутъ падать большею частію на богатѣйшихъ въ округѣ землевладѣльцевъ, то Солонъ не далъ демархамъ судебной власти, а предоставилъ ее особеннымъ общиннымъ судьямъ, которые должны были въ извѣстное время обходить свои округи и рѣшать всѣ незначительныя дѣла на сумму не свыше десяти драхмъ, всѣ жалобы на маловажныя обиды словами и дѣломъ.

Назначеніе этихъ общинныхъ судей—впослѣдствіи ихъ было тридцать, а еще позже—сорокъ—принадлежало, повидимому, тесмотетамъ.²³⁾

Чтобы дать народу гарантію противъ произвольныхъ и суровыхъ приговоровъ со стороны тесмотетовъ и ихъ комиссаровъ, для этого, прежде всего необходимо было подчинить ихъ судебную дѣятельность болѣе мягкимъ законамъ, чѣмъ кодексъ Дракона, въ которомъ строгость стариннаго обычнаго права еще усиливалась. Съ этою цѣлью Солонъ задумалъ новое и обширное законодательство. Но если-бы этотъ планъ и былъ приведенъ въ исполненіе, какимъ однако же образомъ заставить судей ни мало не отступать отъ кодекса? Еслибы они и стали строго держаться его, развѣ неостается и при законахъ, воторыхъ, и нельзя дать на всѣ случаи, слишкомъ много простора личному усмотрѣнію судьи? Развѣ нельзя воспользоваться пробѣлами, недомолвками, неопредѣленностями закона, для того, чтобы подвергнуть народъ такому же юридическому угнетенію, какое у всѣхъ въ свѣжей памяти? Развѣ не могли архонты—эпатриды отправлять свои судейскія обязанности съ жестокостію и злонамѣренно, не смотря на новые законы и не нарушая ихъ формально—творить судъ въ видахъ, въ интересахъ своего сословія и чрезъ это подвергать серьезной опасности имущества, честь, свободу, жизнь, права простыхъ гражданъ? Противъ такого злоупотребленія судейской власти было одно средство—апелляція

(23) Meier Sallische Iarzeitung 1844 № 332. Schömann grch. Alterth. 1, 5. 447. Освобожденіе сельскаго населенія изъ-подъ исключительной полицейской и судебной власти сословія эпатридовъ было одной изъ самыхъ настоятельныхъ потребностей этого времени.

высшему безпристрастному суду, покрайней-мѣрѣ во всѣхъ уголовныхъ дѣлахъ. Но какъ образовать эту апелляціонную инстанцію? Если апелляціонный судъ будетъ состоять изъ правительственныхъ лицъ, то выйдетъ кругъ, и учрежденіе не будетъ достигать своей цѣли. Если бесполезна апелляция къ правительственнымъ лицамъ, то представлялась только апелляция къ народу. Но можно ли слѣлать всю эту массу послѣдней судебной инстанціей? Солонъ задумалъ организовать для этой цѣли особенное собраніе, выдѣленное изъ цѣлой массы народа. Оно должно состоять исключительно изъ взрослыхъ гражданъ, имѣющихъ болѣе тридцати лѣтъ отъ роду и представляющихъ достаточное ручательство за зрѣлую обдуманность своихъ приговоровъ. Чтобы эта корпорація достигала своей существенной цѣли—поставляла рѣшенія безпристрастныя, независимыя отъ интересовъ правительственныхъ лицъ и аристократіи, она должна быть многочисленна и уже своимъ числомъ гарантировать отдѣльныхъ членовъ отъ устрашенія со стороны эпатридовъ; должна быть составлена такъ, чтобы на избраніе ея членовъ не имѣла никакого вліянія партія, повелѣвавшая въ государствѣ большинствомъ. При выборахъ въ архонты народъ имѣлъ только вето, которое аристократы могли и обходить; при выборахъ въ совѣтъ вліяніе начальниковъ родовъ было неизбежно и велико. Если члены этого народнаго комитета, облакаемаго высшею судебною властію, будутъ избираться обыкновеннымъ порядкомъ, то и онъ будетъ только представителемъ интересовъ наиболее сильной партіи въ государствѣ—аристократіи. Въ такомъ случаѣ составъ этого комитета и раздача отдѣльныхъ мѣстъ въ немъ будетъ, косвеннымъ образомъ, зависѣть отъ аристократіи. Чтобы устранить ея вліяніе, чтобы оградить отъ всякаго другого вліянія политическихъ партій корпорацію, призванную произносить послѣднее независимое рѣшеніе по самымъ важнѣйшимъ дѣламъ, касающимся жизни или чести гражданъ, Солонъ постановилъ, что члены этого комитета назначаются по жребію каждый годъ на ардехтѣ—площади въ юговосточной части

города. ²⁴⁾ Архонты должны были избирать по жребию изъ всей массы гражданъ, достигшихъ тридцати-лѣтняго возраста, по тысячѣ человекъ изъ каждой денны, т. е. десять разъ взятое число членовъ совѣта отъ каждой филы. Къ этимъ четыремъ тысячамъ гражданъ, собраніе которыхъ въ противоположность собранію всего народа на площади, эклезіи обозначалось именемъ геліэн, могъ апеллировать всякій приговоренный кѣмъ-бы то ни было и къ какому-бы то ни было уголовному наказанію, которое наносило ущербъ его имуществу, правамъ гражданства или его жизни. Геліэя, какъ послѣдняя инстанція, полагала окончательное рѣшеніе. ²⁵⁾ Въ ея собраніяхъ предсѣдательствовали тесмотеты, управляв-

²⁴⁾ Schomann, *griech Alterthumer*, 1, S- 478.

²⁵⁾ Такое значеніе надобно приписывать геліэи Солона. Плутархъ прямо сравниваетъ ея съ *ius provocacionis*,—которое далъ римскимъ плебеямъ Публикоръ *Compar. Sol Publ. c.2. v архив* утверждаетъ справедливо, что архонты до Солона были безъ апелляціонными судьями, но, по своему обыкновенію, онъ говоритъ слишкомъ много, утверждая, что уже Солонъ ограничилъ дѣятельность архонтовъ однимъ предварительнымъ изслѣдованіемъ — *ἀποκρισις*. Какъ народному собранію переданы были только важнѣйшія дѣла, такъ и геліэн онъ могъ предоставить только важнѣйшіе судебные процессы, т. е. уголовные. Для другихъ дѣлъ не было настоящей надобности въ подобной апелляціонной инстанціи; сверхъ того, такъ-какъ геліасты избирались изъ цѣлаго народа по жребию, слѣдовательно въ число ихъ поступали и бѣднѣйшіе граждане, то нельзя было отягощать геліэю множествомъ процессовъ. Это прямо противорѣчило бы намѣренію Солона. Дальнѣйшее расширеніе судебной власти геліастовъ принадлежитъ послѣдующимъ временамъ. Всѣ рѣшенія тесмотетовъ стали подлежать апелляціи со времени реформы Клисеена. Это узаконеніе Клисеена повело къ тому, что впоследствии тесмотеты въ случаѣ апелляціи, ограничивались предварительнымъ слѣдствіемъ (*die Instruction der Prozesse*) предоставляя рѣшеніе геліастамъ; см. *Vd. IV, Abschn. 3, Kap. 3*. При этомъ расширеніи судебной дѣятельности геліастовъ стало необходимымъ раздѣленіе ихъ на смѣны, но оно несомнѣнно съ существомъ Солоновскаго учрежденія, которое требуетъ возможно-большаго числа судей. И впоследствии встрѣчаются случаи, когда къ судебному засѣданію призывалась вся геліэя; *Andocid de mysteriis 17*. Четырехтысячное число геліастовъ обуславливается существомъ дѣла, такъ какъ оно требовало многочислен-

шіе всей юридической дѣятельностію ²⁶⁾ въ государствѣ. Геліасты принимали торжественную присягу—подавать голосъ согласно съ законами, а не по видамъ корысти. Присяга гласила: «Я буду подавать голосъ согласно съ законами. Не буду подавать голоса за сложеніе долговъ за передѣлъ земли аеянъ и дворовъ. Не буду принимать подарковъ по своей судейской должности, ни я самъ, ни кто другой съ моего вѣдома, ни инымъ какимъ-либо способомъ. Мнѣ не меньше тридцати лѣтъ и я клянусь одинаково выслушивать обвинителя и обвиняемаго и буду подавать голосъ только о томъ, противъ чего направлено преслѣдованіе.» Въ заключеніе геліастъ прязывалъ Зевса, Посейдона и Деметру и предавалъ самого себя проклятію, если бы не исполнилъ присяги ²⁷⁾. Геліа была величайшей и вѣрнѣйшей защитой имущества чести, правъ, свободы и жизни, какую только можно было дать аттическому народу. Если прежде пенями и штрафами, приговорами, сообразными съ кодексомъ Дракона или вовсе незаконными, архонты угнетали земледѣльцевъ, лишали ихъ чести и свободы, отдавали въ рабство ихъ кредиторамъ, то съ учрежденіемъ геліаи подобные приговоры сдѣлались невозможны на всѣ будущія времена.

Этотъ апелляціонный судъ, образуемый самимъ народомъ, устраивалъ злоупотребленія судебной властію. Чтобы предотвратить насиліе со стороны администраціи и полиціи, Солонъ постановилъ, что никто не можетъ занимать двухъ должностей заразъ, что никто не можетъ занимать одну и ту же должность два ²⁸⁾ года сряду. Болѣе значенія имѣли въ этомъ отно-

ной корпораціи и подтверждается аналогіей Клизееновыхъ учреждений. Солонову совѣту четырехъ сотъ соотвѣтствовали 4000 геліастовъ, Клизеенову совѣту пяти сотъ соотвѣтствовали 5000 геліастовъ. Столько и было ихъ по конституціи Клизеена (по 500 изъ каждой филы); но только вслѣдствіе расширенія дѣятельности геліастовъ, Клизеенъ постановилъ избирать по жребію еще тысячу запасныхъ геліастовъ, чтобы пополнять убыль въ смѣнахъ и всегда имѣть ихъ въ полномъ составѣ.

²⁶⁾ Poll. 8, 88.

²⁷⁾ Demosth. c. Timocr. p. 746. 747.

²⁸⁾ Demosth. contra Timocrat. p. 746. 747.

шении предварительное испытаніе вновь избранных сановниковъ, клятвы, приносимыя ими и отчетъ въ прохожденіи должности, который, по окончаніи служебнаго года, они обязаны были по закону Солонна давать геліѳи. Архонты, выбранные эклезіей, такъ же какъ и члены совѣта, выбранные собраніями филъ, прежде вступленія въ должность, подвергались испытанію дѣйствительно, ли обладаютъ качествами какихъ требуетъ законъ отъ занимающаго извѣстную должность, пользуются ли доброй славой въ народѣ или нѣтъ, безупреченъ ли былъ до-сихъ-поръ образъ ихъ жизни. Только въ послѣднемъ случаѣ имъ дозволялось вступать въ должность, а въ противномъ — происходили новые выборы. Такое испытаніе правительственныхъ лицъ можно было вѣрить только корпораціи совершенно независимой. Солонъ предоставилъ его судебному народному комитету, геліѳъ²⁹⁾. Геліасты изслѣдовали, дѣйствительно-ли принадлежитъ избранный къ указанному закономъ имущественному классу, происходитъ ли отъ отца аѳинянина, не занималъ ли онъ въ предъидущій годъ этой же должности, не занималъ ли онъ какой-либо другой. Избираемый въ архонты долженъ былъ еще происходить отъ аттическихъ родителей до третьяго колѣна и не имѣть тѣлесныхъ недостатковъ, потому что ихъ обязанности имѣли связь съ священнодѣйствіями.³⁰⁾

Будущихъ архонтовъ спрашивали далѣе: обладаютъ ли они полными гражданскими правами, почитали ли они своихъ родителей, погребли ли ихъ съ честію, достойно ли несли военную службу и исполняли ли долгъ по отношенію къ Зевсу, Геркію и Аполлону Патроосу (боги-покровители филъ, брат-

²⁹⁾ Lexicon rhetoric. p. 670. Pollux 8, 85. Demosth. contra Balotum 1, p. 1018. Demosthen. c. Timocr. l. c. Hermann, Staatsalterthümer § 149, 11. Участіе въ испытаніи архонтовъ относительно ихъ происхожденія отъ аѳинскихъ гражданъ до третьяго колѣна, кромѣ геліѳи, и совѣта пяти сотъ есть позднѣйшее учрежденіе. Оно предполагаетъ перевѣсъ совѣта относительно власти архонтовъ, неизвѣстный Солоновскимъ учрежденіямъ и Солонову времени.

³⁰⁾ Germann Staatsalterthümer. § 149 9.

рій и родовъ.). ²¹⁾ Подобные вопросы предлагались и членамъ совѣта. Испытаніе вновь избранныхъ лицъ производилось публично, всякому — и тѣмъ, кто не принадлежалъ къ геліѣ—дозволялось представлять возраженія противъ законности избранія; геліѣ тотчасъ же судебнымъ порядкомъ постановляла объ нихъ приговоръ.

По окончаніи испытанія архонты, по закону Солонa, произносили предъ вступленіемъ въ должность, на площади, на клятвенномъ камнѣ, слѣдующую клятву: «непринимать подарковъ, соблюдать законы, данные Солономъ, а если бы они нарушили какой законъ, то посвятить въ Дельфы статую изъ золота, равную по вѣсу ихъ тѣлу.»

Съ клятвеннаго камня новые архонты всходили въ акрополь и еще разъ пять повторяли здѣсь предъ лицомъ охраняющаго городъ божества ту же присягу. ²²⁾ Этой клятвой они обязывались внести, въ случаѣ нарушенія ими закона, неплатную пеню богу суда, который приводилъ въ исполненіе *thesmoi* Зевса. Такъ-какъ уплатить ее было невозможно, то за нарушеніе закона архонты подвергались лишенію гражданскихъ правъ, какъ и всякій несостоятельный должникъ государства. Члены совѣта при вступленіи въ совѣтъ клялись соблюдать законы Солонa, пецись о пользѣ города и не заключать въ оковы аеннаина, представившаго трехъ поручителей изъ своего податнаго класса ²³⁾. По истеченіи служебнаго года всякое должностное лицо обязано было дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Каждый могъ, въ теченіе мѣсячнаго срока, принести геліастамъ жалобу на кончившаго свою службу сановника; геліасты изслѣдывали ее судебнымъ порядкомъ и если признавали основательною, то опредѣляли вознагражденіе въ пользу обиженнаго и наказаніе виновному. Члены геліѣ, кромѣ указанныхъ выше обѣтовъ, относительно судебныхъ обязанностей, давали еще клятвенно обѣщаніе не допу-

²¹⁾ Poll 8, 85. Xenoph. Memora 6, 2, 2.

²²⁾ Plat. sol. c. 25. Platon. Phaedr. p. 235. Poll. 8, 85. Suidas Наврочв.

²³⁾ Plat. Solon 1. c. Xenoph. Temorab. 1, 1. 18. Demosthen. in Timocrat. p. 745 Lysias adv. Pajlon. 1.

свать къ должности,—а это они могли сдѣлать при предварительномъ испытаніи такихъ лицъ, которыя еще не дали отчета за какую нибудь прежнюю службу. Выслужившимъ срокъ сановникамъ запрещалось, прежде исполненія этого долга, оставлять страну, отчуждать свое имущество, или дѣлать относительно его другія распоряженія; не дозволялось также назначать имъ какую-либо награду отъ государства. 24) Сановники, имѣвшіе въ своихъ рукахъ казенныя деньги, отдавали въ нихъ отчетъ совѣту, но это не исключало жалобъ противъ нихъ къ гелиастамъ 25).

Солонъ могъ думать, что всѣ эти учрежденія—распределеніе военной и податной повинности, соотвѣтственно количеству поземельной собственности, выборъ, испытаніе, клятвенныя обѣщанія и отвѣтственность должностныхъ лицъ, право апелляціи на приговоры тесмотетовъ къ народному комитету, право, данное всему народу въ совокупности принимать или отвергать важнѣйшія опредѣленія совѣта, даютъ земледѣльцамъ и горожанамъ, съ одной стороны, надежную гарантію противъ произвола и притѣсненій должностныхъ лицъ и аристократіи, съ другой—достаточное вліяніе на управленіе. Повидимому, было невозможно, при господствѣ такихъ учрежденій, управлять государствомъ, вопреки интересамъ народа. Эти учрежденія возникли изъ тяжестей и бѣдствій прошедшаго и не имѣли другой цѣли, кромѣ той, чтобы сдѣлать невозможнымъ возвратъ ихъ,—угнетеніе народа эвпатридами. Соловъ не далъ народу положительнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ. Мало того, что правительственныя мѣста фактически должны были принадлежать лицамъ первыхъ двухъ

24) *Aeschin contra Ctesiphon*, p. 413. и слѣд.

25) Коллегіи эвтиновъ и логисто въ—очевидно позднѣйшее учрежденіе, вызванное болѣе многочисленными отношеніями государства. Къ нимъ перешло тогда право председательства въ судѣ гелиастовъ, когда онъ рассматривалъ жалобы на кончившихъ свою службу сановниковъ, такъ-какъ управленіе финансами сосредоточивалось въ совѣтѣ, то онъ же долженъ былъ, до учрежденія тѣхъ коллегій, объяснять сановниковъ свободными отъ отчета.

имущественныхъ классовъ, и слѣдовательно старой аристократіи,—право избранія было не болѣе какъ ограниченное veto противъ враждебныхъ кандидатовъ и получало нѣкоторую силу только въ соединеніи съ испытаніемъ и отвѣтственностію правительственныхъ лицъ; права народнаго собранія простирались не далѣе veto противъ опасныхъ для народа опредѣленій совѣта, апелляція къ геліеи была не болѣе, какъ veto противъ судебной власти архонтовъ. Правда, одобреніе народа требовалось для всякой правительственной мѣры, для замѣщенія всякой должности; безъ согласія магистратуры и народа, управляющихъ и управляемыхъ, не могли состояться ни одинъ значительный правительственный актъ; при отсутствіи этого согласія, уже допущенную несправедливость надлежало устранить или загладить вредъ, происшедшій отъ нея. Но права народа не простирались далѣе этого косвеннаго вліянія на замѣщеніе правительственныхъ должностей, далѣе этого согласія на дѣйствія администраціи и суда, далѣе одобренія служебной дѣятельности правительственныхъ лицъ, произносимаго по окончаніи служебнаго года. Народъ имѣлъ много средствъ для того, чтобы останавливать, препятствовать, но не имѣлъ никакой власти дѣйствовать; онъ не имѣлъ права инициативы, не имѣлъ возможности направлять теченіемъ государственной жизни. Солонъ хотѣлъ видѣть народъ огражденнымъ со всѣхъ сторонъ отъ притѣсненій эвпатридовъ. Идти далѣе не было повода, да это и противорѣчило политическимъ мнѣніямъ Солонна. Онъ былъ твердо убѣжденъ въ той мысли, что народу слѣдуетъ дать именно столько власти, сколько необходимо для обезпеченія его политическаго и экономическаго положенія — и хотѣлъ осуществить эту именно мысль. Напротивъ, онъ очень живо чувствовалъ необходимость оградить государство отъ опасностей, какими грозили притязанія толпы, непостоянной и легко поддающейся постороннему вліянію, а также ежегодная смѣна сановниковъ, и дать правительству болѣе надежное руководство, государству—болѣе твердую опору. Онъ считалъ свою задачу еще наразрѣшенной, зданіе своей конституціи неоконченнымъ, пока оно не было завершено такимъ осо-

бымъ совѣтомъ, который, будучи свободенъ отъ переходящихъ волненій и вліяній, могъ бы съ высоты своего независимаго положенія наблюдать за дѣйствіями, какъ правительства, такъ и народа, а чрезъ это направлять теченіе государственной жизни на истинный путь. Сверхъ того, этому совѣту надлежало вѣрить попеченіе о доброй нравственности гражданъ, которую греки всегда считали важнѣйшею задачею своихъ республикъ, условіемъ ихъ благоденствія. Сколько моральныхъ преступленій, сколько нравственныхъ проступковъ можетъ ускользнуть отъ законнаго возмездія—должны ли они оставаться ненаказанными? И ужели преступленіе должно подвергаться преслѣдованію только въ томъ случаѣ, если явится обвинитель. Всегда-ли найдется гражданинъ, достаточно мужественный и увѣренный въ себѣ, чтобы взять на себя бремя судебного процесса и преслѣдованія противъ сильныхъ и вліятельныхъ людей. Возможны случаи, что даже при дачѣ отчета сановниками предъ геліэй, иногда никто не рѣшится выступить обвинителемъ и вслѣдствіе этого лице, совершившее тяжкія преступленія, вопреки всякой справедливости, останется свободнымъ отъ всякаго наказанія.

Эти пробѣлы слѣдовало восполнить. По мнѣнію Солона, чтобы государственная жизнь всегда имѣла правильное теченіе, чтобы моральныя беззаконія всегда подвергались справедливому наказанію, чтобы сохранялось и увѣрлялось въ народѣ нравственное чувство, чтобы не оставались ненаказанными такіе преступники, которыхъ спасало отъ обвиненія и отъ законной кары ихъ общественное положеніе,—для этихъ цѣлей слѣдовало учредить высшее полицейское судилище, которое, обладая неограниченными правами, имѣло бы отеческій надзоръ и отеческую власть надъ цѣлымъ государствомъ. Такое судилище, чтобы удовлетворять своему назначенію, должно утверждаться на основахъ, внушающихъ уваженіе, состоять изъ первыхъ лицъ въ государствѣ. Его составъ долженъ былъ служить порукой за исполненіе его высокой задачи, его положеніе должно быть столь твердо въ нравственномъ смыслѣ, столь возвышенно относительно всѣхъ другихъ властей, чтобы всѣ граждане, какъ справедливую

данъ, оказывали ему добровольное повиновение, довѣріе и благоговѣніе. Учрежденіе, долженствовавшее вести государство по прямому и вѣрному пути, должно состоять изъ самыхъ консервативныхъ элементовъ и опираться на преданія государства. Коллегія, авторитету которой, по мысли Солоня, подчинялась не только внѣшняя, но даже и нравственная жизнь, конечно, не мыслима безъ религіознаго освященія. Жреческія обязанности и права составляли немаловажную опору преобладанія, принадлежавшаго доселѣ аттической аристократіи. Потому судилище, долженствовавшее дѣйствовать чарующей силой прошедшаго, авторитетомъ религіи, надлежало образовывать изъ сословія, бывшаго хранителемъ политическихъ и религіозныхъ преданій государства. Учрежденіе этого верховнаго судилища давало аристократіи, за которой Солонъ уже оставилъ арконтство и большинство въ совѣтъ, новое обезпеченіе ея рѣшительнаго вліянія и при новой конституціи. Эвпатриды, принимая наибольшее участіе,—болѣе всѣхъ другихъ сословія,—въ новой государственной жизни, съ тѣмъ вмѣстѣ проникались ея духомъ. Становясь во главѣ новыхъ учреждений, эвпатриды становились ихъ защитниками. Удовлетворяя настоятельную потребности новаго организма, Солонъ въ то-же время пріобрѣталъ со стороны эвпатридовъ непринужденное и искреннее признаніе новаго порядка вещей; это былъ успѣхъ неоцѣненный въ интересахъ проведенія реформы, въ интересахъ прочности новыхъ учреждений. Требовалось только соединить въ этой корпораціи не худшіе, а лучшіе элементы аттической аристократіи. Длинный рядъ уступокъ въ пользу народа Солонъ заключалъ тѣмъ, что вручилъ коллегіи, составленной изъ эвпатридовъ, новую постоянную и весьма обширную власть надъ всею государственною жизнью.

Учрежденіе, которому ввѣрялось вмѣстѣ съ неограниченною цензурскою властію попеченіе о благоденствіи и безопасности государства, должно утверждаться не на воздухѣ. Его положеніе должно имѣть свою основу, сколько возможно, въ древнѣйшихъ преданіяхъ государства, въ важныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма далекихъ отъ суеты будничной жизни функціяхъ. Такъ возникъ въ умѣ Солоня геніальный планъ—по-

ручить высшему суду въ государствѣ, суду крови, и высшій надзоръ надъ республикой. Люди, которымъ ввѣрялась власть надъ живнiю и смертiю гражданъ, должны быть самне независимы и надежны. Судьи, вѣдающіе самыя тяжкія преступленія, пусть имѣютъ также власть заграждать ихъ источники, источникъ всѣхъ нарушеній закона, въ нравственномъ настроеніи гражданъ. Страхъ и трепеть, окружавшіе служебную дѣятельность судей крови, должны сообщать имъ самимъ важность и достоинство, а всѣмъ ихъ распоряженіямъ—безусловный авторитетъ. Въ Греціи законъ объ убійствахъ принадлежалъ къ числу религіозныхъ уставовъ, совершался согласно религіознымъ предписаніямъ и обставленъ былъ религіозными обрядами. Традиціи аттическаго права крови восходили къ миенческимъ временамъ; это право дѣйствовало уже съ первой половины восьмого столѣтія. Въ Аттікѣ судъ надъ смертоубійцами стоялъ подъ священной охраною бога чистоты Аполлона, освященъ былъ его авторитетомъ. Судилище, долженствовавшее очищать страну отъ самыхъ тяжкихъ оскверненій, оскверненій кровію, могло также съ полнымъ успѣхомъ охранять чистоту нравственнаго настроенія гражданъ. Судъ объ убійствахъ производили и наслѣдственные цари съ благородными герантами (старцами) и выборные цари съ аристократическимъ совѣтомъ и наконецъ архонтъ базилевсъ сначала съ пританами наукрарій, а по закону Дракона съ сорока-восемью эфетами на слѣдующихъ судбищахъ на ареопагѣ, предъ Палладіономъ, Дельфиніономъ и Пританеємъ. Ареопагъ былъ важнѣйшимъ судбищемъ, здѣсь вѣдальсь дѣла по умышленнымъ убійствамъ. Солонъ рѣшилъ оставить за эфетами (они избирались эпатридами наукрарій изъ членовъ этого сословія, достигшихъ пятидесяти-лѣтняго возраста) только три послѣднія судебныя мѣста—предъ Палладіономъ, Дельфиніономъ и Пританеємъ. На этихъ мѣстахъ слѣдовало совершать, съ надлежащею правильностію, обычные священные обряды, когда по предварительному слѣдствію архонта-царя открывалось, что смертный случай причиненъ или не намѣренно, или при облегчающихъ вину обстоятельствахъ, или человѣ-

жомъ неизвѣстнымъ, или бѣжавшимъ или неодоушевленнымъ предметомъ.

И судилище на ареопагѣ, покрайней-мѣрѣ большинство его членовъ, должно было состоять изъ лицъ, которыя по семейному преданію знали религиозные обряды, т. е. изъ эвпатридовъ. Никто не возставалъ противъ судебныхъ правъ сословія эвпатридовъ, каждый проникнуть былъ убѣжденіемъ, что невозможно измѣнять какимъ бы то ни было образомъ отношеніе государства къ богамъ; самый крайній аѳинскій демократъ не осмѣлился-бы въ то время судъ по убійствамъ поручить людямъ изъ среды народа. Такъ-какъ и народъ единственными судьями въ дѣлахъ по смертоубійствамъ признавалъ членовъ родовой знати, то это общее мѣнѣе уже гарантировало составъ новой коллегіи отъ всякихъ завистливыхъ притязаній. Но Солонъ находилъ эту гарантію еще недостаточною; онъ хотѣлъ, чтобы судьи ареопага пользовались возможно большимъ довѣріемъ. Притомъ, замѣнивъ привилегію знатнаго происхожденія привилегіей богатства, онъ могъ только *косвеннымъ образомъ*, т. е. такъ же, какъ онъ поступилъ относительно архонтата и совѣта, дать сословію эвпатридовъ преимущества вступать въ коллегію, не наследованную отъ прошедшаго, какова была корпорація эфетовъ но вновь учреждаемую. Потому Солонъ постановилъ, что занимать мѣста въ высшемъ судилищѣ государства, въ ареопалѣ впредь могутъ только граждане перваго имущественнаго класса, пентакосіомедимны. Но и изъ нихъ только тѣ граждане, которые занимали высочайшія должности въ государствѣ, именно—архонтовъ, слѣдовательно извѣстное время уже обладали юрисдикціей государства, и сверхъ того при дачѣ отчета признаны совершенно безупречными, могли быть судьями на ареопагѣ. Такимъ образомъ Солонъ давалъ доступъ въ ареопагъ той части сословія эвпатридовъ, которая удостоивалась избранія отъ народа и получала одобреніе отъ гелизіи. Этимъ постановленіемъ Солонъ достигалъ того, что люди, враждебные народу, жестокіе, самоуправные и безнравственные устранялись отъ ареопага. Можно было надѣяться, что тотъ, кого народъ удостоивалъ избранія, а гелизія—одобренія, окажется

достойнымъ и этого высокаго призванія. Это были люди изъ благородныхъ фамилій, имѣвшіе больше тридцати лѣтъ отъ роду, безупречно проходившіе важнѣйшія государственныя должности. Такъ-какъ всѣ ех-архонты, выдержавшіе испытаніе, каждый годъ поступали въ ареопагъ и оставались членами его во всю жизнь, до самой смерти, то скоро должна была образоваться постоянная, многочисленная коллегія, совокуплявшая въ себѣ даровитыхъ, фактически доказавшихъ свои способности людей изъ сословія эвпатридовъ, выработывавшая и сохранявшая преданія о государственной пользѣ. Святость мѣста, предоставленнаго этой коллегіи, величія имени и сана, религиозное значеніе, обязанность добросовѣстно охранять законы, важность занятій, величіе и возвышенность задачи должны были производить столь великое вліяніе на членовъ этого судилища, «что и менѣе добрые», какъ говорить Исократъ, «перемѣнялись и исправлялись». ²⁶⁾ Вслѣдствіе возрастающаго числа эвсъ-архонтовъ и своего положенія, ареопагъ долженъ былъ мало-по-малу сдѣлаться средоточіемъ аристократіи и исполненное достоинства поведеніе ареопагитовъ не могло не производить благоприятнаго вліянія на сочленовъ ихъ сословія внѣ коллегіи. Можно было надѣяться, что ареопагъ въ состояніи будетъ дать всей аттической аристократіи надлежащее и благотворное для государства направленіе.

Ареопагиты держали свои засѣданія на искони священномъ холмѣ Ареса, предъ святилищемъ бога войны. Предъ храмомъ бога крови производился судъ надъ тѣми, кто въ мирную общину умышленно вносилъ войну, кто употреблялъ въ дѣло оружіе и причинялъ смертоубійство. Здѣсь совершился нѣкогда судъ надъ самимъ Аресомъ послѣ того, какъ онъ убилъ Галитотія, который нанесъ безчестіе дочери Ареса отъ Пандрозы; здѣсь въ глубокой древности признавъ былъ виновнымъ Орестъ. Внизу у Аресова холма стояли алтари почтенныхъ богинь, Эривній, тѣхъ духовъ мщенія, которые безотступно преслѣдовали всякаго убійцу, всякаго преступника, но

²⁶⁾ Areopagit. с. 15.

для очищеннаго отъ вины, для всѣхъ благомыслящихъ были благожелательными хранительницами, Эвменидами. Подобно этимъ божествамъ (служеніе коимъ было на попеченіи ареопагитовъ)²⁷⁾, и ареопагиты, съ одной стороны, должны были безжалостно преслѣдовать преступниковъ, съ другой—давать защиту всѣмъ добрымъ. Съ вѣрованіемъ о покровительствѣ, какое будто-бы оказывали этому мѣсту Аполлонъ и Аѳина, съ поклоненіемъ эвменидамъ соединены были древніе и таинственные обряды, отъ которыхъ зависѣло, какъ вѣрили аѳиняне, благосостояніе ихъ страны.²⁸⁾ Древнія постановленія права крови, сохраняемыя ареопагитами, торжественныя и внушающія страхъ формы судебной процедуры на ареопагѣ подъ открытымъ небомъ, жертвы, очищенія и примирительные обряды, съ которыми искони соединено было производство суда на этомъ мѣстѣ—все это должно было обеспечивать благоговѣйное повиновеніе всѣмъ рѣшеніямъ и распоряженіямъ этого высокаго совѣта. Такимъ образомъ Солонъ достигалъ того, что коллеги, которой онъ ввѣрялъ надзоръ надъ своимъ государствомъ, содѣйствовали въ исполненіи ея задачи авторитетомъ религіи, полное вліяніе религіознаго чувства какъ на ея членовъ, такъ и на весь народъ. Ея миссія была, казалось, болѣе религіознаго, чѣмъ политическаго свойства; всѣ ея дѣйствія запечатлѣны были авторитетомъ религіи.

Этимъ освященіемъ Солонъ вознесъ заключительный камень своей конституціи на высоту, недосыгаемую для обыкновенной политической суеты.

Ареопагиты должны были творить судъ надъ убійцами, наблюдать за государствомъ и за всѣми гражданами, отвѣтствуя только предъ богами и предъ своей совѣстію. Ареопагъ, по выраженію Плутарха, «охранитель всего государства и стражею законовъ»²⁹⁾ обладалъ цензорскою и полицейскою властью неограниченнаго и неопредѣленнаго свойства, кото-

²⁷⁾ Müller Aeschylus Eumeniden S. 179.

²⁸⁾ Dinarch. c. Demosthen. § 9.

²⁹⁾ Plut. Solon, c. 19. Cp. Aeschin. contra Ctesiph. p. 373.

рая простиралась на всѣ области государственной жизни. Ближайшимъ образомъ онъ долженъ былъ наблюдать за культомъ въ государствѣ, пецись о сохраненіи всѣхъ священныхъ служеній и обрядовъ и блюсти чистоту богослуженія. Кто совершалъ служеніе божеству, не признанное государствомъ, тотъ могъ быть обвиненъ предъ ареопагомъ. ⁴⁰⁾ За упущеніе священнодѣйствій, за «безбожіе,» ареопагъ могъ требовать каждаго предъ свой трибуналъ. Онъ назначалъ не только лица, которыя должны были приносить жертвы Эвменидамъ, но также и надзирателей за священными оливковыми деревьями богини Аеины. За истребленіе этихъ деревьевъ законъ угрожалъ конфискаціей имущества и изгнаніемъ; обвиненіе въ этомъ преступленіи заявлялось предъ ареопагомъ. Надзоръ и цензура надъ религіей и религіознымъ настроеніемъ гражданъ имѣлъ близкую связь съ охраненіемъ и нравственнаго ихъ настроенія. Религіозное, нравственное настроеніе могло преуспѣвать и укрѣпляться только тогда, когда основанія религіи и нравственности глубоко вѣдрались въ сердце юношества. Потому Солонъ предоставилъ ареопагу надзоръ надъ воспитаніемъ. ⁴¹⁾ Гражданъ, которые, несмотря на доброе воспитаніе, уклонялись съ надлежащаго пути, ареопагъ призывалъ предъ свои собранія и побуждалъ ихъ измѣнять къ лучшему соблазнительное поведеніе—мѣрами отеческой власти, увѣщаніями, угрозами и наказаніями, которыя онъ налагалъ по своему усмотрѣнію, принимая во вниманіе всю жизнь виновнаго. Ареопагъ могъ подвергать заслуженному наказанію всѣхъ преступниковъ, ускользавшихъ отъ законной кары, преступниковъ, которыхъ обыкновенные суды не имѣли возможности признать виновными. ⁴²⁾ Каждый долженъ былъ повиноваться призыву ареопага и давать предъ нимъ требуемыя показанія. Но ареопагъ, по конституціи Солонна, наблюдалъ не за однимъ нравственнымъ состояніемъ

⁴⁰⁾ Schhmann griech. Alterth. 1, S. 499.

⁴¹⁾ Isocrat. Areopag. c. 14—18.

⁴²⁾ Isocrat. l. c. Athen. p. 167.

гражданъ, но и за ихъ экономическимъ положеніемъ и промышленными занятіями. Кто жилъ праздно, не имѣя состоянія, того ареопагъ принуждалъ приобрѣтать трудомъ честное пропитаніе; онъ долженъ былъ разсматривать всѣ обвиненія, предъявляемыя ему противъ подобныхъ людей, также преслѣдовать тѣхъ, кто расточалъ свое наследственное имущество. Если такимъ образомъ ареопагу принадлежалъ весьма обширный полицейскій и нравственно-полицейскій надзоръ надъ всѣми гражданами, то его власть относительно правительства и управленія государствомъ была не менѣ значительна. Онъ имѣлъ право призывать предъ свой трибуналъ правительственныя лица по поводу ихъ служебныхъ дѣйствій, не дожидаясь чьей-либо жалобы. Онъ имѣлъ право отиѣнять всѣ тѣ опредѣленія какъ совѣта, такъ и народнаго собранія, которыя, по его мнѣнію, протаворѣчали существующему государственному устройству или дѣйствующимъ законамъ, или были опасны для благоденствія государства. ⁴³⁾

Между тѣмъ какъ всѣ другіе власти и суды, во всѣхъ греческихъ общинахъ, начинали преслѣдованіе только въ такомъ случаѣ, когда преступленіе кѣмъ-либо оглашалось предъ ними; между тѣмъ какъ обыкновенно дѣйствовалъ обвинительный процессъ,—ареопагъ не обязанъ былъ дожидаться обвинителя, собственною властію начиная судебное преслѣдованіе. Другіе сановники смѣнялись ежегодно,—члены ареопага оставались въ должности до конца дней своихъ; почему въ средѣ его всегда было много маститыхъ старцевъ. Всѣ другія должности были отвѣтственны, ареопагъ не отвѣтствовалъ за свои дѣйствія ни передъ кѣмъ. Съ высоты ре-

⁴³⁾ Кромѣ свидѣтельства Плутарха, *solon* с. 19. это право ареопага неоспоримо подтверждается правами семи номофилаковъ, по закону Эфиальта замѣнившихъ въ этомъ отношеніи Ареопагъ (*Philochor. fragm. 141ed.*, Muller); они могли отиѣнять постановленія совѣта и народнаго собранія, когда проводъ открывалъ изслѣдованіе равно какъ и вредныя для государства опредѣленія: Schoana. a. O. S. 495 ff.

лигіознаго и жреческаго величія. совѣтъ избранныхъ эвпатридовъ, сгруппированныхъ въ ареопагъ, преслѣдовалъ всѣ преступленія и проступки, наблюдалъ за религіей, воспитаніемъ, образомъ жизни гражданъ, былъ стражемъ и хранителемъ законовъ, постановлялъ безапелляціонное veto относительно дѣйствій правительственныхъ лицъ, опредѣленій совѣта, воли цѣлаго народа. На совѣтъ четырехъ сотъ и на совѣтъ ареопага, какъ на двухъ якоряхъ «по выраженію Солонъ», корабль государства долженъ стоять безопасно и непоколебимо ⁴⁴⁾ и Эсхилъ влагаетъ въ уста Аенны слѣдующія слова къ аэнианцамъ: «пока вы-будете подобающимъ образомъ чтить это святилище (совѣтъ ареопагитовъ), дотогъ вы будете имѣть такую охрану для страны и такое спасеніе для государства, какикъ не имѣть ни одинъ человекъ, ни Скионъ, ни страны Пелопса. Это неподкупное, достопочтенное, строгое собраніе я поставлю для спящихъ вмѣсто бдительнаго стража страны.» ⁴⁵⁾

Основаніе ареопага завершило конституцію. Солонъ зналъ что новая форма государственной жизни удовлетворяла далеко не всѣмъ желаніямъ и требованіямъ. Для болѣе ревностныхъ между педіями онъ отнималъ у эвпатридовъ слишкомъ много привилегій, для пылкихъ сторонниковъ партіи діакривъ онъ давалъ народу слишкомъ мало правъ. Солонъ, такъ-же какъ за пятьдесятъ лѣтъ Залевъ Локрскій, видѣлъ, что никто не можетъ дать законовъ, пригодныхъ на всѣ будущія времена, что законы, составленіе которыхъ было возложено на него, не могли обойтись безъ пробѣловъ; хотя бы онъ съ величайшей заботливостію постарался опредѣлить всѣ отношенія такъ подробно, сколько возможно; онъ видѣлъ, что вельзя и не слѣдуетъ устранять сомнѣніе и споръ относительно изъясненія того или другого закона, что дополненія и исправленія законовъ неизбежны; что перемены отношеній внутри государства поведутъ за собой перемены въ законахъ.

⁴⁴⁾ Plat. Solon. c. 19.

⁴⁵⁾ Aeschyl. Eumenid. c. 700.

Самъ Солонъ былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что его конституція возникла изъ бѣдственнаго состоянія аттического народа и удовлетворяла только тѣмъ его требованіямъ, на которыя невозможно было отвѣчать отказомъ, что учрежденія его конституціи не превышаютъ уступокъ, которыхъ по справедливости можно было требовать отъ противоположныхъ партій, составляли только компромиссъ между сословіемъ эвпатридовъ и народомъ; онъ былъ весьма далекъ отъ мысли, что далъ афинянамъ конституцію совершенную. Когда его однажды спросили, лучшіе ли далъ онъ законы афинянамъ, онъ отвѣчалъ: «лучшіе изъ тѣхъ, какіе они могли принять». ⁴⁶⁾ Посему слѣдовало, во-первыхъ, не выставлять этого компромисса неизмѣннымъ на всѣ будущія времена—для того, чтобы партіи охотнѣе приняли его; во-вторыхъ — обезопасить конституцію отъ новыхъ взрывовъ страстей, отъ новыхъ притязаній партій, законы—отъ легкомысленныхъ, поспѣшныхъ и преждевременныхъ перемѣнъ. Чтобы предотвратить подобныя перемѣны, Залевъ постановилъ, что каждый, кто почтетъ неправильнымъ изъясненіе какого-либо существующаго закона высшими должностными лицами, что всякій, кто захочетъ перемѣнить какой-нибудь законъ, долженъ говорить предъ совѣтомъ тысячи съ веревкой на шеѣ. Если большинство голосовъ будетъ не на сторонѣ его предложенія, то петля должна быть затянута и дерзкій нововводитель тотчасъ удушенъ. ⁴⁷⁾ Солонъ, въ видахъ прочнаго развитія закона, не могъ установить столь наивнаго, или столь грубаго терроризма; по его конституціи ни одинъ гражданинъ въ отдѣльности не имѣлъ никакой инициативы; было бы болѣе, чѣмъ безразсудно предоставить частнымъ лицамъ инициативу именно въ этомъ предметѣ. Только совѣтъ обладалъ инициативой въ управленіи и законодательствѣ; только онъ могъ хорошо знать вліяніе законовъ; потому отъ него только могло исходить основательное предложеніе объ отмѣнѣ или измѣненіи какого-

⁴⁶⁾ Plut. Solon c. 15.

⁴⁷⁾ Polyb. 12. 16.

либо существующаго закона. Сообразно съ составомъ совѣта, слѣдовало предполагать, что перемѣны, которыхъ будетъ домогаться совѣтъ, будутъ болѣе аристократическаго, чѣмъ демократическаго направленія. При ежегодной смѣтѣ членовъ совѣта, слѣдовало позаботиться преимущественно о томъ, чтобы дать время остывать первому пылу равенности къ конституціоннымъ реформамъ въ аристократическомъ направленіи, на тотъ случай, если бы когда-нибудь выборы состоялись въ рѣзко аристократическомъ духѣ; далѣе—о томъ, чтобы обезопасить народъ отъ всѣхъ покушеній на уменьшеніе его правъ. Въ этомъ смыслѣ Солонъ постановилъ, что если совѣтъ (онъ выбирался, какъ и всѣ правительственныя лица, въ началѣ аттическаго года около лѣтняго солнцестоянія) заключалъ, что потребно измѣненіе, и именно извѣстное въ существующихъ законахъ, то онъ долженъ былъ внести въ первое, въ своемъ служебномъ годѣ, засѣданіе народнаго собранія предложеніе, согласенъ-ли народъ допустить вообще какую-нибудь перемѣну въ законахъ. Если народъ отвергалъ это предварительное предложеніе, тогда совѣтъ долженъ былъ отказаться на весь годъ отъ своего намѣренія.

Если предварительное предложеніе принималось, то не весь народъ, а его представители произносили рѣшеніе о перемѣнахъ, предложенныхъ совѣтомъ. Для этой цѣли геліаэ,—судебный комитетъ, состоявшій изъ выбранныхъ по жребію изъ цѣлаго народа, изъ всѣхъ имущественныхъ классовъ,—должна была назначить изъ среды своей самыхъ разсудительныхъ людей номотетами, т.-е. законодателями. Они должны были образовать изъ себя, подъ предсѣдательствомъ высшихъ судей въ государствѣ, шести тесмотетовъ (которые предсѣдательствовали и въ геліаэ) судебное собраніе, чтобы въ этомъ качествѣ произнести приговоръ, какъ о судебномъ дѣлѣ, о перемѣнахъ, предложенныхъ совѣтомъ. Совѣтъ чрезъ своихъ представителей выступалъ истцомъ противъ существующаго закона; народъ избиралъ мужей, пользовавшихся его особенною довѣренностію, или казавшихся ему особенно свѣдущими въ дѣлѣ, въ адвокаты и защитники закона, подвергавшагося нападенію. Въ позднѣйшее время судебный комитетъ номо-

тетовъ составляли пять сотъ, а потомъ сто гелиастовъ;⁴⁸⁾ по законамъ Солона, онъ ограничивался, вѣроятно, четырьмястами членовъ. Номотеты произносили безапелляционный приговоръ въ пользу или противъ новаго закона. Въ первомъ случаѣ онъ приводился въ дѣйствіе, если ареопагъ не объявлялъ впоследствии противъ него veto, право на которое, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежало ему и относительно новыхъ законовъ. Существовало прямое постановленіе, что нельзя вводить новаго закона, безъ полной отмѣны стараго, ни отмѣнять стараго безъ замѣны его новымъ. Тесмотеты, которымъ, какъ высшимъ судьямъ, вѣрена была охрана закона, должны были наблюдать за исполненіемъ этого постановленія. Рассказываютъ, что современникъ Солона, спартаецъ Хилонъ, который самъ во многомъ измѣнилъ спартанскую конституцію, но конечно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы его нововведенія никогда не отмѣнялись, узнавши о постановленіи Солона относительно перемѣнъ въ законахъ, отказалъ ему въ дружбѣ и гостепримствѣ.⁴⁹⁾

⁴⁸⁾ Böckh Staatshaushalt 1, 337. Demosth. c. Timocr. p. 708. ff Andocycl. muser. 84.

⁴⁹⁾ Plat. Septem. var. conv. c. 7. Объ отношеніи новыхъ и старыхъ законовъ Demosth. c. Timocr. p. 710, in Lept. p. 485, объ участіи тесмотетовъ, котораго требуетъ и самое существо дѣла, Aeschin. c. Ctesiph § 38. Порядокъ измѣненія законовъ, опредѣляемый свидѣтельствами Демосоена и Поллука (8, 101.), авторъ не колеблется вмѣстѣ съ Шёманномъ (Verfassungsgeschichte Athens, S. 54 ff) приписать въ главныхъ его чертахъ Солону. Основанія, по которымъ Солонъ долженъ былъ подготовить возможность измѣненій въ конституціи, изложено въ текстѣ. Критеріумомъ для различенія, что въ законахъ, приписываемыхъ Солону, принадлежитъ дѣйствительно ему и что не принадлежитъ должно служить относительно конституціи соображеніе, что намѣренія Солона нигдѣ не шли далѣе защиты народа противъ сословія знатридовъ. Измѣненія въ конституціи не должны были отнимать у народа эту защиту. Солонъ всего менѣе могъ предоставить инициативу въ дѣлѣ измѣненія конституціи народу, или лучше каждому частному лицу, — Солонъ, не давшій народу никакого положительнаго вліянія на теченіе государственннхъ дѣлъ. Пробулема совѣта па-

Великое дѣло Солонѣ не было оцѣнено афинянами по достоинству. Народъ, т.-е. преимущественно четвертый податной классъ, купцы, судохозяева, ремесленники, тѣхъ ожидали другого. Со дня саламинскаго они смотрѣли на Солонѣ, какъ на своего спасителя и помощника; а какія незначительныя права далъ онъ теперь народу, горожанамъ и бѣднымъ наемнымъ работникамъ! «Прежде,» говоритъ Солонъ объ этихъ недовольныхъ, «они называли меня своей радостію, а теперь всѣ они смотрятъ на меня съ гнѣвомъ, косо, какъ на врага». ⁵⁰⁾

реализовала всякую самостоятельную инициативу отдѣльнаго лица, и относительно государственнаго устройства она становилась возможною только тогда, когда пробулевма вообще одобрялась еkkлeзiей. Невозможно, чтобы Солонъ предписалъ совѣту каждый годъ предлагать первому народному собранію вопросъ относительно измѣненія законовъ; это установленіе принадлежитъ временамъ позднѣйшаго развитія, временамъ фабрикаціи законовъ. Слѣдовательно, совѣтъ предлагалъ этотъ вопросъ только тогда, когда самъ желалъ перемѣны. Необходимость согласія народа обусловливается всѣмъ устройствомъ Солоновой конституціи. Но, что народъ долженъ былъ отвѣчать только на общій вопросъ, а рѣшеніе по существу дѣла принадлежало комитету геліа, это вполне гармонируетъ съ положеніемъ, какое Солонъ указалъ и во всемъ остальномъ еkkлeзiи и геліа. Что комитеты избирались голосами гражданъ, а не назначались по жребію, какъ было впоследствии, — этого требовала сущность дѣла, а обсужденіе новаго закона, какъ тяжелаго дѣла, при истцѣ и защитникахъ, достаточно говорить въ пользу относительной древности этого убѣжденія. Возраженіе, что комитеты были слишкомъ необразованны и неопытны, чтобы рѣшать подобныя дѣла съ какою-нибудь основательностію, разрѣшается тѣмъ, что въ Солоновомъ государствѣ только власть, взятая изъ народа, могла защищать народъ, и что адвокаты народа и совѣта имѣли полную возможность разъяснить дѣло комитетамъ. Полагать, что Солонъ хотѣлъ дать афинянамъ вообще лучшіе законы, значитъ держаться ложной идеалистической точки зрѣнія; дѣло шло о томъ, чтобы разумные люди изъ среди народа отъ его имени произнесли приговоръ, будутъ или нѣтъ жать ногу новыи сопоги, которые привелось-бы носить ему.

⁵⁰⁾ Fragm. 34. ed Bergk. Ясно, что эпатириды никогда не могли называть Солонѣ своей радостію, слѣд. этотъ отрывокъ говоритъ о

Сужденіе, провнесенное недовольными того времени, раздѣляли и позднѣйшіе писатели. Такой-же приговоръ о конституціи Солонѣ произноситъ и Аристотель, согласно съ принципомъ своей доктрины. «Солонъ», пишетъ Аристотель, «всѣ должности отдалъ благороднымъ и богатымъ, пентакосіомедимнамъ, всадникамъ и зевгитамъ; теты не получили доступа ни къ одной должности. Народу онъ далъ только самую необходимую власть, именно право избирать правительственные лица и требовать отъ нихъ отчета. Достоинство Солонѣ, какъ законодателя, по мнѣнію нѣкоторыхъ, заключается въ томъ, что онъ уничтожилъ олигархію, которая была слишкомъ несправедлива, прекратилъ рабство народа и положилъ основаніе демократіи, потому что онъ прекрасно смѣшалъ государственное устройство. Ибо совѣтъ на ареопагѣ свойственъ олигархіи, избраніе свойственно аристократіи, а право народа судить свойственно демократіи ⁵¹⁾».

Утѣшеніемъ, въ виду ропота недовольныхъ, Солонъ могъ найти въ своихъ собственныхъ словахъ: «въ великихъ дѣлахъ трудно угодить всѣмъ» ⁵²⁾. Онъ самъ весьма вѣрно говоритъ о своей конституціи: «я далъ народу столько силы,

настроеніи умовъ не послѣ сизахтіи, но послѣ объявленія законовъ о государственномъ устройствѣ. Столь-же ясно, что Солонъ не былъ бы сдѣланъ устройтелемъ государственнаго порядка, если бы народъ уже послѣ сизахтіи сталъ считать его своимъ врагомъ. Если даже читать шаапа, то выраженіе «они имѣли тогда глупое въ умѣ» можетъ относиться все-таки только къ глупымъ сужденіямъ народа. Но шагма гораздо лучше соответствуетъ контексту рѣчи, чѣмъ шаапа, не заключающее въ себѣ противоположности къ словамъ: «теперь я ихъ врагъ».

⁵¹⁾ Aristot. polit. II, 9, 4. Самъ Аристотель думаетъ, что совѣтъ на ареопагѣ и избраніе государственныхъ сановниковъ существовали уже до Солонѣ, а не имъ учреждены, и что ему принадлежитъ только учрежденіе геліаи. Конечно, и до Солонѣ существовали судьи, разбиравшіе дѣла на ареопагѣ, но не было сословнаго совѣта на ареопагѣ, также и государственные сановники, конечно, избирались и до Солонѣ, но только евпатридами.

⁵²⁾ Fragm. 7. ed. Bergk.

сколько достаточно; я предоставилъ ему его права, но и не слишкомъ возвысилъ ихъ. Я позаботился не оставить ничего непристойнаго въ рукахъ тѣхъ, которые имѣли силу и стояли выше всѣхъ по имуществу. Такъ я покрывалъ обонхъ крѣпкимъ щитомъ и не позволялъ, чтобы одни одержали несправедливую побѣду надъ другими. Народъ всего охотнѣе слѣдуетъ за своими вождями тогда, когда онъ ни слишкомъ распущенъ, ни угнетенъ. ⁵³⁾

Афиняне имѣли основаніе судить благоприятнѣе, чѣмъ Аристотель, о мастерскомъ аданіи, которое воздвигъ имъ Солонъ. Онъ провелъ реформу, удовлетворявшую всѣмъ справедливымъ требованіямъ обѣихъ партій, приспособленную къ тому, чтобы возбудить наименьшее число сильныхъ противниковъ новой государственной жизни. Онъ уничтожилъ главнѣйшую причину вражды народа противъ эпатридовъ, поставивши привилегію поземельнаго имущества на мѣсто привилегіи рожденія. Онъ далъ народу гарантіи его экономическаго, а потомъ и политическаго положенія, гарантіи противъ всѣхъ насилій родовой знати, которыя, при извѣстной энергіи и при дѣятельномъ участіи народа въ общественной жизни, могли быть достаточны. Солонъ обезпечилъ экономическое положеніе народа частію временными опредѣленіями сизахтіи и амнистіи, частію постояннымъ учрежденіемъ имущественныхъ классовъ. Не возможно было изнурять народъ податями и военной службой, при которой каждый воинъ обязанъ былъ имѣть собственное вооруженіе и содержать себя въ походахъ послѣ того, какъ вся тяжесть податей и военной службы возложена была на крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ. Привилегію, данную высшимъ классамъ, на государственныя должности, онъ уравнивалъ, возложивъ на нихъ болѣе тяжелыя повинности; онъ устранилъ неудовольствіе противъ привилегій родовой знати, сдѣлавши государственныя должности доступными для всякаго крупнаго землевладѣльца, каковаго бы онъ ни былъ происхожденія, хотя чрезъ это онъ не отнялъ

⁵³⁾ Fragm. 6. 7.

фактически управленія у эвпатридовъ. Если же правительственная и судебная власть оставались за навикомъ въ дѣлахъ, за опытностію и умственнымъ превосходствомъ сословія эвпатридовъ,—хотя и подъ другимъ именемъ; если лица, обладавшія правительственною и судебною властію, были не только независимы по своей поземельной собственности, но и вліятельны, помимо своей должности, уже вслѣдствіе своего соціального и экономическаго положенія, то при такомъ сильномъ правительствѣ было существенно необходимо обезопасить народъ отъ злоупотребленій администраціи и суда. Солонъ зналъ, что въ *аттической республикѣ* никто не можетъ защитить народа, если самъ народъ не въ состояніи будетъ защищать себя, и далъ ему необходимыя для того права, именно онъ организовалъ народную массу въ корпорацію, обладавшую извѣстными политическими правами, имѣвшую право рѣшенія. Этой новой корпораціи онъ предоставилъ *veto* противъ, ежегодно избираемыхъ правительственныхъ лицъ; онъ далъ ей право требовать отчета отъ сановниковъ по окончаніи ихъ служенія, онъ далъ народу право апелляціи на всѣ уголовныя приговоры, постановляемые правительственными лицами,—къ такому судилищу, которое состояло изъ значительной части самого народа. всѣ важнѣйшія опредѣленія правительства онъ поставилъ въ зависимость отъ согласія цѣлаго народа. На замѣщеніе правительственныхъ должностей, на служебныя дѣйствія членовъ магистратуры, на всѣ значительнѣйшія правительственные акты требовалось предварительное или послѣдующее согласіе народа. И, наконецъ, ареопагъ—аристократическая коллегія, образующая первое въ государствѣ сословіе, впрочемъ прошедшая черезъ выборы и испытанія народа,—ареопагъ, опираясь на политическія и религіозныя преданія государства, долженъ былъ занимать средину между народомъ и сословіемъ эвпатридовъ, какъ третья, непричастная интересамъ партій, корпорація, и давать послѣднее рѣшеніе въ дѣлахъ государства,

Чтобы еще вѣрнѣе предотвратить злоупотребленія въ управленіи, Солонъ рѣзче, чѣмъ прежде, отдѣлилъ исполнительную и судебную власть правительства отъ правъ его адми-

нистративныхъ и законодательственныхъ; первыя предоставилъ онъ архонтамъ, послѣднія — совѣту. Аналогическимъ образомъ онъ отдѣлилъ въ новооснованной корпораціи, обвинявшей цѣлый народъ, административное вето—отъ судебного. Народное собраніе и геліэа составляли два народные комитета, въ извѣстной мѣрѣ контролирующие другъ друга. Правительственныхъ лицъ, противъ избранія которыхъ народъ ни въ экклеіи, ни въ собраніяхъ филъ не представлялъ возраженія, неиспытывала геліэа относительно ихъ гражданскихъ и нравственныхъ качествъ, геліэа выслушивала ихъ отчетъ въ отправленія должности; и подобно тому какъ опредѣленія совѣта предлагались на утвержденіе народного собранія, такъ уголовныя приговоры архонтовъ утверждались геліэей. Судебную власть въ государствѣ Солонъ раздѣлилъ между архонтами, геліэей и ареопагомъ; архонтамъ принадлежала высшая гражданская юрисдикція, геліэа была высшимъ уголовнымъ судилищемъ, ареопагъ былъ судилищемъ о смертоубійствахъ и поджогахъ.

Солону, величайшему политическому генію, какового только можетъ указать древность, удалось своей конституціей спасти и сохранить земледѣльческое сословіе въ Аттікѣ—заслуга, пережившая всѣ перемѣны въ его учрежденіяхъ. Черезъ это онъ спасъ не только аттическое государство, но и независимость эллиновъ. Безъ свободныхъ аттическихъ земледѣльцевъ битвы Марафонская и Саламинская не только не были бы выиграны, но не были бы и даны. Солону удалось создать въ своей конституціи законную почву для демократіи въ Элладѣ, положить основаніе для развитія гражданской свободы, для правильного самоуправленія народа, хотя и мало численнаго самоуправленія, доселѣ неизвѣстнаго въ исторіи. Онъ достигъ этого тѣмъ, что, въ виду злоупотребленій прошедшаго, избрѣлъ и осуществилъ систему недоверія и гарантіи, многоосмѣянную въ новое и старое время, но тѣмъ громче восхваляемому всѣми благоразумными людьми. Солонъ въ первый разъ учредилъ дѣйствительно раздѣленные власти въ республикѣ, т. е. основанныя на различныхъ интересахъ, правахъ и стремленіяхъ, и сдѣлалъ необходимымъ согласіе этихъ

правительственныхъ властей, мѣстъ и корпорацій — вслѣдствіе конкуренціи — относительно управленія съ одной стороны архонтовъ и совѣта, съ другой — народнаго собранія; относительно юстиціи вслѣдствіе конкуренціи тесмотетовъ и геліэи; даже для надлежащаго значенія выборовъ онъ узаконилъ согласіе обѣихъ народныхъ корпорацій, экклезиіи и геліэи. Наконецъ, для какой-либо перемѣны въ конституціи и въ законахъ требовалось согласіе на нее всѣхъ государственныхъ властей — правительства, представляемаго совѣтомъ, народнаго собранія, судебнаго народнаго комитета — геліэи; требовалось еще, чтобы ареопагъ не отмѣнилъ новаго закона, въ силу принадлежавшаго ему и въ этомъ случаѣ права veto.

Библиографическій указатель.

Исторія права московскаго государства т. I. Н. П. Загоскина.
Казань, 1877 г.

Положенія къ изслѣдованію: Центральное управленіе московскаго государства. Вып. I: Дума боярская (Ист. пр. москов. государства, т. II вып. I), представленному въ юридическій факультетъ Имп. Казанскаго университета, для полученія степени доктора государств. права. Казань, 1879 г.

Сознаемся, мы всегда съ недовѣріемъ, если не съ предубѣжденіемъ относимся къ тѣмъ молодымъ ученымъ, которые, на первыхъ-же порахъ, берутся не за монографическую разработку, а за изданіе, полнаго курса науки, или вообще обширнаго труда. Съ такимъ-то недовѣріемъ мы взяли съ чтеніе сочиненія г. Загоскина, обещающаго подарить насъ шестью томами, въ 20—30 печатныхъ листовъ въ каждомъ. По нашему убѣжденію, для каждаго руководящаго сочиненія всей науки, недостаточно одного, болѣе или менѣе подробнаго, знакомства съ литературой той науки, но необходима самостоятельная разработка, самостоятельный взглядъ на всѣ отдѣльныя части науки и вѣрное, установившееся пониманіе отношеній ихъ другъ къ другу, а на это нужно время и время. Если покойный Н. В. Гоголь и нашъ почтенный литераторъ Гончаровъ совѣтуютъ писателямъ предварительно издавія ихъ сочиненій переписывать послѣднія собственно

ручно до восьми разъ, то подобный совѣтъ въ дѣлѣ науки долженъ становиться уже неизбѣжнымъ требованіемъ.

Предметъ, избранный г. Загоскинымъ, составляетъ самую важную и еще невыясненную часть исторіи русскаго права, именно изложеніе правовой стороны періода московскаго государства, періода, начинающагося, по мнѣнію автора, 1462 годомъ, т.-е. восшествіемъ на престолъ Ивана III и оканчивающагося 1703 годомъ, т.-е. основаніемъ Петербурга. Характеристику этого періода авторъ опредѣляетъ слѣдующими чертами: «Россія является на арену исторіи могущественнымъ единодержавнымъ и самодержавнымъ государствомъ—московскимъ царствомъ, когда исчезаютъ прежнее договорное начало и голосъ земщины въ видѣ вѣча, а вмѣсто ихъ является начало крѣпости съ закрѣпленіемъ служилыхъ людей, крѣпостного, волостного, посадско-городскаго населенія государственному тяглу, когда законодательная власть стала находиться всецѣло въ рукахъ одного только московскаго царя». Дѣйствительно, изложенная характеристика отдѣляетъ этотъ періодъ отъ предшествующаго, такъ-называемаго, удѣльно-вѣчевого, но нисколько не отдѣляетъ отъ періода послѣдующаго, по выраженію автора, императорскаго. Если бы авторъ глубже вникнулъ въ свою характеристику, то, мы не сомнѣваемся, онъ нашелъ бы ее точно также относящеюся и ко всей первой половинѣ XVIII вѣка. Неужели автору неизвѣстно, что Петръ великій не совершалъ никакого преобразованія въ политическомъ строѣ государства, что всѣ его реформы касались только внѣшнихъ условій бытовой народной жизни, что и при немъ, по прежнему, продолжало существовать начало крѣпости и приврѣпленіе къ государственному тяглу служилыхъ людей, волостного и посадско-городскаго населенія. Вѣроятно, авторъ согласится съ нами, что начало исчезновенія крѣпости можно видѣть не въ основаніи Петербурга, а въ изданіи положеній о правахъ состояній, каковы, напримѣръ, дворянская грамота, учрежденіе о губерніяхъ и т. п. Такимъ образомъ въ самомъ основаніи положена авторомъ невѣрная мысль, отъ которой онъ, вѣроятно, и самъ отказался-бы, если-бы успѣлъ вникнуть въ свой предметъ болѣе внимательно.

Затѣмъ, умалчивая о нерѣдкихъ повтореніяхъ, что произошло отъ принятой авторомъ системы дѣленія, мы въ своей замѣткѣ обратимъ вниманіе только на противорѣчія, вошедшія въ сочиненіе, видимо точно также отъ неустановившагося еще взгляда. Такъ, напримѣръ, авторъ говоритъ, что «наше право возникло и развилось на строго національныхъ началахъ, не измѣняя имъ отъ самаго изданія Ярославомъ семнадцати статей, записанныхъ имъ» (мы совѣтовали-бы пропустить это послѣднее слово) «нормъ обычнаго права и вплоть до конца эпохи новоиужныхъ статей» (стр. 137), между тѣмъ еще прежде авторомъ высказано было (стр. 13 и 14), что идея самодержавія впервые навѣяна византійскими воззрѣніями, занесенными греческимъ духовенствомъ еще въ эпоху крещенія русской земли, что византійскія государственныя традиціи и воззрѣнія греческаго духовенства—основныя начала, заронившія въ русскую жизнь зерно идеи самодержавія.

Какимъ-же образомъ могло возникнуть и развиваться наше право только на строго національныхъ началахъ, когда одинъ изъ самыхъ существенныхъ институтовъ занесенъ греческими традиціями? Отъ такого противорѣчія авторъ избавился-бы, еслибъ вникнулъ въ сущность самодержавія московскаго періода.

Наконецъ, намъ остается закончить еще однимъ послѣднимъ замѣчаніемъ о томъ, что авторомъ удѣлено вниманіе несоотвѣтственно важности предметовъ. Такъ, мы находимъ въ его трудѣ не болѣе трехъ страничекъ, посвященныхъ вопросамъ о неприкосновенности верховной власти и ея вмущественныхъ правъ, тогда какъ слишкомъ двадцать страницъ отведено на трактованіе о титулѣ, гербѣ и печати. Конечно, о послѣднихъ предметахъ авторъ могъ заимствоваться изъ довольно богатой монографической литературы, тогда какъ о первыхъ требовалось самостоятельное, усидчивое изученіе источниковъ, но въ этомъ нельзя-же видѣть основательное объясненіе.

Но при всѣхъ подобныхъ недостаткахъ, вытекшихъ, главнымъ образомъ, по нашему мнѣнію, изъ спѣшности работы, трудъ г. Загоскина весьма цѣнный въ нашей литературѣ и

мы рекомендуемъ его нашимъ читателямъ какъ дѣльное руководство, заслуживающее особаго вниманія.

**Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора-Лѣтовисца.
Кіевъ. 1879 г.**

Организовавшееся лѣтъ шесть назадъ въ Кіевѣ Историческое Общество этимъ Сборникомъ начинаетъ свою почтенную и полезную дѣятельность. Въ это непродолжительное время своего существованія Общество, состоящее изъ 38 дѣйствительныхъ и 7 почетныхъ членовъ, уже имѣло болѣе 40 засѣданій, изъ которыхъ образовалось довольно солидное количество матеріала. Часть этого-то матеріала и составляетъ содержаніе вышедшаго въ минувшемъ году Сборника, издавнаго подъ редакціей почтеннаго В. С. Иконникова.

Въ Сборникъ вошли статьи: А. Д. Воронова—О латинскихъ проповѣдникахъ на Руси Кіевской въ X и XI вв.; П. Г. Лебединцева—а) Какая мѣстность въ древности называлась Олеговой могилой, б) Дмитріевскій монастырь, устроенный въ Кіевѣ великимъ княземъ Ізяславомъ Ярославичемъ, его судьба и мѣстность, в) О планахъ города Кіева XVIII в.; В. Б. Антоновича—а) О мѣстоположеніи древняго Кіевского Звенигорода (съ картою), б) археологическія находки и раскопки въ Кіевѣ и Кіевской губерніи въ 1876 г. и в) отчетъ о поѣздкѣ въ Бѣлгородку, съ археологическою цѣлью; И. П. Хруцова—а) Сказаніе о Васильѣ Ростиславичѣ и б) О памятникахъ, прославившихъ Куликовскую битву; Н. И. Петрова—а) Двѣ надгробныя надписи князьямъ Острожскимъ и б) Новые матеріалы для исторіи юго-западной Россіи и въ частности Кіева; С. Т. Голубева—Биографическія свѣдѣнія (по новымъ матеріаламъ) о Петрѣ Могильтѣ; Ф. А. Терновскаго—Очерки изъ исторіи Кіевской епархіи въ XVIII столѣтіи, на основаніи документовъ синодальнаго архива; П. П. Розанова—Мѣстные преданія о Куликовской битвѣ; В. С. Иконникова—Князь М. В. Свояпизъ-Шуйскій; П. А. Лашкарева—а) Нѣсколько документовъ, относящихся къ преобразованію въ Войскъ Донскомъ

1775 г. и в) О древнихъ Кіевскихъ постройкахъ; А. Θ. Кистяковскаго—Нѣкоторыя черты изъ исторіи смертной казни въ Россіи; М. Ф. Владимірскаго-Буданова—Свидѣтельство о существованіи ордалии въ концѣ XVII в.; Н. П. Дашкевича—Общественный строй южной Руси въ XIII—XIV вв., А. А. Котларевскаго—а) О происхожденіи сказанія о новгородскихъ баняхъ, б) Объ обычаяхъ у славянъ при рожденіи дитяти до его возмужалости, в) Свѣдѣнія о текущей исторической и археологической литературѣ и д) Сообщенія о трудахъ покойныхъ Бэра, Эйхвальда, Болянскаго и А. Н. Попова.

Всѣ рефераты обладаютъ научнымъ значеніемъ, но нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, А. А. Котларевскаго, не лишены и особаго своего рода пикантнаго интереса. Въ «Исторіи Ливоніи» Діонисія Фабриція (Dionisii Fabricii, «Livonica historiga») находится слѣдующій разсказъ о баняхъ одного изъ монастырей Доминиканскаго ордена XIII вѣка: «дисциплинарныя упражненія происходятъ въ монастырѣ каждую субботу такимъ образомъ: нагрѣвается какая-либо баня такъ, что человѣкъ едва можетъ находиться въ ней. Тамъ монахи обнажаются, сѣкутъ себя вѣвниками и обливаются холодною водою, умерщвляя, такимъ образомъ, тѣла свои съ похотями... Когда слухъ о такихъ упражненіяхъ дошелъ до Рима, то для испытанія этого на мѣстѣ былъ посланъ одинъ итальянскій монахъ того-же ордена... Когда наступила суббота, монахи приказали, по своему обычаю, натопить баню какъ можно сильнѣе и, введши въ нее итальянскаго собрата, начали лить на камни воду, наполняя баню чрезвычайнымъ жаромъ. Сами-же они, какъ привыкшіе къ такой температурѣ, взявъ въ руки вѣвники, сѣкли себя и обливали холодною водою. Но такъ-какъ подобная операція для итальянскаго монаха показалась невыносимою, то онъ выскочилъ изъ бани, со словами: о Боже! какъ тяжелы ваши правила, о которыхъ даже трудно и повѣрить постороннему человѣку».

Многія изъ статей, кромѣ мѣстнаго, имѣютъ и общій интересъ, который наши ученые, вѣроятно, оцѣнятъ по достоинству. Мы-же, съ своей стороны, пожелавъ полного успѣха гг. членамъ Общества, не можемъ не высказать, что каждое

обнародованіе матеріала—цѣнный вкладъ въ нашу историческую литературу, еще нуждающуюся въ освѣщеніи многихъ сторонъ нашей былой жизни. Желательно (было-бы, чтобъ общество не относилось совершенно равнодушно къ усиліямъ ученыхъ, но содѣйствовало-бы имъ хоть увеличеніемъ ихъ матеріальныхъ средствъ, вообще весьма скудныхъ. Такъ Киевское Историческое Общество имѣетъ въ распоряженіи своемъ капиталъ, образовавшійся изъ членскихъ взносовъ) только въ 300 руб., что, конечно, далеко недостаточно даже для изданія трудовъ, не говоря уже о пособіяхъ при работахъ.

Исторія русской церкви архіеп. Макарія. Спб. 1879 г.

Ученые труды бывшего архіепископа, а нынѣ московскаго митрополита Макарія, по справедливости, пользуются заслуженной извѣстностью. Литературная дѣятельность уважаемаго и почтеннаго пастыря началась выходомъ въ свѣтъ въ 1843 г. его *Исторіи Киевской академіи*, которая обратила на него вниманіе всего духовнаго ученаго міра. Затѣмъ, черезъ три года (1846), появилась его *Исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра*, на которую можно смотрѣть, какъ на введеніе къ его исторіи русской церкви, начавшей выходить впослѣдствіи. Слѣдуя разработкѣ матеріаловъ, въ слѣдующемъ 1847 году было издано сочиненіе: *Взглядъ на исторію русской церкви до нашествія татаръ и*, наконецъ, съ 1857 года начался постепенный выпускъ томовъ его главнаго ученаго труда *Исторія русской церкви*, которой въ минувшемъ году вышелъ девятый томъ. Въ этомъ томѣ заключается изложеніе состоянія западно-русской церкви (литовской митрополіи) отъ 1458 до 1596 г.

Авторъ подробно и основательно раскрываетъ передъ нами положеніе западной церкви передъ введеніемъ уніи и исторію послѣдней, политическое состояніе русской церкви подъ польскимъ владычествомъ, дѣятельность ея представителей и отношенія ея къ константинопольскому патриархату и московской митрополіи. По мнѣнію автора, причина введенія уніи заключается, главнымъ образомъ, въ неблагопріятныхъ отношеніяхъ къ западной русской церкви константинопольскихъ патриарховъ,

которыя своимъ нерадѣніемъ и своекорыстіемъ не только ее отталкивали отъ себя, но даже вынуждали искать себѣ другаго пастыря. Добросовѣстное изученіе матеріаловъ, найденныхъ преосвященнымъ Макаріемъ въ бібліотекахъ Св.-Софін, въ Новгородѣ, и въ музеѣ Румянцова, въ Петербургѣ, дадутъ читателямъ много новыхъ данныхъ.

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ напомнить читателямъ, что преосвященнымъ Макаріемъ, кромѣ поименованныхъ сочиненій, изданы еще слѣдующія: *Введеніе въ православное богословіе*, вышедшее въ 1847 году и переведенное на французскій языкъ, подѣ редакціей протоіерея І. В. Васильева (Paris, Soel Cherbuliez, 1857 г.), *Православное догматическое богословіе* въ 5 томахъ (1840 — 1852 г.), переведенное точно также на французскій языкъ и *Руководство къ изученію православнаго богословія*, о которомъ въ ежемѣсячномъ вѣдѣкомъ журналѣ—*Der Beweis des Glaubens*, 1875 г.—находится обстоятельная рецензія.

Книги историческаго содержанія иностранной литературы.

Histoire de l'Autriche-Hongrie depuis lesorigines jusqu'à l'année 1878; ouvrage contenant 4 cartes. Louis Leger. Paris 1879.

Никто, вѣроятно, не будетъ оспаривать, что исторія Австріи имѣетъ для насъ, русскихъ, особенное значеніе. Всѣ политическія отношенія наши съ этимъ государствомъ во все время отличались особымъ характеромъ, болѣе или менѣе явно и открыто враждебнымъ со стороны Австріи, а между тѣмъ сущность политическихъ осложненій дѣлала эти отношенія самыми частыми, тѣсными и близкими. Не говоря уже объ отношеніяхъ бывшаго московскаго государства по поводу турецкихъ войнъ и династическихъ союзовъ, новѣйшія событія (раздѣлъ Польши, Вѣнскій конгрессъ, венгерская и восточная войны) неизбѣжно ставили наши интересы въ непосредственныя соотношенія; подобный-же вопросъ представляется и въ будущемъ по поводу славянскихъ народовъ.

Но не смотря на такой интересъ, мы до-сихъ-поръ не

имѣемъ хорошей, даже просто удовлетворительной исторіи Австріи (кромѣ, разумѣется, учебниковъ) на нашемъ языкѣ, такой исторіи, которая соотвѣтствовала-бы требованіямъ современной науки и современной жизни. Поэтому-то, за недостаткомъ нашихъ отечественныхъ произведеній, мы и рекомендуемъ нашимъ читателямъ вышедшее въ минувшемъ году сочиненіе французскаго ученаго Луи-Лежэ.

Для болѣе правильной оцѣнки труда Луи-Лежэ, необходимо предварительно сказать нѣсколько словъ, въ какомъ положеніи была до него австрійская историографія, каковы были ея значеніе и задачи. Изъ всѣхъ сочиненій по части австрійской исторіи, появившихся въ началѣ настоящаго столѣтія, заслуживаетъ особаго вниманія книга Пелица (*Oesterreichische Geschichte*), появившаяся въ Лейпцигѣ въ 1817 году и служившая учебникомъ для нѣсколькихъ поколѣній и исторіи Австріи, графа Майлота, предназначенная для публики болѣе развитой и образованной. Въ обоихъ этихъ сочиненіяхъ, въ свое время фундаментальныхъ, заключается только одна внѣшняя исторія, излагается рядъ политическихъ событій, составлявшихъ ростъ территоріальной власти габсбургской династии, безъ всякихъ культурныхъ и національных вопросовъ. Но съ паденіемъ германской имперіи при Наполеонѣ I и съ основаніемъ австрійской имперіи, какъ главы германскаго союза, по необходимости должно было у историковъ выработаться стремленіе къ изслѣдованію внутренняго быта тѣхъ народностей, которыя вошли въ составъ имперіи. Это стремленіе еще болѣе развилось со времени вытѣсненія Австріи изъ Италіи и потомъ изъ германскаго союза, а въ особенности со времени проявленія съ значительной силой національнаго движенія и провинціальнымъ литературъ разноплеменныхъ частей имперіи. Въ историческихъ трудахъ того времени выражается основное положеніе, что Австрія должна считаться представительницей народностей, населяющихъ среднее и нижнее теченіе Дуная, взаимное отношеніе которыхъ составляетъ сущность имперіи. Историки Беккеръ, Цейсбергъ, Губеръ, Цамъ и другіе, изъ которыхъ, въ особенности, Маферъ (*Geschichte Oesterreichs mit besonderer Rücksicht auf Culturgeschichte*)

уже пытаются представить очерки въѣшней и внутренней исторіи составныхъ земель, не входя, однакожь, далѣе XIII столѣтія и не обращая вниманія на современные національные вопросы. Только въ послѣднее время ученые Кранесъ (Handbuch der Geschichte oesterreichs von der ältesten bis zur neuesten Zeit mit besonderer Rücksicht auf Länder-Völkerkunde und Culturgeschichte. 4 Bände. Berlin 1876—1878) и Сметсъ (Geschichte der österreichisch-ungarischen Monarchie, das ist der Entwicklung des österreichischen Staatsgebildes von seinen ersten Anfängen bis zu seinen gegenwärtigen Bestande. Ein Volksbuch nach den besten Quellen bearb. Wien. 1878) обратили должное вниманіе на исторію отдѣльныхъ австрійскихъ народовъ и ихъ культурное значеніе. Въ исторіи Кранеса находится обстоятельный разсказъ о чешскихъ и венгерскихъ земляхъ, но такъ-какъ авторъ все-таки исходитъ отъ мысли, что всѣ придунайскія земли отъ Карпатъ до Альповъ предназначены къ слиянію въ одинъ политическій организмъ, то и у него не встрѣчается полнаго представленія о судьбахъ отдѣльныхъ земель и народовъ.

Совсѣмъ другой взглядъ положенъ въ основу сочиненія французскаго ученаго Луи-Лежэ. Помимо своей профессіи по кафедрѣ живыхъ восточныхъ языковъ въ парижской специальной школѣ, Луи-Лежэ изучалъ теоретически и практически нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ славянскихъ нарѣчій, а въ нерѣдкихъ путешествіяхъ своихъ по Россіи и по славянскимъ землямъ близко познакомился съ внутреннимъ бытомъ, обычаями и правами народовъ этихъ земель, какъ это видимъ изъ его сочиненій: славянскіе этюды и о славянскомъ мірѣ. Владѣя такими средствами и не стѣсняясь узкими нѣмецкими приѣмами, онъ въ своемъ трудѣ могъ провести болѣе широкій взглядъ.

И дѣйствительно въ исторіи Австрій Луи-Лежэ пошелъ совершенно иной дорогой. Онъ почти не касается описанія владычества габсбургскаго дома въ земляхъ, нынѣ входящихъ въ составъ австрійской имперіи, но посвящаетъ особенное вниманіе на исторію трехъ территориальныхъ группъ, составляющихъ нынѣ Австрію: группы земель нѣмецкихъ—на-

слѣдственныхъ Габсбурговъ, группы земель венгерской короны и чешскаго королевства. Въ опредѣленіи значенія и политической роли каждой изъ этихъ группъ, главнымъ образомъ, и состоитъ заслуга произведенія Луи-Дежэ. По мнѣнію автора, по нашему убѣжденію, совершенно справедливому, существованіе Австро-Венгерскаго государства обуславливается равновѣсіемъ этихъ элементовъ—трехъ расъ, нѣмецкой, мадыарской и славянской, живущихъ отдѣльной, самостоятельной жизнью и антагоничныхъ между собою.

Все сочиненіе (583 стр.) состоитъ изъ 34 главъ, изъ которыхъ первыя шесть обнимаютъ событія образованія трехъ группъ чешской, венгерской и нѣмецкой, пять главъ исторію самостоятельныхъ съ избирательными королями Чехія и Венгрія, пять главъ рассказываютъ о мѣропріятіяхъ австрійскихъ государей, образовавшихъ австрійскую монархію, остальные главы заключаютъ событія царствованія Маріи Терезіи и Иосифа II, французскихъ войнъ, времени реакціи и возрожденія народностей, исторія революціи и современнаго государства. Въ концѣ сочиненія приложены: списокъ государей основныхъ расъ, таблица территоріальнаго расширенія Австріи отъ Рудольфа Габсбургскаго до нашего времени, библиографическій указатель главныхъ источниковъ и, наконецъ, четыре карты: начала XVII столѣтія, второй половины XVIII, періода наполеоновскихъ войнъ и современнаго положенія Австріи.

Въ дополненіе, необходимо сказать, что весь трудъ автора отличается безпристрастіемъ и живостью разсказа. Авторъ одинаковѣ строго и правдиво относится ко всѣмъ тремъ расамъ. Онъ раскрываетъ передъ нами, не стѣсняясь и не закрываясь, всѣ безправныя дѣйствія хищниковъ-нѣмцевъ, говоритъ объ односторонности мадыарской политической организаціи, проникнутой нетерпимостью и не щадитъ славянъ. По его мнѣнію, послѣдніе, т. е. славяне, всегда отличались наклоностью къ общественной анархіи и неспособностью къ выработкѣ строгой политической организаціи. Вслѣдствіе этихъ-то свойствъ, породившихъ постоянную между ними разрозненность, славяне, не смотря на свой численный перевѣсъ, не

только не имѣли господствующаго вліянія надъ нѣмцами и мадьярами, но всегда выносили давленіе послѣднихъ.

Что-же касается до формы изложенія, то въ этомъ отношеніи трудъ Луи-Лежэ рѣзко выдѣляется изъ среды другихъ. Въ немъ нашли мѣсто описанія народныхъ нравовъ, обычаевъ и вѣрованій, какъ славянъ, такъ и мадьяръ, свѣдѣній объ ихъ земскомъ устройствѣ и общественной жизни; собственные имена историческихъ лицъ приведены по ихъ національному говору. Всѣ эти немаловажныя достоинства заставляютъ насъ рекомендовать трудъ Лежэ нашимъ читателямъ, желающимъ ближе познакомиться съ исторіей Австро-Венгріи.

Hübbe Schleiden, *Ethiopiëen. Studien über West-Africa*, Hamburg, 1879.

Авторъ называетъ Эіюпіей ту часть Африки, которая населена эіюпской расой и находится подъ своимъ особымъ самостоятельнымъ управленіемъ. Главнымъ образомъ, авторъ описываетъ жителей западной экваторіальной части Африки, руководясь тѣмъ основаніемъ, что ихъ нравы остались почти первобытными, тогда какъ характеръ, образъ жизни и взгляды другихъ прибрежныхъ жителей, негровъ, подъ давленіемъ иностраннаго вліянія, значительно измѣнились. Области, принадлежащія, по географическимъ понятіямъ, къ Эіюпіи, известны автору по личнымъ его наблюденіямъ. Два года онъ прожилъ въ западной экваторіальной Африкѣ, въ качествѣ главы одного изъ торговыхъ домовъ въ Габонѣ и затѣмъ полгода въ Сенегальскихъ французскихъ владѣніяхъ. Все это время авторъ называетъ сномъ, кончившимся на Альпахъ.

Весь трудъ состоитъ изъ четырехъ большихъ книгъ, заключающихъ въ себѣ: французскую колонизацію, этнографію Эіюпіи, африканскую агрикультуру и германскую цивилизацію; всѣ эти книги составляютъ результатъ личныхъ добросовѣстныхъ наблюденій профессора.

Говоря о настоящемъ положеніи западной Африки, авторъ указываетъ на неудовлетворительность современнаго состоянія, на неудавшіяся попытки французской колонизаціи въ Сенегамбіи и Габонѣ и, главнымъ образомъ, разбираетъ вопросъ о возможности и способѣ дѣйствительной колонизаціи Афри-

ки. Первый пункт этого вопроса относится къ умственному развитію негровъ, а послѣдній говоритъ о настоящемъ состояніи и дальнѣйшемъ развитіи отношеній Эеіопіи, и наконецъ авторъ рисуетъ картину цивилизаціи и утилизаціи экваторіальной Африки съ народной точки зрѣнія. Эта картина вообще жива и не лишена интереса, хотя мѣстами встрѣчаются неудобочитаемые періоды.

Къ сочиненію приложена карта, дополняющая богатство матеріала.

Karl Wittich, Struensee. Leipzig, 1879.

Прошло болѣе столѣтія съ той замѣчательной ночи, когда въ королевскомъ Копенгагенскомъ дворцѣ, послѣ шумнаго празднества, совершилось страшное событіе, нарушившее неприкосновенность спальныхъ покоевъ—арестъ графа Струензе и королевы Каролины-Матильды Даннемаркъ. Много было противорѣчивыхъ толковъ объ этомъ событіи, тѣмъ болѣе, что до настоящаго времени существуютъ прямые потомки той принцессы, которая, по всѣмъ доказательствамъ, была дочь Струензе и была въ нѣкоторомъ родствѣ съ Ольденбургской королевской фамиліей. Эти потомки-герцоги Шлезвигъ-Голштанъ-Аугустенбургскіе считали да и до-сихъ-поръ считаютъ день казни графа и тайнаго кабинетъ-министра Христіана VII днемъ печали.

Эта катастрофа, имѣющая въ себѣ несомнѣнное историческое значеніе, представлена Іенскимъ профессоромъ Виттихомъ весьма талантливо. Трудъ профессора заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что въ немъ высказываются основательныя знанія датской, нѣмецкой, англійской и французской литературы, замѣчательная выдержка характеровъ, изящный слогъ и мастерское изложеніе подробностей. Но при всемъ томъ сочиненіе это, не смотря на постоянныя отступленія, отличается сжатостью вообще, такъ несвойственною произведеніямъ нѣмецкой литературы. Хотя авторъ самъ сознается нѣсколько разъ въ недостаточномъ изученіи имъ матеріаловъ этого процесса въ Копенгагенѣ и въ замкѣ Бергенхусъ въ Норвегіи,

но больших подробностей невозможно ожидать и требовать, въ виду затрогивающихся еще живыхъ интересовъ. Вообще, мы повторяемъ, трудъ профессора Карла Виттиха доставляетъ интересное чтеніе и мы желаемъ читателямъ ближе съ нимъ познакомиться.

Годовая цѣна
3 р. 60 к.
съ пересыл. и
доставкой.

ГЛАВНАЯ ПРЕМІЯ
ПОРТРЕТЪ

Годъ III.

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

О Л Е О Г Р А Ф І Я

ПОРТРЕТЪ ГРУДНОЙ ВЪ ПОЛОВИНУ НАТУРАЛЬНОЙ ВЕЛИЧИНЫ
За пересылку и упаковку 80 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1880 ГОДЪ НА

„СВѢТЪ ВЪ КАРТИНАХЪ“

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ.

Въ журналѣ помѣщаются: романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, юмористическіе очерки и картинки, историческіе, біографическіе и бытовые очерки, общедоступныя бесѣды о наукахъ, искусствахъ, литературѣ, отчеты о главнѣйшихъ процессахъ, мелкія замѣтки о замѣчательныхъ и курьезныхъ явленіяхъ, анекдоты и карикатуры.

Наши подписчики знаютъ, что выдаваемая нами премія не оставляютъ желать ничего лучшаго.

Всѣ преміи высылаются немедленно по полученіи требованія.

Вмѣсто любой изъ премій г.г. подписчики могутъ получить большой ландшафтъ. За пересылку и упак. 1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ.

Олеографическая премія
Европейская красавица.
за перес. 75 к.

въ конторѣ редакціи въ
Ригѣ, на Александровскомъ
бульварѣ и во всѣхъ книжныхъ
магазинахъ.

Олеографическая премія:
Восточная красавица.
за перес. 75 к.

СЪ 1 ЯНВАРЯ 1880 ГОДА

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ МОСКВѢ,

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ, КНИГАМИ

ОТЪ 20 ДО 30 ЛИСТОВЪ ЕЖЕМЪСЯЧНО, ЖУРНАЛЪ.

УЧЕНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

Заглавіе нашего журнала опредѣляетъ его цѣль.

Народъ русскій сложился подъ вліяніемъ равнины, имъ населенной, и только на маломъ протяженіи ея границъ, омываемой моремъ. Онъ не зналъ ни феодальнаго права, ни права городовъ, отличнаго отъ права остальной земли, расчленившихъ тѣла западныхъ народовъ на части, враждебныя другъ другу. Онъ воспитанъ тою христіанскою церковью, въ основу которой положено начало соборнаго, свободного единенія въ любви, церковью, вызвавшей и воспитавшей много неоцѣнимо-драгоценныхъ, христіанскихъ сторонъ въ общенародной русской душѣ, но недостаточно содѣйствовавшей развитію сознанія личности, вслѣдствіе особыхъ условій русской исторіи.

Потому въ народѣ русскомъ, укрѣпленномъ многострадальною его исторіей въ силѣ долготерпѣливаго подвига, развились и окрѣпли неразрывное, внутреннее единство, нравственные инстинкты, добродѣтели и пороки, отличные отъ нравственныхъ инстинктовъ, достоинствъ и недостатковъ другихъ народовъ, воспитанныхъ другими христіанскими церквами, другою мѣстною природою и другими историческими судьбами.

При такихъ условіяхъ иныя данныя представляетъ русскій народъ для рѣшенія общечеловѣческихъ вопросовъ общественной и политической жизни, не тѣ, которыя даетъ жизнь другихъ народовъ; иначе ставятся для него возникающія изъ такихъ вопросовъ задачи и иной открывается предъ нимъ самая настоятельная путь къ общей для всего человѣчества цѣли, — къ осуществленію лучшихъ формъ жизни, — къ царству правды на землѣ.

На русскомъ народѣ, пришедшемъ на поприще исторіи позднѣе другихъ народовъ и начавшемъ свое внутреннее развитіе послѣ нихъ, лежитъ обязанность, усвоивъ умственные сокровища, добытыя ихъ опытомъ и мыслию, продолжать творческое дѣло человечества, стремясь рѣшить общія для всѣхъ народовъ задачи жизни и примирить тѣ противорѣчія, возникающія въ ней, передъ которыми со страхомъ и недоумѣніемъ останавливается жизнь другихъ просвѣщенныхъ народовъ въ силу особыхъ затрудненій, представляемыхъ ихъ бытомъ, и рѣшеніе которыхъ доступнѣе для быта русскаго народа. На великомъ поприщѣ исторіи, гдѣ могутъ свободно жить и дѣйствовать лишь умныя силы человечества, будущность за тѣмъ только народомъ, который, сознавъ самого себя, какъ самобытную нравственную личность, и свое историческое призваніе, неуклонно и самостоятельно идетъ въ осуществленію въ жизни законовъ правды и свободы, какъ воплощенію любви.

Здѣсь—обширное поле для работы русской мысли и этой работѣ открываемъ мы страницы нашего журнала.

Убѣжденные, что историческія судьбы русскаго народа тѣсно связаны съ судьбами единоплеменныхъ съ нами славянскихъ народовъ, что только въ хорѣ всѣхъ, братски между собою соединенныхъ, независимыхъ и свободныхъ членовъ славянской семьи обрѣтеть русскій народъ возможность раскрыть всю мощь и полноту своихъ творческихъ силъ, мы приглашаемъ всѣхъ, раздѣляющихъ съ нами такое воззрѣніе, къ участію въ нашемъ журналѣ своими трудами по этому вопросу. Ни одна мысль, ни одинъ фактъ, способные выяснять идею о славянскомъ единеніи и пути къ осуществленію ея, не должны исчезнуть бесслѣдно для русскаго сознанія.

Изъ предыдущаго ясно, что мы, назвавъ нашъ журналъ «Русскою Мыслію» далеки отъ самонадѣяннаго мнѣнія, что русская мысль, подобно Минервѣ, явится во всеоружіи на страницахъ нашего журнала. Само собою разумѣется, мы также далеки отъ того, чтобы приписывать исключительно себѣ призваніе или нравственное право работать на русскую мысль: вся русская печать положительно или отрицательно, сознательно или несознательно работаетъ на нее. Нашимъ главліемъ мы хотѣли только сказать, что это дѣло ставимъ для себя главною и первою задачей.

Редакторъ С. Юрьевъ.
Издатель В. Лавровъ.

НА 1880 ГОДЪ
ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
„КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.“

Г О Д Ъ В Т О Р О Й

Журналъ научной критики и бібліографіи въ области наукъ историческихъ, филологическихъ, юридическихъ экономическихъ и государственныхъ, издаваемый въ Москвѣ нижеподписавшимися при ближайшемъ участіи профессоровъ русскихъ университетовъ.
Журналъ выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ выпусками отъ 2 до 4-хъ листовъ.

П Р О Г Р А М М А Ж У Р Н А Л А:

I Критическія оцѣнки русскихъ и иностранныхъ сочиненій и журнальныхъ статей по всеобщей и русской исторіи, исторіи всеобщей и русской литературы, языковѣдѣнію, классической и славянской филологіи, этнографіи, міеологіи, исторіи искусствъ, философіи, психологіи, гражданскому и уголовному праву, каноническому праву, общественному или полицейскому праву, международному праву, исторіи русскаго и славянскаго права, исторіи иностранныхъ законодательствъ, праву государственному, статистикѣ, политической экономіи и наукъ о финансахъ.

II. Бібліографія русская и иностранная по вышеупомянутымъ наукамъ. Отчеты о засѣданіяхъ въ ученыхъ обществахъ и объ университетскихъ диспутахъ. Бібліографическіе слухи, замѣтки, мелочи и т. п.

П О Д П И С Н А Я Ц Ъ Н А:

На годъ: безъ доставки 6 р., съ пересылкой 7 р., съ пересылкой за границу 8 р. На полгода: безъ дост. 4 р., съ пересылкой 4 р. 50 к., съ пересылкой за границу 5 р.

Подписка принимается въ Москвѣ въ книжныхъ магазинахъ: Соловьева и Васильева (Страстной бульваръ), Ланга и Мамонтова (Кузнецкій мостъ), въ Центральномъ книжномъ магазинѣ (Никольская) и Салаева (Мясницкая). Г.г. иногородныхъ подписчиковъ просить обращаться исключительно въ Редакцію (Покровка, Машковъ пер., д. Миллера). Агентъ для Франціи: Ernest Leroux, éditeur, Rue Bonaparte 28. Цѣна для Франціи 20 франковъ.

Авторовъ ученыхъ сочиненій, коихъ обзоръ соотвѣтствуетъ программѣ «Критическаго Обзорія», Редакція приглашаетъ доставлять 1 экземпляръ своихъ трудовъ по слѣдующему адресу: Москва, Машковъ пер., д. Миллера.

О присылаемыхъ книгахъ помѣщается бесплатное объявленіе.

Редакторы Издатели: { **Всев. Миллеръ.**
М. Бовалевскій.

Въ Редаціи „ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ“ (С.-Петербургъ, Больш. Садовая, д. 121, кв. 12),

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Очерки древне-римской жизни. Т. *Симонса*
1879 г. Ц. 1 руб. 20 к.

Ното сим, романъ *Эберса*. С.-П.-Б., 1878 г. Цѣна
1 руб. 20 коп.

Россия и Турція отъ возникновенія политиче-
скихъ между ними отношеній до Лондонскаго трактата
(включительно). Истор. очеркъ *Д. Бухарова*. С.-П.-Б.
1878 г. Ц. 1 руб. 20 коп.

Московское княжество въ I половинѣ XIV в.
Историческій этюдъ *П. Полежаева*, С.-П.-Б. 1878 г.
Ц. 1 руб.

Рыцарь или Дама Истор. повѣсть *Самарова*
1878 г. Ц. 1 руб.

Экономическій бытъ крест. населенія передъ
крѣпостн. правомъ и колонизація юго-восточныхъ степей
П. Соголовскаго 1878 г. Ц. 1 руб. 70 коп.

Изданія эти продаются и во всѣхъ извѣстныхъ ма-
газинахъ въ С.-Петербургѣ.

Выписывающіе прямо изъ Редаціи за пересылку не
прилагаютъ.

МК - 2793

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

въ 1880 г.

БУДЕТЬ ВЫХОДИТЬ ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ И ВЪ ТѢЖЕ СРОКИ.

Цѣна годовому изданію 6 руб. 50 коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ Редакціи журнала (Больш. Садовая домъ 121 кв. 12) и въ книжномъ магазинѣ Я. Исакова, Невскій просп. Гостинный дворъ № 24.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться: въ Петербургъ въ редакцію журнала „Историческая Библиотека“ (Больш. Садовая домъ 121, кв. 12).

1. Редакція отвѣчаетъ за доставку журнала подписавшимся только въ мѣстахъ, означенныхъ въ объявленіи.

2. Редакція проситъ гг. подписчиковъ точно обозначать свое имя, отчество и фамилію, а также и то почтовое учрежденіе, куда долженъ быть журналъ адресованъ; иначе редакція не отвѣчаетъ за правильную доставку.

3. Подписчики, желающіе перемѣнить адресъ, благоволятъ своевременно увѣдомить о новомъ мѣстѣ жительства, съ обозначеніемъ прежняго, при чемъ за всякую перемѣну уплачивается 50 коп.

4. Желающіе доставить свои произведенія въ Редакцію должны обозначать свой адресъ и подробныя условія, безъ обозначенія послѣднихъ, редакція не будетъ считать себя обязанною входить съ авторомъ въ какіе-либо расчеты.

Редакторъ-издатель П. В. Полемаевъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
И И Я П О Т Е К Я

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

1880.

№ 3. Мартъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФИИ Ф. СУЩИНОГА.
Историческій каналъ, 168.

1880

СОДЕРЖАНІЕ № 3.

- 1 Царская невѣста.
- 2 Преданія и воспоминанія.
- 3 Сократъ и софисты.
- 4 Библиографическій указатель.
- 5 Очеркъ исторіи русской журналистики.
- 6 Объявленія.

1945 г.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ.

1880.

№ 3. Мартъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТЕКСТЪ ПЕЧАТАНЪ ВЪ ТИПОГРАФИИ Ф. СУЩИНСКАГО,
Екатерининский каналъ, 168.

ЗАГЛАВНЫЙ ЛИСТЪ ПЕЧАТАНЪ ВЪ ТИПОГРАФИИ М. О. ВОЛЬФА,
Вас. Остр., 16 л., д. № 6.

1880.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1 Царская невеста, ч. 3. Ист. пов. Политковской . . .	149—218
2 Преданія и воспоминанія В. В. Селиванова . . .	29— 72
3 Сократъ и софисты. Истра Манова	1— 12
4 Библиографическій указатель	1— 14
5 Очеркъ исторіи русской журналистики. Шавлова	1— 48
6 Объявленія.	

Въ Редакціи имѣется небольшое количество экземпляровъ «Исторической Библіотеки» изданія 1878 года. Цѣна годовому изданію 6 руб. 50 к., съ пересылкою 8 рублей. Для подписчиковъ же 1879 года — 7 руб. съ пересылкой, и 6 руб. безъ пересылки.

ЦАРСКАЯ НЕВѢСТА.

(1613—1624 г.).

Часть 3.

ГЛАВА III.

Среди иноземцевъ.

Марфа Ивановна возвратилась въ Вознесенскій монастырь въ необычайномъ раздраженіи.

— Бабье царствіе кончено!.. бормотала она, расхажывая по своей келии. Нѣтъ! я имъ поважу, что я еще мать своему сыну и поперегъ моей воли онъ не переступить!

Скоро, по ея приглашенію, собрались ея приближенные и друзья, для обсужденія, какъ поступить, при такомъ важномъ и неожиданномъ оборотѣ дѣлъ.

— Дѣло о Хлоповой всплываетъ, повѣстила она своимъ ближнимъ.

Владыка прямо сказалъ: коли по моему-де сыску, Анастасія окажется для государева здоровья и радости прочна и годна, то я повѣнчаю государя на его обрученной невѣстѣ...

При словѣ сыскъ Михайла Салтыковъ ужаснулся.

— Тетушка! пропали наши головушки! Сыскъ-то вѣдь пыткой да казнію пахнетъ: враговъ у насъ съ братомъ много; коли дѣло Хлоповой поднимуть, такъ и другія дѣла раскопають, чего и не было, наскажутъ...

Прасковья Ивановна, пріѣхавшая вмѣстѣ съ мужемъ, поблѣднѣла:—Сыскъ, пытка!.. Если и не казнь, то ссылка и затокъ неизбежны.. думала она. На то-ли я промѣняла свою совѣсть, клятвѣ измѣнила?.. И образъ обманутаго ею Опочинина, какъ грозный призракъ, всталъ передъ ея испуганнымъ воображеніемъ.

Инокія Евнкія сочла необходимымъ завопить, но Марфа Ивановна ее остановила:— Не въ пору теперь бабьи причитанья! Надо согласиться, какъ и что говорить, воли спрость вамъ будетъ. Ты, Марья, тамъ со своей Ѳедосеей неотлучно была: если отравы съ Настасьею Хлоповой приключилась, тебѣ съ дочерью должно быть вѣдомо!.. Марфа Ивановна строго глядѣла на верховую боярыню Милюкову, которая въ смущеніи не нашла отвѣта, но Салтыковъ поспѣшилъ къ ней на выручку:— Отравы никакой не было, я крайчій и всѣ ѣства да питія пробоваль; да къ тому-же, вѣдомо-ли тебѣ, тетушка, что бабка невѣстина Желябужская, Ѳедосью Милюкову и мою бабу, Прасковью Ивановну, тогда еще въ дѣвкахъ сущу, заставляла всякое ѣство и всякій кусъ впередъ Хлоповой пробовать? Коли-бы отравы была, такъ и Ѳедосья, и моя баба отравились-бы!..

— Это хорошо, что ты вспомнилъ, такъ и молвите: крайчій-де ѣствы испытываль, а дѣвки верховныя боярышни всякій кусъ отвѣдывали... А коли отравы, такъ не отъ аптекарсаго-ли снадобья приключилась?

— А Богъ ихъ вѣдаетъ этихъ дохтуровъ нѣмецкихъ, чего они въ свои суеи набалтываютъ, отвѣчалъ Борисъ Салтыковъ, ухватившійся за возможность свалить отвѣтственность на лекарей. Мы тогда водили къ Хлоповой и Валентина Бильса, и Балсыря и снадобья отъ нихъ къ ней не одного нашивали...

— Такъ и молвите: снадобье-де отъ Валентина Бильса да отъ Балсыря принашивали, научала Марфа Ивановна, которая хоть и не вѣрила въ отраву Хлоповой, но боялась, чтобъ не обвинили въ томъ ея племянниковъ и ближнихъ людей.

Долго шла бесѣда, и иновины, противъ обыкновенія, не пошла къ вечернѣ. Замѣтивъ ея отсутствіе и то, что она долго, запершись, бесѣдовала съ своими приближенными, послѣ чего Евникія вышла изъ келии блѣдная и встревоженная, инокини Вознесенскаго монастыря смутно догадывались, что произошло что-то важное и передавали другъ другу свои предположенія.

Увидавъ выходящую изъ государынинныхъ хоромъ Орину Гладкову, монашенки обружили ее съ распросами.

— Ничего я, матушки, не вѣдаю, а говорила государыня съ ближними про свои дѣла вотчинныя... отвѣчала Орина, стараясь придать своему лицу беззаботное выраженіе. Наконецъ, любопытныя монашенки отвязались отъ нашей казачки, и она вышла изъ монастырской ограды. Остановясь на улицѣ, она повернулась лицомъ къ соборамъ и стала набожно креститься: «Слава тебѣ Господи! Слава тебѣ Царица Небесная! Слава тебѣ Архангелъ Божій... шептала она. Несчастная моя развѣнчанная, ссыльная царевна Анастасія, услыхалъ Господь твои слезныя рыданія... авось неповинныя слезы овечьи на волчьи головы отольются!...

Она быстро направилась къ дому, занимаемому дохтуромъ Валентиномъ Бильсомъ.

Надо имъ повѣстить: Салтыковы-то затѣваютъ на нихъ всю вину свалить... думала Орина, отворяя калитку на большой дворъ, до половины занятый грядами съ разными цѣлебными травами, посреди которыхъ возвышалась сплетенная изъ прутьевъ бесѣдка, обвитая хмѣлемъ да тивеенной листвою. Кое-гдѣ, тщательно привязанные къ колышкамъ, красовались цвѣты, вывезенные въ сѣмянахъ да кореньяхъ изъ Англій и Голландіи: тутъ были великолѣпные тюльпаны, шапки, мальвы, душистый

горохъ, реведа и другіе, теперь весьма обыкновенные, но тогда рѣдкіе въ Москвѣ, цвѣты.

Изъ бесѣдки доносились веселые голоса и пѣвони съ аккомпаниментомъ флейты.

Вотъ рай-то пресвѣтлый! вздохнула Орина. Эки души малиновы по двору ходять! а цвѣтики махровы, словно камни самоцвѣтны, на солнышкѣ рдѣются... и она съ удовольствіемъ остановилась возлѣ тюльпановъ, испещренныхъ самыми разнообразными колерами. Пригожи вы зѣло! обратилась она къ пестрымъ любимцамъ дохтура. А вотъ тотъ махонькій корешекъ не казистъ, да душистъ зѣло... такъ-то и человѣки: иной красавецъ да скудоумень, а другой и не врачень да умень!..

Наша казачка, сама того за собой не замѣчая, была повѣтомъ въ душѣ: вся природа, все возвышенное и прекрасное находило въ ней живой отголосокъ; потому-то ей всегда было отраднo провести часокъ-другой въ кружкѣ людей, далеко опередившихъ познаніями тогдашній русскій строй.

Наконецъ, ее замѣтили изъ бесѣдки: Мистриссъ Гладкій!.. крикнулъ мужской голосъ.

Прекрасныя дѣвушки, въ чуждыхъ нарядахъ, вышли къ ней на встрѣчу, а впереди ихъ бѣжалъ мальчикъ, лѣтъ 13, плотный, румяный и одѣтый въ русскую рубаху да охабень.

— Тетка Орина!.. крикнулъ мальчикъ и винулся къ ней на шею.

— Ваня, дружокъ, бабъ тебя Господь милуетъ?... привѣтствовала его Орина.

— Здравъ я и любо мнѣ тутъ... отвѣчалъ мальчикъ.

— Ну и слава-те Господи, а Ульява все по тебѣ грустится, сказала Орина.

Вася Путятинъ, поступившій въ ученики въ Бильсу и легко освоившійся съ своими хозяевами, вдругъ опечалился: Ульява родная!.. вотъ придетъ Успеневъ день и хозяинъ меня домой отпустить... сказалъ онъ.

Орина погладила его по головѣ и обратилась въ дѣвицамъ; ихъ было шесть: три дочери Бильса, двѣ Балсыря и одна дочь кушца Джона Мерика, который часто посѣщалъ своего земляка Бильса, а также былъ друженъ и съ голландцемъ Балсыремъ.

Всѣ дѣвушки любили Орину Гладкову, которая часто вмѣшивалась въ ихъ игры и забавы, восхищая ихъ своимъ чудеснымъ голосомъ, когда распѣвали мелодичныя пѣсни родной украины.

— Какъ здоровье мистриссъ Гладкѣй? присѣдая, спросила прелестная дѣвушка, лѣтъ 16, извѣстная подъ именемъ миссъ Маргариты Меривъ; она протянула гостьѣ руку, но Орина, по русскому обычаю, перецѣловала всѣхъ дѣвушекъ и особенно ласково обняла Маргариту.

— Охъ-ты, красавица заморская! шутливо сказала она.

Маргарита дѣйствительно была очень хороша: высокая, тонкая, съ необыкновенно нѣжнымъ цвѣтомъ овальнаго лица и съ темными глазами, при роскошныхъ золотистыхъ волосахъ, поднятыхъ высоко на вискахъ и опутанныхъ вокругъ головы, въ видѣ корзины, съ черепаховымъ гребнемъ на затылкѣ. Талія Маргариты была станута въ корсетъ изъ алаго сукна, и широкій изъ тысячи складокъ батистовый борозъ окружалъ ее шею. Не совсѣмъ длинная влѣтчатая юбка позволяла любоваться ея маленькими ножками, обутыми въ башмаки съ пряжками, а бѣлый, какъ снѣгъ, передникъ придавалъ ей скромный, домашній видъ.

Другія ея подруги были одѣты такъ-же, какъ и она, съ небольшими измѣненіями въ цвѣтѣ одежды, но ни одна не могла сравняться съ нею въ красотѣ. Впрочемъ, одна изъ дочерей Валентина Бильса была довольно хорошенькая дѣвушка, лѣтъ 15, розовая, веселая и голубоглазая; ее звали Луизой и она считалась невѣстою второго сына Мерика Эдварда, а старшій его сынъ, Георгъ, былъ уже женатъ и жилъ постоянно въ Англіи.

— „How do you do, mistress?“ привѣтствовалъ Орикъ

Джонъ Мерикъ, любившій подшутить надъ незнаніемъ русскими англійскаго языка.

— Не разумѣю я, Иванъ Ульянычъ, вашего дую-дую! смѣясь, отвѣчала Орина. По нашему это кто кого бьетъ да приговариваетъ: дую-дую!

Мерикъ захохоталъ и все общество послѣдовало его примѣру. Орину усадили между хозяйкою, пожилой румяной женщиной, въ большомъ бѣломъ чепцѣ, и женой Мерика, которая такъ обрусѣла, что многое переняла отъ московскихъ женщинъ, между прочимъ и широкія опашницы безъ талии, весьма удобныя для ея жирнаго обрюзглаго тѣла.

Между мужской компаніей, сидѣвшей за особымъ столикомъ, дымившей коротенькими глиняными трубами, да потягивавшей свой національный напитокъ „ель“ — родъ пива, рѣзко выдѣлялась фигура боярина Опочинина, который иногда, по призыву государеву, а порой и по своему желанію, заглядывалъ въ мирный уголокъ семейной жизни, столь для него интересной своими обычаями и привычками. Знакомство съ Валентиномъ Бильсомъ началось еще тогда, какъ Опочининъ едва не утонулъ и лежалъ больной въ домѣ князя Долгорукова, а черезъ Бильса онъ познакомился и съ Джономъ Мерикомъ; особенно часто сталъ Опочининъ являться въ компанію „нѣмцевъ“ съ той поры, какъ въ послѣднюю свою поѣздку въ Англію Мерикъ привезъ прекрасную миссъ Маргариту, воспитывавшуюся у его старшаго сына Георга въ Англии.

Нельзя было бы сказать, что бояринъ Ловчаго Пути сразу влюбился въ Маргариту. Нѣтъ! его душа еще болѣла отъ измѣны Прасковьи Салтыковой; но ему было пріятно глядѣть на хорошенькую иноземку и находить въ ней нѣкоторое сходство съ коварной женщиной, предметомъ его первой страстной любви.

Странное чувство вспыхивало въ сердцѣ Маргариты, когда она встрѣчала задумчивый взоръ красиваго боярина, устремленный на нее съ такой грустью, что ей становилось тяжело, и слезы подступали къ глазамъ. Ее словно

тянуло къ нему, ее мучило любопытство, отчего онъ такъ печаленъ, а спросить она не смѣла; хоть случалось имъ разговаривать безъ присмотра родителей, не находившихъ ничего предосудительнаго въ бесѣдѣ дѣвушки съ мужчиной, особенно съ такимъ серьезнымъ, какимъ казался Опочининъ.

Орина сказала Мерику и Бильсу съ Балсыремъ, что имѣеть передать имъ важное дѣло; тотчасъ всѣ остальные встали и удалились, чтобы не мѣшать имъ.

Дѣвочки и молодые люди начали бѣгать по двору и ловить мячи да кольца; пожилыя женщины ушли въ домъ, а Маргарита какъ-то нечаянно осталась у входа въ бесѣдку, откуда вышелъ бояринъ Ловчаго-Пути и сказалъ: Чтожь ты не бѣгаешь?

— Я не махонькая, мнѣ не пристойно съ ними играть, отвѣчала Маргарита, стыдливо вертя въ рукахъ конецъ передника.

— Ну пойдѣмъ, поглядимъ на тотъ цвѣтокъ заморскій, что ты изъ ангельской земли привезла!..

Маргарита пошла впередъ, а онъ послѣдовалъ за нею, любуясь ея станомъ и головой, такъ красиво выдѣлявшейся изъ туго накрахмаленнаго борка.

— Расцвѣлъ, улыбаясь, сказала Маргарита, указывая на небольшое лимонное деревцо, усѣянное бѣлыми почками.

— А какъ этотъ цвѣтокъ прозывается?

— Цитронъ! У насъ его невѣсты подъ вѣнецъ надѣваютъ.

Опочининъ нагнулся: Экой душистый! и поднявъ глаза, онъ встрѣтилъ очень близко взглядъ дѣвушки, устремленный на него съ такимъ загадочнымъ выраженіемъ, что пришла его очередь покраснѣть.

— Что ты такъ на меня глядишь, боярышня? спросилъ онъ.

— А то я гляжу и дивуюсь: какая у тебя печаль на лицѣ написана! Словои ты Богомъ либо царемъ обиженъ, а ничего таковаго нѣту!.. Богъ тебя милуетъ, а царь жа-

дуетъ... Чтожъ за притча? Хотѣла-бы я узнать! отвѣчала Маргарита съ искреннимъ участіемъ.

— Охъ, дѣвка! не надо-бъ мнѣ прошлаго поминать! зарекался я никому не сказывать, вздохнулъ Опочининъ, да вишь ты какая: въ душу словно заглянула ко мнѣ! и бояринъ взялъ дѣвушку за руку такъ, какъ будто-бъ передъ нимъ стояла не чужая иноземка, а родная сестра.

Сѣли они на скамью, возлѣ лимоннаго деревца и нѣсколько минутъ молчали. Опочининъ какъ-будто погрузился въ свое прошлое и собирался съ мыслями.

Наконецъ, онъ поднялъ глаза, глянулъ на Маргариту съ выраженіемъ безпредѣльной довѣрчивости и началъ рассказъ о томъ, какъ подлюбилась ему одна боярышня, замужь за него идти обѣщала да потомъ обманула и за другого вышла. Не разъ во время рассказа слезы дрожали въ его голосѣ, или гнѣвъ пылалъ во взорѣ.

Маргарита поблѣднѣла. Такъ вотъ она, притча-то, думала она и сама удивилась той сердечной боли, что отозвалась въ ней совсѣмъ въ чужому человѣку.

Опочининъ кончилъ и все глядѣлъ ей въ очи; а она, собравшись съ духомъ, слабо улыбнулась и отвѣчала:

— Ну, бояринъ! еще тутъ не о чемъ тужить, не стоитъ и тужить объ этой измѣнницѣ, знать она тебя не любила, и ты долженъ Бога благодарить, что еще не связалъ себя навѣкъ съ ехидной бабой! Нечто свѣтъ тѣснѣй сталъ, и не осталось въ немъ людей добрыхъ. Ты молодъ и... и... она хотѣла сказать: пригожь, но одумалась и сказала: умень! За тебя другая хорошая боярышня пойдетъ.

— А гдѣ я ее найду? Наши боярышни за тридевятью замками сидятъ... ихъ развѣ увидишь!.. засмѣялся онъ.

— Ну коли Богъ велитъ, такъ найдется: У васъ есть хорошая пословица: суженую конемъ не объѣдешь! тоже засмѣялась Маргарита.

— Ты вот просила меня, и я отъ тебя правду не скрѣлъ, сказалъ молодой бояринъ. Ну теперь, разгадай-ка мнѣ загадку: отчего ты нашу рѣчь хорошо знаешь, а прибыла ты въ Москву недавно? Вонъ другія нѣмки по десяти годовъ у насъ живутъ, а ничего у нихъ въ рѣчахъ по нашему не выходитъ?

Маргарита вспыхнула и смутилась, словно ее уличили въ преступленіи. Не спрашивай объ этомъ ни меня, ни отца! торопливо молвила она, озираясь, не слышалъ-ли это словъ Опочинина, который очень удивился и ничѣмъ не могъ объяснить испуга дѣвушки.

— Хитра ты, дѣвка! у меня все выпытала, а про себя повѣдать не хочешь, замѣтилъ Опочининъ.

— Не моя на то воля, бояринъ, уныло отвѣчала она.

Этотъ разговоръ произвелъ на обоихъ неизгладимое впечатлѣніе: между ними образовалась тайна; они какъ будто сблизились и отшатнулись отъ другихъ, не знавшихъ ихъ новыхъ отношеній.

Между тѣмъ, Орина Гладкова объясняла Меряку, Бильсу и Балсырю то, что ей удалось узнать про намѣреніе патріарха поднять дѣло Хлоповой и о попыткѣ Салтыковыхъ навинуть на лекарей тѣнь подозрѣнія въ порчѣ или отравѣ.

Балсырь испугался, онъ вспомнилъ, какъ многихъ лекарей обвиняли въ отравѣ датскаго королевича—жениха царевны Ксеніи, самого царя Бориса Годунова и другихъ.

Валентинъ Бильсъ, напротивъ, былъ человекъ смѣлый и прямой; онъ гнѣвно воскликнулъ. А, вотъ онъ какъ, этотъ Михайло Салтыковъ! свою вину хочетъ на меня свалить, но и я молчать не буду... я докажу, какъ онъ просилъ меня показать, что Хлопова неизлечимо больна и испорчена: я не согласился его золота взять и ложно показать, такъ онъ меня отстранилъ и ее лечить не допустилъ. Я смолчалъ, не мое дѣло было съ доно-

сомъ лѣзть, а коли тронеть мою честь, я все на чистоту объявлю!

— Побереги себя, другъ! Съ вельможами трудно бороться; бери примѣръ съ меня, какъ я умѣю съ ними ладить, замѣтилъ Мерикъ.

— Ты на то отъ короля наказъ имѣешь и пользу британскому государству обязанъ клятвенно соблюдать, а я, обличая этого вора-отравителя, себя буду оправдывать, отвѣчалъ Бильсъ.

— Коли дѣло поднимуть и тебя, Валентинъ Ивановичъ, спросятъ, прочна-ли въ здравіи Марья Хлопова, будь добръ, подоброхотуй ей бѣдной... Человѣкъ она беззащитный, ее аки агнца волки погубити хотяща!.. просила Орина.

— По чистой совѣсти, все скажу, что здорова во всемъ, а хворь та приключилась отъ лихаго зелья и то вскорѣ полегчало и послѣ не поминывалась... обѣщалъ Бильсъ.

Пока они разговаривали, Мерикъ что-то соображалъ; наконецъ онъ сказалъ: Коли дѣло поднимуть, вѣрно пошлютъ гонца въ тотъ городъ сибирскій, куда Хлопову въ ссылку сослали.

— Полагать надо, что пошлютъ, согласилась Орина.

— Любопытная страна, какъ-бы про себя молвилъ Мерикъ. Говорятъ, тамъ золото да серебро на поверхности земли валяется, и никто его не собираетъ... говорятъ, тамъ боры кипать соболями и дорогимъ звѣрьемъ и некому за ними охотиться; рѣки обильны самой лучшей рыбой, необозримыя соленыя озера, высокія горы, содержащія въ нѣдрахъ своихъ всякіе металлы, драгоценныя камни, цѣлыя сокровища... Неизвѣданный первобытный міръ!.. а главное тамъ можно провести прямой путь въ Индію и Персію, вотъ та задача, надъ которой и король Яковъ и всѣ британскіе мудрецы столько лѣтъ напрасно трудятся... и эту задачу, быть можетъ, суждено разрѣшить мнѣ, Джону Мериву... Лицо англичанина оживилось, глаза заблестали и устремились на востокъ, онъ протянулъ руку и вдохновенно молвилъ: Тмъ...

Его пріятели пожали плечами; они ровно ничего не поняли изъ этихъ загадочныхъ словъ; не поняла, разумѣется, и возачка Орина. Только второй сынъ Мерика, 20-ти-лѣтній Эдвардъ, пристально и жадно вслушивавшійся въ слова отца, понялъ всю глубину плановъ и предположеній отца. Когда въ тотъ-же вечеръ семья Мерика возвратилась домой, то Эдвардъ остался наединѣ съ отцомъ и сказалъ:

— Папа, если вздумаешь развѣдать про путь въ Индію, тебя самого ни за что не пустятъ подозрительные москвичи; хлоппочи, чтобъ меня допустили ѣхать съ гонцомъ къ Хлоповой, въ Сибирь: даю тебѣ слово все узнать, снять планы, сдѣлать изслѣдованія почвы, минераловъ, рудъ и всей тамошней природы... Недаромъ-же я учился въ Оксфордской школѣ и получилъ званіе ученаго.

Мерикъ былъ изумленъ догадливостью сына; хлопнувъ его по плечу, онъ сказалъ: О, да! Эдвардъ, я надѣюсь на тебя... Но будетъ-ли довольна твоя невѣста, что ты уѣдешь въ далекое путешествіе, можетъ быть, на нѣсколько лѣтъ? И старикъ лукаво усмѣхнулся.

Эдвардъ нахмурилъ брови и отрывисто возразилъ.

— Невѣста еще слишкомъ молода, ей не трудно будетъ подождать года два три, а въ это время авось она найдетъ себѣ и другого жениха.

Отецъ хотѣлъ что-то сказать, но молодой человѣкъ перервалъ его: Пора спать, папа!.. Повойной ночи... Завтра мнѣ надо раньше встать, для урока съ моимъ любезнымъ ученикомъ, юнымъ Долгорукимъ, и онъ поспѣшно вышелъ.

Старикъ проводилъ его глазами и вздохнулъ.

— Не любить онъ ее... бѣдная Луиза! Жалко, что я такъ неосмотрительно далъ слово другу Бильсу, а едва-ли этотъ бракъ можетъ быть счастливъ, ибо характеры у нихъ совершенно не подходящіе.

ГЛАВА IV.

Княжна Марья Владиміровна.

На утро солнце едва поднялось изъ-за-горизонта, а туманъ легкими клочьями еще тянулся надъ рѣкой, какъ Эдвардъ ужъ вышелъ изъ воротъ своего дома и смѣшно направился въ хоромамъ князя Долгорукова, стоявшимъ на берегу рѣки Москвы, при слияніи ея съ рѣчкой Яузой. Обойдя берегомъ, Эдвардъ очутился у небольшой садовой валитки и стукнулъ въ нее.

— Ты-ль это, мудрецъ заморскій? спросилъ его старушечій голосъ, и валитка отворилась. Старуха Мамука высунувъ свою сѣдую голову, привѣтствовала его: Добро иди... князекъ тебя ждетъ и съ княжною. А зелия принеси?.. и она протянула костлявую руку. Эдвардъ подалъ ей узелокъ травъ и порошковъ, взятыхъ имъ у Валентина Бильса.

Мамука быстро схватила и, понюхавъ да ощупавъ травы, сказала. Звѣрабой отъ убою, отъ порѣзу отъ ранъ. Заря—дѣвкамъ лицо мыть, чтобъ бѣлѣе было. Душица—коли душа болитъ, пить. Соколя соль въ глаза пущать отъ куриной слѣпоты.. и она съ особеннымъ тщаніемъ спрятала узелокъ подъ свою широкую юбку. У Мамуки была манія лечить и ворожить, чтобы придать себѣ болѣе значенія въ глазахъ малознающихъ, простодушныхъ людей, обращавшихся къ ней какъ къ знахаркѣ.

Эдвардъ пошелъ за Мамукой и скоро очутился въ покоѣ юнаго князя Ивана, который кинулся на шею къ своему другу и, обнявъ его, воскликнулъ:

— Ахъ, Эдвардъ, какая книга! я не могъ отъ нея оторваться... И какъ ясно я понялъ строеніе небесъ и весь ходъ свѣтилъ ночныхъ... О, мудрость, это свѣтъ, онъ озаряетъ своимъ сіяніемъ слѣпоту человѣческую и уноситъ разумъ въ міръ вышній, божественный.

Ивану было 18 лѣтъ; необыкновенно умный и любознательный, онъ особенно пристрастился къ астрономіи, а какъ въ то время вѣрили въ астрологию и въ возможность угадывать по небеснымъ свѣтиламъ будущность людей, то и молодой князь увлекся ложной идеей, имѣвшей тогда много поборниковъ. Часто, въ звѣздныя ночи, онъ долгіе часы просиживалъ на берегу рѣки Москвы, съ своимъ учителемъ Эдвардомъ Мерикомъ, и жадно вслушивался въ теорію планетной системы Коперника; иногда къ нимъ присоединялся и самъ князь Владиміръ Тимофеевичъ Долгорукій, который хоть самъ не былъ обученъ заморскимъ премудростямъ, но охотно позволялъ сыну учиться. Однако, княгиня Марфа Васильевна не долюбила ученыхъ занятій своего сына князя Иванушки и готова была думать, что отъ его любезнаго учителя, Эдварда Иваныча, пахнетъ еретическимъ духомъ, но не смѣла открыто возставать противъ распоряженій своего супруга.

— Пуцай балуется; еще дѣткъ Иванушко. Постарше возмужаетъ, такъ и самъ всю эту глупость книжную бросить. Дѣло его княжое боярское и надъ книжками не пристойно время по пусту тратить, говаривала княгиня своимъ приближеннымъ, которые вполнѣ раздѣляли ея мнѣніе.

Эдвардъ полюбилъ молодого князя за его страсть къ наукамъ, да и какой учитель не полюбилъ-бы такого способнаго ученика. Кромѣ того, въ Иванѣ было что-то особенно привлекательное, что заставляло, безъ исключенія, всѣхъ знакомыхъ относиться въ нему съ уваженіемъ. Даже холопья и дворня боготворили кроткаго «любительнаго» Ивана Владиміровича. Онъ былъ пригожъ, но не той красотой, которая была тогда въ модѣ, а той идеальной, умственной прелестью, что просвѣчивала въ его голубыхъ глазахъ, на высокомъ бѣломъ челѣ и въ серьезно сложенныхъ губахъ, умѣвшихъ отмалчиваться при пустыхъ бесѣдахъ постороннихъ людей и изливать потоки поэтическихъ, восторженныхъ рѣчей въ

тѣсномъ кружкѣ друзей, между которыми главное мѣсто занимала его сестра княжна Марья Владиміровна, страстно любившая своего брата и слѣпо вѣровавшая въ его мудрость.

Княжнѣ Марьѣ было 14 лѣтъ; она еще едва переступила изъ дѣтства въ юность и все въ ней вѣяло ребяческой рѣзвостью и беззаботной невинностью.

Она была безгранично счастлива, радовалась свѣту Божьему, не замѣчая въ немъ и не предвидя ни зла, ни коварства. Въ ея ясныхъ, какъ спокойная вода, глазахъ можно было прочесть всѣ ея мысли. Зачѣмъ было-бъ ей скрывать ихъ? Кто могъ-бы заподозрить это прелестное существо въ чемъ-нибудь худомъ? Скрытность—признакъ коварства, а Марьѣ нечего было скрывать; она любила прямо и открыто: отца, мать, брата и... Эдварда Мерива!.. Да! полу-дѣвушка, полу-ребенокъ, она незамѣтно, и еще неясно для себя самой, привязалась къ учителю своего брата такимъ глубокимъ чувствомъ, которое не могло бы вырвать изъ ея сердца ни время, ни препятствія, а развѣ одна смерть!

Видѣть ежедневно Эдварда стало для нея насущной потребностью; если онъ промедлялъ свой урокъ хоть однимъ часомъ, то Марья начинала ощущать тревожное чувство: ей что-то щемило грудь, дыханіе становилось прерывистымъ, она прислушивалась, всматривалась вдаль и ждала... ждала...

Вотъ шаги... это онъ! ошибиться въ его походкѣ для нея немислимо, еще никто-бы не разслушалъ ни малѣйшаго шелеста, а она своимъ духовнымъ слухомъ и зрѣніемъ уже ощущала приближеніе любимаго человѣка. Когда онъ брался за скобу двери въ покой молодого князя, Марья, слегка вскрикнувъ, словно освобожденная отъ тяжкой тоски ожиданія, быстро вставала и шла къ нему на встрѣчу.

Они встрѣчались и съ минуту, молча улыбаясь, смотрѣли другъ на друга. Въ этомъ взглядѣ обмѣнивалась ихъ общая мысль: оба убѣждались, что ничего не измѣ-

нилось въ ихъ взаимномъ расположеніи, что онъ все тотъ-же пригожій, статный, бѣловурый мудрецъ, звѣздочетъ и книжникъ, готовый всю свою премудрость позабыть при ея улыбкѣ, а она все та-же темнорусая красавица, готовая промѣнять свое княжество, бороться противъ предубѣжденій въ иноземцамъ и противъ всѣхъ препятствій, которыя раздѣляли ихъ.

Странно, что при всей своей строгости въ соблюденіи приличій, княгиня не находила зазорнымъ присутствіе дочери при урокахъ молодого князя; напротивъ, сама же посылала Марью: Подъ-ка, дочька! Иванушка, не бойсь, совсѣмъ заучился съ этимъ вѣдуномъ-то заморскимъ... Размолви-ка братца-то, посмѣйся, пошуту съ нимъ, во саду поиграйте... Авось книжки-то не убѣгутъ отъ него... Охъ, эти книжки! отъ нихъ умъ-за-разумъ заходитъ... да и для здравія вредно!

Княжна радостно исполняла приказаніе матери; оттолкнувъ столъ съ книгами да планами, она заигривала съ братомъ, тормошила его, смѣялась и тащила играть въ садъ. Князь Иванушка сначала сердился, потомъ и самъ начиналъ смѣяться, рѣзвиться, бѣжалъ въ садъ и пускался съ сестрой въ перегонки. Эдвардъ шелъ за ними, любуясь граціозными движеніями княжны.

Дальше да дальше, черезъ огромный садъ доходили они до Москвы-рѣки, садились на берегу, подъ липами и затѣвали задумчивую бесѣду.

Обыкновенно княжна спрашивала Эдварда про ангельскую землю, какіе тамъ человѣки, пригожи-ли дѣвки, какъ одѣваются, что ѣдятъ, какіе тамъ обычаи, какіе звѣри, птицы, цвѣты, деревья...

Князь Иванушка, въ свою очередь, спрашивалъ объ Король-Якубѣ, о храмахъ, о хороммахъ, о корабляхъ, о промыслахъ, о торговлѣ, школахъ, учебникахъ и проч.

Время шло незамѣтно, солнце закатывалось, заря погасала и загорались звѣзды... Тутъ ужъ забывали и короля Якуба, и корабли, и звѣрей съ птицами, и пригожихъ дѣвокъ... Устремивъ глаза на небо, взоры молодыхъ лю-

дей перебѣгали отъ одного свѣтила къ другому и шла мудрая бесѣда о системѣ Коперника, опрокинувшаго всѣ прежнія убѣжденія въ верху дномъ, и о его послѣдователяхъ Галилеѣ и Кеплерѣ, наполнившихъ въ ту эпоху ученый міръ своей борьбой съ учеными старой школы.

Въ то утро, когда князь Иванушка такъ восторженно встрѣтилъ своего учителя, Эдвардъ началъ задавать ему вопросы о сибирской землѣ; но князекъ ничего не могъ объяснить ему объ этомъ краѣ, столь-же для него невѣдомомъ, какъ будто-бы его спрашивали о Китаѣ. Все, что онъ слышалъ о Сибири, сходилось къ убѣденію о всевозможныхъ ужасахъ, выпадавшихъ на долю ссыльныхъ, попавшихъ въ опалу. Мразы лютые, болота непроходимыя, звѣрье кипши кипить, а народъ тамъ людоѣды... рассказывалъ молодой князь.

— Бѣдная Марья Хлопова: ее вѣдь туда сослали!.. вздохнула княжна.

— А ты ее видала? съ оживленіемъ спросилъ Эдвардъ.

— Какъ не видать! она съ моей сестрой двоюродной Прасковьей Ивановной была подруга; онѣ вмѣстѣ и на смотры къ царю ѣздили: государь выбралъ Хлопову и ее въ Верхъ взяли, а Прасковьюшка вышла за Михайлу Михалыча Салтыкова, рассказывала княжна. Ужъ какъ мнѣ было жалко, какъ ее сослали, она добрая была, и ласковая, и пригожая... я какъ теперь ее вижу!.. и княжна готова была плакать.

— А желала бы ты, княжна, чтобъ ее воротили, спросилъ Эдвардъ.

— О да!.. да!.. воскликнула княжна.

— Ну, вотъ я и хочу за ней ѣхать и привезу ее... улыбаясь сказалъ Эдвардъ.

— Да никакъ ты и взаправду хочешь въ Сибирь ѣхать... Вѣдь слышишь, тамъ живутъ людоѣды! испугалась она.

— Хоть и не съѣдятъ, а труденъ туда путь, замѣтилъ князь Иванушка.

— А какъ-же мы по морю-то по нѣскольбу тысячь

жилъ ѣздимъ и бури бываютъ и крушенія... Да вотъ мой братъ Георгъ ѣздилъ и здравъ воротился, а дядя совсѣмъ туда жить уѣхалъ... Надо полагать, что путь-то черезъ вашу Сибирь полегче будетъ, отвѣчалъ Эдвардъ. Я съ дѣтства страшно любилъ путешествія и, если Господь поможетъ, я извѣдаю ваше царство Сибирское и карту ему составляю!..

Княжна Марья заплакала.

— Перестань, сестрица! Онъ шутить, утѣшалъ ее Иванушка.

Но Эдвардъ не шута ухватился за возможность совершить путешествіе въ Сибирь, а Джонъ Мерикъ, съ своей стороны, усердно хлопоталъ о дозволеніи одному торговому гостю сопутствовать гонца, котораго патриархъ Филаретъ Нивитичъ пошлетъ въ Тобольскъ; имя сына Мерика не было, конечно, упомянуто; его-бы ни за что не допустили, но тайнѣ Мерикъ дѣлалъ спѣшныя приготовленія; на случай, если-бы его сыну пришлось пробыть въ Сибири нѣсколько лѣтъ.

Наконецъ, выѣздъ гонца къ Тобольскому воеводѣ былъ назначенъ на 24 августа.

Это рѣшительное дѣйствіе патриарха, наперекоръ всему прежнему вліянію Салтыковыхъ, произвело глубокое впечатлѣніе на придворныхъ и на всѣхъ москвичей; многіе сказали: слава Богу! не потому, чтобы особенно принимали участіе въ судьбѣ изгнанницы Хлоповой, а оттого, что предвидѣли переворотъ въ правленіи государственными дѣлами и уничтоженіе злоупотребленій временщиковъ.

Общая симпатія была на сторонѣ патриарха; въ немъ чаяли разумнаго и твердаго правителя; Салтыковыхъ-же вообще ненавидѣли и даже на инокиню Марфу Ивановну глядѣли съ недоброжелательствомъ, — во-первыхъ, за ея потворство любезнымъ племянникамъ, а во-вторыхъ потому, что Россія еще не привыкла къ бабьему разуму, крѣпко вѣруя въ справедливость пословицы: «у бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ!» Къ тому-же Салты-

ковы были такъ убѣждены въ несокрушимости ихъ власти, что не постарались составить себѣ партіи, а, напротивъ, оттолкнули всѣхъ вельможъ своей гордостью и дерзостью, вслѣдствіе чего, при первой опасности, они остались совершенно одиноки и тогда только очнулись, когда дѣло Хлоповой, заброшенное въ архивъ, всплыло на свѣтъ Божій и попало въ руки патріарха!

Вся надежда Салтыковыхъ теперь основывалась на инокинь Марфѣ; но съумѣетъ-ли она ихъ защитить?... вотъ вопросъ!

Марфа Ивановна съ ужасомъ увидала, что власть изъ рукъ ея выскальзываетъ безвозвратно!

Привычка, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, управлять не только дворцовыми дѣлами, но и рѣшать всѣ важные государственные вопросы, произвела въ Марфѣ Ивановнѣ ненасытное властолюбіе.

И вотъ, совсѣмъ неожиданно, ея супругъ, въ которомъ она ожидала найти себѣ вѣрнаго сотрудника и друга, послѣ долгихъ лѣтъ разлуки, является едва-ли не врагомъ ея, противникомъ ея родни, ея любимцевъ и совѣтниковъ. Марфа Ивановна вознегодовала; она попыталась объяснить сыну, что, поднимая дѣло Хлоповой, онъ ей наноситъ кровную обиду; она требовала, чтобы гонца остановить и указъ объ облегченіи участи сосланныхъ отмѣнить. Михаилъ Θεодоровичъ, съ обычной кротостью, выслушалъ гнѣвныя рѣчи матери, но очень твердо отказался передать ихъ патріарху. «Коли угодно, матушка, поговори сама со владыкою, а я не могу супротивъ его воли идти», отвѣчалъ онъ, но этотъ кроткій отвѣтъ еще болѣе раздосадовалъ Марфу Ивановну.

— Воля родительская одинакова и въ моихъ рукахъ, любезный сынъ. Я, какъ мать, могу тебѣ совѣтовать и даже приказывать, сдерживая себя, сказала она.

— Я и исполнялъ твою волю, матушка: я по твоему желанію сослалъ Желябужскихъ и... и ее... а вотъ родитель мой, владыка, полагаетъ, что грѣшно томить неповинныхъ ссылкой и заточкомъ; онъ, по долгу христіан-

своему, хочеть облегчить ихъ участь, и я, по совѣсти, не могу возстать противъ его мудрыхъ распоряженій... Избавь меня, матушка, отъ тяжбаго грѣха... Столько лѣтъ я мучаюсь!.. и молодой государь былъ дѣйствительно такъ блѣденъ и взволнованъ, что Марфа Ивановна убѣдилась въ невозможности настаивать. Одна ея надежда была на вліяніе, какъ мать, на сына, но при неосторожной борьбѣ перевѣсъ неминуемо долженъ былъ перейти на сторону патриарха; надо было дѣйствовать хитростью, и инокиня Марфа на время уступила. Послѣ небольшого молчанія она сказала:

— Чѣмъ объ намѣнникахъ-то думать, лучше-бъ вспомнилъ свое обѣщаніе поклониться преподобному Макарію Желтоводскому чудотворцу: вѣдь ты обѣщала, коли вырuchiшь своего родителя изъ полона..

— Что-жъ, матушка, прикажи, когда угодно тебѣ выѣхать, я доложу владыкѣ... отвѣчалъ Михаилъ.

— Вотъ какъ нонѣ!.. Ты безъ доклада и на богомолье ѣхать не смѣешь! Вѣдь ты царь! извѣтельно замѣтила инокиня. Михаилъ Θεодоровичъ не отвѣчалъ; онъ не хотѣлъ раздражать свою мать, которую привыкъ уважать и глубоко страдалъ отъ тѣхъ непріятностей, что предвидѣлъ въ будущемъ, при столеновеніи двухъ вліяній, начинавшихъ явную борьбу, не имѣя силы воли открыто применить къ одной изъ партій, хотя въ отцѣ чаялъ больше пользы для себя и государства; но гнѣвъ матери страшилъ его на столько, что онъ рѣшился прибѣгнуть къ притворству и уловкамъ, хоть это средство и было противно его прямой, честной натурѣ.

— Поспѣшить надлежать, государыня-тетушка, увезти его не медля, пока указъ не подписанъ и не изготовленъ. Путь на Унжу не близкій, пора подходить осенняя; къ тому-же и въ другія обители можно заѣхать. Мѣсяца 3 проѣздимъ, а въ это время авось успѣемъ воротить любовь и довѣріе государя! совѣтовали ея племянники Салтыковы, когда она передала имъ свой разговоръ съ сыномъ.

Поднялись дѣятельныя приготовленія къ отъѣзду. Патриархъ не противился намѣренію сына принести благодареніе Богу за избавленіе его отъ плѣна, а государство отъ разорительной войны.

Послѣ торжественно отпразднованнаго дня Успенія Божіей Матери, въ Москвѣ прошелъ слухъ, что молодой государь съ матерью ѣдутъ на Унжу; къ пр. Макарію Желтоводскому; набожные москвичи очень сочувственно отнеслись къ такому богомольному подвигу, сопряженному съ неудобствами при предстоящей осенней распутицѣ и при отдаленности монастыря.

Слухи о гонцѣ въ Tobольскѣ замолкли; указъ писанъ тайнѣ и послѣ того, какъ Михаилъ Θεодоровичъ передалъ отцу неудовольствіе Марфы Ивановны, патриархъ, не оставляя своего намѣренія, отложилъ исполненіе его до отъѣзда инокини, назначеннаго на 22 августа. Наканунѣ того дня патриархъ пригласилъ государя, какъ будто-бы для напутствованія его, но въ сущности потому, что въ покояхъ государя было много лишнѣхъ ушей, а въ патриаршихъ хорамахъ были только одни сторонники Филарета Никитича, которые ни за что не выдали-бы тайны бесѣды отца съ сыномъ.

Когда всѣ важныя вопросы о правленіи Москвою, въ отсутствіе государя, были рѣшены, и патриархъ былъ уполномоченъ замѣнить собою особу царя, Филаретъ Никитичъ вынулъ спрятанный подъ красное сукно его стола пергаментъ и, положивъ на него свою бѣлую, пухлую руку, сказалъ просто и коротко: Подпиши-ка указъ о переводѣ Желябужскаго съ семьєю изъ Tobольска въ Верхотурье.

Михаилъ Θεодоровичъ прильнулъ губами къ этой милостивой рукѣ своего отца, который почувствовалъ на своихъ пальцахъ горячія капли слезъ.

Онъ поднялъ глаза къ иконамъ и уста его тихо молвили: что за сердце у нея каменное, чтобы для сына не смягчить своего нрава! Охъ, Марфа! Не такова была ты прежде! Властолюбіе омрачаетъ бабью душу!.. Не бабьяго разума дѣло царской воли пережить...

Государь не возразилъ на эти слова, такъ-же, какъ и на рѣчи Марфы Ивановны; онъ взялъ перо и быстро подписалъ указъ: въ немъ было еще далеко до совершеннаго возвращенія изгнанницы, но это былъ первый шагъ, приближавшій ее къ Москвѣ..!

Не смотря на страстное желаніе увидать любимую имъ женщину, не смотря на убѣжденіе въ ея невинности, полновластный самодержецъ судьбы своего народа, царь Московскій не имѣлъ достаточно силы воли, чтобы идти наперекоръ старой слабой женщинѣ, инокинѣ, отшельницѣ отъ суеты міра, потому что эта старуха, эта отшельница имѣла въ своихъ рукахъ власть сильнѣйшую всѣхъ властей земныхъ: материнское благословеніе или проклятіе, передъ которымъ все должно было склониться, смириться и повергнуться въ прахъ! Таково было убѣжденіе царя Михаила и всего общественнаго строя его эпохи!

22 августа, отслушавъ обѣдню и молебеніе въ Успенскомъ соборѣ, при большомъ стеченіи народа, государь, съ своей матерью, великой старицей Марфой Ивановной, выѣхалъ изъ Москвы по Переяславкой дорогѣ; съ ними вмѣстѣ поѣхала инокиня Евнивія и почти вся семья Салтыковыхъ. Цѣль была достигнута: царь опять попалъ въ прежнюю обстановку, которую и старались протянуть по возможности, останавливаясь въ разныхъ монастыряхъ Переяславля, Ростова, Ярославля и Костромы, то подъ предлогомъ отдыха, то по нездоровью Марфы Ивановны, которая была убѣждена, что указъ остался не подписаннымъ, и гонецъ въ Тобольскъ не посланъ.

Черезъ два дня послѣ отъѣзда Марфы Ивановны, раннимъ утромъ, черезъ пустыя еще и сонныя улицы Москвы ѣхалъ шагомъ небольшой отрядъ конныхъ людей. Впереди осанисто и важно сидѣли на рослыхъ жрѣпкихъ коняхъ два всадника, изъ которыхъ одинъ былъ начальникъ коннаго отряда казаковъ Григорій Гладкій, а другой англичанинъ Эдвардъ Меризъ, вынужденный, чтобы получить пропускъ, перемѣнить имя и на-

зваться торговымъ гостемъ Нижегородцемъ Ефремомъ Ананьинимъ.

ГЛАВА V.

Миротворецъ.

Купецъ Джонъ Мерикъ былъ однимъ изъ первыхъ путешественниковъ, отважившихся проникнуть въ глубь московскаго государства. Хотя и гораздо ранѣе того англійскіе, голландскіе, шведскіе, датскіе и другихъ націй промышленники и мореплаватели являлись въ Архангельскъ, черезъ Бѣлое море, и въ устьямъ Невы, черезъ Балтійское, но рѣдко кто бывалъ и живалъ въ Москвѣ.

Джонъ Мерикъ отличался не только страстью къ путешествіямъ да открытіямъ, но былъ еще и самый искусный дипломатъ своего времени: онъ сумѣлъ освоиться съ нравами и языкомъ московскаго государства, сумѣлъ привлечь на сторону англичанъ расположеніе бояръ и еще при Годуновѣ основалъ сношенія съ британскимъ правительствомъ. Во время смуть Мерикъ благоразумно удалился изъ Россіи, но когда въ Москвѣ дѣла пришли въ порядокъ, то снова явился неизмѣнный, отважный Мерикъ и завелъ уже прямыя сношенія съ молодымъ государемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. По его совѣту, еще въ 1613 году, лѣтомъ, былъ отправленъ въ Лондонъ посоль, дворянинъ Алексѣй Зюзинъ, котораго въ то время царствовавшій король Яковъ I-й принялъ весьма радушно и изъявилъ желаніе продолжать торговныя и дипломатическія сношенія съ русскимъ царемъ. Съ 1614 года Джонъ Мерикъ уже является въ Москву съ грамотами отъ Якова I-го, какъ посоль и уполномоченный, и начинаетъ вести переговоры съ княземъ Курякинымъ о самомъ важномъ для Англійи вопросѣ: о прямомъ пути черезъ Россію и Сибирь въ Персію, Ин-

дію и Китай; но этотъ вопросъ встрѣтилъ сильную оппозицію въ боярской думѣ. Москвичи не охотно впускали иноземцевъ во внутрь страны, а главное опасались, чтобы англичане не подорвали русской торговли. Не смотря на возникшія затрудненія, Мерикъ успѣлъ достигнуть дозволенія свободной торговли въ Россіи англійскимъ купцамъ, за что обѣщаль помощь короля въ войнѣ Россіи со Швеціею. Михаилъ Ѳеодоровичъ, нуждаясь въ казнѣ послѣ разоренія и самозванщины, взялъ у Англии взаймы 20 тысячъ рублей и просилъ Мерика содѣйствовать къ заключенію мира со Швеціею, которая, воспользовавшись неурядицей и между-царствіемъ, завладѣла Новгородомъ, Псковомъ, берегами Невы, Лифляндіей и другими порубежными землями. Знаменитый Густавъ-Адольфъ дѣйствовалъ весьма энергично и съ своимъ, для того времени, отличнымъ войскомъ одерживалъ побѣды надъ русскими полками, съ великимъ трудомъ собранными для обороны отъ дальнѣйшаго нашествія «Свейскихъ вѣмцевъ». Изъ полководцевъ Швеціи особенно отличались Делагарди и братья Эвертъ и Генрихъ Горнъ.

Доведенные до крайности, несчастные Новгородцы вынуждены были цѣловать крестъ брату шведскаго короля Карлу-Филиппу.

Мерикъ принялся усердно хлопотать; наконецъ, ему удалось уговорить Делагарди и Горновъ назначить съѣздъ, для мирныхъ переговоровъ, которые и начались 4 января 1616 года, между Новгородомъ и Осташевымъ, въ селцѣ Дедеринѣ; но, уполномоченный со стороны Москвы, князь Мезецкій никакъ не могъ придти къ соглашенію съ Делагарди. Поднялись неизбежные упреки, брань и нескончаемые споры о титулахъ царя и короля. Мерикъ едва могъ удержать пословъ отъ разрыва и драки, такъ что сидѣть имъ въ одной избѣ да за однимъ столомъ оказалось опаснымъ.

Шведы требовали Новгородъ, Псковъ, Лифляндію, Семиръченскую область, оба берега Невы, Ладожское озеро и 100 тысячъ серебряныхъ вѣскихъ рублей.

Князь Мезецкій не могъ согласиться, а между тѣмъ Новгородцы и Псковичи прислали гонца за гонцомъ, моля о скорѣйшемъ докончаніи мира. Новгородскій митрополитъ Исидоръ, съ необыкновеннымъ мужествомъ, поддерживалъ въ Новгородцахъ терпѣніе и надежду на скорое освобожденіе отъ шведскаго ига.

Однако въ Дедеринѣ съѣзды ничѣмъ не кончились; только послѣ дѣятельныхъ стараній Мерива, переговоры возобновились въ Столбовѣ; наконецъ, 27-го февраля 1617 года состоялся договоръ вѣчнаго мира между Россіей и Швеціей, по которому послѣдняя отдала первой: Новгородъ, Псковъ, Старую-Русу, Порховъ, Сумерскую область Ладугу, Гдовъ и другія земли, а Россія обязалась заплатить шведамъ 20 тысячъ рублей и отказалась отъ Лифляндіи и Корелы.

14 марта князь Мезецкій и дворянинъ Зюзинъ, съ иконами и духовенствомъ Хутынскаго монастыря, торжественно вошли въ очищенный отъ шведовъ Новгородъ и были съ великой радостью и слезами встрѣчены митрополитомъ Исидоромъ со всѣмъ народомъ.

Послѣ окончанія разорительной войны съ Швеціею надлежало подумать о наградѣ тому, кто былъ въ томъ дѣлѣ миротворцемъ, то-есть князю Ивану Ульяновичу Мериву, котораго такъ величали въ Москвѣ, не смотря на то, что онъ былъ простой купецъ, гость торговый.

Поручено было боярину Феодору Ивановичу Шереметьеву распросить, какою-бы онъ себя желалъ награды; но Меривъ, устранивъ всякіе личные интересы, опять поднялъ вопросъ о пути въ Персію и Индію. Подозрительные думные бояре употребили всѣ усилія, чтобы внушить государю разныя небывалыя опасности отъ допущенія иноземцевъ въ Сибирь. Отказъ велѣно облечь „въ гладость“, чтобы не оскорбить князя Ивана Ульяныча и не раздражить „ангельскаго короля Явуба“. При этомъ однако бояре не вытерпѣли, чтобы не напомнить Мериву о томъ, какъ онъ еще при Годуновѣ вывезъ изъ Москвы четырехъ ребятъ въ свою землю для науки, но

съ той поры прошло столько годовъ, что вѣрно-де тѣ ребята обучились, такъ чтобъ онъ ихъ навадь въ Москву доставилъ; но Мерикъ уклончиво отвѣчалъ, что тѣ ребята разѣхались въ разные города, а одинъ въ Индію, такъ со временемъ, розыскавъ ихъ, коли они сами пожелаютъ въ Москву воротиться, то имъ отъ короля въ томъ помѣшкѣ не будетъ.

Настаивать далѣе и ссориться съ такимъ полезнымъ человѣкомъ, какъ князь Иванъ Ульянычъ, изъ-за какихъ-нибудь робать, бояре не сочли нужнымъ, и дѣло это было забыто.

Государь подарилъ Меряку свою „парсуну“, то-есть портретъ на золотой цѣпи, золотой ковшъ съ камнями самоцвѣтными, образцы низаны жемчугомъ, платье персидское, шелку лазорева да чревчата, съ золотомъ на сободяхъ, пять сороковъ соболей, 5 тысячъ бѣлки, шапку черныхъ лисъ, куски бархату, камни, атласа и проч.

На это Мерикъ отвѣчалъ: Благодарю за царскія великія милости и жалованье, а служить его царскому величеству я всегда готовъ и долгомъ считаю: я въ ангельской землѣ родился, а на Руси возмужалъ; я столько хлѣба въ своей землѣ не ѣдалъ, сколько въ московскомъ государствѣ, такъ какъ-же мнѣ Москвѣ да государю не служить. Удивительный человѣкъ былъ этотъ Иванъ Ульянычъ Мерикъ! Какъ только его дипломатическая роль посредника между грозными воюющими державами кончилась, то и князь, посолъ и миротворецъ, внезапно преобразовался въ торговаго гостя, вошелъ въ свою обычную среду, принялся за торговлю и все это такъ-же просто и спокойно, какъ еслибъ дѣло шло о ссорѣ между двумя его сосѣдами лавочниками, уладивъ распрю которыхъ, онъ побѣждалъ-бы опять за свой прилавокъ и принялся-бы за прерванный на нѣсколько минутъ отпускъ покупателю трехъ фунтовъ мяса или соли!

Мерикъ нисколько не возгордился, ни зазнался, выставляя всегда и вездѣ на первый планъ интересы сво-

его родного острова и благоразумно оставляя въ тѣни свои собственныя заслуги.

Поэтому-то Мерика и вѣрно любили въ Москвѣ въ то время, когда еще такъ дичились и чуждались другихъ иноземцевъ. Однако, уступая боярамъ во всѣхъ договорахъ, умный англичанинъ упорно преслѣдовалъ цѣль своей жизни, развѣдки невѣдомой страны—сокровищницы востока и проведеніе черезъ рѣки Волгу, Каму, Обь, Енисей и другія прямого сообщенія съ Персіей, Индіей и Китаемъ.

Понятно, съ какимъ восторгомъ онъ ухватился за возможность послать сына въ Сибирь, куда ему самому доступъ былъ загражденъ подозрительными боярами. Тѣмъ немногимъ знакомымъ, которые поинтересовались спросить, гдѣ его сынъ Эдвардъ, онъ объяснилъ, что сынокъ-де поѣхалъ въ свою сторону навѣстить старшаго брата.

Только молодой князь Иванушка Долгорукій да княжна Марья Владиміровна знали, куда уѣхалъ Эдвардъ, а прочимъ и въ головы не могла придти солидарность молодого Мерика съ Нижегородцемъ Ефремомъ Анапьевымъ, ѣхавшимъ въ Тобольскъ по дѣламъ своей торговли мѣховымъ и пушнымъ товаромъ.

Уѣзжая, Эдвардъ познакомилъ свою сестру Маргариту съ княжною, поручивъ ей навѣщать своего ученика, а когда вѣсть придетъ отъ него, то передать имъ его поклонъ и подробности о его путешествіи.

По отъѣздѣ Эдварда, княжна затосковала; пропала ея рѣзвая беззаботность, румянецъ сбѣжалъ съ полныхъ щекъ, улыбка не озаряла поблѣднѣвшія губы. Княгиня Марфа Васильевна встревожилась, вообразивъ, что дочка заболѣла; но старая Мамука, которая кое-что домекала, да не считала нужнымъ рассказывать, успокоила княгиню: Въ княжнѣ переломъ происходитъ: изъ ребенка въ дѣвку переходъ... Оставь, матушка-княгиня, обломается молодѣшенька и опять повеселѣетъ и поздоровѣетъ!.. говорила знахарка.

Дѣйствительно, въ душѣ Марьи произошла ломка изъ

ребенка, она вдругъ сдѣлалась дѣвушкой. Она ясно опредѣлила чувство свое къ Эдуарду, она просто, безъ ложнаго стыда, созналась, что она его любитъ болѣе всего на свѣтѣ и сказала мысленно, что никого другого любить не будетъ, никому не отдастъ себя волею... развѣ отдадутъ ее силою, но этого нельзя было предвидѣть: отецъ съ матерью такъ ее любили. А если, оборони Боже, почнуть за мужъ уговаривать, я скорѣй въ монастырь уйду, а за немилаго не пойду!.. рѣшилась княжна.

Пока государь Михаилъ Θεодоровичъ ѣздилъ на богомолье по разнымъ монастырямъ, откуда вернулся только въ началѣ ноября, указъ его подвигался къ цѣли, спрятанымъ на груди казака Гладкаго.

Пока стояла сухая осень, наши путники ѣхали то по дорогамъ, то на стругахъ по Волгѣ; когда-же миновали Нижній-Новгородъ, Казань и поѣхали по рѣкѣ Камѣ, началъ порхать первый снѣгъ, и погода стала бурная, ненастная. Пошли препятствія и затрудненія: ѣхать верхомъ было не удобно, рѣки еще не стали. Не разъ приходилось по нѣскольку дней стоять въ дымныхъ избахъ; Эдуардъ пользовался остановками, чтобы распрашивать мѣстныхъ жителей, навидывать на бумагу бѣглый очеркъ слышаннаго и планы видимой кругомъ мѣстности. Эдуардъ обладалъ желѣзной волей отца и несокрушимымъ здоровьемъ: ни слякоть, ни вьюги, ни стужа на него не дѣйствовали; когда его спутники унывали, онъ, не измѣняя обычной веселости, ободрялъ ихъ и находилъ выходъ изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Григорій искренно къ нему привязался; они вспоминали про Москву и хоть ни слова не было сказано про княжну Марью, но Григорій зналъ, что сердце Эдуарда занято ею. Эдуардъ особенно любилъ слушать рассказы стариковъ про повореніе Сибирскаго царства и про героя—казака Василія Тимофеевича Ермака *).

*) Ермакъ—кашеваръ, прозвище, данное ему съ дѣтства.

Къ сожалѣнію, когда напалъ снѣгъ, то представилась невозможность изслѣдовать богатую рудами почву Яицкаго хребта (Урала). Наконецъ, зима стала, путь сдѣлался гладовъ и леговъ, рѣки, скованныя льдомъ, давали возможность быстрого передвиженія.

Маленькія хохлатыя лошаденки летѣли, какъ быстроногіе олени, возницы, обутанныя сырыми не выдѣланными мѣхами, необщительно отвѣчали на вопросы, особеннымъ гортаннымъ звукомъ поощряя бѣгъ коней; рѣзкій вѣтеръ поднималъ цѣлыя облака снѣжнаго инея; солнце, едва показавшись изъ-за горизонта, огненнымъ заревомъ окрашивало необозримыя занесенныя снѣгомъ тундры, окаймленныя вдали зубцами горъ и непроходимыхъ, вѣчно дремлющихъ, хвойныхъ боровъ.

Послѣ двухмѣсячнаго пути они приближались къ цѣли; оставалось не болѣе 50 верстъ до Тобольска, какъ внезапно поднялась пурга, замела слѣды дорогъ и завалило нашихъ путешественниковъ цѣлымъ курганомъ снѣга, подъ которымъ и люди, и лошади плотно прижались другъ къ другу, чтобы общимъ внутреннимъ тепломъ избѣгнуть смерти отъ замерзанія, въ надеждѣ, что пурга не будетъ продолжительна. Григорій особенно тщательно отпрегъ лошадей, о которыхъ возницы и не позаботились; онъ поставилъ ихъ головами въ сани, гдѣ было сѣно, сообразивъ, что въ этихъ животныхъ было все ихъ спасеніе, а безъ нихъ добраться до Тобольска было-бы невозможно. Прошло нѣсколько часовъ ужаснаго положенія; сонъ началъ одолевать людей и даже лошади легли, что означало недостатокъ свѣжаго воздуха и близкій переходъ въ безчувственное состояніе. Съ минуту Эдвардъ потерялъ бодрость: «Ужель здѣсь я кончу свой путь?» мелькнула у него сознательная мысль, и вняжна Марья явилась ему въ полномъ блескѣ красоты и любви... Начинаясь галлюцинація.

Вотъ онъ слышитъ звонъ: это московскіе колокола.. Но нѣтъ, это не обманъ слуха, звонъ явственно раздается ближе: это колокольчикъ и бряцанье бубенцовъ...

Эдвардъ вострепнулся и сталъ толкать товарищей, но они не просыпались.

Съ невѣроятнымъ усиленіемъ Эдвардъ ухватился за оглоблю, отвязанную отъ саней, съ намѣреніемъ устроить родъ шалаша. Онъ началъ работать изъ всѣхъ остальныхъ силъ; наконецъ, ему удалось пробить скважину въ снѣгу и онъ услышалъ человѣческіе голоса. «Помогите, Христа ради!» крикнулъ онъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, показавшихся ему вѣками, онъ почувствовалъ, что снѣгъ надъ нимъ осѣдается; слышались торопливые удары лопаты и вотъ, наконецъ, въ темноту заживо погребенныхъ глянулъ лучъ луннаго свѣта. Эдвардъ высунулъ голову, жадно вдыхая морозный воздухъ; онъ увидалъ темносинее небо, усѣянное звѣздами, а на сѣверѣ вспыхивающее сіяніе: чудное зрѣлище разросталось и охватывало небо, постепенно заживавшееся огнями фосфорическихъ столбовъ!...

Эдвардъ схватилъ протянутую ему руку и вылѣзъ изъ ямы; предъ нимъ было нѣсколько человѣкъ съ лошадьми и санями: это шель караванъ и случайно попалъ на дорогу, гдѣ застряли путешественники; но онъ прошелъ-бы, не замѣтивъ ихъ слѣда, еслибъ Эдвардъ не услышалъ звука колокольчиковъ, звенѣвшихъ подъ дугами коней.

Вскорѣ откопали и вытащили Григорія и его товарищей заключенія; всѣ были живы, а лошади, какъ только почували своихъ табунныхъ друзей, весело заржали и сами выбрались изъ сугробовъ. Запасливые сибиряки везли съ собою сухого хворосту для костра; скоро искры посыпались изъ-подъ огня и кремня, вспыхнулъ огонекъ и быстро охватилъ вѣтви можжевельника, который легко воспламеняется и горитъ жарко. Это было спасеніемъ для оконченвшихъ подъ снѣгомъ людей; глотокъ согрѣтаго вина окончательно оживилъ ихъ, и они были готовы продолжать путь.

Изъ распросовъ выяснилось, что караванъ именно ѣхалъ въ Тобольскъ за мѣхами, везя въ промѣнъ-

кое-какіе предметы роскоши для одежды, зеліе (порохъ), дробь и оружіе.

Григорій спрашивалъ ихъ про Желябужскихъ, но эти торговые люди хоть и ежегодно бывали въ Tobольскѣ, а такого прозвища не слыхивали.

Наконецъ, одинъ изъ купцовъ вспомнилъ, что видалъ ссыльныхъ у пристава, а звали ихъ Иваномъ да Александромъ, и были рѣчи про бабъ, ихъ сродницъ, да объ какой-то дѣвѣ Марьѣ, что жила-де съ дядьми въ затокѣ. Относительно воеводы они ничего худого не сказавали, но пристава очень не одобряли, называя его лихоимцемъ, пьяницей и жестокимъ.

По ихъ рѣчамъ можно было заключить, что судьба ссыльныхъ преимущественно зависѣла не отъ воеводы, а отъ пристава и что ходили слухи о его съ ними дурномъ обращеніи.

Григорій Гладкій и Ефремъ Ананьинъ переглянулись; общая мысль отразилась въ ихъ взорахъ:

— Бѣдная Марья Хлопова! Несчастливая царевна Анастасія! Какой-нибудь злостный мужикъ, пьяница, безнаказанно, надъ тобой издѣвается! Вотъ неисповѣдимыя судьбы Господа: изъ праха онъ поднимаетъ до царскаго величія и съ престола низвергаетъ во прахъ!... О суета мірская!...

А сѣверное сіяніе все разгоралось и охватывало полнеба, переливаясь радугами и поднимаясь багровыми столбами!... Но вотъ померкли яркія краски, поблѣднѣли звѣзды, закатился крутой мѣсяцъ и съ востока потянуль свѣжій вѣтеръ—предвѣстникъ дневной зари.

Путники снарядились, запрягли отдохнувшихъ коней, собрали пожитки и пустились въ дорогу, бодро похрустывая затвердѣвшимъ отъ сильнаго мороза снѣгомъ.

Еще нѣсколько часовъ и они принесутъ радостную вѣсть въ жилище печали, подобно голубю, принесшему масличную вѣтвь въ ковчегъ Ноя!...

ГЛАВА VI.

Возвращеніе изъ ссылки.

Темно и дымно въ избѣ; отъ намерзшаго льду дверь не плотно затворяется; окна наглухо закрыты.

Кругомъ избы, только что упявшейся пургою, нанесло такіе сугробы, что къ двери надобно спускаться словно въ подполье; утромъ еле выбрались изъ избы, да и то съ чердака спустились, да дверь откопали. Холодно было, пока не истопили черную печку безъ трубы, за то когда дымъ повалилъ въ волоковое оконце, стало потеплѣе и старая бабка, да хворая сноха, да ребятнишки могли кое-какъ согрѣться на печкѣ.

Послѣ скудной трапезы, молодая, но худая и блѣдная, дѣвушка вымыла столъ, убрала посуду и зажгла лучину, воткнутую въ стоянецъ.

На дворѣ солнце блеститъ и ослѣпляетъ глаза, отражаясь отъ безпредѣльно-бѣлаго снѣговаго покрова, а тутъ въ этомъ жильѣ скорби и нужды вѣчный мракъ, и люди живутъ, какъ кроты въ норахъ.

Дѣвушка сѣла къ столу и принялась за почишку худаго, рванаго бѣлья и одежды; одна изъ снохъ съ ребенкомъ у груди пыталась прясть, но ребенокъ возился и вытаскивалъ веретено изъ рукъ матери; другая сноха, больная, послѣ родовъ, охала на печкѣ, дѣти разнаго возраста блажили, а старуха - бабка ихъ унимала. Въ избѣ былъ только одинъ мужчина, лѣтъ 35, высочій, съ темной бородой и очень привлекательной наружностью, но на лицѣ его лежала мрачная печать горя и оскорбленій.

Онъ молча и терпѣливо трудился надъ лаптами, обуряя всю семью и успѣвая плести обувь и на продажу сосѣдямъ, или, лучше сказать, въ промѣнъ на горсть соли, ломоть хлѣба или чашку молока.

Ни одного слова не перемолвили эти бѣдные люди,

въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. Все давно было переговорено и все было такъ нечально, что повторять одно и то-же было-бы только растравленіемъ вѣчно ноющей раны; судьба, надломившая ихъ счастье и покой, послѣ безумной борьбы и отчаянья, ниспослала имъ, наконецъ, единственно возможное въ ихъ положеніи утѣшеніе: терпѣнье, вѣру въ Бога и надежду въ небесную награду.

Тишина только и нарушалась, что пискомъ ребятъ, трескомъ лучины, да извнѣ доносился однообразный звукъ топора, которымъ кто-то видно рубилъ дрова. Вдругъ стукъ оборвался, раздались спѣшные шаги по сѣнцамъ, дверь распахнулась, причемъ ворвавшимся порывомъ холоднаго воздуха загасило лучину. «Звѣрь идетъ и опять пьяный!.. быть бѣдѣ!» раздражительно молвилъ вошедшій мужчина, нѣсколькими годами старше того, что плелъ лапти, но имѣвшій съ нимъ семейное сходство.

Дѣвушка торопливо вздула лучину; она стала еще блѣднѣй и рука, вставлявшая лучину въ стоянецъ, сильно дрожала; женщина съ ребенкомъ бросила веретено и спряталась за печку; дѣти испуганно примолкли. «Господи! когда будетъ конецъ моему мученію? Пора-бъ мнѣ помереть, да знать за грѣхи мои земля не принимаетъ моихъ костей!»... взмолилась старуха на печкѣ.

Одинъ только мужчина, что лапти плелъ, остался, по-видимому, хладнокровнымъ и продолжалъ работать.

— Коли онъ опять съ тѣмъ-же, что ни будетъ, а разобью я ему башку вотъ этимъ обукомъ, скрипя зубами прошепталъ вошедшій.

Оставивъ лапти, другой мужчина всталъ и строго сказалъ: Брось, Иванъ! не губи себя и насъ!...

— Нѣтъ, братъ Александръ, силъ больше не хватаетъ терпѣть, воскликнулъ Иванъ Желябужскій и столько правды было въ этомъ воплѣ отчаянья, что даже деревянные стѣны избы и каменная печка словно дрогнули.

Не успѣлъ Александръ Желябужскій возразить бра-

ту, какъ дверь расхлопнулась съ такой силой, что едва съ петель' не сорвалась. Въ избу ввалился жирный, краснорожій приставъ, извѣстный на мѣстномъ нарѣчїи подъ бличьей Ооки Тумака и имѣвшій способность однимъ взмахомъ своего кулачища разбить челюсть любому ссыльному, надъ которыми ему былъ порученъ надзоръ.

Съ нимъ вмѣстѣ вошло человѣкъ 5 сторожей, несшихъ кульки, узлы и глиняные кувшины съ виномъ. Приставъ замѣтно покачивался, и носъ его рдѣлся, какъ мороженная клюква.

— Эй вы, собачье племя! Что не встрѣчаете зятюшку нареченнаго? Эка темень у васъ!... ничего со свѣту не разберешь... Ну, ты, старая корга, съ печки долой и ставъ лучинъ болѣ!...

Тумака тяжело опустился на скамью, а сторожа положили на столъ принесенную провизїю.

— Садись, дѣвка, давай поцѣлуемся!... Съ женихомъ не зазорно... продолжалъ Тумака, протягивая руку, чтобы схватить Марью Хлопову, но она быстро отскочила и отвѣчала: Ты мнѣ не женихъ и я тебѣ не невѣста!... Отставъ, ради Господа!...

Тумака ударилъ кулакомъ по столу, такъ что всѣ кульки привскочили и водка расплескалась.

— Какъ ты смѣешь, такая-сявая!... Тебѣ честию говорятъ, что за себя хочу тебя взять, а ты артачишься.

Подъ, говорю, а не то за косы приволоку!... Онъ всталъ и, шатаясь, пошелъ къ Марѣ.

— Прочь!... врынулъ Иванъ Желябужскій, оттолкнувъ пьянаго негодяя. Нечто ты не вѣдаешь, что она съ царемъ обручена? Можешь-ли ты, безъ царскаго указа, ее брать?

Но пьяный приставъ потерялъ всякое сознание; онъ разразился площадными ругательствами и врынулъ своимъ сторожамъ: Хватайте его, вяжите!... Тащите ба-тожь!... Погоди врамольникъ, я те уважу, какъ пристава толкать!... Я те ребра-то пересчитаю.

Не смотря на слезы женщинъ и на мольбы Александра Желябужскаго, брата его Ивана скрутили и повалили на грязный, земляной полъ. Приволокли палки, и одинъ изъ сторожей, снявъ кафтанъ, да засучивъ рукава, собрался исполнить роль заплечнаго мастера.

Въ эту ужасную минуту снова слышались шаги и голоса; заплечный мастеръ прислушался: Идутъ!... какъ бы воеводѣ не донесли! сказалъ онъ.

— Катай въ мою голову! понукалъ его Тумакъ, но мужикъ нарочно мялся, чтобъ выиграть время.

— Оока Иванычъ! Гдѣ ты? слышалось за дверью. Кто-то шарилъ и толкалъ дверь, которую придерживали сторожа. Это Сидоръ Парамонычъ! Пустить, что-ль? спросилъ одинъ.

— Коего лѣшаго ему надоть? заворчалъ приставъ и велѣлъ впустить.

Вошли нѣсколько человекъ; впереди всѣхъ былъ начальникъ мѣстной воинской рати, сторожившій съ нѣсколькими десятками ратниковъ Тобольскую крѣпостцу или, какъ тогда звали, Острожекъ.

Увидавъ приготовленія къ экзекуціи, онъ ахнулъ.

— Никакъ ты взбѣсился, Тумакъ! Эй вы, живо развяжите его... крикнулъ онъ сторожамъ.

— Ты что тутъ мудруешь! Ты у себя въ острогѣ приказывай, а здѣсь я хозяинъ... огрызнулся приставъ.

— Чертъ ты эдакій! Вотъ указъ отъ государя... Слышишь ты, свинья неумытая... Вонъ гонецъ изъ Москвы... Иди тотъ-же часъ къ воеводѣ!... а вы что глаза то выпялили? Развяжите его!..

При словѣ указъ, Тумакъ вскочилъ и шапку снялъ. Мужики быстро освободили Ивана Желябужскаго и поставили его на ноги.

Выступивъ впередъ, Григорій Гладкій низко поклонился обоимъ братьямъ Желябужскимъ и привѣтствовалъ ихъ: Здравствуйте на многіе годы, батюшки мои, господа честные! Какъ Господь васъ милуетъ?... и не дожидаясь отвѣта, онъ продолжалъ: А мы вамъ изъ Мо-

сквы радости привезли: указано вамъ со всей семьей въ Верхотурье ѣхать... а тамъ, Богъ дастъ, и къ Москвѣ ближе...

Не отвѣчая Григорію, Желябужскіе обернулись къ иконамъ и начали молиться Богу.

Раздалось тихое рыданье: это плакала Марья, но слезы ея были радостныя и облегчили наболѣвшее сердце. Старая боярыня Теодора Желябужская слѣзла съ печки: Благодарни суще недостойные раби твои Господи о твоихъ великихъ благодѣяніяхъ! Славяще тя хвалимъ, благословимъ, благодаримъ, поемъ и величаемъ твою благоутробіе!.. громко молвила она, влады земный поклонъ.

Семья Желябужскихъ окружила Гладяго и засыпала вопросами; онъ отвѣчалъ съ трудомъ: все имъ видѣнное во того его растрогало, что онъ едва не плакалъ. Прислонясь къ стѣнѣ, вдали отъ прочихъ, стоялъ торговый гость Ефремъ Ананьинъ; онъ пристально вглядывался въ лицо бывшей царевой невѣсты. Не смотря на 4 года страдальческой жизни, горя и всякихъ лишеній, Хлопова была прекрасна, особенно теперь, когда въ ея лазурныхъ глазахъ счастье просвѣчивалось сквозь слезы, словно майское солнце сквозь тонкое, мимолетное облако; голова ея была не покрыта, а волосы, которыхъ она еще не успѣла убрать, въ роскошномъ беспорядкѣ, золотыми волнами рассыпались по грубому сѣрому армяку, накинутому на ея плечи.

Не смотря на ослѣпленіе любви, Эдвардъ сознался, что Марья Хлопова гораздо лучше Марьи Долгорукой. И вдругъ почему-то его сердце сжалось. И съ ней тоже можетъ случиться, мелькнуло у него въ мысляхъ; и словно призракъ явился ему изъ темнаго фона печки: то была княжна, но въ какомъ видѣ? Съ потухшими взорами, со впалыми щеками, съ устами, засохшими отъ ужаснаго недуга!... Она протянула къ нему руки и Эдвардъ хотѣлъ было броситься къ ней... но онъ очнулся! Передъ нимъ стояла хвора, худая, блѣдная жена

Александра Желябужскаго! Она смотрѣла на Эдварда и припоминала, гдѣ видала его прежде.

— Ты изъ Москвы? спросила она.

— Да... я Нижегородецъ, купецъ Ефремъ Ананьинъ!... покраснѣвъ отвѣчалъ Эдвардъ.

— А мнѣ почудилось... какъ жили-мы въ Москвѣ, у князя Ивана Ульяныча, сынъ на тебя схожъ... проговорила хвораая и задумчиво оглянулась на мужа.

— Мало-ль кто съ кѣмъ схожъ, замѣтилъ онъ.

— Сбирайтесь, бабы, въ путь, а мы съ братомъ пойдёмъ къ воеводѣ, попросимъ теплой одежды робатамъ, сказалъ Иванъ Желябужскій.

— Все вамъ готово: и одѣжа, и колымаги, и кони, и теплыя кошмы, и кормъ, завтра, Богъ дастъ, уѣдете изъ Тобольска навсегда, сказалъ сотникъ Сидоръ Капустинъ, который много разъ и прежде заступался за бѣдныхъ ссыльныхъ, помогалъ имъ, чѣмъ могъ, и даже крестилъ послѣдняго ребенка Александра Желябужскаго.

— Дай тебѣ Господи добраго здравія! Награди тебя Царица Небесная!.. Воздай тебѣ Боже, со сторицею, все, что ты сдѣлалъ для насъ!.. благодарила его Федора Желябужская.

Воевода, узнавъ о притѣсненіяхъ и дерзостяхъ Тумака, разгнѣвался и хотѣлъ строго его наказать, но Желябужскіе просили за него.

— Не хотимъ зла никому, поелику и Господь врагамъ велѣлъ прощать, сказалъ Александръ.

На слѣдующій день Марья Хлопова, съ бабкой, дядями, ихъ женами и дѣтьми выѣхала изъ Тобольска въ сопровожденіи Гладкаго и Сидора Капустина, которому воевода поручилъ ѣхать съ ними до Верхотурья и сдать ихъ тамошнему воеводѣ въ великомъ береженіи.

Не смотря на вьюги, морозы и дорожныя неприятели, ссыльные были веселы и здоровы, даже хвораая жена Александра стала поправляться.

Надежда снова заглянула въ ихъ изнывшія въ тоскѣ души. Марья съ жадностью слушала рассказы о всемъ,

что произошло въ Москвѣ въ ея отсутствіе, а главное ее интересовало извѣстіе о томъ, что патріархъ принимаетъ искреннее участіе въ ея судьбѣ; она поняла, что это было вслѣдствіе просьбы государя, возлюбленнаго жениха ея.

Предпримчивый Эдвардъ Мерикъ, подъ именемъ Ефрема Ананьина, остался зимовать въ Тобольскѣ, съ намѣреніемъ по веснѣ, приславъ провожатыхъ, отправиться въ глубь Сибири по рѣкѣ Оби и Енисею.

Въ половинѣ ноября Желябужскіе прибыли въ Верхотурье, гдѣ имъ дали хорошее помѣщеніе и «вормъ» по государеву указу.

Опять пошли для изгнанниковъ истома ожиданія и неизвѣстности о дальнѣйшихъ о нихъ попеченіяхъ московскихъ друзей.

— Дай мнѣ вѣсточку, коли что хорошее будетъ, голубчикъ Гриша! просила Марья Гладкаго.

— Пускай-бы пріѣхалъ дворецкій нашъ, Микитка Васильевъ, да привезъ-бы намъ изъ одѣжи и прочаго, что по списку значитъ, говорила Федора Семеновна, передавая Григорію письмо къ сыновьямъ Ивану да Гаврилѣ Хлоповымъ.

— Да поклонись своей Оринушкѣ, да княжнѣ Марьѣ Владиміровнѣ, со слезами наказывала Марья.

Всѣ Желябужскіе крѣпко полюбили Григорія Гладкаго; при прощаньѣ всѣ плакали, даже малые ребятнишки цѣловали Григорія и не хотѣли отцѣпиться отъ его кафтана, стараясь его удержать.

Выйдя за ворота, всѣ долго провожали глазами отъѣзжавшія сани!... Въ тотъ-же день они разстались еще съ однимъ другомъ: Сидоръ Парамоновъ Капустинъ, исполнивъ свое порученіе, уѣхалъ обратно въ Тобольскъ.

Изгнанники остались одни, среди чужихъ людей, на чужой сторонѣ; но ужъ не боялись они жестокаго обращенія, истязаній и обидъ: ихъ содержали въ довольствѣ и обходились съ ними съ уваженіемъ, такъ-какъ предвидѣли возвращеніе ихъ въ почѣту и богатству.

2 ноября государь возвратился съ богомолья.

Къ великой досадѣ, Марфа Ивановна узнала, что указъ въ Tobольскѣ былъ давно посланъ, но она не хотѣла уступить въ борьбѣ и начала новыя интриги, чтобы противодѣйствовать желанію государя, съ такимъ рѣдкимъ постоянствомъ продолжавшаго страстно любить свою разлученную и сосланную невѣсту.

Съ великой радостью Михаилъ Ѳеодоровичъ узналъ отъ казака Григорія Гладкаго, возвратившагося къ Рождеству, что Марья Ивановна жива, здрава и прислала ему съ любовью низкій поклонъ. Онъ подробно распросилъ Григорія обо всемъ: Какъ онъ засталъ Желябужскихъ? Какъ ѣхали они изъ Tobольска въ Верхотурье? Хорошо-ли имъ тамъ? Берегутъ-ли ихъ, кормятъ-ли по указу?...

Григорій рассказалъ все, кромѣ той сцены, которой онъ былъ свидѣтелемъ при первомъ свиданіи съ семьей ссыльныхъ. Марья крѣпко наказала ему не жаловаться на ея притѣснителя: Господь съ нимъ, говорила она.

Марфа Ивановна хитрила и поддѣлывалась къ патриарху. Чтобъ тебѣ, владыка, не поискать государю невѣсту изъ королевскаго роду? заискивающимъ тономъ говорила она.

— Предлагалъ я ему литовскую королевичну, да онъ наотрѣзъ отказался; вѣдь и ты, старица, допрежде не желала изъ латинской вѣры сноху взять, отвѣчалъ Филаретъ Никитичъ.

— Нечто только и свѣту въ оковцахъ, что Литва! мало-ль другихъ государствъ, небойсь у датскихъ нѣмецъ и у свейскихъ королевичны-то есть, да и въ ангельской землѣ тоже... замѣтила инокиня, желавшая выиграть время и тѣмъ дать возможность устранить ненавистную Хлопову, хоть и самой-то Марфѣ Ивановнѣ были не по душѣ иноземныя принцессы, да-не было у нея въ виду подходящей боярышни, которая могла-бы заставить государя забыть Хлопову.

— Пока по нѣмцамъ будутъ пословъ посылать, я ему прищипу здѣшнюю боярышню, думала она.

Патріархъ, не смотря на свой умъ и проницательность, поддался въ эти ловко закинутыя сѣти и сталъ серьезно вести дипломатическія сношенія съ Даніей и Швеціей, причѣмъ вспомнилъ о князѣ Иванѣ Ульяничѣ, которому были подробно извѣстны иностранныя королевскія семьи. Мерика пригласилъ въ хоромы патріарха, который распросилъ его о короляхъ, имѣвшихъ дочерей или племянницъ, годныхъ къ замужеству.

Мерикъ посовѣтовалъ ему обратиться къ датскому королю Христіану. Вскорѣ было послано посольство въ Данію сватать королевскую племянницу Доротею—Августу, но Христіанъ отказалъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что братъ-де его сосватанъ былъ съ царевной Ксеніей, дочерью Бориса Годунова, а какъ прибылъ-де въ Москву, то часу не жилъ—отравили его!... Послѣ этой неудачи, по совѣту Мерика, послали въ «Свейскую землю».

ГЛАВА VII.

Ловчая потѣха.

Полная луна обливаетъ своимъ серебристымъ свѣтомъ таинственную глубь вѣкового бора въ Черкызовѣ. Огромныя сосны стоятъ какъ великаны, вылитые изъ серебра, могучія вѣтви гнутся подъ гирляндами снѣга. Морозъ гуляетъ на просторѣ; неуловимый, но жестокій, онъ все поборилъ, и ни одно живое существо не осмѣливается вступить въ борьбу съ Титаномъ Сѣвера.

Уже близко къ полуночи. Небесныя часы—созвѣздіе Медвѣдицы или по народному названію—«Коромысла» стоятъ на самой серединѣ. Въ невозмутимой тишинѣ и при зарѣдѣвшемъ отъ стужи воздухѣ далеко слышенъ малѣйшій звукъ.

Чу! что-то шмыгаетъ! ближе да ближе, и въ проме-

жуткѣ между деревьями мелькнула тѣнь, потомъ другая. Приближающійся шумъ не похожъ на шаги, а какъ-будто легкій полозъ по твердой корѣ снѣга. Вотъ обозначились силуэты двухъ людей и, наконецъ, на поляну вышли на лыжахъ двое мужчинъ, одѣтыхъ въ мѣховые кафтаны, довольно короткіе, чтобъ не мѣшало ходить по снѣгу и въ валенные сапоги, не проницаемые ни для какой стужи. На головахъ у нихъ были шапки съ ушами, въ рукахъ по дубинѣ съ желѣзнымъ концомъ, а за плечами по доброму карабину нѣмецкой работы. Еще было у нихъ самое пригодное для странствія по дебрямъ оружіе: длинный, острый ножъ, которымъ тогдашніе богатыри умѣли лютаго звѣря поразить безъ промаху прямо въ сердце.

— А что, дядя Олферъ, далече еще до того мѣста? спросилъ шедшій сзади бояринъ Ловчаго Пути Опочининъ, обтирая рукавицей свой лобъ, вспотѣвшій отъ ходьбы, не смотря на морозъ.

— Не далече! коротко отвѣчаль Олферъ Вараксинъ. Пройдя еще нѣсколько сажень молча, Опочининъ снова заговорилъ: «Лосинаго слѣду много, и ловъ будетъ хорошъ, а надо-бъ еще космача поднять, чтобъ государя потѣшить.»

— Поднимемъ... не сумлѣвайся, бояринъ, мои конные псари Петръ Молчановъ, да Константинъ Олтуфьевъ николи не ошибались: тутъ ведмѣдъ и прематѣрый, вотъ самъ увидишь, только не разговаривай, а иди за мной молчкомъ, и Олферъ быстро пошелъ работать лыжами, которыя такъ и летѣли по сглаженной морозомъ поверхности снѣга.

Однако вскорѣ пришлось замедлить бѣгъ, лѣсъ становился гуще, наконецъ влѣзли въ «чапыгу», гдѣ сучья валежника и наваленные кучами совсѣмъ преградили путь. «Эъ, куда его лѣшій занесъ», ворчалъ Олферъ, осторожно раздвигая вѣтви.

Вдругъ онъ остановился и поднялъ руку; шедшій за нимъ Опочининъ тоже остановился, напрягая слухъ и зрѣніе. Изъ-подъ огромнаго сугроба снѣга слышалось

тяжелое, мѣрное дыханіе или, лучше сказать, сопѣніе, а изъ темнаго отверстія струился легкій парь, ясно замѣтный при лунномъ свѣтѣ.

— Тутъ ведмѣды! тихо молвилъ Олферъ.

— Вѣрно! согласился Опочининъ и, постоявъ еще съ минуту, оба пошли задомъ, потому что оборотить лыжи въ чащѣ было-бы не возможно; выбравшись на болѣе просторную мѣстность, охотники остановились.

— Присталъ я зѣло, сказалъ Опочининъ. Передохнемъ малость, да вотъ выпьемъ, а то морозецъ сталъ прохватывать, и онъ, выпивъ нѣсколько глотковъ изъ серебрянаго рога, что былъ привѣшанъ у него за поясомъ, передалъ этотъ сосудъ Вараксину, который затулился разомъ, кракнулъ и возвратилъ рогъ, до половины опорожненный.

— Спасибо, батюшка-бояринъ! сказалъ онъ, утирая усы. Охота будетъ славная, авось государя потѣшимъ, а то онъ, сердечный, все сумраченъ да блѣденъ... видно все по своей нареченной тужить... разговорился отъ добраго вина обыкновенно молчаливый Олферъ.

— Слухъ идетъ, что ее изъ ссылки воротятъ, отвѣчалъ Опочининъ. Салтыковы приуныли, и государь замѣтно отъ нихъ отшатнулся: бывало Михайло ему въ празднику волоски легчилъ, *) а нонѣ назначенъ для этого князь Иванъ Борисовичъ Черкасскій.

— Давно имъ пора, озлобленно молвилъ Вараксинъ, не разъ испытавшій дерзость временщиковъ. Многимъ они яму рыли, авось сами въ нее попадутъ.

Опочининъ оставилъ эти слова безъ возраженія, онъ даже попытался навести Олфера на другія мысли.

— А что я хотѣлъ давно спросить тебя, дядя, ужели ты такъ-таки одинъ на свѣтѣ?

— Одинъ одинѣшенекъ, грустно откликнулся Олферъ.

Родомъ я изъ далеча, изъ Вятки, и не знаю, живы ли мои сродники. Былъ со мной братьенька меньшей, да

*) Стричь волосы: это обязанность считалась почѣтомъ.

еще при царѣ Борисѣ услали его съ другими робятами въ науку, въ ангельскую землю, и съ той поры объ немъ слуховъ нѣту...

— А какъ звали твоего брата? спросилъ Опочининъ.

— Звали его Григоріемъ, по отечеству такъ-же, какъ и я, Григорьевымъ. Знать ужъ и въ живыхъ его нѣту.

— Ты говоришь къ ангельскимъ нѣмцамъ его услали, такъ вѣдь тамъ бываетъ Иванъ Ульянычъ Мерикъ, ты-бъ попросилъ его про брата узнать.

— Просилъ, да Иванъ-то Ульянычъ зѣло хитеръ. Божится будто-бъ Григорій живъ и здоровъ: житье-де ему хорошее: въ индейскихъ земляхъ-де вазны себѣ много нажилъ, у короля Якуба въ почетѣ... да не вѣрю я этому нѣмцу!... вздохнулъ Олферъ.

— А вотъ погоди, я спрошу у его дочери, она недавно сюда изъ ангельской-то земли прибыла, сказала Опочининъ.

Они снова полетѣли на своихъ рѣзвыхъ лыжахъ и присоединились къ другимъ охотникамъ, высматривавшимъ лосиные слѣды.

Переночевавъ въ селѣ Черкизовѣ, еще до зари, охотники съ огромной свитой, человѣкъ въ 200 загонщиковъ, или, по охотничьему термину, кричанъ, вышли изъ села и окружили большое пространство въ лѣсу, такъ разставивъ ловчихъ, чтобы звѣрь не могъ прорвать цѣпи. Передъ восходомъ солнца, прибылъ государь съ своими приближенными и, вылѣзши изъ саней, пошелъ на лосей пѣшъ.

Между другими придворными былъ и Михайло Салтыковъ, который хоть ужъ не пользовался прежнимъ вліяніемъ, но царь, подозрѣвая ихъ въ коварствѣ и обманѣ, по родству и изъ уваженія къ инокинѣ Марфѣ Ивановнѣ, не рѣшался вовсе удалить ихъ отъ себя.

Опочининъ и Салтыковъ обмѣнялись взглядомъ непримиримой вражды. Старуха Мамува проболталась о свиданіяхъ Прасковьи Ивановны съ бояриномъ Ловчаго Пути, вслѣдствіе чего между Михайломъ Салтыковымъ и его

женою бывали сцены ревности и упрековъ. Красавица Прасковья Ивановна пролила много слезъ и возненавидѣла мужа, но должна была, затаивъ злобу въ душѣ, покориться своей участи. Вѣдь не развѣнчаютъ, а, пожалуй, еще въ монастырь упрячутъ, думала она и ей мерещилась темная, сырая келія, куда въ то-время мужъ имѣлъ право засадить невѣрную жену. Однако Салтыковъ ревновалъ напрасно: послѣ свадьбы жена его не только не бесѣдовала съ Опочининымъ, но даже ни разу его и не видала; а Опочининъ дошелъ до той фазы обманутой любви, когда предметъ ея становится ненавистнымъ.

Онъ больше страдалъ отъ уязвленного самолюбія, чѣмъ изъ любви къ измѣнницѣ.

Михаилъ Θεодоровичъ не былъ такимъ страстнымъ охотникомъ, какимъ былъ впоследствии Алексѣй Михайловичъ; но теперь молодой государь предпочиталъ эту потѣху другимъ, потому что своимъ шумомъ и движеніемъ она успѣвала на нѣсколько часовъ отвлечь его думы отъ блѣднаго и печальнаго призрака его изгнанной невѣсты.

По данному знаку, по лѣсу пошелъ шумъ, крикъ и звуки роговъ: испуганные лоси, волки, лисицы, зайцы видались въ цѣпь охотниковъ, но, встрѣченные мѣткими выстрѣлами, падали, либо, поворота свой бѣгъ, стремились къ другимъ, болѣе слабо охраняемымъ, мѣстамъ; случалось, что лоси сшибали съ ногъ псарей, либо перескакивали черезъ нихъ и убѣгали.

Охота была удачна: груды всякой дичины были собраны на полянѣ. Опочининъ подошелъ къ Михаилу Θεодоровичу и доложилъ, что недалеко лежитъ-де въ берлогѣ «матерый ведмѣдь.»

Государь обрадовался и тотчасъ велѣлъ псарямъ идти по указанію Олфера Вараксина.

— Кто хочетъ побороться со звѣремъ? спросилъ царь.

Опочининъ и Салтыковъ выступили впередъ.

— Двое!.. ну да оно и лучше: коли матерій, такъ одному-то, пожалуй, и не совладѣть: помогайте-же другъ дружкѣ... сказалъ Михаилъ Θεодоровичъ.

Салтыковъ загадочно усмѣхнулся, а Опочининъ заявилъ, что и одинъ-де справится, но и Салтыковъ не отступался. Идите оба! рѣшилъ государь.

Спорить было невозможно, и противники пошли вмѣстѣ въ тому мѣсту, гдѣ была берлога, чтобы постараться выгнать звѣря.

Какъ сказано выше, тутъ была непроходимая чаща; Опочининъ полѣзъ первымъ, а за нимъ шелъ Салтыковъ. Всѣ другіе охотники, молча и съ любопытствомъ, издали ждали появленія медвѣдя.

Опочининъ съ досадою ворчалъ. Видано-ли, чтобъ двое на одного медвѣдя ходили! Не за свое ты дѣло, бояринъ, хватаешься!

— А это видано-ль, чтобъ чужую бабу съ пути истиннаго совращать, злобно возразилъ Салтыковъ.

— Не ты-ль чужую дѣвку-невѣсту отнял... вспыхнувъ, молвилъ Опочининъ, останавливаясь на самой верхушкѣ сугроба, подѣ которымъ въ кучѣ хвороста сопѣлъ медвѣдь. Только что Опочининъ хотѣлъ запустить длинный, остроконечный шестъ въ отверстіе, чтобъ разбудить медвѣдя, какъ Салтыковъ предательски толкнулъ его и несчастный бояринъ Ловчаго Пути провалился въ берлогу.

Общій крикъ ужаса огласилъ лѣсъ; всѣ обомлѣли, одинъ Олферъ Вараксинъ не потерялъ присутствія духа: онъ рванулся впередъ, однимъ толчкомъ опрокинувъ стоявшаго на пути Салтыкова, который далеко отлетѣлъ и завязъ по нѣку въ снѣгу. Олферъ легъ на животъ, положивъ подѣ себя поперегъ шестъ, выхваченный имъ изъ рувъ Салтыкова и, опустивъ обѣ руки въ отверстіе, задыхающимся голосомъ крикнулъ. Живъ-ли ты? хватайся за меня!

Онъ почувствовалъ, что его схватили за руки и изъ всѣхъ силъ потянулъ Опочинина.

Раздался страшный ревъ, и медвѣдь зашевелился въ берлогѣ. Опочининъ выбрался изъ берлоги цѣлъ и невредимъ. При сильныхъ морозахъ, посреди зимы, иногда бываетъ довольно трудно разбудить и выманить медвѣдя.

— Спасибо! лаконически молвилъ Опочининъ.

— На здоровье! отвѣчалъ Олферъ, радостно ухмыляясь.

Разговаривать было некогда: огромная голова медвѣдя показалась изъ ямы. Опочининъ и Вараксинъ приготовились встрѣтить противника, который лѣзъ и ревъѣлъ на весь боръ; но почему-то онъ не захотѣлъ вступить въ драку, а, минуя ожидавшихъ его охотниковъ, пошелъ въ ту сторону, гдѣ Салтыковъ барахтался въ снѣгу.

— Сломаешь онъ его! замѣтилъ Опочининъ.

— По дѣламъ вору мука! сквозь зубы пробормоталъ Олферъ; но Опочининъ, видя, что медвѣдь, въ трехъ шагахъ отъ обезумѣвшаго со страху Салтыкова, встаетъ на заднія лапы, стремительно бросился и съ боку подъ лѣвую сторону груди вонзилъ медвѣдю свой длинный, острый ножъ. Медвѣдь яростно обратился на новаго врага, но Олферъ подоспѣлъ съ другого боку и ударомъ топора по лбу покончилъ со звѣремъ; валяясь въ предсмертныхъ мукахъ, онъ порядочно-таки помялъ Салтыкова, и когда его вытащили изъ-подъ издохшаго космача, блестящій придворный представлялъ изъ себя комъ снѣгу, обгаренного кровью, но не своей, а медвѣдевой.

— Экъ онъ твою милость извалялъ! полунасмѣшливо, полупочтительно говорили псари Константинъ Олтуфьевъ да Петръ Молчановъ съ товарищами, обчищая и обтряхивая Салтыкова.

Когда налюбовались на медвѣдя и собрались покончить охоту, Опочининъ вышелъ впередъ и, кланяясь въ ноги государю, сказалъ: Бью тебѣ челомъ, царь-государь, на боярина Михайлу Михалыча Салтыкова за его недружбу, что онъ меня къ ведмѣдю въ берлогу столкнулъ!.. Всѣ внезапно притихли и веселость сбѣжала

со всѣхъ лицъ. Михаилъ Ѳеодоровичъ строго взглянулъ на смущеннаго Салтыкова.

— Ты слышалъ?.. Правда-ль это? громко спросилъ царь.

— Не нарочкомъ, а по нечаянности!.. опуская глаза, отвѣчала Салтыковъ.

— Я видѣлъ, какъ онъ толкнулъ, угрюмо заявилъ Олферъ Вараксинъ.

— Прости прощенья у Опочинина!.. рѣшительно сказалъ государь.

Салтыковъ молчалъ и не двигался.

— Не хочешь?.. Ладно!.. я доложу владыкѣ-патріарху... а межъ тѣмъ не важись мнѣ на глаза!..

Государь отвернулся и пошелъ къ санямъ; бояре и псары послѣдовали за нимъ; остались Салтыковъ да Олферъ Вараксинъ. Не всегда удается людей въ яму толкать... иной и самъ въ ту яму попадешь! въ видѣ назиданія, сказалъ старшій охотникъ и тоже побрелъ въ слѣдъ царю.

Скоро боръ опустѣлъ и только стоптанный, мѣстами окровавленный снѣгъ показывалъ, что тутъ была ловчая потѣха, едва не кончившаяся драмой.

На другой день послѣ охоты, Опочининъ пришелъ къ Мериву, но не засталъ его дома, а жена его вѣчно хлопотала по хозяйству; Маргарита сидѣла за шитьемъ у окна, въ которомъ, въ свинцовыхъ рамкахъ, были вставлены мелкія стекла, привезенныя Мерикомъ изъ Англій и составлявшія предметъ роскоши въ Москвѣ. Послѣ морознаго утра наступилъ ясный полдень, и солнце весело и ярко освѣщало внутренность теплой, уютной горницы и предестную дѣвушку, занятую рукодѣліемъ. Вся эта обстановка благотворно подѣйствовала на Опочинина и вчерашній гнѣвъ его на коварнаго врага улегся въ успокоенной душѣ.

Онъ сѣлъ напротивъ Маргариты и сталъ разсказывать ей, какъ онъ вечеръ упалъ въ медвѣжью берлогу.

Дѣвушка уронила рукодѣліе и, всплеснувъ руками,

воскликнула: Боже мой! какая неосторожность! Ну, если-бъ онъ тебя изломалъ?..

— Не впервые! Ужъ я бывалъ въ лапахъ ведмѣдѣ-то. Не мало онъ мнѣ рубцовъ на память оставилъ, какъ въ третьемъ году на рѣкѣ Москвѣ меня подъ себя подмалъ!.. засмѣялся удалецъ. Тогда государь за эту потѣху мнѣ съ своего плеча золотую цѣпь подарилъ, вотъ она! и онъ показалъ цѣпь съ ахонтами и золотыми бляхами.

— Маргарита покачала головой. Хороша потѣха! замѣтила она. Эдакъ мы съ тобой нонѣ бесѣдуемъ, а завтра услышимъ, что тебя звѣрь изувѣчилъ!

— Ну что-жъ! сказалъ онъ. Я одинъ, холостъ — не женатый, по мнѣ плакать не кому!..

Маргарита положила ему руку на плечо.

— А я-то!.. тихо молвила она.

— Опочининъ обомлѣлъ: Ты?.. я тебѣ чужой!.. что-жъ тебѣ по мнѣ плакать?..

Маргарита опустила руку, откинулась на спинку стула и заплакала.

— Что ты?.. Что ты, дѣвка?.. Не плачь, я пошутилъ, я больше не буду съ ведмѣдемъ бороться, успокоивалъ онъ ее; потомъ вдругъ вспомнилъ. Знать я люблю тебѣ?.. и онъ заглянулъ въ ея лицо.

— Да!.. прошептала она.

Опочининъ не зналъ, радоваться ему или печалиться.

— Нѣмка! мелькнуло у него въ умѣ и нескромныя уста повторили мысль: „Нѣмка!“

Маргарита встрепенулась: Я русская!.. молвила она. Опочининъ ахнулъ и вскочилъ. Ты!.. ты!.. ради Христа, не морочь!.. сказывай правду!.. Онъ задыхался.

— Я дочь Григорія Григорьева, что при царѣ Борисѣ въ ангельскую землю былъ посланъ для науки!.. твердо сказала Маргарита. Иванъ Ульяничъ мнѣ не отецъ, а дядя, Григорій-то Григорьевъ на его сестрѣ женатъ... Никто здѣсь этого знать не долженъ, чтобъ ни дядѣ, ни отцу моему, ни мнѣ бѣды отъ того не слу-

чилось. Когда мать моя гостила въ Москвѣ у брата своего, пришло ей время родить и родила она меня и крещена я по православному обряду... у меня въ томъ и запись есть отъ протопопа Казанскаго собора. Потому мать увезла меня въ Англію; отецъ плавалъ въ индейскія земли, и такъ ему тамъ полюбілось житье, что онъ, пріѣхавъ, жену и всю семью взялъ да туда увезъ и теперь тамъ живетъ... а я въ ту пору хворала, не думали, что жива буду и оставили у Ивана Ульянычева сына Георга; тамъ я выздоровѣла и выросла... Да вотъ вѣрѣно захотѣлось мнѣ побывать на родинѣ, поглядѣть, какая такая Москва?.. пріѣхала я и назадъ не поѣду... Здѣсь мнѣ либо жить, либо помирать.. Разсказъ дѣвушки объяснилъ Опочинину все загадочное, что онъ замѣчалъ въ ней и въ ея рѣчахъ.

— Любительная ты моя!.. воскликнулъ онъ. Вѣдь у тебя тутъ въ Москвѣ дядя есть родной, царскій конюшій псарь Олферъ Варахсинъ; онъ мнѣ еще вечеръ сказывалъ, что его брата Григорія Григорьева въ ангельскую землю при царѣ Борисѣ услали.

— Да!.. да!.. припомнила Маргарита. Отецъ говорилъ, что у него въ Москвѣ остался родной братъ, Олферомъ-де его звать, а я не знала, что онъ живъ.

— Слушай, дѣвка!.. теперь я отъ тебя не отстану, пока ты мнѣ не обѣщаешь за мужъ за меня идти!.. говорилъ Опочининъ, цѣлуя дѣвушку въ алія уста, въ румяныя щеки и въ ясныя очи.

— Поклонись Ивану Ульянычу... а я безъ тебя и жить не хочу!.. Коли-бъ не взялъ ты меня за себя, ушла-бъ я въ инокини! отвѣчала она.

Черезъ нѣсколько дней, Опочининъ явился къ государю и просилъ дозволенія жениться на пріемной дочери князя Ивана Ульяныча Мерика.

— На нѣмѣ?.. изумился государь.

— Нѣтъ, государь-батюшка! На русской сироткѣ Маргаритѣ Григорьевой, племянницѣ Олфера Варахсина!.. отвѣчалъ Опочининъ.

Государь дозволилъ, а послѣ свадьбы благословилъ молодыхъ иконами, одарилъ соболями, золотомъ, камнями самоцвѣтными, камкою, бархатомъ.

— Это за твою службу, Богданъ, да за службу Олфера, да за великія послуги князя Ивана Ульяныча... сказалъ государь молодому.

Олферъ Вараксинъ нежданно, негаданно нашель сродницу, а подъ старость теплое гнѣздо въ семьѣ Маргариты Опочининой.

ГЛАВА VIII.

Дѣло Хлоповой.

Михайло Салтыковъ поспѣшилъ къ своей тетушкѣ, инокинѣ Марфѣ Ивановнѣ, вслѣдствіе заступничества которой дѣло съ Опочининымъ замаяли, но Михайлъ Θεодоровичъ окончательно отшатнулся отъ прежняго любимца; онъ сталъ неласковъ и холоденъ къ Борису Салтыкову и удалилъ ихъ обоихъ изъ своей обыденной хоромной среды.

Патріархъ дѣйствовалъ еще открытѣе и, не смотря на родство съ Салтыковыми, никого изъ нихъ не пускалъ на глаза. Бывшіе времешники прятались за свою благодѣтельницу Марфу Ивановну. Видя, что государь, поддерживаемый вліаніемъ отца, не поддается ни просьбамъ, ни угрозамъ матери, она поборола свою гордость, прикинулась смиренной, угнетенной жертвою и посовѣтовала племянникамъ на время удалиться отъ двора.

— На глазахъ скорѣе можете попасть въ бѣду, а за глазами дѣло ваше забудется, мало-по-малу все обойдется тихо да гладко. Государь, дастъ Богъ, высватаетъ иноземную королевичну, а про Хлопову дѣло покончить!.. научала ихъ тетва.

Салтыковы убѣдились, что совѣтъ былъ дѣльный, и

на нихъ вдругъ напала охота ѣздить по богомолямъ, да въ свои огромныя вотчины.

Въ тотъ-же годъ, на Рождествѣ, государь упросилъ патриарха совѣсть помиловать Желябужскихъ.

30 декабря 1620 года состоялся указъ слѣдующаго содержания: „Пожаловали есмь.. Настасью Хлопову, велѣли ея съ бабкою и дядьми, съ Иваномъ да съ Александромъ Желябужскими отпустить съ Верхотурья, въ Нижній-Новгородъ. Отпустить на подводахъ, корму дать по прежнему, сколько давано въ Верхотурьѣ, смѣтя во сколько недѣль можно доѣхать до Нижняго. Да пристава-бы съ ними для береженья послать сына боярскаго добраго, чтобъ проводилъ онъ ихъ до мѣста и, ѣдучи дорогою, держалъ-бы въ нимъ береженіе, а какъ въ Нижній пріѣдутъ, отдалъ-бы ихъ воеводѣ и быть имъ въ Нижнемъ до государева указа, а котораго числа Настасью Хлопову съ бабкою и дядьми съ Верхотурья отпустить и кого пристава съ ними пошлуть, о томъ-бы повѣстили въ Москвѣ...“

Указъ этотъ, по желанію, заявленному Ѳедорой Семеновной Желябужской, посланъ былъ съ дворовымъ челоуѣкомъ Хлоповыхъ, Микиткой Васильевымъ, который поѣзъ имъ тѣ предметы одежды и прочаго, списокъ которыхъ привезъ Гладкій. Тайно отъ всѣхъ государь вручилъ посланному душевное письмо къ царевнѣ Настасьѣ и нѣсколько подарковъ: шубу, шапку соболью и пр., „чтобъ не зазнобилась дорогою моя голулица“, писалъ вѣрный женихъ своей нареченной.

Микитка Васильевъ прибылъ въ Верхотурье 14 февраля 1621 года. Въ то-же время Ивану и Гаврилѣ Хлоповымъ дозволенъ былъ пріѣздъ въ Москву.

Какая свѣтлая радость и надежда снова вспыхнули въ сердцахъ изгнанницы!.. Въ нѣсколько дней она расцвѣла, какъ пышный цвѣтокъ, руманецъ залилъ полныя щеки, глаза искрились, уста не смѣняли блаженной улыбки. Красота ея достигла своего высшаго предѣла и еслибъ Михайлъ Ѳеодоровичъ могъ увидать ее въ ту пору,

то, вѣроятно, энергія его пробудилась-бы съ такой силой, что всѣ препятствія къ браку на избранницѣ его сердца рушились-бы отъ одного царскаго слова!..

Между тѣмъ, дѣло Хлоповой затормазилось. Патріархъ не терялъ надежды найти невѣсту сыну изъ королевскаго рода. Послѣ неудачи въ Даніи, повели переговоры съ Шведскимъ Густавомъ Адольфомъ, который охотно предложилъ своему бывшему врагу породниться съ его племянницей, Екатериной Бранденбургской; но она рѣшительно отказалась перемѣнить вѣру, а лютеранку-царицу не могла признать православная Москва...

Между тѣмъ, Михаилу Теодоровичу пошелъ уже 27-й годъ, и для пользы государства необходимо было утвердить престолъ за родомъ Романовыхъ, для чего нужны были законные наслѣдники. Патріархъ, по совѣту Боярской Думы, приступилъ къ сыну съ увѣщаніями избрать невѣсту. Михаилъ сказалъ: „у меня есть избранница, царевна Анастасія!..“ Присутствовавшая на семейномъ совѣтѣ инокиня Марфа Ивановна объявила, что воленъ онъ взять Хлопову, но благословенія-де своего она не дастъ!..

— Безъ матерняго благословенія не подобаетъ, сказалъ патріархъ.—Сынъ мой! ты царь и обязанъ пещись о благѣ государства, врученнаго тебѣ Богомъ. Покорись волѣ Божіей: коли Ему не угодно, чтобъ ты женился по душевному выбору, согласишься избрать другую царицу, по желанію и благословенію родителей твоихъ, кои тебѣ не лютые враги, а объ твоємъ-же благополучіи и радости помышляютъ!..

Собравъ всю свою силу воли, Михаилъ отвѣчалъ твердо: Сочетался я бракомъ по закону Божьему и по преданію, св. апостоль и св. отецъ: обручена мнѣ царица Анастасія... не хочу взять иную!..

Такой неожиданный доводъ озадачилъ патріарха и ближнихъ людей, собравшихъ на совѣтъ. Государь былъ правъ: обрученіе, по закону церкви, считалось пол-вѣн-

цомъ; къ тому-же Марью Хлопову торжественно и все-народно нарекли царевной Анастасіей и поминали ее какъ царицу на этеньѣ по всѣмъ церквамъ!..

Выведенный изъ терпѣнія, патріархъ строго обратился къ Марфѣ Ивановнѣ: Старица Марфа! не доводи сына нашего до клятвопреступленія; обрученъ онъ съ Марьей по твоему-же соизволенію... Бракъ съ иной не будетъ благословенъ отъ Господа!..

Инокія встала блѣдная, но суровая: воля есть ваша, государя моего сына и владыки моего патріарха!.. Посадите меня въ затокъ, сошлите, казните, но не благословлю я бракъ сына съ испорченной дѣввой Хлоповой!.. и, не простась ни съ царемъ, ни съ патріархомъ, она ушла изъ палаты и съѣхала съ дворцоваго двора. Запершись въ своей кельѣ Вознесенскаго монастыря, она никого не принимала, кромѣ Евнїи Салтыковой, и приготовилась къ борьбѣ на жизнь и на смерть; но напрасно она ожидала гоненій; патріархъ и государь оставили ее въ покоѣ, надѣясь, что она одумается.

Вслѣдствіе рѣшительнаго заявленія государя, что „иной царицы онъ не возьметъ“, патріархъ нашелъ необходимымъ разъяснить всѣ подробности о мнимой болѣзни Хлоповой. 15 сентября 1623 года пригласили въ государевы покои ближнихъ бояръ И. Н. Романова, Ѡ. И. Шереметьева, князя И. Б. Черкаскаго и другихъ: все сторонниковъ государя и заклятыхъ враговъ Салтыковыхъ. Позвали лекарей Валентина Бильса и Балсыря. Вошли братья Салтыковы и смиренно стали у конца стола; увидавъ суровыя лица государя и патріарха, и несърываемую радость своихъ недруговъ, Салтыковы приготовились заранѣе къ погибели, такъ-какъ единственная ихъ заступница, инокїя, не участвовала въ совѣтѣ.

Послѣ того, какъ дьякъ Иванъ Михайловъ прочелъ протоколъ, составленный 7 лѣтъ тому назадъ, о неизлечимой болѣзни Хлоповой и постановленіе Боярской Думы

о непрочности ея для государева брака, Михаилъ Оеодоровичъ обратился къ Валентину Бильсу:

— Осматриваль-ли ты Марью, и какова была ея болѣсть?

— Водили меня къ ней единожды, отвѣчалъ Бильсъ. Болѣсть ея была не велика и вылечить ее было-бъ легко... да послѣ того лекарей къ ней не допускали...

— А если-бъ болѣсть излечить, не было-бъ отъ того помѣхи къ чадородію? спросилъ патриархъ, но оба лекаря увѣрили, что помѣхи не могло быть никакой.

Тогда государь обратился къ Михаилу Салтыкову.

— Зачѣмъ-же ты мнѣ тогда сказывалъ, что дохтуры оба говорили, что Марьиная болѣсть великая, излечить ее не можно и долгаго живота ей не будетъ?.. Что такой хворью была больна жена на Угличѣ, жила всего годъ и померла?..

Салтыковъ утверждалъ, что въ то время доктора такъ говорили. А самъ я спадобья ихъ къ ней не нашивалъ и чего они ей въ суеи набалтывали, того не вѣдаю, добавилъ коварный.

Валентинъ Бильсъ вспыхнулъ: что въ суеи я набалтывалъ, отъ того ей была-бы польза, а вотъ то, чего ей въ ѣство набалтывали, отъ того могла-бъ и смерть приключиться, рѣзко сказалъ Бильсъ. Не ты-ль, бояринъ, меня научалъ про ея хворь сказать, что государыней-де ей быть не пригоже?.. Не ты-ль мнѣ за то посулы дѣлалъ?

Но Салтыковъ дерзко отвѣчалъ: ты, по злобѣ на меня, показываешь: я только спрашивалъ тебя про ея хворь, по приказу государыни Марфы Ивановны.

Патриархъ шепнулъ что-то одному изъ бояръ и въ палату ввели Ивана да Гаврилу Хлоповыхъ.

Отецъ изгнанницы божился, что дочь его всегда была здорова, а что болѣсть въ ней приключилась отъ сладкихъ ядей да отъ лихаго наговору. Гаврила Хлоповъ еще прамѣ сказалъ: по злобѣ на меня, испоргить мою

племянницу хотѣли лиходѣи Салтыковы—Михайло да Борисъ: они промежь себя шептались и взмѣну умыслили...

Явился Никитскаго монастыря священникъ Сергѣй Петровъ и показаль, что Марью знаваль съ дѣтства и что много разъ она у него бывала на духу:

— Дочь она мнѣ духовная, чадо излюбленная, чиста какъ голубица и хвори въ ней николи не бывало; я передъ ссылкой у нея бываль и ее исповѣдываль и она во всемъ здрава была, да слыхаль я, что и въ ссылкѣ николи не хворала.

— Слышали вы, бояре, что говорятъ люди вѣрные, и сомнѣнія въ ихъ правдѣ быть не можетъ: какъ вы по чистой совѣсти, посовѣтуете поступить? спросиль патриархъ.

Федоръ Ивановичъ Шереметьевъ всталъ и отвѣчалъ: по моему разуму, коли на то воля государя и владыки, послали-бъ въ Нижній распросить самолично Желябузскихъ и... Настасью...

— Это совѣтъ разумный, одобрилъ государь—надобно и дохтуровъ послать...

Патриархъ тутъ-же рѣшилъ послать Шереметьева, Ивана Хлопова, Чудовскаго арх. Іосифа, ясельничьяго Б. М. Глѣбова, дьяка Ивана Михайлова, дохтуровъ Бильса, Балсыря и Дія.

22 сентября посольство выѣхало изъ Москвы въ Нижній. Черезъ три недѣли Шереметьевъ прислаль съ арх. Іосифомъ подробный отчетъ осмотра и распросовъ, по которымъ всѣ свидѣтельствовали, что „Марья Хлопова во всемъ здорова“. Сама она показала такъ:— Николи-де прежде я не хварывала, и какъ взяли меня на Верхъ, живучи тамъ была почти 6 недѣль здрава; вдругъ въ ночи появилась болѣсть, ломало нутрь, рвало; а чаеть-де мое сердце, что это учинилось отъ супостатовъ моихъ. Болѣсть та поминывалась дважды, а какъ съ Верху сослали меня, то съ горя хворала; а послѣ того, возложь надежду на Господа, пила воду со Св. Мощей и исцѣлилась, и съ той поры николи болѣсть та не по-

минувалась, и по сію пору здрава во всемъ!... То-же подтвердила ея бабка и дяди.

По указу государя, тотчасъ послали Марьѣ 300 рублей, велѣли отпускатъ ей всякихъ припасовъ хлѣбныхъ и медвяныхъ и заботиться, чтобъ ни ей, ни бабкѣ ея, ни дядямъ ни въ чемъ недостатку не было.

Измѣна и обманъ Салтыковыхъ были вполнѣ уличены. 24 октября въ Посольской Палатѣ состоялся соборъ Боярской Думы, куда Салтыковыхъ вызвали какъ подсудимыхъ, и объявили имъ указъ, въ которомъ, послѣ перечня всѣхъ ихъ преступленій, сказано: „И за то ваше воровство годны были есте казни. Но государь и патріархъ Филаретъ Никитичъ большаго наказанья надъ вами учинити не велѣли, а велѣли васъ послать по деревнямъ съ приставы и съ женами вашими, а мать вашу велѣли послать въ Суздаль, въ Покровскій монастырь, а при государѣ вамъ быти и государевыхъ очей видѣть не пригоже, а помѣстья ваши и вотчины велѣлъ государь отписать и взять на себя, государя“.

На слѣдующій-же день указъ былъ приведенъ въ исполненіе.

Государь былъ въ восторгѣ. Всѣ препятствія казались устраненными и уже готовъ былъ указъ о возвращеніи царевны Анастасіи въ Москву, гдѣ ей велѣно отдѣлать помѣщеніе во дворцѣ.

Москва, слѣдившая съ участіемъ за ходомъ такого небывалаго дѣла, какъ семилѣтняя несокрушимая любовь государя къ изгнанной невѣстѣ, радовалась и ждала брачныхъ празднествъ.

ГЛАВА IX.

Материнское проклятіе.

Инокія Марфа прислала доложить государю и владыкѣ, что, чувствуя-де приближеніе смерти, желаетъ проститься съ ними!

Поразительная новость облетѣла всю Москву: великая старица государыня Марфа Ивановна помираетъ!.. государь и патриархъ поспѣшили въ Вознесенскій монастырь, гдѣ и нашли больную, распростертую на бѣломъ ложѣ небольшой келіи, со сложенными, какъ у умирающей, руками.

Игуменья и старицы чередовались у аналоя, читая молитвы. Вся келія была ярко освѣщена множествомъ свѣчъ и лампадъ, теплившихся у иконы; струи ладона наполняли покой: печальныя черницы, сиротинки и всякія убогія бабы, которымъ благодѣтельствовала Марфа Ивановна, толпились въ сѣняхъ, причитывали и утирали слезы.

Обстановка была столь умилительная, что государь, не смотря на всѣ непріятности, перенесенныя имъ отъ упрямства матери, внезапно почувствовалъ наплывъ прежней любви къ этой матери, испытавшей столько горя и гоненій, лелѣявшей его дѣтство, руководившей его въ первые трудные годы его царствованія, правившей царствомъ съ такою мудростью, съумѣвшей оградить Москву и его отъ столькихъ опасностей, враговъ и измѣнъ.

Всѣ ея достоинства, столь рѣдкія въ тогдашнихъ женщинахъ, встали возлѣ ея смертнаго одра и краснорѣчиво напомнили сыну о священномъ долгѣ облегчить послѣднія минуты матери.

Михаилъ Теодоровичъ упалъ на колѣни, возлѣ кровати, взявъ руку матери и покрывъ ее слезами.

Патриархъ былъ растроганъ; игуменья и старицы плакали на-взрыдъ!..

Больная сдѣлала знакъ, что хочетъ говорить; все смолкло. Игуменья приподняла ея голову на подушкѣ и Марфа Ивановна заговорила: Владыка и ты, сынъ мой возлюбленный, и вы всѣ православные! простите меня,

грѣшную, въ чемъ я согрѣшила передъ вами и обидѣла словомъ или дѣломъ!.. Простите, Христа ради!

Снова поднялись слезы и рыданія.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ отдыха, Марфа Ивановна продолжала: Не долго осталось мнѣ жить... Сынъ мой, молю тебя, покаянись исполнить мое предсмертное завѣщаніе!..

— Клянусь... сквозь рыданія молвилъ Михаилъ Теодоровичъ.

— Не женись на Хлоповой! Избери другую царицу!..

Михаилъ вскопился. Ужасъ и отчаянне изобразились на его лицѣ; заломивъ руки надъ головой, онъ воскликнулъ: Матушка, родимая! Не могу я взять другую! Скорѣй я отъ царства откажусь и постригусь въ монастырѣ!.. Этотъ вопль души поразилъ всѣхъ. Патріархъ сталъ увѣщевать Марфу Ивановну; но она внезапно поднялась, сѣла на постель, глаза ея горѣли безуміемъ, голова тряслась...

Протянувъ руки къ сыну, она дико воскликнула:

— Сынъ непокорный! Я лишаю тебя благословенія!.. Я тебя прок...

Патріархъ поспѣшно заградилъ рукою уста, готовая произнести ужасное слово. Обращаясь къ сыну, онъ скакалъ: Смирись, сынъ мой! Ради Господа, для спасенія твоей души и души матери!..

Нѣсколько минутъ Михаилъ стоялъ безъ словъ и движенія. Ужасная борьба любви и страха передъ материнскимъ проклятіемъ происходила въ немъ. Марфа Ивановна упала на подушки, закатила глаза и казалась при послѣднемъ издыханіи.

— Матушка, благослови меня! Я готовъ исполнить твою волю!.. едва внятно вымолвилъ Михаилъ.

Патріархъ подалъ больной ивону, она привстала и благословила сына, который стоялъ на колѣняхъ, склоня голову на край постели.

Но что-жь онъ не встаетъ?.. Тихо скользнулъ онъ

на полѣ... всѣ бросились къ нему... онъ былъ безъ чувствъ!..

На слѣдующее утро, больная инокиня Марфа почувствовала такое облегченіе, что весьма аппетитно покушала всякихъ сладкихъ ядей, а дня черезъ четыре встала съ постели.

1 ноября 1623 года въ Нижній-Новгородъ къ Шереметьеву послана грамота, въ которой велѣно объявить Ивану Хлопову, что: «Мы дочь его Марью взять за себя не извоили!» При чемъ велѣно жить Марьѣ съ бабушкой и дядями Желябужскими въ Нижнемъ, въ домѣ Кузумы Минина, послѣ его смерти, перешедшемъ въ казну; велѣно давать имъ кормъ, противъ прежняго, вдвое и ежегодно отпускать значительную сумму денегъ. Какъ громомъ поразило это извѣстіе царскую избранницу; но возставать противъ воли Божіей было грѣшно, и она покорилась судьбѣ.

Вся жизнь Марьи послѣ того была посвящена молитвѣ и благотворительности. Она умерла въ 1633 году, боготворимая и уважаемая всѣми, какъ образецъ кротости, смиренія и любви къ ближнимъ!..

Марфа Ивановна торжествовала! Нисколько не сочувствуя скорби сына, она дѣятельно искала ему супругу, по своему выбору, такъ-какъ государь отказался отъ смотра невѣсть и объявилъ, что ему все равно, на комъ жениться, а только просилъ дать ему время успокоиться...

Лѣтомъ 1624 года Эдвардъ Мерикъ возвратился изъ своего долговременнаго путешествія. Онъ очень обрадовался, узнавъ, что Маргарита вышла за мужа за Опочинина. На свою невѣсту Луизу онъ не обратилъ никакого вниманія, да она о томъ и не тужила; ей крѣпко полюбился сынъ лекаря Балсыря, и Эдвардъ поспѣшилъ возвратить данное ею слово.

— Мнѣ нельзя жениться, сказалъ онъ. Я не уживусь на одномъ мѣстѣ и странствія по бѣлу свѣту не промѣняю на семейную обузу!..

Въ этотъ-же вечеръ Эдвардъ посѣтилъ своего друга князя Иванушку Долгорукова. Послѣ четырехъ лѣтъ разлуки княжна Марья Владиміровна свидѣлась со своимъ возлюбленнымъ. Какая была радость! Какъ ясно страстная любовь высказывалась въ ея взорахъ, въ ея улыбкѣ и рѣчахъ.

Эдвардъ, не ожидавшій такой встрѣчи, почувствовалъ, что его намѣреніе вскорѣ ѣхать въ новыя странствія уступаетъ вліянію прекрасной княжны.

— Ты одна можешь привязать меня. Съ тобой я готовъ отказаться отъ самыхъ заманчивыхъ путешествій... говорилъ ей Эдвардъ.

— Зачѣмъ отказываться, возразила княжна, я съ радостью съ тобой поѣхала-бъ въ тѣ страны, что такъ тебя манятъ. Я вѣдь знаю, что меня за тебя не отдадутъ, а если узнаютъ про мою любовь, то разлучатъ съ тобой на вѣкъ, а разлука эта хуже смерти!.. Лучше я уйду за тобой далеко, далеко, туда, гдѣ никто меня не найдетъ...

Княжна вполне сознательно была готова, при первомъ словѣ своего возлюбленнаго, исполнить это намѣреніе. Отъ князя Иванушки не могли утаиться отношенія его сестры къ Эдварду; хотъ онъ и не одобрялъ ея увлеченія, но не могъ доносить на любезнаго друга и на обожаемую сестру; онъ только увѣщевалъ ихъ оставить несбыточные мечтанія и покориться судьбѣ.

Это лѣто было для влюбленныхъ волшебною порою, которая дважды въ жизни не возвращается и не можетъ быть продолжительна, какъ и все прекрасное и счастливое на этомъ свѣтѣ.

Составивъ проектъ предполагаемаго пути черезъ Сибирскія земли, по плану Эдварда, Меривъ снова обратился къ патріарху съ прошеніемъ дозволить англійскимъ торговымъ гостямъ ѣздить этимъ путемъ и возить товары. Опять собрали Боярскую Думу, судили, рядили и окончательно отвергли проектъ!.. Горько было

Мерику разстаться съ этой излюбленной мечтою, но онъ не отказался отъ завѣтной цѣли и рѣшилъ послать сына промышлять путь черезъ Бѣлое море, мимо Архангельска, не найдетъ-ли тамъ прохода въ Восточный Океанъ. «Природа тамъ еще не извѣдана и можетъ стать много есть новыхъ странъ, быть можетъ, что, послѣ холодовъ, опять идетъ теплый поясъ»... говорилъ неугомонный прожектерь.

Воображеніе Эдварда разгоралось, и онъ рвался душою въ невѣдомыя арктическія страны, за которыми надѣялся найти новый, благодатный край.

Любовь къ княжнѣ Марьѣ парализовала эти стремленія: оставить ее нѣтъ силъ, а взять съ собою невозможно, такъ-какъ слабая, изнѣженная женщина не перенесла-бы такого пути.

Въ августѣ, во время Успенскаго поста, княгиня Марфа Васильевна поѣхала къ обѣднѣ въ Вознесенскій монастырь и подошла съ поклономъ къ великой старицѣ, которая приняла ее очень ласково и, взглянувъ на бывшую съ ней княжну, сказала: Экая дочка-то у тебя красавица: кровь съ молокомъ... А здорова-ль она?

Княгиня поспѣшила увѣрить, что княжна-де ниволи не хварывала. Марфа Ивановна стала спрашивать Марью о разныхъ предметахъ и осталась довольна ея отвѣтами: Она къ тому-жъ у тебя и разумница грамотница!.. похвалила старица. Скажи-ка князю Владиіру Тимофеичу, побываль-бы ко мнѣ, люблю я его, что ни въ какія дѣла не суется!.. Вельможа онъ родивитый и съ нимъ и царю породниться не заорно.

Княгиня была въ восторгѣ отъ такихъ лестныхъ привѣтствій и передала все подробно князю.

Князь самодовольно улыбнулся и многозначительно взглянулъ на дочь. Что-жъ мы не прочь отъ чести, боли государю и владыкѣ угодно!.. молвилъ онъ, поглаживая сѣдые усы.

Послѣ Успенья князь былъ приглашенъ къ Марфѣ Ивановнѣ и долго, тайно съ нею бесѣдовалъ, послѣ чего воротился домой въ радостномъ настроеніи.

Марфа Ивановна отправилась во дворецъ и просила патріарха выслушать ее.

— Что повѣдаешь, родная? ласково спросилъ патріархъ, помирившійся съ нею послѣ ея болѣзни.

— Вѣдомо тебѣ, владыка, какъ материнское сердце мое скорбитъ о томъ, что сынъ нашъ, государь всея Русси, бракомъ законнымъ не сочетавшись, не имѣеть и наслѣдника своего престола, начала Марфа Ивановна. Оборони, Боже, что случится, и Москва опять попадетъ въ руки измѣнниковъ!.. Надлежитъ поспѣшать, чтобы враги наши не мвили отнять царство у избранника Божьяго!.. И вотъ пекусь я денно и пощно и все ищу достойную ему царицу; видно, услыхалъ Господь мои грѣшныя молитвы: нашла я дѣвку добрую, разумную, здравую тѣломъ, лицомъ благообразную... Отецъ ея, по роду и мѣсту, изъ первыхъ московскихъ князей-боярь... говорила инокиня такъ красно и вкрадчиво, что заинтересовала патріарха. Кто же эта такая рѣдкостная княжна? спросилъ онъ.

— Дочь князя Владиміра Тимофееча Долгорукова, княжна Марья Владиміровна, отвѣчала инокиня, прикажи, владыка, привезти ее къ тебѣ на смотръ.

— Нѣтъ, это не пригоже дѣвку ко мнѣ на смотръ возить, а прикажи-ка ты княжнѣ и съ дочерью прибыть къ тебѣ въ покой, а я приѣду къ вамъ въ монастырь и погляжу; коли правда, что разумна, здрава и благообразна, тогда я доложу государю... распорядился патріархъ.

Смотръ вполне подтвердилъ похвалы инокини; Марья Владиміровна понравилась патріарху и, ничего не говоря невѣстѣ, родители ея порѣшили съ Марфой Ивановной, которая вмѣстѣ съ патріархомъ приступила къ государю съ увѣщаніями и представили ему всѣ доводы въ неотложной потребности ему сочетаться законнымъ бракомъ.

Михаилъ Θεодоровичъ, узнавъ, что невѣсту зовутъ Марьей, сталъ было отказываться, но родители отъ увѣщаній перешли къ мольбамъ и слезамъ.

Михаилъ Θεодоровичъ, не видавъ невѣсты, согласился на бракъ еще и не хотя, но матери не преслушавъ поять вторую царицу Марью, говоритъ лѣтописецъ.

Въ покояхъ князя Иванушки шла задушевная бесѣда между имъ, сестрою и Эдвардомъ. Княжна была весела и ничего худого не чуяло ея вѣщее сердце: она рассказывала, что была у великой старицы государыни Марфы Ивановны и что самъ владыка-патріархъ удостоилъ ее ласковымъ словомъ. Молодой князь смутился: ужасное предчувствіе истины заставило его содрогнуться за сестру, но онъ не рѣшился своимъ подозрѣніемъ омрачить минутное счастье сестры и друга. Эдвардъ былъ особенно нѣженъ съ княжной; онъ нѣсколько разъ спрашивалъ ее, любить-ли она его и заставилъ поклясться, что никогда не полюбитъ никого другого. Марья повторила клятву, и Эдвардъ, крѣпко обнявъ ее на прощаніе, ушелъ, незамѣтно смахнувъ слезы съ своихъ глазъ.

Дня черезъ три, поутру, только-что княжна встала, умылась, одѣлась да Богу помолилась, какъ ее позвали въ покои княгини, гдѣ сидѣлъ и самъ князь съ важнымъ и серьезнымъ видомъ.

Когда Марья поклонилась имъ по обычаю, князь отшатнулся и сказалъ: Дочка любезная! растили мы тебя на радость себѣ и на утѣшеніе, заботились, пелись о твоёмъ благополучіи и вотъ Господу угодно было возвеличить тебя превыше всѣхъ другихъ дѣвицъ: государь всея Руссіи, по совѣту и благословенію своихъ родителей, соизволилъ избрать тебя въ царицы, о чемъ мы тебѣ и объявляемъ.

— Свадьба будетъ послѣ Воздвиженья, добавила мать.

Княжна Марья не вскрикнула и бровью не повела, въ первое мгновеніе она хотѣла отвѣчать, что не пойдетъ за царя, но потомъ разсудокъ подсказалъ ей, что сопротивленіе не мыслимо.

Убѣгу съ Эдвардомъ въ его землю, рѣшила она въ душѣ и безъ всякаго возраженія, поклонясь родителямъ въ ноги, ушла изъ покоевъ княгини.

— Чтой-то какъ она чудно глянула на меня, замѣтилъ князь. Дѣвка она самонравная, я боялся, что заорточится, а она молчитъ и словно не понимаетъ, что я молвилъ.

Княгиня стала его успоковывать: Не взирай ни на что, княже родной! Молчитъ и ладно; дѣвка она хоть и самонравная, да Богъ разумомъ не обидѣлъ: она понимаетъ, что царскій вѣнецъ доля завидная!

Эти слова однако не совсѣмъ успокоили князя, который любилъ дочь такъ, что не желалъ-бы ее припеволивать. Онъ ушелъ отъ жены задумчивый и не довольный.

Княжна Марья побѣжала къ брату, на груди котораго она надѣялась выплакать свое горе и просить его защиты. Князь Иванушко сидѣлъ у окна и читалъ письмо Эдварда; когда вошла сестра, онъ молча передалъ ей письмо.

Дорогіе безцѣнные друзья! читала Марья. Когда вы будете читать эти строки, я буду далеко!.. Я не смѣлъ сказать вамъ, что отецъ посылаетъ меня въ Англию... Увы!.. я бы могъ его послушаться, но бѣсъ странствія опять обуялъ меня!.. Какъ я ни мучился, а устоять не могъ! Простите, ради Бога, друзья мои!.. Я вернусь непременно черезъ годъ и тогда... Дорогая моя княжна Марья Владиміровна! Не забудь свое обѣщаніе: я отыщу тотъ благодатный уголокъ Божьяго міра, гдѣ дружба и любовь укроются отъ людской измѣны, насилій и разлуки... Потерпи, не брани меня: это послѣднее искушеніе!..

Письмо выпало изъ рукъ бѣдной княжны: она лишилась чувствъ. Князь Иванушко плакалъ и, нагнувшись надъ сестрой, думалъ: Зачѣмъ ворочать ее въ жизни?

не лучше-ль ей умереть, прежде чѣмъ она узнаетъ роковое рѣшеніе отца съ матерью отдать ее за царя!..

Наканунѣ князь сообщилъ сыну свое намѣреніе, и Иванушка не зналъ еще, что о томъ повѣстили княжнѣ.

Когда Марья пришла въ себя, она дико посмотрѣла на брата: Конецъ моему счастью! Теперь осталось одно: умереть... и чѣмъ скорѣе Господь пошлетъ мнѣ смерть, тѣмъ мнѣ будетъ легче... мрачно молвила она.

Напрасно пытался князь ее успокоить и ободрить: она слушала безъ возраженій, или, лучше сказать, она не слышала его словъ. Она углубилась въ себя, сосредоточилась на одной мысли, а что происходило вѣругъ ея, то казалось ей сномъ, пробужденіемъ котораго должна быть смерть, и она ждала, что вотъ, вотъ все исчезнетъ, и душа ея освободится отъ мірскихъ оковъ.

ГЛАВА X.

Вѣнецъ и смерть.

Началось шитье пышныхъ нарядовъ и дѣятельныя приготовленія къ свадьбѣ. Невѣсту обручили съ государемъ, который взглянулъ на нее совершенно безучастно: ему было все равно, молода-ли она, прекрасна-ли, или безобразна; онъ исполнялъ долгъ покорнаго сына и добраго государя, онъ бралъ жену, по велѣнію родителей и по настоятельной потребности государства московскаго, но сердце человѣческое тутъ было не при чемъ!..

Княжна Марья держала себя спокойно и холодно. Многие приписывали это гордости. Еще не царица, а какъ стала неподступна! ворчалъ Теодоръ Ивановичъ Шереметьевъ, не любившій князя Долгорукова и весьма не довольный, что всѣ его хлопоты о дѣлѣ Хлоповой были разрушены интригами Марфы Ивановны; онъ по-

дозрѣвалъ, что князь Долгорукій дѣйствовалъ заодно съ инокиней, и что сватовство на его дочери, затѣянное давно, было главнымъ побужденіемъ ненависти инокини Марфы къ Марьѣ Хлоповой.

Княжна Марья немного похудѣла и начала кашлять; но это не беспокоило ея родителей, потому что румянецъ игралъ на ея щекахъ и что ни день этотъ румянецъ становился ярче, глаза блистали и красота ея увеличивалась; она, казалось, вся сіяла чѣмъ-то неземнымъ. Окружавшіе княжну приписывали эти признаки радости и счастью.

Время летѣло быстро и вотъ ужъ осталось два дня до свадьбы. Напускное спокойствіе невѣсты не выдержало; разъ ночью на нее напала тоска и отчаянье, она рѣшилась попытать послѣднее средство. Вставъ съ постели, она пробралась въ опочивальню матери, очень испугавшейся ея появленія. Что съ тобой, доченька? Не захворала-ли? тревожно спросила мать.

— Матушка, ради Христа! не отдавай меня замужъ!.. Пусти въ монастырь! заливаясь слезами и падая на колѣни, умолила княжна.

— Въ умѣ-ли ты? Чего-жъ ты прежде молчала? ахнула княгиня. Али тебѣ желательно, чтобъ насъ всѣхъ въ ссылку сослали? Государыня Марфа Ивановна, владыка патріархъ не попустятъ такого сраму!.. Послѣ завтра свадьба, а невѣста задурила!.. Да ты нашу погибель затѣяла!..

Долго плакала княжна, долго журила ее и уговаривала мать; наконецъ, Марья убѣдилась, что для нея нѣтъ спасенья и снова погрузилась въ спокойствіе, а роковой вальсъ не унимался и пятна на щекахъ все разливались.

Разумѣется, княгиня скрыла отъ мужа не сообразную выходку дочери; онъ ничего не подозрѣвалъ и думалъ, что Марья желаетъ быть царицей.

— Охъ не прочна наша царица Марья Владиміров-

на! вздыхала старая Мамука, но никто не слушалъ ея причитаній: всѣ были какъ въ чадѣ, а честолюбіе ослѣпляло ея родителей.

Князь Иванушка душевно страдалъ, глядя на сестру; но что могъ онъ предпринять одинъ противъ всѣхъ?

19 сентября 1624-го года совершилось бракосочетаніе государя Михаила Ѳеодоровича съ княжной Марьей Владиміровной Долгорукой.

Послѣ вечерняго пира, новобрачныхъ повели въ опочивальню; назначенные почетные постельничьи— бояринъ Ѳеодоръ Ивановичъ Шереметьевъ съ женой и князь Владиміръ Тимоѳеевичъ Долгорукій съ женой-же, постилая атласы по пути государя, такъ перессорились, что Долгорукій тутъ-же пожаловался своему высочому зятю на недружбу Шереметьева.

Наконецъ, новобрачныхъ уложили и оставили въ покоѣ. Нѣсколько времени Михаилъ Ѳеодоровичъ лежалъ возлѣ своей царицы, потомъ всталъ подошелъ къ окну и, отворивъ его, вдохнулъ свѣжую струю осенняго воздуха, чѣмъ облегчилъ свою наболѣвшую отъ шума и усталости голову.

Затворивъ окно, онъ вернулся въ постели и сѣлъ возлѣ нея на стулъ.

— Царица Марья Владиміровна! сказалъ онъ. Вотъ мы теперь законные супруги... Ты царица всея Руссіи... Но повѣдай мнѣ по совѣсти, по желанію-ли и любви ты вышла за меня?

Марья встрепенулась и поднявъ голову, подперла ее рукою. Государь! не утаю отъ тебя, силкомъ меня отдали... не казни за то моихъ родителей, а меня отпусти, Бога ради, въ монастырь... смѣло отвѣчала царица.

Михаилъ Ѳеодоровичъ тяжело вздохнулъ: этого не можно, уныло сказалъ онъ, хоть и я не по своей волѣ тебя взялъ... Не любя ты мнѣ!.. не жди отъ меня ни ласковыхъ рѣчей, ни согласія, ни счастія... Царица заплакала: о звѣрообразные человѣки! По что своими лу-

завыми ухищреніями отняли вы счастье у государя, изгнали царевну Анастасію и загубили меня молодую... Вѣдь не жилица я на этомъ свѣтѣ!.. не благословить Господь сотворшимъ по насилію... При этихъ словахъ царица за- кашлялась и откинулась на подушку...

Михаилъ Θεодоровичъ съ ужасомъ глядѣлъ, какъ грудь ея поднималась подъ пароксизмомъ ея удушливаго кашля; глаза ея были закрыты; губы посинѣли, руки похолодѣли.

— Да!.. Истинно молвила она: не благословить Господь сотворшимъ по насилію... прошепталъ онъ и, вставъ, тихо вышелъ другой дверью, ведущей въ его покои...

На утро молодая царица обрѣтается испорчена. Она лежала недвижима, стонала, кашляла и гортаню шла у нея кровь... И бысть государыня больна и бысть скорбь ея велія зѣло и того же года въ самое Крещеніе (6-го вара 1625 года) предаде свою праведную душу...

Напротивъ Кремля, за Мосевой рѣвою, въ одномъ изъ домиковъ Стрѣлецкой слободы шелъ свадебный пирь. Тѣсные толпы зѣвакъ обвужали домикъ и заглядывали въ окна горницы, гдѣ сидѣли за столомъ новобрачные и почетные гости. Казакъ Григорій Гладкій съ женою Ориною отдавали за мужъ свою приемную дочь Ульяну Константиновну за Василя Богданова, сына бахара царскаго Путята.

Улька выросла, а съ ней выросла и любовь къ товарищу дѣтства Васѣ Путятину. Когда онъ кончилъ науку у лекаря Валентина Бильса и вышелъ подлекаремъ, Богданъ Путята, его отецъ, сказалъ: ну, Вася! человѣкомъ ты сталъ, пора женить тебя... Хочешь взять Ульку, какъ мы съ Ориной васъ съ дѣтства нарекли женихомъ да невѣстой, аль тебѣ иная любя дѣвца?..

— Люба мнѣ Ульяа... отвѣчалъ Вася, и вотъ они, пригожіе и счастливые, сидятъ рядомъ и не налюбуются другъ на дружку.

— Не далъ мнѣ Господь дѣтей, не благословилъ чадородіемъ, вздохнула Орина. За то послалъ мнѣ Богъ любительную дочку пріемную, сиротинку Ульяку да сына зята Васиньку! Авось дождусь я внучатъ и, няньчая ихъ, утѣшусь въ своемъ безчадіи...

Въ 300 верстахъ отъ Архангельска, заброшенная природой въ холодныя волны Бѣлаго моря, группа острововъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ Соловецкихъ, была издревле знакома мореплавателямъ, шведамъ, порвежцамъ, датчанамъ, англичанамъ и голландцамъ, не разъ спасавшимся отъ бурь въ бухтѣ главнаго острова, гдѣ пріютилась обитель, сооруженная еще въ половинѣ XV столѣтія, мужественными поборниками православной вѣры, подвижниками постничества и труда. Сюда укрывались люди, излюбившіе уединеніе, отчужденіе отъ мірской суеты, разорвавшіе всѣ узы съ людьми. Обитель радушно принимала и богатаго, и бѣднаго, и знатнаго и убогаго, тутъ всѣ степени земныхъ почестей сравнивались, всѣ шероховатости сглаживались, вошедшіе въ ограду монастыря становились равные по труду, составлявшему главное условіе и цѣль существованія людей, вѣчно борющихся съ суровымъ климатомъ, скудной почвой, съ нуждой и бурнымъ моремъ, доставляющимъ имъ обильный промыселъ. Однажды, по окончаніи всеобщей, во время бури, сидѣлъ на взморьѣ молодой монахъ, извѣстный между братіей подъ именемъ Ивана, а кто онъ и какого званія никто того не зналъ, кромѣ игумена, отросившагося къ нему особенно благосклонно. Почей почти не бываетъ лѣтомъ въ этомъ поясѣ, сосѣднемъ съ полюсомъ: едва одна заря блѣднѣетъ на западѣ, какъ другая вспыхиваетъ на востокѣ. Устремивъ взоры на бурное море, Иванъ замѣтилъ темный предметъ, очевидно боровшійся съ волнами; постепенно приближаясь, этотъ предметъ принялъ форму небольшого судна, искавшаго

сповойной стоянки. Наконецъ, судно стало на яворъ, а отдѣлившаяся отъ него небольшая лодка направилась къ берегу. Къ Ивану подошли еще нѣсколько монаховъ, и всѣ съ участіемъ слѣдили за лодкой, которая то взлетала на гребень волнъ, то исчезала въ пучинѣ. Храбрые моряки управляли такъ искусно, что черезъ часъ подплыли довольно близко, чтобы монахи могли подать имъ помощь и благополучно причалить.

Пловцевъ было четверо: трое настоящихъ матросовъ, закаленныхъ въ соленой водѣ, а четвертый молодой челоуѣкъ, повидимому, высшаго сословія. Очнувшись отъ качки, онъ просилъ монаховъ дозволить англійскому судну войти въ бухту, для починки и отдыха отъ бури. Монахи пошли впередъ, чтобъ доложить игумену, а путешественникъ остался на берегу: Иванъ подошелъ къ нему и, положивъ руку на его плечо, сказалъ: Эдвардъ! Путникъ вздрогнулъ и оглянулся. Другъ!.. Князь Иванушка!.. воскликнулъ онъ и вѣжливо обнялъ монаха. Долго друзья плакали и не могли вымолвить ни слова. Первый заговорилъ Иванъ: Слава тебѣ Господи!.. Не чаялъ я съ тобою, друже, свидѣться... Эдвардъ отвѣчалъ: я нарочно сюда заѣхалъ, узнавъ изъ твоего письма, переданнаго мнѣ Маргаритой, что ты тайно отъ родителей отправился въ Соловецкій монастырь... Эдвардъ снова заплакалъ.

— Полно тужить, друже, ей лучше тамъ!.. утѣшалъ его Иванъ, указывая на прояснившееся небо.

Черезъ нѣсколько дней судно починили и мореплаватели собрались въ обратный путь въ Англію, послѣ двухлѣтняго плаванья въ арктическихъ водахъ. Поѣдемъ, другъ мой! уговаривалъ Эдвардъ Ивана. Воротись въ міръ и иди по той дорогѣ, которую указалъ тебѣ Богъ между московскими вельможами...

Иванъ покачалъ головой. Нѣтъ, друже! Не промѣняю я этой пустыни, среди бурнаго моря, среди льдовъ, ни на почести, ни на радости мірскія. Путемъ скорби, Господь привелъ меня въ надежной пристани, гдѣ нѣтъ ни гора, ни измѣны. Покой, молитва и трудъ—вотъ мой

удѣлъ, и здѣсь лягутъ вѣсти мои. Друзья простились, но не разъ случилось неутѣшному Эдварду плавать въ Бѣломъ морѣ и приставать къ Соловецкому острову, чтобы повидаться съ братомъ царицы Марьи Владиміровны...

29 января 1626 года государь всея Россіи Михаилъ Феодоровичъ сочетался бракомъ съ Евдокіей Лукьяновной Стрешневой, съ которой прожилъ около 20 лѣтъ въ супружеской любви и согласіи.

М. Е. Политковская.

ПРЕДАНІЯ И ВОСПОМИНАНІЯ

В. В. Селиванова.

Съ 1791 по 1801 годъ.

ГЛАВА П.

Разказы Гаврила Малафѣвича о старинѣ.—Семень Николаевичъ Нестеровъ.—Разказы тетушки Варвары Павловны о ея жизни и воспитаніи въ Смольномъ монастырѣ.—Бабушки Нестеровы.—Семейство Спиридовыхъ.—Письмо отца къ бабушкѣ Надеждѣ Николаевнѣ.—Александръ Матвеевичъ Нестеровъ и его семейство.—Пріѣздъ отца въ Москву.—Его служба въ гарнизонномъ полку.—Г-жа Раевкая.—Разказы отца о его жизни въ то время.—Комендантъ Гессе.—Сергій Николаевичъ Глинка.—Дядя Михаилъ Павловичъ.—Мосолова.—Камандировка въ Ярославль въ 1799 году.—Анекдотъ. Болѣзнь отца.—Фамилія фонъ-Рехенбергъ.—Дѣдушка Петръ Астафьевичъ Рехенбергъ.—Акакій Прокофьевичъ Демидовъ.—Бабушка Анна Акакіевна.—Супруги Плиницерь.—Женитьба отца.

Въ 50 годахъ еще былъ живъ одинъ изъ дворовыхъ людей прадѣдушки Николая Михайловича Нестерова. Звали его Гаврилою Малофѣвичемъ. Послѣ смерти Николая Михайловича, будучи приписанъ въ Саранской его вотчинѣ, селу Большой-Танѣвки, онъ перешелъ съ частію этой вотчины въ наслѣдство дочери Марьѣ Николаевнѣ. Она была дѣвица. Изъ всѣхъ племянниковъ и племянницъ она болѣе всѣхъ любила батюшку и, когда онъ женился, она переселилась жить къ нему. Пріютивши себя къ семейству батюшки, она отдала ему въ собственность всю свою наслѣдственную часть Танѣвки, а сама занялась у него въ домѣ женскимъ хозяйствомъ. Въ числѣ дворовыхъ людей переѣхалъ съ нею въ Любаво и Гаврила Малафѣвичъ. Гаврила Малафѣвичъ былъ порожденіемъ крѣпостного права въ самомъ лучшемъ

его проявленіи. Господа для него были душою, а свое состояніе, т. е. крѣпостнаго двороваго человѣка, почиталъ членомъ этой двигающей силы, составляющимъ съ нею одно необходимое цѣлое. По ремеслу онъ былъ твачъ и, пока не измѣнили ему глаза, онъ не прогулялъ въ жизни ни одного рабочаго часа. Бодрый духомъ и тѣломъ, онъ никогда не ропталъ, ничѣмъ не тяготился и на красивомъ его лицѣ постоянно сіяло спокойствіе и веселость. Понадобится-ли сложить печь, покрывать-ли тесомъ кровлю, сбить-ли кадушку, связать-ли сундукъ, — всё это онъ дѣлалъ самоучкою, нетолько съ готовностью, но и съ удовольствіемъ. Онъ умеръ, когда ему было гораздо за 100 лѣтъ; но еще годовъ за 6 до смерти онъ имѣлъ довольно силы, чтобъ сходить обыденною въ Зарайскъ, на ярмарку пѣшкомъ купить фунтика три соли, дѣлая такимъ образомъ, въ оба конца, до 44 верстъ.

Переставъ быть твачомъ, Гаврила Малафѣевичъ преобразился въ мельника; занимался помоломъ и велъ дѣло, какъ нельзя лучше. Какъ теперъ вижу его съ невозмутимо-спокойнымъ и старчески прекраснымъ лицомъ, украшеннымъ небольшою окладистою бородою, бѣлою, какъ снѣгъ, и такими же вьющимися въ вудри волосами, съ прямымъ, какъ у юноши, станомъ, дѣтски-кроткими и чистыми глазами.

При уборкѣ хлѣбовъ съ полей онъ всегда добровольно присутствовалъ на гумнѣ и, сяди въ ригѣ, нарѣзывалъ ножомъ на биркѣ изъ орѣховой палочки крестики, отмѣчая количество привезенныхъ въ гумно копенъ.

Разъ, во время уборки, зашелъ я какъ-то въ ригу и засталъ старика сидящимъ на снопахъ съ биркою и съ ножомъ.

При входѣ моемъ онъ всталъ.

— Сядьте, Малафѣичъ, сказалъ я ему, садясь самъ и усаживая его возлѣ себя. Онъ сѣлъ.

— Нынѣшній годъ пшеница то, кажется, наливна и суха, сказалъ я, чтобъ начать разговоръ.

— Знатная пшеница, батюшка, и весь хлѣбъ хорошъ, отвѣчалъ Гаврила Малафѣичъ, а все такихъ урожаевъ, какъ бывало, нѣтъ. Богъ знаетъ отъ чего, а какъ-то не

помнится, чтобъ въ старину была засуха или другое что.

— Тогда было лѣсовъ много, а потому и засухи не было.

— Можетъ статься, а вотъ я вамъ доложу, государь мой, что вотъ отъ самаго Зарайска до села Кукова все то были сплошные лѣса. Дубы, примѣрно, охвата въ два и въ три. Въ Куковѣ, вотъ изволите видѣть, жилъ пра-дѣдушка вашъ Николай Михайловичъ Нестеровъ.

— А вы хорошо его помните?

— Какъ же не помнить! Я былъ тогда, государь мой, лѣтъ 20 или 25, когда онъ скончался.

— Какую-же должность вы тогда исправляли?

— Да все-же ткачомъ былъ. И славно-же жилъ вашъ пра-дѣдушка, у него было душъ тысячи двѣ. И какія вотчины, какія земли, угоды!

— Много получалъ доходу?

— Да какъ-бы вамъ сказать, не солгать, государь мой? Денегъ тогда какъ-то было мало, да и нужды въ нихъ не было, можетъ статься, получалъ рублей 500 со всѣхъ вотчинъ и все то мѣдными деньгами. Какъ если брать нужно было съ собою денегъ, куда ѣхать, такъ возили деньги въ особой фурѣ.

— Да чѣмъ-же жилъ-то онъ безъ денегъ?

— Какъ чѣмъ, государь мой? Да начто-жъ нужны были деньги? Винокуренный заводъ свой; всякая вотчина доставляла запасы—изъ одной вотчины везли пшено, ер-пу, изъ другой свинину, изъ третьей всякую живность, бывало, амбары и кладовыя биткомъ набиты всякимъ харчемъ.

— Чѣмъ занимался пра-дѣдушка?

— Какъ-съ это занимался?

— Читалъ-ли что? игралъ-ли въ карты, или хозяй-ствомъ занимался?

— Нѣтъ-съ, этого не было. Книги, не знаю, не то были, не то нѣтъ. Въ карты тогда не знали играть, да и не было ихъ у насъ; о хозяйствѣ тоже не заботились. Этимъ завѣдывалъ староста да управляющій. Всего было много!

— Да чѣмъ же, наконецъ, занимались господа-то?

— Мало-ли тѣмъ! разными забавами занимались. Тогда, бывало, господъ мно гожило въ деревняхъ; вотъ всѣ гурьбой отъ сосѣда къ сосѣду, отъ одного къ другому, а какъ, бывало, соберутся къ намъ въ Куково, то по недѣлямъ, бывало, живутъ. Запасъ примѣромъ всякій—свой не купленный; наливокъ бывало въ волю: пьютъ да гуляютъ. Вечеромъ иной разъ поставятъ на дворѣ столъ и пьютъ взварецъ, знаете, вино, сваренное на ягодахъ... А тутъ бабы пѣсни играютъ, пляшутъ, водятъ хороводы. Ну, вотъ господа и веселятся... люди дворовые играютъ въ городки, въ бабки, въ свайку... А народу-то у насъ много было: однихъ лакеевъ, государь мой, было человекъ до 80, и всѣ чуть не въ сажень ростомъ, молодецъ къ молодцу!..

— Какъ-же ихъ одѣвали? Чай дорого стоило!

— Одѣты они были въ темнозеленые казакины, домашняго сукна, и подпоясаны красненькими шерстяными бушачками, въ родѣ пояса; волосы обстрижены были въ кружокъ, а на ногахъ, вмѣсто сапогъ, носили волоснички.

А это, государь мой, родъ лаптей, сплетенныхъ изъ волоса конскаго хвоста; сами и плели.

— Отчего-жъ сапогъ-то имъ не давали?

— Сапоги носили только господа. Да вотъ, я вамъ доложу, и на барышняхъ ничего покупнаго небыло.. Платья и платочки носили все моей работы; бывало, купишь тонкой аглицкой бумаги, да и натчешь канифасу барышнямъ на платья; еще изъ красной аглицкой бумажки натеку бывало платочковъ тоненькихъ; вотъ и носятъ. И хорошо было. Барышня Федосья Николаевна заправляла всѣмъ домомъ. Старой барыни Прасковьи Осиповны я уже не засталъ въ живыхъ; не знавалъ ея.

— Что-жъ бабушка-то Федосья Николаевна исправно хозяйничала?

— Ну-таки исправно. Вотъ видите-ли, государь мой, встанетъ, бывало, еще часу въ пятомъ и усадитъ дѣвочекъ за работу. Придетъ и ко мнѣ въ ткацкую... къ намъ въ то время ѣзжалъ баринъ Коробьинъ—имени то его не упомяну; братецъ Ивана Ивановича, что вотъ былъ

женать на нашей барышнѣ Елизаветѣ Николаевнѣ; баринъ такой тучный, безъ ноги, ему ногу-то оторвало ядромъ въ Прусскую войну. Онъ, случилось, у насъ гащиваль мѣсяца по два, а сыпаль въ твацкой—отъ мухъ, въ домѣ мухъ было много. Вотъ я, бывало, хочу работать, а онъ просить, дай ему спать; вотъ и ходишь безъ дѣла. Случится, барышня придетъ въ твацкую и гнѣвается: «Гаврило, что не работаешь?»—Нельзя, молъ, матушка; братецъ почиваетъ. Вотъ она на него и напуститъ: хромой чертъ! долго-ли тебѣ здѣсь жить? Пора домой! А онъ-то ей: погоди, матушка; не всѣхъ еще барановъ переѣли. Нечего дѣлать, погнѣвается барышня да и пойдетъ.

— А прадѣдушка строгъ былъ?

— Прадѣдушка не любилъ только обмана. Что-бы не сдѣлалъ, не скрывайся. Бывало сойдетъ съ крыльца и станетъ у притолоки, возлѣ деревянаго солдата. У насъ возлѣ крыльца стоялъ деревянный, раскрашенный солдатъ съ усищами съ такими.. глаза выпученные такіе!.. Вотъ станетъ возлѣ солдата, да и смотреть, что дѣлается на дворѣ. Глядишь, идетъ какой дворовый, выпросилъ у ключника гуся либо индейку. Увидеть баринъ да и спросить: «что тамъ несешь!» Ежели скажешь сейчасъ, что вотъ молъ, батюшка, выпросилъ, живность ну и ступай, ничего. А если, примѣромъ, кто, бывало, начнетъ прятаться или прятать птицу, ну—бѣда: крѣпко разгнѣвается баринъ. Къ столу господскому каждый день особо варили окорокъ ветчины для подачекъ. Какъ только господа сядутъ за столъ, такъ въ залу и набѣгутъ всѣ дворовые ребятишки, босикомъ, въ рубашенкахъ, подъ часъ въ грязи, и станутъ около стѣнки, всякій съ чашечкой. Когда покушаютъ, примѣромъ, горячее, прадѣдушка вашъ и закричитъ дворецкому: дай имъ, братецъ, подачи! Вотъ дворецкій нарѣжетъ ломтиками хлѣба, положить на нихъ по ломтику ветчины да такъ и надѣлать всѣхъ. А какъ, бывало, прадѣдушка начнетъ собираться ѣхать въ Страхово, знаете село Страхово верстъ

70 отъ Купова, въ Каширскомъ уѣздѣ. Вотъ, государь мой, иной разъ цѣлую недѣлю въ дорогѣ. Пройдетъ верстъ 10 или 15, увидитъ, примѣромъ, прадѣдушка вотъ рощицу, лужекъ тамъ какой, понравится мѣсто—стой! Разобьетъ палатку, экипажи въ кружокъ, поваръ за страпню и гуляй. Да иной разъ и переднюетъ тутъ день иль другой. Лошадей спутаютъ и ходятъ онѣ на подножномъ корму...

— А что Малофѣичъ, слышали вы, вотъ недавно рыли на Кувовскомъ кладбищѣ могилу да и наткнулись на склепъ. Въ склепу стоитъ гробъ, и гробъ цѣлешенекъ: обить атласомъ съ галунами... Склепъ, разумеется, засыпали... и никто не знаетъ, кто тамъ схороненъ.

Старикъ задумался.

— А вотъ изволите видѣть, батюшка, я вамъ сейчасъ доложу; это могила Прасковьи Осиповны, вашей прабабушки.

Гаврила Малофѣичъ умеръ незадолго 19 февраля... Долголѣтняя жизнь, пройденная имъ въ крѣпостной зависимости, тихо догорала, когда на горизонтѣ отечества ярко занималась заря народной свободы. Впрочемъ, онъ говорилъ объ ней, онъ ждалъ ее—и не дождался... Предсмертныя страданія его были и продолжительны, и мучительны. Видно, угодно было Господу испытать его терпѣніе.

Въ то время, какъ я началъ себя помнить, бабушки Фодосьи Николаевны Нестеровой въ живыхъ уже небыло. Куово опустѣло.

Другія бабушки, ея сестры, оставшіяся еще въ живыхъ, Марья, Прасковья, Ольга и Аграфена Николаевны, проживали въ Рязанскомъ уѣздѣ, сельцѣ Мининскомъ. Причиною неудовольствія, по которому бабушка Марья Николаевна оставила нашъ домъ, была, кажется, неумѣстная ея забота и наблюденіе за образомъ жизни батюшки, какъ вдовца. Александра Николаевна жила одна въ наслѣдственномъ сельцѣ Спасскаго уѣзда—Назетовѣ, что въ 10 верстахъ отъ Старой Рязани, а братьевъ ихъ, сы-

новой Николая Михайловича, не оставалось въ живыхъ никого. Кувовымъ владѣль единственный представитель потомства Николая Михайловича внукъ его, сынъ Николая Николаевича, Семень Николаевичъ; но онъ жилъ не въ Кувовѣ, а въ родной-же своей вотчинѣ въ Каширскомъ уѣздѣ, селѣ Страховѣ. Семень Николаевичъ былъ не глупъ, хорошо образованъ и красивъ собою; но жизнь проводилъ въ оргіяхъ и въ необузданномъ развратѣ. Онъ былъ холостякъ, имѣлъ свой домашній гаремъ, въ который не проникалъ мужской глазъ, и горе было тому изъ прислуги, кто-бы полюбопытствовалъ заглянуть въ него. Не одинъ лобъ, по тогдашнему выраженію, былъ забритъ за такую продерзость. Пляски бабъ, сопровождаемыя безстыдствомъ, неразлучный спутникъ разврата—вино, охота съ собаками, которыя, по какимъ-то особеннымъ охотничьимъ соображеніямъ, не имѣя собственнаго пріюта, проживали въ крапивѣ, густо разросшейся на его усадьбѣ—составляли его обыкновенныя забавы.

Впрочемъ, личность Семена Николаевича мало касается нашихъ семейно-родовыхъ преданій, и потому я обращаюсь съ моимъ рассказомъ къ пережитому моимъ отцомъ и тетушкою Варварою Павловною, которыхъ нелюбовь матери какъ-будто обрекла на совмѣстную жизнь отъ дѣтскихъ пеленокъ и до гробовой доски.

Вмѣстѣ, какъ уже знаетъ читатель изъ первой главы, они были отвезены въ Петербургъ на воспитаніе: отецъ въ шляхетный кадетскій корпусъ, а тетушка въ Смольный монастырь.

По принатіи въ корпусъ, отецъ мой поступилъ на попеченія женщинъ, которыхъ попеченіями до 10-лѣтняго возраста пользовались всѣ малолѣтние кадеты. По словамъ отца, попеченія эти были самія нѣжныя. Кадеты этого перваго возраста были одѣты въ курточки кофейнаго цвѣта. Впрочемъ, о корпусномъ воспитаніи батюшки читателя познакомятся отчасти изъ послѣдующихъ рассказовъ.

Начальницею монастырокъ, какъ называла обычно-

венно покойная моя тетушка себя и воспитанницъ Смольнаго монастыря, была госпожа де-Лафонъ, объ которой тетушка относилась всегда съ высокимъ уваженіемъ. Впрочемъ, въ разговорѣ объ ней она называла ее просто Лафоншею. Французскій языкъ былъ какъ-бы естественнымъ языкомъ монастырокъ, такъ что тетушка, по выходѣ изъ монастыря, несравненно легче объяснялась на французскомъ языкѣ, чѣмъ на русскомъ, хотя и по русски писала совершенно правильно.

Тетушка очень любила говорить про свое монастырское воспитаніе; но чего-нибудь связнаго и послѣдовательнаго изъ разсказовъ ея составить нельзя. Вообще она объяснялась несвязно.

По словамъ тетушки, воспитательное заведеніе Смольнаго монастыря дѣлилось тогда на два отдѣленія: на благородное и мѣщанское, отдѣленія, — которыя никогда между собою не сближались. Говорила, что монастырь, т. е. ихъ воспитательное заведеніе, посѣщался не только императрицею и членами царской фамилии, но и всѣми знаменитыми иностранцами и иностранными посольствами, которымъ ихъ заведеніе показывали, какъ петербургскую достопримѣчательность; что на балы въ немъ въ монастырь привозили кадеть и преимущественно братьевъ изъ шляхетнаго корпуса, и что въ танцахъ съ монастырями не рѣдко участвовали великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи. «Я очень любила танцевать съ Константиномъ Павловичемъ» говаривала тетушка «да и онъ любилъ танцевать со мною, потому что я была очень легка въ танцахъ. Я прыгала антраша вотъ какъ высоко... И тетушка при этихъ словахъ подымала руку въ уровень съ своимъ плечомъ. Надобно замѣтить, что тетушка была очень небольшого роста.

Товаркою ея и одного съ нею выпуска была дочь графа Александра Васильевича Суворова-Рымникскаго. По словамъ тетушки, она была собою некрасива, худа, блѣдна, вяла и училась дурно. Суворовъ, навѣщая свою дочь, всѣхъ монастырокъ называлъ сестрицами.

Бывали у нихъ въ монастырѣ и спектакли и для постановки представлений присылались придворные актеры. Актеры эти и сами участвовали съ ними въ игрѣ, и тетушка въ разказахъ своихъ говорила много объ игрѣ Шушерина.

Тетушка училась хорошо и при публичномъ собраніи, бывшемъ въ 1791 году, февраля 15-го дня, какъ гласить свидѣтельство, данное ей при выпускѣ, на пергаментѣ, отъ совѣта императорскаго общества благородныхъ дѣвицъ, за подписомъ Sophie de Lafont и членовъ совѣта Петра Заводовскаго, Петра Соймонова и Александра Храповицкаго, удостоена серебряной меньшей медали, *въ память приобретеннаго чрезъ воспитаніе ея достоинства*. При раздачѣ наградъ не всегда наблюдалась справедливость, что возбуждало, по словамъ тетушки, между дѣвцами монастырскими негодование.

Въ числѣ присужденныхъ къ наградамъ, рассказы-вала тетушка, была одна Лачинова, которой опредѣлили на совѣтѣ высшую награду—большую золотую медаль. Монастырки наши знали, что опредѣленіе совѣта было сдѣлано не по справедливости, а по уваженію родства и отношеній семейства Лачиновой къ высшему кругу. Когда начали вызывать Лачинову подойти въ столу для полученія награды, то всѣ монастырки взбунтовались и кричали: Лачинова не достойна! Лутовинова достойна!... Чѣмъ болѣе совѣтъ настаивалъ въ вызовѣ, тѣмъ громче кричали монастырки, а Лачинову ухватили за платье и не пускали выйти изъ толпы. Напрасно несчастная силилась высвободиться; борьба и стыдъ вызвали сначала слезы, а наконецъ, она не выдержала и упала безъ памяти. Напрасно члены совѣта, Соймановъ, Заводовскій, бросивъ свои мѣста, подошли уговаривать дѣвицъ. Крикъ «Лачинова не достойна! Лутовинова достойна» не прекращался до тѣхъ поръ, пока несчастную Лачинову чуть не замертво вынесли въ лазаретъ. Золотая медаль была уже вручена ей послѣ.

Чувства правды и справедливости были исключитель-

ными свойствами тетушки, развитыми въ ней монастырскимъ воспитаніемъ. Они не оставляли ее до могилы. Всякое, даже въ шутку сказанное, мнѣніе она съ какою-то до дѣтства наивностью принимала за истинное убѣжденіе и, судя по впечатлѣнію, умилялась, или приходила въ негодованіе. Доживши до 90 лѣтъ, она оставалась все той-же легковѣрной и не понимающей жизни монастырскою, какою вышла изъ Смольнаго монастыря.

Если теперешняя институтка, вступая въ общественную жизнь, бываетъ ошеломлена противорѣчіемъ дѣйствительности съ тѣмъ призракомъ, который создало ей ея воображеніе въ часы отдохновенія между уроками и сномъ, или въ ночные часы безсонницы, то что-же должна была почувствовать при тѣхъ-же условіяхъ тогдашняя семнадцатилѣтняя монастырка, съ четырехлѣтняго возраста попавшая въ воспитательное заведеніе, устроенное по понятіямъ тогдашняго высшаго европейскаго развитія.

Марфа Александровна, старая дѣвушка, пришедшая къ намъ въ домъ въ числѣ приданныхъ дворовыхъ людей моей матери, знавшая большой свѣтъ Москвы по Екатерининскимъ казармамъ, гдѣ дѣдушка, какъ командиръ московскаго гарнизоннаго (архаровскаго) полка, имѣлъ квартиру, рассказывая бывало о жизни своей въ Москвѣ и о большомъ свѣтѣ, говорила. «Когда мы пріѣхали съ барынею въ Любаво, такъ даже я удивилась, какъ увидѣла бариновыхъ тетушекъ: все такія не полированные!» Марфа Александровна при этомъ рассказѣ еще болѣе расширяла свои и безъ того совершенно круглые, какъ у совы, глаза, вздергивала маленькій, въ родѣ пуговки, носъ, торчавшій на покрытомъ множествомъ морщинокъ лицѣ.

— Если Марфа Александровна, бывшая горничная дѣдушки Петра Астафьевича и шившая, по ея словамъ, всѣ панталоны лакеямъ, была поражена неполированностію бабушекъ, то каковы онѣ должны были показаться монастыркѣ, возросшей въ воспитательной тепличкѣ, нагрѣвавшейся французскими парами. Впрочемъ, всякій, по-

знакомившись съ бабушками, скоро переставалъ замѣчать въ нихъ отсутствіе того, что называется воспитаніемъ и образованіемъ. Съ ними бесѣдовать скучно не было. Книгъ онѣ, конечно, не читали, не читали по тому, что, не зная иностранныхъ языковъ, читать въ то время было еще нечего, особенно живя въ деревнѣ. Книгъ въ домѣ ихъ и не было; но зато широко и привольно была передъ ними раскрыта книга опыта житейскаго, книга природы, почти дѣйственной, да людской дѣятельности, не отуманенной никакими отвлеченными теоріями. Кромѣ этой книги, онѣ читали и вчитывались въ книги священнаго писанія, житія св. отецъ и, въ особенности, въ псалтырь. Нельзя отрицать, что чтеніе книгъ священнаго писанія развиваютъ умъ и пробуждаютъ мышленіе, пожалуй, не менѣе писаній латинскихъ и греческихъ классиковъ.

Онѣ свято соблюдали посты и твердо знали кругъ церковный. Про бабушку Марью Николаевну сохранился одинъ разсказъ, который чрезвычайно обрисовываетъ и воспитаніе бабушекъ и духъ времени.

Лѣтъ за 90 до нашего времени, въ Куковѣ, при церкви былъ священникомъ капризный старикашка.

Бабушка, присутствуя постоянно въ церкви во время служенія, замѣчала ему многое, чего онъ не исполняетъ по уставу. Однимъ словомъ, учила его, чего старикъ, конечно, не любилъ.

Разъ, подошедъ къ сѣвернымъ дверямъ и наблюдая чрезъ нихъ за батюшкою, бабушка замѣтила ему, что онъ дѣлаетъ что-то не такъ, и затѣмъ долго его точила.

Старикъ сначала по немножку перебранивался; но, наконецъ, потерявъ терпѣніе, быстро снялъ съ плечъ своихъ ризу и набросилъ на оторопѣвшую и на половиину высунувшуюся въ алтарь бабушку, проговоривъ.

— Когда лучше знаешь, такъ и служи сама!

Но обратимся къ тетушкѣ-монастырѣ.

Если странными ей казались деревенскія тетушки,

то не менѣе странною должна была казаться и имъ не практичная племянница-буколка, съ прическою подъ пудру, на розовыхъ каблучкахъ подъ замшевыми башмаками, но не умѣвшая въ нихъ ходить по неровному полу или по неровной дорогѣ, говорившая сентенціями, прискивавшая слова, чтобъ связать по-русски какую-нибудь фразу и произносившая русскія слова на французскій манеръ въ носъ.

Къ счастью тетушки, она не жила долго въ родительскомъ домѣ, а, какъ я, кажется, уже упомянулъ въ первой главѣ моего разсказа, пріютилась въ родственномъ домѣ Акулины Матвеевны Спиридовой, урожденной Нестеровой.

Покойный мужъ Акулины Матвеевны, Григорій Григорьевичъ Спиридовъ былъ адмираломъ, участвовалъ въ знаменитой Чесменской битвѣ и, какъ разсказывала тетушка, вѣроятно слышанное отъ дочерей, исключительно распоряжавшійся ходомъ сраженія, тогда какъ Орловъ, герой битвы, сидѣлъ въ каютѣ. Разумѣется, вѣрить безусловно этимъ хвастливымъ семейнымъ преданіямъ исполнѣ нельзя, хотя впрочемъ и въ наше время во всѣхъ войнахъ начальникамъ штабовъ всегда воздается болѣе заслуженнаго.

Сынъ его Алексѣй Григорьевичъ, участвовавшій также въ Чесменской битвѣ, будучи почти ребенкомъ, въ послѣдствіи адмиралъ и командиръ Ревельскаго порта, жилъ въ Петербургѣ.

Другой сынъ, Матвей Григорьевичъ, былъ оберъ-полицеймейстеромъ къ Москвѣ. Самъ Матвей Григорьевичъ, по отзывамъ, слышаннымъ много отъ современниковъ, былъ честный человѣкъ; но супруга его любила, и очень любила подарки, приносимые съ задняго врыльца.. Впрочемъ, не будемъ къ ней строги: таковъ былъ духъ времени.

Двѣ дочери, Дарья и Александра Григорьевны, жили при матери, пользуясь вмѣстѣ съ нею независимой

жизнью и хорошимъ состояніемъ. Домъ ихъ былъ полною чашею.

О жизни у Спиридовыхъ тетушка очень любила вспоминать до конца своей жизни и, начиная рассказъ, говорила обыкновенно:

— У нашихъ Спиридовыхъ и проч., къ несчастію, изъ всѣхъ рассказовъ я припоминаю только, что у нихъ, у Спиридовыхъ, была псовая охота и что онѣ, двѣицы ѣзжали въ отъѣзжее поле... что, отправляясь въ открытой воляскѣ въ путь, набирали съ собою множество всякаго рода съѣдобнаго запаса, лакомства и «и всякой всячины» и все поѣдали.

Александра Григорьевна въ послѣдствіи была за мужемъ за адъютантомъ князя Италійскаго Густавомъ Ивановичемъ Цимерманомъ. Я зналъ эту чету уже въ старости. Густавъ Ивановичъ до конца жизни носилъ военный мундиръ своего времени, ходилъ съ напудренными, гладко примазанными волосами на головѣ и съ болтавшейся сзади длинною косою. Онъ и она слыли въ Москвѣ хлѣбосолами, и я частно слыхалъ выраженія удивленія въ обилію ихъ ежедневныхъ домашнихъ завтраковъ, о творогѣ, вареныхъ и густыхъ сливкахъ. Онъ много рассказывалъ про свою службу при Суворовѣ; но я, будучи ребенкомъ, хоть и слыхалъ да все перезабылъ. Одно какъ-то уцѣлѣло въ моей памяти: это-то, что Суворовъ допрашивалъ своего деньщика Трушку о политическихъ и военныхъ вопросахъ, разумѣется, въ присутствіи и своихъ, и австрійскихъ генераловъ. Когда Трушка не хотѣлъ отвѣчать и отпирался незнаніемъ, тогда онъ приказывалъ его разложить и сѣчь. Для такого истязанія употреблялись мочалы. Разумѣется, все это была комедія и Трушка подъ мочалами разрѣшалъ всѣ сомнѣнія.

Самъ-же Суворовъ, допрашивая его, причиталъ, по-видимому, сумбуръ, но этотъ сумбуръ ѣдко отзывался въ ухахъ тѣхъ, до кого касалось.

Александра Григорьевна во всю свою жизнь оста-

валась и лакомкою, и привередницею. Она не могла иначе спать, какъ что-бы горничныя и дѣвки сидѣли всю ночь въ ея спальнѣ, а безобразная желтая, смуглая калмычка, бывшая у нея въ услуженіи, терла ей ноги. Чтобъ дѣвкамъ не было скучно, она ставила имъ угощенія. Онѣ могли разговаривать, хохотать, играть въ карты, работать и даже возиться, нисколько не стѣсняясь, а днемъ отсыпаться, сколько душѣ угодно.

Дарья Григорьевна была необыкновенно кротка и набожна. Не знаю, когда умерла, но, какъ я слышала отъ тетушки, она скончалась на молитвѣ, стоя на коленяхъ передъ образомъ. По словамъ тетушки, это было олицетвореніе ангела.

О матери ихъ самой, Акулинѣ Матвеевнѣ, изъ слышаннаго мною, я помню только одно, что она имѣла привычку заказывать повару для слѣдующаго дня обѣдъ, сидя, но какъ-бы это выразиться, ну хоть, сидя на извѣстныхъ вреслахъ.

Тетушка, вышедши изъ монастыря, вынесла съ собою большой запасъ тщеславія. Разъ, говорила она, ѣдемъ мы съ Спиридовыми по Москвѣ, и вдругъ карета наша была остановлена въ пути переѣзжавшимъ поперекъ улицы обозомъ. Кучеръ кричалъ, а подводы обоза не останавливались и дороги не давали. «Скажите, что я ѣду», вскричала монастырка, тетушка, высунувшись изъ окна кареты!... Она была убѣждена, что воспитанницу Смольнаго монастыря вся Москва должна была знать и почитать.

Долго-ли жила тетушка въ домѣ Спиридовыхъ, не знаю; но въ 1801 году она уже проживала въ Спасскомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Поземовѣ. Послѣ смерти Акулины Матвеевны Спиридовой, бабушка перезвала ее жить въ себѣ съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ее послѣ своей смерти наследницею всего своего не малаго достоянія.

Тетушка оставила монастырь двумя годами ранѣе выпуска батюшки изъ корпуса; она кончила въ 1791 году, а батюшка въ 1793 году, 25 іюля.

Отецъ мой былъ выпущенъ изъ корпуса поручикомъ въ Пермскій пѣхотный полкъ. При производствѣ въ офицеры, выпускнымъ бадетамъ данъ былъ списокъ полковъ, изъ которыхъ всякій могъ избирать себѣ любой для своей службы.

Не имѣя понятія ни о полкахъ, ни о мѣстахъ ихъ расположенія, отецъ мой избралъ Пермскій полкъ, но почему и для чего—онъ и самъ себѣ не могъ-бы объяснить.

Привожуздѣсь письмо ново-испеченнаго офицера, еще не оставившаго корпусъ: письмо моего отца къ бабушкѣ Надеждѣ Николаевнѣ.

Милостивая государыня матушка Надежда Николаевна!

Сего Іюля 2 дня имѣлъ я честь получить непріятное для меня письмо, въ которомъ, вы писать изволите, во-первыхъ, что братецъ Алексѣй Павловичъ скончался, во вторыхъ, что и вы находитесь теперь не очень здоровы. Сколь я былъ симъ жестокимъ для меня ударомъ пораженъ, услыша отъ васъ такую для меня непріятную новость, но что дѣлать, угодно такъ судьбѣ, мы ею повелѣвать не можемъ... жестокая... она нами владѣетъ, она возводитъ насъ на высоту благополучія и опять снова свергаетъ насъ въ бездну злосчастія. Ахъ, любезная родительница, еслибъ извѣстно вамъ было все то, что я чувствую, узнавъ слабость вашего здоровья... Прошу васъ дать мнѣ скорѣе знать о излеченіи вашемъ.

Вы писали также ко мнѣ, любезная матушка, что вамъ еще по сихъ поръ неизвѣстно о выходѣ моего изъ корпуса, но мнѣ кажется, что я васъ о семъ увѣдомлялъ, что по именному ея Императорскаго Величества указу опредѣлено было прежде положеннаго времени насъ выпускать сего іюля 27 дня. Я живу еще теперь въ корпусѣ въ ожиданіи себѣ поручичьяго чина, я надѣюсь, что на сихъ дняхъ оный получу. Получивши чинъ, незамедлю ни мало; постараюсь, какъ можно скорѣе, къ вамъ быть.

Но, какъ вы мнѣ давали знать, какъ въ семь писемъ, такъ и въ прежнемъ, что-бы я, по выходѣ моемъ изъ онаго корпуса, старался-бы заслужить поведеніемъ своимъ отъ Алексѣя Григорьевича себѣ любовь и просилъ-бы совѣтовъ, какимъ образомъ могъ-бы я удобнѣе вступить въ свѣтъ. Увѣдомляю васъ, что онъ не только не отринулъ мое прошеніе, но взялъ еще меня въ домъ свой подъ свое покровительство и обнадежилъ, что онъ меня никогда не оставитъ, а всегда стараться будетъ, сколь возможно, наставить меня на путь истинной добродѣтели такъ, какъ отецъ сына своего.

Будьте увѣрены, любезная матушка, что онъ не изъ числа тѣхъ, кои, достигши до высокой степени, презираютъ не только ближнихъ своихъ, но и родныхъ; онъ, напротивъ того, полагаетъ все свое удовольствіе, что-бы содѣлать ближнимъ своимъ благополучія и тѣмъ привлекаетъ ихъ. Вы же, любезная матушка, столь близкій сосѣдъ, а никогда ни единой строчки не напишете. Повѣрьте мнѣ, что-вы его тѣмъ чувствительно оскорбляете.

Увѣдомляя васъ о семь, цѣлуя заочно ваши руки, остаюсь съ истиннымъ почитаніемъ и преданностію, прося вашего родительскаго благословенія, вѣрно покорнѣйшій, послушнѣйшій.

Сынъ вашъ
Василій Селивановъ.

Получивъ прогоны до Саратова, гдѣ квартировалъ Пермскій полкъ, батюшка отправился въ путь. Такъ какъ, кромѣ отпущенныхъ казенныхъ прогоновъ, другихъ денегъ у него не было, то онъ и нашелъ для себя выгоднымъ ѣхать съ почтою, заплативши за это право почталіону, сопровождавшему почту въ Москву, часть своихъ прогонныхъ денегъ.

Только что выравшійся на свѣтъ изъ четырехъ стѣнъ корпуса, не зная ни цѣны деньгамъ, ни цѣны предметамъ приобретаемымъ, батюшка за всякій вздоръ, кото-

рый ему случалось купить для своего продовольствія, платилъ, что запросятъ, и разумѣется въ три-дорога. Скоро не стало-бы у него денегъ и пришлось-бы въ дорогѣ голодать, если-бы почталіонъ, его везшій, не принялъ въ немъ участія.

— Васъ обираютъ, говорилъ онъ отцу моему, отдайте-ка лучше ваши деньги мнѣ; я васъ буду и поить, и кормить; предложеніе было принято. Почталіонъ во всю дорогу и кормилъ, и поилъ батюшку, а по пріѣздѣ въ Москву возвратилъ ему оставшіеся отъ расхода его не большіе рубли съ копѣйками.

Родныхъ у батюшки въ Москвѣ было много; но болѣе всѣхъ другихъ, по богатству и общественному положенію, отличался домъ Александра Матвеевича Нестерова; это былъ двоюродный братъ Николая Михайловича Нестерова, родного дѣда батюшки. Оба они принадлежали одному вѣку, но разница между ними была та, что Александръ Матвеевичъ былъ обитатель Москвы, а Николай Михайловичъ—деревенскій помѣщикъ.

Бѣло-каменные трехъ-этажныя палаты Александра Матвеевича находились въ Лефортовѣ, въ Кирочной улицѣ, съ угла на уголъ съ Лефортовскимъ дворцомъ. Жена его, Александра Афанасьевна, урожденная Гончарова, была когда-то красавица, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова; но въ то время, когда батюшка пріѣхалъ въ Москву, она была довольно уже пожилою женщиною. Трое сыновей, служившихъ въ Преображенскомъ полку, были стройны и красивы, а дочери всѣ невѣсты и красавицы. Въ особенности Варвара Александровна, пылкая брюнетка, была особенно прекрасна. Духъ аристократизма, а по тогдашнему—барства высшаго круга, вѣялъ надъ этимъ семействомъ. Блестящее, по тогдашнему времени, воспитаніе, знаніе французскаго языка, напудренные головы, фижмы—все рѣзко отличало семейство Александра Матвеевича отъ простого и необразованнаго семейства Николая Михайловича.

Будучи гвардейскими офицерами, сыновья перваго,

Афанасій, Егоръ и Матвей Александровичи объѣхали Европу, жили въ Парижѣ, посѣтили Римъ, входили на Везувій, видѣли въ Фернеѣ свѣтило энциклопедистовъ Вольтера, а въ Берлинѣ Фридриха Второго.

Все это было-бы не диво теперь; но въ тѣ времена путешествовали за границу только немногіе избранные.

Прадѣдушки Николая Михайловича на свѣтѣ уже не было, и мои бабушки, т. е. не вышедшія за мужъ дочери его, купили себѣ тоже въ Москвѣ не большой деревянный одно-этажный домикъ, не вдалекѣ отъ бѣлокаменныхъ палатъ Александра Матвеевича.

Не знаю, въ какомъ изъ этихъ двухъ родственныхъ домовъ остановился батюшка по приѣздѣ въ Москву, но знаю, что онъ въ семействѣ Александра Матвеевича былъ принятъ по родственному, тепло, и скоро сдѣлался въ домѣ его какъ-бы необходимымъ членомъ семейства. Близость сношеній, молодость, живой, пылкій характеръ, искательность и ловкость скоро сблизили юношу-офицера съ молоденькими, прекрасными тетушками, и онѣ его любили, какъ живую игрушку, съ которою, по родству, играть не запрещается. Варвара Александровна, не смотря на свою гордость, въ него влюбилась. Бывало онѣ, говаривала мой отецъ, начать возиться со мною, повалить меня, щечочать или, растегнувъ мой камзолъ, гладить нѣжною рукою грудь, покрывая меня поцѣлуями.

Не всегда спокойно глядѣлъ на такое обращеніе, продолжалъ мой отецъ, дѣдушка. Разъ какъ-то расшевеленный шалостями Варвары Александровны, я погнался за нею, она побѣжала по корридору къ своей комнатѣ, я за нею. Она, вбѣжавъ въ комнату, захлопнула за собою дверь и заперла ее. Я началъ было стучаться, но видя, что напрасно, не пускаетъ—прошелъ въ залъ. По залѣ взадъ и впередъ ходилъ дѣдушка, брови его были нахмурены. Онъ холодно, противъ обыкновенія, взглянулъ на меня, спросилъ, что тамъ былъ за стукъ и что я такъ запыхался? я ему отвѣчалъ, что вотъ Варвара Александровна отъ меня убѣжала въ свою комнату... я

догонялъ ее...—Прошу впредь за нашими дѣвками не гоняться, прервать меня старикъ, и не ломиться въ двери, въ моему домѣ! Съ этихъ поръ батюшка сдѣлался осторожнѣе въ наружномъ обращеніи съ барышнями; но Александръ Матвеевичъ продолжалъ быть съ нимъ по-прежнему ласковъ, и когда одинъ или два дня онъ не видалъ батюшку за своимъ столомъ, то говаривалъ: что это Василя давно не видно?

У всѣхъ богатыхъ и знатныхъ людей того времени такъ-же, впрочемъ, какъ это было принято при дворѣ, и у Александра Матвеевича былъ тоже дуракъ въ домѣ, который имѣлъ право ругать самого барина въ глаза и обращаться со всѣми безъ малѣйшаго стѣсненія. Когда дуракъ дѣйствительно или мнимо надѣдалъ барину, Александръ Матвеевичъ приказывалъ его сѣчь. Принесли розги, клали дурака и хотя его сѣкли только для вида, осторожно, но онъ и рвался, и кричалъ притворно, когда-же случайно задѣвали его за живое, онъ неистово начиналъ ругать барина. Одинъ разъ, за какое-то преступленіе или упрямство, тѣлесное наказаніе было замѣнено обливаніемъ водою на дворѣ у колодца, причемъ дуракъ далъ полную волю своимъ браннымъ изліаніямъ.

— Дуракъ, чертъ! кричалъ онъ на барина внѣ себя; а Александръ Матвеевичъ, сидя у окна, хохоталъ. Эта забава, кажется, не прошла даромъ для несчастнаго обливанца, и отъ послѣдовавшей за тѣмъ горячки онъ отдалъ душу Богу. Иногда Александръ Матвеевичъ вздумаетъ, бывало, сидя за обѣденнымъ столомъ, приказать дураку, всегда стоявшему за его стуломъ, пѣть, а чтобъ ему было сподручнѣе, приказывалъ дочери Варварѣ Александровнѣ подтягивать. Та всегда повиновалась безпрекословно, но иногда и съ полными слезъ глазами, вслѣдствіе оскорбленнаго самолюбія, когда это случалось при гостяхъ.

Въ Пермскій пѣхотный полкъ, куда батюшка былъ выпущенъ, онъ не поѣхалъ. Обласканный московскими родными, онъ попалъ какъ въ закодванный кругъ, изъ

котораго выходу уже нѣтъ. За него хлопотали, писали въ Петербургъ къ Алексѣю Григорьевичу Спиридову и содѣйствіемъ его онъ скоро былъ переведенъ въ Московскіе шести-ротные полевые баталіоны, которые поступили на составленіе московскаго гарнизоннаго полка.

Въ 1798 году, марта 10, батюшка былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны и того-же года, іюля 5 дня, въ капитаны. Въ чинѣ штабсъ-капитана онъ, уже командовалъ ротой.

Время военно-служебной дѣятельности моего отца текло, какъ по маслу. Все ему улыбалось. По службѣ онъ былъ исправенъ, и начальство его любило. Шефомъ полка былъ Архаровъ, который, по рассказамъ моего отца, любилъ наущниковъ. У отца, какъ и у всякаго порядочнаго человѣка, были и завистники, и тайные недоброжелатели. Они нашептывали Архарову про батюшку, вѣроятно, что-нибудь не хорошее и разъ, когда былъ смотръ баталіона, въ которомъ служилъ батюшка, то Архаровъ явился на смотръ уже съ предвзатою мыслию. Осмотрѣвши всѣ роты и оставшись доволенъ всѣми, онъ долго муштровалъ роту батюшки, бранился, кричалъ, горячился, находилъ все дурнымъ и, наконецъ, подошедъ къ батюшкѣ, потребовалъ его шпагу.

— Я не въ состояніи самъ отдать вашему высокопревосходительству мою шпагу, отвѣчалъ мой отецъ съ достоинствомъ, я еще никогда арестованъ не былъ.

— Вамъ видно жаль вашей шпаги, амѣтилъ Архаровъ.

— Жаль, отвѣчалъ мой отецъ, я съ нею ниразу не расставался! Архаровъ, не сказавъ ничего на это, отошелъ; но батюшка арестованъ не былъ. Богъ знаетъ, чѣмъ-бы могло кончиться предубѣжденіе Архарова противъ батюшки, еслибы одинъ случай не помогъ обратить Архарова въ его пользу.

— Разъ какъ-то, въ субботу, я пошелъ въ торговую баню, говорилъ мой отецъ; когда уже вышелъ одѣваться, увидѣлъ въ передбанниѣ, на одной лавкѣ со мною, двухъ какихъ-то господъ, которые тоже только что вышли изъ

бани и были еще нагіе. Они, вѣроятно, по платью, лежавшему на лавкѣ, признали во мнѣ офицера московскаго гарнизоннаго полка и, разговорившись между собою о томъ, о семь, начали бранить и поносить Архарова. Считая моимъ долгомъ вступить за своего шефа, я сталъ ихъ опровергать, горячиться, и дѣло доходило, что называется, до ссоры. Въ послѣдствіи оказалось, что это были пріатели Архарова. Одинъ изъ нихъ, при свиданіи съ Архаровымъ, спросилъ его: кто это у тебя въ полку маленькій черненькій офицеръ! Да какой задорный, такъ и лѣзеть чуть не въ драку... и тутъ-же рассказалъ о своемъ умышленномъ разговорѣ въ банѣ, подавшемъ поводъ батюшкѣ разбраниться съ нимъ.

Съ этого дня Архаровъ уже не слушалъ болѣе наговоровъ на моего отца и постоянно былъ съ нимъ хорошъ.

Архаровскій полкъ нижними чинами, по большей части, комплектовался по приговорамъ суда арестантами изъ тюремнаго замка. Все это были коренные москвичи изъ купцовъ, мѣщанъ, ремесленниковъ и дворовыхъ людей. Рѣдкій изъ нихъ не зналъ грамоты. Когда, бывало, подслушаешь ихъ разговоры, говорилъ мой отецъ, какъ они разсуждаютъ: такъ что твои министры!.. Одинъ унтеръ-офицеръ его роты, ученый парикмахеръ, ходилъ его причесывать. Изъ разговоровъ во время причесыванія онъ какъ-то случайно узналъ и объ имени, и о мѣстѣ жительства одной барыни, которая къ батюшкѣ была не равнодушна. Въ тѣ счастливыя времена любовью играли, или, лучше сказать, забавлялись въ любовь; а батюшка былъ тоже не послѣдній изъ ловеласовъ. Тутъ парикмахеръ воспользовался открытіемъ и отъ имени батюшки завелъ съ чувствительной барыней чувствительную переписку. Барыня таетъ, пишетъ отвѣты, а отецъ мой и не подозрѣвалъ ничего. Шутка эта продолжалась довольно долго, и, когда была открыта, бѣдный ея виновникъ сильно поплатился своею шеурою.

Отецъ мой не былъ жестокъ по службѣ и потому

былъ любимъ своею ротою. Впрочемъ, понятія жестокости и доброты обуславливаются духомъ времени, что выдерживали тогдашніе солдаты, такъ это не вѣроятно!

— У меня на ученѣхъ палокъ никогда не вывозили, говорилъ мой отецъ, рассказывая про свою службу, развѣ только какой унтеръ-офицеръ вкладывалъ въ дуло ружья нетолстую палочку, на всякій случай. Но другіе ротные командиры, особенно изъ нѣмцевъ, были истинными тиранами. Многіе вывозили на ученье палки возами и къ концу ученья всѣ онѣ были переломаны объ спины солдатъ.

Въ 1793 году въ московскомъ тюремномъ замкѣ содержалась нѣкто г. Раевская; за что она содержалась — не знаю. Она была женщина еще молодая и собою очень красива; бѣла, что называется, какъ сметана, и хорошо воспитана. Какъ дежурному по карауламъ, батюшкѣ часто приходилось бывать въ тюремномъ замкѣ. Вѣжливое и даже нѣжное обращеніе, чего г. Раевская не видала отъ другихъ, имѣвшихъ отношенія къ арестантамъ въ замкѣ, расположило ея сердце къ батюшкѣ. Бывая на дежурствѣ, онъ всегда посѣщалъ ея камеру, по долгу сидѣлъ, бесѣдуя съ нею, и наконецъ... Завязалась игра въ любовь; г. Раевская занималась литературою и какъ въ то время другого рода поэзіи, кромѣ одъ, почти не знали, то она написала двѣ оды и подарила батюшкѣ.

Обязанности службы какъ-то долго не призывали батюшку въ тюремный замокъ, и онъ потерялъ изъ виду г-жу Раевскую, которою онъ, впрочемъ, не много интересовался... Мало-ли въ Москвѣ было тогда барынь?

Разъ, въ какой-то праздничный день, проходя по Никитской улицѣ, онъ зашелъ въ монастырь къ обѣднѣ. Войдя въ церковь и оглянувъ присутствовавшихъ, онъ вдругъ увидѣлъ двухъ дамъ, роскошно одѣтыхъ; смотреть — и въ одной изъ нихъ узнаетъ свою арестантку, Раевскую. Напрасно онъ ищетъ поймать ея взглядъ; она по сторонамъ не смотритъ, она вся погружена въ молитву. Но вотъ обѣдня кончилась, и обѣ дамы прошли мимо

его въ дверямъ, гордо, съ достоинствомъ и на него не взглянули. За ними прошелъ высокій лакей, одѣтый въ великолѣпную ливрею.

Распрашивая того, другого въ монастырѣ, батюшка успѣлъ узнать, что г. Раевская, по выходѣ изъ замка, гостить въ Нивитскомъ монастырѣ, у своей родственницы, вѣжета, такъ рассказывала батюшка, а можетъ быть она проживала въ монастырѣ на покаяніи... Какъ бы то ни было, только вечеромъ, когда батюшка сидѣлъ дома и размышлялъ о своей утренней встрѣчѣ у обѣдни, вдругъ входитъ ливрейный лакей и докладываетъ ему, что г-жа Раевская прислала за нимъ карету и просить его пожаловать къ ней. Отецъ не поѣхалъ. Воображеніе манило его на тайное свиданіе; но ѣхать въ монастырь онъ не рѣшался.

— Много бывало случаевъ, говаривалъ онъ, что, кто сводилъ знакомство въ женскомъ монастырѣ и оставался тамъ ночевать, уже болѣе оттуда не возвращался. Что-бы спрятать концы своихъ проказъ, святые отшельницы душили несчастныхъ Дон-Жуановъ и бросали ихъ въ отхожія ямы.

Послѣ встрѣчи въ монастырѣ батюшка не видалъ уже болѣе г-жу Раевскую никогда въ жизни.

Какъ благовоспитанный молодой человѣкъ, отецъ мой всегда бывалъ очень чисто одѣтъ; посѣщалъ благородныя собранія и всегда бывалъ на балахъ у главнокомандующаго и градоначальника Москвы, какъ тогда называли, и все это дѣлалось со средствами самыми маленькими. Конечно, бабушка прислала ему кое-что изъ деревенской прѣвизии, но денегъ не давала. Въмѣсто денегъ, прислала ему холстовъ, талекъ и тому подобныхъ мануфактурныхъ произведеній своей дѣвичьей, которая отецъ мой продавалъ, выручая такимъ образомъ скудныя копѣйки. У него была лошадь, дрожки и вучеръ Андрей.

Когда нужно было самому куда выѣхать, батюшка ѣхалъ на своей лошади, а если лошадь была ему не-

нужна, то Андрей выѣзжалъ на биржу и возилъ сѣдковъ. Извозничествомъ этимъ онъ прокармливалъ лошадей, кормился и одѣвался самъ, а излишнія вырученныя деньги отдавалъ барину. Работы Андрею всегда было довольно, потому что офицеры полка брали его на расхватъ. Служба гарнизонная исправлялась тогда и тщательно, и строго. Жутко бывало, говаривалъ мой отецъ, когда приходилось объѣзжать посты по заставамъ—главнымъ рундамъ въ темныя осеннія ночи, или во время погоды зимою. По камеръ-колежскому валу пустота и глушь были страшныя: только и слышишь дальній лай или вой цѣпныхъ собакъ да завываніе вѣтра. Разъ ѣхавши съ Андреемъ зимою, въ погоду, на саняхъ, мы потеряли дорогу; бились долго въ сугробахъ, а ужъ была полночь. Наконецъ, выбились куда-то и видимъ какія-то незнакомыя строенія, какъ-будто палатки... Андрей, соскочивъ съ саней, побѣжалъ посмотреть, куда мы заѣхали, я остался въ саняхъ и жду. Вдругъ слышу Андрей что-то кричить, а немного погодя, вижу его, бѣгущаго въ саняхъ, безпрестанно вязнущаго и спотыкающагося въ глубокомъ снѣгу. «Баринъ, кричитъ онъ въ ужасѣ, баринъ, мы заѣхали на кладбище!» Съ этихъ поръ я уже не ѣздилъ одинъ, а всегда отъ заставы до заставы бралъ съ собою патруль.

— Разъ, когда я стоялъ въ караулѣ на главной гауптвахтѣ, и подъ арестомъ находилось двое, или трое офицеровъ, въ томъ числѣ и Юній, ночью, также уже около полуночи, забрелъ самъ на гауптвахту, или приведенъ былъ обходомъ, какъ бродяга, запоздавшій монахъ. Онъ былъ порядочно подъ хмѣлькомъ и, по словамъ его, отлучился изъ монастыря безъ спроса. Для Юнія это былъ совершенный праздникъ. Скоро онъ подружился съ гостемъ, отогрѣлъ его чайкомъ съ пуншикомъ, а потомъ пригласилъ и поужинать, чѣмъ Богъ послалъ.

— Какъ-же быть то, Ваше Преподобіе, вѣдь у насъ рыбаго-то нѣтъ?

— А что-жъ это?..

— Это поросенокъ жаренный... Развѣ благословите на поросенка.

— Да обратишься сія порося въ караса! всегласно благословилъ святой отецъ.

— А водочки-то передъужиномъ?

— Можно...

— Повторить, закусивши!..

— Можно...

Когда поужинали, кто-то взялъ гитару, кто-то затянулъ плясовую пѣсенку, другіе подхватили, и вотъ монахъ пустился съ Юніемъ въ плясъ. Пляшетъ Юній, но монахъ не уступаетъ. Свистъ, гиканье, прицелкиванье, пѣсни, хохотъ, топотъ вывели монаха окончательно изъ себя. Вотъ онъ пускается въ присядку, плясалъ, плясалъ, да какъ-то вдругъ оступился, упалъ да переломилъ себѣ ногу по поламъ.

Тутъ уже было не до смѣха. Вся отвѣтственность за допущеніе безпорядка падала на меня, а между тѣмъ время приближалось прибытія рунда.

— Спрячьте меня пока подъ нары, придумалъ монахъ, а передъ свѣтомъ велите перенести къ Чудову монастырю, да положить на паперти, возлѣ дверей!..

Такъ и сдѣлали. Лежа подъ нарами, бѣдный монахъ сильно стоналъ, а передъ свѣтомъ его отнесли на Чудовскую паперть. Что ужъ тамъ съ нимъ было, не знаю... Рады были, что избавились отъ него.

Но вотъ одинъ необыкновенный случай, который остался неразъясненнымъ.

Въ Кремлѣ, когда я служилъ, было еще много строевій, которыя теперь разобраны, и мѣсть, гдѣ они стояли, я-бы теперь и указать не сумѣлъ.

Помню, что гдѣ-то тамъ, какъ-будто недалеко отъ комендантскаго дома, торчала какая-то длинная колокольня, и на этой колокольнѣ для чего-то ставился часовою. Что онъ тамъ караулилъ, едвали о томъ зналъ и самъ учредитель постовъ, а подобныхъ бесполезныхъ постовъ было въ Кремлѣ множество. Дѣло въ томъ, что

не только стоять на часахъ на этой колокольнѣ въ темныя осеннія ночи, въ совершенномъ мракѣ, когда вѣтеръ глухо завываетъ въ колоколахъ, было жутко, но даже и ходить-то туда, когда случалось при обходахъ и даже въ сопровожденіи патруля, бывало неприятно.

Разъ, такъ уже передъ свѣтомъ, когда ефрейторъ повелъ смѣну, вдругъ видятъ, что часового на его посту нѣтъ. Подумали, погадали, да и поставили другого часового на опустѣвшее мѣсто. Когда уже совсѣмъ разсвѣло, и ефрейторъ велъ новую смѣну, видятъ мнимобѣжавшаго часового лежащимъ безъ памяти на землѣ, не вдалекѣ отъ колокольни. Ружье его все было разбито въ куски; а сломанный замокъ и погнутый стволъ валялись разбросанными; когда несчастнаго привели въ чувство, онъ не могъ ничего сказать, что съ нимъ было, какъ онъ очутился внизу и кто ему изломалъ ружье. Все это не спасло его однакожь отъ палоевъ за оставленіе вѣреннаго ему поста.

А вотъ еще случай:

Въ одно время было замѣчено, что крестъ на Иванѣ Великомъ нѣсколько покачнулся на сторону—и между тѣмъ носились слухи, что на колокольнѣ Ивана Великаго каждую ночь ходитъ чертъ. Многіе часовые сами видятъ черта, но остановить его или оклигнуть никто не рѣшался. Дошелъ этотъ слухъ и до коменданта Гессе. «Сказать мнѣ, когда шерти-дьяволи ходитъ по колокольни!» приказалъ комендантъ, и приказаніе его не замедлило исполниться. Въ первую-же ночь доложили Гессе, что чертъ на колокольнѣ, и Гессе тотчасъ отправился на главную гауптвахту, взялъ тамъ одного унтеръ-офицера и трехъ рядовыхъ съ ружьями и полѣзъ съ ними туда. Когда они уже поднялись по послѣдней лѣстницѣ, въ самый куполь, они съ помощью фонаря дѣйствительно увидѣли черта, который сидѣлъ надъ ними подъ самимъ крестомъ. Усмотрѣвъ его, Гессе закричалъ: Господине шерти-дьяволи, пожалій сюда..

Вмѣсто отвѣта, чертъ распустилъ когти и зарычалъ.

— Шерти-дьяволи, пожалій сюда, а то мой прикажетъ стрелять. Ей — солдаты стрелять въ шерти! Такое привазаніе не понравилось черту; онъ быстро спустился и упалъ коменданту въ ноги. Что-жь? это оказался кузнецъ, одѣвавшійся чертомъ, чтобъ ходить на колокольню воровать винты, которыми въ куполѣ былъ укрѣпленъ крестъ.

При точномъ исполненіи гарнизонной службы обращалось вниманіе на всякую мелочь. Въ караульной книгѣ, находившейся на гауптвахтѣ, куда записывались смѣны часовыхъ, въ бытность мою въ караулъ были мною, вслѣдствіе ошибки въ размѣщеніяхъ по графамъ, сдѣланы помарки, за что взыскивалось очень строго. Объ этомъ доложили коменданту. Когда я смѣнился съ караула, онъ тотчасъ велѣлъ мнѣ явиться къ нему и представить книгу постовъ. Смекнувъ, что дѣло не ладно, что Гессе неминуемо арестуетъ меня, я достала сухого хвоща и вычистилъ имъ всю страницу. Потомъ, разграфивъ ее вновь, вписалъ все, какъ слѣдовало. Когда я явился къ коменданту, онъ, посмотрѣвъ на меня сурово, взялъ изъ рукъ моихъ книгу и началъ разглядывать листы, разглядывалъ ужъ онъ и такъ, и сякъ, и на свѣтъ, нѣтъ ничего не найдетъ; хоть и видитъ, что одинъ листъ непрозрачнѣе, но только придраться не къ чему.

— Скажите пожалій—какъ вы это сдѣлалъ? спросилъ меня вдругъ Гессе, самымъ верадчивымъ голосомъ.

— Я не знаю, Ваше Превосходительство, что вамъ угодно знать?

— О вы знаете, ви знаетъ, ви все знаетъ, какъ книга билъ замаранъ, а теперь чистъ... Скажите пожалій!..

— Я вычистилъ хвощемъ.

Тутъ Гессе принялся меня распрашивать, какая это трава хвощъ, и какъ я вычистилъ имъ листъ въ книгѣ и, узнавъ все въ подробности, отпустилъ меня домой.

Въ хозяйствѣ своемъ батюшка былъ очень аккуратень и домовитъ. Получивъ жалованье, онъ немедленно по-

купалъ все необходимое изъ домашняго запаса: чай, сахаръ, сладкой водочки. И хотя у меня за покупкою не оставалось почти денегъ, — говаривалъ батюшка, — но зато я ужъ былъ на долго покоенъ. Кто заходилъ ко мнѣ, находилъ у меня все прилично, было чѣмъ угостить, и все полагали меня богаче дѣйствительнаго.

— Со мною коротко былъ знакомъ, и даже жилъ нѣкоторое время у меня въ квартирѣ, Сергѣй Николаевичъ Глинка. Когда онъ сочинялъ стихи, ему не сидѣлось на мѣстѣ: онъ и прыгалъ, и бѣгалъ по столамъ и по стульямъ. По выходѣ изъ монастыря, сестра мнѣ передала на храненіе много французскихъ книгъ замѣчательныхъ изданій. У меня тоже были книги, такъ что все вмѣстѣ составляло порядочную библиоэку. Сергѣй Николаевичъ, приходя по временамъ ко мнѣ, бралъ ихъ читать и мало-по-малу все книги перетаскалъ къ себѣ. Въ отношеніи себя онъ былъ безпеченъ, одѣвался небрежно, ходилъ всегда растрепанный и жилъ очень бѣдно; но онъ объ этомъ мало думалъ — и весь былъ преданъ литературѣ. Въ концѣ 90-хъ годовъ, когда мой батюшка служилъ въ Архаровскомъ полку, жилъ также въ Москвѣ и служилъ въ комиссаріатской комиссіи и дядя Михайлъ Павловичъ. Онъ тоже, какъ родственникъ, часто бывалъ въ домѣ Нестеровыхъ, но его тамъ не любили. Онъ былъ нувеллистъ по призванію, и когда услышитъ гдѣ либо какую-нибудь новость, развозитъ ее съ усердіемъ; но при этомъ позволялъ себѣ и приглатъ, и посплетничать. Бабушка Надежда Николаевна, пріѣзжая въ Москву провѣдать родныхъ и дѣтей, всегда останавливалась у него, какъ у любимаго сына. Разъ батюшка, пріѣхавъ повидаться съ матерью, не нашелъ ее дома. Его встрѣтила горничная бабушки Авдотья Степановна, черноглазая, стройная красавица дѣвушка. Поручивъ ей передать бабушкѣ, что онъ къ ней пріѣзжалъ, онъ, какъ молодой человекъ, пошутилъ, побалагурилъ съ Дунашей и при этомъ сдернулъ съ нея косыночку. Въ это время возвратился со службы дядя Михайло Павловичъ. Входя

въ дверь, онъ видѣлъ, какъ батюшка сдернулъ съ Авдотьи Степановны косынку, и ревность взволновала его сердце. Онъ самъ ужасивалъ за Авдотьею Степановною, но безъ успѣха. Она была и скромна, и цѣломудренна. Когда батюшка уѣхалъ, дядя тоже, не думая долго, сейчасъ-же поѣхалъ въ домъ къ бабушкамъ, потомъ въ домъ Нестеровыхъ, гдѣ засталъ мать, и вездѣ разсказалъ, что «братъ Василій Павловичъ, пріѣхавши къ матери и не заставъ ея, дѣлалъ разныя безчинства съ Дуняшкою», разсказалъ о сдернутой косынкѣ, приправляя свой разсказъ различными вариантами.

Услыхавъ это, бабушка вспылала гнѣвомъ, тотчасъ поспѣвала домой и жестоко отстегала плетью бѣдную красавицу.

Ничего не зная и не подозрѣвая, когда батюшка пріѣхалъ въ домъ Нестеровыхъ, онъ былъ удивленъ, что и бабушка его, и молодая тетушка, когда онъ здоровался съ ними, двусмысленно улыбались, грозили на него пальчиками и въ полголоса называли проказникомъ.

— Что ты это тамъ надѣлалъ, проказникъ, говорила прабабушка Александра Афанасьевна. «Вотъ мать-то тебѣ задастъ!» А батюшка смотрѣлъ въ оба глаза и ничего не понималъ.

Когда объяснилось дѣло, всѣ приняли въ немъ участіе, и когда пріѣхалъ къ нимъ дядя Михайло Павловичъ, то барыни обратились къ нему съ просьбою, говоря:

— Михайло Павловичъ, ты такъ хорошо плетушки плетешь, сплети мнѣ, пожалуйста! А дѣйствительно дядя занимался плетеніемъ какихъ-то сѣтокъ и умѣлъ даже плести кружева.

Служа въ комиссаріатской комиссіи, дядя Михайло Павловичъ всегда выжидалъ, когда караулъ въ комиссаріатѣ бывалъ отъ батюшкиной роты. Пользуясь этимъ, онъ, выѣзжая изъ комиссаріата, увозилъ къ себѣ оставшіяся отъ экономіи половинки суконъ.

Хотя батюшка ни душой, ни тѣломъ не участвовалъ

въ этихъ похищеніяхъ, оправдываемыхъ отчасти обычаями времени, обычаями, отъ которыхъ еще не отвыкло и современное поколѣніе касательно взгляда на казенный интересъ, но дядя всетаки считалъ себя болѣе обезпеченнымъ, когда караулъ зависѣлъ отъ человѣка, отъ котораго ни въ какомъ случаѣ нельзя было ожидать доноса.

Празднаго богатаго дворянства проживало тогда въ Москвѣ множество. Балы въ благородномъ собраніи были многолюдны: нерѣдко число посѣтителей доходило тысячь до семи. Деревенскія бабушки, дочери Николая Михайловича, тоже бывая въ Москвѣ, выѣзжали въ собранія, не пропуская ни одного ни бала, ни маскарада. Для этихъ выѣздовъ онѣ имѣли по богатому штофному платью. Тогдашнее общество не было такъ требовательно, какъ теперь. Не почитая за необходимость для каждаго выѣзда имѣть новыя платья, бабушки мои веселились цѣлыя зимы все въ однихъ и тѣхъ-же. Лѣтъ 15 назадъ умерла ихъ бывшая горничная дѣвушка Агулина Федюловна. Рассказывая объ этомъ, и сравнивая настоящее съ прошедшимъ, она говорила: Нынѣшнія дѣвушки ничѣмъ недовольны. А въ наше-то время, вотъ когда я жила съ барышнями въ Москвѣ, какъ надѣнешь миткалевую юбку, да башмаки, да выйдешь за ворота, такъ думаешь, что вся Москва-то на тебя смотритъ.

Въ это время еще были живы и жили въ Москвѣ невѣстки прадѣдушки, т. е. сестры его жены: Агафаклея Ивановна и Татьяна Ивановна Веревкины и княгиня Шаховская, тоже родственница по прадѣдушкѣ; но какъ ее звали—не помню. Всѣ они и любили, и ласкали батюшку. «Свой своему по неволѣ другъ» и теперь, а тогда родство, не смотря на различіе положенія въ свѣтѣ и различія въ богатствѣ, чрезвычайно уважалось.

Не менѣе другихъ родственницъ покровительствовала батюшкѣ одна добродѣтельная старушка Мосолова. Ея имя я тоже забылъ. Разъ случилось пріѣхать мнѣ къ ней часу въ первомъ дня, рассказывалъ мой отецъ, меня

встрѣтилъ на крыльцѣ человекъ и на вопросъ мой, дома ли баринъ, отвѣчалъ:—дома-съ и никого не принимаетъ; но васъ приказано просить. Вхожу въ залъ, и что-же вижу? За накрытыми, уставленными серебряной посудой и дорогимъ хрусталемъ, столами сидѣло множество нищихъ, калѣвъ, убогихъ; а сама хозяйка, одѣтая въ богатое шелковое платье и засучивъ рукава, сама прислуживала имъ. Кушанья были роскошныя. — Вотъ, другъ мой, сказала она мнѣ, когда я съ ней поздоровался, и учись, какъ угощать меньшую братію. Когда дѣлаешь пиръ, не зови ни родныхъ, ни богатыхъ, а зови убогихъ, слѣпыхъ, хромыхъ, чтобъ они не могли воздать тебѣ тѣмъ-же... Во дни такихъ угощеній она, разумѣется, не принимала гостей, скрываясь больною или выѣхавшей въ подмосковскую.

Въ іюлѣ или въ августѣ 1799 года батюшка съ ротою, знаменемъ и однимъ полевымъ орудіемъ былъ посланъ въ городъ Ярославль. Въ то время въ Ярославской губерніи обнаруживался во многихъ мѣстахъ между крестьянами духъ неповиновенія помѣщикамъ, вслѣдствіе ложно распространяемыхъ въ народѣ слуховъ объ освобожденіи изъ крѣпостной зависимости.

По словамъ батюшки, въ продолженіе всего похода до Ярославля, онъ питался исключительно только телятиною. Телята тогда были не дороги. За живого, двухнедѣльнаго и старѣе, молочнаго телка онъ платилъ гривенникъ, т. е. 10 коп. сереб. Впрочемъ, такая дешевизна происходила оттого, что народъ телятъ не ѣлъ, почитая это грѣхомъ или, какъ говорится, телячьимъ мясомъ мерзиль.

По прибытіи съ ротою въ Ярославль, отецъ мой получилъ, чрезъ генераль-адъютанта графа Ливена, Высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія:

«Государь Императоръ указать соизволилъ, чтобъ вы, по прибытіи съ вѣренною вамъ ротою въ городъ Ярославль, раздѣлили наличное число людей

для карауловъ на три смѣны и потому распредѣлять число постовъ.

Генераль-адъютантъ графъ Ливень.

№ 2348
въ Гатчинѣ.
Августа 30 дня
1799 года.

Гарнизоннаго Архарова полка г. капитану Селиванову.

Повелѣніе это писано на полулистѣ, сложенномъ пополамъ, простой писчей синеватой бумагѣ; вложено въ небольшой квадратный пакетъ. Пакетъ былъ запечатанъ печатью съ вензелемъ Императора, т. е. буква П. подъ императорскою короною. На пакетѣ адресъ: Гарнизоннаго Архарова полка господину капитану Селиванову. Въ Ярославль.

Высочайшее повелѣніе, передаваемое генераль-адъютантомъ непосредственно ротному командиру, минуя его ближайшее начальство, невольно заставляеть задуматься о напряженной дѣятельности государя Павла Петровича, неусыпно слѣдившаго за передвиженіемъ каждой небольшой частички его арміи. Почиталь-ли онъ событіе, подавшее поводъ къ откомандированію въ Ярославль роты съ орудіемъ, дѣломъ важнымъ, или ужъ такъ, просто, озабочивало государя сохраненіе новыхъ порядковъ и дисциплины, введенныхъ имъ въ русскую армію по образцу, такъ восхищавшихъ его прусскихъ войскъ? Естественно, такія непосредственныя повелѣнія не могли нравиться шефу полка Архарову, и вотъ онъ пишетъ батюшѣ ордеръ такого содержанія:

• Господину капитану Селиванову.

Рекомендую вашему благородію съ присылаемыхъ къ вамъ изъ разныхъ мѣстъ повелѣній и сообщеній, по полученіи, съ каждаго доставлять ко мнѣ копии, кромѣ секретныхъ, непременно. Сентября 17 дня 1799 года.

Иванъ Архаровъ.

А вотъ еще предписаніе по поводу орудія, находившагося при ротѣ.

Артиллеріи отъ генераль-лейтенанта шефа артиллерійскаго баталіона и кавалера Батурина.

Господину капитану Селиванову.

По откомандированію васъ съ ротою въ Ярославль отряжено изъ баталіона имени моего одно орудіе, то я рекомандую вашему благородію оное сохранять и имѣть какъ его, такъ и всѣ прочіе снаряды, къ оному принадлежащія, подъ крышею, въ безопасномъ мѣстѣ, дабы лафетъ и зарядная фура не могли-бъ придти въ гнилость, равномерно и о конской амуниціи имѣть свое смотрѣніе, чтобъ она, чрезъ небреженіе, не попорчена была мышами, а во всемъ полагаюсь на вашу попечительность и ожидаю отъ васъ на оное увѣдомленіе.

Генераль-Лейтенантъ Батуриный.

№ 1060.
Сентября 3 дня
1799 года
Москва.

Въ Ярославлѣ батюшка завелъ знакомство съ лучшими домами въ городѣ и вездѣ былъ принятъ отлично. Въ числѣ его знакомыхъ была одна молодая вдова Ш., хорошенькая собою, которая принимала батюшку особенно внимательно.

Въ то-же время ухаживалъ за нею, и даже былъ влюбленъ въ нее, одинъ значительный господинъ, но фамилію его я забылъ, и потому она для исторіи погибла.

Господинъ этотъ, назовемъ его хоть N, вздумалъ привезти въ подарокъ г. Ш. клюквы, которую она очень любила и которой, вслѣдствіе неурожая, было мало.

Вотъ онъ... но лучше я расскажу объ этомъ событіи словами батюшки. «Пріѣхалъ я къ Ш. на Рождество поздравить ее съ праздникомъ и когда сидѣлъ я съ нею и сestroю ея въ гостиной, пріѣхалъ и N. Думая, что никого постороннихъ нѣтъ, онъ съ своимъ подаркомъ входитъ прямо, безъ доклада въ гостиную, но, увидавъ

меня и смѣшавшись нѣсколько, не рѣшился отдать его сейчасъ. Раскланявшись и поздравивши хозяевъ, онъ сѣлъ, а самъ, держа на колѣняхъ свою шляпу, приверывалъ ею привезенный мѣшечекъ. Разговоръ не клеился, я умышленно молчалъ, хозяйки тоже; а гость, хотя видимо было ему неловко, сидѣлъ упорно въ ожиданіи, что я уйду прежде него.

Время шло, мерзлая клюква въ мѣшечкѣ стала отходить и, наконецъ, красныя капли начали падать на полъ. — Ай, ай! смотрите! вскричала хозяйка, что это такое? кровь! откуда это кровь?

— Нѣтъ-съ, это ничего-съ, это... это клюква.

— Какая клюква? кровь! ай, ай! дѣвка, скорѣе подотри!. Вы окровавили мой полъ, обратилась она къ гостю.

Сестра ея вторила ей, производя суматоху и крича: кровь! кровь! а я сидѣлъ и улыбался, а между тѣмъ и самъ не понималъ, что-бъ это значило. N растерялся окончательно. Не находя, что сказать, глухо бормочетъ, суеть хозяйкѣ мѣшечекъ, весь взмокшій текущимъ изъ него краснымъ сокомъ... Та отъ него пятится, крича: «ай, что вы, что вы за гадость привезли?! Вы меня запачкали», и несчастный N съ своею клюквою бѣжитъ, не простившись, вонъ, и уѣзжаетъ «не солоно хлебавъ», добавлялъ всегда при этомъ рассказѣ батюшка.

Время для батюшки въ Ярославлѣ проходило пріятно. Онъ всегда съ удовольствіемъ вспоминалъ о красотѣ ярославскихъ горожанокъ, купеческаго сословія, которыя тогда по-заморски еще не одѣвались, а ходили одѣтыми по-русски, въ богатыхъ штофныхъ сарафанахъ, да въ собольихъ шубейкахъ, въ золотыхъ уборахъ на головахъ, съ фатами, да съ дорогими жемчугами на шеяхъ и самоцвѣтными камнями въ ушахъ.

Великолѣпный видъ представлялъ берегъ Волги, гваривалъ мой отецъ, — въ крещенье, во время водосвятія, усыпанный женщинами полными, бѣлыми, румяными и цвѣтущими здоровьемъ!..

Наконецъ, въ февралѣ 1800 года батюшка получилъ за подписомъ Архарова ордеръ, въ которомъ, вслѣдствіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія отъ 23 января, предписано ему, чтобъ находящимся для содержанія караула ротамъ въ Ярославлѣ, Угличѣ, Коломнѣ и Костромѣ возвратиться въ полку, какъ скоро мушкетерскіе полки Лейтнера, Меркулова, Миллера 1-го и Берга придуть на непремѣнныя свои квартиры въ оныя города.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ самую распутицу, батюшка выступилъ изъ Ярославля въ Москву и, въ несчастію, больной, потому что передъ выступленіемъ въ походъ онъ простудился, и его ежедневно трепала лихорадка.

На половинѣ пути, когда въ одномъ селеніи на ночлегѣ онъ лежалъ на своей квартирѣ, въ палящемъ жару, вдругъ сильный свѣтъ озарилъ его комнату и крики; пожаръ! пожаръ! вывели его изъ забытья.—Спасайтесь, ваше благородіе!.. вскричалъ вбѣжавшій въ избу фельдфебель, —дворъ горитъ, да ужъ и сѣни занимаются. Отецъ въ одной рубашкѣ вскочилъ съ постели, крича: спасайте знамя!.. схватилъ его, но отъ изнеможенія упалъ и обезпамятѣлъ.

Фельдфебель вынесъ его почти что изъ огня и онъ, очнувшись, увидѣлъ себя лежащимъ въ постели на кровати, въ другомъ селеніи, куда рота успѣла уже сдѣлать переходъ.

Такимъ образомъ едва живого везли моего отца за ротою. Разъ, когда онъ былъ въ сильномъ жару, на ночлегѣ, пригрезился ему сонъ. Видитъ онъ, что онъ въ Донскомъ монастырѣ, тогда какъ дѣйствительно въ Донскомъ монастырѣ ему никогда бывать не приходилось. Видѣлъ онъ себя въ церкви, передъ образомъ Донской Божіей Матери и слышитъ будто голосъ: «Радуйся, мѣсто это свято!» Онъ разулся, началъ усердно молиться и проснулся.

Весеннее солнышко ярко свѣтило въ окна его квартиры, онъ чувствовалъ, что силы его возвратились, что

на сердцѣ повеселѣло... Съ этого утра лихорадка его покинула, и онъ возвратился въ Москву совершенно здоровымъ.

По прибытіи въ Москву, при первомъ свободномъ времени, онъ поѣхалъ въ Донской монастырь, о которомъ онъ, какъ я выше сказалъ, не имѣлъ никакого понятія, чтобъ возблагодарить Бога за свое излеченіе и отслужить молебенъ Божіей Матери. Видѣнный имъ сонъ еще былъ свѣжъ въ его памяти. Онъ входитъ въ соборъ и видитъ на яву все такъ-же, какъ видѣлъ во снѣ. Точь-въ-точь имъ видѣнный соборъ, точь-въ-точь такой-же и чудотворный образъ, какимъ онъ грезился ему во снѣ, и на томъ же мѣстѣ стоитъ онъ, и такъ-же теплится передъ нимъ лампада...

Какимъ образомъ и когда батюшка познакомился съ семействомъ шефа своего и будущаго тестя Петра Астафьевича фонъ-Рехенбергъ, въ 1800 году смѣнившаго Архарова,—мнѣ неизвѣстно, но кажется, что объ этомъ позаботился нѣкто г. Плиницеръ.

Предокъ фамиліи Рехенберговъ былъ уѣзднымъ начальникомъ въ Растенбургѣ и совѣтникомъ въ г. Мемелѣ, по имени Эрнстъ фонъ-Рехенбергъ, и за вѣрныя услуги въ 1530 году отъ Марк-графа Бранденбургскаго Альбрехта, въ Растенбургскомъ уѣздѣ, награжденъ маестностями.

Потомки сего рода находились нѣкоторые въ курфюртской, а другіе въ російской службѣ. Изъ числа ихъ Освальдъ Людовикъ фонъ-Рехенбергъ въ 1772 году эвельскимъ дворянствомъ принятъ съ потомствомъ въ сочлены рыцарства, а потомъ родъ Рехенберговъ внесенъ въ Нижегородской губерніи въ дворянскую родословную книгу.

Утверждаютъ, что оный родъ имѣетъ свое происхожденіе отъ фамиліи фонъ-Гаувицъ, которой начальный предокъ Гансъ фонъ-Гаувицъ находился въ 1241 году въ сраженіи противъ татаръ при Лигницѣ, подъ началь-

ствомъ Гейнрикуса Пяуха и тогда наименованіе получилъ Рехенбергъ.

Есть преданіе, что первоначальный предокъ ихъ, командуя отрядомъ войскъ, получилъ отъ начальника своего приказъ: «мсти сей горѣ» т. е. Рехеденбергъ (Rache den Berg), что имъ и было исполнено. Въ воспоминаніе этого подвига ему была дана фамилія Рехенбергъ. Гербъ съ краснымъ полемъ, вѣроятно, обозначаетъ кровавое поле, и въ немъ поднятый серебряный вулакъ означаетъ, что побѣда или месть была произведена холоднымъ оружіемъ, въ томъ вѣкѣ употребляемымъ.

Дѣдушка Петръ Астафьевичъ воспитывался въ томъ-же шляхетномъ корпусѣ, гдѣ и батюшка; но выпущенъ былъ прапорщикомъ еще въ 1759 году, былъ въ походахъ въ Польшѣ, Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи, участвовалъ во многихъ сраженіяхъ и въ томъ числѣ, 7 іюля 1769 г., у рѣки Ларю, при взятіи непріятельскаго ретраншемента, и 21 числа лагеря при озерѣ Кагулѣ. Въ генераль-маіоры былъ пожалованъ въ 1800 году, и, по особенному вниманію Императора Павла Петровича, былъ, по удаленіи Архарова, назначенъ шефомъ московскаго гарнизоннаго полка.

Прежде онъ былъ комендантомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, женился на дѣвицѣ Аннѣ Акакіевнѣ Демидовой, родной внукѣ Прокофія Аканфіевича Демидова, такъ извѣстнаго своимъ мотовствомъ, дурачествами и громадными благотвореніями.

Отецъ Анны Акакіевны Акакій Прокофьевичъ воспитаніе получилъ въ Голландіи, и потому по-русски говорилъ почти какъ иностранецъ.

Отецъ мой узналъ его, уже женившись на его внучкѣ, когда онъ былъ уже вдовцомъ и доживалъ свой вѣкъ въ Нижегородской своей вотчинѣ. Въ обильномъ его подвалѣ хранилось много старыхъ драгоценныхъ

винъ; онъ былъ гостепріименъ и любилъ, чтобъ за столомъ пили и ѣли, какъ можно болѣе.

Онъ не любилъ, чтобъ на тарелкахъ его гостей оставалось недоѣденное кушанье, или въ большихъ его рюмкахъ не допитое вино. «Что ты, душенька, не пьешь?» говорилъ онъ гостю, замѣтя, что вино не допито.

— Не могу, Акакій Прокофьевичъ, много пилъ.

— А зачѣмъ-же ты, душенька, наливалъ? Пей, или я велю, душенька, вылить тебѣ за пазушку... Гость зналъ Акакія Прокофьевича, что его спокойно сказанная угроза неотразима, — выпивалъ. Такъ-же точно онъ заставлялъ гостя доѣдать взятое излишнее на тарелку кушанье, обѣщаясь, въ противномъ случаѣ, выложить остатки гостю за пазушку.

Вина въ его подвалѣ были распределены по числу лѣтъ. Спрашивая, на примѣръ, венгерскаго или ренвейна, онъ только показывалъ дворецкому знаками, поднимая вверхъ то одну, то другую руку, съ растопыренными пальцами.

Одна поднятая рука значила 5 лѣтъ; двѣ руки — 10 лѣтъ; вторично поднятая первая рука — 15 лѣтъ, и такъ далѣе. Для почетныхъ и рѣдкихъ гостей счетъ этотъ восходилъ до 80 и болѣе лѣтъ.

Воспитанникъ чужой земли, онъ, вопреки духу своего времени и устава православной церкви, не соблюдалъ постовъ, но разъ въ годъ, т. е. въ великую пятницу, весь день не ѣлъ ничего и только около вечера выпивалъ рюмку вина.

Домоправительницею его была дворовая женщина, кажется, по имени Аграфена; но онъ обыкновенно называлъ ее Барушкою. Внѣшнимъ же хозяйствомъ завѣдывалъ управляющій, котораго онъ звалъ Кондрантъ Степановичъ.

Когда управляющій приходилъ къ нему съ докладомъ по хозяйству, Акакій Прокофьевичъ восклицалъ: Барушка! подай Кондрантію Степану чаю!.. А Кондрантъ

Степанычъ былъ немножко плутовать и конечно проводилъ барина, тѣмъ болѣе, что баринъ былъ не практиченъ, какъ младенецъ, и хозяйствомъ не занимался.

Разъ, когда пріѣхалъ въ нему батюшка, онъ, между прочимъ разговоромъ, вдругъ говоритъ ему: — какая странность, душенька, у меня случилась! На мельницѣ жерновъ мыши проѣли.

— Можеть-ли это быть, дѣдушка?..

— Ты, душенька, дуракъ... не вѣришь!.. Кондрантъ Степанычъ лучше знаетъ; Барушка, проводи его на мельницу, да покажи жерновъ.

Батюшка пошелъ, осмотрѣлъ жерновъ и нашель въ немъ дыру, вѣроятно размолвшуюся отъ случайно попавшаго между жернововъ какого-нибудь твердаго тѣла: желѣза или кремня... а Барушка совѣтовала не спорить съ дѣдушкой.

— Ну что, душенька, видѣлъ? спросилъ Акакій Прокофьевичъ возвратившагося батюшку.

— Видѣлъ, дѣдушка, правда!

— То-то, душенька, не спорь!.. Кондрантъ Степанычъ говоритъ, такъ ужъ, значить, правда!..

Когда Акакій Прокофьевичъ отдавалъ Кондрантію Степанычу приказанія по хозяйству, Кондрантъ Степанычъ, засунувъ растопыренные пальцы правой руки за бортъ своего казакина и насупивъ въ продолженіи всей рѣчи барина брови, съ мрачнымъ видомъ, говорилъ: слушаю-сь!.. слушаю-сь! слушаю-сь! Это слушаю-сь онъ повторялъ то возвышая, то понижая голосъ на всѣ тоны. Не смотря, впрочемъ, на всѣ слушаю-сь, Кондрантъ Степанычъ распоряжался, какъ ему казалось лучше.

У Акакія Прокофьевича, кромѣ дочери Анны Акакіевны былъ еще сынъ Александръ Акакіевичъ, веселый остроумный повѣса... Но до лѣтописи нашего семейства онъ уже касается мало.

Бабушка Анна Акакіевна скончалась въ концѣ 30-хъ

годовъ. Въ старости она была терпѣлива, держала себя съ достоинствомъ, не было ни капризовъ, ни строптивости; духъ ея былъ покоенъ и разливалъ спокойствіе на окружающихъ. Не такова она была въ молодости. Обладая рѣдкою красотою, которую не могли совершенно изгладить и многіе пережитые ею годы, она была капризна, нетерпѣлива и бранлива, однимъ словомъ «характерна», какъ выражался батюшка, или какъ обыкновенно выражались въ его время о женщинахъ съ разстроенными нервами.

Дѣдушка былъ и терпѣливъ и кротокъ. Отъ шума и брани съ домочадцами онъ уходилъ и запирался въ своемъ кабинетѣ, пока не проходила буря; но иногда, вышедъ изъ терпѣнія, давалъ таковой окрикъ на жену, что она, въ свою очередь, что называется, поджимала хвостъ.

Бабушка была хорошею хозяйкою, въ смыслѣ распорядительности. Вставала рано, и къ 10 часамъ все въ домѣ было въ порядкѣ; сама была одѣта и готова принимать гостей. Ломберный столъ, съ готовыми картами, былъ уже раскинутъ въ ея гостиной... Играть къ карты была бабушкина страсть.

Въ бытность свою въ 1835 году въ Москвѣ, въ годовомъ отпуску (полкъ казанскій драгунскій, въ которомъ я служилъ, стоялъ тогда въ Курскѣ), я любилъ навѣщать гостепріимную бабушку и пользоваться ея хлѣбосольствомъ. Она жила на квартирѣ, въ приходѣ Никиты Мученика, что въ старой Басманной, въ Гороховомъ переулкѣ, въ деревяномъ чистенькомъ флигелькѣ, при домѣ куца Суслова.

Большой квартиры она имѣть не могла, потому что жила небольшимъ пенсіономъ, получаемымъ за службу мужа, да пенсіономъ отъ одного изъ Демидовыхъ, да деревенскимъ запасомъ, который доставляла ей одна изъ дочерей, тульская помѣщица Марья Петровна Адѣва. Какъ истинная хлѣбосолка, бабушка терпѣть не могла

маленькихъ рюмокъ, стакановъ, чашекъ, графиновъ, всѣ подобнаго рода вещи были у нея крупны и объемисты. Пирожки къ горячему пеклись вѣсомъ едва-ли менѣе $\frac{1}{2}$ фунта; разливая горячіе щи или борщъ, она свои особенно глубокія и объемистыя тарелки наполняла съ краями наравнѣ жижею и двумя или тремя увѣсистыми кусками мяса. Едва начинаешь доѣдать щи или пирожокъ, она уже снова подливаетъ жижи, или суетъ другой пирогъ.

— Бабушка, не могу, не въ силахъ...

— Врешь, врешь, ѣшь! говорила бабушка съ такою энергіей гостепріимства, что возражать не было возможности. Что съ горячимъ и съ пирогами, то бывало и съ жаркимъ, и съ котлетами, которыя только-что укладывались въ тарелкѣ, изъ края въ край, и вѣсомъ, еслибы ихъ свѣсить, мало уступали пирожкамъ.

Не смотря на волчій аппетитъ юности, тогда мнѣ было 22 года, послѣ бабушкинаго обѣда, меня распирало такъ, что я съ трудомъ возвращался домой на Ольховцы, что въ Красномъ Селѣ.

Въ квартирѣ ея все было необыкновенно чисто и покойно. Самоваръ блестялъ, какъ золото, столовое бѣлье сіяло серебристой бѣлизной. Сама бабушка всегда была одѣта тщательно, воротнички и оборки ея чепца были туго накрахмалены.

Исключая родныхъ да въ городъ за покупками, она не выѣзжала никуда. Изъ родныхъ она чаще всего бывала въ гостяхъ у двоюроднаго своего брата Петра Львовича Демидова, имѣвшаго свой домъ въ Денисовскомъ переулкѣ и гдѣ для нея всегда собиралась пуляка. Когда приходилъ, бывало, отъ Петра Львовича посланный съ такими словами: «Петръ Львовичъ приказалъ кланяться и приказалъ доложить вашему превосходительству, что они, молъ, дома, и у нихъ будутъ вечеромъ Надежда Петровна, — такъ неугодно-ли, дескать, и вамъ пожаловать

провести съ ними время. Если прикажете, они пришлютъ за вами карету». — Благодари, молъ, Петра Львовича, отвѣчала всегда бабушка, — и доложи ему, что Анна Авакіевна очень, дескать, рада провести съ ними время, что пусть молъ въ 6 часовъ пришлютъ карету.

Но возвратимся назадъ къ моему отцу. Я выше сказалъ, что о знакомствѣ его съ домомъ Рехенберга хлопотала г. Плицнеръ. Варвара Сергѣевна Плицнеръ была родственницею извѣстной Салтычихи. Не знаю, похожа-ли она была на нее лицомъ, но положительно можно сказать, что не только такихъ звѣрскихъ наклонностей, какъ ея родственница, она не имѣла, но, напротивъ, была необыкновенно и добра, и кротка. Мужъ ея, Богуславъ Крестьяновичъ, былъ отставной капитанъ, и въ двадцатыхъ годахъ, когда я ихъ узналъ, они оба были уже стариками.

Не знаю, какова Варвара Сергѣевна была съ молодю, но въ старости очень не красива, если не сказать страшна. Черныя, густыя сросшіяся брови дугообразно изгибались надъ черными большими круглыми глазами съ вѣками, какъ-будто вывороченными. Черные съ просѣдью волосы по сторонамъ узкаго лба висѣли какими-то прядями, а верхняя толстая, надъ большимъ ртомъ, губа и подбородокъ были покрыты рѣдкими волосами. Вся-же фигура представляла разбрызглую массу.

Богуславъ Крестьянычъ представлялъ, напротивъ, сухую, нѣмецкаго типа, фигуру, съ маленькими сѣрыми глазками и сѣдыми, примазанными, коротко остриженными, волосами на головѣ. Онъ всегда былъ одѣтъ въ отставномъ форменномъ сюртукѣ, внутреннихъ гарнизонныхъ баталіоновъ, съ желтымъ воротникомъ и бѣлыми пуговицами. Маленькій деревяный ихъ домикъ, въ 5 оконъ на улицу и свѣтелкою надъ крышей, находился въ Красномъ Селѣ, рядомъ съ церковью Тихвинской Божіей Матери, что нынѣ соборный храмъ въ Алексѣевскомъ монастырѣ. Теперь дома этого и слѣдовъ нѣтъ, на мѣ-

стѣ его теперь возвышается одна изъ угольныхъ башенъ монастырской ограды съ южной стороны, что близъ монастырскихъ воротъ.

Въ домикѣ этомъ постоянно сидѣло за пальцами нѣсколько дѣвушекъ швей, вышивавшихъ гладью по колленкору и батисту на заказъ. Въ то время, т. е. въ 20 годахъ, на такого рода шитье была мода; капоты, платья, платки носовые, воротнички, перелинки и даже концы мужскихъ галстуковъ, все вышивалось. а потому и недостатка въ заказахъ для бѣлошвейнаго заведенія г. Плинцнеръ не было. Швейное мастерство этого рода было не столько изящно, сколько копно. Рѣшетки, паутинки требовали много труда и старанія, такъ что на вышиваніе иной рѣшетки нужно бывало употребить времени болѣе половины дня, а для вышиванія платья или копота отъ 2-хъ до 6-ти мѣсяцевъ и болѣе для двухъ швей. Въ лѣтніе, жаркіе дни работа эта была мучительна, тѣмъ болѣе, что требовала большой чистоты рукъ, чтобы работа вышла изъ пальцевъ совершенно чиста. Мытая работа теряла уже свой видъ, а слѣдовательно и цѣну; почти во всѣхъ помѣщичьихъ домахъ того времени герничныя дѣвушки были заняты шитьемъ въ пальцахъ. Нерадивымъ швеямъ, которыя, по неосторожности, брались за иглу потными руками и салили работу, задавались трепки, а хорошихъ старательныхъ швей разсчитливыя барыни осуждали на безбрачіе, говоря: Вотъ еще! учила, учила... выучила шить да выдавай дѣвку замужъ; а кто-жъ мнѣ шить-то будетъ? и такимъ образомъ много швей оставалось на всегда весталками по милости моды и пальцевъ.

Старички Плинцнеры выѣзжали изъ дома не иначе, какъ въ каретѣ парою. Лошади старыя, кожа да кости—будто сейчасъ съ живодерни, карета дребезжащая; одежда и видъ кучера—все соотвѣтствовало лошадямъ и каретѣ... Таковъ ужъ былъ духъ времени 20-хъ годовъ.

Вотъ эта-то г. Плинцнеръ сосвагала батюшку. Какъ

происходило первое знакомство съ невѣстою, свиданія и объясненія, не знаю; но кажется, что все это совершилось очень просто. Объясненія были производимы чрез сваху, а невѣсту спросили, когда предложеніе было принято, и слово уже было дано. 1801 года, января 21 дня, былъ сговоръ, а апрѣля 10, того-жъ года, совершилось и бракосочетаніе въ Екатерининскихъ казармахъ.

СОКРАТЬ И СОФИСТЫ.

«Врядъ-ли», говорятъ Льюисъ, «найдется въ исторіи другой примѣръ болѣе рѣшительнаго и парадоксальнаго приговора, какъ приговоръ, произнесенный надъ софистами». Одни презираютъ ихъ за чванство и хвастовство, другіе за корыстолюбіе, иные за то разрушительное, по своимъ послѣдствіямъ, вліяніе, какое они имѣли на современное общество, такъ что слово «софистъ», первоначально означавшее умнаго, толковаго человѣка, на языкѣ многихъ историковъ потеряло свое значеніе и въ концѣ концовъ стало синонимомъ негоднаго человѣка, воплощеніемъ всевозможной лжи и всякаго порока. Говорятъ, что выдавать истину за ложь и ложь за истину, нравственное назвать безнравственнымъ и безнравственное представить нравственнымъ—вотъ что, будто-бы, составило ихъ занятіе и специальное ремесло. Таковы-ли на самомъ дѣлѣ были софисты и въ такой-ли степени они виновны предъ тогдашнимъ обществомъ и предъ судомъ исторіи, какъ мы привыкли ихъ видѣть на страницахъ многихъ историковъ? Въ настоящее время новѣйшіе историки философіи (Льюисъ, Гротъ, Шweglerъ и др.) стараются снять съ нихъ то черное пятно, которымъ они встаря были заклеены, заставляя насъ обратиться къ современному тогдашнему обществу и отъ него ждатель безпристрастнаго отвѣта и юридически-вѣрнаго приговора.

Какъ извѣстно, послѣ персидскихъ войнъ для аѳинянъ на-

стала та эпоха, въ которую, по выраженію Риттера, чувствуется особое стремленіе къ наслаженію и забывается, что участь человѣка не наслаждаться только, а трудиться и приобрѣтать. Вслѣдъ за политическимъ могуществомъ аѳинянъ, непосредственно приобрѣтеннымъ въ войнѣ съ персами, начинается быстрое возвышеніе наукъ и искусствъ въ Греціи; за политическимъ, такъ-сказать, самосознаніемъ аѳинскаго гражданина начинается научное образованіе его. И едва-ли какой другой народъ такъ скоро приобрѣлъ высшую степень духовнаго развитія, какъ аѳиняне. Аѳины въ короткое время стали центромъ просвѣщенія, средоточіемъ духовныхъ стремленій, притономъ греческой мудрости (Гиппій въ Пл. разг. «Протагара»). Греческія философскія ученія, появившіяся въ различныхъ пунктахъ греческаго міра, раздѣленныя пространствомъ, при недостаткѣ средствъ къ быстрой мѣнѣ мыслей, были сильны только въ своей области и стояли одиноко. Но теперь, когда Аѳины стали центромъ образованности греческой, стали стекаться сюда со всѣхъ сторонъ ученые мужи, и волей неволей ихъ ученныя столкновенія были неизбежны. Сюда—на площадь аѳинскую собирался народъ послушать ученыхъ и поучиться отъ нихъ. Здѣсь онъ выслушивалъ разныя философскія ученія о религіи, о нравственности и законахъ государства. Но намъ извѣстно, какъ философскія ученія относились къ народной религіи и божествамъ народной фантазіи. Первоначально опираясь на религію, философскія изслѣдованія стали мало-по-малу удаляться отъ нея; а когда, говоритъ Риттеръ, ни философія не подтверждала ее, ни сама она не представляла убѣжденія, то увѣренность въ ней, наконецъ, должна была подпасть сомнѣнію, и сама она сдѣлаться предметомъ спора. А философскія изслѣдованія далеко говорили не въ ея пользу; все болѣе и болѣе открывалась ея внутренняя пустота и нравственная безсодержательность. Еще за долго до персидскихъ войнъ замѣтны нападки ученыхъ на челоѳкообразный греческій политеизмъ, и вся толпа элейцевъ, не исключая и Эмпедокла, очень произвольно превращала исторію боговъ въ простую аллегорію; Пифагорійцы ученію о богахъ давали свой особый смыслъ. Такимъ образомъ посте-

ленно ростъ и созрѣвалъ вольный образъ мыслей о бѣгахъ и народной вѣрѣ. По той мѣрѣ, какъ образованіе распространилось въ народѣ, смѣлѣе и смѣлѣе высказывалось убѣжденіе въ пустотѣ религиозныхъ мнѣній, такъ что въ концѣ концовъ самые рьяные поклонники стараго, добраго времени, самые воодушевленные панегиристы патриархальныхъ нравовъ, обычаевъ и постановленій и тѣ, повторяемъ, незамѣтно для самихъ себя высказываются сынами своего времени, съ нравственнымъ убѣжденіемъ своего вѣка. Религиозныя мнѣнія, утративъ свой смыслъ и значеніе, стали достояніемъ комиковъ и сценическаго искусства (Аристофанъ, Эврипидъ и др.).

Съ другой стороны, религія обусловливаетъ собою нравственность и гражданское законодательство. Чуждая духовнаго начала, религія мнѣній не имѣла и средствъ къ опредѣленію людей къ духовно-нравственной дѣятельности. По одному тому можно уже судить о нравственности народа, что каждый порокъ былъ освящаемъ религіею и имѣлъ своего представителя въ томъ или другомъ мнѣіи божествѣ. Судя по этому, самая общественная жизнь должна быть ареною страстей и эгоизма. При несознанной вполнѣ идеѣ права, каждый гражданинъ привыкъ свой собственный интересъ ставить выше интереса общественнаго и общественную пользу приносить на жертвенникъ своего честолюбія. Отсюда понятна та страсть къ тяжбамъ и судебнымъ процессамъ, за которую такъ удачно осмѣивали въ свое время аѳиняны Аристофанъ и Эсхиллъ, неизбежна продажность толпы и ея коноводовъ. Итакъ, вмѣстѣ съ образованіемъ мѣняется бытовой строй греческаго міра. Утрачивается вѣрованіе въ боговъ, измѣняются старинныя нравственныя правила и убѣжденія, ослабляется покорность законамъ въ быту общественномъ, и умѣренность въ быту домашнемъ смѣняется роскошью и страстью къ наслажденію. Строгая величавость старинныхъ людей, ихъ классическое спокойствіе замѣняется ловкостью и любовью производить вездѣ эффектъ. Таково было положеніе жизни общественной, нравственной и религиозной греческаго (аѳинскаго) народа во время персидскихъ войнъ и послѣ оныхъ.

Среди народа, переживающего известную эпоху, естественно есть передовые люди, которые, яснѣе и глубже другихъ понимая духъ времени, являются вожаками народа, наставниками и руководителями его. Таковыми-то умственными вожаками своего вѣка и были софисты. Это не были философы, съ известными философскими тенденціями, но скорѣе при своемъ практическомъ направленіи служили протестомъ разочарованныхъ умовъ, неудовлетворявшихся философіею, которая, какъ оказалось, никуда не вела. Вращаясь въ кругу физическомъ, матеріальномъ и не восходя выше матеріи, прежнія философскія школы не удовлетворяли умы людей и по своей односторонности, и по своимъ мнѣніямъ. Въ періодъ цвѣтущаго состоянія наукъ и искусствъ, въ частности въ періодъ цвѣтущаго состоянія Аѳонъ, выйдя изъ своего изолированнаго положенія, изъ своей одинокости, эти школы должны были столкнуться одна съ другою и выдержать неизбежную отсюда борьбу за свои основоположенія. На площади аѳонской — общемъ учившій аѳонскаго народа — вѣскольکو философовъ-представителей, той или другой школы, оспариваютъ одинъ другого: одинъ за истину признаетъ свое положеніе, другой—свое. Кто могъ прекратить борьбу? Какое мнѣніе признать истиннымъ, какое ложнымъ, когда всѣ мнѣнія опровергаются одно другимъ? Какимъ путемъ надобно идти, чтобы найти истину? А можетъ быть ее вовсе и нѣтъ? Итакъ, умамъ, поставленнымъ между различными методами и мнѣніями, естественно было придти къ сомнѣнію (*Рim*). И софистика дѣйствительно не представляетъ намъ ничего, кромѣ результатовъ этого сомнѣнія, обнаружившагося сначала въ недовѣрчивости къ частнымъ положеніямъ философовъ, а потомъ въ отрицаніи истины вообще.

Тогда какъ прежніе философы утверждали, что объективность есть источникъ нашихъ познаній, софисты, напротивъ, высказываются совершенно иначе; а именно, что всѣ вещи существуютъ такъ, какъ онѣ представляются для наблюдателя, что общей истины нѣтъ и что, слѣдовательно, субъективность у нихъ источникъ знанія. Выходя изъ такого начала, софисты утверждали, что субъектъ сознаетъ свое высшее достоинство

относительно предметнаго міра, - особенно-же относительно законовъ государства, религиозныхъ преданій, обычаевъ и народныхъ вѣрованій (Швегл.). Субъектъ, говорили они, предписываетъ законы предметному міру, субъектъ-же начертываетъ и правила нравственности. Ибо нѣтъ ничего существеннаго само по себѣ, но что все есть дѣло субъективнаго представленія, мнѣнія и произвола; нѣтъ ничего добраго или дурнаго по природѣ, но доброе или худое различаются только положительными законами или взаимнымъ соглашеніемъ людей. Вѣрныя своему началу, софисты далѣе, уже логическимъ путемъ, шли къ своимъ выводамъ. Нѣтъ ни добраго, ни худого по своей природѣ, говорили они; слѣдовательно, все можно обратить въ законъ и признать законнымъ, что угодно, что доставляетъ какую-нибудь выгоду и сдѣлать это субъектъ имѣетъ полную власть и силу. Понятіе истинности и ложности, по ихъ теоріи, также понятіе относительное. Всѣ вещи существуютъ такъ, какъ представляются онѣ субъекту. Но такъ-какъ ощущенія и возрѣнія безконечно различны у большинства субъектовъ-наблюдателей, то отсюда противоположныя мнѣнія относительно одного и того же предмета должно считать одинаково истинными; значить, съ одинаковымъ правомъ можно объ одномъ и томъ-же предметѣ говорить и за, и противъ. Вотъ что собственно составляетъ основоположеніе софистовъ. Теоретическіе выводы изъ высказаннаго начала успѣшно софистами прилагались къ практикѣ, тѣмъ болѣе, что, служа выраженіемъ современнаго общественнаго направленія, они удовлетворяли всѣмъ потребностямъ послѣдняго. При томъ гласномъ судопроизводствѣ, какое существовало въ то время въ Греціи, изъ двухъ тяжущихся сторонъ одерживала верхъ та, на сторонѣ которой былъ лучшій адвокатъ, ораторъ которой счумѣлъ лучше поставить дѣло на судѣ. И какъ важно было тутъ краснорѣчіе, доказательствомъ этого служатъ слова въ защиту Горгія, сказаннаго Калликломъ Сократу: „если-бы кто тебя обвинилъ въ преступленіи, котораго ты не совершилъ и потащилъ въ тюрьму, ты будешь глазѣть и безмолвствовать, не зная, что сказать; когда-же тебя приведутъ въ судъ, то, какъ бы слабоекъ и жалоекъ ни

былъ твоѣ противникъ, но если онъ взведетъ на тебя уголовное преступленіе, ты погибъ". Въ этихъ словахъ ясно обрисовывается польза ораторскаго искусства, судебного краснорѣчія. И почитая одинаково законнымъ объ одномъ и томъ же предметѣ говорить за и противъ, софисты по преимуществу и ударили на эту практическую сторону греческой жизни. Итакъ, она первые явились наставниками краснорѣчія и искусства, слова, какъ средству къ жизни, посвятили свою дѣятельность. Кораекъ и Тизій явились съ правилами риторическаго искусства, Протагоръ съ своими сужденіями о юридическихъ вопросахъ. Общество понимало всю цѣну словеснаго искусства, и потому знатные греческіе юноши, прежде обучавшіеся гимнастикѣ, занимавшіеся чтеніемъ грамматики, поэтовъ, по преимуществу теперь посвящали свое занятіе искусству краснорѣчія. Разъѣзжая по всей Элладѣ, софисты вездѣ были воспитателями молодого поколѣнія. Они-то собственно обратили вниманіе на стиль, они-то собственно и положили основаніе аттическому искусству краснорѣчія. Изъ ихъ школъ вышло много дѣльныхъ людей; у нихъ воспитывались Антисфенъ и Исократъ, основавшій впоследствии славную риторскую школу. Но занятіе ихъ не ограничивалось только краснорѣчіемъ. Они, подобно французскимъ энциклопедистамъ, владѣли богатимъ запасомъ свѣдѣній и, бросивъ въ народъ массу знаній, сдѣлали всестороннимъ общественное образованіе. Само собою разумѣется, что практическіе люди желали и практическихъ результатовъ. Они, правда, не могутъ похвалиться въ своемъ безкорыстіи, но за каждый урокъ требовали себѣ условленной, опредѣленной платы. Но ужели же нужно ихъ за то обвинять, что они не хотѣли безъ всякой награды отереть и научать такимъ познаніямъ, которыя впоследствии и для самихъ слушателей могли быть и дѣйствительно были доходною статью? Требованія безкорыстія въ такой положительный, практическій вѣкъ, каковъ былъ вѣкъ софистики, неумѣстны. Историки не обвиняютъ поэтовъ, музыкантовъ за то, что тѣ брали деньги за уроки. Отчего же обвинять въ томъ софистовъ, когда само общество, цѣня ихъ познанія, дорого платило имъ за уроки? Значить, прези-

ратъ ихъ за корыстолюбіе, какъ дѣлаетъ большинство историковъ, нѣтъ основанія. Какъ представители духа времени, умственные вождата общества, софисты дѣйствительно, смѣло и не боясь въ своихъ бесѣдахъ, высказывали вольныя мысли. Съ одинаковою смѣлостію софистъ говорилъ и о богахъ, и о нравственности, и о законахъ государства. И общество никогда не осуждало ихъ на смерть за новыя идеи, никогда не считало ихъ противугосударственными, зловредными членами за вольныя мысли. Будучи на практикѣ тѣмъ, чѣмъ была въ теоріи софистика, общество встрѣчало представителей ея съ жаркимъ, одобрительнымъ рукоплесканіемъ и тѣмъ выражало свое сочувствіе къ нимъ и общее съ ними направленіе. Если же и въ то время находились противники софистическому направленію, то эта была или регрессивная партія отживающей старины, или люди, дѣйствующіе по своимъ разсчетамъ, изъ экономическихъ стремленій. А историки обвиняютъ ихъ потому, говорить Льюисъ, что вошли такой обычай.

Итакъ, признавая за софистами весьма важную услугу въ усовершенствованіи словеснаго искусства, вообще въ практическомъ развитіи тогдашняго общества, въ то-же время нельзя сказать ничего хорошаго относительно ихъ основоположенія, во имя котораго и подъ знаменемъ котораго прошла вся, такъ-сказать, педагогическая ихъ дѣятельность. Человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, говорили они. Всякій субъектъ, всякая личность, по ихъ понятію, можетъ опредѣлять, по своему произволу, истинное, доброе и справедливое. Такимъ образомъ, отказавъ въ истинѣ міру предметному, объективнымъ представленіямъ, софисты въ то-же время не утвердили истины и за міромъ субъективнымъ. Ибо что кажется истиннымъ одному, то, по ихъ принципу, не можетъ быть всецѣло такимъ для другого. И вотъ въ то самое время, когда софисты кружились на своемъ педагогическомъ поприщѣ, когда развивали науку словопренія и краснорѣчія, словомъ, когда стали душою общества, возстаетъ для нихъ страшный противникъ, человѣкъ не знатнаго происхожденія, но съ блистательными гениальными способностями, который ставитъ себя въ оппозицію софистическимъ началамъ и софистической практикѣ.—Это былъ

Сократъ. Правда, противная современная партія софистовъ къ нимъ-же причисляетъ и Сократа, и Аристофанъ въ своихъ пресловутыхъ «Облакахъ» называетъ его даже Архисофистомъ, но на самомъ дѣлѣ Сократъ далеко не былъ софистомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ разумѣлъ его и Аристофанъ, и современники. Рѣзкая грань отдѣляетъ его отъ всѣхъ софистовъ и по образу жизни, и по его убѣжденію, и по его дѣятельности. Тогда какъ софисты были наставниками другихъ и хвалились своимъ энциклопедическимъ образованіемъ, всесторонними свѣдѣніями, Сократъ, напротивъ, не хотѣлъ быть наставникомъ другихъ, а о себѣ говорилъ то, что онъ ничего не знаетъ. Одни брали деньги за свои уроки, другой-же упорно отказывался отъ всякой награды. Одни имѣли въ виду только одну сторону жизни, именно практическую, другой, напротивъ, главнымъ образомъ заботился о духовномъ развитіи челоуѣка. Онъ былъ, по выраженію Льюиса, акушеромъ идей, чреватыхъ мыслями мужчинъ. Дѣйствительно, самъ Сократъ сравнивалъ себя съ повивальной бабкою, говоря, что онъ хотя самъ не въ состояніи раждать мыслей, но можетъ помогать другимъ раждать ихъ и отличать рожденіе пустыхъ мыслей отъ серьезныхъ. Его приплюснутый носъ, глаза на выкатѣ, толстая губы, выпяченный животъ, его простая и даже тривиальная манера въ обращеніи, его бѣдная одежда—все это отличало Сократа отъ изысканной вѣжливости, утонченной деликатности наряднаго франта-софиста. Сократъ былъ чуждъ всякой натянутости, тѣмъ болѣе желанія порисоваться и произвести эффектъ. Но тѣмъ не менѣе это не была безцвѣтная, неопредѣленная личность той эпохи; онъ былъ живой и лучшей представитель того времени. Платонъ называетъ его лучшимъ, умѣйшимъ и справедливейшимъ изъ людей. Онъ такъ былъ благочестивъ, говоритъ Ксенофонтъ, что никогда ничего не дѣлалъ безъ совѣта боговъ, такъ справедливъ, что никогда не обижалъ никого даже въ самомъ ничтожномъ дѣлѣ, такъ былъ разуменъ, что никогда не ошибался, отличая лучшее отъ худшаго. И тогда какъ софисты, слѣлавшись богатыми и славными, вращались большею частію въ кругу тог-

ланный аристократин, Сократъ, напротивъ, любилъ каждого человѣка во имя идеи человѣка, а потому не отдѣлялъ себя отъ общества бѣдныхъ, не пренебрегалъ никѣмъ. Любилъ онъ бывать и на дружескихъ бесѣдахъ, и на пріятельскихъ пирушкахъ, и у умныхъ прелестницъ Аспазіи и Діотимы, и вездѣ преслѣдовалъ одну и ту-же цѣль—способствовать развитію мысли, духовной стороны человѣческой жизни. Потому-то и раннее утро и поздній вечеръ застаютъ его 'бесѣдующимъ о разныхъ предметахъ со всякимъ, кто только попадетъся. Постоянно мы видимъ его на площади, въ гимназіяхъ, въ мастерскихъ бесѣдующаго со стариками и юношами и во всѣхъ возбуждающаго влеченіе къ знанію. И этотъ-то босній, въ рубищѣ, повидимому, ничтожный человѣкъ увлекалъ за собою толпы слушателей. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ объ немъ Алкивиадъ въ похвальномъ словѣ: «Слушая рѣчь Перикла или какого-либо другого превосходнаго оратора, никто не бываетъ ея озадаченъ; но слыша Сократа или слова его, произнесенныя и повторенныя кѣмъ-либо другимъ, даже грубымъ и неискующимъ говоруномъ, женщиной, мужчиною или дитятею, всѣ мы бываемъ очарованы рѣчью, потрясающею наши души. Онъ часто производилъ такое сильное дѣйствіе своею рѣчью, что жизнь, которую я велъ, едва казалась мнѣ достойною того, чтобы жить. Онъ одинъ внушалъ мнѣ раскаяніе и страхъ». Этотъ-же самый Алкивиадъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ о себѣ, что онъ принужденъ былъ затыкать уши и бѣжать, чтобы не засидѣться подлѣ Сократа и не состарѣться, слушая его. Вотъ какъ обаятельна была рѣчь его и сильно слово! Этотъ врагъ чванства и мнимаго знанія не могъ равнодушно переносить того, когда какой-либо софистъ величался своими знаніями. Къ такому оратору, окруженному пестрою толпою народа, подходитъ нашъ философъ. Притворяется не знающимъ и высказываетъ желаніе поучиться отъ него. И когда тотъ начнетъ говорить, Сократъ останавливаетъ его своимъ возраженіемъ, даетъ ему вопросъ за вопросомъ, и бѣдный учитель приходитъ въ затрудненіе, не зная, что отвѣтитъ, изобличается въ своемъ незнаніи и съ

торостью замѣчаетъ: «то, что я зналъ, разрушено». Таковъ былъ конецъ большей части Сократическихъ разговоровъ!

Положеніе софистовъ, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей—составляетъ главную мысль философіи Сократа, но только человѣкъ, понимаемый вообще, какъ существо мыслящее, разумное. Такимъ образомъ, вмѣсто эмпирической субъективности, поставивъ принципомъ абсолютную или идеальную, Сократъ тѣмъ самымъ высказалъ, что не частное, личное мнѣніе, не произволъ субъекта, но общее мышленіе—разумное начало въ человѣкѣ есть истинная мѣра всѣхъ вещей. И тогда какъ у софистовъ добро и зло относительныя понятія, у Сократа, напротивъ, мышленіе имѣетъ характеръ всеобщности и слѣдственно, что одинъ считаетъ закономъ добромъ или зломъ, то должно такимъ-же казаться и другому и слѣдовательно софистическое относительное понятіе нравственности не состоятельно. Отсюда у Сократа является взглядъ на добро, какъ на источникъ всякаго счастья, а на зло,—какъ на причину всѣхъ бѣдствій. И вообще онъ никакъ не могъ допустить того, чтобы кто-нибудь, зная, въ чемъ добро, не исполнялъ его и, зная въ чемъ зло, не уклонялся отъ него. По его ученію, никто не можетъ быть сознательно злымъ и что, слѣдовательно, зло есть явленіе незнанія. Оттого-то у него знаніе и связано съ добродѣтью. Ни знаніе безъ добродѣтели, ни добродѣтель безъ знанія не возможны одно безъ другой.

- Развивая мыслительную сторону человѣка, Сократъ главнымъ образомъ заботился и объ усовершенствованіи его нравственности. Въ теченіе всей своей жизни онъ былъ вѣренъ своему началу, и несмотря на недостаточность жизненныхъ средствъ, связанный въ семействѣ такою женою, какова была пресловутая Ксантиппа, онъ ни на шагъ не отступилъ отъ предположенной цѣли—воспитывать нравственность въ народѣ. Всякій его разговоръ, все его положительное философствованіе имѣетъ исключительно нравственный характеръ. Нравственность въ обществѣ—это основаніе его счастья, добродѣтельная жизнь гражданъ—залогъ могущества и величія того

или другого общества. Потому-то Сократъ и просилъ аеяннѣ наблюдать надъ его сыновьями послѣ его смерти. «Выслушайте мою просьбу, аеяннѣ, говорилъ онъ въ своей рѣчи послѣ осужденія его: когда сыновья мои выростутъ, наказывайте ихъ, аеяннѣ, мучьте ихъ такъ, какъ я васъ мучилъ, если они станутъ стремиться къ богатству или къ чему-нибудь другому, предпочтительно предъ добродѣтелю. Если-же прослышать чѣмъ-нибудь, а на самомъ дѣлѣ будутъ ничтожны, то укоряйте ихъ, какъ я васъ укорялъ, укоряйте за то, что воображаютъ о себѣ много, когда на самомъ дѣлѣ ни къ чему не годны». *Γυοὺς σεντίον!* Вотъ что собственно необходимо и полезно для каждаго, чтобы жить и наслаждаться счастьемъ.

Но вездѣ, говоритъ Гейне, гдѣ только великая душа выразить свою мысль, бываетъ тамъ-же и ея голгофа. Это самое случилось и съ Сократомъ. То самое общество, которое такъ восхищалось софистами; то самое общество, которое давнымъ давно оставило мнѣтическую религію и посмѣивалось надъ приверженцами старины; то самое общество, которое такъ легко относилось къ законамъ нравственности и общественнымъ,—оно же осудило Сократа на смерть за невѣріе, за вольныя мысли, за развращеніе юношества. Но Сократъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ. Въ боговъ онъ вѣрилъ; хотя и выше стоялъ своихъ современниковъ въ пониманіи ихъ, хотя и давалъ болѣе значенія своему внутреннему божественному голосу, внутреннему оракулу, своему демону. Что касается до нравственности его, то, по свидѣтельству Платона и Ксенофонта, никого не было лучше и справедливѣе его. Признавая въ человѣкѣ божественное начало, Сократъ тѣмъ самымъ возвысилъ человѣка надъ чувственнымъ міромъ и подготовилъ разрушеніе олимпа, на развалинахъ котораго воздвигнуто единобожіе, братство и любовь. Сократъ осужденъ! Сократъ палъ жертвой не только паганизма, но и изъ-за политическихъ видовъ общества. Врагъ демократіи не могъ и ужиться съ демократіей.

И такъ, если общество въ свое время цѣнило заслуги со-

фистовъ, то тѣмъ болѣе должно было цѣнить этого великаго муча. Народъ вскорѣ раскаялся въ своихъ поступкѣхъ и только теперь, послѣ его смерти, позналъ, каковою челоуѣва лишилось общество. За то отдаленное потомство глубоко и благоговѣнно чтить его память.

Петръ Кановъ.

Библиографическій указатель.

Русскія историческія сочиненія, вышедшія въ 1879 г.

Брачные элементы и ихъ значеніе. Дм. Азаревичъ. Ярославль 1879 г.

Какъ естественное звено общенія, бракъ съ его отношеніями всегда тождественъ съ общественными формами, и, служа прототипомъ челоѳческаго общества, содержитъ въ себѣ элементы дальнѣйшаго развитія. Поэтому, анализъ института брака какого-либо народа, въ какую-либо эпоху, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ глубокимъ анализомъ внутренней жизни народа въ данную эпоху. Но такой анализъ дается не легко. Кромѣ подготовки основательнымъ и всестороннимъ изученіемъ объективной исторической стороны, необходимо особенное умѣнье подмѣчать живое содержаніе тамъ, гдѣ для рядоваго ума ничего нѣтъ особеннаго, необходимо полное отрѣшеніе отъ предвзятой идеи, отъ всякаго заранѣе сложившагося взгляда.

Историческая литература брака и его отношеній довольно богата на западѣ, но у насъ, кажется, трудъ г. Азаревича является едва-ли не первымъ. Поблагодаривъ автора за починъ, исполненный добросовѣстно и съ знаніемъ дѣла, мы однакожь не можемъ не замѣтить въ немъ весьма существеннаго недостатка: преклоненія къ установившемуся взгляду и къ авторитетнымъ мнѣніямъ.

Въ трудѣ своемъ авторъ старается выяснитъ взглядъ древне-римскаго міра на институтъ брака и тѣ измѣненія, какія образовались въ этомъ взглядѣ у новыхъ народовъ. Подъ вліяніемъ сложившагося у многихъ историковъ и у всѣхъ юристовъ убѣжденія, г. Азаревичъ придаетъ римскому браку *характеръ государственный*, для произвожденія дѣтей и видитъ въ немъ форму владычества мужа, опредѣленную силою права, безъ основы нравственнаго элемента. Такое воззрѣніе автора намъ кажется не вѣрнымъ; по нашему мнѣнію, наоборотъ, не государственный характеръ имѣлъ институтъ брака въ древнемъ, да и въ императорскомъ Римѣ, а чисто гражданскій, въ договорной формѣ. Правда, отеческая власть въ древнемъ Римѣ приурочивалась къ праву собственности, жена считалась имуществомъ, не могла имѣть своей собственности, выходила за мужъ исключительно по волѣ родителей, совершенно не имѣла своего голоса и. т. п., но въ этихъ чертахъ нельзя еще видѣть вліянія государственнаго начала.

Въ формахъ брака всецѣло выразилась сильная природа древняго римлянина, эгоистичнаго, жесткаго и владычнаго. Однакожь въ то-же время римлянинъ былъ гордымъ и любящимъ семьяниномъ. Форуму онъ удѣлялъ только часть своей дѣятельности, въ домѣ же сосредоточивалась вся его жизнь. Женщина пользовалась въ Римѣ глубокимъ уваженіемъ, и римская исторія полна примѣрами высокихъ, нравственныхъ, семейственныхъ добродѣтелей, чего не могло бы быть при рабскихъ отношеніяхъ, основанныхъ и дѣйствующихъ правомъ. Римскіе писатели, какъ напр. Гораций, говорятъ съ уваженіемъ о брачныхъ отношеніяхъ. Но кромѣ личныхъ свойствъ римлянина, мы имѣемъ у Модестина опредѣленіе брака, подходящее къ нашимъ опредѣленіямъ: *Nuptiae sunt conjunctio maris et feminae et consortium omnis vitae divini et humani iuris communicatio.*

Можно ли же видѣть послѣ этого свидѣтельства въ бракѣ учрежденіе государственное, только для произвожденія дѣтей, безъ всякой нравственной основы? Другой примѣръ: даренія между супругами не допускалось... но вслѣдствіе какого побуж-

денія?—для устраненія, чтобы изъ любви не происходило разореній *ne mutuato amore inwicem spoliarentur*.

Взглядъ на бракъ, какъ на институтъ государственный, имѣетъ на своей сторонѣ одно весьма важное доказательство—учрежденіе цензоровъ, наблюдающихъ отъ государства за нравственностью гражданъ. Но при внимательномъ разсмотрѣніи, организація цензоровъ даже сама не имѣетъ государственной стороны. Цензоры не были чиновниками, для нихъ не существовало правилъ, опредѣляющихъ ихъ дѣятельность, они не подвергали взысканіямъ по опредѣленной регламентаціи наказаній, они не подлежали отвѣтственности, а слѣдовательно и не могли быть органами государства.

Что же касается до того, что римляне смотрѣли на бракъ, какъ на институтъ частнаго права, то доказательствами могутъ служить сохранившіяся опредѣленія юридическихъ памятниковъ. Такъ, кромѣ брака съ полновластностью мужа (*manus mariti*), существовалъ еще другой видъ брака безъ такого полновластія—*sine manu*. По договору этого послѣдняго брака жена не освобождалась совершенно отъ власти отца, и послѣдній могъ взять ее отъ мужа, какъ не исполнившаго договора. Но такъ-какъ подобное дѣйствіе противрѣчило нравственной сторонѣ брачныхъ отношеній, то мужу предоставлялась возможность отвергнуть требованіе тестя, представивъ доказательства существующаго полнаго согласія между нимъ и женой.

Частный характеръ (договорный) брака еще болѣе доказываетъ легкой возможностью разводовъ, по желанію мужа. Но и въ этомъ случаѣ всетаки сказывалась нравственная сторона. Въ римской исторіи вовсе не встрѣчалось разводовъ до V столѣтія и если потомъ случаи разводовъ стали встрѣчаться все чаще и чаще, по причинамъ почти ничтожнымъ, то причина этого коренится въ переворотѣ римской жизни во времена имперіи.

Точно также мы находимъ не совсѣмъ вѣрными - мрачныя краски, наложенныя авторомъ на императорскій Римъ. И въ это время подъ густымъ слоемъ грубаго эгоизма, чудовищнаго разврата и ненасытной жажды наслажденій проводятся черты

гуманности и уваженія къ правамъ. Характеръ института брака получилъ болѣе мягкости: требовалось уже согласіе невѣсты и является право жены на имущество, хотя договорный характеръ не измѣнился.

Этими нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями мы ограничиваемся въ нашемъ отзывѣ о сочиненіи г. Азаревича, дополнивъ его только тѣмъ, что вообще, по живости разсказа и серьезности научнаго содержанія, оно заслуживаетъ полнаго вниманія.

Южное Славянство, Турція и соперничество европейскихъ правительствъ на Балканскомъ полуостровѣ. Историко-политическіе очерки. Соч. Л. Доброва. СПб. 1879 г.

При пособіи богатой литературы, вызванной послѣдними событіями, г. Добровъ свои историко-политическіе очерки составилъ добросовѣстно и толково. Читатель получаетъ изъ нихъ ясное и отчетливое представленіе о судьбѣ славянскихъ народовъ, привлекающихъ на себя и до-сихъ-поръ общее вниманіе. Передавъ въ началѣ своего труда довольно обстоятельно исторію Балканскихъ славянъ во время римскаго владчества до XI столѣтія, авторъ разсказалъ далѣе о состояніи греческой имперіи во время крестовыхъ походовъ, о возстановленіи самостоятельности Болгаріи въ XIII столѣтіи и о причинахъ паденія послѣдней. Затѣмъ, изложивъ исторію Сербіи и ея паденія, завоеванія Османлисами греческой имперіи и установившіяся вслѣдствіе того новыя отношенія между турокъ и христіанъ, г. Добровъ окончилъ обзоромъ послѣдовательныхъ отношеній Россіи къ Турціи въ защиту христіанъ.

Основное достоинство сочиненія составляютъ безпристрастность и полная сдержанность, въ прямую противоположность появившимся у насъ сочиненіямъ, которыя всѣ, въ большей или меньшей степени, страдаютъ увлеченіями. Авторъ говоритъ, «что мало заботясь о благорасположеніи людей, фатально замѣнувшихся въ тѣсный кругъ предвзятыхъ идейъ о великой миссіи той или другой націи на Балканскомъ полуостровѣ, онъ поставилъ себѣ главною задачею отрѣшиться отъ всякихъ

ходячихъ положеній и теорій во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они являются не результатомъ вполне безпристрастнаго изслѣдованія фактовъ, а обвинительнымъ приговоромъ или защитою—смотря по тому, о комъ идетъ рѣчь».

И дѣйствительно нельзя не отдать справедливости тому строго нестрасному тону разсказа автора даже о такихъ событіяхъ, какъ напр. взятіе Константинополя Турками.

Къ исторіи права русскихъ инородцевъ. Древній монголо-калмыцкій или ойратскій уставъ възысканій. *Θ. И. Леонтовича. Одесса 1879 г.*

Уже нѣсколько лѣтъ русское географическое общество по отдѣленію этнографіи занято вопросомъ о юридическихъ обычаяхъ, существующихъ во всѣхъ концахъ русскаго государства. Отдѣленіе выработывало программу, которую предполагало расслать къ лицамъ, болѣе или менѣе компетентнымъ для доставленія свѣдѣній о дѣйствующихъ обычаяхъ. На чемъ остановилась работа въ настоящее время—намъ неизвѣстно, но мы находимъ въ трудахъ отдѣленія этнографіи (т. VIII.) весьма интересныя статьи объ инородческихъ юридическихъ обычаяхъ лопарей, кореловъ и самоѣдовъ (г. Ефименко), якутовъ (кн. Кострова) и о киргизномъ судѣ (г. Ибрагимова). Къ такому же роду памятниковъ принадлежит и изданный въ минувшемъ году *Θ. И. Леонтовичемъ ойратскій уставъ, составленный въ 1640 г. въ древней Зюнгаріи на сѣздѣ монгольскихъ и ойратскихъ главъ.*

Этотъ уставъ, имѣя значеніе официальнаго сборника племенныхъ законовъ, удерживаетъ силу и до-сихъ-поръ въ качествѣ мѣстныхъ законовъ у нашихъ калмыковъ. Впрочемъ изданіе ойратскаго устава является не въ первый разъ. Какъ уже видно и изъ предисловія автора, первоначально уставъ былъ изданъ еще въ прошедшемъ столѣтіи (1776 г.), потомъ въ 1828 г. въ журналахъ «Сѣверный Архивъ» и «Сынъ Отечества» и наконецъ Палласомъ въ *Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften*. Изданный же г. Леонтовичемъ уставъ взятъ съ рукописи Новороссійскаго университета и сличенъ съ прежде изданными.

Кромѣ юридической стороны, ойратскій уставъ имѣетъ еще другое большее значеніе, какъ важнаго историческаго памятника: «Древніе ойратскіе уставы, говоритъ г. Леонтовичъ, представляютъ тотъ двухвѣковой мостъ, который впродолженіи вѣковъ надъ пропастью между старымъ русскимъ міромъ, землей и позднѣйшимъ московскимъ государствомъ, и перешагнувъ который русское общество перешло изъ міра въ государство и занесло изъ него съ собой многое, взятое на пути по этому монгольскому мосту».

Вопросъ о томъ, какое вліяніе имѣло монгольское иго на нашъ государственный бытъ того времени — до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ окончательно. Покойный С. М. Соловьевъ признавалъ это вліяніе почти ничтожнымъ, Н. И. Костомаровъ же находилъ это вліяніе весьма существеннымъ въ образованіи новаго государственнаго строя. Къ послѣднему склоняется и г. Леонтовичъ. Слѣды этого вліянія онъ видитъ почти вездѣ, и въ администраціи, такъ-какъ приказы, по его мнѣнію, сходны по устройству съ монгольскими палатами, и почти во всѣхъ сторонахъ общественной жизни. Въ финансовомъ, напримѣръ, отношеніи г. Леонтовичъ видитъ съ монгольскаго ига замѣненіе посошной подати («посоха») подушной («численной»), развитіе системы вотчинныхъ кормленій, регалій (подъ именемъ «путей»), откупной системы различнаго рода сборовъ и т. д.

Точно также и въ уголовномъ правѣ, авторъ находилъ сильное вліяніе монголовъ въ системѣ и формѣ наказаній. Подобно г. Костомарову, авторъ объясняетъ явленіе московскаго самодержавія переносомъ князьями на русскую почву монгольскаго взгляда на ханскую власть и наконецъ обезземленіе населенія въ юридическомъ смыслѣ. Однимъ словомъ, почти ни одна бытовая сторона не обошлась безъ монголовъ, какъ-будто авторъ совершенно забылъ то отвращеніе, которое весь народъ питалъ къ своимъ угнетателямъ и то отчужденіе, которое онъ всегда сохранялъ отъ поганыхъ.

Неразбирая мнѣній автора, что вывело бы насъ изъ предѣловъ библиографической замѣтки (притомъ же намъ извѣстно, что въ редакціи «Исторической Библиотеки» готовится

къ печати особое изслѣдованіе о монгольскомъ вліяніи), мы ограничиваемся замѣчаніемъ, что авторъ слишкомъ увлекся излюбленнымъ уставомъ. Въ заключеніе необходимо сказать, что изданіе устава, съ внѣшней стороны, вполне удовлетворительно, снабжено введеніемъ, въ которомъ изложены исторія устава и литература о калмыкахъ, а въ концѣ находится указатель и примѣчанія по разнымъ отдѣламъ монгольскаго права.

Книги историческаго содержанія иностранной литературы.

Wilh. Tomsen. Der Ursprung des Russischen Staates (Vom Yerfasser durchdeschene deutsche Ausgabe von Dr. Bornemann). 1879.

Несчастный вопросъ о происхожденіи нашего отечества съ самаго своего возникновенія служилъ, да и до-сихъ-поръ не перестаетъ служить камнемъ преткновенія для нашихъ ученыхъ историковъ и яблокомъ раздора. По сущности же своей вопросъ этотъ не имѣетъ особеннаго значенія. Развѣ для науки и для насъ не все равно, откуда явились наши первые князья: изъ Швеціи-ли, съ Балтійскаго-ли славянскаго прибрежья или съ береговъ Чернаго моря, важенъ вопросъ о томъ: какое вліяніе имѣло прибытіе князей, въ чемъ именно это вліяніе отразилось въ народной жизни? а на этотъ вопросъ наша современная историческая наука можетъ дать положительный и доказательный отвѣтъ. Суть раздора не въ научномъ интересѣ, а въ особой его своеобразной сторонѣ, въ чувствѣ національной щекотливости. Какъ-же не возмущаться патриотическому чувству отъ назойливыхъ нѣмецкихъ притязаній на вѣчную безропотную благодарность за ихъ родительскія и воспитательскія попеченія и какъ не допытаться, были ли въ дѣйствительности эти попеченія. Такимъ острымъ характеромъ обставился вопросъ въ самомъ началѣ.

О норманскомъ происхожденіи варяговъ первымъ заговорилъ профессоръ петербургской академіи наукъ Э. С. Байеръ. Въ сочиненіи своемъ, изд. 1735 г., Comment. Academ. Scient.

Proletanae Y. De Varagis, онъ первый высказалъ мнѣніе, что варяги русскихъ писателей были благородные люди изъ Скандинавіи и Даніи, союзники на войнѣ и наемные воины и т. д. (Varagos Buthenicorum scriptorum fuisse ex Scandinavia Danique homines nobilis и т. д.). Хотя Байеръ былъ совершенно незнакомъ съ русскими лѣтописями и мнѣніе свое основалъ только на византійскихъ, римскихъ, франкскихъ и скандинавскихъ источникахъ, но тѣмъ не менѣе положенія его и до-сихъ-поръ служатъ основаніемъ норманской теоріи. Вслѣдъ за Байеромъ, его современникъ и преемникъ Г. Ф. Миллеръ въ 1749 г. во дню именинъ императрицы Елизаветы написалъ рѣчь (origines gentis et nominis Russorum), въ которой точно также высказался о скандинавскомъ происхожденіи варяговъ. Какъ извѣстно, рѣчь эта возбуждала негодованіе нашего знаменитаго писателя и патріота Ломоносова и даже по существовавшимъ тогда нашимъ непріязненнымъ отношеніямъ съ Швеціей сочтена была оскорбленіемъ государственной чести. Состоялся даже имънный указъ, поручавшій академикамъ Струбе и Фишеру разобрать рѣчь Миллера. Но не смотря на мелочныя придирки, рецензенты не опровергли сущности мнѣнія Миллера, а самъ Струбе въ сочиненіи своемъ *Dissertation sur les anciens Russes* пошелъ еще далѣе и первый придалъ Русской Правдѣ скандинавское происхожденіе.

Послѣ этихъ историковъ норманистовъ, въ томъ же духѣ и направленіи, выступилъ на сцену знаменитый «Петтингенскій профессоръ Русской исторіи» и объяснитель-нѣмецъ русскаго монаха Нестора. Мы не будемъ разсматривать критическаго разбора Нестора, слишкомъ хорошо извѣстнаго всѣмъ занимающимся русскою исторіею, а ограничимся только указаніемъ на то, что, не смотря на ученую самонадѣянность и на знаніе русскихъ лѣтописей, Шлѣцеръ не ушелъ далѣе Байера, а мѣстами даже отсталъ отъ него, допустивъ немало противорѣчій.

Изъ позднѣйшихъ нашихъ историковъ Карамзинъ, Устряловъ и Погодинъ, основываясь частью на предшествующихъ филологическихъ изслѣдованіяхъ нѣмецкихъ ученыхъ, а частью на своихъ изысканіяхъ, раздѣляютъ мнѣніе о принадлежности

варяговъ къ скандинавамъ. Покойный С. М. Соловьевъ называетъ варяговъ не народомъ, а дружиной, состоявшей изъ разнаго разноплеменнаго сброда, въ которомъ могли преобладать скандинавы.

Такимъ образомъ на сторонѣ норманистовъ всегда оказывалась научная авторитетность, но не смотря на это, еще въ XVIII же вѣкѣ появились и защитники славянскаго происхожденія. Первымъ заговорилъ Ломоносовъ, высказавшій предположеніе о прибытіи князей изъ Пруссіи, населенной тогда, по его мнѣнію, славянами (пол. собр. соч. V.). Затѣмъ въ ряду славянистовъ мы встрѣчаемъ имена: Ю. И. Венелина (Древніе и новыя Болгаре, I—III. М. 1829—1841, Скандинавоманія М. 1842 г.), М. А. Максимовича (Откуда идетъ Русская земля К. 1837 г.), Н. В. Савельева-Ростиславича (О древностяхъ славянскихъ. Маякъ 1840—1844), А. Θ. Вельтмана (О древнихъ славянскихъ собств. именахъ), Θ. Л. Морошкина (О значеніи имени Руссовъ и Славявъ, Спб. 1841 г.) и накопецъ С. А. Геденова (Отр. о Вар. вопросѣ), собравшаго всѣ предшествующіе доводы и дополнившаго ихъ новыми вѣскими доказательствами. Трудомъ г. Геденова опровергнуты почти всѣ положенія скандинавистовъ и послѣднимъ пришлось заниматься созиданіемъ новыхъ. Основное достоинство славянской школы состоитъ въ томъ, что она положительно доказала различіе Руси отъ варяговъ, съ водвореніемъ первой въ Южной Руси, что придадо вопросу иное освѣщеніе. Но, къ сожалѣнію, всѣ работы славянистовъ не богаты филологическими изысканіями. *)

*) Кромѣ мнѣній норманистовъ и славянистовъ, существуетъ еще третье мнѣніе, принадлежащее І. Ф. Г. Эверсу. Этотъ ученый въ сочиненіи своемъ „Предварительныхъ критическихъ изслѣдованіяхъ“ издан. 1814 г. (Kritische Vorarbeiten zur Rus. Gesch), въ основаніи перевода географія Ибнъ-Гаукала, старался доказать происхожденіе Руссовъ отъ Хазарь. Хотя это мнѣніе и неустойчиво, даже при поверхностномъ изслѣдованіи, но замѣчательно то, что Эверсомъ высказано было первымъ предположеніе объ отдѣленіи Руси отъ варяговъ. Такъ напр. онъ говоритъ: „до прибытія приглашенныхъ князей не было Варяговъ-Руси

Въ такомъ положеніи застаеъ этотъ несчастный вопросъ новая попытка нѣмца Вильгельма Томсена, копенгагенскаго профессора сравнительнаго языковѣдѣнія, въ защиту норманской теоріи. Нельзя не отдать справедливости его основательному знанію языковъ скандинавскаго, финскаго и славянскаго, вѣрному историческому методу и близкому знакомству съ бібліографіей предмета. Поэтому и неудивительно, что его лекціи (*The relations between ancient Russia and Scandinavia, and the origin of the Russian State*) о началѣ русскаго государства, прочитанныя имъ въ Англіи, имѣли полный успѣхъ, какъ тамъ, такъ и во Франціи.

Трудъ почтеннаго нѣмца составляютъ три его публичныя лекціи: 1) о древнемъ населеніи Россіи и основаніи русскаго государства, 2) о скандинавскомъ происхожденіи древнихъ руссовъ и 3) о скандинавскихъ названіяхъ и исторіи въ Россіи.

Не имѣя возможности въ бібліографической замѣткѣ слѣдить за подробнымъ изложеніемъ труда г. Томсена, мы ограничимся только выдѣленіемъ его главныхъ основныхъ положеній. По мнѣнію автора, названіе *варяги* обозначало вообще жителей скандинавіи, а названіе Русь означало одно изъ скандинавскихъ племенъ, которое подъ начальствомъ Рюрика съ его братьями явилось изъ-за моря и основало государство съ центральнымъ управленіемъ въ Новгородѣ. Доказательства, приводимыя имъ въ основаніе своего положенія, можно раздѣлить на двѣ группы: на отрицательную и положительную, точно такъ-же, какъ и у другихъ его предшественниковъ норманистовъ.

Къ отрицательнымъ доказательствамъ должно причислить неупоминаніе Руси лѣтописцемъ Несторомъ въ числѣ славянскихъ племенъ, населяющихъ славянскую равнину Россіи и неупоминаніе Руси до IX вѣка, т. е. до прибытія Рюрика,

между славянами при озерѣ Ильменѣ, а съ того времени Русь и Варяги начали относиться другъ къ другу, какъ *юспода* и *рабы*, потому что подъ Варягами (просто) должно разумѣть только наемниковъ,—конечно по большей части изъ Норманновъ.“

византійскими и арабскими писателями. Авторъ, утверждая, что названіе Rus встрѣчается въ первый разъ у европейских писателей только въ 839 году, относить выраженіе Константина Копронима (773 г.) о *русскихъ* галерахъ къ названіямъ *красныхъ* (императорскихъ галеръ). Что же касается до арабскихъ писателей, то упоминаемое въ переводѣ арабскаго историка Табари подъ 643 годомъ названіе Rûs авторъ находитъ позднѣйшимъ дополненіемъ персидскаго перевода, такъ какъ будто бы въ арабскомъ оригиналѣ этого слова нѣтъ. Нельзя не найти подобныхъ доказательствъ крайне недостаточными: первое самопроизвольно, а второе еще требуетъ тщательной провѣрки.

Къ положительнымъ доказательствамъ можно причислить: филологическія изысканія названій Днѣпровскихъ пороговъ и собственныхъ именъ, свидѣтельство бертинскихъ аналъ и опредѣленіе мѣстности поселеній Руссовъ въ Скандинавіи.

Въ русскихъ названіяхъ Днѣпровскихъ пороговъ, приводимыхъ Константиномъ Багрянороднымъ, авторъ рѣшительно видитъ германскіе звуки и, наоборотъ, полное отсутствіе славянскаго тона. Оспаривать г. Томсена, знатока-лингвиста, на его полѣ, мы не беремъ, но не можемъ не замѣтить его оригинальной самопроизвольности. Такъ, названіе четвертаго Днѣпровскаго порога Aifar онъ передѣлываетъ въ Aifor, но основаній передѣлки не приводитъ, названіе послѣдняго порога Struvun передѣлываетъ въ Strukun для того, чтобы подвести къ норвежскому Strok и Stryk и шведскому Struk.

Затѣмъ авторъ въ видѣ неопровержимаго доказательства приводитъ свидѣтельство Бертинскихъ аналъ (837 г.), изъ котораго видно, что съ послами отъ императора Теофила къ императору Людовику Благочестивому находились какіе-то люди, которые назывались россами и которые называли своего князя Каганомъ. По разслѣдованію Людовика Благочестиваго, люди эти оказались пришельцами изъ Швеціи. Но при всей кажущейся неотравимости этого извѣстія, оно при внимательномъ разсмотрѣніи становится темнымъ, сбивчивымъ и крайне недостаточнымъ. Развѣ не могли быть въ то время въ Царьградѣ случайно Шведы отъ славянскаго князя и служившіе

при дворѣ его? какъ думаетъ г. Геденовъ. Опроверженіе Томсеномъ объясненія Геденова тѣмъ, что не было въ обычаѣ у скандинавовъ вступать въ службу къ нескандинавскому князю, не имѣетъ значенія.

Переходимъ къ опредѣленію авторомъ мѣстности населенія руссовъ. Не встрѣчая вовсе названія руссовъ въ Скандинавіи, авторъ (какъ и прежде еще Шлецеръ) остановился на финскомъ словѣ *Buotsi*, обозначававшемъ шведовъ, а съ этого названія легко уже было перейти и къ славянскому Русь. Такъ какъ финны находились между славянами и моремъ, то естественно, что они прежде познакомились съ прибережными шведами и понятіе объ нихъ передали славянамъ. Въ самой Швеціи на языкѣ древне-шведскомъ названіемъ *Rother-Rothin* обозначалась одна полоса шведскаго побережья, жители которой назывались *Rodskarlar* или *Rodsmön* (*Rother*—гребля) т. е. гребцами, мореходами. Финны, познакомившись съ ними, сократили *Rodsmön* въ *Buotsi*, а славяне передѣлали въ Русь, замѣнивъ но гласной у и окончаніе i окончаніемъ въ ѣ, точно такъ-же какъ финское *suomi* перешло въ сумъ.

Что же касается до факта приглашенія князей, рассказаннаго Несторомъ, то г. Томсенъ объясняетъ его такимъ образомъ: славяне, прогнавъ, вслѣдствіе притѣсненій, варяговъ, обратились къ Руси, хотя къ такимъ же Скандинавамъ, но уже покинувшимъ родину и поселившимся въ сосѣдствѣ славянъ, можетъ быть, гдѣ-нибудь около Ладожскаго озера. Невозможно же предположить, чтобъ вѣчно враждующія между собою племена единодушно рѣшились пригласить «княжить и владѣть ими» совершенно незнакомый родъ. Вслѣдствіе этого же соображенія Томсенъ не вѣритъ сказанію Нестора о приглашеніи князей «изъ-за моря».

Нельзя отказать въ остроумію и логичности выводовъ норманистовъ о происхожденіи Руси, но они не вяжутся со многими другими свидѣтельствами. Такъ, извѣстно, что скандинавскій элементъ даже въ первый вѣкъ существованія русскаго государства былъ незначителенъ, а между тѣмъ лѣтописныя свидѣтельства указываютъ на Русь, какъ на исконное

дѣевское населеніе. Кромѣ того, арабы (Ибнъ-Доста) говорятъ о Русахъ, какъ о народѣ многочисленномъ, точно также византиецъ Фотій говоритъ о руссахъ 866, какъ уже объ извѣстномъ народѣ, чего не могло быть, если принять толкованія норманистовъ.

Вообще, не смотра на всю ученую авторитетность г. Томсена, послѣдняго представителя норманнской школы, вопросъ о происхожденіи русскаго государства все еще остается открытымъ и ждетъ новыхъ изслѣдователей. По нашему же личному мнѣнію, онъ, кромѣ остроты по національной шекотливости, самъ по себѣ не имѣетъ большого научнаго значенія. Для насъ не существенно знать, кто былъ Рюрикъ, но существенно знаніе народной жизни того времени и точное опредѣленіе вліянія иновременнаго элемента,—если онъ былъ. Но такъ-какъ вопросъ существуетъ и остается до-сихъ-поръ не рѣшеннымъ, то интересно было бы, чтобъ наши отечественные изслѣдователи,—хоть бы напр. г. Геденовъ,—занялись провѣркой тѣхъ новыхъ положеній,—впрочемъ очень немногихъ,—которыя встрѣчаются въ сочиненіи г. Томсена.

Adolf Streckfuss Fünfhundert Jahre Berliner Geschichte.

(Пятьсотъ лѣтъ исторіи Берлина, начиная съ рыбацкаго деревушки и до столичнаго города. Исторія и сказанія. 30 вып. Берлинъ 1879 г.)

Въ этомъ трудѣ обстоятельно изложена исторія постепеннаго развитія Берлина, одновременно съ царствованіемъ Бранденбургскаго Прусскаго дома. Множество анекдотовъ, взятыхъ изъ извѣстныхъ мемуаровъ, придаютъ этому сочиненію особенную живость и романическій интересъ.

Serail und hohe Pforte Enthüllungen über die jüngsten Ereignisse in Stambul. Nach original Aufzeichnungen und documenten bearbeitet und herausgegeben.

(Сераль и Высокая Порты. Новѣйшія событія въ Стамбулѣ. Оригинальныя замѣчанія и документы, разработанные и изданные въ Вѣнѣ, Пештѣ и Лейпцигѣ 1879).

Авторъ этого въ высшей степени интереснаго сочиненія

не назвал своего имени, ни въ оглавленіи, ни въ концѣ. Каждая отдѣльная глава этого труда указываетъ на то, что авторъ не только хорошо зналъ и внимательно наблюдалъ за событіями, но и самъ принималъ въ нихъ личное участіе. Изъ семи большихъ выпусковъ труда, главы, посвященныя описанію султана Абдуль-Азиса и эксъ-султана Мурада, возбуждаютъ особенный интересъ и производятъ живое впечатлѣніе яркостью романическаго изложенія. Остальные же выпуски содержатъ въ себѣ не безъинтересный разсказъ минувшихъ событій: о волненіяхъ, произведенныхъ реформами въ Оттоманской Имперіи, о видахъ и стремленіяхъ молодой Турціи, въ особенности о представителѣ ея Мустафѣ Фацелѣ, о заговорахъ и заговорщикахъ въ 1866 и 1878 г., о Митхадѣ пашѣ и вопросѣ о реформѣ и, наконецъ, о муширѣ Сулейманѣ пашѣ. Къ этому тщательно обработанному сочиненію приложены факсимиле Сулеймана и кромѣ того нѣсколько значительныхъ особыхъ статей.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1880 Г. НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ГАЗЕТУ
„РУССКІЙ ЕВРЕЙ“

Въ нашей газетѣ общались участвовать, между прочимъ, слѣдующія лица: Блюменфельдъ Ф., раввинъ евр. колоніи въ Херсонѣ, Богровъ Г. М. въ С.-Петербургѣ; Вейлинь И. А., раввинъ въ Пинскѣ; Воль А., учитель учительскаго института въ Вильнѣ; Д-ръ Гаркави А. въ С.-Петербургу; Гершфельдъ М. Г. въ Балтѣ; Гетцъ Ф. Б. въ С.-Петербургѣ; Гольденвейзеръ М. С. въ Москвѣ; Гурвичъ О., въ Гроднѣ; Долицкій М. въ Бѣлостокѣ; Драбинъ Д-ръ А. Н., раввинъ въ С.-Петербургѣ; Вацнельсонъ Д-ръ Л. С. въ С.-Петербургѣ; Д-ръ Канторъ Л. О., въ С.-Петербургу; Капланъ В. въ Римѣ; Кацанъ А. С., въ С.-Петербургѣ; профессоръ Косовичъ Б. А. въ С.-Петербургѣ, Леванда Л. О. въ Вильнѣ; Леванда В. О. въ Рыбинскѣ; Левинъ С. М. въ Пинскѣ; Д-ръ Левенфельдъ Р. въ Варшавѣ; Миноръ З., раввинъ въ Москвѣ; Минаевъ Д. Д. въ С.-Петербургѣ; Д-ръ Пасковъ Л. Д. въ Симферополѣ; Пальтель П. В. въ С.-Петербургѣ; Пинето С. С. въ С.-Петербургѣ; Пумпянскій А., раввинъ въ Римѣ; Рабиновичъ Г. М. въ С.-Петербургѣ; Фиреръ А. О. въ Елисаветградѣ; Чуйко В. В. въ С.-Петербургѣ; Шерешевскій И. въ Вильнѣ; Швабахеръ Д-ръ, раввинъ въ Одессѣ; Штейнбергъ О. Н. прсп. учт. инст. въ Вильнѣ; Шляревскій А. А., въ С.-Петербургѣ.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И :

Въ С.-Петербургѣ съ
 доставкой 6 р. 3 р. 50 к. 2 р. 50 к. 2 р. — к.
 Въ городахъ Имперіи
 съ пересылкою . . 7 > 4 > — > 2 > 75 > 2 > 25 >
 За границую . . . 12 > 7 > — > 4 > — > 4 > —

Желающіе могутъ вносить подписную цѣну съ разсрочкою: при подпискѣ 2 р., чрезъ 3 мѣсяца 2 р., чрезъ 6 мѣсяцевъ послѣ подписки 2 р. и чрезъ 9 мѣсяцевъ послѣ подписки 1 р.

Духовныя лица всѣхъ вѣроисповѣданій, учителя учебныхъ заведеній, содержатели хедеровъ и учащіеся въ высш. учебн. заведеніяхъ пользуются уступкою въ 20%.

Отдѣльные номера продаются по 20 коп.

За объявленія платится 8 коп. за строку петита въ 1 столбецъ газеты или ея мѣсто; на 1-й страницѣ вдвое. При повтореніи дѣлается уступка.

Списокъ агентствъ и отдѣленій нашей Конторы въ разныхъ городахъ Имперіи можно найти въ каждомъ номерѣ газеты «Русскій Еврей».

Редакція и главная Контора помѣщаются въ С.-Петербургѣ, на Измайловскомъ просп., д. № 7.

Издатели: { Л. Берманъ.
 Г. Рабиновичъ.

Редакторъ Л. Берманъ.

СЪ 1 ЯНВАРЯ 1880 ГОДА
БУДЕТЬ ВЫХОДИТЬ ВЪ МОСКВѢ,
БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ, КНИГАМИ
ОТЪ 20 ДО 30 ЛИСТОВЪ ЕЖЕМЪСЯЧНО, ЖУРНАЛЬ.
УЧЕНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

Заглавіе нашего журнала опредѣляетъ его цѣль.

Народъ русскій сложился подъ вліяніемъ равнины, имъ населенной, и только на маломъ протяженіи ея границъ, омываемой моремъ. Онъ не зналъ ни феодальнаго права, ни права городовъ, отличнаго отъ права остальной земли, расчленившихъ тѣла западныхъ народовъ на части, враждебныя другъ другу. Онъ воспитанъ тою христіанскою церковью, въ основу которой положено начало соборнаго, свободного единенія въ любви, церковью, вызвавшей и воспитавшей много неоцѣнимо-драгоцѣнныхъ, христіанскихъ сторонъ въ общенародной русской душѣ, но недостаточно содѣйствовавшей развитію сознанія личности, вслѣдствіе особыхъ условій русской исторіи.

Потому въ народѣ русскомъ, укрѣпленномъ многострадальною его исторіей въ силѣ долготерпѣливаго подвига, развились и окрѣпли неразрывное, внутреннее единство, нравственные инстинкты, добродѣтели и пороки, отличные отъ нравственныхъ инстинктовъ, достоинствъ и недостатковъ другихъ народовъ, воспитанныхъ другими христіанскими церквами, другою мѣстною природою и другими историческими судьбами.

При такихъ условіяхъ иныя данныя представляетъ русскій народъ для рѣшенія общечеловѣческихъ вопросовъ общественной и политической жизни, не тѣ, которыя даетъ жизнь другихъ народовъ; иначе ставятся для него возникающія изъ такихъ вопросовъ задачи и иной открывается предъ нимъ самостоятельный путь къ общей для всего человѣчества цѣли,—къ осуществленію лучшихъ формъ жизни,—къ царству правды на землѣ.

На русскомъ народѣ, пришедшемъ на поприще исторіи позднѣе другихъ народовъ и начавшемъ свое внутреннее развитіе послѣ нихъ, лежитъ обязанность, усвоивъ умственные сокровища, добытыя ихъ опытомъ и мыслию, продолжать творческое дѣло человѣчества, стремясь рѣшить общія для всѣхъ народовъ задачи жизни и примирить тѣ противорѣчія, возникающія въ ней, передъ которыми со страхомъ и недоумѣніемъ останавливается жизнь другихъ просвѣщенныхъ народовъ въ силу особыхъ затрудненій, представляемыхъ ихъ бытомъ, и рѣшеніе которыхъ доступнѣе для быта русскаго народа. На великомъ поприщѣ исторіи, гдѣ могутъ свободно жить и дѣйствовать лишь умныя силы человѣчества, будущность за тѣмъ только народомъ, который, сознавъ самого себя, какъ самостоятельную нравственную личность, и свое историческое призваніе, неуклонно и самостоятельно идетъ жъ осуществленію въ жизни законовъ правды и свободы, какъ воплощенію любви.

Здѣсь—обширное поле для работы русской мысли и этой работѣ открываемъ мы страницы нашего журнала.

Убѣжденные, что историческія судьбы русскаго народа тѣсно связаны съ судьбами единоплеменныхъ съ нами славянскихъ народовъ, что только въ хорѣ всѣхъ, братски между собою соединенныхъ, независимыхъ и свободныхъ членовъ славянской семьи обрѣтетъ русскій народъ возможность раскрыть всю мощь и полноту своихъ творческихъ силъ, мы приглашаемъ всѣхъ, раздѣляющихъ съ нами такое воззрѣніе, къ участию въ нашемъ журналѣ своими трудами по этому вопросу. Ни одна мысль, ни одинъ фактъ, способные выяснять идею о славянскому единеніи и пути къ осуществленію ея, не должны исчезнуть безслѣдно для русскаго сознанія.

Изъ предыдущаго ясно, что мы, назвавъ нашъ журналъ «Русскою Мыслию» далеки отъ самонадѣяннаго мнѣнія, что русская мысль, подобно Минервѣ, явится во всеоружіи на страницахъ нашего журнала. Само собою разумѣется, мы также далеки отъ того, чтобы приписывать исключительно себѣ призваніе или нравственное право работать на русскую мысль: вся русская печать положительно или отрицательно, сознательно или несознательно работаетъ на нее. Нашимъ заглавіемъ мы хотѣли только сказать, что это дѣло ставимъ для себя главною и первою задачею.

Редакторъ С. Юрьевъ.
Издатель В. Лавровъ.

Годовая цѣна
3 р. 60 к.
съ пересыл. и
доставкой.

ГЛАВНАЯ ПРЕМІЯ
ПОРТРЕТЬ

Годъ III.

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

ОЛЕОГРАФІЯ

ПОРТРЕТЬ ГРУДНОЙ ВЪ ПОЛОВИНУ НАТУРАЛЬНОЙ ВЕЛИЧИНЫ
За пересылку и упаковку 80 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1880 ГОДЪ НА

„СВѢТЪ ВЪ КАРТИНАХЪ“

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ.

Въ журналѣ помѣщаются: романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія; юмористическіе очерки и картинки, историческіе, біографическіе и бытовые очерки, общедоступныя бесѣды о наукахъ, искусствахъ, литературѣ, отчеты о главнѣйшихъ процессахъ, мелкія замѣтки о замѣчательныхъ и курьезныхъ явленіяхъ, анекдоты и карриатуры.

Наши подписчики знаютъ, что выдаваемыя нами преміи не оставляютъ желать ничего лучшаго.

Всѣ преміи высылаются немедленно по полученіи требованія.

Вмѣсто любой изъ премій г.г. подписчики могутъ получить большой ландшафтъ. За пересылку и упак. 1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ.

Олеографическая премія
Европейская красавица.
за перес. 75 к.

въ конторѣ редакціи въ
Ригѣ, на Александровскомъ
бульварѣ и во всѣхъ книжныхъ
магазинахъ.

Олеографическая премія:
Восточная красавица.
за перес. 75 к.

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исторія журналистики имѣетъ чрезвычайно важное значеніе во многихъ отношеніяхъ. Безъ нея немыслима полная и всесторонняя исторія литературы и невозможно рѣшеніе вопроса о томъ, что такое журналистика, это чрезвычайно важное явленіе общественной и литературной жизни, что обусловливаетъ или задерживаетъ ея успѣшное развитіе, и въ какомъ отношеніи она находится къ другимъ явленіямъ общественной жизни; она важна, кромѣ того, для характеристики времени, т. е. лицъ, событій, явленій общественной жизни, современной науки и литературы. Безъ нея невозможна исторія критики и даже исторія вообще. Для всего названнаго она даетъ необходимыя указанія и разъясненія, въ исторію-же литературы она входитъ въ полномъ своемъ объемѣ. Имѣя такое важное значеніе, исторія журналистики представляетъ и огромныя трудности, для желающаго заняться ея обработкой. Вотъ почему вездѣ и всегда было сравнительно мало трудовъ по названному предмету. Нужно перерыть и пересмотрѣть груды книгъ, чтобы можно было что-нибудь сказать касательно журналистики известнаго времени. Названный трудъ возможенъ только тамъ, гдѣ существуютъ библіотеки, владѣющія журналами прежнихъ лѣтъ; для полной-же безупречности труда необходимы богатства, какими владѣютъ только библіотеки столичныхъ городовъ. Названный трудъ, т. е. составленіе исторіи журналистики, представляетъ и то неудобство, что можетъ быть домашнимъ только

для чрезвычайно-ограниченнаго числа лицъ. Въ виду этого, къ каждому труду по исторіи журналистики должно, кажется, относиться снисходительнѣе, нежели ко многимъ другимъ трудамъ. Да позволено будетъ и данному труду надѣяться на эту снисходительность. Авторъ не имѣлъ намѣренія дать въ немъ полную исторію журналистики названнаго времени. Его трудъ представляетъ слѣдующіе отдѣлы: 1) Общій очеркъ журналистики 20-хъ и 30-хъ годовъ; 2) особенно замѣчательныя лица, упоминаемыя въ журналахъ названнаго времени (преимущественно современники); 3) явленія обшденной общественной жизни; 4) обзорнiе различныхъ журнальныхъ отдѣловъ. Въ первомъ отдѣлѣ упомянуты не всѣ замѣчательныя лица, какія встрѣчаются въ журналахъ 20-хъ и 30-хъ годовъ; объясняется это тѣмъ, что авторъ хотѣлъ въ названномъ отдѣлѣ показать, какъ и какиихъ родовъ дѣятели упоминались въ журналахъ даннаго времени и не имѣлъ намѣренія говорить о всѣхъ лицахъ, какія встрѣчаются въ нихъ. При обзорнiи журналистики 20 годовъ, исключительное вниманіе обращено на государственныхъ дѣятелей, ученыхъ, поэтовъ, критиковъ, журналистовъ и знаменитыхъ путешественниковъ своего времени. Въ отдѣлѣ о критикѣ 20-хъ годовъ не упоминается объ оцѣнкѣ музыкальныхъ произведеній. Нѣтъ отдѣла о замѣчательныхъ событіяхъ времени, о которыхъ упоминала журналистика. Послѣдній отдѣлъ можетъ быть данъ современемъ. Да послужи́тъ извиненіемъ для всѣхъ пропусковъ и недостатковъ труда малоразработанность даннаго предмета въ литературѣ. Пригомъ онъ назначается не для записныхъ ученыхъ, а для публики.

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общій очеркъ.

Изучая какое-нибудь явленіе общественной жизни, невозможно довольствоваться фактами, составляющими непосредственную сферу этого явленія. Всегда нужно искать его корня, причинъ, изучать факты родственныхъ явленій, иначе оно останется для насъ непонятнымъ. Это требованіе неизбежно при изученіи какъ историческихъ, такъ и историко-литературныхъ явленій. Полную свою силу оно имѣетъ и при изученіи журналистики того или другого времени. Вотъ почему, приступая къ очерку русской журналистики 20-хъ годовъ, необходимо прежде всего остановиться на внутреннемъ состояніи Россіи въ это время, рассмотретьъ состояніе въ ней науки и литературы и условія общественной жизни, помогавшія развитію журналистики или задерживавшія его. Журналистика—продуктъ многообразныхъ условій времени, благоприятныхъ или неблагоприятныхъ для развитія. Сознвая, такимъ образомъ, все значеніе названныхъ факторовъ въ дѣлѣ развитія журналистики, мы, однако же, не коснемся ихъ и попросимъ читателей для знакомства съ ними обратиться къ специальнымъ изслѣдованіямъ *), рассматривающимъ различныя явле-

¹⁾ Богдановича, Сухомлинова, Пыпина, Пятковского, Стоянина, Галахова, Полевого и др.

нія, соприкасающіяся съ вопросомъ о состояніи просвѣщенія въ Россіи въ первой четверти настоящаго столѣтія. Мы обратимся къ чисто журнальнымъ явленіямъ, замѣтивши только, что журналистикѣ первой четверти нынѣшняго столѣтія пришлось существовать и развиваться среди многообразныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ.

Въ журналахъ названнаго времени мы замѣчаемъ два крупныя явленія, два литературныя направленія: классицизмъ и романтизмъ, ученіе старое, основывавшееся на преданіяхъ французскихъ писателей XVII и XVIII ст., и ученіе новое, основывавшееся на знакомствѣ съ современными нѣмецкими писателями. Борьба между ними окрашиваетъ всю журналистику 20-хъ годовъ. Въ этой борьбѣ вырабатываются начала, болѣе или менѣе, здоровой критики и пониманіе лучшихъ современныхъ писателей. Названная пора была знаменательнымъ временемъ въ русской литературѣ. Это было время лучшей дѣятельности Пушкина и многочисленной плеяды его послѣдователей. Пушкинъ былъ главою названнаго десятилѣтія. Выбѣстъ съ тѣмъ, происходило усвоеніе плодовъ западной литературы. «Этотъ періодъ, говоритъ Бѣлинскій, былъ ознаменованъ движеніемъ жизни въ высочайшей степени. Въ это десятилѣтіе мы перечувствовали, перемыслили и пережили всю умственную жизнь Европы, эхо которой отдалось къ намъ чрезъ Балтійское море. Мы обо всемъ пересудили, обо всемъ переспорили, все усвоили себѣ, ничего не взростивши, не взлетѣявши, не создавши сами. Классицизмъ и романтизмъ, говорить онъ въ другомъ мѣстѣ, вотъ два слова, коими огласился пушкинскій періодъ нашей словесности; вотъ два слова, на коихъ были написаны книги, разсужденія, журнальныя статьи и даже стихотворенія, съ коими мы засыпали и просыпались, за коихъ дрались на смерть, о коихъ спорили дослезъ, и въ классахъ, и въ гостинныхъ, и на площадяхъ, и на улицахъ! Въ это время обветшавшіе и заплѣсневѣлыя журналы, хвалившіе только старыхъ русскихъ поэтовъ и разбивавшіе литературныя произведенія по французскимъ теоріямъ XVIII ст., начали терять свое вліяніе и перестали, съ своими запоздалыми идеями, быть оракулами читающей

публики. Явилась новая публика съ новыми потребностями, которая изъ самыхъ источниковъ иностранныхъ, а не изъ запысьневѣмыхъ русскихъ журналовъ, начала черпать понятія и сужденія о литературѣ и искусствахъ, и которая начала слѣдить за успѣхами ума человѣческаго, наблюдая ихъ собственными глазами, а не черезъ тускляя очки устарѣвшихъ педантовъ. Около двадцатыхъ годовъ, въ «Сынѣ Отечества» начались споры за романтизмъ; вскорѣ послѣ того появились альманахи, какъ прибѣжище новыхъ литературныхъ потребностей и новаго литературнаго вкуса, которые съ 1825 г. нашла своего представителя и выразителя въ «Московскомъ Телеграфѣ» ¹⁾.

Журналистика 20-хъ годовъ была чрезвычайно полезнымъ факторомъ въ дѣлѣ умственнаго развитія современнаго общества. Въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, она стремилась къ увеличенію круга полныхъ знаній въ обществѣ, къ распространенію въ немъ знакомства съ западно-европейскимъ образованіемъ, съ лучшими представителями науки и искусства, къ возбужденію любви къ національному, къ искорененію или ослабленію въ обществѣ печальныхъ явленій невѣжества и необузданныхъ страстей, къ распространенію въ немъ болѣе правильныхъ взглядовъ на жизнь семейную и общественную. Она обличала, хотя и не прямымъ и сдержаннымъ образомъ, произволь помѣщицкой власти и разныя печальныя явленія въ служебномъ мірѣ. Она была, хотя и скромной, учительницей добра и разума. Она, въ лицѣ болѣе просвѣщенныхъ своихъ представителей, никогда не закрывала своихъ страницъ для выраженія лучшихъ стремленій своего времени. Въ ряду ея дѣятелей встрѣчались люди съ крупнымъ талантомъ, съ богатымъ запасомъ знаній и несомнѣнно честными и благородными стремленіями. Они расчищали путь для дальнѣйшихъ дѣятелей. Они первые дали образцы сносныхъ журналовъ. Журналистика 20-хъ годовъ сдѣлала то, что можно было сдѣлать при ея скудныхъ средствахъ.

¹⁾ Сочиненія, т. VІІІ, стр. 307.

При иных условиях, при большем сочувствии общества, она, конечно, сдѣлала бы больше. Общество, въ большинствѣ своихъ членовъ, своимъ равнодушіемъ охлаждало благородные порывы ея лучшихъ представителей, желая видѣть въ ней только средство для ублаженія лишняго времени. Она не располагала достаточными матеріальными средствами, чтобы твердо стоять на ногахъ. Поэтому многіе журналы еще на зарѣ своихъ дней сходили въ могилу.

Какъ и во всемъ, въ журналистикѣ 20-хъ годовъ были слабыя стороны. Характернѣйшей чертой въ ней является бѣдность статей, касающихся явленій экономической и политической жизни. Большая часть послѣднихъ мало касалась сущности дѣла или смотрѣла всегда съ предвзятой точки зрѣнія, какъ-бы повинуваясь звуку одного камертона. Такъ-называемый народный элементъ, получившій свое значеніе послѣ освобожденія крестьянъ, почти совершенно игнорировался. Отдѣломъ, болѣе или менѣе, соприкасавшимся съ жизнью, былъ отдѣлъ беллетристики, въ которой часто являлись произведенія, характеризовавшія ту или другую сторону обыденной общественной жизни. Въ научномъ и критическомъ отдѣлахъ лучшими статьями были статьи историческаго и историко-литературнаго содержанія, отличавшіяся часто заимствованнымъ характеромъ. Нѣкоторые журналы избѣгали полемическаго начала, считая его малоприятнымъ для читателей и вреднымъ достоинству журнала.

Обратимся теперь къ главнѣйшимъ представителямъ журналистики 20-хъ годовъ. Самыми замѣчательными журналами этого времени были: «Вѣстникъ Европы», «Отечественныя Записки», «Сынъ Отечества», «Сѣверный Архивъ», «Московский Телеграфъ» и «Московский Вѣстникъ». ¹⁾ Въ ихъ характеристикѣ мы теперь и обратимся.

¹⁾ Кромѣ нихъ, выходили: «Невскій Зритель», «Рецензентъ», «Новости Литературы», «Журналъ изящныхъ искусствъ», «Литературные Листки», «Украинскій Журналъ», «Мнеморина», «Благонамѣренный», «Одесскій Вѣстникъ», «Славянинъ», «С.П.Б. Зритель», «Русскій Зритель», «Атеней», «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія», «Сибирскій Вѣстникъ», «Литературныя прибавленія къ»

«Вѣстникъ Европы» издавался первоначально Карамзинъ. Съ 1805 г. онъ перешелъ въ руки Каченовскаго, издававшего его вмѣстѣ съ Жуковскимъ. Потомъ онъ былъ въ рукахъ Измайлова, и наконецъ, до самаго его прекращенія въ 1827 г., имъ опять завѣдывалъ Каченовскій. Журналъ этотъ не оставилъ послѣ себя доброй памяти въ литературѣ. Мы говоримъ о двадцатыхъ годахъ его существованія. Это былъ типъ скучнаго, сухого журнала, проповѣдывающаго устарѣлыя теоріи и ведшаго безуспѣшную борьбу съ романтизмомъ. Его издатель Каченовскій возстановилъ противъ себя новое, пушкинское поколѣніе и подвергся ожесточеннымъ его нападеніямъ. Тѣмъ не менѣе были и достоинства у названнаго журнала. Въ немъ помѣщались замѣчательныя историческія изслѣдованія издателя, одного изъ представителей *отрицательнаго* направленія въ русской историографіи и тонкаго критика исторіи Карамзина. Предвѣстникомъ упадка «Вѣстника Европы» были его пресловутыя толки о *банномъ строеніи*. Замѣчательная исторія этого несчастнаго строенія. Одинъ любитель исторіи, узнавъ, что въ Малороссіи главу церковную называютъ *банею*, началъ утверждать, что банное строеніе, построенное митрополитомъ Ефремомъ и упоминаемое Несторомъ, есть церковь съ главами. Каченовскій, помѣстивъ въ своемъ журналѣ статью, напечаталъ и свое возраженіе. Завязался споръ, и потомъ почти въ каждой книжкѣ журнала говорилось о банномъ строеніи. Событія 12 года прекратили выходъ журнала. Но вотъ французовъ изгнали изъ Россіи, Москва стала отстраиваться, возобновились московскія типографіи, возобновился и «Вѣстникъ Европы», и вотъ одною изъ первыхъ его статей была опять статья о банномъ строеніи. Не смотря на указанные недостатки, «Вѣстникъ Европы» пользовался значительнымъ успѣхомъ въ свое время, можетъ быть, благодаря значительному числу хорошихъ

«Сыну Отечества», «Русскій Вѣстникъ». Кромѣ того, выходило много специальныхъ журналовъ. Существовали также журналы на иностранныхъ языкахъ. Изъ газетъ выходили: «Сѣверная Пчела», «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Московскія Вѣдомости», «Инвалидъ».

статей по части археологии и истории России. Его успѣхъ породилъ потомъ много новыхъ журналовъ, издававшихся въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Замѣчательнъ отзывъ Булгарина объ этомъ журналѣ. «Вѣстникъ Европы», писалъ онъ, журналъ литературный и политическій, составляемый М. Т. Каченовскимъ, журналъ отличный по выбору предметовъ, по благородной литературной независимости, чуждой всѣхъ партій, и чистотѣ языка. Особенно достойны вниманія статьи, писанныя ученымъ редакторомъ онаго, или обогащенныя его примѣчаніями. М. Т. Каченовскій, имѣющій глубокія свѣдѣнія въ отечественной исторіи и археологіи, знающій совершенно древніе и многіе новыя языки, одаренный притомъ разборчивымъ вкусомъ, безъ всякаго сомнѣнія, есть одинъ изъ самыхъ способныхъ людей къ изданію журнала, а потому и «Вѣстникъ Европы» пользуется истиннымъ уваженіемъ всѣхъ благомыслящихъ литераторовъ. Будучи печатаемъ при московскомъ университетѣ, онъ имѣетъ еще и то достоинство, что продается дешевою цѣною: вещь невозможная для другихъ издателей ¹⁾).

Въ 1820 г. появились «Отечественныя Записки» Свиньина. Въ этомъ журналѣ помѣщались преимущественно матеріалы и изслѣдованія по русской исторіи Недостаткомъ въ журналѣ было то, что источники историческихъ статей не всегда указывались; отсюда являлось иногда отсутствіе вѣрности въ описаніи событій. Въ журналѣ было помѣщено много статей о русскихъ древностяхъ, старинныхъ путешествій, извѣстій о новыхъ открытіяхъ и о необыкновенныхъ талантахъ въ Россіи. Издатель отличался чрезвычайнымъ пристрастіемъ къ отечественному. Курьезную сторону журнала составляли извѣстія о фамальныхъ праздникахъ, балахъ, завтракахъ, цвѣтѣ домовъ, аукціонахъ и т. п. Издатель любилъ распространяться о подвигахъ русскихъ «добрыхъ ремесленниковъ и смышленныхъ мужичковъ», давая своимъ статьямъ такія названія: «Мясникъ Астрономъ», «Чудный мальчикъ - Живописецъ»,

¹⁾ «Сѣверный Архивъ» 1823 г., ч. 5, стр. 416.

«Провинціальный Оптикъ», ¹⁾ и т. д. Встрѣчались некрологи, и притомъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Жизнеописаніе графа Коновницына; Дюка де-Серра Каприола, тайнаго совѣтника Попова, одной почтенной дамы и цыганки Степки! Иногда издатель дѣлалъ смѣшныя промахи, говоря объ *авинскомъ форумѣ*, называя противлежащія на земномъ шарѣ города и страны антиподами, а рѣку Сереть притокомъ Прута, смѣшивая Шепелева съ Шафировымъ и говоря, что Марса Посадница казнена царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ и что книгопечатаніе введено въ Россію въ 1644 г. ²⁾. Но еще сильнѣе издатель «провалился», сказавъ, что зала бібліотеки главнаго штаба имѣетъ въ вышину 100 аршинъ и затѣмъ перемѣнивъ эту цифру на 10. Тамъ-же было замѣчено, что люстра бібліотеки имѣетъ 1008 свѣтовъ, и т. д.—«Отечественныя Записки» Свиньина прекратились въ 30-хъ годахъ.

«Сынъ Отечества» Греча началъ выходить съ 1812 г. Въ 1825 г. въ немъ принялъ участіе и Булгаринъ. Этотъ журналъ, политическій и литературный, заключалъ въ себѣ много матеріаловъ по русской исторіи и литературѣ, но бібліографическій отдѣлъ былъ въ немъ весьма не полонъ. Украшеніе журнала составляли стихотворенія Пушкина и Баратынскаго и критическія статьи Марлинскаго, бойкаго защитника романтизма и образователя русской словесности. Его статьи, живыя, веселыя, пересыпаны были множествомъ оригинальныхъ шутокъ, что очень нравилось современной публикѣ. За исключеніемъ статей Марлинскаго, «Сынъ Отечества» представлялъ пеструю смѣсь стараго съ новымъ и отсутствіе опредѣленнаго начала. Иначе смотрѣли на этотъ журналъ самъ Гречъ и Булгаринъ. Первый писалъ о немъ слѣдующее: Въ то время, когда московскіе журналы прекратились отъ нашествія непріятельскаго, а петербургскіе умоляли оттого, что большая часть сотрудниковъ ихъ разбѣжалась въ разныя стороны, когда ужасы войны терзали Россію, и она съ недоумѣніемъ и страхомъ смотрѣла въ туманную даль, начался

¹⁾ «Отечественныя Записки» 1822 г., ч. 1. 8 и 9, стр. 45, 42 и 98

²⁾ «Отечественныя Записки» 1821 г., ч. 7, стр. 25.

«Сынъ Отечества», имѣвшій, при вельмодушномъ пособіи свыше, при покровительствѣ просвѣщенныхъ вельможъ-патріотовъ и при участіи всей публики, успѣхъ дотолѣ небывалый, который долженъ быть вполнѣ приписанъ тогдашнимъ обстоятельствамъ. Въ началѣ этотъ журналъ былъ вовсе не литературный: труды издателя исчезали въ важности предмета и величія тогдашняго времени. Не мнѣ судить объ этомъ журналѣ, который, по истеченіи двадцати пяти лѣтъ, сланъ мною въ руки дѣятелей юныхъ и ретивыхъ. Сдѣлаю одно замѣчаніе. «Сынъ Отечества» былъ первымъ изъ журналовъ (если исключимъ «Вѣстникъ Европы»), которые издателю своему приносятъ не убыль, а доходъ, которые даютъ ему возможность посвящать себя всего избранному имъ дѣлу. До того времени издавать журналъ значило задолжать въ типографію и въ бумажную лавку. Эта перемѣна была полезна и публикѣ, и литературѣ: редакторы журналовъ сдѣлались независимыми отъ читателей; они стали заниматься своимъ дѣломъ, какъ должностію, а не какъ забавою, въ которой не обязаны никому отчетомъ. Издатели получили возможность награждать существенно своихъ сотрудниковъ и побуждать ихъ къ дѣятельности и усовершенствованію. Есть люди, которые утверждаютъ, будто денежное возмездіе унижаетъ литератора. Почему? Это доходъ точно такой, какъ отъ дома, отъ деревни, нажитыхъ собственнымъ трудомъ. Это—жалованье, получаемое за непрерывные, тяжкіе, честные труды, и отнюдь не недостаточное для вознагражденія человѣка за многія лишенія, за непрерывныя досады, огорченія и даже обиды... Съ того времени журналы размножились до безконечности и оправдали стихъ князя Горчакова:

И наконецъ я зрю, въ странѣ моей родной,
Журналовъ тысячи, а книги ни одной¹⁾.

Кумъ и пріятель Греча Булгаринъ былъ очень высокого мнѣнія объ его журналѣ, если судить по слѣдующимъ словамъ: «Сынъ Отечества», издаваемый Н. И. Гречемъ, десять

¹⁾ Читенія о русскомъ языкѣ, ч. 2, стр. 391—393.

лѣтъ продолжается съ одинаковымъ успѣхомъ, заключая въ себѣ литературу и политику. Журналъ сей можетъ назваться образцовымъ, по чистотѣ языка и обработкѣ статей, представляемыхъ публикѣ. Самое пріятное разнообразіе отличаетъ оный отъ прочихъ. Историческія или статистическія ученныя статьи, поэзія, отрывки изящной прозы, остроумныя критики и новѣйшія политическія извѣстія составляютъ богатое собраніе къ выбору любителей отечественной словесности. Весьма важная статья въ семъ журналѣ есть библиографія, или извѣстіе о всѣхъ вновь выходящихъ въ Россіи книгахъ, о которыхъ почтенный издатель отдаетъ краткій отчетъ своимъ читателямъ»¹⁾).

Обратимся къ «Сѣверному Архиву» Булгарина. Онъ появился въ 1822 г. и потомъ въ 1829 г. соединился съ «Сыномъ Отечества». Это былъ журналъ ученый. Въ немъ встрѣчается очень много историческихъ и статистическихъ статей, основанныхъ большею частію на достовѣрныхъ источникахъ. Въ немъ-же мы встрѣчаемъ описаніе всѣхъ замѣчательныхъ русскихъ путешествій 20-хъ годовъ. Почтенный авторъ «Исторіи царствованія Императора Александра I» Богдановичъ замѣчаетъ, что библиографическій отдѣлъ русскихъ сочиненій отличался въ названномъ журналѣ тщательнымъ изложеніемъ. Съ этимъ никакъ нельзя согласиться. Достаточно указать на приведенные нами отрывки изъ рецензій Булгарина. Интересенъ отзывъ Греча объ этомъ журналѣ. «Съ 1822 г. выступилъ на поприще русской журналистики литераторъ, имѣвшій большое вліяніе на ходъ и развитіе у насъ этой части, О. В. Булгаринъ, писалъ Гречъ. Я могу свободно говорить о его тогдашнихъ трудахъ, потому что ни мало въ нихъ не участвовалъ. Ему обязаны мы тѣмъ, что русскіе журналы перестали ограничиваться повтореніемъ и переводами статей иностранныхъ. Въ литературныхъ прибавленіяхъ къ «Сѣверному Архиву», сообщавшему публикѣ важныя статьи историческія и статистическія, возобновилъ онъ статьи нравописательныя, са-

¹⁾ «Сѣверный Архивъ» 1823 г., ч. 5. стр. 410.

тирическія, которыя давнымъ давно уже у насъ не показывались. Онъ старался, сколько могъ, обращать свой умъ критическій, зоркій на слабое и смѣшное въ свѣтѣ и литературѣ. Удивительно-ли, что онъ возбудилъ и общее вниманіе публики, и громкія порицанія литературныхъ недруговъ? Ежегодно возникали, особенно въ Москвѣ бѣлокаменной, эфемерныя изданія, которыя обыкновенно начинались безтолковою статьею о нѣмецкой философій и оканчивались лубочною картинкою парижскихъ модъ: середина наполнялась вялыми стихами и бранью на Булгарина¹⁾.

Теперь мы обращаемся къ журналу, который имѣлъ огромное значеніе въ свое время. Мы говоримъ о «Московскомъ Телеграфѣ» Полевого. Онъ былъ явленіемъ необыкновеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ, скажемъ мы о немъ словами Бѣлинскаго. Человѣкъ, почти вовсе неизвѣстный въ литературѣ, нигдѣ не учившійся, купецъ званіемъ, берется за изданіе журнала, и его журналъ, съ первой-же книжки, изумляетъ всѣхъ живостью, свѣжестію, новостію, разнообразіемъ, вкусомъ, хорошимъ языкомъ, наконецъ, вѣрностію въ каждой строкѣ однажды принятому и рѣзко выразившемуся направленію. Такой журналъ не могъ быть не замѣченнымъ и въ толпѣ хорошихъ журналовъ, но среди мертвой, вялой, безцвѣтной, жалкой журналистики того времени онъ былъ изумительнымъ явленіемъ. И съ первой до послѣдней книжки своей издавался онъ, въ теченіи почти десяти лѣтъ, съ тою постоянною заботливостію, съ тѣмъ вниманіемъ, съ тѣмъ неослабнымъ стремленіемъ къ улучшенію, которыхъ источниками можетъ быть только призваніе и страсть. Первая мысль, которую тотчасъ-же началъ онъ развивать съ энергіею и талантомъ, которая постоянно одушевляла его, была мысль о необходимости умственного движенія, о необходимости слѣдовать за успѣхами времени, улучшаться, идти впередъ, избѣгать неподвижности и застоя, какъ главной причины гибели просвѣщенія, образованія литературы. Эта мысль, теперь общее мѣсто даже

¹⁾ Чтенія, ч. 2, стр. 394.

для всякаго невѣжды и глупца, тогда была новостію, которую почти всѣ приняли за опасную ересь. Надо было развѣивать ее, повторять, твердить о ней, чтобы провести ее въ общество, сдѣлать ходячею истиною. И это совершилъ Полевой! Боже мой! какъ взѣлись на него за эту мысль ученые невѣжды, безталанные литераторы, плохіе журналисты, закоснѣвшіе въ предрасудкахъ старики! И какъ усилилась эта буря негодованія и злобы умною, оригинальною, чуждою предрасудковъ критикою «Московского Телеграфа», высказывавшаго свои мнѣнія прямо, не смотрѣвшаго ни на какіе авторитеты! И было изъ чего сердиться на этотъ журналъ: нѣтъ возможности пересчитать всѣ авторитеты, уничтоженные имъ! И сколько было тогда великихъ писателей, которые путнаго ничего не написали! Одинъ дубовыми стишницами переложилъ расиновскую трагедію; другой написалъ мадригалъ Лилетъ и тріолетъ Хлоѣ, третій дюжину плаксивыхъ стишковъ, четвертый сантиментальную повѣсть; извѣстность пятаго была основана на статьѣ, выкраденной изъ иностранной книги, а шестой просто выдалъ за свое сочиненіе забытый трудъ какого-нибудь стараго русскаго писателя. «Московский Телеграфъ» на все навелъ справки, все вспомнилъ, все вывелъ наружу... Многимъ сказалъ онъ, что ихъ сочиненія, въ свое время, могли имѣть относительную цѣнность, но что время ихъ прошло, и что теперь мальчики пишутъ лучше ихъ, заслуженныхъ и знаменитыхъ авторовъ! ¹⁾ Полевой умѣлъ привлечь талантливыхъ сотрудниковъ, между которыми обращаютъ на себя вниманіе К. Полевой и Максимовичъ. Въ «Телеграфѣ» принималъ участіе кн. Вяземскій, а впоследствии Пушкинъ. Въ числѣ его сотрудниковъ находился также кн. Одоевскій, писавшій для журнала юмористическіе очерки и музыкальныя статьи. Полевой былъ главнымъ представителемъ романтизма, борьбу за который онъ перенесъ и въ 30-е годы, полемизируя съ Надеждинымъ, защитникомъ клас-

¹⁾ Сочиненія, т. XII, стр. 172—173.

сцизма. Выше всѣхъ между русскими поэтами онъ ставилъ Державина и Пушкина, у которыхъ, по его выраженію, поэзія была необходимостью, душой, всѣмъ бытіемъ ихъ. Ко всѣмъ литературнымъ явленіямъ онъ прилагалъ высшую, руководящую идею, высшіе взгляды, основывавшіеся на знакомствѣ съ нѣмецкими критиками. Онъ познакомилъ русскую публику съ новою для нея наукою, политическою экономіею, и съ взглядами Риттера на землевѣдѣніе. «Критика Полевого— это фундаментъ, на которомъ впоследствии зиждется критика Бѣлинскаго». Весь первый періодъ дѣятельности послѣдняго совершился подъ непосредственнымъ вліяніемъ идей Полевого; и впоследствии, когда Бѣлинскій значительно отклонился уже отъ этихъ идей, встрѣчаются еще кой-какія совпаденія съ различными взглядами Полевого». ¹⁾ Но при всѣхъ достоинствахъ, въ дѣятельности Полевого, какъ журналиста, встрѣчались и недостатки. Къ нимъ принадлежало упорное стремленіе прилагать къ явленіямъ русской жизни высшую иностранную мѣрку, добытую имъ изъ знакомства съ западными писателями и самоувѣренный тонъ въ разсужденіяхъ о предметахъ, съ которыми онъ не совсѣмъ близко былъ знакомъ. Таковъ, напримѣръ, его взглядъ на извѣстнаго слависта Добровскаго и грамматiku славянскаго языка. Подобные промахи Полевого съ большимъ искусствомъ выставались на видъ Строевымъ, напримѣръ, по поводу помѣщенія въ «Телеграфѣ» «Письма турецкаго визиря къ гр. Румянцеву» и Ноты о турецкихъ и персидскихъ дѣлахъ, поданной въ 1728 г. императрицѣ Екатеринѣ I. ²⁾ Въ вину Полевому можно поставить и то, что въ 30-хъ годахъ онъ совершенно измѣнилъ свой взглядъ на Пушкина и никакъ не могъ понять достоинствъ «Каменнаго гостя», появленіе же Гоголя привѣтствовалъ бранью. Въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ своихъ критическихъ теорій.—Журналъ Полевого существовалъ до 1834 г.

¹⁾ Исторія русской литературы Полевого, стр. 641.

²⁾ «Московский Телеграфъ» 1828 г. № 9 и 8, стр. 104 и 476.

Къ нему мы возвратимся, когда будемъ говорить о журналистѣ 30-хъ годовъ.

Сильнымъ противникомъ «Телеграфа» относительно нѣкорыхъ литературныхъ и научныхъ вопросовъ былъ «Московскій Вѣстникъ» Погодина, издававшійся съ 1827 г. по 1830 г. Главное достоинство этому журналу сообщили статьи самого издателя и его сотрудника Шевырева. Встрѣчались въ немъ также статьи Снегирева, Востокова, Кеппена, Калайдовича, Строева и другихъ современныхъ почтенныхъ дѣятелей. Во главу угла въ своемъ журналѣ Погодинъ старался поставить безпристрастіе, которое, между прочимъ, доказалъ, помѣстивши въ немъ ожесточенные нападки Арцыбшева на исторію Карамзина и возраженія защитниковъ послѣдняго. Въ журналѣ помещено было много хорошихъ статей историческаго и историко-литературнаго содержанія, былъ значительно развитъ отдѣлъ критики, находившейся преимущественно въ рукахъ самого издателя и Шевырева. Замѣчательны были въ немъ повѣсти издателя, отличавшіяся близостію къ жизни, естественностью, наблюдательностью и народнымъ началомъ, которое, пробившись нѣсколько сильнѣе и дѣйствуя продолжительнѣе, могло-бы сдѣлать изъ автора замѣчательнаго беллетриста съ народнымъ оттѣнкомъ. Въ журналѣ помещалось очень много стихотвореній, принадлежавшихъ самымъ замѣчательнымъ русскимъ поэтамъ, начиная съ Пушкина. Онъ отличался безпристрастнымъ взглядомъ на современное общество и часто рисовалъ его равнодушіе къ успѣхамъ отечественной науки и литературы, нападая при этомъ на французское вліяніе, которому поддавалось общество. Похвально въ издателѣ было также стремленіе къ ознакомленію общества съ трудами лучшихъ западно-европейскихъ ученыхъ, имена которыхъ постоянно фигурировали въ его журналѣ при разборѣ тѣхъ или другихъ произведеній иностранной литературы. Помѣщались въ журналѣ также историческіе матеріалы и значительно былъ развитъ отдѣлъ смѣси. Журналъ Погодина былъ литературнымъ противникомъ «Телеграфа» и «Сѣверной Пчелы», промахи которыхъ часто съ большимъ умѣнь-

емъ выставлялись имъ наружу. Журналъ хорошо понималъ значеніе новыхъ русскихъ поэтовъ и съ величайшимъ уваженіемъ относился къ Пушкину и Жуковскому. Онъ не держался крайнихъ воззрѣній ни романтизма, ни классицизма. Это былъ журналъ, такъ-сказать, эклектическій. Онъ былъ проникнутъ духомъ искренней любви къ отечеству и ко всему, что было связано съ его пользой. Это былъ журналъ честный и благородный. Въ немъ было много таланта, ума и знанія.

О другихъ журналахъ сказать много нечего. «Соревнователь», издававшійся Обществомъ любителей россійской словесности, отличался тѣмъ, что въ немъ помѣщались статьи членовъ названнаго общества и притомъ по баллотировкѣ. Доходъ съ журнала поступалъ въ пользу бѣдныхъ. «Благонамѣренный», издававшійся Измайловымъ, заключалъ въ себѣ прозу, стихотворенія и критику. Особенное вниманіе въ немъ было обращено на разборъ драматическихъ произведеній. Отличительной чертой журнала была какая-то добродушная веселость, которая очень многимъ нравилась. Чрезвычайно слабъ былъ въ журналѣ отдѣлъ библіографіи. Выборъ литературныхъ статей не отличался большимъ вкусомъ. Въ журналѣ помѣщались объявленія о бѣдныхъ, и печатались отчеты о присылаемыхъ вспоможеніяхъ. «Сибирскій Вѣстникъ», издававшійся Спасскимъ, сперва заключалъ въ себѣ статьи, относившіяся исключительно къ Сибири, а потомъ и статьи, касавшіяся Азии вообще. Въ немъ было много интересныхъ статей по исторіи и статистикѣ Сибири. Статьи эти интересны и для настоящаго времени.

Не богаты были 20-е года журналами, но еще бѣднѣе были они газетами. Онѣ названы выше, въ примѣчаніи. Между ними особенно замѣчательна была «Сѣверная Пчела», издававшаяся съ 1825 г. Булгаринимъ и Гречемъ и имѣвшая, между прочимъ, цѣлью сообщать читателямъ болѣе свѣжія политическія новости, нежели какія сообщались «С.-Петербургскими Вѣдомостями», или какія можно было почерпнуть изъ «Московскихъ Вѣдомостей». Темную славу оставилъ по себѣ названный органъ русской журналистики. Глав-

ными и отличительными его чертами были всегда пристрастие, самохвалство и часто крайнее невѣжество относительно разбираемыхъ литературныхъ произведеній. «Сѣверная Пчела» долгое, слишкомъ долгое время была пріютомъ кумовства и сплетничества, и лавкой, въ которой, если нельзя было поучать тѣхъ или другихъ товаровъ, то, по крайней мѣрѣ, можно было справляться объ ихъ достоинствахъ (часто сомнительномъ) и цѣнѣ. Издатели газеты, нисколько не стѣсняясь публички, рассыпались въ похвалахъ другъ другу, а одинъ изъ нихъ даже имѣлъ настолько безцеремонности, что писалъ панегирики самому себѣ. Отзывы о литературныхъ произведеніяхъ основывались на началѣ знакомства и благопріятныхъ отношеній къ издателямъ. Въ нихъ часто встрѣчались непримиримыя противорѣчія, основанныя на перемигѣ отношеній автора разбираемаго произведенія къ пресловутому издателю. Отношенія къ публикѣ, къ чувству совѣсти и справедливости, были со стороны одного изъ названныхъ лицъ газетнаго Януса самыя халатныя. Въ своемъ фельетонѣ онъ разгуливалъ какъ у себя дома, въ своемъ кабинетѣ или въ своей спальнѣ; иначе, не возможно было-бы такъ безцеремонно выставлять на видъ интересы собственнаго желудка или кумовства съ различными владѣтелями соблазнительныхъ по своей роскоши магазиновъ. «Сегодня онъ бранилъ людей, которыхъ превозносилъ вчера, сегодня прославлялъ людей, которыхъ унижалъ вчера». Такая исторія случилась, между прочимъ, съ «Телеграфомъ». Сперва онъ бранилъ этотъ журналъ, а потомъ сталъ превозносить, сколько хватало силъ, затѣмъ опять перешелъ къ брани. Ничего не видѣли этого, или не хотѣли видѣть, глаза друга его Греча, который заявлялъ, что «у Булгарина въ одномъ мизинцѣ болѣе ума и таланта, нежели во многихъ головахъ рецензентовъ», и что Булгаринъ описываетъ моды «правильно, легко, свободно, пріятно, кратко и мило»¹⁾.

¹⁾ «Сынъ Отечества» 1824 г., № 38, стр. 210.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Лица.

Между многими лицами, которыя обратили на себя вниманіе журналистики двадцатых годовъ, выдается личность Наполеона, которому и послѣ смерти еще долго суждено было занимать умъ европейскаго общества. Много статей было посвящено характеристикѣ этого великаго челоука. Въ однихъ его порицали, въ другихъ онъ ставился высоко. Уважемъ на нѣкоторыя изъ нихъ. Въ отрывкѣ изъ «Жизнеописанія Наполеона», составленнаго Вальтеръ-Скоттомъ (М. Вѣстн. 27 г., ч. 4-я), помѣщены свѣдѣнія, касающіяся юности Наполеона, указаны черты, характеризующія благородство его души, его расчетливость и т. д. Въ отрывкѣхъ говорится, что Наполеонъ въ юности, живучи между товарищами, былъ прилеженъ и остороженъ, неуклонно занимался своимъ совершенствованіемъ и не только не искалъ, но даже избѣгалъ обыкновенныхъ искушеній и разсѣянности. Онъ имѣлъ не много друзей и ни одного короткаго. Въ школѣ, въ языкахъ онъ успѣвалъ гораздо менѣе, чѣмъ въ математикѣ¹⁾. Онъ никогда не могъ привыкнуть хорошо писать и читать по французски, не говоря уже, о языкахъ иностранныхъ; къ изящнымъ искусствамъ онъ никогда не обнаруживалъ особенной охоты и въ литературныхъ произведеніяхъ больше всего любилъ напыщенное. Обожденіе въ обществѣ возбуждало невольное удивленіе, съ примѣсью какого-то страха. Желая понравиться въ обществѣ, Наполеонъ часто забавнымъ образомъ рассказывалъ анекдоты изъ своей жизни. Если онъ молчалъ, лицо его выражало презрѣніе; если былъ въ духѣ, то разговоръ его обнаруживалъ что-то прстонародное. Въ отрывкѣхъ сообщаются, между прочимъ, любопытныя под-

¹⁾ Говоря о любимыхъ своихъ занятіяхъ, Наполеонъ сказалъ однажды, что пріятѣйшія для него книги были логарифмы, а лучшимъ удовольствіемъ—рѣшеніе посредствомъ ихъ задачъ.

робности о томъ, что пришлось Наполеону испытывать послѣ паденія со стороны французской черни. Направляясь къ югу въ каретѣ, въ различныхъ городахъ Франціи развѣнчанный императоръ принужденъ былъ переодѣваться почталіономъ или служителемъ, приказывалъ слугамъ вурить въ его присутствіи и насвистывать пѣсни, чтобы обмануть преслѣдованную его яростную чернь. Въ Оргонѣ народъ поднесъ ему къ каретѣ его изображеніе, забрызганное кровью. Говорится и о смерти Наполеона. Въ теченіи 3 мая, говорится въ отрывкахъ, увидѣли всѣ, что жизнь Наполеона примѣтно подходила къ концу. Около двухъ часовъ того-же дня священникъ Виньяли совершилъ надъ нимъ таинство соборованія. За нѣсколько дней, Наполеонъ разсказалъ, какъ похоронить, какъ положить его въ нокоѣ, освѣщенномъ факелами, который у католиковъ называется *горящею комнатою* (*chambre ardente*). Онъ повторилъ тогда свое давнишнее изреченіе: Я не философъ, не матеріалистъ. Вѣрю въ Бога, исповѣдую законъ отцовъ моихъ. Я рожденъ католикомъ, и хочу выполнить обязанности церкви католической и принять даруемую отъ нея помощь. 4 го мая кончилось смертное бытіе сего необыкновеннаго мужа; поднялась буря ужасная, какъ-будто для довершенія сходства Наполеона съ Кромвелемъ. Бурю врывало любимую иву, подъ стѣною которой изгнанникъ часто наслаждался свѣжымъ вѣтеркомъ; и всѣ почти деревья около Лангвуда раздѣлили ту-же участь. Послѣднія слова, произнесенныя устами его, были: *tête d'armée*, доказательство, что мысли умирающаго носились надъ полемъ битвы» ¹⁾.

¹⁾ Въ «Невскомъ Зрителѣ» 1820 г. I, мы находимъ нѣкоторые свѣдѣнія, относящіяся къ жизни Наполеона на о. св. Елены. Тамъ говорится: «По письмамъ съ о. св. Елены, извѣстны намъ нѣкоторыя подробности о жизни и занятіяхъ Бонапарта. Лонгвудъ и весь о. св. Елены очень подробно описаны, недавно вышли гравированные рисунки и планы внутреннихъ покоевъ, которые занимаетъ заключенный.—Тутъ видно канapé, гдѣ онъ обыкновенно сидитъ; каминъ, на которомъ стоитъ мраморный бюстъ сына Наполеона; на стѣнѣ также висятъ пять его изображеній, два портрета императрицы, и изъ сихъ портретовъ бывшаго римскаго короля одинъ выпивала сама

Въ той-же книжкѣ «Московского Вѣстника», въ которой помѣщены отрывки изъ Живнеописанія Наполеона, находится разборъ этого сочиненія Вальтеръ-Скотта. Въ разборѣ говорится, что оно надѣлало много шума въ литературномъ мѣрѣ. Биографія содержитъ 9 томовъ; первые два тома заняты описаніемъ революціи. По словамъ разбора, многіе остались недовольны произведеніемъ Вальтеръ-Скотта: французы бранили автора за то, что онъ будто-бы, по народному пристрастію, не отдалъ должной справедливости бывшему ихъ императору; англійскіе оппозиціонные журналы за то, что онъ посылалъ нѣкоторыя мѣста своей исторіи на разсмотрѣніе герцога Веллингтона и слѣдовалъ его поправкамъ; нѣмцы за то, что они въ новой исторіи находили прекрасныя описанія, не находя новыхъ идей и взглядовъ политическихъ. Тѣмъ не менѣе, по словамъ разбора, въ первые два дня послѣ появленія книги раскуплено было 5000 экземпляровъ. Одна французская газета сообщала, что автору предлагали 12,000 фунт. стерлинг. (300,000 руб.) за 8000 экземпляровъ исторіи Наполеона.

Какъ о всякомъ великомъ человѣкѣ, о Наполеонѣ и въ современномъ обществѣ и позже ходило много анекдотовъ. Мы часто встрѣчаемъ ихъ въ журналахъ 20 годовъ. Вотъ одинъ изъ такихъ анекдотовъ. Канова часто бесѣдовала самъ-третей съ Наполеономъ и Жозефиной въ Мальмезонѣ. Великій воинъ забавлялся надъ артистомъ. «Ты воюешь съ мраморомъ, говорилъ онъ, твои побѣды жестче моихъ.»—И, можетъ быть, прочнѣе, отвѣчалъ Канова. Артистъ уговари-

Марія Луиза; маленькій столъ, на которомъ Бонапартъ завтракаетъ, желѣзная походная постель, на которой онъ спитъ; другая, гдѣ ложится, когда мучимъ безсонницею; въ кабинетѣ его стоитъ конторка, гдѣ онъ обыкновенно трудится. Столовая зала, гдѣ Бонапартъ всегда обѣдаетъ съ Гургодомъ, съ г-мъ и г-жей Монтолонъ; столъ его продолжается не болѣе 15 или 18 минутъ. До обѣда онъ играетъ въ шахматы; послѣ стола обыкновенно спрашиваетъ своихъ посѣтителей: съ чего начинать, съ комедіи или съ трагедіи? и тогда одинъ изъ присутствующихъ начинаетъ громко читать сцены изъ Корнеля, или Расина, или Мольера. Въ 11 часовъ вечера ложится онъ спать, и называетъ это побѣдою времени».

валъ Наполеона отдыхать на лаврахъ, наслаждаться могуществомъ и не играть жребіемъ. Императоръ смѣялся надъ его страхомъ и говорилъ: я дамъ новыя сраженія, какъ ты дѣлаешь новыя статуи.

Разбирая литературныя произведенія, посвященныя характеристикѣ личности Наполеона, журналы иногда вдавались въ обширныя разсужденія объ историческомъ значеніи этого человѣка. Такими разсужденіями наполненъ, напримѣръ, разборъ одного стихотворенія, подъ названіемъ «Наполеонъ», помѣщенный въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1828 г., ч. 9. Критикъ начинаетъ свой отзывъ о стихотвореніи такимъ образомъ: «Память человѣка великаго долго бываетъ источникомъ влчновеній поэтическихъ. Кажется, всякій, по силѣ и средствамъ, считаетъ за долгъ принести свою дань представителю челоувѣчества. Хотя Наполеонъ, сей метеоръ 19-го вѣка, давно уже началъ отъ насъ удаляться, но все еще онъ, по близости своей къ намъ, слишкомъ огроменъ, и потому наши взоры не могутъ обнять въ немъ дѣлаго. Еще много, много пройдетъ вѣковъ, пока онъ не предстанетъ въ круглой полнотѣ своей, доступной зрѣнію одного потомства. До-сихъ-поръ все челоувѣчество еще не могло собрать вкупѣ всего того, что сей челоувѣкъ завѣщалъ ему и дѣломъ, и словомъ. Мы доселѣ не въ силахъ отличить въ немъ существеннаго отъ случайнаго; не можемъ найти центра, въ которомъ соединились-бы всѣ радіусы его дѣйствій, простирающіеся по безконечной окружности; не можемъ найти рамы, въ которой могло бы вмѣститься его исполнисное изображеніе. Вотъ почему все, что ни писали до-сихъ-поръ чисто историческаго о сей великой загадкѣ исторіи, такъ мало соотвѣтствовало желаніямъ людей мыслящихъ. Намъ суждено еще болѣе инстинктомъ и въ однѣхъ частяхъ постигать величіе и характеръ Наполеона, нежели разумомъ понимать его и опредѣлять каждое его дѣйствіе. Не въ этомъ-ли, наконецъ, заключается и причина того, почему одинъ изъ первенствующихъ въ литературномъ мірѣ мужей сего вѣка не могъ вполне удовлетворить требованію своихъ современниковъ?

Если исторія не могла еще вмѣстять въ свои предѣлы

колоссальнаго Наполеона и въ ряду протекшихъ поколѣнїи поставить его вѣрное изображеніе на видѣ челоувѣчеству, то тѣмъ менѣе могла себѣ его присвоить поэзія, которая изъ преданїи минувшаго въ свой міръ, исполненный жизни, вынмываетъ только тѣни, прїявшїя образъ опредѣленный. Вопросъ: почему Наполеонъ доселѣ не могъ быть предметомъ ни трагедїи, ни поэмы, тѣсно связанъ съ важнымъ вопросомъ въ теорїи искусства: какое отношеніе имѣетъ исторїя къ поэзіи, и подѣ какими условїями лица первой могутъ переходить въ міръ идеальный? Здѣсь не мѣсто отвѣчать на него; мы рады были только случаю напомнить о немъ читателямъ.

Все, что доселѣ поэзія сказала о Наполеонѣ, ограничилось одними только размышленїями, которымъ невольно всякій предается при чтенїи современныхъ лѣтописей о дѣлахъ его.

Послѣ этого вступленїя, критикъ приводитъ нѣкоторыя мысли и мѣста изъ разбираемаго стихотворенїя. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ, какъ образецъ того, что наши тогдашнїе поэты говорили и думали о Наполеонѣ: «Сынъ судьбы возникъ, вострепетало творенїе, но не бойся, міръ!—его уже нѣтъ.—Онъ, какъ все чудесное въ природѣ, покрытъ былъ тайною: Океанъ воспиталъ младенца, Океанъ воспрїялъ его.—Какъ села, напуганная бурями, оживившими нивы, изъ рода въ родъ передаютъ страшный разсказъ о нихъ, такъ о немъ говоритъ потомство, и проклиная его, и взумляясь ему.—Нѣтъ, не проклиная его, смертный!—можетъ быть, ты въ немъ клянешь законъ вселенной.—Кто былъ этотъ смертный, который раздавалъ царства и сокрушалъ ихъ, котораго цѣлый міръ едва могъ свести съ трона? Кто игралъ смертію и сносилъ жизнь по паденїи?—Это былъ Наполеонъ».

И самъ онъ вспоминалъ, какъ нѣкій дивный сонъ,
Сей трона блескъ, сей блескъ воинственнаго стана,
Когда узрѣлъ себя, внезапно пробужденъ,
На камнѣ, одного, въ пустынѣ океана;
Когда, склонивъ къ мечтамъ усталую главу,
Онъ видѣлъ весь свой путь съ края на край вселенны,
Маренго, Австерлицъ и въ пламени Москву
И скалы дикїя Елены!

Впрочемъ, не всѣ изъ писавшихъ о Наполеонѣ въ 20 годахъ такъ благосклонно отзывались о немъ. Въ сочиненіи Н. Муравьева, члена многихъ ученыхъ обществъ своего времени, называющемся: «Нѣкоторыя изъ забавъ отдохновенія», между прочимъ, о Наполеонѣ сказано: «онъ, сидя въ клѣткѣ своей, послѣдніе четыре года страдалъ сѣданиемъ рака его желудка. Онъ началъ свое поприще въ свѣтѣ и продолжалъ, и кончилъ оное революціоннымъ цырюльникомъ, пушкаремъ. Ни ума; ни доброты, ни чести никогда въ немъ не было болѣе того, что могло принадлежать сему званію».

Указывались въ журналахъ и произведенія иностранной литературы о Наполеонѣ, каковы, напримѣръ, *Vie politique et militaire de Napoléon*, авторомъ котораго считали Жюмини, *Napoléon en Egypte*, Бартелеми, и т. п. При указаніи на первое изъ этихъ произведеній въ «Московскомъ Вѣстникѣ» приводится отзывъ о немъ изъ *Revue Encyclopedique*, въ которомъ онъ ставится выше «Жизнеописанія» составленнаго Вальтеръ-Скоттомъ, упрекаемымъ въ пристрастіи, аристократизмъ и феодализмъ и превращеніи исторіи въ романъ. Второе произведеніе, поэма, характеризуется какъ сочиненіе, заслужившее большія похвалы въ иностранной литературѣ. Поэма содержитъ, между прочимъ, описаніе сраженія при пирамидахъ, биваковъ войскъ, вступленіе въ Каиро, разлитіе Нила и т. д.—Въ произведеніяхъ иностранной литературы въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1827 г., ч. 7-я, при разборѣ сочиненій Шатобриана, приводится, между прочимъ, параллель, проводимая послѣднимъ между Вашингтономъ и Наполеономъ, причемъ въ одномъ мѣстѣ говорится: «Бонапартъ не имѣетъ ни одной черты важнаго американца: онъ сражается на древней землѣ, окруженной блескомъ и шумомъ исторіи; онъ хочетъ создать одну свою славу, печется только о своемъ жребіи. Онъ предугадываетъ, что его посланіе на землѣ будетъ кратковременно, что потокъ, съ такой-высоты бѣгущій, быстро промчится; онъ спѣшитъ исчерпать сластолюбіе славы, какъ молодости летучей. Подобно богамъ Омровымъ, онъ четырьмя шагами хочетъ достигнуть предѣловъ міра; онъ является на всѣхъ берегахъ; послѣдно вноситъ имя свое въ лѣтописи

всѣхъ народовъ; на лету бросаетъ короны своему семейству и солдатамъ; торопится воздвигать памятники, писать законы, одерживать побѣды. Имя Бонапарта также повторится племенами грядущими; но съ нимъ не сольется ни единое благословеніе, и на него, какъ на законъ, будутъ ссылаться завоеватели-притѣснители».

Въ 7 части «Московского Вѣстника» 1828 г. приводится басня Наполеона, знакомящая насъ съ нимъ какъ съ поэтомъ. Она написана имъ въ Брюннѣ, въ 1783 г., на 16 году его жизни. Называется она *Le Chien, le Lapin et le chasseur* и начинается такъ:

Cesar, chien d'arrêt renommé,
Mais trop enflé de son mérite;
Tenait arrêté dans son gîte
Un malheureux Lapin de peur inanime, и проч.

Дѣлая общее заключеніе о журнальныхъ статьяхъ 20-хъ годовъ, касающихся личности Наполеона, нужно замѣтить, что въ нихъ мы, съ одной стороны, знакомимся съ взглядами, существовавшими относительно его въ указанное время въ обществѣ и литературѣ, а съ другой—находимъ въ нихъ довольно значительный запасъ матеріаловъ для знакомства съ названною историческою личностью.

Въ числѣ другихъ лицъ, дѣйствовавшихъ на политическомъ поприщѣ и обратившихъ на себя вниманіе журналовъ двадцатыхъ годовъ, выдается знаменитый англійскій министръ Каннингъ, умершій въ 1827 г. Въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1827 г., ч. 3, помѣщена краткая біографія этого знаменитаго человѣка. Въ ней говорится о его происхожденіи, школьныхъ занятіяхъ, адвокатурѣ, парламентской дѣятельности, въ качествѣ представителя отъ разныхъ мѣстечекъ, дѣйствіяхъ и взглядахъ какъ министра, борьбѣ съ оппозиціей и т. д. Въ концѣ статьи высказывается, между прочимъ, такой взглядъ на Каннинга: «Сему необыкновенному человѣку нашего времени вообще приписываютъ отличную способность къ публичнымъ преніямъ и разбирательствамъ; съ пріятною наружностью соединяетъ онъ рѣдкую живость характера; разговоръ его исполненъ сарказмовъ, и парламентскія рѣчи его носятъ

на себя печать сатирической склонности. Каннингъ никогда не бываетъ такъ краснорѣчивъ и увлекателенъ, какъ въ то время, когда поражаетъ своего противника прямыми личностями. Быстрое его возвышеніе возбудило противъ него толпу враговъ и завистниковъ, которые несправедливость свою простираютъ иногда слишкомъ далеко и въ нападеніяхъ выходятъ изъ границъ умѣренности».—Въ 5 ч. того-же журнала, за 1827 г., помѣщена замѣтка о смерти Каннинга. «Всѣ европейскіе политическіе журналы, говорится въ ней, наполнены извѣстіями о смерти Каннинга, послѣдовавшей сего августа 8 числа, по новому стилю. Едва-ли былъ кто-нибудь изъ частныхъ людей, который-бы до такой степени возбуждалъ общее вниманіе, какъ сей англійскій министръ. Въ отечествѣ его дни его болѣзни были днями общаго сѣтованія, и Англія, лишаясь его теперь, облачается въ одежду печали. Дюпень, славный статистикъ французскій, напечаталъ письмо къ редактору *Journal des débats*, въ коемъ онъ предлагаетъ выбить медаль въ честь покойнаго. Южная Америка, говорятъ онъ, оплатитъ министра миротворца, который первый привѣтствовалъ ее, какъ державу независимую, и потому старался утѣшить смутенія, ее раздрающія. Португалія оплатитъ министра, который спасъ ее отъ чуждаго вторженія и ужасовъ войны междоусобной. Греція оплатитъ министра, который бралъ ее подъ свое покровительство во время гибели и рѣшительно утверждалъ, что чада эллиновъ должны получить землю отцовъ своихъ. И всѣ народы оплатятъ великаго человѣка, который являлъ въ своихъ дѣйствіяхъ, до какой степени онъ хотѣлъ и умѣлъ осуществить свою мысль, намъ прежде всѣхъ достойно вѣренную». Статьи о Каннингѣ не ограничиваются журналами 20-хъ годовъ; онѣ встрѣчаются и въ журналахъ 30-хъ годовъ; о послѣднихъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Будучи не совсѣмъ чужда явленій политической жизни и упоминая о нѣкоторыхъ наиболѣе замѣчательныхъ дѣятеляхъ на политическомъ поприщѣ, журналистика 20-хъ годовъ гораздо больше обращала вниманія на вопросы научные и отводила на своихъ страницахъ больше мѣста для характери-

стики дѣателей на ученое поприщѣ, особенно отечественныхъ. Сюда относятся Гумбольдтъ, Шлецеръ, А. В. Шлегель, Эйхгорнъ и другіе подобныя ученые, а между отечественными дѣателями преимущественно Кирамьянъ. Нельзя не поставить въ заслугу журналистикѣ 20 годовъ того, что она довольно усердно знакомила публику съ ихъ замѣчательными произведеніями. Такъ, въ «Московскомъ Вѣстникѣ» за 1827 г. помѣщены отрывки изъ сочиненія Гумбольдта «Политическое обозрѣніе новой Испаніи». Тамъ-же говорится о Гумбольдтѣ слѣдующее: «Мы получили извѣстіе, что знаменитый Гумбольдтъ, въ началѣ ноября, началъ въ Берлинѣ свои физико-географическія лекціи. Число желавшихъ слушать его было такъ велико, что онъ принужденъ былъ начать второй курсъ для тѣхъ, кои не могли достать билетовъ на первый. Говорятъ, что описать нельзя, съ какимъ восторгомъ внимаютъ его чтеніямъ. Между слушателями видятъ министровъ, генераловъ. По пресѣбѣ берлинскихъ дамъ, Гумбольдтъ вскорѣ вачнетъ для нихъ особый курсъ физической географіи». Подобныя краткія извѣстія помѣщались обыкновенно въ отдѣлѣ смѣси или разныхъ извѣстій.

Важныя услуги, принесенныя Шлецеромъ исторіи и статистикѣ, не могли не обратитъ на него вниманія журналистики двадцатыхъ годовъ. Особенно естественно было указать на нихъ Погодину, ревностному его почитателю, что и сдѣлано было имъ въ его журналѣ, въ переводной статьѣ изъ Герена, подъ названіемъ «Августъ Людвигъ Шлецеръ». ¹⁾ По мнѣнію Герена, ни одинъ изъ нѣмецкихъ историковъ не имѣлъ такого сильнаго вліянія на свой вѣкъ, какъ Шлецеръ: вліяніе прочихъ ограничивалось литературою; его вліяніе простиралось и на дѣйствительную жизнь. Его занятія имѣли практическое направленіе. Придавая большое значеніе вопросамъ объ учрежденіи государствъ, онъ придавалъ еще большее значеніе вопросамъ объ управленіи ими. Это-то обстоятельство доставило его произведеніямъ доступъ къ людямъ государственнымъ. Историческія изслѣдованія Шлецера на-

¹⁾ Московскій Вѣстникъ, ч. 4, стр. 315.

чались исторією сѣвера. Первымъ его положеніемъ было то, что все, считавшееся по отношенію къ этому предмету извѣстнымъ, большею частію баснословно и, слѣдовательно, должно быть отвергнуто. Въ сѣверной и преимущественно въ русской исторіи Шлецеръ является не столько писателемъ исторіи, сколько изыскателемъ матеріаловъ для нея. Главнымъ произведеніемъ Шлецера является критическій разборъ Несторовой летописи. Къ сожалѣнію, его занятія русскою исторією были прерваны его возвращеніемъ въ Геттингенъ. Здѣсь онъ задумалъ писать всеобщую исторію, по совершенно особенному и обширнѣйшему плану. Сначала онъ хотѣлъ изложить исторію всѣхъ народовъ порознь, числомъ около 200, каждого на полулистѣ, изложивъ событія безъ всякаго объ нихъ разсужденія, сжавъ ихъ, какъ сжимаютъ хлопчатую бумагу на индійскихъ корабляхъ, центнеръ въ пространство кубическаго фута. Изъ сей суммы должно было сочинить систему, совершенно новый трудъ, который преимущественно долженъ былъ заключать исторію образованія и, слѣдовательно, открытій. Шлецеръ для опыта началъ было писать исторію вина; но это ему не удалось; во всемъ остальномъ онъ успѣлъ еще менѣе. Заслуги Шлецера въ статистикѣ весьма велики, хотя онъ-же способствовалъ распространенію въ ней нѣкоторыхъ ложныхъ взглядовъ. Онъ придавалъ слишкомъ большое значеніе вещественнымъ силамъ государства, высказавши положеніе, что основная сила государства состоитъ въ народонаселеніи, которую онъ измѣрялъ только по количеству, не обращая вниманія на качество. До Шлецера, въ статистикѣ, говоритъ Геренъ, царствовала почти невѣроятная таинственность. Объ обыкновенныхъ явленіяхъ разсуждали какъ о тайнахъ государственныхъ; ни одинъ служащій не говорилъ объ нихъ свободно, или потому, что считалъ сіе опаснымъ, или потому, что присяга ясно запрещала ему это. Бродили во тьмѣ не только при собраніи податей, но и при ихъ распределеніи и возвышеніи; а посему не были въ состояніи оцѣнить настоящаго положенія государства, и статистика должна была остаться сплетеніемъ заблужденій и ложныхъ понятій.

Шлецеръ первый разогналъ сію таинственность и тѣмъ доставилъ наукѣ ея истинное достоинство. ¹⁾

Шлецеръ былъ замѣчательнъ и какъ журналистъ. Въ его журналахъ находили убѣжище всѣ угнетенные, что заставляло угнетателей внимательнѣе относиться къ своимъ дѣйствіямъ. «Какъ скоро появлялся новый номеръ журнала, то нѣсколько тысячъ экземпляровъ расходились по всей Германіи, и даже въ кабинетѣ Маріи Терезіи часто спрашивали: не вышелъ-ли «новый Шлецеръ?»

Въ журналѣ Погодина, при разборѣ произведеній иностранной литературы, мы часто встрѣчаемъ такія имена, какъ: Тьерри, Мишо, Ранке, Галламъ и др. Нѣкоторые изъ разборовъ довольно обстоятельны. Къ нимъ, напримѣръ, принадлежитъ разборъ «Критическихъ сочиненій А. В. Шлегеля». Въ немъ, между прочимъ, выражается слѣдующій, довольно справедливый, взглядъ на этого писателя, оказавшаго вліяніе и на нашу литературу: «Хотя мы должны съязать откровенно, что Шлегель не совсѣмъ былъ безпристрастенъ къ произведеніямъ эстетическимъ въ частности и нерѣдко слишкомъ увлекался ими, а другія слишкомъ отвергалъ; но по истинѣ должны сказать и то, что онъ никогда не переставалъ въ критикѣ своей отдавать должную дань духу изящества, гению и таланту. Будучи самъ одаренъ возвышеннымъ поэтическимъ чувствомъ и многообразно его развивши, онъ всегда вѣрно умѣлъ чувствовать истинно прекрасное и гениальное, отличать ихъ отъ противнаго и представлять въ надлежащемъ свѣтѣ. Ни односторонній эмпиризмъ, ни умозрѣніе не помрачали его свободного взгляда, съ восторгомъ встрѣчавшаго все высокое, прекрасное, благородное; симъ-же восторгомъ одушевленный, Шлегель пускался въ обширныя изученія, сопряженныя съ трудами великими, польза коихъ признана единогласно».

Много блестящихъ именъ видимъ мы въ западной ученой литературѣ 20-хъ годовъ. Въ ихъ раду стоятъ Риттеръ, Ранке, Геренъ, Инбуръ, Эйхгорнъ, Шамполіонъ, Мишо, Тьерри,

¹⁾ М. В., стр. 328.

Галлянтъ и другіе. Русская современная журналистика, какъ мы сказали, старалась, по мѣрѣ силъ и возможности, знакомить съ ихъ произведеніями русскую публику. Но она, конечно, не могла въ достаточной полнотѣ передать все цѣнное, все замѣчательное въ ихъ произведеніяхъ. Для этого у нея не было средствъ и возможности. Причина лежала отчасти и въ нѣкоторыхъ редакторахъ журналовъ, которые не могли возвыситься до безпристрастнаго отношенія къ западной наукѣ и передавали читающей публикѣ только то, что наиболѣе соотвѣтствовало ихъ личному вкусу и воспитаннымъ временемъ взглядамъ, и притомъ не торопясь. Кромѣ того, въ журналахъ нужно было отводить значительное мѣсто для легкихъ статей, которыя находили болѣе обширный кругъ читателей. Въ этомъ отношеніи характеристично замѣчаніе, сдѣланное Погодинымъ въ его журналѣ послѣ помѣщенія программы лекцій въ нѣкоторыхъ изъ заграничныхъ университетовъ. Приведши на нѣсколькихъ страницахъ имена современныхъ западныхъ профессоровъ, онъ, какъ видно, съ укоромъ и прискорбіемъ говорить: «До насъ, въ Москву, дошла слава только нѣкоторыхъ геттингенскихъ профессоровъ: Блауенбаха, Герена, Бутервека, Заалфельда, Гуго, Сорторіуса, Миччерлиха, Гардинга, Шрадера».

На страницахъ журналовъ 20-хъ годовъ много мѣста было отведено Карамзину. Его «Исторія Государства Россійскаго» надѣлала много шума въ свое время. Нашлось много поклонниковъ, нашлись и порицатели. Между послѣдними съ особеннымъ ожесточеніемъ напалъ на Карамзина Арцыбышевъ, замѣчанія котораго помѣщены въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 28 года. Они съ удовольствіемъ были приняты Погодинымъ въ его журналъ и возбудили потомъ сильную полемику. Помѣщая ихъ, Погодинъ предпослалъ имъ такого рода замѣтку: «Исторія Государства Россійскаго заключаетъ въ себѣ еще множество предметовъ, которые требуютъ подробнѣйшаго разсмотрѣнія, объясненія, изслѣдованія. По времени, въ которое она писана, когда матеріалы не были приготовлены критически, невозможно и требовать, чтобъ было иначе. Еще много, много лѣтъ пройдетъ, пока намъ вельзя будетъ имѣть совершенной исторіи

въ такихъ предѣлахъ, какіе положилъ себѣ Карамзинъ, хотя бы родился человекъ, имѣющій всѣ способности для этого подвига. Смотра на исторію Карамзина въ отношеніи къ исторической критикѣ, ее можно, въ нѣкоторомъ смыслѣ, назвать указательницею задачъ, которыхъ разрѣшеніе необходимо для будущей исторіи. Друзья истины и науки должны желать, чтобъ задачи сіи разрѣшались болѣе и болѣе, и чтобъ мы, такимъ образомъ, скорѣе узнали великое свое отечество. Съ сего цѣлю просилъ я у Н. С. Арцыбшева замѣчаній на сочиненіе исторіографа. Кто имѣетъ право дѣлать такія замѣчанія болѣе человекъ, который двадцать пять лѣтъ, отшельникомъ, занимается Россійскою исторіею и такъ коротко знакомъ съ нашими лѣтописями?

Начиная свои замѣчанія, Арцыбшевъ прежде всего оканчивается недовольнымъ названіемъ труда Карамзина. Онъ утверждаетъ, что слово *исторія* требуетъ предложнаго падежа съ предлогомъ *о* или *объ*; слѣдовательно, нужно было дать такое названіе: *Исторія о государствѣ россійскомъ*. Слогъ исторіи Карамзина онъ называетъ болѣе *провозмашательнымъ*, нежели *историческимъ*. Онъ говоритъ, что въ ней встрѣчается много чужеземныхъ выраженій, множество словъ напыщенныхъ, явительныхъ (*безразсудное намѣреніе, измѣнникъ, злодѣй, извергъ, предатель, вертепъ разбойниковъ*), иностранныхъ (*хронологическое*, вмѣсто лѣтосчислительное, *биографія*, вмѣсто жизнеописаніе) и лишнихъ проименованій (*мужественный Олегъ, славный воевода Свѣнелдъ, мусный любимецъ*). Въ Исторіи онъ видитъ много лишняго, посторонняго; постороннее, по его мнѣнію, составляетъ почти всю первую и третью главу въ первомъ томѣ. «Дойдетъ ли очередь до нашествія татаръ, говоритъ онъ, то г. исторіографъ силится описывать подвиги Чингисхана; коснется ли рѣчь до вступленія Тамерлана въ наши юговосточные предѣлы, то вся почти исторія о семъ завоевателѣ явится предъ взоры читающаго. Такое суеловіе наскучиваетъ, особенно въ описаніи басенъ и собственномъ мудрованіи сочинителя нашего, что не рѣдкость въ его произведеніи. ¹⁾ Относительно замѣ-

¹⁾ Московскій Вѣстникъ 28 г., ч. 11, стр. 292.

чания Карамзина»: Множество сдѣланных мною примѣчаній и выписокъ устрашаетъ меня самого» критикъ говоритъ: «оно не утрашило-бы насъ, читателей, если бы всѣ означенныя примѣчания и выписки были дѣльны; а какъ есть изъ нихъ такія, кои показываютъ только желаніе блистать умомъ или казаться глубокомысленнымъ, нынѣ даже совсѣмъ ненужныя; то онѣ дѣйствительно и насъ устрашаютъ». «Всего болѣе пренебреженъ г. историографомъ порядокъ лѣтосчислительный, замѣчаетъ онъ далѣе; годовыя числа хотя поставлены въ «Исторіи Государства Россійскаго» на краяхъ страницъ, но не означено, къ которымъ словамъ сіи числа принадлежать. Читатель видитъ иногда на краю два числа и недоумѣваетъ, къ какому году приписать изъясненныя подъ ними событія? Такое нерадѣніе лишаетъ будущаго дѣлписателя удобства, во многихъ случаяхъ, ссылаться прямо на «Исторію государства Россійскаго», а особливо, если онъ замѣтитъ еще, что въ ней поставлены годовыя числа иногда на удачу (наприм., завоеваніе Болгаріи Святославомъ въ 970 г.)». ¹⁾

Послѣ общихъ замѣчаній Арцыбшевѣ переходитъ къ частному разбору исторіи Карамзина. Въ первой главѣ онъ находитъ, между прочимъ, слѣдующія ошибки у послѣдняго и поправляетъ ихъ. У грековъ и римлянъ сохранились извѣстія не о древнемъ нашемъ отечествѣ, а объ южныхъ предѣлахъ онаго. Названіе *славяне* нельзя производить отъ слова *слава*, такъ-какъ ни одно изъ древнихъ славянскихъ именъ не кончается на *слава*. Славяне не были такъ ужасны для греческой имперіи, какъ гунны (ссылка на Прокопія Кесарійскаго), въ описаніи нападенія славянъ на Византію при Юстиніанѣ находится много вымышленнаго. Во второй главѣ дѣлаются такія поправки. Показывая древнѣйшую землю славянъ, Карамзинъ ошибается: хотя она была тамъ, гдѣ Угорская и Болгарская, но на лѣвомъ берегу Дуная; свидѣтель тому Прокопій Кесарійскій. Время основанія Полоцка извѣстно (Радзивилловскій списокъ лѣтописи). У Нестора нѣтъ

¹⁾ Тамъ-же, 294 стр.

ничего о томъ, что финны до прибытія Рюрика имѣли уже города; нѣтъ и того, что до этого времени славяне русскіе въ теченіе многихъ столѣтій не знали иного правленія, кромѣ народнаго ¹⁾. Въ третьей главѣ критикъ порицаетъ Карамзина за то, что онъ приписываетъ славянамъ высокой ростъ и мужественную пріятность лица, ссылаясь на Прокочія и Маврикія, которые ничего не говорятъ объ этомъ. Нигдѣ нельзя найти доказательства тому, что славяне, не зная еще грамоты, имѣли свѣдѣнія въ арифметикѣ и хронологіи, дали названія мѣсяцамъ и называли столѣтіе вѣкомъ. Слово князь нельзя производить отъ слова *комъ*. Русскіе славяне искони состояли подъ единой властью. Славянскіе обычаи нельзя объяснять финскими. Въ другихъ главахъ дѣлаются такія поправки: Рюрикъ прибылъ не въ Новгородъ, а въ Ладугу, Олегъ былъ не опекуномъ Игоря, а настоящимъ правителемъ, въ лѣтописи ничего не говорится о томъ, что этотъ князь поручилъ отдаленныя области въ управленіе вельможамъ, казарскій ханъ не господствовалъ въ Витебской губерніи, переводъ договора Олега съ греками не вѣренъ, Асмудъ не былъ бояриномъ, сказанія о мести Ольги—отвратительнѣйшія сказки, слово *перевъсище* означаетъ не мѣсто свѣтей, а *перевозъ, перевознище*, Святославъ воротился изъ Болгаріи не съ горстью воиновъ, а съ 22,000 человекъ (Левъ Діаконъ), Доростолъ—не выѣшная Силистрія, гридни были не тѣлохранители (гл. IX), а *юрничные*, служители, извѣстія скандинавскихъ и вѣмецкихъ лѣтописцевъ о торговлѣ древней Россіи съ сѣверными народами не могутъ считаться достовѣрными. ²⁾

Мы привели только нѣкоторые изъ замѣчаній Арцыбышева на исторію Карамзина. Указать ихъ всѣхъ нѣтъ возможности, такъ-какъ ихъ масса. Тонъ замѣчаній самый неуважительный и насмѣшливый. Постоянно встрѣчаются такія выраженія: «довольно красиво, да только не очень справедливо»; г. исторіографъ забылъ уже написанное имъ»; «намъ осталось дивиться г. исторіографу, что онъ не упустилъ и здѣсь приба-

¹⁾ Московскій Вѣстникъ, ч. II, стр. 295—318.

²⁾ Московскій Вѣстникъ 1828 г., ч. 12, стр. 52, 254 и слѣд.

вить отъ себя»; «опять собственная выдумка нашего дѣписателя», такъ великолѣпно испортилъ г. историографъ слова харатейныхъ списковъ»; «бытописатель нашъ отгадываетъ даже и помышленіе»; «самъ нашъ историкъ доказываетъ несправедливость своего повѣствованія»; «нашъ дѣписатель измѣняетъ повѣствованія Несторовы» и т. л.

Нападки Арцыбышева не остались безъ отвѣта и отпора. Въ Московскомъ Вѣстникѣ 28 г., ч. 12, было помѣщено опроверженіе въ защиту Карамзина. Въ началѣ авторъ спрашиваетъ: «Кто такой г. Арцыбышевъ? Извѣстенъ-ли онъ чѣмъ-либо въ кругу литераторовъ? Мнѣ онъ извѣстенъ только по критическимъ выходкамъ на Исторію Россійскаго Государства... и по «приступу къ повѣсти о русскихъ, изданному еще въ 1811 году». Главнѣйшія его замѣчанія слѣдующія: Арцыбышевъ, живя 25 дѣтъ отшельникомъ, вздумалъ преподавать грамматику временъ Тредьяковскаго, по которой не приходится сказать: Исторія Государства Россійскаго. Въ наше время и пишутъ и говорятъ, замѣчаетъ защитникъ: *исторія російская* или *исторія Россіи*, а не *исторія объ Россіи*». Нельзя сказать, что расположеніе исторіи Карамзина заимствовано у Юма, на томъ основаніи, что исторія послѣдняго тоже раздѣлена на главы и предъ началомъ главы выставлены перечни; это у людей ученыхъ, замѣчаетъ защитникъ, называется: *baculus in angulo, ergo pluit*. «Г. Арцыбышевъ оуждаетъ также и слогъ историографа, который всѣми почитается образцовымъ ¹⁾. Онъ оуждаетъ слогъ сей за то, что онъ не сухъ. Но долженъ-ли историческій слогъ быть сухимъ? Говоря душѣ человѣческой, историкъ долженъ трогать всѣ ея струны, и слогъ его долженъ быть гибкимъ, разнообразнымъ, какъ душа человѣческая». Противъ обвиненія въ напыщенности онъ говоритъ: «неужели слова, проникающія прямо во глубину души русской, могутъ назваться напыщенными?» Наше древнее отечество не на сѣверѣ, а на

¹⁾ Относительно этого мѣста Погодинъ дѣлаетъ внизу слѣдующее замѣчаніе: Въ мнѣніи о слогѣ, говоря вообще, а совершенно не согласенъ съ г. Арцыбышевымъ.

югѣ ¹⁾, замѣчаетъ онъ далѣе; слѣдовательно, Карамзинъ правъ, сказавъ, что греки и римляне писали о древнемъ нашемъ отечествѣ; самъ Арцыбышевъ помѣщалъ его прежде на югѣ. Имя *славяне* можетъ происходить отъ *славъ* и не можетъ происходить отъ *слова*; доказательство можно найти у Шлецера ²⁾. Сдѣлавши еще одно опроверженіе, защитникъ далѣе говоритъ: Но должны-ли мы проходить по порядку всѣ таковыя странности? ³⁾ Должны-ли мы отвѣчать на тѣ выходки, которыя не достойны благомыслящаго человѣка? г. Арцыбышевъ смотритъ на вещи *своими манерами*; и должно объ этомъ сожалѣть; ибо его сужденія не приведутъ и его самого ни къ чему полезному, кромѣ потери времени на выискиваніе выражений, которыя ему не нравятся... Положилъ перо и будемъ утѣшаться тѣмъ, что совѣтъ наша не укоритъ насъ въ неуваженіи къ праху знаменитаго изъ нашихъ согражданъ. Такъ мы умѣемъ отдавать всю справедливость безсмертнымъ заслугамъ Карамзина. Память его должна быть священна для насъ не потому только, что онъ возвысилъ языкъ нашъ до степени образованныхъ европейскихъ языковъ, но потому наиболѣе, что онъ одинъ не только собралъ все то, что относится до матеріаловъ отечественной исторіи, но и написалъ исторію, поставившую его, по словамъ иностранныхъ рецензентовъ, на ряду съ славнѣйшими историками древнихъ и позднѣйшихъ временъ. ⁴⁾

Помѣстивши замѣчанія Арцыбышева, Погодинъ, какъ видно, нажилъ себѣ много неприятностей и неприятелей. Его начали

¹⁾ М. Г., замѣчаетъ Погодинъ, ядро нашего государства на сѣверѣ... Объ этомъ-то нашемъ древнемъ отечествѣ древніе ничего не знали, говоритъ Арцыбышевъ, и справедливо.

²⁾ Предоставимъ дѣтамъ спорить объ этомъ словопроизводствѣ. Загляните, М. Г., въ Добровскаго, и тамъ вы увидите, что *славъ* и *слова* происходятъ отъ одного корня, прибавляетъ Погодинъ.

³⁾ Внизу слова Погодина: немного-же вы прошли.

⁴⁾ Далѣе защитникъ приводитъ отзвмы иностранныхъ журналовъ о Карамзинѣ: Le courier, 5 octobre 1819, № 107, L'impartial, 3 Janvier 1820, Archive des Letres, 17 Decembre 1819, Le Constitutionnel, 4 juillet 1820, тотъ-же журналъ 13 octobre 1820.

осаждают письмами, направленными въ защиту писателя, котораго гордилась въ то время мыслящая Россія. Въ 12 части Московскаго Вѣстника за 28 г. помѣщено письмо *Z.*, въ которомъ говорится слѣдующее: «М. Г. Къ крайнему моему сожалѣнію, прочелъ я въ послѣдней книжкѣ Московскаго Вѣстника замѣчанія г. Арцыбышева на Исторію Государства Россійскаго, сочиненную Н. М. Карамзинымъ. Я не понимаю, какимъ образомъ вы осмѣлились дать мѣсто въ вашемъ журналѣ брани на твореніе, которое мы привыкли почитать совершеннѣйшимъ, брани, за которую вамъ отвѣчать будетъ можетъ быть, очень трудно». Погодинъ отвѣчалъ на это письмо такимъ, чрезвычайно умнымъ и благороднымъ, образомъ: «М. Г. Очень радъ, что вы скрыли свое имя и тѣмъ дали мнѣ право отвѣчать вамъ *безъ всякаго околичностей*».

«Двадцатипятилѣтнія занятія руссійскою исторіею и такой трудъ, какъ сводъ всѣхъ русскихъ лѣтописей, изъ коего отрывки извѣстны уже публикѣ, дадутъ полное право г. Арцыбышеву судить объ исторіи, сочиненной Н. М. Карамзинимъ. *Простощеніе* соотечественники должны даже требовать отъ него мнѣнія о семъ важномъ твореніи, тѣмъ болѣе, что у насъ голосовъ такихъ собрать можно немного».

«Впрочемъ, о замѣчаніяхъ г. Арцыбышева, справедливыхъ и несправедливыхъ, воленъ думать и писать всякій, какъ ему угодно; я первый сказалъ, что тонъ его мнѣ не нравится, и готовъ помѣщать опроверженія на его статью, полезныя въ какомъ-либо отношеніи».

«Если-бы какой-нибудь молодой студентъ (не только г. Арцыбышевъ) прислалъ мнѣ статью, въ которой была-бы справедлива одна треть, четверть, десятая доля замѣчаній на Исторію Государства Россійскаго, и тогда я помѣстилъ-бы ее въ своемъ журналѣ, чтобъ принести пользу наукѣ сею десятою долею справедливыхъ замѣчаній. Увѣренъ даже, что заслужилъ-бы симъ одобреніе Карамзина, если-бы онъ, къ счастью нашему, былъ живъ!»

«Такое правило отнюдь не мѣшаетъ мнѣ быть ревностнымъ почитателемъ Карамзина. Съ десятилѣтняго моего возраста (такъ писалъ я къ нему при посвященіи ему моего

разсужденія: О происхожденіи Руси) я началъ учиться у него и добру, и языку, и исторіи; время, употребленное мною въ школѣ на чтеніе его сочиненій, почитаю счастливейшимъ въ моей жизни, и никому на свѣтѣ,—повторю сказанное мною прежде,—не уступлю въ почтеніи къ незабвенному нашему писателю, въ признательности къ великимъ, полезнымъ трудамъ его».

«Исторія его двѣнадцать лѣтъ не сходитъ съ моего письменнаго стола; но до-сихъ-поръ я не осмѣлился произнести полнаго своего сужденія объ ней, давая время зрѣть моимъ мыслямъ, стараясь обогащаться опытомъ. Теперь, задѣтый за живое, то есть, подозрѣваемый въ чувствахъ моихъ къ памяти знаменитаго, мною горячо любимаго, писателя, я считаю себя обязаннымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ его исторіи».

«Исторія Россіи есть исторія полміра. Чтобъ приготовить матеріалы будущему ея художнику-соорудителю, по такому плану, какой предначерталъ себѣ Карамзинъ, должно теперь приняться за приготовительную работу сотнѣ такихъ людей, какъ митрополитъ Евгеній, Арцыбышевъ, Востоковъ, Калѣйдовичъ, Строевъ, Каченовскій, Лычковъ, Кеппенъ, Эверсъ, Френъ, Кругъ.—Думать, что въ Исторіи Карамзина все то уже сдѣлано, что сіи люди при благоприятныхъ обстоятельствахъ могли-бы сдѣлать ¹⁾, есть темное, темное нѣтъ-жество. Карамзинъ физически не могъ этого сдѣлать. Требовать даже отъ него этого нельзя, точно такъ, какъ нельзя было требовать отъ Фидіаса, чтобъ онъ ломалъ себѣ мраморъ на островѣ Перосѣ, перевозилъ его въ Аѳины и проч. Мысль Карамзина писать Исторію въ 1803 г. есть одна изъ отважнѣйшихъ мыслей въ европейскомъ литературномъ мірѣ, хотя мы и должны благодарить его Ангела-хранителя за это вну-

¹⁾ Проѣдя вдоль всю эту длинную дорогу, сказалъ мнѣ самъ Карамзинъ въ незабвенное для меня свиданіе съ нимъ (1825 года, декабря 26), я видѣлъ на право и на лѣво множество предметовъ, которыхъ обдѣлывать не могъ, и проч.—А вы, М. Г., думаете, что ужъ и дѣлать нечего.

шеніе, ибо имѣемъ теперь великолѣпный памятникъ языка въ нашей словесности».

«Карамзинъ великъ, какъ художникъ-живописецъ, хотя его картины часто похожи на картины того славнаго итальянца, который героевъ всѣхъ временъ одѣвалъ въ платье своего времени; хотя въ его Олегахъ и Святославахъ мы видимъ часто Ахиллесовъ и Агамемноновъ Расиновскихъ. Какъ критикъ, Карамзинъ только что могъ воспользоваться тѣмъ, что до него было сдѣлано, особенно въ древней исторіи, и ничего почти не прибавилъ своего. Какъ философъ, онъ имѣетъ меньшее достоинство, и ни на одинъ философскій вопросъ не отвѣтаетъ мнѣ изъ его исторіи. Не угодно-ли, напримѣръ вамъ, М. Г., поговорить со мною о слѣдующемъ: чѣмъ отличается Россійская исторія отъ прочихъ европейскихъ и азиатскихъ исторій? Апоегмы Карамзина въ Исторіи суть болѣею частію общія мѣста. Взглядъ его вообще на исторію, какъ науку—взглядъ невѣрный и это ясно видно изъ его предисловія».

«Относительныя, также великія, заслуги Карамзина состоятъ въ томъ, что онъ захотѣлъ русскую публику къ чтенію исторіи, открылъ новые источники, подалъ нить будущимъ изслѣдователямъ, обогатилъ языкъ. Трудъ, совершенный имъ въ двѣнадцать лѣтъ, есть трудъ исполненскій».

«Повторяю—никакъ не рѣшился-бы я сказать *опередъ* сихъ словъ изъ будущаго предполагаемаго мною сочиненія о Карамзинѣ, если-бы не былъ вынужденъ обстоятельствами: Грѣхъ навасъ».

«Я предчувствовалъ, М. Г., что помѣщеніемъ замѣчаній г. Арцыбшева я возбужу противъ себя негодованіе безусловныхъ почитателей Карамзина; что кто-нибудь, *по правиламъ* журнальной тактики, воспользуется симъ негодованіемъ и слѣшитъ статейку на замѣчанія и противъ меня; но помѣстилъ ихъ, мимо всѣхъ отношеній; желалъ, какъ журналистъ, принести пользу наукѣ, и бывъ увѣренъ, что истина, рано или поздно, возьметъ верхъ. Подумайте, М. Г., и всѣ вамъ подобныя, что новое поколѣніе учатся лучше прежняго; что въ одномъ московскомъ университетѣ воспитывается около 900 человекъ;

что скоро наступитъ время, когда на всякую отрасль званийъ будетъ у насъ не по два, не по три воедѣвателя, какъ теперь, а по десяткамъ; что журнальные невѣжи и кривуны, которымъ удалось во время междуцарствія литературнаго какъ-нибудь продраться до такого мѣста, откуда голосъ ихъ разносится далеко, принуждены будутъ умолять предъ умнымъ общимъ мнѣніемъ».

«Dixi et salvavi animam.»

Эти замѣчанія Погодина вызвали въ литературѣ возраженія, по поводу которыхъ онъ помѣстилъ нѣсколько объяснительныхъ словъ въ своемъ журналѣ ¹⁾. Изъ нихъ мы узнаемъ, что помѣщеніе замѣчаній Арцыбышева составило въ Москвѣ общій предметъ разговора даже между и нешишущими людьми. Большинство голосовъ между читателями осудило Погодина за названное помѣщеніе. Въ публикѣ слышались такіа возраженія: «Карамзинъ, по мнѣнію Погодина, не критикъ, не философъ, художникъ, съ исключеніемъ, что-же остается при нашемъ великомъ писателѣ?» «Помѣщеніемъ замѣчаній ослабляется вліяніе Исторіи Карамзина на Россію, уменьшается желаніе читать ее въ лѣнвивцахъ». Нѣкоторые ставили въ вину Погодину его молодость. По поводу послѣдняго обстоятельства Погодинъ писалъ: Помилуйте, господа, когда вы оставите въ покоѣ метрическія книги при вашихъ критикахъ и антикритикахъ. Вспомните, по крайней-мѣрѣ, хоть то, что, по правиламъ педагогики, въ дѣтяхъ стараются нынѣ развивать свой собственный образъ сужденія, дѣтей отучаютъ отъ попугайства. Относительно лѣнвивцевъ онъ замѣчалъ: Богъ съ ними, съ сими лѣнвивцами! Смѣло сказать можно съ поэтомъ:

Не оживитъ ихъ лиры гласъ.

«Неужели наука, неужели Карамзинъ потеряютъ что-нибудь, если какой-нибудь невѣжа перестанетъ читать его оттого, что въ журналѣ появятся замѣчанія на Исторію Г. Р. И неужели для такого отчаяннаго невѣжи должно терять изъ виду и новое поколѣніе, и другихъ благонадежныхъ читателей, которые хотятъ чтить достоинство достойнымъ образомъ, умно,

¹⁾ М. Вѣстникъ 28 г., ч. 12, ст. 378.

а не съ голосу! О, Карамзинъ! какъ мало уважають, какъ мало понимаютъ тебя эти люди»...

Къ недовольнымъ Погодинымъ и Ардыбшевымъ при-
менила и нѣкоторая часть журналистики ¹⁾. Въ одномъ изъ
журналовъ они съ Каченовскимъ были названы *ареопажомъ*
совѣтъ. Но къ нимъ вскорѣ применила значительная сила въ
лицѣ Строева, замѣчательное письмо котораго къ издателю
помѣщено въ М. Вѣстникѣ 28 г., ч. 12. Оно начинается такъ:
«Въ маѣ 1818 года, окончивъ разборъ и опись разныхъ мо-
настырскихъ книгохранилищъ московской епархіи, по волѣ
покойнаго Государственнаго Канцлера графа Н. П. Румян-
цева, я пріѣхалъ въ С. Петербургъ. Съ кипой историческихъ
документовъ, мною найденныхъ, и съ замѣчаниями на нѣкото-
рыя мѣста Исторіи Государства Россійскаго (только что вы-
шедшей), я предсталъ безсмертному творцу ея, коимъ былъ
обласканъ еще до переселенія его изъ здѣшней столицы. Какъ
юноша робкій, малоопытный (мнѣ былъ тогда 22 годъ), я не
постигалъ всего величія души гениальной; думалъ, что ука-
зывать ошибки значить то-же, что оскорблять личность: а
потому недоумѣвалъ, какимъ образомъ предъавить мои на-
ходки и замѣчанія. Къ счастью, великій мужъ самъ вывелъ
меня изъ замѣшательства, спросивъ: что у васъ въ этой связ-
кѣ? Я отвѣтствовалъ, что привезъ новыя матеріалы, мною
найденныя. Взоръ его тотчасъ показалъ мнѣ внимательное
любопытство: онъ терпѣливо просмотрѣлъ бумаги, а я, ободренный
неожиданнымъ снисхожденіемъ, началъ высказывать
мои замѣчанія на исторію. Тогда вниманіе историографа усугубилось:
онъ возражалъ, входилъ въ подробности, соглашался, писалъ
карандашомъ (на бѣлой страницѣ одной изъ моихъ тетрадей)
и въ заключеніе, благодаря за *одолженіе*, просилъ оставить
принесенное на нѣсколько дней и вспомнить: не имѣю-ли еще
какихъ замѣчаній? Никогда не изгладится изъ моей памяти сія
ласковая, усладительная бесѣда великаго историка со мною,
юношею, едва вступившимъ на по-

¹⁾ «Московскій Телеграфъ» 28 г., № 19 и 20, и «Сѣверная Пчела»,
№ 146—148.

прище археографіи. Чѣмъ-же сіе кончилось? Черезъ нѣсколько дней исторіографъ прислалъ за мною: возвратилъ бумаги, оставивъ нѣкоторыя (пообъемнѣе) для списанія; многое, съ моихъ словъ, вытребовалъ изъ архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ и исправилъ мѣста, мною критикованныя. При появленіи второго изданія Исторіи Г. Р. я увидѣлъ, въ разныхъ мѣстахъ примѣчаній, и акты, мною сообщенные, и благодарность за мою *благодарность*. Возвращая остальные бумаги ко мнѣ (въ Москву), великій мужъ заключилъ свое письмо такъ: Всякое замѣчаніе ваше для меня любопытно; за все скажу вамъ спасибо, а всего болѣе за ваше доброе расположеніе. Сіе письмо я сохраняю какъ драгоценность.

«Бывая потомъ въ С.-Петербургѣ; я всегда являлся къ исторіографу съ *юстинцемъ*: съ новыми документами, выписками или замѣчаніями. Въ 1824 году, соглашаясь на мое предложеніе составить алфавитный указатель къ Исторіи, первымъ требованіемъ его было слѣдующее: Пожалуйте, замѣчайте ошибки; вамъ онѣ будутъ виднѣе, нежели мнѣ. «Я такъ и сдѣлалъ: все, что казалось мнѣ неточнымъ, писалъ въ тетрадь (вскользь и сокращенно), предполагая въ послѣдствіи привести мои замѣчанія въ порядокъ и представить ихъ великому мужу, который, своимъ снисхожденіемъ и ласкою, умѣлъ привязать меня къ себѣ всею душою. Но провидѣніе устроило иначе. Въ маѣ 1826 г. безсмертный отошелъ въ вѣчность; а мой Указатель былъ еще въ половинѣ: я продолжалъ записывать и тетрадь остается въ моихъ бумагахъ».

Въ другомъ мѣстѣ письма онъ говоритъ: «Если ученый изслѣдователь, двадцать пять лѣтъ посвятившій на тяжелый трудъ критическаго свода лѣтописей (каковъ г. Арцыбшевъ)—*сова*; если трудолюбивый профессоръ, въ двадцать лѣтъ своей службы развернувшій не одинъ археологическій талантъ (каковъ г. Каченовскій), также *сова* ¹⁾; и журналистъ,

¹⁾ На Каченовскаго нападали, между прочимъ, кн. Вяземскій, въ стихотворномъ посланіи, которое было помѣщено въ «Сынѣ Отечества» и начиналось такъ:

Передъ судомъ ума сколь, Каченовскій! жалокъ...

руководимый любовью къ истинѣ и непричастный удѣламъ партій (какимъ почитаю васъ), не болѣе *сози*—и все отъ нѣсколькихъ замѣчаній, помѣщенныхъ въ Московскомъ В. на Исторію Г. Р., то къ какому разряду птицъ причислить меня, который, съ ювошескихъ лѣтъ, критиковалъ ее, предъ самимъ творцомъ, въ его кабинетѣ?

«Не устрашайтесь, г. журналистъ, терній на пути вашемъ къ истинѣ! Продолжайте любить ее, какъ любилъ великій мужъ, котораго тѣнь (безъ сомнѣнія) помаваетъ мнѣ въ знакъ одобренія. Помѣстите въ своемъ изданіи *есть* замѣчанія г. Арцыбышева; убѣдите г. Каченовскаго напечатать свои и не отрижьте моихъ, когда, изъ Мезени, Соловковъ, Чердыни или Кувгура, я удосужусь ихъ къ вамъ доставить».

«Что же дѣлать съ остряками заднимъ числомъ и тѣми высокопарными орлами, кои, сидя на пнѣ и хлопая обитыми въ неравномъ бою крыльями, воображаютъ, что они небесные громовержцы?—Оставимъ ихъ въ покоѣ».

«Развѣ не адресоваться ли къ обладателю невещественныхъ миллионѣвъ: ¹⁾ чтобы онъ, обще съ моими сооппонентами, пригласилъ еще достойнаго виртуоза и составилъ *квартетъ*, для аккорда славянскимъ и Варяго-Росскимъ пѣснямъ нашей *совимой кадрили?*»

Погодинъ не устрашился нападковъ на него публики и печати и продолжалъ печатать замѣчанія Арцыбышева. Подъ вліяніемъ бури, которую онъ поднялъ, послѣдній нѣсколько смягчилъ тонъ своихъ замѣчаній. По этому случаю Погодинъ писалъ Арцыбышеву: «Еслибъ не было ихъ (выходокъ) прежде, то ваши противники, не имѣя благовиднаго предлога, должны

Каченовскій перепечаталъ это посланіе въ своемъ журналѣ, поблагодаривъ издателей «Сына Отечества» за запятую и восклицательный знакъ, которыми въ первомъ стихѣ отдѣлено его имя. Другое стихотвореніе въ защиту Карамзина было помѣщено кн. Вяземскимъ въ «Телеграфѣ». Здѣсь онъ сравнивалъ Карамзина съ гениальнымъ зодчимъ, который изъ грубаго матеріала воздвигъ великолѣпный храмъ, критиковъ же Карамзина назвалъ совами, которыя набились въ этотъ храмъ.

¹⁾ Т. е., Полевому.

бы были оставить ихъ въ покоѣ, какъ не для нихъ писанныя, а другіе, которые любятъ жажду для науки, воспользовались бы ими гораздо съ большимъ удовольствіемъ». Писано это было въ отвѣтъ Арцыбышеву, который помѣстилъ въ М. Вѣстникъ письмо къ Погодину, причемъ вошелъ въ небольшой споръ съ послѣднимъ по поводу нѣкоторыхъ прежнихъ его замѣчаній. Онъ не сознавался, что тонъ его замѣчаній былъ неприличенъ, какъ говорилъ Погодинъ, что они были наполнены *выходками* противъ Карамзина (выхолка, писалъ Арцыбышевъ, есть гнѣвливое выраженіе, ничѣмъ не доказанное и ничего не доказывающее). Относительно тона Арцыбышевъ замѣчалъ: «я не взмѣнилъ-бы моего тона, возражая даже и знаменитому Августу Людовику Шлецеру: ибо сей великій мужъ пишетъ самъ: im Reiche der Wahrheit gilt keine Autorität». Отстаивалъ онъ и то, что нужно писать: исторія о государствѣ, а не исторія государства, ссылаясь при этомъ на Краткую Россійскую грамматику, издавную главнымъ Правленіемъ училищъ. Утверждалъ и то, что Карамзинъ могъ заимствовать расположеніе у Юма. Относительно слога онъ оставался при прежнемъ мнѣніи. Въ упомянутомъ отвѣтномъ письмѣ, Погодинъ объяснялъ, что онъ называетъ *выходками* (неучтивыя придачи къ доказательствамъ), говорилъ, что Шлецерова правило не идетъ къ дѣлу, что если подѣ исторіею разумѣть разсмотрѣніе, то ова необходимо должна употребляться съ родительнымъ падежомъ, что Карамзинъ не заимствовалъ расположенія у Юма, такъ-какъ тысячи книгъ располагались такимъ-же образомъ. ¹⁾

Послѣ письма Погодина помѣстилъ слѣдующее объявленіе: «Продолжая непрерывно заниматься исторіею, я накопилъ въ послѣднее время нѣсколько статей, оригинальныхъ и переводныхъ, относящихся до сей науки, и намѣренъ издавать ихъ особо подѣ заглавіемъ: *Карамзинъ. Собраніе статей, относящихся до исторіи*. Заглавіе, мною избранное, пусть послужитъ торжественнымъ свидѣтельствомъ моего уваженія къ достоинствамъ сего писателя и укоризною тѣмъ людямъ,

¹⁾ М. Вѣстникъ 29 г., ч. 3, 201 стр.

которые не посовѣстились легкомысленно упрекать меня въ противномъ за то только, что я помѣстилъ у себя въ журналѣ замѣчанія на его Исторію, и самъ вижу въ некоторыхъ ея недостаткахъ».

Указанный нами споръ можетъ отчасти служить характеристикою ученой полемики 20-хъ годовъ. Съ другой стороны, онъ показываетъ, какое подавляющее дѣйствіе произвелъ на современниковъ исполненный трудъ Карамзина. Указываетъ онъ также и на то, какъ въ то время понимали патриотизмъ, и какъ было трудно, въ некоторыхъ случаяхъ, вести науку далѣе по пути, на которомъ возвышался образъ какого-нибудь авторитета. Знакомить онъ отчасти и съ тѣми нашими дѣятелями, которымъ весьма многимъ обязана современная русская историческая наука. Впослѣдствіи Вѣлинскій писалъ объ этомъ спорѣ слѣдующее: «Является г. Арцыбшевъ съ критическими статейками, въ концѣ доказываетъ, что Карамзинъ часто, и притомъ безъ всякой нужды, отступалъ отъ лѣтописей, служившихъ ему источниками, часто, по своей волѣ или прихоти, искажалъ ихъ смыслъ; и что же?—Вы думаете, поклонники Карамзина тотчасъ принялись за сличку и изобличали г. Арцыбшева въ клеветѣ? Ничего не бывало.. Пусть г. Арцыбшевъ и завидуетъ славѣ Карамзина: повѣрте ему не убить этимъ Карамзина, если онъ пользуется заслуженною славой; пусть онъ съ важностью доказываетъ, что слогъ Карамзина «неподобозвученъ», Богъ съ нимъ, это только смѣшно, а ничуть не досадно. Не лучше ли вамъ взять въ руки лѣтописи и доказать, что или г. Арцыбшевъ клеветаетъ, или промахи историка незначительны и ничтожны; а не то совсѣмъ ничего не говорить? Но, бѣдныя, вамъ не подѣ силу этотъ трудъ; вы и въ глаза не видывали лѣтописей, вы плохо знаете исторію». ¹⁾

Инымъ тономъ, нежели разборъ Арцыбшева, проникнуты критическія замѣчанія на Исторію Карамзина знаменитаго польскаго историка Лелевеля, помѣщавшіяся въ «Сѣверномъ

¹⁾ Сочиненія, т. I, стр. 58.

Архивъ» 20-хъ годовъ. Въ введеніи ¹⁾ Лелевель выражаетъ, между прочимъ, ту мысль, что русская исторія занимательна не для одной только Россіи, но и для всей Европы, особенно для Польши и Литвы, и что, находя въ Исторіи Карамзина множество событій, которыя прежде были неизвѣстны въ Польшѣ, или оставались безъ вниманія, онъ тѣмъ съ большою охотою предпринялъ свой трудъ. Начало введенія, посвященнаго разбору предисловія Исторіи Карамзина, превосходно. Въ немъ Лелевель, между прочимъ, говоритъ: «Историки трудятся надъ сооруженіемъ памятниковъ, которые нерѣдко бывають долговѣчнѣе непобѣдимыхъ твердынь и огромныхъ зданій. Потомство съ равною заботливостію отыскиваетъ и хранитъ великолѣпный цркъ и твореніе великаго Тацита. Въ обонхъ случаяхъ оно разсматриваетъ произведеніе образованности прошедшихъ вѣковъ и въ историческомъ образѣ видитъ самый зрѣлый плодъ человѣческаго совершенства, взлелѣанный весьма немногими народами. Прежде, нежели появятся историки въ какой-либо странѣ, должны ему предшествовать геройскіе подвиги, высокія гражданскія доблести и благороднѣйшіе порывы великихъ душъ». Приступая къ разбору предисловія Карамзина, Лелевель замѣчаетъ, что «Карамзинъ, пламенною любовью къ своему отечеству, хотѣлъ возжечь ее въ сердцахъ всѣхъ своихъ соотечественниковъ, и выражается при этомъ случаѣ, какъ истинный гражданинъ». Но въ то-же время онъ выставляетъ слѣдующіе недостатки предисловія: 1) древніе писатели во многомъ потерпѣли въ немъ несправедливое порицаніе; 2) въ наставленіе, какъ должно писать исторію, вкрались мысли не довольно ясныя и неудовлетворительныя и 3) для достиженія исторической занимательности Карамзинъ указываетъ весьма трудные пути, хотя для этого представляются средства гораздо удобнѣйшія. Лелевель не согласенъ съ Карамзинимъ, что если изъ исторіи Фукидида исключить рѣчи, то изложеніе первоначальныхъ событій въ Греціи представитъ у него сухое и незначительное повѣствованіе. «Неужели, говорятъ онъ, въ описаніи крово-

¹⁾ Сѣверный Архивъ 1823 г., ч. 4, стр. 412.

пролитія въ Корцирѣ, въ изображеніи язвы, свирѣпствовавшей въ Аениахъ, въ повѣствованіи о приготовленіяхъ къ походу и о самой войнѣ съ Сиракузами недостаетъ разнообразія и прелести? Неужели нѣтъ занимательности въ изображеніи политическихъ отношеній цѣлой Греціи, которыя Фукидидъ изслѣдовалъ столь глубокомысленно и объяснилъ столь основательно? Отстанывая такимъ образомъ Фукидидъ, а вмѣстѣ и другихъ древнихъ историковъ, Лелевелъ замѣчаетъ, что послѣдніе постигли всю обширность обязанности историка, и не одно образцовое повѣствованіе, но знаніе политики и людей, и совершенство въ общемъ составѣ ихъ твореній прославили Фукидидъ, Тацита, Саллюстія и другихъ.

За разсмотрѣніемъ предисловія слѣдуетъ разсмотрѣніе самой Исторіи. Прежде всего авторъ касается общей картины произведенія и сравниваетъ Карамзина съ польскимъ историкомъ Нарушевичемъ. При этомъ онъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: Карамзина и Нарушевича сближаетъ между собою одинаковое происхожденіе языковъ русскаго и польскаго, на которыхъ они писали, и народы, исторію которыхъ они изображали, неутомимость и старанія, съ какими они трудились надъ нею, степень совершенства ихъ произведеній и, наконецъ, благодарность и слава, заслуженная ими между соотечественниками. Тѣмъ не менѣе, между ними замѣчается большое различіе. Нарушевичъ началъ писать свою исторію, когда Польша стала клониться къ упадку. Онъ напоминаетъ больному объ угасшемъ здоровьѣ, Карамзинъ въ то время, когда Россія находилась въ полномъ блескѣ и могуществѣ. Относительно исторической критики о Нарушевичѣ и Карамзинѣ можно сказать слѣдующее. Мы замѣчаемъ въ нихъ одинаковое усиліе въ отыскиваніи историческихъ источниковъ и сочиненій; но что могъ найти Нарушевичъ, кромѣ папскихъ буллъ, грамотъ и сочиненій такихъ писателей, какъ Бароній, Кранцій, Прай и т. д. Такимъ образомъ, принужденный дѣйствовать одними собственными силами, онъ блуждалъ какъ въ лѣсу, безъ пути и проводника. Карамзинъ нашелъ историческую критику въ болѣе подготовленномъ видѣ. Онъ имѣлъ руководителей въ Шлецерѣ, Тунманѣ, Гебгарди и другихъ нѣмецкихъ ученыхъ.

Тѣмъ не менѣе, чрезвычайно многое принадлежитъ и ему самому. Очистивъ великія сомнѣнія въ отдѣльныхъ изысканіяхъ, онъ представляетъ читателямъ извлеченное изъ нихъ не какъ сомнительныя догадки, но какъ истину, и притомъ въ легкой и пріятной формѣ.—Относительно изложенія событій, нужно замѣтить, что разсказъ о дѣяніяхъ народа заглушенъ у Нарушевича описаніемъ личныхъ подвиговъ и дѣяній князей, и изображеніе измѣненія нравовъ и обычаевъ разсѣяно въ безпорядкѣ по всему сочиненію. Карамзинъ, на ряду съ дѣяніями князей, представляетъ по временамъ и состояніе народа. Онъ менѣе Нарушевича касается внѣшней политики государства. Относительно изложенія должно замѣтить, что Нарушевичъ, отличный переводчикъ Тацита, совершенно проникся духомъ этого историка и перенялъ у него силу и выразительность слога. Нигдѣ онъ не является философствующимъ или чувствительнымъ. Напротивъ, чувство проглядываетъ во многихъ мѣстахъ у Карамзина: онъ негодуетъ, сострадаетъ, утѣшается, жалуется и испещряетъ повѣствованіе нравственными изреченіями. Встрѣчаются у него и противорѣчія, именно между отзывами о нѣкоторыхъ историческихъ лицахъ и дѣлами этихъ лицъ. Это, напримѣръ, можно сказать объ Андрѣѣ Боголюбскомъ и Даніилѣ Галицкомъ. Точка зрѣнія у названныхъ писателей мало различна. У Карамзина постоянно видно усиліе доказать, какъ послѣ многихъ неудачъ въ войнѣ и политикѣ изъ несогласія князей возникло единоедержавіе, возведшее Россію на высокую степень могущества; Нарушевичъ старается показать, какимъ образомъ Польша увеличилась и усилилась посредствомъ завоеваній и мужества своихъ князей, какъ она ослабѣвала отъ внутреннихъ неурядицъ и какъ снова возвышалась совокупленіемъ воедино отдѣльныхъ областей. Относительно степени безпристрастія можно сказать слѣдующее. Нарушевичъ обнаруживаетъ сильное желаніе быть безпристрастнымъ, хотя не вездѣ достигаетъ этого. Карамзинъ часто не выказываетъ особеннаго старанія казаться безпристрастнымъ. Отсюда у него нѣсколько страдаетъ истина, являясь въ прикрашенной одеждѣ. Искаженіе истины у историческаго писателя можетъ, по мнѣнію Лелевеля, происходить

вообще отъ слѣдующихъ причинъ: 1) отъ сообщенія прошедшему времени характера настоящаго, 2) отъ сильно развитаго чувства патриотизма, 3) отъ привязанности къ религіи и 4) отъ политическихъ мнѣній. Участіе первой причины у Карамзина замѣтно тогда, когда онъ старается отгадать чувства и внутреннія побужденія историческихъ лицъ, для объясненія происшествій. Вторая причина не особенно много имѣетъ мѣста въ исторіи Карамзина, такъ-какъ, не смотря на глубокой патриотизмъ автора, онъ не желаетъ приносить въ жертву патриотизму истины. Но это иногда дѣлается имъ, т. е. названная жертва приносится. Такъ, польскій король Сигизмундъ, прозванный Старымъ, несправедливо обремененъ укоризнами, которыхъ онъ не заслужилъ ни отъ современниковъ, ни отъ потомства; тѣмъ-же самымъ объясняется не-расположеніе историка къ Литвѣ, послѣ того, какъ она образовала одно дѣло съ Польшою. Говоря о вліяніи религиозныхъ убѣжденій, Лелевель замѣчаетъ слѣдующее: «Безъ всякаго сомнѣнія, историографъ имѣлъ сильныя причины ополчаться противъ поступковъ римской церкви, послылавшей въ разные времена своихъ миссіонеровъ въ Россію, для склоненія ея къ принятію католической вѣры и для разныхъ происковъ. Но, во всякомъ случаѣ, не должно негодовать на церковь за поступки ея служителей, и намъ гораздо пріятнѣе видѣть въ Исторіи Карамзина его восхищеніе при описаніи вѣротерпимости въ Новгородѣ, Смоленскѣ и другихъ древнихъ городахъ Россіи, гдѣ нѣмецкіе гости всегда имѣли свои храмы и свободно отправляли свое богослуженіе. Вообще, ничто столько не разгорячаетъ умы и ничто такъ легко не влечетъ къ пристрастію, какъ пренія за вѣру и мнѣнія политическія, которыя весьма часто сливаются вмѣстѣ. Мы уже изобразили выше, что историкъ невозможно быть безпристрастнымъ въ семъ случаѣ, и всѣ, безъ исключенія, писатели, даже и древніе, менѣе или болѣе, увлекались господствовавшими у нихъ мнѣніями, ко вреду истины». Особенно сильное вліяніе политическихъ убѣжденій въ изложеніи историческихъ событій Лелевель видитъ у Карамзина въ разсказѣ о событіяхъ отъ Владиміра Святого до нашествія монголовъ. Эту часть исто-

рин, по его замѣчанію, онъ желалъ-бы видѣть въ болѣе совершенномъ видѣ.

Таковы общія воззрѣнія Лелевеля на исторію Карамзина. Частный его разборъ Исторіи мы оставляемъ въ сторонѣ, такъ-какъ это потребовало-бы очень много мѣста. Скажемъ о тѣхъ примѣчаніяхъ, которыми Булгаринъ снабдилъ разборъ Лелевеля. Заявивъ публикѣ, что Лелевель въ письмѣ къ нему обѣщалъ непремѣнно кончить разборъ, Булгаринъ прибавляетъ: «я твердо увѣренъ, что почтенный Лелевель, столько же извѣстный въ Польшѣ своими свѣдѣніями, какъ и нравственностью, не измѣнитъ своему слову, и не подвергнетъ нареканію себя, издателя Сѣвернаго Архива и своихъ соотечей: ибо поступокъ гражданина всегда отсвѣчивается на его соотечественникахъ». Изъ этихъ словъ видно, что Булгарину сильно хотѣлось видѣть продолженіе разбора Лелевеля. Когда же продолженіе послѣдовало, издатель Архива снабдилъ его другимъ примѣчаніемъ, которое говорило уже другое. Въ этомъ примѣчаніи было сказано: «Многія постороннія обстоятельства препятствовали мнѣ печатать продолженіе сей ученой критики, снискавшей одобреніе просвѣщенныхъ любителей исторіи, кои изъявили мнѣ изустно и письменно свой образъ мыслей по сему предмету. Безъ сомнѣнія, читатели не обязаны входить въ обстоятельства издателя журнала и вправѣ требовать исполненія обѣщаній. Знаю это, и прошу у благосклонныхъ моихъ читателей извиненія: во всякомъ случаѣ однакожь прошу вспомнить, что многое не зависитъ отъ издателя». 2)

Къ замѣчательнымъ разборамъ Исторіи Карамзина принадлежатъ также разборъ Полевого, помѣщенный въ Московскомъ Телеграфѣ 1829 г. Прежде всего авторъ разбора задаетъ вопросъ: можетъ-ли Исторія Карамзина назваться произведеніемъ *нашего времени*? Отвѣчая на него, онъ замѣчаетъ,

1) Сѣверный Архивъ 23 г., ч. 8, стр. 293.

2) Сѣверный Архивъ 24 г., ч. 11, стр. 132.

Въ Редакціи „ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ“ (С.-Петербургъ, Больш. Садовая, д. 121, кв. 12),

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Очерки древне-римской жизни. *Т. Симонса*
1879 г. Ц. 1 руб. 20 к.

Нотс сум, романъ *Эберса.* С.-П.-Б., 1878 г. Цѣна
1 руб. 20 коп.

Россія и Турція отъ возникновенія политиче-
скихъ между ними отношеній до Лондонскаго трактата
(включительно). Истор. очеркъ *Д. Бухарова.* С.-П.-Б.
1878 г. Ц. 1 руб. 20 коп.

Московское княжество въ I половинѣ XIV в.
Историческій этюдъ *П. Полежаева,* С.-П.-Б. 1878 г.
Ц. 1 руб.

Рыцарь или Дама Истор. повѣсть *Самарова*
1878 г. Ц. 1 руб.

Экономическій бытъ вкрест. населенія передъ
крѣпостн. правомъ и колонизація юго-восточныхъ степей
П. Соболевскаго 1878 г. Ц. 1 руб. 70 коп.

Изданія эти продаются и во всѣхъ извѣстныхъ ма-
газинахъ въ С.-Петербургѣ.

Выписывающіе прямо изъ Редакціи за пересылку не
прилагаютъ.

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

въ 1880 г.

БУДЕТЬ ВЫХОДИТЬ ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ И ВЪ ТѢХЖЕ СРОКИ.

Цѣна годовому изданію 6 руб. 50 коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ Редакціи журнала (Больш. Садовая домъ 121 кв. 12) и въ книжномъ магазинѣ Я. Исакова, Невскій просп. Гостиный дворъ № 24.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться: въ Петербургѣ въ редакцію журнала „Историческая Библиотека“ (Больш. Садовая домъ 121, кв. 12).

1. Редакція отвѣчаетъ за доставку журнала подписавшимся только въ мѣстахъ, означенныхъ въ объявленіи.

2. Редакція проситъ гг. подписчиковъ точно обозначать свое имя, отчество и фамилію, а также и то почтовое учрежденіе, куда долженъ быть журналъ адресованъ; иначе редакція не отвѣчаетъ за правильную доставку.

3. Подписчики, желающіе перемѣнить адресъ, благоволятъ своевременно увѣдомить о новомъ мѣстѣ жительства, съ обозначеніемъ прежняго, при чемъ за всякую перемѣну уплачивается 50 коп.

4. Желающіе доставить свои произведенія въ Редакцію должны обозначать свой адресъ и подробныя условія, безъ обозначенія послѣднихъ, редакція не будетъ считать себя обязанною входить съ авторомъ въ какіе-либо расчеты.

Редакторъ-издатель П. В. Полемаевъ.

1880
no. 4-7

0
P Slav 379.55

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

1880.

№ 4. Апрель.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большаго Театра, 2.
1880.

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Смерть Теодорна.
 2. Преданія и воспоминаія.
 3. Библиографическій указатель.
 4. Очерки русской журналистики.
 5. Объявленія.
-

1945 г.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

1880.

№ 4. Апрель.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большаго Театра, 2.

1880.

△
PSlav 379.55 (1880, no. 4-7)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Смерть Теодориха Дана. 1— 74
2. Преданія и воспоминанія. В. В. Селяванова. 73—113
3. Библиографическій указатель 1— 13
4. Очерки русской журналистики. С. Веснина. 49—112
5. Объявленія.

Редакція считаетъ долгомъ увѣдомить гг. подписчиковъ, что замедленіе въ выпускѣ послѣднихъ номеровъ произошло отъ необходимости перенесенія печатанія журнала въ другую типографію.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 Мая 1880 г.

СМЕРТЬ ТЕОДОРИХА *.

ГЛАВА I.

Опасеніе готовъ за судьбу царствованія Теодориха Великаго.

Жаркая лѣтняя ночь пятьсотъ двадцать шестаго года послѣ Рождества Христова.

Тяжело растилалось густое облако надъ темной поверхностью Адриі, воды которой текли въ непроницаемомъ мракѣ; только отдаленныя молніи, сверкая, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, бросали, иногда, свѣтъ на молчавшую Равенну. Сильный, порывистый вѣтеръ качалъ вершины гигантскихъ сосенъ, возвышающихся надъ полуразрушеннымъ храмомъ Нептуна, слѣды котораго въ настоящее время почти совершенно исчезли.

* Историческій романъ профессора Дана „Ein Kampf um Rom“, по вѣрности изображенія жизни и значенія политическихъ событій описываемой имъ эпохи, пользуется заграницей громадной извѣстностью. Не имѣя возможности, по объему произведенія Дана (4 тома), передать его вполнѣ въ своемъ журналѣ, редація „Исторической Библіотеки“ предположила познакомить съ нимъ своихъ читателей нѣкоторыми, отдѣльными, особенно выдающимися эпизодами. Предлагаемый отрывокъ составляетъ первую книгу первой части и нѣсколько главъ второй книги.

Было тихо въ этой лѣсной глуши: только какой нибудь кусокъ скалы, оторванный бурей, стучалъ о каменные стѣны зданія и съ плескомъ ударялся въ болотистую воду каналовъ и рвовъ, опоясавшихъ кругомъ морскую крѣпость, или въ старомъ храмѣ какая нибудь перегнившая доска, оторвавшись отъ досчатой крыши потолка, падала съ шумомъ на мраморныя ступени, — все это разрушеніе предвѣщало паденіе цѣлаго зданія.

Но этого зловѣщаго шума, казалось, не замѣчалъ человѣкъ, сидѣвшій на одной изъ ступенекъ лѣстницы храма. Облокотивъ спину на высшую ступень, онъ, молча, смотрѣлъ въ направленіи къ городу.

Долго сидѣлъ старикъ такимъ образомъ неподвижно, какъ видно, въ томительномъ ожиданіи. Онъ не замѣчалъ, какъ тяжелыя капли дождя начали уже падать, какъ вѣтеръ билъ прямо въ лицо и безпрепятственно трепалъ его бороду, длинные серебристые волосы которой доходили до мѣднаго пояса и покрывали всю широкую грудь.

Наконецъ, онъ всталъ и спустился съ нѣсколькихъ мраморныхъ ступенекъ. «Они идутъ», проговорилъ старикъ.

Показался свѣтъ факела, быстро приближавшагося отъ города къ храму, потомъ послышались шаги, а вскорѣ затѣмъ три человѣка стали подниматься по лѣстницѣ.

— Да здравствуетъ властительный Хильдебрандъ, сынъ Хильдунга! закричалъ мелодичнымъ голосомъ на готскомъ нарѣчій передній факельщикъ, самый молодой изъ всѣхъ, вступая на паперть между рядами столбовъ.

Онъ высоко поднялъ свѣтильникъ, который былъ сдѣланъ изъ прекрасной коринѣской бронзы—работы стилиа того времени—и прозрачной слоновой кости; сверху свѣтильникъ прикрывался выпуклою крышкою. Факельщикъ вставилъ свѣтильникъ въ одно изъ бронзовыхъ колецъ, соединявшихъ промежутки столбовъ.

Бѣлый свѣтъ упалъ на прелестное лицо, какъ у Апол-

лона, съ смѣющимися свѣтло-голубыми глазами. Бѣлокурые волосы юноши раздѣлялись посерединѣ лба на двѣ волны, ниспадавшія въ видѣ локоновъ по его плечамъ; мягко очерченные ротъ и носъ были совершенной формы, золотистая борода слегка скрывала пріятныя губы и немного заостренный подбородокъ. Онъ носилъ бѣлое платье: военный плащъ изъ тонкой шерсти, перекинутый черезъ правое плечо и придерживаемый золотою пряжкой; плащъ и римская туника изъ мягкаго шелка—обѣ одежды были обшиты золотой тесьмой. Бѣлые кожаные ремни прикрѣпляли сандалии къ ногамъ и крестообразно перевивали ихъ до самыхъ колѣнъ; голыя, блестящей бѣлизны руки украшались двумя широкими золотыми запястьями. Юноша стоялъ, отдыхая отъ ходьбы, опершись правою рукою на копье, служившее ему посохомъ и оружіемъ, а лѣвою упирался въ бедро. Обернувшись назадъ на своихъ оставшихъ товарищей, онъ казался въ полумракѣ храма олицетвореніемъ юнаго бога.

Второй прибывшій, не смотря на общее семейное сходство, имѣлъ совершенно другое выраженіе лица.

Онъ былъ нѣсколькими годами старше, плотнѣе и шире перваго; густые, коротко-завитые каштановые волосы спускались на бычачій затылокъ. Онъ былъ почти гигантскаго роста и силы. Но на его лицѣ не доставало того свѣтлаго луча, той довѣрчивой радости и надежды на жизнь, которыя освѣщали лицо меньшаго брата. Въмѣсто всего этого, лицо старшаго брата выражало медвѣжью силу и медвѣжье мужество. На немъ были надѣты: мохнатая волчья шкура, пасть которой, какъ кашпошонъ, окутывала его голову, внизу гладкая шерстяная фуфайка, а на правомъ плечѣ онъ держалъ тяжелую дубину изъ дубоваго корня.

Задумчивыми шагами выступалъ третій человекъ, средняго роста, съ довольно умнымъ лицомъ. Онъ носилъ

стальной шлемъ, мечъ и коричневый военный плащъ готскаго народа. Его гладкіе свѣтло-каштановые волосы были ровно обрѣзаны на лбу: древнѣйшая германская прическа, которая встрѣчается на римскихъ монументахъ, удержалась у нѣмецкихъ крестьянъ до настоящаго времени. Въ правильныхъ чертахъ его открытаго лица и въ сѣрыхъ, довѣрчивыхъ глазахъ выражались разсудительное мужество и трезвое спокойствіе.

Когда послѣдній дошелъ до целлы * храма и поздоровался со старикомъ, факельщикъ оживленно и весело заговорилъ:

— Ну, властительный Хильдебрандъ, какъ интересно должно быть то приключеніе, для котораго ты пригласилъ насъ сюда въ такую непривѣтливую погоду и въ такое скудное и убогое мѣсто! Говори,—что такое?

Вмѣсто отвѣта, старикъ, обернувшись къ послѣднему изъ пришедшихъ, спросилъ:—гдѣ остался четвертый, котораго я пригласилъ?

— Онъ отказался идти съ нами, а обѣщался придти одинъ. Ты знаешь его!

— Вонъ онъ идетъ! закричалъ прелестный юноша, указывая на другую сторону холма.

Дѣйствительно, оттуда приближался человекъ совершенно своеобразнаго вида. Яркій свѣтъ факела освѣтилъ мертвенно-блѣдное лицо, казавшееся совсѣмъ безкровнымъ. Длинные, блестящіе, черные локоны спускались съ непокрытой головы и какъ змѣи висѣли по плечамъ. Высоко поднятыя черныя брови и длинныя рѣсницы отбѣняли большіе, задумчивые, темные глаза, полные сдержаннаго огня; орлиный носъ спускался рѣзко-очерченной линіей къ тонкому и гладко-выбритому рту, выражавшему тай-

* Святялице.

ную грусть. Видъ и осанка были молодежавы; но душа, казалось, созрѣла прежде времени отъ печали.

На немъ были надѣты кольчатый панцырь и наколѣнники изъ черной стали, а въ правой рукѣ онъ держалъ топоръ на длинной копьевидной рукояткѣ.

Наклоненіемъ головы поздоровавшись со всѣми, онъ всталъ позади старика, который, выждавъ, пока они заняли мѣста у столбовъ, выступилъ впередъ и сказалъ тихимъ, подавленнымъ голосомъ.

— Я созвалъ васъ сюда для совѣщаній объ очень серьезномъ дѣлѣ, но тайномъ и только съ вами, какъ съ людьми вѣрными и достойными. Я цѣлые мѣсяцы всматривался въ народѣ и выбралъ только васъ однихъ. Когда вы выслушаете меня, то поймете сами, на сколько необходимо сохранить тайну этой ночи.

Третій, въ стальномъ шлемѣ, серьезно посмотрѣлъ на старика и сказалъ:— говори, мы слушаемъ тебя. О чемъ ты хочешь говорить съ нами?

— О нашемъ народѣ, объ этомъ королевствѣ готовъ, которое стоитъ прямо надъ пропастью.

— Надъ пропастью! живо воскликнулъ бѣлокурый юноша.

Его великанъ-братъ засмѣялся и, прислушиваясь, поднялъ голову.

— Да, надъ пропастью, повторилъ старикъ—и вы одни можете его поддержать и спасти.

— Да проститъ небо твои слова! прервалъ пылко блондинъ.— Развѣ у насъ нѣтъ нашего короля Теодориха, котораго даже его враги называютъ великимъ, превосходнаго полководца и самаго мудраго изъ всѣхъ королей въ мірѣ? Развѣ у насъ нѣтъ восхитительной страны Италіи со всѣми ея сокровищами? Что можетъ сравниться на землѣ съ королевствомъ готовъ?

Старикъ продолжалъ: — дорогіе друзья и мой милый

сынъ, выслушайте меня. Я вамъ скажу, какъ великъ и чего стоитъ король Теодорихъ. Лучше всего это можетъ знать Хильдебрандъ сынъ Хильдунга. Болѣе нежели пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ я подносилъ его барахтающимся ребенкомъ къ отцу и говорилъ: это крѣпкій плодъ — онъ принесетъ тебѣ радость. И когда онъ потомъ подросталъ, я омывалъ ему первые уколы стрѣлой и первыя раны!

Я сопровождалъ Теодориха въ золотой городъ Византию и охранялъ тамъ его душу и тѣло.

И когда онъ завоевалъ эту прекрасную страну, то я шелъ за нимъ шагъ за шагомъ и держалъ надъ нимъ щитъ въ продолженіи тридцати сраженій.

Конечно, съ тѣхъ поръ онъ имѣлъ болѣе ученыхъ со-вѣтниковъ и друзей, нежели его старый учитель по оружію, но болѣе вѣрныхъ и преданныхъ у него не было.

Какъ крѣпка была его рука, какъ мѣтко зрѣніе, какъ ясна голова, до чего онъ былъ страшенъ въ племѣ и весель за чашей, все это я видѣлъ уже сто разъ, прежде нежели, ты, юный соколъ, открылъ глаза на свѣтъ Божій.

Но у стараго орла надломаны крылья! Его воинскіе годы тяготѣютъ на немъ, онъ и вы и вашъ родъ ужъ не можете нести на себѣ того, что несли я и мои товарищи. Онъ лежитъ теперь больной, загадочно больной душою и тѣломъ въ своей золотой залѣ; доктора говорятъ, что рука его еще тверда, но что каждый ударъ въ сердцѣ можетъ убить его, какъ молнія; съ каждымъ закатомъ солнца онъ долженъ ожидать смерти.

Кто-же будетъ тогда его наслѣдникомъ? Кто поддержитъ это королевство? Амаласвинта, его дочь и Аталарихъ, его внукъ, — женщина и дитя!

— Королева умна, сказала третій въ племѣ и съ мечемъ.

— Она пишетъ по гречески королю и разговариваетъ

по итальянски съ благочестивымъ Кассіодоромъ. Я сомнѣваюсь, думаетъ ли она по готски! Горе намъ, если ей придется управлять рулемъ въ бурю.

— Я нигдѣ не вижу бури, старикъ, засмѣялся факельщикъ, встряхнувъ локонами. Откуда она можетъ разразиться? Императоръ смирился, римскій епископъ назначенъ самимъ королемъ, французскіе князья его племянники, итальянцы чувствуютъ себя подъ нашимъ щитомъ лучше, чѣмъ когда нибудь. Я нигдѣ не вижу опасности.

— Императоръ Юстинъ теперь слабый старикъ, вставилъ человекъ съ мечемъ, я знаю его.

— Но его племянникъ, будущій его преемникъ, который и теперь ужъ его правая рума, знаешь ли его? Юстиніанъ непроницаемъ, какъ ночь, и фальшивъ, какъ море, я хорошо знаю его и боюсь его замысловъ.

Когда я сопровождалъ послѣднее посольство въ Византію, онъ ходилъ въ нашъ лагерь и разъ принявъ меня за пьянаго—дуракъ не знаетъ сколько можетъ выпить сынъ Хильдунга—распрашивалъ меня подробно и внимательно обо всемъ, что можетъ погубить насъ. Ну, съ моей стороны, онъ получилъ далеко неоткровенные отвѣты! Но я также знаю вѣрно, какъ знаю свое имя, цѣли этого человека: онъ хочетъ снова приобрѣсти эту страну, эту Италію, и не оставить въ ней ни одного слѣда готовъ.

— Если сможетъ, проворчалъ, между прочимъ, братъ блондина.

— Правда, другъ Хильдебадъ, если сможетъ. А онъ въ состояніи сдѣлать многое. Византія можетъ много.

Тотъ пожалъ плечами.

— Знаешь ли ты, какъ много? спросилъ сердито старикъ. Впродолженіи двѣнадцати лѣтъ нашъ великій король боролся съ Византіей и все таки не побѣдилъ. Впрочемъ, тебя тогда еще не было на свѣтѣ, прибавилъ онъ спокойно.

— Хорошо, подоспѣлъ къ Хильдебаду на помощь его

братъ, но тогда готы стояли въ чужой землѣ. Теперь мы приобрѣли всю вторую половину; у насъ есть отечество-Италія, у насъ есть товарищи по оружію итальянцы.

— Италія наше отечество! повторилъ старикъ съ горечью. Да это безуміе. Итальянцы наши помощники противъ Византіи! Ахъ ты юный безумецъ!

— Это слова нашего короля, возразилъ тотъ, къ кому относились слова старика.

— Да, да, я знаю эти глупыя рѣчи, которыя погубятъ насъ всѣхъ. Чужіе мы здѣсь, такіе же чужіе, какъ и были сорокъ лѣтъ тому назадъ, когда спускались съ этихъ горъ; и чужими мы останемся въ этой странѣ еще тысячу лѣтъ. Мы здѣсь вѣчно варвары!

— Да, правда, но отчего же остаемся мы варварами? Чья это вина, какъ не наша? Отчего мы не беремъ съ нихъ примѣра!

— Замолчи, закричалъ старикъ, задрожавъ отъ гнѣва, замолчи Тотила, съ подобными мыслями: онѣ наносятъ проклятіе на нашъ домъ. Затѣмъ, сдерживая себя съ трудомъ, старикъ продолжалъ: Итальянцы наши смертельные враги, а не братья. Горе, если мы доверимся имъ! Ахъ, еслибъ король послѣдовалъ тогда моему совѣту и послѣ побѣды истребилъ мечемъ всѣхъ, начиная отъ слабого ребенка и до дряхлаго старика! Они будутъ насъ вѣчно ненавидѣть и они правы. А мы, дураки, мы имъ поклоняемся.

Наступила пауза: принявъ серьезный видъ, юноша спросилъ: и ты не допускаешь никакой возможности дружбы между нами и ими?

— Никакого мира между нами и народомъ юга! Человѣкъ входитъ въ золотую пещеру дракона, онъ придавливаетъ его голову желѣзнымъ кулакомъ, тотъ проситъ пощадить ему жизнь: человѣкъ, хвалясь надъ нимъ, исполняетъ его просьбу и осматриваетъ сокровища пещеры.

Что же дѣлаетъ ядовитый змѣй? Онъ подкрадывается сзади, какъ можно скорѣе и осторожнѣе къ человѣку и смертельно ранитъ своего избавителя.

— Ну, такъ чтожь, пуская придуть эти негодные греки, вскричалъ великанъ Хильдебадъ, пусть шевельнется ехиднино порожденіе. Мы ихъ придавимъ, вотъ такъ! Онъ поднялъ дубину и съ такой силой стукнулъ о мраморную ступень, что она разлетѣлась въ щепки; эхо раздавалось въ старомъ храмѣ.

— Да, пусть они попробуютъ! воскликнулъ Тотила и въ глазахъ его засверкалъ воинственный огонь, дѣлавшій его еще прекраснѣе. Если бы неблагородные римляне намъ измѣнили, если бы пришли фальшивые византійцы, посмотрите, старикъ, у насъ есть люди крѣпкіе, какъ дубы, и онъ посмотрѣлъ съ любовной гордостью на своихъ сильныхъ братьевъ.

Старый наставникъ оружія привѣтливо кивнулъ головою: Да, Хильдебадъ силенъ, хотя, конечно, онъ не такъ крѣпокъ, какъ Винитаръ, Валамеръ и другіе мои современники. Противъ сѣверныхъ народовъ сила хорошая вещь. Но этотъ южный народъ, продолжалъ онъ съ затаеннымъ гнѣвомъ, любить бороться не открыто, а съ башень и изъ засады. Они ведутъ войну съ хитрымъ расчетомъ, стараются войско героевъ загнать въ уголъ, такъ чтобы оно и двинуться не могло. Я зналъ одного такого хитреца въ Византіи, онъ былъ далеко не герой, а побѣждалъ замѣчательныхъ полководцевъ. Ты также знаешь его, Витихисъ? обратился онъ съ вопросомъ къ человѣку съ мечемъ.

— Я знаю Норзеса, отвѣчалъ тотъ серьезно. Все, что ты сказалъ, сынъ Хильдунга, къ несчастью, вѣрно, совершенно справедливо. Нѣчто подобное приходило и мнѣ въ голову, но какъ-то темно, неясно, скорѣе въ видѣ страха, нежели здравой мысли.

Твои слова неоспоримы: король присмерти, королева полугречанка, Юстинианъ подстерегаетъ, итальянцы фальшивы, какъ змѣи, византійскіе полководцы хитрецы по искусству, но, здѣсь онъ глубоко вздохнулъ, и мы готы также не одни. Нашъ мудрый король приобрѣлъ себѣ много друзей и союзниковъ: король вандаловъ его шурина, король вестъ-готовъ его внукъ, короли бургунской, херуловъ, тюринговъ, король франковъ, всѣ его родственники. Всѣ почитаютъ его, какъ отца; сарматы и эсты, живущіе у Балтійскаго моря, и тѣ присылаютъ ему съ поклономъ свои мѣха и желтые янтари.

— Все ли это? Неужели твои призрачныя надежды еще не истощились! Неужели намъ будутъ помогать эсты съ ихъ янтарями, или Велизарій и Норвесь?..

Горе намъ, если мы не сѹмѣемъ побѣдить одни. Всѣ эти зятя и родственники льстятъ, пока боятся, а когда перестанутъ дрожать, такъ къ намъ же обратятся съ угрозой. Знаю я вѣрность этихъ королей! Кругомъ насъ только одни враги явные и скрытые, и нѣтъ ни одного друга, кромѣ насъ самихъ.

Наступило молчаніе, во время котораго каждый взвѣшивалъ слова старика. Буря съ ревомъ качала перегнившіе столбы и потрясала развалившееся зданіе храма.

Наконецъ, Витихисъ гордо поднялъ голову и заговорилъ сосредоточенно и твердо: опасность велика, но надѣюсь, что отвратить ее можно. Конечно, ты призвалъ насъ сюда не для того только, чтобы оставлять въ бездѣйствіи и довести до отчаянія.

Старикъ сдѣлалъ къ нему шагъ впередъ и схватилъ его за руки.

— Славно, Витихисъ, сынъ Волтариса! Я хорошо зналъ тебя и справедливо рассчитывалъ, что ты первый выразишь мужественное слово. Да, я также думаю, какъ и ты, помощь еще возможна, но чтобы ее найти я и соз-

валъ васъ сюда, гдѣ не подслушаетъ насъ ни одинъ итальянецъ. Говорите и совѣтуйтесь, потомъ и я скажу слово.

Такъ какъ всѣ молчали, то онъ обратился къ человѣку съ завитыми черными волосами. Если ты раздѣляешь наше мнѣніе, зачѣмъ же ты молчишь, Тея? Отчего не скажешь ты ни слова?

— Я молчу потому, что я думаю иначе.

Всѣ удивились. Хильдебрандъ сказалъ: что-жъ ты думаешь, мой сынъ?

— Хильдебадъ и Тотила не видятъ опасности, ты и Витихисъ видите ее, но еще надѣетесь; я же давно знаю опасность и не надѣюсь больше.

— Ты смотришь слишкомъ мрачно, никогда не должно отчаяваться прежде сраженія, замѣтилъ Витихисъ.

— Неужели мы должны оставить мечъ и погибнуть безъ борьбы и славы! воскликнулъ Тотила.

— Не безъ борьбы, мой Тотила, и не безъ славы, отвѣчалъ Тея, взмахнувъ топоромъ. Мы будемъ бороться, и не должны это забывать ни на минуту, бороться со славой, но не надѣясь на побѣду. Звѣзда готовъ угасаетъ.

— А мы думаемъ, что она только что поднимается, нетерпѣливо перебилъ Тотила. Позволь выступить намъ передъ королемъ, Хильдебрандъ, и поговори ты съ нимъ такъ, какъ ты говорилъ съ нами. Онъ уменъ, онъ согласится съ нами.

Старикъ покачалъ головою: я говорилъ съ нимъ уже двадцать разъ. Онъ усталъ и хочетъ умереть, душа его омрачена и вы не знаете отъ какихъ ударовъ.

— Какъ думаешь ты, Хильдебадъ?

— Я думаю, началъ Хильдебадъ, гордо выпрямляясь, что такъ какъ старый левъ закрылъ глаза, то мы сами должны вооружить два войска. Одно поведутъ Витихисъ и Тея къ Византіи и предадутъ ее пламени, другимъ

войскомъ будемъ управлять мы съ братомъ, мы перейдемъ черезъ Альпы, разрушимъ Парижъ, гнѣздо дракона меровинговъ, превратимъ въ груды камней на вѣчное время. Тогда возстановится спокойствіе на востокѣ и на сѣверѣ!

— У насъ нѣтъ мореходныхъ судовъ противъ Византіи, замѣтилъ Витихисъ.

— А франковъ семеро противъ одного изъ насъ, прибавилъ Хильдебрандъ.

А ты что посоветуешь, Витихисъ?

— Я совѣтую всѣмъ сѣвернымъ племенамъ заключить клятвенный союзъ противъ грековъ и обезпечить его заложниками.

— Ты вѣришь въ вѣрность, потому что самъ вѣренъ.

Другъ мой, готы могутъ только помогать сами себѣ, но имъ надо снова напомнить, что они готы.

Выслушайте меня.

Вы всѣ молоды и у всякаго изъ васъ есть свои занятія и свои радости. Одинъ любитъ женщину, другой оружіе, у третьяго какая нибудь надежда или печаль, которая занимаетъ его, какъ любовница.

Но, повѣрьте, придетъ время, и обстоятельства могутъ сдѣлать это съ вами въ молодые годы, когда всѣ радости и печали будутъ для васъ безъ значенія, какъ завядшіе вѣнки послѣ вчерашней пирушки. Тогда многіе изъ васъ сдѣлаются благочестивыми, забудутъ все земное и будутъ стремиться къ тому міру, который наступитъ за могилой.

Ни я, ни вы теперь еще не можемъ этого сдѣлать.

Я люблю землю съ ея горами, лѣсами, пастбищами и бурнымъ потокомъ и жизнь съ ея горячей ненавистью и долгою любовью, съ пылкимъ гнѣвомъ и нѣмой гордостью.

О томъ воздушномъ мірѣ, который находится въ облакахъ, какъ учатъ христіанскіе священники, я ничего не знаю и не хочу знать.

Одно остается человѣку — истина, если все остальное позади него.

Посмотрите на меня. Я безжизненный стволъ, я потерялъ все, что наполняло и дѣлало счастливой мою жизнь. Моя жена умерла много лѣтъ тому назадъ, сыновья тоже умерли, внуковъ нѣтъ въ живыхъ: остаться одному хуже смерти.

Давно уже убиты всѣ тѣ, съ которыми я жилъ, какъ паловливый мальчикъ и сильный мужчина; теперь поднимается снова моя первая любовь и послѣдняя гордость.

Мой великій король усталый лежитъ у могилы.

Что-же привязываетъ меня къ жизни? Что-же придаетъ мнѣ мужество, охоту жить? Что приводитъ меня, какъ юношу, въ эту бурную ночь на эту гору? Отчего же, подъ этой сѣдой бородой грудь моя волнуется жгучей любовью, строптивой гордостью и глубокою скорбію? Это влеченіе къ своему народу, глубокое влеченіе, всосанное въ кровь. Это любовь, пламенная, всемогущая къ племени, называемому готами. Ихъ роднымъ, сладкимъ, божественнымъ языкомъ я говорю съ родителями, со всѣми тѣми, которые говорятъ, чувствуютъ и живутъ, такъ какъ я. Любовь къ своему народу — жертвенный огонь, который пылаетъ въ сердцѣ и тогда, когда всякое другое пламя ужъ погасло въ немъ. Патриотизмъ есть самое высокое чувство въ груди мужчины, самое сильное могущество его души, вѣрное до смерти и непобѣдимое.

Старикъ говорилъ съ одушевленіемъ, волосы его развѣвались по вѣтру, онъ стоялъ, какъ богатырь между молодыми людьми, которые съ волненіемъ сжимали руками оружіе.

— Наконецъ, заговорилъ Тея: ты правъ, этотъ огонь пылаетъ еще, когда всякій другой погасаетъ. Онъ горитъ въ тебѣ, въ насъ, въ сотнѣ другихъ нашихъ братьевъ. Но развѣ можетъ это спасти цѣлый народъ? Нѣтъ! Развѣ

можетъ это пламя захватить массу, тысячи, сотни тысячъ?

— Да, мой сынъ, оно можетъ захватить всѣхъ. Слава готамъ!

Выслушай меня.

45 лѣтъ тому назадъ, сотни тысячъ насъ, готовъ, съ женами и дѣтьми были заперты въ ущельяхъ горы Гемуса (Балканы). Мы находились въ страшной нуждѣ. Братъ короля былъ разбитъ и умерщвленъ греками въ вѣроломномъ нападеніи и всѣ съѣстные припасы, которые онъ долженъ былъ намъ доставить, пропали; мы сидѣли въ ущельяхъ скалъ и страдали отъ ужаснаго голода. Мы варили траву и кожу.

Позади насъ непроходимыя скалы, впереди налѣво море, направо узкое ущелье, занятое врагами, втрое превосходящими насъ числомъ.

Нѣсколько тысячъ изъ насъ погибли отъ голода и отъ холода зимою. Двадцать разъ употребляли мы усилія проникнуть сквозь ущелье и все напрасно.

Мы начинали отчаяваться. Тогда пришелъ къ намъ посланный отъ императора и предложилъ намъ — жизнь, свободу, вино, хлѣбъ, мясо — подъ однимъ условіемъ: мы всѣ должны были разстаться и быть по четверо разсѣянными по всей римской имперіи; ни одинъ изъ насъ не имѣлъ права жениться на готской женщинѣ, учить своихъ дѣтей родному языку и обычаямъ, имя и существо готовъ должны были исчезнуть, насъ хотѣли превратить въ римлянъ.

Тогда всталъ нашъ король, созвалъ всѣхъ и обратился къ намъ съ пламенною рѣчью, въ концѣ которой онъ спрашивалъ, что предпочитаемъ мы — отречься отъ языка, обычаевъ, жизни нашего народа, или умереть? Слово короля проникло въ души сотенъ-тысячъ чело-вѣкъ и какъ огонь, охватившій лѣсъ, быстро пожираетъ сухія деревья, такъ и рѣчь короля мгновенно охва-

тила насъ. Всѣ готы вскочили разомъ и, обнаживъ мечи, какъ бурное море бросились на ущелье, греки были отброшены далеко, а мы остались побѣдителями и свободными. — При этомъ гордомъ воспоминаніи глаза старика за сверкали; послѣ небольшой паузы онъ продолжалъ: это одно можетъ спасти готовъ, какъ и тогда. Почувствовавъ, что у нихъ есть высшая цѣль для борьбы, защита языка и обычаявъ народа, готы могутъ смѣяться надъ ненавистью грековъ и коварствомъ итальянцевъ. Прежде всего я хотѣлъ спросить васъ строго и торжественно: сознаете ли вы ясно, всецѣло и могущественно, что любовь къ народу есть высшая цѣль, драгоценнѣйшее сокровище и самая надежная опора? Въ состояніи ли вы сказать, какъ я: мой народъ есть для меня божество, передъ которымъ все преклоняется, ему хочу я посвятить себя и все, что имѣю. Можете ли вы, хотите ли вы сказать это?

— Да, я хочу это сказать, я могу! раздались четыре голоса.

— Хорошо, продолжалъ старикъ, хорошо.

Но Тея правъ. Еще не всѣ готы чувствуютъ, какъ мы, а мы должны ждать, пока всѣ проникнутся однимъ чувствомъ. Поклянитесь мнѣ, что съ этого часа вы всѣ безустанно будете стараться одушевить народъ духомъ этого часа.

Ужъ многимъ, многимъ чужеземный блескъ ослѣпилъ глаза, и они стыдятся называться варварами! Многіе приняли греческое платье и римскія убѣжденія. Они хотятъ забыть, что они готы. О, горе этимъ безумцамъ! Они вырвали сердце изъ груди и хотятъ жить. Они листья, слетѣвшіе съ дерева, придетъ вѣтеръ и смететъ ихъ въ грязь и лужи, между тѣмъ, какъ стволъ твердо выдержитъ бури и сохранитъ въ цѣлости оставшіеся на немъ листья. Вы должны ободрять народъ и одушевлять его вездѣ и во всякое время. Мальчикамъ передавайте сказанія отцовъ о

битвахъ съ гуннами и о пораженіяхъ римлянъ; мужчинамъ указывайте на грозящую опасность и на народъ, какъ единственную нашу защиту; вашихъ сестеръ увѣщивайте не влюбляться и не привязываться къ римлянамъ. Вашихъ невѣстъ и женъ учите жертвовать всѣмъ, что имѣютъ и самими собой для счастья славныхъ готовъ, съ тѣмъ, что когда придутъ враги, то нашли-бы народъ сильный, гордый, единопутный, способный разомъ поразить враговъ, какъ волны разбиваются всѣ разомъ о скалы! Хотите-ли быть мнѣ въ этомъ помощниками?

— Да, отвѣчали всѣ, хотимъ.

— Я вѣрю вамъ, продолжалъ старикъ, вѣрю одному вашему слову. Вокругъ васъ всѣ должны собраться; я останусь вѣренъ старинному обычаю. Слѣдуйте за мною!

ГЛАВА II.

Торжественная клятва Готовъ.

Пригласивъ товарищей слѣдовать за нимъ, старикъ снялъ со столба факель и пошелъ впередъ черезъ внутреннюю часть храма, мимо главнаго, полуразрушеннаго алтаря, мимо подножій давно упавшихъ образовъ, къ задней части храма. Молча слѣдовали за нимъ вооруженные, которыхъ онъ велъ по ступенькамъ внизъ на открытое мѣсто. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, они остановились у одного древняго каменнаго дуба, могучая вершина котораго, какъ крыша, твердо выдерживала бурю и дождь. Подъ этимъ деревомъ представилось имъ зрѣлище, напоминающее готамъ древній обычай сѣдаго, отдаленнаго язычества и отдаленную сѣверную родину.

Подъ дубомъ лежала полоса густаго дерна въ одинъ

футъ шириною и въ нѣсколько аршинъ длиною; оба конца полосы слабо прикрѣплялись къ землѣ.

Въ серединѣ дерновый поясъ былъ поднятъ на три копыя, неровно воткнутыя въ землю, такъ что самая середина прикрѣплялась къ самому длинному копыю; все устройство представляло трехъ-угольникъ, подъ крышей котораго между копыями свободно могли помѣститься нѣсколько человѣкъ.

Въ земляномъ углубленіи стоялъ металлическій котелъ, наполненный водою, возлѣ лежалъ острый, самой древней работы ножъ для бойни. Рукоятка его была изъ рога дикаго быка, а клинокъ—изъ кремня.

Старикъ подошелъ къ этому мѣсту, воткнулъ факелъ возлѣ котла въ землю, всунулъ правую ногу въ яму, обернулся къ западу и наклонилъ голову; затѣмъ онъ поманилъ къ себѣ друзей, приложивъ палецъ къ губамъ въ знакъ молчанія. Безъ звука вошли всѣ въ канаву. Витихисъ и Тея встали по лѣвую сторону старика, два брата по правую, и всѣ пятеро вытянули руки, соединивъ ихъ торжественно въ цѣпь.

Старикъ разъединилъ прежде Витихиса и Хильдебада, стоявшихъ ближе къ нему и всталъ на колѣни. Прежде всего онъ схватилъ горсть лѣсной земли и бросилъ ее черезъ лѣвое плечо; потомъ, другою рукою, онъ почерпнулъ воды изъ котла и вылилъ ее позади себя, затѣмъ онъ подулъ въ ночной воздухъ, развѣвавшій волосы его длинной бороды.

Наконецъ, онъ потрясъ факеломъ надъ головой съ праваго плеча на лѣвое.

—Слушайте меня: старая земля, бурная вода, тихій воздухъ, пылающее пламя! Выслушайте и сохраните мои слова.

Мы стоимъ пять человѣкъ, изъ рода готовъ—Тея и

Тотилла, Хильдебадь, Хильдебрандъ и Витихисъ, сынъ Валтариса.

Мы стоимъ здѣсь въ этотъ тихій часъ и составляемъ союзъ братьевъ по крови на всѣ времена. Мы, какъ родственники, должны дѣлить вмѣстѣ и моръ и войну и право и мечь. Насъ должна одушевлять одна надежда, одна ненависть, одна любовь и одно страданіе. Кровь наша будетъ стекать вмѣстѣ, какъ кровь братьевъ.

Съ этими словами онъ обнажилъ лѣвую руку, другіе сдѣлали тоже самое, и руки всѣхъ пятерыхъ, въ близкомъ разстояніи одна отъ другой, протянулись надъ котломъ.

Старикъ взялъ острый ножъ и надрѣзалъ имъ кожу верхней части руки у себя и своихъ товарищей, такъ что кровь ихъ потекла каплями въ желѣзный котель.

Затѣмъ они приняли прежнее положеніе, и старикъ продолжалъ: И еще мы клянемся самою священною клятвой посвятить самихъ себя, домъ, дворъ, имущество, коня, вооруженіе и скоть, сына, родственника, жену, тѣло и жизнь для славы и счастья готовъ, славныхъ готовъ! И кто изъ насъ захочетъ отказаться исполнить клятву со всѣми ея жертвами... Потому онъ, и—по его знаку—всѣ остальные, вышли изъ ямы.

Пусть кровь того течетъ, также неотомщенною, какъ воды въ лѣсномъ бассейнѣ. Онъ поднялъ котель и налилъ кровяной воды въ яму. *«Пусть на главу того испадутъ небесные громы и также быстро извернутъ его, какъ изъ этого сосуда истекаетъ вода».*

Затѣмъ онъ однимъ ударомъ спустилъ три копьевыя древка къ землѣ, и глухо упала тяжелая дерновая крышка въ канаву.

Тогда пять человекъ съ скрещенными руками встали снова на мѣсто, покрытое дерномъ, и старикъ продолжалъ торопливо:

«Кто-же не исполнитъ нашей клятвы и нашего союза

и не будет дорожить жизнью братьевъ по крови, какъ родными, и мстить за ихъ жизнь и кто откажется принести всевозможныя жертвы для народа готовъ, кто побойся нужды или уступить увѣщаніямъ брата, тотъ долженъ быть отданъ во власть самымъ жестокиимъ и немилосерднымъ подземнымъ силамъ».

Хорошіе люди да попрутъ ногами главу измѣнника, и имя его да остается безчестнымъ во всѣ времена, пока не перестанутъ благовѣстить въ христіанскихъ церквахъ, пока не перестанутъ приноситься жертвы въ языческихъ капищахъ, пока мать не перестанетъ ласкать своего ребенка, вѣтеръ вѣять на бѣломъ свѣтѣ.

Скажите, таково ли ваше мнѣніе, слѣдуетъ ли съ нимъ поступить такъ?

— Такъ должно поступать съ низкимъ измѣнникомъ, повторили товарищи.

Послѣ непродолжительной паузы Хильдебрандъ снялъ цѣпь съ рукъ и сказалъ:

— Теперь вы понимаете почему это мѣсто для меня, въ настоящее время и для васъ, священно. А для чего я привелъ васъ сюда, именно въ эту ночь, вы сейчасъ узнаете.

Подойдите и посмотрите. И говоря такимъ образомъ, онъ поднялъ факель и отошелъ назадъ отъ могучаго ствола дуба, подъ которымъ они клялись. Молча слѣдовали за нимъ друзья, пока не обошли кругомъ дерева, тогда они съ удивленіемъ замѣтили противъ ямы, въ которой стояли, открытую зіяющую, широкую могилу; въ глубинѣ ея, освѣщенные яркимъ свѣтомъ факела, покоились три бѣлые, длинные скелета, а рядомъ съ ними лежали—заржавленное оружіе, копья и щиты.

Друзья съ изумленіемъ смотрѣли то на могилу, то на старика:

Послѣдній долго и молча свѣтилъ имъ въ глубину; наконецъ, онъ сказалъ спокойно.

Мои три сына лежатъ здѣсь уже тридцать лѣтъ. Они пали на этой горѣ, въ послѣднемъ сраженіи, подъ городомъ Равенной. Они были убиты всѣ въ одинъ часъ, и сегодня день ихъ кончины. Они съ радостью положили жизнь свою за ихъ народъ.

Онъ остановился. Друзья въ волненіи смотрѣли другъ на друга. Наконецъ, старикъ оправился, поднялъ голову и поднялъ глаза къ небу. Довольно, сказалъ онъ, звѣзды потухаютъ. Полночь давно прошла. Вы всѣ подите въ городъ, а ты, Тея, останешься со мной,—тебѣ предпочтительно передъ другими посвящаю я мой печальный даръ—сторожить вмѣстѣ со мной мертвецовъ. Тея поклонился и, не говоря ни слова, сѣлъ у могилы, возлѣ которой стоялъ. Старикъ передалъ Тотилѣ факель, а самъ расположился противъ Теи на доскѣ. Другіе въ знакъ прощанія наклонили головы.

Молча, погруженные въ серьезныя мысли, возвращались они въ городъ.

ГЛАВА III.

Свиданіе заговорщиковъ въ подземельи римскихъ катакомбъ.

Нѣсколько недѣль послѣ ночнаго сборища въ Равеннѣ, въ Римѣ назначено было другое собраніе, такое же таинственное и подѣ покровомъ ночи, но состоящее изъ совершенно другихъ лицъ, съ другими цѣлями. Мѣстомъ этого собранія должны были служить полу-разрушенные своды катакомбъ, подземныя дороги и пещеры которыхъ соста-

влияютъ нѣчто вродѣ другаго города подѣ улицами и площадями Рима.

Катакомбы—это тѣ таинственныя пространства, которыя въ древности служили для погребенія и для сборища первыхъ христіанъ. Онѣ такъ разнообразно перекрещиваются, и ихъ закоулки, входы и выходы представляютъ столько трудностей, что только подѣ надежнымъ руководствомъ можно надѣяться проникнуть въ ихъ глубину. Но люди, тайныя сношенія которыхъ мы подслушаемъ, не боялись опасности. У нихъ были хорошіе проводники: Сильферіусъ, католическій архидіаконъ древней церкви святаго Стефана, провожавшій своихъ друзей прямо съ каменныхъ ступеней базилики подѣ эти своды; римскіе священники могли также быть причислены къ первымъ знатокамъ этихъ лабиринтовъ. Собравшіеся, казалось, находились здѣсь уже не въ первый разъ; ужасъ этого мѣста не производилъ на нихъ никакого впечатлѣнія. Равнодушно стояли они, прислонившись къ стѣнамъ непривѣтливаго полукруга, скупое освѣщеннаго бронзовыми, висячими лампами и составлявшаго конецъ узкаго прохода. Они не замѣчали, какъ капли падали съ потолка на землю, и когда ноги ихъ натыкались на полусгнившія кости, — они хладнокровно отбрасывали ихъ въ сторону.

Кромѣ Сильферіуса здѣсь находились еще другіе истинно вѣрующіе священники и нѣсколько знатныхъ римлянъ дворянскаго рода западнаго королевства.

Имъ въ продолженіи уже нѣсколькихъ столѣтій переходили въ наслѣдство высшія должности въ государствѣ. Молча и внимательно слѣдили всѣ за движеніями архидіакона; онъ прежде всего осмотрѣлъ уединенные закоулки, и когда различилъ въ темнотѣ нѣсколькихъ молодыхъ людей, одѣтыхъ въ платье священниковъ и стоявшихъ на стражѣ, то, окинувъ всѣхъ одобрительнымъ взглядомъ, объявилъ собраніе открытымъ.

Затѣмъ, подойдя къ высокому человѣку, стоявшему у стѣны, онъ бросилъ ему вопросительный взглядъ, на что послѣдній отвѣчалъ наклоненіемъ головы. Тогда архидіаконъ, обратившись къ собранію, проговорилъ:

— Возлюбленные во имя Св. Троицы! Сколько разъ мы собирались здѣсь для святаго дѣла.

Эдемскій мечъ ужъ занесенъ надъ нашими главами и царь Фараонъ жаждетъ крови дѣтей Израиля.

Но мы не боимся тѣхъ, которые могутъ умертвить тѣло, душу же повредить не могутъ, мы гораздо больше страшимся тѣхъ, которые и душу и тѣло могутъ погубить въ вѣчномъ огнѣ.

Довѣряясь мраку ночи, мы надѣемся на помощь Того, который провелъ народъ свой черезъ пустыню, посылая ему въ путеводители темное облако днемъ и огненный столбъ ночью.

Этого должны мы держаться и никогда не позабыть: всѣ страданія посылаются намъ по волѣ Божіей, и что мы дѣлаемъ, дѣлаемъ во имя Его. Хвала Господу, если онъ благословитъ наше усердіе. Коротки, какъ Евангеліе, были наши начинанія, но теперь онѣ выросли, какъ дерево на свѣжемъ берегу ручья.

Съ боязнью и уныніемъ мы пришли сюда въ первый разъ: велика была опасность, слаба надежда. Благородная кровь лучшихъ пролита, но мы остались тверды въ вѣрѣ, и теперь можемъ мужественно сказать, что тронъ Фараона стоитъ у берега и дни нашихъ непріятелей въ этой странѣ уже сочтены.

— Къ дѣлу! воскликнулъ молодой римлянинъ съ курчавыми, черными волосами и блестящими черными глазами; нетерпѣливо сбросилъ онъ свой сагумъ * съ лѣваго

* Походный плащъ.

бока на правое плечо и показали свой короткій мечъ. — Къ дѣлу, священникъ! Зачѣмъ мы собрались сюда?

Сильферіусъ бросилъ на юношу взглядъ неудовольствія за такую дерзость. Потомъ онъ продолжалъ рѣзкимъ голосомъ:

— Тѣ, которые не вѣрятъ въ святость нашихъ цѣлей, не должны мѣшать, изъ своихъ личныхъ земныхъ цѣлей, вѣровать остальнымъ. Сегодня, Лиценіусъ, мой нетерпѣливый другъ, долженъ присоединиться къ нашему союзу еще одинъ высокопоставленный членъ. Его вступленіе есть видимый знакъ милости Божьей.

— Кого желаешь ты ввести? выполнены ли всѣ предварительныя условія? Ручаешься ли ты за него? Или есть у него другое поручительство?—Такъ спрашивалъ одинъ изъ присутствующихъ, человекъ зрѣлыхъ лѣтъ, съ правильными чертами лица, спокойно сидѣвшій у выступа стѣны, оставивъ свой посохъ между ногъ.

— Я представляю его, Сцевола, остальное докажетъ вамъ онъ самъ.

— Этого мало. Статутъ нашего союза требуетъ поручительства, и я настаиваю на этомъ, продолжалъ спокойно Сцевола.

— Ну хорошо, хорошо, я ручаюсь въ присутствіи всѣхъ юристовъ! повторилъ священникъ, смѣясь.

Онъ сдѣлалъ знакъ въ одинъ изъ закоулковъ налѣво. Два молодые человека вывели оттуда на середину свода новопосвящаемого, на закутанной головѣ котораго остановились всѣ взоры.

Послѣ небольшой паузы Сильферіусъ сбросилъ покрывало съ головы и плечъ прищельца.

— Албинусъ! воскликнули всѣ въ волненіи, раздраженіи и гнѣвѣ.

Молодой Лиценіусъ схватился за мечъ, Сцевола мед-

ленно поднялся, и дико раздавались отовсюду возгласы: Какъ! Албинусъ! Измѣнникъ!

Боязливо осматривался кругомъ себя Албинусъ, его сопливыя черты указывали на врожденную тупость. Онъ устремилъ глаза на священника, какъ бы вызывая помощь.

— Да, Албинусъ! сказалъ тотъ спокойно.— Не хочетъ ли кто нибудь изъ союзниковъ говорить противъ него? Пусть онъ говорить!

— По моему мнѣнію, прервалъ его Лиценіусъ, къ чему тутъ еще рѣчь? Мы всѣ знаемъ, кто такой Албинусъ. Трусливый, постыдный измѣнникъ! гнѣвъ заглушилъ его голосъ.

— Обвиненія не доказательства, сказалъ Сцевола.— Но я спрошу его самого, онъ долженъ сознаться. Албинусъ, ты ли тотъ человѣкъ, который, когда дѣйствія нашего союза были узнаны тиранами и когда еще только одинъ изъ насъ былъ схваченъ, далъ постыдную клятву отреченія и этимъ спасся? Ты ли безучастно смотрѣлъ, какъ благородные люди Вотіусъ и Симахусъ—наши союзники—храбро защищали тебя передъ тираномъ, за что были схвачены, преслѣдуемы, лишены имущества и казнены?

Ропотъ неудовольствія пробѣжалъ по собранію. Обвиняемый дрожалъ и оставался безмолвнымъ; самъ Сильферіусъ потерялъ на минуту самообладаніе.

Тогда поднялся человѣкъ, сидѣвшій противъ него у каменной стѣны, и подошелъ къ Сильферіусу; его приближеніе придало силы священнику, и онъ заговорилъ:

— Друзья, случилось все, но не такъ, какъ вы говорите! Прежде всего знайте: Албинусъ меньше всѣхъ виновать. Онъ поступалъ постоянно по моему совѣту.

— По твоему совѣту?

— И ты рѣшаешься въ этомъ признаться?

— Албинусъ былъ обвиненъ черезъ измѣну одного невольника, разобравшаго тайную переписку съ Византією.

Подозрительность тирановъ пробудилась, и каждый намекъ на оправданіе, на сдѣшеніе обстоятельствъ увеличивалъ опасность.

Настойчивость Ботіуса и Симмакуса, храбро его защищавшихъ, была благородна, но безумна.

Они высказали варварамъ мнѣніе всего римскаго дворянства и тѣмъ обнаружили, что Албинусъ былъ не одинъ.

Они не послушались моего совѣта и, къ несчастію, заплатились жизнью.

Ихъ усердіе оказалось излишнимъ, такъ какъ измѣннику-невольнику удалось захватить письма прежде ареста Албинуса.

Вы не думаете, конечно, чтобы Албинусъ могъ молчать во время пытки и подъ угрозами смерти, тогда какъ отреченіе отъ клятвы и союзниковъ могло бы его спасти.

Этого не думалъ и самъ Албинусъ...

Поэтому и надобно было прежде всего постараться избѣгнуть пытки, что и удалось посредствомъ клятвы.

Въ это время Ботіусъ и Симмакусъ проливали кровь. Ихъ нельзя уже было спасти, но въ ихъ молчаніи, даже и подъ пыткой, мы были увѣрены...

Албинусъ былъ чудомъ освобожденъ изъ темницы, какъ нѣкогда Апостоль Павелъ изъ заключенія.

Онъ бѣжалъ въ Аѳины. Тиранъ удовольствовался запрещеніемъ ему возвращаться, но всемогущій Богъ приготовилъ ему убѣжище въ своемъ храмѣ до тѣхъ поръ, пока не настанетъ часъ свободы.

Въ уединеніи святаго приюта, Господь смягчилъ сердце человѣка, и вотъ онъ, не страшась болѣе смерти, выступаетъ снова передъ нами и отдаетъ все свое огромное имущество на служеніе Богу и отечеству. Понимаете ли, все имущество онъ посвящаетъ церкви Св. Маріи Маіорисъ и распоряженіямъ нашего союза.

Неужели вы будете пренебрегать его милліонами?

Наступила пауза удивленія: наконецъ Лиценіусъ воскликнулъ: Священникъ, ты уменъ, какъ духовное лицо. Но мнѣ не нравится такой умъ.

— Сильферіусъ, сказалъ юристъ, ты можешь взять милліоны. Тебѣ это ничего; но я былъ другомъ Ботиуса и мнѣ неидетъ входить въ общеніе съ этимъ трусомъ. Прочь его!

— Прочь! Прочь! раздалось совѣхъ сторонъ.

Албинусъ поблѣднѣлъ, да и самъ Сильферіусъ задрожалъ отъ такого единодушнаго и рѣзкаго требованія. Цетегусъ! прошепталъ онъ тихо, какъ бы прося о помощи.

Тогда вышелъ на средину человѣкъ, который все время молчалъ и только съ холодною и умной наблюдательностью слѣдилъ за разговоромъ.

Онъ былъ высокъ ростомъ и худоцавъ, силенъ, съ широкою грудью и желѣзными мускулами.

Пурпуровый рубецъ его тоги, прекрасныя сандаліи указывали на богатство, званіе и вкусъ; сверху же его окутывалъ длинный коричневый военный плащъ, скрывавшій всю его фигуру.

Голова его была одна изъ тѣхъ, которыхъ нельзя забыть, если видѣли, хотя только одинъ разъ.

Густые, черные, блестящіе волосы, обрѣзанные по римскому обычаю коротко и кругло, были сбиты на большомъ лбу и вискахъ благородной формы. Въ темно-сѣрыхъ глубокихъ глазахъ, подъ тонкими густыми бровями, отражалось цѣлое море угасшихъ страстей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самое отчетливое выраженіе холоднаго самообладанія.

На рѣзко очерченныхъ безбородыхъ губахъ играло выраженіе презрѣнія къ Богу и всему свѣту.

Выступивъ съ спокойною важностью, онъ оглядѣлъ всѣхъ присутствующихъ и когда полилась его рѣчь не льстивая, но повелительная, каждый ощутилъ на себѣ

впечатлѣніе невольнаго смущенія; немногіе могли выносить его сообщества, не подчиняясь ему.

— Что вы ссоритесь о вещахъ, которыя необходимы и непреложны? сказалъ онъ холодно. Кто стремится къ цѣли, тотъ долженъ употреблять и средства! Вы не хотите простить—отъ этого ничего не зависитъ. Но забыть вы должны и вы можете забыть! И я также былъ другомъ умершихъ, и можетъ быть даже самымъ близкимъ. А все таки я хочу забыть. Я поступаю такъ именно потому, что былъ ихъ другомъ. Сцевола любилъ ихъ и хочетъ мести... но только во имя одной мести—Албинусъ твою руку!

Всѣ замолчали, взволнованные болѣе личностью, нежели рѣчью оратора. Только юристъ замѣтилъ:

— Рустициана, вдова Ботиуса и дочь Симмахуса, женщина, обладающая большимъ вліяніемъ, наша вѣрная союзница, а останется ли она съ нами, если вступитъ Албинусъ? Можетъ ли она когда нибудь простить и забыть? Никогда!

— Она сдѣлаетъ это. Если вы не вѣрите мнѣ, повѣрьте вашимъ глазамъ.

Съ этими словами Цетегусъ быстро обернулся и подошелъ къ одному изъ боковыхъ входовъ, отверстіе котораго онъ загоразживалъ своей спиной.

Плотно у самаго входа стояла закутанная женщина, внимательно прислушивавшаяся къ разговору. Цетегусъ схватилъ ее за руку: «иди» прошепталъ онъ, «иди сейчасъ же...»

— Я не могу! Я не хочу! былъ тихій отвѣтъ.—Я проклиная его. Я не могу видѣть его, этого презрѣннаго.

— Но такъ должно быть. Иди, ты можешь и ты хочешь, потому что я этого хочу! Онъ опустилъ ея вуаль, еще разъ посмотрѣлъ на нее, и она послѣдовала за нимъ, какъ будто противъ воли.

Они обогнули уголъ входа.

— Рустичіана! вскрикнули всѣ.

— Женщина въ нашемъ собраніи! сказалъ юристъ.
Это противъ статутовъ и законовъ.

— Да, Сцевола, но законы существуютъ для союза, а не союзъ для законовъ. Вы никогда не повѣрили бы тому, что видите здѣсь собственными глазами.

Онъ вложилъ руку вдовы въ дрожавшую руку Албинуса.

— Посмотрите, Рустичіана прощаетъ: кто будетъ теперь еще противорѣчить?

Побѣжденные и взволнованные всѣ замолчали.

Для Цетегуса все остальное потеряло всякій интересъ.

Онъ отошелъ съ женщиной къ стѣнѣ въ глубину пещеры.

Но священникъ провозгласилъ: «Албинусъ членъ нашего союза»!

— А клятва, данная имъ тиранамъ? нерѣшительно спросилъ Сцевола.

— Клятва эта была вынуждена, и онъ освобождается отъ нея святою церковью. Но время разойтись. Теперь займемся второстепенными дѣлами и послѣдними извѣстіями.

Вотъ, Лиценіусъ, планъ крѣпости въ Неаполѣ. Ты долженъ его снять до завтра.

Здѣсь, Сцевола, письма изъ Византіи отъ Теодоры, благочестивой супруги Юстиніана: ты долженъ на нихъ отвѣчать.

Калпурнусъ, возьми вексель на полъ милліона. Деньги, полученныя отъ Албинуса, ты пошлешь къ франкскому начальнику Домусу, который вооружаетъ своего короля противъ готовъ.

Вотъ, Помпоніусъ, списокъ патриотовъ въ Далматіи. Ты знаешь тамошніе порядки и людей, посмотри, всѣ ли тутъ значительныя фамиліи.

Да будетъ вамъ всѣмъ сказано, что изъ писемъ, сегодня полученныхъ изъ Равенны, видно, что рука Господня тяжело тяготѣетъ надъ тираномъ. Глубокое уныніе, слишкомъ позднее покаяніе въ грѣхахъ, сокрушаютъ его душу, но утѣшеніе истинной церкви не доступно ему.

И скоро, скоро грозный голосъ Судьи призоветъ его къ себѣ.

Тогда настанетъ часъ свободы.

У ближайшихъ переходовъ, въ тотъ же самый часъ, мы опять сойдемся.

«Благословеніе Божіе, да будетъ съ вами!»

И Сильферіусъ движеніемъ руки отпустилъ собравшихся: молодые священники съ факелами вышли изъ боковыхъ ходовъ и направились всѣ въ одиночку, по различнымъ направленіямъ, къ хорошо знакомымъ имъ выходамъ катоконбъ.

ГЛАВА IV.

Цетегусъ и Рустичіана.

Сильферіусъ, Цетегусъ и Рустичіана сошли вмѣстѣ со ступеней, которыя вели въ (Курта) базилики Св. Севастіана.

Оттуда они прошли черезъ церковь въ домъ, непосредственно соединенный съ церковью, къ архидіакону.

Подойдя къ дому, діаконъ увидаль, что всѣ его домашніе спали, кромѣ стараго невольника, который бодрствовалъ, сидя у полуогасшей лампы.

По знаку господина, слуга зажегъ лампу и придавилъ пружину на мраморныхъ доскахъ.

Мраморныя доски повернулись на петляхъ и пропустили священника и двухъ его товарищей въ маленькую и низкую комнату, отверстіе которой тотчасъ же быстро

и безъ шума захопнулось за ними. Ни одна щель не выдавала существованія двери.

Маленькое пространство этой комнаты занимали высокій деревянный крестъ, напой и нѣсколько другихъ христіанскихъ символическихъ изображеній на золотомъ подножїи. Рѣзные карнизы, оставшіеся на стѣнахъ, свидѣтельствовали, что въ языческія времена эту комнату употребляли для пирушки, изъ двухъ или трехъ гостей, непринужденную веселость и добродушіе которыхъ прославляетъ Гораций.

Подчасъ эта комнатка служила убѣжищемъ для таинственныхъ духовныхъ и свѣтскихъ уединенныхъ размышленій діакона.

Молча сѣлъ Цетегусъ, бросивъ бѣглый взглядъ избалованнаго знатока на картину изъ мозаики, висѣвшую на противоположной стѣнѣ.

Во все время, пока священникъ разливалъ вино въ кубки и наполнялъ оловянную вазу плодами, разставляя все это на трехногомъ бронзовомъ столѣ, Рустиціана стояла противъ Цетегуса, мѣряя его негодующимъ и удивленнымъ взглядомъ. Рустиціанѣ было сорокъ лѣтъ; красота ея была рѣдкая, мужественная, пострадавшая не столько отъ времени, сколько отъ пылкихъ страстей. Ужъ тамъ и самъ видѣлись сѣдые и даже бѣлые волосы въ ея черныхъ косахъ воронаго крыла, глаза блуждали и крупныя морщины перекрещивали подвижные углы рта.

Она облокотилась лѣвой рукой на бронзовый столъ, а правой проводила по лбу, не спуская глазъ съ Цетегуса.

Наконецъ она сказала: человѣкъ, скажи, какую власть имѣешь ты надо мною? Я тебя болѣе не люблю. Я должна тебя ненавидѣть и ненавижу. И все таки слѣдую за тобой, противъ моей воли, какъ птицы слѣдуютъ за глазами змѣи. И ты вложилъ мою руку въ руку того презрѣннаго. Скажи, злодѣй, откуда твое могущество?

Цетегусъ молчалъ, не обращая вниманія на ея слова. Наконецъ, прислонясь къ стѣнѣ, онъ отвѣчалъ: привычка, Рустичіана, привычка!

— Конечно, привычка къ невольничеству, которое гнететъ меня съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я начала думать. Что я, когда была дѣвушкой, любовалась красивымъ сыномъ сосѣда, это естественно, что я вѣрила въ твою любовь — также простиительно: ты цѣловалъ меня. Да и кто могъ думать тогда, что ты не можешь никого любить — даже самого себя? Что я, какъ супруга Ботіуса не затушила въ себѣ безумную любовь, которую ты, играючи, зажегъ снова, — это былъ грѣхъ, но Богъ и церковь простили мнѣ его. Но почему теперь, когда я знаю цѣлые десятки лѣтъ твое безсердечное коварство, когда пламя страсти уже давно заглохло въ этихъ жилахъ, я все таки слѣпо повинуюсь твоей демонической волѣ. Вотъ въ чемъ заключается безуміе, достойное посмѣянія?

И она громко засмѣялась, проведя еще разъ правой рукой по лбу.

Священникъ пріостановился въ хозяйственныхъ приготовленіяхъ и украдкой посматривалъ на Цетегуса.

Цетегусъ откинулъ голову назадъ на мраморный карнизъ и взялъ правой рукой бокаль, стоявшій передъ нимъ.

— Ты несправедлива, Рустичіана, сказалъ онъ спокойно. И выражаешься не ясно. Ты путаешь игру Эрота съ дѣйствіями Ириса и Еринеевъ.

Ты знаешь, что я былъ другомъ Ботіуса, хотя я и цѣловалъ его жену... можетъ быть именно поэтому. Я не вижу тутъ ничего особеннаго, а ты — ну, да Сильферіусъ и Святые простили тебѣ.

Тебѣ извѣстно, что я ненавижу этихъ готовъ, дѣйствительно ненавижу. И у меня есть власть, есть въ моихъ жилахъ сила привести въ исполненіе все то, что наполняетъ теперь твое сердце: отомстить этимъ варварамъ за

любимаго тобою отца, и за мужа, котораго ты уважала.

Ты слѣдуешь по моей волѣ. И ты, поступаешь очень умно. Хотя ты и обладаешь замѣчательнымъ талантомъ сплетать различныя козни, но твоя пылкость часто туманить твой взглядъ. Она уничтожаетъ самые тонкіе планы. Ты хорошо дѣлаешь, слѣдуя разумному руководству. Вотъ и все.

Но теперь иди. Твоя невольница ужъ задремала тамъ у входа. Она думаетъ, что ты на исповѣди у Сильферіуса. Исповѣдь не должна долго продолжаться. Да къ тому-жъ у насъ еще есть занятія.

Привѣтствуй отъ меня Камиллу, твоего прелестнаго ребенка.

Будь здорова!

Онъ всталъ, взялъ ее руку и отвелъ спокойно къ двери.

Она послѣдовала, не сопротивляясь, кивнула священнику головой въ знакъ прощанія, посмотрѣла еще разъ на Цетегуса, который, казалось не замѣчалъ ея внутренняго волненія и тихо вышла.

Цетегусъ снова сѣлъ и выпилъ бокаль.

— Удивительная борьба въ этой женщинѣ, замѣтилъ Сильферіусъ, подсаживаясь съ грифелемъ, досками, пишмами и документами.

— Нисколько не удивительная. Она хочетъ загладить свою вину передъ мужемъ, отомстивъ за него. Обстоятельства, что она будетъ мстить черезъ своего прежняго любовника, дѣлаетъ ея долгъ пріятнѣе. Конечно все это ей не незнакомо. А чѣмъ мы займемся?

И эти два человѣка занялись работою, т. е. рассмотрѣніемъ тѣхъ пунктовъ заговора, которые они сочли благоразумнымъ не сообщать членамъ союза.

— Въ настоящемъ случаѣ, сказалъ діаконъ, прежде всего слѣдуетъ укрѣпить имущество Албинуса и найти

ему лучшее примѣненіе. Намъ нужны были безотлагательно деньги, много денег!

— Твои мнѣнія драгоценны. Я это очень хорошо понимаю, но онѣ мнѣ ужъ надоѣдаютъ.

— Мы должны привлечь на нашу сторону вліятельнѣйшихъ лицъ Сициліи, Неаполя и Апуліи.

И въ нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ священника объ отдѣльныхъ личностяхъ проглянула затаенная хитрость.

— Между ними есть люди, относительно которыхъ обыкновенныя средства окажутся неэффективными.

— Подай сюда, я самъ хочу это сдѣлать, перебилъ хозяина Цетегусъ, разрѣзывая персидское яблоко.

Послѣ часовой усиленной работы, главные дѣла были разобраны, и хозяинъ дома положилъ документы на ихъ потаенное мѣсто, позади креста въ стѣнѣ.

Священникъ усталъ и съ завистью осматривалъ своего собрата, стальное тѣло и неутомимый духъ котораго, казалось, не знали усталости, несмотря на поздній часъ и сильное волненіе.

Но едва успѣлъ онъ выразить свое удивленіе, какъ Цетегусъ снова наполнилъ серебрянный бокаль.

— Упражненіе, другъ, крѣпкія нервы—и прибавилъ онъ смѣясь — чистая совѣсть. Вотъ наши лучшіе совѣтники!

— Нѣтъ, Цетегусъ, неправда, ты также мнѣ хорошій совѣтникъ.

— Я надѣюсь.

— Ты считаешь себя за совершеннѣйшее существо, непонятное для меня?

— Совсѣмъ нѣтъ. Но, чтобы достаточно глубоко проникнуть въ душу другаго, нужно знать хорошо самаго себя.

Но твоя гордость, насчетъ знанія людей, можетъ успо-

коиться. Мнѣ самому съ собой бываетъ иногда не легче, нежели тебѣ. Только капли бываютъ прозрачны.

— Дѣйствительно, замѣтилъ священникъ, вздыхая, ключъ къ твоему сердцу должно быть заложенъ очень далеко. Взгляни, напримѣръ, на членовъ нашего союза. Каждый обнаруживаетъ причину, которая его привела къ намъ. Пылкое юношеское мужество привело Лицинія, честный здравый смыслъ—Сцеволу, меня и другихъ священниковъ—рвеніе во славу Бога.

— Естественно, проговорилъ Цетегусъ, выпивая бокаль.

— Однихъ увлекаетъ честолюбіе, или надежда во время народной войны поломать шеи своимъ кредиторамъ, или недовольство установленнымъ положеніемъ страны подъ владычествомъ готовъ, или обида со стороны чужеземцевъ. Наконецъ, большинство дѣйствуетъ подъ влияніемъ отвращенія къ варварамъ и привычки видѣть королемъ владыку Италиі.

Тобой же не руководить ни одна изъ этихъ причинъ и....

— И это очень неудобно, неправда ли? Такъ какъ не зная побужденій человѣка, нельзя господствовать надъ нимъ?

Но, достойный служитель Бога, я не могу тебѣ въ этомъ помочь.

Я право самъ не знаю—какая у меня побудительная причина.

Мнѣ самому такъ любопытно ее узнать, что я искренно былъ бы радъ высказать все тебѣ и даже позволить бы господствовать надъ собой, еслибы ты отерылъ побудительную причину. Только одно чувствую я: эти готы мнѣ противны.

Я ненавижу этихъ полнокровныхъ съ ихъ льняными бородами. Мнѣ невыносимо счастье, грубая веселость этой

наивной юности, нелѣпое геройство ихъ непочатыхъ натуръ.

И вотъ, благодаря наглости случая, который управляетъ свѣтомъ, эта страна, съ такой исторіей, имѣя такихъ людей, какъ ты и я — все таки находится подъ владычествомъ сѣверныхъ медвѣдей...

Онъ порывисто откинулъ голову назадъ, закрылъ глаза и выпилъ глотокъ вина.

— Что варваровъ слѣдуетъ выгнать, въ томъ мы оба согласны и съ этимъ для меня все достигнуто.

Я желаю только освободить церковь отъ этихъ варваровъ, которые отрицаютъ божество Христа и дѣлаютъ изъ Него какого-то полубога.

Надѣюсь, что тогда приматство надъ всею христіанскою областью будетъ безпрепятственно принадлежать римской церкви.

Но до тѣхъ поръ, пока Римъ находится въ рукахъ еретика, и пока архіепископъ византійскій не будетъ свергнутъ нашимъ истинно вѣрующимъ и справедливымъ королемъ...

— Римскій архіепископъ не будетъ главою христіанства—владыкою Италіи! И потому римскій престолъ, если даже его займетъ Сильферіусъ, не будетъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть: величайшимъ. А этого вѣрно желаетъ Сильферіусъ?

Священникъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Цетегуса.

— Не безпокойся, служитель Божій. Я все это давно зналъ, и строго хранилъ тайну, хоть ты мнѣ ея и не довѣрялъ. Но продолжай.

Онъ налилъ себѣ еще вина; твое вино хорошо, но слишкомъ сладко.

— Ты можешь желать, чтобы готы очистили тронъ цезарей, но не долженъ желать, чтобы Византійцы заняли ихъ мѣсто, потому что въ такомъ случаѣ римскій архіепископъ будетъ имѣть во главѣ архіепископа Византіи и

короля. И такъ, ты долженъ желать на мѣсто готовъ не короля Юстиніана, но....

— Кого же?

— Или, прервалъ пылко Сильферіусъ, собственнаго короля западнаго королевства...

— Который былъ бы мягкою игрушкою въ рукахъ Святаго Петра, вставилъ какъ бы въ поясненіе Цетегусъ.

— Или римскую республику, державу церкви.

— И въ этой державѣ архіепископъ Рима будетъ владыкою надъ Италіею и варварами, королями Галліи, Германіи, Испаніи—послушными сынами церкви.

Прекрасно, мой другъ, но сначала слѣдуетъ уничтожить враговъ, добычу которыхъ ты уже готовишься раздѣлить.

Онъ всталъ и подошелъ къ священнику.

— Вотъ ужъ послѣдняя ночная стража проходитъ мимо, а мои невольники должны найти меня утромъ въ моей спальнѣ.

Будь здоровъ!

Затѣмъ, онъ натянулъ на голову плащъ Цукулла и вышелъ.

Хозяинъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ. «Въ высшей степени полезное орудіе» сказалъ онъ про себя. «Хорошо, что только орудіе. И пусть всегда имъ останется».

Свѣжій утренній воздухъ оживительно подѣйствовалъ на голову Цетегуса.

Онъ сбросилъ плащъ и вздохнулъ широкою, сильною грудью. Да, ты загадка, проговорилъ онъ самъ съ собою, увлекаешься клятвами и ночными сборищами, какъ республиканецъ, или юноша двадцати лѣтъ.

И зачѣмъ?

А кто же знаетъ—зачѣмъ онъ вздыхаетъ? Потому что онъ долженъ такъ дѣлать.

И я также буду дѣлать то, что мнѣ слѣдуетъ.

Одно только вѣрно: этотъ священникъ хочетъ быть

папою—можетъ быть онъ и будетъ имъ. Но одного нельзя допустить—чтобъ онъ долго оставался папой.

А то пусть живутъ его мечты, неосновательные, какъ грезы сна, и воздушные, какъ паръ. Но можетъ быть разразится гроза, молнія и громъ, и это—моя судьба.

Однако занимается заря. Хорошо. Я скажу аминь.

Съ этими словами онъ вошелъ въ свой домъ.

Въ спальнѣ онъ нашелъ на столѣ, возлѣ своей постели, письмо, перевязанное и запечатанное королевской печатью.

Онъ разрѣзалъ шнурки кинжаломъ, сломалъ двойную дощечку, облитую воскомъ и прочелъ:

«Цетегусу, цезарію, правило сената, отъ Марка Аврелія Кассіодора, сенатора.

«Нашъ король и повелитель лежитъ при смерти. Его дочь и наслѣдница Амаласвинта желаетъ говорить съ тобой прежде его смерти. Ты долженъ занять важнѣйшую государственную должность. Поспѣши тотчасъ же въ Равенну».

ГЛАВА V.

Цезарій Цетегусъ является во дворецъ Теодориха Великаго.

Тяжелое впечатлѣніе производилъ дворецъ въ Равеннѣ своимъ мрачнымъ великолѣпіемъ и громадными размѣрами.

Старый дворецъ цезарей перенесъ много переменъ въ теченіи послѣднихъ столѣтій. Съ тѣхъ поръ, какъ мѣсто императоровъ занялъ король готовъ съ своими германскими спутниками, дворецъ принялъ иной видъ.

Обширныя помѣщенія, необходимыя по обычаю римской жизни, оставались теперь въ запущеніи, не смотря на древнее великолѣпіе ихъ постройки: паутина протяну-

лась вдоль великолѣпныхъ мозаиковыхъ стѣнъ купальни Гонорія, куда давно уже не вступала нога человѣка, а въ туалетной комнатѣ *Плациди* пмыгали ящерицы по мраморнымъ карнизамъ серебряныхъ зеркалъ, висѣвшихъ на стѣнахъ. Наоборотъ воинственному двору потребовалось разломать нѣкоторыя стѣны и превратить маленькія комнаты античнаго домика въ обширныя ратныя залы, галереи и сторожевыя покои.

Съ другой стороны всѣ сосѣдніе дома соединялись стѣною съ дворцомъ и образовывали такимъ образомъ крѣпость внутри города.

На высохшемъ пруду бѣлокурые молодцы дико рѣзвились и играли, а въ мраморныхъ залахъ палистра ржали кони готскихъ сторожей.

Раскинутое зданіе имѣло въ настоящее время видъ, или подновленныхъ развалинъ, или недоконченнаго новаго зданія. Замокъ короля являлся символомъ его римско-готскаго королевства и всего творенія короля полу-недоконченнаго и полу-разрушеннаго уже въ политическомъ отношеніи. Въ тотъ день, когда Цетегусъ, послѣ долготѣннаго отсутствія, приближался къ дворцу, надъ нимъ нависло тяжелое и пасмурное облако печали: — царственная душа готовилась вылетѣть изъ здѣшняго міра.

Великій человѣкъ, управлявшій Европою въ продолженіи всей своей жизни, человѣкъ любви и ненависти, которому всѣ удивлялись, герой своего столѣтія, король, имя котораго еще во время жизни прославлялось въ пѣсняхъ, Теодорихъ Великій, король Амалунговъ, готовился умереть.

Такъ сказали доктора не самому королю, но его совѣтникамъ, и вѣсть эта быстро разнеслась по всему большому и густо населенному городу.

Хотя давно уже считали возможнымъ подобный конецъ таинственныхъ страданій короля, но все-таки вѣсть

о такомъ ударѣ, угрожавшемъ разразиться въ непродолжительномъ времени, глубоко поразила и взволновала умы всѣхъ.

Вѣрные готы печалились и боялись, римское населеніе чувствовало глухое напряженіе.

Здѣсь, въ Равеннѣ, въ непосредственной близости короля, итальянцы имѣли случай узнать крѣпость и величіе этого человѣка и не разъ удивлялись его великодушію. Они опасались, чтобъ по смерти Теодориха имъ не пришлось бы испытать жестокость и притѣсненіе со стороны готовъ; прежде король бывало при жизни своей защищалъ ихъ отъ дикаго и суроваго своеволія своего народа; только въ послѣднюю борьбу короля съ сенатомъ онъ допустилъ погибнуть Ботіусу и Симахусу.

Смерть Теодориха производила сильное и глубокое впечатлѣніе: личность короля была замѣчательна и величественна; даже тѣ, которые искренно желали гибели королю и всему королевству, въ ту минуту, когда свѣтило дѣйствительно готово было погаснуть, даже они не имѣли духу радоваться чужому горю и не могли освободиться сами отъ серьезнаго потрясенія.

Городъ находился въ сильномъ смятеніи съ самаго утра; изъ дворца безпрестанно рассылали вѣстниковъ въ разныя стороны, слуги многихъ знаменитыхъ римлянъ и готовъ спѣшили изъ одного дома въ другой, сообщить печальную новость. На улицахъ, площадяхъ и въ купальняхъ горожане собирались группами, разговаривали, спрашивали, дѣлились другъ съ другомъ тѣмъ, что знаютъ, или старались поймать какого нибудь вельможу, выходявшаго изъ дворца, чтобы подробнѣе распросить его о послѣдствіяхъ интересующаго всѣхъ событія.

Женщины и дѣти любопытно заглядывали черезъ пороги домовъ.

Съ каждымъ часомъ проходившаго дня все болѣе и

болѣе стекалось народу къ воротамъ Равенны, и почти всѣ жители ближайшихъ деревень и городовъ, въ особенности готы, спѣшили развѣдать о своемъ королѣ. Совѣтники короля и префектъ Кассіодоръ дѣятельно наблюдали за порядкомъ; они предвидѣли такое волненіе и даже ожидали еще худшаго.

Въ полночь всѣ входы во дворецъ заперли и приставили къ нимъ готскую стражу. На форумѣ Гонорія и предъ фронтономъ зданія поставили цѣлую цѣпь всадниковъ. На широкихъ мраморныхъ ступеняхъ, ведущихъ къ длинному ряду столбовъ главнаго входа, разставили живописными группами пѣшихъ готовъ, вооруженныхъ щитами и копьями.

Только съ этой стороны можно было добиться свободнаго входа во дворецъ и позволеніе это, по приказу Кассіодора, передавали народу два предводителя пѣшаго войска—римлянинъ Киприанъ и готъ Витихисъ.

Первый предводитель впустилъ Цетегуса.

Поднявшись по знакомой дорогѣ къ комнатѣ короля, Цетегусъ встрѣтилъ неровныя группы римлянъ и готовъ, допущенныхъ, благодаря ихъ чину и званію, во дворецъ.

. Молча и печально стояли предводители тысячныхъ и сотенныхъ готскихъ войскъ въ этихъ прежде веселыхъ и роскошныхъ залахъ, или только потихоньку перекидывались вопросами. Какой нибудь старикъ, товарищъ по оружію умирающаго короля, прятался въ нишу окна, чтобы скрыть отъ постороннихъ глазъ свое горе. Посреди залы стоялъ и плакалъ, облокотивъ голову на столбъ, одинъ купецъ изъ Равенны: король простилъ ему участіе въ заговорѣ и спасъ его товары отъ грабежа разъяренныхъ готовъ.

Проходя мимо всѣхъ стоявшихъ тутъ лицъ, Цетегусъ бросилъ на нихъ холодный, презрительный взглядъ. Онъ прошелъ дальше.

Въ обширной залѣ, назначавшейся для приѣма иностран-

ныхъ посланниковъ, Цетегусъ встрѣтилъ группу знатныхъ готовъ, герцоговъ, графовъ и дворянъ. Всѣ они открыто совѣщались насчетъ наслѣдника престола и грознаго сдѣленія обстоятельствъ.

Цетегусъ прошелъ спокойно мимо нихъ и приподнялъ шерстяную занавѣсъ, отдѣлявшую комнату отъ передней королевскихъ покоевъ.

Войдя въ переднюю, онъ съ глубокимъ почтеніемъ поклонился царственной женщинѣ, которая, закутавшись въ траурную вуаль, молча и серьезно стояла у мраморнаго стола, покрытаго документами и бумагами. Она не теряла самообладанія и не плакала. Это была Амаласвинта, вдовствующая дочь Теодориха. Ей было уже за тридцать, но она все таки отличалась рѣдкой, хотя холодной красотой.

Темные роскошные волосы пробранные и зачесанные волнами на греческій манеръ, высокій лобъ, большіе круглые глаза, прямой носъ, гордость ее почти мужскихъ чертъ лица—все выражало холодное и твердое достоинство. Въ траурной одеждѣ, спускавшейся длинными складками въ греческомъ вкусѣ, она дѣйствительно походила на одну изъ богинь, Олимпа, сошедшихъ съ подножія.

Къ ея рукѣ прицѣпился мальчикъ, лѣтъ семи — Аталарихъ, ея сынъ, наслѣдникъ готскаго королевства. Онъ не походилъ на мать, а, особенно сложеніемъ, на отца, котораго изнурительная болѣзнь сердца свела въ могилу въ цвѣтѣ лѣтъ. Заботливо смотрѣла Амаласвинта на сына, который обѣщалъ быть во всемъ живымъ портретомъ отца; при дворцѣ не было почти тайною, что слѣды страшной болѣзни показывались и въ мальчикѣ.

Аталарихъ былъ прекрасенъ, какъ и всѣ члены этого дома, происходившаго отъ боговъ.

Густыя, черныя брови и длинныя рѣсницы отгнѣяли прелестные темные глаза, которые выражали по временамъ неопредѣленную мечтательность или вдругъ загора-

лись вдохновеннымъ блескомъ. Темно-каштановые локоны спускались къ вискамъ, на которыхъ при малѣйшемъ волненіи рѣзко выдѣлялись тонкія голубыя жилки. Странно поражали на благородномъ лбу его нѣсколько морщинъ, вслѣдствіе физической боли или душевнаго страданія, а на прозрачныхъ щекахъ быстро смѣнялись мраморная блѣдность и яркая краска. Вообще движенія его были утомленныя и только изрѣдка онъ быстро и порывисто выпрямлялся. Спрятавшись на груди матери, Аталарихъ не видѣлъ вошедшаго Цетегуса; ея греческій плащъ скрывалъ его юную головку, которой предстояло новое украшеніе короной.

Вдали отъ матери и ребенка, подъ аркою, стояла въ мечтательномъ раздумьи женщина или дѣвушка поразительной красоты. Это была Матасвинта, сестра Аталариха. Взглядъ дѣвушки былъ устремленъ на готскихъ воиновъ, стоявшихъ на мраморныхъ ступеняхъ. Она походила на мать благородствомъ осанки и высокимъ ростомъ, но ея рѣзкія черты лица выказывали пылкую страстную натуру, плохо скрытую подъ искусственною холодностью. Станъ ея, выражая величественное сочетаніе цвѣтущей полноты и стройности, напоминалъ статую всепокоряющей Артемиды въ объятіяхъ Индеміона, знаменитаго Агезандера, которую Городской Совѣтъ Родосса велѣлъ удалить изъ города, потому что высокое единство ея чудной женской и чувственной красоты доводило юношей до безумія и самоубійства.

Очарованіе совершеннѣйшей, зрѣлой дѣвственной красоты разливалось во всемя ея существѣ. Ея волнистые волосы темно краснаго цвѣта, съ блестящимъ металлическимъ блескомъ, считались великолѣпными даже среди народа, извѣстнаго роскошными золотистыми локонами своихъ женщинъ. Черныя брови и длинныя рѣсницы отдѣляли мраморной бѣлизны лобъ отъ алебастровыхъ щекъ.

Тонкій горбатый носъ съ нѣжно-очерченными слегка дрожавшими ноздрями красиво выдѣлялся отъ полныхъ, нѣжныхъ губокъ. Но что всего болѣе поражало въ красотѣ Матасвинты—это ея глаза цвѣта неопредѣленнаго, по которыхъ выраженіе удивительно мѣнялось изъ глубоко задумчиваго въ пылко-страстное.

Дѣйствительно, когда она стояла, облокотившись на окно въ своемъ полу-греческомъ, полу-готскомъ фантастическомъ нарядѣ, обвивъ рукою одинъ изъ столбовъ и устремивъ глаза вдаль, ея красота напоминала лѣсныхъ нимфъ или русалокъ, могущество любви которыхъ прославляется во всѣхъ древне-германскихъ сказаніяхъ.

Сила ея красоты до того была велика, что даже угасшее сердце Цетегуса, давно знавшаго принцессу, оживилось новымъ чувствомъ.

Впрочемъ, вниманіе Цетегуса скоро было отвлечено вошедшимъ Кассіодоромъ—ученымъ и вѣрнымъ министромъ короля, первымъ представителемъ желанной, но безнадежной политики, которой придерживались во все время готы.

Въ почтенныхъ и кроткихъ чертахъ старика выражалась глубокая печаль о царственномъ другѣ и забота о будущности готскаго королевства. Быстро прошелъ онъ по комнатамъ къ Цетегусу; послѣдній почтительно поклонился ему. Старикъ со слезами посмотрѣлъ на Цетегуса и склонился на его холодную грудь, въ то время презиравшую его слабость.

— Какой день! простоналъ старикъ.

— Роковой день, повторилъ серьезно Цетегусъ, онъ требуетъ силы и твердости.

— Ты говоришь правду, патрицій, и какъ истинный римлянинъ — сказала принцесса, освобождаясь отъ Аталариха. Я привѣтствую тебя, и она протянула Цетегусу руку, ни мало не дрожавшую. Взглядъ ея былъ ясенъ.

— Ученица *Стоа* сохранила на сегодняшний день мудрость Ксено и собственную силу, привѣтствовалъ Цетегусъ.

— Скажи лучше милосердіе Божіе чудеснымъ образомъ укрѣпляетъ ея душу, поправилъ Кассіодоръ.

— Патрицій, начала Амаласвинта, префектъ предложилъ мнѣ выбрать тебя для одного важнаго дѣла. Его совѣта было бы достаточно, еслибы я совершенно не знала тебя. Но я знаю—ты первый передалъ обѣ пѣсни Энея шести стопными стихами по гречечки.

— *Infandum revovare jubes, regina dolo gem.* Какъ вы несправедливы, королева, засмѣялся Цетегусъ. Я скупилъ всѣ списки и сжегъ ихъ въ тотъ день, когда появился переводъ Тулліи.

Туллія—былъ псевдонимъ Амаласвинты. Цетегусу было извѣстно это обстоятельство, но принцесса не подозрѣвала этого. Онъ затронулъ ея самую слабую струну, и она, почувствовавъ себя польщенной, продолжала:

— Ты знаешь въ какомъ положеніи дѣло. Минуты моего отца сочтены. По приговору докторовъ онъ, хотя еще и крѣпокъ и силенъ, но все таки можетъ умереть каждую минуту. Вотъ Аталарихъ—наслѣдникъ престола.

Я же буду регентшей во все время его дѣтства, пока онъ не въ состояніи будетъ управлять самъ.

— Такова воля короля. Готы и римляне согласны съ этимъ мудрымъ назначеніемъ, сказалъ Цетегусъ.

— Да, но толпа не постоянна. Суровые люди презираютъ владычество женщины, и при этой мысли она наморщила лобъ.

— Это противъ государственныхъ законовъ готовъ и римлянъ, подтвердилъ Кассіодоръ, чтобы женщина....

— Не благодарные римскіе крамольники! пробормоталъ Цетегусъ.

— Я надѣюсь на вѣрность варваровъ, хотя нѣкоторые изъ знатныхъ можетъ быть и мечтали о коронѣ, продол-

жала принцесса. Точно также я спокойна насчетъ итальянцевъ, живущихъ здѣсь въ Равеннѣ и въ ближайшихъ городахъ. Но 'я боюсь Рима и римлянъ.

Цетегусъ слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ; все его существо было сильно взволновано, но лицо оставалось совершенно холодно и спокойно.

— Римъ никогда не привыкнетъ къ владычеству готовъ,—онъ всегда будетъ противодѣйствовать намъ — и какъ можетъ быть иначе! прибавила она со вздохомъ. Въ эту минуту казалось будто дочь Теодориха была въ душѣ римлянка.

— Мы боимся, началъ Кассіодоръ, что въ Римѣ при извѣстїи о кончинѣ короля вспыхнетъ мятежъ противъ регентши, съ цѣлью присоединиться къ Византіи или возвести своего короля Запада.

Цетегусъ какъ будто въ задумчивости опустилъ глаза.

— Поэтому, продолжала принцесса, все должно быть устроено прежде, нежели вѣсть о регентствѣ дойдетъ до Рима. Одинъ рѣшительный и вполне преданный человѣкъ долженъ сформировать для меня, т. е. я хочу сказать для моего сына, гарнизонъ, занять главныя ворота и площади, дѣйствовать на сенатъ и дворянство, склонить на мою сторону народъ и сдѣлать мою власть непоколебимой прежде, чѣмъ ей будутъ угрожать. И для этого дѣла Кассіодоръ избралъ тебя.

Скажи, хочешь ли принять на себя это дѣло? Съ этими словами золотой грифель упалъ изъ ея руки на землю.

Цетегусъ наклонился поднять грифель. Тысяча мыслей и вопросовъ мелькали въ его головѣ.

Можетъ быть заговоръ въ катакомбахъ и его участіе открыты?

Не хотѣли ли его поймать въ сѣти хитрой и честолюбивой женщины?

Или дѣйствительно дураки такъ слѣпы, что предлагаютъ именно ему эту должность? Если это такъ, то какъ же поступить?

Долженъ ли онъ воспользоваться минутой, приобрести Римъ. Но для кого? Для Византіи? или для короля Запада? Но кто-же имъ будетъ?

Или обстоятельства еще не совсѣмъ подготовлены? Слѣдуетъ ли ему на этотъ разъ черезъ измѣну выказывать преданность?

Для рѣшенія этихъ и другихъ вопросовъ и сомнѣній у Цетегуса была одна минута, когда онъ наклонялся; но для его быстрого соображенія достаточно было и минуты. Онъ взглянулъ на простодушное, довѣрчивое лицо Кассіодора и, подавая грифель принцессѣ, рѣшительнымъ голосомъ сказалъ: «я беру на себя устроить это дѣло».

— Хорошо, сказала она. Кассіодоръ пожалъ руку Цетегусу.

— Назначеніемъ меня въ эту должность Кассіодоръ снова выказалъ свое глубокое знаніе людей. Черезъ мою оболочку онъ проникъ въ душу человѣка.

— Какъ понять твои слова! спросила Амаласвинта.

— Королева, наружность часто бываетъ обманчива. Признаюсь, что я не охотно смотрю на владычество варваровъ, простите, готовъ въ Италиі.

— Такое прямодушіе дѣлаетъ тебѣ честь, и я прощаю его римлянину.

— Оттого вотъ уже десятки лѣтъ, какъ я не принимаю никакого участія въ общественной жизни государства.

Послѣ столькихъ страстныхъ увлеченій у меня теперь нѣтъ никакой цѣли и я, не заботясь о короляхъ, отдался легкой учености.

— *Beatus ille qui procul negotiis*, произнесла королева со вздохомъ.

— Но именно потому, что я почитаю науку и самъ

ученикъ Платона, я и желаю царства мудрыхъ. Я хотѣлъ бы, чтобы моимъ отечествомъ управляла женщина, которая по рожденію происходила бы изъ народа готовъ, въ душѣ была бы гречанка, а по добродѣтелямъ римлянка.

И изъ любви къ ней, я посвящу весь мой досугъ ненавистнымъ занятіямъ. Но только съ условіемъ, чтобы это была моя послѣдняя должность.

Я беру на себя твое порученіе, и отвѣчаю за Римъ моею головою, окончилъ Цетегусъ.

— Хорошо, здѣсь на столѣ найдешь ты полномочіе и документы, нужные для тебя.

Цетегусъ пробѣжалъ бумаги.

— Это манифестъ отъ имени молодого короля къ римлянамъ съ твоею только подписью, но недостаетъ его подписи.

Амаласвинта обмокнула перо въ сосудъ съ пурпуровыми чернилами, которыя были во всеобщемъ употребленіи:

— Поди подпиши свое имя, мой сынъ.

Аталарихъ стоялъ во все время разговора, облокотившись на столъ, и внимательно наблюдая за Цетегусомъ.

Теперь Аталарихъ гордо выпрямился: онъ привыкъ пользоваться правами мальчика и наслѣдника.

— Нѣтъ, сказалъ онъ вспыльчиво, я не подпишу моего имени, во первыхъ потому, что я не вѣрю этому холодному римлянину. Да, я совсѣмъ не вѣрю тебѣ, гордецъ, а во вторыхъ мнѣ возмутительно, что вы въ то время, когда мой великій дѣдъ еще дышитъ, вы уже толпитесь около престола и какъ карлы простираете руки къ коронѣ великана. Стыдитесь вашей безчувственности. За той занавѣской умираетъ величайшій герой столѣтія, а вы только думаете о томъ, чтобы скорѣе раздѣлить его королевскія одежды.

Затѣмъ онъ повернулся къ нимъ спиной и отошелъ къ окну, гдѣ стояла его сестра, и началъ гладить ея длинные, блестящіе волосы.

Долго стоялъ Аталарихъ, сестра не замѣчала его.

Вдругъ она какъ будто очнулась отъ своего раздумья и, быстро схвативъ за руку брата, спросила, указывая на мраморныя ступени.

— Кто вонъ тотъ человѣкъ, въ *ю.любомъ* стальномъ шлемѣ, вонъ онъ наклонился у столба. Скажи кто это?

— Пусти смотрѣть, отвѣчалъ юноша, пододвигаясь къ окну. Вонъ тотъ? Это графъ Витихисъ, храбрый герой и побѣдитель Гепидовъ.

И онъ разсказалъ ей о подвигахъ и триумфѣ графа въ послѣднюю войну.

Между тѣмъ Цетегусъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ, то на принцессу, то на министра.

— Оставь его! сказала Амаласвинта со вздохомъ. Если онъ не захочетъ, такъ никакая сила на землѣ не можетъ его принудить.

Въ эту минуту поднялась тройная занавѣсъ, отдѣлявшая покой короля и въ передней послышался шумъ.

Это былъ греческій врачъ, только что вышедшій отъ больного короля. Король пробудился отъ долгаго сна и отослалъ врача, чтобы остаться наединѣ съ Гильдебрандомъ, не на минуту не покидавшимъ его.

ГЛАВА VI.

Тайна Теодориха, высказанная старику Гильдебранду.

Спальня Теодориха, употреблявшаяся и другими королями для этого назначенія, блистала мрачнымъ великолѣпіемъ новѣйшаго римскаго стиля. Вѣскія и рельефныя украшенія на стѣнахъ и золотые орнаменты на потолкѣ изображали побѣды и триумфальныя шествія римскихъ консуловъ и императоровъ; языческіе боги и богини гордо носились надъ ними.

Замѣчательную противоположность со всѣмъ этимъ великолѣпнымъ составляло ложе короля готовъ, отличавшееся строгою простотою.

Не больше, какъ на одинъ футъ отъ мраморнаго пола, возвышалось подножіе изъ грубаго дубоваго дерева. Только дорогое пурпуровое одѣяло, окутывавшее ноги короля и львиная шкура съ золотыми лапами, лежавшая передъ кроватью, — подарокъ короля Вандаловъ, напоминали царственное величіе больнаго. Остальная утварь, наполнявшая комнату, была проста и даже варварски тяжела.

На одномъ изъ столбовъ, въ глубинѣ комнаты, висѣли желѣзный щитъ и широкій мечъ короля, уже много лѣтъ не употреблявшіеся.

У изголовья постели стоялъ, склонивъ голову и грустно разсматривая лицо больнаго, старый наставникъ короля; послѣдній облокотился лѣвою рукою на постель и повернулъ къ наставнику свое мужественное и величественное лицо. Волосы его были жидкіе и вылѣзшіе на вискахъ отъ долготѣннаго давленія шлемомъ, но безъ малѣйшихъ признаковъ сѣдины. Сильно развитый лобъ, блестящіе глаза, горбатый носъ и глубокія морщины говорили о высокихъ дарованіяхъ, громадной силѣ и придавали его лицу величественное выраженіе.

Приятная мягкость рта свидѣтельствовала о той кротости, благодаря которой король возвратилъ Италіи ея золотой вѣкъ и довелъ свое королевство до такого процвѣтанія, что имя его прославлялось еще при жизни въ пѣсняхъ и сказаніяхъ.

Долго глаза его были обращены съ снисхожденіемъ и любовью на стараго слугу, стоявшаго у изголовья.

Затѣмъ большой протянулъ старику свою худую, нервную руку. Старый другъ, сказалъ онъ, мы должны проститься.

Старикъ опустился на колѣни и прижалъ руку короля къ широчай груди.

— Встань, старикъ, я долженъ тебя утѣшить.

Но Гильдебрандъ оставался на колѣняхъ и только поднималъ голову посмотрѣть въ глаза королю.

— Посмотри, продолжалъ король, я знаю, что ты, сынъ Гильдунга, наследовалъ отъ отца способность распознавать болѣзни, и можешь гораздо больше помочь больному, чѣмъ всѣ эти греческіе доктора.

А что главное — ты правдивѣе ихъ.

Я желаю, чтобы ты мнѣ честно подтвердилъ то, что я самъ чувствую.

Скажи, долженъ ли я умереть? Непремѣнно ли сегодня до наступленія ночи?

И онъ посмотрѣлъ искоса на старика, какъ будто боясь, что старикъ его обманетъ.

Но старикъ вовсе не хотѣлъ обманывать, онъ обладалъ теперь прежнею силою.

— Да, король готовъ, наследникъ Амалунговъ, ты долженъ умереть, сказалъ твердо старикъ. Рука смерти положила тѣнь на твое лицо. Ты не увидишь больше никогда заката солнца.

— Хорошо, отвѣчалъ Теодорихъ, не моргнувъ глазомъ и не поведя бровью. Грекъ, котораго я сейчасъ отошлалъ, совралъ мнѣ на цѣлый день. А мнѣ такъ еще нужно время.

— Хочешь ли ты опять позвать священниковъ? спросилъ Гильдебрандъ съ неудовольствіемъ.

— Нѣтъ, они мнѣ не нужны.

— Сонъ тебя очень подкрѣпилъ и снялъ съ твоей души покрывало, омрачавшее ее. Слава тебѣ, Теодорихъ, сынъ Теодомера, ты умрешь, какъ истинный герой.

— Я знаю, засмѣялся король, что тебѣ не пріятно

было видѣть священниковъ у моего ложа. Ты правъ. Они не могутъ мнѣ помочь.

Слушай.

Эти слова должны быть послѣдними! Моя благодарность за твою вѣрную пятидесятилѣтнюю службу заставляетъ меня открыть именно тебѣ, а не дочери, или Кассіодору, все то, что меня мучаетъ. Скажи, что думаетъ народъ, что думаешь ты, о томъ, что такъ быстро сразило меня и повергло въ эту ужасную болѣзнь.

— Итальянцы говорятъ: раскаяніе за смерть Ботіуса и Симмахуса...

— Вѣрилъ ли ты этому?

— Нѣтъ, я сомнѣвался, чтобы кровь предателей могла бы тебя беспокоить. Ты поступилъ справедливо. Но, можетъ быть, они не были достойны смерти по ихъ дѣламъ?

— Нѣтъ, они были тысячу разъ измѣнники! Измѣнники въ своихъ мысляхъ, въ моемъ довѣріи. Я считалъ ихъ, римлянъ, выше, лучшими людьми моего народа. Они же, въ благодарность мнѣ, старались доставить мою корону королю Византіи и писали ему льстивыя письма. Они предпочли Юстиніана дружбѣ Теодориха. Я не раскаиваюсь въ смерти этихъ неблагодарныхъ. Я ихъ презираю. Отгадывай дальше! Что думалъ ты.

— Король — твой наслѣдникъ ребенокъ, а со всѣхъ сторонъ тебя окружаютъ враги.

Больной сдвинулъ свои грозныя брови.

— Ты нѣсколько ближе къ цѣли. Но вѣдь я зналъ слабую сторону моего королевства. Меня беспокоила его внутренняя болѣзнь, во время бессонныхъ ночей, а иногда и во время веселыхъ пировъ, когда я, принимая чужеземныхъ посланниковъ, выказывалъ гордую самоувѣренность.

Я знаю, старикъ, ты все таки считалъ меня твердымъ. Колеблющимся и слабымъ не видалъ меня никто, ни другъ, ни врагъ. Теперь колеблется мой тронъ. Я со-

крушался объ этомъ въ уединеніи, и одинъ переносилъ свое горе.

— Ты сама мудрость, король, а я безумецъ! проговорилъ старикъ.

— Слушай, продолжалъ король, протянувъ руку старику, я очень хорошо знаю, что тебѣ не нравится во мнѣ. Мнѣ извѣстна также твоя слѣпая ненависть къ итальянцамъ. Повѣрь, твоя ненависть совершенно слѣпа, точно также, какъ и моя любовь къ нимъ.

Вотъ гдѣ я страдаю, вздохнулъ король и указалъ на сердце.

— Что жъ тебя такъ мучаетъ?

— Позволь, дай мнѣ окончить. Я знаю, что мое королевство—твореніе моей достославной и полной трудовъ жизни можетъ легко разрушиться,—и можетъ быть по моей же винѣ, потому что я былъ слишкомъ великодушенъ въ отношеніи римлянъ.

Но пусть будетъ такъ! Твореніе рукъ человѣческихъ не вѣчно. Наказаніе за излишнюю доброту я готовъ снести.

— Мой великій король!

— Въ одну ночь, Гильдебрандъ, когда я не спалъ, а перечислялъ въ умѣ опасности, грозящія королевству—моей душѣ вдругъ представилась картина одного моего грѣха! Этотъ грѣхъ не излишняя доброта, не честолюбіе, не кровавая сила. И горе мнѣ, если въ наказаніе за злодѣйство Теодориха погибнуть готы. Его, его образъ убиваетъ меня!

Больной говорилъ съ напряженіемъ, и взглядъ его сверкнулъ, какъ молнія.

— Чей образъ? О комъ ты думаешь? спросилъ тихо старикъ, наклоняясь къ больному.

— Адоеокаръ! прошепталъ король.

Гильдебрандъ наклонилъ голову.

Послѣ небольшого молчанія, Теодорихъ продолжалъ:

— Эта рука, старикъ, пронзила мужественнаго героя-гостя во время пира. Кровь его брызнула мнѣ въ лицо и смертельную ненависть метнулъ взоръ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ ту ночь его кровавый, блѣдный и ожесточенный образъ явился передо мной въ видѣ Бога мести. Дрожь охватила мое сердце. И въ ужасѣ я услышалъ голосъ, говорившій: «въ наказаніе за это кровавое дѣло, разрушится твое королевство и погибнетъ твой народъ».

Послѣ новой паузы заговорилъ Гильдебрандъ, смотря смѣло въ глаза королю:

— Король, ты терзаешься, какъ какая нибудь женщина. Развѣ ты не убивалъ сотни людей собственной рукой, и народъ твой не поражалъ тысячи по твоему повѣленію? Развѣ мы не спускались въ эту страну съ горъ, промокшіе до костей отъ крови, пролитой болѣе, чѣмъ въ тридцати сраженіяхъ? Что же значить въ сравненіи съ этимъ кровь одного человѣка? И подумай, какъ это было. Четыре года онъ боролся съ тобой, какъ буйволъ съ медвѣдемъ. Два раза твой народъ былъ, по его милости, на краю гибели. Голодъ, мечъ, повальные болѣзни расхищали твоихъ готовъ. Наконецъ, упорная Равенна пала, измученная отъ голода послѣ договора. Твой смертельный врагъ лежалъ побѣжденный у твоихъ ногъ. Но тутъ является предположеніе, что онъ замышляетъ измѣну, хочетъ возобновить ужасное сраженіе и напасть ночью того же самаго дня на тебя и твои войска. Что же оставалось тебѣ дѣлать? Къ чему повели бы переговоры? Какъ бы ни была правдива твоя рѣчь, она не спасла бы тебя. Ты храбро вышелъ противъ него и раздѣлался съ нимъ вечеромъ такъ, какъ хотѣлъ онъ расправиться съ тобой ночью. И какимъ же образомъ ты воспользовался твоей побѣдой!

Однимъ дѣйствіемъ ты спасъ народъ и избавилъ

его отъ отчаянія, въ которое онъ приходилъ, ожидая новаго сраженія. Ты осмысляетъ всѣхъ своими милостями и, благодаря тебѣ, готы и итальянцы жили тридцать лѣтъ, какъ въ царствѣ небесномъ. И вдругъ теперь тебя начинаютъ мучить это дѣло? Два народа будутъ вѣчно благодарить тебя! Я—да, я убилъ бы его семь разъ.

Старикъ остановился, глаза его блеснули, онъ былъ похожъ на разгнѣваннаго великана. Но король качаетъ головою.

— Все это не то, старый богатырь. Сто разъ повторялъ я себѣ это же самое и, можетъ быть, въ еще болѣе тонкомъ и соблазнительномъ видѣ, нежели твоя грубость способна выразить. Но ничего не помогаетъ. Онъ былъ герой и единственный мнѣ равный! Я убилъ его, не имѣя доказательства его вины, а изъ злости, изъ ненависти и долженъ признаться — изъ боязни, изъ боязни еще разъ сразиться съ нимъ. Нѣтъ, это было и останется злодѣйствомъ. И не смотря ни на какія отговорки, я не нахожу себѣ покоя. Глубокое уныніе овладѣло мною. Съ той ночи его образъ преслѣдуетъ меня непрерывно: во время пира, въ совѣтѣ, въ церкви, во время сна и бодрствованія. Кассіодоръ прислалъ ко мнѣ священниковъ, но они не принесли мнѣ никакой пользы.

Они выслушали мою исповѣдь, видѣли мое покаяніе, мою вѣру и отпустили всѣ грѣхи. Но миръ не осѣнилъ мою душу, и хотя они простили меня, но я самъ не могу себѣ простить. Я не знаю, можетъ быть это влияніе языческихъ предчувствій, но я не могу спрятаться за крестъ, когда передо мной стоитъ тѣнь убитаго. Я не могу считать себя освобожденнымъ отъ кроваваго дѣла кровью одного невиннаго Бога, умершаго на крестѣ.

Лицо Гильдебранда просіяло отъ радости.

— Ты знаешь, прошепталъ онъ больному, что я никогда не вѣрилъ въ этого умершаго на крестѣ Бога.

Скажи, о скажи мнѣ, вѣришь ли ты еще въ Тира и Одина?

Король съ улыбкой покачалъ головой.

— Нѣтъ, старый, неисправимый язычникъ. Твоя Виггалла (дворецъ Одина) для меня уже не существуетъ. Слушай, какимъ образомъ прекратились мои мученія. Вчера я отослалъ священниковъ и углубился снова въ самого себя, думалъ, молился и взывалъ къ Богу. И я успокоился. Ночью мною овладѣлъ крѣпкій сонъ, котораго я не знаю уже нѣсколько мѣсяцевъ.

Когда я проснулся, мученія прекратились, лихорадка не трясла мои члены. Духъ мой былъ ясенъ и спокоенъ. А думалъ я такъ: я совершилъ ужасное злодѣйство и никакая милость, никакое чудо самого Бога не могутъ его уничтожить. Поэтому я буду наказанъ. Грозный Богъ Моисей отомститъ мнѣ и накажетъ меня и мой домъ до седьмого колѣна. Я отдаю себя и свой родъ въ руки Бога. Онъ насъ поразитъ, и это будетъ справедливо. Но именно потому, что онъ справедливъ, онъ не накажетъ благородный народъ готовъ за чужой грѣхъ. Онъ не погубитъ народъ за злодѣйство его короля. И если мой народъ когда нибудь долженъ будетъ погибнуть, то я чувствую—это случится не по моей винѣ. И такъ, миръ нисшелъ на мою душу, и я теперь спокойно встрѣчу смерть.

Онъ замолчалъ. Гильдебрандъ наклонился и поцѣловалъ правую руку, убившую Адоеокара.

— Этими словами я простился съ тобой; въ нихъ заключается моя духовная и моя благодарность за твою вѣрность въ теченіи всей жизни.

Теперь посвятимъ остатокъ времени готамъ.

Подойди ко мнѣ, помоги мнѣ встать, я не хочу умирать на подушкѣ. Вонъ тамъ виситъ мое оружіе, подай мнѣ его! Не противорѣчить! Я такъ хочу!

Гильдебрандъ повиновался. Бодро поднялся, съ его помощью, больной съ постели, накинулъ на плечи пурпуровую мантию, опоясался мечемъ, надѣлъ низкій шлемъ съ зубчатой короной на голову и, опираясь на рукоятку тяжелаго копья, дошелъ до середины комнаты и остановился у одного изъ столбовъ.

— Теперь позови мою дочь, Кассиодора и всѣхъ остальныхъ.

ГЛАВА VII.

Теодорихъ Великій умираетъ.

Король стоялъ спокойно, между тѣмъ какъ старикъ открылъ съ обѣихъ сторонъ занавѣски такъ, что спальня и приемная образовали одно большое пространство. Всѣ собравшіеся, — а въ послѣдній промежутокъ времени собралось еще много римлянъ и готовъ, — приблизились въ почтительномъ молчаніи и удивленіи.

— Дочь моя, сказалъ король, — готовы ли письма въ Византію, съ извѣстіемъ о моей смерти и о вступленіи на престолъ моего внука Аталариха?

— Вотъ они, отвѣчала Амаласвинта.

Король просмотрѣлъ свертки. Королю Юстину, второе его племяннику Юстиніану. Да, конечно, онъ непременно надѣнетъ въ послѣдствіи корону и теперь уже владыка всего государства. Кассиодоръ писалъ письма, а это вижу по прекрасной ихъ формѣ.

Но стой! и его ясный лобъ омрачился, «вашему королевскому покровительству поручаю мою юность.»

Покровительству! это уже слишкомъ. Горе, если вы будете рассчитывать на покровительство Византіи. «Поручаю себя вашей дружбѣ, такъ достаточно выразиться

для внука Теодориха Великаго». И онъ отдалъ назадъ письма.

А здѣсь еще третье письмо въ Византію. Къ кому? Къ Теодорѣ, благородной супругѣ короля Юстиніана! Какъ! Къ этой танцовщицѣ въ циркѣ?

И глаза его засверкали.

— Она имѣетъ большое вліяніе на своего мужа, замѣтилъ Кассіодоръ.

— Нѣтъ, моя дочь не будетъ писать безстыдной женщинѣ, которая безчестила всѣхъ женщинъ.

Онъ разорвалъ письмо и прошелся по клочкамъ бумаги къ готамъ, на самую средину залы.

— Витихись, храбрый мужъ, какую должность ты будешь занимать послѣ моей смерти?

— Я преобразую нашу пѣхоту.

— Ничего лучшаго нельзя придумать. Но развѣ ты еще не исполнишь твоего желанія, которое я самъ предложилъ тебѣ послѣ битвы съ Гепидами. Не желаешь ли ты еще чего нибудь?

— Но, мой король...

— Наконецъ, это радуетъ меня,—говори.

— Сегодня одинъ тюремщикъ долженъ быть подвергнутъ пыткѣ оттого, что онъ отказался пытать виновныхъ по приговору лжителя. Король, освободи чловека: пытка постыдна и....

— Тюремщикъ свободенъ и чтобъ съ настоящаго часа не было въ употребленіи пытокъ въ королевствѣ готовъ. Славно, Витихись, дай мнѣ твою руку. И чтобъ всѣ видѣли, какъ я тебя уважаю, я дарю тебѣ Валлада, моего благороднаго гнѣдаго коня, въ воспоминаніе этого прощальнаго часа. Если ты когда нибудь будешь въ опасности, сидя на этомъ конѣ, то шепни ему на ухо мое имя.—Кто же будетъ охранять Неаполь? Герцогъ Тулу-

ский былъ слишкомъ жестокъ. Этотъ веселый народъ должно привлечь на свою сторону веселымъ видомъ.

— Молодой Тотила будетъ назначенъ начальникомъ при гавани, сказалъ Кассіодоръ.

— Тотила! Свѣтозарный мальчикъ! Зигфридъ, любимецъ Бога! Ему не въ состояніи противустоять ни чье сердце. Но, конечно, сердца Итальянцевъ!.. Онъ вздохнулъ и продолжалъ: Кто же обезпечитъ намъ отношенія съ Римомъ и сенатомъ?

— Цетегусъ, цезарій, сказалъ Кассіодоръ, сдѣлавъ движеніе рукою. Онъ благородный римлянинъ.

— Цетегусъ? Я хорошо его знаю. Посмотри на меня Цетегусъ.

Спрошенный неохотно поднялъ глаза и тотчасъ же опустил ихъ передъ пронизательнымъ взглядомъ короля.

— Не хорошо, Цетегусъ, что такой человекъ, какъ ты, постоянно удалялся отъ государства и отъ насъ. Это даже опасно; впрочемъ, теперь, можетъ быть еще опаснѣе, что ты обратился къ намъ.

— Не по своему желанію, о король!

— Я ручаюсь за него, сказалъ Кассіодоръ.

— Замолчи, другъ. Здѣсь на землѣ никто не можетъ ручаться за другаго, даже за самого себя. Но, продолжалъ король, пронизывая взглядомъ Цетегуса, — этотъ гордый римлянинъ, цезарская голова, не продастъ Греціи Италію.

Еще одинъ орлиный взглядъ долженъ былъ вынести на себѣ Цетегусъ. Вдругъ король схватилъ за руку этого человека, съ трудомъ сдерживавшаго себя, и прошепталъ:

— Выслушай, что я скажу тебѣ въ видѣ предостереженія.

Ни одинъ римлянинъ не будетъ больше на престолѣ на Западѣ. Тише, не противорѣчь мнѣ. Я предостерегъ тебя.

— Что за шумъ тамъ во дворѣ? спросилъ король, бы-

стро оборачиваясь къ дочери, которая выслушивала докладъ одного римлянина.

— Ничего, мой король, ничего значительнаго, мой отецъ!

— Какъ? Тайны отъ меня? Вы хотѣли властвовать, пока я еще на престолѣ, пока я не испустилъ духа? Я слышалъ звукъ постороннихъ голосовъ въ передней, за дверями.

Между многочисленными готами и римлянами вдругъ показались невысокія, чужеземныя фигуры въ странной одеждѣ, въ фуфайкахъ изъ волчьей шкуры, съ остроконечными шалками и въ длинныхъ, косматыхъ овечьихъ шубахъ, спускавшихся съ ихъ плечъ. Испуганные строгимъ взглядомъ короля, который, гордо выправившись, прямо шелъ къ нимъ, иностранцы бросились къ его ногамъ, какъ бы пораженные молніей.

— Ахъ, послы отъ Аваровъ! Этотъ разбойничій сбродъ на нашихъ восточныхъ границахъ! Вы принесли ежегодную дань?

— Государь, на этотъ разъ мы принесли вамъ мѣха, шерстяные ковры, мечи и щиты. Вонъ тамъ висятъ они, и вотъ здѣсь разложены передъ вами. Но мы надѣемся, что на будущій годъ.... мы желали видѣть...

— Вы хотѣли видѣть не передо мной ли отъ болѣзни старый *воровской* ключъ? Вы надѣялись, что меня уже нѣтъ въ живыхъ, а мой наслѣдникъ избавитъ васъ отъ податей? Заблуждаетесь, шпионы!

Какъ бы желая испробовать одинъ изъ мечей, лежавшихъ передъ нимъ, онъ схватилъ его обѣими руками, вмѣстѣ съ ножнами, и надавилъ на остріе такъ, что желѣзо тотчасъ же сломалось и король отбросилъ къ ихъ ногамъ.

— Дурные мечи носятъ Авары, сказалъ онъ спокойно. Ну, поди сюда Аталарихъ, мой наслѣдникъ. Они

не хотѣть вѣрить, что ты надѣнешь корону. Покажи имъ, какъ ты бросаешь мое копье.

Юноша перелетѣлъ черезъ комнату. Краска честолюбія разлилась на его блѣдномъ лицѣ. Онъ схватилъ тяжелое копье своего дѣда и бросилъ его съ такою силой въ одинъ изъ мечей, прикрѣпленныхъ Аварами къ деревяннымъ столбамъ, что копье пробуравило насквозь мечъ и воткнулось остриемъ въ дерево.

Король съ гордостью положилъ свою лѣвую руку на голову внука и закричалъ посланникамъ:

— Теперь подите домой и расскажите о томъ, что видѣли здѣсь.

Онъ повернулся, и двери захлопнулись передъ удивленными Аварами.

— Подайте мнѣ кубокъ съ виномъ! Скорѣй послѣдній! Безъ примѣси! По германскому обычаю! и онъ оттолкнулъ греческаго врача.— Благодарю, старый Гильденбрандъ, за этотъ напитокъ. Я пью за славу готовъ!

Онъ медленно опустошилъ бокалъ и поставилъ его еще твердой рукой на мраморный столъ.

Но вдругъ въ одно мгновеніе съ нимъ случилось то, чего такъ давно ожидали доктора: онъ покачнулся, схватился за грудь и упалъ навзничъ на руки Гильдебранда, который медленно опустилъ его на полъ, поддерживая въ своихъ рукахъ его голову въ королевскомъ шлемѣ. На одну минуту всѣ притаили дыханіе, но король не шевелился, и Аталарихъ съ громкимъ крикомъ бросился на его грудь.

ГЛАВА VIII.

Манифестъ о вступленіи на престолъ Аталариха.

Не безъ причины каждый, какъ другъ, такъ и врагъ готовъ, серьезно опасался за судьбу юнаго готскаго коро-

левства. Еще не было сорока лѣтъ, какъ Теодорихъ, по порученію Византійскаго короля, перешелъ съ своимъ народомъ въ Италію и отнялъ у храбраго искателя приключеній Адоевара, котораго возвелъ на западный престолъ возстаніе германскихъ наемниковъ, жизнь и корону.

Мудрость и величіе короля не могли устранить опасности, грозившей всему созданному его отважнымъ и предпріимчивымъ духомъ. Не смотря на мягкость его правленія, итальянцы все-таки глубоко сознавали, и мы не будемъ осуждать ихъ за позорное чувство зависимости отъ чужеземной власти.

И этихъ чужеземцевъ вдвойнѣ ненавидѣли, какъ варваровъ и еретиковъ.

Такимъ образомъ, сознавая свое положеніе, римляне какъ восточнаго, такъ и западнаго королевства составили тѣсную связь между собою, и когда пало королевское достоинство на западѣ, римскій восточный король сдѣлался единственнымъ законнымъ повелителемъ на западѣ. Глаза всѣхъ римскихъ патріотовъ и истинно вѣрующихъ католиковъ были устремлены на Византію: отъ нея ожидали они освобожденія отъ чужеземнаго ига еретиковъ, варваровъ и тирановъ,

Византія имѣла силу и желаніе осуществить ихъ надежду. Развѣ подданные императоровъ уже болѣе не римляне Цезаря и Трояновъ? Вѣдь восточная имперія представляетъ превосходящую силу надъ готами относительно средствъ, культуры и давно установившагося государственнаго порядка.

Въ желаніи употребить это превосходство къ уничтоженію королевства варваровъ, конечно, не было недостатка, потому что отношенія обоихъ государствъ съ самаго начала были основаны на хитрости, недовѣрїи и затаенной ненависти.

Передъ отходомъ въ Италію готы поселились по теченію

нію рѣки Дуная, заключивъ съ Византіей невыгодный для обѣихъ сторонъ союзъ, который въ послѣдствіи, благодаря честолюбію ихъ королей и невѣрности императоровъ, каждые два года превращался въ открытую войну между неравными союзниками. Чтобы положить конецъ этимъ частымъ столкновеніямъ, императоръ *Ксено*, тонкій дипломатъ, нашелъ вѣрное средство удалить короля готовъ съ его народами и этимъ избавиться отъ опаснаго сосѣдства. Онъ предложилъ королю завладѣть Италіей, которую прежде всего слѣдовало вырвать изъ жалѣзныхъ рукъ героя Адоеокара.

Въ дѣйствительности сраженіе окончилось такъ, какъ оно кончалось всегда между двумя нѣмецкими князьями. Византія всегда выигрывала.

Если бы побѣдилъ Адоеокаръ, тогда бы готы были отстранены навсегда съ ихъ страшнымъ королемъ, который владѣлъ лучшими провинціями и получалъ большое годовое содержаніе.

Если бы побѣдилъ Теодорихъ, то его назначили бы намѣстникомъ страны и соединили бы снова западныя владѣнія съ восточными.

Но исходъ тонкаго плана былъ совершенно не желаемый.

Одержавъ побѣду, Теодорихъ основалъ въ Италиі свое царство и выказалъ при этомъ все величіе своего духа. Онъ пріобрѣлъ положеніе, въ которомъ, соблюдая всю деликатность формъ, былъ совершенно независимъ отъ Византіи.

Чтобы ослабить нерасположеніе Византіи, Теодорихъ управлялъ формально по порученію императора, на самомъ же дѣлѣ онъ правилъ Италіей и готами не какъ намѣстникъ и не отъ имени Византійскаго императора, а въ силу своей побѣды, какъ полновластный король готовъ и Италиі.

Это обстоятельство повело къ несогласіямъ, выразив-

нились въ открытой войнѣ между двумя государствами. И такъ Византія всегда была готова помочь Италіи свергнуть съ себя недостойное иго варваровъ.

У готовъ же не было никакихъ союзниковъ противъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ.

Слава Теодориха и его примирительная политика со всѣми нѣмецкими князьями могли дать ему нѣкоторое моральное протекторство, но не поддержку его могущества.

Пока Теодорихъ, этотъ великій творецъ готскаго королевства, былъ живъ, слава его имени заставляла забывать опасности и слабыя стороны его созданія. Но справедливо опасались той минуты, когда руль этого корабля въ опасности передастся въ руки женщины и слабого юноши. Можно было опасаться: возстанія итальянцевъ, вышпательства императора, отпаденія покоренныхъ и нападенаія враждебныхъ варварскихъ племенъ.

Если бы опасная минута прошла счастливо, то этимъ прежде всего были бы обязаны неусыпнымъ стараніямъ Кассіодора—друга короля и министра. По смерти Теодориха онъ еще удвоилъ свою неустанную дѣятельность.

Чтобы удержать въ спокойствіи Италію, былъ изданъ манифестъ, возвѣщавшій Италіи и всѣмъ провинціямъ о вступленіи на престолъ Аталариха подъ опекунствомъ его матери, какъ о дѣлѣ уже совершившимся.

Кромѣ того, по всѣмъ частямъ государства были разсланы гонцы, которые принимали отъ народа присягу въ вѣрности и въ свою очередь объявляли, отъ имени юнаго короля, что новое правительство уважаетъ право и свободу Италіи и провинцій и принимаетъ за образецъ дружественную и мирную политику покойнаго короля.

Одновременно съ этимъ правительство заботилось объ увеличеніи войска на границахъ и въ главныхъ или самыхъ безпокойныхъ городахъ, между тѣмъ какъ друже-

ственные сношенія между дворами постоянно поддерживались черезъ письма и посланниковъ.

ГЛАВА IX.

Бѣшенство вѣрныхъ сенаторовъ противъ Цезаря Цетегуса.

Рядомъ съ Кассіодоромъ выдвигался передъ всѣми еще одинъ человѣкъ, игравшій первенствующую роль во времена регенства.

Этотъ человѣкъ былъ никто иной, какъ Цетегусъ.

Онъ занималъ важную должность государственнаго префекта.

Какъ только король закрылъ глаза, Цетегусъ опрометью бросился изъ дворца, потомъ изъ воротъ Ревенны и направился въ городъ на Тибръ возвѣстить о случившемся.

Еще до наступленія дня Цетегусъ собралъ сенаторовъ въ сенатѣ, т. е. въ закрытой галлерей Домиціана, подъ аркой Сиверія, и окружилъ все зданіе готскими войсками. Осторогѣвшіе сенаторы, изъ которыхъ многихъ Цетегусъ такъ недавно видѣлъ въ собраніи катакомбъ и съ жаромъ призывалъ къ изгнанію варваровъ, принуждены были, унавь о перемѣнѣ трона, произнести съ поспѣшностью, недопускавшей противорѣчія, клятву въ вѣрности Аталариху.

Затѣмъ Цетегусъ оставилъ сенатъ, гдѣ онъ держалъ взаперти отцовъ, и пошелъ въ амфитеатръ, въ которомъ по его приказанію составилось народное собраніе римлянъ. Окруживъ ихъ сильными готскими гарнизонами и легкоподвижными «квиритами», Цетегусъ ловкою рѣчью склонилъ ихъ на сторону юнаго короля.

Онъ переименовалъ всѣ дѣянія Теодориха, обѣщалъ ту

же мягкость правленія со стороны внука, призваннаго уже всей Италией, провинціями и отцами города, объявилъ всеобщее угощеніе римскаго народа хлѣбомъ и виномъ, какъ первое дѣло правительницы Амаласвинты, и закончилъ объявленіемъ семидневнаго представленія въ циркѣ, состязательной ѣзды въ каретахъ, запряженныхъ четвернею, но испански, тѣхъ самыхъ каретахъ, въ которыхъ онъ также будетъ праздновать вступленіе на престолъ Аталариха и свое вступленіе въ должность префекта.

Вдругъ поднялся торжественный крикъ и тысячи голосовъ прославляли правительницу и ея сына, громче же всѣхъ слышалось имя Цетегуса. Народъ разбѣжался въ безумной радости, заключенные сенаторы были тотчасъ отпущены и вѣчнымъ городомъ завладѣли готы.

Префектъ поспѣшилъ къ себѣ домой, къ подножію Капитолія, заверся и началъ быстро писать рапортъ къ правительницѣ.

Но вдругъ въ это время кто-то дерзко застучался въ переднюю дверь дома. Это былъ Лициній, молодой римлянинъ, съ которымъ мы познакомились въ катакомбахъ: онъ такъ сильно ударилъ мечемъ по воротамъ, что домъ задрожалъ.

За нимъ слѣдовали Сцевола, юристъ, съ сильно сморщеннымъ лбомъ (онъ находился въ числѣ запертыхъ) и Сильферіусъ, священникъ съ сомнительной фізіономіей.

Остіарій осторожно посмотрѣлъ въ щель двери и когда узналъ Лицинія, отпустилъ людей.

Стремительно бросился юноша впереди всѣхъ остальныхъ по хорошо знакомой дорогѣ, мимо ряда столбовъ, въ рабочую комнату Цетегуса.

Послѣдній, какъ только услышалъ приближавшіяся шаги, поднялся съ Lectus, протянувшись на которомъ онъ писалъ рапортъ, и запечаталъ письмо серебряной печатью.

— Ахъ, освободитель отечества! сказалъ онъ, смѣясь и выходя на встрѣчу вошедшему.

— Гнусный 'намѣнникъ! закричалъ Лициній, схватившись за мечъ и вытащивъ его изъ ноженъ. Гнѣвъ не давалъ ему говорить.

— Оставь его, пусть онъ защищается, если можетъ, остановилъ бунтующаго за руку Сцевола, вошедшій вслѣдъ за нимъ.

— Это невозможно, чтобъ онъ отпалъ отъ святой церкви, сказалъ Сильферіусъ, входя.

— Невозможно! засмѣялся Лициній, стало быть такъ: или вы помѣшаны, или я? Развѣ онъ насъ не велѣлъ задерживать въ домахъ? Развѣ онъ не запираетъ обезумѣвшихъ сенаторовъ и не склоняетъ народъ въ пользу варваровъ?

— Развѣ онъ, заговорилъ самъ Цетегусъ, не поймалъ въ курію благородныхъ отцовъ города, триста числомъ, какъ мышей въ мышеловку? Триста высокопочтенныхъ мышей!

— Онъ еще смѣется надъ нами! Неужели вы будете еще терпѣть? вскричалъ внѣ себя Лициній. Сцевола поблѣднѣлъ отъ гнѣва.

— Какъ поступили бы вы, если бы вамъ пришлось дѣйствовать? спросилъ префектъ спокойно, скрепячая руки на широкой груди.

— Что сдѣлали бы мы? повторилъ Лициній. Сдѣлали бы то, о чемъ ты сто разъ разсуждалъ вмѣстѣ съ нами! Какъ только распространилась вѣсть о смерти тирана, мы избили бы всѣхъ готовъ въ городѣ, провозгласили бы республику и назначили бы двухъ консуловъ.

— По имени Лицинія и Сцеволу, вотъ это главное. Но что жъ потомъ?

— Что потомъ? Свобода побѣдила бы!

— Глупость побѣдила бы! сказалъ повелительнымъ

тономъ Цетегусъ, прерывая угрозы посѣтителей. Какъ хорошо, что у васъ связаны руки: вы бы уничтожили всякую надежду на всегда. Посмотрите сюда и благодарите меня на колѣняхъ.

Онъ взявъ документы изъ другаго свертка и подалъ ихъ изумленнымъ собесѣдникамъ. Возьмите и читайте. Врагъ былъ предостереженъ и направилъ свои хитрыя сѣти въ тылъ Рима. Если бы я не дѣйствовалъ такимъ образомъ, то въ настоящую минуту графъ Витихисъ съ десятью тысячами готовъ стоялъ бы уже у Саларійскихъ воротъ на сѣверѣ, завтра юный Тотила заградилъ бы съ своимъ флотомъ устье Тибра на югѣ, а противъ памятника Адриана, у воротъ Аврелия, подступалъ бы уже герцогъ Тулунскій съ дватцатью тысячами съ запада.

Сильферіусъ вздохнулъ. Двое другихъ молчали. Наконецъ Лициній овладѣлъ собой: Мы встрѣтили бы варваровъ подъ нашими стѣнами, сказалъ онъ, гордо закидывая голову.

— Да. Но когда возстановили бы эти стѣны—цѣлая вѣчность, мой Лициній!

— Или мы погибли бы, какъ свободные граждане, сказала Спевола.

— Это вы могли сдѣлать три часа тому назадъ въ курии, засмѣялся Цетегусъ, пожимая плечами.

Сильферіусъ съ открытыми объятіями приблизился къ Цетегусу, желая его разцѣловать, но послѣдній съ достоинствомъ отстранилъ священника.

— Ты спасъ церковь, отечество и насъ всѣхъ! Я никогда въ тебѣ не сомнѣвался! сказалъ священникъ.

Лициній взявъ руку префекта и съ плѣнительной откровенностью закричалъ:

— Я въ тебѣ сомнѣвался, о прости меня, великій римлянинъ. И этотъ мечъ, которымъ я хотѣлъ пронзить тебя

сегодня, отдаю я на служеніе тебѣ. А когда настанетъ день свободы, тогда не консуломъ, а снасителемъ, диктаторомъ провозгласимъ Цетегуса.

И съ сверкающими глазами онъ вышелъ изъ комнаты. Префектъ проводитъ его довольнымъ взглядомъ.

— Диктаторъ до полной безопасности республики, сказалъ юристъ, слѣдуя за Лициніемъ.

— Да, конечно, засмѣялся Цетегусъ. Затѣмъ мы воскресимъ Камилла и Брута и поведемъ республику далѣе съ того пункта, на которомъ они оставили ее тысячу лѣтъ тому назадъ. Не правда ли, Сильферіусъ?

— Префектъ Рима, отвѣчалъ священникъ, ты знаешь, я былъ честолюбивъ и думалъ, какъ духовное лицо, управлять дѣлами отечества, но съ этого часа честолюбіе мое исчезло. Твое руководство, я за тобой слѣдую. Прославь только одно: свободу римской церкви, свободу папскаго престола.

— Хорошо, сказалъ Цетегусъ, съ тѣмъ, чтобы Сильферіусъ былъ папой!

Священникъ вышелъ съ улыбкой на лицѣ, но съ тяжелыми мыслями на сердцѣ.

— Идите, прошепталъ Цетегусъ имъ вслѣдъ, — вы не свергнете тирана и вамъ нуженъ тиранъ.

Этотъ день и часъ были рѣшительными въ судьбѣ Цетегуса: почти помимо своей воли онъ былъ увлеченъ обстоятельствами къ такимъ цѣлямъ, которыя никогда не представлялись ему съ полной ясностью, и развѣ когда нибудь рисовались только въ его мечтахъ.

Въ настоящую минуту онъ призналъ себя единственнымъ господиномъ всего *лагера*; у него въ рукахъ были обѣ главныя партіи того времени: правительство готовъ и ихъ враги, заговорщики.

И въ груди этого сильнаго человѣка воскресла жажда власти, которую онъ считалъ умершею цѣлые десятки

дѣтъ. Онъ вдругъ почувствовалъ безграничную потребность властвовать; всѣ силы его богато-одаренной натуры побуждали его въ дальнѣйшему движенію.

Корналій, Цезарій Цетегусъ былъ потомокъ древняго и очень богатаго рода. Одинъ изъ его предковъ приобрѣлъ славу полководца и государственнаго дѣятеля въ народной войнѣ; говорили, будто онъ былъ сынъ великаго диктатора. Цетегусъ былъ одаренъ отъ природы богатыми способностями; громадныя средства позволяли ему развивать ихъ и удовлетворять потребностямъ.

Самые первые учителя преподавали ему изящныя искусства. Онъ ѣздилъ въ Александрію, въ Афины и изучалъ, въ первыхъ школахъ, съ блестящимъ успѣхомъ науки: права, исторіи, философіи.

Но все это его не удовлетворяло. Онъ чувствовалъ какъ бы вѣяніе паденія всѣхъ искусствъ и наукъ его времени. Философія разрушила въ немъ послѣдній остатокъ вѣры и не дала ему никакого удовлетворенія въ своихъ положительныхъ результатахъ.

Когда онъ окончилъ курсъ наукъ, отецъ далъ ему государственную должность, и способный юноша быстро пошелъ впередъ.

Но вдругъ онъ оставилъ службу. Какъ только Цетегусъ основательно понялъ государственныя дѣла, онъ не могъ долѣе оставаться колесомъ большой машины государства, которое попирало свободу и служило королю варваровъ.

Потомъ умеръ отецъ, и Цетегусъ, оставшись на свободѣ съ громаднымъ состояніемъ, бросился съ неудержимой силой въ водоворотъ жизни, наслажденій и увеселеній. Съ Римомъ онъ скоро покончилъ, потомъ онъ путешествовалъ по Византіи, Египту и даже доѣзжалъ до Индіи. Не было роскоши, не было ни одного виновнаго и невиннаго наслажденія, котораго онъ не испыталъ бы. Только желѣзное тѣло могло вынести всѣ усилія, лишенія и при-

ключенія этихъ непрерывныхъ переѣздовъ. Черезъ двѣнадцать лѣтъ онъ вернулся въ Римъ. Всѣ очень обрадовались его возвращенію, думали, что роскошь снова воцарится въ его домахъ и вилахъ, но жестоко ошиблись. Цетегусъ построилъ себѣ маленькій домикъ у подножія Капитолія, удобный и съ большимъ вкусомъ, и жилъ себѣ посреди многочисленнаго Рима, какъ отшельникъ. Онъ издалъ описаніе своихъ путешествій и удачную характеристику мало знакомыхъ народовъ и земель, которыя онъ посѣтилъ.

Книга имѣла неслыханный успѣхъ. Кассіодоръ и Ботій жаждали его дружбы; великій король хотѣлъ перетащить автора къ своему двору.

Но неожиданно онъ исчезъ изъ Рима; событіе, отозвавшее его изъ Рима, осталось тайною для всѣхъ изслѣдованій любопытныхъ изъ участія и злобной радости.

Разсказывали тогда, будто въ одно утро рыбаки нашли его на берегу Тибра, у воротъ города, лежавшимъ въ обморокъ, близкомъ къ смерти.

Нѣсколько недѣль позднѣе онъ отправился къ сѣверо-восточнымъ границамъ государства, въ непривѣтныя земли Дуная, гдѣ свирѣпствовала кровавая война съ *Гепидами*, Аварами и Славянами.

Тамъ онъ убивалъ варваровъ съ поразительной храбростью, призравшей смерть, преслѣдовалъ ихъ съ отборными войсками въ ущельяхъ ихъ скалъ, спалъ всѣ ночи на замерзшей землѣ. Когда же готскій полководецъ поручилъ ему большое войско для выступленія въ походъ, онъ взялъ главный городъ враговъ и въ этомъ завоеваніи отличился не только удивительною храбростью, но и искусствомъ полководца.

По заключеніи мира, онъ ѣздилъ въ Галлію, Италію и Византію, потомъ снова вернулся въ Римъ и жилъ въ отдаленіи отъ всѣхъ государственныхъ, народныхъ и уче-

ныхъ должностей и почестей, которыя предлагалъ ему Кассіодоръ.

Казалось, кромѣ своихъ наукъ, онъ ни въ чемъ не находилъ болѣе интереса.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одно изъ своихъ путешествій онъ привезъ изъ Галліи одного юношу, или мальчика, которому захотѣлъ показать Римъ и Италію. Онъ выказывалъ мальчику отеческую любовь и попеченіе.

Говорили, что онъ хотѣлъ его усыновить. Пока его юный гость былъ при немъ, Цетегусъ оставилъ уединеніе, приглашалъ къ себѣ благородныхъ юношей и, принимая самъ приглашенія, являлся вездѣ любезнымъ и очаровательнымъ собесѣдникомъ.

Отправивъ же юнаго *Юлія Монтана* съ приличной свитой изъ педагоговъ и невольниковъ въ одну изъ ученыхъ школъ Александріи, онъ вдругъ порвалъ всѣ сношенія съ свѣтомъ и удалился снова въ уединеніе, негодуя на Бога и на весь свѣтъ.

Съ великимъ трудомъ удалось Сильферіусу и Рустіціанѣ вывести его изъ апатіи и заставить принять *участіе въ заговорѣ катакомбъ*. Онъ *сдѣлался, какъ самъ выражался, патріотомъ изъ одной скуки*.

И дѣйствительно, до самой смерти короля, онъ съ отращеніемъ относился къ предпріятію, нити котораго лежали въ рукахъ его и діакона.

Теперь было совсѣмъ другое.

Ни науки, ни искусства, ни наслажденія, ни военная слава и другія почести уже не манили его; всего онъ достигъ, какъ никто другой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это не наполняло его жизни.

Властвовать, быть первому, побѣждать всѣ враждующія интриги съ необыкновенной силой и мудростью; вывести противъ этихъ, скрежещущихъ зубами, людей

железное войско, набранное имъ самимъ, на это онъ почувствовалъ себя способнымъ.

Гордо вдвигалась его грудь въ этотъ часъ; голова его пылала при мысли, что онъ можетъ поведѣвать двумя враждебными народами, готами и римлянами, по одному знаку бровей. И изъ этого поглощающаго чувства сознанія власти съ демонической силой поднималось убѣжденіе, что для него есть еще одна цѣль, которой стоитъ посвятить жизнь. Цѣль эта отдаленна, какъ солнце, и для другихъ была бы не досягаема, но онъ вѣрилъ въ свое происхожденіе отъ Юлія Цезаря и чувствовалъ, что кровь Цезаря течетъ въ его жилахъ.

Цезарь императоръ запада, король Рима!

И когда нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, этотъ чудный свѣтъ вдругъ проникъ въ его душу, это было не желаніе, не мысль, — мечта, сонъ; онъ сначала испугался, потомъ улыбнулся съ неподражаемой смѣлостью.

Онъ императоръ и возстановитель Римской имперіи! А Италия, между тѣмъ, дрожала подъ давленіемъ трехъ сотъ тысячнаго готскаго войска!

Величайшій изъ королей варваровъ сидѣлъ себѣ, господствуя, въ Равеннѣ.

А если могущество готовъ и будетъ уничтожено, то франки устремятся черезъ Альпы, а византійцы направятся черезъ море противъ Италіи. Два большія государства противъ него одного. Противъ единого человѣка!

И дѣйствительно, онъ былъ одинъ въ своемъ народѣ! Какъ хорошо онъ зналъ и какъ горько презиралъ своихъ соотечественниковъ, недостойныхъ потомковъ великихъ предковъ, какъ смѣялся онъ надъ мечтательностью Лицинія или Сцеволы, которые съ римлянами настоящаго времени хотѣли возстановить республику.

Онъ стоялъ совершенно одинъ.

Но именно это то и восхищало его гордое честолю-

біе. Именно теперь, когда заговорщики оставили его, онъ сознавалъ свое превосходство; то, что прежде онъ считалъ за обманчивую игру фантазіи, онъ облекъ теперь въ простую, опредѣленную мысль; мало того, онъ принялъ твердое рѣшеніе. Скрестивъ руки на могучей груди, онъ ходилъ твердыми шагами по комнатѣ, какъ левъ проклятѣй, и высказывалъ вслухъ отрывочными фразами свои мысли.

Выгнать готовъ при поддержкѣ народа, не допустить въ страну грековъ и франковъ—это еще не трудно, это могъ бы сдѣлать и другой. Но быть совершенно одному, встрѣчать препятствія со стороны этихъ людей, глупыхъ и безхарактерныхъ, и все-таки совершить необыкновенное—превратить этихъ трусовъ въ героевъ, невольниковъ въ римлянъ, рабовъ оружія и варваровъ въ властелиновъ земли—вотъ это стоитъ труда! Создать одному, единому человѣку, силою своей воли и могуществомъ духа, новый народъ, новое время, новый свѣтъ, до этого не достигалъ еще ни одинъ смертный. Это выше Цезаря,—тотъ вель легіоны героевъ! Мысль родилась,—стало быть, возможно и исполненіе! А такъ какъ мнѣ пришла въ голову эта мысль, то мною должна быть и исполнена.

— Да, Цетегусъ, это именно та цѣль, для которой стоить думать, жить и умереть. Теперь кромѣ этой высокой цѣли у меня не будетъ никакого другаго чувства, никакой мысли!

Онъ остановился передъ колоссальной статуей Цезаря, сдѣланной изъ бѣлаго мрамора; эта статуя представляла образецъ искусства Аркезилаоса и самое благородное украшеніе; она передавалась, какъ семейныя традиціи, отъ Юлія Цезаря сыновьямъ, составляя святыню этого дома.

— Послушай, божественный Юлій, великій прародитель! Твой внукъ отважился помѣряться съ тобой: существуетъ болѣе высшая цѣль, чѣмъ та, которой ты дости-

гнуль; стремиться, парить въ высотѣ и упасть съ нея— о, это божественная смерть! Онъ прошелъ мимо статуй и бросилъ взглядъ на лежавшія на столѣ свернутыя карты Римскаго королевства.

— Сначала раздавить этихъ варваровъ и Римъ! Затѣмъ покорить снова сѣверъ — Парижъ! Возвратить къ прежней власти стариннаго города Цезарей всѣ отпавшія вѣроломныя области... Византія! И все дальше, дальше: къ Тигру, Инду, куда не заходилъ Александръ, — назадъ на Западъ черезъ Скифію и Германію, къ Тибру — путемъ, проложеннымъ для тебя, Цезарь, кинжаломъ Брута. — Быть выше тебя, выше Александра... О мысль, остановись!

И хладнокровный Цетегусъ пылалъ, какъ въ огнѣ; сильно бились жилы на его вискахъ, и онъ прижался пылающимъ лбомъ къ холодной мраморной груди Цезаря, смотрѣвшаго на него съ высоты.

ПРЕДАНІЯ И ВОСПОМИНАНІЯ

В. В. Саливанова.

Съ 1791 по 1801 годъ.

ГЛАВА III.

Свиданіе молодыхъ съ В. А. Нестеровой.—Выходъ отца въ отставку и первые годы его жизни послѣ женитьбы.—Рожденіе дѣтей.—Генералъ Ермоловъ.—Дѣло его о кражѣ вещей.—Письмо Ермолова.—Анекдотъ.—Жизнь въ Любавѣ.—Хозяйство.—Тетушка Марья Николаевна.—Шалости моего отца.—Пожаръ въ Любавѣ въ 1806 г.—Перестройка въ деревнѣ.—Служба въ уѣздномъ земскомъ войскѣ.—Левъ Дмитріевичъ Измайловъ.—Стихи, ему посвященные.—Его сумасбродства.—Милиція 1807 года.—Письмо тетушки Анны Павловны о пребываніи въ Москвѣ Императора Александра Павловича.—Н. И. Коробинъ.—1812 годъ.—Ожиданіе непріятеля.—Переѣздъ матушки съ семьей къ Нестеровымъ въ Алешню.—Паника въ Зарайскѣ.—Безпорядки.—М. Н. Лихаревъ.—Депутація рязанскаго дворянства къ Государю.—Письмо Булыгиной.—Письма отца къ моей матери изъ Зарайска.—Вліяніе событій 12-го года на общественную жизнь.—Воспоминанія изъ моего дѣтства.—Повѣдки съ отцомъ на охоту.—Ученье.—Наше воспитаніе.—Опредѣленіе братьевъ въ корпусъ.

Когда батюшка, женившись, пріѣхалъ съ молодою женою къ Нестеровымъ, чтобъ представить ее роднымъ, Варвара Александровна въ то время была нездорова. Большіе черные ея глаза ввалились и горѣли неестественнымъ огнемъ, на впалыхъ щекахъ румянецъ рдѣлъ ярче обыкновеннаго. Чахотка довольно уже рѣзко положила на нее свое разрушительное клеймо.

— Варвара Александровна проситъ васъ къ ней, до-

ложили отцу моему, когда онъ сидѣлъ въ гостиной. И вотъ, молодые, въ сопровожденіи Александры Александровны и тетушки Анны Павловны, пошли къ ней.

Варвара Александровна сидѣла на диванѣ, въ полулежащемъ положеніи, обложенная подушками. На ней была одѣта бѣлая кофта, обшитая кружевами; черные волосы были подобраны подѣ маленькій бѣлый чепчикъ. Не смотря на болѣзнь и простоту одежды, она все еще была прекрасна. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій и любезностей, всѣ сѣли. На столикѣ, стоявшемъ передъ больною, между стеклянками лекарствъ лежало нѣсколько померанцевъ.

Варвара Александровна, сжавши одинъ померанецъ въ горячей рукѣ, держала его долго, отъ чего онъ сильно нагрѣлся. Когда общій разговоръ отклонился къ пріѣзжей молодой, она долго и пристально на нее смотрѣла и, наконецъ, подавая отцу нагрѣтый ею померанецъ, спросила:—что, горячъ?

— Горячъ, отвѣчалъ батюшка.

Она, поспѣшно вырвавъ изъ руки его, поданный ею, померанецъ обратно, и взявъ другою рукою со стола холодный, сказала:—Такъ возьми-жъ себѣ этотъ. Намекъ этотъ былъ вызванъ неотразимымъ чувствомъ ревности увядавшей красоты къ красотѣ, только что разцвѣтшей, ярко догоравшей, послѣ знойнаго дня, вечерней зари къ блѣдносіяющей потоками свѣта, зарѣ утренней, освѣжающей предвѣстницѣ чуднаго дня.

Вечерняя заря, послѣ этого свиданія, не долго горѣла, а батюшка вскорѣ послѣ женитьбы подалъ въ отставку и 16-го сентября 1801 года былъ изъ военной службы уволенъ.

Положеніе батюшки было довольно тѣсное. Чѣмъ было жить съ молодою женою, которая послѣ замужества скоро сдѣлалась беременною? По предположенному раздѣлу, батюшкѣ досталось 19 душъ и разоренная усадьба въ Лю-

бавѣ, за женой онъ взялъ въ Царевосанчурскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи, 50 душъ оброчныхъ крестьянъ... и только. Ясно, что жить было нечѣмъ. Сначала онъ попробовалъ было попросить себѣ мѣсто городничаго въ какомъ нибудь изъ уѣздныхъ городовъ, вѣдиль даже самъ въ Петербургъ, но мѣста городничихъ оказались продажными, а денегъ у батюшки не было; кое-какъ онъ получилъ мѣсто въ Нижегородской губерніи надвирателя за прогономъ гуртовъ, но долго ли онъ имъ пользовался—не знаю. Вообще время отъ полученія увольненія изъ военной службы и до 1807 года, какъ-то, осталось темно... вѣрнѣе всего, что онъ оставался еще жить въ Москвѣ, въ семействѣ Петра Астафьевича, и изъ Москвы поѣхалъ въ Зарайскій уѣздъ повидаться съ родными и съ матерью. Я это думаю потому, что старшіе братья мои, Петръ Васильевичъ, родившійся 18-го мая 1802 года, и Павелъ Васильевичъ, родившійся 5-го ноября 1803 года, оба родились въ Москвѣ, въ Екатерининскихъ казармахъ, и въ этотъ 1803 годъ, мая 8-го дня, дѣдушка Петръ Астафьевичъ по Высочайшему Его Императорскаго Величества приказу, прослуживъ въ офицерскомъ званіи безъ году 40 лѣтъ, былъ уволенъ отъ службы съ правомъ носить мундиръ и съ пенсіономъ половиннаго жалованья.

Въ это время многобаталіонный Архаровскій полкъ былъ расформированъ и оторванныя отъ него команды ежедневно одна за другою выходили изъ Екатерининскихъ казармъ съ тѣмъ, чтобъ ужъ болѣе въ нихъ не возвращаться.

Стоя у окна своего кабинета, дѣдушка внимательно смотрѣлъ на удалявшіяся команды, и невыразимая тоска отразилась на его кроткомъ лицѣ.

Въ концѣ 1803 года онъ оставилъ Москву и переселился въ Нижній-Новгородъ. Вѣроятно, что въ одно съ нимъ время, или вскорѣ, переѣхалъ туда и батюшка.

Всѣ родные со стороны матушки, т. е. Демидовы, по большей части жили въ Нижегородской губерніи, и потому надобно полагать, что батюшкѣ было не дурно. Всѣ новые родные его и любили, и уважали.

Во время батюшкиной службы въ Нижнемъ-Новгородѣ, мая 19-го дня 1805 года, родился братъ Алексѣй Васильевичъ.

Долго ли служилъ батюшка въ Нижнемъ-Новгородѣ, опредѣлить не могу; но только въ 1806 году онъ уже проживалъ въ родномъ своемъ гнѣздѣ въ Любавѣ. Въ декабрѣ 18-го дня 1806 года родился въ Любавѣ братъ Николай Васильевичъ.

20-го мая 1808 года тамъ же родился братъ Михайла Васильевичъ.

22-го іюня 1809 года родился братъ Дмитрій Васильевичъ. Онъ родился въ Зарайскѣ, потому что батюшка въ это время былъ судьей. Восприемниками отъ купели были орловскій помѣщикъ, отставной генералъ Ермоловъ, отецъ Алексѣя Петровича.

Знакомство съ Ермоловымъ было чистою случайностію. Дѣло вотъ въ чемъ: у Ермолова была украдена шкатулка, или, лучше сказать, довольно большой ящикъ, обложенный бархатомъ съ металлическою оправкою, въ которомъ хранилось значительное количество драгоценныхъ вещей: браслеты, фермуары, кольца, перстни и проч. въ этомъ родѣ.

Надобно полагать, что вещи эти были жалованныя Дворомъ. Воровъ этихъ поймали въ Зарайскѣ, началось слѣдствіе и ихъ предали суду. Узнавъ, что воры пойманы, Ермоловъ пріѣхалъ въ Зарайскъ для полученія вещей; но увы, вещи какъ-то застряли въ рукахъ полиціи. Тогда Ермоловъ обратился къ моему отцу, какъ къ судьѣ. Слѣдственное дѣло оказалось неполнымъ. Судъ опредѣлить переслѣдовать, а ужъ какимъ то образомъ сдѣлалось, что

настояніемъ отца, вмѣстѣ съ окончательнымъ слѣдствіемъ, былъ представленъ въ судъ и украденный ящикъ съ вещами.

Все это продолжалось довольно долго, и Ермоловъ жилъ въ Зарайскѣ и, пользуясь гостепріимствомъ батюшки, всѣ дни проводилъ у него, и обѣдалъ, и ужиналъ, однимъ словомъ, только что не ночевалъ.

— Всѣ ли тутъ ваши вещи? спросилъ батюшка Ермолова, представляя ему въ уѣздномъ судѣ, куда онъ былъ приглашенъ батюшкою освидѣтельствовать отысканный ящикъ, и тутъ же на присутственномъ столѣ, снявши съ него печать и открывъ его, началъ вынимать вещи одну за другою.

— Всѣ, отвѣчалъ Ермоловъ, но тутъ не достаетъ одного браслета съ изумрудомъ. И лицо его нѣсколько омрачилось. Онъ всталъ со стула и проворно началъ ходить по комнатѣ.

Между тѣмъ отецъ мой, укладывая снова вещи по своимъ мѣстамъ, ощупалъ подъ бархатомъ подмѣннымъ, подъ крышкою, что-то твердое; онъ оторвалъ бархатъ, и это оказался браслетъ. Кто его туда засунулъ, неизвѣстно.

— Вамъ очень жаль вашего браслета? спросилъ батюшка Ермолова.

— Да! Это былъ лучший камень изъ всѣхъ моихъ вещей—рѣдкій изумрудъ.

— Вотъ онъ, сказалъ батюшка, подавая ему браслетъ съ изумрудомъ.

Вотъ въ это-то время Ермоловъ покумился съ нашимъ семействомъ и во все время пребыванія своего въ Зарайскѣ все тужилъ, что нечѣмъ подарить куму, что нечего купить въ Зарайскѣ. Онъ былъ, какъ видится, порядочно скупъ.

По отъѣздѣ своемъ онъ прислалъ матушкѣ въ пода-

рокъ платокъ, очень небольшой и очень недорогой, при слѣдующемъ письмѣ:

Милостивая Государыня
Александра Петровна!

Изстари ведется, что кумовья дарятъ, слѣдовательно и я, слѣдуя старинному обыкновению, препровождая платокъ, сожалью, что онъ не таковъ, какого хотѣлось; я выписалъ его изъ Польши, но и тамъ, по причинѣ всеобщей войны и остановки товаровъ, не могли отыскать большой мѣры, по крайней мѣрѣ, примите, Милостивая Государыня, къ улучшенію платка мое истинное къ Вамъ почтеніе: я, можетъ быть, сдѣлаю вамъ заботу отдарить кума, ежели вы примете мой совѣтъ, вы тѣмъ кума вашего одолжите: пошлите ему банку рѣдьки; варенной въ меду, и она принята будетъ съ большею благодарностію тѣмъ паче, что ему здѣсь не вѣрятъ, чтобъ рѣдьку варили. Въ заключеніе, пожелавъ вамъ всякаго благополучія, съ непремѣннымъ почтеніемъ пребыть честь имѣю на всегда.

Милостивая Государыня вашъ покорнѣйшій слуга
Петръ Ермоловъ.

1809, Октября 6-го.

Милостивому Государю моему Василию Павловичу мое истинное почтеніе. Ежели что о дѣлѣ-жѣ моемъ извѣстно, покорно прошу меня увѣдомить.

Въ 1810 году іюля 16 родился братъ Илья Васильевичъ въ Любавѣ.

Въ 1811 году ноября 15, тамъ-же, въ Любавѣ родилась сестра Анна Васильевна.

Но я забѣжалъ впередъ и потому снова обращаюсь къ повѣствованію о батюшкѣ и его жизни.

Къ несчастію, я опять повторяю, что объ этомъ пе-

рідѣ его дѣятельности въ моей памяти осталось мало преданій. Изъ разказовъ батюшки объ общественной жизни въ Нижнемъ-Новгородѣ я помню одинъ анекдотъ, который въ дѣтствѣ нашемъ, т. е. меня и братьевъ, очень смѣшилъ.

Въ тѣ времена, т. е. въ первые года текущаго столѣтія, всякій, чуть мало-мальски поразжившійся чиновничекъ, въ подражаніе дворянству, прежде всего обзаводился каретою.

Таковъ былъ ужъ обычай. Случилось, что одинъ какой-то проходимецъ изъ подъячихъ получилъ мѣсто секретаря гражданской палаты, мѣсто въ тѣ времена очень доходное, женился и къ наступающей веснѣ купилъ карету. Положено было обновить прибрѣтенный экипажъ къ заутренѣ Свѣтлаго Христова Воскресенья, и какъ только поразгудѣлись колокола, молодые разошлись, сѣли въ карету и велѣли кучеру ѣхать въ соборъ. Кучеръ ударилъ по лошадямъ, и лошади помчались большою рысью. Все-бы, казалось, шло хорошо, да карета-то, къ несчастію, оказалась ветха. На половинѣ пути полъ подъ ногами молодыхъ внезапно проламывается, и молодые, до половины провалившись подъ него, очутились ногами на мостовой. Карета катится и они бѣгутъ. Напрасно они кричатъ кучеру: стой! стой! кучеръ не слышитъ: стукъ отъ проѣзжающихъ экипажей и звонъ колоколовъ заглушаютъ ихъ голоса. Наконецъ, карета подѣхала и остановилась у собора. Лакей отворилъ дверцы, но къ величайшему его изумленію господа выходятъ не изъ дверць, а изъ-подъ кареты. Много по поводу этого происшествія было разговоровъ въ нижегородскомъ обществѣ, толковали долго, но никакъ не могли рѣшить вопроса: приѣхали-ли молодые въ соборъ, или прибѣжали?...

По водвореніи въ Любавѣ батюшка терпѣлъ большую нужду. Въ домѣ не было ни крыльца, ни гвоздя, никакой

мебели и никакой посуды. Все надобно было заводить, какъ послѣ неприятельскаго пожара. Денегъ не было, и доходило иногда до того, что негдѣ было взять нѣсколькихъ копѣекъ на самыя необходимыя нужды. Часто случалось, говорилъ нашъ батюшка, «что мать ваша напишетъ письмо къ своимъ и принесетъ ко мнѣ съ просьбою отослать на почту; я, чтобъ не огорчить ее, возьму у нея письмо, наобѣщаюсь отослать, а какъ она уйдетъ, поплачу, поплачу, да изорву его»...

Впрочемъ, время таковой крайней нужды продолжалось не долго. Вскорѣ переѣхала къ намъ въ домъ бабушка Марья Николаевна, которая, какъ я говорилъ уже въ первой главѣ, изъ всѣхъ племянниковъ и племянницъ исключительно любила батюшку, и принесла съ собою въ домъ доходы свои съ Саранской вотчины. Съ пріѣздомъ ея дѣла значительно поправились. Она была дѣятельная, неутомимая хозяйка, такъ что до маменьки почти не доходило ничего; какъ принимала это маменька въ тайнѣ своего сердца — Богъ вѣсть, но при необыкновенной ея кротости и терпѣннн въ домѣ обитали и миръ, и тишина. Въ многолюдной дѣвичей всѣ дѣвки были заняты работою. Лѣтомъ шили и вязали чулки, зимою пряли тончайшія тальки. Въ ткацкой ткались полотна, по своей тонинѣ и добротѣ возбуждавшія удивленіе всего околотка. Дѣйствительно, батюшка продавалъ ихъ по 3 рубля ассигнаціями за аршинъ, или по 75 коп. на нынѣшнія серебряныя, что, если сообразить относительную цѣнность денегъ тогдашняго и нынѣшняго времени, окажется, что наше дамашнее полотно продавалось вдвое дороже, нежели очень хорошее голландское.

Кромѣ полотень, ткачи ткали салфетки, скатерти и сукно, для одежды домашней прислуги. Вытканное сукно отдавалось на сукновальню и потомъ въ красильню, гдѣ

его окрашивали преимущественно въ темно-зеленый или синій цвѣтъ.

Крупчатая мука не покупалась. Тогда крупчатокъ было еще мало, и потому мука была цѣнна. Ее только покупали въ оказіяхъ важныхъ, въ ожиданіи гостей. Для пироговъ и домашняго употребленія къ чаю пеклись папушники изъ своей домашней пшеничной муки. Чтобъ получить муку болѣе бѣлую, бабушка призоветъ бабъ на барскій дворъ, съ деревянными ступами, поставитъ ихъ противъ оконъ и подъ личнымъ ея наблюденіемъ велитъ стлкать подсѣянную и чисто промытую пшеницу, назначенную для помола.

По полученіи съ мельницы муки, она сама разсушила ее, раскладывая на разостланныхъ листахъ бумаги по столамъ, по окнамъ дома, чтобъ мука не слилась и, наконецъ, убирала въ кадочки своей кладовой, ключъ отъ которой она носила въ своемъ карманѣ. Энергія ея въ хозяйственныхъ занятіяхъ была неутомима. Ежедневно, съ ранней зари и до ночи, она вездѣ дѣйствовала лично. Заказывала повару столъ, выдавала провизію, дѣлала запасы вареньеваго и соленьеваго въ зиму, считала тальки, мѣрила полотна—и работа кипѣла, и со дня на день возрастало въ домѣ довольство и даже избытокъ. Правда, при тогдашнихъ понятіяхъ о хозяйствѣ и крѣпостномъ правѣ, въ полнѣйшемъ его развитіи, не обходилось безъ строгости, т. е. безъ побоевъ, и бабушка нерѣдко жалѣзнымъ аршиномъ или безмѣномъ тузила нерадивыхъ, но это нисколько не возбуждало противъ нея ожесточенія, а напротивъ ее любили, и даже въ позднѣйшія времена говорили объ ней, какъ о доброй барышнѣ. И она дѣйствительно была добра; а въ не добрѣ было виною недоброе крѣпостное право. Не смотря на ея постоянную дѣятельность и взысканія, пѣсни въ дѣвичей не умолкали, и вся

дворня была весела а въ свободные часы лѣтнихъ вечеровъ и праздниковъ гуляла и веселилась.

Батюшка занимался садоводствомъ, и этой отраслю хозяйства занялся съ жаромъ и любовью. Вмѣстѣ съ красавицею женою, моею матушкою, они трудились въ саду, и въ пвѣтникѣ, и въ огородѣ; ихъ собственными руками былъ насаженъ новый садъ, который долго носилъ названіе молодаго.

Впослѣдствіи этотъ садъ разросся и приносилъ въ иной хорошій годъ дохода до 1000 р. ассигнаціями.

Батюшка былъ чрезвычайно веселаго нрава и необыкновенно любезенъ. Онъ любилъ составлять общественныя удовольствія; вскорѣ дворянство уѣзда и сосѣди искренно полюбили его и оцѣнили. Изъ разсказовъ объ его шалостяхъ этого времени я помню два. Батюшка, еще въ корпусѣ упражнясь гимнастикой, приобрѣлъ легкость и ловкость. «Разъ, разсказывалъ онъ,—это было на святой недѣлѣ,—пришли, по обыкновенію, священникъ съ причтомъ и съ образами. Пріѣхали тоже къ обѣду кое-кто изъ сосѣдей и родныхъ; когда молебень былъ отслуженъ и образа поставлены, я пригласилъ всѣхъ гулять въ садъ. Когда всѣ шли по узкой дорожкѣ, одинъ за другимъ, я разбѣжался свади, оперся въ плечи пономаря, и перепрыгнулъ черезъ голову. Не успѣлъ онъ опомниться и оглянуться, а я уже перепрыгнулъ точно такъ-же черезъ дьячка, онъ: ахъ! а я уже прыгнулъ черезъ попа; еще сдѣлалъ нѣсколько прыжковъ чрезъ всѣхъ, кто только шелъ по дорожкѣ и, наконецъ, черезъ тетушку. Конечно, что это гимнастическое упражненіе моего отца послужило поводомъ къ продолжительному удовольствію маленькаго домашняго общества.

Въ другой разъ батюшка, нарядившись въ какой-то халатъ, надѣлъ курчавый длинный парикъ на голову, а другой, женскій, подвѣсилъ къ подбородку (парики эти до-

стались ему отъ дѣдушки Петра Астафѣвича, который, впрочемъ, самъ париковъ не носилъ) и пошелъ въ садъ, когда пошли туда матушка и бабушка съ гостями. Матушка была предупреждена, но другіе не знали ничего, и потому очень удивились и даже не безъ нѣкоторой робости увидали крадущагося около садоваго забора и укрывающагося между деревъ страннаго вида человѣка. Не менѣе ихъ струсили и сидѣлецъ снявшаго садъ купца, караулившій садъ, но, признавая своею обязанностию прогнать мошенника, какъ онъ полагалъ, вошедшаго въ садъ, пошелъ къ батюшкѣ на встрѣчу съ дубиной: «кто ты такой?» вскричалъ онъ, бросившись на батюшку, и прежде, чѣмъ батюшка успѣлъ ему отвѣчать, онъ огромною своею ручицею нанесъ батюшкѣ славнѣйшую затрецину. Вѣроятно, онъ бы пустилъ въ ходъ и дубинку, если бы батюшка не успѣлъ сдернуть съ себя парика и бороды. Увидѣвъ съ кѣмъ имѣлъ дѣло, сидѣлецъ страшно перепугался, упалъ на колѣни, просилъ прощенія... Разумѣется, что батюшка и не сердился на него, но долго не могъ забыть печальнаго послѣдствія своей шалости.

Въ 1806 году Богъ посѣщаль Любаву пожарами. Сгорѣлъ скотный дворъ и задній дворъ съ избами, гдѣ жили женатые дворовые и, наконецъ, всѣ крестьянскіе дворы. Объ этомъ пожарѣ Гаврила Макарьевичъ рассказывалъ такъ: «Вотъ, государь мой, Тимофей кузнецъ затеръ квашню на хлѣбы и во время пожара квашня-то осталась въ избѣ. Когда все сгорѣло и мы бродили по пепелищу, подымая то и другое, роясь въ угольяхъ — глядь! квашня-то цѣлехонька, да что цѣлехонька! хлѣбъ-то испекся въ ней во всю квашню. Поднялся чуть не въ полтора аршина и какой же вкусный. Въ жизнь свою не ѣдалъ я такого хлѣба. Право слово, государь мой. Цѣлую недѣлю мы имъ питались».

Послѣ пожара батюшка нашелъ необходимымъ, для

большаго простора строеній, мѣсто сгорѣвшихъ дворовъ сажень на 5 отодвинуть назадъ. Дѣло очень простое, но возбудило неудовольствіе со стороны домовыхъ. По словамъ кузнеца Тимофея, домовые по ночамъ вопили по старымъ пепелищамъ и что онъ самъ слышалъ въ пустомъ мракѣ ночи, какъ они завывали, плакали...

Народъ встревожился, но батюшка напелся. Онъ приказалъ на сгорѣвшемъ пепелищѣ деревни положить розги, объявивъ при этомъ Тимофею кузнецу, и всѣмъ дворовымъ и крестьянамъ, что кто услышитъ, что домовые плачутъ, то тутъ же на мѣстѣ будетъ выдранъ. Вѣроятно, домовые, чтобъ не подвергать истязанію невинныхъ, перестали плакать, а деревня отстроилась по новой линіи.

Въ 1807 году отецъ мой былъ избранъ въ тысяцкіе начальники Зарайскаго земскаго войска. О дѣятельности его въ эту эпоху я мало имѣю свѣдѣній, и изъ бумагъ, отъ нея сохранившихся, мало что можно извлечь интереснаго.

Зарайскимъ уѣзднымъ земскаго войска начальникомъ былъ генераль-маіоръ Лигвиновъ, а командиромъ всего рязанскаго земскаго войска былъ генераль-маіоръ и кавалеръ Левъ Дмитріевичъ Измайловъ. Личность эта была необыкновеннымъ психологическимъ явленіемъ тогдашняго общества. Жаль, что нѣтъ его біографіи, жаль, что нѣтъ у меня въ рукахъ никакихъ документовъ, чтобъ скольконибудь посерьезнѣе познакомить съ нимъ читателя.

Смутны были рассказы, и еще смутнѣе преданія о жизни и дѣятельности Льва Дмитріевича. Довольно того, что онъ былъ потомокъ хорошаго рода, наслѣдовавшій отъ предковъ огромное состояніе, какъ въ недвижимомъ имуществѣ, такъ и въ капиталахъ и драгоценныхъ вещахъ. Извѣстность свою между современниками прибрѣлъ онъ богатствомъ, роскошью, всевозможныхъ родовъ неистов-

ствами, богохульствомъ, кощунствомъ, дерзостью противъ властей и необузданнымъ самоуправствомъ.

Онъ имѣлъ огромную псовую охоту, до 2000 собакъ и до 3000 охотниковъ и псарей; стаи гончихъ считались у него не десятками, а сотнями. Украшенія одежды охотниковъ и ихъ охотничьи рога блистали настоящимъ серебромъ. Что онъ ни творилъ въ жизни, все сходило ему съ рукъ.

Когда старость и болѣзни его уже утомнили, онъ жилъ въ небольшомъ своемъ помѣстьѣ Горкахъ, на берегу Оки, близъ сельца Тресвятскаго Торжка, гдѣ нынѣ одна изъ станцій московско-рязанской желѣзной дороги; когда ужъ онъ и ходить не могъ вслѣдствіе подагры, отъ которой у него вываливались разлагавшіяся въ известь кости, вдругъ со стороны крестьянъ села Дѣднава возникло дѣло о правѣ владѣнія лугами и, наконецъ, доносъ.

Началось слѣдствіе и длилось много лѣтъ; но конца слѣдствія Левъ Дмитріевичъ уже не дождался. Онъ умеръ и похороненъ въ селѣ Дѣдновѣ за алтаремъ собора. Надъ прахомъ его воздвигнутъ великолѣпный памятникъ изъ карарскаго мрамора, дѣланный въ Италіи.

Три трехлѣтія Левъ Дмитріевичъ былъ избираемъ дворянствомъ Рязанской губерніи въ предводители и въ этомъ званіи Левъ Дмитріевичъ Измайловъ постоянно дѣйствовалъ въ пользу своего сословія; но эта забота въ сущности происходила болѣе изъ тщеславнаго побужденія стоять въ постоянной оппозиціи къ административнымъ властямъ и судебнымъ преслѣдованіямъ, безъ всякаго уваженія къ правдѣ и справедливости. Оппозиція эта, опираясь на богатство и на связи, доходила до сумасбродства. Напримеръ: кто-то изъ губернаторовъ современныхъ предводительству Льва Дмитріевича Измайлова объявилъ циркулярно запрещеніе ѣздить по Рязани съ колокольчиками. Конечно, это была не выдумка губернатора, а въ-

решительно запрещеніе это послѣдовало свыше и распространилось, какъ на столицы, такъ и на всѣ губернскіе города. Льву Дмитріевичу распоряженіе это почему-то не понравилось. Широкая его натура не терпѣла никакихъ ограниченій; и вотъ онъ велѣлъ изготovitъ 20 или болѣе троекъ лихихъ лошадей въ телегахъ; подъ дугами подвязали по нѣсколько колокольцевъ съ бубенцами; на каждую телегу поставили по человѣку, кого съ чайникомъ, кого съ кофейникомъ, кого съ сахарницей, кого съ самоваромъ, блюдами, мисками и пр. и весь этотъ поѣздъ, гремящій и звенящій, три раза пролетѣлъ во всю скачку изъ конца до конца города мимо дома, занимаемаго начальникомъ губерніи.

Ссадить губернатора съ мѣста, что, кажется, ему не разъ удавалось, для него, по его собственнымъ словамъ, было ни почемъ. «Стоитъ мнѣ послать въ Петербургъ тысячъ 20, говаривалъ онъ, вотъ губернатора и долой!» Много слышалъ я рассказовъ про его самоуправство; но теперь я все позабылъ. Помню только разъ, когда я былъ маленькій, пріѣхали къ намъ гости и, какъ новость, говорили, что вотъ на дняхъ Левъ Дмитріевичъ высѣкъ одного дворянина, помѣщика, именно Гальянинова.

— Какъ, Гальянинова, криваго - то? спросилъ мой отецъ:— да вѣдь онъ дворянинъ?

— Какъ есть дворянинъ, продолжалъ рассказчикъ, — сосѣдъ, и порядочный. У него, кажется, работниковъ 12 на работу выходятъ...

— Да за что же, и какъ же это?

— Гальяниновъ былъ у него въ гостяхъ и что-то съ нимъ заспорилъ. Генераль разсердился, приказалъ подать розогъ и тутъ же въ гостинной въ своемъ присутствіи его высѣкъ.

Объ этомъ происшествіи тогда долго говорили, но какъ я помню, это выходящее изъ границъ самоуправство не

возбуждало въ слушателяхъ и разсуждавшихъ особеннаго негодованія. Генераль разсердился, стало быть виновать Гальяниновъ, что его высъкли: не спорь съ такимъ лицомъ! Куда ужъ мелкопомѣстному спорить!...

Въ 13-мъ году онъ командовалъ конною дивизіею рязанскаго ополченія. Сѣдла и вся сбруя были плохи, гдѣ было взять? Левъ Дмитріевичъ, не думая долго, построилъ всѣ сѣдла и съ приборами на цѣлую дивизію на свой счетъ. Въ Лейпцигѣ ему вздумалось войти въ одинъ галантерейный, довольно богатый магазинъ; «что стоитъ весь магазинъ? спросилъ онъ и, получа отвѣтъ, не выходя изъ магазина, заплатилъ деньги и велѣлъ всѣ товары, наполнявшіе магазинъ, накладывать на воза.

Все это я слышалъ въ малолѣтствѣ. Преувеличено ли все это—не знаю, но, какъ говорили и какъ я слышалъ, такъ и передаю. Но обратимся къ милиціи 7-го года. Можетъ быть, читателямъ любопытно будетъ знать, какіе мундиры носили офицеры милиціи, то я могу удовлетворить ихъ любопытство. Вотъ Высочайше утвержденное описаніе мундира для служащихъ въ милиціи.

Мундиръ, жилетъ и нижнее платье.

Мундиръ темно-зеленаго цвѣта по образцамъ, кои доставлены будутъ къ главнокомандующимъ областною милиціею.

Жилетъ бѣлый.

Нижнее платье темно-зеленое подъ цвѣтъ мундира:

Отличіе мундира по чинамъ.

Главнокомандующій областною милиціею имѣетъ два золотые эполета. Они могутъ носить и военные ихъ прежніе мундиры по произволу. Командующимъ губернскаю милиціею имѣтъ эполетъ на лѣвомъ плечѣ и погонъ на правомъ.

Командующимъ уѣздной милиціей имѣтъ два погона.

Тысячнымъ начальникамъ имѣть эполетъ на лѣвомъ плечѣ.

Пятисотеннымъ погонѣ на лѣвомъ плечѣ. Главнокомандующимъ и командующимъ какъ губернскаго, такъ и уѣздною милиціею носить шпаги и сабли по произволу.

Начальникамъ тысячнымъ и прочимъ ниже ихъ носить сабли.

На подлинномъ написано: графъ Кочубей.

По случаю введенія вышеописанной форменной одежды отъ начальниковъ губернскаго войска въ январѣ 1807 года послѣдовалъ ордеръ слѣдующаго содержанія:

«Господину Зарайскому уѣздному земскаго войска начальнику генераль-маіору Лосвену.

«Замѣчено мною, что нѣкоторые изъ служащихъ въ милиціи здѣшней губерніи чиновниковъ носятъ фраки, а какъ они уже воспользовались Высоко-Монаршею милостию носить имъ мундиры, то рекомендую Вашему Превосходительству въ командѣ вашей состоящимъ подтвердить, дабы никто не отваживался одѣваться иначе, какъ въ мундирѣ, въ противномъ случаѣ подвергнуть себя взысканіямъ.

Подлинный подписалъ генераль-маіоръ Измайловъ.

Въ хламѣ писемъ, относящихся къ описываемому здѣсь времени, я нашелъ одно письмо отъ тетюшки Анны Павловны изъ Москвы, въ которомъ она описывала о прибытіи въ Москву Императора Александра Павловича.

Вотъ оно:

Милый и любезный мой братецъ, Василій Павловичъ, и любезная сестрица, Александра Петровна! Мысленно Васъ и ручки Ваши цѣлую. Благодарю Васъ за писанье и желаю Вамъ быть здоровыми и спокойными. Вы пишете, братецъ, чтобъ я Вамъ описала о пребываніи Государевомъ. Только Вамъ скажу, что никогда такъ не были утѣшены, какъ нынѣшнимъ пріѣздомъ. Вся Москва такъ

утѣшена была, Государь такъ былъ веселъ и милостивъ, какъ нельзя больше. Веселья не манкировалъ, но и во всѣхъ мѣстахъ успѣлъ быть, гдѣ должно ему видѣть. Кого чѣмъ жаловалъ, увидите въ газетахъ. Въ собраніи Государь былъ и въ купеческомъ маскарадѣ, гдѣ были одѣты 40 маленькихъ дѣвочекъ въ бѣлыхъ платьяхъ съ гирляндами и у каждой корзинка съ живыми цвѣтами, и какъ Государь входилъ, то бросали ему въ ноги цвѣты.

Государь говорилъ: «жарко мнѣ, какъ въ банѣ, но пріятно какъ въ раю!» Балъ былъ еще во дворцѣ, а послѣдній день маскарадъ; то уже тутъ такая была давка, что и теперь больныхъ много. Во время маскарада Государь уѣхалъ одинъ, а Великая Княгиня оставалась. Сутки пробыла, въ ночь уѣхала.

Всякое утро Государь ѣздилъ съ Великою Княгиною въ маленькихъ саняхъ, и на ней (была надѣта) бархатная мужская шуба, а на головѣ пунсовая шапочка или желтая бархатная шляпа, обшитая соболями. Все Вамъ написала, пожалуйста не смѣйтесь надо мною, что все такъ подробно. Для того такъ пишу, чтобы занять милую мою Сашиньку. Не прогнѣвайтесь, что такъ называю: право отъ любви, но не все еще кончила.

Теперь скажу, какъ я Государя смотрѣла. Изъ сада на крыльцѣ * нельзя лучше и ближе (видѣть) когда Государь кушаетъ, столъ ставили посреди комнаты, но ближе къ окошкамъ, если помните тутъ стеклянная дверь, такъ противъ двери Государь и садился, а какъ откушаетъ, то къ самой двери подойдетъ показать себя. Я два раза ходила; но для меня такъ было пріятно это время. Теперь такъ скучно послѣ Государя, точно сочельникъ. Когда выѣздъ былъ Государевъ; то Николай Ива-

* Въ бывшемъ слободскомъ дворцѣ, стоявшемъ на мѣстѣ нынѣшняго Техническаго училища, что очень недалеко отъ дома.

новичъ занималъ домъ; но въ народѣ только головка была видна. Николай Ивановичъ ѣдетъ въ Петербургъ опредѣляется къ дѣлу.

Всели моя матушка? велите мнѣ перестать? Не могу: рука заломила, но и еще ко многимъ писать. Простите мнѣ, милые и любезные, не забудьте болтуню вашу, искренно много любящую Васъ.

Анна Селиванова.

Въ письмѣ этомъ упоминается объ Николаѣ Ивановичѣ. Это Николай Ивановичъ Коробинъ, двоюродный братъ батюшки, сынъ Елизаветы Николаевны, урожденной Нестеровой.

Николай Ивановичъ получилъ хорошее воспитаніе, былъ очень красивъ собою, высокъ, строенъ и служилъ въ гвардіи. Онъ былъ очень гордъ, тщеславенъ, и въ описываемое мною время женился на дѣвицѣ Сусаннѣ Фотьевнѣ Митьковой.

Въ первый день, или лучше сказать еще стоя подъ вѣнцомъ, имъ овладѣла безумная ревность, которая конечно скоро свела въ могилу несчастную женщину. Когда они ѣхали отъ вѣнца, онъ вдругъ, обратясь къ ней, спросилъ ее, знаетъ ли за кого она вышла.

— Я разбойникъ! и въ доказательство вынимаетъ изъ кармана пару заряженныхъ пистолетовъ и выстрѣливаетъ въ окна. Разумѣется отъ ужаса она въ обморокъ, и въ этомъ состояніи пріѣхала въ домъ. Такое начало не обѣщало ничего хорошаго; но это только было начало страданій. Она ни дома, ни въ гостяхъ не ходила иначе, какъ въ чепцѣ, почти нахлобученномъ на лице, съ широкою оборкою спереди, чтобы никто не могъ видѣть ея глаза. Онъ ревновалъ ее не только къ самымъ близкимъ роднымъ, но даже къ лакеямъ, прислуживавшимъ за столомъ.

Въ кругу родныхъ, въ обществѣ гостей, если ему ка-

залось, что она взглянула на когонибудь изъ мужчинъ, онъ подходилъ къ ней, какъ будто съ ласкою и цѣловалъ ее, а въ это время незамѣтно для другихъ щипалъ ее безчеловѣчнымъ образомъ. На тѣлѣ ея не было живаго мѣста: все было покрыто синяками. Разъ, это было въ первый мѣсяцъ послѣ свадьбы, молодые пріѣхали въ Любаво: по обыкновенію сдѣлать родственныи визитъ. Для ночлеговъ батюшка уступилъ имъ свою спальню, а самъ съ матушкою переехалъ въ кабинетъ. Когда только что разошлись послѣ ужина, батюшка пошелъ къ молодымъ удостовѣриться, покойно ли будетъ, все ли тамъ хорошо, и чтожь? когда онъ началъ отворять дверь, онъ нашелъ, что Николай Ивановичъ уже успѣлъ нагромоздить къ дверямъ столы, стулья, ящики, сундуки, однимъ словомъ все, что онъ могъ только найти подъ руками, чтобъ нельзя было войти. Батюшку это очень озадачило и онъ сказалъ:

«Прошу у меня въ спальнѣ дверей не загораживать. Надъ моей кроватью ангелы летаютъ. Спите себѣ покойно, а городить я не позволю!»

На другой день, молодые супруги пришли благодарить батюшку за ночлегъ. «Первую еще ночь послѣ замужества, говорила Сусанна Фотьевна батюшкѣ, я спала покойно... Да, видимо это, что ангелы охраняютъ вашу спальню!»

Впрочемъ, недолго она страдала. Черезъ 6 или 7 мѣсяцевъ, выкинувши мертваго младенца, скончалась. Николай Ивановичъ долго смотрѣлъ въ лицо своего недоноска и самодовольно промолвилъ: «Весъ въ меня!»

Ревность и неограниченное самолюбіе помрачили въ немъ разумъ. Родовое состояніе, что у него было, онъ прожилъ. Не разъ, живя въ Петербургѣ, когда батюшка пріѣзжалъ туда по дѣламъ, онъ занималъ у него по 50 или 100 руб., которые за него уплачивали бабушки Не-

стеровы; и наконецъ, онъ, окончательно прожившись, переселился на жительство къ нимъ въ село Мишинское, Рязанскаго уѣзда, гдѣ и скончался.

Въ послѣдніе годы его жизни съ старушками - тетками, онъ впалъ въ религіозный мистицизмъ, но въ наружномъ обращеніи съ посторонними держалъ себя гордо, такъ что по манерамъ его можно было принять не за прожившаго дворянина, а за богача-аристократа.

Проходили дни, мѣсяцы, годы и наступилъ 1812 годъ. Батюшка въ это время былъ уѣзднымъ предводителемъ, когда французы заняли Москву. Паническій страхъ охватилъ всѣхъ жителей Зарайскаго уѣзда. Большинство дворянъ - помѣщиковъ покидали свои имѣнія; кто только имѣлъ возможность съ болѣе цѣнными вещами, имуществомъ, ѣхали въ другія губерніи и уѣзды, болѣе отдаленные отъ театра войны.

Имущество, которое по громадности нельзя было везти съ собою, зарывали въ землю. Такая мѣра была принята и въ Любавѣ. Вырыли въ саду большую яму, сложили туда всю мебель и весь домашній скарбъ, заложили досками, насыпали землю и подѣлали изъ нея грядки. Матушка съ маленькими дѣтьми, бабушка Марья Николаевна и тетушка Варвара Павловна уѣхали къ бабушкамъ Немовымъ Рязанскаго уѣзда въ село Алешню.

Туда же за ними, также зарывъ въ землю свое имущество въ Авдѣевѣ, послѣдовалъ съ семействомъ и дядя Николай Павловичъ.

По пути встрѣчая безпрестанно вереницы тянущихся экипажей бѣжавшихъ изъ Москвы и ея окрестностей, семейства дворянъ, народъ и проходящія военныя команды осыпали ихъ ругательствами и насмѣшками.

«Вотъ бы славная-то красotka была для постели Бонапартію», говорили съ хохотомъ солдаты, указывая на

маменьку и сопровождая эти слова солдатскими прибаутками.

Кучера и лакеи думали ихъ остановить: началась брань. «Ради Бога молчите, ради Бога молчите, говорила въ ужасѣ своимъ людямъ матушка. Не бранитесь съ ними, не трогайте ихъ».

Оставшіеся въ Любавѣ дворовые долго входили по вечерамъ на балконъ мезонина нашего дома смотрѣть на зарево, разливавшееся по сѣверо-западу отъ пылавшей Москвы. Плодовъ въ саду ту осень родилось множество, земля была усыпана сливами; ихъ ѣлъ и топталъ кто хотѣлъ.

Батюшка оставался въ Зарайскѣ. По его совѣту Зарайское купечество учредило свою почту; ею поддерживалось постоянное сообщеніе съ Коломною, Каширою и даже съ Тарутинскимъ лагеремъ. Каляска, запряженная четвернею, день и ночь стояла готовою на дворѣ батюшкиной квартиры, чтобъ имѣть возможность уѣхать при первой опасности... Купцы складывали свои товары на вова, и уже съ воевъ производили торговлю. Паника была общая... Но причину ея были, вѣроятно, преувеличенные слухи, распространяемые бѣжавшимъ изъ Москвы народомъ и множествомъ провозимыхъ раненыхъ.

Нѣсколько тысячъ подводъ было согнано въ Зарайскѣ. Подводчики, не имѣя что ѣсть, разбѣгались.

Проѣзжіе въ армію и изъ арміи офицеры чинили буйства, требовали исправника. Гдѣ исправникъ? Давай сюда исправника! Не желая быть битымъ, исправникъ при пріѣздѣ такихъ гостей бывало прятался куда попало, такъ что и по отъѣздѣ ихъ долго еще его искали. Самоуправство, беззаконіе, страхъ господствовали вездѣ. Одинъ только батюшка старался поддерживать порядокъ. Одушевлялъ и успокоивалъ другихъ, насколько могъ. Не и примѣръ батюшки не дѣйствовалъ на его уѣздныхъ со-

служивцевъ: два засѣдателя внезапно бѣжали. Судъ закрылся.

Въ 12 году губернскимъ предводителемъ рязанскаго дворянства былъ Михаилъ Никифоровичъ Лихаревъ. Не могу положительно утверждать, былъ ли онъ дѣйствительно губернскимъ предводителемъ, или исправляя только должность, только когда вѣсть о готовности пожертвованій, выраженной московскимъ дворянствомъ предъ Государемъ Александромъ Павловичемъ и Его Всемилостивѣйшей признательности дошла до Рязани, всѣ уѣздные предводители подъ предсѣдательствомъ Михайла Никифоровича поѣхали въ Москву, и не испросивъ предварительнаго разрѣшенія, явились въ пріемный залъ Слободскаго дворца, гдѣ и стали ожидать выхода Императора. Жизнь и все имущество отъ имени всего дворянства Рязанской губерніи хотѣли они повергнуть къ его стопамъ... Но вышло не такъ.

Вмѣсто Государя, вышелъ къ нимъ генераль-адыютантъ Балашовъ, и узнавъ зачѣмъ они пріѣхали, напустился на нихъ чуть не съ бранью. «Какъ могли вы, вскричалъ онъ, въ такое время, какъ теперь, не испросивъ разрѣшенія, оставить ваши посты? Кто вамъ это позволилъ? У кого вы спрашивались?... Сейчасъ поѣзжайте назадъ, пока Государь еще не знаетъ».

Губернскій предводитель не нашелъ, что сказать; другіе были стали просить настоятельно Балашова доложить о нихъ Государю, что они несутъ на алтарь отечества все, что имѣютъ. Одинъ—не помню его фамиліи—разгорячился до того, что кричалъ: «Вери, Государь, всѣхъ: и Дуньку, и Лущку, и Марфушку... всѣхъ отдаю!...»

Но все это не помогло. Балашовъ ихъ выпроводилъ съ угрозой, что ихъ отдадутъ подъ судъ, если узнаетъ Государь, и они въ тотъ же день гнали изъ Москвы по всѣмъ тремъ безъ оглядки въ свои уѣзды.

Но возвратимся къ болѣе намъ близкимъ лицамъ моего разсказа.

Тетушка Анна Павловна, съ семействомъ московскихъ Нестеровыхъ, бѣжала изъ Москвы въ село Починки, не то Тамбовской, не то Пензенской губерніи.

Гаврила Малафѣевичъ, извѣстный уже читателю, будучи въ Москвѣ во время пребыванія тамъ Государя, разсказывалъ, что Государь, приложившись къ Иверской и вышедъ изъ часовни, обратился къ народу съ такими рѣчами: «Помогите православные! Ужъ я съ горя изсохъ, какъ лутошка»!..

Будучи въ разлукѣ съ матушкою, отецъ мой постоянно писалъ обо всемъ, что происходило въ окружавшей его средѣ, и все, что доходило до его слуха.

Писемъ этихъ, вѣроятно, было много, но къ несчастію не много ихъ уцѣлѣло. Они такъ просты и безыскусственны, что, читая ихъ, самъ какъ будто переносишься подъ вліяніе тѣхъ событій и впечатлѣній, которыя вдругъ неожиданно, негаданно въ 1812 г. Богъ знаетъ для чего и почему встревожили умы и смутили покой богоспасаемаго населенія и градовъ и всего нашего отечества.

Вотъ они:

Милый и любезный другъ, Сашенька! Здравствуй! Я здоровъ и молю Бога о твоёмъ. Цѣлую тебя заочно.

Что тебѣ сказать, право не знаю: слуховъ много, но пріятнаго ничего. Я пріѣхавши изъ Авдѣева въ Зарайскъ, нашелъ московскаго коменданта Гессе. Онъ меня съ перваго раза узналъ. Отвелъ меня въ особую комнату, многое о чемъ говорилъ, а болѣе о Москвѣ, которой безъ слезъ вспомнить не можетъ.

Онъ ѣздитъ по городамъ, собираетъ дезертиръ и мародеровъ и отсылаетъ въ армію. Его конвоируетъ эскадронъ драгунъ и казаковъ, и два плацъ-адъютанта: Скарятинъ и Мозелевъ. Они у меня обѣдали, а послѣ обѣда

вскорѣ вмѣстѣ съ комендантомъ уѣхали въ Каширу. Онъ при отъѣздѣ своимъ насъ успокоилъ, получа черезъ курьера извѣстіе, что французы, не доходя Бронницъ, своротили на Серпуховскую дорогу, почему и наша армія двинулась за нимъ.

Главная квартира за Подольскомъ, въ селѣ Красномъ, и потому купцы наши съ понедѣльника и до сегодня снова производили свой торгъ покойно, а нынче я получилъ отъ нашего губернатора отношеніе, по которому приказываютъ суды закрыть и ополчиться поголовно.

Мы, не видя никакой повидимому опасности, крайне смсу удивились: стали въ пѣнь. Жители, узнавъ о семъ, снова начали укладываться, и уже многіе оставили городъ.

Здѣсь всякій день проходятъ войска: новое ополченіе въ Каширу, а иные обратно изъ Каширы. Туда и сюда везутъ провіантъ.

Другая страница этого письма оторвана.

Гессе, выведши батюшку въ особую комнату, увидаль стоявшее тамъ на столѣ въ углу большое блюдо, съ наваленнымъ на него грудю крупнымъ, отлично вызрѣвшимъ терніемъ, или, какъ называютъ, терносливомъ. Батюшка замѣтилъ, что Гессе, не понимая, что такое на блюдѣ, смотреть съ любопытствомъ, предложилъ ему откушать.

— Нѣтъ, отвѣчалъ морщась Гессе—черна, гадка.

— Откушайте, ваше превосходительство, говорилъ батюшка, желая похвастаться произведеніемъ своего сада, это хорошо!.. Но Гессе морщился и твердилъ: черна, гадка!.. Но наконецъ убѣжденный неотступными просьбами батюшки нехотя положилъ въ ротъ одну терносливну и съѣлъ, потомъ другую, третью...

— Пожалій сюда! пожалій сюда! вдругъ закричалъ онъ своимъ адъютантамъ, отворивъ двери—глядить, какой чуда: черна, гадка, а сладка!

Прощаясь съ Гессе, батюшка все блюдо съ терносливомъ отпустилъ съ нимъ на дорогу. Продолжаю далѣе батюшкину переписку.

«Я съ недѣлю назадъ слышалъ объ участи брата Дмитрія Ивановича *), но не смѣлъ къ вамъ писать. Здѣсь говорили что онъ убитъ, а теперь слышу отъ Васъ, что безъ вѣсти пропалъ. Я что-то худо этому вѣрю. Можетъ быть, что и со многими случилось, онъ, отставъ отъ своего полка, не попалъ ли на Владимірскую дорогу, гдѣ точно есть главный госпиталь: надо тамъ его поискать. Нашъ Афанасій Александровичъ и не больной, а окружилъ полъ Россіи, чтобы попасть въ Козловку, въ которой уже не засталъ бабушки; онъ поѣхалъ въ Починки, откуда какъ слышно, смотря по обстоятельствамъ, хочетъ ѣхать къ Матвѣю Александровичу.

Я на дняхъ получилъ отъ сестрицы Анны Павловны письмо, въ которомъ она, какъ къ смерти приговоренная, прощается со мною на вѣчно. Проситъ прощенія, если въ чемъ виновата, а между тѣмъ проситъ не оставить своимъ надзоромъ и Козловку, гдѣ все ихъ имущество зарыто въ землѣ—даже и перины. Я къ тебѣ писалъ, чтобы отпустить мужиковъ, то приостановись до времени. Можетъ быть и сами скоро воротитесь.

Прости, любезный другъ, цѣлую тебя заочно и дѣтей благословляю. Тетушкамъ скажи мое почтеніе. Я ихъ отъ души благодарю за ихъ благорасположеніе. Будь здорова, не грусти. Остаюсь на всегда вѣрный тебѣ мужъ Basil.

Тутъ опять другая страница оторвана.

Выбранные мной засѣдатели, Егоръ Семеновичъ и Павелъ Петровичъ отъ страху Богъ знаетъ куда скрылись, нигдѣ ихъ не отыщутъ. Судья отнесся къ губернатору

*) Коробьина, роднаго брата Николая Ивановича.

и имъ будетъ не хорошо. На сихъ дняхъ нашъ начальникъ ополченія, Л. Д. Измайловъ, показалъ мнѣ свое особое покровительство. Не знаю отъ кого-то дошелъ до него слухъ, что будто бы у меня въ Любавѣ мародеры дѣлають большія безпокойства, почему онъ, отрядя чиновника съ конвоемъ, прислалъ для усмиренія оныхъ. Люди мои, видя пріѣхавшихъ казаковъ, сочли ихъ за настоящихъ, крайне встревожились и всѣ попрятались, но узнавъ, что они присланы отъ Л. Д. Измайлова, вышли изъ своихъ норъ и благодарили чиновника, объявля ему, что они никакихъ безпокойствъ не имѣють, да и мардеровъ во все время не видали.

Сентября 19, среда.

Я послѣ вчерашней бани спалъ спокойно, и теперь жду къ себѣ протоколиста, съ которымъ отправляюсь въ Рязань. Меня крайне ѣзда сія безпокоитъ: не знаю, гдѣ остановиться. Николая Левонтича домъ занятъ подъ постоемъ: стоитъ въ немъ генеральша Дихтурова, а постоялыя двory дороги.

Въ послѣднюю мою поѣздку я ночевалъ ночь въ лачужкѣ и то заплатилъ 2 рубля, а всего съ расходомъ вышло до 8 руб. Прости, другъ мой, будь покойна, береги свое здоровье для дѣтей и для вѣрнаго твоего друга.

В.

20, четвергъ.

Вчера въ полдни я пустился въ назначенный свой путь въ Рязань. Доѣхавъ до Ильинска, былъ встрѣченъ козловскимъ старостою, который Богомъ и Христомъ просилъ меня заѣхать къ нимъ въ село по причинѣ, что у нихъ остановилась команда солдатъ изъ 300 человекъ. и дѣлаеть неустройства; почему я и принужденъ былъ согласиться на его просьбу заѣхать въ Козловку. гдѣ для спокойствія ихъ ночевалъ. По пріѣздѣ моемъ туда узналъ я,

что эта партія набрана изъ мародеровъ и выздоровѣвшихъ отъ ранъ солдатъ, отправляемыхъ въ армію, почему я за нужное почелъ объявить маіору, чтобы онъ безослабно смотрѣлъ за своею командою и не давалъ бы вольничать. Узнавши солдаты о моемъ приѣздѣ, остановились въ своихъ требованіяхъ и жители успокоились. Старосту я осводилъ отъ постоя, потому что я самъ занялъ его избу. Вчера поймали мужика и солдата на гумнѣ, таскавшихъ снопами изъ одонья овесъ, и привели обоихъ ко мнѣ. Обще съ маіоромъ сдѣлали приговоръ солдата отдали подъ караулъ, а мужика я велѣлъ наказать и отправить въ Ильинское, ибо онъ былъ оттуда. По выходѣ моемъ отъ маіора, солдатъ, остановя меня, просилъ меня о помилованіи его, объясняя, что онъ служилъ у меня въ ротѣ въ баталіонѣ Сухотина и узналъ меня по голосу. Сжался надъ нимъ, я просилъ маіора, чтобы онъ его простилъ, и онъ охотно снизшелъ на мою просьбу. Поутру, проводивши ихъ изъ села, я далъ имъ квитанцію, а самъ отправился въ Рязань, куда прибылъ въ 12 часовъ. Когда я явился въ дворянское собраніе, первымъ встрѣтившимся былъ Суздальцевъ, который доставилъ мнѣ два твои письма, за что я его два раза поцѣловалъ. Впрочемъ, онъ ничего объ Васѣ не могъ мнѣ сказать, ибо онъ кромѣ брата Николая никого изъ Васѣ не видалъ. Письма твои меня много утѣшили, узнавъ изъ нихъ, что Вы въ своемъ ковчегѣ живете спокойно. Дай Богъ здоровья тетушкамъ за ихъ доброе расположеніе, съ своей стороны и я при раскладкѣ ихъ навѣрно не забуду и не дамъ Суздальцеву воли. Къ намъ въ Зарайскъ вчерашній день вступило 12,000 войска Лобанова-Ростовскаго, гдѣ—какъ слышно, пробудеть дней 10, а потомъ отправляются чрезъ Каширу къ арміи, а другіе говорятъ, что въ Рязань. Первое сбыточіѣе послѣдняго.

Братъ пишетъ, что онъ слышалъ отъ Суздальцева,—

что Москва выжжена,—это справедливо, и что наши войска соединились, то это пустое. Генераль Витгенштейнъ стоитъ на переднимъ мѣстѣ въ Полоцкѣ; ему нельзя отойти, ибо онъ пересѣкаетъ путь французамъ возвратиться; также перехватываетъ ихъ курьеровъ; Тормасовъ стоитъ въ Луцкѣ и Гродно, Виленской губерніи. Это достовѣрно. Я лично видѣлся съ курьеромъ, посланнымъ отъ него въ С.-Петербургъ. Онъ мнѣ сказывалъ, что къ нему присоединился Чичаговъ, Эртель и Запольской, также часть и турецкихъ войскъ. Они сдерживаютъ стремленія австрійскихъ войскъ, и потому имъ тотъ край оставить никакъ нельзя. Что-жъ касается до казаковъ, чтобы ихъ бить дубьемъ, это негодится, и не вѣрьте офицеру, который Вамъ сказалъ. Лучшій способъ ихъ брать и отсылать въ городъ, откудова приказаніе есть отправлять ихъ въ Рязань, а изъ Рязани въ армію, гдѣ ихъ уже не сотня разстрѣляна. Сейчасъ сказывалъ мнѣ Демидовъ, что онъ слышалъ отъ Измайлова, что наши перехватили французскаго курьера, посланнаго изъ Москвы съ увѣдомленіемъ о вшествіи въ оную, также и транспортъ, шедшій съ порохомъ, нашими отбить... Опять далѣе оторвано.

Любезный и милый другъ, Сапинька! Я, мой другъ, по возвращеніи изъ Рязани пробылъ въ Любавѣ по маленькому нездоровію дня два; но выпарившись въ банѣ комфарнымъ веничкомъ, снова на выписку пошелъ. Успѣлъ скотную избу сломать и новую поставить, а безъ себя велѣлъ и другую поставить. Я бы до сыта наработался, да людей нѣтъ. Устроивши все, сегодня, т. е. 27 числа, переѣхалъ на житье въ Зарайскъ, гдѣ и займусь раскладкою.

Не худо-бы; если бы тетушка заблаговременно похлопатала о себѣ, ибо и ихъ предводитель въ Рязскѣ будетъ самъ заниматься. Я правда просилъ Ермія, да что-то на него не надѣюсь, а предводитель человекъ честный. У меня по Зарайску назначено 32 погонщика и 34 ло-

шадн. Сухарей и овса по 51 четверти и 4 четверика, крупъ 4 четверти и 6 четвериковъ, а у васъ по Ряжску всего меньше, то можетъ быть Вы ото всего можете быть избавлены.

За часъ до моего прѣѣзда въ Зарайскъ проѣхалъ изъ арміи графъ Растопчинъ. Онъ ѣдетъ черезъ Ярославль въ Петербургъ по подорожной Тульского Губернатора. Онъ увѣрялъ здѣшнихъ жителей, чтобы они остались покойны и что навѣрное недѣли черезъ двѣ Москва будетъ совершенно очищена. За нимъ въ слѣдъ проѣхалъ курьеръ въ Ярославль же къ принцу. Я его видѣлъ и съ нимъ говорилъ; но худо его понималъ, ибо онъ окромѣ нѣмецкаго языка ни показовски не говоритъ, однако онъ мнѣ толковалъ и нарисовалъ планъ, какъ наши расположены, почему я могъ догадаться, что непріятель совершенно окруженъ.

Посылаю къ тебѣ отъ дѣтей *) и сестры Ф. П. письмо. Последнее доставь къ матушкѣ и увѣдомь ее обо всемъ обстоятельнѣе. Здѣсь слухи пронеслись, что въ Нижнемъ что-то нехорошо; да правду сказать вѣсть сія была отъ чернаго ворона Михаила Павловича **). Онъ скзывалъ мнѣ, что будто тамъ народъ бунтуетъ, да я этому очень худо вѣрю. Скажи брату Николаю, что его Дмитрій *** имѣетъ рѣдкое чутье. Я не успѣлъ взойти въ комнату, какъ онъ уже явился передо мною, я ему далъ совѣтъ: погребъ отъ мебели очистить и вмѣсто оной поставить кадушки съ капустою, и буде нѣтъ надобности въ молотбѣ хлѣба, то чтобы поправлялъ около дома гордобу. Здѣсь начали покупать хлѣбъ довольно. Цѣна пшеницы 16 руб., рожь 10 руб. и выше. Надо думать, что и дороже будетъ. Завтра наше купечество посылаетъ нарочнаго въ Серпуховъ и какое извѣстіе привезутъ я не

*) Отъ братьевъ Петра и Павла изъ Петербурга.

***) Дядя Михаилъ Павловичъ Селявановъ.

***) Дмитрій Степановъ, бывшій прикащикомъ въ Авдѣевѣ.

премину Вамъ дать знать. Прости, другъ мой, дѣлюю тебя отъ души. Дѣтямъ посылаю мое благословеніе. Тетушкамъ скажи мое почтеніе, также и брату съ сестрами; а писать право особо нечего. Еще разъ прости, будь покойна, береги свое здоровье. Остаюсь, на всегда вѣрный твой

Vasil.

27 дня 1812 года.
Зарайскъ.

Сейчасъ вступили въ Зарайскъ два баталіона Смоленскаго ополченія съ ружьями и пиками. Они водили плѣнныхъ и возвращаются къ арміи.

Понедѣльникъ.

Здравствуй, любезная супруга, милый другъ, Сашенька!

Последнее твое письмо, гдѣ ты описываешь чувствительность и доброе расположеніе нашего милаго Николиньки къ бѣднымъ, меня столько восхитило, что я, признаюсь, немножко и поплакалъ. Я увѣренъ, что ты за слабость мою не прогнѣваешься, ибо это были слезы радости, а не печали. Примѣры доброй матери большія имѣютъ вліянія на дѣтей. Я увѣренъ, что Миша и Ильюша подъ твоимъ материнскимъ надзоромъ, будутъ имѣть тѣ же чувства и тѣ же правила. Скажи Николинькѣ, что я при первомъ съ нимъ свиданіи не забуду вознаграждать его за столь похвальный поступокъ. О себѣ скажу: я здоровъ; объѣхавши часть уѣзда, третій день отдыхаю въ Любавѣ. Вчерась я навѣстилъ Катерину Андреевну *). Она изъ Тамбова возвратилась, какъ сказываютъ, по вызову княженъ, и крайне огорчилась, что по приѣздѣ ихъ уже въ Ильицинѣ не нашла и не знаетъ, гдѣ они теперь находятся. У ней живетъ изъ Москвы ея части частный приставъ съ женою и съ дѣтьми, которымъ она душевно рада, ибо здѣсь не скѣмъ дѣлать время. Всѣ здѣшнія ея

*) Новосильцеву.

пріятельницы и сосѣди разѣхались. Сказывала она мнѣ непріятныя вѣсти на счетъ дома бабушки Александры Афанасьевны, который совершенно разоренъ и ограбленъ. Въ кладовой найдено множество сундуковъ съ разнымъ имуществомъ и серебряною посудю: все вытаскали, сверхъ того и 30 лошадей. Богъ знаетъ, о чемъ Афанасій Александровичъ думалъ. Неужто онъ полагалъ, что люди, имъ оставленные, защитятъ его домъ отъ грабительства—ничего не вывезетъ? Я душевно болѣю о ихъ участи, а особенно жаль старушку, которая безъ сумнѣнія симъ извѣстіемъ много огорчится. Ихъ роденька, Акулина Павловна съ зятемъ своимъ, передались къ французамъ. При вступленіи ихъ въ Польшу зятекъ ея представилъ Бонопарту цѣлый полкъ, за что и былъ сдѣланъ комендантомъ въ Могилевъ, а Акулина попалась видно въ наши руки—сидитъ въ Орловской губерніи въ тюрьмѣ. По дѣламъ вору и мука. Она уже не въ первый разъ. Въ прошедшую войну она была избличена въ доставленіи непріятелю нѣсколько бочекъ пороху, да какъ-то вывернулась; а нынче видно попалась въ вершю. Вотъ, милый другъ, все, что могу для нынѣшняго дня тебѣ сказать. Прощай, ангелъ мой, поцѣлуй за меня дѣтей, тетушкамъ, брату и сестрамъ скажи мое почтеніе. Завтра, по приѣздѣ въ Зарайскъ, еще что нибудь напишу. Еще цѣлую. Вѣрный твой мужъ

В. С.

Во вторникъ.

Цѣлую тебя и благодарю за присланное лекарство для моей души, т. е. за письмо, которое я получилъ. Радуюсь душевно, слыша о твоемъ здоровьи, да поможетъ тебѣ Богъ соблудности оное и съ спокойствіемъ твоей души, ты не думай такъ много, милый другъ, и не безпокойся о моей участи. Я здоровъ. Есть немножко, что грущу; но этому причина наша разлука.

Чрезъ здѣшній городъ провели вчерась, которыхъ я однакожь не видалъ, до 700 человекъ плѣнныхъ французовъ, взятыхъ, какъ сказываютъ, въ разныхъ маленькихъ сраженіяхъ. Слухи здѣсь есть и сказывалъ мнѣ городничій, что въ субботу было сраженіе, на которомъ непріятель потерялъ до 5000 убитыми и взятыми въ плѣнъ; сверхъ того отбитъ у него большой обозъ и паркъ его артиллеріи. Впрочемъ, новостей здѣсь никакихъ нѣтъ. Перемиріе, которое было положено на 12 дней, уже кончилось и опять начались спибки. Главная наша квартира на томъ же мѣстѣ. Непріятель, какъ говорятъ, отступилъ къ Москвѣ. Сегодня я обѣдалъ у Грабовскаго. Онъ на время пріѣхалъ изъ Рязани; игралъ въ бостонъ и къ счастью на первый случай ничего не проигралъ. Ко мнѣ пріѣхалъ гость, котораго я и въ умѣ не полагалъ видѣть, а именно Павелъ Ивановичъ Новиковъ. Я его удержу на нѣсколько дней у себя, чтобы онъ вмѣстѣ отправился въ армию съ Димитріемъ Ивановичемъ, который также намѣренъ скоро ѣхать.

10 Октября, четвергъ.

Сегодня мы получили пріятное извѣстіе отъ курьера, посланнаго въ Рязань, и есть уже, какъ сказываютъ, печатныя афиши въ нашемъ ополченіи, о которомъ поспѣшаю тебя, мой другъ, увѣдомить. Въ воскресенье послѣ 12-ти дневнаго перемирія между деревнями Тарутино и Вороновой было жаркое сраженіе подъ командою Бениксена, гдѣ мы одержали побѣду надъ 50-ти тысячами, разбили ихъ совершенно и взяли въ плѣнъ 48-мъ пушекъ и большой обозъ, шедшій изъ Москвы съ серебромъ и съ прочимъ багажемъ; также отбито много экипажей, какъ-то: каретъ, колясокъ и дрожекъ. Въ ономъ сраженіи больше отличались казаки, за что многіе изъ нихъ награждены Георгіевскими крестами серебряными. Во вторникъ было другое, при кото-

ромъ отбито у непріятеля еще 12 пушекъ. Къ общему сожалѣнію у насъ убитъ Генераль-Лейтенантъ Боговуть. Непріятеля преслѣдовали верстъ за 20-ть и больше, однимъ словомъ прогнали его за красную Пахру.

Вотъ извѣстіе, которое, кажется, справедливо. Теперь надо думать, что наша главная квартира подвинулась ближе къ Москвѣ. Сверхъ того есть еще слухи, что Свѣтлѣйшій переслалъ въ Муромъ къ преосвященному Августину 10 пудовъ серебра изъ Церковной утвари, какъ-то: въ сосудахъ, окладахъ и тому подобное, что также вѣрно.

Вотъ, любезный братецъ, теперь, кажется, я могу Васъ ордеровать возвратиться восвоиса; также и тебя, любезная супруга, жду съ нетерпѣніемъ видѣть и прижать въ свои объятія. Я увѣренъ, что Вы, поблагодаря хозяевъ за ихъ ласку и гостепрѣимство, не замедлите выѣхать. Конечно, утвердительно сказать не могу, чтобы мы совершенно были правы: онъ, проклятый, еще въ Москвѣ, и потому не можетъ быть совершеннаго спокойствія; но чтожь дѣлать? Сколько же томиться намъ въ разлукѣ! Буде Вы разсудите и найдете за лучшее, то Вы можете, кой что у Васъ есть получше оставить у тетушекъ въ домѣ. Онъ вѣрно не почтутъ за тягость сохранить до совершеннаго спокойствія въ цѣлости. Я бы и самъ за Вами прѣхалъ, да невозможно отлучиться.... дѣла замучили.

Новиковъ еще у меня и пробудетъ еще дня два. Я ему душевно радъ. Мы съ нимъ проводимъ время, сидя у столика въ пріятныхъ разговорахъ. Онъ мнѣ разсказывалъ о своихъ походахъ подъ Смоленскомъ и подъ Можайскомъ; Богъ помиловалъ, онъ не раненъ, а баталіонъ его почти весь побитъ: осталось не больше 50 человекъ».

«Въ 5 часовъ. Четвергъ же.

Сейчасъ вошли въ городъ слѣдующіе изъ арміи въ Арзамасъ для сформированія полка новобранные рекруты. Офицеръ, при ихъ находящійся, сказывалъ мнѣ, что Бо-

напартъ просить мира и согласенъ на всѣ требованія нашего Государя, лишь бы приказалъ снабжать его провіантомъ. Посланный отъ свѣтлѣйшаго къ Императору съ сѣмъ донесеніемъ уже возвратился. Государь на такія его предложенія не согласился и приказалъ свѣтлѣйшему, чтобы онъ ни на какія его лести не полагался, а дѣйствовать бы всѣми силами для искорененія его.

Простите, милые друзья, будьте покойны: Богъ, нашъ покровитель. Я Вамъ желаю всѣмъ наилучшихъ благъ и добраго здравія. Остаюсь на всегда вѣрный мужъ, добрый братъ, покорный племянникъ и чадолюбивый отецъ и дядя

Василій Селивановъ.

Р. С. Павелъ Ивановичъ пошелъ рекогносцировать не поймаетъ ли какую плѣнницу себѣ. Онъ армейскій, привыкъ уже рекогносцировать.

Октября 10 дня 1812 г.
Зарайскъ.

Когда французы оставили Москву, всѣ, покидавшія свои родныя попелища, помѣщики стали мало по малу опять возвращаться къ нимъ и жизнь потекла обычнымъ порядкомъ. Но эпоха этого страшнаго нашествія долго еще жила въ памяти народной и долго еще служила предметомъ разговора въ темные зимніе вечера у горящаго камелька, или подъ шумокъ шипячаго самовара, и въ семейномъ кругу и въ кругу съѣхавшихся на какойнибудь семейный праздникъ сосѣдей.

Вліяніе славныхъ событій рѣзко отразилось на нашей общественной жизни. Если принято исторіею относить вѣшнія проявленія жизни народа, т. е. его обычаи, нравы, степень самосознанія и проч., къ столѣтіямъ, то XIX столѣтіе для Россіи рѣзко обозначалось 1812 годомъ. До 12 года продолжалась жизнь XVIII вѣка, но въ 12 году совершился переломъ въ общественной жизни, дав-

пшій русскому обществу тотъ видъ и порядокъ, въ какомъ оно почти можно сказать остается неизмѣннымъ до 1855 года.

Всѣ наши родные, и ближние, и дальние, и старые, и молодые, и всѣ почти сосѣди и знакомые нашего семейства—всѣ перешли этотъ рубежъ отъ стараго порядка къ новому. Одна только осталась за нимъ и не перешла: это—моя матушка.

Какъ уже извѣстно читателямъ, она скончалась 7 Марта 1813 года. Многіе помѣщики—сосѣди разумѣется, не очень богатые, но и не мелкопомѣстные, въ строгомъ смыслѣ слова, до 12 года жили еще обычаями почти не рознящимися отъ обычаевъ ихъ крестьянъ.

Къ храмовому празднику, или къ именинамъ своимъ или своихъ супругъ, они покупали по нѣскольку ведеръ хлѣбнаго вина, и дня 2 или 3 шель кутежъ. Забава гостямъ были пѣсни и пляски крестьянскихъ бабъ. Грубыя скоморошества полушьяной дворни и гости, пресыщенные жирными явствами и нагруженные винными парами, тутъ же склоняли свои отяжелѣвшія головы на разостланную въ обиліи по комнатамъ солому и засыпали сномъ крѣпкимъ, до новой попойки. На моей памяти этого уже не было. Исключительнымъ занятіемъ дворянъ-помѣщиковъ, за немногими исключеніями, была псовая охота. При каждомъ господскомъ домѣ, какъ было это и у насъ, бродили по двору борзья и гончія собаки; а въ переднихъ на стѣнѣ постоянно вывѣшивались лисьи и волчьи шкуры, какъ трофеи охотничьихъ побѣдъ.

Доѣзжачіе, приобрѣвшіе извѣстность во всемъ округѣ искусствомъ порскать и охотники въ неизмѣнныхъ своихъ казакинахъ, первые бросались въ глаза при вѣздѣ на дворъ или при входѣ въ домъ, и далеко по окрестности разносился въ вечернемъ воздухѣ звукъ охотничьяго рога, призывавшій собакъ къ корыту съ овсянкой.—Ба-

тютюшка тоже держалъ охоту. У него было положенное число собакъ: 6 гончихъ, и 9 или 12 борзыхъ. Въ часы отдохновенія отъ домашнихъ и хозяйственныхъ заботъ онъ любилъ ѣздить съ своею небольшою стаею по ближайшимъ окрестнымъ лѣсамъ, и болѣе всего любилъ пороши. Когда, бывало, выпадалъ въ ночь первый пушистый снѣжокъ и бѣлоснѣжною пеленою покрывалъ землю, камердинеръ батюшкинъ Иванъ Николаевъ, лишь только начиналъ брезжиться свѣтъ, входилъ тихо въ его спальню на мезонинѣ и, подойдя къ изголовью кровати, слегка дергалъ, бывало, подушку подъ его головою. Батюшка просыпался и спрашивалъ! «что тамъ?» «Пороша, отвѣчалъ Иванъ Николаевъ: санки вамъ запряжены, лошади осѣдланы, все готово»!...

«Одѣваться,» говорилъ батюшка, и тотъ часъ вставалъ, умывался, надѣвалъ свою серенькую, обшитую по краямъ крымской овечкой, на лисьемъ мѣху, бекешку, подпоясывался кушакомъ, на которомъ висѣлъ небольшой охотничій ножикъ, впрочемъ никогда въ дѣлѣ не бывшій, потому что батюшка никогда самъ не отпарывалъ зайцевъ, надѣвалъ черезъ плечо обшитую кожею, на шелковомъ шнуркѣ фляжку съ сладкой водкой и выходилъ на крыльцо.

Часто батюшка бралъ и меня съ собою, и я съ жадностью вдыхалъ въ себя морозный зимній воздухъ... Простыя лубочныя санки безъ подрезовъ скользили по снѣжку, собаки весело бѣжали на сворахъ, тишина господствуетъ въ лѣсу, съ нависшими по сучьямъ хлопьями снѣга, и въ пустыхъ поляхъ и оврагахъ... Охотники ищутъ слѣдовъ... Вотъ нашли... Вотъ батюшка и я вылезаемъ изъ санокъ, идемъ по слѣду. Долго продолжаются поиски по нескончаемому лабиринту заячей прогулки, но наконецъ и слѣдъ пропадаетъ. Близко, говорятъ охотники, вотъ и слѣдъ прыжка, вотъ другой.... Ухъ! вскрикиваю я, и русакъ

вскакиваетъ изъ подъ моихъ ногъ и быстрѣе стрѣлы катитъ по снѣжному полю, прislѣдуемый собаками.

Пойманныхъ отколотыхъ зайцевъ складывали въ наши санки, иногда штукъ 10 и 15; съ этими живыми доказательствами успѣха охоты возвращались уже въ сумерки домой.

Дома ожидали заботы тетупки. Хотя она никогда не пропускала случая кстати и не кстати попрекнуть меня отцовскимъ баловнемъ и лентяемъ учиться, а все таки употребляла все стараніе и согрѣть, и накормить усталого охотника.

«Вотъ посиди на лежанкѣ, погрѣйся, пока принесутъ обѣдать, да скоро ужъ и чай. Что, прозябъ? Усталъ? Да какъ не устать, легко-ли цѣлый день на дворѣ?» Тутъ начинались распросы, что и какъ? И я рассказываю свои подвиги, ѣмъ и грѣюсь.

Въ 1824 году въ Зарайскѣ на Никольской ярморкѣ батюшка купилъ маленькую сѣрую лошадку и подарилъ мнѣ. Я прозвалъ ее Коняшкою. Достали маленькое, сообразно моему возрасту сѣдло, и вотъ я, имѣя въ полномъ своемъ распоряженіи и лошадь и сѣдло, не только катался въ свободные часы, сколько мнѣ было угодно, но и ѣздилъ съ батюшкою на охоту. Сотоварищемъ по охотѣ изъ сосѣдей былъ ближайшій сосѣдъ, имѣвшій усадьбу въ селѣцѣ Протасовѣ Алексѣй Степановичъ Лихаревъ.

Это бѣлъ холостякъ, отецъ многочисленнаго семейства, состоявшаго изъ двухъ матерей и цѣлой толпы мальчиковъ и дѣвочекъ, наполнявшихъ домъ. Онъ былъ очень честный и хорошій человекъ, служилъ въ ополченіи въ конной дивизіи Измайлова и до конца жизни постоянно носилъ ополченскій мундиръ своего полка, т. е. казакинъ сѣрый съ оранжевымъ воротникомъ и такія же широкія шаравары съ оранжевымъ лампасомъ.

Вотъ съ нимъ то батюшка ѣзжалъ, бывало, въ отѣз-

жее поле. Хотя онъ далеко былъ бѣднѣе батюшки, но собака держалъ чуть ли не болѣе, чѣмъ у него. Батюшка не любилъ проводить время на охотѣ долго, и потому, по охотившись дня два, оставлялъ своего товарища охотиться одного, а самъ возвращался домой. Когда же нужно было батюшкѣ поѣхать въ деревню Паршино посмотреть по хозяйству — это отъ Любава въ 12 верстахъ, то батюшка отправлялся туда съ охотою. Пока ѣхали туда, по всѣмъ островамъ на пути (островъ-технической терминъ охотниковъ, отдѣльный лѣсъ или кустарникъ, гдѣ предполагается найти звѣря) бросали гончихъ и травили зайцевъ. Поздно вечеромъ пріѣзжали въ Паршино, располагались на скотномъ дворѣ, готовился ужинъ, кормили собакъ, а на другой день съ развѣтомъ выѣзжали опять въ поле: и окрестные лѣса оглашались воплями гончихъ и порсканьями доѣзжачаго. Переночевавши ночи двѣ въ Паршинѣ, тѣмъ же порядкомъ возвращались въ Любаво. Эти полубивачные ночлеги, эта жизнь на сѣдлѣ, дѣятельность, предупреждавшая восходъ солнца, безконечныя пѣсни жаворонковъ, высоко вьющихся въ воздухѣ, или крикъ перепѣловъ въ тишинѣ ночей, не пуховикъ въ душевной комнатѣ, а сѣно подъ новѣсомъ для ночлега, все сближало меня съ природою, все это вмѣстѣ дѣлало подобные поѣздки на охоту чѣмъ то обоятельно пріятными. Учиться я не любилъ. Ученье и мученье имѣли для меня одинъ смыслъ.

И дѣйствительно, первой моей учительницей была тетюшка Варвара Павловна. Когда я приступилъ къ азбукѣ, ей уже было за 45 лѣтъ. Какъ старая дѣвушка, она была необуздана во всѣхъ порывахъ души и сердца. Все, что могла она только придумать и на что имѣла возможность, она съ увлеченіемъ все дѣлала, чтобъ доставить намъ удовольствіе, но если она пылила, то гнѣвъ ея не имѣлъ границъ. Неровность характера дѣлала изъ нея

странную смѣсь добра и зла. Разсердившись на кого ни будь изъ людей или дѣвокъ, на ключницу или кого другаго—она послѣ бабушки Марьи Николаовны завѣдывала хозяйствомъ — она кричала, топала ногами, выходя изъ себя, и подѣ-часъ била чѣмъ попало.

Точно такой же была она и въ классѣ. Будучи страшно нетерпѣлива, за малѣйшую ошибку въ урокѣ и даже при изученіи азбуки, она кулаками била по головѣ, дра-ла за волосы, и когда заплачешь, то ожесточалась еще болѣе. Старшіе мои братья, Николай и Михайло терпѣли не лучшую участь, особенно Николай, существо кроткое и прелестное. Алексѣй какъ то отвертѣлся; не знаю почему, только онъ у тетюшки не учился. Батюшка душою скорбѣлъ и часто выговаривалъ ей, за что, разумѣется, понималась буря. Батюшка былъ очень горячъ, вспыльчивъ и, когда выходилъ изъ себя, уже себя не помнилъ. Разъ, я помню, тетюшка, недовольная братомъ Николаемъ, повела его къ батюшкѣ съ жалобой на него. Батюшка вспылить, впрочемъ болѣе на нее, нежели на брата; но, чтобы не показать слабость, вывелъ его въ залъ, приказалъ людямъ его раздѣть, растянуть на полу и своеручно началъ стегать розгой. Тетюшка, не ожидавшая такихъ послѣдствій своей жалобы, перепугалась, бросилась отнимать: но, будучи оттолкнута отцомъ моимъ, ушла въ свою комнату. Почти нагаго, въ изодранной рубашкѣ, въ слезахъ, отецъ привелъ моего бѣднаго брата къ ней. Самъ былъ бледенъ, губы дрожали. «Довольна ли ты?» спросилъ онъ ее съ ироніей. «Нѣтъ, недовольна», отвѣчала она, желая тѣмъ сказать, что она не ожидала этого со стороны батюшки, но отецъ мой, будучи уже раздраженъ, вскричалъ: А недовольна... Такъ пойдемъ! и онъ поволокъ брата къ новому истязанію. Тетюшка бросилась вслѣдъ за нимъ и вырвала изъ рукъ его розги.

Брату Николаю было тогда 12-ть лѣтъ, эта вспышка

не прошла батюшкѣ даромъ. Онъ почти обезпамятилъ. Ему терли виски, давали нюхать спиртъ, пить холодную воду. Это былъ единственный случай гнѣвной вспышки противъ дѣтей со стороны батюшки. Впрочемъ, старшихъ дѣтей въ ихъ малолѣтствѣ батюшка, хотя и очень рѣдко и очень слабо, но все еще держась обычаевъ своего времени, наказывалъ тѣлесно, но за то мы, послѣдніе дѣти, кромѣ любви и ласки, или самаго кроткаго выговора, ничего отъ него не видали. Впрочемъ и про тетюшку еще разъ скажу, что если она была неумѣренно вспльчива и бивала насъ въ классѣ за уроки, то въ остальное время баловала. Сестра Анна Васильевна, какъ дѣвочка и потому исключительная ея воспитанница, терпѣла болѣе насъ мальчиковъ отъ ея необуздаино вспльчиваго характера; но зато тетюшка и съ своей стороны не жалѣла ничего изъ своихъ маленькихъ средствъ (весь тетюшкинъ доходъ былъ въ 250 руб. ассигнаціями), чтобъ ее пріодѣть получше (батюшка на этотъ предметъ давалъ очень мало) и доставить ей всякое удовольствіе, и показать ее въ лучшемъ свѣтѣ передъ посторонними. Съ ранняго дѣтства и до выхода замужъ сестры, тетюшка ненавидѣла всѣхъ тѣхъ дѣвицъ, даже въ ближнемъ родствѣ, которыя образованіемъ, вкусомъ въ одеждѣ, манерами и вообще воспитаніемъ могли быть опасны ея Анночкѣ. Анночка была ея гордостью, ея идоломъ. Батюшка же напротивъ смотрѣлъ подозрительно на заботы объ ней тетюшки, боясь развитія кокетства и суетности въ дѣвочкѣ. Будучи отъ природы ревнивъ, обращался съ сестрою моею довольно холодно такъ, что сестра, вѣря душею въ тетюшку, была убѣждена, что отецъ ее ненавидитъ, чрезъ это становилась скрытна, и начитавшись съ ранняго дѣтства романовъ, которыхъ было множество въ батюшкиной библіотекѣ и которые съ неменьшею жадностью поглащались и самую тетюшкою, воображала себя жертвою человѣческой

несправедливости, гонимую судьбою героинею романа какой нибудь г-жи Радкливъ или Дюкре дю-Мениля.

Конечно съ 15 и 16 лѣтняго возраста кругъ понятій сестры расширился. Отецъ сталъ съ нею нѣжнѣе, но это не естественное положеніе въ дѣтствѣ и воображеніе, воспитанное романами, исказили ея жизнь.

Въ 1818 году въ концѣ ноября, батюшка, забравъ старшихъ братьевъ Алексѣя, Николая и Михайлу, повезъ ихъ въ Петербургъ для опредѣленія въ кадетскій корпусъ. Выѣзжали изъ Любава съ полуночи. Я помню прощальныя минуты передъ выѣздомъ. Темно было въ залѣ. Въ гостинной горѣла одна только сальная свѣча, и та нагорѣла... Братья были уже одѣты въ свои дорожныя шубки. Присѣли, встали, помолились Богу. Помню слезы и рыданіе тетушки. Братья тоже плакали на взрыдъ. Бѣдный братъ Николай, чувствовалъ ли онъ, что уже больше никогда не видать ему Любава?

Библиографическій указатель.

Очеркъ русской исторіи въ памятникахъ быта Соч. П. Полеваго.
Петербургъ, 1879. Древнѣйшій періодъ.

Еще въ началѣ 1876 г. у автора возникла мысль, какъ это высказано имъ въ предисловіи, издать популярное и всѣмъ доступное сочиненіе о нашихъ отечественныхъ древностяхъ. Дѣйствительно, потребность въ такомъ сочиненіи у насъ въ послѣднее время сознавалась всѣмъ образованнымъ обществомъ. Правда, мы имѣемъ нѣсколько трудовъ нашихъ почтенныхъ археологовъ, достойныхъ современнаго положенія науки, но эти сочиненія, помѣщенные въ спеціальныхъ ученыхъ періодическихъ изданіяхъ, остаются большинству образованнаго общества почти совершенно неизвѣстными.

Сотрудниками своими въ этомъ трудѣ авторъ, какъ видно далѣе изъ того же предисловія, называетъ Е. К. Замысловскаго, К. Н. Бастужева-Рюмина, А. Θ. Бычкова, Л. Н. Майкова и многихъ изъ нашихъ историковъ, археологовъ и филологовъ, что, конечно, не можетъ не придать сочиненію особенную вѣсность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и требовательность къ исполненію. При такихъ сотрудникахъ, при достаточномъ запасѣ отечественнаго матеріала и при богатствѣ иностранной литературы, мы вправѣ ожидать отъ автора глубоко обдуманнаго взгляда и яснаго, отчетливаго изложенія.

Все сочиненіе будетъ состоять изъ двухъ томовъ, раздѣленныхъ каждый на два выпуска. Въ первомъ, вышедшемъ въ минувшемъ году, выпускѣ заключается обзорѣніе эпохъ,

предшествовавшихъ образованію нашихъ княжествъ, и той почвы, на которой эти княжества впоследствии возникли. Въ выпускѣ шесть главъ, изъ которыхъ первыя три главы знакомятъ насъ вообще съ доисторическими древностями Европы каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ, а остальные три съ бытомъ древнихъ жителей Россіи: Скивовъ, Славянъ, Хозаръ и Болгаръ. Второй выпускъ этого перваго же тома долженъ будетъ заключать въ себѣ бытовую исторію Кіева, Владиміра и Суздаля. Наконецъ, во второмъ томѣ, имѣющемъ также два выпуска, будетъ излагаться: въ первомъ—бытъ Новгорода и Пскова, во второмъ бытъ Москвы до XVIII столѣтія.

Исходя отъ мысли, что въ древній доисторическій періодъ „бытъ древнѣйшихъ обитателей Европы, какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ ея, не только въ существенныхъ чертахъ своихъ, но и въ подробностяхъ, представляетъ множество сходныхъ (можно почти сказать общихъ) чертъ, авторъ знакомитъ насъ съ доисторической культурой Франціи, Швейцаріи и Скандинавіи, такъ основательно разработанной западными учеными, съ которыми, однакожь, авторъ и самъ знакомъ далеко не со всѣми, даже и изъ перво-классныхъ писателей, каковы напр., Эвансъ, Лармэ и Христи.

Какъ и многіе изъ западныхъ ученыхъ спеціалистовъ г. Полевой дѣлитъ доисторическую эпоху на три періода: каменный, бронзовый и желѣзный, но не признаетъ за ними никакихъ рѣзкихъ граней, совѣтуетъ не забывать о полнѣйшей чрезполосности каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ, которая выражалась во взаимныхъ вліяніяхъ и воздѣйствіяхъ. По мнѣнію автора, нѣкоторые народы „переходили прямо отъ каменнаго къ вѣку желѣзному, минуя бронзовый. У другихъ, напримѣръ, при очень скоро наступившемъ періодѣ бронзы, каменный вѣкъ былъ очень непродолжителенъ, а бронзовый захватывалъ собою значительную долю исторической жизни народа“. Съ такимъ мнѣніемъ автора нельзя согласиться во всемъ объемѣ. Что культура не можетъ имѣть рѣзкихъ граней—это очевидно, такъ какъ вытекаетъ изъ

самой ея сущности, но тѣмъ не менѣе она въ своемъ развитіи представляетъ положительныя и опредѣленныя явленія.

Если авторъ, напримѣръ, отнесетъ къ бронзовому вѣку весь періодъ, въ которомъ встрѣчаются бронзовыя вещи, то тогда, конечно, бронзовый вѣкъ захватитъ громадное пространство и чрезполосно врѣжется въ другой вѣкъ, но не должно забывать, что отличительными признаками этого вѣка служатъ не одни бронзовыя вещи, орудія и оружія: мечи, бивжалы, ножи и т. п., но и другіе признаки, не менѣе важные, какъ напр., отсутствіе желѣзнаго оружія и монетъ, опредѣленныя формы геометрическаго орнамента, извѣстный способъ погребенія, извѣстный родъ человѣческой производительности и т. п. И если принять во вниманіе всѣ эти признаки, то заявленной авторомъ чрезполосицы не встрѣтятся.

Разсказавъ нѣсколько подробно о раскопкахъ остатковъ каменнаго періода въ пещерахъ Франціи, Англіи, Бельгіи, Германіи и о свайныхъ постройкахъ въ Швейцаріи и въ славянскихъ земляхъ Познани и Галиціи, авторъ переходитъ затѣмъ къ рассмотрѣнію древнѣйшаго быта и говоритъ, что два способа обработки камня (грубая *вытеска* изъ кремня простымъ отбиваніемъ осколковъ и *шлифовка* изъ каменныхъ породъ) составляютъ отличительныя признаки двухъ эпохъ каменнаго вѣка: древнѣйшей (палеолитической) и позднѣйшей (неолитической), отдѣленныхъ одна отъ другой большимъ пространствомъ времени.

И здѣсь авторъ впадаетъ въ такую же прежнюю ошибку, придавая способамъ обработки орудій значеніе исключительнаго признака. Различіе палеолитическаго и неолитическаго періодовъ составляютъ не одинъ видъ находимыхъ орудій, но и другіе, не менѣе существенныя признаки, напр., находки останковъ животныхъ, собакъ, козъ, овецъ, крупнаго рогатаго скота, остатковъ хлѣбныхъ растений, льна, остатковъ глиняной посуды и т. п. Только сумма всѣхъ этихъ признаковъ даетъ положительный и вѣрный характеръ и еслибы авторъ обратилъ на это должное вниманіе, то, вѣроятно, подошелъ бы къ инымъ выводамъ. Да и вообще г. Полевой

отличается произвольностью положеній. Такъ онъ называетъ людей каменнаго періода „рыболовами по преимуществу“. На чемъ основался авторъ, неизвѣстно, тѣмъ болѣе, что, по мнѣнію ученыхъ специалистовъ, человѣкъ питался мясомъ гораздо ранѣе, чѣмъ рыбой, и кости рыбъ встрѣчаются въ позднѣйшихъ отложеніяхъ.

Что же касается до наиболѣе существеннаго предмета своего сочиненія, до изслѣдованій каменнаго вѣка Россіи, то авторъ не отличается особенною щедростью. Онъ говоритъ только о раскопкахъ Бутенова и Полякова въ Олонецкой губерніи, о находкахъ каменныхъ орудій въ Полтавской губерніи, Лубенскаго уѣзда, и ни слова не говоритъ о коллекціи Московской антропологической выставки, о кремневыхъ орудіяхъ, найденныхъ на берегу Бѣлаго моря и о другихъ позднѣйшихъ весьма важныхъ изысканіяхъ *. А между тѣмъ въ такомъ дѣлѣ, какъ возстановленіе исчезнувшаго древнѣйшаго быта по вещественнымъ памятникамъ, только добросовѣстное разсмотрѣніе всѣхъ найденныхъ остатковъ можетъ дать вѣрность и твердость выводимымъ положеніямъ.

Въ послѣднихъ главахъ своего очерка авторъ знакомитъ насъ съ бытомъ Скиѳовъ, Славянъ, Хозаръ, Болгаръ и Віармін. Относительно быта первыхъ, т. е. Скиѳовъ, онъ руководствуется, разумѣется, главнымъ образомъ, Геродотомъ; затѣмъ, принявъ во вниманіе описаніе вещей, найденныхъ въ раскопкахъ скиѳскихъ кургановъ (гг. Забѣлинъ и Стефани), признаетъ скиѳовъ народностью смѣшанною, въ которой было не малой доли и славянской. Въ описаніи же быта славянъ автору служили руководствомъ, кромѣ трудовъ Шафарика,

* Наша литература о раскопкахъ довольно богата. Кромѣ прекрасныхъ статей Кенпена, Пасека, Нечаева, Глинки, Терещенки, Гатцуга и Срезневскаго, помѣщенныхъ въ „Истор. Сборн.“, „Временникъ“ и „Чт. въ общ. истор.“, въ изданіяхъ московскаго археологическаго общества находится рядъ интересныхъ археологическихъ статей: Забѣлина (Скле. мог.), Гатцуга (Ислѣд. курган. Московской губ.), Тизенгаузена (Раскопки на Таманскомъ полуостровѣ), Герца, Эйхвальда, Уварова, Шепинга и друг.

Крека и Шлейхера, труды недавно скончавшагося профессора Срезневскаго и Самоквасова. У послѣдняго авторомъ заимствовано описаніе городищъ и городковъ (излюбленная тема исторіи русскаго права). Къ сожалѣнію, нѣкоторыя весьма важныя стороны славянскаго быта изложены г. Полевымъ довольно неудовлетворительно. О религиозныхъ вѣрованіяхъ славянъ, напримѣръ, говорится сжато, тогда какъ объ этомъ предметѣ имѣются хорошіе многосторонніе труды: М. И. Касторскаго „Начертаніе славянской мнѣологіи“, Спб. 1841 г., Н. И. Костомарова „Славянская мнѣологія“, Кіевъ, 1847 г., И. И. Срезневскаго „Свят. и обр. языческаго богосл. древнихъ Славянъ“, Харьковъ 1864 и его же „Исслѣдованіе о язычск. богослуж. др. Слав.“ 1848 г., А. Н. Афонасьева „Поэтическое возрѣвіе славянъ на природу“. 3 т. Москва 1865—1869, и статья Бернгарди „Bausteine zur slav. Mith.“, помѣщенная въ журналѣ Іордана „Jahrbücher für Slav. Lit.“ 1844, № 1.

Не смотря на высказанныя, впрочемъ, немногія замѣчанія, мы отдаемъ полную справедливость полезности и добросовѣстности труда г. Полеваго и желаемъ ему полного успѣха. Изданіе снабжено множествомъ (115) удачныхъ и отчетливыхъ рисунковъ, а въ концѣ примѣчаніями и библиографическими ссылками. Внѣшность изданія совершенно удовлетворительна.

Первые уроки исторіи, Мельгунова. Москва. 1879.

Эти первые уроки—лекціи, читанныя г. Мельгуновымъ въ качествѣ преподавателя исторіи въ московской практической академіи коммерческихъ наукъ. Изданіе руководства дѣло далеко не лишнее въ нашей еще скудной учебной литературѣ, но только подъ тѣмъ необходимымъ условіемъ, чтобъ самъ авторъ, кромѣ педагогической опытности, обладалъ и основательными свѣдѣніями по своей специальности и былъ бы вполне знакомъ, если не со всѣми, то по крайней мѣрѣ съ самыми главными, выдающимися трудами по

этой спеціальнойности. Къ сожалѣнію, этого-то именно условія и не видно въ учебникѣ г. Мельгунова. Мало того, что онъ не знакомъ съ трудами такихъ извѣстныхъ ученыхъ, какъ Гиббсъ, Дункеръ, Гервинусъ, Раулинсонъ, Мангардтъ, Милеръ и Тейлоръ, но даже какъ будто иронизируетъ надъ ними, да и надъ самой наукой. „Не наука была для меня исходною и рѣшающею точкою зрѣнія при выборѣ матеріала для разсказовъ, хотя я и не отказывался отъ тѣхъ научныхъ выводовъ, которые не противорѣчили моимъ педагогическимъ убѣжденіямъ“, говоритъ авторъ въ предисловіи. Какое странное отдѣленіе педагогическаго отъ науки! Что можно подумать о преподавателѣ, который предполагаетъ возможность противорѣчія выводовъ науки педагогическимъ убѣжденіямъ? Добросовѣстно ли съ подобными понятіями не только издавать руководства, но и браться за преподаваніе и сбивать съ толку молодые умы, принимающіе на вѣру слова своего наставника?

Дикость понятій г. Мельгунова встрѣчается по всему руководству. Онъ опредѣляетъ, напримѣръ, эру—способомъ лѣтоисчисленія... Не вправѣ ли послѣ такого опредѣленія воспитанникъ считать эрой наше лѣтоисчисленіе недѣлями, мѣсяцами и днями, или способъ лѣтоисчисленія по явленіямъ Сириуса, существующій въ Египтѣ, называть Сириусовскою эрой. Оригинальна также высказанная авторомъ характеристика горскаго населенія: „горцы рѣдко бываютъ образованны... такъ какъ горы мѣшаютъ имъ ходить къ сосѣдямъ, знакомиться съ другими народами, видѣть и перенимать у нихъ новое“. Не отнесетъ ли воспитанникъ въ силу такой аргументаціи швейцарцевъ къ самымъ невѣжественнымъ народамъ въ мірѣ?

Не мало также встрѣчается и примѣровъ полнѣйшаго незнакомства съ новыми историческими трудами. О еврейскомъ народѣ г. Мельгуновъ поучаетъ, что этотъ народъ одинъ во всемъ древнемъ мірѣ вѣровалъ во Единого, истиннаго Бога и что у него сохранились свѣдѣнія о самыхъ отдаленныхъ временахъ его исторіи. Г. Мельгунову должно

было бы, казалось, быть извѣстно, какъ официальному знатоку исторіи, что у евреевъ существовалъ такой же условной монотеизмъ, какой былъ и у многихъ другихъ народовъ, и что почти у всѣхъ древнихъ народовъ имѣлись свѣдѣнія объ отдаленныхъ періодахъ своей жизни.

Приведенныхъ примѣровъ, кажется, слишкомъ достаточно для оцѣнки первыхъ уроковъ исторіи, которыхъ невозможно мношеству рекомендовать изъ уваженія къ его здравому смыслу.

Тюрьма и ссылка.—Историческое, законодательное, административное и бытовое положеніе заключенныхъ, пересыльных, ихъ дѣтей и освобожденныхъ изъ подъ ареста, со времени возникновенія русской тюрьмы, до нашихъ дней (1560 — 1880 г.) В. Н. Никитинъ. Спб. 1880 г.

Имя г. Никитина является не въ первый разъ въ литературѣ по тюремному дѣлу съ полнымъ правомъ на видное мѣсто. Въ настоящемъ сочиненіи, точно также какъ и въ предшествующихъ, въ каждой строкѣ, въ каждомъ положеніи пробивается и основательное знаніе своего предмета, приобрѣтенное многолѣтнимъ, усидчивымъ трудомъ, и теплое желаніе принести съ своей стороны посильную пользу „ради узниковъ въ темницахъ томящихся“. Тюрьма и ссылка, включая въ себѣ обстоятельную исторію тюремнаго вопроса съ древнѣйшихъ временъ и до позднѣйшихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ собой богатый матеріалъ и указанія для разработки тѣмъ лицамъ, которыя призваны къ осуществленію тюремной реформы.

Для болѣе близкаго ознакомленія читателя съ направлениемъ и взглядомъ автора, мы приводимъ его слѣдующія строки: „повсюду слышатся естественные вопросы: почему именно наши тюрьмы плохи и въ чемъ должно состоять ихъ обновленіе, чтобы онѣ сдѣлались удовлетворительными? На эти категорическіе вопросы раздаются, правда, отвѣты, но такіе, преимущественно, устарѣвшіе, либо легкомысленные, что невольно становишься, просто, въ туннель! Это происходитъ

оттого, что огласителями тюремныхъ недостатковъ и реформаторами выступаютъ, въ печати, за весьма рѣдкими исключеніями, лица, нисколько незнакомыя ни съ историческими, ни съ законодательными, ни съ административными, ни съ бытовыми тюремными нашими условіями; но эти лица, алчущія „славы соблазнительной“, или преслѣдующія исключительно свои экономическія цѣли, ничуть не стѣсняются дѣлать свои скороспѣлые, поверхностные выводы на авось, да по иностраннымъ источникамъ, совершенно упуская изъ виду, что наши, вѣками сложившіеся, самобытные порядки, нравы и обычаи немислимо передѣлать, по шучьему велѣнію, ни на нѣмецкій, ни на англійскій ладъ; на это понадобится, по крайней мѣрѣ, много, очень много времени!“

Замѣчаніе вѣрное, съ которымъ нельзя не согласиться. Точно также мы не можемъ не раздѣлить и недоумѣнія автора—почему въ комиссію, организованную изъ администраторовъ, юристовъ, финансистовъ, военныхъ и проч. для тюремной реформы, не были приглашены практическіе тюремные дѣятели въ лицѣ тюремныхъ комитетовъ, существующихъ по всей Россіи—какъ будто изъ опасенія, чтобъ они не раскритиковали ихъ замысловатые планы—и почему самые проекты реформъ не отдавались на общественный судъ, а оставались постоянно достояніемъ только ихъ авторовъ—комиссій?

Соглашаясь, такимъ образомъ, съ общими взглядами автора, мы, однакожъ, не можемъ согласиться съ нѣкоторыми изъ его частныхъ выводовъ, о чемъ подробно поговоримъ въ одной изъ ближайшихъ книжекъ „Исторической Библіотеки“. Теперь же пожелаемъ этому полезному и дѣльному труду хорошаго успѣха,—въ чемъ не сомнѣваемся.

Историческія сочиненія иностранной литературы.

The constitutional history of England in its origin and development by William Stubbs. Oxford.

(Исторія английской конституціи, В. Стеббса).

Профессоръ Стеббсъ сочиненіемъ исторіи английской конституціи, кажется, явился въ первый разъ въ качествѣ историка-критика и историка-философа и не смотря на то, онъ сразу занялъ одно изъ самыхъ видныхъ, если не изъ первыхъ мѣстъ. До сихъ поръ имя его было извѣстно только какъ трудолюбиваго звателя и издателя длиннаго ряда средневѣковыхъ памятниковъ письменности и права, хранящихся въ архивахъ. Но эта-то именно кропотливая, тяжелая работа и дала ему средства вдругъ подняться на уровень современнаго взгляда и новыхъ требованій исторической критики. Только постоянное обращеніе съ памятниками, ихъ анализъ и сравненіе могли дать ему способность прозорливости и того отрѣшенія отъ увлеченія предвзятыми взглядами и теоріями, которыми страдаетъ большинство нѣмецкихъ ученыхъ.

До появленія труда Стеббса англичане не имѣли исторіи своей конституціи. Какъ ни кажется это страннымъ съ перваго взгляда, но иначе и быть не могло. Правильная оцѣнка общественнаго движенія какой либо эпохи можетъ быть только при ясномъ пониманіи внутренняго экономическаго и политическаго быта, обусловливающимся, съ своей стороны, глубокимъ изученіемъ достаточнаго запаса матеріала. Вотъ почему мы такъ рады издавію каждаго новаго матеріала, каждой монографической черновой работы и строго къ скороспѣлымъ выводамъ, обнимающимъ чуть ли не всю науку. Пусть примѣръ профессора Стеббса послужитъ живымъ поученіемъ нашимъ молодымъ ученымъ!

Мы сказали, что до Стеббса не было исторіи английской конституціи. Дѣйствительно, кромѣ классическаго труда Гал-

лама о средних вѣкахъ, труда, приобрѣзшаго во всемъ образованномъ мірѣ заслуженную, почтенную извѣстность, имѣлись только громадная исторія англійскаго права Ривса нѣсколько монографій, «Средніе вѣка, до XIII столѣтія» Парсона и нѣсколько главъ о внутреннемъ бытѣ въ XIV столѣтіи въ сочиненіи Лонгмана: «Эдуардъ III». Правда, за недостаткомъ англичанъ, англійская конституція пришлась по сердцу нѣмцамъ и сдѣлалась ихъ излюбленнымъ предметомъ. Легіонъ нѣмцевъ, всесвѣтныхъ ученыхъ авторитетовъ, съ Гнейстомъ въ главѣ, накинулись съ неутомимымъ рвеніемъ на англійскую конституцію, стали тормозить, выворачивать, прилаживать на всѣ стороны и, въ концѣ концовъ, рѣшили, что она порожденіе германскаго духа, чуть ли не сколѣвъ съ конституціи прусской.

Возстановителемъ истины и очистителемъ отъ наносныхъ бѣдъ выступилъ оксфордскій профессоръ Стеббсъ. Не ограничиваясь парламентскими и политическими актами, онъ съ изумительнымъ терпѣніемъ изучилъ всю средневѣковую англійскую литературу, начиная съ политическихъ народныхъ стиховъ, сатиръ, историческихъ балладъ и легендъ до частныхъ корреспонденцій. И онъ пришелъ къ результатамъ, во многомъ совершенно противоположнымъ отъ нѣмцевъ.

Все сочиненіе почтеннаго профессора Стеббса состоитъ изъ трехъ довольно объемистыхъ томовъ (1882 стр.) и раздѣлено на отдѣлы, заключающіе трактаты отдѣльныхъ исторій: о городахъ, о сословіяхъ, о самоуправленіи, о парламентѣ и проч. Нѣкоторые изъ этихъ отдѣловъ поражаютъ многостороннею начитанностью автора и его умѣньемъ анализировать и обобщать, другіе же, какъ напр., о сословіяхъ, нѣсколько блѣдны и далеко не послѣднее слово.

Основной выводъ автора таковъ: англійская свобода — плодъ многострадаальной, упорной и вѣковой борьбы всѣхъ вообще и cadaго сословія порознь противъ постоянныхъ стремленій королей къ абсолютизму. Выводъ не новый, но новъ путь автора и его система проведенія доказательствъ,

совершенно отличенныхъ отъ предшественниковъ. По нашему мнѣнію, особенно интересны два его положенія по оригинальности и новизнѣ взгляда: объ образованіи парламента и о феодализмѣ. Въ разрѣзъ съ почти единодушными нѣмцами и большинствомъ англійскихъ историковъ, находящихъ органическую связь древнихъ собраній германцевъ, по описанію Тацита, съ витенагемотами, народными собраніями въ Англии XIII столѣтія, авторъ совершенно отрицаетъ эту связь, доказываетъ, что въ англійскихъ витенагемотахъ нѣтъ прототипа англійскаго парламента, что въ нихъ не было представительства простаго народа, а только одного служилаго сословія и что, слѣдовательно, народныя англо-саксонскія собранія были не болѣе, какъ собранія нотаблей, близкихъ къ королю (витановъ), обязанныхъ служить ему при дворѣ и на войнѣ. По мнѣнію профессора Стеббса (въ этомъ случаѣ согласному съ ученымъ Гнейстомъ), зародышъ англійскаго парламента нужно искать въ совѣтѣ короля (*curia regis*), постепенно пополняемомъ депутатами отъ ширъ и городовъ.

Что же касается до происхожденія феодализма, то авторъ, согласно съ Пальгревомъ и Фриманомъ, видитъ первые признаки его въ Англии въ существованіи тѣхъ формъ, изъ которыхъ сложился феодализмъ на континентѣ. Эти формы: обязательное, индивидуальное поручительство помѣщиковъ, какъ за крѣпостныхъ, такъ и за свободныхъ, помѣщичье право суда, дареніе королями національныхъ имуществъ служилому сословію, сосредоточеніе въ рукахъ служилаго сословія (тановъ) владѣнія землею и служенія въ войскѣ. Такимъ образомъ, феодализмъ—туземецъ въ Англии; онъ переходная стадія отъ родоваго и общиннаго быта къ индивидуальному. Основаніе феодализма—договоръ, устанавлиющій отношенія сюзерена и вассала, вассала и подвассала, опредѣляющій обязательства и права. А такъ какъ каждый договоръ долженъ быть исполненъ, то естественнѣе всего порученіе самимъ же договаривающимся сторонамъ наблюденіе

за исполненіемъ его, въ чемъ и заключается основа парламента.

Оканчивая обзоръ исторіи англійской конституціи, мы не можемъ не пожелать нашимъ молодымъ отечественнымъ ученымъ такого же успѣха и такого же добросовѣстнаго отношенія къ своему предмету.

Heinrich Treitschke: Deutsche Geschichte in neunzehnten Jahrhundert. Leipzig. 1879. Hirzel.

Генриха Трейтшке: Исторія Германіи въ девятнадцатомъ столѣтіи.

Это сочиненіе извѣстно также подъ заглавіемъ «Государственная исторія новѣйшаго времени» и состоитъ изъ пяти томовъ, непрерывно слѣдующихъ одинъ за другимъ. Въ первой части описаніе событій до втораго Парижскаго мира. Во второмъ томѣ изображается время реставраціи до 1830 г., въ третьемъ десятилѣтіе іюльской революціи до начала царствованія Вильгельма IV, въ четвертомъ дается понятіе о самыхъ годахъ революціи 1848—1850 и, наконецъ, пятый томъ оканчивается 1866 годомъ. Въ этомъ замѣчательномъ трудѣ знаменитаго историка одинаково полно и рельефно выражены какъ внутренняя жизнь, такъ и внѣшнія отношенія, какъ миръ, такъ и ожесточенная борьба. Во всякомъ случаѣ это произведеніе представляетъ одну изъ самыхъ выдающихся работъ новѣйшей нѣмецкой исторической литературы.

Wilhelm Ducken: Oesterreich und Preussen in Befreiungskriege. Berlin. 1879. Grote.

Вильгельма Дукена: Австрія и Пруссія во время войны за освобожденіе.

Въ этомъ далеко недюжинномъ произведеніи, заключающемъ въ себѣ полныя свѣдѣнія о политической исторіи 1813 года, мы находимъ описаніе продолжительнаго промежутка времени, вплоть до окончательной развязки, т. е. до вступ-

ленія Австріи въ военный союзъ съ Пруссіей противъ Наполеона; въ послѣднихъ выпускахъ авторъ заходитъ даже далѣе этой эпохи. Двѣ части этого труда издатель предполагаетъ выпустить въ видѣ цѣлаго, отдѣльнаго произведенія, какъ будто бы оно было сформировано изъ другихъ матеріаловъ различныхъ архивовъ.

что истинныя, современныя идеи философіи, поэзіи и исторіи явились въ послѣднія двадцать пять лѣтъ, т. е. въ первой четверти XIX ст., и потому истинная идея исторіи не была доступна Карамзину. По этой идеи, исторія „проникаетъ всю бездну минувшаго: видитъ творенія земныя, до чело-вѣка бывшія, открываетъ слѣды чело-вѣка въ таинственномъ Востокѣ и въ пустыняхъ Америки, соображаетъ преданія людскія, разсматриваетъ землю въ отношеніи къ небу и чело-вѣка въ отношеніи къ его обиталищу, планетѣ, движи-мой рукою провидѣнія въ пространствѣ и времени. Тако-ва *до-исторія* (Urgeschichte) чело-вѣка. Чело-вѣкъ является на землѣ; образуетъ общество; начинается *жизнь чело-вѣчества* и начинается *исторія* чело-вѣка. Здѣсь историкъ смотритъ на царства и народы, сіи планеты нравственнаго міра, какъ на математическія фигуры, изображаемыя міромъ вещественнымъ. Онъ соображаетъ ходъ чело-вѣчества, обще-ственность, нравы, понятія каждаго вѣка и народа, выводитъ цѣль причинъ, производившихъ и производящихъ событія“. Таковы условія всеобщей исторіи, по мнѣнію Полеваго. Ка-ковы должны быть условія частной исторіи? Эта послѣдняя должна стремиться показать, какое мѣсто занималъ въ мірѣ вѣчнаго бытія тотъ или другой народъ, то или другое госу-дарство, тотъ или другой историческій чело-вѣкъ. Для такого пониманія исторіи, надобно было соединить труды Шеллингъ, Шлегелей, Кузеновъ, Шлегеровъ, Гердеровъ, Нибуровъ, узнать *классицизмъ* и *романтизмъ*, узнать хорошо политическія науки, оцѣнить надлежащимъ образомъ древнихъ, можетъ быть, нужно было родиться Шиллеру, Цшоке, Гёте, В. Скотту. Прилагая все это къ исторіи Карамзина, Полевой находитъ, что она неудовлетворительна. Карамзинъ въ своей исторіи остался при понятіяхъ своего времени, когда только что на-чала пробивать себѣ дорогу идея философской исторіи. Какъ *историкъ-философъ*, Карамзинъ, такимъ образомъ, по мнѣнію Полеваго, не можетъ выдержать строгой критики. Для убѣж-денія въ этомъ, достаточно прочесть то, что Карамзинъ го-воритъ объ исторіи. Выходя изъ старыхъ взглядовъ, онъ

слишкомъ упираетъ на то, что исторія удовлетворяетъ *любопытству*, и видитъ въ этомъ огромную заслугу, говорить о *прелестныхъ видахъ* въ исторіи и выдвигаетъ на первый планъ вопросъ о занимательности. Не признавая Карамзина философомъ-историкомъ, Полевой не считаетъ его и *прагматикомъ*. Не опуская въ исторіи ничего, даже самаго *скучнаго*, Карамзинъ говоритъ, что этого требуетъ *уваженіе къ памяти, заслугамъ и страданіямъ нашихъ предковъ*, какъ будто нѣтъ причины, вытекающей изъ самой сущности дѣла, по которой нельзя насильственно разрывать цѣпь историческихъ явленій съ ихъ причинами и слѣдствіями.

Далѣе критикъ замѣчаетъ, что въ исторіи Карамзина нѣтъ одного общаго начала, изъ котораго истекали бы всѣ событія русской исторіи; мы въ ней не видимъ, какъ исторія Россіи примыкаетъ къ исторіи человѣчества. Передъ читателемъ выводится до излишества огромная толпа дѣйствующихъ лицъ, исчисляется бездна подробностей, но жизнь Россіи остается для него неизвѣстною, точно также какъ не получаетъ онъ представленія и о духѣ народномъ. Какъ и французскіе классики, Карамзинъ вносилъ въ изображаемый предметъ самого себя, свой духъ, свои понятія и чувствованія; отъ этого въ его исторіи встрѣчается много невѣрнаго. Онъ думаетъ, что любовь къ отечеству требуетъ облагораживанія варваровъ и не видитъ разницы въ воинѣ времени Олега и времени Минина и Пожарскаго. Олегъ *пылаетъ славомобіемъ героевъ, и побѣдоносныя знамена его развѣваются на берегахъ Днѣпра и Буя*. Вслѣдствіе всего этого, говоритъ Полевой, Карамзинъ не выдерживаетъ уравниенія съ такими историками, какъ Робертсонъ, Юмъ, Гиббонъ. У него нѣтъ той обширности взгляда, той глубины изысканія причинъ и слѣдствій, какія замѣчаются въ твореніяхъ трехъ названныхъ англійскихъ историковъ.

Указавши на недостатки исторіи Карамзина, Полевой переходитъ къ ея достоинствамъ. Онъ говоритъ, что Карамзинъ сдѣлалъ для исторіи чрезвычайно много. Онъ сталъ выше всѣхъ своихъ предшественниковъ Приведеніемъ въ по-

рядокъ историческихъ матеріаловъ онъ оказалъ русской исторіи незабвенную услугу. На его плечахъ стоитъ все, что впоследствии было сдѣлано для русской исторіи Калайдовичемъ, Строевымъ, Погодинымъ, Кругомъ, Френомъ и Лербергомъ. Карамзинъ намѣтилъ дорогу, по которой нужно было идти при обработкѣ русской исторіи. Его трудомъ былъ вызванъ къ своей чрезвычайно плодотворной дѣятельности графъ Румянцевъ, извѣстный покровитель русскихъ ученыхъ, онъ же далъ начало развитію палеографіи, археологій, нумизматикѣ и генеологій въ Россіи. Послѣ Карамзина стали собирать бібліотеки русскихъ достопамятностей и произошло оживленіе въ дѣятельности Академіи Наукъ. Вездѣ въ исторіи Карамзина видны умъ, вкусъ, умѣнье. Относительно языка, по замѣчанію Полеваго, Карамзинъ писатель образцовый, единственный, неподражаемый. Надобно учиться у него ораторскому ритму, расположенію періодовъ, вѣсу, съ какимъ поставлено каждое слово. Вотъ почему Грекъ, при составленіи своей грамматикѣ, основныя правила языка обосновалъ на изложеніи исторіи Карамзина. Краснорѣчіе Карамзина очаровательно, говоритъ Полевой. Страницы, гдѣ говорится о жизни митрополита Филиппа, смерти царевича Іоанна, самаго Іоанна Грознаго, избраніи Годунова, низверженіи Дмитрія Самозванца, могутъ стать на-ряду съ самыми краснорѣчивыми, безсмертными страницами Фукидида, Ливія и Робертсона. Зданіе, воздвигнутое Карамзинимъ, замѣчаетъ критикъ, не удивляетъ цѣлаго міра, подобно зданіямъ Микель-Анжеловъ, но, тѣмъ не менѣе, оно составляетъ честь и красу своего вѣка для той страны, въ которой оно воздвигнуто. Разборъ кончается такими словами: „Твореніе его (Карамзина) еще долго будетъ предметомъ удивленія, чести и хвалы нашей. Карамзинъ научилъ насъ исторіи нашей; идя по слѣдамъ его, мы, современемъ, научимся избѣгать его погрѣшностей и недостатковъ, можемъ и должны сравнивать его съ геніальными творцами и воздавать ему не безусловную хвалу крикливаго невѣжества, но въ то же время, съ негодованіемъ отвергаемъ мы порицателей человѣка необыкновеннаго. Онъ

былъ столь великъ, сколько позволяли ему время, средства, способы его и образованіе Россіи; благодарность къ нему есть долгъ нашъ" *.

Этотъ разборъ вызвалъ противъ Полеваго цѣлую бурю, особенно въ виду того, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ „Телеграфѣ“ явилось объявленіе о скоромъ выходѣ „Исторіи Русскаго Народа“. Статью Полеваго сочли предисловіемъ къ объявленію о подпискѣ на его собственную исторію, хотя въ ней высказана была и доля правды. Полевой, къ сожалѣнію, не остался на высотѣ безпристрастія, и въ примѣчаніяхъ къ своей исторіи явился уже съ придирчивыми замѣчаніями по отношенію къ Карамзину, какъ бы вымѣщая на немъ негодованіе на своихъ противниковъ.

Въ той же части „Сѣвернаго Архива“, гдѣ начинается разборъ Лелевеля, помѣщена въ переводѣ статья изъ „Геттингенскихъ Ученыхъ Вѣдомостей“, заключающая въ себѣ взглядъ на исторію Карамзина. Отзывъ сдѣланъ на основаніи двухъ переводовъ исторіи: „Histoire de l'Empire de Russie, par M. Karamsin, traduit par St. Thomas et Jauffret. Paris, 1820“ и „Geschichte des Russischeq Reichs, von Karamsin, Riga, 1820“. Оба перевода были сдѣланы подъ наблюденіемъ Карамзина. Въ отзывѣ говорится, что въ авторѣ видѣнъ историкъ, который много размышлялъ не только о своемъ предметѣ, но также о самой сущности исторіи вообще. Прилежаніе, съ какимъ Карамзинъ воспользовался различными источниками и произведеніями новѣйшихъ историковъ, называется въ отзывѣ истинно нѣмецкимъ. Высоко ставится и безпристрастіе Карамзина. Не одобряетъ отзывъ только того, что Карамзинъ часто выставляетъ побудительною причиною дѣйствій выводимыхъ лицъ чувство чести. Чувство чести, говорится въ отзывѣ, возникло въ средніе вѣка въ эпоху рыцарства, которое осталось чуждымъ для древней Россіи. По словамъ отзыва, Карамзинъ принадлежитъ къ тѣмъ историкамъ, произведенія которыхъ представляя вѣрное повѣствованіе о проис-

* Очерки русской литературы, ч. 2, стр. 1—34.

Шестивяхъ, служатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, зеркаломъ ихъ собственныхъ мнѣній. Въ концѣ онъ сравнивается съ Ливіемъ, въ отношеніи изображенія предмета; относительно же прилежанія и критики онъ ставится значительно выше послѣдняго.

Въ числѣ ученыхъ, имена которыхъ часто фигурировали въ журналахъ 20-хъ годовъ, мы встрѣчаемъ Строева, Кеппена, Калайдовича, Востокова и Снегирева. Ученые труды ихъ, дѣйствительно, были на столько замѣчательны, что на нихъ естественно было остановиться журналистикѣ.

Имя Строева неразрывно связано съ археографическою экспедиціею, принесшею русской исторіи громадную пользу описаніемъ библиотекъ и архивовъ различныхъ городовъ Россіи и изданіемъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ. Мысль о снаряженіи археографической экспедиціи всецѣло принадлежала Строеву. Придя къ заключенію, что безъ разбора старинныхъ книгохранилищъ невозможно усовершенствовать науку русской исторіи, онъ въ мартѣ 1828 года представилъ Академіи Наукъ подробный планъ археографическаго путешествія по Россіи, которое съ Миллеровымъ по Сибири, должно было составить одно цѣлое. Академія приняла планъ, и 14-го іюля Государь утвердилъ его. Но мысль объ экспедиціи созрѣла у Строева гораздо раньше утвержденія послѣдней. Еще въ 1823 году онъ говорилъ въ „Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ“ рѣчь, въ которой выразилъ мысль о необходимости снаряженія экспедиціи въ интересахъ усильнѣйшаго развитія науки русской исторіи. Рѣчь эта была помѣщена въ „Сѣверномъ Архивѣ“ Булгарина и представляетъ много замѣчательнаго. Въ ней Строевъ говорилъ, что кругъ дѣйствій общества будетъ очень тѣсенъ, если его члены ограничатся одною синодальною бібліотекою и станутъ издавать только то, что попадется случайно или что отчасти уже извѣстно. „Не одна Москва, говорилъ онъ, должна быть поприщемъ нашей дѣятельности; но пусть цѣлая Россія превратится въ нашу бібліотеку. Не сотнями извѣстныхъ уже рукописей должны мы ограничить наши занятія, но безчисленнымъ множествомъ хартій, заключенныхъ въ соборныхъ

и монастырскихъ хранилищахъ, никѣмъ не посѣщаемыхъ, никѣмъ нехранимыхъ и никѣмъ не описанныхъ, въ архивахъ, кои нещадно опустошаетъ всеразрушающее время и нерадивое невѣжество; въ сырыхъ кладовыхъ и подвалахъ, неосвѣщенныхъ лучами солнца, куда груды рукописей и свитковъ свнесены, кажется, единственно для того, чтобы грызущія животныя, черви, тля и ржа могли истреблять ихъ удобнѣе и скорѣе. Общество исторіи должно извлечь, сохранить, привести въ извѣстность, и если не обработать само, то, по крайней мѣрѣ, доставить случай другимъ обрабатывать всѣ письменные памятники нашей исторіи и древней словесности, разсѣянные на обширномъ пространствѣ отъ береговъ Бѣлаго моря до степенъ Украинскихъ и отъ границъ Литвы и Польши до хребта горъ Уральскихъ“ *. Для осуществленія этого, Строевъ считалъ необходимымъ образованіе экспедиціи, которая обзрѣла бы, разобрала и съ возможною точностью описала всѣ монастырскія, соборныя и вообще казенныя собранія рукописей на пространствѣ, имъ означенномъ. На первый разъ Строевъ предлагалъ раздѣлить экспедицію на три поѣздки. Сѣверная поѣздка должна была коснуться губерній Новгородской, Петербургской, Олонецкой, Архангельской, Вологодской, Вятской, Пермской и черезъ губерніи Костромскую, Ярославскую и Тверскую, возвратиться въ Москву. Этѹ поѣздку Строевъ считалъ важнѣйшею и любопытнѣйшею, такъ какъ названное пространство богато древними монастырями и книгохранилищами, куда „мечъ иноплемениковъ, пожары и губительное опустошеніе являлись рѣже, нежели въ южныя страны“. Вторая поѣздка должна была коснуться губерній Московской, Владимірской, Нижегородской, Казанской, Симбирской, Пензенской, Тамбовской, Рязанской, Тульской, Калужской, Смоленской и Псковской; третья—Витебской, Могилевской, Минской, Волынской, Кіевской, Черниговской, Полтавской, Курской и Орловской. Всѣ эти поѣздки можно было совершить, по мнѣнію Строева, въ

* Сѣверный Архивъ 1823 г., ч. 8, стр. 7 и 8.

четыре года. Издержки опредѣлялись имъ въ 7,000 рублей ежегодно. Далѣе онъ указывалъ, какъ на примѣръ, на правдоподобность путешествія Миллера по Сибири, благодаря которому мы знаемъ русскую исторію начала XVII ст., знаемъ время Лжедмитріевъ и смутнаго правленія бояръ.

Общество одобрило предложеніе Строева, но не могло его исполнить по недостатку денегъ. Оно ограничилось тѣмъ, что поручило ему обозрѣть бібліотеку Новгородскаго Софійскаго собора, что и было имъ исполнено. Возвратясь оттуда, Строевъ, по приказанію высшаго начальства, занялся въ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ разборомъ дѣлъ донскихъ казаковъ и извлеченіемъ изъ нихъ матеріаловъ для ихъ исторіи. Въ 1824 г. Карамзинъ поручилъ Строеву составленіе алфавитнаго указателя къ исторіи, который былъ оконченъ имъ въ четыре года. Къ замѣчательнымъ трудамъ Строева принадлежитъ также „Описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей, хранящихся въ бібліотекѣ графа О. А. Толстова“.

Другимъ замѣчательнымъ дѣятелемъ между русскими учеными названнаго времени былъ Кеппенъ. Имя его также часто встрѣчается въ журналахъ 20-хъ годовъ. Особенное вниманіе заслужили его „Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи“ и „Собраніе славянскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи“. Въ первомъ трудѣ журналистикой съ особенной похвалой были отмѣчены, между прочимъ, слѣдующія статьи: „Опытъ хронологическаго списка учебнымъ заведеніямъ, состоящимъ въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія“, Кеппена, и „Успѣхи просвѣщенія въ первое десятилѣтіе царствованія Александра I“ Якоба, „О духовныхъ училищахъ грекороссійскаго исповѣданія“ Кеппена, „Объ учебныхъ заведеніяхъ, состоящихъ въ вѣдѣніи Римско-Католической Коллегіи“, „Краткое обозрѣніе Кормчей книги“ и „О происхожденіи, языкѣ и литературѣ литовскихъ народовъ“, Кеппена. Въ нихъ, дѣйствительно, можно было найти много интереснаго. Укажемъ на кое что изъ этого интереснаго. Говоря о казенныхъ и частныхъ училищахъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ М. Н. Просвѣщенія, Кеппенъ го-

ворить, что число ихъ въ 1827 г. простиралось за 1450, учащихъ же въ нихъ было 72,500 человекъ. Годы 1787 и 1805 въ отношеніи къ числу вновь открытыхъ училищъ были самыя богатые. Число духовныхъ училищъ въ 1824 г. простиралось до 344 (въ 1808 г. ихъ было только 83), учащихъ было 1022, учащихся 45,851. Церквей православныхъ въ 1823 г. было 28,111. Интересны свѣдѣнія, даваемые Кеппеномъ относительно колоніи евангелическаго исповѣданія въ Саратовской губерніи. Онъ говоритъ, что въ 73 колоніяхъ число жителей въ 1824 г. простиралось до 56,472 человекъ, учащихся же было 10,890, слѣдовательно, учился пятый человекъ. Такого отношенія не встрѣчалось въ то время ни въ одномъ государствѣ Европы. Въ римско-католическихъ и греко-уніятскихъ епархіяхъ считалось только 56 учащихся и 405 человекъ учащихся, всѣхъ же жителей въ однихъ греко-уніятскихъ епархіяхъ считалось въ 1825 г. 1,590,687 человекъ. Въ Финляндіи 1826 г. учащихся въ училищахъ было 1893, жителей же считалось 1,288,423 человекъ. Относительно латышей Кеппенъ высказывалъ мнѣніе, что они народъ славянскаго племени, смѣшавшійся съ готами и образующій переходную ступень между славянами и германцами.

Указывая на выходъ въ свѣтъ „Матеріаловъ“ Кеппена, Погодинъ въ своей рецензіи на это изданіе писалъ въ своемъ журналѣ слѣдующее: „Читатели видятъ, какіе драгоценные матеріалы въ оной (книгѣ) собраны. Нужно ли говорить еще здѣсь о точности, съ какою они представлены? Труды г. Кеппена пребудутъ въ семъ отношеніи у насъ образцовыми“.

„Нѣкоторые спросятъ, можетъ быть, чѣмъ вознаграждено изданіе сей книги?—и рецензентъ съ сожалѣніемъ укажетъ на послѣднюю страницу, гдѣ въ *трехъ строкахъ* исчислены подписавшіеся“.

Съ такой же похвалой журналистика отзывалась о „Собраніи Словенскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи“. Погодинъ называлъ его драгоценнымъ, классическимъ изданіемъ. Другой ученый, извѣстный Востоковъ, въ рецензіи,

помѣщенной имъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ», далъ о „Собраніи“ такой отзывъ: „Если бы труды г. Кешпепа ограничились изданіемъ сихъ только 24 страницъ и принадлежащаго къ нимъ снимка, въ коихъ онъ передалъ ученому свѣту уже довольно число матеріаловъ для сужденія о древнѣйшемъ церковномъ языкѣ Словенскомъ и о первоначальной формѣ буквъ Кирилловскихъ; то и за сіе одно заслуживалъ бы онъ общей благодарности“.

Обратимся къ Калайдовичу и Востокову. Первый изъ нихъ, знатокъ русскихъ древностей и исторій, извѣстенъ, между прочимъ, какъ авторъ замѣчательной книги „Іоаннъ, экзархъ Болгарскій“. Сочиненіе это въ свое время вызвало сильную полемику между его авторомъ и профессоромъ Каченовскимъ. Послѣдній доказывалъ, что Іоаннъ жилъ не въ 9, а въ 12 ст. Но замѣчательнѣе этого то, что писалъ Погдинъ объ этой книгѣ въ своемъ журналѣ въ 27 г. Какъ мало еще людей у насъ занимается науками, писалъ онъ къ своему другу въ Петербургъ, даже въ университетахъ, между студентами! Книга, подобная Экзарху со всѣми критиками и антикритиками должна бы входить въ классическое ихъ занятіе. Намъ говорятъ о сочинителѣ Словенской Грамматикѣ въ 9 столѣтіи, переводчикѣ *Философскихъ* сочиненій на *молодой* (болгарскій) языкъ, а мы слушаемъ это съ такимъ равнодушіемъ, какъ будто бы намъ рассказывали пошлую побасенку: знаешь ли, что за сочиненіе объ Іоаннѣ Экзархѣ едва вырученъ издержки на гравированные листы? И между тѣмъ почти отъ девяти десятый лепечеть у насъ стихами!!!* *

Съ большой похвалой отнеслась журналистика къ „Письмамъ“ Калайдовича къ Малиновскому объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Рязанской губерніи. Въ этихъ письмахъ Калайдовичъ сообщилъ много интересныхъ историческихъ свѣдѣній о городахъ Спасскомъ, Старой-Рязани, Зарайскѣ, о древнихъ зданіяхъ, развалинахъ, церковныхъ достопамят-

* М. Вѣстникъ 1827 г., ч. 2, стр. 208.

ностяхъ Рязани и окрестныхъ мѣстъ, о *городкахъ* и *городкахъ*, лежащихъ въ окружности посѣщенныхъ Калайдовичемъ мѣстъ. Говоря о названной книгѣ, рецензентъ «Сѣвернаго Архива» замѣтилъ, что она во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманіе любителей исторіи и должна имѣть мѣсто въ каждой библиотекѣ.

Калайдовичъ замѣчательнѣе не только какъ ученый, но и какъ авторъ рецензій, помѣщавшихся въ журналахъ 20-хъ годовъ. Такъ, замѣчательна его рецензія на практическую грамматику Греча, помѣщенная въ «М. Вѣстникѣ» 27 г. Въ ней онъ, прежде всего, говоритъ о раздѣленіи названной грамматики на части, при чемъ выражаетъ сожалѣніе, что въ курсахъ языка не дается мѣста азбукѣ, искусству читать и писать, предшествующему наукѣ говорить правильно. Страннымъ ему кажется, что подъ оглавленіемъ именъ качественныхъ у Греча находятся прилагательныя и причастія вмѣстѣ съ нарѣчіями и дѣепричастіями. „Безспорно, говорить онъ, что всѣ сии части рѣчи означаютъ качества, но какъ называть ихъ именами?“ Не согласенъ онъ съ Гречемъ въ томъ, что женскій родъ нужно помѣщать послѣ средняго. „Довольно, замѣчаетъ онъ, для прекраснаго пола уступить и намъ, мужчинамъ,—за что женщины ставятъ ниже бездушныхъ вещей?“ Вмѣсто трехъ склоненій существительныхъ, онъ принимаетъ четыре, послѣднее для существительныхъ женскаго рода на ъ. Возстааетъ онъ также на принятіе степеней сравненія названій: положительная, сравнительная и превосходная. Онъ предлагаетъ названія: равная, высшая и низшая. Говоря о числительныхъ, Калайдовичъ замѣчаетъ что нельзя склонять слово *сорокъ* во всѣхъ падежахъ. „Я всегда слышалъ, говоритъ онъ: зачѣмъ моимъ *сорока* тысячамъ пропадать; *сорока* тысячами можно прекрасный домъ построить; *въ сорока* тысячахъ рублей четыре милліона копѣекъ. Почти то же можно замѣтить о склоненіи словъ *сто*, *полтора*, *полтретья*“. Мѣстоименія притяжательныя, указательныя, опредѣлительныя и неопредѣленныя онъ пред-

лагаеть назвать прилагательными, на томъ основаніи, что ихъ нельзя употреблять вмѣсто имени существительнаго *.

Труды знатока славянскаго языка Востокова были достаточны оценены уже въ 20-хъ годахъ. Однимъ изъ лучшихъ ихъ цѣнителей, какъ и другихъ подобныхъ трудовъ, былъ Погодинъ. По поводу грамматическихъ объясненій, приложенныхъ къ „Собранію Словенскихъ памятниковъ“ Кеннепа и составленныхъ Востоковымъ, вотъ что было сказано въ журналѣ Погодина: „Къ симъ статьямъ (Собранію) приложены грамматическія объясненія, составленныя А. Х. Востоковымъ,—образчикъ ученыхъ грамматическихъ объясненій!—Всякому читающему должно придти на мысль: что если бы такіе люди, какъ Востоковъ, были у насъ совершенно обезпечены и получали всѣ вспомогательныя средства для трудовъ своихъ, чего не сдѣлали бы они, имѣя русскія свѣтлыя головы, нѣмецкую ученость и обстоятельность,—на пользу наукъ, во славу Отечества! Европа съ благодарностью приняла бы сихъ новыхъ сподвижниковъ, и дала бы имъ почетное мѣсто среди своихъ ученыхъ“**. Съ такою же признательностью отнесся «М. Вѣстникъ» къ сочиненію Снегирева о русскихъ народныхъ праздникахъ. Скажемъ о замѣчательной программѣ для этого труда, составленной Снегиревымъ и помѣщенной въ «М. Вѣстникѣ» 28 г. Праздники, говорится въ ней между прочимъ, суть торжественные дни воспоминаній, благодаренія и радости. Какъ поэзія и какъ достоинствѣ народа, праздники, показывая характеръ, духъ и его мнѣнія, относятся къ археологіи, мнѣологии и нравственности. Народные праздники въ отношеніи ко времени раздѣляются на *древніе*, берущіе начала въ языческія времена, *новые*, введенныя разными обстоятельствами, и *смѣшанныя*, т. е. древніе съ новыми, русскіе съ чужеземными, какъ-то: съ греческими, финскими, литовскими и татарскими, христіанскіе съ языческими. Такъ какъ празд-

* „М. Вѣстникъ“ 27 г., ч. 6, стр. 427 и гл.

** „М. Вѣстникъ“ 28 г., ч. 12, стр. 295.

ники приурочиваются къ годовой порѣ и сельскимъ работамъ, служа сроками платежа оброка, временемъ ярмарокъ или сборовъ и торговъ, а въ древности были временемъ вѣчей и судовъ, народныхъ и святительскихъ; то поэтому они дѣлятся на *постоянные* и на *подвижные*, или *случайные*, напримѣръ: празднованіе свадьбы, именинъ, поминки и т. д. По мѣсту праздники бываютъ *общіе*, напримѣръ: масляница, святки, Ивановъ день, и *мѣстные*, напримѣръ: въ Московской губерніи *красная юрка*, въ Сибири *ключъ*, въ Ярославѣ, Твери, Рязани, Костромѣ и Воронежѣ *Ярило*. Мѣсто совершенія праздниковъ: горы, рощи, берега рѣкъ, озеръ, луга, поля. Одни изъ нихъ бываютъ днемъ, другіе ночью, напримѣръ: опаживанье, купанье на Ивановъ день. Въ однихъ участвуютъ мужчины, въ другихъ—женщины, въ вѣнхъ дѣвицы, или тѣ и другіе вмѣстѣ. Они соединены съ различными обрядами, напримѣръ: омовеніемъ, перескакиваніемъ черезъ огонь, окуриваніемъ, заплетеніемъ и пусканіемъ на воду вѣнковъ, хороненіемъ золота, и т. д. Изъ кушанья и питья на праздникахъ, употребляются: блины, пироги, пряженцы, пряники, ковриги, жаворонки, кресты, лошадки, калитки, калачи, караваи, ячницы, меды, вино, варенуха, и т. д. *

Помѣстивши программу, и сказавши, что, приступая къ своему труду, Снегиревъ исполняетъ порученіе „Общества Исторіи и Древностей“ прибавимъ слѣдующее примѣчаніе: „Варшавское историческое общество предложило также подобную задачу: описать народные праздники и суевѣрія въ Польшѣ, и опредѣлило сочинителя наградить золотою медалью. Вѣроятно, такой подвигъ заслужить и у насъ всеобщее вниманіе, особенно, если вникнуть въ тѣ трудности, съ которыми сопряженъ онъ для частнаго человѣка, не имѣющаго никакихъ пособій, а подкрѣпляемаго въ своихъ занятіяхъ любовью къ просвѣщенію отечественному и къ старинѣ русской“.

Современные художественные писатели, романисты, поэ-

* „М. Вѣстникъ“ 28 г., ч. 2, стр. 221—225.

ты, составляют также значительный отдѣлъ лицъ, которымъ русская журналистика 20-хъ годовъ отвела мѣсто на своихъ страницахъ. По принятому плану, укажемъ прежде на писателей иностранной литературы. Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе Вальтеръ-Скоттъ, Байронъ, Шатобрианъ, Гете, Шиллеръ, Ж. П. Рихтеръ, Мицкевичъ, писатели, произведенія которыхъ, по своимъ высокимъ достоинствамъ, не могли быть обойдены и современною русскою журналистикою. Всѣмъ хорошо извѣстно, какъ многочисленны были переводы романовъ Вальтеръ-Скотта въ 20-хъ годахъ и какъ они нравились публикѣ. На этихъ романахъ очищался вкусъ послѣдней, восторгавшейся прежде произведеніями Дюкредомениля, Августа Лафонтена и Жанлисъ. Относительно Вальтеръ-Скотта мы находимъ, между прочимъ, такой взглядъ въ Московскомъ Вѣстникѣ 20-хъ годовъ *. Всеобъемлющій геній Вальтеръ-Скотта, говорится тамъ, вручилъ роману неотъемлемое право—стоять на ряду съ изящными образцами древняго и новаго міра и ввелъ его въ область поэзіи. Онъ привлекъ въ его сферу цѣлыя народы, вмѣстилъ въ немъ цѣлыя столѣтія, перенесъ поэзію въ дѣйствительность и преимущественно передъ другими поэтами разгадалъ множество тайнъ человѣка. Его романы могутъ замѣнить лѣта опыта, такъ какъ они живое изображеніе дѣйствительности. Вальтеръ-Скотта достойно можно назвать авторомъ *книги жизни*. Онъ сталъ выше всего человѣчества и показалъ ему ясное, вѣрное и вмѣстѣ необъятное зеркало, отражающее всю богатую сцену міра съ ея бесконечно разнообразными лицами и явлениями. Онъ также разнообразенъ, также не исчерпаемъ, какъ судьба съ созданіемъ людей и характеровъ; но онъ иногда бываетъ хитрѣе судьбы въ сплетеніи происшествій, въ завязкѣ и развязкѣ дѣйствія. „Англію, какъ государство *практическое*, назначила судьба быть отечествомъ *практическаго* романиста. Англія, какъ средоточіе гражданской

* „М. В.“ 1827 г., ч. 5, стр. 410 и слѣд. Статья принадлежит извѣстному критику С. Шевыреву.

дѣятельной жизни, которой исторія, преимущественно передъ исторіями другихъ народовъ, изобилуетъ характерами, сими главными производителями жизни частной и государственной, Англія сама себя должна была узнать въ твореніяхъ великаго историка-романиста. Въ немъ она достигла своего самопознанія*.

Нѣтъ нужды замѣчать, что переводы романовъ Вальтеръ-Скотта въ 20-хъ годахъ были очень плохи, хотя были и исключенія. Современная журнальная критика указывала на достоинства перевода. Такъ, «Сѣверная Пчела» говорила, что иные романы Вальтеръ-Скотта переведены *посредственно*, другіе *весьма удачно*, третьи—*довольно хорошо* *. Переводились его романы большею частію съ французскаго, такъ какъ знакомство съ этимъ языкомъ въ 20-хъ годахъ въ русскомъ обществѣ было гораздо распространеннѣе, нежели съ англійскимъ. И это обстоятельство было отмѣчено нѣкоторыми журналами. Такъ, напримѣръ, въ «Московскомъ Вѣстникѣ» за 27 г., ч. 5, въ стихотвореніи „Сцена въ книжной лавкѣ“, гдѣ выведены разговаривающими книгопродавецъ, переводчикъ и помѣщикъ, есть такое мѣсто. Переводчикъ входитъ въ лавку съ рукописью подъ мышкой. Книгопродавецъ любопытствуетъ узнать, что за сокровище тамъ спрятано. Узнавъ, что переводъ съ французскаго, онъ восклицаетъ:

А! изъ французскихъ,—Вальтеръ-Скоттъ!

Его романы славно сходятъ.

Переводчикъ.

Какой-же онъ французъ—помплуйте!

Книгопродавецъ.

Ну вотъ!

Его съ французскаго у насъ все переводятъ,

Такъ за француза онъ слыветъ.

* На романы В. Скотта „С. Пчела“ высказывала очень странный взглядъ. Въ ней говорилось, что чтеніе ихъ полезно только отъ нечего дѣлать и что большею частію читаетъ ихъ публика, убивавшая нѣкогда время въ чтеніи чудовищныхъ произведеній Радклифа или негѣрныхъ романовъ нѣжнаго Дюкредюменля (1827 г., № 5).

За тѣмъ онъ прибавляетъ:

И нечего сказать—на Вальтеръ-Скотта
У насъ пришла чудесная охота.
Вотъ сколько написалъ! Онъ не писатель—чортъ!
Возьми романъ любой—Астрологъ, Кенильвортъ
Певрилъ дю-Пикъ—заглавья очень странны,
Да вѣдь за то что за романы!
Ужъ ния-то его одно беретъ!

Отзывы о романахъ Вальтеръ-Скотта и его поэзиі можно встрѣтить въ журналахъ 20-хъ годовъ въ отдѣлѣ критики и науки. Такъ, напримѣръ, въ отдѣлѣ науки мы встрѣчаемъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ статью Титова, озаглавленную: „О романѣ“. Въ ней, между прочимъ, говорится и о Вальтеръ-Скоттѣ. Авторъ называетъ его дополнителемъ Шекспира, въ томъ смыслѣ, что онъ представилъ господство Тюдоровъ и борьбу Стюартовъ съ народомъ до самой революціи 1688 г. Далѣе авторъ замѣчаетъ, что Вальтеръ-Скоттъ въ Ивангоэ воскресилъ древнюю борьбу саксовъ съ ихъ завоевателями норманнами. „Какая всеобъемлющая полнота въ его изображеніяхъ! говоритъ онъ, воодушевляясь. Живописуя характеры государей, чувствованія, двигавшія массами народа, онъ находитъ досугъ показать намъ во всей подробности кавалерскія украшенія Елизаветина любимца Лейчестера и всѣ старыя одежды свинопаса Гурта.—Вальтеръ-Скоттъ, подобно всѣмъ англійскимъ романистамъ, смотритъ на жизнь съ исторической точки зрѣнія, и, представляя эпизоды изъ исторіи человѣчества, не заботится о значеніи ихъ въ отношеніи къ цѣлому. Его произведенія понятны для всякаго, даже не приготовленнаго читателя* *. Въ заключеніе замѣтимъ, что, помѣщая отзывы о Вальтеръ-Скоттѣ, журналы 20-хъ годовъ помѣщали на своихъ страницахъ и произведенія этого писателя, въ существѣ дѣла справедливо ими одѣянаго, но въ переводахъ иногда значительно ослабленнаго и обезцвѣченнаго **.

* „М. В.“ 1828 г., ч. 7, стр. 169.

** Въ М. В. 1827, ч. 1, помѣщена статья подъ названіемъ „Мысли Байрона о Вальтеръ-Скоттѣ“, въ которой, между прочимъ, говорится, что

Другим плѣнителемъ умовъ и чувствъ русскаго общества 20-хъ годовъ, а вмѣстѣ и журналистики, былъ Байронъ, вмѣстѣ съ Вальтеръ-Скоттомъ оказавшій сильное вліяніе на нашу литературу. Разбирая переводъ его повѣсти „Паризина“, критикъ „Московскаго Вѣстника“, преклоняясь передъ великимъ поэтомъ, замѣчаетъ: „Читателей Байрона можно раздѣлить на два разряда: одни читаютъ его потому, что онъ поэтъ великій, другіе, потому, что онъ поэтъ модный. Послѣдніе довольны, если знаютъ содержаніе поэмъ его и могутъ рассуждать о нихъ въ обществѣ; для сихъ людей весьма достаточно посредственныхъ переводовъ въ прозѣ, переводовъ на французскій языкъ, или, всего короче, журнальныхъ разборовъ. Но первые читатели, выдающіе въ Байронѣ не просто предметъ временныхъ толковъ и восторговъ, а истиннаго гения, въ твореніяхъ котораго отразилось стремленіе его вѣка, хотятъ его чувствовать, переселиться въ его точку зрѣнія, оцѣнить въ немъ всякую мысль, всякое слово; для сихъ людей нужны переводы въ стихахъ, вѣрные, художественные“. Первокласснымъ произведеніемъ Байрона критикъ считаетъ „Шильонскаго узника“, переводъ котораго онъ называетъ образцовымъ. По его мнѣнію, въ этомъ произведеніи превосходно отразился характеръ Байрона. Въ „Абидосской невѣстѣ“ онъ видитъ яркость воображенія и живость чувства. Говоря вообще о Байронѣ, онъ замѣчаетъ, что послѣдній не трудится съ точностью древнихъ писателей надъ изображаемыми имъ лицами, бросая на нихъ нѣсколько лучей своего пламеннаго гения, и эти лица, не смотря на то, проходятъ передъ нами, хотя и въ таинственномъ сумракѣ, незабвенными для нашего воображенія. Онъ называетъ Байрона знатокомъ человѣческаго сердца и находитъ въ его произведеніяхъ красоты, достойныя для изученія поэтовъ.

Въ томъ же журналѣ другой критикъ, Шевыревъ, раз-

Байронъ никогда не путешествовалъ безъ романовъ В. Скотта. Онъ говорилъ, что могъ бы перечитывать ихъ каждый годъ съ новымъ удовольствіемъ. Но это не мѣшало ему видѣть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у В. Скотта заимствованія у Шекспира и Шеридана.

бирая переводъ „Манфреда“, находить, что характеръ поэзи Байрона есть *музыкальность*. Въ „Манфредѣ“, говоритъ онъ, происшествіе служитъ только средствомъ для представленія идеи. Поэтъ не знакомить насъ ни съ подробностями жизни своего героя, ни съ его происхожденіемъ; онъ не предметы, не происшествія изображаетъ, а слѣды этихъ происшествій, впечатлѣнія происшествій, оставшіеся отъ нихъ на душѣ“. Такъ, музыка, замѣчаетъ онъ, въ своихъ звукахъ не предметы представляетъ, а чувствованія, производимыя предметами. Посему не непонятно будетъ, если мы скажемъ, что характеръ поэзи Байрона есть *музыкальный*“.

Въ заключеніе о Байронѣ приводимъ отрывки изъ одного стихотворенія, помѣщеннаго въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1828 г., подъ названіемъ: „Байронъ“.

Элада древняя, священный Геликонъ,
Гордитесь прахомъ сямъ—у васъ сокрытъ Байронъ!
Въ побѣдномъ заревѣ погасло вдохновенье.
При звукѣ бранныхъ трубъ палъ гордый исполинъ
И вопли пронесли отъ греческихъ дружинъ:
Хвала, герой-пѣвецъ, свободой вдохновенный!
Ты укрѣпилъ нашъ духъ, ты примѣръ вождей,
Гомеромъ страствовалъ, пѣлъ битвы какъ Тиртей;
Теперь!... лобзаемъ прахъ, намъ вѣчно незабвенный.

* * *

А ты... *

Среди морей твоихъ надменный какъ деспотъ,
Какой воздвигнешъ гробъ надъ гордою цѣвницей!
Пускай отвергнешъ ты пѣвца священный прахъ,—
Скалы безмолвныя, дубъ дикій на скалахъ
И море бурное останутся въ вѣкахъ
Его достойною и вѣчною гробницей!...

Наряду съ произведеніями Вальтеръ-Скотта и Байрона въ журъналахъ 20-хъ годовъ переводились и произведенія Шатобріана, а также помѣщались ихъ разборы. Въ нихъ онъ ставился весьма высоко. Такъ, въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1828 г. ч. 7, въ началѣ разбора его сочиненій говорится: „Французы удивляются неутомимому генію Шатобріана, ко-

* Англійскій народъ.

торый съ равною силою ума дѣйствуетъ на поприщахъ гражданскомъ и литературномъ. Вновь издаваемыя имъ творенія обогащаются многими новыми драгоценными прибавленіями. Тамъ же мы находимъ нѣкоторые факты, относящіеся къ его путешествію по Америкѣ и встрѣчѣ съ Вашингтономъ⁴. Рекомендуясь послѣднему, Шатобрианъ, между прочимъ, сказалъ: „Не такъ трудно открыть проходъ сѣверо-западный, какъ сотворить народъ (переводъ журнала), подобный тому, который вы сотворили“. Описавъ обѣдъ, на который онъ былъ приглашенъ Вашингтономъ, Шатобрианъ далѣе замѣчаетъ: „Такова была моя встрѣча съ освободителемъ Новаго Свѣта. Вашингтонъ сошелъ въ могилу, прежде нежели молва успѣла обо мнѣ шепнуть ему; я мелькнулъ передъ нимъ какъ человѣкъ незнаемый; онъ предсталъ ко мнѣ во всемъ блескѣ, я передъ нимъ во всей моей неизвѣстности. Даже одного дня не прожило мое имя въ его памяти. Но я счастливъ тѣмъ, что взоры его пали разъ и на меня! Ихъ пламень согрѣвалъ меня въ остальной моей жизни: есть тайная сила во взорахъ великаго“. Въ названномъ разборѣ дѣлаются выдержки изъ того мѣста сочиненій Шатобриана, гдѣ онъ излагаетъ свой взглядъ на Вашингтона. Онъ знакомилъ читателей съ картиннымъ изложеніемъ его сочиненій. Вотъ одно такое мѣсто: „Вашингтонъ не принадлежитъ, подобно Бонапарту, къ тому исполинскому племени Александровъ и Цезарей, которое возвышается надъ главами всего человѣчества. Въ немъ ничто не удивляетъ; сцена его дѣйствій необширна; онъ не соперничаетъ съ искуснѣйшими полководцами, съ сильными монархами своего вѣка; онъ не переплываетъ морей, не шагаетъ изъ Мемфиса въ Вѣну, изъ Кадикса въ Москву: съ горстью гражданъ защищается онъ на землѣ чуждой славы и воспоминаній, въ тѣсномъ кругу очаговъ домашнихъ. Онъ не даетъ сраженій, возобновляющихъ кровавыя торжества Арбелловъ и Фарсалию; онъ не разрушаетъ престоловъ съ тѣмъ, чтобъ изъ обломковъ ихъ возстановить новыя“.

Нѣмецкіе современные гени также давали пищу рус-

своей журналистикѣ названнаго времени. Здѣсь мы также видимъ, съ одной стороны, взгляды, а съ другой переводы и факты, касающіеся жизни названныхъ лицъ. Одинъ изъ критиковъ 20-хъ годовъ высказываетъ, напримѣръ, такой взглядъ на Гете. „Гете, какъ великій поэтъ - мыслитель, говоритъ онъ, полнѣе и спокойнѣе (нежели Ж. П. Рихтеръ) разсматриваетъ (въ своихъ романахъ) жизнь и назначеніе чело-вѣка. Ни въ слогѣ, ни въ представляемыхъ имъ лицахъ вы не встрѣтите рѣзкихъ противоположностей; онъ во всемъ умѣетъ найти хорошую сторону; главное его правило, кажется, то, что въ мирѣ все къ лучшему, и всѣ житейскія превратности служатъ къ развитію способностей, слѣдовательно, къ совершенствованію нашему; сіе развитіе почитаетъ онъ благороднѣйшимъ назначеніемъ чело-вѣка, любовь однимъ изъ сильнѣйшихъ къ тому способовъ. Нравственная истина, извлекаемая изъ романовъ Гете, есть та, что чело-вѣкъ, принимая отъ всѣхъ ближнихъ пособія для своего совершенствованія, обязанъ и имъ воздавать тѣмъ же. Главное къ сему средство есть изящное въ искусствахъ; и любовь къ изящному почитаетъ Гете матерью всѣхъ благородныхъ склонностей и порывовъ сердца; изящныя искусства, полагаетъ онъ, должны дѣйствовать благотѣльно и на неодушевленную природу, улучшая миръ, нами обитаемый, и тѣмъ способствуя къ нашему счастью душевному“ *. Высказывая свои взгляды на произведенія великаго писателя, русская журналистика общала и нѣкоторые факты, относящіеся къ нему. Такъ, въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1828 г., ч. 9, помѣщено въ подлин-

* Вѣрный взглядъ на Гете былъ высказанъ Шевыревымъ въ М. В. 28 г., „Стремленіе сблизить поэзію съ глубиною жизни дѣйствительной, говоритъ онъ, повторилось черезъ два вѣка послѣ Шекспира въ великомъ Гете. Но онъ простеръ его еще далѣе. Шекспиръ выводилъ только важныя лица исторически: жизнь его трагедій, какъ Исторія Гюмова, заключается въ одной жизни Цезарей. Гете своимъ произведеніемъ „Геццъ“ и для самой исторіи раскрылъ новые виды: не живое ли даетъ онъ на-ставленіе въ образцѣ своемъ, что исторія, какъ всеобщая драма рода чело-вѣческаго, должна быть живою, одушевленную картиною людей всякого рода, во всѣхъ сословіяхъ, во всѣхъ положеніяхъ жизни?“

никѣ и въ переводѣ письмо Гете къ Борхарду, написанное въ отвѣтъ на статью послѣдняго „Goethes Würdigung in Russland“ и разборъ „Елены“, написанный Шевыревымъ и посланный къ Гете въ переводѣ Борхардомъ. Въ своемъ письмѣ Гете говоритъ, между прочимъ, что для него было неожиданностью встрѣтить въ отношеніи къ нему на отдаленномъ Востокѣ чувства столь же нѣжныя, сколько глубокия, пріятнѣе и привлекательнѣе которыхъ онъ не можетъ указать и на Западѣ, уже многія столѣтія идущемъ къ образованію. Сказавъ о своихъ отношеніяхъ къ Жуковскому (ein höchst erquickliches Verhältniss zu Herrn Schukowsky), Гете говоритъ далѣе: „Размышленія, къ которымъ я приведенъ теперь, столь же обширны и необъятны, какъ то государство, въ средоточеніи котораго вы находитесь. Уже древняя столица, которую мы еще не задолго считали находящеюся въ развалинахъ, снова, непонятнымъ образомъ, возникла изъ пепла, и вы, вмѣстѣ съ достойными вашими друзьями, будучи призваны раздѣлить участь столь важной точки вселенной, въ знаменательную эпоху, не ставьте границъ вашему ученію *, чтобы вѣрнѣе достигнуть туда, гдѣ чистая, простая, благородная дѣятельность необходима для уничтоженія многихъ препятствій, для совершенія многого добра“. Въ концѣ письма онъ замѣчаетъ: „Продолжайте спокойно знакомить человека съ самимъ собою, да почувствуетъ онъ цѣну и достоинство и да научится узнавать то мѣсто, которое ему назначено въ отношеніи къ цѣлому міру и въ особенности внутри его опредѣленнаго круга“. Въ томъ же журналѣ мы находимъ слѣдующій интересный анекдотъ о Гете. Живописецъ Зальдерскъ изъ Брауншвейга весьма удачно нарисовалъ на кубкѣ портретъ Гете. Написавъ на кубкѣ собственною рукою: „Heil und Gruss Göthe,“ великій поэтъ сказалъ слѣдующій экспромтъ:

Когда я молодъ былъ, когда
Мечта о славѣ сердце веселила,—

* Здѣсь Гете разумѣлъ вообще литературу.

Я былъ хорошъ, но живопись тогда
 Моемъ лицомъ не дорожила;
 Зато красавица, и не одна,
 Была тогда мнѣ сердцемъ предана.
 Теперь на старости, я дожилъ славы,
 Ужъ въ городахъ торгуютъ нынѣ мной:
 На трубкѣ я, на чашѣ круговой,
 Какъ старшій Фрицъ, написанъ для забавы,
 Но вѣтъ ужъ мнѣ привѣта красоты:
 Ахъ, гдѣ любовь? гдѣ юности мечты?

Рѣже встрѣчается въ журналахъ 20-хъ годовъ имя Шиллера. Изъ статей, относящихся къ нему, укажемъ на его биографію, помѣщенную въ „Невскомъ Зрителѣ“ 1820 г., ч. 1. Впрочемъ, она даетъ не много матеріала. Характеристика ея такого рода: „Шиллеръ обладалъ рѣдкими качествами сердца. Будучи откровененъ и довѣрчивъ, справедливъ въ словахъ и поступкахъ, удаленъ отъ гордости и эгоизма, онъ въ короткое время приобрѣлъ себѣ благорасположеніе каждаго Чѣмъ короче узнавали его, тѣмъ болѣе чувствовали ему цѣну. Высокій ростъ, худощавое, блѣдное лицо, носившее на себѣ слѣды слабаго здоровья, не заставляли въ первую минуту обращать на него вниманіе; но проницательному взору открывались въ голубыхъ глазахъ его искры пламеннаго генія; высокое, открытое чело предвѣщало поэта и философа (значить, каждый человѣкъ съ большимъ лбомъ—поэтъ и философъ); какъ скоро онъ начинаетъ говорить, легкій румянецъ начинаетъ пробѣгать по лицу его и придавать ему неописанную пріятность. Подобно всякому человѣку, одаренному избыткомъ ума и чувствъ, но долго лишенному всѣхъ наслажденій въ жизни, Шиллеръ, по достиженіи свободы, часто наполнялъ чашу веселія. Но наслажденія его были, подобно ему, гениальны (!) и благородны.—Красоты природы сильно трогали его. Онъ часто въ легкой ладѣ предавался стремленію рѣки въ то время, когда бури воздымали волны и черныя тучи изрыгали вокругъ его громы и молніи.—Шиллеръ особенно любилъ заниматься ночью. Когда умолкалъ беспорядочный шумъ свѣта, въ то время геній го-

ворилъ ему яснѣе и понятнѣе. Съ угасшимъ свѣтомъ дня возгарался пламень его вдохновенія, и часто утренняя заря заставляла Шиллера посреди его трудовъ.—Нѣкоторыя свѣдѣнія, относящіяся къ Шиллеру, можно найти въ журналахъ 20-хъ годовъ въ отдѣлѣ „Смѣси“ и „Разныхъ извѣстій“. Таково, напримѣръ, слѣдующее извѣстіе „Невскаго зрителя“: „Въ журналѣ Der Gesellechafter сказано, что прахъ великаго Шиллера покоится въ одной развалившейся хижинѣ (?), въ самомъ отдаленномъ углу Веймарскаго кладбища, между тѣмъ какъ въ пяти шагахъ отъ него сооруженъ великолѣпный обелискъ одному мастеровому, погибшему на пожарѣ“ *.

Третій нѣмецкій писатель, произведенія котораго помѣщались и разбирались въ журналахъ 20-хъ годовъ, Ж. П. Рихтеръ, извѣстный причудливыми созданіями своей фантазіи. Критика 20-хъ годовъ вѣрно опредѣляла сущность его поэзіи. Таковъ, напримѣръ, взглядъ двухъ критиковъ „Московскаго Вѣстника“, Шевырева и Титова, на Ж. П. Рихтера. По мнѣнію перваго, это—гигантъ, создавшій собственный міръ въ своихъ романахъ. „Одно только чудесное, необыкновенное, невѣроятное даже въ природѣ, искусствахъ и наукахъ имѣетъ право на существованіе въ мірѣ, имъ созданномъ. Онъ не знаетъ середины, онъ во всемъ любитъ крайности. Въ злодѣяхъ его вы видите исчадія не земли, но ада, идеаль зла всемірнаго; въ добродѣтельныхъ—воплощенныхъ ангеловъ, свѣтлыхъ чадъ неба. Его женщины созданы изъ плоти, растворенной любовью и чувствительностью, изъ какихъ-то нѣжныхъ струнъ, малѣйшее прикосновеніе къ которымъ производитъ сотрясеніе въ цѣломъ ихъ

* Къ переводамъ изъ Шиллера можно указать на помѣщенные въ „М. Вѣстникѣ“ отрывки изъ „Смерти Валленштейна“ и „Лагерь Валленштейна“, „Жалобу Цереры“, „Безпредѣльность“, „Мизантропы“ и др.

Укажемъ здѣсь также на помѣщенную въ „Телеграфѣ“ 1827 г., переводную статью „Гете и Шиллеръ“, въ которой рѣшается вопросъ о нравственныхъ достоинствахъ этихъ писателей, причѣмъ первый ставится гораздо ниже втораго. Въ статьѣ, очевидно, высказаны взгляды партіи.

составѣ: такова его Ліана въ Титанѣ. Природа и искусства несутъ ему всѣ свои сокровища, когда онъ описываетъ міръ своей; изъ всѣхъ царствъ естества беретъ онъ краски для картинъ своихъ* . Второй критикъ сходясь съ этимъ взглядомъ. „Если судить по романамъ Ж. Поля, говорить онъ, человѣкъ сотворенъ любить, въ обширномъ смыслѣ слова; что не только противорѣчить, но даже не раздѣляетъ сей склонности, низко, смѣшно, отвратительно. Отъ того и въ характерахъ, и въ слогѣ романовъ Жанъ-Поля встрѣчается на ряду ангельское и адское, лирической восторгъ Руссо и каррикатура Фельдинга. Герои и героини его соединяютъ въ себѣ все возвышенное, что есть и чего нѣтъ въ природѣ человѣка. Они слишкомъ хороши для нашего міра. Сვაжемъ въ заключеніе, что всякій мыслящій, читая Жанъ-Поля, подивится неимовѣрному богатству картинъ, ѣдкости остроумія, огромности отдѣльныхъ мыслей; но повѣрить его вымысламъ лишь фантазія влюбленнаго** .

Между поэтами названнаго времени видное мѣсто занималъ Мицкевичъ. Поэтому естественно, что и о немъ говорила современная русская журналистика. Большое вниманіе обратилъ на себя его „Валленродъ“ и „Крымскіе сонеты“. О послѣднихъ въ одномъ журналѣ было сказано: „Это изображеніе самыхъ разительныхъ картинъ Крыма; но это не простое стихотворное описаніе. Авторъ, г. Мицкевичъ, далъ всякому изъ сихъ описаній форму особенную, и сіи формы столь оригинальны и столь разнообразны, что нельзя дать о нихъ никакого понятія тому, кто самъ не читалъ сихъ сонетовъ. Характеръ ихъ — что-то восточное; идеи — велики; сравненія изумляютъ смѣлостью; мы ничего подобнаго не знаемъ на языкѣ нашемъ! Всѣ сіи стихотворенія хороши, всѣ до одного; но лучшія, по нашему мнѣнію, слѣдующія: „Аккерманскія степи“, „Буря“, „Бахчисарайскій дворецъ“ и „Байдари“; еще прекраснѣе: „Плаваніе“, „Видъ горъ“ и „Чатырдагъ“; превосходнѣйшее: „Дорога надъ пропастью въ

* „М. Вѣстникъ“, 1817 г., ч. 5, стр. 413.

** Тамъ же, ч. 7, стр. 182.

Чуфуть-Кале". Впрочемъ, кто прочитаетъ одинъ изъ сихъ советовъ, тотъ прочитаетъ всѣ ихъ!"

Для образца переводовъ изъ Мицкевича, помѣщавшихся въ журналахъ 20-хъ годовъ, приведемъ стихотвореніе „Аккерманскія степи“ и отрывокъ изъ „Валленрода“. Вотъ первое:

Въ океанѣ сухомъ и безбрежномъ плыветъ
Колесница моя, точно въ морѣ ладья.
Средь играющихъ водъ то летитъ, то нырнетъ,
Средь волнистыхъ луговъ, средь разлива цвѣтовъ,
И проносятся мимо гряды острововъ
Ярко-цвѣтущихъ бурьяна.

* * *

Вотъ покрыла все мгла; ни стези, ни кургана.
Какъ все мрачно окрестъ, путеводныхъ нѣтъ звѣздъ,
Облачко вотъ блеститъ и заря ужъ горитъ:
Нѣтъ, то блещетъ тамъ Днѣстръ, то маякъ Аккермана
Тамъ запылалъ въ вышинѣ.

* * *

Но постойте... какъ тихо! Слышится мнѣ,
Какъ шумятъ журавли въ недостижной дали
Соколинымъ очамъ... Вотъ я слышу, какъ тамъ
Попатнулся цвѣтокъ и вспорхнулъ мотылекъ...
И какъ скользкою грудью касаюсь травы,
Проползаетъ змѣя... Ахъ, какъ тихо здѣсь! — я
Напрягаю такъ слухъ, что изъ милой Литвы
Ко мнѣ голосъ привѣтный чуть слышный дойдетъ...
Вдемъ—никто не зоветъ.

Вотъ начало вѣтупленія „Валленрода“:

„Уже сто лѣтъ истекало, какъ орденъ крестоносцевъ пла-
валъ въ крови полночнаго лѣвчества; уже прусаки прекло-
нили выю подъ цѣпи, или оставляли землю родную, унося
съ собой одну жизнь, а нѣмецъ бросался въ погоню за бѣг-
лецами, брать ихъ въ плѣнъ и убійствомъ означалъ путь до
границъ самой Литвы“.

„Нѣманъ раздѣляетъ литовцевъ отъ враговъ ихъ: на од-
ной сторонѣ рѣки блистаютъ вершины храмовъ, шумятъ
лѣса, обитатели боговъ; на другой виденъ крестъ, знаменіе

нѣмецъ, водруженный на холмѣ, кроющій чело свое въ небѣ: къ Литвѣ простираетъ онъ грозныя рамена свои, какъ будто желая съ верху горы обнять и попать всѣ земли Палемона*.

„На той сторонѣ, толпы литовскихъ юношей, въ рысскихъ колпакахъ, въ медвѣжьихъ одеждахъ, съ лукомъ за плечами, съ горстыми стрѣль, бродятъ и слѣдятъ движенія нѣмецъ. На другой сторонѣ, нѣмецъ въ шишакѣ и въ лаптахъ, неподвиженъ сидитъ на конѣ, и вперивъ очи въ станъ непріятельскій, заряжаетъ ружье и перебираетъ четки“*.

Если западная литература 20-хъ годовъ представляла много блестящихъ именъ въ числѣ своихъ поэтовъ, то и русская, въ свою очередь, могла выставить такія поэтическія силы, какъ Пушкинъ, Жуковский, Крыловъ. И странное дѣло: въ то время, какъ относительно нервныхъ русская журналистика 20-хъ годовъ высказывала болѣе или менѣе сходные взгляды, относительно вторыхъ, особенно Пушкина, она была гораздо менѣе единодушна. Объясняется это отчасти тѣмъ, что относительно иностранныхъ писателей она часто почерпала готовые взгляды изъ иностранной журналистики, на русскихъ же писателей должна была выработать взгляды сама. Притомъ такіе писатели, какъ Гете, Вальтеръ-Скоттъ, Байронъ не затрогивали ничего самолюбія въ средѣ русскихъ современныхъ писателей, никому не приходило въ голову между послѣдними тягаться съ ними силами, оставалось только хвалить и переводить ихъ произведенія, въ надеждѣ на матеріальную наживу, какъ это дѣлали нѣкоторые изъ журналистовъ 20-хъ годовъ. Другое дѣло—русскіе писатели, русскіе поэты! Какъ, напримѣръ, должны были посмотреть на появленіе въ русской литературѣ Пушкина поэты старой, такъ сказать, уквѣпившейся и окопавшейся школы, поэты, заручившіеся пріятельскими голосами въ журналистикѣ и считавшіе свой авторитетъ совершенно неизблемымъ. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые изъ нападавшихъ

* „Московскій Вѣстникъ“ 1828 г., ч. 8, стр. 290. „Конрадъ Валенродъ“ переведенъ въ этомъ журналѣ весь, съ примѣчаніями и объясненіями.

на Пушкина писателей были искренни въ своихъ нападеніяхъ. Эти люди въ своихъ воззрѣніяхъ на поэзію держались мнѣній „Лицея“ Лагарна и „Словаря древней и новой поэзіи“ Остолопова. Замѣчая, что разбираемое произведение, напримѣръ, „Русланъ и Людмила“ Пушкина, не подходитъ ни подъ одну изъ извѣстныхъ имъ категорій, и не находя для него образца въ греческой и римской литературѣ, они торжественно называли его незаконнымъ явленіемъ. Это были сторонники такъ называемаго классицизма, приверженцы французской литературы XVIII столѣтія, вступившіе впоследствии въ сильную борьбу съ романтиками, центромъ которыхъ были въ русской литературѣ Жуковский и Пушкинъ*.

Обратимся теперь къ взглядамъ, какіе выразились на Пушкина въ журналистикѣ 20-хъ годовъ, и скажемъ, прежде всего, объ отношеніи современной критики къ первой поэмѣ Пушкина „Русланъ и Людмила“**, поэмѣ, которой суждено было образовать новое направленіе въ русской поэзіи и возбудить ожесточенную полемику между псевдо-классиками и сторонниками романтизма, который собственно съ этого времени и почувствовалъ твердую почву подъ своими ногами и усилился какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи. Названная поэма образовала два лагеря въ литературѣ 20-хъ годовъ: одинъ сосредоточился въ такихъ журналахъ, какъ „Вѣстникъ Европы“ и „Невскій Зритель“, другой — въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ и „Телеграфѣ“. Чтобы познакомиться съ воззрѣніями перваго, обратимся къ статьѣ, помѣщенной въ „Невскомъ Зрителѣ“ 1820 года, ч. 3, и озаглавленной: „Замѣчанія на поэму „Русланъ и Людмила“, въ шести пѣсняхъ, соч. Пушкина 1820“. Много нелѣпаго и смѣшнаго разсѣяно на страницахъ этихъ замѣчаній. Авторъ начинается съ того, что, похваливъ чрезвычайную легкость и плавность стиховъ, „отмѣнную версифика-

* Въ западной литературѣ къ романтической школѣ принадлежать: Байронъ, Вальтеръ-Скоттъ, В. Гюго, Шатобрианъ, Бальзакъ, Евгений Сю, Дюма, Ж. П. Рихтеръ, Шлегель, Тьекъ и др.

** Появилась въ 1820 г.

цію“, выражает сожалѣніе по тому поводу, что въ поэмѣ Пушкина „питическія красоты“ будто бы перемѣшаны съ низкими сравненіями, безобразнымъ волшебствомъ, сладострастными картинами и такими выраженіями, которыя оскорбляютъ хорошій вкусъ. „Черноморъ и всѣ его братья и сестры свиты Вельзевула“, по мнѣнію критика, могутъ нравиться болѣе грубому, необразованному народу. Похваливъ, тѣмъ не менѣе, многія картины поэмы и признавъ въ авторѣ поэта, критикъ затѣмъ продолжаетъ въ слѣдующемъ родѣ. „Кто бы подумалъ до появленія `сего произведенія, что, при нынѣшнемъ состояніи просвѣщенія, старинная сказка „Ерусланъ Лазаревичъ“ найдетъ себѣ подражателей? Теперь можно надѣяться, что у насъ расплодятся и „Бовы Королевичи“ и „Ильи Муромцы“. Не спорю, что такого рода повѣсти въ стихахъ могутъ нравиться—какъ и опера „Русалка“. Прекрасная музыка! прекрасная декорация!“ Далѣе критикъ замѣчаетъ, что „Руслана“ нельзя назвать поэмой, такъ какъ поэма есть произведеніе, въ которомъ описываются геройскіе подвиги касательно религіи, нравственности или такихъ происшествій, которыми рѣшилась судьба царствъ; что въ немъ болѣе грубое, простонародное волшебство, а не чудесное, что составляетъ сущность поэмы. „Сверхъестественныя силы, говоритъ онъ, надобно приводить въ движеніе только тогда, когда дѣйствіе не можетъ совершиться обыкновенными. Фантазія, вышедшая изъ границъ, творитъ выродковъ. Не достойно ли критикуютъ въ Виргиліи, что онъ превратилъ флотъ въ птицъ; въ Мильтонѣ—сраженіе ангеловъ съ горами и то, что онъ втащилъ на небеса огромную пушку; въ Камюэнсѣ, что онъ заставилъ Бахуса читать литургію; въ Малербѣ, что онъ сравнивалъ слезы Св. Петра съ быстрымъ водопадомъ, а вздохи уподоблялъ разъяренному грому; и въ Шекспирѣ, что у него плавалъ корабль при берегахъ Богеміи? Не одни поэты подвергаются укoriaннѣ за упущеніе здраваго смысла и правдоподобія, тоже и живописцы. Хорошо ли сдѣлалъ Рафаэль, который одѣлъ Св. Дѣву въ платье итальянскихъ крестьянокъ; Рембрантъ, который ставилъ

всегда польскаго всадника при крестѣ Спасителя; Тинторетъ, который вооружалъ ружьями израильтянъ, проходящихъ черезъ Черное море? Можно ли похвалить находящуюся въ Аугсбургской церкви картину, гдѣ жена Ноя одѣта въ богатое платье султанши и несетъ въ ковчегѣ на рукахъ болонскую собачку? Послѣ сего не должно ли вооружаться правилами самаго искусства, утвержденными образованнымъ вкусомъ въковъ, противъ всѣхъ уродливостей, помѣщенныхъ въ „Русалкѣ?“ Помѣщеніе князя Владиміра въ поэмѣ критикъ считаетъ оскорбленіемъ религіознаго чувства. Прицаетъ онъ также то, что поэтъ часто говорить о себѣ и обращается къ красавицамъ, наставникамъ, артистамъ. Относительно цѣли поэмы — нравиться прекраснымъ, критикъ замѣчаетъ, что это цѣль хорошая, но довольно трудная, такъ какъ онѣ одарены тонкимъ вкусомъ, и искусство, желающее имъ нравиться, должно развивать одни благородныя чувствованія и болѣе всего не оскорблять ихъ стыдливости. Въ поэмѣ же, по словамъ критика, есть много картинъ, при которыхъ невозможно не краснѣть и не потулять взоромъ. Такими картинами онъ называетъ слѣдующія:

Съ порога хижины моей
 Такъ видѣлъ я, средѣ лѣтнихъ дней,
 Когда за курицей трусливой
 Султанъ курятника спѣсивой.

Пѣтухъ мой по двору бѣжалъ
 И сладострастными крылами
 Уже подругу обнималъ.

Вы знаете, что наша дѣва
 Была одѣта въ эту ночь
 По обстоятельствамъ точь-въ-точь
 Какъ наша прабабушка Ева.
 Нарядъ невинный и простой!
 Нарядъ Амура и Природы!

Что будетъ съ бѣдною княжной?
 О страшный видъ! Волшебникъ хилый
 Ласкаетъ сморщенной рукой
 Младя прелести Людмилы;

Къ ея плѣнительнымъ устамъ
 Прильнувъ увядшими устами,
 Онъ, вопреки своимъ годамъ,
 Ужъ мыслить хладными трудами
 Сорвать сей нѣжный, тайный цвѣтъ,
 Хранимый Ледемъ для другаго.

Критикъ кончаетъ замѣчаніемъ, что когда во Франціи, въ концѣ минувшаго столѣтія, стали въ великомъ множествѣ появляться подобныя сему произведенія, произошелъ не только упадокъ словесности, но и самой нравственности, и желаніемъ, чтобы писатели и поэты выбирали предметы, достойныя своихъ дарованій. „Языкъ боговъ, говоритъ онъ, долженъ возвѣщать намъ о подвигахъ добродѣтели, возбуждать любовь къ отечеству, геройство въ несчастіяхъ, плѣнять описаніемъ невинныхъ забавъ“ *).

Такимъ же характеромъ отличалась по отношенію къ „Руслану и Людмилѣ“ критика „Вѣстника Европы“. Одинъ изъ ея представителей говорилъ по поводу названной поэмы слѣдующее. Всякій просвѣщенный и немного свѣдущій чловѣкъ долженъ сильно возмутиться, когда ему предложатъ для чтенія произведеніе, написанное въ подражаніе „Еруслану Лазаревичу“. Таковъ „Русланъ“ Пушкина, Нужно совѣтовать публикѣ, чтобы она жмурила глаза при появленіи подобныхъ странностей. Зачѣмъ допускать, чтобы плоскія шутки старины снова появлялись между нами. Грубая, неодобряемая просвѣщеннымъ вкусомъ шутка—отвратительна, а ни мало не смѣшна и не забавна. Таковы воззрѣнія критика „Вѣстника Европы“ на поэму Пушкина. Особенно хорошо въ его разсужденіи слѣдующее сравненіе. „Позвольте спросить, говоритъ онъ: еслибы въ Московское Благородное Собраніе какъ-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможнымъ) гость съ бородою, въ армякѣ, въ лаптяхъ, и закричалъ бы зычнымъ голосомъ: здорово, ребята! Неужели бы стали такимъ проказникомъ любоваться!“ Сильно не нравятся ему такія выраженія поэмы:

*) „Невскій Зритель“ 1820 г., ч. 8, стр. 67.

... Шутите вы со мною,
 Всѣхъ удаляю васъ бороною!..
 Обѣхалъ голову кругомъ
 И сталъ *преде носомъ* молчаливо,
Щекотитъ ноздри копіемъ...
 Я ѣду, ѣду не свищу,
 А какъ наѣду, не спущу... *)

Такъ была встрѣчена нѣкоторыми критиками 20-хъ годовъ знаменитая поэма Пушкина. Причина нападеній, главнымъ образомъ, заключалась въ томъ, что поэма вводила новшества, которыя не могли быть подтверждены ни однимъ авторитетомъ, и нарушала привычки добраго стараго времени. Нѣтъ сомнѣнія, что тѣ же самые критики, которые бранили изъ всѣхъ силъ поэму Пушкина, отнеслись бы къ ней совершенно иначе, еслибы ее похвалили такіе авторитеты, какъ Ломоносовъ или Поповскій.

Иначе взглянула на „Руслана и Людмилу“ критика другаго лагеря. Здѣсь увлеченіямъ и восторгу не было ни предѣловъ, ни конца. „Причиною энтузіазма, возбужденнаго „Русланомъ и Людмилою“, говоритъ Бѣлинскій, было, конечно, и предчувствіе новаго міра творчества, который открывалъ Пушкинъ всѣми своими первыми произведеніями; но еще болѣе это было просто обольщеніе невиданною до-толѣ новинкою. Какъ бы то ни было, но нельзя не понять и не одобрить такого восторга: русская литература не представляла ничего подобнаго „Руслану и Людмилѣ“. Въ этой поэмѣ все было ново: и стихи, и поэзія и шутка, и сказочный характеръ вмѣстѣ съ „серьезными картинами“ **). Мы не будемъ перечислять всѣхъ статей, касающихся «Руслана и Людмилы». Укажемъ изъ нихъ на одну, помѣщенную въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1828 г. и хотя не выражающую крайняго восторга, но всетаки высоко ставящую названную поэму. Критикъ говоритъ, что она есть самое совершенное изъ всѣхъ произведеній Пушкина по соразмѣрности частей, по гармоніи

*) „Вѣстникъ Европы“ 1820 г., т. СХІ, стр. 216.

***) Сочиненія, т. 8, стр. 419.

и полнотѣ изобрѣтенія, по богатству содержанія, по стройности переходовъ, по непрерывности господствующаго тона и, наконецъ, по вѣрности и разнообразію характеровъ. По его мнѣнію, если строгая критика и найдетъ въ поэмѣ иное слабымъ, невыдержаннымъ, то, конечно, не слышетъ ничего лишняго, ничего неумѣстнаго. Рыцарство, любовь, чародѣйство, пиры, война, русалки, всѣ стихіи волшебнаго міра совокупилась здѣсь въ одно созданіе и, не смотря на пестроту частей, въ немъ все стройно, согласно, цѣло. — Сладость Парни, непринужденное и легкое остроуміе, нѣжность и чистота отдѣлки, свойственныя характеру французской поэзіи, соединились здѣсь съ роскошью, съ изобиліемъ жизни и свободю Аріоста. — „Если въ своихъ послѣдующихъ твореніяхъ, почти во всѣ созданія своей фантазіи вплетаетъ Пушкинъ индивидуальность своего характера и образа мыслей, то здѣсь является онъ чисто *творцомъ-поэтомъ*. Онъ не ищетъ передать намъ свое особенное воззрѣніе на міръ, судьбу, жизнь и человѣка, но просто созидаетъ намъ новую судьбу, новую жизнь, свой новый міръ, населяя его существами новыми, отличными, принадлежащими исключительно его творческому воображенію. Отъ того ни одна изъ его поэмъ не имѣетъ той полноты и оконченности, которую замѣчаемъ въ „Русланъ“. Отъ того каждая пѣснь, каждая сцена, каждое отступленіе живетъ самобытно и полно; отъ того каждая часть такъ необходимо влетается въ составъ цѣлага созданія, что нельзя ничего прибавить или выбросить, не разрушивъ совершенно его гармоніи. Отъ того Черноморъ, Найна, Голова, Финнъ, Рогдай, Фарлафъ, Ратмиръ, Людмила, словомъ, каждое изъ лицъ, дѣйствующихъ въ поэмѣ (выключая, можетъ быть, одного: самого героя поэмы) получило характеръ особенный, рѣзко образованный и вмѣстѣ глубокой? *)

Таково было разногласіе въ журналистикѣ 20-хъ годовъ во взглядѣ на первую поэму Пушкина, а отчасти и на самого Пушкина. Впослѣдствіи относительно этого Бѣлинскій

*) „М. Вѣстникъ“ 1828 г., ч. 8, стр. 175—178.

писалъ слѣдующее: „Нельзя ни съ чѣмъ сравнить восторга и негодованія, возбужденныхъ первою поэмою Пушкина „Русланъ и Людмила“. Слишкомъ немногимъ геніальнымъ твореніямъ удавалось производить столько шума, сколько произвела эта дѣтская и нисколько не геніальная поэма. Поборники новаго увидѣли въ ней колоссальное произведеніе, и долго послѣ того величали они Пушкина забавнымъ титуломъ „пѣвца Руслана и Людмилы“. Представители другой крайности, слѣпые поклонники старины, почтенные колпаки, были оскорблены и приведены въ ярость появленіемъ „Руслана и Людмилы“. Они увидѣли въ ней все, чего въ ней нѣтъ— чуть не безбожіе, и не увидѣли въ ней ничего изъ того, что именно есть въ ней, то есть хорошихъ, звучныхъ стиховъ, ума, эстетическаго вкуса и, мѣстами, проблесковъ поэзіи“ *).

Какъ относительно „Руслана“, такъ и относительно другихъ произведеній Пушкина мнѣнія журналистики 20-хъ годовъ были весьма различны. Серьезные, дѣльные отзывы встрѣчались очень рѣдко. Все, что было сказано о „Кавказскомъ плѣнникѣ“, „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“ и „Евгеніи Онѣгинѣ“ въ „Сынѣ Отечества“, „Дамскомъ Журналѣ“, „Вѣстникѣ Европы“ и „Московскомъ Телеграфѣ“, ограничивалось, большею частію, простымъ извѣщеніемъ о выходѣ названныхъ произведеній или имѣло главнымъ предметомъ что-нибудь постороннее, какъ напримѣръ, романтическую поэзію и т. п. Въ журналахъ, которые хвалили, большею частію, слышались только восклицанія: Пушкинъ — поэтъ! Пушкинъ — истинный поэтъ! „Онѣгинъ“ — поэма превосходная!, „Цыганы“ — мастерское произведеніе! Довольно серьезный разборъ названныхъ произведеній Пушкина находимъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1828 года. Прежде всего, критикъ говоритъ о томъ, что трудно привести къ единству все разнообразіе произведеній Пушкина и приискать общее выраженіе для характера его поэзіи, принимавшей столько различныхъ видовъ. „Выключая красоту и оригинальность стихотворнаго

* Сочиненія, ч. VIII, стр. 415.

языка, говоритъ онъ, какіе слѣды общаго происхожденія находимъ мы въ «Русланъ и Людмилѣ», въ «Кавказскомъ плѣнникѣ», въ «Онѣгинѣ», въ «Цыганахъ» и т. д.? Не только каждое изъ сихъ поэмъ отличается особенностью хода и образа изложенія, но еще нѣкоторыя изъ нихъ различествуютъ и самымъ характеромъ поэзіи, отражая различное воззрѣніе поэта на вещи, такъ что въ переводѣ ихъ легко можно бы было почестъ произведеніями не одного, но многихъ авторовъ. Эта легкая шутка, дитя веселости и остроумія, которая въ „Русланъ и Людмилѣ“ одѣваетъ всѣ предметы въ краски блестящія и свѣтлыя, уже не встрѣчается больше въ другихъ произведеніяхъ нашего поэта: ея мѣсто въ «Онѣгинѣ» заступила уничтожающая насмѣшка, отголосокъ сердечнаго скептицизма, и добродушная веселость смѣнилась здѣсь на мрачную холодность, которая на всѣ предметы смотритъ сквозь темную завѣсу сомнѣній, свои наблюденія передаетъ въ карикатурѣ и создаетъ какъ бы для того только, чтобы черезъ минуту насладиться разрушеніемъ созданнаго. Въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“, напротивъ того, не находимъ мы ни той довѣрчивости къ судьбѣ, которая одушевляетъ „Руслана“, ни того презрѣнія къ человѣку, которое замѣчаемъ въ „Онѣгинѣ“. Здѣсь видимъ душу, огорченную измѣнами и утратами, но еще не измѣнившую самой себѣ, еще не утратившую свѣжести прежнихъ чувствованій, еще вѣрную за вѣтному влеченію, душу, растерзанную судьбой, но не побѣжденную: исходъ борьбы еще зависитъ отъ будущаго. Въ поэмѣ „Цыганы“ характеръ поэзіи также совершенно особенный, отличный отъ другихъ поэмъ Пушкина; то же можно сказать почти про каждое изъ важнѣйшихъ его твореній*.

Разсматривая произведенія Пушкина, критикъ находитъ три періода въ развитіи его поэзіи. Первый періодъ, заключающій въ себѣ «Руслана» и нѣкоторыя изъ мелкихъ стихотвореній, онъ называетъ *періодомъ школы итальянско-французской*. По его словамъ, сладость Парни, непринужденное и легкое остроуміе, вѣжливость, чистота отдѣлки, свойствен-

* „М. Вѣстникъ“ 1828 г., ч. 8, стр. 173—174.

ныя характеру французской поэзіи вообще, соединились здѣсь съ роскошью, съ изобиліемъ жизни и свободою Аріоста. Второю періодъ онъ называетъ *отіолоскомъ лиры Байрона*. Въ произведеніяхъ этого періода Пушкинъ сходится съ Байрономъ не только въ воззрѣніи на жизнь и человѣка, но и въ способѣ изложенія, тонѣ и формѣ поэмъ. Дѣйствующихъ лицъ послѣднихъ съ перваго взгляда можно почестъ за чужеземцевъ-эмигрантовъ, переселившихся изъ Байронова міра въ творенія Пушкина. Третій періодъ можно назвать *періодомъ поэзіи русско-пушкинской*. Его отличительныя черты; живописность, какая-то безпечность, какая-то особенная задумчивость. Ко второму періоду критикъ относитъ «Кавказскаго плѣнника», «Бахчисарайскій фонтанъ», «Братьевъ-разбойниковъ» и «Цыганъ»; — къ третьему «Бориса Годунова» и многія мѣста «Онѣгина». Почти cadaго героя втораго періода, по мнѣнію критика, можно назвать *разочарованнымъ*; но, не смотря на это сходство съ произведеніями Байрона, поэмы Пушкина этого періода заключаютъ въ себѣ и много сѣмобитнаго, оригинальнаго. Особенно высоко критикъ ставитъ «Бориса Годунова» (собственно сцену въ Чудовомъ монастырѣ, явившуюся въ печати прежде другихъ). Искусство, съ которымъ изображены характеръ вѣка, монашескаго жизнь и характеръ Пимена, и высокія достоинства языка, по его мнѣнію, достойны великаго произведенія. Въ заключеніе онъ замѣчаетъ, что Пушкинъ рожденъ для драматическаго рода, что онъ слишкомъ многостороненъ, слишкомъ объективенъ, чтобы быть лирикомъ, что въ каждой изъ его поэмъ замѣтно стремленіе—дать особенную жизнь отдѣльнымъ частямъ, стремленіе, часто клонящееся во вреду цѣлаго въ эпическихъ произведеніяхъ, но необходимое, драгоценное для драматика.

Сходный взглядъ на Пушкина высказанъ и въ статѣ, «Обозрѣніе русской словесности за 1828 годъ», помѣщенной въ „М. Вѣстникъ“ 27 г. По замѣчанію автора, въ „Братьяхъ разбойникахъ“ и „Цыганахъ“ замѣтны слѣды глубокихъ впечатлѣній Байрона, замѣтенъ отпечатокъ меланхоліи британскаго

поэта. Во второй поэмѣ замѣтна, говоритъ онъ, какая-то борьба между идеальностью Байрона, и живописною народностью русскаго поэта: черты лицъ также набросаны темно, но окружающіе предметы блещутъ яркостью разнообразныхъ красокъ. Эта борьба производитъ какое-то разногласіе и неполноту въ произведеніи. „Въ сей борьбѣ видишь, какъ поэтъ хочетъ изгладить въ душѣ впечатлѣнія чуждыя и бросается невольно изъ своего прежняго міра призраковъ въ новую атмосферу существъ, дышущихъ жизнью“. Въ 3-й пѣсни Онѣгина, по словамъ автора, свободный и мужающій поэтъ совершенно отклоняетъ отъ себя постороннее вліяніе. Татьяна—характеръ, вполне принадлежащій Пушкину. Сцена изъ „Бориса Годунова“ между Пименомъ и Григоріемъ—неотъемлемая собственность поэта. Всѣ съ нетерпѣніемъ, говоритъ онъ, ожидаютъ появленія Бориса. Далѣе авторъ выражаетъ удивленіе, почему русскія дамы, прочитавъ письмо Татьяны и 3-ю пѣснь Онѣгина, не отказываются въ обществѣ отъ французскаго языка.

Въ той же книжкѣ „Московскаго Вѣстника“ помѣщена статья, изъ которой мы узнаемъ, какъ отнеслась публика къ „Евгенію Онѣгину“. 4 и 5 главы этого романа были долгое время общимъ предметомъ разговоровъ въ Москвѣ: и замужнія женщины, и дѣвицы, и литераторы, и свѣтскіе люди при встрѣчѣ спрашивали другъ друга: читали ли вы „Онѣгина?“ Какова Таня? Какова Ольга? Каковъ Ленскій? Изъ подслушанныхъ авторомъ разговоровъ видно, что Татьяна имѣла всѣ голоса въ свою пользу. Одинъ молодой человекъ такъ живо рисовалъ въ своемъ воображеніи эту дочь русской природы, что на вопросъ пріятеля, на балѣ, какъ ему нравится одна дѣвушка, отвѣчалъ: она похожа на Таню. Характеромъ Онѣгина были недовольны, говорили, что Онѣгинъ изображенъ не въ ясныхъ, не въ рѣзкихъ чертахъ. Далѣе были въ негодованіи на Пушкина за презрѣніе, которое онъ, будто бы, обнаруживалъ къ нимъ при всякомъ случаѣ въ своихъ стихахъ. Вызовъ Ленскаго называли несообразностью. Il n'est pas du tout motivé, кричали всѣ въ

одинъ голосъ. Находили неестественнымъ со стороны идеалиста, поэта Ленскаго, такое замѣчаніе о Ольгѣ:

Ахъ милый! какъ похорошѣли,
У Ольги плечи, что за грудь!

По замѣчанію одного молодого поэта, Ленскій могъ говорить о глазахъ Ольги, а не о плечахъ и груди. Охотники до ризъ восхищались созвучіями: Гарольдомъ—льдомъ, Олѣболѣ, бланманже—уже. Сномъ Татьяны восхищались всѣ; только одинъ голосъ замѣтилъ, что такого систематически уродливаго сва видѣть не возможно. *

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько дополнительныхъ словъ о томъ, какъ были встрѣчены журналистикой „Кавказскій плѣнникъ“, „Бахчисарайскій фонтанъ“, „Цыганы“, и первыя сцены „Бориса Годунова“. Первая поэма была встрѣчена почти всѣми съ похвалой. Противъ нея уже не слышно было тѣхъ воплей, которыми раздражались классики при появленіи „Русланы и Людмилы“. Даже „Вѣстникъ Европы“ похвалилъ эту поэму. Поклонниками Пушкина названная поэма была принята еще съ большимъ восторгомъ, нежели первая его поэма. „Грандіозный образъ Кавказа съ его воинственными жителями, говоритъ Бѣлинскій, въ первый разъ былъ воспроизведенъ русскою поэзіею, и только въ поэмѣ Пушкина въ первый разъ русское общество познакомилось съ Кавказомъ, давно уже знакомымъ Россіи по оружію“. Сочувственно былъ многими встрѣченъ и „Бахчисарайскій фонтанъ“. Его ставили гораздо выше „Цыганъ“. Последняя поэма была, очевидно, не совсѣмъ понята критикою. „Въ то время, какъ Пушкинъ уже самъ безпощадно смѣялся надъ первыми своими поэмами, замѣчаетъ Бѣлинскій, его добродушные поклонники еще бредили плѣнникомъ, черкешенкою, Заремою, Маріею, Гиреемъ, братьями-разбойниками, и только по какой то работѣ похваливали „Цыганъ“, или, боясь окомпрометровать себя, какъ образованныхъ судей изящнаго, или дѣтски восхищаясь пѣсню Земфры и сценою убійства“. „Цыганы“, гово-

* „М. Вѣстникъ“ 1828 г., ч. 7, стр. 461—468.

рить онъ въ другомъ мѣстѣ, произвели какое-то колебаніе въ быстро возрастающей до того времени славы Пушкина; но послѣ „Цыганъ“ каждый новый успѣхъ Пушкина былъ новымъ его паденіемъ, и „Полтата“, послѣдняя и лучшая двѣ главы „Онѣгина“, „Борисъ Годуновъ“ были приняты публикою холодно, а нѣкоторыми журналистами съ ожесточеніемъ и съ оскорбительными критиками безусловнаго негодванія! * Первые сцены „Бориса Годунова“, о которыхъ было сказано выше, почти не были примѣчены критикою 20-хъ годовъ. Впрочемъ, нѣкоторые изъ критиковъ сожалѣли, что эти сцены писаны не речами и въ этомъ отношеніи отдавали преимущество отрывку изъ сомненной трагедіи Федорова.

Несогласіе журналистики 20-хъ годовъ во взглядѣ на произведенія Пушкина было весьма сходно съ несогласіемъ, которое обнаружилось въ ея мнѣніяхъ относительно поэзіи Жуковского. Въ то время, какъ приверженцы романтизма восхищались этою поэзіею, представители старыхъ литературныхъ воззрѣній, такъ называемые классики были многими произведеніями Жуковского страшно недовольны. Органами ихъ мнѣній были въ журналистикѣ, между прочимъ, „Вѣстникъ Европы“ и „Невскій Зритель“, получившіе печальную извѣстность по нападкамъ на Пушкина. Критики-классики дѣлили произведенія Жуковского на два разряда: къ первому, заслужившему ихъ одобреніе, они относили „Сельское кладбище“, „Людмилу“, „Свѣтлану“, „Эолову арфу“, „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“, „Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ“, къ второму, порицаемому, позднѣйшія произведенія Жуковского, носившія, какъ они говорили, отпечатокъ нѣмецкой поэзіи. Одинъ изъ критиковъ „Вѣстника Европы“ упрекалъ Жуковского въ томъ, что онъ въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ сталъ, будто бы, вводить въ русскій языкъ „обороты, блестящаго ума и непонятную выпренность нѣмцевъ стихотворцевъ мистиковъ“. Истинный талантъ, говорилъ этотъ кри-

* Сочиненія, 8 т., стр. 452.

тикъ, долженъ принадлежать своему отечеству; человекъ, одаренный такимъ талантомъ, если избираетъ своимъ поприщемъ словесность, долженъ возвышать славу природнаго своего языка, раскрывать его сокровища и обогащать оборотами и выраженіями ему свойственными; гений имѣть даже право вводить новые, но не иноплеменные, и никогда не долженъ выпускать изъ виду свойства и приличія языка отечественнаго. „Будучи однимъ изъ почитателей (но не слѣпыхъ и раболѣпныхъ) таланта нашего отличнаго стихотворца В. А. Жуковскаго, писалъ этотъ критикъ, я также, какъ и прочіе мои соотечественники, восхищался многими прекрасными произведеніями.. Я, хотя не имѣю чести быть орлиной породы, смѣлъ прямо смотрѣть на солнце, любовался блескомъ его и согрѣвался живительною его теплотою до тѣхъ поръ, пока западные, чужеземные туманы и мраки не обложили его и не заслонили свѣтъ его отъ слабыхъ глазъ моихъ, слабыхъ потому, что не могутъ видѣть свѣта сквозь мракъ и туманъ... Если первыя баллады Жуковскаго породили толпу подражателей, которые только жалкимъ образомъ его переразвивали, не умѣя подражать красотамъ, разсыпаннымъ щедрою рукою въ прежнихъ его произведеніяхъ; то мудро ли, что теперь люди съ превосходными дарованіями, или вовсе безъ дарованій, съ жадностью подражаютъ въ немъ тому, что находятъ по своимъ силамъ“ * Другой критикъ, ратовавшій въ „Невскомъ Зрителѣ“, разбирая переводную балладу Жуковскаго „Рыбакъ“, упрекалъ переводчика въ слѣдующихъ прегрѣшеніяхъ. Выписавши четыре строчки изъ стихотворенія:

Бѣжить волна, шумить волна!
Задумчивъ, надъ рѣкой
Сидитъ рыбакъ; душа полна
Прохладною тишиной,

онъ замѣчаетъ: „Первый стихъ какъ бы гвоздями прибитъ на обоихъ полустишіяхъ. Трудно изъяснить красоту его; но-

* „В. Европы 1821“ г., т. СХVІІ, стр. 19—21.

конечно, найдутся и для него защитники и станут доказывать, что стихъ сей *звучо-подражателенъ*. Если это и правда, то онъ мѣрою и паденіемъ своимъ выражаетъ болѣе *звонъ въ набатъ*, нежели бѣгъ и шумъ волнъ. Впрочемъ, какъ нынче въ модѣ всему подражать, и хорошему и дурному, то и сей стихъ имѣлъ своихъ подражателей. Мы нашли въ одномъ стихотвореніи:

Друзья, бодрѣй! друзья, смѣлѣй!
Идетъ злодѣй, грозитъ злодѣй.

„Одинъ мой знакомецъ, великій литераторъ, называетъ сіи стихи *отбойными ямбами*. Подлинно отбойные! желательно, чтобъ они поскорѣе ударили отбой изъ Русской Словесности“ *. Далѣе критикъ разбираетъ выраженія: *прохладная тишина, родное дно, китучій жаръ, знойная вышина, прохладно-голубой сводъ неба* и т. д. Всѣми ими онъ крайне недоволенъ. Относительно послѣдняго онъ замѣчаетъ, что если оно правильно, то можно сказать: *вѣтрено-рыжій, дожде-л-во-желтый, мерзло-синій, знойно-зеленый*. *Родное дно*, по его мнѣнію нельзя сказать; *родина, родимля сторона* — это другое дѣло; *роднаго дна* на русскомъ языкѣ еще не было, замѣчаетъ онъ; вѣрно какой нибудь нѣмецкій гость, нечужданой и незваной“. Храбрость критика доходитъ, наконецъ, до того, что онъ сравниваетъ названное стихотвореніе Жуковскаго съ Телемахидою Третьяковскаго и отдаетъ преимущество послѣдней.

Упреки, которые дѣлалъ Жуковскому критикъ „Невскаго Зрителя“, были равносильны упреку въ незнаніи русскаго языка. Не такъ смотрѣли на знакомство Жуковскаго съ русскимъ языкомъ болѣе безпристрастные критики. Къ нимъ, напримѣръ, принадлежитъ критикъ „Московского Вѣстника“, разбивавшій „Правды въ прозѣ“ Жуковскаго. Свой отзывъ объ этой книгѣ критикъ начинаетъ указаніемъ на то, что часто раздавались (зѣ 20-хъ годахъ) восклицанія, что русскій слогъ усовершенствовался, что всѣ пишутъ хорошо. Все это кажется ему акустическимъ обманомъ. Разсматривая вни-

* „Невскій Зритель“ 1821 г., ч. 5, стр. 59.

мательно русскія прозаическія книги и журнальныя статьи названнаго времени, и видя, какъ часто слова размѣщаются не въ надлежащемъ порядкѣ, какъ часто при существительныхъ употребляются неподходящіе глаголы и прилагательныя, какъ рѣдко выдерживаются метафорическіе обороты, какъ несоразмѣрны между собою бываютъ періоды, нельзя не признать, говоритъ онъ, что искусство писать въ грамматическомъ и риторическомъ отношеніи далось немногимъ изъ его современниковъ. Къ этимъ немногимъ онъ относитъ Жуковского. Самый строгій критикъ-пуристъ, по его словамъ, немного найдетъ себѣ поживы въ его переводахъ, на которыхъ и узнается преимущественно знатокъ языка *.

Между второстепенными поэтическими дарованіями 20-хъ годовъ обращаетъ на себя вниманіе привлекательный талантъ Козлова. Это былъ одинъ изъ любимѣйшихъ поэтовъ своего времени. Много было пролито слезъ чувствительными барышнями надъ страницами его поэтическаго „Черпеца“, и многія изъ его стихотвореній были выучены ими наизусть. Естественно было, поэтому, обратить на него вниманіе и современной журнальной критикѣ. Достоинствомъ стихотвореній Козлова эта критика считала чувство, отличительнымъ ихъ характеромъ—меланхолю, блестящій цвѣтистый слогъ—ихъ выѣшнимъ признакомъ. Укажемъ нѣкоторыя изъ статей, относящихся къ разбору его произведеній, на разборы „Московского Вѣстника“. Въ статьѣ „Стихотворенія Ивана Козлова“ („М. В.“ 1829 г., ч. 6) разбираются мелкія стихотворенія Козлова. Достоинствомъ ихъ авторъ считаетъ легкость и точность разсказа и особенный блескъ описаній; таково, напримеръ, описаніе Кавказа и Крыма въ „Посланіи къ Гвѣдичу“, таково изображеніе „Венеціанской ночи“ и нѣкоторыя куплеты въ стихотвореніи „Къ Италіи“. Блескъ и роскошь стихотвореній Козлова, по мнѣнію автора, вездѣ соединяются съ одною особенною чертою, именно, меланхолюю: въ нихъ разлито какое-то грустное чувство наслажденія, состоя-

* „Московский Вѣстникъ“ 1827 г., ч. 6, стр. 318. >

щее не въ дѣйствительности, но или въ мечтѣ, или въ воспоминаніи. Большимъ достоинствомъ Козлова авторъ считаетъ способность выражать *чувство*, хотя не всегда глубокое, но всегда близкое къ намъ, чувство, которое мы легко, понимаемъ, но которое столь мало открывается и выходитъ наружу въ обыкновенной жизни, что для него по большей части нтъ *выраженій*. Въ другой статьѣ „Московского Вѣстника“, заключающей разборъ „Чернеца“ Козлова, говорится, что эта повѣсть останется въ исторіи русской литературы памятникомъ того вѣка, когда наша поэзія, увлекшись подражаніемъ современнымъ гениямъ искусства, породила множество поэмъ, болѣе или менѣе несовершенныхъ. „Когда пѣвецъ Альбіона, замѣчаетъ онъ, могучей рукою возрастилъ въ Европѣ новое древо поэзіи, оно, безъ сомнѣнія, должно было во всѣхъ странахъ просвѣщеннаго міра пустить свои отростки. а тѣмъ болѣе въ Россіи, которая полна еще творческой силы, юной и неразвившейся. Характеръ поэмъ, о которыхъ мы говоримъ, есть вообще какое-то презрѣніе къ жизни виѣшней и ея разнообразнымъ происшествіямъ, какое-то неясное безпокойство души, еще младенческой, не умѣющей себѣ сказаться, неопредѣленное стремленіе въ міръ внутренній человѣка, въ міръ мыслей и чувствъ, еще не раскрытый и недоступный для умовъ незрѣлыхъ,—и, наконецъ, темное, поверхностное изображеніе сего тайнаго міра, который явился поэтамъ въ туманѣ неопредѣленности“. По мнѣнію критика, „Чернецъ“ не представляетъ глубокаго раскрытія тайнъ души, не показывается въ поэтѣ большаго познанія человѣческаго сердца, не плѣняетъ насъ отчетливостью въ изображеніи характера и страстей, но часто онъ трогаетъ душу читателя *кравственнымъ* чувствомъ, которымъ поэтъ умѣлъ оживить свое произведеніе и которое, по простотѣ своей, понятно и доступно для всѣхъ образованныхъ и необразованныхъ. Въ этомъ чувствѣ онъ видитъ и причину тѣхъ слезъ, которыми читали поэта прекрасныя читательницы.

Подобный взглядъ на Козлова высказанъ въ разборѣ его

стихотворенія „Княгиня Н. Б. Долгорукая“ *, помѣщенномъ также въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ (1828 г., ч. 8). Въ немъ говорится, что Козловъ во всѣхъ своихъ стихотвореніяхъ остается при одномъ и томъ же чувствѣ. Это чувство—вѣра въ Промыслъ, покорность его волѣ въ несчастіяхъ. „Козловъ выстрадалъ свою поэзію, замѣчаетъ авторъ въ концѣ статьи; пѣсни его текутъ, какъ сладкія слезы, облегчающія горе душевное. Онъ въ дубравахъ нашей поэзіи поетъ не какъ соловей разнообразнѣй, но какъ грустная горлица, жалобно и однообразно тоскующая о потерѣ друга, оплакиваетъ стл. всѣ, вмѣстѣ съ зрѣніемъ утраченнаго для него блага міра и утѣшаемъ грядущимъ, потерявъ настоящее. Ему любятъ внимать тихая горестъ, безнадежная любовь, терпѣливое несчастье: не лучшая ли же награда поэту за его пѣсни въ томъ, что не онъ оди́лъ ими утѣшается, но и родные ему по страданіямъ?“ Человѣкъ, знакомый съ русскою литературою, найдетъ, что этотъ отзывъ, не смотря на свою риторичность, заключаетъ въ себѣ совершенно справедливый взглядъ на поэзію Козлова. То же самое говорятъ о ней и Бѣлинскій.

Изъ другихъ поэтовъ, подвизавшихся на литературномъ поприщѣ въ 20-хъ годахъ, обращаютъ на себя вниманіе, между прочимъ, Баратынскій, Ѳ. Глинка, Веневитиновъ, Подолинскій, Дельви́гъ, Языковъ, Хомяковъ. Стихотворенія ихъ часто помѣщались въ журналахъ 20-хъ годовъ. Встрѣчаемъ

* Полевой, издатель „Телеграфа“, говоритъ, что ни одно изъ сочиненій Козлова не возбуждало такого сильнаго участія читателей и въ то же время не навлекло на него такихъ жестокихъ критикъ, какъ эта поэма. „Мы видѣли, говоритъ онъ, людей, съ сильнымъ чувствомъ, съ умомъ и просвѣщеніемъ, которые плакали, читая поэму Козлова. У многихъ читателейницъ Козловъ сдѣлался любимымъ поэтомъ“. Не смотря на это, нѣкоторые критики были недовольны поэмою, говорили, что въ ней мало *мыслимыхъ красокъ*, что авторъ всѣмъ жертвуетъ для *эффекта*, любятъ нечаянности, театральныя сцены, упрекали его за то, что Наталья локонами утираетъ слезы, за безпрестанную бурю, сіянія мѣсяца, ночные мраки, тучи, и проч.

мы въ этихъ журналахъ и отзывы объ ихъ произведеніяхъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчается много вѣрнаго. Таковъ взглядъ одного критика на Баратынскаго. По его мнѣнію, Баратынскій болѣе мыслить о поэзіи, нежели чувствуетъ. Сатиры его часто сбиваются на дидактическій тонъ и не столько блещутъ остроуміемъ, сколько щеголеватостью выраженій. Въ немъ слишкомъ замѣтно желаніе блистать словами. Часто очень обыкновенную мысль онъ оправляетъ въ отборныя слова и старательно шлифуетъ стихи, чтобы придать болѣе глянцу своей оправѣ. Въ выраженіяхъ онъ не всегда правиленъ, обличая встрѣчающимися галлицизмами замѣтное вліяніе французской школы. Оригиналенъ разборъ стихотвореній Баратынскаго, принадлежащій Булгарину и помѣщенный въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1828 г. Онъ нашелъ, что характеръ его поэзіи—мысли и чувства. Выписавши нѣсколько стиховъ изъ „Финляндіи“, рецензентъ восклицаетъ: „Картина живая! вы видите все, что читаете. Какъ искусно поэтъ умѣлъ воспользоваться обыкновенными оборотами рѣчей! Если бы простой поселянинъ сталъ описывать вамъ языкомъ природы этотъ видъ, онъ сказалъ бы: „Тутъ море, надъ моремъ гора, а съ горы сходитъ лѣсъ къ берегу“. Поэтъ, такъ сказать, *позолотилъ простонародный рассказъ и протѣлъ его при звукахъ лиры*. „Тяжелыя“ стопы прекрасно изображаютъ огромныя деревья. Кто видалъ въ натурѣ лѣсъ, растущій на косогорѣ, колеблемый вѣтрами, тотъ живо представитъ себѣ это „шесть тяжелыми стопами“. Какъ хорошо изображена сѣверная ночь *! и т. д. О Веневитиновѣ въ одномъ журналѣ находимъ замѣчаніе такого рода: „Переходя къ поэтамъ новаго поколѣнія, мы невольно предаемся чувству скорби, не замѣчая въ ряду ихъ незабвеннаго Веневитинова, для котораго слишкомъ рано наступила пора его славы. Онъ, какъ мгновенная звѣзда, пролетѣлъ отъ земли къ небу—и исчезъ, надолго оставивъ за собою свое лучезарное сіяніе. Его собственная душа,

* „Сѣверная Пчела“ 1828 г., №№ 145, 146 и 147.

чуждая носторонняго вліянiя, видна въ его поэзiи⁴. Въ Подолинскомъ издатель „Московского Телеграфа“ Полевой видѣлъ Алвида-младенца, могущаго въ мощныхъ рукахъ своихъ задавить змѣй зависти. Рецензентъ „Московского Вѣстника“, напротивъ, замѣчалъ, что поэма Подолинскаго „Дiавъ и Пери“ отличается нѣкоторыми удачными описанiями, гладкими стихами, но что въ ея содержанiи нѣтъ ничего оригинальнаго и что излишняя словоохотливость въ разсказѣ и въ разговорахъ обличаетъ явную незрѣлость стихотворца. Болѣе благоприятный отзывъ встрѣчаемъ въ томъ же журналѣ о Ѳ. Глинкѣ. Въ немъ говорится, что въ стихотворенiяхъ этого поэта можно найти всѣ степени чувствованiй души, стремящейся отъ земнаго, начиная отъ восторга, смѣло возлетающаго къ небу, до покорности, смиренно вопiющей изъ праха, что онъ не ограничивается какою нибудь одною литературною формою, такъ какъ стихотворенiя его принимаютъ характеръ и оды, и элегiи, и идилли, и повѣствованiя, смотря по одушевляющему его предмету; что вмѣстѣ съ этимъ принимаетъ разнообразiе и его слогъ, живой и сильный, хотя иногда растянутый и небрежный. Картины, встрѣчающiяся въ стихотворенiяхъ Глинки, по замѣчанiю автора, поражаютъ вѣрностью живописи и яркостью красокъ. Характеристической чертой этихъ стихотворенiй онъ признаетъ то, что поэтъ дѣлаетъ себя средоточiемъ своего поэтическаго міра. Въ „Опытахъ священной поэзiи“ Глинки особенно высоко ставится критикомъ стихотворенiе „Гимнъ Богу“. Въ немъ онъ видитъ первоклассныя красоты, замѣчая, что мысли и выраженiя стихотворенiя столько соотвѣтствуютъ высотѣ предмета, сколько доступенъ ему языкъ человѣческій. Въ особенный восторгъ приводятъ критика слѣдующiя, дѣйствительно, хорошия мѣста стихотворенiя:

Моря и землю съ небесами
 Держу въ десницѣ Я своей!
 Коснусь звѣздамъ—и отступаютъ!
 Дохну на солнцы—угасаютъ!
 Велю—засвѣтитъ темнота!

Пускай (другой богъ) въ бездонныхъ высотахъ
 Повѣситъ ни на чемъ громады
 И небо сводомъ наведетъ
 И тайнымъ пламенемъ зажжетъ
 Неугасимыя лампы;
 И съющій засветъ онъ
 Свое лазоревое поле
 И по своей единой волѣ
 Звѣздамъ и солнцамъ дастъ законъ!

Въ большую заслугу поэту критикъ ставитъ то, что онъ посвятилъ себя высокимъ предметамъ, въ то время, когда другіе поэты ничѣмъ больше не занимаются, какъ только красивымъ описаніемъ бездѣлицъ. Нѣсколько лѣтъ, говоритъ онъ, русская муза рассказываетъ по комнатамъ и рассказываетъ о домашнихъ мелочахъ, не поднимаясь отъ земли къ небу, истинному своему жилищу*.—Другой критикъ, разбирая «Опыты аллегорій» Глинки, замѣчаетъ, что предметы его аллегорій назидательны и возвышенны: въ нихъ изображаются высокое назначеніе души, тлѣнность и суета настоящей жизни, упованіе на будущее, преимущества наслажденій внутреннихъ, духовныхъ и т. п. Слогъ аллегорій, по его словамъ, правиленъ, благороденъ, исполненъ новыхъ и удачныхъ выраженій, богатъ картинами. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ аллегоріяхъ критикъ видитъ бѣдность вымысла это обстоятельство приводитъ его въ удивленіе, такъ какъ во многихъ пьесахъ поэтъ обнаруживаетъ богатую фантазію.

Относительно стихотвореній Дельвига нѣкоторая часть журналистики высказывала такіа сужденія. Стихотворенія Дельвига естественны, непринужденны, просты, незатѣйливы; въ нихъ почти нѣтъ воображенія, но есть чувство, нѣтъ страсти, но вездѣ есть нѣкоторая теплота сердца. Пѣсни его почитаютъ, поютъ, но никто объ нихъ не станетъ долго думать. Простонародность ихъ состоитъ только въ формѣ. Гораздо болѣе имѣютъ достоинства его идилліи.

* „Московскій Вѣстникъ“ 1827 г., ч. 1, стр. 322 и сл.

Оригинальнаго въ его стихотвореніяхъ ничего нѣтъ; ихъ можно прочитать съ легкимъ удовольствіемъ, но не болѣе.

Просматривая критическія статьи, помѣщавшіяся въ журналахъ 20-хъ годовъ и относящіяся къ названнымъ поэтамъ указаннаго времени, приходишь къ слѣдующему заключенію. Статьи эти имѣли неоспоримое значеніе для своего времени и имѣютъ его въ исторіи русской критики по отношенію къ поэтамъ лужкинскаго времени. Онѣ знакомили современную публику съ лучшими современными поэтами, показывали ихъ значеніе, объясняли, насколько было умѣнья, сущность ихъ поэзіи. Съ другой стороны, онѣ выработывали взглядъ на названныхъ поэтовъ и способствовали указанію мѣста, занимаемому ими въ исторіи литературы. Нѣтъ сомнѣній, что въ ихъ отзывѣхъ было много невѣрнаго, пристравнаго, неяснаго, недосказаннаго, часто относившагося болѣе къ мелочамъ, нежели къ существенному; тѣмъ не менѣе, была въ нихъ и значительная доля правды, которая была принята послѣдующими критиками и много способствовала уясненію взгляда на названныхъ писателей. Читая Бѣлинскаго, часто встрѣчаешь у него взгляды, сходные, по своей сущности, съ взглядами нѣкоторыхъ критиковъ 20-хъ годовъ, съ которыми, т. е. критиками, онъ былъ хорошо знакомъ, какъ показываютъ его сочиненія. Такимъ образомъ, журналистика 20-хъ годовъ имѣетъ неоспоримое значеніе въ дѣлѣ установленія существующихъ взглядовъ на русскихъ поэтовъ названнаго времени.

Обратимся теперь къ журналистамъ и критическимъ писателямъ 20-хъ годовъ. Изъ нихъ мы остановимся на Погодинѣ, Полевомъ, Булгаринѣ и Шевыревѣ. Не останавливаясь подробно на огромной массѣ статей, вышедшихъ изъ подъ ихъ плодovitаго пера, укажемъ на общій характеръ ихъ литературной дѣятельности. Какъ журналистъ, Погодинъ оказалъ большую пользу современному русскому обществу распространеніемъ въ немъ, посредствомъ журнала, многихъ научныхъ свѣдѣній и знакомства съ лучшими иностранными, и отечественными писателями своего времени. Его «Москов-

скій Вѣстникъ» обнаруживалъ много ума и таланта, заключалъ въ себѣ много ученыхъ и серьезныхъ статей, постоянно говорилъ о такихъ писателяхъ, какъ Байронъ, Вальтеръ-Скоттъ, Шиллеръ, Гете, Шатобрианъ, Гумбольдтъ, Шлецеръ, Геренъ, Астъ, Ранке, Мишо, Тьерри, но, къ сожалѣнiю, мало соответствовалъ духу современной журналистики, именно въ томъ отношенiи, что, въ пору борьбы мыслей и мнѣнiй, захотѣлъ воздерживаться отъ полемики, и былъ бѣденъ по-вѣстями, которыя составляли любимое чтенiе большинства тогдашней образованной публики. Это было причиною его недолгого существованiя. Погодинъ, какъ журналистъ, не понималъ или не хотѣлъ понять требованiй времени и не сообразовался со вкусомъ той публики, среди которой онъ искалъ распространенiя своего журнала. Къ достоинствамъ его, какъ журналиста, нужно отнести то, что онъ старался всегда быть безпристрастнымъ, доказательствомъ чего служить помѣщенiе въ его журналѣ критическихъ статей Арцыбшева, о которыхъ мы говорили выше. Въ эпоху борьбы классицизма и романтизма онъ держался какой-то середины между ними или, лучше сказать, не признавалъ ни того, ни другого, въ томъ видѣ, какъ онъ выражался въ полемическихъ статьяхъ 20-хъ годовъ. Вотъ что писалъ Погодинъ по этому поводу въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей, помѣщенномъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1827 года. „Ты спрашиваешь меня еще о московскихъ классикахъ и романтикахъ. Мнѣ кажется, что люди, понимающiе различiе между классицизмомъ и романтизмомъ до сихъ поръ не говорятъ объ ономъ печатно, а изъ прочихъ — классиками себѣ называютъ тѣ, которые бранятъ, не читая, все новое, а романтиками, — которые не знаютъ ничего стараго. Первые повторяютъ свои далекiе зады и думаютъ, что родъ человѣческой остановился вмѣстѣ съ ними, а послѣднiе мечтаютъ, что родъ человѣческой ими только что начинается...» Погодинъ былъ весьма усерднымъ вкладчикомъ по отношенiю къ своему журналу. Статьи его были большею частiю или историческаго или географическаго содержанiя. Сюда, напри-

мѣръ, относятся: «Введеніе во всеобщую исторію Шлецера», «Историческіе афоризмы и вопросы», «Древнѣйшее право Руси, соч. Эверса», «Замѣчаніе о характерѣ Іоанна Грознаго», «Объ участіи Годунова въ убіеніи Царевича Дмитрія», «Нѣчто объ Отрепьевѣ», «Астово введеніе въ исторію» (переводъ), «Мысли, какъ писать Исторію географіи», «О главныхъ горныхъ хребтахъ въ Европѣ» (изъ Риттера), и многія другія.

Какъ Погодинъ смотрѣлъ на задачу журналиста, видно отчасти изъ его статьи «Отвѣтъ издателя», помѣщенной въ первой книжкѣ «Московского Вѣстника» за 1827 годъ, стр. 148—152. Въ немъ онъ писалъ, что издаетъ свой журналъ не для тѣхъ, которые читаютъ только по средамъ и субботамъ и скорѣе узнаютъ о привозѣ голштинскихъ устрицъ и лямбургскаго сыра, нежели о появленіи новой басни Крылова или баллады Жуковскаго, и не для тѣхъ, которые наслаждаются только Брюсовымъ календаремъ и письмовникомъ Курганова и ведутъ разговоры.

О сѣнокосѣ, о винѣ,
О царнѣ, о своей роднѣ.

Свой журналъ онъ посвящалъ тѣмъ, кто принималъ живое участіе въ общемъ дѣлѣ человѣческаго образованія, кто жаждалъ познаній и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на всякое литературное произведеніе, которое въ извѣстномъ отношеніи могло служить термометромъ этого образованія въ отечествѣ. О программѣ журнала въ «Отвѣтѣ» говорилось слѣдующее. Къ первому отдѣлу журнала принадлежатъ произведенія творческаго ума. Это *изыщная словесность*. Она потому предшествуетъ наукамъ, что человѣкъ, по своей природѣ, прежде творитъ, дѣйствуетъ, нежели познаетъ. За этимъ отдѣломъ слѣдуетъ второй, къ которому относятся познанія, систематически излагаемая, или *науки*. Изъ наукъ журналъ ограничивается теоріей изящныхъ искусствъ, исторіей, «правоученіемъ и общими понятіями изъ наукъ естественныхъ», такъ какъ всѣ эти познанія связаны между собою и всего болѣе согласуются съ способами и вкусомъ читающей пу-

блики. За науками слѣдуетъ критика, какъ примѣненіе правилъ или истинъ вообще къ произведеніямъ ума и къ его изслѣдованіямъ. Четвертый отдѣлъ—смѣсь. Это матеріалы для наукъ, изъ которыхъ почерпаетъ подтвержденіе своимъ истинамъ и натуралистъ, и историкъ, и философъ. Таковы путешествія, историческіе документы, розысканія, извѣстія объ изобрѣтеніяхъ, анекдоты и проч. Въ концѣ объясненія программы Погодинъ прибавилъ замѣчаніе, что онъ съ удовольствіемъ будетъ помѣщать въ своемъ журналѣ насмѣшки надъ невѣждами, надъ всезнайками, и всякую критику, даже самую язвительную, на самаго себя, на своихъ сотрудниковъ, друзей, недруговъ и проч.

Другими свойствами и взглядами на журнальное дѣло отличался издатель «Московского Телеграфа» Полевой, одинъ изъ самыхъ плодovitыхъ писателей своего времени. Это былъ одинъ изъ самыхъ усердныхъ служителей романтизма 20-хъ годовъ и самый яркій представитель романтической критики этого времени. Особенности этой критики были слѣдующія. Смѣнивъ собою критику, основывавшуюся на взглядахъ Батте, Лагарпа и Эшенбурга, критику, представителемъ которой былъ извѣстный профессоръ Мерзляковъ, она перестала восхищаться красивымъ стихомъ, удачнымъ выраженіемъ и заговорила о требованіяхъ времени, романтизмѣ, творчествѣ и т. д. Вмѣстѣ съ этимъ она поколебала литературное авторитетство, которое столь вреднымъ и задерживающимъ образомъ дѣйствовало на развитіе литературы. Она показала, что Сумароковъ, Херасковъ и Петровъ совсѣмъ не были великими писателями. Такимъ образомъ, она дала необходимую свободу уму и фантазій. Она же стала разяснять значеніе литературныхъ произведеній Пушкина и Жуковского. Представителемъ этой-то критики былъ Полевой, онъ же былъ и основателемъ перваго журнала съ романтическимъ направленіемъ. Критика Полеваго отличалась вкусомъ и остроуміемъ, хотя иногда отличалась пристрастіемъ и никогда, по замѣчанію Бѣлинскаго, не достигала постиженія глубокаго смысла искусства и законовъ изящнаго. На этомъ основаніи его ре-

цензи́и были гораздо лучше больших критических статей. Какъ бы то ни было, Полевой въ своемъ журналѣ былъ постояннымъ гонителемъ литературнаго безвкуси́я и вычурности. «Онъ явился на журнальное поприще въ то время, говоритъ Бѣлинскій, когда „мадригалъ Лилетъ“ давалъ право на поэтическое безсмертіе; когда литературное чиновочитаніе было во всей своей силѣ; когда столько дикихъ предразсудковъ царствовало въ понятіяхъ по поэзи́и. И вотъ онъ сталъ дѣйствовать съ энергіею, пылостью и смѣлостью, открыто пошелъ противъ всего, что казалось ему устарѣвшимъ, отсталымъ, и уничтожалъ его во имя новаго *.

Успѣхъ его журнала, благодаря всему этому, былъ необычайный; онъ имѣлъ до 1,500 подписчиковъ. Неисчерпаемый источникъ для своихъ статей и многихъ мыслей онъ находилъ, между прочимъ, въ известномъ «Revue Encyclopédique». Въ своихъ статьяхъ онъ касался всѣхъ областей знанія, говорилъ и о нѣмецкой философіи, хотя знакомство съ ней получилъ изъ французской литературы. Съ сожалѣніемъ нужно замѣтить, что съ теченіемъ времени, въ 30-хъ годахъ, Полевой совершенно измѣнилъ свой взглядъ на многихъ русскихъ писателей и измѣнилъ къ худшему. Онъ никакъ не могъ понять высокихъ достоинствъ «Каменнаго Гостя» Пушкина, а появленіе Голя привѣтствовалъ даже бранью. Здѣсь же можно замѣтить, что въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ своихъ критическихъ теорій. Къ наиболѣе замѣчательнымъ критическимъ статьямъ его принадлежатъ разборы произведеній Державина, Карамзина, Пушкина и Жуковскаго.

Достоинства журнала Полеваго признавали и нѣкоторые изъ его литературныхъ противниковъ. Такъ, въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ ** „Телеграфъ“ былъ названъ явленіемъ за-

* Сочиненія, т. III, стр. 106.

** „Моск. Вѣстникъ“ 1828 г., ч. 8, стр. 68—105. Но было много враговъ и у Полеваго. Нѣкоторые спрашивали: гдѣ онъ учился, гдѣ его ученый аттестатъ, гдѣ онъ могъ почерпнуть свои знанія? Называли его торговцемъ, купцемъ, самоучкой. Были и такіе, которые въ своей полемикѣ выводили на сцену и водочный заводъ Полеваго.

мѣчательнымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ говорилось, что въ этомъ журналѣ болѣе, нежели въ какомъ нибудь другомъ, какъ въ вогнутомъ зеркалѣ каррикатурно отражаются вся хорошая и все возможные недостатки современнаго русскаго образованія. Названная статья „Московского Вѣстника“ весьма замѣчательна, какъ по отношенію къ „Телеграфу“ и Полевому, такъ и по отношенію къ взглядамъ на журналистику самого «Московского Вѣстника», поэтому мы остановимся на ней подольше. Отличительнымъ характеромъ „Телеграфа“ названная статья признавала *пестроту* содержанія. Въ журналѣ можно было встрѣтить статьи по философіи, словесности, эстетикѣ, исторіи, мнѣологіи, археологіи, филологіи, нумизматикѣ, юриспруденціи, грамматикѣ, политической экономіи, статистикѣ, математикѣ и т. д. Въ немъ постоянно встрѣчались пренія съ журналами: „Дамскимъ“, „Сѣверною Пчелою“, „Вѣстникомъ Европы“, „Сыномъ Отечества“, „Московскимъ Вѣстникомъ“ и „Сѣвернымъ Архивомъ“; пошѣщались разборы книгъ русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, даже писанныхъ на языкахъ: датскомъ, сербскомъ, румынскомъ, армянскомъ и т. д. На ряду съ этимъ можно было найти лѣтописи моды, описанія мужскихъ и дамскихъ платьевъ, шляпокъ, корсетовъ, босынокъ, лентъ, башмаковъ, чулковъ, булавокъ, рисунки стульевъ, креселъ, дивановъ, портреты В. Скотта, Гете, Шиллера, Байрона, Канинга и проч. По отношенію въ различнымъ наукамъ въ „Телеграфѣ“ высказывались слѣдующіе взгляды. Отъ историка требовалось (по поводу исторіи Кайданова), обозначивъ первобытное состояніе потомковъ Ноя послѣ потопа, ихъ бѣдствія и заблужденія, объять весь міръ и постепенно раскрывать, какъ божественная религія и просвѣщеніе разума возводили человѣка изъ дикаго его состоянія въ образованное, какъ знанія и законы ума, начавшись въ Азіи, распространились въ Европу, что этому споспѣшествовало, что составляло счастье и несчастье людей. Относительно географіи говорилось, что современные русскіе учебники географіи обременены именами и не дають общихъ

идей, что въ нихъ нѣтъ центра, нѣтъ развитія частныхъ изъ дѣлаго. Относительно усовершенствованія юриспруденціи въ Россіи предлагалась такая мѣра: „Должно бы рѣшиться кому нибудь напечатаніемъ въ одномъ собраніи всѣхъ сколько есть узаконеній и постановленій Россійскаго государства и скорнымъ изданіемъ сего собранія подарить насъ собраніемъ фактовъ, въ коемъ помѣстить ихъ просто вполнѣ, какъ они суть, дополняя, каждый годъ непремѣнно, это собраніе вновь издаваемыми указами и установленіями. Это составило бы основаніе всѣмъ нашимъ системамъ и кодексамъ *“. Относительно грамматики требовалось извлечь тайныя ея законы изъ умозрѣнія и филологій, чтобы добыть способъ составить грамматику синтетически. О славянскомъ языкѣ „Телеграфъ“ разсуждалъ такъ: „До тѣхъ поръ не будетъ у насъ положено прочныхъ основаній русской грамматики, пока мы не узнаемъ коренныхъ основаній древняго славянскаго языка, а его не узнать намъ изъ книгъ, писанныхъ на церковномъ или книжномъ языкѣ, который введенъ былъ въ переводъ св. Писанія греческими проповѣдниками, потомъ заключенъ въ грамматическія рамки Смотрицкимъ, и который теперь выдаютъ намъ за настоящій древній Славянскій языкъ аббатъ Добровскій и его послѣдователи. Если мы, для составленія коренныхъ правилъ, по одному словечку переберемъ Остромирово Евангеліе, если напишемъ грамматику еще огромнѣе грамматики Добровскаго, зданіе наше все будетъ шатко и построено на пескѣ. Не въ книжномъ языкѣ, который сотворенъ Кирилломъ и Меодіемъ, заключаются для насъ основныя законы кореннаго славянскаго языка, но въ древнѣйшихъ народныхъ памятникахъ, которыхъ недостатокъ можетъ подрѣзнить ученое сообра-

* По поводу этого вѣтъ „Московскаго Вѣстника“ замѣчаетъ: „Равнѣ издатель „Телеграфа“ не знаетъ до сихъ поръ, что это у насъ давнымъ давно дѣлается и всѣ указы издаются въ томъ порядкѣ, какъ выходятъ? Но отъ чего до сихъ поръ это собраніе не послужило основаніемъ всѣмъ нашимъ системамъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Да и гдѣ у насъ системы?“

женіе нынѣшнихъ отраслей языка славянскаго, т. е. языка сербскаго, ботемскаго, польскаго и проч^а. Это мнѣніе вывало такое замѣчаніе со стороны критика „Московского Вѣстника“: „Осталось одно только средство угодить требованіямъ „Телеграфа“: сообразить нынѣшніе языки, происходящіе отъ славянскаго. Это все тоже, если бы мы, предположивъ совершенное истребленіе памятниковъ языка латинскаго, захотѣли изъ нынѣшнихъ европейскихъ языковъ, отъ онаго происходящихъ, воскресить самый латинскій!“ Указавъ на взгляды „Телеграфа“ по отношенію къ различнымъ наукамъ, авторъ статьи „Московского Вѣстника“ переходитъ къ общей характеристикѣ названнаго журнала: „Вездѣ вы видите какое-то неясное безпокойство объ одномъ всеобщемъ началѣ, безотчетное желаніе дать во всемъ себѣ отчетъ, бессильное стремленіе къ неопредѣленнымъ, общимъ идеямъ, въ какой-то миръ пустоты абсолютной, простевающая не изъ внутренняго убѣжденія, не отъ богатства силъ и знаній, не отъ чтенія идеалистовъ-философовъ; но впріобрѣтенное по невѣрнымъ слухамъ о германскихъ теоріяхъ. Правда, что философское направленіе ко всеобщему знанію, родившееся съ началомъ вѣка въ счастливой срединѣ Европы—въ Германіи, простерлось оттоль и на Францію, коснулось и насъ, хотя еще не совсѣмъ приготовленныхъ къ принятію онаго. Разумѣется, молодое поколѣніе должно было болѣе подвергнуться сему влиянію; съ жадностью, свойственною его возрасту, оно бросилось на новую философію, какъ науку, въ которой разрѣшаются главные вопросы о самомъ человѣкѣ,—и кому же бы не польстило разрѣшеніе оныхъ? Сначала оно приняло не столько мысли, сколько слова, и ограничивалось однѣми общими, неясными идеями; но первое броженіе утихло; пѣна словъ нустыхъ исчезла,—и нестройные, безотчетные порывы превращаются въ тихое и ясное размышленіе. Юные умы, рассуждая о наукахъ, сами свободно начинаютъ вопрошать себя о каждомъ словѣ, о каждомъ впечатлѣніи, о каждомъ правилѣ, прежде на вѣру принятомъ, и послѣ такой повѣрки, уже

по внутреннему, свободному убѣжденію, отвергаютъ не только старыя предразсудки, но и новыя пустыя формы, замѣняя ихъ идеями, и научаются говорить отъ мысли. Другіе же, слѣпо, безъ благороднаго скептицизма, послѣдовавшіе стремленію вѣна, остаются при однихъ пустыхъ словахъ, при общихъ мѣстахъ, при слѣпой увѣренности, что ни къ чему негодно все старое, отъ котораго они сами не могли освободиться,—и потому представляютъ собою жалкое безсиліе обнять все вдругъ и неструю смѣсь старыхъ предразсудковъ съ новыми предубѣжденіями. Къ сямъ послѣднимъ принадлежитъ и „Телеграфъ“, такимъ образомъ до *pes plus ultra* каррикатурно отражающій въ себѣ благородное и полезное стремленіе новаго поколѣнія“. Отъ этого новаго недостатка, по мнѣнію автора, проистекають еще слѣдующія: 1) гордое и безотчетное презрѣніе къ опытности и ко всѣмъ прежнимъ мнѣніямъ; 2) неопредѣленность и несоразмѣрность въ сужденіяхъ. Послѣдній недостатокъ замѣтенъ во всемъ отдѣленіи критики. Во всѣхъ его разборахъ видно отсутствіе постоянной точки зрѣнія; всякая новая книга есть новая задача для издателя „Телеграфа“; онъ, не имѣя опредѣленныхъ мыслей, не владѣя постояннымъ стекломъ, ходитъ кругомъ ихъ, замѣчаетъ удачно частныя, мелкіе недостатки, никогда не проникая въ сущность сочиненій и не умѣя согласить своихъ общихъ, неопредѣленныхъ идей съ тѣмъ, что онъ видитъ предъ собою. Слогъ „Телеграфа“ называется неопредѣленнымъ, неяснымъ, неточнымъ, растянутымъ, болтливымъ, вялымъ, нерѣдко пустымъ, неучтиво-темнымъ, иногда щеголеватымъ и въ переводахъ испещреннымъ галлицизмами, британизмами и проч. Замѣчая эти недостатки, авторъ указываетъ и на достоинства журнала. Онъ хвалитъ его за благородный характеръ, за благонамѣренность, говорить, что ни въ одномъ изъ журналовъ не извѣщалось о такомъ множествѣ русскихъ книгъ, начиная отъ логикъ и статистикъ до кротолововъ и собачьихъ дѣчебниковъ. Отдаетъ также справедливость неутомимому трудолюбію издателя, его расторопности, умѣнью разнообразить содержаніе

внижекъ, искусству сообщать все новое, привлекать всѣми возможными средствами своихъ читателей. Ставится ему въ заслугу также то, что онъ одинъ изъ всѣхъ русскихъ журналистовъ взялся отражать несправедливые толки французовъ о нашей литературѣ и отражалъ болѣею частію справедливо, обличая ихъ невѣжество въ данномъ случаѣ.

Такъ смотрѣли нѣкоторые изъ современниковъ на журнальную дѣятельность Полеваго. Интересно теперь узнать, какъ онъ самъ смотрѣлъ на себя. Тутъ дѣло выходило нѣсколько иначе. „До появленія моего въ журнальной литературѣ, говорить онъ въ своихъ „Очеркахъ русской литературы“, критика только изрѣдка мелькала въ нашей журналистикѣ. Отдадимъ справедливость немногимъ критическимъ статьями Греча, Мерзлякова, Каченовскаго, Булгарина и Воейкова: имена сихъ почтенныхъ литераторовъ останутся, какъ имена остроумныхъ критиковъ, за написанныя ими критическія статьи. Но никто не оспорить у меня чести, что первый я сдѣлалъ изъ критики постоянную часть журнала русскаго, первый обратилъ критику на всѣ важнѣйшіе современные предметы“ *.

Какъ журналистъ, Полевой долгое время былъ противникомъ Греча и Булгарина и велъ постоянную полемику съ „Сѣвѣрною Пчелою“, „Сыномъ Отечества“ и „Сѣвѣрнымъ Архивомъ“. Въ 1828 г. произошло неожиданное примиреніе. Точкою соединенія послужила грамматика Греча. Послѣдній былъ признанъ отличнымъ прозаикомъ, а Булгаринъ-литераторомъ, подающимъ большія надежды, тогда какъ еще въ 27 году „Телеграфъ“ отрицалъ всѣ права ихъ на званіе достойныхъ писателей.

Обратимся теперь къ третьему журналисту, представившему замѣчательное явленіе въ свое время, Булгарину. Дѣятельность его, какъ журналиста и критика, превосходно оцѣнена была Бѣлинскимъ. Главными чертами въ ней являлись пристрастіе, самохвальство и часто крайнее невѣже-

* Очерки, ч. 1, стр. XIV.

ство по отношенію къ разбираемымъ литературнымъ произведеніямъ. „Сѣверная Пчела“ Булгарина долгое время была пріютомъ кумовства, сплетничества и листкомъ, въ которомъ можно было почерпнуть самыя подробныя свѣдѣнія о достоинствахъ товаровъ тѣхъ многочисленныхъ петербургскихъ лавокъ и магазиновъ, въ которыя, по тѣмъ или другимъ причинамъ, имѣлъ обыкновеніе навѣдываться почтенный издатель названной газеты. На эту-то черту знаменитаго редактора намекалъ Бѣлинскій, когда писалъ слѣдующее: „По книжнымъ лавкамъ мы не ходимъ, ни въ будни, ни въ праздники, зная что тамъ ничего не услышишь, кромѣ вздорныхъ слетень, до которыхъ мы смертельные не охотники; такая неохота, конечно, можетъ показаться странною „Сѣверной Пчелѣ, но что же дѣлать, когда это такъ“. Особенно были смѣшны и наивны похвалы, которыя расточались издателями „Сѣверной Пчелы“ другъ другу, а можетъ быть, и самому себѣ со стороны скромнаго Ѳ. В. Булгарина. Относительно „Выжигина“, напримѣръ, въ одномъ номерѣ „Сѣверной Пчелы“ говорилось слѣдующее: „Эти страницы напоминаютъ намъ „Ивана Выжигина“, который двинулъ всю русскую литературу на поприщѣ романовъ. Враги Булгарина могутъ его осипать всѣми возможными субъективными стрѣлами мировой своей критики, но заслугъ его никогда не отнимутъ, не помрачатъ. Полемика исчезнетъ, факты останутся. „Иванъ Выжигинъ“ былъ первый нашъ русскій романъ, и дай Богъ, чтобъ послѣдователи Булгарина писали такіе же романы.“ Фельетоны „Сѣверной Пчелы“ отличались удивительнымъ разнообразіемъ; но что это было за разнообразіе! Превознесши, напримѣръ, до небесъ блины екатерингофскаго воксала и кафе-ресторанъ Веранже, фельетонистъ тотчасъ переходитъ къ разбору какого нибудь замѣчательнаго литературнаго произведенія. Нисколько не стѣснялся издатель „Сѣверной Пчелы“ и на сближенія себя съ различными великими людьми древнаго и новаго міра. Такъ, однажды онъ сравнилъ себя съ Сократомъ, а другой разъ былъ сравненъ пріателемъ съ Вальтеръ-Скоттомъ. Тѣмъ

не менѣе, это величіе не шло русскому Вальтеръ-Скотту наполнять свои фельетоны самыми лестными закличиваніями. Такъ, напримѣръ, имѣя въ виду, что изъ провинціи присылаютъ требованія на книги, журналы, газеты, онъ говорилъ, что въ провинціи преобладаютъ и добродѣтель, и патриотизмъ, и изящный вкусъ, и начитанность. При этомъ нежидосерднымъ образомъ были отруганы „Мертвыя души“ и „Ревизоръ“, составлявшія яво бы клевету на провинціальныя нравы. Зато прославились гражданскіе подвиги книгопродавца Ольхина, карману котораго обязаны были своимъ появленіемъ на свѣтъ „Полныя сочиненія Булгарина“ и другія имъ подобныя произведенія.

Таковъ былъ Булгаринъ въ 40-хъ годахъ и позднѣе. Но много сходнаго съ указаннымъ представлялъ и Булгаринъ 20-хъ годовъ.

Чтобы охарактеризовать журнальную и критическую дѣятельность Булгарина въ 20-хъ годахъ, возьмемъ его «Сѣверную Пчелу» названнаго времени. И здѣсь мы видимъ тѣ же самыя недостатки, какіе видѣли выше. Литературная тактика Булгарина и здѣсь была та же самая. Она выражалась въ слѣдующемъ. Если какой нибудь писатель не обнаруживалъ по отношенію къ сочиненіямъ и журналамъ издателей «Сѣверной Пчелы» своего мнѣнія, то его оставляли въ покоѣ, ожидая отъ него рѣшительнаго отзыва, послѣ котораго этотъ писатель или принимался въ число друзей издателей названной газеты, или причислялся ими къ сонму ненавистныхъ враговъ, въ борьбѣ съ которыми считались позволительными всевозможныя средства. Человѣкъ, сказавшій печатно что нибудь невыгодное о сочиненіяхъ издателей «Сѣверной Пчелы» или послѣдней, не могъ ожидать никакого помилованія, и если онъ былъ авторъ какого нибудь произведенія, хотя бы очень замѣчательнаго, оно втаптывалось безъ зазрѣнія совѣсти въ самую глубокую грязь. Даже опечатки такого произведенія ставились въ вину такому автору. Нерѣдко затрагивались при этомъ и личныя, домашнія отношенія автора. Напротивъ, авторъ или издатель книги,

находившіяся въ близкиѣ отношеніяхъ къ издателямъ «Сѣверной Пчелы», осыпался самыми неумѣренными похвалами. Если въ произведеніи пріятеля нечего было хвалить, то хвалили вѣншность изданія; шрифтъ, въ примѣръ достоинствъ приводилось нѣсколько строчекъ изъ предисловія и т. д. Похвалы оканчивались восклицаніями: «Покупайте, гг. покупатели! Не скупитесь, нацѣньки! Да это раскупятъ, какъ конфекты, да и какъ не вунить того, что полезно, хорошо и дешево». Во всѣхъ критическихъ статьяхъ «Сѣверной Пчелы» обнаруживалось чувство обиженнаго самолюбія и самаго мелочнаго мщенія. Отсюда вытекали постоянно встрѣчавшіяся противорѣчія и несправедливость въ сужденіяхъ «Сѣверной Пчелы». Говоря, напримѣръ, о «Дѣтскомъ Альманахѣ» Ѳедорова, газета въ одномъ мѣстѣ замѣчала, что слогъ его не вездѣ ровень, не вездѣ примѣнимъ къ понятіямъ маленькихъ читателей, тогда какъ въ другомъ говорила, что слогъ въ альманахѣ вездѣ чистый, ясный, понятный для дѣтей. Причиной противорѣчія была перемѣна издателя „Альманаха“. Похвалы, расточавшіяся современнымъ извѣстнымъ писателямъ, не могли ничего принести читателямъ, кромѣ скуки. Сужденія о нихъ обнаруживали чрезвычайную слудость пониманія. Рецензій состояли въ выпискѣ нѣкоторыхъ отрывковъ, въ ничтожныхъ замѣчаніяхъ о слогѣ въ указаніи на грамматическія ошибки и опечатки.

Все это сопровождалось общими мѣстами и пустыми замѣчаніями. Критическія статьи часто начинались такимъ образомъ: «Новое, прелестное стихотвореніе!» «Честь вамъ и слава, г. поэтъ!» «Это вещь совершенно оригинальная!» «Стихи жгутъ страницы!» * Въ разборахъ „Сѣверной Пчелы“ часто слышался какой-то насильственный, дѣланый восторгъ. Забавны были ея отзывы о происхожденіяхъ живописи и музыки. Въ картинахъ, портретахъ обращалось особенное вниманіе на отдѣлку шинелей, мундировъ, эпюлетъ, орденовъ, серебряныхъ и золотыхъ украшеній и т. д.

* „Сѣверная Пчела“ 1838 г., № 124, 145, 147.

Постоянно встрѣчалась такая оцѣнка: „Штофная занавѣсь, бархатъ, металлъ въ отдѣлкѣ кресель, отвороты одежды, все это сдѣлано съ такимъ необыкновеннымъ искусствомъ, что зрѣніе совершенно обманывается. На нѣсколько шаговъ нельзя притти въ себя!“ „Знатоки не довольны отдѣлкою бѣлыя въ портретѣ Г.“ „Это не картина: это просто Горный Кадетскій корпусъ“. „Волосы, серебро на: адъютантскихъ авсель-бантахъ и подкладка шинели отдѣланы мастеровски“. Не менѣе забавны отзывы, относящіеся къ музыкѣ. Зналъ, съ одной стороны, что звуки могутъ понижаться и повышаться, а съ другой, что существуютъ недали, которыя *поднимаются и опускаются*, „Сѣверная Пчела“, говоря о совершенствѣ одного оркестра, не задумываясь, провозгласила слѣдующее: „Кажется, что играетъ одинъ виртуозъ на одномъ какомъ-то прекрасномъ гармоническомъ инструментѣ, на которомъ *звуки понижаются или возвышаются посредствомъ педалей*.“ Въ виду всего этого, въ одномъ журналѣ весьма справедливо совѣтовалось „Сѣверной Пчелѣ“, вмѣсто разбора произведеній живописи и музыки, ограничиться разсужденіями о балансерахъ, скакунахъ, ученыхъ собакахъ и скороходахъ *. Но такіе благоразумные совѣты ни къ чему не вели. Издатель «Сѣверной Пчелы» не только не избралъ своею спеціальностью трактованья о собакахъ и скакунахъ, но даже рѣшался говорить о томъ, что такое жизнь, и тому подобныхъ важныхъ матеріяхъ. И что же говорилъ онъ о жизни? То, что могъ сказать всякій и неиз-

* Булгарина часто учили въ промахахъ. Къ нимъ относится, напримеръ, утверждение того, что Нилъ течетъ мимо Тумбукской гавани, что передъ наводненіемъ въ Петербургъ всѣ собаки въ гостинномъ дворѣ пропали („Телеграфъ“ на это замѣтилъ, что этого не могло случиться, такъ какъ собаки въ названномъ мѣстѣ всегда держались на цѣпи), что въ Константинополѣ есть мраморный бассейнъ, въ которомъ плаваютъ семь рыбокъ жареныхъ, или имѣющихъ видъ поджаренныхъ (Сѣв. Арх. 1823 г., № 18), что одинъ малороссійскій казакъ цѣлые три часа защищался противъ цѣлой польской арміи и продолжалъ сражаться даже послѣ того, какъ былъ прострѣлянъ 14 пулями, и т. д.

дававший «Сѣверной Пчелы», всякій швальникъ. Перетрахла-лась старая рухлядь о дружбѣ, суетѣ свѣта, честолюбіи, выводились на сцену старня сравненія возрастовъ съ временами года и т. д.

Не смотря на все это, «Сѣверная Пчела» въ свое время имѣла обширный кругъ читателей; ее можно было встрѣтить во всѣхъ концахъ Россіи. Причиной было то, что она была почти единственная газета въ свое время. Сообщала она своимъ читателямъ гораздо менѣе того, нежели сколько можно было бы сообщить. Извѣстія отечественныя, правда, передавались довольно скоро и вѣрно; но извѣстія иностранныя были несравненно менѣе удовлетворительны. Въ отдѣлѣ иностранныхъ извѣстій «Сѣверная Пчела» нисколько не заботилась объ изображеніи перемѣнъ, происходившихъ во внутреннемъ устройствѣ современныхъ государствъ, съ объясненіемъ ихъ причинъ и слѣдствій, о характеристикѣ лицъ, дѣйствовавшихъ на политическомъ поприщѣ; вмѣсто этого, она вела перечень голыхъ донесеній, сжатыхъ извѣстій о политическихъ событіяхъ, испещряя свои страницы собственными именами.

Такова была «Сѣверная Пчела», таковы были ея издатели, таковъ былъ Булгаринъ въ 20-хъ годахъ. Много сириведливаго и безпристраднаго было высказано относительно ея недостатковъ и недостатковъ ея издателей, но это ни къ чему не пошло. Булгаринъ какимъ вышелъ на литературное поприще, такимъ и сошелъ въ могилу, внеся своими литературными подвигами весьма печальную страницу въ исторію русской журналистики. Одинъ изъ безпристрастныхъ цѣнителей «Сѣверной Пчелы» 20-хъ годовъ, размышляя надъ ея страницами, сказалъ слѣдующее: „Одно только утѣшаетъ насъ вмѣстѣ со всѣми благомыслищими ревнателями къ пользѣ наукъ и просвѣщенія отечественнаго: по вѣрнымъ признакамъ, сокровенныя правила литературной тактики уже по немногу начинаютъ обличаться, и можетъ быть скоро наступитъ то золотое время, когда водворится въ литературѣ русской духъ благородной терпимости, духъ

аврадой, безпристрастной критики, духъ миролюбивой истины, а пристрастная, заносчивая, посягающая на личность, правдословная тактика, употребляемая «Сѣвѣрной Пчелою» сдѣлается притчею во языцѣхъ!» Пророчество этого голоса сбылось: «Сѣвѣрная Пчела» и ея издатель сдѣлались въ глазахъ безпристрастнаго потомства, дѣйствительно, притчею во языцѣхъ.

Между критиками 20-хъ годовъ обращаетъ на себя вниманіе Шевыревъ. Въ его критическихъ статьяхъ замѣтны два направленія: до тридцатыхъ годовъ въ его критикѣ было видно вліяніе нѣмецкой эстетики и знакомства съ нѣмецкою литературою; съ тридцатыхъ она получила какой-то итальянскій характеръ. Разбирая русскихъ писателей, онъ сталъ постоянно трактовать о Дантѣ, Тассѣ, Петраркѣ. Какъ критикъ, Шевыревъ по таланту стоялъ ниже Полеваго, но зато въ его статьяхъ замѣтно было присутствіе общаго основанія, принципа, чего мало было у Полеваго. Его критическія статьи и рецензіи помѣщались въ «Московскомъ Вѣстникѣ» Погодина и касались произведеній русской и иностранной литературы. Онъ обнаруживали разнообразіе свѣдѣній автора и отличались хорошииъ и мѣстами картиннымъ слогомъ. Мѣстами въ нихъ мелькало остроуміе. Во многихъ случаяхъ авторъ ихъ обнаруживалъ большую вѣрность и серьезность сужденія. Какъ на доказательство всего этого, укажемъ на нѣкоторыя мѣста изъ его критическихъ статей, помѣщенныхъ въ названномъ журналѣ. Его разборъ «Геца фонъ-Берлихингена» Гете обнаруживаетъ хорошее знакомство съ французской и нѣмецкой литературами, статья о малороссійскихъ пѣсняхъ, изданныхъ Максимовичемъ, — съ народной поэзіей, замѣчанія на статью кн. Вяземскаго о Жуковскомъ — съ произведеніями классической литературы. Каринность языка, встрѣчающаяся въ нѣкоторыхъ критическихъ статьяхъ Шевырева и доходящая иногда до излишества, доказывается такими мѣстами, какъ слѣдующее. Опредѣляя характеръ Отелло, онъ говоритъ такъ: «Изъ какихъ бурныхъ стихій созданъ сей питомецъ юга! Огненный,

какъ его вѣчное солнце, могучій, благородный, но и раздражительный, какъ левъ африканскій; открытый, какъ степь широкая; вѣбкій, какъ песокъ ея, взвѣваемые легкимъ вѣтромъ; скорый и бурный, какъ вихрь степной; невинный, дѣвственный и грубый, какъ дѣвая природа, къ которой не касались руки человѣческія, — онъ отражаетъ въ себѣ нравственно всѣ черты своей родины, всѣ свойства чувственной африканской природы». Больше замѣчательную сторону статей Шевырева составляютъ обнаруживающіяся во многихъ мѣстахъ вѣрность и серьезность сужденій. Таковы, напримеръ, мѣста, гдѣ онъ говоритъ о французской литературѣ 18 ст., о Гете, Шиллерѣ и Шекспирѣ. Доводительствомъ названной серьезности можетъ служить слѣдующее мѣсто изъ его разбора «Геца фонъ-Берлихингена» Гете. «Въ тѣсныхъ предѣлахъ одной сцены начертана (у Гете) картина духовенства того времени (16 ст.): невежество, низость, угодливость, желаніе первенства, педантизмъ, щегольство; всѣ эти черты набросаны такъ ярко! И какъ кстати говорится о римскомъ правѣ, только что открытомъ въ то время».

„Въ лицѣ Максимилиана вы видите слабую, но благонамѣренную монархію. Онъ чуть слышно проходитъ въ одномъ явленіи: въ концѣ трагедіи отзывается одинъ темный слухъ о его смерти“.

„Въ бунтѣ поселянъ вы живо представляете себѣ ихъ бѣдственное состояніе, которое однихъ доводитъ до отчаянія, другихъ до безпредѣльнаго буйства“.

„Въ безхарактерномъ, вѣтренномъ, легкомысленномъ, женоподобномъ, влюбчивомъ Вейслингенѣ находите всю жизнь двора; въ Елизаветѣ и Адельгеймѣ два поколѣнія женщинъ, и въ послѣдней зародышъ всѣхъ будущихъ кокетокъ, игравшихъ важныя роли въ послѣднихъ трехъ столѣтіяхъ“.

„Соберите всѣ сія черты вкупѣ—и вотъ вамъ XVI вѣкъ; раскройте Геца и у поэта учитеся исторіи, учитеся еще высшей наукѣ: познанію человѣчества, познанію самихъ себя“. Но мѣстами въ его критикѣ обнаруживалась и не-

лишняя чопорность. Такъ, разбирая книгу „Признаніе на тридцатомъ году жизни“ Волкова и приведа изъ нея отрывокъ, въ которомъ авторъ говоритъ о себѣ слѣдующее:

Десертъ выписывалъ бывало
 Съ нарочными издалека,
 И, словомъ, только молока
 Лишь птичьего не доставало.
 Шато-ла-фитъ какъ квасъ текло.
 И алой романае рѣкою.
 Лидся въ граненое стекло.
 Будь гость вельможа, будь незнатный,
 Для всѣхъ бывалъ одинъ приемъ,
 Точно струился ароматный
 Предъ пьяницей секретаремъ,
 Который послѣ отывался:
 „Напитокъ бы хорошъ казался,
 Да что-то силы мало въ немъ...”

онъ замѣчаетъ: „Содержаніе очень бѣдно, и автору не стоило бы труда признаваться въ такихъ *пошлостяхъ* предъ публикою“.

По критическимъ статьямъ Шевырева можно опредѣлить, между прочимъ, его взглядъ на поэзію, ея начало, отношеніе къ литературѣ, на задачу критики, народную словесность, на французскихъ писателей 18 ст., нѣмецкую литературу, Шекспира и т. д. По его убѣжденію, поэзія должна растворять душу къ прекрасному и благородному, она существуетъ самобытно, имѣетъ свою цѣль, независящую ни отъ какихъ другихъ отношеній; если ей позволено связать иногда свою высокую цѣль съ цѣлью постороннею, то только тогда, когда она одушевляетъ вольную свою рѣснь христіанскимъ чувствомъ состраданія къ ближнему. Поэзія можетъ *служить* одному только благотворенію. Въ «Замѣчаніи на замѣчаніе кн. Вяземскаго о началѣ Русской Поэзій» Шевыревъ говоритъ о началѣ поэзій вообще. «Чѣмъ болѣе онъ (человѣкъ) дѣйствуетъ, говоритъ онъ, тѣмъ болѣе живетъ, а слѣдовательно тѣмъ болѣе сообщается съ предметами, тѣмъ болѣе мыслить и чувствуетъ. Послѣ смѣлыхъ подвиговъ доб-

лести; искушающей судьбу, слѣдуютъ подвиги творящей фантазіи. Это свидѣлствуютъ намъ всѣ народы въ Исторіи Словесности; сначала пробуждалась въ нихъ жизнь; они съ жадностью устремились къ дѣйствіямъ, сценою которыхъ было кровавое поле войны; обогащаясь добычею сокровищъ, они обогащались добычей опыта—мыслію, чувствомъ, сознаниемъ собственной силы—и наконецъ громъ побѣдоноснаго оружія отзывался въ пѣсняхъ вдохновеннаго Барда. Эпическая поэзія и пѣсни — вотъ общее начало Словесности у всѣхъ народовъ». Эти мысли были высказаны Шевыревымъ по поводу сожальнаго кн. Вяземскаго о томъ, что наша новая литература началась одой, а не сатирой * (тогда, по его мнѣнію, развитіе литературы пошло бы успѣшнѣе). Указывая на начало поэзіи у всѣхъ народовъ, Шевыревъ говоритъ, что таково же оно должно было быть и въ новой русской литературѣ: поэзія должна была начаться одой. «Нѣтъ, не въ Сатирахъ, говорю я, мы имъ (Державнымъ) любимся, замѣчаетъ онъ, не въ нихъ онъ колонъ силы и бурнаго мужества; надъ Альпами паритъ онъ орломъ—надъ Альпами, гдѣ развивались знамена Русскія, гдѣ шелъ Суворовъ—любимъ мы слышать въ громкихъ звукахъ его лиры отголосокъ побѣдныхъ громовъ, сокрушившихъ стѣны Измаила». Истреблять въ литературѣ плевелы, по его мнѣнію, должна критика, а не поэзія, которой задача — располагать душу къ прекрасному и благородному. «Пусть поэты своимъ искусствомъ освѣтятъ для насъ преданія родной старины, говоритъ онъ, пусть въ ихъ звукахъ услышимъ мы наконецъ звуки родные, еще въ дѣтствѣ плѣнявшіе насъ и позабытые нами; пусть мыслящіе, трудолюбивые критики роются въ завѣтной сокровищницѣ языка, пусть они оцѣнятъ произведенія національныхъ поэтовъ и Русскимъ укажутъ на истинно Русское, если холодныя сердца ихъ не узнаютъ своего роднаго» **.

* По отношенію къ произведеніямъ литературы.

** Здѣсь какъ будто Шевыревъ высказываетъ недовольство по поводу современнаго направленія литературы.

Въ Редакціи „**ИСТОРИЧЕСКОЙ ВИБЛИОТЕКИ**“
(С.-Петербургъ, Большо. Садовая, д. 121, кв. 12).

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Очерки древне-римской жизни. *Т. Симонса*
1879 г. Ц. 1 руб. 20 к.

Ното sum, романъ *Эберса.* Спб., 1878 г. Цѣна 1 р.
20 коп.

Россія и Турція отъ возникновенія политиче-
скихъ между ними отношеній до Лондонскаго трактата
(включительно). Истор. очеркъ *Д. Бухарова.* Спб. 1880
года Ц. 1 р. 20 к.

Московское княжество въ I половинѣ XIV в.
Историческій этюдъ *П. Полежаева.* Спб. 1878 г. Цѣна
1 руб.

Рыцарь или Дама Истор. повѣсть *Самарова,*
1878 г. Ц. 1 руб.

Экономическій бытъ крест. населенія передъ
крѣпостн. правомъ и колонизація юго-восточныхъ степей
П. Соколовскаго 1878 г. Ц. 1 руб. 70 коп.

**Изданія эти продаются и во всѣхъ извѣ-
стныхъ книжныхъ магазинахъ въ С.-Петер-
бургѣ.**

Выписывающіе прямо изъ Редакціи за пересылку не
прилагаютъ.

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

въ 1880 г.

БУДЕТЬ ВЫХОДИТЬ ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ И ВЪ
ТѢЖЕ СРОКИ.

Цѣна годовому изданію 6 руб. 50 коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ редакціи журнала (Больш. Садовая домъ 121 кв. 12) и въ книжномъ магазинѣ. **Я. Исакова**, Невскій просп. Гостинный дворъ № 24.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться: въ Петербургъ въ редакцію журнала „Историческая Библиотека“ (Больш. Садовая домъ 121, кв. 12).

1. Редакція отвѣчаетъ за доставку журнала подписавшимся только въ мѣстахъ, означенныхъ въ объявленіи.

2. Редакція проситъ гг. подписчиковъ точно обозначать свое имя, отчество и фамилію, а также и то почтовое учрежденіе, куда долженъ быть журналъ адресованъ; иначе редакція не отвѣчаетъ за правильную доставку.

3. Подписчики желающіе перемѣнить адресъ, благоволятъ своевременно увѣдомить о новомъ мѣстѣ жительства, съ обозначеніемъ прежняго, при чемъ за всякую перемѣну уплачивается 50 коп.

4. Желающіе доставить свои произведенія въ Редакцію должны обозначать свой адресъ и подробныя условія, безъ обозначенія послѣднихъ, редакція не будетъ считать себя обязанною входить съ авторомъ въ какіе либо расчеты.

Редакторъ-издатель П. В. Полежаевъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

1880.

№ 5. Май.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большаго Театра, 2.
1880.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Преданія и воспоминанія.
 2. Историческое обозрѣніе важнѣйшихъ реформъ нынѣшняго царствованія.
 3. Нравы русскаго общества подѣ влияніемъ реформы Петра.
 4. Объявленія.
 5. Очерки русской журналистики.
-

1945 г.

ИСТОРИЧЕСКАЯ

И И Я Т О Т С Я

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

1880.

№ 5. Май.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большаго Театра, 2.

1880.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1. Преданія и воспоминанія. В. В. Селиванова	114—161
2. Историческое обозрѣніе важнѣйшихъ реформъ нынѣшняго царствованія. Н. Марковина	1— 20
3. Нравы русскаго общества подѣ вліаніемъ реформы Петра П. Павлова	1— 7
4. Объявленія.	
5. Очерки русской журналистики. С. Весниа	113—224

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 мая 1880 г.

ПРЕДАНІЯ И ВОСПОМИНАНІЯ

В. В. Селиванова.

Съ 1791 по 1801 годъ.

ГЛАВА IV.

Святки.—Маскарады и гаданья.—Дворня.—И. И. Любавскій.—Вредъ отъ череполосицы владѣній.—Тяжба между помѣщиками.—Г-жа Дубовицкая и Ляпуновъ.—Тяжба съ дѣвщами Кошелевыми.—Тяжба съ Матякинымъ и Коноплинымъ.—П. П. Селивановъ.—Храмовый праздникъ въ с. Карцевѣ.—Зимніе вечера въ деревнѣ.—Наши забавы.—Катанье по льду.—Случай со мной.—Хозяйство отца.—Смерть брата Николая.—Горе отца.—Поступленіе на службу брата Алексѣя.—Пріѣздъ къ нему семейства Подколызныхъ.—Жизнь съ ними.—Гроза накапунѣ ихъ отъѣзда.—Братъ Петръ.—Тетушки Татарина и Авдѣева.—Учитель-французъ.—Защипняъ.—Встрѣча съ нимъ въ 1848 году на вечерѣ у О. Н. Глинки.—Литературный вечеръ Глинки.—Путешествіе къ бабушкѣ Аннѣ Азакіевнѣ въ Нижній Новгородъ.—Друкорть и Батурины.—Бабушки Нестеровы.—Князь Крапоткинъ.—Бабушка Александра Николаевна Нестерова.—Ея жизнь.—Управляющій Петръ Ивановичъ.—Пріѣздъ въ Нижній.

Отсутствіе батюшки изъ Любавы продолжалось довольно долго. Онъ возвратился изъ Петербурга уже великимъ постомъ. Святки для насъ, оставшихся съ тетужкою дѣтей, прошли весело. Каждый вечеръ освѣщалась зала, и туда приходили наряженные. Дворня тогда была большая, дѣвушекъ въ дѣвичей было много, лакеевъ тоже, и потому маскарады эти были оживлены чрезвычайно... Въ письмѣ своемъ, отъ 31-го декабря 1818 года, тетужка

Варвара Павловна, между прочимъ, писала къ батюшкѣ въ Петербургъ:

«Дѣти, благодареніе Богу, здоровы, теперь нарядились въ турецкія платья, въ залѣ забавляются, а я, при всемъ шумѣ семъ пишу, тутъ же сидя, сіе письмо. Я всячески стараюсь ихъ утѣшить. Маскарадъ у насъ довольно великъ: медвѣди, чучелы и разныя представленія» и проч.

Дѣйствительно, тетушка употребляла все стараніе, чтобъ намъ было весело, но надо сказать, что и духъ времени надъ дворовыми людьми обоихъ половъ виталъ еще старинный, праздно-безпечный, наивно-веселый и не оскорблявшійся своимъ рабствомъ.

Обезпеченные пищей, одеждой и тепломъ, они и женились, плодились и обзаводились своимъ маленькимъ хозяйствомъ, водили своихъ коровъ на барскомъ корму, куръ, свиней, и жили себѣ настоящимъ, мало думая о будущемъ... У нихъ свой особенный міръ, въ который они замкнули свое честолюбіе и интриги, любовнѣя шашни, сердечныя страданія и свои надежды, а до внѣшняго міра имъ и дѣла не было.

Вотъ объясненіе того искренняго увлеченія въ играхъ на дворѣ лѣтнею порою, хоть, на примѣръ, въ горѣлки, въ которыхъ не рѣдко принимали участіе молодая барскія дѣти, и въ свайку, въ которой, долго и степенно наблюдавшіе, и сами пожилые помѣщики, наконецъ, принимали участіе.

Вотъ причина, почему въ святочные вечера толпы наряженныхъ шли даже безъ зова, по обычаю старины, въ разнородныхъ нарядахъ въ барскіе хоромы. Въ избахъ не было ни свѣта, ни того простора, какъ въ барскомъ столовомъ покоѣ, гдѣ съ увлеченіемъ плясали, пѣли и гадали. Овчинныя шубы, мочальные колпаки, старинные господскіе мундиры и другія одежды, мужскаго и

женскаго наряда, хранившіяся въ кладовыхъ, пеньковые бороды и парики—все служило наряжавшимся, всякій старался одѣться, какъ можно чуднѣе и смѣшнѣе. Всѣ играли и веселились отъ чистаго сердца. За плясками и скоморошествомъ слѣдовали святочные игры, подблюдныя пѣсни, хороненіе золота, полонье снѣга, гаданіе съ гусемъ, съ пѣтухомъ, и во всѣхъ затѣяхъ принимали участіе сами господа, разумѣется молодые и дѣти. Рабскія отношенія дворовыхъ смягчались близкими отношеніями господъ съ прислугою. Тамъ нянька, которая выняньчила самаго стараго барина или барыню, или старинная наперстница дѣвичьихъ пашней, не только сама пользовалась привилегіей почти равенства съ господами, но и все ея родство сближалось съ молодымъ поколѣніемъ господъ. Тамъ какой нибудь грамотный, домашній юристъ-консультъ, повѣренный по дѣламъ или прикащикъ, отлично знавшій свое дѣло, и сами они, и ихъ семейства, пользовались исключительной близостью къ господамъ, а чрезъ нихъ и другіе, кто свать, кто кумъ, сплачивались какъ будто въ одну семью, составлявшую что-то общее и нераздѣльное съ господскою семьею. Барышни имѣли своихъ наперстницъ между горничными, молодые люди нуждались въ тайныхъ послугахъ молодыхъ дворовыхъ людей...

Пьянство и буянство обуздывалось единственно властію помѣщиковъ. Часто родители, а то такъ и жена иного гуляки просила барина, чтобъ онъ хорошенько попоролъ бы пьяницу сына или мужа. И правда, что пьянство было если не единственнымъ, то главнѣйшимъ поводомъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ.

Почти ни одного праздника не проходило безъ шума, буйства и дракъ. Такъ какъ въ Любавѣ были нашими исконными сосѣдями Любавскіе, то между нашимъ и ихъ домами въ продолженіи 200 лѣтъ были постоянныя ссо-

ры, за которыми, разумеется, слѣдовали и примиренія. При мелочномъ самолюбіи и воинственныхъ наклонностяхъ старинныхъ дворянъ поводовъ къ ссорамъ, особенно при череполосныхъ владѣніяхъ, было безъ конца, но чаще всего дворовые люди наши и Любавскихъ въ ссорахъ между собою втягивали и господъ. Не рѣдко драки кончались увѣчьями, дрались не кулаками, а дубьемъ и даже оружіемъ.

Бывало на какомъ нибудь свадебномъ, или праздничномъ пиру у Любавскихъ дворовыхъ, въ которомъ участвовали и наши дворовые, какъ гости, вдругъ раздавалось восклицаніе: бей Селиванщину! и начиналась свалка. Съ разбитыми носами, съ испаряемыми рожами, съ проломленными головами, являлись на другой день бойцы всякій къ своему барину, съ жалобами на обиду. Начиналась разборка и кончалась розгами. Чаще, впрочемъ, господа, обманутые наговорами своихъ людей, становились ихъ защитниками и обвинителями сосѣдскихъ... Начинались неумѣренные требованія удовлетвореній, начинался между господами споръ, обращавшійся въ ссору, кончавшійся подачами жалобъ въ земскій судъ и судебнымъ разбирательствомъ. Сосѣдомъ нашимъ, на моей памяти, былъ И. И. Любавской, очень добрый человѣкъ, но страшно слабый въ отношеніи своей буйной дворни. Наказывать тѣлесно онъ боялся, а современное той жизни поколѣніе дворовыхъ людей иначе не признавало власти. Къ тому-жъ онъ былъ страшно самолюбивъ, хотя чиномъ былъ не болѣе, какъ губернский секретарь, и будучи несравненно богаче батюшки, никакъ не могъ усвоить себѣ общественнаго уваженія, какимъ пользовался батюшка. Разъ на страстной недѣлѣ, когда и наше семейство и семейство Любавскихъ говѣло, Иванъ Ивановичъ передъ причастіемъ подошелъ къ батюшкѣ, сталъ просить у него прощенія.

— Въ чемъ же, Иванъ Ивановичъ? У насъ съ тобою, кажется, все ладно.

— А помните ли, Василій Павловичъ, какъ на выборахъ я наступилъ вамъ на ногу, еще вы сказали: ахъ, Иванъ Ивановичъ, какъ больно ты мнѣ наступилъ!..

— Ну, помню.

— Я это нарочно наступилъ, думая, что вы разсердитесь и меня толкнете, или скажете дерзость, тогда то бы я васъ ужъ изломалъ, ужъ далъ бы вамъ себя знать!..

Разумѣется, батюшка посмѣялся надъ этимъ признаніемъ угрожавшей ему опасности.

Надобно замѣтить, что Иванъ Ивановичъ былъ одаренъ порядочно физическою силою, и между тѣмъ боялся своихъ людей. У него былъ дворовый человѣкъ, по прозванію Капускинъ — пьяница страшный. Что то Капускинъ сдѣлалъ очень дурно, пьяный набуянилъ или нагрубилъ чрезъ мѣру, ужъ не знаю, только Иванъ Ивановичъ призвалъ его предъ свои барскія очи на судъ.

— Какъ ты смѣлъ, каналья, это сдѣлать?

— Чтожъ теперь дѣлать, отвѣчалъ Капускинъ, сдѣлалъ, такъ сдѣлалъ. Чтожъ мнѣ остается! Вотъ возьму ножъ, да зарѣжу и васъ, и себя... И говоря это, сдѣлалъ такое рѣшительно-отчаянное движеніе, что баринъ поскорѣе отъ него отходить, и ушелъ. Тѣмъ дѣло и кончилось. Между тѣмъ Иванъ Ивановичъ вѣрилъ своимъ людямъ во все, какую бы сплетню они ни придумали, тогда какъ отъ праздности и не имѣя надъ собою узды, они сами безпрестанно дѣлали непріятности разнаго рода.

То, не испросивъ позволенія и не сказавъ никому, извертять вѣковыя деревья въ нашей рошѣ и выжгутъ внутренность дупла, выкуривая оттуда случайно залетѣвшій рой пчелъ; то въ пруды наши въ глухую ночь поставятъ верши и въ слѣдующую за тѣмъ ночь вынимаютъ изъ

нихъ рыбу. Батюшка жаловался Ивану Ивановичу, но жалобы оставались безъ удовлетворенія. Разъ люди наши, купаясь въ прудѣ, наплыли случайно на мѣсто близъ плотины, поросшее ветлами и ольхами, гдѣ были укрыты верши. Ихъ вытащили и представили къ батюшкѣ со-всѣмъ съ рыбою. Батюшка послалъ человѣка доложить о томъ сосѣду, съ покорнѣйшею просьбою разыскать во-ровъ; но такъ какъ сосѣдъ вслѣдствіе своей слабости не обратилъ вниманія на просьбу батюшки, то батюшка при-казалъ поставить высокій шестъ на плотинѣ, между пру-довъ, прямо противъ оконъ сосѣдскаго дома, и на него повѣсить верши.

Черезполосныя владѣнія земель тоже давали поводъ къ безконечнымъ спорамъ и ссорамъ. Черезполосица была сущимъ бичемъ землевладѣній и неисчерпаемымъ источникомъ наживы подъячествующей братіи, служеб-лей Фемиды всѣхъ инстанцій, начиная съ земскихъ и уѣздныхъ судовъ.

Безсмертную заслугу оказалъ Государь Николай Пав-ловичъ отечеству размежеваніемъ владѣній къ однимъ мѣстамъ. Владѣльцы спорили и начинали тяжбы, сами не увѣренные въ правотѣ своего дѣла, потому что межн кусочковъ земли разныхъ величинъ и видовъ, составляв-шихъ владѣнія, охранялись единственно преданіями крестья-нъ, что этотъ, молъ, клинъ нашъ, а это сосѣдскій. Вздумается мужику бороздки на двѣ увеличить свой лос-кутъ, онъ пахавши, и передвинетъ межу. Дѣло откроется, начинается споръ, но подпахавшій смѣло говорить, что въ третьевощнемъ, наприимѣръ, году, когда я былъ болѣнъ и дѣдушка не досмотрѣлъ, сосѣди передвинули межу, а я, молъ, только поправилъ. Крестьяне одного владѣльца поддерживаютъ своего, а крестьяне другаго — своего, дохо-дить до господъ, господа должны по неволѣ вѣрить своимъ крестьянамъ: плана на черезполосицу не бывало. Вотъ и

поводъ къ тяжбамъ. А тамъ примѣшивалось самолюбіе. Умру, разорюсь. а не уступлю,—было обыкновенной поговоркой тяжущихся.

Подобныя случайности, при недостаткѣ какой нибудь дѣятельности, потому что при черезполосномъ владѣніи хозяйствомъ серьезно заниматься было невозможно, развивали между помѣщиками страсть къ сутяжничеству. Нерѣдко, кто побогаче, оттягиваль землю у бѣднаго сосѣда, не ради какой нибудь необходимости въ ней, а ради удовлетворенія своего сутяжническаго самолюбія. Страсть эта иногда доходила до комизма.

По сосѣдству госпожи Дубовицкой, пользовавшейся большимъ уваженіемъ, въ одномъ съ нею сельцѣ имѣлъ владѣніе и усадьбу помѣщикъ Николай Алексѣевичъ Ляпуновъ. Онъ былъ очень старъ и скончался, когда ему было чуть ли не за 100 лѣтъ. Г. Дубовицкая устроила на маленькой рѣчкѣ, протекавшей по близости усадьбъ обоихъ владѣній, небольшую запруду, чтобъ имѣть болѣе воды. Рѣчка, запруженная такимъ образомъ, въ обыкновенное время года разливалась въ небольшой прудъ въ дачѣ г-жи Дубовицкой, но противъ дачи сосѣда оставалась въ своихъ берегахъ. Но по веснамъ, во время полои воды, рѣчка рязливалась, и дня на два, или много на три подтопляла плетень сосѣдскаго огорода. Каждую весну Николай Алексѣевичъ, видя такой произволь со стороны рѣчки и относя его къ устроенной сосѣдкою запрудѣ, немедленно приказываль запрягать лошадей въ коляску и, не смотря на свои преклонныя лѣта и распутицу, катилъ въ Зарайскъ за 35 верстъ подавать прошеніе объ уничтоженіи запруды, самовольно устроенной сосѣдкою къ его обидѣ. Разумѣется, пока-то судъ дѣлалъ распоряженіе о производствѣ слѣдствія, пока слѣдователь являлся на мѣсто, вода въ рѣчкѣ давно уже текла смирно въ своей законной ложбинкѣ, а прилегавшій къ ней поемный лужокъ

быть покрыть сочною травою, съ желтыми цвѣточками и по немъ, не замоча ногъ, паслись гуси. По слѣдствію оказывалось, что жалоба Николая Алексѣевича была неосновательна, о чемъ ему по прошествіи нѣкотораго времени и объявлялось.

Николай Алексѣевичъ до слѣдующей весны оставался спокоенъ, а съ новымъ весеннимъ разливомъ снова скакалъ въ городъ и снова подавалъ прошеніе на запруду.

Возвратясь изъ города, онъ отправлялся къ сосѣдкѣ пить чай.

— Куда это вы ѣздили, Николай Алексѣевичъ? спрашивала она.

— Въ городъ, матушка, подавалъ прошеніе...

— На кого?

— На васъ, матушка, о причиняемомъ мнѣ подтопѣ.

— И вамъ это не стыдно?

— Чтожъ дѣлать, матушка? дружба дружбою, а дѣло—дѣломъ.

И дѣйствительно, дружескія отношенія между ними не нарушались.

Въ мое дѣтство батюшка имѣлъ двѣ значительныя тяжбы и все вслѣдствіе череполосности земель съ сосѣдями, а именно:

Въ деревнѣ батюшка состоялъ въ череполосномъ владѣніи съ старыми дѣвицами Кошелевыми, хотя главнымъ владѣльцемъ былъ батюшка, а Кошелевы имѣли только въ Паршинѣ два двора. Сами они жили въ селѣ Рожновѣ и имѣли очень хорошее состояніе. Батюшкѣ вздумалось запрудить рѣчку и поставить мукомольную мельницу. Прудъ запрудили, мельницу поставили, но г-жи Кошелевы сочли себя обиженными и тотчасъ подали прошеніе въ судъ о сносѣ мельницы, на томъ основаніи, что прудъ—де затопилъ ихъ лугъ. Лугомъ онѣ называли косогоръ, прилегающій къ рѣчкѣ, на которомъ Богъ вѣсть

когда-то стоялъ крестьянскій ихъ дворъ. Это было такъ давно, что въ деревнѣ никто и не помнилъ, считая это мѣсто съ прилежавшею къ нему землею выгономъ, исключительно принадлежавшимъ батюшкѣ. Поднялось дѣло, тянулось 18 лѣтъ. Мельница по маловодью, а потому и за незаботами объ ней разваливалась, и когда по указу Сената велѣно было ее оцѣнить, нашли, что мельница и не существуетъ. Ясныхъ же доказательствъ о принадлежности имъ затопленнаго берега онѣ представить не могли—такъ дѣло и кончилось. Нѣсколько разъ батюшка предлагалъ имъ окончить дѣло полюбовно, онѣ не соглашались ни на что. «Мы знаемъ, что мы не выиграемъ ничего, говорили онѣ, а все таки не уступимъ ни за что. Это нашъ женскій капризъ». Повѣренный у нихъ былъ вѣкто Язвцовъ, извѣстный въ свое время въ Зарайскомъ уѣздѣ ябедникъ и сутяга. Ихъ женскій капризъ обошелся имъ дорого.

Другое дѣло было посерьезнѣе. Въ с. Бѣляевѣ было три владѣльца. Главный—покойный дядя Михайлъ Павловичъ, который тамъ и имѣлъ старинную усадьбу; второй помѣщикъ Матякинъ, а третій—Александръ Михайловичъ Коноплинъ. Дядя Михайла Павловичъ съ Александромъ Михайловичемъ долго жили ладно, однимъ словомъ душа въ душу, но чортъ видно не дремалъ и пустилъ между ними черную кошку въ видѣ прикащика Александра Михайловича, его двороваго человѣка, по имени Максима. Максимъ былъ заносчивъ не менѣе своего барина и барина своего водилъ за носъ. Онъ былъ грамотный и занимался хожденіемъ по дѣламъ, по старому обычаю. Въ старину господа сами никогда не вели тяжбъ и не ходили по судамъ, а давали всегда довѣренность своимъ крѣпостнымъ адвокатамъ. Впрочемъ, это совершенно было все равно, потому что свода законовъ и въ поминѣ не было, ходъ дѣла охранялся канцелярскою тай-

ною, стало быть дѣло заключалось въ сованіи денегъ и гостинцевъ секретарямъ, начальникамъ, стряпчимъ, а можетъ статья кому и покрупнѣе. Дворовому человеку и поторговаться сподручнѣе. Разъ этотъ Максимъ, являсь къ Михаилу Павловичу, объявилъ ему, что крестьянинъ запахалъ ихъ, т. е. коноплинскую землю полдесятины. Не знаю, какъ шелъ разговоръ, только Максимъ принявъ грубый тонъ, наговорилъ дядѣ дерзостей. Дядя взбѣсился, дворянская кровь закипѣла, и онъ, отаскавъ Максима, выгналъ его въ шею.

Александръ Михайловичъ подалъ прошеніе о завладѣніи у него $\frac{1}{2}$ десятины земли. Максимъ сорилъ деньгами, дядя не уступалъ, и дѣло затянулось на многіе годы. Раза два дѣло доходило до Сената и вновь возвращалось къ нижнимъ инстанціямъ. Наконецъ, дядя окончательно разорился и продалъ Бѣляево князю Хованскому. Какъ родовое имѣніе, батюшка его выкупилъ, а дѣло тянулось. Когда оно еще разъ поступило на разсмотрѣніе въ Сенатъ, Сенатъ опредѣлилъ командировать землемѣра для наложенія черезполосицы на планъ, и свѣрить съ крѣпостями. Наложили черезполосицу, свѣрили съ крѣпостями, и оказалось, что земли-то недостаетъ у насъ и что она завлажена Коноплиннымъ въ числѣ 40 десятинъ, Матякиными въ числѣ 170 десятинъ, почему Сенатъ опредѣлилъ недостающее у насъ число земли пополнить, отрѣзавъ излишнюю землю отъ Коноплина и Матякина.

Исходъ дѣла былъ особенно неблагоприятенъ Матякину, который понесъ убытокъ Богъ вѣсть за что, именно по пословицѣ: въ чужомъ пиру похмѣлье; но если припомнить читатель изъ первой главы моего разсказа процессъ моего дѣда съ предками Матякиныхъ, то въ этомъ дѣлѣ увидить перстъ Божій. Тогда несправедливо выигранная Матякиными тяжба по тому же сельцу Бѣляеву разорила дѣдушку, а горе сократило дни его.

Однакожь я заговоря о дворовыхъ, перешель къ череполосицѣ и къ тяжбамъ—вернемся назадъ.

Наши дворовые женатые жили на заднемъ дворѣ. Тамъ для нихъ устроено было три избы. Въ каждой избѣ помѣщалось по три семьи. Въ каждой семьѣ, если положить круглымъ числомъ, было не менѣе 5-ти душъ, стало быть, на заднемъ дворѣ всѣхъ жителей было около 50-ти душъ. Холостыя же и нѣкоторыя близкія дому личности женатыя проживали на господскомъ дворѣ. Жившіе на заднемъ дворѣ получали мѣсячину, а жившіе на господскомъ дворѣ обѣдали въ застольной, т. е. общимъ обѣдомъ въ людской.

Внутренность задняго двора вся была застроена клетями для скарба, для коровъ, овецъ и свиней. Маленькой, я любилъ ходить лѣтними вечерами на задній дворъ. Мнѣ нравилось смотрѣть на семейную дѣятельность обитателей его и видѣть ихъ спокойное довольство. Завѣтною мечтою холостыхъ лакеевъ, кучеровъ и проч. было обзавестись женою и устроить себѣ клѣтушку на заднемъ дворѣ. Лучшаго чегонибудь они себѣ и не представляли.

Каждое, изъ границъ выходящее, пьянство преслѣдовалось (хотя и не очень), но когда оно случалось несвоевременно и часто, то тогда наказывалось розгами. Поэтому тѣ, которымъ представлялся какойнибудь поводъ пображничать, особенно лакеи, обыкновенно приходили къ батюшкѣ и просили позволенія завтнешній день погулять. Это значило уволить ихъ напиться сколько душѣ угодно. На подобную просьбу погулять отказа никогда не было. Но если батюшка бывалъ въ продолжительной отлучкѣ, то случались большіе безпорядки. Разъ, я помню, въ праздникъ Рождества Богородицы, когда батюшка былъ въ Тамбовѣ и хозяйкою въ домѣ оставалась тетюшка, къ удивленію нашему въ обыкновенный часъ обѣда

столь не былъ накрытъ. Въ лакейской не было ни души. Мы пошли въ людскую—вездѣ хотъ шаромъ покати. Тетухка, приказавъ горничнымъ двѣмъ накрывать на столь и нести все, что найдутъ на кухнѣ, сама пошла съ нами пройтись по дорогѣ къ сосѣдней намъ деревнѣ экономическаго вѣдомства, Мухину, гдѣ въ этотъ день былъ храмовой праздникъ.

Выйдя за околицу, мы увидали лежащаго навзничъ спящаго буфетчика Тимофея Ивановича, еще нѣсколько сажень спалъ старый нашъ дядька Астеринъ Андреевичъ, въ нѣсколькихъ отъ него шагахъ валялась и супруга его, Прасковья Ивановна, еще и еще. Открылось, что вся дорога усѣяна мертвецки-пьяными нашими дворовыми, валявшимися въ различныхъ положеніяхъ и въ самомъ развратномъ видѣ.

Въ новый годъ наше семейство обыкновенно ѣзжало къ храмовому празднику въ село Карцево, къ Павлу Петровичу Селиванову, гдѣ иногда ночевало ночи по двѣ. У него было 2 дочери, Александра и Людмила, которая впоследствии, очень много лѣтъ спустя послѣ времени моего разказа, вышла за Саловова. Со смертію же Павла Петровича потомство Куковского гнѣзда Селивановыхъ, какъ припомнить читатель изъ первой главы, прекратилось.

Онъ былъ очень небогатъ, но любилъ жить отерыто и по возможности прилично. Самъ онъ былъ очень полонъ и черноватъ; все лице его было покрыто сплюпными рябинами, щеки жирныя, губы толстыя и отвислыя, но при всей некрасивости лица оно было запечатлѣно добродушіемъ и искренностію.

Въ новый годъ къ нему пріѣзжало много гостей. Кромѣ родныхъ его жены, урожденной Клипиной, и близкихъ сосѣдей, у него всегда праздникъ его былъ украшенъ присутствіемъ нѣсколькихъ пѣхотныхъ офицеровъ, посто-

янно тогда квартировавшихъ въ Зарайскомъ уѣздѣ полковъ. Молодыхъ людей во фракахъ и теперь въ провинціи мало, а тогда вся молодежь дворянской крови исключительно служила въ военной службѣ.

Безъ офицеровъ не было тогда и кавалеровъ для танцевъ, да и самый нравственный духъ тогдашнихъ офицеровъ былъ не сравненно выше теперешняго. Какъ танцоры, они были неутомимы, и барышни ихъ очень любили. Послѣ обѣда, спустя часа два, начинался маскарадъ съ танцами, къ которому всѣ готовились заранее. Преимущественно преобладалъ нарядъ русскій, т. е. сарафанъ, одѣвались и по цыгански, и турчанками; но бывали маски и довольно оригинальныя, какъ напримѣръ, весь наряженный былъ съ ногъ до головы обшитъ картами и проч. Офицеры рядились крестьянскими бабами, или кто во что гораздъ. Музыка была камнемъ преткновенія. У одной нашей сосѣдки, Коноплиной, была музыка, а именно: скрипка альто и виолончель, и эти три инструмента играли порядочно; но не всегда въ полномъ составѣ можно было ихъ достать. Обыкновенно бальный оркестръ въ Карцевѣ состоялъ изъ одной скрипки, на которой игралъ старикъ-виолончелистъ г-жи Коноплиной, Сергѣй Федотычъ. По окончаніи всякаго танца его подкрѣпляли рюмочкою водки, и онъ игралъ до изнеможенія. Когда же утомлялся очень, особенно играя котильонъ, онъ переставалъ играть во время самаго разгара танца и преспокойно уходилъ. Никакія моленія не могли склонить его продолжать.

Сергѣй Федотычъ былъ музыкантъ настоящій, но на бѣду не всегда можно было имѣть и его. Когда не могли достать Сергѣя Федотыча, то игралъ на скрипкѣ не то сапожникъ, не то столяръ, въ ярко зеленого цвѣта нанковомъ сюртукѣ, и для всякаго рода танцевъ зналъ только одну музыку: «чижикъ, жичикъ, гдѣ ты былъ?»

Не смотря на этотъ маленькій недостатокъ, одушевленное веселье охватывало гостей, и всѣ плясали отъ чистаго сердца. Въ промежутки танцевъ приходилъ въ залъ цѣлый таборъ цыганъ, которыхъ Павелъ Петровичъ очень любилъ и допускалъ зимовать въ своей деревнѣ. Эти тоже и рядились, и плясали, а въ пѣсняхъ драли глотки безъ всякаго состраданія къ ушамъ гостей. Послѣ ужина всѣ помѣщенія въ домѣ: и гостиная, и зала, не говоря о внутреннихъ комнатахъ, устилалась перинами, и гости ложились въ повалку. Разумѣется, для болѣе почтенныхъ гостей были кровати и по возможности болѣе спокойные комнаты.

Всѣ зимніе дни я, братъ Илья и сестра Анна проводили въ тетинькиной комнатѣ, дни учились, въ сумерки сидѣли передъ пылавшимъ каминомъ и смотрѣли на веселые переливы огня и летающія искры. Ярко освѣщалась каминомъ небольшая комната, и тѣни наши рисовались на противоположной стѣнѣ, то блѣднѣе, то чернѣе, то сливаясь въ неопредѣленные очертанія... Иногда тетушка рассказывала намъ что нибудь изъ прочитаннаго ею романа Дюкре-дю-Мениля: » Алексисъ или домикъ въ лѣсу, или рассказывала о житіи Никиты Столпника, Феодосія Тотемскаго, и о своемъ монастырскомъ воспитаніи при Государынѣ Екатеринѣ.

Когда каминъ потухалъ, мы садились къ столу. Иногда играли въ карты, забавлялись и мыльными пузырями, а иногда спускали бумажные кораблики въ большой деревянной чашкѣ, налитой водою. Читали басни Крылова и Измайлова и такъ часто, что знали ихъ почти на память всѣ, а иногда просили тетушку прочитать намъ апокалипсисъ. Апокалипсисъ насъ очень занималъ, потому что сильно дѣйствовалъ на воображеніе, закидывая въ него сѣмяна мистицизма. Чтожъ касалось до пониманія,

то, читая и теперь эту пророческую книгу, я понимаю ее не болѣе, какъ понималъ и тогда.

Въ дни рожденія или именинъ сестры или тетушки, я устраивалъ щитъ изъ масляной бумаги съ изображеніемъ буквъ имени и фамиліи, изъ половинокъ грецкихъ орѣховъ и сальныхъ свѣчей дѣлались плошки, и плошками этими, по столамъ, комодамъ и окнамъ раставленными, освѣщалась чайная комната. Она была прозвана чайною потому, что въ нее съ незапамятныхъ временъ утрамъ и вечерамъ все наше семейство собиралось пить чай.

Батюшка изъ Петербурга все не ѣхалъ. Вотъ ужъ пришла и масляница. На дворѣ подъ окнами залы, какъ и всегда прежде, была устроена ледяная гора. Каждый день послѣ обѣда мы катались съ нее на ледяницахъ. Ледяницы дѣлались крестьянскими ребятами изъ старыхъ рѣшетъ. Снизу ихъ обмазываютъ коровьякомъ, обливаютъ водою: и такъ они обмерзаютъ. Внутрь постелятъ мягко соломки для сидѣнья, вотъ леденецъ и готовъ. Для дѣтей при катаніи съ горъ они безопаснѣе. Впрочемъ, одно изъ такихъ катаній окончилось драматическимъ происшествіемъ. Когда я скатился съ горы и, вставая съ леденца, хотѣлъ отойти въ сторону, вдругъ одна дворовая дѣвочка, не дождавшись, чтобъ я сошелъ въ сторону, скатилась съ горы и спшибла меня съ ногъ; я полетѣлъ прямо лицомъ на леденецъ и разсѣкъ надъ правымъ глазомъ бровь. Кровь полилась потокомъ, рана была съ вершокъ. Тетушка въ это время отходила отъ горы, а за порядкомъ катанья наблюдала Софья Ивановна, нянька сестры, Анны Васильевны. Она была въ это время вдовою, а мужъ ея былъ тотъ самый Андрей, который былъ кучеромъ при батюшкѣ, когда онъ служилъ въ архаровскомъ полку. Софья Ивановна выкормила грудью брата Михайла Васильевича. Когда тетушка увидала окровавленное мое лицо, страшно перепугалась и вмѣстѣ съ тѣмъ разсерди-

лась на Софью Ивановну за ея недосмотръ. Примачивая мнѣ рану виномъ, настояннымъ конфараю, она въ ярости бросилась на Софью Ивановну, сдернула съ головы ея платокъ, схватила за косу и ударила объ полъ.

Мнѣ долго было жаль Софью Ивановну: меня мучила совѣсть, что она пострадала за меня.

Съ прїѣздомъ отца изъ Петербурга жизнь въ нашемъ домѣ потекла обыкновенной чередою. Въ мартѣ мѣсяцѣ батюшка устроилъ теплицу для раннихъ огурцовъ и редесъ, парники для огурцовъ и дынь. Все это было еще чуждо помѣщичьихъ занятій. Дворяне того времени такими пустяками не занимались. Полевымъ хозяйствомъ батюшка занимался насколько можно было при черезполосицѣ. Онъ ввелъ у себя приходо-расходныя книги, и ежедневно подавались ему суточные рапортички, сколько чего выдано изъ амбара и отъ клочницы. Ѣздилъ въ сопровожденіи старосты по полямъ, смотря за пахатою и уборками сѣна и хлѣбовъ. Но черезполосица была въ развитіи сельскаго хозяйства камнемъ преткновенія. Разъ онъ приказалъ осѣдлатъ себѣ лошадь и поѣхалъ въ поле посмотреть макъ. Прїѣхавъ, нашель, что макъ цвѣтетъ великолѣпно, но былъ густъ. Возвратясь домой, онъ позвалъ старосту и приказалъ, чтобъ онъ послалъ бабъ продергать макъ, что на другой же день староста и исполнилъ. Батюшка поѣхалъ самъ посмотреть, но нашель, что макъ въ томъ же видѣ. Онъ опять посылаетъ за стороною и приказываетъ ему продергать еще. Тотъ повинуется и продергиваетъ во 2 разъ. Батюшка опять ѣдетъ и опять находитъ, что макъ еще густъ. Онъ разсердился. Снова призываетъ старосту и грозно ему приказываетъ, чтобъ макъ былъ продерганъ.

— Помилуйте, баринъ, возражаетъ староста, не много ли будетъ, ужъ онъ и такъ рѣдокъ!

— Говорятъ тебѣ, такъ слушай, такой сякой! закри-

чалъ батюшка, и староста исполнилъ еще разъ приказаніе.

Батюшка снова смотрѣлъ и ужъ тутъ разсердился не нашутку: староста явно его не слушаетъ. Приѣзжаетъ домой, призываетъ старосту.

— Ахъ ты, сукинъ сынъ, да я тебя и проч.

— Помилуйте, возразилъ староста. Я не знаю, что и говорить, я продергиваль, продергиваль, да ужъ скоро нечего будетъ и дергать.

— А вотъ я тебя самого отдеру, да и покажу, какъ дергать. Сейчас поѣдемъ со мною. Поѣхали.

— Не сюда, баринъ, нашъ макъ вотъ тутъ, а здѣсь Любавскій.

Батюшка поѣхаль за старостою и видитъ свой макъ въ самомъ плачевномъ состояніи. Былка отъ былки чуть ли не на аршинъ. Батюшка всѣ раза смотрѣлъ чужой макъ.

Въ половинѣ сентября на батюшку напала какая-то необъяснимая тоска, и чтобъ разсѣять себя, онъ поѣхаль на охоту. Тетушка въ сумерки лежала на своей кровати, а мы только что кончили послѣ обѣда классъ—приносятъ письма съ почты изъ Петербурга отъ Николая Ивановича Коробьина. Тетушка распечатала и прочла его вслухъ. Николай Ивановичъ извѣщалъ, что братъ Николинъ боленъ и что у него открылась нервная горячка. Тетушка, предупредивъ насъ не говорить ничего о письмѣ, скрѣла отъ батюшки и ничего ему не сказала.

Прошла недѣля. Батюшка груститъ, тоскуетъ... Но вотъ шесть часовъ; подали самоваръ; тетушка разливала чай, а мы усѣлись около стола. Приходитъ батюшка и сѣлъ по обыкновенію на свое мѣсто. Когда ему тетушка подала налитую чашку, онъ задумался надъ нею и, какъ будто говоря самъ съ собою, не глядя ни на кого, промол-

вилъ: «Странный сонъ я видѣлъ сейчасъ!» Батюшка послѣ обѣда отдыхалъ; тетушка и мы навестили уши. Вижу я, что я будто куда-то одѣваюсь и что надѣваю на себя 8 жилетовъ. Мнѣ показалось жарко—я началъ ихъ снимать; сначала одинъ, другой, считаю далѣе и насчитываю только семь, осьмаго жилета нѣтъ...» Не успѣлъ батюшка договорить, приносятъ письмо съ черною печатью и подають батюшкѣ; тетушка выхватила это письмо изъ рукъ человѣка, посмотрѣвъ на адресъ и сказавъ: это изъ Кинешмы отъ моего старосты, спрятала письмо подъ себя. Прошелъ вечеръ, прошелъ и другой день; на третій день батюшка приходитъ къ тетушкѣ и говорить: «Сестра, меня одолѣваетъ тоска, я чувствую, что не даромъ... Покажи мнѣ письмо, которое ты отняла... Оно не изъ Кинешмы... Отъ кого оно?» Тетушка отвѣчала, что оно дѣйствительно отъ Николая Ивановича, и подала батюшкѣ первое письмо, промолвивъ: «Николинька очень боленъ».

Батюшка взялъ письмо, прочелъ и взглянувъ на печать, сказалъ: «это письмо не то, это давнишнее... То съ черною печатью.... Я чувствую, что Николинька умеръ». И вопль, страшный вопль отчаянія огласилъ весь домъ...

Батюшку подъ руки привели на верхъ и посадили на его кровать. Рыданія его были ужасны. Тетушка терла ему виски спиртомъ и уговаривала беречь себя, указывая на насъ. Мы плакали, глядя на слезы батюшки, старались ласкаться къ нему, цѣловали его руки. Братъ Петръ стоялъ на колѣняхъ у ногъ его, стараясь успокоить, а братъ Павелъ ушелъ въ другую комнату, гдѣ не было свѣчи и въ страхѣ смотрѣлъ оттуда, сидя на своей кровати.

Я забылъ сказать, что батюшка, возвратясь изъ Петербурга, взялъ съ собою изъ морскаго корпуса обоихъ братьевъ въ отпускъ для излеченія въ деревню. Братъ

Петръ по зимнему пути обратно уѣхалъ въ Петербургъ, а Павелъ уже болѣе въ корпусъ не возвращался. Лакеи и дѣвушки толпою иные набились въ батюшкину комнату, другіе оставались въ коридорчикѣ при входѣ или на лѣстницѣ, тревожно ожидая, когда батюшка успокоится. Многие плакали...

Такъ прошелъ этотъ страшный вечеръ.

На другой день по утру батюшка всталъ съ постели, прямо пришелъ въ мою дѣтскую. Онъ былъ одѣтъ въ халатѣ. На открытой его груди висѣлъ медальонъ съ миниатюрнымъ портретомъ покойной матушки, лицо его выражало страданіе, глаза были красны и опухли отъ слезъ. Онъ приласкалъ меня... и, горько опять заплакавъ, ушелъ.

Но время, лучший цѣлитель всѣхъ скорбей, взяло свое; прошло двѣ или три недѣли—грусть становилась все тише, тише, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и совсѣмъ изсякла.

Брата Алексѣя батюшка также возилъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ братьями Николаемъ и Михайломъ для помѣщенія въ корпусъ, но его не прняли, потому что ему было уже болѣе 13 лѣтъ. Онъ возвратился въ Любаво, и полковникъ Ивановъ, бывший командиръ 1-го Егерскаго полка, предложилъ батюшкѣ записать брата въ юнкера въ его полкъ. «Отдай его мнѣ, говорилъ Ивановъ, и мы его скоро выведемъ въ офицеры». Батюшка согласился, и братъ поступилъ въ юнкера. Въ то время, когда было получено извѣстіе о кончинѣ брата Николая, братъ Алексѣй находился въ полку въ Зарайскѣ, а на слѣдующую весну ушелъ въ походъ съ полкомъ въ прибалтійскія губерніи.

Вскорѣ по вступленіи въ полкъ онъ былъ произведенъ въ портупей-юнкера, а на второмъ переходѣ изъ Зарайска полученъ былъ приказъ о производствѣ его въ прапорщики.

Въ этотъ годъ переѣхало къ намъ въ Любаво гостить семейство Подкользиныхъ. Тетушка Федосья Петровна, родная сестра матушки, сначала вышла замужъ за В., но скоро овдовѣла. Вскорѣ вступила она во вторичный бракъ за моряка, капитана 1-го ранга Подкользина. Это былъ человѣкъ очень умный, съ волею и характеромъ; но видно ей не суждено было быть счастливой. Они жили въ Петербургѣ въ довольствѣ, пользовались общественнымъ уваженіемъ. Она была дружна съ женою министра полиціи Балашева, была горда, но бѣдствіе и горе подкапывались подъ ихъ счастье. Не зная хорошо дѣла, я не стану описывать всѣхъ причинъ, которыя привели его подъ слѣдствіе и къ суду. Всѣ козни, несправедливости были направлены противъ него: по суду его лишили орденовъ, сняли одинъ чинъ, и онъ былъ исключенъ изъ службы не только безъ пенсіона, но даже велѣно было описать по взысканію съ него все движимое имущество. Тутъ помогла дружба Балашева, что они не остались совершенно нищими. Г-жа Балашева, узнавъ время, когда будетъ полиціею производится опись и наложенъ арестъ на имущество, пріѣхала съ визитомъ къ тетушкѣ и, сидя съ нею въ гостиной, велѣла ей всѣ деньги и всѣ болѣе драгоценныя вещи вложить въ шкатулку и передать ей, что разумѣется и было тетушкою исполнено. Когда полицейскіе явились для описи, то, войдя въ переднюю, увидавъ лакеевъ министра полиціи и узнавъ, что въ гостиной сидитъ его супруга, естественно остановились и стали выжидать, когда она уѣдетъ. Балашева вышла, неся сама шкатулку и, отдавая ее лакею, велѣла поставить къ себѣ въ карету. По отъѣздѣ ея, полиція приступила къ описи... Не имѣя пріюта, они до поры до времени, пока не придумаютъ, что дѣлать, переѣхали къ намъ.

Это было самое пріятное время нашего дѣтскаго возраста. Семейство Подкользиныхъ состояло изъ отца съ

матерью, 5 дочерей и сына. Старшая дочь была ровестница брату Ильѣ, вторая мнѣ. Всѣ другія дѣти были моложе меня. Сыну Петру было 4 года, а младшей дочери Варинькѣ только 2 года. Мнѣ же шелъ 7-й годъ.

Дядя Яковъ Ефремовичъ Подколызинъ самъ занимался ученіемъ своихъ дѣтей всѣмъ предметамъ научнаго преподаванія, но по просьбѣ отца онъ училъ ариметикѣ и насъ. Для изученія ариметики мы и наши милые гости, двоюродныя сестры, сходились въ одинъ классъ. Послѣ ужина введенъ былъ такой обычай, что мы всѣ въ числѣ 6 человекъ, исключая двухъ меньшихъ дѣтей Подколызиныхъ, садились рядышкомъ на диванъ, и по очереди всякій изъ насъ долженъ былъ прочесть на память по 3 басни изъ нашихъ извѣстныхъ баснописцевъ: Крылова, Дмитриева, Измайлова, Хемницера и другихъ, но непременнымъ условіемъ было для каждаго, чтобъ всякій вечеръ одна изъ трехъ обязательныхъ басенъ была бы новая, а двѣ читанныя уже прежде. Я былъ картавъ и вмѣсто л выговаривалъ всегда р, что всегда представляло всѣмъ моимъ слушателямъ обильный поводъ для смѣха. Особенно забавляло всѣхъ, когда я читалъ басню Крылова: Ворона и Курица, гдѣ я, какъ говорили, особенно смѣшно выговаривалъ стихъ:

«Прощай, хохлаточка, счастливый путь!!!»

Прогостивши у насъ съ годъ, Подколызины уѣхали въ купленную ими маленькую деревушку Лукояновку, въ Лукояновскомъ уѣздѣ. День отъѣзда былъ назначенъ не помню какого числа мая, но помню, что это, кажется, было въ день Препловленія. Всѣ пожитки ихъ были уже уложены; обозъ съ громаднымъ имуществомъ былъ отправленъ впередъ. Такъ какъ они предполагали выѣхать послѣ обѣда, то тетушка Варвара Павловна, по случаю праздника, поѣхала къ обѣднѣ. День былъ жаркій и не было ощутительно ни малѣйшаго движенія въ воздухѣ. Мы съ братомъ

Ильей стали у батюшки проситься купаться, и батюшка не только похвалилъ, но и самъ пошелъ съ нами на нижній прудъ смотрѣть, какъ мы будемъ купаться. Когда мы начали раздѣваться, далеко съ юго-западной стороны слышались раскаты грома сначала тихо, глухо, но безъ перемены все громче и громче, и бѣлыя тучи мало по малу стали облегать горизонтъ. «Скорѣй купайтесь, дѣти, туча находить—будетъ гроза», говорилъ отецъ.—«Охъ, не хорошо, промолвилъ бывшій съ нами человекъ; туча полуденная—будетъ градъ!»

Мы выскочили изъ воды и стали скоро одѣваться. Туча, казалось, какъ будто и тиха стала, но быстро уже обложила чуть ли не полъ-неба; начала подниматься буря, раскаты грома становились сильнѣе и сильнѣе. Заблистала молнія. Мы одѣлись и ускореннымъ шагомъ пошли домой. Семейство Подколызинныхъ сидѣло на балконѣ, мы тоже вышли къ нимъ. Буря усиливалась, молнія заблистала ярче и учащеннѣе, и вотъ разразился какъ будто надъ головою страшный ударъ грома. Всѣ мы, бывшіе на балконѣ, и старые и малые, перекрестились, торопиться стали входить въ домъ, закрывать окна и балконную дверь. Въ это время, гонимая сзади бурей, во всю конскую мочь влетѣла въ ворота тройка лошадей, запряженныхъ въ крытыя дрожки, возвращавшейся отъ обѣдни тетюшки. Съ ея пріѣздомъ хлынулъ дождь съ градомъ и въ одно мгновеніе пруды наши наполнились водою и затопили весь выгонъ. Тетюшка говорила, что лишь только она успѣла переѣхать черезъ Авдотыну рѣчку, въ урочищѣ Курьяновѣ, въ $1\frac{1}{2}$ верстѣ отъ Любавы, въ которой въ обыкновенное время вода бываетъ глубиною рѣдко болѣе $1\frac{1}{2}$ вершка, бурнымъ потокомъ воды разрушило до основанія и снесло устроенный мостъ, черезъ который она переѣзжала. Никогда я не запомню такой грозы и такого грома. Молнія и градъ не прерыва-

лись ни на минуту; удары были такъ сильны, что казались все небо готово рушиться на землю и раздавить въ своемъ паденіи. Градины были съ куриное яйцо, а потоки воды, не вмѣщаясь въ обыкновенные свои стеки и канавы, затопили нашъ скотный дворъ. Вода въ птичней избѣ поднялась выше аршина, подняла кошемки съ сидѣвшею на ящикахъ птицею и вмѣстѣ съ курами и цыплятами унесла ихъ въ прудъ. Ставни дома съ подвѣтренной стороны были закрыты, въ полисадникъ была вынесена и поставлена на цвѣточной земляной горкѣ, бывшей у насъ по срединѣ цвѣтника, чайная съ отбитою ручкою чашка съ святою Богоявленною водою, а предъ образами у тетюшки въ комнатѣ затеплена Богоявленская свѣча, всегда имѣвшаяся въ домѣ для подобныхъ случаевъ.

Гроза эта естественно помѣшала выѣзду Подкользинныхъ, а потому они отправились въ путь уже на другой день. Много было пролито слезъ на разставаніи, а по отъѣздѣ ихъ долго ощущалась въ домѣ невыразимая пустота.

Въ продолженіи того года, когда у насъ гостили Подкользины, пріѣхалъ въ отпускъ братъ Петръ Васильевичъ, только что выпущенный изъ корпуса съ чиномъ.

Но его пріѣздъ и пребываніе какъ-то не было радостно.

Онъ по выходѣ изъ корпуса сейчасъ же надѣлалъ долговъ, что очень огорчило и разсердило батюшку. Тогдашнія средства батюшки были очень не велики, а насъ у него было много...

Когда братъ пошелъ къ отцу, въ его кабинетъ, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ и его спальнею на мезонинѣ—дать отчетъ въ посланныхъ ему деньгахъ, и онъ сознался, что надѣлалъ долговъ, въ первомъ порывѣ гнѣва батюшка такъ вспылить, что закричалъ: «кнутъевъ!» Въ это время мы всѣ были въ залѣ, а дядя Яковъ Ефремо-

вичъ ходилъ взадъ и впередъ по гостинной и залъ, за-
ложя руки на спину. Услыхавъ возгласъ батюшки, онъ
тотчасъ побѣжалъ наверхъ, куда тоже побѣжала и те-
тушка Варвара Павловна, и ихъ стараніями буря затихла.
Братъ Петръ, не смотря на свою молодость, нашелся въ
минуту самаго страшнаго порыва батюшкина гнѣва. Онъ,
по словамъ тетушки Варвары Павловны, снялъ со стѣны
арапникъ, висѣвшій на стѣнѣ между охотничьими доспѣ-
хами, и подавая его батюшкѣ сказалъ: «Бейте меня: я
больше ничего не стою, я заслуживаю этого!»

Слова эти, сказанныя братомъ спокойно, обезоружили
батюшку. Онъ успокоился. Вмѣстѣ съ Яковомъ Ефре-
мовичемъ, они начали считать расходы и долги брата и
послѣ кротко сдѣланнаго увѣщанія и совѣта, батюшка
со слезами на глазахъ обнялъ его, а братъ тоже въ сле-
захъ цѣловалъ его руки, прося забыть прошедшее и
объясаясь исправиться. Причиною долговъ, сдѣланныхъ
братомъ, были пуншъ и карты, съ которыми онъ при вы-
ходѣ изъ корпуса, съ помощію добрыхъ товарищей и дру-
зей, прежде всего познакомился.

Кромѣ брата Петра, пріѣхали къ намъ тетушки, Ка-
терина Петровна Татаринова и Марья Петровна Авдѣева,
съ своими мужьями и дѣтьми. Катерина Петровна при-
везла множество игрушекъ, которыя были раздѣлены
между всѣми нами дѣтьми по жребію. Мнѣ достал-
ся деревянный барабанщикъ. При этомъ кстати за-
мѣчу, что въ дѣлѣ игрушекъ, какъ въ художественномъ
отношеніи, такъ и въ изобрѣтательности ихъ производ-
ства, въ продолженіе послѣднихъ 50 лѣтъ усовершенство-
ванія не послѣдовало: какъ тогдашнія, такъ и теперешнія
игрушки все такія же: не лучше и не хуже. Эта отрасль
промышленности у насъ въ Россіи какъ будто оцепенѣла.

По отъѣздѣ Подкользиныхъ, этимъ же лѣтомъ пріѣ-
халъ къ намъ учитель-французъ, жившій у Титовыхъ, но

разочтенный, съ предложеніемъ своихъ услугъ батюшкѣ быть при насъ.

Одѣтъ онъ былъ очень плохо. Онъ былъ лѣтъ 30-ти, лицомъ худошавъ, волосы черные, курчавые, былъ даже не дурень, но при этомъ тяжелый запахъ отъ его потѣвшихъ ногъ наполнялъ комнаты, гдѣ онъ сидѣлъ. Батюшка его нанялъ кажется за 150, если не за 100 рублей ассигнаціями въ годъ. Въ Зарайскѣ купилъ онъ темно-зеленаго сукна на скуртуку. Домашній напѣ портной спилъ его и спалилъ утюгомъ лацкамъ, отчего онъ нѣсколько порыжѣлъ.

Филиппъ Петровичъ училъ насъ по-французски по-нѣмецки, географіи, ариметикѣ. Въ классѣ намъ рассказывалъ разные анекдоты, и смѣшилъ насъ, заставлялъ кожу съ волосами на своей головѣ двигаться, то впередъ, то назадъ. Въ его классѣ учиться было весело.

Я забылъ выше сказать, что прежде пріѣзда Подольскихъ, у насъ жилъ учителемъ только что выпешдшій изъ университета лѣкаремъ г. Зацѣпинъ — молодой человекъ, рябоватой и очень собою некрасивый, но веселый и любившій играть на гитарѣ. Это тотъ Зацѣпинъ, который впоследствии много трудился для науки, но безплодно; издавалъ сочиненія, которыхъ не раскупали и не читали, и который нѣсколько лѣтъ назадъ кончилъ жизнь въ Константиновскомъ Межевомъ Институтѣ, гдѣ онъ былъ главнымъ врачомъ, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и въ званіи доктора медицины. Мы, дѣти, его ужасно полюбили. Онъ училъ добросовѣстно, серьезно, но классы его для насъ были пріятны. Онъ много бы принесъ намъ пользы, если бы болѣзнь не принудила его ѣхать въ Москву для излеченія и тамъ остаться на нѣкоторое время. По выздоровленіи онъ писалъ къ батюшкѣ, прислать за нимъ лошадей, но батюшка Богъ знаетъ почему не послалъ, такъ я и потерялъ его изъ вида.

Однажды, это было въ 1848 году, когда я уже былъ женатъ и по зимамъ живалъ въ Москвѣ, въ одинъ изъ литературныхъ вечеровъ Федора Николаевича Глинки, я встрѣтилъ въ числѣ гостей толстаго, рябаго пожилаго господина, съ лицомъ, впрочемъ, хотя и дурнымъ, но открытымъ и добрымъ.

Цѣлый вечеръ онъ велъ споръ съ сыномъ бывшаго оберъ-прокурора сената, Дмитріевымъ, съ человѣкомъ молодымъ, но острымъ. Они спорили о пониманіи въ воспитаніи значенія словъ: самодержавія, религіи и народности. Это было такъ давно, что я забылъ совершенно, въ чемъ заключался самый споръ, но помню, что слушая пожилаго господина, я не разъ улыбнулся какой-то особенной странности его выводовъ. Это было въ кабинетѣ Федора Николаевича, когда большая часть гостей, литераторовъ и художниковъ, были въ гостиной; когда же споръ между Дмитріевымъ и рябымъ господиномъ уже истощался, и я собирался тоже возвратиться въ гостинную, цѣлая толпа гостей, мужчинъ изъ гостиной вошла въ кабинетъ. Въ числѣ ихъ былъ, какъ мнѣ помнится—Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, всегда милый, всегда любезный художникъ пейзажистъ Рабусъ, Бергъ, но этотъ тогда еще студентъ (Несловъ офицеръ генеральнаго штаба, написавшій драму), художникъ Завряловъ, Лихонинъ, а другихъ уже не помню. Всѣ стѣснились около стола на диванѣ, на креслахъ, на стульяхъ. Когда усѣлись, не помню уже теперь кто, вдругъ предложилъ поднять для разговора вопросы библейскіе—вотъ хоть бы объ остановленіи солнца Иисусомъ Навиномъ, и какъ согласить возможность остановки одной планеты въ солнечной системѣ, не разрушая общаго механизма или гармоніи остальныхъ міровъ. Два или три голоса заявили свои взгляды, въ основаніи которыхъ, болѣе или менѣе, было принято всемогущество Божіе, а кто-то еще припомнилъ, что этотъ вопросъ въ

числѣ другихъ подобныхъ былъ уже разобранъ и разрѣшенъ не за долго до этого времени, въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія, не помню кѣмъ-то изъ профессоровъ С.-Петербургскаго Университета. Однимъ словомъ, камень былъ брошенъ, и оживленный на эту тему споръ скоро перешелъ къ отдѣльнымъ кружкамъ. Толстый, рябой господинъ, тоже приписавъ возможность чуда остановленія солнца Навиномъ всемогуществу Божию, разъяснилъ такъ: что Богъ, не нарушая порядка въ движеніи свѣтилъ, могъ послать ангела съ зеркаломъ, которымъ тотъ отражалъ видъ и свѣтъ солнечный на полѣ сраженія, когда дѣйствительное солнце уже сокрылось за горизонтомъ... Разумѣется, ангелъ съ зеркаломъ многихъ заставилъ улыбнуться, и я не знаю, къ чему бы повелъ дальнѣйшій разговоръ, еслибы самъ почтенный ветеранъ-хозяинъ не подошелъ къ столу и не предложилъ сказать экспромтъ, который ему пришелъ въ голову. Разумѣется, всѣ смолкли, и онъ сказалъ четырехстишіе, котораго окончаніе было таково: «Я здѣсь встрѣчаю сокъ московскихъ всѣхъ умовъ».

Самолюбіе гостей было удовлетворено и по приглашеніи хозяина всѣ пошли въ гостинную, гдѣ на трехъ или четырехъ столахъ былъ приготовленъ ужинъ. Мнѣ досталось сѣсть подлѣ Рабуса, съ которымъ я былъ коротко знакомъ, а за столомъ, который былъ поставленъ позади меня, сѣлъ тотъ господинъ, который разрѣшалъ вопросъ о чудѣ Іисуса Навина посредствомъ ангела съ зеркаломъ. Хотя онъ сидѣлъ и за другимъ столомъ, но, по тѣснотѣ комнаты, мы сидѣли съ нимъ немного что не бокъ о бокъ. Я наклонился къ Рабусу и наухо спросилъ его: кто такой этотъ господинъ?

— Это Зацѣпинъ, отвѣчалъ мнѣ Рабусъ.

— Какъ, неужели это бывший нашъ учитель? подумалъ я, этотъ молодой человекъ, Зацѣпинъ, который —

какъ будто теперь его вижу, когда мы съ братомъ купались въ прудѣ, въ планшетныхъ нанековыхъ понталонахъ и въ какой-то курточкѣ, которую онъ носилъ лѣтомъ по утрамъ, сидя на берегу пруда на травѣ, игралъ на гитарѣ... Неуже-ли?.. и я обратился къ Зацѣшину, пожилому толстому старику съ вопросомъ: знавалъ ли онъ Селивановыхъ?

— Василья Павловича! Въ Зарайскомъ уѣздѣ? Какъ же, зналъ. Я былъ у него въ домѣ учителемъ, когда окончилъ курсъ.

— Стало быть, я вашъ ученикъ, сказалъ я; я меньшой сынъ Василья Павловича — помните-ли?

— Какъ не помнить—очень, очень помню. Это время, когда я жилъ у васъ, оставило во мнѣ самое пріятное воспоминаніе... Припоминая бывшее, ужинъ окончился. Мы встали, пожали крѣпко другъ другу руки, и съ тѣхъ поръ я уже болѣе не видалъ его.

Федоръ Николаевичъ еще живъ, хотя давно оставилъ Москву. Большая часть тѣхъ личностей, которыя посѣщали его литературные вечера, по крайней мѣрѣ изъ тѣхъ, съ кѣмъ я былъ хорошо знакомъ, сошли въ могилу. Никто ничего не писалъ объ этихъ вечерахъ, и потому я, пользуясь случаемъ, хочу передать объ нихъ кое что моимъ читателямъ.

Кто не знаетъ, что Федоръ Николаевичъ Глинка есть оторванная частичка того великаго поколѣнія, которая своею грудью отстаивала независимость отечества въ славную годину 1812 года, кто не знаетъ, что до занятія Москвы французами, какъ адъютантъ Милорадовича, при отступленіи нашей арміи былъ въ аріергардѣ, а по изгнаніи француза изъ Москвы и въ продолженіи всего похода до Парижа былъ постоянно въ авангардѣ. Кто изъ образованныхъ русскихъ не читалъ, и не читалъ съ наслажденіемъ, его писемъ русскаго офицера. Въ комъ не

билось, не страдало сердце, читая страницы о страшной Бородинской битвѣ и не умилялось восторгомъ при описаніи занятія Парижа и пребыванія тамъ благословеннаго Александра.

Домикъ Федора Николаевича въ Москвѣ стоялъ на Садовой улицѣ, не въ далека отъ Спасскихъ казармъ. Онъ еще стоитъ и теперь; но кому принадлежитъ—не знаю. Домикъ этотъ имѣлъ на улицу 5 оконъ, былъ окрашенъ сѣрою краскою, а передъ домикомъ, какъ противъ всѣхъ домовъ по Садовой, былъ полисадникъ, наполненный кустами и большими деревьями, за которыми онъ прятался отъ глазъ проходившихъ по тротуару со всѣми своими 5 окнами.

Гостинная этого домика занимала весь фасадъ его, т. е. всѣ 5 оконъ, и убрана со вкусомъ и изяществомъ. Плющъ, цвѣты, за которыми стыдливо скрывалась статуя изъ карарскаго мрамора Венеры медіцинской; бронзовые часы, столовыя лампы красовались, украшенныя обажурами.... Спокойная и изящная мебель, столикъ съ инкрустаціей, на которомъ лежали разные журналы, альманахи и вновь вышедшія брошюры,—все было на своемъ мѣстѣ, все было кстати, все было мило и удобно.

На литературные вечера съѣзжались, какъ мнѣ помнится, по понедѣльникамъ, сама хозяйка Авдотья Михайловна, всегда бывшая одѣта въ платья съ открытыми плечами, съ короткими рукавами, а сѣдые ея волосы были завиты въ тербушены. Какъ самъ хозяинъ, такъ и всѣ гости не иначе являлись на вечера, какъ во фракахъ, бѣлыхъ галстукахъ и бѣлыхъ перчаткахъ. Военные въ мундирахъ, а барыни-гости въ платьяхъ съ открытыми воротами и короткими рукавами.

На вечера эти преимущественно собирались любители литературы, т. е. всякая пишущая братія и художники. Между литераторами, учеными и художниками, много

встрѣчалось личностей уже извѣстныхъ. Но, не менѣе того, встрѣчалось талантовъ и непризнанныхъ, имена которыхъ были извѣстны только хозяину и хозяйкѣ, и то иногда по докладу лакея о прѣбывавшихъ.

Около дивана, гдѣ сидѣла хозяйка и барыни гости, собирался кружокъ и по просьбѣ хозяина ктонибудь читалъ или замѣчательную газетную статейку, подававшую поводъ къ разговорамъ, или какоенибудь свое стихотвореніе. Вотъ, на примѣръ, студентъ Бергъ говоритъ отрывокъ изъ какой-то своей поэмы или остроумное подражаніе Данту его аду, и всѣ слушаютъ со вниманіемъ, хвалятъ и жалѣютъ, что отрывокъ очень малъ, что продолженіе онъ забылъ, а написаннаго на бумагѣ онъ не взялъ и проч.

У дивана, во все время чтенія, на маленькой низенькой табуреткѣ сидѣлъ высокой молодой человекъ, съ красивымъ лицомъ, съ черными кудрями на головѣ и бѣлымъ широкимъ лбомъ. Слушая, онъ наклонился головою на руку, упиравшуюся локтемъ на колѣно и съ печатью думы на челѣ слушалъ чтеніе. «Не доставитъ ли намъ удовольствіе г-нъ N. я забылъ имя и отечество, сказалъ хозяинъ, обращаясь къ господину съ печатью думы на челѣ. Онъ, кажется, принесъ намъ что-то прочесть. И господинъ N встаетъ, идетъ и садится на тотъ стулъ, гдѣ сидѣлъ Бергъ.

Вынимаетъ изъ бокового кармана тетрадь, тетрадь въ весь листъ, и начинаетъ читать поэму, подъ названіемъ «Петергофъ». Прочелъ строфу, прочелъ другую, третью, 10, 15, 20-ю—конца нѣтъ и дребедень страшная. Нѣкоторые, болѣе нетерпѣливые слушатели вышли въ кабинетъ, я тоже не выдержалъ и пошелъ, за мною пошелъ Рабусъ, и входя въ кабинетъ, сказалъ: сколько терпѣнія нужно Федору Николаевичу слушать подобный вздоръ.

Услыхавъ отъ пришедшихъ въ кабинетъ, что чтеніе поэмы окончилось, я снова пошелъ въ гостинную и сѣлъ, ожидая новаго чтенія. И дѣйствительно, мѣсто чтеца не осталось празднымъ и кто-то уже сидѣлъ на немъ и разбиралъ принесенную въ карманѣ тетрадку.

Въ это время входитъ человекъ и докладываетъ Федору Николаевичу, что пріѣхалъ поэтъ. «Какой поэтъ, какъ фамилія?»—Приказалъ сказать только, поэтъ!

— Не знаю, кто же это? проси. Человекъ вышелъ, и не много спустя въ гостинную вошелъ какой-то бѣлобрысый офицеръ въ артиллерійскомъ мундирѣ,—вѣроятно, тоже изъ числа непризнанныхъ талантовъ.

Между тѣмъ гостинная все болѣе и болѣе наполняется гостями, и хозяинъ предлагаетъ мужчинамъ пойти въ кабинетъ, въ кабинетѣ было несравненно свободнѣе, — но ни сигаръ, ни трубокъ, некто ни курить. Домъ очень малъ. Въ кабинетѣ начинались и споры, и разговоры, и вечеръ всегда кончалсяужиномъ, не роскошно, но прекрасно поданнымъ и со вкусомъ. Не смотря на маленькую натяжку въ одеждѣ, всѣ ѣхали съ удовольствіемъ въ маленькой домикъ Федора Николаевича и увозили изъ него домой всегда спокойное, всегда какое-то тихо—отрадное впечатлѣніе. Кромѣ вечеровъ Федора Николаевича, въ 40-хъ годахъ я посѣщалъ вечера рано увядшаго, Вадима Пасека, Рабуса и Вельмана. Вездѣ было многолюдно, пріятно, вездѣ сталкивался я съ теплыми личностями. Ни въ одномъ изъ этихъ вечеровъ не было о картахъ и помину. У Рабуса, подъ конецъ, Ранчъ и я, когда бывалъ въ Москвѣ, были уже непремѣнными посѣтителями. А у Вельмана, послѣднее время до его кончины, я все еще по старому порядку, какъ было и за 30 лѣтъ назадъ, проводилъ вечера четверговъ; но уже не въ веселомъ кругу гостей, а одинъ на одинъ съ умирающимъ хозяиномъ и... и проводилъ его до могилы. И никого у меня теперь не осталось дру-

зей въ литературномъ и художественномъ кружкѣ. Всѣ мои сверстники и современники, всѣ полегли въ сырой землѣ.

И такъ мы учились у Филиппа Петровича, а жизнь и время текли своимъ порядкомъ. Составилось предположеніе по первому зимнему пути ѣхать гостить къ бабушкѣ Аннѣ Акакіевнѣ, жившей въ то время въ Нижнемъ-Новгородѣ, у меньшей своей дочери, бывшей замужемъ за оберъ-форстмейстеромъ Нижегородской губерніи, Николаемъ Федоровичемъ Деновымъ. Какъ нарочно, зимній путь въ тотъ годъ долго не устаналивался: все оттепели да оттепели, а нетерпѣніе наше росло. Каждый день, вставая утромъ съ постели, первый нашъ вопросъ былъ, а что есть морозъ, и всякой день все получали въ отвѣтъ: нѣтъ. Филиппъ Петровичъ не меньше нашего озабочивался погодой и по нѣскольку разъ въ день отворялъ форточку въ окнѣ, чтобы узнать, не перемѣнился ли вѣтеръ. Солнышка мы не видали уже недѣли три, постоянно на небѣ была наволока. Разъ, когда мы сидѣли въ классѣ, вдругъ блеснуло солнышко, весело отрисовывая раму на стѣнѣ возлѣ нашего стола. Взглянули въ окошко на небо, небо прочистилось и дымъ изъ трубы людской избы подымался прямымъ столбомъ. Мало по малу, стекла начали покрываться морозовыми узорами.... Слава Богу, морозъ! Стало быть скоро и въ дорогу.

Наконецъ, день выѣзда наступилъ. Это было послѣ крещенья. На дорогу нажарили телятины, гуся, индѣйку, утку, испекли пирогъ съ курицею, пирожковъ съ фаршемъ и вареныхъ лепешекъ, здобныхъ калачиковъ, въ которые были запечены яйца цѣльными совсѣмъ съ скорлупою. Стоило разломать тѣсто, вынуть яичко и кушай его съ калачикомъ на здоровье. Особый большой ящикъ назначался для харчеваго запаса. Для чайнаго и столоваго прибора былъ изготовленъ погребецъ. Тамъ было все: и же-

стяные тарелки для стола, ножи, вилки, ложки и столовые и чайныя чашки, чайники, перечница, горчицница, водка, соль, уксусъ, чай, сахаръ, салфетки и проч. Кромѣ погребца и ящика для харчей, былъ еще ящикъ для дорожнаго складнаго самовара. Лѣтъ за 50 безъ всего этого запаса путешествовать съ семействомъ было почти невозможно. Не во всякомъ постояломъ дворѣ бывалъ даже самоваръ.

Для обороны отъ разбойниковъ, объ которыхъ преданія были еще свѣжи, особенно при неизбѣжномъ переѣздѣ черезъ страшныя лѣса Муромскіе, были взяты съ собою два ружья, пара пистолетовъ, а изъ холоднаго оружія сабля. Когда все было готово, уложено, и кучера выводили запрягать лошадей, священникъ, заранѣе приглашенный, отслужилъ напутственный молебенъ съ колѣно-преклоненіемъ, а когда лошади были уже поданы къ крыльцу, одѣлись въ шубы, по старому обычаю всѣ присѣли въ залѣ на стулья, потомъ встали, помолились Богу, вышли на крыльцо и начали разсаживаться по кибиткамъ.

Вся дворня собралась для проводовъ и для прощанья. Послѣднія приказанія были отданы батюшкой старостѣ и дворецкому уже изъ кибитки. Колокольчики зазвенѣли подъ дугами, и тройка за тройкой шагомъ съѣхали со двора. Поѣздъ нашъ состоялъ изъ трехъ кибитокъ. Въ первой сидѣли я, братъ и отецъ, во второй тетушка съ сестрою, въ третьей поваръ съ горничными дѣвушками и со всѣми запасами для стола: провизіею, кастрюлями и проч., и наконецъ сзади всѣхъ ѣхали сани съ овсомъ для продовольствія въ дорогѣ лошадей.

Это былъ обыкновенный порядокъ путешествій нашихъ, и близкихъ и дальнихъ, и прежде и послѣ описываемой мною поѣздки въ Нижній, когда батюшка ѣздилъ въ Петербургъ, когда ѣзжалъ въ Москву или къ бабушкѣ

Александръ Николаевнѣ въ Назамово, все совершалось такимъ же образомъ: всегда ѣзжали на своихъ лошадяхъ.

Зимю останавливались на постоянныхъ дворахъ. Покупалась курица, разводили огонь, и поваръ приступалъ къ своему дѣлу. Для господъ варили супъ, а для людей кашницу съ саломъ. Лошадямъ на постояломъ дворѣ брали только сѣно и малую часть овса, болѣе для виду, потому что овесъ былъ свой; еще брали хлѣбъ людямъ да сливокъ къ чаю. Лѣтомъ при хорошей и ясной погодѣ и вовсе не вѣзжали на постоянные дворы, а останавливались близъ селеній на выгонѣ; ставили экипажи въ кружокъ, разводили огонь и стряпня совершалась на чистомъ воздухѣ. Ночевали въ экипажахъ или на разостланномъ на травѣ сѣнѣ.

Разумѣется такія путешествія обходились недорого, такъ что 20 или много 25 рублей ассигнаціями, т. е. менѣе 7 рублей нынѣшнимъ серебромъ, на 4 тройкахъ достаточно было проѣхать до Нижняго — это отъ насъ около 500 верстъ, а можетъ и болѣе. Первая упряжка наша была сдѣлана въ селѣ Березники, въ 6 верстахъ не доѣзжая до Рязани, у Батуриныхъ, съ которыми мы считались въ сродствѣ. Родство это вотъ какое: мать Натальи Николаевны, по мужу Батурина (мужа ея звали Павелъ Ивановичъ), была дочь Катерины Львовны, по мужу Друкорть, урожденной Демидовой, дочери Льва Прокофьевича, т. е. двоюродная сестра бабушки моей, Анны Акакіевны, какъ читатель знаетъ, дочери Акакія Прокофьевича Демидова. Ни Катерины Львовны, ни мужа ея Николая Леонтьевича Друкорть я уже не знавалъ, но батюшка былъ ими лаискаемъ, какъ самый близкій родной, и пользовался ихъ довѣріемъ.

Она была бойкая—пребойкая, а онъ тоже былъ старикъ—нраву его не перечь, вслѣдствіи чего у нихъ была постоянная домашняя война. О бойкости ея я приве-

ду одинъ случай, слышанный мною отъ батюшки. Къ ней пріѣхали въ числѣ гостей двѣ барыни, которыхъ нравственное поведеніе не пользовалось хорошею славою. Катерина Львовна, вставъ съ постели, одѣвалась всегда не торопясь. Но услыжавъ о пріѣздѣ сказанныхъ барынь, вышла въ гостинную въ одной сорочкѣ. Видя такую странность, всѣ удивились, другіе ахнули... Катерина Львовна нисколько не смутилась и говоритъ: «что вы ахаете? Что дурнаго въ рубашкѣ. Если бы рубашка была у меня не чиста, ну, стыдно—а у меня—смотри всѣ, и она начала вертеться во всѣ стороны, нѣтъ ни пятнушка. Пускайка другія разряженныя покажутъ свои рубашки. Анъ глядишь замарано... продолжала она, поглядывая на барынь....

Разъ батюшка пріѣхалъ къ нимъ въ домъ навѣстить ихъ въ болѣзни. Оба они были стары и больны, и чуть ли кто-то изъ нихъ не былъ ли на смертельномъ одрѣ. Помѣщенія ихъ находились въ противоположныхъ сторонахъ дома; она лежала въ спальнѣ, онъ въ своемъ кабинетѣ, и батюшка, по пріѣздѣ къ нимъ, изъ передней сначала пошелъ къ Николаю Леонтьевичу. Поздоровавшись съ нимъ, поговоривъ и посидѣвъ у него на постели, пошелъ навѣстить и Катерину Львовну, съ тѣмъ чтобъ опять зайти къ Николаю Леонтьевичу. «Ну, что кобель-то мой? какъ ты его нашель? спросила Катерина Львовна вошедшаго въ ея спальню батюшку: скоро ли издохнетъ?!.

— Какъ вамъ не стыдно, Катерина Львовна, говоритъ батюшка. Оба вы стары, оба смотрите въ могилу, ссоритесь и проч. Но напрасно увѣщевалъ ее батюшка: это былъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Простившись съ Катериною Львовною, онъ опять пошелъ къ Николаю Леонтьевичу, и первый вопросъ, который батюшка отъ него услыжалъ, былъ: «Ну, что сука-то? видѣлъ ты ее?.. Ну, что скоро ли околѣетъ?!.

Пользуясь хорошимъ состояніемъ, Батурины жили очень хорошо и были очень гостепріимны и родственны. Отъ нихъ мы еще заѣзжали въ сельцо Митенское къ бабушкамъ Нестеровымъ. Онѣ тамъ жили въ числѣ четырехъ сестеръ: Ольги, Прасковьи, Аграфены и крестной моей матери Марьи Николаевны. Съ ними жилъ и промотавшійся, полусумашедшій, знакомый уже читателю, племянникъ Н. И. Коробьянъ. Домикъ бабушекъ былъ старинный, не—большой, деревянный, построенный безъ фундамента, такъ что полъ лежалъ почти на землѣ. Старушки мало занимались своимъ домомъ, заботясь единственно только о теплѣ. И дѣйствительно зимою у нихъ бывало жарко, но зато лѣтомъ полусогнившая тесовая крыша пропускала течъ, такъ что въ залѣ, во многихъ мѣстахъ, бумага, которой былъ обклѣенъ потолокъ, отмокла и висѣла въ видѣ широкихъ воронокъ. Весной же или въ сырую погоду не рѣдко черезъ лакейскія и дѣвичьи двери, если они оставались непритворенными, въ комнаты проникали лягушки и давали о себѣ знать неблагозвучнымъ шлепаньемъ по полу.

Въ этомъ домикѣ все было по старому: какъ будто жизнь, вошедшая въ него въ началѣ прошедшаго вѣка, забылась въ немъ и оцѣпенѣла; мебель, домашняя утварь, прислуга, и столъ, и ихъ плафоны на ватѣ, и сами старушки—хозяйки, и чепцы съ широкими оборками,—все носило на себѣ печать какого-то невозмутимаго согласія, которое разрушить могла единственно смерть.

Отъ бабушекъ заѣзжали въ сельцо Киселево, къ князю Степану Матвѣвичу Крапоткину, имѣвшему въ супружествѣ за собою Анну Ивановну, урожденную Коробьяну, т. е. двоюродную сестру батюшки. Князь Иванъ Матвѣвичъ былъ небольшого роста, имѣлъ всю, какъ ладонь, плѣшивую голову, за что батюшка мой звалъ его и въ глаза и за глаза не иначе, какъ Лыскою, а дядя

Николай Павловичъ — яснымъ солнышкомъ. Онъ имѣлъ хорошее состояніе душъ до 900, но ему хотѣлось имѣть непремѣнно тысячу, и для этого онъ пустился въ откупа. Не имѣя не только коммерческихъ, но и никакихъ способностей, откупъ его лопнулъ, и все его имѣніе было продано съ молотка.

Но обратимся къ нашему путешествію въ Нижній-Новгородъ.

Не помню, заѣзжали ли мы въ этотъ разъ къ князю Матвѣю Ивановичу, или поѣхали прямо отъ Батуриныхъ въ Рязань, только помню, что Рязань показалась мнѣ тогда такимъ великолѣпнымъ городомъ, что и на свѣтѣ нѣтъ.

У заставы, съ опущеннымъ шлагбаумомъ, стоялъ военный караулъ отъ какого-то пѣхотнаго полка, и часовой ходилъ въ полной парадной формѣ. На спросъ часоваго, кто ѣдетъ? кучеръ нашъ отвѣчалъ: здѣшній — и шлагбаумъ былъ поднятъ.

Въ тѣ времена не только въ губерніяхъ, но даже въ каждомъ уѣздномъ городѣ, гдѣ только квартировали войска, а за немѣніемъ ихъ отъ внутреннихъ гарнизонныхъ баталіоновъ или отъ инвалидовъ командъ, всегда городскіе заставы охранялись военнымъ карауломъ, непремѣнно въ полной формѣ. Въ столицахъ у заставъ прописывались виды пріѣзжающихъ, а въ губернскихъ и въ уѣздныхъ городахъ часовые только спрашивали: кто ѣдетъ? и получивъ въ отвѣтъ: здѣшніе, поднимали шлагбаумъ. Для чего морозили и мучали людей въ бесполезномъ караулѣ—Богъ, вѣдаетъ. Но вотъ проѣхали Рязань, кормили лошадей и обѣдали въ с. Гаврилескомъ, Спасскаго уѣзда, а къ вечеру пріѣхали въ сельцо Назамово, къ бабушкѣ Александрѣ Николаевнѣ.

Бабушка Александра Николаевна Нестерова была отъ природы глуха на ухо, безграмотна и за свое убожество

наслѣдовала изъ родоваго имѣнія значительно, т. е. втрое или вчетверо болѣе, нежели что получили отдѣльно каждая изъ ея сестеръ.

Въ то время ей было далеко болѣе 60 лѣтъ. Домъ ея былъ небольшой, старинный, построенный на дубовыхъ подклѣтахъ. Подклѣтами назывались деревья въ естественномъ видѣ съ обрубленными только сучьями и вершинами, но нисколько не тесанныя и не обдѣланныя, сложенныя на поверхности земли клѣтками, одно на другое въ вышину отъ земли на сажень, что замѣняло фундаментъ. Естественно, что такимъ образомъ сооруженные дома, имѣя постоянно подъ накатомъ свободное движеніе воздуха, переживали столѣтія. Къ одному изъ угловъ передняго фасада было пристроено крыльцо съ сѣнями и съ лѣстницею ступеней въ пятнадцать, надъ которымъ спускался далеко выдавшійся впередъ тесовый навѣсъ. Тесовая крыша дома, съ большими слуховыми окнами, круто и высоко поднималась надъ домикомъ.

Крутомъ дома расположенъ просторный дворъ, поросшій травкою и кругомъ обнесенный службами, т. е. амбарами, погребами, кухнею, избами для дворовыхъ и разнаго рода клѣтушками. Къ одной сторонѣ двора примыкалъ садъ.

Весь домъ состоялъ изъ комнатъ, довольно просторныхъ, дѣлившихъ его на шесть почти равныхъ частей. Изъ сѣней входили въ переднюю или лакейскую, тамъ зала, далѣе гостинная. Изъ гостинной дверь въ спальню, изъ спальни въ дѣвичью, съ выходомъ на заднее крыльцо. Въ шестую комнату дверь была изъ лакейской; ее занималъ Петръ Ивановичъ, крѣпостной человѣкъ бабушки и главный управляющій.

Вечеръ, когда мы подъѣзжали къ крыльцу бабушкина дома, былъ морозный, снѣгъ скрипѣлъ подъ полозьями нашихъ подводъ, бороды и усы кучеровъ заиндивѣли, и

самихъ насъ, не смотря на то, что были укутаны хорошо, начинать принимать холодъ.

Пріятнымъ теплою охватило насъ, когда мы вошли въ переднюю и сняли шубы, но еще теплѣе было въ бабушкиной спальнѣ, куда мы немедленно были приглашены. Бабушка была одѣта въ ситцевомъ капотѣ на ватѣ, съ остъ-индскимъ клѣтчатымъ платкомъ на плечахъ и съ такимъ же платкомъ на головѣ. Она сидѣла на диванѣ, что-то въ родѣ турецкаго, но довольно жесткомъ, обитомъ самымъ простымъ полосатымъ тикомъ, стоящимъ возлѣ изъ старинныхъ изразцовъ лежанки, на которой стояла бутылка съ закисавшимъ уксусомъ домашняго производства. Передъ бабушкою стоялъ круглый дубовый столъ безъ полировки и лаку, на бѣлыхъ кленоваго дерева ножкахъ, самой простой работы. На столѣ лежала серебрянная съ чернью табакерка и носовой синій остъ-индскій платокъ, такого же качества, какъ на головѣ и на плечахъ. На стѣнѣ, съ одной стороны дивана, висѣли на гвоздѣ большіе карманные серебрянные часы.

Кровать бабушки стояла у противоположной лежанкѣ стѣнѣ. Надъ ней высоко поднимался ситцевый, набитый крупнымъ узоромъ пестрый полбѣгъ, утвержденный на четырехъ столбахъ, съ подзоромъ въ видѣ широкой оборки на верху. Подъ всѣми четырьмя точеными ножками старинной кровати подставлены были жестяныя тарелки съ водою. Мѣра эта была принята противъ клоповъ, чтобъ они не могли по ножкамъ заползати на ложе. Еще небольшой столикъ, старинный краснаго дерева комодъ съ откидной крышкой, или лучше сказать съ конторкой, и десятка два разной величины образовъ, въ серебрянныхъ вызолоченныхъ ризахъ и безъ ризъ, съ теплившейся передъ ними висячей лампадкой въ углѣ, да нѣсколько кресель, довершали все убранство спальни.

Бабушка, какъ и всѣ ея сестры, была довольно высокаго роста, сухаго сложенія, но не чахоточная, какъ другія; лицо ея было продолговато, но не худощаво; ея небольшіе каріе глаза выражали природное добродушіе.

Бабушкѣ Александрѣ Николаевнѣ семейство наше обязано своимъ благосостояніемъ. Утрата матушки и малолѣтнее наше сиротство, возбуждая въ сердцѣ ея сострадательное участіе, навело ее на мысль все имѣніе свое, минуя прямаго наслѣдника, своего роднаго племянника Семена Николаевича, передать батюшкѣ. Имѣніе ея состояло изъ сельца Назимова, въ Спасскомъ уѣздѣ, 120 душъ, сельца Орловки, 300 душъ, съ большимъ количествомъ земли степью, и съ коннымъ заводомъ, и изъ выкупленнаго ею и назначеннаго уже въ продажу, заложеннаго и просроченнаго Семеномъ Николаевичемъ, родоваго имѣнія с. Кукова. Выкупая Куково, она совершила актъ, по которому Семень Николаевичъ оставался владѣльцемъ Кукова и пользовался съ него доходомъ, но ни продать, ни заложить не имѣлъ права. По смерти же его, Куково должно перейти въ наше семейство.

Планъ этотъ былъ уже бабушкою составленъ и сообщенъ батюшкѣ, но въ описываемое мною время еще въ исполненіе приведенъ не былъ. Исполненіе его послѣдовало на слѣдующее лѣто такимъ образомъ. Батюшка вмѣстѣ съ бабушкою поѣхали въ Тамбовъ, и тамъ была совершена купчая на продажу Орловки батюшкѣ, послѣ чего онъ и вступилъ въ полное владѣніе этимъ имѣніемъ. Назимово же она отдала по духовному завѣщанію послѣ своей смерти, которая послѣдовала въ 1827 году Марта 10-го дня. Бабушка была похоронена въ селѣ Запольѣ.

Пріѣзду нашему бабушка была повидимому очень рада. Перездоровавшись со всѣми нами, она сѣла на свое обыч-

ное мѣсто на своемъ диванѣ, мы всѣ размѣстились около стола.

Передъ поѣздкой, я склеилъ себѣ изъ красной бумаги сумочку въ родѣ бумажника, и когда всѣ мы сидѣли около бабушкина стола передъ диваномъ и я игралъ своимъ бумажникомъ, бабушка взяла его изъ моихъ рукъ, будто чтобъ его получше разглядѣть, пошла къ своему бюро и возвратилась обратно. Я ничего не подозрѣвалъ, раскрываю его, и чтожь? нахожу въ немъ бѣленькую ассигнацію въ 25 рублей.

На другой день, она брату и сестрѣ подарила по-столько же, а старшимъ всѣмъ братьямъ по 100 рублей, которые и передала батюшкѣ для отсылки имъ.

Бабушка вела жизнь очень регулярную. Вставала рано, часовъ въ 7 утра пила чай и покопошившись въ своемъ комодѣ или въ сундукахъ, садилась на свой диванъ. Возлѣ дивана на скамейкѣ сиживала горничная дѣвушка съ распущенною косою. Зимомъ съ гребнемъ и донцемъ пряла, а лѣтомъ вязала чулокъ. Всѣ сѣнныя дѣвушки бабушкины, чтобъ не баловались и не зазнавались, гребней не носили, привилегіей этой пользовалась только собственно ходившая за нею дѣвушка, да дочь ея управляющаго Дунька, или Авдотья, имѣвшая огромное вліяніе въ домѣ между женской прислугой.

Отецъ ея, Петръ Ивановичъ, управляющій бабушки, былъ довольно высокаго роста. Имѣлъ большой, довольно красный носъ, сѣдые волосы и небольшіе сѣрые умные глаза, ходилъ солидную поступью, рѣчь плавная и твердая, и вообще вся наружность была благовидная. Одѣвался въ сюртукъ сѣраго сукна всегда опрятно и высокіе сапоги носилъ поверхъ панталонъ. Обращеніе его съ бабушкой было почтительно, но съ примѣсю нѣкоторой фамильярности, или лучше сказать увѣренности, что она

безъ него обойтись не-можетъ. Всѣ, дворовые и крестьяне, чтили его почти какъ барина. Впрочемъ, довѣрія бабушки онъ во зло не употреблялъ, и вель хозяйство исправно; крестьянамъ, и дворовымъ, всѣмъ было хорошо, всѣ жили, что называется, какъ у Христа за пазухой.

Въ половинѣ 12 часа бабушка смотрѣла на часы, кликала дѣвку и приказывала идти къ повару, сказать, чтобъ припускалъ жаркое. Въ 12 часовъ обѣдали, въ 5 часовъ кушали чай, въ 8 ужинали.

Въ 12 часовъ Петръ Ивановичъ самъ приходилъ не то, что доложить, что кушать поставили, а просилъ пожаловать въ залъ кушать. Когда бабушка и мы всѣ гости ея выходили изъ спальни, гдѣ постоянно сидѣли съ нею, въ залъ и садились за столъ, Петръ Ивановичъ, продѣвъ въ петлю борта своего скюртука салфетку, самъ подавалъ кушанье съ достоинствомъ, не какъ офиціантъ или лакей, а какъ радушный хозяинъ, угощающій даромъ гостей. Разнесши блюдо и отдавъ его буфетчику, онъ становился къ окну или прислонившись къ стоявшему у стѣнѣ столу, заложивъ ногу за ногу и сложивъ руки, разговаривалъ съ батюшкою о новостяхъ, о сосѣдяхъ, объ урожаѣ, или шучивалъ съ нами дѣтьми всегда въ мѣру и съ достоинствомъ.

Онъ былъ грамотный. Съ малолѣтства жилъ всегда при господахъ и при прадѣдушкѣ состоялъ въ должности земскаго. Кромѣ книгъ священнаго писанія, онъ читалъ много книгъ и свѣтскихъ, какія, разумѣется, прибрѣталъ отъ бродячихъ букинистовъ или сосѣднихъ помѣщиковъ. По большей части, это были романы, въ плохихъ переводахъ иностранныхъ писателей, которыми тогда была наводнена русская книжная торговля. Этимъ добромъ онъ болѣе всего пользовался отъ сосѣдняго богатаго помѣщика

Гжевскаго, имѣвшаго свой домашній театръ и свой домашній балетъ. Балетъ этотъ состоялъ изъ крѣпостныхъ терисихоръ, которыя въ 20 годахъ были куплены, въ числѣ 30 дѣвокъ, Дирекціею Императорскаго Московскаго театра, и составляли впоследствии лучшее украшеніе или, вернѣе сказать, блестящее основаніе его коръ-дебалета.

Однимъ словомъ, Петръ Ивановичъ въ умственномъ развитіи, въ умѣніи держать себя и въ обращеніи съ ниже и выше его поставленными лицами нисколько не отличался отъ тогдашняго общества дворянъ помѣщиковъ, средней руки, постоянно проживавшихъ въ своихъ деревенскихъ усадьбахъ. Такія личности, какъ онъ, могли быть только завѣщаны намъ прошедшимъ столѣтіемъ, когда умственное образованіе для большинства самихъ дворянъ заключалось только въ грамотности; естественно, что всякій дворовый мальчикъ, котораго готовили для домашняго писмоводства, жившій постоянно въ барскомъ домѣ, въ умственномъ и нравственномъ развитіи шелъ въ уровень съ дѣтьми своихъ господъ. Какъ для того, такъ и для другихъ учителями были, если не старый домашній земскій, то приходящій дьячекъ.

Преданный фамиліи Нестеровыхъ, онъ съ тайною скорбію принималъ къ сердцу намѣреніе бабушки лишить законнаго наслѣдника, Семена Николаевича, родоваго Нестеровскаго достоянія, и потому доброжелательствовать нашему семейству не могъ, но никогда ни словомъ, ни дѣломъ, онъ этого не обнаружилъ. Вѣроятно, что онъ и отговаривалъ бабушку, но бабушка осталась тверда и непреклонна. Каждую зиму къ бабушкѣ изъ Тамбовской ея вотчины пріѣзжалъ въ Назамово староста, и кромѣ денежнаго дохода, привозилъ свинину, откормленную всякую домашнюю птицу, масло, пшено, крупу и все это въ

большомъ количествѣ. Разумѣется, все это поѣдалось не бабушкою, а дворнею, отъ чего все окружавшее бабушкою было довольно, весело, счастливо, каталось какъ сыръ въ маслѣ, и не смотря на то, что по кончинѣ бабушки, они должны были воспользоваться заранѣ написанными отпускными на волю, молили искренно Бога о продленіи ея жизни.

Крестьяне Тамбовской вотчины жили зажиточно. Староста Тихонъ былъ очень умный и богатый мужикъ, но не безъ хитрости и плутовства проходилъ свое служеніе. Вмѣстѣ съ оброкомъ привозилъ приходо-расходныя книги для повѣрки, которыя велись не меньшимъ плутомъ, земскимъ Семеномъ. Петръ Ивановичъ, просмотрѣвъ книги и хотя по книгамъ всѣ отчеты были вѣрны, исправно подведены и всякія концы плутней были припрятаны, но всегда находилось что нибудь, дабы прдраться къ старостѣ съ тѣмъ, чтобы его посѣчь. Тихонъ, выѣзжая еще изъ Тамбовской вотчины, зналъ уже, что его посѣкутъ; но вѣдь на это барская воля. Барская же воля въ этомъ случаѣ основывалась не на уликахъ въ плутовствѣ, а въ убѣжденіи, что староста Тихонъ уже непремѣнно плутуетъ, а потому надобно его поучить на будущее время. И вотъ когда всѣ отчеты сданы, привезенное принято и старосту надобно отпускать, передъ отъѣздомъ его бабушка приказывала принести въ лекейскую розогъ, выходила туда сама, и въ присутствіи своемъ матерински учила Тихона не плутовать.

Получивъ розогъ 15, Тихонъ вставалъ, поднималъ и подвизывалъ спущенные портки, потомъ подходитъ къ своей старой барынѣ, низко кланялся, цѣловалъ ея руку на прощанье, благодаря притомъ, что его поучили.

Посѣкши Тихона, бабушка возвращалась на свой диванъ у лежанкѣ также спокойна и не взволнована, какъ

пошла и, посмотрѣвъ на часы, добродушно приказывала пропускать жаркое. Во все время гащиванія нашего у бабушки, а мы гащивали по недѣли и по двѣ, — всякій день Авдотья Петровна часовъ въ 9 утра приходила въ спальню, гдѣ мы обыкновенно сиживали и приглашала насъ въ дѣвичью «фриштыкать». Дѣвичья была большая, опрятная комната рядомъ съ бабушкиною спальною. Тамъ на большомъ бѣлолиповомъ столѣ приготовлялся фриштикъ, какъ называла Авдотья Петровна, состоявшій изъ творогу съ густыми сливками или сметаною, здобныхъ полновѣсныхъ лепешекъ, пироговъ или ватрушекъ, яичницы или яицъ въ смятку, молочной каши и тому подобнаго. Все это было свѣжо, подано чисто, обильно, такъ что и теперь при словѣ фриштикъ въ воспомнаніи моемъ воскресаютъ и бабушкина дѣвичья, и бѣлолиповый столъ, накрытый простою, но чистой—пречистой скатертью, установленной разными снадобьями, и угощающая Авдотья Петрова, и все это въ такихъ радушносіяющихъ очертаніяхъ, какъ это можетъ грезиться развѣ только во снѣ.

Когда же гощеніе наше случалось лѣтомъ, то нерѣдко послѣ ужина, который у бабушки подавался еще до захода солнца, мы, дѣти, съ Петромъ Ивановичемъ, да съ буфетчикомъ Евстигнѣемъ, да лакеемъ-сапожникомъ Дмитріемъ, хаживали въ поле на охоту за перепелами. Разстеливши сѣть по ржамъ, мы всѣ ложились на землю и съ тихимъ біеніемъ сердца въ полной тишинѣ ждали, когда перепелъ, привлеченный дудочкою, подходилъ подъ сѣть и дѣлался жертвою нашего коварства. Ночная тишина въ темномъ полѣ, нарушаемая криками то ближними, то отдаленными, перепеловъ или дергачей, влажная теплота въ чистомъ воздухѣ, пропитанная ароматомъ наливающейся ржи, или медовымъ далеко разносившимся

запахомъ цвѣтущей гречихи, вмѣстѣ съ охотой за перепелами, имѣли что-то неизъяснимо-обаятельное... Вспомнивъ буфетчика Евстигнѣя, нельзя не замѣтить, что онъ отлично приготовлялъ къ ужину окрошку. Воспользоваться вольною ему не хотѣлось; онъ всегда намъ говоривалъ:

«Ужь я себя вамъ закабалу. Непремѣнно закабалу!»
Преданія о кабалѣ еще жили въ памяти народной....

Въ Назамовѣ у бабушки мы всегда гасивали неопредѣленное время, и потому бабушка, когда ужъ ей наскучивало лишнее движеніе въ домѣ и хотѣлось тишины, съ которою она такъ свыкла, то она обыкновенно обращалась къ отцу или тетускѣ Варварѣ Павловнѣ и ко всѣмъ намъ, дѣтямъ, и спрашивала: что вы велите приготовить на дорогу? Это значить, что пора намъ собираться домой.

Разумѣется послѣ этого, временемъ отъѣзда назначался слѣдующій день.

На дорогу нажаривалось и напекалось множество всякаго рода провизіи, и мы уѣзжали сытые и довольные ласкою и гостепримствомъ благодѣтельной бабушки.

Проѣздомъ въ Нижній-Новгородъ мы прогостили у бабушки трое сутокъ; а на четвертыя, часу въ 3-мъ полуночи, отправились въ дальній путь. Въ селѣ Павловскомъ, гдѣ остановились кормить лошадей и обѣдать; мы всѣ ходили на заводъ, гдѣ приготовлялась сталь. Въ первый разъ я тутъ узналъ, что значить заводъ. На другой день обѣдали въ Касимовѣ, и я въ первый разъ видѣлъ татаръ. Въ лавочкахъ, куда мы послѣ обѣда ходили ради прогулки, татары-купцы предлагали разныя, шитыя золотомъ, ермолки и пестрые халаты.

Отъ Касимова ѣхали рѣкою, по гладкой ледяной дорогѣ, и къ вечеру другаго дня выѣхали на берегъ, въ пригородномъ близъ Мурома селѣ Корочаевѣ. Тутъ мы

ѣли Муромскіе калачи, изъ муки низкаго сорта, невзрачные на видъ, но необыкновенно вкусныя. На другой день вѣхали въ страшныя лѣса, которыми еще при одномъ предположеніи ѣхать въ Нижній, было у всѣхъ отвѣзжающихъ напугано воображеніе.

Но вотъ ѣдемъ мы и цѣлый день: ничего. Вотъ и вечеръ, пора на ночлегъ, и вѣхали мы на постоянный дворъ. Дворъ этотъ стоялъ на краю какой-то деревни, хотя и на большой дорогѣ, но кругомъ былъ лѣсъ. Мы, дѣти, нисколько не думали, что мы ѣдемъ Муромскими лѣсами, но тетушка Варвара Павловна въ тайнѣ сердца не была покойна, а тутъ еще на бѣду, взойдя въ избу, увидала тамъ стоящаго у стола мужика, съ черною курчавою бородою, что показалось очень подозрительно. Это былъ хозяинъ двора. Тетушка сообщила о своемъ подозрѣніи батюшкѣ, и батюшка, чтобъ ее успокоить, велѣлъ принести изъ повозокъ въ избу ружья, пистолеты, которые въ присутствіи подозрительной личности, самъ зарядилъ и велѣлъ обратно отнести въ повозки. Всѣ эти предосторожности были принимаемы по преданію о кагда-то бывшихъ разбояхъ. Чернобородый дворникъ залѣзъ на печь и захрапѣлъ тамъ прежде, нежели поужинали, а мы со вторыми пѣтухами поднялись, одѣлись, уложились, сѣли въ повозки и тихо съѣхали со двора на большую дорогу, погружаясь въ темное безмолвіе высокаго дремучаго лѣса.

Долго ли, коротко ли были мы въ дорогѣ—не помню, только на послѣдней упряжкѣ къ Нижнему спустились мы опять на Оку. Ѣдемъ, и вотъ у подошвы горы съ того берега, съ правой стороны рѣки, длинною вереницею протянулись бревенчатыя, крытыя тесомъ зданія соляныхъ магазиновъ и цѣлый лѣсъ мачтъ оцепенѣлыхъ во льду судовъ. Ѣдемъ далѣе.... Вотъ, вдали налѣво за Вол-

гою показалось какое-то обширное село, а направо отъ насъ изъ синевы морознаго тумана спускались уступами съ горъ потемнѣвшія стѣны и башни древняго кремля, увѣнчаннаго пятиглавымъ соборомъ, и засіяли яркимъ солнышкомъ кресты на главахъ старинныхъ церквей Новагорода Нижняго.

Историческое обозрѣніе важнѣйшихъ реформъ нынѣшняго царствованія.

„Мы живемъ въ мудреное время. Говорить легко на другой день, а наканунѣ это совсѣмъ иное дѣло. Мы теперь именно наканунѣ важнѣйшихъ государственныхъ преобразованій и улучшеній:—улучшеній крестьянскаго быта, гражданскаго судопроизводства, городскаго управленія и пр. и пр. Что же можно сказать, безъ дерзости, о такихъ великихъ предпріятіяхъ до ихъ утвержденія, исполненія, повѣривъ опытомъ? Можно только молиться, можно только желать, чтобы все начатое было совершено успѣшно, согласно съ требованіями закона, разума, права, времени, къ истинной, прочной пользѣ всѣхъ сословій, всѣхъ русскихъ людей, въ равной степени; можно только желать, чтобы Россія, устроясь, или хоть положивъ твердое основаніе, внутри, того вожденнаго порядка, за которымъ предки наши тысячу лѣтъ назадъ нарочно ѣздили за море, заняла мѣсто въ системѣ государствъ, завѣщанное ей исторіей и назначенное географіей; можно только желать, чтобы всѣ европейскія племена, въ случаѣ нужды, родныя и чужія, находили въ ней свою естественную покровительницу и заступницу, безкорыстную и безпристрастную, безъ всякихъ заднихъ мыслей, потому что все есть у насъ свое, даже слишкомъ, и ничего чужаго намъ не надо; чтобы всѣ честныя и благородныя дѣла европейскія встрѣчали у насъ всегда доброжелательный, согласный, сильный отзывъ. Начало такому новому порядку вещей положилъ нынѣ царствующій Государь Императоръ

въ знаменитомъ рескриптѣ объ улучшеніи быта крестьянъ*. Таеъ говорили въ Москвѣ, устами маститаго профессора и знаменитаго народолюбца М. П. Погодина, мирцы дѣятеля университетской науки 12-го января 1861 года. Январь 1861 года былъ въ полномъ смыслѣ кануномъ важнѣйшихъ государственныхъ преобразованій и улучшеній. Уже 19-го февраля того же года подписанъ былъ Высочайшій рескриптъ, призывающій православный народъ „освѣтить себя крестнымъ знаменемъ и призвать Божіе благословеніе на свой *свободный* трудъ, залогъ домашняго благополучія и блага общественнаго“. Уже въ февралѣ восходила та заря, о которой сорокъ лѣтъ тому назадъ мечталъ вѣщій поэтъ въ своихъ пророческихъ стихахъ, извлеченныхъ изъ-подъ спуда и торжественно вскрытыхъ тѣмъ же Погодинымъ 12-го января 1861 года.

Увижу ль, о друзья, народъ неугнетенный
И рабство, павшее по манію Царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

Да, заря восходила. Въ сентябрѣ 1862 года утверждены Государемъ Императоромъ общія начала судебной реформы, основанныя на судѣ устномъ и гласномъ. Въ январѣ 1864 года подписанъ указъ правительствующему сенату о введеніи новыхъ земскихъ учрежденій въ имперіи; въ апрѣлѣ 1865 года о новомъ цензурномъ уставѣ, которымъ ограничено дѣйствіе предварительной цензуры для печати; въ іюнѣ 1870 года о введеніи новаго городского положенія, основаннаго на началахъ хозяйственнаго самоуправленія и на устраненіи сословныхъ различій при выборѣ въ общественныя городскія должности. Всѣ эти великіе и незабвенные акты направлены къ одной общей цѣли облагородить челоуѣка чрезъ признаніе и огражденіе его личныхъ правъ, чрезъ приобщеніе его къ общественному дѣлу, чрезъ увеличеніе средствъ къ образованію. Какую другую цѣль имѣли крестьянское положеніе, судебныя уставы, земскія и городскія учрежденія, правила о печати, призывъ земства къ дѣлу народнаго образованія и т. д.?!

Призваніе къ жизни и дѣйствию здравыхъ и благонадежныхъ общественныхъ силъ и указаніе этихъ силъ съ особенно рельефностью выражено Государемъ Императоромъ въ рескриптѣ отъ 13-го мая 1866 г. по поводу открытія новыхъ судебныхъ палатъ и мировыхъ судовъ. Объясняя административнымъ лицамъ, въ какомъ направленіи они должны мыслить и дѣйствовать, дабы соответствовать требованіямъ новаго порядка вещей, Высочайшій рескриптъ между прочимъ говоритъ: „надлежитъ имѣть въ виду содѣйствіе тѣхъ другихъ здравыхъ охранительныхъ и добронадежныхъ силъ, которыми Россія всегда была обильна и доселѣ, благодаря Бога, призобилуетъ. Эти силы заключаются во всѣхъ сословіяхъ, которымъ дороги права собственности, права обеспеченнаго и огражденнаго закономъ землевладѣнія, права общественныя, на законѣ основанныя и закономъ опредѣленныя, начала общественного порядка и общественной безопасности, начала государственнаго единства и прочнаго благоустройства, начала нравственности и священныя истины вѣры“.

Возникновеніе общественныхъ силъ, оставшихся до нынѣшняго царствованія въ бездѣйствіи, и составляетъ прекрасную зарю просвѣщенной свободы, о какой гадали передовые люди двадцатыхъ—сороковыхъ годовъ и которую привѣтствовали мирные дѣятели университетской науки въ Москвѣ 12-го января 1861 года. Такимъ образомъ то, что составляло предметъ гаданій и мечтаній для нашихъ предковъ, предметъ моленій и желаній нашихъ отцовъ осуществилось на нашихъ глазахъ, благодаря Державной Волѣ Того, къ Кому, при самомъ рожденіи Его, были обращены вдохновенныя слова поэта:

Да встрѣтитъ онъ обильный чествомъ вѣкъ!
 Да славнаго участникъ славный будетъ!
 Да на чредѣ высокой не забудетъ
 Святѣйшаго изъ званій—человѣкъ.

Крестьянская реформа и новыя, послѣдовавшія за нею, вносили одна за другою успокоеніе и умиротвореніе въ нашу бытъ, не тревожа ничьихъ интересовъ, напротивъ давая всему жизни, все возвышая, улучшая, обновляя и обезпечивая.

Самые отважные и пылкіе умы едва могли успѣвать за ходомъ этихъ блистательныхъ реформъ, возсоздающихъ Россію, которымъ ничего подобнаго не представляетъ ея исторія.

Быть нашъ до вступленія на престолъ нынѣшняго Монарха былъ полонъ пустоцвѣтовъ и злоупотребленій и причиною тому было подавленіе и поглощеніе всѣхъ разнообразныхъ силъ жизни одною силою бюрократическою. вмѣсто церковнаго управленія, науки, права собственности, закона и суда была одна бюрократія; вмѣсто администраціи часто организованное превышеніе власти, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ея бездѣйствіе въ ущербъ интересамъ казеннымъ и частнымъ. Ретроспективный взглядъ на прожитую русскую жизнь лучше всего уяснить гражданское наше воскресеніе, явившееся съ реформами нынѣшняго царствованія и вмѣстѣ съ тѣмъ послужить нагляднымъ доказательствомъ словъ покойнаго московскаго митрополита Филарета, что и утѣшеніе нашего Обозаемаго Монарха состоитъ въ желаніи облегчить Своему народу древнія бремена и возвысить мѣру свободы, огражденной закономъ“.

Актъ 19-го февраля 1861 года, давшій свободу болѣе одной трети (23,069,631 душ.) всего населенія Россіи, есть дѣло величайшей государственной мудрости, сумѣвшей распутать узы взаимнопротивоположныхъ интересовъ между помещиками и ихъ крѣпостными, и въ то же время величайшей справедливости. Крѣпостнаго состоянія не было въ древней Россіи. Сельскіе обыватели наши, или земледѣльцы, составлявшіе доннѣ главную массу этого населенія, были совершенно свободны отъ начала Русскаго государства до конца XVI столѣтія, имѣя право всегда оставить землю извѣстнаго владѣльца и перейти къ другому. Право свободного перехода, во всякое время года, представляло однакожь значительныя невыгоды въ государствѣ обширномъ и преимущественно земледѣльческомъ. Подати не могли собираться исправно, значительныя пространства земель оставались невоздѣланными и землевладѣльцы затруднялись въ отпращиваніи лежавшихъ на нихъ, сопряженныхъ съ земле-

владѣніемъ, государственныхъ, особенно воинскихъ повинностей. Первый слѣдъ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ явился еще подъ татарскимъ владычествомъ, при учрежденіи татарами, въ половинѣ XIII столѣтія (въ 1257 году), народной переписи для обезпеченія исправнаго взноса податей; дѣйствительное же прикрѣпленіе ихъ послѣдовало только въ концѣ XVI столѣтія, но и это укрѣпленіе крестьянъ не вдругъ установилось, подвергалось разнымъ, временнымъ и частнымъ измѣненіямъ въ „смутное время“ Россіи, въ началѣ XVII столѣтія, при Годуновѣ, при Лже-Димитріи и при Василии Шуйскомъ; окончательно можно считать его утвержденнымъ не прежде, какъ по уложенію царя Алексѣя Михайловича 1649 г.

Прикрѣпленіе къ землѣ по уложенію вовсе не было однакожъ юридическимъ актомъ, отдавшимъ крестьянъ въ чью либо собственность: оно было только административно-полицейскою мѣрою, которая относилась притомъ не къ однимъ крестьянамъ, водвореннымъ на частныхъ владѣльческихъ земляхъ, въ вотчинахъ или помѣстьяхъ, но распространялось и на крестьянъ, жившихъ на дворцовыхъ земляхъ, на монастырскихъ земляхъ и въ черныхъ или казенныхъ волостяхъ, т. е. на всѣхъ вообще сельскихъ обывателей. Мѣра эта имѣла цѣлью обезпеченіе исправнаго отбыванія всѣми сельскими сословіями повинностей ихъ къ государству и пресѣченіе бродяжничества, сильно развившагося, вслѣдствіе обстоятельствъ того времени, голода, внутреннихъ смуть и войнъ. Сверхъ того, по сущности всего законодательства XVII столѣтія, съ прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ соединялось взаимно и укрѣпленіе пользованія землею за крестьянами. Землевладѣльцы постоянно обязывались сохранять за крестьянами извѣстное количество земли подъ усадьбу и подъ пашню, для обработки въ ихъ пользу, и такая земля въ актахъ того времени, правительственныхъ записяхъ и книгахъ, называлась почти всегда крестьянской, въ отличіе отъ вотчинной или господской.

Изъ этого первоначальнаго прикрѣпленія мало по малу

образовалось въ Россіи крѣпостное состояніе, переходя чрезъ различные видоизмѣненія, причеѣ всегда почти обычай, а нерѣдко и злоупотребленія, предшествовали закону, который утверждалъ только то, что слагалось само собою въ народной жизни, силою обстоятельствъ.

Въ теченіе всего XVII вѣка сельскіе обыватели крѣпки были только землѣ, какъ горожане городу, но весьма понятно, что правительство, обращаясь преимущественно къ землевладѣльцамъ съ требованіями по взысканію податей и повинностей съ принадлежащихъ имъ, или отданныхъ имъ въ помѣстья земель, равно какъ и съ призывами къ военной службѣ, на которую бояре и боярскія дѣти обязаны были снаряжаться на свой счетъ, или по старинному выраженію являться „конны, ружны, людны“, должно было представить землевладѣльцамъ нѣкоторыя права и на личность поселенныхъ на этихъ земляхъ крестьянъ. Изъ актовъ того времени видно, что землевладѣльцы стали переселять крестьянъ съ одной изъ своихъ земель на другую, перечислять ихъ съ пашни во дворъ, т. е. вмѣсто исполненія повинности по обработкѣ господской земли, обращать ихъ въ личную при себѣ прислугу, и наконецъ, отчуждать и переселять крестьянъ на чужія земли по продажѣ или по завѣщаніямъ. Въ послѣдніе годы этого столѣтія продажа крестьянъ разрѣшаема была, если не вообще, то въ частныхъ случаяхъ и безъ земли, а иногда производилась и съ раздробленіемъ семействъ, что обнаруживается изъ указа противъ этого злоупотребленія Петра I, 1821 г. 16 апрѣля. Такимъ образомъ крестьяне, по закону прикрѣпленные еще только къ землѣ, стали прикрѣпляться на дѣлѣ и къ *лицу землевладѣльца*.

Въ началѣ XVIII столѣтія этотъ второй видъ прикрѣпленія крестьянъ получилъ болѣе опредѣлительныя формы при коренныхъ преобразованіяхъ, которымъ геній и воля Петра подвергли все гражданское устройство и весь общественный бытъ Россіи. Петръ Великій, для учрежденія правильнаго взноса податей и отбыванія повинности, ввелъ, въ 1718 г., новую систему народонисчисленія, по такъ называе-

мымъ народнымъ переписямъ или ревизіямъ (указы 1718 г. 26-го ноября, 1719 г. 22-го января, и 1720 г. 5-го февраля). Со введеніемъ этой системы, существовавшій дотогѣ способъ взиманія податей «по землямъ» замѣненъ былъ общею поголовною повинностью, или «подушнымъ окладомъ». вмѣстѣ съ тѣмъ на владѣльцевъ земли положительно возложена была, по закону, полная отвѣтственность въ сборѣ подушнаго оклада и отбываніи воинской повинности всѣми водворенными на ихъ земляхъ, какъ крестьянами, такъ и дѣловыми, задворными и дворовыми людьми, т. е. бывшими холопами и кабалными людьми. Холопы и кабалные (существовавшіе еще и въ древней и средневѣковой Россіи) обратились чрезъ то изъ рабовъ, или изъ имущества, почти безгласнаго въ государствѣ, въ людей, призванныхъ на службу государству; гражданское же значеніе крестьянъ ошутительно понизилось. Крестьяне были до этого времени если уже не вполнѣ свободнымъ, то полусвободнымъ сословіемъ, а теперь сравнились съ сословіемъ положительно не-свободнымъ; за ними еще удержались однакожъ нѣкоторыя изъ прежнихъ правъ, какъ то: право вступленія въ военную службу по призыву, право пріобрѣтенія недвижимаго собственности и право торговли и промысловъ въ городахъ и посадахъ. Землевладѣльцы, съ своей стороны, сдѣлались какъ бы отвѣтственными сборщиками или откупщиками крестьянскихъ окладовъ и повинностей въ пользу государства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, власть ихъ надъ поселенными на ихъ земляхъ людьми расширилась. Зачисленіе за ними крестьянъ не по дворамъ, а по душамъ,—хотя оно и установлено было въ видѣ мѣры скорѣе финансовой и административно-военной, нежели юридической, хотя оно все еще обусловлено было владѣніемъ землею, такъ что помѣщикъ, утаившій крестьянъ своихъ отъ ревизіи, лишался ихъ, а вмѣстѣ съ ними и слѣдовавшей на ихъ долю земли,—было собственно первымъ законнымъ распоряженіемъ объ укрѣпленіи крестьянъ лично за владѣльцами земли. При Петрѣ же Великомъ, въ видахъ развитія горнозаводской и фабричной промышлен-

ности, введено было приписываніе крестьянъ не только къ землѣ, но и къ фабрикамъ и заводамъ (указъ 1821 года января 18-го).

Въ послѣдующія за тѣмъ царствованія Анны Ивановны и Елизаветы Петровны прикрѣпленіе крестьянъ къ лицу землевладѣльца утвердилось еще положительнѣе: во 1) относительно къ крестьянскимъ правамъ, — безусловнымъ обращеніемъ въ полную собственность кабалныхъ людей, все еще считавшихъ себя временно-крѣпостными (указъ 1729 г. марта 26-го), воспрещеніемъ крѣпостнымъ вообще вступать въ военную службу безъ согласія помѣщика, запрещеніемъ имъ пріобрѣтать недвижимыя имѣнія (указомъ 1730 г., октября 25-го и 1742 г., іюня 2-го), и наконецъ, совершеннымъ сравненіемъ, при второй ревизіи, дворовыхъ людей съ крѣпостными крестьянами и повелѣніемъ приписывать ихъ впредь къ деревнямъ, а не къ домамъ (указомъ 1742 года, декабря 16-го); во 2) относительно къ землевладѣнію — окончательнымъ обращеніемъ помѣстій, т. е. земель съ казенными крестьянами, дававшихся во временное владѣніе состоявшимъ на службѣ дворянамъ, въ полную собственность тогдашнихъ владѣльцевъ, — уравниемъ, такимъ образомъ, помѣстій съ вотчинами или наслѣдственными недвижимыми имѣніями и представленіемъ исключительно дворянству права владѣть недвижимыми имѣніями съ крестьянами, которыми до тѣхъ поръ пользовались лица разныхъ сословій и цѣлыя корпораціи, какъ напр. города и монастыри (указомъ 1731 г. марта 17-го, и 1758 г. февраля 6-го). При всемъ томъ исключительное право дворянъ владѣть таковыми имѣніями считалось еще, по смыслу закона, въ теченіи всей первой половины XVIII столѣтія какъ бы *условнымъ*, т. е. соединеннымъ съ непремѣнною обязанностью нести государственную службу, — военную или, при неспособности къ оной, гражданскую: за неисполненіе дворянами этой обязанности указано было отбирать вотчины ихъ въ казну; на дѣлѣ, впрочемъ, недвижимыя имѣнія становились все болѣе и болѣе полною собственностью дворянъ.

Окончательное или *безусловное* закрѣпленіе крестьянъ за землевладѣльцами послѣдовало не прежде, какъ во второй половинѣ XVIII столѣтія, въ царствованіе Екатерины II. Оно возникло изъ положительнаго освобожденія дворянскаго сословія отъ обязанности непременно вступать въ государственную службу съ подтвержденіемъ права его покупать деревни, по грамотѣ, данной дворянству 1785 г. 21-го апрѣля *). Дворянскою грамотою сословіе дворянства возвышено было надъ другими сословіями въ государствѣ и условное его дотолѣ право владѣнія недвижимыми населенными имѣніями обратилось въ безусловное: эти имѣнія сдѣлались полною собственностью дворянства. Право собственности дворянъ—владѣльцевъ не только на землю, но и на крестьянъ положительно разъяснено было по возникшему частному вопросу въ сенатскомъ указѣ 1792 г. октября 7-го; въ этомъ указѣ сказано, что «крѣпостные владѣльческіе люди и крестьяне *заключаются и должныствовуютъ заключаться въ число имѣній*, на которыхъ по продажамъ отъ одного другому купчія пишутся и совершаются у крѣпостныхъ дѣлъ, со *взятъемъ въ казну пошлинъ такъ какъ на прочее недвижимое имѣніе*». Слѣдовательно крѣпостные люди къ концу XVIII столѣтія вошли въ составъ недвижимыхъ имѣній, и установленіе крѣпостнаго состоянія изъ административнаго и финансоваго сдѣлалось *юридическимъ*.

Такимъ образомъ установилось въ Россіи крѣпостное состояніе. Слѣдуетъ присовокупить, что какъ при первоначальномъ прикрѣпленіи свободныхъ поселачъ къ помѣщичьей землѣ, такъ и при постепенномъ переходѣ крестьянъ отъ прикрѣпленія къ землѣ къ прикрѣпленію къ лицу помѣщика, сначала условно, а потомъ безусловно, и при окончательномъ чрезъ то обращеніи ихъ въ крѣпостныхъ людей ненарушимо сохранялся главный характеръ русскаго крѣпостнаго права, состоящій въ томъ, что дворянамъ земле-

*) Это освобожденіе первоначально даровано было дворянству Петромъ III по манифесту 1763 г. февраля 12-го, но оно было приоставлено потомъ по указу Екатерины II 1768 г. февраля 11-го.

владѣльцамъ предоставляемо и укрѣпляемо было постепенно право собственности *не на личность крестьянъ, а на крестьянскія повинности*, т. е. на обязательный трудъ крестьянъ въ пользу владѣльца, и что крестьяне, кромѣ повинностей и службы *владѣльцу*, всегда обязаны были повинностями и службою *государству*. Этотъ характеръ удерживался и до реформы въ нашемъ законодательствѣ. Всѣ постановленія, послѣдовавшія по этому предмету какъ въ концѣ XVIII столѣтія, такъ и особенно въ первой половинѣ XIX вѣка, имѣли цѣлью точнѣйшее опредѣленіе крестьянскихъ повинностей и ограниченіе произвола владѣльцевъ относительно личности крестьянъ.

Устанавливаемые съ этой цѣлью правила и формы должны были постепенно подчиняться разнообразнымъ условіямъ, въ которыхъ находилось поземельное владѣніе въ разныхъ частяхъ государства, столь обширнаго и во многихъ отношеніяхъ разнороднаго, какъ Россія; онѣ должны были подвергаться многимъ измѣненіямъ и исключеніямъ для присоединявшихся къ имперіи, въ западной половинѣ и за Кавказомъ, новыхъ областей съ крѣпостнымъ населеніемъ, существовавшимъ тамъ при своихъ мѣстныхъ условіяхъ общественнаго и гражданскаго устройства. Сверхъ того, съ возвышеніемъ уровня общественнаго образованія формы крѣпостнаго права становились болѣе и болѣе мягкими, неправоумѣрность обязательнаго труда и несоотвѣтственность его съ улучшеніемъ крѣпостнаго быта стала пронизывать въ общественное убѣжденіе. Изъ этого всего сложилось и устроилось наконецъ, крѣпостное положеніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно установлено въ „Сводѣ Законовъ“.

Въ этомъ видѣ застало его преобразование, составляющее великій подвигъ настоящаго царствованія, — преобразование, котораго основами были приняты: открѣпленіе крестьянъ отъ личной зависимости землевладѣльцамъ и надѣлъ ихъ землею въ пользованіе, за опредѣленный выкупъ, какъ истинный и дѣйствительный способъ обезпеченія и улучшенія ихъ быта, неразрывно связаннаго съ пользованіемъ

землю, въ теченіе всей исторической жизни крестьянства въ Россіи. Изъ земледѣльцевъ такимъ образомъ крестьяне становились землевладѣльцами, крестьянами-собственниками. «Этакое пришло время», писалъ послѣ манифеста отъ 19-го февраля одинъ изъ бывшихъ крѣпостныхъ, „что все оживаетъ, все въ движеніе приходитъ; что было вещью, то стало нынѣ существомъ, что было безмолвно, теперь стало говорить!“ За крестьянствомъ признаны права свободно-разумныхъ существъ, имѣющихъ свой умъ и волю, которые они, раздѣленные на сельскіе общины и волости, какъ соединеніе общинъ, и заявляютъ на сельскихъ сходахъ по поводу разныхъ сельско-хозяйственныхъ дѣлъ, при выборѣ своихъ властей—сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ—и въ волостномъ судѣ. Короче: крестьяне въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ освободились не только отъ опеки помѣщичьей, но и правительственной, сдѣлались независимыми и отъ администраціи правительственной, и суда правительственнаго, получивъ право выбирать своихъ судей и администраторовъ.

Съ изъятіемъ отъ вѣдѣнія правительственной администраціи и суда крестьянскихъ общинъ, право самоуправленія признано было реформами нынѣшняго царствованія и за болѣе крупными областными и притомъ всеобщими единицами, уѣздами и губерніями съ одной стороны и городами съ другой, причемъ крестьянская реформа послужила какъ бы базой земскихъ учрежденій въ 1864 и городского положенія въ 1870 г. Вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ отъ помѣщичьей и правительственной опеки страна наша вступила на путь децентрализаціи. Эта децентрализація, данная положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ и городскихъ, касается только вопросовъ хозяйственныхъ. Ничего подобнаго до и послѣ-реформенная Россія до нынѣшняго царствованія не представляетъ.

Наше отечество до 1-го января 1864 г. не имѣло земскихъ провинціальныхъ учрежденій. При Іоаннѣ Грозномъ въ первый разъ явились земскія повинности на земскія на-

добности; но эти земскія нужды были совершенно несходны съ тѣмъ понятіемъ о мѣстномъ, которое мы теперь имѣемъ. Это была военно-уголовная полиція, вѣдавшая, такъ-называемыя, *чубныя*, или разбойныя *дѣла*. Земство у насъ являлось не какъ активная сила, а какъ пассивная, податная единица, потому что у насъ были только земскія повинности и очень значительныя, а земства-то и не было. Учрежденія Екатерины II, правда, ввели выборное начало въ уѣздные и губернскіе суды, въ приказы общественнаго призрѣнія, отчасти въ полицію; внослѣдствіи допущены были представители дворянства и губернскаго города въ комитеты дорожный, народнаго здравія, оспенный. Этими мѣрами дѣйствительно отчасти достигалась одна цѣль самоуправленія,—та, что значительное число лицъ въ управленіи губерніей было *мѣстнаго* происхожденія, притомъ одобренныя сословіями. Но судьи, будучи выборными, не были безсмѣнными,—другія выборныя лица дѣлались въ сущности чиновниками правительства. Разница была только въ томъ, что одни чиновники назначались прямо по выбору правительства, а для занятія другихъ мѣстъ сословія представляли кандидатовъ.

Былъ только одинъ органъ самостоятельный, который, будучи представителемъ нуждъ и интересовъ одного сословія, косвенно дѣлался отчасти земскимъ органомъ. Это дворянское общество. По жалованной грамотѣ дворянство, во 1-хъ, стало *земскимъ* губернскимъ классомъ, во 2-хъ, нѣкоторымъ образомъ сдѣлалось легальнымъ представителемъ губерніи въ противоположность губернатору, какъ представителю государства. Держа въ своей крѣпостной зависимости главную массу губернскаго населенія, дворянство служило связью между правительствомъ и народомъ. Давши ему такое положеніе, законъ различными мѣрами въ порядкѣ судебномъ и правительственномъ старался ограничить перевѣсъ дворянства.

Въ теченіи 100 лѣтъ дворянство для страны сдѣлало весьма мало. Между тѣмъ его прежнее положеніе кончилось:

съ освобожденіемъ крестьянъ оно потеряло главное основаніе власти; другія реформы (реформа полиціи, судебная и даже земская) ослабили то искусственное значеніе, которымъ пользовалось дворянство. Не надобно забывать при этомъ и того, что крѣпостнымъ правомъ, монополіей выборныхъ должностей, привилегіями по государственной службѣ, баснословной банковской системой залога непріученное къ труду, дворянство очутилось при великой крестьянской реформѣ въ такомъ положеніи, когда большей части его трудно было перенести переходное положеніе. Ясно, что оно не могло болѣе оставаться исключительнымъ представителемъ земства ни по политическимъ, ни по финансовымъ, ни по умственнымъ условіямъ. Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права было естественно потрясено основывавшееся на немъ областное значеніе дворянства, оказалась пустота во внутренней жизни государства и безъ новыхъ земскихъ учреждений оно пошло бы назадъ къ временамъ Петра Великаго, когда между правительствомъ и отдѣльными единицами не стояло никакихъ организацій. Самые матеріальные интересы правительства также требовали передачи части дѣлъ, имѣющихъ экономическій характеръ, обществу. Русскій законодатель не находилъ въ прошедшемъ не только примѣровъ, даже указаній на элементы для составленія самодѣятельной провинціальной общественной жизни, тѣмъ не менѣе положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ губернія получаетъ полную жизнь *юридическую* и земскія собранія въ предѣлахъ ихъ власти значительную самостоятельность.

Юридическая жизнь состоитъ въ правѣ имѣть собственность, въ правѣ обязательства—занимать, покупать, продавать, вообще вступать въ обязательства, въ правѣ процесса, т. е. быть вездѣ истцомъ и отвѣтчикомъ. Собственность губернская, отличная отъ общинной, частной, государственной, создается государствомъ въ первый разъ. Самостоятельность земскихъ собраній состоитъ въ томъ, что, во 1-хъ, земскія собранія сами судятъ правильности своего состава (ст. 37); во 2-хъ, предсѣдатели земскихъ собраній, хотя и невыборные собраніемъ, но и не

по назначенію короны,—уѣздный предводитель дворянства—лицо выборное, хотя и другимъ „сословнымъ“ собраніемъ; въ 3-хъ, земскія собранія назначаютъ постоянные исполнительные комитеты подъ именемъ *земскихъ управъ*. Далѣе, земскимъ собраніямъ дано право назначать, независимо отъ членовъ управъ, лицъ изъ своей среды для завѣдыванія имуществами и заведеніями, принадлежащими земству. Предметы же вѣдѣнія земства слѣдующія: оно вѣдаетъ имуществами, капиталами и денежными сборами земства, назначеніемъ и раскладкою земскихъ сборовъ, раскладкою иныхъ государственныхъ денежныхъ сборовъ; на немъ лежитъ значительная доля мѣстной строительной части, пути сообщенія, народное продовольствіе, общественное призрѣніе, завѣдываніе взаимнымъ земскимъ страхованіемъ и частью санитарною, попеченіе о развитіи мѣстной торговли и промышленности, участіе въ дѣлахъ по народному образованію, по содержанію тюремъ, завѣдываніе по отправленію разныхъ государственныхъ повинностей; оно избираетъ мировыхъ судей, составляетъ списки присяжныхъ засѣдателей, избираетъ непремѣнныхъ членовъ городскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій; кромѣ того, оно отчасти собственною инициативою расширило предоставленный ему первоначально кругъ дѣлъ. Такъ, оно учреждаетъ земскіе банки, принимаетъ участіе въ сооруженіи желѣзныхъ дорогъ, заводитъ земскія почты. Относительно мѣръ къ предотвращенію заразъ и къ истребленію вредныхъ для посѣвовъ насѣкомыхъ и животныхъ, а также по части пожарной, земскимъ учрежденіямъ предоставлено даже право издавать обязательныя постановленія.—Замѣчательно, что по положенію о земскихъ учрежденіяхъ и духовенство бѣлое въ первый разъ послѣ Петра Великаго является на ряду съ другими сословіями съ земскимъ характеромъ. Въ старой Россіи оно участвовало въ земскихъ соборахъ, въ уѣздныхъ выборныхъ собраніяхъ, но никогда само по себѣ, а только по выбору лицъ другихъ сословій: священники были избираемы, но не были избирателями. Екатерининскія учрежденія, призвавшія къ

участію въ судѣ и управленіи сословныхъ выборныхъ, исключили изъ числа ихъ духовенство; выборныхъ отъ духовенства не было даже въ знаменитой комисіи 1767 г.

Съ тѣмъ же всесословнымъ характеромъ, широкимъ правомъ мѣстнаго самоуправленія и жизнью юридическаго лица является и городъ по городовому положенію 1870 г. Ничего подобнаго ни новая, ни тѣмъ болѣе древняя Россія не представляетъ. Екатерина II придавала большое значеніе «среднему роду людей», т. е. торговопромышленному городскому населенію, „отъ котораго, по ея словамъ, государство много добра ожидаетъ“: городъ, какъ мѣстопребываніе этого „рода людей“ долженъ былъ въ глазахъ императрицы играть очень важную роль въ государственномъ строѣ. Но много добра отъ городовъ и ихъ торговопромышленнаго населенія императрица ждала для государства лишь въ томъ случаѣ, если это населеніе «твердое, на добронравіи и поощренія ко трудолюбію основанное, положеніе получить». А такого-то «твердаго положенія» города при ея восшествіи на престолъ и не имѣли, да не создало его и городовое положеніе 1785 года. Екатерининская шестигласная дума вполне зависѣла отъ администраціи.—Еще раньше Екатерины II думалъ устранить мѣстныя приказныя власти отъ вмѣшательства въ дѣла городскихъ общинъ и объединить все торговопромышленное населеніе Руси въ одно цѣлое, въ одинъ сословный организмъ, Петръ I учрежденіемъ *Бурмистерской Палаты* въ 1699 году, а потомъ, послѣ неудачнаго опыта учрежденія этой палаты, главнаго магистрата, назначеніе котораго состояло какъ въ главномъ завѣдываніи всѣми городами государства, такъ и въ береженіи городскихъ обывателей отъ обидъ всякихъ вѣдомствъ, мѣстныхъ правителей и сильныхъ особъ. Часть судебная, полиція, раскладка и взысканіе податей, городское хозяйство, попеченіе о торговлѣ и ремеслахъ, широкое право ходатайства—все это соединено было въ рукахъ магистрата; „яко главы и начальства всему городу“. Но какъ бурмистерская палата, такъ и главный магистратъ являлись не провинціальными, а „общегосудар-

ственными⁴ и притомъ *сословными* учрежденіями. Магистратъ являлся „главой и начальствомъ“ города, вышедшимъ изъ среды торговопромышленнаго населенія, но состоящимъ на службѣ государственной. Петру I нужна была не автономическая дѣятельность его подданныхъ, а наоборотъ, необходимо было, чтобъ всѣ силы ихъ были прямо или посредственно закрѣпощены государству. Независимо отъ государственныхъ, общественные интересы и цѣли не имѣли въ его глазахъ почти никакой цѣны.

О самоуправленіи общества можно говорить лишь тогда, когда оно, сознавая *свои* потребности и интересы, можетъ удовлетворять ихъ изъ *своихъ* средствъ, пользуясь для этого правомъ *самообложенія* налогами, правомъ самостоятельнаго расходованія собранныхъ суммъ. Никакого намека на это право магистраты не получили. Такое право даровано лишь земству и городу положеніемъ о городскихъ и земскихъ учрежденіяхъ въ нынѣшнее царствованіе. Замѣчательно при этомъ, что тѣ общія законныя рамки, которыя извѣстны подъ именемъ положеній земскаго и городского, земскія и городскія учрежденія призваны наполнить самостоятельнымъ, *ими* выработаннымъ содержаніемъ. Законъ, правительство и общество имѣютъ право рассчитывать именно на силу личной *иниціативы* членовъ собраний и управъ, на ихъ *самодѣятельность*, на ихъ энергію,—словомъ на все то, что дѣлаетъ изъ человѣка творческую силу и отличаетъ его отъ автомата.

Вѣнцомъ реформаціонной дѣятельности нынѣшняго царствованія, призвавшей къ жизни и дѣйствию общественныя здравыя и благонадежныя силы, нужно считать судебныя уставы 20-го ноября 1864 г., давшіе всесословный, гласный, устный и независимый отъ администраціи судъ. Потребность въ правосудіи есть самая глубокая и существенная въ гражданскомъ обществѣ. Народная жизнь, гдѣ стихія права не имѣетъ надлежащаго развитія, неспособна ни къ какому благоустройству и находится въ состояніи варварства и безсилія; все, чѣмъ только дорожить человѣческое общество,

предполагаетъ прежде всего идею законности и обеспечивается ея развитіемъ и осуществленіемъ въ жизни. Законность, однакожъ, какъ великое общественное благо, какъ необходимое условіе всякаго благоустройства, какъ обезпеченіе всего лучшаго въ жизни народа, должна быть понимаема не въ смыслѣ формальностей, которыя плодятся только тамъ, гдѣ нѣтъ законности въ ея истинномъ смыслѣ; и наоборотъ, тамъ всѣ стѣсняющія жизнь формальности исчезаютъ одна за другой, гдѣ это начало законности входитъ въ силу и становится дѣйствительностью. Законность и право становятся дѣйствительностью лишь въ той общественной средѣ, гдѣ есть правильный судъ, и гдѣ судъ есть сила самостоятельная и независимая, имѣющая самостоятельную организацію, которая уважена и обезпечена отъ всякаго посторонняго вмѣшательства. И вотъ такой-то судъ является теперь у насъ впервые, а съ нимъ впервые водворяется въ нашей политической жизни начало законности и права.

При исключительномъ господствѣ административнаго начала въ Россіи, судебная власть не выдѣлялась какъ самостоятельная организація, и новое судебное устройство, которое водворено теперь въ нашемъ отечествѣ, справедливѣе назвать не реформою только или измѣненіемъ прежде бывшихъ учреждений: это есть актъ творческій, есть созданіе новаго, доселѣ небывалаго и преобразующаго цѣлый государственный бытъ страны. Такъ дѣло это задумано и такъ выразилась въ немъ воля Преобразователя. „Возвысить судебную власть“, сказано въ Высочайшемъ указѣ отъ 19-го октября 1864 г. „дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить въ нашемъ народѣ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть руководителемъ дѣйствій всѣхъ и cadaго отъ низшаго до высшаго“. Вотъ какому великому дѣлу положено въ нынѣшнее царствованіе основаніе, вотъ что представляется живущему нынѣ поколѣнію утвердить и ввести въ силу. Только съ точки зрѣнія этого новаго преобразованія рас-

крывается широкая перспектива нашей политической будущности.

Бывшіе доселѣ суды лишь неправильно назывались этимъ именемъ. Дѣйствіе новаго суда не ограничивается только сферою собственно судебныхъ установленій; какъ тонкая стихія, онъ разливается повсюду и всему даетъ новый видъ, новую силу, новое значеніе. Среди нашего общества появилось новое многочисленное сословіе, котораго до сихъ поръ у насъ не было, сословіе судебное, сословіе людей закона, сословіе юристовъ. Судъ, отправляемый публично и при участіи присяжныхъ, дѣлается живою общественною силой, и идея законности и права становится могучимъ дѣятелемъ народной жизни. Судъ независимый и самостоятельный, неподлежащій административному контролю, возвышаетъ и облагораживаетъ общественную среду, потому что чрезъ него этотъ характеръ независимости и самостоятельности мало по малу сообщается и всѣмъ проявленіямъ народной жизни. Только благодаря этому нововведенію то, что называется законною свободой и обезпеченіемъ права, становится уже не словомъ, а дѣломъ. Безъ судебныхъ уставовъ 20-го ноября ни крестьянская реформа, ни реформы земская и городская, выросшія изъ первой, не были бы полны, закончены, достаточно обезпечены.—Никакія общественныя установленія не могутъ развиваться, ни даже пустить корней, если человѣческая личность не обезпечена въ своихъ элементарныхъ правахъ, если, говоря словами Екатерины II, «гражданинъ не имѣетъ спокойствія духа, происходящаго отъ мнѣнія, что всякъ изъ нихъ собственно наслаждается безопасностію».

И такъ вступленіе на престолъ нынѣшняго Государя Императора положило начало для новыхъ общественныхъ отношеній и завершило собою древнюю исторію русской земли. Пробѣгая мыслію своею вѣка, отсчитанныя жизни народовъ, припоминая себѣ все, что сильно и благотѣльно волновало эту жизнь, не видимъ ни одного событія, въ которомъ бы царственная рука служила болѣе человѣческому дѣлу, чѣмъ

та высокая, непоколебимая и благодѣтельная рука, которая дала силу и всемірно-историческое значеніе документу 19-го февраля 1861 г., продиктованному сознаніемъ Державнаго Сердца, сущаго въ руцѣ Божіей. Нашимъ земскимъ собраніямъ, опирающимся съ одной стороны на крестьянскую реформу, съ другой на судебную не достааетъ только права контроля надъ общественными суммами, поступающими въ государственную казну, чтобы быть парламентами въ настоящемъ значеніи этого слова. Празднуя 25-ти-лѣтній юбилей Обожаемаго Государя, юбилей Царя-Освободителя, Россія праздновала свое гражданское воскресеніе, свое освобожденіе отъ ига и произвола древней бюрократіи Россіи, свою свободу отъ ига прежней, старой администраціи и потому весь русскій народъ охотно и вполне подписался бы подъ тѣмъ адресомъ, который поднесли Государю Императору фабричные С.-Петербурга за манифестъ 19-го февраля 1861 года. «Единственный изъ Монарховъ! писали они. Ты со-благоволить день Твоего самодержавнаго воцаренія содѣлать днемъ свободы народной, и мы всѣ знаемъ, насколько въ этомъ дѣлѣ нашего освобожденія принимало участіе Твое вселюбящее сердце. Мы пришли благодарить Тебя за права гражданскія, которыя даровалъ намъ, за жизнь, которую Ты обновилъ для насъ, за наше настоящее счастье, котораго не знали отцы и дѣды наши, за будущее счастье нашихъ дѣтей и внуковъ».

Изъ ряда многихъ другихъ реформъ, совершившихся въ настоящее царствованіе, заслуживаетъ быть выдѣленнымъ цензурный уставъ 1865 г., по которому весьма ощутительно ограничено дѣйствіе предварительной цензуры. Свободнымъ учрежденіямъ нуженъ былъ свободный языкъ; онъ данъ цензурнымъ уставомъ и уже сослужилъ большую службу Русской землѣ. Мало того, что онъ выяснялъ, развивалъ и удерживалъ отъ уклоненія въ крайность, въ ту или другую сторону, всѣ реформы нынѣшняго царствованія, — онъ выработалъ въ Россіи новую общественную силу, которой не знала древняя Россія. Эта сила есть сила общественнаго

мѣнія, сила совершенно новая, указавшая и выяснившая чисто національные, русскіе интересы. Сомнѣвающимся въ существованіи этой силы можно указать на единодушное всеобщее одушевленіе, проявившееся съ такою необычайною силою во время недавней русско-турецкой войны, на ту единую мысль и волю, которая вызвала эту войну, дала самостоятельность Сербіи, автономію Восточной Румелии и жизнь Болгаріи. Такъ-называемый восточный вопросъ начался съ той самой минуты, какъ началась Россія. Самыя первыя преданія нашей исторіи связываютъ насъ съ судьбою тѣхъ странъ и племенъ, надъ которыми виситъ теперь этотъ, такъ называемый, восточный вопросъ. И послѣ, когда Россія вышла изъ того сжатого, разобщеннаго съ историческимъ міромъ состоянія, въ которомъ она находилась послѣ татарскаго погрома, она снова очутилась въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ этимъ племенамъ и странамъ. Ея европейская политика, когда она стала европейскою державою, невольно потянула туда, и тамъ же всего болѣе сторожила ея дѣйствія ревность другихъ державъ. И такъ вопросъ этотъ не есть нѣчто случайное въ Россіи, что можетъ она принимать и не принимать; вопросъ этотъ есть нѣчто прирожденное ей, нѣчто связанное съ ея сущностью. Этотъ вопросъ есть ея внутренняя необходимость, на голосъ которой она не можетъ не отозваться. Пролитвъ на поляхъ и горахъ Болгаріи кровь своихъ сыновъ, она если и не вполне разрѣшила этотъ вопросъ, то твердо его поставила и ясно намѣтила путь, по которому онъ можетъ и долженъ быть разрѣшенъ.

Нравы русскаго общества подъ вліяніемъ реформы Петра.

Допетровское русское общество, благоговѣя къ памяти давно отжившей старины, жило по примѣру отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ и, такимъ образомъ, находилось въ состояніи усыпленія, умственного и нравственного застоя. Смѣлая, энергическая, никогда не знавшая усталы, дѣятельность Петра вывела его изъ этого вѣковаго забытья, разбудила его, дала ему толчекъ и движеніе. Давши новую форму государственной администраціи, Петръ въ то же время старался измѣнить бытовый строй общества и поставить его на новыхъ началахъ, совершенно чуждыхъ тѣмъ, на коихъ покоился доселѣ. Но если съ тѣмъ такъ трудно разстается общество, такъ—это съ своими обычаями, на которыхъ въ теченіи многихъ вѣковъ воспиталось поколѣніе за поколѣніемъ, на которыхъ, по признанію самаго общества, покоилась слава добраго прошлаго времени. Эта обрядовая сторона общественной жизни всего болѣе представляла трудности для реформатора.

Вся жизнь стараго, допетровскаго русскаго общества была проникнута религіозными понятіями. На каждомъ шагу можно было слышать слово „грѣшно“, точно также, какъ нынѣ въ хорошихъ домахъ постоянно слышится „непринято, неприлично“. Если, напримѣръ, грѣхомъ считалось плюнуть въ

огонь, бросить крошку хлѣба, то что ожидало человѣка за куреніе табаку и т. п.? Вѣчное осужденіе и проклятiе. Съ такимъ узкимъ, исключительно религіознымъ, взглядомъ на вещи жило почти все допетровское общество, начиная отъ перваго аристократа-богача до послѣдняго крестьянина-бѣдняка. Но при всемъ благочестивомъ, такъ сказать, аскетическомъ настроеніи тогдашняго общества, нельзя не замѣтить и множества порочныхъ наклонностей, живыхъ свидѣтелей отсутствія всякой образованности. Это страсть къ пьянству, къ азіатской роскоши и семейный деспотизмъ. Русское допетровское общество не искало образованія и не хотѣло его. „Русскіе—пишетъ Котошихинъ—для наученія и обычая въ инія государства дѣтей своихъ не посылаютъ, страшась того, что узнавъ тамошнихъ государствъ вѣру и обычай не начали бы свою вѣру отмѣнять и приставать къ инымъ“ Все образованіе молодыхъ людей ограничивалось умѣньемъ читать душеспасительныя книги. Еще хуже, еще прискорбнѣе было воспитаніе дѣвиць, заключенныхъ въ „терема“, слышавшихъ только духовныя стихи и разнаго рода пѣсни отъ какой либо странницы или приживалки, которыхъ много содѣлалось при каждомъ знатномъ барскомъ домѣ. Русское общество берегло дѣвицу отъ посторонняго мужскаго взгляда. Выходъ ея былъ только въ церковь, но и тутъ въ сопровожденіи нянюшекъ и бабушекъ и подъ непроницаемой фатой. Эту-то самую дѣвушку, которая смотрѣла на свѣтъ божій только подъ фатой, которая не видала чужаго мужчину, вдругъ отдають замужь за человѣка, вовсе ей незнакомаго и котораго она можетъ увидать иногда только при вѣнчаніи. Можно представить какой любви, какихъ супружескихъ отношеній можно было ожидать отъ сведенной и противъ воли повѣнчанной пары! И вотъ среди такихъ-то укорѣннившихся обычаевъ, среди такихъ-то, освященныхъ стариною, семейныхъ понятій, является реформаторъ Петръ. Онъ смотрѣлъ на тогдашняго русскаго человѣка, какъ на дитя, которое сначала не понимаетъ, что дѣлають для него, а впослѣдствіи пойметъ и оцѣнитъ его труды. Выходя отсюда,

онъ издаеть указъ за указомъ, которыми оскорблялась старина, уничтожался деспотизмъ и устанавлиались чековѣческія отношенія въ обществѣ. Въ Западной Европѣ женщина, освобожденная изъ заключенія, принесла самое благодѣтельное вліяніе обществу. Появленіе ея въ обществѣ мужчинъ облагородило послѣднихъ. Мало-по-малу сглаживались сами собою грязныя сцены, грубыя выходки, на которыя отваживался мужчина въ кругу мужчинъ же. Петръ видѣлъ благодѣтельное вліяніе женщины на Западѣ. Съ жаромъ онъ принялся за это дѣло и издалъ указъ, чтобы всюду женщины являлись безъ покрывала и въ нѣмецкомъ платьѣ,

Русская семья была поражена; она съ ужасомъ встрѣтила это нововведеніе. Тогда какъ прежде одинъ взглядъ мужчины на дѣвушку считался непристойнымъ, „грѣшнымъ“, теперь же отецъ обязывался везти на гулянье свою дочь, мужъ—жену, гдѣ чужой вовсе мужчина могъ подходить къ ней и разговаривать, смотрѣть ей въ глаза, брать ея руку и приглашать на танцы. И что еще хуже,—что еще прискорбнѣе, нѣмчинъ, „нехристь“ можетъ разговаривать съ православною дѣвушкою, когда, по понятію старины, даже одинъ взглядъ нехриста-нѣмца оскорбляетъ православіе. Русское общество противилось, но оно имѣло дѣло съ Петромъ. Самъ онъ открываетъ рядъ праздниковъ въ своемъ дворцѣ, на которыя приглашалась вся знать тогдашняго общества съ женами и дочерьми. Такимъ образомъ, волей неволей приглашенный подъ опасеніемъ штрафа долженъ былъ ѣхать на праздникъ. Петръ, видимо, втягивалъ русскихъ въ новую жизнь, будилъ, такъ сказать, ихъ отъ привычнаго сна и заставлялъ поневолѣ веселиться. Смытно пообѣдавшій старый баринъ-аристократъ не прочь бы и поспать послѣ обѣда; но пушечный выстрѣлъ—знакъ отправляться на общественное гулянье—прогоняетъ сладкій сонъ и дремоту.

Придворныя праздники были узломъ, гдѣ завязывалась новая общественная жизнь. Побывавшій на праздникѣ царя долженъ былъ въ свою очередь и самъ приглашать гостей на обѣды и вечеринки. Нѣтъ необходимости передавать

подробности того или другаго праздника, того или другаго торжества, которыхъ въ царствованіе Петра было множество. Всѣ они носятъ одинъ и тотъ же характеръ, имѣютъ одинъ и тотъ же колоритъ. Всѣ они начинались и оканчивались общей попойкой. Берггольдъ, ведая дневникъ такихъ праздниковъ, какъ особенность замѣчаетъ (что, впрочемъ, весьма рѣдко), „что тамъ-то пили мало“. Всего радостіе для Петра былъ день спуска кораблей. На этотъ праздникъ должны были ѣхать всѣ приглашенные, не исключая нѣжныхъ и даже беременныхъ женщинъ. Въ концѣ такого праздника мы встрѣчаемся съ обыкновенной пьяной толпой посѣтителей и приглашенныхъ. Самъ Петръ напивался болѣе обыкновеннаго. Меньшиковъ валяется подъ столомъ и въ безчувствіи увозится домой; Апраксинъ плачетъ какъ ребенокъ, что съ нимъ бываетъ каждый разъ, когда онъ напивается; пьяное духовенство, внушавшее уваженіе своею солидностію, мѣшалось въ толпѣ. По мѣстамъ слышится рѣзкая брань и драка, тамъ два друга клянутся въ вѣчной и неизмѣнной дружбѣ. Мы заглянемъ въ отдѣленіе женщинъ. Тамъ поспокойнѣе, не слышно рѣзкой брани, но тамъ же всѣ уже навеселѣ....

Предъ нами и другое учрежденіе Петра—это ассамблеи, учрежденныя для женщинъ, только что выпущенныхъ изъ заключенія. Въ рядахъ множества съѣхавшихся гостей, можно замѣтить много хорошенькихъ дамъ и дѣвицъ, которыя своею миловидностію поражали иностранцевъ, бывавшихъ также на этихъ вечеринкахъ. Можно было бы думать, что хотя здѣсь обойдется безъ попойки. Напротивъ, присутствіе дѣвицъ не стѣсняло полета „большаго орла“. И потому очень неудивительно, что и здѣсь разыгрывались тѣ же сцены, какія мы видѣли на корабельныхъ праздникахъ. Мало того даже и дѣвицы иногда не избѣгали русской водки, а подъ часъ пили перцовку. Вотъ въ какую среду попала русская благовоспитанная дѣвушка послѣ своего освобожденія. Вотъ въ какой школѣ она должна была учиться жизни, въ первый разъ вырвавшись на свободу!

Правда, общество русское подъ вліяніемъ реформы Петра

много измѣнило старинѣ. Оно волей неволей скинуло свои старыя платья, свои атласные и парчевые кафтаны; дѣвѣнцы, бросивши свои фаты и сарафаны, стали являться въ обществѣ безъ покрывала и въ платьяхъ послѣдней моды. Но при всемъ этомъ внѣшнемъ европейскомъ лоскѣ нельзя не замѣтить пестрой смѣси иностраннаго съ русскимъ, двухъ, такъ сказать, элементовъ, не успѣвшихъ еще сжиться и слиться въ одну гармоническую форму. Еще много было старинны, патриархальной церемонности, уваженія къ роду и азіатской роскоши. Самъ Петръ былъ скупъ для себя, но любилъ роскошь въ своихъ приближенныхъ. Выѣздъ напримѣръ Меншикова, Ромодановскаго и другихъ былъ чѣмъ то въ родѣ торжества. Предъ каретой и за ней бѣжали скороходы и трубачи. Все еще напоминало стараго русскаго барина, напоминало старину. Сквозь этотъ французскій кафтанъ такъ и сквозить широкая подгулявшая русская натура. Рядомъ съ музыкой появлялась на сцену толпа юродивыхъ и приживалокъ, которые по данному хозяиномъ знаку потѣшали честныхъ гостей кривляніями, пляскою и пѣніемъ пѣсенъ не всегда скромнаго содержанія. Благородныя удовольствія какъ то не давались русскимъ. Музыка также тихо прививалась къ нашему обществу и мало находила себѣ сочувствія даже и въ женщинахъ. Изъ временъ Петра только и можно указать на три или четыре личности, которыя не дурно играли. Это были: Головина, Черкасская и Кантемиръ. За то всѣ наши дамы очень легко выучились танцовать и танцовали на ассамблеяхъ до упаду. Правда, Берхгольцъ, описывая русскія аристократокъ, удивляется, что онѣ такъ скоро переѣнились къ лучшему, что даже трудно отличить отъ французенокъ и нѣмокъ. Но этотъ панегирикъ дамамъ петровскаго времени идетъ только къ нѣкоторымъ изъ нихъ, въ приложеніи же къ большинству онѣ не выдерживаютъ всей силы. Выпущенныя изъ заперти, онѣ конфузились на каждомъ шагу, не смѣли говорить съ мужчинами кромѣ „да“ или „нѣтъ“. Къ женщинѣ велѣно было оказывать особое уваженіе. За неисполненіе реверанса предъ нею на ас-

самблеѣ виновнаго ожидалъ штрафъ, извѣстный подъ именемъ „большаго орла“. Вслѣдствіе этого мужчина, встрѣтивъ на улицѣ знакомую даму, соскакиваетъ съ своей коляски, съ обнаженной головой подходитъ къ красавицѣ, чтобы коснуться губами ея пальцевъ. Но тутъ же встрѣчаемъ и деспотическое отношеніе мужа къ женѣ, буквальное исполненіе заповѣди Домостроя. Для насъ на этотъ разъ очевиднымъ и интереснымъ доказательствомъ можетъ служить процессъ Долгорукова и Салтыкова, когда одинъ изъ нихъ былъ челомъ на другаго за то, что тотъ жестоко бьетъ свою жену и варварски обращается съ нею. Съ другой стороны рядомъ съ домостроевымъ отношеніемъ мужа къ женѣ, мы видимъ эмансипацію послѣдней. Не получившая нравственнаго развитія, выпущенная на волю русская женщина попала въ такое общество, которое смотрѣло на нее, какъ на орудіе къ удовлетворенію страстей, и которое встрѣтило ея появленіе пьянствомъ и разными грязными сценами. И потому она естественно ударилась въ развратъ. Свинувши парчевые сарафаны и одѣвшись по послѣдней модной картинкѣ, русскія красавицы стали болѣе заниматься собою, вдругъ почувствовали влеченіе нравиться и перещеголять одна другую. Отсюда болѣе и болѣе стала развиваться любовь къ модѣ и придворныя франтихи, не имѣя средствъ одѣваться и украшаться по послѣдней модѣ, стали воровать платья и брилліанты изъ царицына гардероба. Между франтами и франтихами завязались сношенія, происходившія особенно въ аллеяхъ петровскаго дворца. Не жалуя нѣмцевъ, конфузясъ передъ ними, русскія дамы симпатично, если не болѣе, относились къ царскимъ деньщикамъ, въ кругу которыхъ онѣ чувствовали себя на своемъ мѣстѣ. Въ большомъ количествѣ стали появляться подкидыши, такъ что Петръ вынужденъ былъ построить воспитательный для нихъ домъ. Характеристикой этой эпохи можетъ служить процессъ фрейлины царской Гамильтонъ.

Впрочемъ было бы несправедливо утверждать, что такая нравственная порча произошла отъ реформы Петра. Мы уже

знаемъ какъ высока была нравственная развитость всего общества, куда явился Петръ съ своей реформой. Записки Котошихина и Желябужскаго не совсѣмъ говорятъ въ пользу нравственной безукоризненности своихъ современниковъ. Петръ вводилъ новые порядки, пересаживалъ на русскую почву западную цивилизацію, но принести плоды оной представлялось дальнѣйшему времени. Усваивая только внѣшній лоскъ европейскій, большинство еще было такими же въ душѣ, какими были и до Петра. Не могли русскіе такъ скоро переварить иноземнаго и разстаться съ своимъ роднымъ. И потому царствованіе Петра было только переходнымъ временемъ отъ стараго къ новому, временемъ внутренней борьбы отечественнаго съ иноземнымъ. И уже вскорѣ послѣ Петра чувствуется невольное склоненіе общества къ иноземному и отсюда слитіе роднаго и чужаго въ одну общественную форму.

П. Павловъ.

23-го Октября. 1879 г.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

„ЕВРЕЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ. Т. VIII. Цѣна 2 р. 50 к.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Моисей Мендельсонъ. По поводу его 150-лѣт. юбилея. В. Ф. Корша.—II. Къ вопросу о враждѣ между евреями и другими народами. Профессора М. Г.—III. Историческій очеркъ мѣръ водворенія между евреями земледѣльческаго труда. М. Мыша.—IV. Баронъ Шмуль. Разсказъ Францоza. Пер. П. Вейнберга.—V. Халил I-й, Громовержецъ. Картинки недавняго прошлаго. С. С.—VI. Современное her! her! Джоржа Элмста.—VII. Ошейникъ. Стихотвореніе. М. С. Абрамовича.—VIII. Сообщенія о казарахъ. А. Я. Гаршави.—IX. А. Б. Лобенсонъ. Его литературная дѣятельность и значеніе для русскихъ евреевъ. Л. О. Гордона.—X. На ашціонерномъ вечерѣ. Отрывокъ. Ула.—XI. Изъ Іезекиля. Стихотвореніе. М. С. Абрамовича.—XII. Императоръ Александръ I и корчмарь Гирша. Историческій курьезъ. —она—она.—XIII. О правѣ евреевъ пріобрѣтати недвижимыя имѣнія въ западномъ краѣ. М. П. Шафира.—XIV. Литература по исторіи евреевъ за последнее десятилѣтіе. Д-ра М. Найзерлинга.—XV. Обзоръ древне-еврейской литературы. Бенъ-Юсифа.—XVI. Дѣло Алленберга.—XVII. Антисемитическая лига. Э. Н. Ватсона.—XVIII. Матеріалы по исторіи евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ. Сообщилъ С. А. Бершадскій.—XIX. Еврейская періодическая печать и литературные сборники. А. Я. Гаршави.—XX. Объявленія.

Выписывающіе отъ издателя, А. Е. Ландау (Площадь Бол. Театра, № 2); за пересылку не платятъ.

Объявленія для помѣщенія въ „Еврейской Библиотекѣ“ принимаются по слѣдующей таксѣ: за страницу 15 р., за $\frac{1}{2}$ стр. 8 р., за $\frac{1}{4}$ стр. 4 р.

Въ книжномъ складѣ при типографіи А. Е. Ландау

(С.-Петербургъ, Площадь Больш. Театра, 2)

и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія книги:

Еврейская Библиотека. Историко-литературный сборникъ. Т. Т. I—VIII. Цѣна каждому тому 2 р. 50 к. Выписывающіе всѣ восемь томовъ отъ издателя платятъ съ пересылкою 16 р.

Еврейское Племя. Столѣтіе эманципации евреевъ. Цѣна 1 р. 25 к.
Талмудъ. Соч. библіотекаря британскаго музея, Эм. Дейтша. Изд. второе. Ц. 50 к.

О книгѣ нагала. Соч. И. И. Шершевскаго. Цѣна 50 к.

Евреи и ихъ ученіе объ иновѣрцахъ. Д. И. Фликседера. Цѣна 1 р. 50 к.
Мендель Гибборъ. Фейгеле Маггидъ. Повѣсти А. Бернштейна. Цѣна 1 р.
Очерки прошлаго. Л. О. Леванды. Цѣна 1 р.

Русское законодательство о евреяхъ. И. Г. Оршанскаго. Ц. 2 р.

Евреи въ Россіи. И. Г. Оршанскаго. Ц. 2 р.

Выписывающіе всѣ вышеобозначенныя изданія изъ нашего склада платятъ съ пересылкою 25 рублей.

Урлея Аноста. Трагедія К. Гудцова. Пер. Петра Вейнберга. Цѣна 75 к.

О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ. Соч. проф. Д. Хвольсона. Изд. 2-ое. Ц. 1 р.

Записки Еврея. Г. И. Богрова. Ц. 3 р.

— Тоже на нѣмецкомъ языкѣ, 2 части. Ц. 4 руб.

Еврейскій манускриптъ. Г. И. Богрова. Ц. 1 р. 50 к.

Употребляютъ ли евреи христіанскую кровь. Проф. Д. Хвольсона. Ц. 20 к.

Объ употребленіи евреями христіанской крови для религіозныхъ цѣлей. Протоіерея В. Протопопова. Ц. 10 к.

Tragikomisches aus dem Leben. H. Scharif. Ц. 75 к.

О биржахъ. Л. Н. Нисселловича. Ц. 1 р.

Кредитъ, банки и денежное обращеніе. И. И. Кауфмана. Цѣна 4 р. 50 к.

Гигіена волосъ. Соч. д-ра Пинкуса. Ц. 40 к.

Европейскіе классики съ примѣчаніями, объяснительною статьею и біографіею. Переводъ подъ редакціей Петра Вейнберга.

Выпускъ I. Гете. Ифигенія въ Тавридѣ. — II. Шекспиръ. Коріоланъ. — III. Мольеръ. Скупой. — IV. Данте. Адъ. — V. Шиллеръ. Пѣсьнъ о колоколѣ. Баллады. Лагерь Валленштейна. — VI. Шериданъ. Школа злословія. — VII. Софокль. Эдипъ-Царь. — VIII. Байронъ. Мазепа. Шиллонскій узникъ и др. Цѣна каждому выпуску 50 к.

Выписывающіе изъ нашего склада за пересылку не платятъ.

Разбирая малороссійскія пѣсни, изданныя М. Максимовичемъ, Шевыревъ отчасти знакомить насъ съ его взглядомъ на народную словесность. Онъ упрекаетъ современныхъ филологовъ за безучастіе къ изданію произведеній народной словесности. «Какъ до сихъ поръ, говоритъ онъ, мы не спѣшимъ уловить Русскія пѣсни, столь родныя нашему сердцу, которыя, можетъ быть, скоро унесетъ съ собою на вѣки старое поколѣніе». По его мнѣнію, въ этой поэзіи лучше всего выражается духъ народа. Взгляды, подобныя высказаннымъ Шевыревымъ, на народную словесность, къ сожалѣнію, очень рѣдко встрѣчались въ современной литературѣ.

Взглядъ Шевырева на французскихъ писателей 18 стол., на нѣмецкую литературу, на Шекспира былъ очень вѣренъ. Онъ хорошо понималъ достоинства и недостатки французскихъ драматическихъ писателей 18 ст., но еще лучше, кажется, понималъ характеръ нѣмецкихъ классиковъ прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Значеніе Винкельмана, Клопштока, Виланда, Гердера, Лессинга онъ, между прочимъ, опредѣлялъ такимъ образомъ: «Винкельманъ разгадалъ тайну древняго искусства. Клопштокъ, религіей одушевившій свою музу, развилъ въ своей поэзіи весь великолѣпный міръ христіанскій, всѣ его возвышенныя мысли, его небо, населенное милліонами Херувимовъ, его адъ, кипящій тьмами духовъ погибшихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ Германцамъ, какой степени силы и величія можетъ достигнуть ихъ языкъ, отъ природы грубый, но богатый. Почти въ то же время Виландъ воспользовался сокровищами Миеологіи Сѣверной, успѣлъ счастливо сочетать въ своей поэзіи готическія красоты Романтизма съ прелестями искусства древняго и усвоилъ языку Германскому другія свойства, не менѣ важныя: легкость, свободу, сладкозвучіе».

«Многосторонній Гердеръ распространилъ свѣтъ чистой Философіи, основанной на религіи, на исторію и поэзію. Преданія, сохранившіяся въ легендахъ христіанскихъ, внушили ему много произведеній поэтическихъ. Лессингъ внесъ свѣтильникъ критики въ Словесность Германскую, и съ по-

мощію ея сталъ очищать вкусъ, отклонять вредное вліяніе школы Французской и возрождать чистый духъ Поэзіи Романтической».

«Симъ-то двумъ мужамъ въ особенности обязана Германія присвоеніемъ великаго поэта Англіи Шекспира. Странная участь Генія! Уже истекало почти два вѣка, какъ могучій духъ его, никѣмъ не замѣченный, никѣмъ не постигнутый, бездѣйственно, праздно покоился въ своихъ великихъ твореніяхъ. Сей исполинъ прошелъ по землѣ въ темныя времена невѣжества; французы не поняли его и видѣли въ немъ какое-то готическое чудовище. Сему-то гиганту, перешагнувшему черезъ два вѣка, назначено было оплодотворить поэзію Германскую, дать характеръ искусству XIX вѣка и образовать Гете и Шиллера. Шекспиръ сдѣлался народнымъ поэтомъ въ Германіи: нѣмцы его болѣе себя усвоили, чѣмъ сами Англичане» *.

Говоря о Шекспирѣ, Шевыревъ ставилъ ему въ великую заслугу, между прочимъ, то, что онъ началъ великій подвигъ сближенія искусства съ исторіею, съ жизнію: онъ первый, по его словамъ, сталъ представлять въ драмѣ не одну какую нибудь страсть, не одно отдѣльное чувство или высокую мысль души человѣческой, какъ то было въ искусствѣ древнемъ и вообще классическомъ, но всего человѣка, какъ онъ есть, съ его сложными, запутанными страстями, съ его высокими мыслями, чувствованіями и проч. «Онъ первый далъ право требовать отъ Поэта глубокаго познанія не только души съ ея страстями, но всего человѣка, и физическаго, и нравственнаго».

Такіе вѣрные взгляды не особенно часто встрѣчались въ русской журналистикѣ 20-хъ годовъ по отношенію къ великимъ западнымъ писателямъ. Приведемъ въ заключеніе еще нѣсколько строчекъ, характеризующихъ взглядъ Шевырева на Шекспира, а также и манеру его изложенія. Разбирая трагедію «Отелло, Мавръ Венеціанскій», Шевыревъ, между

* М. Вѣстникъ, 28 г., ч. 12, стр. 112—113.

прочимъ, писалъ слѣдующее: «Высокія его (Шекспира) идеи навсегда остаются наслѣдіемъ потомства и становятся неисчерпаемымъ источникомъ для художниковъ всякаго рода. Изъ поэмъ Омира сколько произошло статуй, картинъ, храмовъ, поэмъ и трагедій! Такъ и драмы Шекспировы послужили запасомъ для многочисленныхъ произведеній разнаго рода. Предметы сихъ драмъ сдѣлались всемірными: всѣ народы образованные себѣ ихъ усвоили. Имена: Ромео, Юлія, Отелло, Гамлетъ, Леаръ. Макбетъ, Ричардъ превратились въ имена нарицательныя. Какая причина такому вліянію Шекспира? Какою магическою силою проникнуты сія имена, прославленные его гениемъ? Сія причина заключается въ томъ, что лица, носящія сія имена, суть прототипы всего человѣчества или образцы, по которымъ оно создано. Если бы древніе прочли трагедіи Шекспировы, они вѣрно изобрѣли бы преданіе о новомъ Прометѣѣ. Нѣтъ, они съ изумленіемъ сказали бы, что Шекспиръ выше Прометея. Послѣдній проникъ въ лабораторію планеты и похитилъ огонь изъ подъ рукъ Зевесовыхъ; Шекспиръ проникъ въ лабораторію человѣчества и похитилъ оттолѣ первозданныя формы онаго. Трудно рѣшить: на какую казнь сей высокій тать осужденъ бы былъ строгими богами древности?»

«Не боги древности отмстили дерзновенному Шекспиру, а деспотическій классицизмъ, все исключаящій, кромѣ своей власти и своихъ правилъ. Онъ поругался надъ великимъ и прототипы его употребилъ на созданіе куколъ; свободнаго гражданина Романтизма заключилъ въ тѣсную темницу единства времени и мѣста; сковалъ его оковами рѣшмы и исполнискія силы генія истощилъ строгою діетою своей жертвой теоріи. Такія истязанія стоятъ Прометеевыхъ» *.

Въ ряду различныхъ дѣятелей начала нынѣшняго столѣтія видное мѣсто занимаютъ путешественники, посѣщавшіе разныя земли съ научною или практическою цѣлью. Названное время было чрезвычайно богато самыми плодотворными

* „Московскій Вѣстникъ“ 28 г., ч. 9, стр. 417—418.

путешествіями и весьма важными открытіями въ области географіи. Многимъ обязана имъ наука землевѣдѣнія. Въ ряду названныхъ путешественниковъ мы встрѣчаемъ Франклина Парри, Скоресби, Гумбольдта, Ленга, Клапертона, Дюмонъ, Дюрвиля, Врангеля, Крузенштерна, Головнина, Литке, Кодебу, Беллинггаузена, Лазарева, Васильева, Хромченко и многихъ другихъ. Въ мыслящей части общества путешествія ихъ возбуждали сильный интересъ; но и для менѣ развитой части читателей описанія ихъ были занимательны, такъ какъ во многихъ изъ нихъ рисовались яркія картины различныхъ опасностей, которымъ подвергались путешественники, и сообщались интересныя свѣдѣнія о мало извѣстныхъ странахъ и народахъ. Вотъ почему мы находимъ въ журналахъ 20-хъ годовъ много свѣдѣній, касающихся названныхъ путешествій. Первое мѣсто между этими журналами занимаетъ въ названномъ отношеніи «Сѣверный Архивъ». Особенно подробно были въ немъ свѣдѣнія, касавшіяся путешествій въ полярныя страны. Между путешественниками чаще всего встрѣчались имена Франклина и Парри. Къ нимъ мы прежде всего и обратимся.

Журнальныя статьи 20-хъ годовъ, касающіяся путешествій знаменитаго англійскаго капитана Франклина, пропавшаго безъ вѣсти во время его послѣдняго путешествія въ 40-хъ годахъ, богаты не столько взглядами на значеніе этихъ путешествій, сколько фактическими свѣдѣніями. Имѣя это въ виду, обратимся къ первому самостоятельному путешествію Франклина, совершенному имъ въ 1819—1822 г. къ берегамъ Ледовитаго океана. Цѣль этой экспедиціи состояла въ томъ, чтобы, достигнувъ береговъ Сѣверной Америки сухимъ путемъ, опредѣлить сѣверныя ея границы и направленіе береговъ. Франклинъ отправился въ путешествіе 7-го сентября 1819 года, изъ факторіи Юркъ, въ со товариществѣ Ричардсона, Бека и Гуда, „сопровождаемый нѣсколькими жителями Оркадскихъ острововъ“, нанятыми для управленія судами на рѣкахъ, чрезъ которыя нужно было плыть. Проплывъ на судахъ нѣсколько рѣкъ, экспедиція

вошла въ озеро Виннипегъ, но вскорѣ должна была продолжать путь сухимъ путемъ. Лѣса по берегамъ рѣкъ и озеръ были объаты пламенемъ, вслѣдствіе того, что туземные жители имѣли обыкновеніе зажигать ихъ для удаленія волковъ и уменьшенія холода. Послѣ долгаго и труднаго путешествія, экспедиція, наконецъ, прибыла въ укрѣпленіе Кумберлендъ, построенное на берегу величественнаго озера. Здѣсь она провела зиму 1819 года. Въ іюнѣ 1820 года она отправилась далѣе и 29-го іюля прибыла къ Невольничьему озеру, а 1-го сентября достигла уже Мѣдной рѣки. Усталость людей, долженствовавшихъ перетаскивать лодки и тяжести на плечахъ, при переправѣ изъ одной рѣки въ другую, и недостатокъ лѣса причиняли большія затрудненія. Наступленіе зимы принудило Франклина остановиться на зимовку, для чего было выбрано мѣсто въ небольшомъ сосновомъ лѣсу, среди обширныхъ пустынь. Мѣсто это было названо укрѣпленіемъ *Предпріятія*. Здѣсь Франклинъ оставался до 14-го іюля 1821 г. Затѣмъ экспедиція направилась вдоль берега Полярнаго моря, которое оказалось свободнымъ отъ льда. Послѣднее обстоятельство укрѣпило Франклина въ мысли о возможности для его друга Парри найти сѣверозападный путь къ Берингову проливу. Стада оленей и множество рыбы могли, по предположенію Франклина, дать богатый запасъ пищи экспедиціи Парри. Думая о другихъ, Франклинъ долженъ былъ подумать и о себѣ. Около половины августа, за недостаткомъ пищи, онъ долженъ былъ возвратиться къ укрѣпленію Предпріятія. Наступила самая бѣдственная пора для экспедиціи. Припасы истощались, дровъ не доставало, движеніе по снѣжнымъ пустынямъ было чрезвычайно затруднительно. Долгое время мохъ составлялъ единственную пищу путешественниковъ. Вонючей шкурѣ растерзанной волками лани радовались, какъ самому дорогому и вкусному блюду. За неимѣніемъ этого шли въ дѣло и старые башмаки. У Мѣдной рѣки экспедиція раздѣлилась, и одна часть отправилась впередъ раньше другой. Достигши укрѣпленія, первая изъ нихъ нашла его въ самомъ жал-

комъ состояніи. Въ немъ не оказалось никакихъ слѣдовъ запасовъ, которые были оставлены на случай возвращенія. Пришлось довольствоваться шкурами и костями, оставшимися отъ прежней стоянки въ укрѣпленіи. Оставшейся же части отряда пришлось испытать еще худшее. Одинъ изъ отставшихъ членовъ экспедиціи, нѣкто канадскій стрѣлокъ Мишель, объявилъ своимъ товарищамъ, что во время охоты онъ нашелъ не далеко отъ мѣста стоянки часть убитаго волка, которую представляетъ имъ. Но вскорѣ всѣ убѣдились, что названная часть принадлежитъ вовсе не волку, а одному убитому члену экспедиціи. Не было нисколько сомнѣнія, что убитъ онъ былъ Мишелемъ. Вскорѣ совершенно было имъ другое преступленіе: имъ былъ убитъ вѣстрѣломъ изъ ружья одинъ изъ самыхъ видныхъ членовъ экспедиціи, Гудъ, спокойно грѣвшійся передъ огнемъ у палатки Мишеля. Улики были ясны, но по какому-то странному обстоятельству Мишель былъ оставленъ товарищами безъ наказанія и на свободѣ. Одежда же Гуда, состоящая изъ буйволовои кожи, была ими сварена и съѣдена. Между тѣмъ Мишель сталъ вести себя наконецъ до такой степени странно, что его стали опасаться. Не желая, чтобы повторилась исторія, случившаяся съ Гудомъ, докторъ Ричардсонъ рѣшился наконецъ покончить съ опаснымъ товарищемъ. Отправившись однажды съ нимъ на охоту и замѣтивъ, что и для него коварнымъ образомъ готовится участь Гуда, Ричардсонъ, давъ удалиться Мишелю на нѣсколько шаговъ, прострѣлилъ ему голову изъ пистолета. Когда въ укрѣпленіи собрались всѣ оставшіеся члены экспедиціи, они представляли группу живыхъ мертвецовъ. На костяхъ оставалась одна кожа, зрачки расширились, охрипшіе голоса издавали какіе-то дикіе звуки. Небольшая кучка экспедиціи замѣтно таяла. Въ отчаяніи одинъ изъ ея членовъ Гепбурнъ, обратившись къ своимъ товарищамъ, замѣтилъ: „Если намъ когда и удастся возвратиться въ Англію, я сомнѣваюсь, чтобы мы опять пришли въ разсудокъ“. Наконецъ явились въ укрѣпленіе индѣйцы, которыхъ давно ожи-

дали, и которые должны были доставить съѣстныхъ припасовъ. Подкрѣпивъ изнуренныя силы, экспедиція могла продолжать путь. Вышедши изъ укрѣпленія, она скоро прибыла по рѣкѣ Винтеръ въ лагерь дружественныхъ индѣйцевъ. 14-го іюля 1822 года она достигла, наконецъ, и факторіи Торкъ.

Не менѣе замѣчательно было путешествіе, совершенное въ 1821—23 г. капитаномъ Парри для отысканія сѣверо-западнаго пути изъ Атлантическаго океана въ Великій посредствомъ Беринговаго пролива. Во всѣхъ современныхъ европейскихъ журналахъ помѣщались извѣстія, касавшіяся этого путешествія. „Сѣверный Вѣстникъ“ былъ переполненъ статьями, касавшимися экспедиціи Парри. Къ сожалѣнію, экспедиція Парри не достигла своей главнѣйшей цѣли. Благодаря ей, были только точнѣе опредѣлены сѣверные берега Америки и обогащены физическія и естественныя науки наблюденіями, а также получено было болѣе короткое знакомство съ жизнью эскимосовъ. Тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ современныхъ путешествіяхъ иностранныхъ журналовъ долгое время разглашались слухи, что русскіе промышленники видѣли капитана Парри въ Беринговомъ проливѣ, съ торжествомъ возвращавшагося изъ своей экспедиціи. Въ Гамбургской газетѣ и въ „Journal des Voyages“ даже было объявлено, что извѣстный путешественникъ Крузенштернъ писалъ объ этомъ въ Парижъ. Это обстоятельство побудило послѣдняго заявить печатно, что онъ никогда и никому не писалъ объ этомъ.

Журналами 20-хъ годовъ было обращено большое вниманіе на путешествіе капитана Скоресби въ Гренландію. Цѣль этой экспедиціи была двоякая: имѣлись въ виду китовый промыселъ и научныя открытія. Описаніе этого путешествія, принадлежащее Скоресби *, представляетъ много интереснаго. Онъ хорошо знакомитъ съ природой названной страны. Скоресби говорятъ, что растительное богатство страны пре-

* См. отрывки изъ него въ „Сѣверномъ Архивѣ“.

взошло его ожиданіе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ видѣлъ траву величиной по поясъ. Особенно богата была природа въ долинахъ. Это богатство дало возможность Скоресби собрать до 40 видовъ различныхъ растений. Особенно хороши были, по его словамъ, *galunculus nivalis*, *saxifraga cernua* и нѣкоторыя другія. Изъ млекопитающихъ животныхъ встрѣчались олени, зайцы, особаго рода мыши; изъ птицъ—гуси, куропатки, пугалицы, галки; изъ насѣкомыхъ—бабочки, комары, тараканы. Въ одномъ мѣстѣ даже былъ найденъ борть съ пчелами. Относительно климата Скоресби замѣчаетъ, что лѣтомъ жаръ доходитъ до чрезвычайно высокой степени. Засушенная зноемъ трава загоралась отъ прикосновенія фитиля. Жителей Скоресби не видѣлъ, но во многихъ мѣстахъ встрѣчались слѣды человѣческаго пребыванія. Встрѣчались мѣстами хижины, обломанныя кости съ просверленными дырами, могилы съ скелетами. Путешествіе Скоресби было чрезвычайно плодотворно для науки. Онъ сдѣлалъ для знакомства съ названной страной больше, нежели всѣ другіе путешественники въ продолженіе 160 лѣтъ. Интересны свѣдѣнія, сообщаемыя Скоресби о различныхъ метеорологическихъ явленіяхъ. Онъ видѣлъ, на примѣръ, „корабли въ облакахъ въ обратномъ положеніи, тѣни, безъ тѣлъ, мнимые берега, нѣсколько солнцевъ въ одно время, разнovidныя сѣверныя сіянія“, и т. д. Въ водѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ видѣлъ безчисленное множество микроскопическихъ животныхъ, которыя окрашивали поверхность воды въ желто-зеленый цвѣтъ. Въ одной каплѣ, по его разсчету, ихъ должно было находиться до 26,000.

Обратимся къ русскимъ путешественникамъ. Здѣсь мы видимъ рядъ славныхъ именъ, видимъ рядъ лицъ, которыя займутъ почетное мѣсто въ исторіи географическихъ открытій. Первая четверть нынѣшняго столѣтія была обильна путешествіями. Въ продолженіе двадцати лѣтъ было отправлено изъ кронштадскаго порта въ русскія американскія колоніи *семь* кругосвѣтныхъ экспедицій *. Первое изъ этихъ

* Всѣ—Россійско-Американскою Компаніею.

путешествій было совершено подъ начальствомъ Крузенштерна. Главная цѣль экспедиціи состояла въ доставленіи пособій колоніямъ и открытіи торговли съ Китаемъ и Японією. Всѣ послѣдующія экспедиціи имѣли въ виду поддержаніе колоній, посредствомъ снабженія ихъ необходимыми предметами. Въ ряду лицъ, которымъ было ввѣрено начальство при этихъ экспедиціяхъ, мы встрѣчаемъ Лазарева, Гагемейстера, Панафидина. Описанія всѣхъ этихъ путешествій были изданы въ свое время и сообщили немало новаго касательно мѣстностей, которыхъ имъ пришлось коснуться. Кроме названныхъ кругосвѣтныхъ путешествій, замѣчательны еще въ первой четверти нынѣшняго столѣтія такія же путешествія, совершенныя Беллингаузеномъ, Головиннымъ, Васильевымъ, Коцебу и Литке. Беллингаузенъ вмѣстѣ съ Лазаревымъ плавалъ по Южному океану и открылъ до 36 острововъ, Васильевъ сдѣлалъ нѣсколько важныхъ открытій на сѣвѣрѣ, Головинъ исправилъ на картѣ географическое положеніе Американскихъ острововъ и съ большою подробностью описалъ колоніи Россійско-Американской Компаніи, Коцебу, участвовавшій въ экспедиціи, отправленной на счетъ канцлера графа Румянцева, для отысканія прохода изъ Камчатки къ Арктическому полюсу, открылъ много острововъ, Литке весьма точно описалъ берега Охотскаго и Берингова морей. Изъ другихъ путешественниковъ названнаго времени замѣчательны также Врангель, извѣстный, между прочимъ, своимъ путешествіемъ къ берегамъ Сибири. Изъ путешествій Литке, кроме названнаго, замѣчательны его плаванія къ берегамъ Новой Земли.

О всѣхъ этихъ путешествіяхъ и путешественникахъ мы встрѣчаемъ извѣстія въ журналахъ 20-хъ годовъ, и преимущественно въ „Сѣверномъ Архивѣ“. Въ этихъ сообщеніяхъ встрѣчаются интересные факты, которые мы здѣсь и представимъ. Для этого мы выбираемъ путешествія Головина, Беллингаузена, Коцебу, Врангеля и Литке.

Путешествіе вокругъ свѣта капитана Головина было совершено по повелѣнію Императора Александра 1817—19 г.

Онъ былъ отправленъ въ Сѣверовосточный океанъ 1) для доставленія въ Камчатку и Охотскій Портъ разнаго рода снарядовъ и припасовъ, которые по отдаленности мѣста труднѣе было бы привести сухимъ путемъ, 2) для обозрѣнія колоній Россійско-Американской Компаніи и 3) опредѣлить положеніе острововъ, лежащихъ близъ сѣверозападнаго берега Америки. 26-го августа 1817 г. Головиннъ отправился изъ Кронштадта въ путь. 10-го сентября онъ прибылъ въ Портсмутъ, гдѣ запасся сѣстными припасами, свѣжею водою и разными учеными пособіями. Изъ Портсмута онъ отправился въ Рио-Жанейро, въ Бразилію, откуда, запасшись всѣмъ нужнымъ, направилъ путь въ портъ Каллао, въ 10 верстахъ отъ Лимы. Пробывъ здѣсь десять дней, Головиннъ пустился къ сѣверу и 2-го мая 1818 года вошелъ въ Авачинскую губу, совершивъ путешествіе до Петропавловской гавани въ 8 мѣсяцевъ и 8 дней. Сложивъ грузъ, Головиннъ 19-го іюня отправился для опредѣленія положенія острововъ, лежащихъ близъ сѣверозападнаго берега Америки. Во время этого обозрѣнія онъ замѣтилъ нѣкоторыя неправильности въ картѣ капитана Лисянскаго, вслѣдствіе которыхъ едва не подвергнулся кораблекрушенію, и которыя могли принести большой вредъ и другимъ мореплавателямъ. Далѣе, Головиннъ посѣтилъ Ново-Архангельскъ, крѣпость Россъ, городъ Монтерей и затѣмъ отправился въ обратный путь, причемъ останавливался у острововъ Сандвичевыхъ, Маріанскихъ и Филиппинскихъ, св. Елены, Вознесенія и Азорскихъ. 20-го іюля онъ бросилъ якорь въ Кронштадтѣ, совершивъ кругосвѣтное плаваніе въ 2 года и 10 дней. Въ описаніи Головинна очень интересны замѣчанія о Бразиліи, Лимѣ, Перу, Камчатской области, островахъ и селеніяхъ Россійско-Американской Компаніи и Калифорніи, а также извѣстія о названныхъ выше островахъ. Въ своемъ описаніи Головиннъ руководствовался одною истиною, и оно должно занять одно изъ очень видныхъ мѣстъ между описаніями когда либо совершенныхъ кругосвѣтныхъ путешествій.

Путешествіе Беллинггаузена по Тихому океану и юж-

нымъ полярнымъ морямъ въ 1819—21 г. было обильно открытіями и различнаго рода опасностями, встрѣтившимися на пути. Во время этого путешествія было открыто до 30 новыхъ острововъ. Къ нимъ, напримѣръ, принадлежать: Архипелагъ Александра I, островъ Петра I и острова Маркиса де-Траверзе. Изъ описанія путешествія, составленнаго участвовавшимъ въ экспедиціи профессоромъ Каданскаго университета Симоновымъ видно, что Беллинггаузенъ посѣтилъ очень многія земли. Сюда относятся, между прочимъ, Бразилія, Сандвичевы острова, островъ Отаити, Новая Голландія, Новая Зеландія и многія другія. Въ описаніи города Сиднея говорится, что онъ можетъ стать на ряду съ лучшими европейскими городами: въ немъ путешественники нашли прямыя и широкія улицы, хорошо выстроенные дома, церкви, больницы, театры, магазины, прекрасные сады, — все обнаруживало развитіе промышленности и торговли. Жители новооткрытыхъ острововъ Александра I обратили на себя вниманіе путешественниковъ своею дикостью. Это были самыя жестокіе изъ всѣхъ дикарей, встрѣтившихся во время путешествія. Чтобы воспрепятствовать высадкѣ путешественниковъ, они зажигали лѣса, думая такимъ образомъ испугать нежданныхъ гостей. Многіе изъ открытыхъ экспедиціей въ Ледовитомъ морѣ острововъ были коралловаго происхожденія и покрыты прекраснѣйшими деревьями, между которыми гордо красовались пальмы. Жители были малайскаго племени. Они жили въ землянкахъ, окруженныхъ полисадникомъ и покрытыхъ травой и древесными листьями. Нѣкоторыя же изъ открытыхъ острововъ были совершенно необитаемы и покрыты снѣгомъ и льдомъ. Однѣ морскія птицы оживляли ихъ берега. Во время плаванія встрѣчалось много ледяныхъ глыбъ, которыя иногда возвышались на 300 футовъ надъ поверхностью моря и грозили гибелью кораблямъ. Отъ Сандвичевыхъ острововъ до Новой Голландіи холодъ, сырость, снѣгъ и бури были постоянными спутниками путешественниковъ. Развлекалъ ихъ иногда только полярный свѣтъ, который показывался на южномъ горизонтѣ

въ видѣ бѣлаго подвижнаго столба. Онъ то появлялся, то исчезалъ и игралъ самыми яркими радужными цвѣтами. Экспедиція Беллинггаузена продолжалась два года и двадцать одинъ день и кончилась весьма благополучно. Изъ 200 человѣкъ, участвовавшихъ въ экспедиціи, погибли только три матроса. Результатомъ ея, кромѣ открытія многихъ острововъ, было снабженіе музеевъ многими новыми произведеніями изъ трехъ царствъ природы.

Къ замѣчательнѣйшимъ морскимъ экспедиціямъ принадлежитъ и экспедиція Коцебу, совершившаго кругосвѣтное плаваніе на кораблѣ «Рюрикъ» въ 1815 — 18 годахъ. Въ «Сѣверномъ Архивѣ»¹⁾ была помѣщена объ этомъ путешествіи статья извѣстнаго французскаго ученаго Мальть-Брюна, написавшаго ее по поводу книги участвовавшаго въ экспедиціи иностраннаго художника Хориса «*Voyage Pittoresque autour du monde etc.*»²⁾. Статья Мальть-Брюна, помѣщенная въ русскомъ переводѣ, начинается слѣдующими словами: «Россійскій государственный канцлеръ графъ Румянцевъ принадлежитъ къ малому числу вельможъ, умѣющихъ благороднымъ и мудрымъ образомъ употреблять свои богатства на предпріятія, ознаменованныя великодушіемъ и любовью къ отечеству. Сей Меценатъ посвящаетъ доходы свои на распространеніе просвѣщенія между своими поселянами, на введеніе въ свое отечество полезныхъ изобрѣтеній, познаній, наукъ и искусствъ; на изысканія въ различныхъ книгохранилищахъ древнихъ памятниковъ, служащихъ къ объясненію Россійской Исторіи, на собраніе и издаваніе сочиненій, ознаменованныхъ ученостію, которыя онъ умѣетъ оцѣнить достойно. Но истинное и патріотическое предпріятіе есть вооруженіе на

¹⁾ С. Архивъ, 22 г., часть 3, стр. 381—398. Въ 20-хъ годахъ часто приходилось знакомиться съ русскими путешествіями по иностраннымъ источникамъ.

²⁾ Живописное путешествіе вокругъ свѣта, съ изображеніями дикихъ народовъ Америки, Азіи, Африки и острововъ Великаго океана, ихъ оружія, одежды, украшеній, утвари, жилищъ, съ видами различныхъ мѣстностей и т. д. Сочиненіе было посвящено императору Александру I.

свой счетъ корабля, на которомъ много ученыхъ наблюдателей совершили плаваніе вокругъ свѣта, имѣя въ предметъ открытіе новыхъ странъ и проложеніе пути чрезъ моря, прилежащія къ полюсамъ». Прослѣдимъ то, что даетъ статья Мальтъ-Брюна относительно путешествія Коцебу. Передавая содержаніе книги Хориса, которую очень хвалитъ, особенно за рисунки, Мальтъ-Брюнъ прежде всего останавливается на Калифорніи. Въ селеніи Миссіи св. Франциска, говоритъ онъ, обитаетъ до 500 дикихъ. Они имѣютъ отъ правительства достаточно средствъ для существованія, за что обязаны воздѣлывать общественную землю. Ежедневно, въ извѣстные часы, миссіонеръ велитъ варить кушанье на площади среди жилья. Каждое семейство получаетъ тамъ свою порцію по числу душъ. Во всякомъ домѣ живетъ по два и по три семейства. Въ свободное время индѣйцы работаютъ въ опредѣленныхъ для нихъ огородахъ; они сажаютъ лукъ, чеснокъ, дыни, тыквы и фруктовыхъ деревья. Весь урожай отдается на произвольное ихъ употребленіе. Но эта спокойная жизнь имъ не нравится. Они скучаютъ трудомъ и изобиліемъ, и любятъ свои пустыни, гдѣ можно вести свободную жизнь, хотя и при недостаткѣ всего нужнаго, питаются крысами, змѣями и различными насѣкомыми. Послѣ нѣкотораго пребыванія въ селеніи Миссіи, они подвергаются меланхоліи, худѣютъ и блуждающіе ихъ глаза ищутъ въ отдаленіи угрюмыхъ, но милыхъ имъ горъ и лѣсовъ. Вслѣдствіе этого, миссіонеры особенно любятъ привлекать къ себѣ дѣтей. Во время воскресной обѣдни дѣти, воспитываемыя миссіонеромъ, въ числѣ пятидесяти, составляютъ его свиту и при совершеніи священныхъ обрядовъ играютъ на музыкальныхъ инструментахъ: бубнахъ, трубахъ, литаврахъ. При этой музыкѣ имѣется въ виду подѣйствовать смягчающимъ образомъ на грубую натуру взрослыхъ дикарей. Лишь только ударить въ бубны, послѣдніе падаютъ на землю и остаются въ этомъ положеніи до окончанія службы, не смѣя пошевелинуться. Нѣсколько разъ нужно сказать, что обѣдня уже кончилась.

Иное представляютъ Сандвичевы острова, говоритъ Мальтъ-

Брюнъ. Двѣсти поселившихся тамъ англичанъ и американцевъ ввели на нихъ начала европейскаго образованія. Но такъ какъ эти поселенцы большею частію матросы, плотники или купцы, то принесенная ими образованность не относится ни къ религіи, ни къ политикѣ, а всецѣло касается торговли, мореплаванія и военнаго искусства. Король Тамеамеа былъ Петромъ Великимъ для названныхъ острововъ. Продавая китайцамъ мѣха съ сѣверо-западныхъ береговъ Америки, онъ на кантонскія деньги накупилъ пушекъ и ядеръ, и при помощи англійскихъ и американскихъ инженеровъ построилъ укрѣпленія, которыя, будучи вооружены 8 и 12 фунтовыми пушками, должны были внушать почтительный страхъ непріятелю. Завелъ онъ и флотъ, но все созданное имъ рушилось вмѣстѣ съ его смертію. Отъ острововъ Сандвичевыхъ до Новой Ирландіи, отъ острова Теопи до Малаки, говорятъ Мальтъ-Брюнъ, вездѣ господствуютъ на островахъ Южнаго океана одинаковые языкъ, религіи и основанія права, что служитъ неопровержимымъ доказательствомъ, что населеніе названныхъ мѣстъ имѣетъ общее, и именно, малайское происхожденіе. Нужно думать, что одно изъ наиболѣе сильныхъ малайскихъ племенъ когда-то господствовало надъ островами Южнаго моря, основавъ на нихъ свои колоніи; когда же это государство пришло въ упадокъ, колоніи образовали столько же отдѣльныхъ и независимыхъ государствъ, сколько было значительнѣйшихъ острововъ.

Говоря объ Алеутскихъ островахъ, одной изъ конечныхъ точекъ путешествія Коцебу, Мальтъ-Брюнъ говоритъ, что на нихъ обитаетъ народъ ничтожный и развращенный «Кто бы могъ подумать, замѣчаетъ онъ, что пороки Греціи и Рима гнѣздятся между народомъ рыболовнымъ? Нужно думать, что японцы, посѣщавшіе, по преданіямъ, эти страны, были причиною разврата».

Статья Мальтъ-Брюна показываетъ, что русскими путешествіями указаннаго времени интересовались и въ Западной Европѣ, и придавали имъ надлежащее значеніе. Благодаря странствованіямъ русскаго путешественника, европей-

ская литература получила замѣчательное географическое сочиненіе, снабженное прекрасными рисунками и пополнявшее пробѣлы въ знакомствѣ съ населеніемъ различныхъ мѣстностей земнаго шара. Русская литература, касавшаяся путешествій, не представляла въ данное время такихъ роскошныхъ изданій, какъ трудъ Хориса. Даже простыя описанія русскихъ путешествій появлялись иногда раньше на иностранныхъ языкахъ, нежели на русскомъ. Такъ, описаніе Коцебу вышло сперва на нѣмецкомъ языкѣ, а потомъ уже на русскомъ.

Относительно путешествія Коцебу нужно замѣтить, что, не смотря на пользу, принесенную имъ наукѣ, оно могло бы быть и причиною нѣкоторыхъ заблужденій, если бы они не были предотвращены въ свое время. Дѣло въ томъ, что Коцебу счелъ новооткрытыми и нѣкоторые такіе острова, которые уже были извѣстны раньше. Къ дѣйствительно открытымъ Коцебу островамъ принадлежатъ, между прочимъ, острова графа Аракчеева, острова Спиридова и островъ Крузенштерна.

Обратимся къ двумъ путешествіямъ капитана Врангеля въ 1821 г. къ берегамъ Сибири. О нихъ мы находимъ извѣстіе, между прочимъ, въ „Сѣверномъ Архивѣ“ 22 г. ч. 3 стр. 153—174. Авторъ статьи о названныхъ путешествіяхъ, составленной со словъ лицъ, участвовавшихъ въ экспедиціяхъ, начинается свое описаніе замѣчательнымъ обращеніемъ къ издателю журнала. Въ немъ онъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Я удивляюсь, что понынѣ ни во одномъ изъ нашихъ журналовъ не сообщено подробныхъ извѣстій о семъ немаловажномъ для наукъ путешествіи. Иностранные журналисты, кажется мнѣ, стараются болѣе о доставленіи своимъ читателямъ отечественныхъ новостей, и нерѣдко мы Русскіе чрезъ ихъ посредство узнаемъ о подвигахъ нашихъ соотечественниковъ на поприщѣ наукъ и открытій“ *. Это заявленіе современника какъ нельзя болѣе

* Издатель „Архива“ по этому поводу замѣтилъ: „Въ семь не жур-

гармонизируетъ съ тѣмъ, что было сказано нами выше объ описаніяхъ русскихъ путешествій указаннаго времени. Первая экспедиція Врангеля отправилась 1-го февраля 1821 года изъ Нижне-Калымска, на пяти сибирскихъ саняхъ, запряженныхъ собаками. Ночи были чрезвычайно холодны и стужа доходила до 33° Р. Во время непогодъ и мятелей путешественники укрывались въ палаткахъ изъ оленьихъ кожъ, въ которыхъ часто раздавались веселыя русскія пѣсни, нарушая мертвую тишину уснувшей природы. Слѣдуя на востокъ вдоль береговъ, экспедиція занималась описаніемъ и опредѣленіемъ географическаго положенія замѣчательнѣйшихъ пунктовъ берега. Эти наблюденія показали, что въ существовавшихъ картахъ находились нѣкоторыя неправильности. Природа берега, по которому ѣхали путешественники, представляла оригинальную картину. Мѣстами берегъ былъ ровенъ и покрытъ снѣгомъ и массами наноснаго льда, мѣстами же на немъ находились отвѣсныя скалы. На Шелахскомъ мысѣ эти скалы походили на древній готическій замокъ, высѣченный изъ блестящаго базальта и украшенный съ одной стороны стѣною изъ бѣлаго гранита, вышиною въ 50 сажень. Набросанныя въ беспорядкѣ льдины составляли вдоль скалы блестящій валъ, достигавшій въ высоту до 7 сажень. Въ сутки экспедиція подвигалась не болѣе 20 верстъ. Для того, чтобы собаки не отмораживали себѣ лапы, имъ надѣвали на ноги теплые сапоги, или *торбасы*. Путешественники чувствовали недостатокъ въ дровахъ, но это неудобство скоро было устранено изобиліемъ на берегу наноснаго лѣса. Недостатокъ въ кормѣ для собакъ заставилъ путешественниковъ 7-го марта возвратиться назадъ. 25-го марта экспедиція вторично отправилась въ путь прямо на сѣверъ, взявши большее число саней и до 240 собакъ. 27-го марта экспедиція достигла до одного изъ

налисты виноваты, но господа путешественники, предпочитающіе, для сообщенія своихъ извѣстій, иностранные журналы отечественнымъ, и извѣщящіе, можетъ быть, на то свои причины.

Медвѣжьихъ острововъ, причѣмъ оказалось, что его положеніе прежде было опредѣлено не точно. Тонкость льда не позволила двигаться далѣе. Постоянно чувствовалось подъ ногами его сотрясеніе. Это принудило экспедицію отправиться въ обратный путь. На пути ей безпрестанно встрѣчались огромныя глыбы льда, которыя сильно мѣшали движенію. Когда она добралась до запаснаго магазина, путешественники съ ужасомъ увидѣли множество слѣдовъ бѣлыхъ медвѣдей. Тѣмъ не менѣе запасы оказались въ цѣлости, такъ какъ были сложены на очень высокомъ мѣстѣ. Ночью медвѣди являлись вновь, но лай собакъ пробудилъ путешественниковъ, и они успѣшно выдержали борьбу съ непрошенными гостями. Добравшись до Медвѣжьихъ острововъ, экспедиція занялась ихъ изслѣдованіемъ, причѣмъ былъ открытъ новый, 7-й островъ. Въ ясную погоду путешественники не упустили случая обозрѣвать съ ледяныхъ горъ горизонтъ посредствомъ телескопа, но ничего не могли замѣтить, кромѣ облаковъ или тумана. Такъ кончилась вторая экспедиція Врангеля.

Относительно путешествія Литке мы возьмемъ журнальныя статьи, касающіяся его знаменитыхъ поѣздокъ къ Новой Землѣ. И здѣсь мы имѣемъ дѣло съ фактами. Эта фактическая сторона журнальныхъ статей даетъ слѣдующее. Капитанъ-лейтенантъ Литке совершилъ въ 1821 — 24 г. четыре путешествія въ Новую Землю. Новая Земля, занимавшая долгое время однихъ только географовъ, обратила на себя вниманіе русскаго правительства, когда во второмъ десятилѣтїи настоящаго столѣтїя духъ открытїи снова пробудился въ Европѣ. Еще въ 1819 году былъ посланъ изъ Архангельска бригъ, подъ начальствомъ лейтенанта Лазарева, для описанія этого острова. Экспедиція эта имѣла неудачный исходъ, такъ какъ отправилась въ неудачное для плаванія по сѣвернымъ морямъ время. Въ экипажѣ во время путешествія до такой степени развился скорбутъ, что бригъ едва могъ быть управляемъ и вернуться назадъ. Эта неудачная экспедиція была причиною распространенія слу-

ха объ убійственности климата и неприступности береговъ Новой Земли. Но правительство лучше понимало причины неуспѣшности экспедиціи Лазарева, и потому рѣшено было отправить новую экспедицію, начальникомъ которой былъ избранъ лейтенантъ Литке. Эта экспедиція была успѣшнѣе первой. Хотя главная цѣль и не была достигнута, тѣмъ не менѣе путешествіе доказало, что Новая Земля совсѣмъ не есть недоступная мѣстность, какъ уже начали о ней думать. Въ экспедиціи 22, 23 и 24 г. было уже сдѣлано несравненно больше. Благодаря имъ, вышли изъ мрака географической неизвѣстности берега Новой Земли и Лапландіи *), а также былъ измѣренъ загадочный и трудно-доступный Маточкинъ Шаръ, и съ большой точностью была опредѣлена широта и долгота многихъ мѣстъ. Онѣ же показали, что въ существовавшихъ картахъ берега Лапландіи были допущены величайшія неточности. Сдѣланы были во время ихъ и нѣкоторыя естественно-историческія наблюденія. Было замѣчено, что горы, ограничивающія Маточкинъ Шаръ, состоятъ изъ различныхъ породъ сланца, кварца и изобилуютъ сѣрнымъ колчеданомъ и мѣдною охрою. Изъ растений, между прочимъ, были найдены щавель и ложечная трава. Всѣ названныя экспедиціи были сопряжены съ большими опасностями, и было нѣсколько случаевъ, когда неустрашимые путешественники были почти увѣрены въ своей гибели. Имъ постоянно приходилось сталкиваться съ пловучими льдами, выдерживать бури или же страшиться подводныхъ мелей **).

Мыслящая, хотя и не особенно большая, часть современнаго общества съ большимъ интересомъ слѣдила за судьбой названныхъ знаменитыхъ русскихъ путешествій. Изъ

*) Точное описаніе береговъ Лапландіи имѣло чрезвычайно важное практическое значеніе, такъ какъ вблизи этихъ береговъ весьма часто проходили военные и купеческіе корабли различныхъ націй.

***) Объ экспедиціяхъ Литке къ Новой Землѣ см., между прочимъ, „Сѣверный Архивъ“ 23 года, ч. 6, стр. 205—216 и 278—294, и 14 г., ч. 9, стр. 325—334.

журналовъ больше всего свѣдѣній о нихъ давалъ „Сѣверный Архивъ“, журналъ довольно замѣчательный и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, тогда какъ между его братьями были и такіе, которые, повидимому, нисколько не интересовались названными путешествіями, наполняя свои страницы исключительно обращеніями къ Хлоямъ и Лилетамъ. Указанные подвиги русскихъ мореходцевъ были, впрочемъ, отмѣчены и современною поэзіею. Такъ, извѣстнымъ графомъ Хвостовымъ было написано стихотвореніе подъ названіемъ „Русскіе мореходцы въ Ледовитомъ океанѣ“, по поводу котораго издатель „Сѣвернаго Архива“ замѣтилъ, что „знатоки и любители поэзіи достойно оцѣнили сіе новое произведеніе трудолюбиваго стихотворца, который въ продолженіи сорока лѣтъ“ не переставалъ „насаждать цвѣты на Русскомъ Парнасѣ“. Въ стихотвореніи Хвостова говорилось о русскихъ открытіяхъ, совершенныхъ съ 1814 по 1822 годъ въ различныхъ моряхъ. Въ немъ встрѣчаются имена всѣхъ названныхъ нами русскихъ путешественниковъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Явленія обыденной общественной жизни.

Касаясь важныхъ явленій и событій, журналистика 20-хъ годовъ не оставляла безъ вниманія и явленія обыденной общественной жизни. Не проникая въ глубину, не изслѣдуя серьезно причинъ тѣхъ или другихъ ея явленій, журналистика названнаго времени все же даетъ порядочное количество матеріала для характеристики обыденной общественной жизни своего времени. Объ ея отношеніи къ этой жизни мы скажемъ потомъ, а теперь посмотримъ, какіе факты она представляетъ по отношенію къ послѣдней, посмотримъ на умственную, нравственную и эстетическую стороны въ названныхъ выше явленіяхъ въ приложеніи къ извѣстной части современнаго общества.

Умственная жизнь, какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлаго общества, выражается весьма многоразличнымъ образомъ: она выражается въ ежедневныхъ занятіяхъ, въ характерѣ его интересовъ, въ разговорѣ, въ развлеченияхъ, въ чтеніи и т. д. Съ этихъ сторонъ мы и посмотримъ на обыкновенную общественную жизнь 20-хъ годовъ, посмотримъ насколько, насколько даетъ для того матеріала журналистива названнаго времени. При этомъ нужно замѣтить, что мы будемъ говорить не обо всемъ обществѣ, а только о той его долѣ, которая по своему незначительному умственному развитію, дѣйствительно, давала значительный матеріалъ для сатиры.

Перелистывая страницы журналовъ двадцатыхъ годовъ, замѣчаешь, что въ это время были въ обществѣ лица, которые не съ особенно высокими требованіями относились къ жизни. Отдавши дѣловой сторонѣ дня то, что она требовала, эти лица, по весьма естественному побужденію, старались наполнить и другую, свободную его часть тѣми или другими занятіями, тѣми или другими развлечениями, разговорами и интересами.

Эти занятія и развлечения, конечно, значительно различались по состоянію и возрасту занимавшихся и развлекавшихся лицъ. Скажемъ нѣсколько словъ о развлеченияхъ. Великосвѣтскіе вечера, балы, театры, маскарады были достоинствомъ однихъ, скромныя вечеринки съ картами, дружеской бесѣдой и закуской—другихъ. Пожилые солидные люди названной части общества любили потолковать иногда въ такихъ случаяхъ и о матеріяхъ важныхъ, молодые люди, какъ всегда и вездѣ, предпочитали бесѣду съ прекраснымъ поломъ. Эта бесѣда, какъ въ данномъ случаѣ, такъ и въ другихъ, имѣла свой, особенный отпечатокъ. Особенно много типическаго даютъ журналы 20-хъ годовъ относительно этой бесѣды, этого разговора барышень и кавалеровъ названнаго времени. Больше всего, конечно, трактовалось тутъ о любви, вертѣлось дѣло на признаньяхъ, комплиментахъ, клятвахъ и т. д. Но были и другія темы для разговора. Обра-

тимся прежде всего къ прекрасному полу, къ его интересамъ, разговорамъ и развлеченіямъ. О чемъ и какъ говорили въ нѣкоторыхъ дамскихъ кружкахъ названнаго времени и чѣмъ преимущественно интересовались, можетъ показать слѣдующій разговоръ, взятый нами изъ маленькаго разсказа подъ названіемъ „Свѣтскія приличія“, помѣщеннаго въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1828 г.

„Мама! поѣдемъ-те сегодня въ театръ. Мы ужъ давно не были“, сказала утромъ девятнадцатилѣтняя Анета Прасковья Дмитріевнѣ Вѣровой.

„Ну что, мой другъ, ѣздитъ въ Русскій театръ? — дождемся Французскаго. Ужъ говорятъ и актеры пріѣхали“, отвѣчала Прасковья Дмитріевна.

„Да, маменька, надожь видѣть новый водевиль, который даютъ сегодня. Онъ, говорятъ, забавенъ“.

„А какой это водевиль, душинька?“

„Позвольте, я сейчасъ сыщу, вотъ газеты“.

„Честный воръ“, отвѣчалъ одинъ молодой человекъ, Бѣльской, и своимъ отвѣтомъ избавилъ Анету отъ труда перебирать бѣлыми ручками сѣрые листы „Московскихъ Вѣдомостей“, и въ безконечномъ ряду объявленій отъ Воспитательнаго Дома искать объявленій театральныхъ.

„А еще что даютъ, Monsieur Бѣльской?“

„Еще-съ... я не помню... позвольте... сейчасъ“.

Бѣльской взялъ со стола газеты и началъ ихъ перебирать, говоря про себя: „Разныя извѣстія... книги... журналы...“

„А «Московский Телеграфъ» вышелъ?“ спросила Анета съ нетерпѣніемъ.

— Нѣтъ еще, кажется...

„Ахъ, какъ онъ опаздываетъ! Это ни на что не похоже!“ съ досадою сказала Анета.

— Да, „Дамскій журналъ“ гораздо аккуратнѣе, его ужъ вышла двадцатая книжка. Конечно, аккуратность не достоинство...

„Нѣтъ-съ, въ нашихъ модахъ это большое достоинство.“

Что намъ за дѣло до учености этихъ журналистовъ! Мы прежде всегда смотримъ на картинки, а тамъ на критики, и я очень на нихъ сердита, потому что за этими критиками опаздываютъ моды...“

— А! Новая поэма Пушкина!

„Пушкина?.. Маман! надо купить скорѣе.“

— Еще успѣемъ, другъ мой. Да что? Нынче Пушкинъ избаловался... Ужъ вѣрно опять какойнибудь графъ... какъ бишь онъ?.. Графъ...

„Графъ Нулинъ!“

„Да, Нулинъ... c'est ignoble!“

— Извѣстія о пріѣхавшихъ.

„А кто пріѣхалъ? Прочтите, monsieur Бѣльской съ любовитствомъ спросила Прасковья Дмитриевна.

„А, Графъ! Вѣрно и съ Графиней: они, говорятъ, пріѣхали сюда на всю зиму и будутъ давать балы. Онъ очень хорошо знакомъ съ тетушкой Анфисой Сергѣевной... Я также знаю Графиню. Гдѣ бы ее видѣть?“

— Сколько аукціоновъ, просроченныхъ имѣній; разъ, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двѣнадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать!

— Позвольте, полноте, monsieur Бѣльской, счетъ потеряете. На аукціоны нынче мода, и безъ нихъ, право, великимъ постомъ было бы скучно... Утромъ некуда дѣваться, а на аукціонѣ такъ весело — все чтонибудь новинькое да увидишь...

„Наконецъ дошелъ и до театра... Нынче даютъ Честнаго вора и Марію Стюартъ...“

— Марію Стюартъ?... Ахъ, маменька! это жалко... Поѣдемъ-те...

„Вы видѣли этотъ водевилъ?“ спросила Прасковья Дмитриевна съ испытующимъ взоромъ.

— Видѣлъ, сударыня. Онъ довольно милъ, кушеты забавны.

„Я боюсь этих водевилей... А какой сюжет, расскажите пожалуйста.“

— Завязка пустая, но смѣшная. Одинъ молодой музыкантъ, Леонъ, живетъ съ своимъ другомъ Эрнестомъ въ гостинницѣ: они оба повѣсы, какъ водится. Эрнестъ въ нуждѣ продалъ всѣ фраки Леона, и этотъ безъ фрака выходитъ на сцену въ досадѣ на своего друга...“

„Безъ фрака? какъ же онъ одѣтъ?“ спросила Прасковья Дмитриевна, между тѣмъ какъ Анета, до тѣхъ поръ внимательная къ разсказу, опустила свои глазки на узорную канву, какъ будто она ничего не слышитъ.

„Просто, въ жилетѣ“, отвѣчалъ Бѣльской, немножко смѣшавшись.

— Въ жилетѣ? Это мило... Annette, поди въ спальню и достань мнѣ въ перламутровомъ ящикѣ клубокъ шерсти, да выбери лучше...

— Сейчасъ, тата.

„Продолжайте, monsieur Бѣльской*“).

Наряду съ вопросомъ о театрѣ, балахъ и нарядахъ, смѣло и развязно фигурировавшимъ въ общественныхъ разговорахъ извѣстной доли прекраснаго пола въ 20-хъ годахъ, существовали вопросы интимные, которые стѣснялись личности и вполне развертывались только въ домашнемъ, семейномъ кружкѣ или дружественной перепискѣ между близкими лицами. Это были вопросы о замужествѣ и любви. Случайная встрѣча съ красивымъ кавалеромъ давала потомъ чувствительнымъ барышнямъ характеризуемаго времени обильный источникъ для разговоровъ у домашнего очага, за вышиваньемъ красивыхъ узоровъ по канвѣ. Особенно благодарную почву такіе разговоры находили тамъ, гдѣ много было взрослыхъ сестрицъ, безбоязненно повѣрившихъ другъ другу тайны впечатлительнаго сердца. Ростъ, волосы, глаза, носъ, усы и прочія принадлежности фізіономіи встрѣтившагося интереснаго кавалера подвергались надосугѣ тщатель-

*) „Московскій Вѣстникъ“, 1828 г., ч. 11, стр. 366—369.

ному разбору и вызывали возгласы неподдельного одобрения и восторга.

Войдемъ въ уютную комнатку двухъ сестрицъ и послушаемъ, о чемъ онѣ говорятъ между собою *).

Старшая. Ахъ, маменька, какой любезный кавалеръ намъ встрѣтился!

Средняя. Какъ онъ хорошъ собою! Какіе черные, большіе глаза у него!

Старшая. Какіе густые бакенбарды, длинные усы. — А глаза-то у него, впрочемъ, не черные, сестрица, — ты не разглядѣла, — а каріе.

Средняя. Вотъ еще не разглядѣла! Да вѣдь онъ шелъ подлѣ меня. Ужъ не ты ли лучше видѣла?

Старшая. Разумѣется, лучше: подлѣ меня онъ шелъ дольше! Какъ присталъ къ нему вицмундиръ съ синимъ воротникомъ!

Средняя. Такъ вотъ вѣтъ же: воротникъ у него зеленый!

Старшая. Тебѣ хочется спорить?

Средняя. А тебѣ нѣтъ?

Старшая. Разумѣется, нѣтъ, — что глаза у него каріе, я это знаю навѣрное, а воротникъ на сюртукѣ синій. Я какъ теперь на него гляжу.

Средняя. И я также.

Старшая.

Средняя.

(Въ одинъ голосъ скоро).

Росту средняго, глаза каріе, волосы черные, немного курносъ, худощавый, ротъ небольшой, зубы бѣлые, усы длинные, бакенбарды большія, плеча широкія, высокая грудь, въ вицмундирѣ, съ серебряными эполетами, синій воротникъ, шпага съ темлякомъ... Машка! стаканъ квасу.

Росту высокаго, глаза черные, черные какъ уголь, волосы темнорусые, носъ дланный, лице полное, ротъ широкій, зубы чистые, но не бѣлые, усы кудрявые, бакенбарды и не видать, плечи не очень широкія, грудь не очень высокая, въ мундирномъ сюртукѣ, съ золотыми эполетами, воротникъ зеленый, сабля... Машка! кружку воды.

*) Московскій Вѣстникъ 28 г., ч. 12, стр. 28 — 31, „Невѣста на ярмаркѣ“, Погодина.

Средняя. Будь по твоему. Я уступлю покаместъ. Какъ жаль, что мы такъ близко были отъ экипажа: онъ не успѣлъ и поговорить съ нами порядочно.

Старшая. Однакожь онъ успѣлъ сообщить мнѣ много лестнаго.

Средняя. Какого прекраснаго розоваго цвѣта ваша косынка, сказалъ онъ мнѣ, однакожь этотъ цвѣтъ уступаетъ цвѣту вашихъ... О Петербургъ и Москва! Какіе счастливыцы живутъ тамъ?.. Услышишь ли у насъ въ городѣ въ пять лѣтъ такія нѣжности? У насъ только и есть, что отставной исправникъ, да онъ такъ любезничаетъ около Пелагеи Петровны, что никого и ничего не видитъ больше.. Что еще сказалъ мнѣ офицеръ?... да... я запретилъ бы барышнямъ носить косынки, шали, платки. Это выгодно для нѣкоторыхъ, зато другіе лишаются...

Старшая. Случая явиться во всемъ блескѣ своихъ прелестей. Онъ сказалъ это, какъ у тебя съ плечъ упала косынка. Отъ чего упала она?

Средняя. Ахъ, Боже мой! я почему знаю? ее снесло вѣтромъ.

Старшая. Бросаясь поднимать ее, онъ наступилъ мнѣ на ногу.

Средняя. Онъ извинился предъ тобою въ неосторожности.

Старшая. Извинился, но очень просто. „Вамъ больно, сударыня, я виноватъ.“ Такъ извиняются у насъ и въ Спаскомъ. Вѣрно онъ истощилъ весь запасъ своихъ комплиментовъ въ похвалу прекрасной моей сестрицы, которая бросала на него изподлобья такіе умильные взгляды.

Средняя. Ахъ, Боже мой! да что ты это пристаешь ко мнѣ, сестрица? Чѣмъ я виновата, что понравилась больше твоего? Маменька! уймите сестрицу. Она говоритъ мнѣ, Богъ знаетъ, какія колкости, за то, что офицеръ не похвалялъ ея веснушекъ, да узенькихъ ножекъ.

Такимъ образомъ, вопросъ о красивомъ кавалерѣ, о комплиментахъ, о замужествѣ былъ для очень многихъ барышень вопросомъ жизни и смерти. Онъ до того былъ серьез-

вень и всеобъемлющъ, что поселялъ раздоръ и несогласіе между членами одного и того же семейства. Но вотъ завѣтная мечта исполнялась, интересный кавалеръ обращался въ жениха, а женихъ въ супруга. Наступалъ медовый мѣсяцъ. А тамъ что? Наряды, слетни, расправа съ Машками и Палашками, если таковыя имѣлись, или всецѣлое погруженіе въ домашнее хозяйство, въ варенье, сушеніе, соленіе и т. д. Бѣда была провинціальному мужу, если какойнибудь случай заставлялъ его пріѣзжать съ супругой въ столицу. Красивыя столичныя вывѣски и магазинныя распаляли въ супругѣ неудержимое желаніе купить то или другое для своего наряда, а супруга то и дѣло заставляла опускать руки въ карманы для расплаты. Журналистика 20-хъ годовъ сохранила много плачей и сѣтованій несчастныхъ провинціаловъ-мужей по поводу увлеченія прекрасной половинны нарядами. Такъ, на страницахъ «Невскаго Зрителя» одинъ изъ такихъ, достойныхъ состраданія, супруговъ, сѣтовалъ такимъ образомъ: „Едва пробѣжали мы нѣсколько сажень по Невскому проспекту, какъ жена моя вскричала: Ахъ! другъ мой! посмотри, какая неподобная шляпка! Заѣдемъ пожалуйста.— „Что ты! въ умѣ ли? развѣ позабыла, что мы не отслужили еще молебна!“ Другъ мой! ангелъ! утѣшь же меня. Ну, самъ посмотри, что за шляпка на мнѣ! какъ я буду стоять въ Каванской! я сгорю со стыда! Она проговорила это съ такимъ жаромъ и такъ громко, что и проѣзжающіе, и прохожіе оглянулись на насъ. Боясь, дабы жена моя не заговорила еще громче, я поскорѣе приказалъ поворотить сани и привезъ ее въ магазинъ. „Что вамъ угодно?“ спросила насъ француженка, не приподнявшись даже со стула своего. Она вѣрно встрѣтила насъ по платью... Вотъ эту шляпку, сказалъ я, указывая на ту, которая соблазнила мою жену. „Поддай!“ сказала француженка одной изъ сидѣвшихъ за рукодѣльемъ дѣвицъ. Шляпокъ было множество, и одна другой лучше! Пренія уже не обращала на себя вниманія. Ее поставили на свое мѣсто—и начался переборъ, который продолжался около часа. Сама мадамъ подошла на помощь,

и, наконецъ, шляпка выбрана. Только я приготовился отчитать 120 руб., какъ былъ остановленъ сими словами: „Постояй, другъ мой! еще хочу взять этотъ *шармъ*.“ Не угодно ли, сударыня, спросила мадамъ съ чрезвычайною вѣжливостію, взять еще чего нибудь? у меня теперь очень много новостей изъ Парижа? — „Изъ Парижа? ахъ, покажите пожалуйста!“ И услужливая торговка начала выдвигать ящики и отпирать шкафы. Не болѣе какъ въ двѣ минуты столы были завалены: матеріи разныхъ сортовъ, платки, платочки, блонды, кружева лежали въ самомъ соблазнительномъ безпорядкѣ! Между тѣмъ какъ на лицѣ жены моей, у которой, какъ говорится, *разбѣжались глаза*, было написано удовольствіе и радость, сердце мое билось такъ сильно... такъ сильно... какъ стѣнные часы! Мнѣ весьма было досадно и на жену мою и на модную торговку. Я предчувствовалъ, что отъ прихотей первой и отъ услужливости другой бумажникъ мой истощится. Разсудокъ безпрестанно твердилъ мнѣ: пора для собственнаго благополучія сдѣлать формальную ретираду; но природная моя застѣнчивость и боязнь услышать отъ вѣжливой и услужливой мадамъ А. какое нибудь неприятное привѣтствіе, не позволили мнѣ воспользоваться добрымъ совѣтомъ его. Я безмолствовалъ, торговка безъ умолку лепетала, дѣвушки, какъ угорѣлыя, бѣгали по магазину за модною-дрянью, а жена моя съ жадностію пересматривала все. Наконецъ, выбравъ себѣ матерію и на капоть, и на платья съ длинными и короткими рукавами, два шарфа, изъ коихъ одинъ *тру-тру*, блондъ и нѣсколько платочковъ, жена моя попросила все уложить въ кардонъ. Я заплатилъ пятсотъ семьдесятъ пять рублей—и мы отправились далѣе*.) Изъ дальнѣйшей исповѣди несчастнаго супруга видно, что этимъ дѣломъ не кончилось. Ему пришлось посѣтить еще нѣсколько магазиновъ и еще облегчить свой бумажникъ. Результатомъ было то, что къ Казанской такъ и не заѣхали.

Но вотъ наряды куплены — и опять провинція, опять

*) „Невскій Зритель“ 21 г., ч. 5, стр. 49—52.

какойнибудь уѣздный городъ или деревня. Вотъ пошли дѣти. Вотъ они стали подростать. Вотъ и дочери невѣсты. Ихъ мамаша, ѣздившая въ столицы за нарядами, теперь уже почтенная старушка. Она всецѣло погружена въ думы о присканіи выгодныхъ жениховъ для ея дочерей. Свободное отъ этихъ думъ время идетъ на поддержаніе должной субординаціи въ средѣ дворовыхъ людей. Для поимки жениховъ, изобрѣтательный и изловчившійся умъ дочерелюбивой маменьки изобрѣталъ весьма искусныя комбинаціи. Какъ только кто-нибудь холостой пріѣзжалъ въ городъ, различныя приклебницы и вѣстоноши давали знать объ этомъ. Скоро прискивали поводъ для знакомства, для приглашенія въ домъ—и выставки невѣсты. Намѣченный женихъ берегся какъ зѣница ока, такъ какъ зависть никогда не дремала и могла сплетнями подточить счастье въ самомъ его началѣ. Что жениха нужно ловить, что женихъ вещь дорогая, эта мысль самымъ усерднымъ образомъ воспитывалась многими маменьками въ головахъ дочерей. „Посмотрите на Афімью Григорьевну, говорили такія маменьки своимъ дочкамъ, шестерыхъ дочекъ уже разговала. Чуть кто холостой заѣдетъ въ городъ, тотчасъ провѣдаютъ, познакомятся, зазовутъ къ себѣ въ гости, обласкаютъ, залезбятъ (согрѣшила окаянная),—женишокъ-то и тутъ, какъ тутъ, успѣвай только родители подъ вѣнецъ водить. Счастье ваше, что мать попала къ вамъ такая, которая все обдумываетъ, обо всемъ разсуждаетъ, спитъ и видитъ, чтобъ пристроить васъ къ мѣстѣ“ *). Что такія мысли находили благодарную почву въ слушательницахъ, доказываетъ приведенный выше разговоръ двухъ сестрицъ по поводу встрѣтившагося офицера. При такомъ взглядѣ на замужество, на сватовство, естественно было въ характеризуемое время быть великимъ, власть имѣющимъ лицомъ свахѣ. Для знакомства съ этимъ рѣшителемъ дѣвичьихъ судебъ въ описываемое время, обра-

*) „М. Вѣстникъ“ 28 г., ч. 12, стр. 34, „Невѣста на ярмаркѣ.“

тимся къ одной повѣсти 20-хъ годовъ, называющейся „Черная немочь“, и приведемъ изъ нея нѣсколько строчекъ.

„Въ комнату вошла женщина лѣтъ подь сорокъ, средняго роста, въ черномъ тафтяномъ поизношенномъ салопѣ, повязанная скромно саржевымъ платкомъ кофейнаго цвѣта, помолилась усердно образу, въ переднемъ углу висѣвшему, и раскланялась передъ хозяевами.“

„Добраго здоровья желаю вамъ, сударь Семень Авдеевичъ, и вамъ, сударыня Марья Петровна. По добру ли, по здоровью вы поживаете?“

„Помаленечку, Прасковья Савишна, отвѣчала хозяйка. Прошу васъ покорно садиться. Что давно не видать тебя было, мой свѣтъ?“

„Захлопоталась, родная. Нынче въ мясоѣдъ-то Богъ сподобилъ меня пять свадебъ снарядить, да такіе-то нешто все богатые, да добрые, да великодушные; такъ я то у свекровь да свекровей, то у тестей да тещей, то у молодыхъ. Никто вѣдь отъ себя не пускаетъ, за руки держатъ, хотъ вѣкъ живи на всемъ готовомъ; что твоей душеньки угодно, пей, ѣшь и веселись.“

„Э, братъ Савишна, ты ~~вѣда~~ тарабарить о пустякахъ, сказалъ ей, улыбаясь, хозяинъ, а намъ слушать тебя некогда, развѣ Машѣ на досугѣ. Поднесика ей, жена, горскаго или горькаго, да и приступимъ къ своему дѣлу.“

„Охъ-хо-хо, батюшко Семень Авдеевичъ, вы все такіе же, какъ прежде, слова не дадите выговорить. Вѣдь на то и языкъ Богъ далъ, чтобы говорить. Спасибо еще, что со словъ пошрины не берутъ. Намолчимся въ могилѣ, мой родимый!“

Между тѣмъ Марья Петровна напѣнила ей бокаль.

„Добраго здоровья желаю вамъ, мои благодѣтельныя! Коли впередъ даютъ магорычъ, такъ видно послѣ не будетъ обиды.“

„Ну, мои батюшки, у васъ, слышала, есть купецъ, а у меня есть товаръ. Давайте торговаться.“

„Какой же бы это былъ у васъ товаръ? сказалъ съ гор-

достью тою же аллегоріей купецъ, потирая себѣ рукою бороду и усы. Чтобы намъ-ста въ лавку принять было не стыдно.“

„Куда больно надмѣнны, Семень Авдеевичъ, ужь и въ лавку принять стыдно! Не бойтесь, сударь, отъ нашего товару не охаетъ ни дворянинъ, ни купецъ первостатейный. Впервыхъ, есть у насъ на примѣтѣ у Куличева, у Григорія Сергѣевича, дочка—маковъ цвѣтъ, пятьсотъ тысячъ денегъ чистогану, на двѣсти приданого; у Жестиной — внучка, правда, постарше, да зато однородная, каменной домъ съ лавками на Смоленскомъ рынкѣ, приданое порядочное, и жемчужку есть, и бриллиантовъ, крѣпостныхъ въ волю, и всякое домашнее обзаведеніе; у Нестаровыхъ племянница сирота, приданого поменьше, за то собою красавица, полная, румяная, здоровая, на фортопьянѣ такъ и разсыпается, что на твоихъ гусяхъ, и по-французскому умѣть, бойка, рѣзва...“

„Полно, полно, Савишна, намъ такихъ не надо, перервалъ старикъ, намъ давай попроче да попрочнѣ.“

Характеризуя умственную сторону какого нибудь общества, невольно приходишь къ вопросу объ его развлеченіяхъ. Въ послѣднихъ мы часто находимъ много данныхъ для сужденія о степени интеллектуальнаго развитія извѣстной среды, а часто также и для выводовъ, касающихся нравственной стороны послѣдней. При этомъ, если развлеченіямъ отдается все наличное время и изъ него ничего не остается для труда, то вопросъ о нихъ является рѣшающимъ относительно умственнаго состоянія даннаго общества. Прилагая сказанное къ выдѣленной нами долѣ общества 20-хъ годовъ, мы должны сказать о ней слѣдующее.

Характеризуемая нами часть прекраснаго пола развлекалась не особенно оригинальнымъ образомъ. Кромѣ театровъ, баловъ, маскарадовъ, концертовъ въ столицахъ и скромныхъ вечеровъ съ танцами подъ фортепiano въ провинціи, средствами развлечения служили любовныя интрижки, сплетни, чтеніе дрянныхъ романовъ, руководѣнья въ родѣ вышиванья и вязанья разныхъ бездѣлушекъ, карты и т. п.

О чтеніи мы скажемъ нѣсколько словъ отдѣльно, а теперь обратимся къ нѣкоторымъ другимъ развлечениямъ. Балы и собранія въ клубахъ для нѣкоторыхъ составляли почти всю суть жизни. Въ одной современной комедіи одна пожилая вдова говоритъ о клубахъ такимъ образомъ:

Такъ, клубы могутъ ихъ (дочерей) всѣхъ болѣе развратить,
 мной бы матушкѣ хоть съ жизнію проститься:
 Дочь плачетъ, а нельзя повѣдки отложить;
 Тошиѣ во сто разъ съ собраньемъ разлучиться;
 А тамъ, пропрыгавъ ночь, катить въ слезахъ домой,
 Съ истерикой въ груди, въ любовномъ расслабленнѣ.
 Намедни, батюшка, случилось тожь со мной:
 Я вспомнить не могу грѣхъ этотъ безъ смущенья;
 Вечерню отстоявъ, пустилась на бостонъ:
 Играла цѣлу ночь, куда дѣвался сонъ;
 Зато ужъ спазмами такъ жестоко страдала,
 Что вѣришь ли, два дни и въ карты не играла *).

Балы и вечера часто имѣли и практическое значеніе. На нихъ очень удобно было нѣкоторымъ ловить жениховъ. Въ комедіи Загоскина „Столичные жители въ провинціи“ одна помѣщица говоритъ объ этомъ слѣдующее:

Да, дочка у нея ужъ взрослая дѣвица;
 Не даромъ изъ столицы
 Извоили пріѣхать къ намъ.
 По ярмаркамъ повозятъ ихъ, а тамъ
 На выборы да къ Липецкимъ водамъ.
 Затѣютъ вечера, театры, фанты;
 А наши-то всѣ франты
 Гурьбою къ нимъ, — и вдругъ глядишь изъ-подтишка...

Картины нѣкоторыхъ столичныхъ и провинціальныхъ вечеровъ, встрѣчаемыя нами въ журналахъ двадцатыхъ годовъ, не могутъ назваться особенно разнообразными и привлекательными. Нарисуемъ одну изъ нихъ со словъ современника, повѣдавшего намъ о скудѣ, какую пришлось ему испытать на описанномъ имъ вечерѣ.

*) „Невскій Зритель“ 1820 г., ч. 2, стр. 279—280, „Неожиданное возвращеніе.“

„Войдя въ домъ Зажитова, моего пріятеля, нашелъ я у него гостей человѣкъ съ сорокъ. Признаюсь, сначала я усомнился въ словахъ моего стараго доктора философіи, что можно найти уединеніе между сорока человѣкъ, но вскорѣ увидѣлъ, что онъ справедливъ.“

„Возлѣ меня сидитъ богатый откупщикъ Фитюлинъ; всѣ окружающіе его устремили глаза свои прямо ему въ ротъ, приготовясь каждое его слово превознести выше изрѣченій Соломоновыхъ; но — Фитюлинъ молчитъ, зѣваетъ и нюхаетъ табакъ, слѣдовательно, Фитюлинъ не помѣшаетъ мнѣ философствовать.“

„Позѣвавъ съ нимъ вмѣстѣ, окружавшіе его разошлись по разнымъ угламъ залы и занялись одни картами, а другіе разговорами и пересудами.“

„Подхожу къ ломберному столу; за нимъ сидятъ двѣ дамы зрѣлыхъ лѣтъ съ двумя мужчинами, вовсе имъ незнакомыми. Руки ихъ въ безпрестанномъ движеніи, за то языкъ въ покоѣ. Онѣ только повторяютъ: *въ никахъ, пасъ, одна въ червяхъ* и т. п. Двѣ старухи, которыя ничего не говорятъ, кромѣ: *въ никахъ, пасъ, одна въ червяхъ*, не опасны для моего уединенія.“

„Въ диванной никого не было, кромѣ Зефирова (извѣстнаго селадона) и Лидиной (вдовы девятнадцати лѣтъ). Они, зная, что говорить громко неучтиво, шептались между собою.“

„Въ гостиной сидѣли дамы, и старались переговорить одна другую, и довольны были тѣмъ, что завтра расскажутъ своимъ пріятельницамъ, что на дѣвицѣ Флеровой платѣ сидѣло косо, что дѣвица Н. избавилась отъ блѣдности и проч.“

„Смотря на эти занимательные автоматы, я вспомнилъ о моей Колтовской Граціи, но какая разница! Щеки Граціи пылаютъ розою, а эти дамы такъ блѣдны, такъ... Отъ чего же эта разница? Отъ того, что моя Грація живетъ не въ большомъ свѣтѣ, никогда не штукатурила своего лица, не проводитъ ночей на балахъ, а ложится всегда во время, встаетъ во время...“

„Хозяйка дома старается угостить своих посѣтительницъ, бѣгаетъ изъ угла въ уголъ, суетится, спрашиваетъ о чемънибудь одну, и не дождавшись отвѣта, обращается съ вопросомъ къ другой. Но вотъ она предлагаетъ дамамъ десертъ: что вы не возьмете винограду, говоритъ имъ, возьмите персиковъ, что вы такъ не веселы? вѣрно вамъ у меня скучно? — Напротивъ, сударыня, очень весело, отвѣчаютъ гости, зѣвая“ *).

Кромѣ баловъ, вечеровъ, театровъ (многимъ особенно нравился французскій театръ и французскіе актеры), нѣкоторые изъ столичныхъ жительницъ имѣли особенныя случайныя развлеченія. Интересное описаніе одного изъ такихъ развлеченій мы встрѣчаемъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 20-хъ годовъ. Оно касается «Московского заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ», устроеннаго въ Москвѣ въ 28 г. и сдѣлавшагося для нѣкоторыхъ столичныхъ жителей, а отчасти и провинціаловъ, мѣстомъ, гдѣ не только запасались здоровьемъ, сколько искали развлеченія. Названное заведеніе въ короткое время получило такую извѣстность, что въ Москву на минеральныя воды пріѣзжали за 800 верстъ и болѣе. Особенно сильно оно тянуло къ себѣ прекрасный полъ. Приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ названнаго нами описанія.

«Ясонъ! Ясонъ!—Сейчасъ, сударь! Что прикажете?—, Взгляни въ окно: вѣрно пожаръ? Скачутъ, стучать... невозможно спать болѣе! 6-я часъ, и некому, кромѣ пожарной команды, будить нашу Остоженку.—Нѣтъ, сударь! не видно ни огня, ни дыму; небо ясно, но множество каретъ, колясокъ и дрожекъ тянутся къ Коммерческому Училищу... вотъ... поворачиваютъ налѣво...“ *

„Странное дѣло! подумалъ я, въ 6-мъ часу утра такой развѣздъ, это что-то необыкновенное... Не знаешь ли, Ясонъ, не остановился ли на Остоженкѣ какой-нибудь министръ, генераль-губернаторъ?—Не умѣю вамъ доложить!—

*) „Невскій Зритель“, ч. 3, стр. 230—232, „Новый философъ.“

Такъ давай же одѣваться... пойду — и узнаю причину тревоги.“

„Одѣваюсь—иду—но въ самыхъ дверяхъ останавливаетъ меня молодой Ролинскій. Увидя его, отъ изумленія и страха я отступилъ на два шага. Я знаю, что Ролинскій живетъ на дачѣ своей, на Бутыркахъ, и обыкновенно спитъ до полудня: появленіе его въ 6-мъ часу утра изумило меня, а лице его, блѣдное, заспанное, страдальческое, поразило меня ужасомъ. «Скажите, ради Бога, что случилось съ вами? что заставило васъ уѣхать съ дачи такъ рано? пробормоталъ я, сжимая его руку.—Ничего! ничего! совсѣмъ ничего не случилось! Я здоровъ, и нарочно заѣхалъ, чтобъ предложить вамъ прогуляться со мной на воды.—«На воды?» — Да, на воды, въ Карлсбадъ! Угодно ли?—Какъ? въ Карлсбадъ? вы ѣдете въ Карлсбадъ?» — Съ сестрою, съ племянницею, и съ вами, если угодно... ѣду сію минуту.—«Вы шутите?» — Ничего!—«Въ Карлсбадъ? теперь? прямо отъ меня?..»—Прямо отъ васъ, въ домъ Солдана... «Знаю домъ Солдана.»—Такъ знайте же и то, что тамъ найдете всѣ европейскія минеральныя воды: Карлсбадскія, Мариенбадскія, Эгерскія, Пирмонтскія...“ *)).

Когда наши путники пріѣхали къ дому Солдана, весь его дворъ былъ уставленъ экипажами. Сотни лакеевъ толпились передъ крыльцомъ. Посѣтителей была масса. Они наполняли и зданіе минеральныхъ водъ, и большой садъ. Мальчики, раздававшіе воду, едва успѣвали наполнять кружки и снабжать подходившихъ листочками шалфея для чищенія зубовъ. Подрумяненныя старушки, румяныя женщины, блѣдненькія дочки, кавалеры всѣхъ сортовъ и ранговъ, тянулись непрерывною цѣпью къ источникамъ здоровья, къ мальчикамъ, разливавшимъ воду. Убогій оркестръ нангривалъ старинныя марши и экосезы. Только ливреи и бороды, не постигая фантазіи своихъ господъ, забавлялись на ихъ счетъ, и я невольно улыбнулся, говорить авторъ статьи,

*) „М. Вѣстникъ“ 28 г., ч. 10, стр. 187—188.

услыша, какъ одинъ кучеръ со смѣхомъ увѣрялъ, что господь обманываютъ, что онъ самъ своими глазами видѣлъ, какъ брали воду изъ Москвы рѣки.“

„Благодѣтельное заведеніе! восклицаетъ далѣе авторъ. Не говоря уже о старикахъ, ослабленныхъ, больныхъ, дряхлыхъ, напримѣръ, какъ полезны эти воды прекраснымъ москвитянкамъ! Привыкнувъ вставать въ 11, 12 часовъ, теперь—о ужасъ!—теперь ихъ будятъ въ 5-мъ; въ 5 часовъ онѣ должны уже быть на водахъ! онѣ должны прогуливаться—ходить безпрестанно 3 часа... сряду 3 часа! Когда это съ ними бывало? Истинно ли онѣ больны, или мода пригнала ихъ сюда — польза очевидна! Посмотрите, какъ онѣ будутъ свѣжи, румяны, здоровы, веселы зимою! Вотъ наступятъ благородныя собранія... начнутся балы... я тотчасъ узнаю дѣвушку, которая пила воды!... Она вѣрно будетъ свѣжа какъ роза, какъ роза майская! Кромѣ того, какое торжество для этой розы, если она встрѣтится въ обществѣ съ кузиною, пріѣхавшею изъ деревни. „Я пила Мариенбадскія воды! Я пила Спруденъ! Я пила Пирмонтскія воды!... Я пила Эгерскія воды! Ah, та chère! какъ было весело на водахъ! какое общество! Всѣ путешественники увѣряютъ, что наши воды устроены несравненно лучше всѣхъ заграничныхъ!“ А бѣдная провинціальная кузина, слушая рассказы о водахъ, даетъ себѣ честное слово непременно съ мая пить воды... въ Москвѣ, на Остоженкѣ! И прекрасно. Она, въ свою очередь, будетъ павлиниться передъ своими сосѣдками, рассказывать имъ о чудесныхъ водахъ, а паничка ея пустится въ расчеты, какъ выгодно для русскихъ московское заведеніе минеральныхъ водъ.“

Другой москвичъ, пившій названныя воды, почтилъ ихъ стихами. Между прочимъ, онъ въ нихъ говоритъ:

Лишь только пять часовъ пробьетъ,
Жена моя уже одѣта
И подъ крыльцомъ стоитъ карета,
И мы съ пяти часовъ утра
Ужъ ѣдемъ съ нею со двора.

За нами вслѣдъ и передъ нами,
 И парами и четверными,
 Каретъ и дрожекъ цѣлый рядъ,
 И всѣ наперерывъ спѣшать.
 Тутъ шляпки, чепчики, вуали,
 И тюль, и газъ, и пикинетъ.
 Капоты модные и шаши
 Въ глава мелькаютъ изъ каретъ.
 Но вотъ къ крыльцу мы подъѣзжаемъ
 И входимъ въ неизвѣстный домъ:
 (Хозяинъ съ нами незнакомъ,
 И даже здѣсь ли онъ — не знаемъ).
 Проходимъ дальше — и встрѣчаемъ
 Блестящій, лучший кругъ Москвы,
 Людей и статскихъ и военныхъ;
 Приѣзжихъ съ береговъ Невы
 И изъ губерній отдаленныхъ;
 Московскихъ миловидныхъ дамъ
 Въ небрежныхъ утреннихъ уборахъ.
 И съ ними въ рядъ и по слѣдамъ
 Мужчинъ въ веселыхъ разговорахъ *).

Для нѣкоторыхъ внучекъ Евы описываемаго времени пріятнымъ развлеченіемъ были, какъ показываютъ журналы, сплетни. Искусство сплетничества было доведено нѣкоторыми до совершенства. Въ комедіяхъ и повѣстяхъ 20-хъ годовъ часто выводился типъ сплетницы, и иногда довольно удачно. Такъ, между прочимъ, въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 29 г. былъ помѣщенъ отрывокъ изъ комедіи Загоскина «Столичные жители въ провинціи», въ которомъ выведена на сцену сплетница помѣщица Линская. Чтобы имѣть большій запасъ новостей, она разсылаетъ въ разныя мѣста своихъ слугъ и велитъ имъ узнавать о житьѣ-бытьѣ ея знакомыхъ. Надосугъ — а у ней вѣчный досугъ — она выспрашиваетъ у нихъ, что они видѣли и слышали. И вотъ одинъ изъ нихъ докладываетъ своей госпожѣ, что былъ у такихъ-то ея знакомыхъ, что эта послѣдняя очень сердится на своего мужа за то, что онъ выпроводилъ изъ дома учителя-фран-

*) „М. Вѣстникъ“ 28 г. ч. 10, стр. 415.

цуза, что Алена Дмитриевна озабочена прискакием жениховъ для своихъ дочерей, что у Ольгиной въ дому большія передѣлки, что Кирбитова отдала въ солдаты послѣдняго слугу, что Атуевъ промѣнялъ трехъ гончихъ и псаря на двухъ борзыхъ и т. д. Экспедиція другаго, Аеоньки, была менѣе удачна. Желая подсмотреть, что дѣлается въ домѣ знакомаго ей госпожи, помѣщика Волгина, онъ примостился къ окошку, но былъ замѣченъ, пойманъ и страшно избитъ бариномъ и слугами. Докладывая объ этомъ вазусѣ, Аеонька говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Зачѣмъ смотрѣлъ въ окошки?“ *)

Вы видите, какая грязь,

Я шель сторонкою. — „Вотъ я тебя.“ — Позвольте! —

Сказалъ я, прибодрась;

Хоть я никто другое, а драться не извольте.

„Ты плутъ, шпіонъ!...“ Ашъ нѣтъ, сударь, совсѣмъ не то!

Какъ вдругъ онъ, матушка, съ наскоку

Брызъ въ щеку! —

Послушайте! за что?

„А вотъ за что!“ — да хлысть въ другую...

Въ другомъ отрывкѣ изъ комедіи «Неожиданное возвращеніе», помѣщенномъ въ «Невскомъ Зрителѣ» 20 г., выведена сплетница Вѣстина. Она передаетъ впечатлѣнія своихъ столичныхъ визитовъ. Пустившись въ три часа на обѣдъ къ одной княжнѣ, она думала найти тамъ толпу гостей, но получила отъ горничной въ дверяхъ отказъ: «барыня лишь встать изволила сейчасъ». Разругавъ княжну, она поѣхала навѣстить знакомую баронессу. Входить и слышать крикъ и хлопанье дверей. Оказывается, что барыня, желая идти на исповѣдь, въ прощальный часъ даетъ расправу людямъ. Затѣмъ она побывала у знакомой Ханжовой. Эта только что пріѣхала домой съ похоронъ сестры. Погрустивъ немного съ гостьей, опечаленная хозяйка стала одѣваться на свадьбу **).

*) Слова барыня.

**) „Невскій Зритель“ 20 г., ч. 2, стр. 273.

Обратимся теперь къ вопросу о томъ, что составляло любимое чтеніе прекраснаго пола въ названное время. Изъ свидѣтельствъ современной журналистики оказывается, что до серьезнаго чтенія мало было охотницъ между прекраснымъ поломъ. Читались только повѣсти, романы и стихотворенія. Въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 27 г. было помѣщено замѣчательное письмо къ издателю о положеніи современнаго журналиста по отношенію къ публикѣ. Въ немъ было сказано нѣсколько словъ о томъ, какъ относились къ журналамъ представительницы прекраснаго пола. «Ты думаешь; писалъ между прочимъ авторъ письма, голосомъ чувства и истины тронуть Эмилию, когда сладкіе звуки востильона, комплименты обожателей все для нея заглушаютъ. Ты скажешь: пусть она веселится въ часы удовольствій, пусть забавляется мадригалами свѣтскаго остроумія; но за то въ часы уединеннаго досуга пусть удѣлитъ нѣсколько минутъ тихому, нетрудному размышленію, чувствамъ невинной души— и пусть повѣрять ихъ въ прекрасномъ произведеніи поэта, который искусно высказаетъ ей то, что сердце ея чувствуетъ, но выразить не можетъ. Да, другъ мой! я согласенъ съ этимъ. Но когда *собою-то* заниматься? Ты скажешь: повѣрять чувства души своей значить заниматься собою. Нѣтъ, другъ мой! душу въ сторону! Ты говоришь на какомъ-то языкѣ непонятномъ: заниматься съ собою значить съ собою бесѣдовать, а чтобъ бесѣдовать съ собою, надо видѣть себя гдѣ нибудь, а гдѣ жъ себя видѣть, какъ не въ чистомъ, ясномъ зеркалѣ, которое одно говоритъ правду, лучше всякаго поэта и философа. Вотъ еслибы въ *минуты* или, лучше сказать, *часы* этой бесѣды, этого милаго совѣщанія о новомъ нарядѣ, ты представилъ Эмилию летучую картинку наряженной куклы и тѣмъ рѣшилъ ея печальныя сомнѣнія о бальномъ уборѣ, то привлекъ бы ея дорогое вниманіе. И этого нѣтъ у тебя! О чемъ же тебѣ и говорить съ Эмилией?» *).

*) „М. В.“ 27 г., ч. 1, стр. 79—80.

Для рѣшенія вопроса о томъ, что составляло предметъ любимаго чтенія прекраснаго пола въ названное время, много данныхъ даетъ драматическая сцена, помѣщенная въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 27 г. Дѣйствующими лицами являются книгопродавецъ, переводчикъ и помѣщикъ. Дѣйствіе происходитъ въ книжной лавкѣ. Книгопродавецъ жалуется переводчику на ничтожность спроса на книги. Журналы читаются плохо, серьезные книги тоже. „Картинки модъ намъ очень нужны, стишки да повѣсти, а больше ничего“, съ сожалѣніемъ замѣчаетъ книгопродавецъ. Изъ его же словъ оказывается, что хорошій сбытъ имѣли Вальтеръ-Скоттъ и Байронъ. Между столичными и болѣе просвѣщенными читательницами въ это время уже прошло увлеченіе произведеніями Лафонтена, Котень, Радклифъ, Жанлисъ, Коцебу. Эти авторы, по словамъ книгопродавца, считались уже не городскими, а степными.

Бывало Коцебу слылъ авторомъ полезнымъ
Въ столицахъ, а теперь въ степяхъ его чтенъ,
И наша братія помечте продавцы
Развозятъ сволочъ всю по деревнямъ уѣзднымъ.

Въ концѣ сцены въ книжную лавку входитъ помѣщикъ, желающій купить для своей дочери романъ. Съ вздохомъ отдавая деньги книгопродавцу, онъ замѣчаетъ:

Что дѣлать съ дѣтками?—пустѣтъ ꙗшечекъ!
Когда бъ не дочь моя Ульяна,
Ни за чтобъ не купилъ я твоего романа.

Нѣтъ нужды замѣчать, что читательницы, знакомыя съ французскимъ языкомъ, увлекались французскими повѣстями и романами.

Вопросъ о нравственномъ и эстетическомъ развитіи, какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлаго общества, тѣсно связанъ съ вопросомъ объ умственномъ развитіи, и если данъ отвѣтъ на послѣдній, то вмѣстѣ съ этимъ отчасти данъ отвѣтъ и на первый. Вотъ почему нѣтъ нужды много распространяться о нравственномъ и эстетическомъ развитіи той доли прекраснаго пола 20-хъ годовъ, которая была выведе-

на нами раньше. Скажемъ только о нѣкоторыхъ явленіяхъ нравственнаго міра, какъ они отразились въ журналистикѣ даннаго времени. Въ романахъ, повѣстяхъ и комедіяхъ этого времени, между прочимъ, довольно часто приходится встрѣчаться съ несчастнымъ рогатымъ мужемъ. Такія сцены, какъ слѣдующія, были не особенно рѣдки.

„Лишь только вышли изъ-за стола, докладываютъ моему пріятелю о бриліантчикѣ, за которымъ послала его супруга.“ Скажи ему, чтобъ онъ пришелъ въ другой разъ, а теперь не время.—Посмотрѣть на хорошія вещи всегда время.— Но, моя милая!—Но, мой милый!—Если непременно хочешь, то пусть онъ войдетъ“.

„Ахъ, мой другъ, какія прекрасныя сережки! какое безподобное кольцо!—Но у тебя все это есть; къ чему тебѣ еще?—Мой милый, миленькій! я тебя люблю сердечно, не откажи мнѣ въ этихъ бездѣлицахъ. При сихъ словахъ она цѣловала супруга, а руку ее, которую держала назадъ, цѣловалъ офицеръ“ *.

„Я удалился отъ людей, читаемъ въ другомъ мѣстѣ; проводилъ время съ своей женою, которую я избавилъ отъ бѣдности, которая добра, нѣжна, признательна и молода, и которая, по словамъ ея, любитъ меня сердечно. Сама никогда не выходитъ, а мнѣ совѣтуетъ чаще прогуливаться, увѣряя, что для меня это полезно. Однажды я вышелъ изъ дома, зашелъ въ кондитерскую, купилъ десятокъ свѣжихъ безе. до коихъ жена моя большая охотница, и спѣшилъ возвратиться съ ними домой“.

„На одномъ со мною корридорѣ живетъ какой-то пригожій молодой человѣкъ, который, кажется, всегда присматриваетъ за мною. Не желая, чтобъ онъ видѣлъ, что я несу домой безе, прошелъ я чрезъ черную лѣстницу и заднія двери; вхожу въ женину комнату и что... о Боже!... сосѣдъ мой, жена моя...“ **

* „Невскій Зритель“ 1821 г., ч. 5, стр. 269.

** Тамъ же, стр. 273.

Въ нѣкоторыхъ комедіяхъ, помѣщенныхъ въ журналахъ 20-хъ годовъ, выведены на сцену самоуправство и грубое обращеніе барынь помѣщицъ съ крѣпостными людьми. Явленіе это было, какъ видно, не особенно рѣдко. Въ комедіи „Неожиданное возвращеніе“, помѣщенной въ „Невскомъ Зрителѣ“, одна помѣщица, между прочимъ, дѣлаетъ признаніе такого рода:

Къ деревнѣ вашей я лишь стала подъѣзжать,
Сломалось колесо—и лошади взбѣсились.
Признаться, этотъ день былъ самый роковой;
Я сколько, батюшка, предъ Богомъ нагрѣшила,
Что какъ ни думала свой гнѣвъ привести въ повою,
Однакожь кучеру влѣпила.

Въ другомъ мѣстѣ та же почтенная дама повѣствуетъ слѣдующее:

Позвольте, мой отецъ, поѣздки досказать:
Княгиню разругавъ въ досадѣ, въ изумленьи,
Бароншу навѣстить скачу я къ Вознесенью:
Вхожу и слышу крикъ и хлопанье дверей.
Здороваль госпожа, что сдѣлалось съ ней?
На исповѣдь идти желая по уставу,
Она въ прощальный часъ... людямъ даетъ расправу;
Вотъ душу, батюшка, чѣмъ думаетъ спасти *.

Еще болѣе крутымъ нравомъ отличается выведенная въ комедіи „Столичные жители въ провинціи“ помѣщица Линская. Войдя въ гостинную и видя, что она неубрана, она раздражается такимъ монологомъ:

Гостинная совсѣмъ не убрана;
Въ присадникѣ потоптаны всѣ гряды,
Дневальныхъ нѣтъ, садовникъ пьянъ,
Ну вотъ какіе беспорядки!
Держи людей! отъ нихъ убытки до изьявъ,
А проку ни на грошъ! Одинъ неблагодаренъ,
Другой гнѣивъ, тотъ пьяница, тотъ воръ...
Да вотъ постой! Лишь только бы наборъ,
Въ солдаты всѣхъ.

* „Невскій Зритель“ 1820 г., ч. 2, стр. 273.

Страсть къ расправѣ переходила иногда къ молодому поколѣнію. Въ этомъ отношеніи характеристиченъ слѣдующій отрывокъ изъ повѣсти Погодина „Невѣста на ярмаркѣ“. „Внутреннія дѣла препоручены были старшей дочери, которая имѣла все на рукахъ въ домѣ, и хозяйничала, когда Анна Михайловна (мать), по какимъ нибудь непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, должна была оставлять кормило правленія. Дворня находилась подъ ея надзоромъ, и она съязмаленька приученная, умѣла содержать домочадцевъ въ подобающемъ страхѣ: бѣда, бывало, сѣннымъ дѣвушкамъ, которыя не успѣвали дошить какого нибудь городка въ платьѣ или довязать урочной кости въ чулкѣ; бѣда дѣвочкѣ на послыкахъ, которая стоя впродолженіи часовъ двѣнадцати за ея стуломъ, вздумала бы задремать подъ вечеръ, побѣжденная природою“.

Такова была довольно значительная доля героинь, выводящихся въ журнальныхъ романахъ, повѣстяхъ и комедіяхъ 20-хъ годовъ. Вывода на свѣтъ недостатки и слабость современнаго прекраснаго пола, журналистика подвергала ихъ иногда довольно ѣдкому осмѣянію и тѣмъ приносила не малую пользу современному обществу. Такъ, мы сказали, относились къ даннымъ явленіямъ романъ, повѣсть и комедія. Совсѣмъ инымъ характеромъ отличалась лирическая поэзія. Здѣсь все было благополучно и сатиры, за исключеніемъ эпиграммы, почти не встрѣчалось. Здѣсь, когда дѣло касалось женщины, слышались только восторги и похвалы тому или другому обворожительному существу изъ среды прекраснаго пола. Вотъ нѣсколько примѣровъ на удачу.

М А Д Р И Г А Л ь.

„Увидя Лидиньку, счастливымъ буду я“,
 Такъ говорилъ не зная, прелестная, тебя,
 По слуху одному красой твоей плененный.
 Сбылось желаніе, тебя я увидалъ
 И, прелестьми твоими пораженный,
 (Повѣришь ли?) несчастнѣй сталъ!

Элегія.

Ни прелесть голубыхъ очей,
 Ни персей трепетанье,
 Ни звуки сладостныхъ рѣчей,
 Ни жаркое лобзанье
 Любви моей не побѣдятъ:
 Вездѣ передо мною
 Эрменіи послѣдній взглядъ
 Съ прощальною слезою!

Лидѣ.

Напрасно ты съ собой,
 О Лидя! смерть равняешь:
 Она даетъ покой,
 А ты его лишаешь.

Сонетъ.

Не льстивыхъ словъ обдуманной отравой,
 Не вѣтренной манить она красой:
 Все дышетъ въ ней небесной простотой,
 И прелестью небесно величавой.
 Улыбка, взглядъ, то нѣжной, то лукавой.
 Не нужно ей, чтобы плѣнять собой;
 Ея лицо блистаетъ добротой,
 Глаза горятъ поэзіей и славой.

Обратимся теперь къ мужской половинѣ общества 20-хъ годовъ, и именно къ той его долѣ, которая выведена въ современной журналистикѣ не въ особенно привлекательной формѣ. Въ этой занимательной галлерей портретовъ много было лицъ, которыя дали обильный матеріалъ для безсмертныхъ произведеній Пушкина, Гоголя и Грибоѣдова. Были тутъ своего рода Онѣгины, городничіе, Хлестаковы, Земляники, подмигивающіе прокуроры, Ноздревы, Собакевичи, Пѣтухи, капитаны Копейкины, Фамусовы, Молчалины, Скалозубы и т. д. Встрѣчалось тутъ то же невѣжество, то же отсутствіе серьезныхъ интересовъ, то же обжорство, то же прожиганіе жизни, то же низкопоклонство, то же травтанье о томъ, что было бы, если бы слонъ рождался въ яйцѣ, и т. д. все то же самое, что мы встрѣчаемъ на страни-

цахъ произведеній Гоголя и Грибоѣдова, хотя, конечно, не въ такой гениальной формѣ и не въ такой полнотѣ, какъ у послѣднихъ. Были даже своего рода Кошкаревы. Такъ, въ одной комедіи Загоскина, помѣщенной въ „Московскомъ Вѣстникѣ“, мы встрѣчаемъ одного помѣщика, о которомъ въ комедіи идетъ такой разговоръ между барыней и слугою:

СЛУГА.

Свой онъ хочетъ заведенья
Показывать.

БАРЫНЯ.

Показывать — кому?
Не вязю ли?

СЛУГА.

Да, матушка, ему.
И школу, и заводъ, машинную теплицу!
А пуще-та всего—больницу.

БАРЫНЯ.

Ну этимъ хвастаться не вижу я причинъ.
Народъ вездѣ приставленъ вольной,
Заводъ построенъ изъ лучинъ,
Больница изъ застойной...

СЛУГА.

Нѣтъ, матушка, изъ двухъ оранжерей
И стараго вартнаго сарая.

БАРЫНЯ.

Не бось, мой братецъ, умирая,
Своихъ не спроситъ лекарей.
Я гроша бъ не дала всѣмъ этимъ объѣдаламъ:
Одинъ изъ нихъ былъ гдѣ-то коноваломъ,
Другой... да что тутъ говорить,
Спасибо некого морить*.

Еще болѣе совершенный прототипъ Кошкарева мы встрѣчаемъ въ характеристикѣ „Невскаго Зрителя“, подъ названіемъ „Удивительный человѣкъ“. Въ ней выводится помѣщикъ, бесѣдующій съ учителемъ-студентомъ. Между ними

* „Московскій Вѣстникъ“ 1829 г., ч. 1.

ведется, между прочимъ, такой разговоръ: „Нынѣшнюю ночь я ни на волосъ не спалъ... Эта бессонница заставила меня хорошенько подумать объ этой деревнѣ“... „Слушаю, ваше высокородіе“. „Это очень хорошо — здѣсь я полный господинъ, здѣсь всѣ повинуются мнѣ, здѣсь никто не можетъ ни говорить, ни дѣлать противнаго мнѣ; я воображаю себя владѣтелемъ—княземъ“... „Точно такъ, ваше высокородіе“. „Здѣсь я первый!“ „Совершенная истина, ваше высокородіе“. „Не будучи занятъ службою, я хочу посвятить время моего здѣсь пребыванія на образованіе моихъ поселянъ“. „Очень хорошо, ваше высокородіе!“ „Они добрые люди, но не таковы, какими бы мнѣ хотѣлось ихъ видѣть“... „Истинно, ваше высокородіе!“ „Ихъ легко можно преобразить“. „Безъ сомнѣнія, ваше высокородіе!“ „Притомъ мнѣ хочется видѣть здѣсь всякаго рода заведенія“. „Ничего не можетъ быть лучше, ваше высокородіе!“ „Я хочу, чтобъ здѣсь былъ маленькій городъ... нѣсколько улицъ, училище, театръ, манежъ, площадь, манументы, казармы для всякихъ мастеровъ, но прежде всего сельскій судъ!...“ „Сельскій судъ?“ „Да, другъ мой, сельскій судъ! Какъ непристойно мнѣ заниматься крестьянскими дѣлами дома, приказывать и судить ихъ, то мнѣ хочется выстроить домъ“... „Безподобно, ваше высокородіе!“... „Домъ для сельскаго суда... Я, яко помѣщикъ, беру на себя званіе главнаго судьи, ты будешь моимъ секретаремъ, приващикъ — совѣтникомъ, староста — въ родѣ квартальнаго надзирателя, писарей можно набрать изъ актеровъ“... „Единственно, ваше высокородіе!“ „А? не правда ли, что я вздумалъ славное дѣло? Судъ будетъ раздѣленъ на три отдѣленія: барское, гражданское и уголовное“... „Весьма благоразумно, ваше высокородіе!“ „Въ гражданскомъ будемъ разбирать ссоры, въ уголовномъ наказывать, въ барскомъ будутъ заниматься вниманіемъ оброку... Сверхъ того, къ гражданскому относится училище, театръ, садъ; къ уголовному: работы; къ барскому: жалованье дворовымъ людямъ и назначеніе праздниковъ“... „О! я въ восхищеніи отъ вашего плана, ваше высокородіе!“... „А? не правда ли?“

„Истинно, ваше высококорodie“! „Теперь надо тебѣ заняться сочиненіемъ законовъ гражданскихъ и уголовныхъ... Да! надобно еще деревенскую полицію: безъ полиціи нѣтъ порядка“... „Точно, ваше высококорodie“! „Итакъ напиши законы для гражданскаго отдѣленія, для уголовного отдѣленія и для полиціи, ясно и вразумительно!... Живописцу вели нарисовать фасады и планы саду, театру, манежу и ремесленному институту“... „Слушаю, ваше высококорodie“! «Все какъ можно поскорѣе... такъ же и питать людямъ, нужнымъ для суда... Жалованье я самъ назначу...» Ну, друг мой, не правда ли, что у меня чрезвычайныя мысли. Я буду здѣсь султаномъ. Прелестно!... Не понимаю, какъ счастливая мысль о преобразованіи моей деревни прежде не пришла мнѣ въ голову... Я жилъ въ городѣ, и совсѣмъ не такъ, какъ должно жить истинному помѣщику 3000 душъ! Теперь все пойдетъ иначе! Ступай же пиши!»

«Удивительный человекъ съ торжествующимъ лицомъ всталъ съ кресель, ударилъ двумя пальцами по своей табакеркѣ, понюхалъ табакъ и указалъ студенту двери» *).

Многіе изъ помѣщиковъ описываемаго времени любилъ пожить на широкую ногу. Они украшали комнаты петербургскою мебелью, парижскою бронзою, англійскими коврами, итальянскими картинами, турецкими диванами, накупали экипажей, лошадей, нанимали живописцевъ, актеровъ, чтецовъ, секретарей, парикмахеровъ, французовъ поваровъ и т. д. Когда они отправлялись въ деревню, обозъ, сопровождавшій ихъ, равнялся по своей длинѣ поѣзду желѣзной дороги. Въ одномъ журналѣ 20-хъ годовъ мы встрѣчаемъ такое описаніе поѣздки одного помѣщика въ деревню. Баринъ съ барыней, перекрестившись, сѣли въ великолѣпную коляску въ шесть лошадей. За ними потянулась вереница другихъ экипажей. Первая фура была нагружена «Московскими Вѣдомостями», и грудой сочиненій, въ стихахъ и прозѣ.

*) „Невскій Зритель“. 1820 г., стр. 29—32.

поднесенных помѣщику его почитателями. За библіотекой слѣдовала кухня на трехъ повозкахъ. За кухней ѣхали пять поваровъ: французъ, итальянецъ, нѣмецъ, русскій и полякъ. Далѣе слѣдовало десять поваренковъ; еще далѣе ѣхали докторъ и цирюльникъ съ домашней аптекой. Въ остальныхъ экипажахъ находились актеры, актрисы, стихотворецъ, плясуны, музыканты, живописецъ, чтецъ, писмоводитель, горничныя, камердинеры, парикмахеры, два шута. Потомъ слѣдовалъ гардеробъ барина и барыни. Владѣлецъ всего поѣзда, въ атласномъ шлафрокѣ и зеленомъ сафьянномъ картузѣ, гордо посматривалъ изъ своего экипажа на проходящихъ. По случаю этого выѣзда въ деревню, стихотворцемъ, находившимся въ поѣздѣ, было написано аллегорическое стихотвореніе подъ названіемъ: «Аллегорическое шествіе Аполлона и Дафны въ село Талантово». Во время движенія поѣзда чтецъ и трагическій актеръ декламировали первое явленіе изъ „Эдипа“, пѣвцы и пѣвицы пѣли: «Лишь только занялась заря», шуты хохотали съ горничными. Когда поѣздъ добрался до деревни, крестьяне съ такою же радостію и торжествомъ встрѣтили своего барина, съ какою былъ встрѣченъ прибывшій въ свою деревню Тентетниковъ. Впереди шелъ старикъ въ зеленой курткѣ и велъ за руку мальчика лѣтъ двѣнадцать въ полосатомъ затрапезномъ халатѣ. Когда поѣздъ приблизился, раздался общій крикъ: «съ прїѣздомъ поздравляемъ, батюшка нашъ кормилецъ, Гаврила Петровичъ, и матушка наша, Анна Семеновна!» Староста поднесъ хлѣбъ и соль, старостиха яйца, а мальчикъ въ халатѣ, размахнувъ руками, произнесъ рѣчь, начало которой было слѣдующее: „Высокородный господинъ! Когда усердіе и благоговѣйное изъявленіе преданной покорности съ симъ хлѣбомъ, солью и яйцами являются лучезарному лицу твоему, да позволено будетъ дерзнуть издѣть предъ тобою, высокородный господинъ, чувствованіе глубоко-тронутого сердца...“ За рѣчь мальчикъ получилъ отъ барина гривну. Когда баринъ вошелъ въ приготовленные для него покои, человекъ въ зеленой курткѣ, бывшій приказчикомъ, предшествуя и раство-

рая двери, говорилъ: „вотъ официантская, ваше высокородіе! вотъ зала, ваше высокородіе! вотъ гостиная, вотъ диванная, ваше высокородіе! вотъ спальная, ваше высокородіе!“ и т. д. Когда баринъ пошелъ осматривать село, приказчикъ разсказалъ ему, гдѣ рѣка, гдѣ луга, гдѣ прудъ, гдѣ сады и прочія угодыя.

Вслѣдствіе неумѣренной любви нѣкоторыхъ помѣщиковъ къ роскоши, являлись долги, закладыванье и перезакладыванье имѣній, знакомство съ ростовщиками, увеличеніе крестьянскихъ налоговъ и т. д. Въ произведеніяхъ журналистики 20-хъ годовъ нерѣдко встрѣчаются такого рода признанія дѣйствующихъ лицъ:

Намъ здѣсь досталось имѣнье,
Такъ мы пріѣхали сюда
Кой-что на первый разъ устроить:
Одно продать, другое заложить,
Поправить мужиковъ, оброки всѣ удвоить.

Нѣкоторыхъ помѣщиковъ разорала и неумѣренная любовь къ наслажденіямъ, напримѣръ, любовь къ борзымъ, о которой нерѣдко трактуется въ произведеніяхъ журналистики 20-хъ годовъ. Выраженіе комедіи Загоскина „Столичные жители въ провинціи“: „Атуевъ промѣнялъ трехъ гончихъ и псара на двухъ борзыхъ“, вѣроятно, могло быть примѣнено и не къ одному Атуеву.

Въ нѣкоторыхъ помѣщикахъ описываемаго времени мы встрѣчаемъ онѣгинскую черту разочарованья и пресыщенья жизнью. Въ новѣсти „Понюхайте табаку“, помѣщенной въ „Невскомъ Зрителѣ“, одинъ помѣщикъ дѣлаетъ такого рода признаніе: „Я испыталъ всѣ забавы: однѣ сдѣлали меня расточительнымъ и стоили половины моего имѣнія, другія поселили во мнѣ ко всему безвкусіе. Я любилъ охоту, вкусныя вина и прекрасный столъ; сосѣди и знакомые хвалили мое угощеніе, удивлялись быстротѣ и уму борзаго Няна, а хозяина называли про себя дуракомъ. Бросилъ охоту, принялся за любовь къ картинамъ и женщинамъ; накупилъ Рубенсовъ, Корреджіевъ и Лорреневъ, влюбился въ жену

свою, въ трагическую актрису и въ англійскую гувернантку. Но, ах! картины и женщины жестоко обманули меня". И много другаго можно найти въ романахъ, повѣстяхъ и комедіяхъ, помѣщенныхъ въ журналахъ 20-хъ годовъ, что напоминаетъ намъ безсмертные типы Пушкина, Гоголя и Грибоѣдова. Но мы оставимъ помѣщиковъ, оставимъ ту ихъ группу, которая справедливымъ образомъ навлекла на себя укоры современной журнальной сатиры, и обратимся къ тому типу, который вѣзмъ намъ извѣстенъ подъ именемъ поручика Кувшинникова или, что почти одно и то же, штабсъ-ротмистра Поцѣлуева.

Поручикъ Бубновъ послѣ отца остался младенцемъ и до десятилѣтняго возраста воспитывался дома, подъ надзоромъ матери. Мальчика кормили пирогами и калачами, водили въ теплыхъ фуфайкахъ, тѣшили и забавляли, а прочее оставляли на волю Божию. На одиннадцатомъ году отдали его въ пансіонъ въ столицу. Оединька, лавившій дома по голубятнямъ и повѣсничавшій при гостяхъ, не могъ прилежно взяться за дѣло. Такъ какъ къ экзаменамъ его матушка дарила, кому слѣдуетъ, индѣекъ малую толику, то, не смотря на свою лѣность, Бубновъ благополучно переходилъ изъ класса въ классъ и, наконецъ, кончилъ утомительный курсъ ученья, хотя вышелъ изъ пансіона съ совершенно пустою головою. Поступивши въ гусары, онъ нашель себя товарищей одной масти и началъ кутить и мутить, очертя голову. Черезъ полгода послѣ вступленія въ полкъ уже никто не могъ перепить его. Товарищи дивились, когда онъ, ударясь объ закладъ, опоражнивалъ бутылки рейнвейна. На всякомъ поединкѣ онъ готовъ былъ быть секундантомъ. Во всякомъ лихомъ, отчаянномъ дѣлѣ Бубновъ являлся участникомъ и не прочь былъ проиграть казенныя деньги на ярмаркѣ. Приволокнуться онъ также былъ мастеръ. Таковъ былъ поручикъ Бубновъ, выведенный въ одной изъ журнальныхъ повѣстей 20-хъ годовъ. И такихъ Бубновыхъ было тогда не мало. Это типъ, отчасти родственннй Поздраву, отчасти капитану Колейкину. Состязаться съ нимъ въ пус-

тотъ и паразитности существованія могли только Мотыльковы и Услугины. Мотыльковъ—это герой всѣхъ бульваровъ, Въ столицахъ первый франтъ, расчесанный съ очками, Затянуть весь въ корсетъ;

Хотя и Крезомъ онъ въ собраніяхъ блеститъ,
Но весь его багажъ лишь въ фракахъ состоитъ.

Услугинъ не менѣе замѣчательнъ. Это —

Общій другъ, и кумъ, и адвокатъ,
Любезный человекъ, безъ всякаго сомнѣнья,
Живя на счетъ другихъ, онъ все исполнитъ радъ;
Нѣтъ въ городѣ крестинъ, ни свадьбъ, ни погребенья,
Кудабъ ни зачотъ дружекъ сей заглянуть,
Чтобъ къ ужину поспѣвъ, откушать съ молодыми,
Иль сродниковъ въ обѣдъ усопшихъ помянуть.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о томъ мірѣ, который, на ряду съ помѣщиками, превосходно охарактеризованъ въ «Мертвыхъ душахъ» и «Ревизорѣ» Гоголя. Это міръ проникнутаго взятками чиновничества, который также вывѣдился на сцену въ журналистикѣ 20-хъ годовъ. Здѣсь послѣднею указывалось на многія смѣшныя или неблаговидныя явленія. Такъ, въ одной повѣсти мы видимъ засѣдателя, который полтора года не могъ смотрѣть безъ омерзенія на судьбу за то, что послѣдній, имѣя у себя тузъ самъ-четверть козырей и прекрасную масть, не пошелъ къ нему въ вистъ на бостонъ и заставилъ поставить большой ремизъ на пулюку; потомъ этотъ засѣдатель примирился съ своимъ врагомъ, хотя неизвѣстно по какой причинѣ, и шилъ вмѣстѣ магарычъ у купца Солодова, снявшаго выгодный подрядъ въ казну, благодаря услужливости агента. Видимъ протоколлиста дворянской опеки, дающаго большой обѣдъ для городскихъ властей по случаю выгодной покупки имѣнія у сиротъ, видимъ почтмейстера, пользующагося журналами прежде подписчиковъ и тѣмъ нѣсколько напоминающаго почтмейстера Гоголя, видимъ судью, который каждый день приносилъ домой женѣ либо бѣленькую, либо красненькую, и къ которому о Святой и Рождествѣ со всего уѣзда и несли, и везли, кто муки, кто крупы, кто живности, изъ городскихъ же жителей — кто чай, кто сахару. Встрѣчаемъ

чиновника-ростовщика, дававшего купцамъ деньги за огромные проценты, встрѣчаемъ предсѣдателя палаты, преслѣдующаго секретаря за взятки и принимающаго съ задняго крыльца просителей, и многое тому подобное.

Печальное явленіе въ 20-хъ годахъ, какъ показываетъ журналистика, составляло полнѣйшее равнодушіе значительной доли мужскаго общества къ серьезному чтенію, что не могло не отражаться вреднымъ образомъ на литературѣ. Въ замѣчательномъ письмѣ одного пріятеля къ одному журналисту * относительно этого мы находимъ, между прочимъ, слѣдующее. Прежде всего онъ говоритъ, что журналистъ не долженъ рассчитывать на большой кругъ читателей. Для доказательства онъ обозрѣваетъ читателей, начиная съ знатнаго, богатаго барина. Управитель послѣдняго, — говоритъ онъ, — которому всегда поручено читать газеты, объявивъ обо всѣхъ важныхъ новостяхъ, имъ прочтенныхъ, ни слова не промолвить о новомъ журналѣ, такъ какъ онъ замѣтилъ, что его баринъ всегда пропускалъ мимо ушей такія новости и даже часто сердился за сообщеніе ихъ. „Юный, полученный сынокъ его, продолжаетъ онъ, не разсмотрѣлъ такого объявленія, потому что глаза его разбѣжались по извѣстіямъ о первомъ собраніи, маскарадѣ и проч... Нечего говорить о старомъ зажиточномъ экономѣ, который не держитъ ничего бумажнаго у себя въ кабинетѣ, кромѣ ассигнацій, ему ли дѣло до журналовъ?—Лихой наѣздникъ, скололюбивый *bon vivant*, схватилъ было такое объявленіе, да какъ увидѣлъ, что ты ни объ коняхъ, ни о чемъ конскомъ толковать не намѣренъ, тотчасъ завернулъ въ него лѣкарство для своего ненагляднаго друга, для гнѣдаго Геркулеса, который вмѣстѣ съ прочими богами и богинями Олимпа красуется въ его конюшнѣ. Устарѣвшій повѣса, который когда-то² учился, да и теперь еще съ базара свѣтскаго забѣгаетъ на базаръ литературный, взглянулъ и на твое объявленіе, но какъ дочитался до какой-то теоріи и практики,

* „Московскій Вѣстникъ“ 1827 г., ч. 1, стр. 76 и слѣд.

то въ одинъ мигъ закурилъ имъ трубку, обвиняя тебя въ излишнемъ педантизмѣ“. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Другъ мой, если трудно бороться съ невѣжествомъ, то еще труднѣе съ равнодушіемъ. Первое похоже на новый кремль: бей, стучи въ него огнемъ — и посыплются искры. Второе — обгорѣлый камень, который не боится ни огня, ни воды, ни вѣтра. Невѣдству страшны побои разума; въ немъ еще можно пробудить голосъ собственного сознанія. Равнодушіе съ притупленными чувствами все переносить; не слышитъ оно грома истины; въ немъ выгорѣла совѣсть — и оно стало нечувствительно и къ другимъ, и къ самому себѣ. Съ какой стороны ни взойди, оно отовсюду неприступно, какъ ежъ колючій свернулось въ клубокъ и дразнитъ тебя острыми иглами“.

Все сказанное въ названномъ письмѣ было основано на фактахъ. Дѣйствительно, не мало было лицъ въ указанное время, которыя читали только по средамъ и субботахъ и скорѣе узнавали о привозѣ голштинскихъ устрицъ и линбургскаго сыра, нежели о появленіи новой басни Крылова или баллады Жуковскаго. Большая часть провинціаловъ названнаго времени наслаждалась только чтеніемъ Брюсова календаря и письмовника Курганова и вела разговоръ

О сѣнокосѣ, о винѣ,
О псарѣ, о своей роднѣ.

На равнодушіе значительной части современнаго общества къ серьезному чтенію указывалъ, между прочимъ, и Булгаринъ. По его словамъ, можно было бы составить обширный каталогъ сочиненій истинно *европейскаго* достоинства, которыя вовсе не обращали на себя вниманія публики; еще обширнѣйшій каталогъ составилъ бы изъ сочиненій *азиатскаго* достоинства, т. е. различныхъ сказокъ и романовъ, которыя съ жадностію читались публикою. Изъ словъ Булгарина оказывается, что мало было читателей для такихъ произведеній, какъ описаніе путешествій Сарычева, Головнина, Крузенштерна, Муравьева и др., что историческія

сочиненія Шлецера, Миллера, записки Миниха, кн. Шаховскаго были встрѣчены публикою съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Изъ двухъ изданій исторіи Карамзина до 24-го года было продано только 5,000 экземпляровъ, сочиненія Батюшкова до этого времени не были распроданы даже первымъ изданіемъ. Сочиненія Жуковскаго можно было встрѣтить въ любой книжной лавкѣ въ большемъ количествѣ экземпляровъ.

По справкамъ, наведеннымъ Булгаринимъ у книгопродавцевъ, оказалось, что число покупаемыхъ книгъ, историческихъ и политическихъ, относилось къ числу покупаемыхъ романовъ и романтическихъ произведеній разнаго рода, какъ 1 къ 2 *. Подтвержденіе всему сказанному мы находимъ въ спискахъ подписчиковъ, прилагавшихся къ нѣкоторымъ журналамъ, напр. къ «Невскому Зрителю». Оказывается, что въ Кіевѣ на этотъ журналъ было въ 21 году три подписчика, въ томъ числѣ духовная академія, въ Псковѣ два, въ Калугѣ одинъ (купецъ), въ Орлѣ одинъ (тоже купецъ), въ Твери одинъ (тоже купецъ), въ Бобруйсѣ одинъ (тоже купецъ), въ Минскѣ одинъ (губернское правленіе), въ Костромѣ одинъ, въ Новой Ладогѣ одинъ (мѣщанинъ), въ Архангельскѣ два (казенная палата и портовая таможня), въ Кронштадтѣ одинъ (благородный клубъ), и т. д. въ этомъ родѣ.

При такомъ равнодушіи публики къ серьезному чтенію, немислимо было успѣшное развитіе литературы, успѣшное проведеніе въ общество серьезныхъ, капитальныхъ сочиненій. Поэтому такія сочиненія, какъ „Мысли о торговлѣ, сношеніяхъ и политикѣ древнихъ народовъ“, Герена, „Теорія драматическаго искусства Шлегеля, эстетика Аста, грамматика Добровскаго и многія другія подобныя, долгое время лежали въ рукописномъ переводѣ, по сообщенію Погодина въ одномъ мѣстѣ его журнала. Робертсоны, Гиббоны, Миллеры, Герены, Эйхгорны, Жубелени, по его словамъ въ другомъ

* Литературные листки 1823 г., № 1, стр. 10 и 11.

мѣстѣ, были извѣстны у насъ только по именамъ. Мѣшало переводу и изданію капитальныхъ и большихъ сочиненій и недостаточность средствъ преданныхъ литературѣ и наукѣ людей. Въ виду этого Погодинъ позволилъ себѣ на страницахъ своего журнала высказать такого рода желаніе: «Что если бы составилось на Руси общество съ цѣлію издавать и переводить важнѣйшія книги съ языковъ европейскихъ по всѣмъ языкамъ! Неужели изъ 500,000 нашихъ дворянъ, купцевъ и проч. не найдется 100 человекъ, которые рѣшились бы жертвовать ежегодно въ такое общество по 100 р. Я увѣренъ, что въ пять лѣтъ можно бы было значительно пополнить недостатокъ» *.

Не обнаруживая любви къ серьезному чтенію, къ наукѣ, къ знакомству съ ея главнѣйшими представителями на Западѣ, многіе въ русскомъ обществѣ 20-хъ годовъ обнаруживали любовь къ другимъ плодамъ западной жизни, которые вкусить было гораздо легче. Эта сторона усвоенія касалась всего того, что было связано съ вопросомъ объ удовольствіяхъ и наслажденіяхъ. Здѣсь иностранное было дорогимъ и почетнымъ гостемъ. Мы не будемъ распространяться относительно этого пристрастія. Укажемъ только на два характеристическіе случая, съ которыми насъ знакомитъ журналъ Погодина. Въ 1828 году москвичи заплатили тысячи рублей одному иностранному «бѣгуну» за доставленное имъ зрѣлище, между тѣмъ какъ русскіе готовы были взять за то же самое по полтинѣ серебромъ. Одинъ изъ такихъ скороходовъ при этомъ хотѣлъ просить генераль-губернатора слѣдующимъ письмомъ: «Сіятельвѣйшій князь! Увидавъ, что московская публика любитъ смотрѣть на бѣганье и платитъ дорогія деньги какому-то иноземцу, который въ 37 минутъ перебѣгаетъ девять съ половиною верстъ, между тѣмъ какъ это отнюдь не диво, я прошу ваше сіятельство о позволеніи помѣряться мнѣ моими русскими ногами съ симъ заморскимъ скороходомъ. Мнѣ хочется показать,

* „Московскій Вѣстникъ“ 1827 г., ч. 2, стр. 212.

что такихъ бѣгуновъ у насъ и не перечесть, но мы считаемъ за грѣхъ брать съ православныхъ деньги за такія легкія забавы. Если я не сдержу своего обѣщанія, то подвергаю себя любому наказанію». * Точно также могла бы жаловаться русская мѣщанка Ильинская, которая 19-го августа 1828 г. поднялась въ Москвѣ на воздушномъ шарѣ и встрѣтила холодное равнодушіе со стороны публики, между тѣмъ какъ обстоятельства дѣла требовали самаго горячаго одобренія. Наша героиня, какъ сообщаетъ журнальная замѣтка, поднялась на шарѣ, наполненномъ не газомъ, а простымъ дымомъ отъ ржаной соломы, поднялась болѣе, чѣмъ на 300 сажень и съ высоты привѣтствовала зрителей ракетами. Она собрала всего 200 руб., такъ что ей не достало денегъ на покрытіе издержекъ.

Пристрастіе къ иностранному обнаруживалось весьма часто и въ системѣ воспитанія дѣтей въ названное время. На эту слабость современнаго общества, указанную Крыловымъ, указывали и журналы. Такія указанія мы, между прочимъ, встрѣчаемъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» и «Литературныхъ Листкахъ». Въ первомъ изъ нихъ, въ статьѣ «Нравы», выведенъ на сцену одинъ состоятельный помѣщикъ, который ищетъ учителя для своего маленькаго сына. Учитель долженъ быть непременно французъ, и притомъ трехтысячный, потому что дешевые или пьяницы, или воры. Онъ ни слова не долженъ знать по русски, потому что съ такимъ учителемъ легче выучиться говорить по французски. Въ этой мысли помѣщика укрѣпляетъ его пріятель, у котораго и мамки и дядьки были французы. Напрасно другой, болѣе благоразумный, знакомый помѣщика доказывалъ ему, что сперва нужно обратить вниманіе на русскій языкъ. Отвѣтъ былъ одинъ: «по русски мальчикъ выучится и безъ учителя». Въ «Литературныхъ Листкахъ» указывалось на подобное же явленіе. Тамъ выведенъ пятнадцатилѣтній сынъ помѣщика Ванюша, танцующій какъ Дюпоръ и прекрасно гово-

* „Московскій Вѣстникъ“ 1828 г., ч. 10, стр. 420.

рацій по французски. По внушенію родителя, онъ *зочеть* любить свое отечество, но *не умѣть*, потому что *не знаетъ* его *. И такихъ обличеній пристрастія къ иностранному въ воспитаніи мы встрѣчаемъ очень много въ журналахъ 20-хъ годовъ. Не малый недостатокъ въ современномъ воспитаніи составляли также изнѣженность, замѣчавшаяся во многихъ дѣтяхъ богатыхъ семействъ, и развитіе инстинктовъ совершенно не дѣтскаго возраста. Не особенно рѣдкимъ явленіемъ было и грубое обращеніе съ крѣпостной прислугой, въ чемъ часто были виноваты сами родители. Какъ на подтвержденіе этого, укажемъ на слѣдующую сцену, взятую изъ названной выше статьи «Нравы».

„Маменька, маменька! Оедька прибилъ меня, прикажите его высѣчь“, закричалъ плачущимъ голосомъ вбѣжавшій Ванюшка. Передъ нимъ старая мамка на уздечкѣ скакала впередъ, а дядька въ почтительномъ отдаленіи остановился у дверей спальни“.

„Кто тебя милаго друга обидѣлъ? спросила встревоженная маменька“

„Оедька, маменька; мы съ нимъ играли въ солдаты, а онъ и прибилъ меня. Еще теперь болитъ“.

„Позовите Оедьку. А ты что, старый, не смотрѣлъ?...“

„Оедька вошелъ. „Какъ ты смѣешь бить барина?“

„Иванъ Кузьмичъ были солдаты, а я былъ генераль. Они не такъ сдѣлали фронтъ, да сами и приказали бить себя; я ихъ ударилъ, а они и заплакали“.

„Выпороть его, чтобъ впередъ не дрался. Поди, играй, Ванюшка; да не ушибись, другъ мой“.

„По всѣмъ по тремъ, коренной не тронь! пошолъ! закричалъ Ванюшка и плетью погналъ старую маму *. Не правда ли, какъ эта сцена напоминаетъ Простакову, Митрофанушку и Еремѣвну „Недоросля“.

* „Литературные листки“ 23 г., стр. 46.

* „Московскій Вѣстникъ“ 1827 г., ч. 5, стр. 217.

Такова была умственная, нравственная и отчасти эстетическая жизнь весьма значительной доли общества 20-х годовъ, по романамъ, повѣстямъ, комедіямъ и правоописательнымъ очеркамъ журналовъ этого времени.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Характеръ литературныхъ произведеній различныхъ журнальныхъ отдѣловъ.

Въ журналахъ 20-хъ годовъ мы видимъ тѣ же самые отдѣлы, какіе существуютъ и въ современныхъ; но нельзя не замѣтить огромной разницы между статьями тѣхъ и другихъ отдѣловъ. Мы начнемъ характеристику съ статей научнаго содержания. Первымъ нашимъ вопросомъ будетъ вопросъ объ ихъ близости къ жизни, ихъ современности и практическомъ значеніи. Разсматривая съ этой стороны названнаго статьи, невольно приходишь къ тому заключенію, что научный отдѣлъ журналистики былъ очень бѣденъ. Самыя близкія къ жизни статьи приходились на долю статистики, политической экономіи и этнографіи. Но такихъ статей встрѣчалось, сравнительно говоря, очень мало. Въ нѣкоторыхъ журналахъ онѣ какъ будто вовсе игнорировались, чтобы предоставить мѣсто статьямъ историческаго и литературнаго содержания. Особенно много статей по статистикѣ мы находимъ въ „Сѣверномъ Архивѣ“ Булгарина. Другаго рода вопросъ, какова была эта статистика. Въ „Сѣверномъ Архивѣ“ по статистикѣ мы встрѣчамъ, между прочимъ, слѣдующія статьи: Краткое извѣстіе о камчатскомъ земледѣліи, Географическое и статистическое описаніе Аландскихъ острововъ, Обзоръніе иностранныхъ колоній въ Новороссійскомъ краѣ, Севастопольскій портъ и городъ Севастополь, Таганрогскій портъ, Топографическое описаніе Тульской губерніи, Статистическія извѣстія о губерніяхъ Могилевской, Яро-

славской и Тамбовской, Описание якутовъ, Взглядъ на Подольскую губернію, Описание Сарепты, Взглядъ на кавказскую линію, Кронштадтскій портъ, Статистическое обозрѣніе уральскихъ казаковъ, О владычествѣ англичанъ въ великихъ Индіяхъ, Описание колоній южной Россіи, и многія другія. Содержаніе нѣкоторыхъ изъ этихъ статей представляетъ извѣстную долю интереса, и потому мы остановимся на нихъ. Въ статьѣ о Камчаткѣ затрогивается вопросъ о земледѣліи въ этой мѣстности, причемъ доказывается, что оно совершенно невозможно въ ней. Авторъ приводитъ рядъ фактовъ, которые показываютъ, что, не смотря на всѣ усилія земледѣльцевъ, земледѣліе въ Камчаткѣ никогда не могло достигнуть успѣшныхъ результатовъ. Только въ управленіе маіора Бема, участвовавшаго въ путешествіи Кука, земледѣліе было доведено въ ней до удовлетворительнаго состоянія. Послѣ него оно совершенно упало, и не могло не упасть. Причину невозможности существованія земледѣлія въ Камчаткѣ авторъ видитъ въ „необыкновенной возвышенности земли надъ поверхностію моря“, отчего бываетъ такъ холодно, что вода въ небольшихъ сосудахъ замерзаетъ въ ночное время даже среди лѣта. Годныхъ для земледѣльства земель, по словамъ автора, въ Камчаткѣ почти нѣтъ вовсе. Къ этому нужно прибавить ранніе морозы, которые не даютъ созрѣть хлѣбу и убиваютъ его очень рано. Въ заключеніе авторъ совѣтуетъ будущимъ начальникамъ края, оставивъ земледѣліе только для своей забавы, обратить свое попеченіе на другія, болѣе полезныя отрасли «домоводства».

Въ статьѣ о таганрогскомъ портѣ трактуется о его важности для заграничной торговли, причемъ указываются причины его процвѣтанія. Въ числѣ ихъ авторъ указываетъ 1) на удобство доставленія русскихъ товаровъ въ Таганрогъ водянымъ и сухимъ путемъ, лѣтомъ и зимою, 2) на обширныя и воздѣланныя полосы плодородной земли вблизи Таганрога, дающія возможность доставлять въ него по дешевой цѣнѣ различные земледѣльческіе продукты (иностранцы

удивлялись ихъ обилію и дешевизнѣ), 3) на возможность болѣе удобнаго отправленія въ большомъ количествѣ товаровъ за границу изъ Таганрога, нежели изъ другихъ южныхъ портовъ, 4) на важное значеніе Волги и Дона, по теченію которыхъ суда съ товарами въ большомъ количествѣ идутъ въ Таганрогу, доставляя произведенія Сибири, Астрахани, внутреннихъ губерній и Донской земли. Авторъ утверждаетъ, что процвѣтаніе порта увеличилось бы, еслибы привести въ исполненіе мысль Петра Великаго о соединеніи Дона съ Волгою. Оно открыло бы новые источники для торговли съ Сибирью и внутренними губерніями. Усилился бы лѣсной торгъ, который имѣлъ бы важное значеніе для Таганрога, въ которомъ цѣна сажени дровъ, изъ дубовыхъ сучьевъ, доходила до 50 руб. Описывая дорогу отъ Полтавы до Таганрога, авторъ пишетъ слѣдующее: „Проѣзжая степныя мѣста въ осеннее время отъ Полтавы чрезъ Новомосковскъ, Бахмутъ и Донскія земли до Таганрога, нельзя не удивляться многочисленнымъ стадамъ воловъ, быковъ, коровъ, овецъ и несчетному количеству скирдовъ сѣна. Въ мѣстахъ же, обращенныхъ въ хлѣбопахатныя поля, скирды съ хлѣбомъ разнаго рода въ селеніяхъ и полѣ представляютъ зрѣлище, которому трудно найти подобное въ другихъ странахъ Россіи. Правда, что тѣнь вѣтвистаго дерева не успокоитъ странника на пути его. Съ нѣкотораго времени правительство печется о разсаживаніи деревъ при большихъ дорогахъ. Но теперь въ сихъ необозримыхъ поляхъ ничто не привлекаетъ взоровъ путешественника; видны однѣ только насыпи, на мѣстахъ коихъ, по разсказамъ жителей, находились капища татаръ идолопоклонниковъ. Находимые тамъ истуканы разставляютъ по обѣимъ сторонамъ дороги для указанія пути во время метелей. Сія идола, изсѣченные изъ камня, весьма грубой работы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возвышаются могилы и прежнія укрѣпленія, но естественныхъ возвышеній и рощей вовсе не находится“ *.

* „Сѣверный Архивъ“ 1822 г., ч. 2, стр. 422.

Между названными статьями обращает на себя внимание статья „Сарепта“. Она проникнута нисколько не скрывае-
мымъ сочувствіемъ ко всему, что составляло характери-
стическія черты этой колоніи въ данное время. Названная
статистическая статья носитъ не совсѣмъ научную форму,
начинаясь слѣдующими стихотворными строками:

Сарепта тихая, селеніе Христа!
Цвѣтушая, какъ кринъ, подъ сѣнію креста,
Неосверненная въ полвѣка преступленьемъ,
Въ твоихъ, опрятностью украшенныхъ, домахъ
Живетъ умѣренность, здоровье и блаженство.
Здѣсь братство въ сердцѣ—не въ устахъ,
И въ добродѣтели равенство.
И житель твой, не зная о страстяхъ,
Съ душою ясной,
Спокойный домохозяинъ, проводить вѣкъ прекрасно,
Въ молитвахъ и трудахъ.

Въ статьѣ говорится, между прочимъ, объ управленіи
Сарепты. Главнымъ лицомъ въ управленіи называется *сма-
ртийщина*, или директоръ, первое духовное лицо и вмѣстѣ
главный начальникъ колоніи. Кромѣ того, указывается два
совѣта, малый, состоящій изъ помощниковъ старѣйшины, и
большой, въ которомъ имѣетъ право голоса все мужское
населеніе, допускаемое къ причащенію святыхъ таинъ. Да-
лѣе говорится о религіозныхъ собраніяхъ братьевъ колоніи,
ихъ обрядахъ, хозяйствѣ, доходахъ, постройкахъ, ремеслен-
никахъ, одеждѣ, нищѣ, воспитаніи и т. д.

Въ общемъ получается такого рода картина. Каждое во-
скресеніе въ 8 часовъ отправляется обѣдня, въ 10 часовъ
проповѣдь, въ 3 малое повечеріе, въ 8 бесѣда, причемъ чита-
ются извѣстія, полученныя отъ собратьевъ изъ чужихъ кра-
евъ. Кромѣ различныхъ другихъ праздниковъ, каждый годъ
совершаются особые праздники вдовъ, дѣвицъ, холостыхъ и
женатыхъ членовъ общины. Особенно торжественно праз-
днуется Свѣтлое Христово Воскресеніе (самымъ сообразнымъ
съ духомъ христіанства образомъ, по мнѣнію автора). опи-
саніе этого торжества передано словами стихотворенія

Жуковского, въ которомъ, между прочимъ, говорится слѣдующее:

И гимнъ торжественный гремитъ!
 И се... идутъ въ усопшихъ сѣни!
 О сердце трогаящій видъ!
 Въ тѣни тополей, липъ вѣтвистыхъ,
 Густыхъ березъ и шелковицъ,
 Между тальпановъ, розъ душистыхъ,
 Ряды являются гробницъ:
 Здѣсь старцевъ, тамъ дѣтей могила,
 Тамъ юношей, тамъ дѣвъ младыхъ—
 И вѣра подгѣ пепла ихъ
 Надежды факель воспалила....
 Идутъ къ возлюбленнымъ гробамъ
 Съ отрадной вѣстью Воскресенья.

Продолжаемъ описаніе, со словъ автора. Въ колоніи на каждомъ шагѣ видишь довольство и процвѣтаніе. Хозяйство ея находится въ завидномъ состояніи. Въ ней есть заводы винокуренный, мыловаренный, свѣчной, табачная фабрика, лавки, въ которыхъ можно найти товары для русскаго крестьянина, калмыка, нѣмца, казака, татарина и т. далѣе. Братья владѣютъ богатыми сѣновосами и получаютъ значительный доходъ отъ рыбной ловли на Волгѣ, гдѣ нѣкоторыя мѣста взяты на откупъ. Для больныхъ у нихъ есть замѣчательная аптека, превосходящая, какъ говоритъ авторъ, многія русскія губернскія аптеки изобиліемъ и свѣжестью аптекарскихъ товаровъ. Строенія почти всѣ каменные: церковь, домъ начальника, домъ для холостыхъ мужчинъ, домъ для дѣвицъ, для вдовъ, аптека, гостинница. Передъ каждымъ домикомъ рядъ стройныхъ тополей и полисадникъ съ цвѣтами. Каждый семьянинъ имѣетъ собственный плодовый или виноградный садикъ, огородъ и плантаціи на другомъ берегу Сарпы. Въ колоніи есть часовой мастеръ, столяръ, бронзовщикъ, кондитеръ, винокуръ, пивоваръ, мѣдникъ, жестяникъ, колесникъ, колпачники, чулочники, красильщики, бѣлильщики, хлѣбники, слесаря, горшечники, свѣчники, мыловары, портные, сапожники, кузнецы, мясники, и т. д.

„Лѣтомъ старые и малые, мужчины и женщины, съ утра до позднего вечера копають грады въ огородахъ, подрѣзываютъ виноградныя лозы, работаютъ въ садахъ, на табачныхъ или горчичныхъ плантаціяхъ, на арбузныхъ бахчахъ, проводятъ изъ Сарпы ручейки для поливки, усыновляя Сарептской степи растенія Италіи и Сибири, Китая и Америки. Къ ночи, мужчины возвращаются съ возами плодовъ или овощей, а женщины и дѣвѣцы съ корзинами цвѣтовъ, зелени и винограда“. Необходимую принадлежность женскаго костюма составляетъ чепецъ; чепецъ вдовъ съ бѣлыми лентами, замужнихъ женщинъ съ голубыми, дѣвицъ съ розовыми, дѣвочекъ съ пунцовыми. По увѣренію автора, на лицѣ нѣмки Сарептской колоніи всегда замѣтно желаніе угодить мужу, обласкать гостей и успокоить дѣтей. Столъ вездѣ сытный. Вкусный супъ, сочная говядина съ зеленью или салатомъ, картофель, иногда какое нибудь молочное блюдо или рыба, рюмка водки, стаканъ пива—составляютъ всѣдневный обѣдъ колонистовъ. Въ праздники прибавляются слоеные пироги съ вареньемъ. „Всѣ геринстеры завтракають“, замѣчаетъ авторъ, завтракъ ихъ состоитъ изъ жидкаго кофе съ густыми сливками, сливочнаго масла, домашняго сыра, колбасы и копченой рыбы. Каждый колонистъ интересуется политикою и знаетъ важнѣйшія политическія происшествія, новыя изобрѣтенія и открытія, причемъ разсуждаетъ объ нихъ обыкновенно за бутылкою пива. „Самые жаркіе политики собираются передъ гостинницею: спорять, соображаютъ, угадываютъ, рѣшаютъ участь государствъ, хвалятъ или осуждаютъ мѣры кабинетовъ, военныя дѣйствія генераловъ“. „Чтеніе образцовыхъ книгъ изъ избранной бібліотеки Общества и получаемыя изъ Германіи и Петербурга, концерты, серенады, прогулки, дружескія вечеринки, безъ танцевъ, безъ шумныхъ пѣсней, составляютъ ихъ отдыхъ и увеселенія. Въ Сарептѣ женихи выбираютъ невѣсть по жребію, а не по страсти и свѣтскимъ приличіямъ“. Молодые люди обоюго пола обучаются закону Божию, нѣмецкому языку, чистописанію, ариметикѣ и „хлѣбнымъ искуствамъ и

ремесламъ“. Желающіе обучаются русскому, латинскому и французскому языкамъ, математикѣ, исторіи и географіи. Многіе ѣздятъ для довершенія образованія въ Дерптъ и нѣмецкіе университеты. «Есть между сарептянами хорошіе математики, химики, глубокіе философы и знатоки въ древнихъ и восточныхъ языкахъ».

Нарисовавъ идиллическую картину жизни сарептскихъ жителей и упомянувъ, что въ этой „безмятежной пристани“ долгое время жилъ Палласъ, что профессоръ московскаго университета Вигандъ „провелъ въ ней вечернюю зарю своей жизни и заснулъ сномъ вѣчности, что Буксгевденъ, сложивъ чины и знаки отличій, посвятилъ здѣсь Богу малый остатокъ добродѣтельныхъ дней своихъ“, авторъ кончаетъ свою статистическую статью какою то мистическою моралью. «Евангелическіе братья, говоритъ онъ, ходятъ шагомъ ровнымъ и ступаютъ безопасно по гладкой дорогѣ: нѣтъ между ними ни Иваровъ, ни Вертеровъ, ни Зандовъ. Въ семь обществѣ, забвенномъ отъ міра и забывшемъ міръ суетный (авторъ, какъ видно, забылъ и тони, и бахчи, и заводы, и политику, и пиво, и копченую рыбу, о которыхъ онъ говорилъ выше), счастье не выставляетъ себя на позорищѣ толпѣ народной, добродѣтель не выказывается, никакой блескъ ее не окружаетъ; устремляя взоръ къ небу, она выше награды и похвалъ человѣческихъ; презирая славу, она скрывается въ тѣни и ищетъ только мира и истины» *.

Въ статьяхъ по политической экономіи, которыхъ въ журналахъ 20-хъ годовъ встрѣчается очень мало, попадаются иногда довольно вѣрныя мысли. Такими мыслями отличается, напр., статья «Невскаго Зрителя» подъ названіемъ «О вліяніи правительства на промышленность». Въ этой статьѣ приводится, между прочимъ, та мысль, что уваженіе есть первая потребность для купца и фабриканта. „Оно приобрѣтается поведеніемъ, строгою честностію, поступками, основанными на доброй совѣсти.“ Но всего этого недостаточно: названныя лица

* „Сѣверный Архивъ“ 1822 г., ч. 1, стр. 48—69.

желаютъ, чтобы ихъ занятіе было почитаемо. «Пустой предразсудокъ между дворянствомъ, говоритъ авторъ, которое почитаетъ торговлю низкимъ ремесломъ—вотъ причина, которая часто останавливаетъ успѣхи промышленности. Онъ господствуетъ и между самимъ купечествомъ: сынъ богатаго фабриканта или купца ненавидитъ состояніе своего отца; онъ дышетъ тѣмъ, чтобы жить *блavorодно* и старается перейти въ состояніе дворянства. Такимъ образомъ исчезаютъ торговые дома, и кто знаетъ по опытамъ, сколько потребно времени, чтобы какой либо купеческій домъ приобрѣлъ довѣренность и кредитъ, необходимый для успѣховъ и торговли, тотъ не удивится, что народное богатство столь медленно приумножается. Это заблужденіе какъ бы отчуждаетъ купцовъ и фабрикантовъ отъ своего государства; они чувствуютъ всю пользу, которую приносятъ обществу, но съ тѣмъ вмѣстѣ видятъ, что ихъ не примѣчаютъ, почему и не думаютъ о пользѣ общей, а занимаются только собственными выгодами.» „Чтобы увѣриться, какое благодѣтельное имѣетъ вліяніе уваженіе къ торговлѣ, довольно только бросить взглядъ на Англію. Тамъ сынъ лорда не краснѣетъ сидѣть въ конторѣ своихъ предковъ, и когда призываютъ его принять мѣсто въ парламентѣ, то онъ оставляетъ дѣтамъ благородное стяжаніе своихъ оборотовъ“ *.

Мало встрѣчаемъ мы статей и по этнографіи. Зато много статей встрѣчается по исторіи и исторіи литературы. Таковы, на примѣръ, статьи «Московскаго Вѣстника»: „Иліада и Одиссея“, „О романѣ“, „Объ исторіи“, О Рамаѣянѣ, „О достоинствѣ поэта, „Мысли о краснорѣчїи“, „Греки и римляне“, „Объ Энеидѣ“, „Сравненіе романовъ китайскихъ съ европейскими“, „О Магабаратѣ“ и т. д. Объясняется это, можетъ быть, тѣмъ, что въ названное время западная литература была богата писателями по названнымъ отдѣламъ. И лучшія статьи приходились также на долю исторіи и исторіи литературы, и частію естественныхъ наукъ. Иногда въ ученыхъ статьи пре-

* „Невскій Зритель“ 1820 г., ч. 1, стр. 11—13.

входили посторонніе элементы, какъ это мы видѣли на одной статьѣ по статистикѣ, принадлежащей „Сѣверному Архиву.“ Къ этимъ постороннимъ элементамъ относятся фантазированіе, романтическая чувствительность, торжественный, возвышенный тонъ и морализированіе. Образчикъ перваго мы встрѣчаемъ, напримѣръ, въ статьѣ Максимовича „О превращеніяхъ насѣкомыхъ.“ Такъ, онъ говоритъ, что жизнь насѣкомыхъ заключается въ *будущемъ*, которое въ третьемъ періодѣ ихъ превращенія дѣлается *настоящимъ* не надолго, и то не для нихъ собственно, а для ихъ потомства. На этой *будущности* основывается способность насѣкомыхъ предчувствовать перемѣну погоды, ихъ заботливость о своемъ потомствѣ, искусство, съ которымъ они строятъ свои жилища, хитрость, съ какою оберегаютъ ихъ и съ какою ловятъ свою добычу. „Главное чувство ихъ, замѣчаетъ авторъ, есть воздушное, электрическое—обоняніе, понимающее природу въ будущемъ времени. Главный характеръ ихъ воздушной души есть хитрость и отважность, а мужскаго пола и вѣтренность. Совершенное насѣкомое имѣетъ сходство съ цвѣткомъ, личинка соотвѣтствуетъ корню, куполка составляетъ почку, изъ которой развиваются стебель, листъ и современемъ цвѣтъ“. Примѣръ другихъ, указанныхъ нами свойствъ, представляетъ статья Титова „О достоинствѣ поэта“. Статья кончается такими словами: „Смертный! ты, который борешься съ судьбою и препятствіями въ сей долинѣ изгнанія, взойди на священный холмъ поэзіи, возложи на алтарь ея горести сердечныя, какъ чистую жертву: она укажетъ тебѣ солнце тишины, сіяющее изъ твоей небесной отчизны — и ты сойдешь къ жизненнымъ подвигамъ съ силой обновленною“. Оригинальный примѣръ лингвистическаго фантазированія представляетъ статья Облеухова о гіероглифическомъ языкѣ. Авторъ старается доказать въ своей статьѣ, что въ основаніи всѣхъ алфавитовъ, всѣхъ азбукъ лежатъ формы пяти органовъ человѣческаго тѣла: глаза, уха, рта, носа и руки. Доказывая свою мысль, онъ говоритъ, что латинское L весьма сходно съ изображеніемъ *носа*, M съ изо-

браженіемъ рта, а еврейское похоже на ухо. Останавливаясь на еврейской азбукѣ, авторъ видитъ въ ея буквахъ слѣдующія подобія: подобіе брови съ носомъ, подобіе бороды, подобіе подбородка съ юрломъ и частію зуди, подобіе пальца, подобіе кулака, подобіе черепа, и т. д. Соответствіе онъ находитъ также между органами тѣла и звуками человѣческой рѣчи. Звуки *і* и *а*, говоритъ онъ, соответствують двумъ главнымъ органамъ, глазу и носу. Соединяясь, эти звуки даютъ *я*. Звукъ *б* соответствуетъ рту, звукъ *д*—рукъ, *л*—лазу, *ж* уху. Для доказательства авторъ приводитъ различныя слова изъ различныхъ языковъ, такъ напримѣръ: баю (говорю), *bibo* (пью), *babako* (говорю) и т. д. *). Вся статья написана въ этомъ родѣ.

Въ числѣ научныхъ статей въ журналахъ двадцатыхъ годовъ встрѣчается много статей переводныхъ. Богатый матеріалъ для заимствованія представляли сочиненія Шлегеля, Рихтера, Аста, Сисмонди, Шатонёва, Б. Констана, Кине, Дюпена, Абель-Ремюза и т. д. Видно, собственныя научныя силы были не особенно богаты или не стремились найти поприще для своей дѣятельности на страницахъ журналовъ. Многие изъ извѣстныхъ русскихъ ученыхъ довольствовались только небольшими замѣчаніями по поводу тѣхъ или другихъ спорныхъ вопросовъ, относившихся преимущественно къ области исторіи и археологіи. Статей, касавшихся современныхъ общественныхъ вопросовъ, почти совсѣмъ не встрѣчалось или онѣ касались предмета въ такой формѣ, что мало могли принести пользы современному обществу.

Ближе къ жизни держался отдѣлъ изящной словесности, повѣстей, романовъ, комедій и правоописательныхъ очерковъ. Сдѣланный нами выше очеркъ явленій общественной жизни 20-хъ годовъ отчасти указываетъ на темы, которыхъ касались названныя произведенія. Тѣ изъ нихъ, которыя стремились къ обличенію, выводили на сцену различные недостатки современнаго общества, раз-

*) „Московскій Вѣстникъ“ 1829 г., ч. 4, стр. 105—134.

личныя смѣшныя и уродливыя явленія современной жизни. Въ числѣ этихъ недостатковъ мы встрѣчаемъ наклонность къ роскоши, мотовству, нарядамъ, сплетничеству, лихоимству, кутежу, увлеченіе иностраннымъ, отсутствіе прочныхъ нравственныхъ основъ въ семейной жизни, совершенное незнакомство съ требованіями рациональнаго воспитанія, грубое обращеніе съ подчиненными, особенно же съ крѣпостными людьми. Мы указываемъ только на нѣкоторые недостатки, которые обличались современной журналистикой. Наряду съ этими обличительными произведеніями изящной литературы существовали произведенія, въ которыхъ изображались хорошія, привлекательныя стороны современной жизни. Но произведенія съ этимъ характеромъ, по нашему мнѣнію, были менѣе полезны для общества, въ которомъ не особенно рѣдко встрѣчались лица, послужившія оригиналами для великолѣпной портретной галлерей „Горе отъ ума“, „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“. Указавши на темы изящнаго отдѣла журналистики 20-хъ годовъ, не будемъ распространяться о герояхъ и героиняхъ этого отдѣла, такъ какъ представленіе о нихъ можно имѣть изъ того, что сказано было выше въ главѣ о явленіяхъ общественной жизни. Отличительную черту нѣкоторыхъ романовъ и повѣстей составлялъ романтическій элементъ. Особенно сильно было замѣтно его присутствіе въ произведеніяхъ переводныхъ и подражательныхъ. Сюда, напримѣръ, относятся: „Піетро Алоне“, волшебная повѣсть Тика, „Мечтанія на башнѣ, причащеніе и буря“, Ж. П. Рихтера, „Превратность судьбы“, итальянская повѣсть, „Картины Андрея дель-Сарто“, Мильтица, „Осада города Обиньи“, Кюхельбекера, „Рене“, Шатобриана, „Обѣты друга“, Ж. П. Рихтера, и т. д. Несчастливая любовь, слезы, разлука, муки растерзаннаго сердца, самоубійство, монастырь, тюрьма, неожиданное избавленіе, клятвы въ вѣрности до гроба, преждевременная смерть любимаго существа, похищенія, бурныя страсти, мечтанія о похищенномъ смертью дорогомъ существѣ, забвеніе настоящаго для дорогаго прошлаго, вотъ элементы, которые обыкновенно встрѣча-

лись въ повѣстяхъ и романахъ романтическаго направленія. Чтобы нѣсколько ближе познакомиться съ послѣдними, мы позволимъ себѣ привести нѣсколько отрывковъ изъ нихъ. Въ повѣсти Гофмана „Что пѣна въ винѣ, то сны въ головѣ“ мы встрѣчаемъ, между прочимъ, такое мечтаніе одного изъ дѣйствующихъ лицъ объ умершихъ его друзьяхъ. „Вѣчный міръ усопшимъ! говоритъ онъ. Сегодня въ полночь умеръ другъ мой на рукахъ моихъ. Отчего я такъ утѣшенъ? Ахъ! я чувствую, что скоро съ нимъ увижусь. Останусь здѣсь въ замкѣ; буду бродить по комнатамъ, гдѣ они (дорогіе люди) жила и любили меня, часто будетъ мнѣ слышаться ихъ голосъ, прозвучитъ иногда ласковое слово милой Маріи, откровенная шутка незабвеннаго друга, и эти звуки, какъ призваніе ангеловъ, поддержать меня крѣпко на ногахъ моихъ, и я перенесу бремя жизни. Для меня нѣтъ уже настоящаго: только счастливые дни прошедшаго примыкаютъ для глазъ моихъ въ отдаленной странѣ новоселья, откуда въ чудесныхъ снахъ часто улыбаются мнѣ дорогіе друзья мои, одѣтые кроткимъ сіяніемъ. О! когда же водворюсь съ вами!“ Объясненіе въ любви романтическихъ героевъ имѣло совершенно особенный характеръ. Такое объясненіе встрѣчаемъ мы, напримѣръ, въ повѣсти Мильтица „Картины Андрея дель-Сарто“. „Лице красавицы, говорится въ ней, покрылось стыдливымъ румянцемъ; склонивъ голову на грудь отца, она съ милою застѣнчивостью подала руку своему любезному. „Минона! вскричалъ Людвигъ, осыпая ея руку пламенными поцѣлуями, кто можетъ не почувствовать всего блаженства, которое обѣщаетъ любовь твоя? Но я долженъ отъ него отказаться!“ Удивленіе изобразилось на всѣхъ лицахъ. „Розенталь! дочь моя любитъ васъ!“ сказалъ графъ въ сильномъ движеніи. „Знаю—и клянусь любить ее до послѣдней минуты жизни моей“. „Можетъ быть, вы стыдитесь своего состоянія?“ Нимало! отвѣчалъ Людвигъ, опершись отъ слабости на кресла“. „Такъ что же? возразилъ графъ, вы сумасшедшій или преступникъ?“ „Людвигъ! сказала Минона трогательнымъ голосомъ, подойдя къ нему съ робостію, и

ты увѣрялъ меня въ любви своей!“ „Такъ, ангель непорочности, я люблю, обожаю тебя. Но, увы! прости меня, я женатъ, вотъ моя супруга!“ Съ симъ словомъ онъ разодралъ свое платье, и на груди его блеснулъ черный крестъ нѣмецкаго ордена. Минона упала въ объятія матери. Весьма нерѣдкимъ явленіемъ въ романтическихъ произведеніяхъ было добровольное заключеніе героини въ монастырь, причемъ оставшійся за стѣнами послѣдняго герой долженъ былъ терзаться всѣми муками разбитаго сердца и существованія. Ему оставалось только скитаться въ виду мрачнаго зданія, заключившаго въ свои объятія любимое имъ существо. Такая картина рисуется, напримѣръ, въ повѣсти Шатобріана „Рене“. „Бродя безпрестанно около монастыря, построеннаго близь моря, говоритъ въ ней злополучный герой, часто видалъ я въ небольшомъ рѣшетчатомъ окнѣ, обращенномъ на пустынный берегъ, молодую монахиню, сидѣвшую въ задумчивости. Она углублялась въ размышленія при видѣ корабля, подъ всѣми парусами плывшаго на край вселивныя. Много разъ также видалъ я ту же монахиню у той же рѣшетки при сіяніи мѣсяца; она разсматривала небо, озаренное ночнымъ свѣтиломъ, и прислушивалась, кажется, къ ропоту волнъ, кои плескались печально у дивныхъ береговъ“.

И теперь еще звенить въ ушахъ моихъ колоколь. призывавшій монахиню къ бдѣнію и молитвамъ. Въ то время, какъ онъ издавалъ протяжные звуки, и дѣвы въ молчаніи приближались къ алтарю Всемогущаго, слышилъ я къ монастырю, и тамъ, сидя одинъ при подошвѣ стѣнъ, слушалъ въ нѣкоторомъ священномъ ужасѣ послѣдніе звуки пѣнопѣній. мѣшавшіеся подъ сводами храма съ тихимъ говоромъ волнъ“. Иногда въ повѣстяхъ рисовались неожиданное избавленіе отъ какого нибудь несчастья, ставшаго преградой для любовниковъ на пути ихъ къ счастью, и вслѣдствіе этого неожиданные восторги. Такимъ характеромъ отличались многія нѣмецкія повѣсти. Такова, напримѣръ, повѣсть „Рубиновое кольцо“, помѣщенная въ одной изъ книжекъ

„Московского Вѣстника“. Прекрасный юноша, томившійся по ложному подозрѣнію въ тюрьмѣ, наконецъ освобождается изъ заключенія и соединяется брачными узами съ своей возлюбленной: вотъ главное содержаніе повѣсти, оканчивающейся такою картиною: „Кукушка въ стѣнныхъ часахъ извѣстила о шестомъ часѣ прекраснѣйшаго лѣтняго дня, и пуншевая чаша, наполненная въ этотъ разъ свѣжими покупными лимонами, благоухала среди ароматическаго запаха миндальныхъ тортовъ и сахарныхъ пироговъ, и вмѣсто цвѣтовъ на пальцахъ развѣшаны были повсюду вѣнки изъ розъ и лилій. Полъ усыпанъ былъ также цвѣтами, у дверей шумѣли листьями высокія масляныя деревья, и вмѣсто выхода толпы дѣвочекъ, вошла молодая, возвратившаяся отъ алтаря чета—цвѣтущая Флора и прекрасный юноша. За ними шли старики, и, обнявъ своихъ дѣтей, сказали въ сердечной радости: „Господь да благословитъ вхожденіе ваше и до сохранить васъ!“

Романы и повѣсти журналовъ 20-хъ годовъ были большею частію заимствованныя или переводныя. Народнаго элемента въ нихъ почти совсѣмъ не встрѣчалось. Къ счастливымъ исключеніямъ принадлежали нѣкоторыя повѣсти Погодина. Таковъ, напримѣръ, его разсказъ „Убийца“. Герой его молодой деревенскій парень, убившій изъ ревности свою жену. Въ разсказѣ все дышетъ правдою. Языкъ его очень близокъ къ простонародному. Автору дѣлаетъ честь и слѣдующее его разсужденіе о крестьянахъ: „Усладительно бываетъ смотрѣть на сихъ грубыхъ повидимому людей, которые въ толстыхъ кафтанахъ и шерстяныхъ паневахъ такъ близко принимаютъ къ сердцу, такъ живо чувствуютъ все человѣческое. Человѣкъ высокъ при всемъ своемъ униженіи и въ святилищѣ души его никогда не погасаетъ искра его небеснаго происхожденія“ *). Народный элементъ въ разсказахъ Погодина тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что въ самой журналистикѣ 20-хъ годовъ слышались иногда голоса противъ народнаго начала. Такъ, напримѣръ, въ „Нев-

*) Московскій Вѣстникъ“ 1827 г., ч. 5, стр. 378.

скомъ Зритель^а было сдѣлано нападеніе на Киршу Данилова и его былины, въ статьѣ подъ названіемъ „Видѣніе на горѣ Парнасъ“. Описывая различныхъ лицъ видѣнія, авторъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: „Я увидѣлъ казака Киршу Данилова. Онъ безъ всякаго предисловія началъ рассказывать Аполлону про Соловья Будиміровича, про гостя Терентыща, про Буслаева, про Дурня-Бабина, про Садака, про князя Владимира и богатырей. Сынъ Латоны долго слушалъ и наконецъ, чтобы отвязаться отъ рассказчика, прогналъ его — куда же? туда, гдѣ онъ сидитъ между Бюргеромъ и Шехеразадою, гдѣ Аріостъ и творецъ Одиссеи иногда вслушиваются въ его болтаніе; но я замѣтилъ, что нѣкоторые господа наши модные писатели пожимали плечами и говорили: „Аполлонъ состарился! у него вкусъ испортился!“ *).

Отдѣлъ изящной словесности особенно богатъ былъ стихотвореніями. Говоря о послѣднихъ, мы коснемся ихъ темъ, проникающихъ ихъ мыслей и чувствъ, предметовъ ихъ воспѣванія, отношенія къ народному элементу и общественнымъ вопросамъ, степени ихъ поэтичности и, въ заключеніе скажемъ объ одномъ особенномъ ихъ видѣ, эпиграммѣ, занимавшей довольно видное мѣсто между стихотвореніями. Что касается темъ, то онѣ не были особенно разнообразны и вертѣлись большею частію около предметовъ любви, разочарованія въ жизни и опредѣленія сущности поэзии и поэта. О женщинѣ и любви въ стихотвореніяхъ говорилось очень много. Мысли, относящіяся къ этому предмету, не представляютъ ничего особенно оригинальнаго или глубокаго. Онѣ большею частію касаются физическихъ и нравственныхъ совершенствъ обожаемаго предмета, тяжести разлуки съ нимъ, ревности и т. п. Въ нихъ часто содержаніемъ служатъ наслажденія любви. Часто въ стихотвореніяхъ названнаго характера встрѣчались мысли такого рода: законъ любви — могущественнѣйшій законъ любви въ мірѣ; она обладаетъ всѣмъ, она даетъ отраду и покой; улыбка милой —

*) „Невскій Зритель“ 1820 г., ч. 1, стр. 54.

лучшая награда человека; счастливымъ можетъ назваться только тотъ, кого „любовь въ лѣта младыя пріяла въ неискупный плѣнъ“, и т. д. Не менѣе, чѣмъ о любви, въ стихотвореніяхъ говорилось о поэзіи и поэтѣ. Мысли, относящіяся къ этому предмету, носятъ отпечатокъ своего времени. Въ 20-хъ годахъ поэты смотрѣли на поэзію, какъ на какое-то таинство, на себя, какъ на жрецовъ. Все это мы видимъ и въ журнальныхъ стихотвореніяхъ 20-хъ годовъ. Вотъ экстрактъ мыслей, взятыхъ изъ многихъ десятковъ произведеній этого рода: поэзія — свята; она — любовь, надежды, вдохновеніе; покой, безмолвіе, безопасность, тишина рождаютъ вдохновеніе; поэту свойственны высокія думы, утѣхи толпы чужды ему; поэтъ, чудное явленіе — въ немъ Творецъ положилъ вѣнецъ на все свое твореніе; поэтъ — сынъ боговъ; природу можетъ понять только тотъ, кто съ юношескихъ лѣтъ былъ пламеннымъ жрецомъ искусства, вознесшись духомъ надъ суетой свѣта т. е. поэтъ; печать души, жаръ красоты, согласіе ума и сердца, знаніе жизни — вотъ что даетъ большія достоинства поэту; когда поэтъ преданъ думѣ, онъ погруженъ въ волшебный сонъ, въ немъ зрѣетъ мысль, и не должно прерывать его думы, но толпа часто не понимаетъ этого; поэты — любимцы Феба, принявшіе отъ неба даръ возвышенныхъ думъ и сладкихъ пѣсней; священныя минуты вдохновенія для поэта выше всякаго земнаго счастья; поэтъ даетъ мертвому творенію языкъ; отдавшійся поэзіи оставляетъ землю и пребываетъ въ покоѣ наслажденія; святая гармонія поэзіи сложена изъ дивныхъ звуковъ; въ нихъ блещетъ вѣчная весна, благоухаетъ воздухъ рая; міръ ея не знаетъ; истинный поэтъ не умираетъ; онъ живетъ широкою жизнью; мудрость расширяетъ взглядъ поэта; кто не плакалъ, тотъ не долженъ неосвященной рукой касаться вдохновенныхъ струнъ поэтической лиры; одинъ изъ признаковъ поэзіи — возвышенныя думы и сердце, въ которомъ стрѣлы рока прорыли тяжкіе слѣды, и т. д. Для характеристики взглядовъ на поэзію, проникающихъ журнальныя стихотворенія 20-хъ годовъ, приведемъ изъ нихъ

нѣсколько, наиболѣе типическихъ по своимъ мыслямъ. Вотъ, напримѣръ, стихотвореніе Туманскаго „Поэзія“:

Ея гармонія святая
Изъ дивныхъ звуковъ сложена;
Въ нихъ блещетъ вѣчная весна,
Благоухаетъ воздухъ рай.
Ликуетъ сердце, ей внимая,
Все внемлетъ: доль и вышины;
Но міръ не знаетъ, кто она,
Сія пѣвица не земная!
Перунамъ Зевсовымъ равны
Съ душевной, пламенной струны
Поэтовъ сорванные звуки!
Имъ все отверсто: рай и адъ,
Душа—сосудъ живыхъ отрадъ
И сердце—кладезь холодной муки.

Въ другомъ стихотвореніи Туманскаго „Въ память Веневитинова“ выражается мысль, что мѣсто умершаго поэта среди ангеловъ. Поэтъ говорить:

Благословимъ безъ малодушныхъ слезъ
Его полетъ въ страны эфира,
Гдѣ вѣчна мысль, гдѣ воздухъ слить изъ розъ,
И вѣчной жизнью дышетъ лира!
Друзья! онъ тамъ какъ-бы въ семьѣ родной.
Тамъ ангелы его цѣлуютъ,
Его поятъ небесною струей
И милымъ братомъ именуютъ.

Мысль, что поэтъ живетъ широкою мыслью, что ему свойственны всеобъемлющіе порывы, выражена въ стихотвореніи Хомякова „Желаніе“. Вотъ это поэтическое стихотвореніе:

Хотѣлъ бы я разлиться въ міръ,
Хотѣлъ бы съ солнцемъ въ небѣ течь,
Звѣздой въ сумрачномъ зонрѣ
Ночной свѣтильникъ свой зажечь.
Хотѣлъ бы зыбію стеклянной
Играть въ бездонной глубинѣ
Или лучемъ зари румяной
Скользя по плещущей волнѣ.

Хотѣлъ бы съ тучами сквататься,
 Туманомъ вѣтаться вокругъ холмовъ,
 Иль буйнымъ вѣтромъ разыгратся
 Въ сѣдыхъ изгибахъ облаковъ;
 Жить ласточкой подъ небесами,
 Къ цвѣтамъ ласкаться мотылькомъ,
 Или надъ дикими скалами
 Носиться дерзостнымъ орломъ.
 Какъ сладко было бы въ природѣ
 То жизнь и радость разливать,
 То въ громахъ, вихряхъ, непогодѣ
 Пространство неба обтекать!

Что поэтъ—особенное существо, объ этомъ говорятъ Веневитиновъ въ своемъ стихотвореніи „Поэтъ“. Вотъ отрывокъ изъ него:

О если встрѣтишь ты его
 Съ раздумьемъ на челѣ суровомъ,
 Пройди безъ шума близъ него,
 Не нарушай холоднымъ словомъ
 Его священныхъ тихихъ словъ;
 Взгляни съ слезой благоговѣнья
 И молви: это сынъ боговъ,
 Любимецъ музъ и вдохновенья.

Кромѣ *любви* и *поэзіи*, мысли давали стихотвореніямъ *жизнь* или, лучше сказать, вопросъ о жизни. Здѣсь давались отвѣты самаго общаго характера, такъ какъ и явленія, о которыхъ говорилось въ стихотвореніяхъ, отличались тѣмъ же характеромъ. Поэты не старались вникать въ частныя явленія жизни, анализировать ихъ и ненормальныя между ними отдавать порицанію. Они, какъ жрецы Аполлона, считали недостойнымъ для себя смѣшиваться съ толпой и вникать въ міръ ея радостей и печалей. Жизнь и поэзія были для нихъ Ариманъ и Ормуздъ, которые ни въ какомъ случаѣ не могли примириться между собою. Для поэтовъ названнаго времени не существовало *жизни окружающей общества*; для нихъ существовала только жизнь ихъ сердца, жизнь любви и поэзіи. Въ ихъ произведеніяхъ выражалось такое же презрѣніе къ толпѣ, какое мы видимъ въ известнѣхъ стихотвореніяхъ Пушкина „Поэтъ“, „Поэту“ и

„Чернь“. Вот нѣсколько мыслей, относящихся къ вопросамъ жизни: «въ лирѣ мы постоянно встрѣчаемъ тоже, что было прежде: желанье жадно, жизнь бѣдна, надежда вѣчно лжетъ, горе—властелинъ земли; мы гуртомъ убиваемъ время, оно по мелочамъ бьетъ насъ, въ жизни три періода: періодъ радости, періодъ печали и періодъ усталости, полного охлажденія ко всему; сперва насъ въ жизни все занимаетъ, потомъ все намъ надоѣдаетъ; воспоминанье—небесный свѣтлый геній, улаждающій жизнь; завидна уединенная жизнь въ укромномъ домикѣ, среди любви, дружбы и вина; жизнь—коварная сирена, ея радости—измѣна, ея пѣсни радости—ложь; жизнь ничѣмъ не привлекаетъ человѣка въ старости; когда человѣка покинетъ любовь, онъ, не предаваясь отчаянію, долженъ искать наслажденія въ своей собственной душѣ, гдѣ собраны всѣ сокровища прежней жизни; счастливъ, кто легкою рукою на веснѣ жизни умѣлъ срывать весенние цвѣты; въ молодости человѣкъ стремится къ природѣ, чтобы прижать ее къ трепетному сердцу; тяжело постепенно утрачивать обольщенія юныхъ лѣтъ; ничто не можетъ замѣнить живыхъ, блестящихъ, милыхъ сновъ юности; юнаго сердца желанія переменны, и т. д. Нельзя не замѣтить, что во всѣхъ этихъ мысляхъ, взятыхъ изъ стихотвореній различныхъ поэтовъ, заключается взглядъ, съ одной стороны слишкомъ общаго, отвлеченнаго характера, а съ другой—мрачнаго, разочарованнаго. По этой философіи, человѣкъ можетъ быть счастливъ только въ юности, когда онъ можетъ любить; его задача—любовь, нѣтъ любви, прошла она,—нѣтъ и смысла въ жизни, остается одна скука и разочарованіе; утративши любовь, человѣкъ живетъ только воспоминаніемъ. Мысль о значеніи воспоминанія развивается въ стихотвореніи Баратынскаго „Воспоминанія“, изъ которыхъ мы приводимъ начальныя строки:

Посланица небесъ, безсмертныхъ даръ счастливый,
 Подруга тихая печали молчаливой,
 О память! ты одна бесѣдуешь со мной,
 Ты возвращаешь мнѣ отъятое судьбой;
 Тобою счастья мгновенья легкокрылы

Давно протекшія въ мечтахъ мнѣ снова мины.
 Еще въ забвеніи дышу отрадой ихъ;
 Люблю задумавшись, минувшихъ дней моихъ
 Воспоминать мечты, надежды, наслажденья,
 Минуты радости, минуты огорченья. —
 Не разъ волшебною влелѣбной мечтой
 Я въ ночь безмолвную бесѣдовалъ съ тобой,
 И въ дни счастливые на часъ перенесенный
 Дремалъ утѣшенный и съ жизнью примиренный.

Чувства, проникавшія стихотворенія поэтовъ 20-хъ годовъ, были подстать проникавшимъ ихъ мыслямъ. Здѣсь мы видимъ чувство грусти при постепенной утратѣ „обольщеній юности“, то же чувство при мысли, что умчались „златныя мечты весеннихъ лѣтъ“, чувство пѣги въ объятіяхъ любезной, грусть объ утратѣ милой, грусть объ ея измѣнѣ, чувство „сладостнаго пребыванія въ объятіяхъ нѣги и творческомъ покоѣ, грусть въ безмолвной тишинѣ послѣ золотой весенней жизни, и т. д. Подобными чувствами стихотворенія были пронизаны очень часто, хотя встрѣчались и чувства другого рода, напримѣръ: чувство любви къ другу, чувство восторга сознающаго свое значеніе поэта, чувство безопаснаго веселья среди пирующихъ друзей. Многимъ стихотвореніямъ нельзя отказать въ искренности чувства; но его глубина и широта встрѣчались не во многихъ. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ превосходное и по мысли и по чувству стихотвореніе Шевырева „Объятія“. Оно такъ хорошо, что трудно его не выписать. Вотъ это стихотвореніе, въ которомъ выражается чувство безпредѣльной любви къ ближнему:

Душа, воспой и славь Творца!
 Онъ далъ мнѣ сердце и объятія;
 Ко мнѣ, ко мнѣ, земные братья!
 Сыны Единого Отца!
 Онъ мощно духъ мой подвигаетъ,
 Онъ самъ колеблетъ мой языкъ,
 И васъ отъ всѣхъ концовъ сзываетъ
 На пиръ любви, въ единый ликъ.
 Онъ Самъ разверзъ мои объятія—
 И я не силенъ ихъ сомкнуть:

Тѣснитесь всѣ ко мнѣ на грудь,
 Она для васъ, земные братья!
 Въ ней та жь къ Небесному любовь
 И вамъ знакомы страданья,
 И пламень чистый упованья,
 И бурная желаній кровь.
 Страдалецъ—съ горестью гнетущей,
 Преступникъ—съ совѣстью грызущей,
 Невѣрный—въ вроткой простотѣ,
 Убогій—въ чистой наготѣ,
 Богачъ, съ одной душой, безъ злата—
 Стекитесь, обнимите брата,
 Всѣ ноши бѣды—въ единый грузъ:
 Одной душой его поднимемъ,
 Судьбы удары вмѣстѣ примемъ
 И Богъ благословитъ союзъ!
 Въ немъ скорби міра—утѣшенье,
 Душѣ преступной—примиренье,
 Въ немъ чистой вѣрѣ—воскресенье,
 Любви животворный жаръ—
 Все вѣчности завѣтный даръ!
 Гради же все ко мнѣ въ объятя!
 Какъ небесамъ имъ нѣтъ конца:
 Они и васъ обнимутъ, братья,
 И міръ, и небо, и Отца.

Неподдѣльнымъ чувствомъ отличается также стихотвореніе Хомякова на прощанье съ друзьями; приводимъ и его:

Ударилъ часъ, прощайте други!
 Мнѣ предстоитъ далекій путь.
 Съ кѣмъ мнѣ теперь дѣлится мой досуги?
 При комъ свободно мнѣ вздохнуть?
 Пусть весель свѣтлый край Дуная
 И веселы кровавые бок:
 Но вѣрѣте мнѣ, тамъ образъ рая,
 Гдѣ съ вами я, друзья мои!
 Надолго я разстанусь съ вами;
 Но подъ Руссукскими стѣнами,
 На полѣ битвы роковой,
 Подъ ставкою, подъ знаменами,
 Въ мечтахъ вы будете со мной.
 Быть можетъ, не вѣнецъ лавровый,

Кровавый мнѣ готовится вѣнецъ,
 Но надъ тобою рокъ суровый
 И тамъ, какъ здѣсь, возносится пѣвецъ,
 И тамъ, какъ здѣсь, въ послѣднее мгновенье,
 Спокойно улыбуся я.
 Мнѣ явятся веселыя видѣнья,
 Мнѣ явятся далекіе друзья.
 А вы!... забудете-ль поэта?
 Въ роскошной, южной сторовѣ,
 Въ столицѣ шумной, въ вихрѣ свѣта,
 Друзья! вздохнете-ль обо мнѣ?

Что касается предметовъ воспѣванья въ журнальныхъ стихотвореніяхъ 20-хъ годовъ, то они не были особенно разнообразны и имѣли мало отношенія къ интересамъ современнаго общества. Воспѣвались чаще всего нѣга объятій, златые локоны, взоръ божественныхъ очей, сладость милой рѣчи, трепетанье персей, жаркое лобзанье, розы на щекахъ, свиданье, поцѣлуй, крылатый мигъ наслажденья, малютка купидонъ, прекрасные глаза, нескрытая подъ фатой грудь, бѣшеное круженье вальса, соловьи, рожи, ручки, долины, блѣдный ликъ Діаны, сладостный покой, тихая, безбурная жизнь, услаждаемая дружбой, Бахусъ, веселый стукъ чашъ, струи блестящаго вина, бранная слава, воинственный нарядъ, кровавый бой, шумныя битвы, и т. д. Болѣе оригинальнымъ, нежели воспѣванье вина, является желаніе одного поэта всисѣть кофе, какъ источникъ вдохновенія поэта. Такая мысль осѣнила Дельвига. Вотъ нѣкоторые куплеты изъ его стихотворенія „Кофе“.

Пусть другіе громогласно
 Славятъ радости вина!
 Не вину хвала моя!
 Бахусъ, не хочу напрасно
 Надъ твоей потѣть хвалой:
 О, ты славецъ самъ собой!

Жаръ, восторгъ и вдохновенье
 Грудь исполнили мою —
 Кофе, я тебя пою;

Вдаль мое прочтется пѣнье,
И узнаетъ цѣлый свѣтъ,
Какъ любилъ тебя поэтъ.

Я смѣюся надъ врачами!
Пусть они бранятъ тебя,
Ревенемъ самихъ себя
И латинскими словами
И пилюлями морятъ,
Пусть имъ будетъ кофе адъ.

О, напитокъ несравненный,
Ты живишь, ты грѣшишь кровью,
Ты отрада для пѣвцовъ!
Часто рюемой утомленный,
Самъ я въ руку чашку бралъ
И восторгъ въ себя впивалъ.

Народному элементу не придавалось никакого значенія въ стихотвореніяхъ названнаго времени. Такія строчки, какъ слѣдующія, являлись какимъ-то исключеніемъ:

Всему великому причастенъ
Смышленный, добрый нашъ народъ:
Къ познаньямъ, къ славѣ онъ причастенъ,
Захочетъ лавровъ—и пожнетъ.
Въ Москву вломились вражьи скопы:
„Гори Москва!“ онъ провѣщаль,
И кровью на поляхъ Европы
Писалъ побѣдъ своихъ журналъ.

Объ общественномъ элементѣ мы уже говорили; скажемъ нѣсколько словъ о степени поэтичности стихотвореній названнаго времени. Многимъ изъ нихъ нельзя отказать въ названномъ достоинствѣ, хотя часто встрѣчаются между ними и такія, которыя стоятъ ниже всякой критики. Многія изъ нихъ не лишены музыкальности, оригинальности сравненій, яркихъ картинъ, удачныхъ эпитетовъ, поэтического жара. Но есть много и такихъ, въ которыхъ нѣтъ ни капли поэзіи. Таковы, напримѣръ, стихотворенія Хвостова.

Сатира въ стихотвореніяхъ 20-хъ годовъ выражалась въ эпиграммахъ. Предметами ихъ нападокъ служили бездарные

поэты, привязчивые журналисты, скушцы, гордецы, глупцы, рогатые мужья, отдѣтшія красавицы, и т. д. въ этомъ родѣ. Для образца приводимъ нѣкоторые изъ нихъ.

Глупоновъ въ свѣтъ издавъ свои стихотворенья,
Лавроваго листка за нихъ ждешь въ награжденье;
На окорокъ свиной коль этотъ листъ кладемъ,
Ужель Глупонову откажемъ въ немъ.

А. Прельстилъ ли Нину ты гитарою своей?
Б. Я счастливъ; но конецъ не такъ мнѣ полюбілся:
Проклятый мужъ ея, замѣтивъ подвигъ сей,
Со мной камнями въ окошко изъяснился.
А. Теперь позволь тебя Орфеемъ мнѣ называть,
Когда и камни ты заставилъ танцовать!

Поѣдемъ, Климъ, въ Кронштадтъ!—Боюсь пуститься въ море—
А случай неровень—нырнешь!—Такъ чтожь за горе,
Ты толстъ, и утонуть вдругъ волны не дадутъ:
Вить бочки завсегда поверхъ воды плывутъ!

Давно ли въ шелковыхъ чулкахъ
И въ пудрѣ шеголя-француза,
Съ лорнетомъ, въ лентахъ, кружевахъ,
Разгудивала наша муза.
Но русской барышнѣ пріѣлась старина:
Все то же платье, та же лента—
И нынѣ ходить ужъ она
Въ плащѣ нѣмецкаго студента.

При обзорѣнн журнальныхъ стихотвореній 20-хъ годовъ мы ничего не сказали о стихотвореніяхъ Пушкина и Жуковского, на томъ основаніи, что они всѣмъ извѣстны. Кроме произведеній этихъ поэтовъ, въ журналахъ 20-хъ годовъ помѣщались стихотворенія Козлова, Баратынскаго, Веневитинова, Языкова, Хомякова, Глинки, Туманскаго, Дельвига, Ознобишина, Шевырева, Розена и многихъ другихъ.

Обратимся къ критическому отдѣлу. О направленіи критики 20-хъ годовъ было уже сказано выше. Въ ней, какъ было замѣчено, преобладали два элемента: классическій и романтическій. Критики, служившіе представителями перваго изъ нихъ, держались воззрѣній французскихъ писателей 18-го

столѣтія, критики другаго направленія высказывали взгляды 19-го стол. Главнымъ органомъ классическихъ воззрѣній былъ „Вѣстникъ Европы“ Каченовскаго, главнымъ выразителемъ идей романтической критики былъ „Московскій Телеграфъ“ Полеваго. Заслуга послѣдней состояла въ опредѣленіи значенія новыхъ русскихъ писателей и въ очищеніи литературнаго вкуса, въ освобожденіи отъ увлеченія писателями ломоносовскаго періода. Романтическая же критика разъясняла русскому обществу значеніе замѣчательнѣйшихъ представителей романтизма въ Западной Европѣ. Она много способствовала сближенію литературы съ жизнію. Это была критика горячая, страстная, увлекающаяся, высказывавшая иногда довольно странныя вещи, но все-таки въ основательности своихъ главныхъ воззрѣній стоявшая гораздо выше классической критики.

Много всякихъ взглядовъ, воззрѣній и требованій было высказано критикою 20-хъ годовъ. Было много въ этихъ взглядахъ невѣрнаго, иногда пристрастнаго, но было и много справедливаго и вѣрнаго. Посмотримъ же теперь, какія научныя, литературныя и художественныя требованія и взгляды предъявляла критика 20-хъ годовъ.

По части наукъ мы видимъ въ журналахъ 20-хъ годовъ разборы книгъ по всѣмъ отраслямъ знанія, особенно же много встрѣчается разборовъ, относящихся къ исторіи и литературѣ. Сходное явленіе замѣчалось въ названное время и въ западно-европейскихъ литературахъ. Всѣ періодическія изданія Франціи, Англии и Германіи въ критическомъ отдѣлѣ занимались большею частью разборами книгъ историческаго и политическаго содержанія. Объясняется это тѣмъ, что въ первой четверти 19-го столѣтія въ Западной Европѣ появляется много замѣчательныхъ ученыхъ, разработывавшихъ вопросы историческіе и политическіе. Здѣсь мы видимъ Герена, трудящагося надъ изученіемъ древняго міра до временъ римской исторіи, Нибура, возсоздающаго въ истинномъ видѣ судьбы Рима, Лудена, освѣщающаго исторію среднихъ вѣковъ, Тьерри, Дарго и Баранта, создаю-

щихъ исторію французскаго народа, Сая и Сисмонди, сообщающихъ научное значеніе политической экономіи. Въ это время дѣйствуетъ Шамполіонъ, англійскіе ученые трудятся надъ разработкой исторіи Индіи, собирая и разъясняя ея памятники. Даже поэзія принимаетъ въ это время въ Англии историческое направленіе въ произведеніяхъ Вальтеръ-Скотта. Вотъ почему и наша критика 20-хъ годовъ, служившая въ нѣкоторыхъ случаяхъ, отголоскомъ западно-европейской критики, разбирая произведенія иностранной литературы, касалась преимущественно трудовъ, относящихся къ названнымъ отдѣламъ знанія. Разборы эти были въ меньшинствѣ случаевъ оригинальнаго, въ большинствѣ заимствованнаго характера.

Нѣкоторые критики 20-хъ годовъ съ большою любовью и усердіемъ занимались разборами замѣчательныхъ научныхъ трудовъ западно-европейскихъ ученыхъ. При этомъ они часто бросали взглядъ на состояніе науки въ ихъ отечествѣ и приходили къ печальнымъ заключеніямъ. „Мы въ немощномъ бездѣйствіи смотримъ на Европу, говоритъ одинъ критикъ, но еще не прошли необходимыхъ эпохъ постепеннаго совершенствованія, не соврѣли еще для того, чтобы принять дѣятельное участіе въ дѣлѣ европейскаго просвѣщенія. Наша младенческая многосторонность не позволяетъ намъ еще предаться какому нибудь одному извѣстному стремленію. Мы еще ученики, и потому нашъ ученый характеръ не могъ образоваться. Живой примѣръ самой Россіи суть ея школы, въ которыхъ всякій ученикъ учится *всему* и, получая обо *всемъ* поверхностное понятіе, не знаетъ ничего основательно» *). Въ этомъ взглядѣ много справедливаго. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только взглянуть на перечень книгъ научнаго содержанія, разбравшихся въ журналахъ 20-хъ годовъ: насъ поразитъ масса капитальныхъ произведеній иностранной литературы и незначительное количество продуктовъ отечественной науки. Но, какъ бы то ни было, они

*) „М. Вѣстникъ“ 1828 г., ч. 7, стр. 64.

существовали, и мы теперь посмотримъ, какіе взгляды и требованія высказывала по отношенію къ нимъ критика.

Живое вниманіе критики обращали на себя въ 20-хъ годахъ сочиненія политико-экономическаго содержанія, хотя ихъ было очень немного. Эти сочиненія затрогиваютъ вопросы, болѣе или менѣе соприкасавшіеся съ жизнью, съ нуждами общества, и потому было естественно критикѣ интересоваться ими. При разборѣ книгъ этого рода критика высказывала иногда очень вѣрные взгляды. Такой взглядъ, на примѣръ, высказанъ въ разборѣ статьи Пельчинскаго „О дѣйстви причинъ, имѣвшихъ неблагоприятствующее вліяніе на общественныя выгоды въ Россіи“. Авторъ начинаетъ свой разборъ выраженіемъ удовольствія по поводу «возрастающаго стремленія воспитанныхъ умовъ размышлять о пользахъ общественныхъ». „Сей опытъ, говорить далѣе критикъ, обратитъ умы благонамѣренныя на обстоятельства, связанныя столь тѣсно съ благосостояніемъ каждаго гражданина, подастъ надежду, что публика приохотится къ такимъ изысканіямъ. Противоположность въ мысляхъ и полемика послужатъ къ основанію еще не существующаго у насъ общаго мнѣнія о многихъ практическихъ правилахъ политической экономіи. Кромѣ свѣдѣній объ отечествѣ, мыслящій классъ приобрететъ чрезъ сіе навыкъ соображать теоретическія истины съ событіями: безъ сего навыка, первыя всегда останутся въ ряду педантскихъ отвлеченностей, сколь бы ни были правильны. Какое пособіе для дѣятельнаго и просвѣщеннаго правительства, когда самыя исполнители государственныхъ мѣръ умѣтъ будутъ распознавать общественную пользу, на которой онѣ основаны“ *).

Наряду съ такими простыми и здравыми воззрѣніями и требованіями при разборѣ политико-экономическихъ и статистическихъ сочиненій, критика 20-хъ годовъ высказывала иногда и слишкомъ туманныя, и очень невѣрные взгляды. Таковъ, на примѣръ, разборъ „Хозяйственной статистики“

*) „М. Вѣстникъ“, 1828 г., ч. 7, стр. 205.

Андросова *)). Критика ставитъ автору въ вину то, что онъ не разсматривалъ государство, какъ члена семейства народовъ, по времени его существованія и мѣсту, имъ занимаемому, что въ его трудѣ нѣтъ мѣрила духовнаго дѣйствителя на вещественность, что въ немъ не указано, чѣмъ Россія можетъ быть, и т. д. Далѣе критикъ голословно упрекаетъ автора въ выписываніи изъ чужихъ трудовъ: о Сибири, говоритъ онъ, *строятно*, выписано изъ какой нибудь книги; о равнинахъ, *строятно*, тоже выписано. Онъ сожалѣетъ, что авторъ не вымѣрилъ Россіи вновь, такъ какъ по послѣднему исчисленію до выхода статистики прошло уже 24 года. Критикъ указываетъ ошибки, которыхъ въ разбираемомъ трудѣ нѣтъ. Такъ, онъ навязываетъ послѣднему мысль, что рыбная ловля потому важна для Россіи, что у русскихъ много постныхъ дней, что камчатскихъ бобровъ ловятъ въ Архангельской и Вятской губерніяхъ, что всѣхъ сельскихъ произведеній привозится на Корейную ярмарку на 30,000 рублей, а крестьянскихъ кушаковъ на 150,000 рублей.

Справедливыя мысли встрѣчаются въ разборѣ **) „Замѣчаній о Сибири“ сенатора Корнилова. Разборъ этотъ замѣчательнъ по изложенію чрезвычайно интереснаго содержанія названной книги. Критикъ прежде всего выражаетъ ту мысль, что хорошо было бы собрать всѣ существующія статьи о Сибири, разобрать ихъ критически, повѣрить на мѣстѣ и наконецъ составить полное описаніе русской Америки. Далѣе онъ справедливо замѣчаетъ, что Сибирь представляетъ много великихъ явленій для минералога, ботаника, зоолога, геолога, политика и историка и что она достойна имѣть своего Гумбольдта. Передавая содержаніе книги, критикъ указываетъ на мѣры, предлагаемыя авторомъ для умноженія народонаселенія Сибири. Прежнія мѣры для этого, по мнѣнію послѣдняго, были недостаточны, „потому что отдаточ-

*) „Москов. Телегр.“ 1827 г., № 20, стр. 264 и слѣд.

**) „Московский Вѣстникъ“ 1828 г., ч. 9, стр. 408—409.

ные за рекрутовъ поселенцы приходили изъ отдаленныхъ мѣстъ, въ лѣтахъ, по большей части близкихъ къ старости, и притомъ одинокіе, со здоровіемъ и нравами испорченными, слѣдовательно совершенно неспособные къ образованію семействъ, къ продолженію потомства и умноженію народонаселенія". „Ссылаемые преступники, замѣчаетъ далѣе авторъ относительно народонаселенія Сибири, видятъ въ Сибири не страну исправленія, но мѣсто заточенія своего, гражданскую казнь, и въ томленіи безнадежности проводятъ дни свои; ибо когда прибавить къ лѣтамъ дряхлости, испорченными нравами, изнуренному распутною жизнію и самою пересылкою здоровью, къ холостому безженственному житію ихъ еще и то, что многіе изъ нихъ, будучи не изъ крестьянскаго состоянія, но изъ дворянъ, купцовъ, мѣщанъ, ремесленниковъ или дворовыхъ господскихъ людей, къ водворенію на положеніи поселеннаго или крестьянина вовсе неспособны; то, сдѣлавъ строгій выборъ, увидимъ, что весьма мало выберется изъ нихъ полезныхъ или, по крайней мѣрѣ, полезныхъ поселенъ для отдаленнаго сего края. Между тѣмъ рекрутскіе наборы, отнимая лучшихъ работниковъ, истощаютъ народонаселеніе (съ 77 бывшихъ тамъ народовъ страна лишилась болѣе 37,000 человекъ)". Въ виду всего этого, авторъ считаетъ полезнымъ учредить по пограничной линіи, въ ширину верстъ на сорокъ, земское охранное войско, которое защищало бы ее отъ нападений сосѣдственныхъ народовъ и освободило бы отъ рекрутскихъ наборовъ, доставивъ занятіе правдымъ людямъ, неспособнымъ къ земледѣльской жизни. Для умноженія числа знающихъ и дѣльныхъ чиновниковъ, которые большею частію пріѣзжаютъ служить на время, авторъ считаетъ полезнымъ раздавать имъ пустопорожнія земли. Въ настоящее время много говорятъ объ Оби по поводу вопроса о путяхъ сообщенія съ Сибирью. Вотъ что писалъ о ней Корниловъ въ 20-хъ годахъ: „Я плавалъ по Средиземному морю и подходилъ къ высотамъ Сѣвернаго Океана; видѣлъ прелестныя страны Италіи и всего южнаго берега Европы; удивлялся унылымъ красотамъ

Норвегии, съ навислыми утесами, противоборствующими свирѣпой морской стихіи; но нигдѣ не находилъ видовъ, подобныхъ берегамъ Оби. Они изумляютъ плователя красотами неописанными, невыразимыми, и истинно достойны быть сняты смѣлою и искусною кистію знаменитѣйшихъ художниковъ. Но, кромѣ прелестныхъ окрестностей, Обь имѣетъ предъ другими пространнѣйшими въ теченіи своемъ рѣками еще большее преимущество: обтекая всю западную Сибирь отъ юга на сѣверъ, она не вмѣщаетъ въ себѣ ни одного порога, вездѣ судоходна, вездѣ къ плаванію удобна и при всякомъ мѣстѣ имѣетъ вовсе чуждое обыкновенному теченію рѣкъ противостремленіе воды, облегчающее ходъ поднимающихся вверхъ судовъ и происходящее отъ сѣвернаго вѣтра, по большей части здѣсь дующаго. Сверхъ таковыхъ для судоходства удобностей, богатства Оби чрезвычайны: изъ нихъ главнѣйшее состоятъ въ рыбѣ, идущей изъ сѣверныхъ морей и обратно въ оныя, въ два періодическія времени года, при началѣ и окончаніи лѣта. Обь своею рыбою не только пропитываетъ жителей береговъ своихъ, но снабжаетъ оною съ избыткомъ и четыре ближнія губерніи; берега ея украшены огромными строевыми лѣсами, которые, *при открытіи предполагаемаго водосообщенія Сибири съ европейскими портами, могутъ снабжать мачтовыми деревьями почти всю Европу.* По берегамъ ея богатые промыслы: звѣриный, птичій и кедровый, удостовѣряютъ, какъ щедро надѣлила природа всѣми дарами своими берега Оби и самую рѣку сію; и хотя точно не опредѣлено еще и не изслѣдовано, какія сокровища по царству ископаемыхъ вмѣщаются въ томъ камнѣ, или хребтѣ Уральскихъ горъ, который отъ вершины Оби простирается огромною цѣпью, но должно полагать, что они не маловажны*.

Приведши отрывки изъ разбираемаго сочиненія, критикъ въ заключеніе замѣчаетъ: „Порадуемся, что наши сановники начинаютъ стараться о передачѣ своимъ соотечественникамъ тѣхъ свѣдѣній, которыя имъ собирать случается. Пожелаемъ, чтобъ свѣдѣнія сіи распространились какъ можно болѣе, и

чтобъ мы узнали наконецъ Россію такъ, какъ знаемъ чужіе края“.

Въ журналахъ 20-хъ годовъ встрѣчается много разборовъ по исторіи. Мы уже выше говорили о разборахъ исторіи Карамзина Арцыбышева и Полеваго. Видное мѣсто между названными разборами занимаютъ критическія статьи Погодина и замѣтки Строева. Въ нихъ встрѣчается много серьезныхъ мыслей. Погодинъ часто любилъ останавливаться на Геренѣ и Шлецерѣ. Послѣдняго онъ называлъ бессмертнымъ авторомъ. Разбирая его „Введеніе во всеобщую исторію для дѣтей“, онъ говоритъ, что Шлецеръ произшелъ все историческое поприще вдоль и поперекъ и зналъ исторію, можетъ быть, подробнѣе всѣхъ своихъ современниковъ. По мнѣнію Погодина, этотъ историкъ оказалъ наукѣ величайшія услуги во всѣхъ отношеніяхъ, размышляя въ продолженіе всей своей жизни о методѣ исторіи. Онъ одинъ изъ первыхъ въ Германіи постигнулъ мысль, что во всѣхъ дѣяніяхъ рода человѣческаго должна быть какая-то система, какая-то связь. Разбирая „Введеніе“, Погодинъ указываетъ мимоходомъ на одного рецензента, который смѣшалъ исторію съ введеніемъ въ исторію и сталъ бранить „Введеніе“ Шлецера за то, что не нашелъ въ немъ того, что должно быть въ исторіи. Много дѣльныхъ мыслей разбросано также въ разборѣ Погодина „Руководства къ познанію всеобщей политической исторіи“ Кайданова. Разборъ авторъ начинаетъ указаніемъ на то, что на русскомъ языкѣ почти вовсе нѣтъ историческихъ учебныхъ книгъ. Потомъ онъ переходитъ къ вопросу о томъ, что требуется отъ составителя политической исторіи. Отвѣчая на этотъ вопросъ, рецензентъ замѣчаетъ, что сперва нужно опредѣлить исторію вообще, а потомъ показать, какую часть ея составляетъ исторія политическая. Останавливаясь на опредѣленіи исторіи Кайданова: „исторія есть повѣствованіе о достопамятныхъ явленіяхъ въ свѣтѣ“, онъ справедливо замѣчаетъ: „И такъ книжка, въ которой послѣ столпотворенія Вавилонскаго рассказано будетъ сраженіе подъ Ватерлоо и обращеніе крови въ тѣлѣ, а послѣ

взятія русскими Эривани дѣйствія электричества и жертвоприношеніе Авраама, имѣеть полное право на титуло исторіи?! Вотъ до какой несообразности съ перваго раза доводятъ это обветшалое опредѣленіе, съ большими или меньшими измѣненіями повторяющееся у насъ съ прошлаго вѣка во всякой учебной, исторической книжкѣ! Въ раздѣленіи исторіи у Кайданова Погодинъ также замѣчаетъ неправильность; это раздѣленіе гласить: „Исторія раздѣляется по своему предмету на церковную, политическую (гражданскую), естественную, исторію наукъ, художествъ, торговли, изобрѣтеній, открытій и проч.“ Въ этомъ опредѣленіи Погодинъ видитъ смѣшеніе всѣхъ частей исторіи: видовъ (species, церковная, политическая), родовъ (genega, естественная) и разновидностей (varietates, исторія торговли и проч.). По поводу опредѣленія политической исторіи: „Политическая исторія есть повѣствованіе о достопамятныхъ происшествіяхъ, случившихся въ государственныхъ или вообще въ политическихъ обществахъ“ рецензентъ остроумно замѣчаетъ: „Вслѣдствіе этого опредѣленія, всѣ происшествія, относящіяся до религіи, до наукъ, до искусствъ, до самой природы, — и тульскій гигантъ, и московская курица съ человѣческими профилями, и пожаръ въ Або, и картина Егорова, и поэма Пушкина, — принадлежатъ къ политической россійской исторіи, ибо суть происшествія достопамятныя и случились въ государствахъ“. Изъ дальнѣйшаго разбора видно, что республика, по мнѣнію Кайданова, не государство, что первыя политическія общества явились вмѣстѣ съ міромъ, что географія и хронологія — вспомогательныя науки исторіи только въ томъ (жалкомъ, по выраженію Погодина) отношеніи, что одна описываетъ, *гдѣ* случились происшествія, а другая — *когда*. Происхожденіе человѣческихъ обществъ, по замѣчанію Погодина, объясняется Кайдановымъ очень просто: по причинѣ столпотворенія Богъ разсыпалъ людей въ разныя стороны; но около 2500 г. до Р. Х. они уже соединились въ общества. Далѣе рецензентъ указываетъ на опущеніе изъ виду слѣдующихъ важныхъ вопросовъ: почему деспотизмъ принадлежитъ

исключительно Азии? Какое отношение къ нему имѣеть многоженство? Почему раздѣленіе на касты не могло водвориться у грековъ и вообще въ Европѣ? Почему у грековъ духовенство не получило такой власти, какъ въ Египтѣ, хотя первоначально и переселилось оттуда? Почему отеческая власть въ Римѣ была очень велика? Критикъ въ виду этого замѣчаетъ, что авторъ не воспользовался при составленіи своей исторіи изслѣдованіями новѣйшихъ европейскихъ ученыхъ: въ римской исторіи у него повторяются всѣ прежнія сказки, и нѣтъ ни одного результата изслѣдованій Нибура (нельзя ли сдѣлать этого упрека и нѣкоторымъ современнымъ историкамъ?). Не видно также въ исторіи отличія республики римской отъ республикъ греческихъ. Важныя происшествія завалены хламомъ ненужныхъ подробностей, о людяхъ и происшествіяхъ авторъ вездѣ судить по теперешнимъ понятіямъ. Въ исторіи среднихъ вѣковъ нѣтъ объясненія многихъ замѣчательныхъ явленій, каковы: переселеніе народовъ, преимущество духовной власти надъ свѣтскою, рыцарство, начало городовъ и появленіе средняго сословія. Больше достоинствъ рецензентъ видитъ въ изложеніи исторіи трехъ послѣднихъ столѣтій. Слогомъ исторіи онъ тоже не совсѣмъ доволенъ. Повторяя слова Шледера, онъ говоритъ: „сжимайте такъ происшествія въ повѣствованіи, какъ сжимаютъ хлопчатую бумагу на индѣйскихъ корабляхъ: охапку въ горсть“ *). Исторія Кайданова была также разобрана въ „Телеграфѣ“, „Сѣверной Пчелѣ“, гдѣ она была названа отличною, и въ „Вѣстникѣ Европы“. Изъ этихъ разборовъ замѣчательнѣе разборъ послѣдняго журнала **).

Въ области географіи мы остановимся на разборѣ одной карты (Генеральная карта Россійской имперіи), помѣщенномъ въ „Сѣверномъ Архивѣ“ 1823 г. Замѣчательныя требованія, предъявляемыя авторомъ статьи для составленія карты. Здѣсь между прочимъ требуется, чтобы всѣ досто-

*) „Московский Вѣстникъ“ 1827 г., ч. 6, стр. 49—71.

***) „Вѣстникъ Европы“, 1827 г., № 4 и 18.

примѣчательныя мѣста были помѣщены на картѣ въ тѣхъ самыхъ пунктахъ, которыя „дѣйствительному ихъ положенію на землѣ соотвѣтствуютъ,“ чтобы посредствомъ особенныхъ знаковъ было показано, какія мѣста во время изданія карты были извѣстны и какія остались неизвѣстными; чтобы политическое и гражданское раздѣленіе было означено въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно находилось въ эпоху изданія карты; чтобы въ случаѣ противорѣчій свѣдѣній издатель карты критиковалъ ихъ и опредѣлялъ степень ихъ достоверности по обстоятельствамъ лицъ, времени и мѣста.

Карты должны имѣть приличную величину, связь ихъ должна быть удобопонятна, одна часть не должна мѣшать ясности другой, чтобы, напримѣръ, на почтовой картѣ, пятидесяти-мильные станціи не заставили всѣ прочія станціи въ цѣлой Россіи сжать такъ близко между собою, что „одну отъ другой различить было бы не можно.“ На одной и той же картѣ не слѣдуетъ показывать различнаго дѣленія, напримѣръ, раздѣленіе Россіи на губерніи, епархіи, на учебныя округа, на округа путей сообщенія и т. д. Нужно избѣгать излишней тѣсноты знаковъ, надписей и границъ. Затѣмъ авторъ переходитъ къ вопросу: удобно ли издавать общую карту Россіи? и приходитъ къ тому заключенію, что неудобно, потому что общая карта Россіи по необходимости всегда обращается въ карту Сибири. На такой картѣ послѣдняя займетъ самое главное, видное мѣсто, все же остальное составить какъ бы ея окрестности *).

Обращаемся къ исторіи словесности. Между критиками, занимавшимися разборами произведеній этой области, видное мѣсто занимаютъ Шевыревъ и Полевой. О критическихъ статьяхъ послѣдняго мы будемъ подробно говорить при разсмотрѣніи журналистики 30-хъ годовъ. Скажемъ нѣсколько словъ о Шевыревѣ, въ дополненіе къ тому, что было сказано о немъ выше. Много дѣльныхъ мыслей было высказано имъ при разборѣ тѣхъ или другихъ произведеній, при-

*) „Сѣверный Архивъ“ 1823 г., ч. 5, стр. 197 и слѣд.

надлежащихъ къ области исторіи словесности. Таковъ, напримѣръ, взглядъ, высказанный имъ при разборѣ „Малороссійскихъ пѣсенъ“, изданныхъ Максимовичемъ. Разборъ начинается упрекомъ современнымъ ученымъ въ бездѣйственности по отношенію къ собранію произведеній народной словесности. „Какъ до сихъ поръ, говоритъ онъ, мы не слѣшимъ уловить русскія пѣсни, столь родныя нашему сердцу, которыя, можетъ быть, скоро унесетъ съ собою навѣки старое поколѣніе? Хотя низшій классъ народа не столько подверженъ вліянію моды, какъ сословіе высшее, въ которомъ начиная отъ поэмъ стихотворныхъ до золотого колечка на рукѣ красавицы, все измѣняется быстро,—однако, не смотря на то, и поселяне наши подвергаются общему стремленію всѣхъ людей—измѣнить старое на новое. Прежнія пѣсни замѣняются другими, какъ алый кумачъ московскимъ ситцемъ и холстинкой, какъ шитый золотомъ кокошникъ и бѣлая фата платкомъ гродетуровымъ. На югѣ Россіи, въ мѣстахъ приволжскихъ, старыя пѣсни и сказки остаются собственностью однихъ стариковъ и старухъ и вскорѣ сдѣлаются добычей забвенія. Вѣтреная молодежь любитъ пѣсни новѣйшаго сложенія, и сколько могъ рецензентъ замѣтить, онѣ не схожи съ старыми не только содержаніемъ, но и головами. Древнія пѣсни разбойничьи, столь прежде знакомыя берегамъ нашей поэтической Волги, рѣдко на ней раздаются. Не смотря на то, что сія рѣка, не столько носившая суда военныя, сколько торговыя, заслуживаетъ названіе купеческой; но отдадимъ ей справедливость: она внушала много пѣсенъ поэтическихъ, — и кто не пожалѣетъ, если онѣ исчезнутъ въ памяти русскихъ?“ Далѣе рецензентъ доказываетъ мысль, что въ лирической поэзіи лучше, нежели въ другихъ родахъ, выражается духъ народа, т. е. образъ его мыслей и чувствъ, и что лирическія пѣсни важны въ исторіи поэзіи, языка и умственнаго образованія народа. Любители и любительницы поэзіи, замѣчаетъ онъ далѣе, найдутъ въ пѣсняхъ, собранныхъ Максимовичемъ, свѣдѣнія мысли и теп-

для чувствна, поэты—источникъ вдохновенія, филологи—пищу для своего наблюдательнаго ума *).

Въ отдѣлѣ языкознанія большое вниманіе журналистики обратила на себя грамматика Греча. Объ ея разборѣ, принадлежащемъ Калайдовичу, сказано было выше. Мнѣнія рецензентовъ были очень различны. Вѣрный взглядъ на значеніе Греча въ исторіи русской грамматики высказанъ былъ въ журналѣ Погодина. По этому взгляду, Гречъ имѣетъ достоинство болѣе собирателя, нежели творца русской грамматики. Онъ соединилъ во едино всѣ наблюденія своихъ предшественниковъ, присоединивъ къ нимъ и свои собственныя, но не создалъ новаго способа изложенія, который такъ важенъ не только въ трудѣ филологическомъ, но и философскомъ. Опредѣленія и раздѣленія Греча ни откуда не выводятся, а падаютъ съ неба.

Примѣромъ рѣзкой противоположности во взглядахъ рецензентовъ различныхъ журналовъ на одно и то же сочиненіе можетъ служить разборъ „Логикъ“, изданныхъ Додаевымъ и Талызнымъ. Полевой поставилъ ихъ выше трудовъ Кондильяка и Баумейстера **), въ журналѣ же Погодина сказано было, что онѣ хороши только для учениковъ ***).

Въ журналистикѣ 20-хъ годовъ раздавались иногда справедливыя жалобы на скудость современныхъ математическихъ сочиненій. Изъ этихъ рецензій оказывается, что сочиненія по части чистой и прикладной математики были очень рѣдки. Ограничивались болѣею частію переводами французскихъ курсовъ или передѣлкою ихъ на свой ладъ. У русскихъ математиковъ не доставало терпѣнія читать объ одномъ предметѣ многихъ авторовъ, осмотрѣть его со всѣхъ сторонъ и составить свое новое полное понятіе о немъ. Много было почитателей Безу, Войтяховскаго; многіе страшились приступить къ изученію лучшаго курса, Франкера.

*) „М. В.“ 1827 г., ч. 6, стр. 310—311.

**) „М. В.“ 1828 г., ч. 7, стр. 169.

***) „Московскій Вѣстникъ“ 28 г., ч. 9, стр. 417—418.

Въ виду всего этого, критикой съ большой похвалой былъ встрѣченъ трудъ Перевощикова (энциклопедія). Между учебниками по арифметики — рецензія причисляла къ лучшимъ учебникъ Зернова. Относительно совершенныхъ *Лучайшихъ и новѣйшихъ самоучителей* нѣкоторые рецензенты выражали ту мысль, что они не только не приносятъ пользы, но способствуютъ отвращенію къ наукѣ.

Такое же, неутѣшительное явленіе видѣла критика въ состояніи разработкѣ естественныхъ наукъ. Ее печалило то обстоятельство, что у насъ въ названное время очень мало было распространено знакомство съ открытіями и изслѣдованіями, которыя были сдѣланы по названной части въ западномъ ученомъ мірѣ. Большая часть учебныхъ курсовъ предлагала почтенную старину, которая, „не могли угнаться за новыми открытіями, оставалась на мѣстѣ съ лежалымъ запасомъ своей опытности, подбираясь иногда кой-чѣмъ отъ быстро, мимо ея, идущихъ впередъ успѣховъ. Вслѣдствіе этого, критикѣ было весьма естественно отнестись съ похвалою къ „Новому магазину естественной исторіи, физики и химіи“, издававшемуся Двигубскимъ, имѣвшимъ въ виду распространеніе въ обществѣ знакомства съ естественными произведеніями Россіи.

Русской критикой 20-хъ годовъ затрогивался иногда вопросъ о развитіи знаній, просвѣщенія въ Россіи. Относительно этого одинъ изъ рецензентовъ „Московского Вѣстника“ писалъ слѣдующее: „Что если бы нѣкоторые наши ученые вмѣнили себѣ въ обязанность къ концу года представлять полный статистическій отчетъ о всѣхъ отрасляхъ просвѣщенія (мысль, которую въ пору было бы высказать и въ 70-хъ годахъ XIX ст.)! Одному писать обо всемъ невозможно, разумѣется, съ основательностью, а порознь обдѣлать части—не только возможно, но и легко: такъ, пусть одинъ скажетъ о книгахъ, до изящной словесности относящихся, другой о технологическихъ, третій—математическихъ и т. д. Еще лучше, если бы можно было представить полное годовое статистическое, собственно такъ называемое,

описаніе Россіи во всѣхъ отношеніяхъ, основываясь на извѣстіяхъ официальныхъ, напримѣръ: о новыхъ законахъ, въ продолженіи года изданныхъ, о ходѣ торговли, о мануфактурахъ, результаты метеорологическихъ наблюденій по разнымъ странамъ, и проч. и проч. Вотъ альманахъ, который былъ бы прекраснымъ подаркомъ для публики—и для будущаго историка*. Нельзя не сознаться, что въ этомъ желаніи высказана мысль очень свѣтлая и оригинальная.

Много было высказано критикою 20-хъ годовъ взглядовъ и требованій относительно современныхъ литературныхъ явленій въ тѣсномъ значеніи этого слова. Критика касалась самыхъ разнообразныхъ вопросовъ: о поэзій, журналистикѣ, критикѣ, романѣ, повѣсти, комедіи, правоописательныхъ очеркахъ, баснѣ, сатирѣ, лирической поэзій, альманахахъ, переводахъ, вліяніи французской литературы, романтизмѣ и классицизмѣ, современной духовной литературѣ, и т. д. И здѣсь мы видимъ смѣсь мыслей ложныхъ и вѣрныхъ, серьезныхъ и поверхностныхъ, правдивыхъ и пристрастныхъ.

Въ то время, какъ одна часть критики 20-хъ годовъ смотрѣла на современную поэзію, какъ на садъ, въ которомъ все процвѣтаетъ, и наслаждалась благовоніемъ ея цвѣтовъ, рассыпаясь въ похвалахъ такимъ стихотвореніемъ, какъ „Тоска араба по милой“ и творенія Хвостова, и занимался преимущественно разборомъ отдѣльныхъ словъ и выраженій,—другая ея часть по отношенію къ поэзій предъявляла болѣе серьезные требованія, и находила мало утѣшительныхъ явленій въ современной поэтической литературѣ, исключая, конечно, произведеній самыхъ крупныхъ талантовъ. Эта вторая часть осмѣивала тѣхъ изъ журналистовъ, которые сравнивали эффектные произведенія современной поэзій съ разнообразными цвѣтами и раскладывали ихъ по букетамъ. Критики названнаго направленія говорили, что во множествѣ упомянутыхъ „цвѣтовъ“ очень рѣдкіе плѣняли свѣжестью красокъ и ароматомъ. Поле, возвращавшее эти продукты, оставалось въ ихъ глазахъ пустынь и безцвѣтнымъ. Назван-

ные цвѣты они приравнивали къ плевеламъ, находя причину названнаго печальнаго явленія въ томъ, что «древо нашей словесности было вывезено изчужди и Франци, изъ той земли, гдѣ не было сѣмени и слѣдовательно органическаго развитія. Эти критики говорили, что, боясь стужи роднаго сѣвера, мы грѣли и делѣли привозное дерево въ теплицѣ, собирая плоды очень скудные. Что необходимо для того, чтобы „возросло дерево поэзиі русской?“ спрашивали они и отвѣчали: нужно *свое* сѣмя, *своя* почва, удобренная богатыми знаніями, дѣятельной и доблестной жизнью—исторіей. Нельзя не замѣтить въ этомъ взглядѣ зародыша почвенности, славянофильства. Затрогивая вопросъ о томъ, что можетъ обогатить содержаніе поэзиі, нѣкоторыя критики рѣшали, что это можетъ сдѣлать чтеніе отечественныхъ и иностранныхъ писателей, исторія, размышленіе, ученіе. Такую мысль высказалъ, между прочимъ, Шевыревъ, доказавшій ея справедливость своими стихотвореніями, изъ которыхъ многимъ нельзя отказать въ серьезномъ содержаніи.

Затрогивая вопросъ о журналистикѣ, критики 20-хъ годовъ приходили къ различному заключенію относительно ея задачъ и отношенія къ обществу. Такъ, напримѣръ, въ журналѣ Погодина проводился тотъ взглядъ, что одна изъ непосредственныхъ обязанностей издателя литературнаго журнала есть сообщеніе публикѣ, по мѣрѣ возможности, самыхъ точныхъ и скорыхъ свѣдѣній обо всемъ, что по какимъ нибудь литературнымъ или ученымъ отношеніямъ, «занимая почетное мѣсто на обширномъ поприщѣ европейскаго просвѣщенія, можетъ назваться полезнымъ или пріятно занять собою читателя». Между тѣмъ, эта важная часть, говорилось далѣе, была совершенно заброшена *). Многія превосходныя иностранныя произведенія не удостоивались никакого вниманія, обрекались на неизвѣстность, или извѣстія объ нихъ, болѣею частію поверхностныя, такъ поздно доходили до читателей, что какъ будто журналисты расположили свои

*) Съ этимъ нельзя согласиться.

редакціи на краю свѣта. Такое невниманіе къ современнымъ успѣхамъ просвѣщенія казалось бы непонятнымъ, если бы причину его захотѣли отыскивать въ нежеланіи знать объ нихъ; но этого не было: о желаніи учить объявлялось почти въ каждой книжкѣ cadaго журнала. Причина названнаго явленія заключалась въ торопливости журналистики, въ томъ, что журналисты не шли, а бѣжали по избранной дорогѣ, ничего не успѣвая сдѣлать, споря, уча и опровергая другъ друга. По приводимому взгляду, представители журналистики не убѣждали и не доказывали, а смѣло дѣйствовали и разсуждали объ всемъ (нельзя не замѣтить здѣсь нападенія на Полеваго) и притомъ съ такимъ успѣхомъ, что искусство писать цѣлыя страницы и не написать на нихъ ни одной связанной мысли доведено было до высокаго совершенства. При этомъ въ ходу были мистификація именъ, тонкое уклоненіе отъ матеріи, умышленныя недоразумѣнія и ошибки, рѣшительный тонъ и настойчивость въ литературныхъ приговорахъ. Въ послѣднемъ, особенно искусны были рецензенты, которые всѣмъ навязывали свои законы и нерѣдко однимъ возгласомъ опредѣляли будущую судьбу возникающаго таланта или поражали своего противника гуломъ многословія и парадоксовъ. Они, подобно почетной кастѣ египетскихъ жрецовъ, владѣли таинственными письменами премудрости и съ высоты своего величія бросали разрушительныя стрѣлы брашноносной критики. Журналы отъ этого проиграли. Вся журналистика сосредоточилась въ полемикѣ, которая унизила ея достоинство, ослабила вліяніе на успѣхи наукъ и лишила ее возможности имѣть участіе въ общемъ дѣлѣ отечественнаго просвѣщенія. Таковъ былъ взглядъ журнала Погодина на современную журналистику въ большинствѣ ея представителей. Иначе смотрѣлъ на дѣло Полевой. Онъ, хорошо понимая требованія современнаго общества, стремился къ разнообразію въ журналѣ и придавалъ большое значеніе критикѣ и полемикѣ. „Публика требуетъ отъ журналистовъ пестроты, антикритики, сказокъ,

стиховъ, мелочей. Она хочетъ играть журнальными книжками, а не читать *).

Изъ сказаннаго выше отчасти видно, какой взглядъ имѣли нѣкоторые критики 20-хъ годовъ на требованія и значеніе критики и рецензій. Прибавимъ къ сказанному еще нѣсколько словъ. Замѣчательный взглядъ на значеніе критики высказалъ Полевой. На это значеніе онъ смотрѣлъ, какъ на завоеваніе истины. „Не помню, замѣчаетъ онъ, кто-то говорилъ, что завоеваніе всякой истины, во всякомъ времени, похоже на осаду крѣпостей и сраженія между двумя войсками. Для того и другого строятъ батареи, копаютъ рвы, разбиваютъ лагери. Взята крѣпость, выиграна битва, и укрѣпленія, рвы, батареи забыты; самый подвигъ остается только въ нѣсколькихъ строкахъ реляціи, когда, можетъ быть, имъ рѣшилось великое событіе, и онъ стоитъ жизни многихъ храбрыхъ, былъ плодомъ гениальнаго соображенія полководца, ознаменованъ чудесами отваги и смѣлости. Такъ истина, завоеванная въ то или другое время, сливаясь^с съ другими чертами исторіи просвѣщенія и образованія, преобразованная, составившая часть запаса, скопляемаго вѣками, походить на взятую крѣпость, на выигранную битву. А критика, а работа людей, которые взяли, выиграла ее, не тѣ ли они батареи, рвы, окопы, укрѣпленія, которыми былъ пріобрѣтенъ успѣхъ?“ **). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ „критикъ не долженъ вмѣшиваться въ мелочныя апелляціи страстей авторскихъ, довольно нѣсколькихъ словъ—и работа его займется во мракѣ чужаго пустословія“ ***). Погодинъ во главу угла относительно критики ставилъ безпристрастіе и искренность. Онъ писалъ: „Московскій Вѣстникъ“ не знаетъ ни нейтралитета, ни войны. Случится ему сказать свое мнѣніе о чемъ либо до литературы относящемся, онъ скажетъ оное искренно и въ похвалу, и въ

*) „Московскій Телеграфъ“ 1828 г., № 6, стр. 251.

**) „Очерки русской литературы“, ч. 1, стр. VI.

***) „Московскій Телеграфъ“ 1825 г., № 1, стр. 16.

порицаніе съ добрымъ намѣреніемъ; онъ никогда не войдетъ въ перестрѣлку съ людьми, которые умышленно не понимаютъ или не захотятъ понимать его, потому что не имѣетъ времени пересыпать изъ пуст.го въ порожнее* *). Иногда въ журналахъ встрѣчались неодобрительные взгляды на современную критику, исходяшіе отъ читателей. Такъ, одинъ изъ нихъ писалъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“: „Давно уже ввелось обыкновеніе критиковать вновь издаваемыя книги. Бывало прежде ученые и слагонамѣренные люди разбирали безпристрастно и оцѣнивали сочиненіе сообразно цѣли его: въ механикѣ не искали метафизикъ, въ поэзіи не заботились объ алгебрѣ, а въ сочиненіяхъ прямо литературныхъ показывали только красоты слова и мыслей или погрѣшности противъ вкуса и принятыхъ правилъ—и разборы сіи, какъ для публики, такъ и для самихъ авторовъ, были занимательны и полезны. Нынѣ совсѣмъ другое: нельзя напечатать книжнаго каталога безъ того, чтобъ не явилось нѣсколько рецензентовъ, *готовыхъ критиковать, если не содержаніе, то хотя печать, форматъ или даже переплетъ книги.* Этого мало. По нѣкоторому своеволію, сіи господа, вѣроятно, неодолимые недугомъ писанія, присвоили себѣ право совѣтовать и то, и другое людямъ, которыхъ они вовсе не знаютъ, и которые, можетъ быть, не имѣютъ ни малѣйшей надобности въ ихъ совѣтахъ“. Замѣчательный взглядъ на критику былъ высказанъ въ „Невскомъ Зрителѣ“. Въ немъ было сказано: „Ежели ту истину, что все, не въ добро человѣку и не во славу Божества произведенное, перейдетъ въ ничтожество, принять за непремѣнный законъ наукъ и художествъ, за отличительный характеръ, который мститъ современникамъ за забвеніе истиннаго достоинства, если наконецъ принять ее за вѣчное правило критики временъ, — то на какихъ началахъ должно основываться сужденіе о произведеніяхъ ума человѣческаго? Проложить рождающемуся таланту дорогу къ истинѣ и

*) „Московскій Вѣстникъ“ 1827 г., ч. 4, стр. 202.

познанію общественнаго блага, ободрить его первые успѣхи поддержать мнѣніе публики о настоящемъ достоинствѣ литературы, и особенно отечественной, отвлечь слабые, заблудшіе умы отъ тѣхъ авторовъ, которые соблазняютъ красотами ихъ слога и блескомъ ложныхъ мыслей, обратить вниманіе къ тѣмъ героямъ древней и новой литературы, которые съ непорочною славою проходили свое поприще, наконецъ исправлять голосомъ кротости писателей, увлеченныхъ вихремъ времени, сражаться оружіемъ разума и справедливости съ умами злонамѣренными, поражать стрѣлами краснорѣчія разсвѣтателей правилъ, противныхъ общественному порядку, вотъ должность истинной критики, вотъ занятіе, достойное благомыслящаго человѣка, друга порядка и правды *)). Иное заявленіе о томъ, какова должна быть критика, сдѣлаво было Булгаринимъ **). Онъ писалъ: „Въ помѣщаемыхъ нами въ „Сѣверномъ Архивѣ“ разборахъ книгъ мы руководствуемся методою, принятою всѣми иностранными журналистами, т. е. сперва излагаемъ вкратцѣ содержаніе сочиненія, послѣ сего приводимъ любопытнѣйшія мѣста собственными словами автора, и наконецъ, дѣлаемъ заключеніе о достоинствѣ сочиненія, вообще или по частямъ, сообразно съ планомъ онаго. Съ нѣкотораго времени изобрѣтенъ въ Россіи новый родъ разборовъ или рецензій, состоящій въ томъ, чтобы, выписавъ нѣсколько страницъ, а иногда и большую половину книги, сказать въ концѣ: „славная статья“ или неподобная книга“. Сія послѣдняя метода безъ сомнѣнія, гораздо легче первой, но мы изъ уваженія къ нашимъ читателямъ не смѣемъ послѣдовать сей выгодной новости“.

Удачный примѣръ Вальтеръ-Скотта увлекъ нѣкоторыхъ русскихъ писателей, и они обратились къ составленію историческихъ повѣстей. Вѣрный взглядъ на послѣднія былъ высказанъ въ журналѣ Погодина. По этому взгляду рецензѣ

*) „Новскій Зритель“ 1820 г., ч. 1, стр. 106—107.

***) „Сѣверный Архивъ“ 1822 г., ч. 2 стр. 366.

для составленія историческихъ повѣстей былъ таковъ: взять нѣсколько историческихъ лицъ, одѣть ихъ въ народные костюмы и завязать между ними какую нибудь интригу. Предметами для названныхъ повѣстей, говорилось въ журналѣ, брались паденія и разрушенія замковъ и городовъ; такъ, напримѣръ, Булгаринъ сокрушилъ Венденъ. При описаніи осады было всегда много боеваго стука и грома; вводились при этомъ два любовника, изъ которыхъ одно лицо принадлежало осаждаемому, другое осаждающимъ. Между историческими лицами помѣщалось лицо вымышленное, чудесное, колдунъ, цыганъ или жидъ. Эти жиды были въ большой модѣ и вели свой родъ отъ Шейлока Шекспира и Исаака Вальтеръ-Скотта. Жидъ былъ лицо вездѣсущее, являлся повсюду какъ Deus ex machina, связывалъ и развязывалъ всѣ узлы происшествія. Каждая глава начиналась описаніемъ утра или ночи, или бури. Въ описаніяхъ встрѣчались такіа выраженія: „Полосатый коверъ заріа разостлался по небосклону; звѣзды, лампы ночныя погасли, залетѣло солнце и залило золотомъ землю“; или: „ночь навѣсилась надъ землею своими черными крылами, на которыхъ какъ блестя свѣтились звѣзды“. Вслѣдъ за этимъ въ журналѣ былъ помѣщенъ взглядъ на комическихъ писателей и на произведенія Шаховскаго. Было замѣчено, хотя и ошибочно, что произведенія комическаго писателя не живутъ долго ни на сценѣ, ни въ памяти литературы. Комическій писатель, говорилось далѣе, какъ и журналистъ, живетъ не для вѣчности, а для мгновенія. О произведеніяхъ кн. Шаховскаго было замѣчено, при несомнѣнномъ ихъ достоинствѣ, стихи его часто бываютъ рястануты, что необыкновенныя рѣмы у него скорѣе вытѣсняются изъ стиха, нежели свободно изъ него выливаются; при этомъ встрѣчается многословіе.

Критикой 20-хъ годовъ было отмѣчено стремленіе современныхъ прозаиковъ къ описыванію нравовъ. Описанія, по замѣчанію критики, дѣлались самымъ оригинальнымъ образомъ: переряжая французскаго Жюи въ русскаго, названные прозаики вовсе не кстаті олицетворяли общество С.-Жер-

менскаго предметъ на Невскомъ проспектѣ или въ урочищахъ Москвы бѣлокаменной. Страсть къ описанію нравовъ была такъ сильна, что даже ученые журналы непременно должны были обѣщать статьи о нравахъ, вслѣдствіе чего одинъ изъ ученыхъ журналовъ, въ составъ котораго входили только древности, географія и статистика, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ постоянно говорилъ въ объявленіяхъ объ Адиссоновомъ Зрителѣ и въ каждомъ номерѣ помѣщала какую-нибудь статейку подъ рубрикою: Нравы.

Однимъ изъ критиковъ 20-хъ годовъ былъ высказанъ такой взглядъ на басню, игравшую значительную роль въ литературѣ названнаго времени. Басня, говорилъ критикъ, любопытное и неразгаданное явленіе въ исторіи русской словесности. Ея появленіе совпадаетъ съ началомъ русской поэзіи, и въ ней лучше всего выражается духъ народа. Въ ней одной выражается народная русская поэзія (относительно времени 20-хъ годовъ). Она слышна сердцу, близка чувству и пониманію. Честь баснописцамъ, которые первые подслушали любимыя слова народа и искусно подражали имъ въ текучихъ полныхъ памятныхъ стихахъ ихъ басенъ. По поводу басни историкъ русской словесности „предлежитъ нѣсколько вопросовъ“: перенесенъ ли къ намъ этотъ родъ поэзіи вмѣстѣ съ другими родами изъ Франціи, или онъ проистекаетъ изъ духа народа? Если онъ перенесенъ, то почему преимущественно предъ прочими укоренился у насъ, скорѣе достигъ совершенства и показалъ первый примѣръ національной поэзіи? Почему не комедія, не поэмъ, но именно баснѣ суждено было быть первымъ образцомъ поэзіи собственно русской? Не потому ли, сказано было далѣе, басня такъ согласна съ духомъ нашего народа, что она по силамъ нашему младенческому уму, при образованіи котораго сначала развивается простое понятіе или здравый смыслъ?

Въ одной рецензіи „Московскаго Вѣстника“ былъ проведенъ довольно странный взглядъ на сатиру, который раздѣлялся и многими другими рецензентами. Названная рецензія касается произведенія какого-то Великопольскаго, подъ на-

званіемъ: „Къ Эрасту. Сатиры на игроковъ“. Рецензентъ писалъ: „Ежели авторъ сего сочиненія имѣлъ въ виду одно только желаніе свести вмѣстѣ нѣсколько лицъ изъ самой низкой сферы жизни и составить изъ нихъ довольно отвратительную картину, то, надобно признаться, онъ сдѣлалъ это весьма удачно; жалѣемъ, однакожь, что онъ облекъ сей недостойный предметъ въ форму поэзіи и назвалъ твореніе свое сатирою: міръ поэзіи чуждается подобнаго безобразія, и исправительныя стрѣлы сатиры никогда не коснутся порока во всей его гнустности (авторъ забылъ Ювенала), ибо сей послѣдній, составляя явное противорѣчіе съ чисто-нравственною идеею поэзіи, скорѣе оскорбляетъ духъ поэта, нежели возбуждаетъ оный къ художественному восторгу. Истинный сатирикъ, въ благородномъ порывѣ чувствъ, видитъ въ обществѣ одни только заблужденія и слабости людскія, болѣе или менѣе вредныя, а не злыя; но и тутъ правдивая муза его ограничивается большею частію мѣрами кротости и не употребляетъ другаго орудія, кромѣ орудія тонкой насмѣшки, мѣткой ироніи и остроумія бѣлаго, увлекательнаго *).

Критика 20-хъ годовъ, въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей, была недовольна тѣми лирическими поэтами, которые постоянно пѣли о прошломъ, о быломъ, о непостоянствѣ счастья, о суетахъ сего міра, о прелестяхъ уединенной жизни, о наслажденіяхъ юности. Эти поэты были подражателями Жуковскаго, хотя не имѣли внутреннихъ достоинствъ своего образца. Справедливо порицала она и нѣкоторыхъ эпиковъ, подобныхъ автору „Александриды“ Свѣчину и творцу „Димитрія Донскаго“ Орлову. Въ описаніи битвы въ этихъ поэмахъ встрѣчались такія мѣста:

Сѣкуются.... рѣжутся.... губятся....
 Мертвятся въ злоехидствѣ дѣль.
 Въ крови валется Валуевъ Тимошей.

Иный съ прострѣленной стопою,
 Иный съ разсѣченной главою,
 Иный съ разрубленнымъ лицемъ;

*) „Московскій Вѣстникъ“, 1828 г., ч. 7, стр. 478.

Иный проволоть—слабнуть силы;
 Иному смерть прервала жилы;
 Инаго—растерзала всёмя!
 Иному стегно раздвоила,
 Иному ринулась въ гортань,
 Иному мышцы раздробила,
 Иному сокрушила длань,
 Инаго раздрала утробу,
 Инаго въ грудь вонзила злобу,
 Инаго въ рамена впилаась,
 Иной—въ составахъ изможденныхъ,
 Иной—во членахъ потребленныхъ....
 О, кровь несмѣтна пролилась!

Нѣкоторые критики не очень одобрительно отзывались о страсти къ составленію альманаховъ, которые въ 20-хъ годахъ выходили десятками. По поводу ихъ одинъ рецензентъ писалъ: „Къ сожалѣнію, изданія сего рода составляютъ существенное занятіе литераторовъ, даже извѣстныхъ, которые цѣлый годъ нигдѣ не печатая своихъ произведеній, копятъ, копятъ, собираютъ, и въ 365 дней, разродившись тремя піесками, подарятъ публику набранной книжечкой и потомъ снова засыпаютъ на годъ на поддѣльныхъ лаврахъ альманашной славы, въ упоеніи сладкаго бездѣйствія—до новыхъ альманаховъ. Сія изданія переняли мы у иностранцевъ, но съ тою разницею, что сія послѣдніе смотрятъ на нихъ какъ на роскошь литературную, а мы какъ на важную часть словесности“. Въ другомъ мѣстѣ альманахи были уподоблены цвѣтникамъ изъ сорванныхъ цвѣтовъ, которые безъ корней натыканы играющими дѣтьми въ правильныя рядки. Дѣти сажаютъ ихъ, дѣти и любятъ; но цвѣтники скоро завянутъ, чего не предвидятъ малютки, забывшись въ своихъ невинныхъ играхъ.

Среди жалобъ критики 20-хъ годовъ, жалобъ часто совершенно справедливыхъ, встрѣчается жалоба на неумѣнье публики цѣнить переводы классическихъ писателей, особенно древнихъ. Между послѣдними особенно замѣчательнъ для своего времени былъ переводъ Мартынова, задумавшаго перевести на русскій языкъ всѣхъ греческихъ классиковъ отъ

Гомера до Демосфена. Но публика не обратила на него должного вниманія, какъ и на многое другое, достойное вниманія. Опечаленный Мартыновъ по этому поводу писалъ: „Бъ крайнему моему сожалѣнiю, донинѣ подписалось на мое изданіе только 30 мѣстъ и особъ, для обезпеченія же меня въ издержкахъ по сему предмету нужно подписчиковъ не менѣе 200. Въ другихъ государствахъ въ такихъ случаяхъ дѣлаются несравненно значительнѣйшія поддержанія. Въ Англіи на подобныя изданія подписчиковъ бываетъ до ста тысячъ. Отъ чего же у насъ происходитъ такая разность, почти невозможная? Въ публикѣ ли должно искать тому причинъ или въ самихъ издателяхъ—распространяться здѣсь не мѣсто*).

Сѣтовала критика и на французское вліяніе въ литературѣ. „Во всемъ еще замѣтно вліяніе галловъ на нашу словесность, писалъ одинъ рецензентъ, вліяніе, котораго слѣды столь же долго на насъ останутся, сколь долго видно было клеймо монгольскаго владычества на челѣ освобожденной Россіи.“ Другимъ вліяющимъ началомъ былъ романтизмъ. По замѣчанію одного рецензента „Московского Вѣстника“, онъ былъ причиною жестокой войны въ области литературы: сотни изломанныхъ перьевъ, потоки розлитыхъ чернилъ, изодранные листы журналовъ, наполненные критиками и антикритиками по сему поводу, служили остатками ученой битвы. Въ концѣ 20-хъ годовъ произошло замиреніе. Романтизмъ отказался отъ сладкихъ вздыханій, отъ чудовищныхъ привидѣній. Внимательное наблюденіе отличило подлинное отъ ложнаго, очищенный вкусъ рѣзко отдѣлилъ ничтожныхъ самозванцевъ отъ законнаго властителя, и благодѣтельное спокойствіе „подъ щитомъ генія времени провело его въ храмъ изящнаго“.

Обращаясь къ духовной литературѣ, критика также выражала иногда свое недовольство. Указывалось на отсутствіе полной русской церковной исторіи, на отсутствіе со-

*) „Сѣверный Архивъ“, 1822 г., ч. 4, стр. 173.

чиненія, въ которомъ въ ясномъ свѣтѣ было бы представлено введеніе христіанской вѣры въ Россіи, были бы подробно описаны всѣ древніе и новыя расколы и опредѣлены: степень вліянія духовенства на прочія сословія въ продолженіе всего нашего существованія, его участіе въ общей нашей исторіи, услуги, какія оно сдѣлало. Указывалось на отсутствіе описанія праздниковъ въ историческомъ и другихъ отношеніяхъ и на отсутствіе переводовъ твореній св. отцовъ и учителей церкви. Въ результатѣ выходило, что духовная литература въ 20-хъ годахъ была у насъ бѣднѣе всѣхъ другихъ бѣдныхъ отраслей литературы.

Критика 20-хъ годовъ, естественнымъ образомъ, касалась и сценическаго искусства. И поэтому поводу ею высказывались мнѣнія иногда очень вѣрныя, иногда же очень своеобразныя и странныя. Въ этой области также очень часто раздавались жалобы на равнодушіе публики, и преимущественно высшаго ея круга, къ отечественному театру. Эта высшая публика мало посѣщала послѣдній, и потому была мало съ нимъ знакома. Рецензенты замѣчали, что большинство публики, совсѣмъ не понимало различія между даровитыми артистами и живою сценическою мебелью. Такъ, большинствомъ совсѣмъ не оцѣненъ былъ талантъ Щепкина. Въ его игрѣ цѣнили только смѣшныя мѣста. Не понимали, что онъ былъ творецъ характеровъ въ своихъ роляхъ, не понимали, что и молча онъ многое передавалъ игрой своего лица. Въ 20-хъ годахъ существовалъ артистъ, нѣкто Колпаковъ, который очень смѣшно выговаривалъ *одно* слово, и вотъ говорили, что въ своей роли онъ былъ лучше Щепкина. Только немногіе, истинные цѣнители, выражали мнѣніе, что Щепкинъ—истинный артистъ, который цѣлыя ночи проводитъ за изученіемъ своей роли, стараясь создать тотъ или другой характеръ. „Пріѣзжай бульварный фарсеръ изъ Парижа, писалъ одинъ рецензентъ,—тогда прощай Щепкинъ: бонъ-тонъ нашъ на него и не взглянешъ. Хорошо, что нашъ артистъ объ этомъ и не заботится, и что благородное стремленіе къ возможному совершенству никогда его не оставляетъ; но

сколько дарованій и начитаній благонадежныхъ молодыхъ людей погвбли единственно оттого, что не были замѣчены и отличены публикой; и такъ, кто виновать, что таланты наши останавливаются обвиновенно на первыхъ ступеняхъ искусства? „Даже присяжные рецензенты не всегда только судили объ игрѣ Щепкина. Такъ, относительно замѣчательно искусной его игры въ „Свадьбѣ Транжирина“ одинъ рецензентъ писалъ: „Артистъ сей былъ, кажется, не на своемъ мѣстѣ... Жесты, движенія, мимика г. Щепкина были не Транжиринскія; у насъ въ сей роли неподражаемъ г. Бобровъ“ *).

20-е годы были временемъ молодыхъ силъ Каратыгина и Мочалова. Между рецензентами названнаго времени были лица, хорошо понимавшія разницу въ игрѣ двухъ главныхъ представителей столичныхъ сценъ. Одинъ изъ нихъ писалъ: „Удивительно, какъ скоро зрители привыкають къ методѣ или особенному способу выраженія актера даже неприятному для слуха, если актеръ одушевляетъ игру свою талантомъ и вѣрностію чувствъ. Кто никогда не слыживалъ Каратыгина, для того чтеніе его до того покажется страннымъ, что можно въ театра уйти; но кто выдержитъ первыя минуты, тотъ не уйдетъ уже и цѣлыя часы. Живо чувствую теперъ, какъ долженъ былъ не понравиться петербургской публикѣ нашъ московскій Мочаловъ, который въ трагедіяхъ, въ стихахъ, не только не поеть, не декламируетъ, но даже не читаетъ, а говоритъ. Зрителямъ, привыкнущимъ къ величественной, стройной (хотя слишкомъ тонкой) фигурѣ Каратыгина, къ важнымъ, благороднымъ его движеніямъ, къ его громозвучному органу, къ его пышной декламаци, къ его напѣву,—подъ сею формою только признававшимъ царя на сценѣ,—чѣмъ долженъ былъ показаться Мочаловъ: человекъ средняго роста, безъ искусства держать себя хорошо на сценѣ, съ дурными привычками, съ небольшимъ голосомъ и *говорящій, какъ и ест моды?*.. Но какъ не

*) „Сѣверная Пчела“ 1828 г., № 65.

измѣримо разстояніе между трудностями сихъ методъ! Какъ легко съ хорошими средствами декламировать, и какъ трудны, опасны и высоки красоты игры простой, истинной; надобно прибавить, что во многихъ трагедіяхъ она невозможна; но всему есть мѣра. Каратыгинъ сотворенъ для первыхъ ролей героевъ, царей; Мочаловъ—для первыхъ ролей любовниковъ и молодыхъ царей. Перехода изъ одного ампула въ другое, оба равно неудовлетворительны; но съ Каратыгинимъ случается это очень рѣдко, съ Мочаловымъ очень часто: впрочемъ, это не его вина. Каждый для своихъ ролей имѣетъ прекрасныя средства; но органъ Каратыгина не ломокъ, не пріятенъ, голосъ Мочалова не сильный, но прелестный, обольстительный во всѣхъ измѣненіяхъ; черты лица его прекрасны и благородны; чувствительность, любовь, восторгъ выражаетъ онъ лучше Каратыгина; но зато чувства ужаса, отчаяніе несравненно сильнѣе изображаются на-лицѣ послѣдняго. Декламація Каратыгина, всегда равно сильная и вѣрная, заставляетъ забывать его методическій напѣвъ; чтеніе (или лучше разговоръ) Мочалова—совершенство... Каратыгинъ благороденъ на сценѣ; выдерживаетъ ровно весь характеръ; его движенія красивы, приличны лицу, имъ представляемому; положенія картинны, даже до излишества. Мочаловъ держитъ себя дурно; несчастныя привычки не оставляютъ, его ни въ царяхъ, ни въ знатныхъ баричахъ, ни во фракѣ, ни въ мундирѣ: вездѣ одна неловкая походка, одни непріятныя тѣлодвиженія; цѣльность характеровъ не всегда выдерживаетъ; всегда играетъ роли неровно; но часто имѣетъ такія минуты, такія превосходныя мѣста, которыя доходятъ прямо до сердца, въ восторгъ приводя зрителя, чего Каратыгинъ въ своей игрѣ не имѣетъ и едва ли достигнуть можетъ. Каратыгинъ владѣетъ собою при выраженіи сильнѣйшихъ страстей: это важное условіе въ искусствѣ. Онъ можетъ быть иногда сильнѣе, иногда слабѣе, но никогда не сыграетъ дурно. За Мочалова никто, ни онъ самъ, не можетъ поручиться въ томъ, что онъ сыграетъ хорошо... Это золото, еще въ горнилѣ неочищенное; алмазъ

въ корѣ, еще не ограниченный; но ничто лучше не доказываетъ самобытности его таланта, какъ смѣлое введеніе простаго разговора на сценѣ и упорное его продолженіе. Сей путь никто не указалъ ему; онъ избралъ его по внутреннему убѣжденію. Какія трудности, неприятели, препятствія надо было преодолѣть сначала! Теперь уже и многіе переѣнили свое мнѣніе, а со временемъ и всѣ въ этомъ согласятся; но въ труднѣйшемъ изыщномъ искусствѣ предугадать свой вѣкъ и смѣло побороть его предразсудки есть подвигъ великій. И такъ, вотъ результатъ мой: талантомъ Мочаловъ выше Каратыгина; какъ актеръ, послѣдній несравненно выше Мочалова. Чего не дано природою, того никакими трудами приобрѣсти нельзя. Искусство приобрѣсть можно* *). Сколько наблюдательнаго и вѣрнаго въ приведенныхъ словахъ! Они дѣлаютъ честь рецензенту, судившему такъ во время торжества декламации надъ истиннымъ чувствомъ. Тоже самое объ игрѣ Каратыгина и Мочалова высказывалъ впоследствии Бѣлинскій. — Изъ другихъ артистовъ театральная критика разсыпала много похвалъ Живокини, Рязанцеву, Брянскому, Соснецкому, Каратыгиной, Семеновой. — Преобладающимъ элементомъ въ драматическихъ произведеніяхъ въ 20-хъ годахъ были чувствительность и таинственность. Большимъ вниманіемъ публики пользовались въ это время оперы и балеты.

Критика 20-хъ годовъ даетъ много интересныхъ данныхъ относительно театальныхъ костюмовъ своего времени. Оказывается, что при костюмировкѣ очень мало обращалось вниманія на требованія времени. Дмитрій Донской являлся вооруженнымъ римскимъ мечемъ, Антигона въ русской фатѣ, Отелло—въ полусапожкахъ, Аменанда—съ бриллиантовой гребенкой. Своеволіе въ нарядахъ комическихъ лицъ было не менѣе разительное. Женихъ являлся въ французскомъ кафтанѣ, напудренномъ, со шпагою, а невѣста—одѣтой по послѣдней книжкѣ «Дамскаго Журнала». Въ „Бригадирѣ“ всѣ

*) „Московскій Вѣстникъ“ 1828 г., ч. 1, 2, стр. 150—153.

женщины, исключая бригадирши, были одѣты въ платья послѣдняго времени, мужчины въ кафтаны 1770 года, а смѣнь бригадира въ новомодный фракъ и напудрѣнь. Существовали привилегированные костюмы. Подъячїе, приказные являлись непременно въ короткихъ оборванныхъ кафтанахъ, въ треугольныхъ шляпахъ; необходимою принадлежностью считались рукавицы, муфта, шпага, тавлінка. Жиды, какіе бы ни были, были всегда одѣты въ платье польскихъ жидовъ. Этотъ упрекъ особенно былъ приложимъ къ московской сценѣ.

Большія похвалы расточались балетмейстеру Дидло. Его называли знаменитымъ художникомъ, который въ своихъ произведенїяхъ обнялъ міръ видимый и воображаемый, исторїю и мѣологію, рыцарскіе романы и восточныя сказки. Но и у него критика находила анахронизмы. Въ „Альцестѣ“ мѣологія грековъ была смѣшана съ понятїями нашего времени, такъ какъ въ древнемъ тартарѣ фигурировали черти, а фурїи были одѣты въ платье новаго покроя.

Изъ другихъ искусствъ большее вниманіе обращала на себя живопись. Критика касалась произведенїй Кипренскаго, Щедрина, Егорова, Воробьева и другихъ. Мнѣнія о нихъ часто очень далеко расходились между собою. Высказано было много вѣрнаго, но попадались и мнѣнія, отличавшіяся большою странностію. Какъ на образецъ разнорѣчїа, укажемъ на мнѣнія о Кипренскомъ. „Сѣверная Пчела“ ставила его произведенїя на ряду съ произведенїями Вандика и предпочитала его колоритъ колориту Рубенса. Съ высокой похвалою критика этой газеты говорила о блескѣ изображаемыхъ имъ эпозетъ и шитья, искусствѣ изображенїя подкладки у шинелей, отдѣлкѣ воротниковъ, блескѣ налощенаго пола. Иначе посмотрѣлъ на Кипренскаго одинъ изъ рецензентовъ „Московского вѣстника“. По этому отзыву, первыя произведенїя Кипренскаго „Возвѣстили въ немъ зарю великаго таланта“. Портреты, писанные имъ до путешествїя въ Италїю, прекрасны: кисть была широка, смѣла и мягка, колоритъ силенъ. Затѣмъ художникъ увлекся же-

ланиемъ отличить себя чѣмъ нибудь новымъ, оригинальнымъ. Находясь въ Италіи, художникъ думалъ превзойти всѣхъ ея великихъ гениевъ, соединивши въ себѣ всѣ превосходное, разсѣянное въ ихъ твореніяхъ, сосредоточивъ въ себѣ всѣ школы и системы живописи. Съ негодованіемъ бросилъ онъ свою первую прекрасную методу, которая заставляла любить его произведенія. Пребываніе въ Италіи было вредно для Кипренскаго. За мучительною борьбою послѣдовало утомленіе, и художникъ сталъ жить болѣе въ прошедшемъ, нежели въ настоящемъ. Кисть стала суха, колоритъ сдѣлался рѣзокъ, пестръ и сталъ сильно впадать въ фіолетовый цвѣтъ. Такая же разница существовала и во взглядахъ на другихъ замѣчательныхъ представителей современной живописи, напримѣръ, Воробьева. Такъ, его Асфальтовое озеро одинъ критикъ провозносилъ до небесъ, другой ставилъ очень невысоко, замѣчая въ картинѣ тяжелыя, грубыя краски. Пейзажиста Щедрина нѣкоторые критики ставили на ряду съ первѣйшими художниками своего времени. Высоко также ставились произведенія Егорова. вмѣстѣ съ этимъ раздавались жалобы на бѣдность исторической живописи, причину которой нѣкоторые видѣли въ равнодушіи публики къ этому роду живописи. Изъ отрывковъ критики о живописи видно, что публика любила посѣщать художественныя выставки. Толпы зрителей всѣхъ классовъ и сословій тѣснились въ залахъ Академіи. Вездѣ, въ танцахъ, за вистомъ или мушкою, между занимательными преніями о пиковой дамѣ и бубновомъ тузѣ, въ разговорахъ о старшинствѣ и производствѣ, рязили или судили о выставкѣ, кто съ толкомъ, кто безъ толку. Изъ отзывовъ же критики мы узнаемъ, что выставки посѣщались большею частію вслѣдствіе подчиненія модѣ. Въ картинахъ замѣчали мелочи или предметы посторонніе, и весьма немногіе искали въ картинѣ мысли и души.

Въ критическихъ разборахъ 20-хъ годовъ высказывался иногда взглядъ на читателей, на современное общество. Мы уже часто встрѣчали жалобы журналистики на равнодушіе

публики къ интересамъ науки и литературы. Эти жалобы проходятъ чрезъ всю журналистику 20-хъ годовъ. Даже люди не особенно требовательные сѣтовали на равнодушіе общества къ интересамъ серьезной литературы. Такъ, Булгаринъ въ своемъ Архивѣ жаловался такимъ образомъ: „У насъ можно насчитать множество просвѣщенныхъ и даже ученыхъ людей, но въ сравненіи съ ними весьма мало хорошихъ авторовъ, а еще менѣе хорошихъ сочиненій. Сіе происходитъ отъ того, что въ Россіи просвѣщенный классъ людей думаетъ, говорить и читаетъ на иностранныхъ языкахъ; прелестный полъ пренебрегаетъ отечественнымъ словомъ; русская книга или журналъ не смѣютъ показаться въ позлащенныхъ шкафахъ свѣтскаго человѣка: и сіе-то убійственное хладнокровіе къ отечественнымъ произведеніямъ погашаетъ благородный пламень возникающаго дарованія и удерживаетъ его въ какой-то онѣмѣлости, вредной для успѣховъ литературы. Ирѣдка встрѣчаются примѣры, что нѣкоторые необыкновенные литераторы, заслуживъ славу, успѣли приобрести извѣстность въ Россіи. Но и въ семъ случаѣ какимъ нибудь благопріятнымъ обстоятельствамъ надлежало прежде вывести сихъ людей на путь счастія или отличить другимъ родомъ знаменитости, чтобы во всемъ блескѣ выказать ихъ достоинства. Если бы, напротивъ того, люди высшаго сословія читали на отечественномъ языкѣ или, по крайней мѣрѣ, покупали русскія книги, то безъ всякаго сомнѣнія и число хорошихъ писателей увеличилось бы по мѣрѣ вниманія къ нимъ соотечественниковъ. Сіе поощреніе произведетъ не менѣе важную пользу: дешевость русскихъ книгъ, ибо авторы не будутъ тогда налагать подати на малое число любителей и покупателей, чтобы заплатить свои типографскія издержки... И такъ, повторяю, что одно средство привести литературу въ цвѣтущее состояніе есть чтеніе и покупка русскихъ книгъ людьми просвѣщенными и достаточными. Все вышесказанное мною относится къ людямъ читающимъ что нибудь, хотя на иностранныхъ языкахъ. Но что же сказать о тѣхъ, которые вовсе ничего не читаютъ, за *недосугомъ* или

потому, что не имѣютъ охоты къ чтенію? Самымъ благо-
разумнымъ дѣломъ я полагаю вовсе умолчать объ нихъ: ex
nihil nihil est* *).

Мы уже говорили о нѣкоторыхъ критикахъ 20-хъ годовъ.
Прибавимъ къ нимъ еще Марлинскаго. Много критическихъ
его статей помѣщено было въ „Синѣ Отечества“. Онѣ от-
личались вѣрнымъ взглядомъ, остроуміемъ и живостью. Въ
своихъ годовыхъ обзорѣніяхъ литературы Марлинскій вездѣ
обнаруживалъ эстетическое чувство и вкусъ человѣка умнаго
и образованнаго. Его статьи замѣчательны были и по языку,
полному выразительности и живописнымъ, смѣлымъ оборо-
тамъ. Онъ вѣрно судилъ о значеніи произведеній Державина,
Жуковского, Пушкина и искусно полемизировалъ съ
противниками романтизма. Когда появился „Московскій Те-
леграфъ“ Полеваго, онъ встрѣтилъ его слѣдующими замѣча-
тельными словами: „Въ Москвѣ явился двухнедѣльный жур-
наль „Телеграфъ“, изд. Полевымъ. Онъ заключаетъ въ себѣ
все, извѣщаетъ и судитъ обо всемъ, начиная отъ безконечно-
малыхъ въ математикѣ до плѣтушнихъ гребешковъ въ соусѣ
или до бантиковъ на новомодныхъ башмачкахъ. Неровный
слогъ, самоувѣренность въ сужденіяхъ, рѣзкій тонъ въ при-
говорахъ, вездѣ охота учить и частое пристрастіе — вотъ
знаки сего телеграфа, а „смѣлымъ Богъ владѣеть“ — его
девизъ“.

Изъ сдѣланнаго обзорѣнія критики 20-хъ годовъ уже ви-
дны нѣкоторыя ея слабыя стороны. Въ руководящемъ на-
чалѣ, принципѣ, ей нельзя отказать, но это начало у раз-
личныхъ ея представителей носило чрезвычайно разнообраз-
ный характеръ. Одни изъ нихъ въ основу клали художест-
венное начало, другіе—нравственное, третьи—національное,
патріотическое, четвертые—стилистическое, пятые—начало
кумовства и табели о рангахъ, шестые,—такъ сказать, кар-
манное, коммерческое начало и т. д. Одни хвалили класси-
цизмъ, другіе—романтизмъ, однихъ плѣняли старыя русскіе

*) „Сѣверный Архивъ“ 1823 г., ч. 5, стр. 377—380.

Редакція **„ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ“**
(С.-Петербургъ, Больш. Садовая, д. 121, кв. 12).

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Очерки древне-римской жизни. *Т. Симонса*
9 г. Ц. 1 руб. 20 к.

Ното sum, романъ *Эберса.* Спб., 1878 г. Цѣна 1 р.
коп.

Россія и Турція отъ возникновенія политиче-
хъ между ними отношеній до Лондонскаго трактата
почительно). Истор. очеркъ *Д. Бухарова.* Спб. 1880
г. Ц. 1 р. 20 к.

Московское княжество въ I половинѣ XIV в.
историческій этюдъ *П. Полежаева.* Спб. 1878 г. Цѣна
руб.

Рыцарь или Дама Истор. повѣсть *Самарова,*
8 г. Ц. 1 руб.

Экономическій бытъ крест. населенія передъ
постп. правомъ и колонизація юго-восточныхъ степей
Сokolовскаго 1878 г. Ц. 1 руб. 70 коп.

Изданія эти продаются и во всѣхъ извѣ-
стныхъ книжныхъ магазинахъ въ С.-Петер-
бургѣ.

Выписывающіе прямо изъ Редакціи за пересылку не
лагаютъ.

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

въ 1880 г.

БУДЕТЬ ВЫХОДИТЬ ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ И ВЪ
ТѢЖЕ СРОКИ.

Цѣна годовому издавію 6 руб. 50 коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ редакцію журнала (Больш. Садовая домъ 121 кв. 12) и въ книжномъ магазинѣ. Я. Исакова, Невскій просп. Гостиный дворъ № 24.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться: въ Петербургѣ въ редакцію журнала „Историческая Библиотека“ (Больш. Садовая домъ 121, кв. 12).

1. Редакція отвѣчаетъ за доставку журнала подписавшимся только въ мѣстахъ, означенныхъ въ объявленіи.

2. Редакція проситъ гг. подписчиковъ точно обозначать свое имя, отчество и фамилію, а также и то почтовое учрежденіе, куда долженъ быть журналъ адресованъ. иначе редакція не отвѣчаетъ за правильную доставку.

3. Подписчики желающіе переимѣнить адресъ, благоволятъ своевременно увѣдомить о новомъ мѣстѣ жительства, съ обозначеніемъ прежняго, при чемъ за всякую переимѣну уплачивается 50 коп.

4. Желающіе доставить свои произведенія въ Редакцію должны обозначать свой адресъ и подробныя условія, безъ обозначенія послѣднихъ, редакція не будетъ считать себя обязанною входить съ авторомъ въ какилибо расчеты.

Редакторъ-издатель П. В. Полемаевъ.

3 2044 022 551 576

A FINE IS INCURRED IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

OCT 12 1974
46 2461
OCT 13 1974

